

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

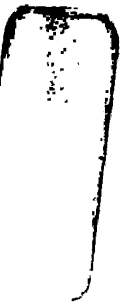
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 2044 022 604 854

PSlav 665.5

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

XI.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

ЖУРНАЛЪ

СЛОВЕСНОСТИ, ИСТОРИИ И ПОЛИТИКИ.

ВТОРОЕ ДВАДЦАТИЧЕТЫРЕТНЕ.

Verba animi proferre et vitam impendere vero.
JUVENAL, IV.

ТОМЪ ОДИННАЦАТЫЙ.

РЕДАКТОРЪ НИКОЛАЙ ГРЕЧЪ.

ИЗДАНИЕ

книгопродавца *Александра Смирдина.*

—♦—
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ АЛЕКСАНДРА СМИРДИНА.

1859.

Digitized by Google

101

PSlav 665.5 (1839, No. 11)

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Ко-
митетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 1839 года,
Октября 25 дня.

Ценсоръ П. Корсаковъ.

Ценсоръ А. Крыловъ.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

Г.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ДРАМАТИЧЕСКАГО ПРЕДСТАВЛЕНІЯ

ЕЛЕНА ГЛИНСКАЯ.

(ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ, ЯВЛЕНІЕ VIII).

*Великолѣпная зала въ Кремлевскихъ чертогахъ. ЕЛЕНА и
Князь В. ШУЙСКІЙ.*

ШУЙСКІЙ.

Великая Княгиня! все гошово —
Мы своего вельнѣя ждемъ.

ЕЛЕНА

Всѣши Пословъ и Шихалея. Здѣсь ли Оболенскій?

ШУЙСКИЙ.

Онъ въ Золошой Палатѣ.

(Уходитъ).

ЕЛЕНА *(одна).*

Нѣтъ! величіе и власть
Вы счастья не даете! Смушы и крамолы,
Заботы шяжкія мнѣ осправляютъ жизнь...
Жѣнокое ли дѣло править государствомъ?

Жизни, счастья сердце просить,
И любви, любви... Суровый, спарый мужъ,

Счастья я съ шобой не знала

И любви не знала я!...

А шеперь, когда и день и ночь одно мечшанье,

Дума шолько объ одномъ —

Могу ли думашь о зашѣяхъ Крымцовъ,

О покореніи Казани, спаромъ Сигизмундъ?

Ахъ! еслибъ я могла, хошь въ хижинѣ убогой.

Съ *мнѣ* позабышья въ счастья и любви,

Хошь на минушу, на мгновенье...

(Звуки трубъ).

Ахъ!.. они идушъ!...

Пришворимся — будемъ горды, непришупны.

Сильному легко казашья мудрымъ,

И Еленѣ шанушъ удивляшья,

Говоришь о мудросши Елены — Ольгъ,

Пульхеріи, Иринѣ уподобяшъ...

А Елена мудрая...

(Горько улыбался).

Когда бъ умѣли люди,

Сквозь царскую одежду, въ сердце заглянушъ...

Князь Шуйскій, Князь Овдеевскій, Бояре, вомы,
Посоль Польскій, Посоль Крымскій, Елена на
княжескомъ тронѣ. Окрестъ ея свита; царедворцы
становятся около трона.

ШУЙСКІЙ.

Великая Княгиня! Хана Крымскаго Посоль
Тебѣ челомъ бьешъ ошъ Орды и Хана.

КРЫМСК. ПОСОЛЬ.

Ханъ Исламъ-Гирей, владѣишель мой великій,
Опора Музульманъ, звезда Воспока,
Привѣшь шебъ и дружбу изъявляешъ,
Княгиня Русская, доколѣ миръ едѣишь.

ЕЛЕНА.

Благодарю его. Скажи, зачѣмъ шь присламъ?

КРЫМСК. ПОСОЛЬ.

Ты граматы чинала.

ЕЛЕНА.

И отвѣшь

Ты слышаль ошъ Бояръ.

КРЫМСК. ПОСОЛЬ.

Позволь мнѣ слово,

Великая Княгиня: недоволенъ Ханъ
Твоимъ самоуправствомъ. Ты совѣшовъ злыхъ
Послушалась и дружбу разрушаешь.

ЕЛЕНА.

Совѣшовъ я не слушаю ни чьихъ,
Сама я правлю Русскою землею.
Что шьвой хочешъ Ханъ?

КРЫМСК. ПОСОЛЪ.

Осшавъ Казань.

Тамъ царшвуешъ Сафа-Гирей великій.
Онъ другъ Исламу, грозенъ и могучъ.

ВЛЕНА.

Давно ли спалъ у васъ великимъ онъ,
Присяжникъ вѣроломный, рабъ мой...

КРЫМСК. ПОСОЛЪ.

Но шакія рѣчи
Къ дружбѣ не ведушь!

ВЛЕНА.

Не нарушаю дружбы,
Но Ханъ въ Казань всшупаешся напрасно.
Сафа-Гирею шамъ не бышь — Я шакъ хочю!

КРЫМСК. ПОСОЛЪ.

Сшрашишь же силы Крымской: съ будущей весной,
Полки несмѣшныя мы въ поле поведемъ;
Какъ рой пчелиный, мы швою покроемъ землю.
Ты будешь Богу ошвѣчашъ за кровь и слезы.
Ошколъ гордосшь въ васъ? — Осшавъ Казань
И дань плаши Исламу!

ВЛЕНА.

Ты, Мурза, ошбися:
Не дань — подарки, шы хошѣлъ сказашъ —
Подарки вамъ гошовы, если Ханъ
Высокомѣрие смиришь — подарки будупъ...

КРЫМСК. ПОСОЛЪ.

Дань!
Онъ дани шребуешъ, какую швой супругъ
Плашмалъ!

ВЛЕНА.

Такъ, нѣшъ же вамъ, ни дани, ни подарковъ!
Иди, скажи Исламу Хану: съ будущей весной
Мы встрѣшишь васъ гошовой, а зимой
Немедленно изгонимъ изъ Казани
Раба, пресдупника Сафа-Гирея!

КРЫМСК. ПОСОЛЪ.

Хороши посулы!

Да, какъ-шо вамъ придется ихъ исполнишь...

КНЯЗЬ ОВОЛЕНСКІЙ.

Сшой, Ташаринъ!

Ты смѣешь говоришь споль дерзко — вѣдай,
Что если ты еще лишь слово скажешь,
То, вмѣсто Крыма, будешь ты въ шюръмъ!

КРЫМСК. ПОСОЛЪ.

Я Хана рѣчи говорю!

КНЯЗЬ ОВОЛЕНСКІЙ.

А даль ли Ханъ швой
Дѣь головы шебъ въ дорогу — на запасъ одну?

КРЫМСК. ПОСОЛЪ.

Вамъ не видашь Казани!

КНЯЗЬ ОВОЛЕНСКІЙ.

Мы ее видали —

(Указывая на свой мечъ)

Ошъ эшого меча она смирялась,
И самъ я спѣны зажигаъ Казани вашей,
И Алегама, жалкаго Казанскаго Царя,
У ногъ Князей Великихъ зрѣли мы,
Во прахъ челомъ склоненнаго!

КРЫМСК. ПОСОЛЪ (удерживая ярость).

Великъ Аллахъ! Война,
Война васъ образумитъ! Изъ Казани, Крыма
Подвигнуся на вашу Русь полки!

ЕЛЕНА.

Войны я вашей не боюсь.

(Шуфскому)

Раба и нашего слугу — Царя Казани!

Внеси сюда

КРЫМСК. ПОСОЛЪ.

Цари Казани!

ЕЛЕНА.

Шихалею мы даемъ Казань.

(Вводятъ Шихалея. Онъ падаетъ передъ Еленою
на колѣни).

КРЫМСК. ПОСОЛЪ.

О, спыдь! передъ гяуромъ на колѣняхъ!

ШИХАЛЕЙ.

Рабъ швой и слуга
Прахъ ногъ швоихъ цѣлуешъ и помилованья просишь!

ЕЛЕНА.

Вспань, Царь Казанскій — всѣ швои вины
Мы ошпускаемъ — мы себя прощаемъ.

ШИХАЛЕЙ.

Песъ нечисмый,
Источникъ кляшвы возмупившій языкомъ,
Я въроломъ былъ, я былъ предашь —

Разбойникъ, душегубецъ — но прими здѣсь кляпву,
 Великая Княгиня: если я опшытъ
 Хошь мысль прешупную помыслию — нушь прогда
 Кускомъ я первымъ подавлюсь, и первымъ словомъ
 Прокляшье изреку себѣ, ошцу и дѣшямъ!
 Чшо повелишь шы мнѣ?

ЕЛЕНА.

Тебѣ дамъ мы войско.
 Шо тысячь шы къ Казани поведешъ,
 Изгонишь злобнаго раба Сафа-Гирея,
 Ты въ кандалахъ его въ Москву велишь влачишь
 И сядешъ на его прешоль.

ШИХАЛЕЙ.

Я иду,
 Но мой прешоль у ногъ швоихъ я спашю:
 Пусшь будешъ онъ спупенькой, по кошорой,
 Къ побѣдѣ надъ врагами спушишь шы —
 Я врагъ швоимъ врагамъ, я рабъ швой и слуга!

КРЫМСК. ПОСОЛЬ.

Хошь не при мнѣ безславъ себя — не Царь,
 Рабъ, и не сынъ царей — слуга Царей Московскихъ!
 (Елень).

Довольно — шоржешшуй, Гнягима, но спрашисъ:
 И безъ Казани мы найдемъ довольно силы;
 Мы съ Польшею въ союзъ спрашимъ будемъ!

ЕЛЕНА (Польскому Послу).

Такъ швой Король въ союзъ съ Крымскимъ Ханомъ?
 Ты не о шомъ ли присланъ возвѣспишь?

ПОЛЬСКІЙ ПОСОЛЬ.

Мой Государъ шобою оскорбленъ —
 Ошъ шщешно предлагалъ шебѣ и миръ и дружбу.

ВЛЕНА.

Мы ихъ приняшь гошovy, но смѣшны
 Условія, какія Сигизмундъ.
 Намъ смѣешь предлагашь: опдашь Смоленскъ,
 Прислашь Пословъ бѣ нему для договора . . .
 Когда бывало, чшобы Русскіе послы
 Къ вамъ въ Польшу вѣздили? А городъ нашъ Смоленскъ,
 Съ чего вамъ шребовашь? Онъ нашъ издревле,
 Онъ намъ побѣдой возвращень.

ПОЛ. ПОСОЛЪ (*хладнокровно*).

Еще одно условье

Ты позабыла: мой Король велѣлъ
 Мнѣ бѣглецовъ пошребовашъ Липовскихъ.

ВЛЕНА.

У насъ ихъ нѣшь: не бѣглецы, а вольные Князья
 Къ намъ въ службу переходяшъ. Вашъ Король
 Имъ запрешить не можешь и не смѣешь перехода.

ПОЛ. ПОСОЛЪ.

Пресшупники — не вольные Князья къ вамъ убѣжали,
 И мы ихъ шребуемъ на судъ и казнъ!

ВЛЕНА.

Намъ менуи ихъ — кшо они?

ПОЛ. ПОСОЛЪ.

Два брата Глинскихъ,
 Ихъ дѣши, дочери . . .

ВЛЕНА (*вспыхнувъ*).

Ты смѣешь машъ власшншела Москвы
 Ты позабылся, дерзкій!

Багрянкой изъ Липвы назвашь, и Глинскихъ
Родъ славный порицашь измѣной. . .

(Спокойно)

Но Московскій Князь

Опвѣтъ вамъ дастъ. Благодаря судьбу,
Что званіе Поела въ шебъ онъ уважаетъ,
Что швой языкъ калеными щипцами
Не повелилъ онъ вышянушь въ запылокъ!

ПОЛ. ПОСОЛЪ.

Нельзя ли показашь Великаго мнѣ Князя,
Кошорый смѣло шакъ дерзаетъ говорить
Съ великимъ Сигизмундомъ? Видѣлъ я младенца
Какого-шо, и вокругъ него я видѣлъ
Мяшежный сонмъ Бояръ. . . Еще я видѣлъ. . .

ЕЛЕНА (подымаясь).

Еще одно лишь слово. . .

ПОЛ. ПОСОЛЪ.

Вошь оно, Елена...

ЕЛЕНА.

Ты смѣешь. . .

ПОЛ. ПОСОЛЪ

Подданная Сигизмунда...

ЕЛЕНА.

Подданная эша

Сшо шысячь за себя опвѣщчиковъ поставишь! . . .

ПОЛ. ПОСОЛЪ (насмѣшливо).

Поберегише силы: на Казань шпо шысячь,
На Крымъ шпо шысячь, прошивъ Польши шпо. . .

ВЛЕНА (презрительно).

Сосчитаешь послѣ, но — чего ты хочешь?

ПОЛ. ПОСОЛЪ.

Миръ или война?

КНЯЗЬ ОБОЛЕНСКІЙ.

Позволь, Великая Княгиня — недоуменно онъ
Ошвыша своего...

(Польскому Послу).

Война, Посолъ надменный,

Достоинный представитель Короля
Сльпаго, дряхлаго — безумнаго владыки!
Иди и возвѣспи ему: не вы, а мы,
Войну вамъ объявляемъ, и будущій Русскій мечъ
Ошвышъ Москвы вамъ не замедлить пояснить!

ПОЛ. ПОСОЛЪ.

Нѣтъ! Мы въ Москву ошвышъ вамъ принесемъ:
Олгерда слѣдъ еще не заросшалъ — онъ свѣжъ!

КНЯЗЬ ОБОЛЕНСКІЙ.

Нѣтъ! бурями давно онъ замешень,
Засыпанъ Русскими снѣгами, и зарось
Мечами, копыями, загороженъ щолками,
Кошорымъ пушъ въ Лишву давно знакомъ,
И отъ кошорыхъ трепешалъ вашъ Александръ
И Сигизмундъ искалъ спасенья въ бѣгшпв!

Ты малолѣтшпвомъ порицалъ насъ Князя?

Ты видѣлъ бы его хонѣль?.. Онъ здѣсь,
Онъ въ Русскомъ сердцѣ, подъ сшальной кольчугой,
Кошорой не разрубишь мечъ Липовскій!

Ты видѣлъ сонмъ Бояръ мяшеквыхъ, говоришь?

Тебѣ съ похмѣля грезилса Москва Липвою:

Мяшекныхъ нѣтъ въ Москвѣ, средь доблеснаго сонма
Опоръ совѣша и могучихъ вождовъ!

Измѣнники бѣжали къ Сигизмунду —
 Ты ихъ найдешь въ бесѣдѣ Короля,
 Когда ворошишься въ свою Лишву...
 Скажи ему и имъ, чпо съ вѣрой въ Бога силъ,
 Прошивъ Казани, прошивъ Польши, прошивъ Крыма,
 Мы двинемъ грозные полки, и въ гоеши
 Къ вамъ въ Вильну явимся — попировашь мечами
 И поиграшь желѣзомъ и свинцомъ. Пусть пригошовишь
 Запасъ побольше: вѣдь госпей придетъ довольно —
 Опъ бѣлокаменной Москвы до Вильны
 Пошлянешся вочешнымъ поѣздъ нашъ...
 Скажи, чпо главный Русскій воевода
 Такъ говоритъ, и — сдержишь слово!

ПОЛ. ПОСОЛЪ.

Кпо же эпошь,

Спошь грозный воевода?

КНЯЗЬ ОВОЛЕНСКІЙ.

Я. — За честь и славу Руси,

За Князя Русскаго, за православье наше,
 За нашу машь-Москву, я голову мою
 На брань несу, и на мечъ моему, Посолъ надмѣнный,
 Клянусь, чпо гибель вамъ и огонь палатцй
 Дошлоу будушь свирѣпѣть, пока,
 Какъ милоспи, попросише вы мира...
 Соединяйшесь съ Крымомъ — съ нами Богъ и правда!

*(Радостный говоръ между
 Рускими: Война, война!)*

ЕЛЕНА *(встаетъ)*.

Война! Во имя Бога, Русская земля!
 Богъ силъ побѣдой осынишь хоруты наши!

ВСѢ РУСКІЕ.

Война! Война!

ЕЛЕНА (*Посламъ*).

Вы слышали опвангъ,
Послы изъ Крыма и изъ Польши? До свиданья!
Поклоны опнесише Королю и Хану...

КРЫМСК. ПОСОЛЪ (*ломая стрѣлу*).

Война! Спрѣлу я преломляю!

ПОЛ. ПОСОЛЪ (*обнажая мечъ*).

Симъ мечомъ

Войну вамъ объявляю!

(*Послы и къ свита уходятъ
поспѣшно*).

ЕЛЕНА (*среди Рускихъ*).

Знаменишый сонъ

Бояръ и воеводъ, Царь Шихалей, и шы, нашъ первый воевода,
Великый Конюшый, Князь Оболенскый! послѣдшише
Дружинъ воинспвенныхъ успройспвомъ, и народу,
На Красной Площади, указъ прочшише нашъ,
Чшо съ Божьей помощью, войну мы начинаемъ. —
Пойдемше въ храмъ, и шамъ, предъ алпаремъ,
Помолимся Побѣдодавцу Богу!

ВСЪ.

Да, здравспвусшъ Великый Князь! Ура!

(*Елена и за него все уходятъ*).

КНЯЗЬ ШУЙСКЫЙ (*одинъ*).

Ну, Оболенскый, другъ! на слово боекъ шы —
Посмошримъ, какъ-шо на мечъ шы ловокъ будешъ...
Великый Конюшый!.. Смошри-ка.. Эшакъ онъ
Въ Великие Князья махнешъ!..

А чшо? И въ самомъ дѣлѣ!

Вошъ мысль нечаянную мнѣ Господь послалъ...

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЭМЫ:

ТРИ ЗАРИ.

=

IV.

Но что же спалось съ рѣзвой Олей?
 Ахъ! грусть извѣдала она:
 Ея родная Божьей волей
 На небеса ошозвана.
 Не изъяснишь неушолоимой
 Печали дочери по ней;
 Не замѣнишь незамѣнимой
 Ушрашы, горькой въ цвѣтѣ дней!
 Когда поски первоначальной
 Оспавилъ ужась сироту,
 Во глубинѣ души печальной
 Бѣдняжка грусть и пуспоту,
 Полубольная, оцупила,
 Не видя бѣдствію конца.
 Ахъ! преспарѣлаго ошца,
 Супруги смерть на смерть сразила.
 Изнемогая, онъ спѣшилъ
 Судьбу дочернюю устроить;
 Его предъ смертью успокоишь
 Слезами Ольгу онъ молилъ.
 Дочь, горемъ двойшвеннымъ убиша,
 Назвашь позволила себя,
 Въ немъ волю мапери любя,
 Невѣстой Князя Ишполиша.
 Тогда кого нибудь любить
 Въ ней сердце юное нуждалось;
 Къ чьей груди голову склонишь
 Сироткѣ съ плачемъ оспавалось?
 Кто, полнъ учасія любви,
 Ее ушѣшишь, приголубишь,
 Какъ незабвенные поллюбишь,

И скажешь ей: «Во мнѣ живи?»
 Кто измелѣянную Олю
 Захочешь нѣжишь, какъ они?
 Былыми радостями дни
 Кто освѣшивъ ей, шѣша волю,
 Кто осчастливишь сироту?
 Ахъ! за любовь и красоту
 Бѣдняжка купишь господина;
 Въ рукахъ любимца-власшелина
 Забудешь дѣвичью мечту!
 Забота вѣчная развѣетъ
 Мечтательный любовный сонъ....
 Когда женихъ, еще летѣтъ,
 Почти, какъ рабъ, подругу онъ;
 Пошомъ — не шакъ уже влюбленъ,
 Онъ поспешенно холодѣтъ;
 Изъ ослѣпленнаго раба
 Ей открываешься власшитель,
 Мужъ — думъ и сердца повелитель...
 Любви завидная судьба!

Но для чего на то, что должно,
 Безумно съшуя, ропшашъ?
 Зачѣмъ шого, что невозможно,
 Напрасно шребуя, желашъ?
 Законъ людей, законъ природы
 Неизмѣнимъ, ошъ вѣка свяшъ!
 Недозволяемой свободы
 Въ цѣпяхъ невольницы хошашъ.
 И пусшъ заманчивыя съши
 Любовь набросила на нихъ,
 Легки для женщины цѣпи эши,
 Когда любовь ковала ихъ.
 И Ишполишь жену приучишь
 Ему служишь, забывъ себя,
 Неволя эта не измучишь —
 Все штерпишь женщина любя!

ЕЛИСАВЕТА ШАХОВА.

Г Е К З А М Е Т Р Ъ.

=

Такъ! Гекзаметръ могучій: Зевсомъ-Омиромъ пы созданъ,
Эпосу чудному пы обреченъ, и Тевшоніи дивный пѣвецъ,
Гѣше побою послѣдній пропѣлъ, какъ лебедь Меандра;
И не слышно спало шебя, и робкія спруны, звуча
Бѣднымъ яббомъ, шоску выражаюшъ: Эпосъ не нашъ —
Чуждая пѣснь онъ пигмеямъ, пошомкамъ дивныхъ опцовъ!
Такъ мечъ грозный героя шихо лежишъ и ржавишъ;
Робко пошомокъ глядишъ на него и задумчиво мыслишъ:
Чья десница подыметъ шебя въ кровавыхъ бояхъ,
Вѣка свидѣшель прошекнаго, намъ невозвращнаго вѣка?!

II. ПЕЧЕНЪГОВЪ.

МАЛЕНЬКІЕ

РАЗГОВОРЫ.

=

1.

«Фирсъ обманулъ меня — обиды не покину:
 Я заплачу ему — увидишь онъ шогда»...
 — «Да, полно-ше! Ну, что за спрашная бѣда?
 Воръ у-вора укралъ дубину!»

2.

«Онъ чесшь мою задѣлъ въ нескромномъ разговорѣ,
 И я, рѣшишельно, скажу ему, что я...»
 — Ну! Богъ ему судья —
 И споишь ли шумѣшь о вздорѣ?

И. Д — ЧЪ.

=====

П Р О З А.

К Н Я Ж Н А

ЕВФИМІЯ ВОЛЖСКАЯ.

I.

Нѣсколько лѣтъ тому, въ деревнѣ, въ одной изъ Приволжскихъ губерній, жилъ помѣщикъ Муринъ. Онъ жилъ тамъ постоянно съ своимъ семействомъ, а именно, съ женою, которая была полною властительницею, какъ его самого, такъ и его имѣнія, дочерью и воспитанницею. При дѣвушкахъ была еще гувернантка, Француженка, которую судьба носила, сначала по всей Франціи, потомъ по всей Европѣ, и наконецъ занесла въ самый дальній ея уголокъ—на Волгу.

Однообразно и тихо текла жизнь этого семейства. Дни ихъ начинались рано, оканчивались еще ранѣе. Однакожь съ пріѣзда гувернантки обстоятельства нѣсколько измѣнились. Матренѣ Антоновнѣ (такъ звали хозяйку) нерѣдко случалось самой по нѣскольку разъ всходить на лѣстницу, и возвѣщать прожкимъ голосомъ, что ужь «позднымъ позднею», и что «ни на что непохоже такъ долго лежать въ постелѣ молодымъ дѣвушкамъ», а вечеромъ, въ

антресоляхъ огонекъ почти всегда свѣтился до полуночи, и даже далѣе, не смотря на строгія увѣщанія Матрены Антоновны, которая не могла равнодушно видѣть бесполезнаго истребленія свѣчь. «Чего лучше» говаривала она, «вставать и ложиться съ солнышкомъ? Оно и веселѣе, и спокойнѣе и дешевле!»

Вечеромъ того дня, въ который начинается нашъ разсказъ, огонекъ свѣтился по обыкновенію въ комнатахъ дѣвушекъ. Былъ только 10-й часъ. Губернантка занималась передъ зеркаломъ своимъ туалетомъ — занятіе, которое, скажемъ мимоходомъ, отнимало у ней часа по три каждое утро и каждый вечеръ. Въ сосѣдней комнатѣ одна изъ ея воспитанницъ, племянница г-жи Муриной, при тускломъ свѣтѣ нагорѣвшей свѣчи, облокотясь обѣими руками на столъ, съ жадностью читала книгу... Лицо ея пылало, глаза блистали страстнымъ восторгомъ; вся она была, какъ въ огнѣ... Никогда женщина не бываетъ такъ обворожительна, какъ въ минуту увлеченія, когда она возбуждена страстію, или прекраснымъ помысломъ. Но, увы! дѣвушка за книгу, не смотря на ея оживленное, почти восторженное лицо, не смотря на то, что ей было 17 лѣтъ — возрастъ, съ которымъ невольно соединяются понятія о красотѣ, поэзіи, любви, обо всемъ, что тревожить и плѣняетъ душу — увы! эта дѣвушка была не хороша, вопреки пословицы: *tout ce qui est jeune est joli*. Рѣдкіе волосы, того цвѣта, который всѣхъ дешевле цѣнится парикмахерами, отгнѣняли широкое лицо съ угловатыми формами. Цвѣтъ ея кожи былъ блѣденъ, безъ малѣйшаго признака ясности и свѣжести, которыя придаютъ видъ красоты самымъ обыкновеннымъ лицамъ. Только выраженіе ума и тихая дума могли остановить на ней взоръ человѣ-

ка, внимательнаго не къ одной красотѣ женскаго лица. Впрочемъ, она не совсѣмъ была безобразна. Она имѣла стройный станъ; въ ся приемахъ много было пріятности...

Дѣвушка долго сидѣла въ одномъ положеніи. Вдругъ она оттолкнула книгу и вскочила съ своего мѣста. Глаза ея сверкали; грудь вздымалась отъ сильнаго волненія. Но и въ эту минуту одушевленія, которое заставило бы упасть на колѣни передъ другою женщиною, и даже въ эту минуту она была — не хороша. Не хороша!.. Не правда ли, что это слово отзывается, какъ звукъ похороннаго колокола, который отпѣваетъ всѣ радости, всѣ надежды женщины, какъ стукъ могильной земли, которая засыпаетъ вѣчнымъ прахомъ цвѣтущій эдемъ ея желаній?

Она быстро подошла къ Французкѣ.

«Милая, милая, M-me St. Leger!» вскричала она, бросившись къ ней на шею, «скажите: неужели есть въ мірѣ существа, подобныя очаровательному Малекъ-Аделю, благородному Грандинсону и страстному, плѣнительному Эдмонду?»

И она стала передъ нею, скрестивъ руки, и смотрѣла на нее съ пламеннымъ истерпѣніемъ.

«Конечно, должны быть, если про нихъ пишутъ,» отвѣчала гувернантка, продолжалъ смотрѣться въ зеркало. «Но къ чему вамъ знать?»

«О, ma bonne amie! не говорите такъ холодно! Послушайте: вы такъ много ѣдили, такъ много видѣли свѣтъ; невозможно, не возможно, чтобы вы не встрѣчали въ немъ подобныхъ существъ, которыя природа одарила всеми совершенствами, которыя она, кажется, именно для того создала, чтобы чувствовать и вдушать самую пламенную, вѣчную любовь!»

M-me St. Leger посмотрѣла на Евфимію съ удивленіемъ.

«Да, на землѣ есть подобныя мужчины — и, можетъ быть, они не такъ рѣдки, какъ вы думаете,» отвѣчала гувернантка, послѣ нѣкотораго размышленія.

«О!» вскрикнула испуганная и обрадованная дѣвушка. «Боже милосердый!.. да, я это знаю. Мое сердце давно мнѣ говорило... только я не смѣла вѣрить... И вы видѣли ихъ? говорили съ ними?»

«О, еще болѣе! Вотъ, напримѣръ, мой незабвенный Леду, первый влюбленный нашей труппы... Увѣрю васъ, ma bonne, что онъ могъ бы поспорить съ Грандиссономъ въ красотѣ фигуры, благородствѣ пріемовъ, съ Эдмондомъ въ пылкости... Увы! я это очень хорошо знаю!»

И чувствительная M-me St. Leger вздохнула... Дѣвушка не слыхала ея объясненій. Сохраняя свое положеніе и устремивъ въ пространство свой пылающій взоръ, она вся сосредоточилась въ своей мечтѣ.

«Но, милая Албертина Ивановна,» сказала она, послѣ долгаго молчанія, «если они въ самомъ дѣлѣ существуютъ, скажите: почему же я никогда не встрѣчала ихъ? Почему, между этими очаровательными созданіями и всѣми мужчинами, которыхъ я знаю, такая же неизмѣримая разница, какъ между уродливымъ ворономъ и чудесною жаръ-птицею, о которой рассказывала мнѣ Ивановна?»

«Фи, ma chere,» сказала M-me съ презрительною улыбкою, «неужели вы въ вашемъ грязномъ городишкѣ ожидали найдти Эдмонда или Грандиссона? Да, ваши здѣшніе кавалеры едва, едва имѣютъ образъ человѣческій. Только одинъ M-g Jacques умѣетъ сказать нѣсколько словъ по Французски, да и то,

что у него за выговоръ! Нѣтъ! если хотите видѣть людей, побѣжайте въ столицу. Впрочемъ, и въ вашей столицѣ люди хорошаго тона рѣдкость. Въ Парижъ, ma bonne, въ Парижъ, столицу міра, царицу моды и вкуса—туда надобно вамъ ѣхать. Тамъ найдете вы на каждомъ шагу молодыхъ людей, одаренныхъ всѣми совершенствами ума и наружности...

«Я такъ и думала,» вскричала дѣвушка, «я знала, что не здѣсь можетъ осуществиться мой идеалъ! Но, онъ долженъ осуществиться, во что бы то ни стало. Скоро я буду совершеннолѣтняя; мы побѣдемъ въ Парижъ, милая Албертина Ивановна, а до тѣхъ поръ, ты, милый Парижъ, будешь предметомъ моихъ мыслей и желаній! Къ тебѣ буду я стремиться душою! Одна мысль, что когда нибудь сбудутся мои мечты, одна уже мысль дѣлаетъ меня счастливою!»

Дѣвушка выпустила руку M-me St. Leger, которую схватила въ порывѣ своего восторга, и выбѣжала на балконъ. Откинувъ упавшіе на лицо локоны, она обнажила свое пылающее чело, чтобы освѣжить его дыханіемъ вѣтерка, долетавашаго къ ней отъ рѣки, чистыя и быстрыя струи которой золотились лучами яснаго мѣсяца. Сквозь зелень сада мелькали огоньки въ деревенскихъ избахъ. Позолоченный крестъ сельской колокольни высоко возносился въ темно-голубомъ небѣ, и будто указывая къ нему путь, сіялъ ярко на темныхъ вершинахъ деревьевъ. Направо спали лѣса, одѣтые мрачною тѣнью; лѣвѣе, на краю горизонта, чуть синѣли отдаленныя цѣпи Уральскихъ горъ. Полная читанныхъ ею приключеній, облокотясь руками на балконъ и склонивъ на нихъ свою голову, она утопала въ мечтахъ. Между тѣмъ наставница ея заснула, прислонясь къ зад-

ку кресла. Вдругъ, въ комнатѣ, гдѣ стояла дѣвушка, скрипнула дверь. Вошла горничная и поставила на столъ свѣчу. Какъ ни осторожно кралась она по дощатому полу, но скрипъ его пробудилъ мечтательницу. Будто испуганныя птицы, въ мигъ разлетѣлись легкія созданія ея фантазіи. Досадуя на помѣщательство, она вошла въ комнату. Книга, которую, въ порывѣ восторга, она уронила на полъ, бросилась ей въ глаза. Она подняла ее, и сѣвши на диванъ, начала вслухъ перечитывать известное письмо.

Дочитавъ до того мѣста, которое, какъ видно, особенно на нее подѣйствовало, она остановилась. Грудь ея не могла уже вмѣщать столь сильныхъ и различныхъ чувствъ. Душа хотѣла раздѣлить ихъ. Быстро вбѣжала она въ другую комнату и бросилась къ кровати, гдѣ спала ея кузина.

«Варинька, Варинька!» кричала она, трясла ее за плечо, «проснись, проснись, душечка!»

«Что такое?» проговорила во снѣ дѣвушка.

«Да, встань же, не стыдно ли тебѣ! Послушай...»

«Ахъ! оставь меня въ покоѣ! Ты вѣчно бродишь по ночамъ; я не понимаю, когда ты спишь.»

«А ты такъ спишь цѣлый день... Полно, вставай!»

«Ахъ, Фимочка, какая ты несносная! Вѣдь я изъ-за тебя же такъ устала. Не ты ли заставила меня пробѣгать цѣлое утро по горамъ изъ-за какой-то дрянной pervenche! Ужъ стоило!...»

«Ахъ, какая ты Barbe! Вѣдь я ужъ сказала, что дамъ за то мою гирлянду, которою ты такъ плѣнилась.»

«Въ самомъ дѣлѣ?» вскричала Варинька, припо-

дымаясь и расправляя бѣлокурныя волосы, закрывавшіе ей лицо. «Ты хорошенькую гирлянду?»

«Ну, да, да, ту самую, которую недавно кузина прислала мнѣ изъ Москвы.

«Ахъ! какая ты добрая!» вскричала Варинька, со-всѣмъ уже проснувшись и обнимая Евфимію. «За-то я готова слушать все, что тебѣ угодно.

«Ахъ! это такъ прелестно, что ты и безъ того заслушалась бы! Вотъ изъ того романа, что мы на-чали съ тобою вмѣстѣ. Помнишь: молодая, пре-красная вдова прѣзжаетъ въ Англію и тамъ встрѣ-чаетъ...

«Да, да, помню. Читай!»

«Ну, такъ это его письмо... Ахъ! Варинька, что за выраженія, что за слова! Ты не можешь себѣ представить...

«Да, читай, такъ я и представлю.

«Ну, слушай же.»

Она начѣла чтеніе и продолжала его съ постепен-но возрастающимъ жаромъ. Между тѣмъ Варинька, не слушая ея, размышляла, на чтобы ей лучше у-потребить подаренную гирлянду: наколотъ ли ее на шляпку, или надѣть на голову, въ первый разъ, какъ будетъ вечеръ въ ихъ городкѣ? Наконецъ, она рѣши-лась на послѣднее. Тутъ голова ея незамѣтно скло-нилась на подушку? Евфимія не успѣла окончить письма, а Варинька уже сладко заснула подъ звуки ея голоса.

«Ну, не восхитительно ли?... Ахъ! какая несно-сная! Она спитъ!» вскричала Евфимія съ сердцемъ.

Бѣдная такъ радовалась безмолвному вниманію своей слушательницы, а то былъ просто сонъ! Въ досадѣ, она собралась опять будить Вариньку, но стукъ шаговъ и громкій голосъ женщины по-слышались на лѣстницѣ, ведущей въ антресоли.

«Выше свѣти, мерзкая!» кричалъ голосъ, который можно было принять за мужской, еслибы онъ не сопровождался на каждомъ тонѣ какимъ-то страннымъ визгомъ. Слова повторило глухое эхо, похожее на ворчанье собаки. Черезъ минуту, свѣжая, дородная женщина лѣтъ 45-ти вступила съ шумомъ въ комнату; за нею слѣдовалъ худощавый, тонкій мужчина, съ неподвижною, угрюмою физиогноміею.

Голосъ произвелъ на спящую дѣвушку такое дѣйствіе, какого не могло произвести ни просьбы, ни обѣщанія подруги, ни даже краснорѣчивыя страницы г-жи Коттень.

«Маменька!» вскричала она торопливо, и проворно вскочила съ постели, протирая глаза. «Дай, дай сюда книгу!» говорила она раздосадованной еще Евфиміи. «Я стану сама читать, а то маменька спросить, что мы дѣлаемъ.»

Француженка тоже успѣла опомниться, и приняла посѣтительницу со всевозможными изъявленіями вѣжливости и подобострастія.

«Ну, что, барышни? Что вы подѣлываете?» громко вскричала Матрена Антоновна, подходя къ кровати, у которой ожидали ее дѣвушки. «Ну, что вы подѣлываете хорошаго?» повторила она дружески, трепля Евфимію по щекѣ.

Евфимія молчала. Она еще не совсѣмъ пробудилась отъ своихъ мечтаній.

«Мы читали съ сестрицею Французскую книгу, маменька,» отвѣчала Варинька, цѣлуя руку дамы, и она бѣгло произнесла полное заглавіе книги, которое успѣла затвердить наизусть.

Объясненіе совершенно удовлетворило Матрену Антоновну. Французскія слова, которыхъ она не понимала, пріятно отозвались въ ея ушахъ. Ея дѣти читали по Французски, такъ бѣгло, такъ твердо,

какъ школьникъ заученный букварь! Чего же больше? Какого же воспитанія имъ еще надобно?

«Видишь?» вскричала она, съ самодовольствіемъ обращаясь къ мужу — «я тебѣ говорила! Онъ такъ наострился, что и дочери Предводителя за ними не угоняться. Нечего сказать: не жаль платить мадамъ.»

Мадамъ умильно улыбнулась и поклонилась.

«Двѣ тысячи» — произнесъ могильнымъ голосомъ Иванъ Терентьевичъ.

«Четыре тысячи!» вскричала Матрена Антоновна, сильно толкнувъ его въ бокъ. «Но, Афимьюшка, кажется, ты уже слишкомъ много сидишь за книгою. Смотри, голубушка, поберегай себя! Въдѣ ты у насъ безцѣнное, ненаглядное сокровище! Съ твоею покойною матушкою, — царство ей небесное! — мы были хоть и не близкая родня, за то жили душа въ душу. Въ вѣкъ не забуду ея, моей голубушки!»

Евфимія лишилась матери такъ рано, что не могла хорошио судить о взаимныхъ отношеніяхъ своей воспитательницы и покойной матери. Правда, рассказы няни и другихъ старыхъ слугъ совершенно противорѣчили изліянію чувствъ Матрены Антоновны, однакожь Евфимія ласково отвѣчала на нѣжныя слова своей тетушки. У нея даже навернулись слезы, когда добрая женщина прослезилась и утерла платкомъ красныя щѣки. Иванъ Терентьевичъ стоялъ сзади, безмолвный и неподвижный, и только похлопывалъ глазами.

«Однакожь вамъ пора ужинать, дѣти,» сказала Матрена Антоновна, вставая съ кресель. «Я вамъ сей часъ пришлю сюда.»

«Да, пришлите, маменька, намъ варенья; у Фимочки болитъ горло.»

Матрена Антоновна заботливо осматрѣла и ощу-

пала шею дѣвушки. Она тотчасъ завязала ее платкомъ, велѣла затворить балконъ, совѣтовала ей лечь въ постель и напиться теплой малины съ вареньемъ. Загвмъ Матрена Антоновна, наказавъ строго служавкѣ, чтобы она какъ можно усерднѣе ухаживала за больною, а Француженкѣ, чтобы она посмотрѣла: такъ ли приготовить малину служавка, простилась съ дѣтми. Она нѣсколько разъ съ нѣжностью цѣловала Фимочку, и мимоходомъ напомнила мадамъ обѣщаніе, приготовить для нея баночку бѣлилъ.

«Евфимья Николаевна! позвольте пожелать вамъ покойной ночи,» пропзнесъ съ важностью Иванъ Терентьевичъ, давая цѣловать руку дочери.

Послѣ того, вся процессія скрылась на лѣстницѣ, въ томъ же порядкѣ и съ такимъ же шумомъ, съ какими пришла.

II.

Княжна Евфимія Волжская по девятому году осталась сиротою. Сперва лишилась она отца, который давно страдалъ отъ ранъ. Онъ страстно любилъ дочь, свое единственное дитя, единственную наследницу его имѣній. Мать Евфиміи также всегда была слабаго здоровья. Потому участь дочери была постояннымъ предметомъ ихъ мыслей и заботы. Какъ будто предчувствуя, что она скоро будетъ сиротою, всякій разъ, оставаясь наединѣ, они думали и говорили только объ ея участи, и о томъ, какъ лучше распорядиться ея воспитаніемъ. Губернаторъ провинціи былъ давнишній другъ ихъ семейства. Они упросили его быть опекуномъ надъ ихъ имѣніемъ. Также охотно поручили бы они его попеченіямъ и милою дочь, но то было невозможно: онъ былъ вдовецъ и имѣлъ только одного сына. Занятія по

службѣ не позволяли ему надзирать за воспитаніемъ дѣвушки, а предоставить ее въ полное распоряженіе иностранкѣ, наемницѣ, которая, бытъ можетъ, исторгнетъ изъ ея нѣжной души добрыя сѣмяна благочестія и добронравія — одна мысль ужасала добрыхъ, простыхъ людей. Въ то время часто навѣщала ихъ М. А. Мурина, небогатая дворянка, дальняя родственница. Лишенная всякаго образованія, всякой возвышенности чувствъ, она была способна далеко видѣть и хитро дѣйствовать, когда дѣло шло объ ея выгодахъ. Въ короткое время, она успѣла снискать полную довѣренность родителей Евфиміи. Они рѣшились ввѣрить ей свое сокровище. Къ тому побуждало ихъ еще и то, что дочь М. А. была почти ровесница Евфиміи и объ малютки очень любили другъ друга.

Черезъ мѣсяць послѣ того, какъ М. А. и мужъ ея были объявлены вторыми опекунами маленькой Волжской, отецъ ея скончался. Жена пережила его только однимъ годомъ.

Евфимія переселилась къ Муринымъ, которые лѣтомъ жили въ ея деревнѣ, а зимою въ уѣздномъ городѣ. М. А. наняла для нея гувернантку, которая, сверхъ преподаванія своего отечественнаго языка, отлично учила танцевать; пригласила еще семинариста учить Русскому языку, и уѣзднаго аптекаря, нѣкогда бывшаго учителемъ рисованья, который занимался съ нею этимъ искусствомъ и ботаникою. Помня неотступныя просьбы умирающей, чтобы дочь ея была воспитана въ вѣрѣ, и благочестіи, М. А. аккуратно каждое воскресенье посылала ее, вмѣстѣ съ своею дочерью, въ церковь. При всемъ томъ она баловала свою воспитанницу, какъ только было возможно. Она никогда ни въ чемъ

ей не противорѣчила и безпрестанно осыпала ее ласками и угожденіями.

При такомъ обхожденіи, Евфимія не могла быть несчастлива у своихъ родственниковъ. Правду сказать, она почти всегда была задумчива, грустна и молчалива, но то было слѣдствіемъ ея внутренней склонности и слабаго сложенія, а не вѣшнихъ обстоятельствъ. О чемъ ей было грустить? Ее всѣ любили; такъ, по крайней мѣрѣ, казалось, а дѣлала она что хотѣла; занятія въ наукахъ не стоили ей ни малѣйшаго принужденія. Она имѣла счастливую память и охотно занималась ученіемъ, только, къ несчастію, никто не могъ направлять къ добру ея любопытства и желанія научиться. По первой просьбѣ, ей выписали изъ столицы цѣлую кипу книгъ. Но руководить выборомъ было некому. Она съ одинаковою жадностью читала лучшія произведенія Французскихъ писателей, волшебныя сказки и самые пустые романы. Чтеніе Сень-Пьера пробудило въ ней страсть къ изученію Естественной Исторіи. Отъ аптекаря она научилась узнавать цѣлебныя и вредныя свойства растений и располагать ихъ по классамъ. Любимымъ ея занятіемъ было: собирать цвѣты, срисовывать въ нарочно купленную для того книгу и вписывать на слѣдующемъ листкѣ краткія замѣчанія. Для умноженія своего сокровища, часто, послѣ коротенькаго урока, предпринимала она продолжительныя прогулки по окрестнымъ горамъ и долинамъ, въ сопровожденіи подруги. Впрочемъ, Варенька, не смотря на свою доброту и желаніе угодить Евфиміи, которая безпрестанно дарила ей наряды и вещицы, нерѣдко роптала на ея прогулки, потому, что онѣ очень утомляли ее, и совсѣмъ не были для нея такъ занимательны, какъ для ея сестры.

Варенька любила говорить по Французски, очень охотно тамцовала, но не терпѣла наукъ. Рѣдко по доброй волѣ брала она въ руки книгу, и—никогда, если книга была нѣсколько важнаго содержанія. Въ урочный часъ чтенія съ гувернанткою, она обыкновенно отдавала книгу Евфиміи, а сама садилась на диванъ противъ зеркала, какъ можно спокойнѣе, накалывала на шляпку ленты, или обшивала пелеринку кружевомъ. Нерѣдко она засыпала въ такомъ пріятномъ занятіи. Нерѣдко такъ увлекалась мечтами о томъ, какъ будетъ одѣта къ лицу на первой вечернкѣ, что не слыхала ни одного слова изъ всего, что читали. Когда же случалось читать чтонибудь забавное, и она была расположена слушать, то отъ всей души она смѣялась, и сама просила повторить страницу, которая ее насмѣшила.

Та же склонность къ бездѣйствию, то же отвращеніе къ какомунибудь напряженію, физическому и умственному, обнаруживались и въ выборѣ ея удовольствій. Въмѣсто того, чтобы слѣдовать за Евфиміею по горамъ, переходить черезъ ручьи, карабкаться на утесы, спускаться въ овраги, она охотнѣе оставалась на мягкой муравѣ и дремала подъ говоръ ручья и шелестъ листьевъ. Еще охотнѣе принимала на себя порученіе нарвать плодовъ въ оравжеретъ, сбить масло или сварить желе. Однакожъ рѣдко отказывала она Евфиміи, частію потому, что любила ее сама всею душею, а болѣе потому, что боялась разсердить мать, которая строго наказала ей во всемъ угождать Евфиміи, что наконецъ обратилось ей въ привычку.

III.

Черезъ нѣсколько дней послѣ описаннаго нами вечера, Евфимія и Варвара, возвратясь послѣ утренней про-

гулки домой, шли къ Матревѣ Антоновѣ здороваться. Она пила тогда въ своей комнатѣ чай. Бѣе за дверьми слышали онѣ ея звонкій голосъ. Это не удивило ихъ, потому что Матрена Антоновна, какъ слѣдуетъ хорошей хозяйкѣ, имѣла похвальный обычай, для поддержанія порядка въ домѣ, каждое утро громогласно читать наставленія слугамъ, нередко подкрѣпляя свои слова, вѣроятно, для того, чтобы они лучше ихъ помнили, собственноручно полновѣсными доказательствами... Но вотъ что странно! М-me St. Leger, которая, по ихъ предположенію, преспокойно должна была сидѣть у себя за романомъ и кофе, была вмѣстѣ тутъ, а что еще страннѣе, голосъ ея возвышался почти такъ же, какъ и голосъ Матрены Антоновны.—Это что-то не доброе—подумала Евфимія... Однакожь безбоязненно подошли онѣ къ двери, надѣясь на волшебную силу своего присутствія, которое нерѣдко спасало виновныхъ отъ наказанія.

«Ты развѣ забыла,» кричала М-me, ломаными Русскимъ нарѣчіемъ, «что заставляла меня писать на бумагѣ: «получила четыре тысячи рублей,» а мнѣ давала только двѣ?»

Матрена Антоновна, задыхаясь отъ гнѣва, только махала рукою, указывая на двери.

«S. D!» вскричала Француженка, *me traiter de la sorte!... Que je sois damnée, si demain je ne rends pas cette grosse bête la fable de la ville!* Тутъ она изо всей силы хлопнула дверью, быстро промчалась мимо двушекъ, не взглянувъ на нихъ, и вочегда на лѣстницѣ, прежде нежели онѣ успѣли опомниться.

«Это что-то недоброе!» повторила Евфимія, и отворила дверь уже не съ такою бодростью, какъ прежде.

Матрена Антоновна, въ ситцевомъ платьѣ, съ

разводами, сидѣла на чайнымъ столикомъ. Она тяжело дышала, какъ будто послѣ трудной работы, и отирала съ лица потъ бумажнымъ платкомъ. Глаза ея еще пламенѣли гнѣвомъ; дрожащія губы произносили отъ времени до времени ругательства. Иванъ Терентьевичъ сидѣлъ въ почтительномъ разстояніи очень спокойно, и только по временамъ нюхалъ табакъ и перекадывалъ одну ногу на другую.

Въ углу, маленькій человекъ, въ изношенномъ сюртукѣ табачнаго цвѣта, подставлялъ подъ блюдечко, вѣсто салфетки, носовой платокъ, пилъ чай, и только изрѣдка посматривалъ изъ подлобья на своихъ собесѣдниковъ. То былъ повѣренный М. А., которую онъ величалъ своею благодѣтельницею. Онъ исполнялъ ея секретныя порученія. Въ особенности на него была возложена обязанность собирать и переносить ей всѣ слухи, которые сколько нибудь касались до чести и выгоды ея семейства. Въ то утро, М. А. едва успѣла одѣться, какъ ей доложили о пріѣздѣ Ивана Ивановича. Допущенный немедленно передъ лицо своей покровительницы, Иванъ Ивановичъ всепокорнѣйше донесъ, что по всему городу ходили не добрыя вѣсти.

«Что — дескать, генералъ В. (родственникъ Губернатора и покойнаго отца Евфимія) обирается отыскивать въ судѣ права на наследство К. Волянской».

«Что ты за вздоръ мелешь, Иванычъ!» произнесла презрительно М. А. «Ты, вѣрно, ужъ пообедалъ!»

«Напрасно, матушка М. А. Видитъ Богъ: маковой росинки во рту не было, а говорить мое къ вамъ усердіе!»

«Не можетъ быть, Иванычъ, не можетъ быть; это сплетни!»

«Я и самъ тоже думалъ, матушка! Тогда съ сими»

кнудъ дѣломъ и бросился въ Правленіе. Тамъ есть у меня пріятель. Вотъ я его, Христомъ да Богомъ, и потомъ поднесъ ему. Онъ мнѣ показалъ духовную и просьбу.»

Тутъ маленькій человѣчекъ пустился въ длинное объясненіе, какъ и на какомъ основаніи генераль началъ искъ.

Матрена Антоновна слушала и не вѣрила.

«Это бы все пичего, матушка,» возразилъ съ жаромъ Иванъ Ивановичъ, тронутый недоувѣрчивостію своей патронши. «Мы всѣ знаемъ, что завѣщаніе Князя совершенно по всѣмъ правиламъ. Да, вотъ что худо: генераль-то бездѣтенъ и одинокъ, и все имѣніе достанется послѣ него сыну Губернатора. А вы знаете: своя рубашка къ тѣлу ближе... Такое имѣніе не шутка! Нехотя покривишь совѣстью.»

Такое доказательство было слишкомъ въ духъ Матрены Антоновны, и не могло не поколебать сильно ея убѣжденія. Однакожь она заблагоразсудила позвать на совѣщаніе Ивана Терентьевича. Онъ былъ извѣстный знатокъ въ судебныхъ дѣлахъ, ходячее Уложеніе. Когда возможность потери наслѣдства была доказана, Матрена Антоновна впала въ глубокое отчаяніе. «Господи Ты, Боже мой!» восклицала она, «вѣдь дѣвка-то останется почти нищею! Ахъ! я несчастная! Пропала моя головушка!»

На ту пору Француженка, ничего не зная, не вѣдая, попалась на глаза Матренѣ Антоновнѣ, въ самомъ пылу ея гнѣва. Брань и упреки рѣкою полились на нее, встрѣтивъ однакожь довольно твердый отпоръ въ храброй М-не.

Окончаніе сцены извѣстно.

Лишь только Матрена Антоновна увидѣла вошедшую Евфимію то нѣсколько потухавшій ея гнѣвъ возобновился съ новою силою.

«А! вскричала она съ злобнымъ смѣхомъ, «это вы, сударыня?... Очень кстати изволили пожаловать. Что, чай, изволили разгуливать цѣлое утро и собирать цвѣточки? Вѣдь, кромѣ этого, вы ничего не изволите дѣлать.... А знаешь ли ты,» возопила она, не въ силахъ будучи долѣе себя удерживать и подступая все ближе и ближе къ изумленной дѣвушкѣ—«знаешь ли ты, что ты нищая?... Да, голая нищая, по милости твоей роденъки.... На насъ и не думай надѣяться! Мы сами люди бѣдные. Теперь забудешь причудничать и подымать носъ, не будешь говорить безпрестанно: то нехорошо, другое худо, тотъ глупъ, съ тѣмъ скучно!»

Евфимія стояла неподвижно среди комнаты. Она дрожала, какъ въ лихорадкѣ.—Что это такое?—дурманала она—ужь не сплю ли я?... «Но, милая тетущка!»

«Я не тетущка твою! Я не хочу съ тобою знаться! Вишь, съ чѣмъ подѣхала: «тетущка»... то есть, возьми, повѣсь ее къ себѣ на шею.... пой, да корми на свой счетъ. Видишь, нашла дуру! Да, что я стану съ тобою дѣлать? Ни сработать ты, ни за хозяйствомъ присмотрѣть... Ну, ужь пусть была бы хороша собою—авось и бѣдной нашелся бы мужъ; а то, взгляни на себя—вѣдь ты уродъ уродомъ!»

Евфимія поблѣднѣла и схватилась за задокъ кресель.

Варянька, испуганная грознымъ видомъ матери, прижалась въ уголь и не смѣла шевельнуться.

«Что тутъ будешь дѣлать» говорила Матрена Антоновна, ходя по комнатѣ и всплескивая руками. «Какъ сбить ее съ шеи? А что, Иванъ Ивановичъ, дѣло-то очень гласно? Да чего, чай, ужь во всѣхъ домахъ только о томъ и твердятъ!... А тебѣ, сударка моя, я совѣтовала бы мигомъ написать Якову Ан-

ласку матери, а судьба даровъ счастья, которыми покупаются ласки пухлых! Да, тягостенъ, ужасенъ бываетъ день скорби, внезапно поражающій счастливца! Какого труда стоитъ ему разорвать тысячи узъ, коими сердце его привязано къ землѣ! Какъ страшно разстаться съ безчисленными наслаждениями, дѣлавшими для него жизнь очаровательною!.... Вдругъ отторженный отъ земли, разрушительною, могучею рукою несчастія, не зная дороги къ небу, куда рѣдко обращались его мысли и никогда его желанія—смутенъ, безсознательнъ блуждаетъ духъ его въ безызвѣстномъ пространствѣ, во мракѣ и тоскѣ, какъ ладья безъ кормчаго въ туманѣ бури, въ волнахъ Океана.

Одинока и грустна, будто безпріютная горлица, но и свободна, окрылена, какъ жилица небесъ, душа, испытанная, вскормленная несчастіями. Когда судьба мирится съ нею, она слетаетъ на землю, съ благодарностью пользуется благами жизни, не вѣряясь ей, но, когда снова настанетъ часъ испытанія, она расправляетъ свои крылья, покидаетъ землю, стремится въ созерцаніяхъ небснаго забывать свои страданія, принести отверженную любовь своего чистаго сердца къ подножію вѣчной любви, вѣчной благодати.

Между тѣмъ часы падали одинъ за другимъ, дѣлу урну безстрастнаго, неумолимаго гения времени. Солнечные луны, играя и скользя по листьямъ березъ, подъ которыми молилась двуручица, начали уже пробираться сквозь ихъ густую стѣну. Она встала, почти утишенная своими слезами и удрученная молитвою. Тотъ, кто даетъ росу цвѣту и молча итище, думала она—оставить ли, безъ приюта, бланную сироту? Пойду, куда глаза глядятъ. Пойду всюду, только не назадъ, не къ этимъ злымъ, дна-

кимъ людямъ. — Воспоминаніе о поступкахъ тетки снова одушевило ея негодованіе. Она быстро пошла по тропинкѣ, ведущей въ лѣсъ, и остановилась, когда уже не могла болѣе идти отъ жажды и усталости. Изъ-за деревьевъ показалось что-то похожее на заборъ хижины. Она направила шаги въ ту сторону.

IV.

Часть лѣса, куда зашла утомленная дѣвушка, была извѣстна подъ названіемъ *Чернаго Пожарища*. То была обширная пустыня, поросшая молодымъ ельникомъ и березою, между которыми, какъ будто намогильные памятники, выказывались обгорѣлыя трубы и бревна—слѣды прежде бывшихъ на семь мѣствъ жилищъ. На берегу ручья, который перерывала пустошь, торчали ветхія остатки мебели. Все было дико, пусто и печально; только на самомъ краю пустоши, склонясь къ землѣ, стояла хижина, которая еще могла служить, и дѣйствительно служила, жилищемъ бѣдности.

Евфимія вовсе не случалось заходить въ эту сторону въ своихъ прогулкахъ, но она была ей хорошо знакома по рассказамъ нянюшекъ и прислужницъ.

Здѣсь—она была тогда еще ребенкомъ—находилась маленькая, но цвѣтущая деревенька, которую въ одинъ и тотъ же годъ пожаръ, болъзни и скотскій падежъ опустошили въ концѣ. Жители, пораженные ужасомъ, сѣвшили покинуть проклятое мѣсто, и переселились въ болыгое село. На прежнемъ мѣствѣ осталась только необузданная бѣдная вдова Савельевна.

Но странному случаю, въ ея домъ начиналось, изъ ея дома выходило каждое несчастье; вся ея многочленная семья погибла, кромѣ одного вну-

на въ нодыбели. Это обстоятельство поразило умы суевѣрныхъ престыжь. Они проворинали старуху колдуньей, и Богъ знаетъ чего объ ней не говорили. Они смотрѣли на нее съ ужасомъ. То паренъ, прокрадывался подъ окло жобезной, видѣть и разсказывалъ, какъ она собирала травы въ мѣсячную ночь; запоздавшіе на полѣ жнецы встрѣчали ее, какъ она приходила переставлять по своему крестцы на чьей нибудь полосѣ, чтобы на другой годъ не было урожая. А что она выбѣгала въ поле, обернувшись, то сѣрымъ волкомъ, то черною кошкою, этого, правда, никто не видѣлъ, но всѣ, отъ стараго до малаго, вѣтвы были утверждать, то присягою. Поступки, слова Савельевича, иногда восторженныя, часто непонятныя, и съ суровый желось, въ некоторымъ образомъ оправдывали подозрѣнія. Только трудно было рѣшить: обманывала ли она другихъ, или усдивелная жизнь, общій полось и неснатья такъ подѣйствовали на ея воображеніе, что она, въ самомъ дѣлѣ, стала считать себя существомъ, отличнымъ отъ прочихъ?

Евфимія нерѣдко смѣялась съ двоюю подругою надъ негдѣшми выдумками, которыя ходили по селу на счетъ бѣдной вдовы. Однакожь, приближаясь къ хижинѣ, она невольна почувствовала робость, страхъ, для нея самый непонятный, и медленно, какъ будто чего опасаясь, подвигалась впередъ.

Громко задала цѣпнал собака, когда она подошла къ ветхой, дажужавъ, мальникъ, дѣтъ 10-ти, то рѣшимо всталъ съ задка, и между тѣмъ, какъ Евфимія приближалась къ нему, смотрѣлъ на нее изъ подлобья, кусая конць снущеннаго рукава.

Умное, недовидное лицо его, понравилось Евфиміи. Ты здѣсь, одинъ? спросила она его, стараясь принять на себя сколько можно спокойный видъ.

«Нѣтъ!» отвѣчалъ мальчикъ, «я живу съ бабушкой.

«И тебѣ не страшно здѣсь?»

«А чего мнѣ бояться!» произнесъ онъ смѣло, выпустивъ рукавъ и поднявъ на нее большіе, синіе глаза.

«Какъ чего? А воры? а волки?»

«Ворамъ у насъ вѣтъ нечего; да бабушка баеетъ, что и сами они не пойдутъ въ избу къ колдуньѣ. Волки-то, правда, и подбѣгаютъ къ самой изгородь, да у насъ лихіи собаки, а у меня ружье, да тесакъ... мнѣ подарилъ ихъ отецъ крестный, Наумиѣ лѣсникъ, вонъ, что тамъ живетъ, такъ же какъ мы, одинъ одинохомецъ.» И одобренный ласковымъ видомъ Евфиміи, мальчикъ принялъ на себя воинственный видъ и сталъ прицѣлываться. «Когда придутъ волки—я—разъ,— два — пуфъ! и сѣрки какъ не бывало!»

Дѣвушка съ удовольствіемъ слушала его болтанье, но въ эту минуту изъ избы раздался грубый голосъ старухи, но видимому встревоженной неумодкавшимъ лаемъ собаки. «Замолчишь ли ты, проклятая!... Лежать, соколка! А ты съ кѣмъ тамъ раздобарываешь, пострѣленоцъ? Вотъ я тебя ужю!» И не откладывая исполненія угрозы, старуха, кряхтя и ворча, показала въ дѣрзяхъ.

Увидя барышню, она всплеснула руками и могла только вымолвить: «Ахти! Господи, Боже мой!» Грозная колдунья стала виже травы, тише воды, и приблизилась къ дѣвущкѣ съ изъявленіями глубочайшаго подобострастія. Евфимія попросила у ней воды. Старуха немедленно исполнила ея желаніе. Казалось, посвященіе дорогой, невиданной гостыи пробудило въ ней всю живость и бодрость молодости. Освѣжившись, дѣвушка сѣла на скамѣйку, уговаривая старуху послѣдовать ея примѣру, но никакъ не могла къ тому ее принудить.

«Скажи, бабушка,» начала наконецъ Евфимія, «какъ достаетъ у тебя духа жить въ такой глуши? Зачѣмъ не переселишься ты въ деревню, ближе къ людямъ?» Старуха покачала головою.

«Мнѣ перейти въ деревню! Да, тамъ мнѣ и житья не будетъ, моя родимая!

«Но, Савельевна, вѣдь къ тебѣ ходитъ же ворожить вся деревня? Я давно знаю, что ты наговариваешь на воду и берешься лѣчить отъ глаза, и призора и всякихъ болѣзней,» сказала дѣвушка.

«Что грѣха таить, родимая! Согрѣшила я, окаянная, передъ Господомъ Богомъ. Сгубилъ меня чернѣй годъ! Чего не претерпѣла? Осталась въ семьѣ одна, исхудала, горемычная, словно тростиночка! Бывало, пойду на село искать работы, анъ слѣдомъ только и слышу: «колдунья» да, «колдунья!» Что дѣлать? Пришлось, хоть умирать съ голоду. Вотъ я и смѣкнула дѣломъ. Семь-ка, молвила, и въ правду прикипнусь знахаркою. Вѣдь слыву же колдуньейо ни за что, ни про что. Вотъ я и давай ворожить, да наговаривать. Только, видитъ Богъ, никому я никакого худа не желала и не дѣлала. А подѣ часъ еще кого въ правду отъ болѣсти и лихomanки вылѣчу, кому благой совѣтъ дамъ. Вотъ все мое колдовство. А чтобы знаться съ нечистою силою—наше мѣсто свято!—чтобы душу свою отдать лукавому—сохрани меня, Мать Пресвятая Богородица!. И подумать, такъ страшно!... Тутъ старуха стала плевать и креститься, такъ, что Евфимія не могла не улыбнуться ея набожному страху.

«А ты думаешь, бабушка,» сказала она полушутливымъ, полусерьезнымъ голосомъ, что въ самомъ дѣлѣ существуютъ колдуны, и оборотни, и лѣшіе, и вѣдьмы?

«Охъ, родимая!» произнесла жалобно старуха, озни-

раюсь боязливо и качая головою, «право, не годится говорить о такихъ вещахъ со смѣхомъ. Сохрани часть, Господи, отъ всякой напасти! Оно, видишь, и радъ бы не вѣрять, да всѣ вѣрятъ и всѣ рассказываютъ; и добро бы только другіе разсказывали...

«А что? Ужь тебѣ не случилось ли самой видать?» спросила дѣвушка тѣмъ же тономъ.

Евфимія такъ ласково говорила съ старухою, что та невольно оставила принужденіе, которое чувствовала сначала въ присутствіи барышни, и наконецъ совершенно увлеклась удовольствіемъ говорить съ нею, удовольствіемъ, къ которому она была чувствительна неменѣе всякой другой женщины, и которое доставалось ей такъ рѣдко.

Она стала разсказывать Евфиміи, одно за другимъ, множество страшныхъ приключеній, которыхъ сама была свидѣтельницею. Нельзя ручаться, чтобы Евфимія, занятая грустными размышленіями о своей судьбѣ, слушала ее въ самомъ дѣлѣ съ такимъ вниманіемъ, какъ казалось старухѣ. Однакожь, одинъ изъ этихъ разсказовъ поразилъ ея воображеніе. Мы не можемъ опустить его, потому, что въ послѣдствіи онъ страшнымъ образомъ подѣйствовалъ на всю участь сироты.

«Было это, кормилица ты моя,»—такъ говорила старуха—«дай Богъ память, кажись о Спожинкахъ, въ ту самую несчастную годовину, когда Господь послѣтилъ нашу деревню такимъ наказаніемъ. Мальчишка мой занемогъ; я сама еще чуть оправилась отъ болѣзни; хлѣба у насъ не стало ни крошки. — Господи Ты Боже мой! куда мнѣ стало горько! Пришлось хоть въ петлю лѣзть! Вотъ, было у меня вина маленько — я съ горя выпила, и побрела въ лѣсъ, куда глаза глядятъ. Думаю себѣ: набреду на рѣку — утоплюсь; авось моего сиротку не покинетъ

хоть батюшка Герасимъ! Слыхала ли ты, родимая? Есть здѣсь въ бору страшное мѣсто. Никто мимо его не пройдетъ и не проѣдетъ, а кого, сохрани Боже! заведетъ лѣшій, тотъ бѣжить неогладкою, творя молитву.

«Слыхала, бабушка. Это, гдѣ большая пещера. Много мнѣ рассказывали объ ней. Сперва, говорятъ, тамъ былъ притонъ разбойниковъ. А потомъ, няня увѣряла меня, что тамъ поселился какой-то колдунъ и пугаль добрыхъ людей. Ужь разумвется, все это вздоръ и сказки.

«Нѣтъ, не вздоръ, матушка, и не пустыя рассказы; тамъ живетъ колдунъ и чародѣй. И теперь живетъ онъ тамъ. Какъ пробьетъ полночь, онъ почнетъ ходить по лѣсу, ржетъ и гогочетъ, такъ что лѣсъ стонетъ....

— Хорошо, бабушка, но какое же это имѣетъ сношеніе съ твоимъ рассказомъ?

«А вотъ, родимая, сей часъ скажу. Долго ли, коротко ли я шла, не помню, только, видно, зашла я къ проклятому мѣсту. Тогда мнѣ было недо того: Устала я, бросилась на землю и стала плакаться на свою горькую участь: «Что мое за житье на свѣтъ!» молвила я — живъ былъ мужъ — терпѣла отъ злаго мужа; умеръ онъ — вѣсть нечего! Вѣдь не возьмѣтъ же меня лукавій!» — Не успѣла я вымолвить, какъ передо мною — и теперь еще замираетъ сердце, когда вспомню! — откуда ни возмись, стоитъ такой страшный великанъ, что и глазами не окинешь. Ужь въ лицо-то, матушка, я не постыла ему и взглянуть. Только вижу: смотрятъ на меня глаза, словно, два раскаленные угля. Я такъ и обмерла отъ страха. Сажу ни жива ни мертва, и куда ужъ — до словъ ли мнѣ! Вдругъ, будто труба зазвучала у меня въ ухахъ.

«Чего же ты испугалась, старуха? Я пришел помочь тебе в бѣдѣ. Пожалуй, коли тебе страшно, я сдѣлаюсь и поменьше». Я не успѣла сотворить молитвы, великанъ мой словно въ землю ушелъ. Персидо мною очутился мужичекъ, весь съ локотокъ, въ кафтанѣ съ галунами, а въ кармапахъ деньги гремятъ. «Этого, что ли, тебѣ?» спросилъ онъ, вынувъ полную горсть денегъ и сунувъ мнѣ подъ носъ. Я глядѣю, анъ все золото, золото — словно жаръ горитъ! Не потому грѣха, родимая. Тутъ, куда дѣвался мой страхъ — я бухъ ему въ ноги и взмолилася: «Отецъ родной! возьми меня себѣ въ рабы, да дай денегъ, только не золотыхъ: куда мнѣ съ ними, старухѣ!

«Хорошо, бабушка... Не тебя мнѣ надобно ты стара, худо, не сегодня, завтра ногъ протянешь. Я тебѣ, пожалуй, кромѣ денегъ, прибавлю лишнихъ годовъ десятокъ другой, и ты будешь жить себѣ припѣваючи... А ты...» Охти мнѣ! Согрѣшила я, окаянная, прогнѣвила Господа Бога и Св. Угодниковъ.

«Что же такое, бабушка?» спросила Евфимія, которой любопытство невольно возростало, хотя она была увѣрена, что старуха видѣла все это во снѣ.

«Ахъ! родимая, и вспомнить, такъ страшно!..» И оглядѣвшися кругомъ, старуха съ трепетомъ произнесла, какъ можно тише: «Ты отдай мнѣ свое дѣтище», сказалъ онъ, «твоего Емалълушину!...» Тутъ Савельевна замолчала и горько заплакала.

Быть можетъ, подумала Евфимія, страшныя обстоятельства, которыя сопровождали это явленіе, были слѣдствіемъ ея пораженнаго воображенія. Но развѣ мы не знаемъ, что дѣйствительно въ природѣ есть невидимая, враждебная сила, которая водстерегаетъ наши мысли, желанія, побужденія, и готова увлечь насъ въ погибель, когда мы отдаемся дурнымъ наклонностямъ, когда забываемъ милость Божію, от-

вергаемъ благодать религiи? Развѣ не знаемъ мы также, что дѣти, такъ или иначе, всегда почти бываютъ жертвою пороковъ и заблужденiй родителей?—

«Ну что же дальѣе?» спросила она наконецъ.

«А вотъ, какъ онъ вымолвилъ это, я вскочила, да и пустилась бѣжать со всѣхъ ногъ; творя молитву. Бѣгу, а за мною хохотъ, свистъ, гамъ; со всѣхъ сторонъ, изъ-за кустовъ, выглядываютъ страшныя хари, да дразнятъ меня языками, и всю закидали меня муравьями, которыя набились мнѣ и въ волосы и въ одежду. Да, куда моя и одежда! Какъ летѣла я птицейъ черезъ кусты и враги — откуда, подумаешь, тогда прыть взялась — гдѣ остался рукавъ, гдѣ онуча, гдѣ лапти. Прибѣжала, растянулась, какъ мертвая. Не знаю, долго ли я была безъ памяти, а какъ очнулась, смотрю: надо мною сидитъ мальчишка и воетъ въ источникъ голоса. А у меня и руки и ноги въ крови... Волоса растрепаны. Вся я, словно, избитая. Ну, ужъ, нечего сказать, этакой страсти насмотрѣлась! Какъ еще я жива осталась, не знаю. Видно, заступилась за меня Пресвятая Богородица.

«Долго сердце мое было не на мѣстѣ. Днемъ еще, бывало, туда и сюда, а чуть за вечерѣть, я творю, дрожа, молитву. Все думаю: придетъ!.. Бывало, ночи на пролетъ не смыкаю глазъ. Чуть что зашевелится въ кустахъ, я все—онъ идетъ! Пробѣжитъ ли по оцупкѣ волкъ, а мнѣ чудятся его глаза!.. Но, нѣтъ, Богъ миловалъ. Прошло лѣто, миновала и зима, — намъ ничего не приключилось. Я забыла свой страхъ и горе, и стали мы жить попрежнему, день за день, благословая Бога.

«И съ тѣхъ поръ ты не видала его, бабушка?

«Никомъ, матушка, не видала такъ близко, какъ въ ту пору. А вонъ, видишь ли ту гору, прямо противъ

насъ, что выше всѣхъ и по бокамъ обросла лѣсомъ, а верхушка голая и ровная, словно стола? Когда на той верхушкѣ станеть собираться туча, знай: быть неминуемо грозѣ — тогда и онъ выходнть на ту гору любоваться....»

Вдругъ старуха затрепетала и остановилась, какъ окаменялая, протягивая сухую руку къ предмету, на который неподвижно были устремлены ея взоры.

Между облаками, которыя начали облегать возвышенное темя горы, нарисовался темный исполинскій образъ. Одною рукою, онъ опирался на облаке, другую простиралъ въ воздухъ. Высоко вздымалось надъ мрачными горами огромное чело, вокругъ котораго облегалo подобіе вѣнка. Съ минуту продолжалось видѣніе; потомъ оно рѣдло, рѣдло, и какъ туманъ, слѣдось съ фантастическими, неопредѣленными громадами тучъ. Старуха опустила на залавокъ, дрожа всею тѣлою. Сама Евонія не въ силахъ была побѣдить невольнаго трепета при видѣ явленія, котораго не умѣла себя объяснить. — Стыдись своего страха, она обратилась къ старухѣ, принуждая себя улыбнуться.

«Стало быть, бабушка, ты еще очень его боишься?»

«Охъ! боюсь, мать родная, боюсь до смерти!» прошептала старуха. Ужасъ, который выражался на ея лицѣ, говорилъ еще яснѣе словъ.

«А я такъ не боюсь,» вскричалъ мальчикъ, который, бѣгалъ по двору съ кнутомъ, подошелъ къ нимъ. «Я такъ ничего не боюсь. Когда бабушка ляжетъ спать, я побѣгу далеко, далеко въ лѣсъ, къ дѣдушкѣ-горбуну, что живетъ — эвона тамъ — за ручьемъ. И мы долго играемъ съ нимъ. Онъ даетъ мнѣ камушковъ, что словно жаръ горять, и хочеть меня всему выучить.... А какія хари онъ дѣлаеть, какіе прыжки!... И такъ и этакъ! И мальчикъ, съ

громкими смѣхомъ, пустился скакать по двору, усиливаясь подражать прыжкамъ и гримасамъ дѣдушки-горбуна.

Старуха такъ и обомлѣла. — Не бойся, добрая Савельевна, сказала Евфимія. Воспитывай своего внука въ страхъ Божіе, и вѣрь, что тогда ему не приключится никакого зла. Быть можетъ, черезъ годъ, другой, я буду въ состояніи заняться его воспитаніемъ... Хочешь ли быть у меня, малютка?

«Хочу,» отвѣчалъ не запинаясь мальчикъ — «ты добрая — не зовешь бабушку вѣдьмою.

«Пошли тебѣ Господь Богъ всякаго счастья и талану, матушка!» говорила со слезами старуха.

«Но, послушай, бабушка,» продолжала Евфимія, «хотя ты своею ворожбою никому не дѣлаешь зла, а все таки оно грѣхъ и соблазнъ. Если умѣешь, такъ лучше лѣчи и помогай во имя Божіе; тогда Богъ благословитъ тебя и никто не будетъ звать тебя колдуньею. А чтобы ты не терпѣла нужды, то вотъ тебѣ покамѣсть. Это, вѣроятно, послѣднія мои деньги, но я не жалю ихъ,» сказала сама себѣ Евфимія, «если они спасутъ отъ бѣдности, и что еще хуже, отъ грѣха.»

Желая прекратить пламенныя изъявленія благодарности старухи, она цосибѣшила проститься съ нею.

Въ продолженіе своего отдыха и многорѣчивыхъ разсказовъ старухи, Евфимія успѣла обдумать свое положеніе. У ней оставалось много вещей и нѣсколько денегъ. Она рѣшилась переѣхать на время къ Мадамъ, которая всегда оказывала ей привязанность, и въ такомъ намѣреніи велѣла мальчику проводить себя кратчайшею дорогою къ дому.

V.

Предсказаніе старухи не замедлило исполниться

Когда Евфимія пустилась съ своимъ проводникомъ въ путь, тучи обложили небо и послышались раскаты грома. Вскорѣ крупныя капли дождя зашумѣли, ударяясь объ листья деревь, подь которыми шла дорога. Напрасно Евфимія удвоявала шаги; ноги ея скользили по влажному дерну. Легкое платье ея взмокло, вѣтеръ продувалъ до костей... Она едва, едва передвигала ноги. Наконецъ, въ виду сада, совершенно выбилась она изъ силъ, и сѣвши у дороги, горько заплакала.

— Боже мой! — подумала она, какъ тягостны должны быть бѣдность и одиночество! А я еще только начинаю съ ними знакомиться!

Вдругъ, сквозь шумъ дождя и вѣтра, долетѣлъ до нея звукъ нѣсколькихъ голосовъ, которые провозносили ея имя. Она стала прислушиваться, подняла голову; ей представилось неожиданное зрѣлище. Изъ сада, въ живописномъ безпорядкѣ, тинулась по пожелѣлая толпа слугъ, горничныхъ, мальчишекъ, съ зонтиками, фонарями, запасомъ одежды. Завидѣвъ свою барышню, толпа вмигъ окружила ея съ громкими кликами радости. Черезъ минуту Евфимія была въ объятіяхъ Вариньки.

«Боже мой!» вскричала милая дѣвушка, «цѣлуя ея,» какъ ты насъ перепугала! Чего мы не придумывали!...

«Какъ?» сказала Евфимія, тихо отталкивая ея отъ себя — «развѣ ты, Варинька, еще не разлюбила меня за то, что я бѣдна?»

«Какъ тебѣ не стыдно и не грѣхъ!... Но, скорѣе, скорѣе, домой!»

Матрена Ангоновна ожидала ихъ въ сѣняхъ. Съ громкими изъявленіями нѣжности, схватила она въ свои объятія утомленную дѣвушку. «Боже милосердый! Какъ ты, моя крошечка, вымочилась! Фатька,

Степка! самоваръ... Ляжь душечка, въ постелю, накунайся малины, да сосни!... А то, храни Господи, занеможешь!...

Евфимія безмольно повиновалась, и черезъ нѣсколько минутъ дѣйствительно заснула, напрасно стараясь разгадать непостижимую для нея перемѣну въ обращеніи и расположеніи ея тетушки.

Въ то время, когда Евфимія скиталась по полямъ и лѣсамъ, какъ бѣдная Ченерентола, изгнанная изъ родительскаго дома, Матрентъ Антоновнѣ принесли письмо отъ сына Губернатора.

Для полненія должно сказать, что вступивъ въ службу, молодой Обошевскій, помня обѣщаніе, данное умирающей матери Евфиміи, уговорилъ отца поручить ему всѣ дѣла, которыя касались до управления ея имѣніемъ. Неусыпно и неутомимо заботился онъ объ ея выгодахъ, и съ тѣхъ поръ, какъ дѣла службы постоянно удерживали его въ столицѣ, не упускалъ случая, по крайней мѣрѣ, письменно, доказывать участіе, которое принималъ въ ея судьбѣ. Въ этотъ разъ, объяснивъ, что искательство наслѣдства угрожало опасностію его молодой protégée, онъ прибавилъ: «Только третьяго дня пріѣхалъ я сюда и спѣшу писать къ вамъ, милостивая государыня. Боюсь, чтобы дурныя вѣсти не упредили меня и не увеличили важности дѣла. Вамъ извѣстно, что я единственный наслѣдникъ моего родственника. Вчера явился ко мнѣ услужливый посредникъ. Онъ самыми живыми красками старался представить блистательную будущность, которая ожидаетъ меня, если мнѣ удастся соединить въ моемъ владѣніи богатства наслѣдства отца, дяди и К. Волжскаго. Для того мнѣ стоило только выдать ему нѣкоторые документы, дѣйствовать заодно съ генераломъ В. и упрочить успѣхъ его требованій моимъ вліяніемъ. Мо-

жетъ быть, подобныя слухи дошли до васъ, и я ни сколько не стану удивляться, если они усилили ваше безпокойство объ участи вашей воспитанницы. Спѣша успокоить васъ и ее, милост. государыня, нахожу нужнымъ увѣрить, что совершенно довольный тѣмъ что имѣю, я считаю моею священною и первую обязанностью всѣми силами защищать права сироты, порученной моему участию умиравшею родственницею. Къ счастью, я имѣю полное право надѣяться на совершенный успѣхъ моихъ стараній. Недѣли черезъ двѣ, или три, я буду имѣть честь провести у васъ нѣсколько времени и воспользоваться вашими совѣтами, для достиженія цѣли, которая, безъ сомнѣнй, заслужитъ полное ваше одобреніе и содѣйствіе.»

Уже поздно вечеромъ проснулась Евфимія.

«А гдѣ же Madame?» спросила она у Вариньки, которая стояла у кровати и заботливо ожидала ея пробужденія.

«Она еще вчера съѣхала къ Татьянѣ Андреевнѣ,» отвѣчала Варинька.

Татьяна Андреевна была сосѣдка ихъ по деревнѣ, въ ссорѣ съ Матреною Антоновною и потому давно искала случая переманить къ себѣ Madame. Тутъ происшествіи утра, изглаженный сномъ, мало по малу ожили въ умѣ Евфиміи. Она вспомнила, что неожиданное возвращеніе милости Матрены Антоновны оставалось еще для нея загадкою, и просила Вариньку объяснить ее.

«Я и сама не знаю,» отвѣчала Варинька. «Но я, право, не вижу тутъ ничего страннаго. Ты знаешь, какъ маменька вспыльчива. Она побранила тебя попустому, какъ это часто съ нею случается; послѣ ей и самой стало жаль—вотъ и все тутъ!»

«И больше ничего не случилось?»

«Ничего... Ахъ! нѣтъ: я и забыла. Часа черезъ два послѣ того, какъ ты убѣжала, маменькѣ принесли письмо изъ города. Когда она прочла его, то опять разсердилась, только не на тебя, а на Ивана Ивановича, прогнала его изъ дома и запретила ему казаться къ себѣ на глаза. Потомъ позвала меня, скликала людей и разослала ихъ искать тебя повсюду...

«Кажется, я понимаю,» подумала Евфимія;—вѣрно, слухъ оказался ложнымъ. Однакожь... Послушай, душечка Варинька: докажи, что ты меня любишь. Достань мнѣ это письмо, на одну минуту, только на одну минуту!»

Варинька призадумалась. Къ счастью, письмо лежало въ работномъ ящикѣ ея матери, а Матрена Антоновна еще не вставала отъ своей послѣобѣдней сестры. Она прокралась въ спальню, удерживая дыханіе, и черезъ минуту воротилась съ письмомъ въ рукѣ, трепеща отъ радости и страха. Евфимія пробѣжала письмо и отдала его Варинькѣ, прося скорѣе, отнести на мѣсто. Когда та возвратилась, то нашла свою подругу въ глубокой задумчивости.

«Что съ тобою?» спросила она съ безпокойствомъ. «Развѣ это письмо огорчило тебя?»

«О, нѣтъ! напротивъ... вскричала Евфимія, утирала глаза.—«Но, душечка, оставь меня теперь. Мнѣ опять что-то захотѣлось спать.»

То былъ только предлогъ. Ей хотѣлось на свободѣ подумать о благородномъ характерѣ ея молодого опискуна. Послѣ низкаго поступка Матрены Антоновны какъ отраденъ, столь цѣлительнъ былъ голосъ участія для души ея, за часъ столь глубоко уязвленной! Отъ извлекъ изъ ея глазъ слезы благодарности, напол-

ниця грудь ея чувствомъ, которое пролило благотворную теплоту въ ея душу.—Сердце не обманывало меня—говорила она сама съ собою.— На свѣтъ есть, дѣйствительно, существа возвышенныя, которымъ можно вѣрится всею душою, которыя, достойны возбуждать восторгъ, удивленіе, какъ благороднѣйшій образъ Божества на землѣ. Теперь я могу дать тебѣ волю, о мое сердце! Теперь я чувствую, что не напрасно надвѣялъ тебѣ Создатель тою пламенною способностью любить и удивляться, которая до сихъ поръ бесплодно и незримо въ тебѣ таилась!

Прежде, быть можетъ, поступокъ Валеріана Николаевича не тронулъ бы ея такъ глубоко. Ничто столько не научаетъ насъ цѣнить людей, какъ жестокій опытъ. Только онъ указываетъ намъ, до какой степени могутъ доходить ихъ пороки и низкія склонности. Ребенкомъ зоветъ брильянтомъ каждый камушекъ, который блеситъ въ его калейдоскопѣ, а купецъ, опытный въ своемъ дѣлѣ, и въ драгоцѣнномъ камнѣ подозрѣваетъ подлогъ и обманъ. За то никто достойнѣе, никто лучше его не оцѣнитъ алмаза чистаго безъ порока. Какъ часто, въ благородномъ пылу первой юности, мы безразсудно расточаемъ священные сокровища сердца! Какъ унижаемъ любовь, удивленіе, восторгъ, повергая ихъ передъ недостойными, возносимъ пламенные мѣлитвы души передъ идолами, и какъ послѣ стыдима своихъ великодушныхъ заблужденій, какъ послѣ становимся скупы на любовь и уваженіе!...

Мысль, что В. Н. ея защитникъ, что онъ и заочно наблюдалъ надъ ея судьбою, пролила чудное спокойствіе въ ея душу. Будущее озарилось яркимъ свѣтомъ надежды. Прелестныя идеалы, которые прежде сіяли ей далеко, какъ звѣзды небесныя, и чѣмъ дальше, тѣмъ ободстительнѣе, вдругъ, мнилось ей,

стали такъ близки, такъ достигнута!.. Какъ върнула она въ эту минуту всему прекрасному въ жизни и людяхъ!.. Незамѣтно протекали часы въ такихъ пріятныхъ мечтахъ. Она снова заснула. Ей снился благородный юноша; въ видѣ ея ангела-хранителя. Онъ подавалъ ей руку, онъ обращался къ ней съ привѣтомъ нѣжности и участія, и взоръ и голосъ его вливали неизяснимую отраду въ ея душу.

Однакожь нѣжное ея сложеніе не вынесло усталости и потрясеній, которыя она испытала. На другой день голова ея пылала; она не узнавала никого и въ бреду безпрестанно произносила имя Валеріана Николаевича, призывая его на помощь и жалуясь на поступки тетки.

«Она выгнала меня за то, что я бѣдна!» кричала она.

Матрена Антоновна была въ отчаяніи. И кому отъ нея тогда не досталось! — Господи! — думала она, — что если вдругъ нагрянетъ Губернаторъ съ сыномъ? — Пропала я, да и только! — И она не отходила отъ изголовья больной. Иванъ Терентьичъ также становился у ея постели, и стоялъ неподвижно по цѣлымъ часамъ, повторяя глухимъ басомъ: «Успокойтесь, матушка, Афинья Николаевна! успокойтесь!» пока, выведенная изъ терпѣнія, Матрена Антоновна не прогоняла его изъ комнаты.

Недѣлю была Евфимія между жизнью и смертію. Цѣлую недѣлю металась Матрена Антоновна, какъ угорѣлая, мучила губернскаго и уезднаго докторовъ, мучила мужа и цѣлый домъ.

Но небо сжаилось надъ нею, или, быть можетъ, опредѣлило сохраненіе дѣвушки для извѣстныхъ ему цѣлей. Она стала медленно оправляться. Во время выздоровленія, она по прежнему сдѣлалась идоломъ Матрены Антоновны, слѣдовательно, и цѣлаго дома.

Прошелъ мѣсяцъ. Ей позволили выходить, а В.

II. все еще не прѣвзжалъ. Съ возобновленіемъ прежнихъ отношеній къ ея родственникамъ, мало по малу, изглаживалось изъ ея памяти впечатлѣніе жестокаго для нея дня. Не скажу, чтобы оно исчезло совсѣмъ. Это было бы невѣроятно. Трудно отдать довѣренность и уваженіе тому, кто ихъ утратилъ. Но возсоздать хоть одно разрушенное зданіе юношескихъ воздушныхъ замковъ, оживить хоть одну изъ нашихъ умершихъ надеждъ—невозможно.

Урокъ тѣмъ глубже врѣзался въ сердце Евфиміи, чѣмъ менѣе было то замѣтно. Только съ тѣхъ поръ она рѣдко отвѣчала на преувеличенныя ласки тетюшки, и никогда не называла ея священнымъ именемъ матери. Вариньку любила и дарила она по прежнему. Это нѣсколько утѣшало Матрину Антоповну, которая внутренно разрывалась отъ досады и проклипала злопамятную дѣвчонку, за то, что не могла болѣе ее обманывать притворными, корыстными ласками.

По наружности, все, казалось, пришло въ прежній порядокъ. Дѣвушки готовили варяды къ прѣезду Обоневскаго. Во время прогулокъ, онъ былъ обыкновеннымъ предметомъ ихъ разговоровъ. Варинька любила говорить объ немъ, потому что его прѣездъ, думала она, подастъ поводъ къ разнымъ веселостямъ въ ихъ маленькомъ городкѣ. Евфимія была счастлива, когда объ немъ говорили, потому что считала его своимъ благодѣтелемъ, потому что, сама того не замѣчая, привязалась къ нему со всею пылкостью юной, нѣжной, благородной души.

VI.

Извѣстіе, что Валеріанъ Николаевичъ Обоневскій, сынъ Губернатора, осчастливитъ своимъ посѣщеніемъ семейство Муриныхъ, быстро разнеслось по все-

му уѣзду. Его ждали съ нетерпѣніемъ не только въ домъ Марьи Антоновны, но и въ маленькомъ городкѣ, верстахъ въ двухъ отъ деревни, и во всѣхъ помѣстьяхъ. Объ немъ говорили всѣ и каждый, начиная отъ толстой жены булочника, и отъ башмачника, которые надѣялись на прибавленіе работы, до городничаго и жены исправника, которые ожидали... Но Богъ съ ними: что намъ до ихъ надеждъ и ожиданій!..

Наконецъ, столь нетерпѣливо ожидаемый гость пріѣхалъ. Мы не будемъ распространяться о томъ, какую прибытіе его произвело перемену въ образѣ жизни Марьи Антоновны, какъ, отбросивъ привычную скупость, она выложила, выставила все, что у ней было лучшаго, какъ принимала она каждый день посѣщенія сосѣдей, которые, забывъ свои неудовольствія на вадорливую сплетницу, подъ разными предлогами пріѣзжали къ ней, чтобы познакомиться съ богатымъ, знатнымъ женихомъ. Описание могло бѣ быть очень любопытно и забавно, но насъ занимаетъ преимущественно одно существо, па судьбу котораго появленіе Валеріана подѣйствовало сильно, рѣшительно. Имъ только займемся мы, и его чувства станемъ наблюдать.

Съ отъѣзда гувернантки, бывшей для нея болѣе услужливою, снисходительною повѣрленною, нежели наставницею, Евфимія привыкла повѣрять бумагъ чувства, которыя, нерѣдко, тѣснили, подавляли ея душу своею силою. Ей тогда становилось легче, какъ будто она высказала ихъ нѣжному, сочувствующему другу.—Вотъ, что писала она въ своемъ журналѣ:

1-го *Юля*. — Боже! что случилось со мною!... Не сонъ ли это?.. Или мое воображеніе вызвало дѣйствительно одинъ изъ тѣхъ обольстительныхъ призраковъ, которые до сихъ

поръ плѣтили меня только въ созданіяхъ поэтовъ и романистовъ!.. Но, нѣтъ... Я точно видѣла его, я говорила съ нимъ!.. И теперь еще наипительный его голосъ раздастся въ моемъ слухѣ, и теперь еще я вижу его взоръ!.. Какой взоръ!... Боже мой! какъ бьется мое сердце!

.....

Трудно мнѣ было собраться съ мыслями... Наслыу хоть нѣсколько утихли мое волненіе и трепеть сердца... Теперь я могу описать все въ порядкѣ. Сегодня утромъ, лишь только мы возвратились съ прогулки, тетушка вышла къ намъ на встрѣчу. По лицу ея замѣтно было, что произошло что-то необыкновенное. Не говоря ни слова, она поправила волосы и косынку Вариньки, взяла насъ за руки и ввела въ гостиную. Не знаю отъ чего, но мнѣ было такъ страшно, что колѣна мои дрожали. Тамъ было много гостей; это я замѣтила, войдя въ комнату. Но еще минута... я взглянула... и гости, и комната, и все исчезло изъ моихъ глазъ... Возлѣ моего дяди сидѣлъ прекрасный молодой человекъ... Человекъ!.. Не ужели это названіе ему прилично? Неужели онъ одного происхожденія со всѣми людьми — со всѣми этими людьми, между которыми онъ сѣлъ, какъ ангелъ между духами тмы?... Какъ прекрасно его высокое чело, на которомъ вились черныя кудри! Какъ спокоенъ, величественъ его взоръ!.. Какое благородство въ осанкѣ, въ малѣйшихъ движеніяхъ! Онъ казался царемъ, который принимаетъ поклоненія своихъ подданныхъ. Какъ малы, какъ жалки, какъ смѣшины возлѣ него всѣ люди!.. Я взглянула — и моя робость смѣнилась неподдающимъ удивленіемъ. Онъ всталъ при нашемъ появленіи. Первый взоръ его обратился на Вариньку. Казалось, онъ принялъ ее за меня. Но тетушка назвала меня. Лицо его сдѣлалось еще прекраснѣе. Оно просіяло ангельскою добротою. Онъ сталъ говорить, онъ говорилъ съ выраженіемъ живѣйшаго участія... О, Боже! я не знаю, что стало со мною, когда я услышала эти звуки!.. Душа моя не могла вынести потока счастья, который вдругъ въ нее пролился... Я заплакала... да, заплакала, зарыдала, какъ дура... Онъ отнесъ мои слезы къ воспоминанію о покойной матушкѣ... А и?.. Ахъ! я не думала то время объ матушкѣ. Я не думала ни о комъ, я забыла даже самое себя. При первомъ слухѣ, я убѣжала изъ комнаты...

Это онъ!.. Благородный, великодушный мой покровитель! Мой хранитель-ангелъ! О, какъ паружность достойна его души!.. Такъ я воображала, его себѣ, когда проводила цѣлыя ночи, думая объ немъ. Я узнала бы его между тысячами.

5-го. Прошло четыре дня, и опъ сдѣлался идоломъ, душою всѣхъ и всего. Сначала Варинька робѣла передъ нимъ, а теперь разговариваетъ, смѣется съ нимъ, такъ же свободно, какъ со мною. И могло ли быть иначе! Онъ такъ добръ, такъ добръ, что за объдомъ, за чаемъ, и украдкою, по цѣлымъ часамъ смотрю на него, слушаю его, и не могу рѣшить, что въ немъ прекраснѣе, что достойнѣе удивленія: умъ, паружность, или душа?

Вчера, послѣ объда, мы сидѣли въ залѣ и работали. Его съ нами не было. Матрена Антоновна собиралась идти смотреть, какъ себѣпали въ житницу обмолоченный хлѣбъ. Лишь только она вышла, Варинька бросила свою работу на столъ и предложила мнѣ повторить съ ней Французскую кадрили. Мы думали, что Валеріана Николаевича совсѣмъ нѣтъ дома, и преспокойно прыгали и кружились подъ звуки разительной скрипки Никифора... Вдругъ, смотримъ: на лицѣ нашего Орфея стали появляться престранныя гримасы и улыбки... Обернулись, вскрикнули въ одинъ голосъ и отъ смущенія упали на стулья. Онъ стоялъ съ полчаса у дверей и смотрѣлъ на насъ, дѣлая Никифору знаки, чтобы тотъ молчалъ. Онъ улыбнулся; потомъ подошелъ къ намъ, и съ тою неподражаемою пріятностью, которая царствуетъ въ его голосѣ, движеніяхъ, поступкахъ, просилъ позволить ему участвовать въ нашихъ танцахъ. Сначала, мы только краснѣли и путали; потомъ, почувствительно ободрились и стали такъ веселы, такъ веселы...

Боже мой! какимъ чародѣйствомъ этотъ человекъ имѣетъ такое вліяніе на всѣхъ, кто къ нему приближается! Сперва, его превосходство ослѣпляетъ, поражаетъ; потомъ, самъ не знаешь какъ, становишься будто въкъ живаль съ нимъ мѣстѣ, и готовъ, кажется, раскрыть передъ нимъ всю свою душу. Онъ вальсировалъ съ Варинькою. Я отказалась — не знаю почему. Быть къ нему такъ близко показалось мнѣ такъ страшно! Дыханье у меня замерло, голова закружилась... Ни за что, ни за что!

6-го. Сегодня, мы гуляли съ нимъ, гуляли долго, водили его

но въсьмъ мѣстамъ, которыя чѣмъ нибудь замѣчательны. И что за восхитительная прогулка! Какую невнятную прелесть проливало его присутствіе на всѣ предметы, которые прежде казались мнѣ такъ обыкновенны, и часто такъ скучны!

Узнать, что мы любимъ собирать растенія, онъ похвалилъ это занятіе, вызвался помогать намъ, сорвалъ нѣсколько цвѣтѣвъ.

Я хранию ихъ навсегда въ серебряномъ, фиолетовой работы личикѣ, который достался мнѣ послѣ матушки. Онъ сталъ извѣщать намъ ихъ пользу, ихъ ученый названія и примѣты. Долго, увлекательно говорилъ онъ о странах, откуда они сначала вывезены, гдѣ они растутъ несравненно лучше, свободнѣе, роскошнѣе цвѣтутъ, сильнѣе благоухаютъ. Какъ хорошо говорить онъ! О каждомъ полевомъ растеніи находилъ онъ сказать что нибудь занимательное. Мнѣ казалось, что я вижу ихъ въ первый разъ. Такъ много онъ заставилъ меня лаяти въ нихъ прелестнаго. Въ каждомъ его выраженіи есть что-то тихое, что невольно проникаетъ въ душу. Даже вътрепая Варинька перестала бѣгать, и слушала, устремивъ на него свои большіе, голубые глаза. Вдругъ онъ остановился въ самой срединѣ разсказа, долго смотрѣлъ на Вариньку, которой головка была прихотливо убрана полевыми цвѣтами... *Quelle charmante tête!* сказалъ онъ вдругъ... И взоръ его былъ такъ въжешь, голосъ такъ мягокъ... я затрепетала и весь тотъ день не могла ни о чемъ другомъ думать... Не страшно ли?...

10-го. Для три тому, Валеріанъ Николаевичъ разсказывалъ намъ, какъ много ѣздить верхомъ Англичакки. Его живой, одушевленный разсказъ возбудилъ въ насъ охоту испытать это удовольствіе... Варинька и я, когда еще была у насъ гувернантка, не болѣе пяти разъ сѣли на лошадь, и то для шутки и украдкою отъ всѣхъ... Лишь только мы изъявили наше желаніе, В. Н. послалъ къ отцу своему за лошадьми, написалъ приглашенія, разослалъ ихъ къ знакомымъ, и тотчасъ занялся приготовленіемъ. Черезъ три дня назначено быть празднику. Марія Антоновна не смѣла ему противорѣчить; за то ужъ она бранила, бранила насъ, когда мы остались одни... Впрочемъ, она успокоилась, какъ скоро я ее увидѣла, что съ радостью беру всѣ издержки на себя. Марья Ан-

топовна только потрепала меня по щеке, сказавъ очень ласково: «Шалуныя, проказница!...» и оставила насъ въ покоѣ.

Цѣлыя двѣ ночи просидѣли мы за костюмами. Вчера, въ 10-ть часовъ утра, къ намъ наѣхало множество гостей изъ города и окружающихъ деревень.

Кавалеры почти всѣ были верхомъ; дамы въ коляскахъ, въ кабріолетахъ, и даже въ тележкахъ. Нашлось однакожь много охотницъ до верховой ѣзды, а такъ какъ трудно было достать имъ приличныя для того костюмы, въ такое короткое время, то нѣкоторыя представляли преуморительную фигуру. Двѣ немолодыя дочки почтмейстера были въ простыхъ капотахъ, изъ-подъ которыхъ очень мило выказывались совсѣмъ не маленькія ножки. — «Что за лошади!» шептали вокругъ. — «Ба!» вскричалъ молодой капитанъ, стоявшій возлѣ Вариньки, «да это тѣ самыя, что привезли намъ письма изъ М^н. Берегитесь, господа: эти двѣ Амазонки всѣхъ обгоняютъ! Вѣдь онѣ ѣдутъ *по погнѣ!*» Последовалъ общій хохотъ. Нѣкоторыя изъ дамъ надѣли манто, которыя закрывали имъ тали и руки и придавали сходство съ мышками... Но пересказать всего, что было смѣшнаго, не стало бы ни времени — и, сказать правду, ни охоты... Мнѣ что-то грустно! Какое-то предчувствіе тяготитъ, тревожитъ мою душу... Да, и тогда я почти не смѣялась. Все мое вниманіе было устремлено на Валеріана Николаевича.

Когда мы вышли садиться, всѣ въ одинъ голосъ закричали: «Какъ хороша Варвара Ивановна!» И въ самомъ дѣлѣ: я никогда не видала ея столь прелестною, какъ въ этомъ синемъ платьѣ, которое выказывало ея необыкновенную близнву, и въ пуховой шляпкѣ съ голубымъ вуалемъ. Лицо В. Н. озярилось улыбкою, когда онъ взглянулъ на нее. Съ какою заботливостію сажалъ онъ ее на маленькую ученую лошадку, какъ ясно, долго толковалъ, какъ ей сидѣть; какъ держать себя! Варинька робѣла. Она поминутно мѣнялась въ лицѣ — и, вѣрно, не отъ робости, а отъ удовольствія быть предметомъ его попеченій.

Мнѣ стало больно, что его вниманіе было устремлено на другую, а не на меня, которая такъ умѣетъ цѣпить его... Я должна была принять услуги М-г Жака, котораго внутренно проклинала, и когда В. Н. предложилъ мнѣ свою помощь и совѣты, я отказалась отъ нихъ. Сборы другихъ дамъ, у

которыхъ не было такихъ смиренныхъ лошадей, какъ наши, продолжались несравненно долге. Въ нетерпѣніи, мы рѣшились упредить ихъ, и шагомъ поѣхали по большой дорогѣ, которая вела къ гористому берегу рѣки. Долго мы слышали за собою споры, просьбы, жалобы, восклицанія: «Ахъ! Боже мой! я вадаю!... — М-г Jean, ш-г Jean! помогите, я упала! — Ахъ! братецъ! не могу сладить съ лошадыю; все ворочается назадъ! — А моя все щиплетъ траву! — Ой... ай! — Messieurs, messieurs, par pitié ne galopez pas!» Наконецъ порядокъ кое-какъ установился. Поездъ тронулся съ мѣста. Мы стали подъ тѣнью дуба. По дорогѣ, одна за другою, потянулись повозки, а по зеленому, обширному лугу живописно рассыпались группы всадниковъ, слугъ и крестьянъ зрителей. Каждый старался присоединиться къ обществу, которое ему было пріятнѣе. Наше составляли: В. Н., Варинька, молодой капитанъ, М-г Jacques и я. Мы ѣхали, разговаривая и смѣясь. Кавалеры показывали свое удалство. Но и тутъ, В. Н. блисталъ, какъ мѣсяцъ между звѣздами. На прекрасномъ блонномъ конѣ, съ своею величественною осанкою, своимъ гордымъ челомъ, онъ казался мнѣ какимъ-то полубогомъ. Псззди насъ шумно раздавались лошадиный топотъ, крикъ, смѣхъ; коротенькими всадницами очень часто повторялись громкіе: «Ай! ахъ!» впрочемъ, не отъ испуга, а чтобы дать поводъ кавалерамъ къ нѣжнымъ услугамъ...

Вдругъ слышимъ крики: «Держите! Помогите!.. Посторопитесь!.. Упадетъ!» Мы поспѣшили стать къ створопѣ. Мимо насъ, съ быстротою только что пущеннаго шара промчалась уродливая, безобразная масса... то былъ толстый помѣщикъ Б., нашъ сосѣдь. Онъ былъ извѣстепъ за большаго труса. Онъ не помнилъ: вздиль ли когда верхомъ? и на тотъ разъ рѣшился сѣсть на лошадь только изъ угожденія В. Н., которому хотѣлось сдѣлать наше общество, какъ можно многочисленнѣе и веселѣе. Съ часъ бился онъ съ своею лошадыю и никакъ не могъ заставить ее подвигнуться впередъ.

«Братъ» сказалъ онъ, обращаясь къ Исправнику, «сдѣлай одолженіе, стегни мою лошадь!» Тотъ исполнилъ его желаніе, но упрямое животное ни съ мѣста. Онъ стегнулъ еще разъ — тоже равнодушнѣе. Выведенный изъ терпѣнія, онъ ударилъ изо всей силы хлыстомъ — лошадь бросилась во весь галопъ, пронеслась съ своимъ сѣдокомъ сквозь группы всад-

инковъ, сквозь ряды повозокъ и толпы слугъ, и умчала его изъ вида, съ быстротою, которую увеличивалъ общій крикъ. Бѣдный Б" потерялъ стремяна; ноги его били тактъ во бокамъ лошади и побуждали ее къ скорости. Потъ градомъ лилъ съ его лица, краснаго, какъ раскаленная сковорода; глаза закатились подъ лобъ. Лѣвою рукою онъ крѣпко уцѣпился за гриву лошади, правую тянулъ изо всей силы повода. Это послужило къ его спасенію. Упрямая лошадь свернула въ сторону, наскочила на заборъ, которымъ были огорожены поля пшеницы, и остановилась какъ вкопанная. Что происходило далѣе, какъ успѣли стащить съ лошади бѣднаго Б", полумертваго отъ страха и разбитаго вздою — не знаю. Мы поѣхали впередъ. Ногида была чудесная. Солнце ясно и радостно смотрѣло на насъ съ прозрачно-голубыхъ небесъ. Въ лѣсу, куда мы въѣхали, было отрадною прохладою. Варышка съ молодымъ капитаномъ отъ души смѣялись надъ приключеніемъ съ Б", и В. Н. былъ также речень весель и разговорчивъ. — Миѣ, не знаю отъ чего, было грустно. Я ожидала чего-то болѣе отъ нашей прогулки. Чего-то миѣ доставало...

Со всѣми сборами и приключеніями, мы прѣехали на мѣсто отдыха не прежде трехъ часовъ. Тамъ разставлены были палатки на случай дождя; на травѣ разостлапы ковры. Множество слугъ разносили уже кушанье. Когда мы всѣ устали, грянулъ невидимый оркестръ музыкантовъ.

Кончился обѣдъ. Солнце пачинало уже склоняться къ закату. Сквозь листья деревьевъ сіяло небо, облитое пурпуромъ и золотомъ... Всѣ стали веселѣе, разговорчивѣе; только миѣ стало еще грустнѣе.

Пока М. А. хлопотала и двадцать разъ повторяла Никифору, чтобы сберечь и представить ей остатки вины и кушанья, пока В. Н. мѣнялся съ обществомъ complimentами и услуживалъ Варышкѣ, я проворно, украдкою, вскочила на лошадь и поскакала въ лѣсъ по уединенной, знакомой миѣ тропинкѣ, которая вела къ дому... О! за чѣмъ не могла я улетѣть далеко, туда, куда стремилось безпокойное, недовольное мое сердце! Или за чѣмъ не могла я разсѣять по волѣ вѣтровъ грусть, которая меня томилась!...

Прошло около получаса. Вдругъ за мною раздался конскій топотъ. Это былъ онъ. Но, задумчивый, озабоченный...

«Гдѣ же Варинька?» спросила я.

«Не знаю,» отвѣчалъ онъ. «Пока вапни сосѣди осаждали меня комплиментами и благодареніями, я потерялъ ее изъ вида»

«Подождеть-те ихъ,» сказала я — «нимъ известна ата тропишка; вѣрно, и они сюда прѣбдутъ..»

«Да, подождеть-те ихъ,» отвѣчалъ онъ разсѣянно.

Мы стали возлѣ дороги, подѣ деревьями. Солнце уже почти скрылось. На другой сторонѣ взошла луна; лучи ея падали на лицо В. Н. Оно было важно и блѣдно, но какъ прекрасно! Онъ молчалъ. Я не смѣла начать разговора. Невольно изъ груди моей вырвался вздохъ. Онъ отвѣчалъ на него вздохомъ же. Я затрепетала всѣми членами. Неужели одинакія мысли, одинакія чувства занимали насъ!.. Онъ хотѣлъ говорить... Ахъ! зачѣмъ не говорилъ онъ!.. Одно его слово — и утихло бы море догадокъ, сомнѣній и волненій, въ которомъ носилась и тонула моя дума... Но вдали послышался шумъ.

«Вотъ они!» сказалъ онъ отрывисто. «Это, вѣрно, они,» повторилъ онъ.

Въ самомъ дѣлѣ, черезъ минуту мы услышали тихую рысь лошадей и шопоть едва внятнаго, но жаркаго разговора... Потомъ, среди безмолвія лѣса, раздалось что-то похожее на звукъ поцѣлуя; потомъ одинъ голосъ возвысился — въ немъ было замѣтно выраженіе досады. Черезъ минуту показалась Варинька на тропишкѣ. Даже при блѣдномъ мерцаніи луны можно было замѣтить ея румянецъ и смущеніе... Увиди насъ, она вскрикнула: «Ахъ! Боже мой! какъ вы меня испугали! Вы точно привидѣнія!» И Варинька провела рукою по лицу, какъ-бы желая сказать: «Смотрите, какъ я покраснѣла; вѣдь, это все отъ испуга...»

Поравнявшись съ В. Н., Варинька спѣшила заговорить съ нимъ, и такимъ ласковымъ, дружескимъ голосомъ, что я вздрогнула отъ удивленія. Казалось однакожь, что она только съ тѣмъ расточала ему свою любезность и внимательность, чтобы удалиться отъ капитана и за что-то наказать его. Иначе... Ахъ! Варинька, Варинька! неужели и твои добрая, шальная душа способна къ кокетству, способна обманывать и играть привязанностью?..

Капитанъ смотрѣлъ съ минуту, какъ они удалились, и вдругъ ударилъ себя въ лобъ.

«Что съ вами?» спросила я его.

«Акъ, Афонья Николаевна!.. Вы не знаете... Она замѣтила, что я стала ревновать ее... Мы вассорились... Впроче-мъ, не надолго.... На замѣренье, я хотѣла только поцѣловать два раза руку, но она опять разсердилась... и я была глупъ, такъ, что никогда не прощу себя»...

Я не возражала на его слова, и мы поѣхали молча домой.

Вотъ какъ кончилась прогулка, которая казалась мнѣ за день такую очаровательною, которой я такъ нетерпѣливо ожидала!

11-го. Дни мои такъ незамѣтно исчезаютъ среди этого счастья... пять скажу лучше — упоенія, что я совсѣмъ забыла мою старую знакомку въ лѣсу, и мое обѣщаніе помогать ей. Только сегодня я объ ней вспомнила.

Въ домъ всѣ еще спали, а я была уже на тропинкѣ, ведущей въ лѣсъ.

Старушки не было дома. Я отдала мои гостинцы ея внуку. Какой миленькій, умненькій мальчишъ! Мнѣ кажется, еслибы имъ залягся, то изъ него вышло бы что нибудь хорошее. Не знаю, но мнѣ всегда бываетъ больно видѣть прекрасное, такъ много обѣщающее растение, совершенно оставленнымъ, тогда, какъ другія... напримеръ, наша знакомая г-жа Р. ежегодно тратитъ тысячу по 20-ти на воспитаніе своихъ трехъ тупыхъ, бездарныхъ дочерей, хвалится множествомъ ихъ учителей и гувернантокъ, и что же изъ того выходитъ? Онѣ становятся съ каждымъ годомъ злѣе, надутѣе, а все также глупы и невѣжественны... «Хочешь ли ты жить со мною?» спросила я мальчика.

«Хочу», отвѣчалъ онъ смѣло, устремивъ на меня свои большіе, голубые глаза.

«Стало быть, ты любишь меня?»

«Люблю».

«За что же?»

«За то, что ты добрая и не зовешь бабушки вѣдьмою.»
Бѣдный малютокъ!..

Лишь только я вышла, мнѣ на встрѣчу... онъ, съ ружьемъ и собакою.

Онъ чрезвычайно удивился, встрѣтивъ меня въ такую раннюю пору, и спросилъ: какія мѣста увидѣли меня съ солнцемъ?

Я не могла скрыть отъ него настоящаго. Не знаю почему, но мнѣ кажется, что душа моя должна быть открыта

передъ нимъ, какъ передъ Богомъ... Я все ему рассказала, не исключая и глупаго приключенія старухи.

«Тутъ что-то странное,» сказалъ онъ, качая головою—«попытно узнать объ этомъ подробнѣе.»

Юсѣвъ обвѣда, В. Н. сказалъ, что онъ пойдетъ смотреть Проклятое Мѣсто.

Мы съ Варинькою вскрикнули отъ ужаса.

«Умоляю васъ, не ходите!» сказала Варинька, «у меня замираетъ сердце отъ одной мысли о всѣхъ ужасахъ, которые тамъ случаются!»

В. Н. улыбался.

«Хотите ли,» вскричала я рѣшительно, «я пойду вмѣстѣ съ вами?»

«Въ самомъ дѣлѣ?... Но, скажите, давно ли вы блѣднѣли при одной только мысли объ ужасной пещерѣ?»

Онъ быстро взглянулъ на меня.

Я не отвѣчала, потупила глаза... вся вспыхнула... Мнѣ казалось, онъ прочиталъ въ моей душѣ, что съ нимъ, для него, я готова на всѣ опасности.

14-го. Полночь. Всѣ въ домѣ спать. Я могу писать. Никто меня не увидитъ. Моя горничная спитъ глубокимъ сномъ. Счастливица! Дорогою цѣною купила бы я твое спокойствіе, твое довольство судьбою; дорого дала бы, чтобы не знать волненій, тоски, порывовъ страсти, которые, кажется, способны разрушить все мое существо! — Я упростила, чтобы Варю перевели въ другую комнату, подѣлъ тѣмъ предлогомъ, что потревожу ея сонъ во время моей болѣзни. Но, въ самомъ дѣлѣ, я хочу быть одна. Я хочу скрыть отъ всѣхъ то, что чувствую. Никто не узнаетъ, никто не раздѣлитъ моихъ страданій, а Варинька менѣе всякаго другаго. Что можетъ быть между нами общаго? Не назначилъ ли намъ судьба совершенно различныхъ, совершенно противоположныхъ удѣловъ? Ее создала она; кажется, для того только, чтобы наслаждаться, радоваться жизни и радовать собою другихъ. Меня?... Не знаю... но предчувствую по тоскѣ, которая наполняетъ душу, что будущее грозитъ мнѣ несчастіемъ... Однажды, одинъ только уголокъ его таинственной завѣсы приподняла я—и мнѣ стало такъ страшно!.. Я отвратила взоры и не смѣю заглянуть еще... Боюсь, чтобы мои предчувствія не сбылись, чтобы не осуществились грозившіе признанія, что

рые мелькнули передо мною!.. О!.. пока еще возможна надежда я хочу надеяться; я буду уверять себя, что это обман, мечта.. Не знаю сама что пишу; въ головѣ моей все такъ смутно, сердце такъ полно!..

Я отворила окно, подышать свѣжимъ воздухомъ. Небо такъ ясно. Отъ яркихъ звѣздъ, рассыпанныхъ рукою Творца на голубомъ его пространствѣ, отъ свѣтлаго чела луны, которая тихо и величаво его обтекаетъ, потоки свѣта льются на землю, играютъ между листьями, дробятся въ волнахъ рѣки, заглядываютъ въ темные навѣсы деревь. Прекрасна природа! Съ какимъ наслажденіемъ всегда бесѣдовала я съ нею! Но, теперь — ночь! мнѣ противна твоя красота—звѣзды! вашъ свѣтъ песносѣтъ для души моей! — Вчера, въ такую же очаровательную ночь, мы трое сидѣли въ бесѣдкѣ сада. Такимъ же яснымъ взоромъ радовала насъ луна, также блистали звѣзды, также чисто было небо и соловей нѣлъ въ кустахъ.. И онъ былъ прекрасенъ, прекраснѣе, нежели когда нибудь, но уже не тотъ, что вчера. Кто подумалъ бы, смотря на кроткое лицо, исполненное думы и какого-то невыразимаго величія, что это живой, веселый В. Н., который такъ охотно раздѣлялъ наши забавы, былъ душою нашихъ бездѣльныхъ запятій и шутливыхъ разговоровъ?.. Почти противъ него, прислонившись къ акаціямъ бесѣдки, сидѣла Варинька, утомленная вчерашнею прогулкою. Она была блѣдна. Въ ея лицѣ, въ глазахъ, во всей ей была разлита какая-то томная, безпечная нѣга.

Мы долго молчали. Тихое, сладостное чувство наполняло мою душу.

«Когда я смотрю на эти свѣтлые міры,» сказалъ онъ наконецъ, и среди ночной тишины голосъ его звучалъ, какъ струна арфы серафима, «мнѣ кажется, что они полны существъ, подобныхъ намъ, но превосходяще, совершеннѣе насъ; мнѣ кажется, что тамъ ожидаютъ меня всѣ тѣ, кого утратилъ я въ жизни!..»

О! только душа, доступная всему великому, способная къ пламенней, вѣчной любви, могла сказать такъ! Ах! какъ хорошо я его угадала! — Онъ вспомнилъ о своихъ родителяхъ, въ особеннѣности о матушкѣ, которая его такъ любила, и какъ будто воспоминаніе удвоило его доброе расположеніе къ дочери: съ такою важностью, съ такимъ воспритворнымъ

участіемъ сталъ онъ разспрашивать меня о моей жизни, занятіяхъ, входилъ въ малѣйшія подробности, жалея знать, довольна ли я? очастлива ли? — Не помню, что я ему отвѣчала, потому, что едва помнила себя, едва могла дышать отъ волненія. — На послѣдній вопросъ... Ахъ! что могла я сказать ему, когда не знаю, что сказать самой себѣ?

«Я чувствую,» сказалъ онъ, черезъ нѣсколько времени, въ отвѣтъ на мое молчаніе, «какъ неосторожно думалъ я нѣтъ съ вашей стороны довѣренность, не предъявивъ напередъ ни какихъ заслугъ. Я буду стараться, чтобы, по крайней мѣрѣ, современемъ вы сочли меня ея достойнымъ. И если когда нибудь содѣйствовать вашему счастью будетъ въ моей власти, вспомните, любезная Евѣмія Николаевна, что вы имѣете во мнѣ предавнаго друга, брата, готоваго доказать это не на словахъ, а на дѣлѣ.» Говоря такъ, онъ взялъ мою руку и поднесъ ее къ своимъ губамъ.

Еще до сихъ поръ, все существо мое трепещетъ при одномъ воспоминаніи о томъ. Отъ чего? Не знаю. Тогда я трепетала отъ блаженства, котораго, кажется, не въ силахъ выщипать душа слабой дѣвочки.

Я не могла произнести ни слова. Еще минута, и слезы ручьями потекли бы по щекамъ моимъ.

Скрывая смущеніе, я поспѣшно встала и тихо пошла по аллеѣ, которая вела отъ бесѣдки къ балкону.

Вдругъ, я снова услышала его голосъ. Какъ очарованная, не могла я сдѣлать впередъ ни шага; всѣ мои способности сосредоточились въ слухъ; я старалась не проропить ни одного изъ его драгоценныхъ словъ.

«А, вы развѣ не удостоите меня названіемъ вашего друга? развѣ не позволите, когда это будетъ въ моей власти (кто знаетъ, что можетъ случиться?), способствовать вашему счастью всѣми силами моей души?» Съ Варинькой говорилъ онъ. Варинька отвѣчала такъ тихо, что я ничего не могла слышать.

«Если такъ, дайте же мнѣ руку въ знакъ добраго согласія.»

Тутъ мѣсяцъ вышелъ изъ-за облака; лучи его ударили прямо въ бесѣдку. Я увидѣла, такъ ясно, какъ теперь вижу эти буквы, что В. Н. взялъ руку Вариньки, которую она съ улыбкою водала ему, крѣпко прижалъ ее къ губамъ,

тихо, съ невыразимымъ сочетаніемъ нежности и могущества привлечь ее въ свои объятія, напечатлать долгій, пламенный поцѣлуй на ея губахъ. Этотъ поцѣлуй опалилъ меня. Онъ выжестъ все мое сердце. Колѣна подо мною подогнулись; я упала бы, елибы не прислонилась къ дереву. Не помню, что со мною случилось. Когда я пришла въ себя, она шла ко мнѣ на встрѣчу. О, ни за что въ мірѣ не согласилась бы я дать замѣтить ему свое положеніе! Смерть показалась бы мнѣ легче его сожалѣнія. Я призвала всю мою твердость — молила Бога подкрѣпить меня...

«Ахъ! Фимочка! какая ты блѣдная!» вскричала Варинька. «Что съ тобою?» В. Н. также изъясилъ мнѣ участие.... Но какъ холодно, какъ бѣдны показались мнѣ слова, которыя за минуту, наполнили мою душу счастьемъ! «Боже! не оставь меня!» — сказала я себя — чтобы ни одно слово, ни одинъ звукъ не измѣнилъ мнѣ!» Я старалась придать голосу, какъ можно болѣе твердости, и отвѣчала, что въ саду стало очень сыро и у меня заболѣла голова. Мы тотчасъ пошли домой. Варинька послѣдовала за мною въ мою уборную.

Страшная мысль пришла мнѣ тогда въ голову.

«Варинька!» сказала я, стараясь улыбнуться, «знаешь ли, что я вздумала? Если въ воскресенье мы надѣнемъ маски и одинакіе костюмы, то насъ будутъ принимать одну за другую... Какъ это будетъ весело! Вѣдь мы почти одинаковаго роста. Правда, мои волосы темнѣе твоихъ, да, подъ лептою никто не замѣтитъ.»

Въ моемъ голосѣ и смѣхѣ было что нибудь очень странное, потому что Варинька смотрѣла на меня во все глаза, и, казалось, не знала: шучу ли я, или говорю серьезно?

«Какая ты!» вскричала я — «мнѣ смерть хочется посмотреть, много ли ты меня выше... Эй, Дуня, Настя! скорѣе свѣчь къ зеркалу!»

Когда дѣвушки исполнили мое приказаніе, я взяла Вариньку за руку и стала съ нею передъ большимъ трюмо.

Одинъ взглядъ убѣдилъ меня, почему моя пламенная благодарность къ В. Н., мое вниманіе къ его малѣйшимъ словамъ, все качества, которыя онъ съ такою снисходительностью выхвалялъ во мнѣ, менѣе его трюгають, менѣе дѣлають ему удовольствія, чѣмъ одинъ взоръ, одна улыбка Ва-

риньки!... Какое незамысловатое разстояние положило сравнение между двумя существами, которые до сих пор жила одною жизнью, делили одну судьбу, одни заветы, одну радость, одну надежду!

Образ Вариньки отражался в зеркале светлый, полувоздушный, как образ Перу, или чистаго духа. Густые, светлые волосы, которые ленивая дѣвушка не всегда зашпегала, выпали изъ-под гребня, въ то время, когда она взбѣжала за мною по лѣстницѣ, и въ безпорядкѣ волновались на плечахъ; темноглубые, полузакрытые длинными ресницами глаза горѣли огнемъ юности; щеки, цвѣтущія здоровьемъ, выказывали пріятную форму томящаго, немного вздернутаго носика; съ полураскрытыхъ губокъ готовъ былъ сорваться вопросъ: «Что? Не воплывъ ли осуществляю я идеалъ юности, обещающій столько любви, столько наслаждений?»

Я обратила взоръ на существо, которое стояло возлѣ Вариньки, подавленное, уничтоженное сравненіемъ. Увы! теперь я убѣдилась, что мой видъ можетъ пробуждать только сожалѣніе или отвращеніе! Какъ я дура была передъ нею! Какъ отвратительно казалось мнѣ мое широкое, поблекшее лицо, съ неправильными, угловатыми чертами! — И неужели эти двѣ дѣвушки обѣ равно на зарѣ жизни? — подумала я. — Нѣтъ! быть не можетъ! Поблекшая крапива и роза, свѣтлая Сильфида и безобразный Гномъ!... О, сколько слезъ, сколько отчаяній упало тогда на мою душу!... Но я все скрыла, принудила себя улыбнуться и что-то замѣтить Варинькѣ. Послѣ уже, какъ мы отошли отъ зеркала, я сказала, что чувствую себя хуже, что желала бы остаться въ своей комнатѣ, и просила ее извинить меня передъ тетушкою.

«Въ самомъ дѣлѣ, ляжь скорѣе,» сказала добрая Варинька, «ты становишься часъ отъ часу блѣднѣе.»

Цѣлый часъ мучили меня всѣ, кто только былъ у насъ, приходя одинъ за другимъ навѣдываться объ мое здоровье.

Боже мой! что мнѣ въ ихъ участіи, въ ихъ состраданіи? Могутъ ли они помочь мнѣ? Участіе, уваженіе, самая привязанность, развѣ могутъ замѣнить любовь? Развѣ сознаніе привязанности, вынужденной достоинствами, вымышленной привязанностью, можетъ доставить такое восхитительное, горделивое наслажденіе, какъ сознаніе невольнаго, безотчетнаго влеченія, внушеннаго красотою? Развѣ властенъ кто одарить ме-

на могуществомъ, передъ которымъ умоляетъ зависть, смѣчается гнѣвъ, улыбка рождается на самыхъ грубыхъ лицахъ? Развѣ можетъ кто дать мнѣ прекрасный образъ?... И я смѣла мечтать! И я позволила себѣ создавать восхитительные сны счастья, въ которыхъ была главнымъ лицомъ, виною и участницею райскаго блаженства!... Безумная! гдѣ былъ твой разумокъ? Гдѣ было простое вниманіе къ тѣмъ вымысламъ, которые ознакомили тебя съ стравою очарованій, которые научили тебя искать, ожидать блаженства въ любви? Развѣ Юлія, Клементина, Роза, прежде всего не были прекрасны?... Кто, понимая, любя прекрасное, можетъ видѣть безъ отвращенія безобразіе? Кто не останется холоденъ, равнодушенъ возлѣ *дурной*, будь она ангелъ ума и доброты?

Самую добродѣтель, развѣ изображаютъ иначе, какъ въ свѣтломъ, привлекательномъ образѣ?... Еслибы она явилась среди своихъ усерднѣйшихъ поклонниковъ подъ видомъ угрюмымъ, противнымъ, каковъ мой— нѣтъ, нѣтъ! никто, да, никто не принесъ бы безобразному божеству пламенной данн любви, всякій бѣжалъ бы отъ него, бѣжалъ безъ оглядки!

Боже мой! что со мною? что во мнѣ? Ахъ! ужасно, ужасно!.. Что мнѣ дѣлать?..

Я откажусь, должна отказаться отъ любви!... Клянусь въ томъ.... Отказаться отъ любви?... Но чѣмъ же я стану жить? У женщины отнять любовь, все равно, что осудить ее на жизнь безъ счастья, на долгое, мучительное томленье, на вѣчную ночь безъ солнца. О, это ужасно, ужасно!... А я должна быть жертвою бѣдствія, невыносимаго, которому нѣтъ пособія, нѣтъ утѣшенія, нѣтъ предельовъ!... О, горе мнѣ, горе!... Зачѣмъ не могу я воротить прошедшаго? Зачѣмъ не въ моей власти вызвать счастливые дни невѣдѣнія, когда простодушно, слѣпо вѣрила я обещаніямъ счастья, которыя всѣ расточали мнѣ, счастья, которое сулило мнѣ сердце?... О, слезы! въ васъ однихъ мое счастье! Лейтесь моя слезы, лейтесь вѣчно, вѣчно!

Чудное, неописанно, неодолимо могущество красоты! Зачѣмъ не могу я купить его цѣною всей жизни — цѣною моего земнаго, небснаго блаженства!... О, мать моя, моя нѣжная мать! прости, подкрѣпи свою дочь! Моли Бога, чтобы Онъ далъ мнѣ силы перепести цѣлую жизнь, цѣлую вѣчность мученій!...

Свѣтаетъ. Передразвѣтные пѣтухи кричатъ часъ утра....
Скорѣ спрячу бумагу.

Суббота. Холодъ. Сей часъ ушла отъ меня Варинька. Бѣдная дѣвушка въ страшномъ огорченіи. Она думаетъ, что за моею болѣзнию отложить, или совсѣмъ не дадутъ маскарада, который В. Н. устроилъ для насъ, то есть для нея. Прежде я была намѣрена запереться, по крайней мѣрѣ, дня на два, въ своей комнатѣ. Мнѣ такъ грустно, такъ тошно, что я ни на кого не смотрѣла бы. — Но мнѣ, стало жаль ея. Я рѣшилась, когда нѣсколько успокоюсь, одѣться и сойти внизъ. Зачѣмъ не доставить ей удовольствія? Она съ такимъ восхищеніемъ объ немъ говорила. Мнѣ сперва стало невыразимо больно. — Зачѣмъ, подумала я — зачѣмъ же я лишена возможности находить такое наслажденіе въ мѣлочахъ жизни?... Но мое движеніе продолжалось одну минуту. Не низко ли было бы лишать ея удовольствія, которое отъ меня зависитъ? Нѣтъ! пусть оставитъ меня отеческая десница Того, Кто не смотритъ на лица, если страданіе ожесточитъ мою душу, если когда нибудь откажусь я сдѣлать для счастья другихъ все, что будетъ въ моей власти!

Воскресенье. Вечеромъ. Какая жизнь, какая радость вокругъ меня! Зала, сады и фасады дома освѣщены; полковая музыка гремитъ; офицеры и статскіе толнятся въ срединѣ залы, пока еще не устроились танцы; разряженныя дамы, дѣвушки въ разнообразныхъ костюмахъ расположились вокругъ пестрымъ, красивымъ вѣнкомъ. Варинька, прелесть, какъ хороша въ своемъ голубомъ сарафанѣ и золотой повязкѣ. Я уступила ей лучшій изъ нашихъ костюмовъ. Матрена Апт. едва не поцѣловала руки у меня. Смѣшныя, жалкіе люди! что мнѣ до васъ и вашей благодарности!... *Онь...* Ахъ! онь очарователенъ въ богатомъ Венгерскомъ костюмѣ! Но... я не должна говорить, не должна объ немъ думать!

Когда Варинька одѣлась и ушла въ залу, я осталась съ одною знакомою, молоденькою дѣвушкою, почти такую же хорошенькою, какъ моя подруга; она пришла присутствовать при нашемъ туалетѣ.

«Глафиричка!» сказала я, «хотите ли сдѣлать мнѣ большое одолженіе?»

«Съ удовольствіемъ,» отвѣчала милая дѣвушка.» Причесать васъ что ли?»

«О, совсѣмъ пѣть! Вотъ что: поменяемся со мною костюмами.»

Она была одѣта монашенкою. Она не хотѣла мнѣ вѣрнуть.
 «Вы шутите, Фимочка: у васъ такой чудесный костюмъ!
 «Мнѣ вашъ лучше нравится.
 «И вы говорите не шутя?
 «Нисколько.
 «А, понимаю: вамъ хочется обмануть Вариньку!
 «Да, да,» отвѣчала я, «перемѣнимся же скорѣе!»

Глафиричка, не помня себя отъ восхищенія, надѣла мой пунцовый сарафанъ, весь облитый галунами, а я завернулась въ черную одежду монашескую и набросила на голову погребальный крѣпъ... Какъ хорошо выражалъ такой парадъ состояніе моей души! Я не произнесла объята, но и безъ того: развѣ не должна я отречься отъ всего, что составляетъ прелесть и счастье жизни? Быть можетъ, я лучше бы сдѣлала, еслибы надѣла его навсегда, но, пѣть... теперь еще не могу!...

Кто-то позвалъ меня на польскій. Я пошла, не спуская глазъ съ В. Н. и Вариньки, которые шли въ первой парѣ. Мой кавалеръ выбился изъ силъ, стараясь узнать, кто я; вслѣдствіи заговаривалъ со мною, расточалъ все свое краснорѣчіе, чтобы заставить меня проговориться. — «Ну, братъ, отъ роду не видывалъ такой упрямой маски!» сказалъ онъ товарищу, когда мы кончили. — Онъ не удивлялся бы моему упрямству, еслибы зналъ, что я не слышала ни слова изъ всего, что онъ напѣвалъ мнѣ.

Я шла въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ дамъ, которыя любовались на своихъ и дочекъ, племянницъ, и разсуждали о новостяхъ, какія сами же изобрѣли.

Она танцевала съ Варинькою.

По окончаніи танца, дядюшка отвелъ его въ сторону, гдѣ собрались нѣсколько мужчинъ, и жарко о чемъ-то спорили. Заиграли котильонъ, грустные звуки котораго худо согласовались съ живостью, веселостью танца.

Молодой капитанъ, влюбленный въ Вариньку, (и она, кажется, къ нему неравнодушна), подлетѣлъ къ ней... До тѣхъ поръ, бѣдникъ держался поодаль, не смѣя вступить въ состязаніе съ В. Н.

Отдѣлавшись отъ моего любезнаго дядюшки, В. Н. слу-

чайно сѣлъ возлѣ меня. Сердце мое забилось, словно чуло бѣду. Онъ смотрѣлъ на Вариньку. Она была такъ весела и — такъ хороша! Она безпрестанно разговаривала и смѣялась съ своимъ кавалеромъ. Оживленная легкостью движеній, блескомъ глазъ, она могла служить прелестною эмблемою счастья. Казалось, это очень радовало В. Н. Онъ слѣдовалъ за нею глазами, выражавшими живое участіе, улыбался, когда она смѣялась, оборачивая голову въ ту сторону, куда увлекалъ ее тапецъ.

Какъ глубоко постигаю я счастье быть предметомъ такого вниманія, радовать другихъ своею радостью, видѣть, что намъ вѣщаютъ въ заслугу, въ достоинство и то даже, что мы позволяемъ любить себя и дѣлать счастливыми!

И такое счастье никогда не будетъ монимъ удѣломъ! Для меня вѣчно затворены врата такого эдема! Подобно баснословному существу Тапала, я вѣчно осуждена томиться невыполнимымъ, неутолимымъ желаніемъ!

Тяжкій, убійственный вздохъ вырвался изъ моей груди. Валеріанъ обернулся ко мнѣ.

«Такъ уединенна и такъ печальна, прекрасная маска!» сказалъ онъ, стараясь заглянуть мнѣ въ лицо.

Нѣсколько минутъ не могла я промолвить ни слова.

«Развѣ отечество прекраснаго Венгерца такая благословенная страна, что видъ печали для него рѣдкость?» отвѣчала я наконецъ, стараясь, сколько возможно, измѣнить голосъ — впрочемъ, онъ такъ дрожалъ, что и безъ того трудно было бы его узнать.

«Нѣтъ!» отвѣчалъ онъ улыбаясь, «по вы такъ молоды, любезная маска, такъ...»

«Развѣ,» прервала я его, «одна молодость есть уже счастье? Развѣ существо юное не можетъ быть жертвою горести, для которой нѣтъ надежды, нѣтъ исцѣленія? Напримѣръ, неизлечимая болѣзнь, безобразіе?»

«Противъ этого нечего спорить. Но,» продолжалъ онъ, «среди общей радости..»

«Стало быть, вамъ здѣсь очень весело?» вскричала я съ нетерпѣливостію, которое тщетно старалась побѣдить.

«Такъ, это вы, Евфонія?» сказалъ онъ. «Я никакъ васъ не узнаю. Я слышалъ отъ Варвары Ивановны, что вы будете съ нею въ одинакихъ костюмахъ... Но, вы спрашиваете: не-

село ли мнѣ?... Право, этотъ праздникъ, который въ столицѣ называли бы пародіею на маскарадъ, гораздо больше меня забавляетъ, нежели наши великолѣпные балы и собранія. Тамъ все такъ натянуто, преувеличено, такъ пышно и такъ скучно: тамъ съѣзжаются не веселиться, а затмить одни другихъ, и на всѣхъ лицахъ написано: «Неспоно!» А здѣсь — взгляните на эту группу молодыхъ людей — какъ они довольны, какъ отъ души смѣются! Правда, пожилые и здѣсь любятъ сплетни и пересуды, да гдѣ же бываетъ добро безъ примѣси зла? За то, вообще здѣсь несравненно болѣе добродушія, простоты, натуральности, чѣмъ въ столицѣ, а это для меня неоцѣненное сокровище. Мнѣ наскучило жить съ людьми, у которыхъ никогда не узнаешь прямой мысли, настоящаго мнѣнія, въ которыхъ не дощепишься правды и чувства. Люблю непринужденность, искренность, столько же, сколько раздолье полей, свободный, уединенный пріютъ съ кивгою и друзьями.»

— О! какой пышный панегирикъ провинціи! — подумала я, и грустно улыбнулась.

Не смотря на свою неопытность, я угадала, что образъ мыслей, столь несвойственный его характеру, есть недавняя прививка; что только внезапная склонность къ Вариплькѣ украсила въ его мнѣніи жизнь, которая не могла согласоваться съ его образованіемъ, и людей, которыхъ онъ самъ бѣгалъ и чуждался въ первые дни пріѣзда.

«Я увѣрена однакожь, что вы не согласились бы у насъ поселиться, и что наша жизнь, наше общество потому только вамъ такъ нравятся, что вы скоро отъ нихъ избавитесь?»

«Вы ошибаетесь. Напротивъ, я остался бы здѣсь, очень охотно, еслибы только у меня былъ здѣсь маленькій пріютъ, и чтобы украсить и оживить его — молодая жена, довольно умная и образованная, чтобы понимать меня не дичиться моихъ заилтій — по простая, безъ малѣйшей примѣси педаванства, безъ всякихъ притязаній на краспорѣчіе, ученость, философію, отъ чего унаси Боже! Чувствительная, но такъ, чтобы чувствительность не переходила въ сантиментальность, въ мрачную мечтательность, не лишала бы ее милой веселости права — бережливая безъ скупости, что-

бы не пренебрегала скромныхъ, хозяйственныхъ занятій, но и умѣла пользоваться удобствами, которыя позволить ей наше состояніе — наконецъ, прекрасная, потому, что присутствіе прекрасной женщины въ моемъ домѣ веселило бы, радовало меня»....

Еслибы онъ могъ видѣть мое лицо, то не сталъ бы такъ говорить со мною!...

«Но,» прибавилъ онъ, «мнѣ сегодня необыкновенно весело, и я невольно высказалъ вамъ мои мысли, что рѣдко со мною случается.—Право, тутъ цѣлая исповѣдь—сказалъ онъ смѣясь.—Но, вѣдь, мы друзья съ вами, Евфимія Николаевна?— Не правда ли?— прибавилъ онъ, подавая мнѣ руку.— О! какая холодная у васъ рука..

Въ эту минуту его выбрали въ котильонъ. Онъ оставилъ меня. Я выбѣжала изъ залы, пришла въ свою комнату и упала на кровать.

..... До меня достигаютъ звуки музыки. Изъ раствореннаго окна льются ко мнѣ теплыя, благовонныя испаренія лѣтняго воздуха и свѣтлыя лучи мѣсяца. Все небо усыяно было звѣздами... Боже! такъ много счастья въ Твоемъ прекрасномъ мѣрѣ! Неужели только мнѣ, одной страннице, цѣть мѣста на пиру? Зачѣмъ же выложилъ Ты мнѣ въ душу пламенное, необоримое желаніе участвья? Имъ, кажется, пропикнуто все-мое существо... Неужели драгоценныя дары Твои должны погибнуть, ступитъ, какъ огонь, брошенный въ рустыи, какъ одинокій ключъ, сокрытый въ землѣ, въ которомъ никто не утоляетъ жажды, — который бесплодному утесу расточаетъ чистое серебро своихъ струй?

Вся качества, которыя онъ желалъ видѣть въ своей подругѣ, я имѣла бы ихъ. О! я приобрѣла бы все, всѣмъ сдѣлалась бы за цѣну его любви... Какая цѣна!.. Только одного недостаетъ мнѣ... но этого одного не купить мнѣ за все сокровища міра, и это одно будетъ стоять вѣчною, неодолимою преградой между имъ и мною, между мною и моимъ счастьемъ, жизнью... Безъ него раба жизни?

..... О Боже... Боже!

VII.

— Онъ ухалъ!.. Мнѣ казалось, что съ нимъ закатилось мое солнце!.. Но не безумство ли это?.. Не все ли мнѣ равно, гдѣ онъ ни будетъ?.. Вѣдь я ничѣмъ не могу для него быть — я вѣчно останусь для него чужою — и всегда буду только предметомъ холоднаго участія, или обидной жалости....

Что значить разстояніе для тѣхъ, которые любятъ другъ друга? Горы и моря — не помѣшаютъ имъ жить въ тѣсномъ союзѣ душъ... Развѣ легче оставаться подъ одною кровлею съ тѣмъ, кого выбрало сердце, — и ежеминутно чувствовать между нимъ и собою неизгладимое разстояніе, — незримую черту, за которую не смѣешь перенести и самый могучій порывъ любви? Въ своемъ стремленіи къ милому предмету, въ пламенномъ желаніи дѣлиться съ нимъ чувствомъ и мыслями, жить его жизнью, радоваться его радостью и утѣшать его въ печали — встрѣчать ежеминутно холодный взглядъ, уста безотвѣтныя; знать, что мысль его далека отъ меня, душа для меня затворена.... Развѣ это легче? О! это ежечасная, невыносимая пытка!

Отъ чего же дѣются мои слезы и пальцами прожигаютъ бумагу?.. Но.. идутъ...

Евфимія поспѣшно спрятавъ тетрадь, отерла глаза и нагнула на лобъ густую оборву спяльнаго чепца.

Варинька вбѣжала въ комнату, блѣдная, въ смущеніи. Не говоря ни слова, она бросилась на шею Евфиміи и громко зарыдала.

И все притворство Евфиміи, и вся ея твердость исчезли при этомъ живомъ изъявленіи горести, которая такъ согласовалась съ ея чувствами. Не зная, даже не стараясь разгадать причины слезъ своей подруги, она заплакала вмѣстѣ съ нею. Она не понимала, что въ свѣтѣ могло существовать другое горе, кромѣ того, которое заставляло ее самое плакать.

«Онъ ухалъ, Варинька!» повторила она, прижимая ее къ груди онъ ухалъ; его нѣтъ съ нами!...

«Да,» проговорила Варинька, когда несколько успокоилась — «но, вѣдь, онъ воротится, какъ скоро...»

И она заплакала еще сильнее.

«Привѣдетъ!... Такъ о чемъ же ты плачешь?»

Дѣвушки плакали вмѣстѣ, и воображали, что совершенно понимаютъ другъ друга, между тѣмъ, какъ мысли ихъ лѣзли совсѣмъ въ противоположныя стороны.

«Такъ ты ничего не знаешь?» спросила Варинька, отерла глаза и сядь на кровать. «Вѣдь онъ хочетъ на мнѣ жениться...»

«Жениться!... На тебя?»

Сколько разъ, въ своихъ уединенныхъ, грустныхъ мечтахъ, Евфимія повторяла себѣ, что рано или поздно это непременно должно случиться. Отъ чего же, въ ту минуту, это слово поразило ее, словно кинжаломъ? Она упала на подушки и вѣриво обхватила руками свое пылающее чело. Къ счастью, Варинька, занятая своею горестью, не замѣтила ея смущенія.

«Ну?» произнесла наконецъ Евфимія.

Ну, разумеется, маменика была въ восторгѣ.. Бѣдный Pierre!... А не даждь, какъ третьяго дня, сколько прекрасныхъ плановъ мы съ тобою построили! Онъ взялъ бы меня въ полкъ; онъ говорить, что тамъ такъ весело! Полковая музыка, вечеринки, офицеры все такіе добрые, веселье! Онъ говорить, что всѣ носили бы меня на рукахъ... А теперь!... Несчастливая я!..»

Евфимія слушала простодушныя жалобы своей подруги и не вѣрила своимъ ушамъ. Ей казалось непонятнымъ, какъ Варинька не трепетала отъ блаженства быть любимою человекомъ, который, въ глазахъ ея, имѣлъ всѣ совершенства? И она не считала себя счастливою, не была горделивѣе всякой ца-

рицы!... И она могла еще думать о ничтожномъ офицерикѣ, замѣтномъ только хорошенькимъ, женоподобнымъ лицомъ и веселымъ характеромъ!

— Не понимаю, не понимаю — повторяла она про себя... — Нѣтъ! вѣрно, она шутить...

«Но, Варинька,» сказала она, «мнѣ кажется, что ты судишь довольно легкомысленно. Вѣдь теперь дѣло идетъ о счастіи всей твоей жизни, а не о минутной шалости. Прежде, нежели рѣшиться, тутъ надобно хорошенько подумать. Скажи мнѣ, пожалуйста, чѣмъ Петръ Григорьевичъ кажется тебѣ лучше, достойнѣе твоей любви, нежели В. Н.?

«О, какой ты приняла важный видъ!» восклицала Варинька съ невольнымъ смѣхомъ... «Но не сердись, радѣ Бога!». Право, не умю, какъ тебѣ изъяснить это... Знаю только, что Ригге мнѣ нравится, что я его люблю. Ахъ онъ такой милый, такой веселый! Такъ охотно тамцуетъ! Всегда смѣшиваетъ меня своими рассказами... Да, онъ же такъ меня любитъ! А В. Н., продолжала Варинька, нахмуривъ слегка хорошенькія свои брови, «онъ такой важный! Рѣдко, рѣдко когда улыбнется... Такой думный! Иногда такъ мудро говоритъ, что я, право, не понимаю его. Вѣдь ты знаешь, что я никогда не любила слишкомъ много книгъ и ученья... Пожалуй еще, онъ засадитъ меня учиться... Я боюсь говорить при немъ, не могу свободно ходить и шриптать... То ли дѣло Ригге! Однимъ словомъ: я уважаю В. Н., а любить его не могу.»

Евфимія слушала ее безмолвно. Досада, негодование, горестъ кипѣли въ ея душѣ. Наконецъ, она не вытерпѣла: —

«Послушай, Варинька,» сказала она, дрожащимъ голосомъ, «мнѣ кажется, ты ошибаешься. Я увѣрена, я думаю, не смотря на свой важный видъ, В. Н. бо-

«...любяго другаго способенъ къ важности и снисходительности... Да, развѣ онъ не доказалъ этого? Развѣ ты забыла, какъ онъ былъ веселъ съ какою готовностью радостью и самъ утѣждалъ наши удовольствія?»

«Нѣтъ, нѣтъ! это только такъ... на время... А иногда онъ смотритъ пристрашно; глаза у него такъ и горятъ... Притомъ же, онъ такъ бѣжитъ, знатенъ, будетъ жить въ большомъ свѣтѣ!... Ухъ! страшно и подумать! Я люблю повеселиться, но только въ своемъ кругу, между короткими, гдѣ мнѣ не кого стыдиться и не съ кѣмъ церемониться.. И Pierre тоже. Наши вкусы во всемъ сходны. Я такъ была бы съ нимъ счастлива!»

—Непостижимо!—думала бѣдная Евфимія. Сокровища, которое я купила бы цѣною жизни, цѣною жесточайшихъ мученій, достается этой дѣвушкѣ и она бросаетъ его, едва удостоивая, взглядомъ! А я никогда и на минуту не остановила бы моихъ мыслей на томъ, что составляетъ для нея предметъ желаній... Непостижимо!

Пораженная такою странностью, Евфимія упала въ подушки, и горько, горько зарыдала.

«Милая, добрал Фимочка», говорила Варинька, обнимая ее, «тебѣ жаль меня? О, Фимочка! плачь, голубушка, со мною!... Я такая несчастная!»

Слова, сказанныя съ такою увѣренностью въ такое сочувствіе, воззваніе къ ея дружбѣ, тронули Евфимію и заставили горестъ ея умолкнуть на минуту. Она привстала, и поддерживая руками голову, впадала въ глубокое размышленіе.

Между тѣмъ Варинька продолжала плакать.

«Милая Фимочка!» сказала она наконецъ, «ты всегда была ко мнѣ такая добра. Поговори мамсенькѣ. По-

проси, се не принуждать меня выходить за В. Н. Она, ниюгда тебѣ ни въ чемъ не отказывала.»

Евфимія покормила годового.

«Я боюсь,» сказала она, «чтобы все предстательство не осталось безъ успѣха. Скорѣе всего быть можетъ, что твой маменька разсердится на меня, какъ въ тотъ разъ. Но — я попробую. Никогда не простила бы я себѣ, еслибы не испытала всякихъ средствъ помочь тебѣ... Послѣ обѣда...»

«Нѣтъ, нѣтъ, Фимочка!» вскричала Варинька, «если ты уже хочешь быть моимъ ангеломъ-хранителемъ, ступай теперь же, сей часъ... Маменька ницетъ отвѣтъ — я въ этомъ увѣрена... Да, и какъ перенесу я столько долгихъ часовъ въ неизвѣстности, въ мучительномъ сомнѣнн... Нѣтъ! ты не захочешь этого...»

«Но, Варинька, взгляни на мое лицо: оно все распухло отъ слезъ и плача мой покраснѣли...»

«О! мы этому сей часъ поможемъ. Тебѣ стоитъ только умыться одеколономъ.»

Варинька бросилась въ другую комнату, принесла рукомойникъ, полотенцо, и стала ухаживать около Евфимнн, помогая ей одѣваться. Окрыленная любовью и надеждою, она, всегда медлительная и стѣнлива, оказала удивительное проворство, какъ Сильфида, летала по комнатамъ. Она не любила говорить много, и особенно говорить серьезно; теперь рѣчь ея стала краснорѣчива и убѣдительно; спокойная, неподвижная ея физіогномія мѣнялась десять разъ въ минуту; она въ одно время и плакала; и смѣялась; вздыхала и обнимала Евфимію.

Евфимія, одѣваясь, молча обдумывала свой планъ, и внутренно молила Бога — дать ей силу убѣжденія, который М. А. не могла бы противиться.

«Ну, вотъ ты и готова!» вскричала Варинька. «Теперь»

стунай; скажи мамочкѣ, что она сдѣлаетъ меня несчастною, что я умру съ горя, и что...

Когда Евфимія удалялась, бѣдная малютка, въ смертельной тоскѣ, упала на стулъ... Никогда, ни прежде, ни послѣ этого дня, время не казалось ей такъ убійственно долгимъ, никогда она такъ не страдала, какъ въ эти часы, которые должны были рѣшить ея судьбу.

Евфимія выбрала самую неудачную минуту для своихъ переговоровъ. — М. А. писала, а писать было для нея такое необыкновенное, важное дѣло, всегда такъ раздражало ее, что никто изъ домашнихъ не осмѣливался ни приблизиться къ ней; когда она вынимала изъ ящика забытое перо... Она съ досадою спросила у Евфиміи: что ей надобно? и лишь только та успѣла связать нѣсколько словъ осыпала ее упреками и колкостями. Но Евфимія заранѣе ко всему приготовилась, и холодно, не смѣло отразила ея нападеніе. М. А.; удивленная ея твердостью, утихла; Евфимія холодно просила ее выслушать, что она ей скажетъ. Она довольно херешо знала М. А., и не думала говорить ей нѣмать счастья дочери; она знала, что только удовлетвореніе гордыни можетъ открыть дорогу къ ея сердцу. Она сказала ей просто, и въ короткихъ словахъ, что готова, со всеми нужными обрѣдами, укрѣпить Варинькѣ помѣицу своего имѣнія, если М. А. согласится выдать ее за П. Г. Винтова. М. А. быстро взглянула въ лицо Евфиміи, какъ будто желая убѣдиться: точно ли она въ здравомъ разсудкѣ; долго смотрѣла на нее въ недоумѣніи; качая головою. — Но, почему же и не быть этому? — подумала она — дѣвка одна, какъ перстъ; сама себе госпожа; коли она такъ глупа, почему намъ не воспользоваться ея глупостью? Не мы, такъ друще...

Однако же она не хотѣла обнаружить своихъ мыслей, и нѣсколько времени представляла, что не можетъ согласиться на предложеніе.

«Полно, полно!» говорила она, «я слышать ничего не хочу! Все это пустылъ слова. Молодость куда таровата! Получите имѣніе, такъ жаль будетъ разстаться, а мы останемся въ дуракахъ».

«Но,» вскричала съ жаромъ Евфимія, ободренная успѣхомъ, «развѣ вы не слышите, что я общаю вамъ всѣ нужныя бумаги? Пусть Ив. Егор. самъ приготовитъ — я все подпишу».

«И вы говорите въ правду?»

«Боже мой! Да развѣ можно шутить, когда дѣлается о счастіи близкихъ намъ?»

«Нѣтъ, небожитеся...»

Евфимія съ трудомъ могла скрывать свое презрѣніе.

«Ну, клянусь вамъ, клянусь всѣмъ, чѣмъ хотите — памятью покойной моей матери! Слышите ли,» прибавила она, съ силою сжимая руку М. А., «памятью матери клянусь раздѣлитъ съ Варинькою все мое имѣніе!»

«Ну, ну, не сердитесь! Нечего дѣлать — пойду, переговорю съ И. Е. Вѣдь все это его воля. А я, даромъ что смотрю волкомъ, а во снѣ и на лву только то и вижу, чтобы моя Варинька была счастлива. Да, И. Ег. и слышать не хотѣлъ, чтобы она вышла за бѣднаго».

Евфимія была совершенно уцѣрена въ противоположномъ, но не сочла за нужное противорѣчить.

Скорыми шагами стала она ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, когда М. А. вышла. Душу ея попеременною доновали, то горесть, при мысли о совершенномъ равнодушіи В. Н., то радость, что устроилось счастіе Вариньки.

Быть можетъ, тутъ участвовала и эгоизмъ. Быть можетъ, она приносила такую жертву для того, что-

бы видѣть его еще нѣсколько времени свободнымъ, хотя не могла имѣть ни малѣйшей надежды для себя. Быть можетъ.. Но къ чему допытываться до самыхъ сокровенныхъ ея побужденій, неизвѣстныхъ ей самой, и для чего же? Желая уменьшить цѣну благороднаго ея поступка? Нѣтъ! не станемъ подражать большей части людей, всегда готовыхъ видѣть во всемъ дурное, людей, которые сомнительно качаютъ головою, когда имъ рассказываютъ о какомъ нибудь подвигѣ самоотверженія. Смотри на нихъ, невольно подумаешь, что ихъ уши не могутъ выносить похвалы добродѣтели, такъ, какъ ихъ глаза солнечнаго блеска.... Люди грубые, лишеныя священнаго чувства прекраснаго и возвышеннаго! Рука ихъ не можетъ коснуться до нѣжныхъ лепестковъ розы, не замаравъ ихъ. Евфимія, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, имѣла душу возвышенную, всегда готова была дѣлиться послѣднимъ съ немущими. Мудрено ли, что щедрость ея не знала предѣловъ, когда дѣло шло о счастіи любимой подруги?

Между тѣмъ, М. А. прекраснорѣчиво доказала своему мужу, что гораздо выгоднѣе получить въ полное распоряженіе половину имѣнія Евфиміи, нежели имѣть зятемъ человека, правда, очень богатаго и знатнаго, но который ужъ вѣрно никогда не допуститъ ихъ хозяйничать у себя и наблюдать свои выгоды. Въ слѣдствіе такого премураго рѣшенія, М. А. приняла на себя умильный видъ, и вышла къ Евфиміи со слезами на глазахъ и распростертыми объятіями, въ знакъ того, что ея жертва принята.

Позвали Вариньку. Бѣдная дѣвушка вѣрно упала бы отъ страха, еслибы веселый взглядъ Евфиміи ея не успокоилъ. М. А. торжественно возвестила ей *милость* Евфиміи: такъ она выразилась—общалась тотчасъ написать отказъ В. П. и позволить П. Б. да-

сто навѣщать ихъ, только съ условіемъ, что о свадьбѣ не будетъ помина прежде окончанія года, т. е. до тѣхъ поръ, пока Евфимія не вступитъ въ полное владѣніе своимъ имѣніемъ.

15-го. Его нѣтъ!... И вся жизнь моя обратилась въ тяжелый, продолжительный сонъ, прерываемый ужасными оживленіями, сонъ, который оковалъ всѣ мои способности, кромѣ способности страдать: Да, теперь все возбуждаетъ во мнѣ горестныя чувства... Занятія, науки, которыя прежде я такъ любила, потеряли для меня всю свою цѣну. У меня нѣтъ ни къ чему охоты, а принудить себя заниматься, забыть и нѣсколько развязать свою тоску, я не имѣю силы. И къ чему стану я трудиться? Для чего приобретать познанія, просвѣщать умъ, усовершенять душу? Кто принимаетъ во мнѣ участіе? Кого порадуютъ мои успѣхи? Чье сердце наполнится гордостью, даже и тогда, еслибы я усвоила себѣ всѣ совершенства, всѣ дарованія, доступныя человѣку?... Развѣ я не спрота, одинокая въ цѣломъ, необъятномъ мірѣ? Еще прежде чѣмъ я научилась понимать цѣну любви, смерть разорвала всѣ драгоценныя связи, которыми Богъ окружаетъ насъ для нашего счастья. Есть узы еще священныя, еще драгоценныя узы крови, но мнѣ не суждено испытать ихъ сладости... Мнѣ ли думать о любви? А отдать руку тому, кто не любя вадумаетъ жениться на мнѣ, вѣтъ выгоды... О! какое несчастіе, какой стыдъ!... Лучше умереть!..

17-го. Вчера Варшюка, въ порывѣ благодарности, бросилась ко мнѣ на шею. Женихъ ея схватилъ мою руку и со слезами цѣловалъ ее. То была одна изъ тѣхъ минутъ, которыхъ я не забуду во всю мою жизнь. Боже мой! какъ сладостно быть любимому!... При звукахъ любви, все мое сердце растворяется, какъ цвѣтокъ при лучахъ солнца!... Что же я чувствовала бы, еслибы любили *меня*... любили болѣе всего на свѣтѣ!..

Я вырвалась изъ ихъ объятій и убѣжала. Слезы катились по моему лицу. Съ тѣхъ поръ я убѣгаю отъ нихъ. Быть свидѣльницею ихъ блаженства, видѣть ихъ ласки, упоконныя, пламенные лобзанія, слышать ихъ безконечный говоръ, ихъ свѣтлыя, веселыя плапы для будущаго, видѣть, какъ они живутъ, дышать другъ для друга, и ежечасно повторять себѣ:

«Ты лишена такого блаженства, лишена на вѣкъ, и ничто не перемѣнитъ приговора судьбы!» — невыносимо, невыносимо!...

18-го. Вчера сильное негодованіе ослѣдствовало моею душою. Все одна мысль, все одно чувство! Что бы я ни дѣлала, гдѣ бы ни была, воспоминаніе объ немъ, какъ тѣнь, какъ мучительный призракъ, всюду за мною слѣдуетъ и не даетъ нигдѣ мнѣ покоя. — Боже милосердый! подумала я, въ своей горести — неужели мнѣ суждено заключить все мое существованіе въ одиномъ предметѣ, и когда судьба разлучила меня съ нимъ, съ нимъ утратить и счастье, и покой души и свободу ума? Не жаль, а томиться продолжительною пыткой...

Въ отчаяніи, я старалась отбросить, уничтожить мое воспоминаніе, какъ невольникъ силится разорвать гнетущія его цѣпи, и — все напрасно! Я принудила себя приняться за чтеніе, перебрала все мои книги, наконецъ выбрала одну, которую прежде особенно любила. Но тщетно ожидала я, что въ душѣ моей возобновятся тѣ чувства, которыя прежде производило въ ней чтеніе. Боже мой! Какое страшное, непо-стижимое могущество страсти, которая можетъ сдѣлать такой необъятный переворотъ въ нашей жизни! Предметы, люди все тѣ же: ничего особеннаго не случилось, и между тѣмъ, какая во всемъ перемѣна! Мы не узнаемъ ни себя, ни другихъ, ни вещей, которыя насъ окружаютъ... Нарочно стала я читать громко, слово за слово, чтобы насильно привлечь мое вниманіе къ чтенію, и въ каждомъ словѣ, въ каждой строкѣ находила новый, до сихъ поръ незнакомый мнѣ смыслъ: во всемъ я дѣлала припрѣненія къ *нему*. Характеры героевъ казались мнѣ только слабою, жалкою копіею его совершенствъ. Повторяя убогие выраженія любви и восторга, я думала: «Быть можетъ, и онъ будетъ такъ любить, такъ говорить, но не мнѣ жить и умишаться побеснымъ даромъ его любви!»

Мысль, какъ змѣя, вилась въ мое сердце, грызла его, не покидала ни на минуту... Я бросила книгу и ноѣжала размыкать мою грусть по полямъ и лѣсамъ.

20-го. Бываютъ минуты, когда глубокое спокойствіе, спокойствіе отчаянія оцѣлесяетъ мою душу. Я смотрю на свою судьбу безъ страха; хладнокровно повторяю себѣ, что обречена на жизнь долгаго, невыразимаго страданія... Смотрю на себя съ какимъ-то горестнымъ умилевіемъ, какъ на жертву, осу-

ждевшую мукъ, которой ничѣмъ не заслужила. Да, что я такое сдѣлала, что такъ страдаю и не нахожу ни гдѣ утѣшенія? ... Кому желала я зла? Не было ли, напротивъ, сердце мое полно любви и желанія вѣсѣмъ добра?.. Въ эти минуты я нахожу какое-то жестокое удовольствіе углубляться взоромъ въ бездну несчастія, падъ которой стою, не видя сѣи ни дня, ни границъ...

Иногда всякая мысль о прошедшемъ, о будущемъ, о судьбѣ, горѣ и жизни исчезаетъ изъ моей головы... Я забываю весь міръ, забываю себя, живу, дышу, упиваюсь одною любовью, одною мыслью объ немъ... То бывають отрадныя, свѣтлыя минуты души!.. Тогда она свободно дышитъ и парить надъ землею... Я обхожу мѣста, гдѣ мы съ нимъ гуляли; припоминаю каждое его слово, выраженіе лица, улыбку, взглядъ... Вижу его передъ собою, во всей его красотѣ, говорю съ нимъ... Звукъ его голоса заставляетъ меня трепетать невыразимымъ блаженствомъ... Но крикъ ворона, полетъ птицы, шорохъ въ кустахъ, и — прости очарованіе!... Прелестное видѣніе улетаетъ. Съ неба счастья падаю я на бѣдную, мрачную землю и плачу отъ отчаянія...

О, лейтесь, лейтесь, мои слезы!.. лейтесь, пока будетъ во мнѣ искра жизни. Зачѣмъ не могу я кровавыми слезами потушить пламени, который меня пожираетъ? Зачѣмъ не брошусь въ холодныя объятія рѣки, чтобы въ ея волнахъ потопить мои мученія?.. Но, разстаться съ нимъ, разстаться на вѣкъ... Нѣтъ, нѣтъ! прежде хоть разъ, хоть минуту взглянуть на него!.. Но гдѣ, какъ?...

VIII.

Прошло болѣе двухъ мѣсяцовъ. Однажды утромъ, все семейство М—хъ сидѣло за чайнымъ столикомъ. М. А. разливала, по обыкновенію, чай; Ив. Егор., который, по приказанію своей супруги, долженъ былъ ѣхать за кой-какими покупками въ ближній городъ, торопился допивать свою чашку. Варивъ чаю, мѣтила платки своему жениху и посматривала въ окно... Евфимія, грустная, задумчивая, держала въ рукѣ давно налитую чашку. По време-

намъ, она вздрагивала, прислушивалась къ шагамъ каждаго человѣка, который входилъ въ переднюю. Легкая краска пробѣгала по ея лицу и черезъ минуту опять исчезала. Бѣдняжка! она помнила, что тогда была суббота, — день, въ который приносили изъ города письма.

Иванъ Егоровичъ допилъ свой чай, опрокинувъ чашку на блюдечко, утеръ губы пестрымъ платкомъ, взялъ фуражку, лежавшую возлѣ него на столѣ, и подошелъ къ ручкѣ М. А. проститься.

Въ ту минуту раздался тяжелый стукъ сапоговъ; въ комнату вошелъ кучеръ, котораго обыкновенно посылали на почту, и молча подалъ Н. Ег. цѣлую кипу писемъ. Ив. Егоровичъ сѣлъ и сталъ ихъ разбирать, говоря въ полголоса: «Отъ Исправника, отъ писаря Губернскаго Правленія... Ба, ба! да, вотъ и отъ В. Н.! Видно, онъ не сердится на насъ, дай Богъ ему здоровья!»

«Читай скорѣе!» произнесла нетерпѣливо М. А.

Евфимія чувствовала, что измѣнялась въ лицѣ; руки ея дрожали; она едва сохранила столько присутствія духа, чтобы приписать свое смущеніе боли отъ пролитаго на колѣни чая. Какъ благодарилъ она въ душѣ Варицьку, которая помогла ей оправиться, принявшись вытирать ея новый ситцевый шафюръ! Между тѣмъ, она не проронила ни одного слова изъ письма В. Н. Онъ увѣдомлялъ ея опекуна, что дѣло ея приходило къ окончанію самымъ усгѣшнымъ образомъ; но что теперь, болѣе нежели когда нибудь, оно требовало неусыпнаго вниманія, а ему поручены очень важныя занятія самимъ Губернаторомъ. Потому, онъ полагалъ необходимымъ, чтобы Иванъ Егоровичъ, посвященный во всѣ таинства тяжбныхъ дѣлъ, пріѣхалъ въ столицу наблюдать за окончаніемъ процесса.

«Ну, матушка, М. А.,» произнесъ послѣ некотораго молчанія И. Егор., «какъ ты думаешь?»

«Чего тутъ думать!» подхватила съ досадою М. А., «разумется, должно вѣхать; вѣдь, издержки-то падутъ не на твой счетъ.»

Въ одно свѣтлое Октябрьское утро, на дворѣ прекраснаго дома, на Тверскомъ бульварѣ, въ Москвѣ, разгружались нѣсколько бричекъ и огромная, укладистая коляска. Между тѣмъ, въ залѣ, молодой, ласковая хозяйка дома и ея мужъ привѣтствовали гостей, которые упали къ нимъ, какъ съ облаковъ. М. А. не сочла за нужное увѣдомлять свою влучатную племянницу, г-жу Л*, объ удовольствіи, которое ей готовила. Она даже не сказала никому изъ своихъ, гдѣ остановится, и только пріѣхавъ къ заставѣ, громотласно воскликнула ласко: «Пошлимъ на Тверской, къ Л...мъ...»

«Не обезпокоюмъ ли мы своимъ пріѣздомъ Елены Александровны?» замѣтила ей Евфимія.

«А чѣмъ это, мать моя? Домъ-то у нихъ, слава Богу, не окинешь глазами; будетъ гдѣ намъ помѣститься, да хоть бы и не большія были хоромы, такъ для такихъ близкихъ родственниковъ, въ конто вѣкъ, и потѣсниться не грѣхъ!»

Добрая, радушная Москва! только съ тобою позволительна, только съ тобою возможна такая грубость! Въ тебѣ только, среди обширной образованности и утонченной столичной роскоши, вдругъ порадуютъ сердце и слухъ подобныя проблески какой-то патриархальной простоты, того старомоднаго уваженія къ связямъ родственнымъ, къ семейной жизни, вѣрѣ и родинѣ, рѣдкіе, но прекрасные проблески того, что составляетъ чисто Русскую основу нашихъ нравовъ!

Любопытно посмотреть, что встретила бы М. А., еслибы вздумала она так; свободно распорядиться чужимъ домомъ, напримеръ, хоть въ Петербургъ, гдѣ каждый уголокъ дома, каждый клочекъ земли, каждая искра ума, малѣйшая твѣть чувства, жизнь и здоровье — все назначастся для одной цѣли: приносить доходъ.

Скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ, или лучше о той, на добросердечіе которой такъ рассчитывала М. А.

Если вѣрить молвамъ, которые громко жалуются на скуку и однообразіе Московскаго общества, на ничтожество женщинъ, на утомительную, гнетущую геніальность молодыхъ людей, то должно согласиться, что домъ г-жи Л* былъ рѣдкимъ, необыкновеннымъ явленіемъ. Кажется, то же отборное общество собиралось у нея, какъ и у многихъ, а слушая умныхъ, любезныхъ мужчинъ, смотрѣлъ на образованныхъ, обворожительныхъ дамъ, — кто повѣрилъ бы, что это тѣ же люди, которые въ другихъ домахъ смотрѣть такими пренебрегающими Чайльдъ-Гарольдами, кажутся такъ озабочены мелочами и сплетнями. . . «Тутъ кроется какое нибудь волшебство,» сказалъ бы тотъ, кому неизвѣстно, что вѣтъ волшебницы могущественнѣе умной и прелестной хозяйки дома. Она была душою, которая животворила и соединяла въ одно стройное цѣлое разпородные, часто не пригодные члены, солнцемъ, лучъ котораго, падая на автоматовъ общества, какъ будто чудомъ, извлекалъ изъ нихъ звуки, царицею, передъ которою каждый хотѣлъ показаться въ лучшемъ убранствѣ души и тѣла, которой, за улыбку, за внимательный взоръ, каждый сифинцѣлъ принести въ дань свойственное ему дарованіе.

Ее мало было назвать умною и прелестною. Эти

достоинства были въ ней второстепенны. Прежде всего въ ней замѣтно было качество исключительно женское, но которое встрѣчается въ немногихъ женщинахъ. Назовите его, какъ хотите: поэтическимъ чувствомъ, ангельскою добротою, въ соединеніи съ тонкостью и игривостью ума, чувствительностью — все равно. Только безъ него, образованное общество г-жи Л—ой, любящее душою искусства, обратилось бы въ несносный сонмъ педагогствъ; очаровательные часы летучихъ, шутливыхъ разговоровъ въ борьбу остроумцовъ, или вольную юношескую бесѣду; непринужденныя, безтребовательныя приношенія Музамъ въ выставку завистливыхъ, соперническихъ талантовъ; оживленныя, блестящія безъ стѣсненія вечеринки въ сходбища для смотра невѣстъ и жениховъ, а тихія бесѣды, куда короткіе знакомые изъ дамъ и мужчинъ собирались работать, читать, или разговаривать о чемъ нибудь, неминуемо стали бы походять на засѣданія кумушекъ, конечно, очень милыхъ, образованныхъ, но все таки вздорливыхъ, лѣзвительныхъ и мѣлочныхъ.

Разнообразно, быстро текли дни ея въ занятіяхъ, интавшихъ умъ и душу, среди всѣхъ удовольствій, какія вкусъ и умъ ея могутъ извлечь изъ богатства. «Была ли она счастлива?» спросить какой нибудь охотникъ до чужихъ тайнъ. — Друзья! зачѣмъ допытываться до глубины сердечныхъ помышленій? Вѣрьте: бесполезно и страшно въ все заглядывать. Но если чистая совѣсть, очарованіе общества, искусства, и нѣсколько друзей избранныхъ достаточны для счастья женщины, то Елена Александровна была счастлива... Можетъ статься, кромѣ совершеннаго ничтожества ея мужа, который совершенно оставался равнодушнымъ ко всему, кромѣ наслажденія хорошо поѣсть, пожить, и доволь-

во оригинальной страсти заводить собственными руками всѣ стѣнные и столовые часы въ домѣ, многого, и, можетъ быть, очень многого не доставляло ей въ жизни — однакожь, невторлю: она была счастлива.

М. А. должна была благословлять свою путеводную звезду, которая привела ее въ домѣ Е. А. Въ самомъ дѣлѣ, кто обласкалъ бы такъ дѣвущекъ, какъ эта милая дама? Кому М. А. могла надежнее вѣкъ поручить, когда проводила цѣлые дни въ рядахъ, въ сопровожденіи старинной знакомки, штабсъ-капитанши Иванчиной? Подъ чѣмъ руководствомъ могли выгодище показаться въ свѣтѣ дѣвущки, вѣрившія никакого понятія о столицей жизни? Надобно сказать, что онѣ умѣли оцѣнить такія выгоды. Онѣ такъ были благодарны, особенно Евфимія. . . Бѣдная и не знала еще, что В. Н. родственникъ Е. А., что онѣ лучшій изъ ея друзей, и быть въ ея домѣ, какъ свой. . .

Однажды, вмѣстѣ съ Варинькой, онѣ разсматривали визитныя карточки въ будуарѣ своей прекрасной хозяйки. Въ сосѣдней комнатѣ вдругъ раздался голосъ, который заставилъ ихъ вздрогнуть. Евфимія убѣжала, оставя Вариньку въ жертву смущенія, которое впрочемъ продолжалось недолго, благодаря ея простодушію и тонкой свѣтскости В. Н. Въ теченіе четырехъ часовъ, которые оставались до обѣда, Евфимія не могла рѣшиться сойти. . . Тысячу разъ приходила — тысячу разъ возобновлялись ея смущеніе, краска въ лицѣ и судорожный трепетъ въ тѣлѣ. Наконецъ, ее позвали обѣдать. Слава Богу! Гостей было такъ много, что она незамѣтно могла прокрасться въ гостиную и нѣсколько оправиться отъ своего смущенія. Впрочемъ, никто и не удивился бы замѣпательству провинціалки, которая въ

первый раз попалась въ столичное общество. За столомъ Евфимія могла, не бывъ замѣченною, вольно упиваться созерцаніемъ своего идеала... Умилыя, занимательныя разговоры, веселость и непринужденность, въ соединеніи со всею утонченностью лучшаго круга, до того увлекла ее, что она забыла свой страхъ и свое смущеніе... Она вполнѣ была счастлива... Куда дѣвались ея терзанія, тоска, торжествующія страсти?... Да, полно, существовали ли они когданибудь? У нея такъ легко на душѣ, такъ светло въ мысляхъ, такъ сладко въ сердцѣ!.. Гдѣ оно, гдѣ несчастье?... А несчастье стояло за угломъ и съѣдалось неопытною дѣвушкой!...

Когда подружки нѣсколько ознакомились въ обществѣ, г-жа Л...а повезла ихъ въ собраніе. Юная своею красотою, еще болѣе юная своимъ сердцемъ, эта милая женщина отъ души сочувствовала живому впечатлѣнію, накое блескъ столицы, очарованіе искусствъ и роскоши производили въ молодыхъ, еще почти не жившихъ ея спутницахъ. Она съ улыбочкою и участіемъ наблюдала, какъ удивленіе, робость, безпокойство, восхищеніе смѣнялись на ихъ лицахъ, при вступленіи въ великолѣпную, огромную залу Собранія, какъ взоры ихъ небольшою поспѣвали передъ яркимъ блескомъ освѣщенія и блистаньемъ безчисленнаго множества незнакомыхъ взоровъ. Простодушно, свободно, во всей полнотѣ выразилось восхищеніе Варильки... Напротивъ, въ душѣ Евфиміи, казалось, не могло возникнуть никакого чувства наслажденія, безъ того, чтобы въ ту же минуту, оно не отразилось въ ней обратнымъ дѣйствіемъ и не заставило ея страдать. Среди самыхъ живыхъ забавъ, страданіе, какъ угрюмый и неразлучный страхъ ея души, вездѣ за нею следовало.

Одним из молодых людей, пощипавших домъ сжи А. . . ѣ повелъ Вариньку въ танцы. Сама Е. А. не могла отговориться отъ безчисленныхъ приглашеній, и должна была поручить знакомой дамѣ Евоміи, которая отказалась отъ танцовъ, подъ предлогомъ головной боли. Къ счастью, ея патронша занялась важнымъ споромъ съ своею сосѣдкою; она сѣдала Евоміи вопроса три, и продолжала доказывать своей сосѣдкѣ съ новымъ жаромъ превосходство гродоріена надъ тавтою для молодецкихъ дѣвушекъ, которыхъ нужно еще одѣвать à l'enfant. Евомія могла вполнѣ предаться своимъ впечатлѣніямъ. Зрѣніе бала, полное жизни, блеска и поэзіи, имѣло что-то, уповительное для ея горячей головы. Во всю жизнь, она, не только не видала, но и не подозревала, ничего подобнаго. Музыка, женщины, блестящія предѣстия и наряды, говоръ, голоса, брильяны щпоръ, и суетливая услужливость кавалеровъ, проникнули все ея существо невнятнымъ, неповинымъ ей чувствомъ. То не было однакожъ чувство радости. Напротивъ, ей болѣе нестерпима была нибудь было замѣтно и тягостно одиночество, ненавистно несчастье, которое омрачало для нея всѣ наслажденія юности.

Смотря на женщинъ, которыхъ природныя предѣстия блистали двойнымъ очарованіемъ отъ пособій искусства и умѣнья выбирать нарядъ, она грустно и безнадежно вздохнула, О, какъ она испытывала теперь могущество красоты, какъ понимала она почему и въ созданіяхъ поэтовъ, и въ разговорахъ свѣтскихъ людей, все вниманіе, всѣ хвалы, все было данью красотѣ! — Счастливицы! — думала она, смотря на прекрасныя звѣзды своего пола, — счастливицы! вы обладаете могуществомъ, которое для женщины, безъ сравненія, превосходнѣе, мест-

нѣ могущества власти, богатства, и даже самаго гения... Прежде нежели успѣють понять, оцѣнить гений, взоръ поражается блескомъ глазъ, улыбкою прекрасныхъ устъ, и это впечатлѣніе быстро, подобно стрѣлѣ проникаетъ отъ глазъ въ сердце. Еще не размысливъ объ его вліяніи, уже испытываютъ всю его силу.

Въ тотъ вечеръ, какъ нарочно, собралось прекрасныхъ болѣе нежели когда нибудь и всякій согласился бы отдать Москвѣ палму передъ всеми городами, почтить ее названіемъ *отизны красавицъ*. Завистливые взоры Евфиміи едва успѣвали переноситься отъ одной дѣвушки къ другой. Молчаливая, нѣсколько обрѣвшая, Варянька, съ своимъ личикомъ, больше замѣчательнымъ свѣжестью, нежели красотою, съ поступью и осанкою, неподраженными искусствомъ и продолжительнымъ навыкомъ свѣта, совершенно исчезла въ кругу очаровательныхъ Сирепъ столицы.

Евфиміи не вѣрилось теперь, чтобы эта дѣвушка, незамѣчательная и неловкая, могла плѣнить свою скромною красотою того, кто каждый день видалъ первыхъ Московскихъ красавицъ.

Когда тысяча мыслей, одна за другою, пробѣгали въ умъ Евфиміи и тысяча ощущеній волновали ея грудь, въ одномъ концѣ залы возсталъ знакомый ей образъ, свѣтлый, величавый, и заставилъ ее забыть и свои разсужденія, и людей, которые подали къ нимъ поводъ, и во всемъ балѣ видѣть только одного человека... Вотъ онъ!.. Онъ танцуетъ съ одною изъ прекраснѣйшихъ женщинъ бала, которая давно уже обратила вниманіе Евфиміи прелестью своего убора, огнемъ своихъ глазъ, и черными, какъ вороново крыло, волосами, убранными золотыми колосьями. — Ахъ! пусть мое сердце разрывается —

подумала Евфимія — но я должна сказать истину: они достойны другъ друга!..

Когда В. Н. вперялъ свои черныя очи въ лицо своей дамы, она не могла выносить его взора, по-тушляла глаза, и Евфимія чувствовала, какой трепеть блаженства долженъ былъ проникать въ душу отъ такого взора... Она видѣла, какъ лицо красавицы свѣтлѣло и дышало удовольствіемъ, когда онъ склонился къ ней, и тихо нашептывалъ ей привѣтствія, обыкновенныя, но которыми его взглядъ, его улыбка придавали необыкновенную цѣну. Однимъ словомъ, она не проронила ни одного изъ его движеній: каждое изъ нихъ отзывалось въ ея сердцѣ и удвояло ея тоску, ея волненіе...

—Боже мой!—думала она—одинъ день, одинъ только день на мѣсть этой красавицы!... День, день одинъ! Скоро, быть можетъ, будетъ уже поздно. Онъ женится: тогда всякая мысль объ немъ будетъ преступленіемъ. Боже мой! кто знаетъ: завтра, можетъ, уже будетъ поздно!.. Поздно! — повторяла она съ возрастающимъ отчаяніемъ, какъ будто это дѣйствительно должно исполниться.

Нескромныя восклицанія дѣвушки, которая не помнила уже сама себя, достигли до слуха ея сосѣдки. Воображая, что они къ ней относятся, она обратилась къ Евфиміи съ вѣжливымъ вниманіемъ. Но увидя, что ея блестящіе глаза были устремлены въ одну сторону, что чело ея болѣзненно нахмурилось, полураскрытые уста дрожали, старушка чуть, чуть не перекрестилась. Г-жѣ Л. сказали, что ея protégée, вѣроятно, подвержена припадкамъ сумасшествія... «Она теперь на себя не походитъ... Я боюсь за нея!» сказала одна дама. Заботливая Елена Александровна тотчасъ бросилась къ Евфиміи. Блѣдность, страдальческій видъ поразили ее съ перваго взгляда.

да. Въ самомъ дѣлѣ, убійственное сознаніе своего безобразія, мучительное чувство зависти, ревность, самая невыносимая изъ всѣхъ пытокъ, слишкомъ сильно подѣйствовали на болное уже ея воображеніе. Она страдала невыносимо, страдала тѣмъ болѣе, что вспомнила гдѣ была, и напрасно принуждала себя принять веселый видъ.

О, еслибы слезы могли свободно брызнуть изъ ея глазъ! Она сказала, что у ней сильно болѣла голова и чтобы не лишиться удовольствія Вариньку, выпросила у Елены Александровны позволеніе уѣхать одной въ ея каретъ.

Пріѣхавъ домой, Евфимія долго и неутѣшно плакала, какъ будто бы въ первый разъ узнала свое несчастіе. Горестъ давила ее. Самолюбіе не позволяло ей открыться кому нибудь и искать утѣшенія въ участіи. И какое утѣшеніе могло быть ей доступно? Напитанная почти съ младенчества романами и нескромными внушеніями гувернантки, она привыкла полагать счастье женщины въ любви; думала и мечтала объ этомъ счастьи, и когда убѣдилась въ невозможности внушить нѣжное чувство, то пришла въ совершенное отчаяніе. Ничто не казалось ей достойнымъ замѣнить счастье любви, свѣтлое какъ звѣзда, пламенное, какъ южное солнце, разнообразное, какъ переливы радуги. Утративъ мечту, составлявшую все въ жизни, она уже не знала, чѣмъ наполнить жизнь! Напрасно стали бы говорить ей, что она очень умна, и съ небольшимъ трудомъ можетъ быть любезною въ обществѣ, милою въ семействѣ: такіе совѣты и внушенія должны бы прійти ранѣе, упредить развитіе чувства страстей. Теперь она съ негодованіемъ отвернулась бы отъ совѣтующаго, она сказала бы: «Развѣ это дастъ мнѣ счастье? Развѣ холодный взоръ одобренія

заманить мнѣ взглядъ снисхожденія и нѣжности, внушаемой одною любовью! Прочь, прочь съ вашимъ уваженіемъ! Оно равняетъ меня съ жепцинами, уже умершими для любви, а мнѣ едва минуло 20-ть лѣтъ!»

Пять дней провела Евфимія въ своей комнатѣ. Она рѣшилась не подвергать себя испытанному мученію, въ первый выгладъ. Однакожь, въ концѣ пятого дня она нашла, что какъ ни сильны были ея мученія, все они сноснѣе совершеннаго затворничества, гдѣ она дѣлается жертвою воображенія, а оно ежеминутно съ новою силою возобновляетъ вокругъ нея образы и картины, которые заставляютъ ее страдать невыносимо. При этомъ, она теряла то, для чего пріѣхала — возможность въ послѣдній разъ на него взглянуть. И она опять стала вывѣжать, и опять быстро помчались дни ея, среди безпрестанныхъ волненій, безпрестанныхъ приливовъ и отливовъ чувствъ, самыхъ нѣжныхъ, и бурныхъ порывовъ страсти и отчаянія. Казалось, она находила удовольствіе растревать свою рану, приводя всѣ свои наблюденія къ одной точкѣ, выводя изъ всего одно заключеніе. Но прошло нѣсколько дней, и она стала спокойнѣе, сроднилась съ мыслью о своемъ несчастіи, какъ человекъ, страдающій неизлечимою болѣзнию. Случалось даже, что новость и занимательность предметовъ до того ее увлекали, что она забывалась. Особенно любила она посѣщать театръ. Зрѣлище страстей и несчастій человека, возбуждая въ ней живѣйшее сопочувствіе, заглушало на минуту болѣзненный вопль ея сердца. Но какое либудо обстоятельство, вовсе незначительное, будило въ ней едва уснувшія чувства: они возставали съ новою силою, облегли, тѣснили ее со всѣхъ сторонъ и повергали ее въ отчаяніе, тѣмъ легче, что бѣдная дѣ-

рушка не имѣла никакой опоры, никакой защиты, гдѣ пріютиться отъ бури страстей — она не знала любви ни къ какому искусству, которое могло облагородить ея помыслы, дать пищу ея воображенію.

Однажды, въ кабинетъ г-жи Л—й собралось немногочисленное общество друзей. Тутъ были В. Н., молодой Рафаэль Аббадонскій — поэтъ, извѣстный прелестными стихотвореніями, но еще болѣе поэтъ въ душѣ, Варинька, Евѣмія, А. А., родственница г-жи Л-ой, очаровательная брюнетка. Она недавно пріѣхала въ Москву, и уже сосредоточила въ себѣ общее вниманіе. Поговаривали даже въ полголоса, что В. Н., извѣстный любитель красоты, намѣренъ предложить ей руку. На дворѣ было очень холодно. Морозъ расписалъ вѣжными, серебряными узорами Итальянское окно кабинета, а въ комнатѣ такъ было хорошо и спокойно! На мягкомъ коврѣ, вокругъ стѣнъ, обитыхъ малиновымъ штофомъ, роскошно стояли мягкіе диваны; въ каминѣ пылалъ огонь. Лампа на столѣ разливала кроткое, слабое сіяніе въ комнатѣ. Въ теплой, благовоющей атмосферѣ, въ таинственномъ полусвѣтѣ, у всѣхъ стало какъ-то пріятнѣе, теплѣе, свободнѣе на душѣ. Необыкновенное согласіе и какое-то спокойное одушевленіе царствовали въ бесѣдѣ. Всѣ были довольны собою и другими.

На концѣ дивана, опершись локтемъ на подушку, сидѣла прекрасная хозяйка, въ вечернемъ кисейномъ negligé. За нею простодушное лицо Вариньки выражало совершенное спокойствіе и довольство. Только по временамъ облако думы пробѣгало по ея свѣтлому челу—быть можетъ воспоминаніе объ отсутствующемъ женихѣ. По другую сторону хозяйки, какъ будто для того, чтобы различіа красоты взаимно одно другое возвышали, сидѣла ново-

привзжая красавица. Черные локоны отъплли ея лицо, бѣлое, какъ алебастръ и нѣсколько блѣдное. Она нрѣдка подымала свои густыя рѣсницы, отвѣчая хозяйкѣ, и опять опускала ихъ на В. Н., который, въ положеніи Гамлета, облокотясь на штыль подушки, почти лежалъ у ея ногъ. Возлѣ каминя мечталъ поэтъ. Въ углу, въ тѣни, скрывалась Евфрѣя. Пользуясь выгодою положенія, она не сводила глазъ съ своего прекраснаго любимца, пила небесное упоеніе въ созерцаніи его небрежнаго положенія, возвышеннаго, открытаго чела, подѣ тучею черныкъ кудрей.

Неизяснимая гармонія царствовала въ маленькомъ обществѣ. Словно тихій ангелъ пролетѣлъ между всѣми и настроилъ души къ нѣжности и наслажденію. Нрѣдка возвышался разговоръ; нрѣдка мелькала остроумная шутка, поэтическая мысль, и—опять все умолкало. Потомъ говорили, шутили, читали стихи.

Воспоминанія поэта о прелести ночей Юга навели разговоръ на нравы и обычаи его жителей. Кто-то напомнилъ о поэтическомъ обычаѣ Испанцовъ, воспѣвать при лунномъ свѣтѣ царицу мыслей.

«Какъ жаль, что такой обычай не перешелъ къ намъ!» замѣтилъ поэтъ.

«Не тужите,» сказала хозяйка, съ очаровательною улыбкою, «я не хочу, чтобы нынѣшній вечеръ, въ моемъ маленькомъ царствѣ, было хоть одно существо, чѣмъ нибудь недовольное. Валеріянъ!» продолжала она, обращаясь къ своему кузену, и подавалъ гитару, «именемъ всѣхъ жещинъ повелѣваемъ вамъ ввести въ Москвѣ Испанскій обычай. Смотрите (она отдернула малиновую занавѣку окна): какое прелестное лунное сіяніе! Запахъ этихъ померанцовъ перенесетъ васъ въ благовонныя роши Испаніи!»

Благодѣтельная теплота Русскаго камина замѣнить дыханіе нѣжнаго воздуха Андалузін. Очарованіе будетъ полно. Неправда ли?

Валеріанъ взялъ гитару, изпечатлѣвъ поцѣлуй на рукѣ, которая ее подавала. Онъ былъ большой любитель музыки, игралъ на многихъ инструментахъ и пѣлъ восхитительно. Въ его голосѣ находили необыкновенную пріятность и выразительность, которыя имѣли начало не въ искусствѣ, а въ душѣ.

Вдохновенный прекраснымъ взоромъ своей Офеліи, Валеріанъ увлекъ сердца слушателей. Бѣдна! Евфізія! что случилось съ тобою, когда ты услышала эти звуки? Какъ громко, необузданно откликнулось на нихъ твое сердце! Какъ ранулось оно въ слѣдъ за ними! Какой міръ чувствъ раскрылъ тебѣ каждый изъ звуковъ! Но, въ глазахъ пѣвца сіялъ міръ любви и счастья, въ тысячу разъ обширнѣе, богаче—міръ, тебѣ недоступный, бѣдная дѣвушка!

Нѣтъ, нѣтъ! не знаетъ тотъ могущества любви, кто не слышалъ, какъ звуки, полныя гармоніи и жизни, льются изъ любимыхъ устъ, какъ увеличивается тогда красота милаго предмета, какъ возрастаетъ наша любовь!... Тотъ не знаетъ блаженства любви, кому не шептало сердце: «Любовь, которою дышать его звуки, его взоры — любовь твоя, любовь къ тебѣ и для тебя!» Только тотъ испыталъ всѣ муки безнадежной страсти, чье чувство, возбужденное, вызванное могуществомъ музыки, увлекало его очарованіемъ неодолимымъ, чья душа, въ непонятномъ упоеніи, замирала, оживала, стремилась и томилась, и кто въ тѣ самыя минуты долженъ былъ сказать: «Не ко мнѣ несутся привѣты любви на крыльяхъ его звуковъ! Не для меня пымаютъ и говорятъ его очи! И томленіе нѣги, и пылъ страсти, и жаръ лобзаній, и слезы счастья, все, что такъ

понятно, такъ чувствительно для моего сердца въ каждомъ переливѣ, въ малѣйшемъ трепетѣ и замѣраши его голоса, въ движеніи его рѣсницъ — все не для меня, не для меня! Такія мученія, такую вытѣку вытерпѣла бѣдная Евфимія. Склонивъ голову къ груди, она страдала упиваясь его пѣніемъ.

Звуки смолкли. Тихо прекралась она по комнатѣ и — скрылась.

Дѣло Евфиміи было выиграно. И вотъ, повозки деревенскаго семейства двинулись къ ....ской заставѣ, къ большому удовольствію Вариньки, которая, сидя въ коляскѣ, не разъ съ радостью вскрикивала: «Слава Богу! Хорошо въ Москвѣ, а дома лучше!»

IX.

Мурины воротились въ деревню на четвертой недѣлѣ Великаго Поста, въ самый день Сорока Мучениковъ, когда всѣ добрые Рускіе жаворонками празднуютъ возвращеніе весны, а въ субботу на Ѳоминной была Варинькина свадьба.

«Счастливица!» шептали между собою подруги, которыя изъ-за восьмидесяти верстъ въ окрестности собрались одвзвать ее.

«Какъ весело быть невѣстою!» думала потомъ каждая про себя — «какъ весело быть молодою!»

Да, весело быть невѣстою, быть предметомъ общаго вниманія, царницею, которой несутъ дары, поздравленія и любовь, къ которой каждый являетъ ся съ веселымъ лицомъ, чтобы все завѣрляло ее въ будущемъ счастіи. Упоительны первые мѣсяцы замужества, когда два юныя существа соединяются не узами принужденія, не холодною рукою расчета. А таково было положеніе Вариньки и ея жениха.

Правда, и тутъ не обошлось безъ зловѣщихъ вороновъ, перешептываній, перемигиваній, значительныхъ киваній головою, съ восклицаніями: «Какъ они молоды! Чему быть доброму!..... Да, вѣдь, и бѣдны, Анна Филиповна: у обоихъ за душою ни гроша! Теперь души другъ въ другъ не слышать... Посмотримъ, что-то будетъ годика черезъ два!» Но, есть ли на землѣ хоть что нибудь такое, что не подверглось бы пересудамъ, или злой молвѣ? Можетъ быть, всегда будетъ вѣрно старое, обветшалое сравненіе зсмныхъ радостей съ сбмачивымъ полями, которыя подъ привлекательною зеленою скрываютъ топкую могилу... Варинька была счастлива вполнѣ, счастлива безъ оглядокъ на прошедшее, безъ опасеній за будущее, безъ требованій, безъ заботы о людскомъ мнѣніи, безъ сравненій своей судьбы съ чьей бы то ни было. Такъ счастливы могутъ быть только немногіе существа, сочетавшія съ свѣтлою душою, безпечнымъ умомъ младенца горячес сердце юной, влюбленной дѣвушки.

По крайней мѣрѣ недѣли двѣ, всѣ веселились и пировали. Одна Евфимія не раздѣляла общей радости. Подобно Кассандрѣ, грустной и одинокой въ Пріамовыхъ чертогахъ, полныхъ пѣсень и ароматовъ, она чуждалась ликующей толпы. Шумный говоръ, праздничныя лица и звуки музыки были ей противны. Изъ любви къ подругѣ, она являлась въ гостиную съ свѣтлымъ лицомъ, смѣялась, принимала участіе въ играхъ и танцахъ, но, чего стоило ей принужденіе! Часто, не въ силахъ выносить долѣе, она покидала бесѣду въ срединѣ разговора, убѣгала въ садъ и оставалась тамъ по цѣлымъ часамъ.

Праздники кончились. Полку, въ которомъ служилъ Петръ Григорьевичъ, назначено было пере-

ходить на новыя квартиры. Молодые отправились съ полкомъ.

По отбытіи ихъ, Евфимія, въ первый разъ по приѣздѣ изъ Москвы, вдохнула свободно. Теперь она безпрепятственно могла отдаться своимъ чувствамъ. Никто не станетъ преслѣдовать ее нескромными взглядами, тревожить докучливыми вопросами. Никто не помѣшаетъ ей уходить изъ дома, прежде чѣмъ лучи солнца заблещаютъ на ростъ полей, и бродить по лѣсу до тѣхъ поръ, пока звѣзды загорятся уже на небѣ, и свѣтлый столбъ падетъ отъ мѣсяца на рѣку. И вотъ она на свободѣ. Она упивается воспоминаніемъ минутъ, проведенныхъ ею въ обществѣ Валеріана. Безъ надеждъ въ міръ сущестственности, она вся переселилась въ міръ фантазіи. Она напрягаетъ всю силу воображенія, чтобы хоть въ мечтѣ вкусить отъ плода, запрещеннаго для нея въ жизни: въ мечтахъ своихъ, она создаетъ себя инокю, нежели есть въ самомъ дѣлѣ, умиляется надъ своимъ созданіемъ, очаровывается имъ — такъ щедро надѣляла она его красотой и свѣжестію! Возлѣ этого образа возникла другой, еще прелестнѣйшій—образъ Валеріана, со взоромъ кроткимъ и пламеннымъ, гордымъ и нѣжнымъ, общавшимъ бездны счастья той, на комъ онъ останавливался. И взоръ былъ устремленъ на нее съ любовью и удивленіемъ... Она утопала въ морѣ счастья. Какой міръ блаженства выткала она изъ паутинныхъ нитей своей мимолетной мечты!

Неподвижно, склонивъ голову на руку, или устремивъ взоръ въ пустую даль, просиживала Евфимія цѣлые дни за садомъ, подѣ тѣнью стараго дуба; безчувственная ко всему, что ее окружало, она упивалась внушеніями живой, необузданной фантазіи. Иногда обольстительные образы, мечтательныя по-

ложения приводили ее въ такое волненіе, что она вскакивала съ мѣста, и быстро, безъ отдыха, обѣгала всѣ темныя аллеи сада, всѣ излучистые и уединенные берега рѣки.

Удивляются, читал о странныхъ дѣйствіяхъ описума на человѣческой организмъ, но развѣ не тысячу разъ удивительнѣе дѣйствіе пылаго воображенія, если его ничто не обуздываетъ? Не смутный, темный грезы порождаетъ оно въ разгоряченномъ умѣ, между тѣмъ, какъ усыпленное тѣло находится въ мертвомъ оцѣпенѣніи—оно бросаетъ насъ въ міръ живой, кипящей страстью, такъ, что все наше существо, всѣ чувства, всѣ способности участвуютъ въ драмѣ, которая нами разыгрывается. По щекамъ льются слезы, взоры горятъ желаніемъ, или блистаютъ восторгомъ; тѣло то изнемогаетъ въ холодномъ трепетѣ ужаса, то пылаетъ всѣмъ жаромъ огневицы; дыханіе стѣсняется, замираетъ, кровь сбѣгаетъ въ сердце со щекъ, покрытыхъ блѣдностію, или съ быстротою ручья, прорвавшаго оплотъ, опять стремится отъ сердца въ лицо. Тысячу разъ, въ одно мгновеніе перераждается человекъ, тысячу разъ переходитъ онъ отъ блаженства къ отчаянію, мѣняетъ свои наклонности, творитъ и рушитъ свои мечты. Да, страшны иногда бываютъ дѣйствія демона воображенія, и какъ трудно человеку ему противиться!

Всѣмъ такимъ движеніямъ, страданіямъ, тоскѣ и отчаянію подвергалась бѣдная Евфимія. Домашніе не могли надивиться переменѣ, какую въ ней видѣли. Проходя мимо дѣвичьей, Евфимія нерѣдко слышала шопотъ служанокъ, видѣла простодушное состраданіе нянь, которая, смотря на нее, вздыхала и печально качала головою. Такіе и подобные случаи приводили ее на время въ себя. Она ви-

дѣла странность своего положенія, понимала, какъ недостойно было отдать всю жизнь свою мечтѣ безплодной и вредной. Ей становилось стыдно; она желала возстановить нѣкоторую ясность въ мысляхъ, спокойствіе въ душѣ, приняться за прежнія занятія. Но съ первыхъ шаговъ борьбы, она чувствовала утомленіе; обыкновенная жизнь возбуждала въ ней невыразимое отвращеніе. Бывали минуты, когда она горестно оплакивала свою слабость. «Нѣтъ!» повторила она себѣ, «невозможно, чтобы мое положеніе было простое и естественное. Здѣсь таится что-то необыкновенное. Чувствую, какъ невидимыя узы меня опутали. Не узнаю себя. Моя голова въ какомъ-то туманѣ. Не могу имѣть надъ собою никакой власти. Чувствую, что могу только смотрѣть на свои страданія, какъ на страданія посторонняго человѣка, съ горестью и участіемъ, съ тоскою и смертельнымъ трепетомъ, но безъ малѣйшей возможности помочь ему. Знаю, чувствую, что я испорчена, околдована!... Нѣтъ для меня счастья! Не въ пользу борьба!»

Полуобразованная, или, лучше сказать, необразованная Евфонія была напитана суевѣрными преданіями и предрасудками. Они всегда сильно на нее дѣйствовали, но несравненно сильнѣе теперь, когда безпрестанное напряженіе воображенія, ночи, проводимыя безъ сна, раздражили и ослабили ея физическій и нравственный организмъ. Теперь она всему вѣрила, всего боялась. Она плакала съ непритворною горестью. Иногда она готова была отъ всего отказаться, цѣною жизни искупить спокойствіе и достоинство души, но такія минуты, быть можетъ, навѣяныя ея ангеломъ-хранителемъ, не дѣлились... Утомленная борьбою, безсильная, отчаянная; утратившая вѣру въ свою нравственную свобо-

ду, она безпрепятственно отдавалась потоку безумія, который мчалъ ее! Мгновенные проблески ума и совѣсти скоро совсѣмъ потухли. «Я околдована!» повторила она—«что же я могу дѣлать противъ этого?» Глубокій мракъ воцарился въ ея головѣ. Чувства разума исчезли; всѣ понятія о добрѣ и злѣ смѣшались. . . . .

Настала весна. Вездѣ разлилось и заиграло ея теплое дыханіе. Просвѣтлѣлъ далекій свѣтъ неба; радостно вострепелась земля. Все оживло, запыло, заликовало... Евфимія становилась съ каждымъ свѣтлымъ днемъ грустнѣе и мрачнѣе. Она уже не думала упрекать себя за свои заблужденія; мысль о возвращеніи на путь мира и истины, давно перестала посвѣщать ее. Она совершенно предалась страсти, которая все больше и больше разжигалась воображеніемъ, и терзалась только отъ того, что желанія ея сердца никогда не могли исполниться. Не умереть уже хотѣлось ей, и очиститься отъ заблужденія, успокоиться отъ борьбы—нѣтъ! жить хотѣла она, упиться жизнью! Жизни и наслажденія просила, требовала она отъ живой и отъ бездушной природы, и горько плакала и роптала, что ей не даютъ наслаждаться жизнью, такъ, какъ она себя ее создала, и что никогда... Это слово: «никогда!» приводило ее въ изступленіе. «Какъ?» повторяла она, «большой, изнемогающій отъ недуга внцій, томимый голодомъ, рабъ, терзаемый тираномъ, всѣ могутъ жить и утѣшаться надеждою: для каждаго изъ нихъ завтра можетъ привести переворотъ неожиданный, для всѣхъ возможно исполненіе желанія — только я одна лишена такого блага, осуждена на муку: горѣть желаніемъ, стремиться къ нему сейчасъ, и еже-

часно повторять себя: «Невозможно, невыносимо, никогда, никогда!» И въ изступленіи, въ нѣмой ярости, блѣдная, съ нылающими глазами, безъ слезъ, она быстро, какъ лань, которая ищетъ своей малютки, пробѣгала лѣсистыя извилины окрестностей.

Однажды, въ минуту отдохновенія, или, лучше сказать, въ минуту истощенія, которое слѣдовало за такимъ припадкомъ, мысль безумная, уродливое порожденіе большого воображенія, мелькнула въ головѣ Евфиміи. «Я испорчена—думала она—нечего о томъ и говорить, я это чувствую, но вѣдь есть же для меня возможность исцѣленія? Няннъ рассказывала мнѣ тысячу подобныхъ случаевъ. Нѣтъ сомнѣній, есть существа, могущество которыхъ превосходитъ наши понятія. Тамъ, тамъ должна я искать исцѣленія, и кто знаетъ: не найду ли я тамъ и счастья?...

Непостижимое явленіе! Глупыя бредни, надъ которыми за полгода она смѣлась, сдѣлались для ея разстроеннаго воображенія чѣмъ-то осязаемымъ, существеннымъ, возможнымъ. Сонмы чудовишныхъ призраковъ, колдуны и вѣдьмы окружили ее и оглушили своими воплями. Она трепетала. «Какой вздоръ! Какое ребячество!» говорила она робко, невольно озираясь. Но сцена перемѣнилась. Валеріанъ, пльвнительный, стоялъ передъ нею на колыняхъ. Она утопала въ морѣ блаженства. И вдругъ пробуждалась она, вспоминая свое несчастіе. «Нѣтъ,» говорила она, задыхаясь отъ горести, «нѣтъ! это не можетъ, не должно такъ продолжаться. На все рѣшусь, на все отважусь я, лишь бы кончилась моя пытка!»

Рассказъ старухи о чудномъ старикѣ не выходилъ у нея изъ головы. Стараясь успокоить совѣсть,

укротить трепеть сердца, замиравшего отъ страха при одной объ пемъ мысли, она говорила себѣ: «Разумѣется, только глупая чернь считаетъ его колдуномъ. Онъ просто мудрецъ, которому ученіе и природа открыли тайны, недоступныя толпѣ. Быть можетъ, его слова утишатъ бурю, бушующую въ моемъ сердцѣ; быть можетъ, онъ меня научитъ своимъ совѣтомъ жить, какъ всѣ... А, можетъ статься.. я просто больна—онъ дастъ мнѣ лекарства, неизвѣстнаго нашимъ докторамъ, и все, что пугаетъ и тревожитъ мой слабый умъ, исчезнетъ само собою... Я исцѣлюсь... Ахъ! кто это?»

Изъ-за деревьевъ, къ которымъ прислонилась дѣвушка, взвилась стрѣла; птичка, которой она грозила опасностью, испуганная восклицаніемъ дѣвочки, вспорхнула. Вслѣдъ за тѣмъ раздался звонкій смѣхъ, и прежде чѣмъ испугъ Евфиміи прошелъ, изъ чащи кустарниковъ выскочилъ мальчикъ, внукъ старухи, съ лукомъ въ рукѣ и съ колчаномъ за плечами.

«Чуть не попалъ!» вскричалъ онъ, хлопая въ ладоши. «Ахъ! да, вотъ и барышня! А я было и забылъ... Меня послалъ къ тебѣ дѣдушка,» сказалъ онъ ей тихо, положивъ на уста палецъ, съ таинственнымъ видомъ.

«Ко мнѣ?» вскрикнула Евфимія.

«Да... Скажи, говоритъ, доброй, *дурной* барышнѣ, слышишь *дурной*,» повторилъ онъ, «чтобы она приходила ко мнѣ сегодня въ полночь... Я вымечу ее. А то она вѣкъ будетъ каяться!...»

Видя, что Евфимія стоитъ блѣдная, безмолвная и неподвижная, мальчикъ продолжалъ: «Ну, что же? будешь? Я приду за тобою въ первые пѣтухи. Такъ велѣлъ дѣдушка. За то онъ мнѣ лукъ пода-

рилъ.» Сказавъ это, мальчикъ пошелъ, напѣвая пѣсню:

О, мой славный лукъ,
Стрела мятка,
Камна страла!
Я съ тобой, мой лукъ,
Не разстануся.....

Онъ исчезъ. Скоро пересталъ слышаться его звонкій голосъ. Евфимія опомнилась, повела рукою по лбу. «Боже!» вскричала она, «не сонъ ли это? Кто этотъ человекъ? Чего онъ хочетъ отъ меня? Какимъ чудомъ узналъ онъ мои сокровенные помыслы?.... Человекъ!..... Нѣтъ! колдунъ онъ, чародѣй!.... Господи!.....» Она упала на колѣна.... «Прости меня! Спаси, спаси, не предай меня нечистой силѣ!...» И она бросилась со всѣхъ ногъ бѣжать къ дому. Сумракъ и уединеніе роица пугали ее. Она боялась самой себя. Прибѣжавъ въ свою комнату, она усадила у себя няню, заставила ее повторять давно слышанные рассказы о матери, ея благочестіи, безграничной нѣжности къ своему единственному дѣтищу. Старушка, обрадованная, растроганная памятью старины, осмѣлилась сдѣлать ей нѣкоторыя замѣчанія, что дескать, она стала нелюдима и сердита. Евфимія согласилась съ нею, обняла ее и отпустила ласково, обѣщая подумать и постараться переимѣниться. Хорошая няня постояла нѣсколько минутъ у дверей, и радостно перекрестилась, увидя, что барышня съ полки взяла молитвенникъ своей матери.

Въ самомъ дѣлѣ, Евфимія, казалось, совсѣмъ измѣнилась. Она чувствовала себя спокойною. Словно, туманное покрывало спало съ ея мыслей. Она съ радостью готовилась прочитать вечернія молитвы, чего давно, давно уже не сдѣла-

ла. Вдругъ она вспомнила, что не запечатала нужныхъ бумагъ. Запечатала ихъ; привела другія въ порядокъ. Завтра она должна была ѣхать къ Варинькѣ, которая обязала ее пріѣхать къ ней непременно. Все уже было уложено. Въ своихъ заботахъ, она забыла о молитвѣ, однакожь была спокойна. Она чувствовала только какое-то пріятное утомленіе. Ей казалось, что теперь она такъ сладко заснетъ. Она раздѣлась; накинула шаль и спальный плафортъ. Вдругъ подъ окномъ шорохъ. Она слушаетъ. Разъ, два, три... Три удара камешкомъ въ окно. Условленный звукъ! Руки Евфиміи опустились. Она затрепетала и съ болѣзненнымъ воплемъ опустилась на стулъ. Какая чудная переменна произошла въ ней! Куда дѣвались ея спокойствіе, ясность ея мыслей? Кровь хлынула ей въ голову, забила въ вискахъ. Сердце затрепетало въ груди. Какъ волшебствомъ, озарился передъ нею во всей прелести обольстительный образъ Валеріана... Все, все исчезло... все забыто... Его любовь! Быть прекрасною... быть имъ любимою.. быть его... во что бы то ни стало!.. Пусть рушится міръ, пусть гибнетъ все!.. Пусть погибну я навѣки! Тутъ, не помня сама себя, она съ судорожнымъ движеніемъ накидываетъ на себя капотъ, шаль, хватаятъ фонарь... руки ея трясутся... дыханіе замирать. Но она боится только того, чтобы ея не увидѣли, не остановили. Вотъ она въ саду... И прежде нежели вѣтухъ успѣлъ дотянуть свое кукуреку—она была уже за рощею.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПЕРВАЯ СЕЛЕДКА.

(Повесть Эли Берте.)

I.

Однажды, въ Юнѣ мѣслцѣ, 1720 года, въ городѣ Амстердамѣ замѣтны были необыкновенное волненіе и дѣятельность. Корабли наполняли гавань, ожидая каждую минуту выступленія въ море, а между лѣсомъ мачтъ, на поверхности Зюйдерзее, пробирались тысячи лодокъ, и одна за другою перевозили моряковъ на берегъ. Начиная отъ пристани, до самой Ратуши, тянулась длинная процессія матрозовъ, лоцмановъ, рыбаковъ; всѣ они были въ Голландскомъ костюмѣ, въ коричневыхъ кафтанахъ, застегнутыхъ посреди груди, въ шляпахъ съ большими полями, и въ широкихъ, развѣвующихся около ногъ, панталонахъ. Они шли молча, съ хладнокровнымъ видомъ, большими или меньшими толпами, смотря по роду судна, котораго они составляли

экипажъ—барки, шлюпки, или корабля. Чудные эти пилигримы тянулись, какъ мы уже говорили, по направленію къ площади, наполненной зрителями, и входили въ Ратушу, какъ будто для выполненія какой-то необходимой обязанности; потомъ возвращались къ пристани, по той же дорогѣ, придерживаясь къ правой сторонѣ площади, между тѣмъ, какъ толпы, идущія для выполненія обряда, шли по лѣвой сторонѣ; въ молчаніи садились они въ лодки и возвращались на суда, стоявшія въ гавани.

Подобная церемонія непременно послужила бы поводомъ къ смятенію, безпорядкамъ и ссорамъ между Англійскими и Французскими моряками, но здѣсь, напротивъ, все происходило чинно, спокойно, къ чему способны были только хладнокровные жители Соединенныхъ Нидерландскихъ Штатовъ. Каждый шелъ медленно своею дорогою, какъ будто углубясь въ пищева-реніе желудка, наполненнаго пивомъ и селедками, не говоря ни слова съ сосѣдомъ, и, казалось, всѣ заботились только о томъ, чтобы скорѣе выкурить свою глиняную трубку, сѣдя на палубѣ корабля, или на скамьѣ барки. Между тѣмъ, обрядъ, выполняемый въ Ратушѣ, былъ однимъ изъ важнѣйшихъ законовъ въ жизни рыболововъ и моряковъ, жизни, которой тогда посвящалъ себя простой народъ въ Голландіи, болѣе чѣмъ нынѣ.

Легко догадаться, что флотъ, стоящій въ гавани, и готовый по первому сигналу распустилъ паруса, какъ крылья цапли, устремляющейся на добычу, назначенъ былъ для знаменитой ловли сельдей—главнаго источника богатства Нидерландскаго государства. Дѣйствительно, въ Іюнь мѣсяцѣ, всѣ суда Голландскихъ рыболововъ собирались въ Зюйдерзее; вмѣстѣ выступали къ островамъ Оркадскимъ и Шетландскимъ, и тамъ ожидали появленія сельдей,

шедшихъ въ то время года густою колонною отъ морей сѣвернаго полюса къ берегамъ сихъ острововъ. Въ Голландіи существуетъ законъ, постановленный, вѣроятно, еще во времена Вильгельма Бенкельса, учредителя ловли сельдей, по которому, всѣ выступающіе въ море, обязываются торжественно присягать въ присутствіи бургомистра и градоначальниковъ Амстердамскихъ: не бросать сѣтей въ море прежде полуночи 25-го Іюня. Причиною такого запрещенія, вѣроятно, было то, что сельди, пойманные прежде означеннаго времени, были низкаго сорта и не могли сохраняться въ прокъ, а превосходство сельдей, приготовляемыхъ Голландцами, приносило большія выгоды въ торговлѣ; кромѣ того, нація, по чувству гордости, старалась поддержать извѣстность своихъ сельдей, которыми славилась на всѣхъ Европейскихъ рынкахъ. Но какаѣ бы ни была настоящая причина такого запрещенія, ни одинъ рыболовъ, начиная отъ капитана корабля, до послѣдняго юнга, не освобождался отъ требуемой присяги. Бургомистръ и старшины давали начальнику судна росписку, свидѣтельствующую, что законъ дѣйствительно былъ исполненъ, и подобная церемонія повторялась опять по возвращеніи рыбаковъ, обязанныхъ вторично присягать въ томъ, что они не нарушили первой своей клятвы. Такимъ образомъ, и теперь толпы моряковъ собирались въ Ратушу для выполненія страннаго морскаго закона, потому что на другой день флотъ долженъ былъ выступить въ море по своему назначенію.

Между тѣмъ, кромѣ толпы любопытныхъ, въ молчаніи и неподвижно окружавшихъ Ратушу, многочисленные зрители наполняли окна домовъ, выходящихъ на площадь. Изъ нихъ выглядывали добрыя, круглыя купеческія лица, сілющіе отъ бла-

госостолнія и дородства; они, въ глубокихъ размышленіяхъ, впередъ уже разсчитывали барыши отъ экспедиціи, въ которой участвовали ихъ капиталы. Нѣсколько женщинъ, не смотря на строіость правовъ, запрещающихъ въ то время Голландскимъ дамамъ показываться публично, съ любопытствомъ высовывали въ окна свѣжія лица, но совершенно безъ выраженія, прямыя и накрахмаленныя, какъ фрезы, обхватывающія ихъ шеи. Все въ этой сценѣ, зрители, дѣйствующія лица и лица безъ рѣчей, носили на себѣ отпечатокъ регулярности, правильности и порядка, о которыхъ можетъ намъ дать понятіе войско въ строю. Посреди народа, наполнившаго площадь, находился только одинъ человекъ, который живостью и быстротою движеній дѣлалъ странную противоположность съ безстрастіемъ окружавшей его толпы. Человекъ этотъ казался лѣтъ 30-ти, былъ высокаго роста, худощавый, во Французскомъ кафтанѣ, съ множествомъ лентъ и кружевъ. Онъ держалъ шляпу въ рукѣ, чтобы не смѣть напудренной своей прически, ходилъ на цыпочкахъ, поднявши носъ, и дерзко смѣялся въ глаза, когда длинная его шпага запутывалась въ ногахъ смиреннаго гражданина, столкнувшагося съ нимъ на дорогѣ; лицо его принимало тогда выраженіе насмѣшки и презрѣнія, но онъ и не думалъ извиняться передъ миролюбивымъ звякою, смотрѣвшимъ на него съ удивленіемъ, и продолжалъ прогулку свою между толпами народа, стараясь выказать свою ловкость передъ особою, смотрѣвшею, вѣроятно, на него изъ верхняго этажа ближняго дома; по крайней мѣрѣ, такъ можно было заключить по его озабоченному виду и низкимъ поклонамъ на одномъ мѣстѣ площади. Легко было догадаться, что онъ влюбленъ и разгуливаетъ подъ окнами своей любезной, а по живости

его движеній и по насмѣшливому виду, болѣе еще, чѣмъ по платью, замѣтно было, что нашъ влюбивый родился подъ прекраснымъ небомъ Франціи.

Уже нѣсколько минутъ продолжались его дерзкія выходки, а Французъ, причинявшій столько безпорядка между гражданами, собранными передъ Ратушею, еще не истощился въ улыбкахъ и поклонахъ, когда, пробираясь въ толпѣ, олъ грубо толкнулъ прохожаго. Онъ хотѣлъ идти далѣе, не посмотрѣвъ даже, съ кѣмъ обошелся такъ невѣжливо, какъ вдругъ услышалъ выразительную брань на Французскомъ языкѣ: *Будь осторожныѣ, болванъ!* и быстро повернулъ голову. Онъ остановился, вытянулся во весь ростъ, схватился за рукоять шпаги, и съ обиженною гордостью, закинувъ назадъ голову, готовъ уже былъ вызвать на поединокъ прохожаго, осмѣлившагося жаловаться на его невѣжливость, но взглянувъ пристально на незнакомца, казалось, перемѣнилъ намѣреніе. Онъ выпустилъ изъ руки шпагу, закричалъ отъ радости, и не обращая вниманія на присутствующихъ, подошелъ къ обиженному, сказавъ громко:

«Клянусь честью! Я не ошибаюсь! Ты маркизъ Кавиньонъ, мой Версальскій пріятель.»

Незнакомецъ замѣтилъ первое его движеніе и схватился также за шпагу, но узнавъ его, протянулъ къ нему руку съ громкимъ хохотомъ.

«Въ самомъ дѣлѣ,» вскричалъ онъ весело, «это нашъ вѣтренный шевалье Ролли! И какъ не узнать его по наглости Гасконскаго дворянина. Какими судьбами, любезный шевалье, попалъ ты въ антиподы образованнаго свѣта?»

Французъ, называвшійся шевалье Ролли, приложилъ палецъ къ губамъ, а другою рукою показалъ

на то мѣсто площади, куда до сихъ поръ направлялись его взгляды и привѣтствія.

«Тише!» сказалъ онъ съ самодовольствіемъ. «Я все расскажу тебѣ, любезный маркизъ, по здѣсь не мѣсто; пойдемъ въ трактиръ, туда, на углу площади. Чортъ побери! Мнѣ надобно много рассказать тебѣ; и я очень радъ, что встрѣтился съ тобою.»

Не дождавшись отвѣта, шевалье пошелъ впередъ, къ означенному трактиру. Онъ съ обыкновенною дерзостью расталкивалъ толпу и прочищалъ дорогу своему другу съ небрежностью лакел, сопровождавшаго обыкновенно въ Средніе вѣка знатнаго господина въ толпѣ простолудиновъ.

Маркизъ, съ которымъ шевалье такъ неожиданно столкнулся, былъ молодой человекъ, одѣтый по послѣдней модѣ. По наружности его видно было, что онъ принадлежалъ къ числу молодыхъ щеголей, наполнявшихъ въ то время Парижскія гостинныя. Однакожь, въ манерахъ маркиза Кавиньопа не было хвастливой наглости, отличавшей его друга. Напротивъ, онъ старался выказывать изысканную вѣжливость, даже до приторности, и придворную любезность, болѣе согласную съ характеромъ того вѣка. Онъ не могъ удержаться отъ смѣха, смотря на грубые толчки своего товарища, прочищавшаго ему дорогу съ помощію локтей и плечъ, шелъ за нимъ слѣдомъ, въ веселомъ расположеніи духа и говорилъ:

«Нашъ повѣса Ролли, нисколько не перемѣнился!... Такъ же смѣлъ въ Амстердамѣ въ партикулярномъ платьи, какъ былъ въ Версали въ драгунскомъ мундирѣ.»

Спустя четверть часа, оба друга сидѣли въ темной залѣ трактира, откуда видно было все проис-

поднявшее на площади, и облокотясь на столъ, весело распивали бутылку портвейна.

«Постой — ка! Я удовлетворилъ твоей охотѣ слушать новости изъ Франціи,» сказала наконецъ маркизъ, становя на столъ рюмку, «теперь долженъ ты, любезный шевалье, объяснить мнѣ: какимъ образомъ ты, всегда веселый, такой любитель Парижскихъ удовольствій, попалъ сюда, къ неповоротливымъ, угрюмымъ Голландцамъ, въ атмосферу дегтя, табаку и копченой рыбы? Не говоря ни слова, ты исчезъ, такъ, что мы не знали, что подумать, и съ тѣхъ поръ...»

«Клянусь Богомъ, маркизъ, я могу сдѣлать тебя такой же вопросъ! Твое присутствіе здѣсь гораздо труднѣе объяснить, нежели мое.

«О, я — это другое дѣло. Ты знаешь мою страсть къ поэзіи...»

«Да, да,» прервалъ его шевалье, съ насмѣшливою улыбкою, «помню, что въ драгунскихъ казармахъ ты имѣлъ привычку ежедневно усыплять насъ своими сатирами противъ цѣлаго свѣта. Твои стихи были невыносимы... Ну, что же далѣе?»

Маркизъ слегка поморщился, проглотилъ рюмку портвейна, чтобы залить виномъ обиженное самолюбіе поэта, и продолжалъ:

«Видишь ли, мой другъ: ваши предсказанія сбылись — такая привычка принесла мнѣ несчаствіе; кромѣ многократныхъ дуэлей, я обязанъ ей присутствіемъ своимъ въ странѣ селедокъ и мѣховыхъ шапокъ. Въ слѣдствіе премилой эпиграммы, на счетъ Герцогини, я получилъ письмо отъ Префекта Полиціи, въ которомъ онъ просилъ меня въ 24 часа выѣхать изъ Парижа. Я уѣхалъ въ бѣшенствѣ; но за то оставилъ модному издателю пасквилей сатиру, гдѣ не пощадилъ никого. Королю, министрамъ, при-

дворнымъ, цѣлому свѣту досталось отъ меня съ досады, и чтобы доказать тебѣ, какіе успѣхи сдѣлала моя Муза послѣ стиховъ, которые вы находили нестерпимыми, я прочту тебѣ...»

Маркизь засунулъ уже руку въ карманъ, но Ролли съ ужасомъ остановилъ его.

«Чортъ побери, мой милый: ты еще успеешь прочитать мнѣ свои стихи, когда доскажешь исторію.

«Исторію?» сказалъ Кавиньонъ, съ досадою взявшись за рюмку, «да, она уже кончена. Получивши предписаніе полиціи, я написалъ знаменитую свою сатиру, съгъ въ почтовую карету и повѣхаль—самъ не знаю куда. Почтальону заблагоразсудилось выѣхать въ сѣверную заставу, а не въ южную; я не противился. Меня привезли къ границѣ Фландріи, и я подумалъ: Поѣдемъ во Фландрію... Потомъ вѣхаль все впередъ, изъясняясь койкакъ на ужасномъ Голландскомъ языкѣ, самомъ антипоэтическомъ изъ всѣхъ языковъ въ свѣтѣ. И наконецъ, я очутился здѣсь.»

Говоря такъ, маркизь-поэтъ пожималъ плечами и въ досадѣ сбивалъ щелчками пыль съ маншеть. Шевалье догадался, что онъ не шутя огорчилъ друга.

«Ну, полно, не сердись же!» сказалъ онъ ему, шутивымъ и вмѣстѣ важнымъ тономъ—«чортъ побери, мой другъ! Когда судьба забросила насъ за нѣсколько сотъ миль отъ просвѣщенныхъ государствъ, мы не должны ссориться за каждую бездѣлицу. Я выслушаю твои стихи... послѣ, а теперь я разскажу тебѣ свою исторію.

«А какъ длиненъ будетъ твой разсказъ?» сухо спросилъ Маркизь.

«Ну, не такъ длиненъ, какъ твои Александрійскіе стихи — могу тебя увѣрить.

«Вѣрно не длиннѣе моей шпаги, господинъ ше-

валье,» сказалъ маркизъ, вставая и хватаясь за шпагу, «и вотъ мы тотчасъ увидимъ.»

Шевалье взглянулъ на него съ удивленіемъ, не зная: какъ принять, не шутя, или шутя его вызовъ? Наконецъ, онъ громко захохоталъ, схватилъ маркиза за плеча, и насильно посадилъ на прежнее мѣсто, говоря:

«И ты думаешь, желѣзная голова, что я позволю перерѣзать себѣ горло за такія глупости? Перестань, Кавиньонъ!» продолжалъ онъ дружескимъ тономъ, «ты не разсудителенъ; стыдно ссориться съ другомъ за пустую эпиграмму!»

Слова его, почти нѣжныя, подвѣствовали на поэта, котораго такъ же легко было успокоить, какъ и разсердить.

«Ты правъ!» сказалъ онъ ему, протягивая руку. «Глупо было съ моей стороны такъ вспылить. Не все ли мнѣ равно: правятся ли тебѣ мои стихи или нѣтъ? Я знаю, что ты лучше умѣешь судить о бутылкѣ вина, нежели о достоинствѣ поэмы; перемѣнимъ разговоръ. Что ты хотѣлъ мнѣ рассказать? Ну говори: во первыхъ, отъ чего ты такъ поспѣшно оставилъ Францію? Бѣгство твое было загадкою для всѣхъ насъ.

«Другъ мой! кредиторы оставили меня безъ копѣйки.

«Твои кредиторы? Такъ что же? Я знаю, что они и прежде посѣщали тебя въ Версали.

Шевалье улыбнулся съ довольнымъ видомъ.

«Да, я храбро защищался, но,» продолжалъ онъ со вздохомъ, «полціи и сгрѣпчіе восторжествовали, описали мои владѣнія, продали замокъ и оставили меня—ни съ чѣмъ!

«Да, у тебя и никогда ничего болѣе не было,» прервалъ маркизъ, желая отмстить ему за эпи-
Digitized by Google

граммы. «Твой владѣнія и замокъ нигдѣ несуществовали—даже и на берегахъ Гаронны.»

Шевалье покраснѣлъ и съ горячностью поднялъ голову, но Кавиньонъ остановилъ его комическимъ хладнокровіемъ. «Вотъ хорошо! Ты также разсердился, кажется? Чортъ возьми, шевалье: ты заставлялъ меня проглотить ревню; прими теперь самъ Александрійскаго листа.»

Оба расхохотались и разговоръ продолжался.

«Мой милый!» говорилъ Ролли таинственно, «я слыхалъ, что здѣсь, человекъ съ достоинствами и хорошимъ образованіемъ, на примѣръ, какъ я, легко можетъ жениться на дочери богатаго купца, милльонера. А въ нынѣшнее время приданья такъ стали рѣдки, что можно вхаты за ними и подальше. Вотъ для чего прискакалъ я въ Голландію, и не ошибся въ своемъ ожиданіи. Теперь у меня въ виду богатѣйшая и самая пригожая невѣста въ цѣломъ Амстердамѣ.»

«Но мнѣ кажется, шевалье,» перервалъ его Кавиньонъ насмѣшливо, «что ты былъ женатъ во Франціи, и что жена твоя, несноснѣйшая въ свѣтѣ особа, вездѣ тебя преслѣдовала—даже являлась въ казармы дѣлать тебѣ сцены, и я не понимаю, какимъ образомъ...»

«Жена моя?» сказалъ шевалье, какъ будто оглушенный ударомъ, «а ты слыхалъ о моей женѣ? Но ты не знаешь,» продолжалъ онъ, стараясь принять печальный видъ, «ты не знаешь, что моя чертовка умерла—уже съ годъ?»

«Въ самомъ дѣлѣ?» сказалъ маркизъ сомнительно.

«Да,» продолжалъ Ролли, въ замѣшательствѣ, «умерла и погребена, мой милый! Правду сказать, она была недурна. Я женился на ней изъ шалости, и она безпокойнымъ своимъ характеромъ заставила

меня жестоко раскаяться въ моей вѣтренности, но какъ она уже умерла...

«Странно!» перервалъ Кавиньонъ. «Я готовъ побойться.... Да, не будемъ говорить о ней болѣе. *Requiescat!* Ты говорилъ мнѣ, что ты влюбленъ; назови мнѣ, по крайней мѣрѣ, пастушку, пльнившую твое сердце.

«Клянусь честію, она непохожа на пастушку! Подойдите сюда, господинъ поэтъ, и вы увидите, что ничего нѣтъ пастушескаго въ моей инфантицѣ!»

Они подошли къ дверямъ трактира, и Ролли показалъ своему товарищу нѣсколько особъ въ окнѣ, на углу площади. По одну сторону стоялъ толстый Голландецъ, съ круглымъ лицомъ и мѣховою шапкою на головѣ, едва замѣтный сквозь облако дыма, выходившаго изъ его трубки; по другую сторону сидѣла женщина ужасной толщины; подбородокъ ея спускался въ семь ярусовъ до накрахмаленной колеретки; она, казалось, сладко дремала и была неподвижна, какъ статуя, изображающая дородство. Между этими живыми громадами стояла молодая дѣвушка, съ голубыми глазками, съ свѣтлыми волосами. Ее можно было назвать прекрасною, но во взглядѣ ея не было ни малѣйшаго выраженія, а открытый ротъ ея выказывалъ болѣе нежели простоту.

«Вотъ мое будущее семейство!» сказала шевалье съ важностью.

Маркизъ захохоталъ во все горло.

«Какъ? Эта огромная бочка, изъ которой валить паръ, какъ отъ горячаго пива?»

«Бочка - то наполнена золотомъ, мой милый! Это мейнгеръ Архивальдъ, богатѣйшій продавецъ селедокъ въ Соединенныхъ Штатахъ, человекъ, который одинъ снаряжаетъ нѣсколько кораблей на рыбную

ловлю. Почтенная дама возлѣ него — возлюбленная его супруга, самая снисходительная мать въ цѣломъ свѣтѣ, потому, что она спитъ 23 часа въ день, да и въ 24-й часъ не совсѣмъ открываетъ глаза. Я думаю, не нужно тебѣ говорить, что между ними стоитъ богиня, которую я обожаю.

«Э, э, недурна!» сказалъ маркизь, прищуривая глаза, «а какъ за нею милльоны въ приданое, то можно бы»....

Ролли взглянулъ на него искоса.

«Кавиньонъ!» сказалъ онъ, «не надѣлай глупостей, не влюбись въ мою невѣсту. Знаю, что когда ты вздумаешь ухаживать за женщиною, то самъ чортъ тебя не удержитъ. Къ тому жъ, дѣла твои такъ же запутаны, какъ и мои, и хорошее приданое... Но я полагаюсь на твою дружбу, и постараюсь принскать тебѣ другое развлеченіе, кромѣ моей невѣсты. Отецъ почти уже обѣщалъ ее мнѣ; мать не отказала, а я имѣю причины думать, что и дѣвица Гудула недурно ко мнѣ расположена. И такъ, перестань дѣлать глазки, не теряй понапрасну времени.

«Никто и не думаетъ перебивать у тебя невѣсты!» сказалъ Кавиньонъ, не переставая смотрѣть пристально на окно.

Шевалье утащилъ его въ залу и посадилъ на прежнее мѣсто.

«О, я знаю тебя, мой милый! Для тебя дѣтъ ничего священнаго въ любви. Но я говорю одинъ разъ навсегда, что если ты вздумаешь меня провести, то тебѣ худо будетъ.

«Да скажи мнѣ, какъ ты ухитрился войти къ нимъ въ домъ?» спросилъ маркизь, не обращая вниманія на хвастливыя угрозы своего товарища.

«Ты знаешь,» продолжалъ шевалье съ самодовольствомъ, «что у меня всегда какалъ нвбудь хитрость

въ запасъ. Пріѣхавши сюда, я провѣдалъ, что мейстеръ Архібальдъ ищетъ Французскаго учителя для своей дочери. Пользуясь такимъ случаемъ, я представился и былъ принятъ. Вотъ уже два мѣсяца, какъ я даю уроки молодой особѣ; она уже премило пишетъ по Французски, и я заставляю ее переводить нѣжныя фразы: *Прекрасный рыцарь! я люблю тебя*, или: *Любовь до гроба!* и какъ она говоритъ!.. Право, она премиленькая ученица! Отецъ и мать присутствуютъ при урокахъ, но отецъ куритъ трубку и не смотритъ, а мать смотритъ и не видитъ, и такъ мои дѣла идутъ прекрасно. Видишь ли: старый Архібальдъ плыветъ сегодня съ флотомъ въ Сѣверный Океанъ, на ловлю сельдей, и въ продолженіе двухъ мѣсяцовъ его отсутствіа...

«Но, я думалъ, что отецъ уже согласенъ?»

«Да, почти,» отвѣчалъ шевалье—«онъ желалъ только видѣть купчую крѣпость на мои помѣстья и замокъ; я писалъ, чтобы мнѣ ее прислали скорѣе.

«Чортъ побери! Твои дѣла не такъ еще хороши, какъ я думалъ!» сказалъ Кавиньонъ смѣясь—«быюсь объ закладъ, что безтолковые твои Гасконскіе арендаторы затеряли бумаги!

«Опять ты...

«Полно, не сердись! Нѣтъ ли у тебя соперника?»

«О,» сказалъ Ролли, съ притворнымъ равнодушіемъ, «есть что-то похожее на него. Я замѣчаю, что около дѣвицы Гудулы ухаживаетъ молодой мальчикъ, не слишкомъ разговорчивый, но въ глазахъ стараго Архібальда онъ имѣетъ неопровержимыя достоинства — онъ искуснѣйшій рыболовъ между Голландскими матрозами, да ты можешь быть увѣренъ, что подобный соперникъ мнѣ неопасенъ. Сегодня вечеромъ онъ увѣжаетъ съ старымъ купцомъ, и оставляетъ меня одного на свободѣ; я воспользуюсь случаемъ,

хоть, правду сказать, не надобно имѣть много ума, чтобы провести такого дурака.»

Въ это мгновеніе широкая ладонь слегка ударила шевалье по плечу. Онъ быстро оглянулся и поблѣднѣлъ ужасно, увидѣвъ челоуѣка, о которомъ только что говорилъ. То былъ молодой Фламандецъ, стройный, съ атлетическими формами, но кроткое лицо его не выражало ни малѣйшей угрозы. Онъ незаметно вошелъ въ комнату во время разговора друзей и нѣсколько времени ихъ слушалъ. Шевалье успокоился, разсудивъ, что онъ ничего не могъ понять, потому, что они говорили по Французски, и такая мысль внушила ему смѣлость продолжать дерзости на природномъ своемъ языкѣ.

«Что тебѣ надобно, болванъ?» сказалъ онъ въжливимъ голосомъ, не давая замѣтить Голландцу грубости выраженія. Голландецъ вытаращилъ глаза, и, улыбаясь, выказалъ два ряда зубовъ; бѣлыхъ, какъ слоноуая кость. Съ удивительнымъ спокойствіемъ онъ отвѣчалъ:

«Ja, mein heer.»

Оба друга захохотали, но Шевалье замѣтилъ, что Фламандецъ наморщился, и потому разсудилъ, что благоразумнѣе будетъ спросить у него по Голландски: чего онъ хочетъ?

«Дѣвица Гудула васъ ожидаетъ,» отрывисто отвѣчалъ чудакъ.

И онъ медленно вышелъ, не сказавъ болѣе ни слова.

«Ты видишь, что краснорѣчіе моего соперника нисколько неувлекательно,» сказалъ шевалье, вставая «Вотъ, любезный маркизъ, особа, оспаривающая у меня сердце извѣстной тебѣ наслѣдницы.

«Если ея сердце можно побѣдить кулакомъ, то онъ навѣрное побѣдитъ. Какъ бы то ни было, Рол-

ли, я думаю, какъ истинный твой другъ, что ты ошибешься въ своихъ надеждахъ, если не примешь дѣйствительныхъ мѣръ — тебя проведутъ и двушка, и отецъ ея, и мать и любовникъ.

Проведутъ? Меня? Шевалье Ролли!

«Да, тебя самого. Мнѣ кажется, что эти люди болѣе дѣйствуютъ, нежели говорятъ, а ты болѣе говоришь, нежели дѣйствуешь. Оставь пока свое хвастовство и постарайся воспользоваться обстоятельствами. Ты говоришь, что отецъ и любовникъ уѣзжаютъ сегодня вечеромъ; сегодня же вечеромъ надобно увезти твою любезную, и когда ты будешь съ нею за сто миль отсюда, тогда, какъ я понимаю здѣшнія права, мейнгеръ принужденъ будетъ согласиться, не смотря на свое упрямство.

« Но...

« Ты пропадешь, если дашь дочери время опомниться; надобно увезти ее, говорю тебѣ, а я помогу. У меня есть дорожная карета, надѣлавшая мнѣ много хлопотъ, потому, что въ этой проклятой сторонѣ вьдтъ только водою; ты можешь взять ее себѣ. Мы поѣдемъ въ Утрехтъ и оттуда въ Германію. Дорогою ты женишься на Гудулѣ, а я напишу вамъ эпиграмму, воспою въ стихахъ любовь и супружество. Тогда толстякъ отецъ долженъ будетъ сдаться. Если у тебя нѣтъ денегъ, по неаккуратности твоего управителя, то я могу ссудить тебя на время. Ну, что, согласенъ ли?»

Шевалье поглядѣлъ на Кавиньона съ странною недоувѣрчивостію; потомъ, какъ будто вдругъ рѣшился, вскочилъ, бросился къ нему въ объятія и съ нѣжностію вскричалъ:

«Безцвѣнный другъ! ты исполняешь всѣ мои желанія! Съ этихъ поръ ты мой Орестъ, а я твой Пилладъ — клянусь тебѣ въ вѣчной дружбѣ!

«И такъ, сегодня вечеромъ?» сказалъ маркизъ поспышно.

«Да, сегодня вечеромъ. Я иду къ моей невѣстѣ, а ты черезъ часъ ожидай меня здѣсь, и мы все устроимъ. Ты примѣръ истинной дружбы!»

Казалось, они оба радовались такому условію. Потолковавши еще немного, они пожали одинъ другому руки и разошлись. Шевалье пошелъ черезъ площадь къ дому богатаго негоціанта, а маркизъ спросилъ еще бутылку портвейна, желая сократить время ожиданія.

— А, господинъ маркизъ!—ворчалъ Ролли, идя по улицѣ, отдѣлявшей его отъ дома молодой милльонерки—ты хочешь перехитрить меня? Увидимъ: я воспользуюсь твоимъ предложеніемъ, и чортъ меня побери, если ты чѣмъ нибудь поживишься!

—Глупецъ!—думалъ съ своей стороны Кавиньонъ, облокотившись на столъ—онъ воображаетъ, что я хлопочу для него. Ну, господинъ Гасконецъ! ты и не воображаешь, что тебя ожидаетъ.

Между тѣмъ у обоихъ была одна мысль: «Бочки золота, бочки золота!» Невѣста шла на придачу.

II.

Позади дома мейнгера Архибалда находился небольшой участокъ земли, обнесенный стѣною, въ родѣ двора, или сада; изъ него выходила калитка въ глухой переулокъ. Въ этомъ переулкѣ, въ самый тотъ вечеръ, когда повстрѣчались Ролли съ Кавиньономъ, стояла запряженная почтовая карета; почтальонъ сидѣлъ на козлахъ, въ готовности вѣхать по первому знаку. Въ ту минуту, когда на городской башнѣ пробилъ 10-ть часовъ, два человѣка, въ плащахъ, закутанные съ головы до ногъ, вышли изъ кареты и тихо подошли къ калиткѣ, о которой мы

говорил. Читатель, вѣроятно, догадался, что эти искатели ночныхъ приключеній были маркизь Кавиньонъ и шевадье Ролли. Казалось, они очень весело приступали къ похищенію, и едва удерживались отъ смѣха, какъ будто увѣренные въ счастливомъ окончаніи своей забавной выдумки.

«Увѣрю тебя, мой милый,» говорилъ маркизь тихимъ голосомъ своему товарищу, «что я очень радъ имѣть маленькое развлеченіе послѣ невыносимо скучной моей жизни въ Голландіи. Клянусь честью! Мнѣ представляется теперь, что будто я еще въ Версали, и одѣтый подъ шубъ домовъ, провожу ночь у балкона такой-то, или такой-го Герцогини, которыхъ теперь не хочу назвать! Помнишь ли ты это время? Боже мой! сколько мы поколотили мужей, обманули любовниковъ, напугали ревнивцовъ! Интриги — вотъ моя стихія — интриги и поэзія!..

«Замолчишь ли ты, пустомѣль?» сказалъ шевадье, вкладывая ключъ въ замокъ калитки — «ты забылъ, что толстый Архибальдъ, какъ ты его называешь, и длинноногій болванъ Леопольдъ Вилькинсъ, еще не уехали! Они ожидаютъ благопріятнаго вѣтра выступить въ море, и еслибы они могли подозревать...

«Да,» отвѣчалъ маркизь насмѣшливо, «тебѣ такъ же было бы непріятно столкнуться теперь съ твоимъ широкоплечимъ молодцомъ, осмѣлившимся быть твоимъ соперникомъ, какъ и повстрѣчаться съ женою, которую ты уморилъ и схоронилъ, чего и всегда тебѣ отъ души желалъ. Дѣло въ томъ, мой бѣдный шевадье, что этотъ малый можетъ однимъ щелчкомъ заставить тебя выкупаться въ Зюйдерзее.

«Я не боюсь чловѣка, который носить шпагу, кто бы онъ ни былъ,» гордо отвѣчалъ шевадье, «но да тебѣ,» продолжалъ онъ, понижая голосъ, «снѣгове

хочется связываться съ каждымъ негодяемъ. Мое званіе, мое происхожденіе...»

Кавиньонъ пожалъ плечами и они оба вошли въ садъ. При свѣтѣ звѣздъ, они увидѣли множество цвѣтовъ, которые старшій Архібальдъ, ботаникъ по природѣ, какъ и всѣ Голландцы, насадилъ на узкихъ грядахъ. Ролли потащилъ своего товарища подъ тѣнь старой, полуиссохшей яблони, растущей въ самомъ темномъ углѣ сада, и объявилъ ему, что на этомъ мѣстѣ они должны ожидать развязки.

«Долге ли мы простоямъ здѣсь, какъ журавли на одной ногѣ?» спросилъ Кавиньонъ, потерѣвшій совершенно терпѣніе.

«Пока не переменится вѣтеръ,» отвѣчалъ Ролли глухимъ голосомъ. «Выстрѣлъ изъ пушки извѣститъ насъ объ отъѣздѣ докучныхъ рыбаковъ, а до тѣхъ поръ...»

«Чортъ тебя возьми съ вѣтромъ!» ворчалъ Кавиньонъ. «Но точно ли ты увѣренъ, что дѣвушка, проводя ихъ, придетъ сюда?»

«Она мнѣ обѣщала. Ты и понятія не имѣешь о подобной простотѣ. Я увѣрилъ ее, что выучу ее по Французски названію всѣхъ звѣздъ небеснаго свода, если она придетъ сюда въ назначенный часъ, не говоря никому ни слова, и она твердо убѣждена, что я ей намѣренъ дать урокъ во Французскомъ языкѣ. А ключъ отъ калитки досталъ я еще за нѣсколько дней.»

«Вотъ какъ! Стало быть, ты не увѣренъ въ дочкѣ, если не рѣшился ей открыться?...»

«Надобно было пощадить ее, мой милый. Гудула выдаетъ себя скромницею; я не хотѣлъ ея напугать пустыми словами. Разумѣется, она не вѣритъ моей выдумки о планетахъ, но показываетъ, что ничего не подозреваетъ. Дѣвушка эта обожаетъ меня. Прав-

да, у нея нѣтъ въ характерѣ живости Француженокъ, но она безъ ума отъ меня, а ты знаешь, что я опытенъ въ подобныхъ дѣлахъ.

«Нечего дѣлать — подождемъ!» ворчала маркизъ, посмѣиваясь.

Похитители стояли нѣсколько минутъ молча и неподвижно подъ яблонью, обдумывая каждый свое намѣреніе. Вдругъ въ окнѣ нижняго этажа показался свѣтъ, и время отъ времени невнятно слышались голоса нѣсколькихъ разговаривающихъ особъ. Кавиньонъ указалъ пальцомъ на окно и шепнулъ на ухо шевадь:

«Они тамъ! Подойдемъ потихоньку; по крайней мѣрѣ, увидимъ, что намъ дѣлать.

Но...

«Пойдемъ! Ужели ты боишься длинноногаго чорта, съ его огромными кулаками?»

Этихъ словъ было достаточно для убѣжденія хвастливаго шевадь; онъ пошелъ вслѣдъ за Кавиньономъ, который пробирался уже къ окну, и они почти ползкомъ добрались до угла, откуда могли, не показываясь, видѣть и слѣдить все, что происходило въ комнатѣ.

Тамъ все было просто и чисто, какъ во всѣхъ Голландскихъ домахъ. Стѣны безъ обоевъ, за то бѣлы какъ снѣгъ. Дубовая мебель ежедневно натиралась и блестѣла при свѣтѣ мѣдной лампы, освѣщавшей комнату. Двѣ, или три картинки Фламандской школы, и двѣ большія вазы, наполненныя табакомъ, составляли единственное украшеніе мирнаго жилища. Вътреники наши не боялись осквернить святости этого мѣста нескромными своими взглядами.

Во внутренности залы, въ большихъ креслахъ, дремала по обыкновенію почтенная Бригита Архивальдъ хозяйка дома. Множество широкихъ юбокъ дѣлали

ея толстоту еще безобразнѣе; трудно было повѣрить, что это собраніе платьевъ, чепцовъ и колеретокъ, было живое существо; нрѣдка только вздохъ, и восклицанія: *Jesus mein God*, вырывавшіяся у нея съ просонья, доказывали ея существованіе. Возлѣ, на табуретѣ, сидѣла дѣвица Гудула, прямая и холодная, и спокойно плела кружево—вѣчное ея занятіе! Въ сторонѣ, старшій Архибальдъ и любимецъ его Леопольдъ Вилькинсъ, расположились около стола, уставленнаго горшками съ пивомъ и жестяными кружками, и не говоря ни слова, съ важнымъ видомъ, курили національныя глиняныя трубки, вошедшія теперь и у насъ во всеобщее употребленіе. Глубокое молчаніе царствовало между ними; только слышались легкій стукъ коклюшекъ Гудулы, машинально продолжавшей работу, вздохи спящей матери и мѣрные: *пуфъ, пуфъ!* мужчинъ, курившихъ свои трубки.

Любопытныя Французы съ удивленіемъ взглянули другъ на друга. Такое спокойствіе, въ ту минуту, когда глава семейства предпринималъ опасное путешествіе по бурному океану, хладнокровіе любовника, оставляющаго свою любезную во власти двухъ дерзкихъ повѣсь, спокойное равнодушіе молодой дѣвушки, позволившей увести себя въ ту самую ночь, усыпленіе матери, когда ей угрожала опасность потерять все драгоценное для нея въ мірѣ—такое отсутствіе всѣхъ человѣческихъ ощущеній сильно поразило молодыхъ людей, привыкшихъ къ живости и шумной подвижности Французовъ.

«Право, у этихъ людей течетъ пиво въ жилахъ, а голова наполнена табачнымъ дымомъ!» тихо прошепталъ Кавиньонъ.

Товарищъ толкнулъ его въ бокъ, показывая, чтобы онъ слушалъ. Въ это время толстый купецъ про-

говорилъ что-то, и выпуская изъ рта густой дымъ, протѣжно сказалъ своему прикащику:

«Нынѣшній годъ рыбная ловля будетъ удачна; у нашего берега показалось множество червей.*»

«Да,» отвѣчалъ Леопольдъ.

Съ четверть часа продолжалось молчаніе; казалось, что они оба размышляютъ о произнесенныхъ ими словахъ. Потомъ старикъ Архивальдъ положилъ на столъ трубку, налилъ стаканы, и взглянувъ на своего товарища, продолжалъ говорить съ прежнимъ равнодушіемъ, останавливаясь на каждомъ словѣ:

«Надѣюсь, Вилькинсъ, что нынѣшній годъ ты прославишь меня и постараешься поймать первую селедку. Прошлаго года Вильгельмъ Дулдолицъ, рыбакъ стараго Бенкланда, моего непріятеля, получилъ награду — теперь за тобою очередь.»

Вилькинсъ отвѣчалъ однимъ поклоненіемъ головы. Архивальдъ продолжалъ:

«Ты ловкій мальшій—смотри же, чтобы всѣ говорили, что въ нынѣшнемъ году рыбакъ мейнгера Архивальда имѣлъ величайшую честь поймать первую селедку. Въ награду отдамъ тебѣ руку Гудулы.»

Старикъ замолчалъ, а Гудула, не смотря на наружное свое хладнокровіе, покраснѣла, какъ вишня. Но Вилькинсъ, казалось, не удивился и не обрадовался, и сказалъ довольно отрывисто, какъ будто дѣло шло о самомъ ничтожномъ предметѣ:

«А Французъ?.. Этого богатый шевалье?..»

«Французъ» отвѣчалъ негодіянтъ важнымъ голосомъ, «похожи на мѣха, надутые воздухомъ. Я осведомлялся объ немъ черезъ моего корреспондента въ Бордо, и тотъ отвѣчалъ мнѣ, что у него нѣтъ ни копѣйки за душою, и что онъ повѣса и мотъ...»

* Въ Юнѣ мѣсяцъ появляются маленькіе червяки, называемые *surfs*, которые принадлежатъ сельдей въ Нѣмецкое море.

При сихъ словахъ Кавиньонъ взглянулъ на несчастнаго шеваляе, который покраснѣлъ отъ досады и шепталъ грозя кулакомъ: «Мужикъ! Глупецъ! погоди, я отплачу тебѣ.»

«Э, э!» насмѣшливо шепталъ ему маркизъ на ухо, «клянусь честью, торгошъ селедками человекъ осторожный!»

«Да, замолчи же!» говорилъ шеваляе, утирая на лбу крупный потъ.

Между тѣмъ у Голландцовъ разговоръ продолжался, и когда маркизъ и шеваляе снова начали вслушиваться, то Архибальдъ говорилъ молодому человеку:

Сегодня я запретилъ этому самозванцу шеваляе приходить сюда во время моего отсутствія, и я надѣюсь, что дочь моя не будетъ съ нимъ разговаривать болѣе. Сегодня она взяла послѣдній урокъ.

«Да, батюшка,» отвѣчала Гудула небрежно. Однакожь замѣтно было, что она значительно взглянула на Леопольда Вилькинса.

«Посмотримъ!» ворчалъ шеваляе съ сердцемъ.

«А ты и не сказалъ, что получилъ сегодня отказъ?» сказалъ маркизъ, съ вѣчною своею насмѣшливою улыбкою.

«Посмотримъ, кто посмѣется послѣдній!»

Въ ту минуту раздался пушечный выстрѣлъ въ гавани. Онъ извѣщалъ, что вѣтеръ перемѣнился и что флотъ выступаетъ въ море.

«Пора вхать,» сказалъ старшій Архибальдъ, не вставая съ мѣста.

«Идемъ!» повторилъ Леопольдъ Вилькинсъ, также не двигаясь.

Они спокойно отрясли пепель съ трубокъ, и наконецъ рѣшились подняться. Негоціантъ взялъ шляпу съ широкими полями, Вилькинсъ мѣховую шап-

ку, и оба собрались въ дорогу. Гудула продолжала плести кружево, а старая Бригита спала крѣпкимъ сномъ.

«Прощай, Гудула!» сказалъ Архибальдъ холодно, поцѣловавъ въ лобъ Гудулу, которая въ эту только минуту оставила свою работу.

«Да, сохранить васъ Господь, батюшка!»

Такое движеніе въ комнатѣ разбудило наконецъ добрую старушку; она открыла глаза и безмысленно озиралась вокругъ.

«*Jesus mein God!* Что тутъ у васъ дѣлается?» спросила она, не поднимаясь съ кресель.

«Ничего,» спокойно отвѣчалъ отецъ, «мы уѣзжаемъ. Прощай, Бригита! Береги нашу дочь.

«Я не разстанусь съ нею ни на минуту,» отвѣчала мать, зѣвая и потягиваясь, какъ будто собиралась снова заснуть.

«Хорошо она убережетъ ея!» замѣтилъ одинъ изъ стоящихъ у окна Французовъ.

Между тѣмъ Леопольдъ Вилькинсъ подошелъ къ молодой дѣвушкѣ, и сказалъ ей безъ малѣйшаго душевнаго волненія:

«Богъ направитъ съѣтъ мою, и я поймаю первую селедку, какъ желаетъ вашъ батюшка.

«Хорошо!» отвѣчала Гудула, опустивъ глаза.

Однакожь вѣтренники наши замѣтили, что дѣвушка, не смотря на наружную скромность, указала Леопольду Вилькинсу, едва примѣтнымъ знакомъ, на окно, подлѣ котораго они дѣлали свои наблюденія. Они подумали было, что ихъ открыли, но какъ ничто не подтверждало ихъ опасенія, то Ролли отважился взглянуть снова въ залу. Голландцы спокойно прощались, и скоро вышли изъ дому въ большую дверь, ведущую на площадь.

«Мы побѣдили!» сказалъ шевадье въ полголоса,

смотря вслѣдъ за ними. «Счастливыи путь! Желаю вамъ удачной ловли! Непрiятель самъ оставляетъ поле сраженiя.

«Уфъ!» прибавилъ Кавиньонъ, «эта молодецкая мiщанка можетъ сказать, что заставила насъ, какъ дѣтей, играть въ гулючки. Но вѣдь у нея бочьки золота, и притомъ,» прибавилъ онъ, съ притворною кнжностью, обращаясь къ Ролли, «какъ не похлопотать для счастья друга!

«Ты напишешь со временемъ оду на этотъ случай,» вообразилъ шепалье съ нетерпѣвiемъ, «а пока, любезный маркизь, потрудись посмотреть: готова ли карета? Моя Голландочка скоро придетъ сюда, и можетъ быть, разсердится, найдя тебя здѣсь. Мы сей часъ къ тебѣ будемъ.

«Но...

«Неужели ты боишься, что мы уѣдемъ безъ тебя? Вѣдь ты будешь ожидать насъ въ каретѣ?

«Правда,» сказалъ маркизь, удаляясь съ сожалѣнiемъ. «Приходите скорѣе!»

—Онъ мнѣ не довѣряетъ—думалъ онъ, идя по пустой темной улицѣ, гдѣ ожидали его лошади—надобно дѣйствовать осторожно, чтобы не упустить бочекъ съ золотомъ.

—Маркизь замышляетъ что-то недоброе!—подумалъ Ролли—но, клянусь цѣлымъ адеиъ, я буду умѣть защитить мою жену и ея приданое!....

Онъ подошелъ къ окну и снова заглянулъ въ залу. Старушка мать опять задремала, въ ожиданiи того времени, когда уложить ее въ постель, а Гудула продолжала перебрасывать по кружевному узору коклюшки. Но видно было, что она уже не обращала вниманiя на работу, охладывалась кругомъ и часто взглядывала на окно. Ролли замѣтилъ ея разсѣянность, и считая это хорошимъ предзнамено-

мнѣсь, рѣшился показаться, чтобы поудить молодую дѣвушку выйти къ нему, какъ она общалась. Онъ просунулъ голову въ окно, но Гудула, казалось, его не замѣтила, и бѣлыми длинными пальчиками проворно перебрасывала коклюшки. По нѣкоторомъ молчаніи, шевалье рѣшился позвать ее тихимъ голосомъ:

«Гудула! Сударыня!»

Она медленно подняла голову и взглянула на него безъ малѣйшаго удивленія и страха, но едва замѣтная улыбка, выражавшая простоту и лукавство, мелькнула на ея розовыхъ губкахъ. Съ минуту она сидѣла неподвижно, не отвѣчая ни слова, а потомъ снова принялась за работу. Шевалье остановился.

«Гудула! Милая Гудула!» повторилъ онъ самымъ нѣжнымъ голосомъ— «неужели вы не сжалитесь надъ моимъ нетерпѣніемъ? Неужели вы забыли»...

Молодая дѣвушка встала и приложила палецъ ко рту, а другою рукою указала на спящую мать. Потомъ подошла она къ окну и сказала шевалье, съ невыносимымъ хладнокровіемъ, свойственнымъ ея соотечественникамъ:

«Сегодня на дворѣ пасмурно, господинъ шевалье; я возьму урокъ въ другой разъ.»

Потомъ, довольно не вѣжливо, захлопнула она окно у самаго носа Ролли, который при ея приближеніи ожидалъ совсѣмъ другаго. Такая развязка сильно поразила его, но черезъ минуту онъ ободрился и стучалъ тихо въ окно, стараясь привлечь вниманіе молодой дѣвушки, усѣвшейся опять плести свое кружево.

«Гудула! Милая Гудула!» говорилъ онъ, «это я, вашъ шевалье Ролли; неужели вы меня не увидите? Приходите, умоляю васъ!»

Гудула сидѣла неподвижно, какъ глухая. Бригита не просыпалась.

«Гудула!» повторялъ шевалье нетерпѣливо, стуча сильно въ окно — «вы обманули меня! Что же я вамъ сдѣлалъ? Берегитесь!

«Самъ берегись!» вскричалъ позади его грозный голосъ.

Въ одно мгновеніе несчастному шевалье пбро-сили плащъ на голову, и крѣпко завязали ротъ, прежде нежели онъ успѣлъ закричать. Онъ хотѣлъ защищаться, но его противники схватили его на руки и вынесли связаннаго вонъ изъ сада. Тогда, не снимая завязки со рта, они поставили его на ноги и потомъ грозный голосъ, который онъ гдѣ-то слыхалъ, прошепталъ ему на ухо: «Слушай за нами, или ты погибъ!»

Ролли не струсилъ бы, можетъ быть, непріятеля, котораго могъ разглядѣть въ лицо, но теперь не отважился храбриться передъ людьми неизвѣстными, и потому рѣшился повиноваться. Похитители, поддерживая его съ обѣихъ сторонъ, поспѣшно тащили за собою. Ролли шелъ, самъ не зная куда. Вскорѣ по свѣжести воздуха онъ заключилъ, что приближается къ Зюйдерзее, и въ самомъ дѣлѣ его подняли, и не развязывая ему рукъ, положили его въ лодку, по качанію которой онъ догадался, что лодка удаляется отъ берега.

Кто былъ причиною его несчастія? Архібальдъ или Леопольдъ Вилькинсъ? Гудула или Маркизъ? Всѣ догадки казались ему сбыточными; бѣдный Ролли не зналъ, на которой изъ нихъ остановиться. Двѣмъ было нечего, и лежа на связкѣ веревокъ, на двѣ лодки, онъ рѣшился ожидать, пока ктонибудь объяснитъ ему его положеніе.

Между тѣмъ Каваньонъ возвратился къ каретѣ, и

ходилъ взадъ и впередъ по пустой улицѣ, напѣвая какую-то арію. Но увидѣвъ, что товарищъ его не возвращается, онъ началъ проклинать сквозь зубы Ролли и поклялся дорого отплатить ему за его медленность. Тщетно подождавъ еще съ полчаса, онъ совершенно потерялъ терпѣніе и побѣжалъ къ калиткѣ сада. Она была заперта.

«Что это значить?» сказалъ онъ съ удивленіемъ. «Неужли бездѣльникъ этотъ шевалье перехитрилъ меня съ своею красавицею? Это уже слишкомъ дерзко!»

Онъ постучался въ калитку, но все было тихо. Подождавъ еще нѣсколько времени, онъ догадался, что намѣреніе его не удалось, и что въ такомъ случаѣ самое лучше было возвратиться домой, а на другой день потребовать у шевалье отчета въ его непонятномъ поведеніи.

«Чортъ побери всѣхъ Гасконцовъ!» говорилъ онъ, сжимая кулаки отъ злости. «Посмотримъ, какъ онъ отъ меня отдѣлается! Плутъ догадался, что я отъ того съ такимъ участіемъ помогалъ ему увести глупую его Голландку, что ея бочьки золота также привлекательны для меня, какъ и для него, и что при первомъ случаѣ... Дѣлать нечего! Если бездѣльникъ попадетса мнѣ на глаза, то даромъ со мною не раздѣлается!»

Кавиньонъ, ворча сквозь зубы, сѣлъ въ карету и велѣлъ везти себя домой. Онъ отпустилъ лошадей, и ложась спать, осыпалъ угрозами и проклятіемъ Ролли.

На другой день съ разсвѣтомъ, онъ бродилъ уже около дома стараго Архибальда, въ надеждѣ узнать что нибудь о происшествіяхъ вчерашней ночи, но какъ велико было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ у окна Гудулу, спокойно работающую подлѣ своей матери, на обыкновенномъ своемъ мѣстѣ.

«Стало быть, она не бѣжала съ нимъ?» сказалъ маркизъ, почесывая у себя за ухомъ. «Куда же онъ дѣвался?»

Маркизъ задумался.

— Догадываюсь — подумалъ онъ — хвастунъ Ролли увѣрилъ меня вчера, что молодая дѣвушка готова бѣжать съ нимъ, но увидѣвъ, что она рѣшительно не соглашается, боится теперь моихъ насмѣшекъ и потому не показывается мнѣ на глаза. Вѣрно, онъ придетъ ко мнѣ сегодня вечеромъ, смущенный, съ поникшею головою; но клянусь честью, что я не пощажу его за хлопоты, которыя онъ мнѣ надѣлалъ!...

Онъ прождалъ цѣлый день. Къ вечеру опасенія его возобновились. Хотя дружба, связывавшая его съ шевалье, не была искренняя, но онъ не могъ не принимать участія въ товарищѣ, исчезнувшемъ такимъ страннымъ образомъ. Онъ побѣжалъ въ домъ, гдѣ жилъ Ролли, но тамъ его не видали со вчерашняго вечера, и даже полагали, что онъ уѣхалъ изъ Голландіи. Въ недоумѣніи, онъ пошелъ къ мейнеру Архибальду; тамъ встрѣтила его Бригита, и объявила ему очень холодно, что вчера отъ казали шевалье отъ дому и что онъ болѣе уже не придетъ къ нимъ. Кавиьону очень хотѣлось раопросить Гудулу, но онъ побоялся дѣйствовать рѣшительно, чтобы не повредить тайному своему намѣренію, а потому раскланялся съ госпожею Бригитою, которая проводила его равнодушно, и отправился къ Бургомистру, начальнику полиціи въ Амстердамѣ.

Городской судья этотъ былъ толстый плотникъ, не уступавшій въ толстотѣ и неповоротливости мейнеру Архибальду. Когда маркизъ вошелъ въ комнату, онъ сидѣлъ за огромнымъ кускомъ жареной говяди-

ны и заливалъ его пивомъ. Не оставляя своего занятія, онъ выслушалъ объявленіе Кавиньона. Маркизь не хотѣлъ замѣшивать Гудулы въ исторію, и потому не упоминая объ ней, назвалъ только улицу, гдѣ происходило вчерашнее приключеніе.

Когда маркизь кончилъ свой разсказъ, судья тихо покачалъ головою, и не переставая ѣсть, спросилъ у маркиза:

«Какихъ лѣтъ вашъ другъ?»

«Лѣтъ тридцати.»

«Силенъ ли онъ и красивой ли наружности?»

«Да...»

«Хорошо.»

Судья проглотилъ большой стаканъ пива.

«Стало быть, вы знаете, гдѣ онъ находится?» спросилъ Кавиньонъ съ нетерпѣніемъ.

«Кто? Я? Совсѣмъ нѣтъ!» отвѣчалъ толстый плотникъ съ неизмѣняемымъ хладнокровіемъ. «Но вѣрно онъ схваченъ. Я слышалъ, что въ нынѣшнюю ночь матрозы наши увезли нѣсколько молодыхъ людей.»

Кавиньову было извѣстно, какимъ образомъ въ то время производили наборъ матрозовъ въ Голландію. Обыкновенно ночью, безъ церемоній, схватывали первыхъ попавшихся на глаза молодыхъ людей, и записывали ихъ въ армію, или флотъ Соединенныхъ Штатовъ. Потому съ горестію спросилъ онъ у Бургомистра:

«Если мой бѣдный товарищъ попалъ въ руки наборщиковъ, какимъ же образомъ могу я спасти его?»

«Никакимъ,» отвѣчалъ почтенный бургомистръ, дождавъ свой ужинъ. «Вѣроятно, въ прошедшую ночь его увезли въ какую нибудь изъ отдаленныхъ провинцій, и вы долго съ нимъ не увидите.»

Маркизь удалился, опечаленный такимъ открытіемъ, ибо не оставалось другаго способа полснить от-

существо шевалье. Мало по мало мысли его успокоились, и онъ разсудилъ наконецъ, что для промотавшагося дворянина, каковъ бѣдный шевалье, самое лучшее было вступить въ службу какого бы то ни было государства. Онъ отъ души смѣялся, представляя себѣ, съ какою плачевною миною Ролли будетъ ходить съ ружьемъ на плечѣ, или подбирать паруса въ службѣ Голландской республики.

«Клянусь честью,» говорилъ онъ — «несчастливая участь его достойна сожалѣнiя, но я не могу помочь ему, и такъ для чего же огорчаться мнѣ бѣдствiемъ, когда я не имѣю средствъ къ его облегченiю? Лучше я напишу элегiю на этотъ случай и — дѣлу конецъ! А между тѣмъ воспользуемся благоприятными обстоятельствами, которыя Ролли противъ воли мнѣ предоставилъ, и подумаемъ о бочкахъ золота продавца селедокъ.»

Кавиньонъ поужиналъ съ аппетитомъ, и засыпая повторялъ: «Бѣдный Ролли!»

На другой день, онъ приварядился и пошелъ къ госпожѣ Архибальдѣ. Когда онъ возвратился отъ нея домой, то лицо его блистало удовольствiемъ и гордостью. Ему посчастливилось занять мѣсто отставленнаго шевалье, и дѣвица Гудула и мать ея приняли маркиза учителемъ лзыка и поэзiи Французской.

III.

Мы оставили шевалье въ весьма непрiятномъ положенiи: онъ лежалъ связанный, закутанный плащемъ, на днѣ лодки, не зная самъ: куда и зачѣмъ его везутъ? Ночь была темная и пасмурная; бѣдный страдалецъ тщетно поворачивался на своей веревочной постели, желая разсмотрѣть окружавшіе его предметы; изрѣдка только матрозы въ молчанiи проходи-

ля мимо него, столь же мало обращая на него вниманія, какъ и на тюки, между которыми онъ былъ брошенъ. Правда, на кормѣ лодки былъ зажженъ фонарь, но свѣтъ отъ него былъ такъ слабъ, что шевалье никакъ не могъ рассмотреть своихъ похитителей. Погрузясь въ печальныя размышленія, онъ долженъ былъ ждать окончанія такого страннаго происшествія.

Такимъ образомъ пролежалъ онъ нѣсколько часовъ, дрожа всѣми членами отъ холоднаго утренняго вѣтра. Наконецъ, человекъ, въ матрозскомъ платьѣ, подошелъ къ нему и насмѣшливо спросилъ на чистомъ Французскомъ языкѣ:

«Ну, что, ваше благородіе? Прошла ли у васъ охота похищать дѣвушекъ? Каковъ кажется вамъ этотъ вѣтеръ? Думаю, онъ освѣжилъ нѣсколько сумасшедшую вашу голову?»

Родли узналъ голосъ, произносившій угрозы во время его похищенія. Онъ умолялъ знаками, чтобы его развязали и сняли плащъ, ужасно его беспокоившій. Матрозь, казалось, колебался.

«Не знаю, возвратить ли вамъ употребленіе языка и ногъ, которыми вы такъ прекрасно пользуетесь?» сказалъ онъ, посматривая на человека, въ молчаніи сидѣвшаго въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, едва замѣтнаго въ темнотѣ.» Впрочемъ, если вы мнѣ дадите честное слово, что не станете покушаться на побѣгъ, что теперь не такъ-то и легко, то я попробую развязать васъ.»

Шевалье сдѣлалъ знакъ, что соглашается на все; тогда матрозь развязалъ его.

Шевалье распутали; онъ прежде всего старался надѣшаться свѣжимъ воздухомъ, потомъ приподнялся и бросилъ быстрый взглядъ вокругъ. Лодка, въ которой онъ ѣхалъ, казалась очень боль-

шою, но въ темнотѣ нельзя было рассмотреть людей; составлявшихъ на ней экипажъ. Плыли по влажной равнинѣ; глазъ не могъ измѣрить ея пространства; только огромные валы доказывали, что плывутъ въ открытомъ морѣ; вправо и влево блестяло множество огоньковъ, въ неравномъ разстояніи одни отъ другихъ; они, какъ ракеты, то являлись, то исчезали въ ночномъ туманѣ.

«Гдѣ я?» спросилъ плавникъ съ удивленіемъ и ужасомъ.» Куда мы ѣдемъ?

«Ваше Благородіе теперь на палубномъ катерѣ *Чай-клъ*,» сказалъ матрозъ насмѣшливо, «и ѣдете ловить сельдей; сію минуту мы выступили въ открытое море.

«Пять сотъ тысячъ милльоновъ чертей!...» Насмѣшливый морякъ рукою зажалъ ротъ несчастному шевадь.

«А честное ваше слово?» сказалъ онъ. «Уймитесь, шевадь! Вѣдь завязка на вашъ ротъ недалеко у меня запрятана.

«Стало быть, вы знаете, съ кѣмъ вы говорите?» сказалъ Ролли, у котораго любопытство утихло досаду. «Кто вы и чего вы отъ меня хотите?»

«Мы уже съ вами встрѣчались,» продолжалъ незнакомецъ — «припомните хорошенько.» Что, еще не узнаете?

«Нѣтъ!»

«Правда, я не могъ обратить на себя вашего вниманія. Помните ли вы, какъ пять, или шесть лѣтъ тому, молодой капитанъ съ Французскаго флота, по имени Бланвиля, приходилъ къ вамъ въ Версали пить съ драгунами? Помните ли, что у этого капитана Бланвиля былъ слуга, старинный юнга, несправивый повѣса?...

«Постой!» вскричалъ шевадь, какъ будто ста-

ясь вспомнить его имя, что было для него довольно трудно, потому что онъ совершенно забылъ и самаго Бланвиля.» Ты...

«Я Сампсонъ, Сампсонъ Билоно, прозванный вами *Борцолъ*, за частыя ссоры, изъ которыхъ всегда выходилъ побѣдителемъ,» вскричалъ матрозъ съ гордостью. «О! я не забылъ васъ, шевадь! Очень часто случалось мнѣ провожать васъ подъ руки въ драгунскія казармы, послѣ веселой пирушки у капитана, часто также отсылалъ я съ отказомъ какую-то даму, которая гонялась за вами.»

«А! мою жену,» прервалъ его шевадь, увлеченный разсказомъ, она уже умерла. «Но,» продолжалъ онъ, вспоминая настоящее свое положеніе, «ты не объяснилъ мнѣ...»

«Умерла?» сказалъ Сампсонъ, не желая отвѣчать на его вопросы — «скажите, сударь! Умерла, такъ, какъ бѣдный капитанъ Бланвиль, котораго разорвало бомбой на четыре части, въ сраженіи при...»

«Какое мнѣ дѣло до Бланвиля и до всей твоей болтовни!» вскричалъ съ нетерпѣніемъ несчастный Родли. «Сампсонъ борець, или Сампсонъ дьяволь! скажешь ли ты мнѣ наконецъ, чего отъ меня хотятъ? За чѣмъ меня схватили? За чѣмъ...»

«Видите ли,» продолжалъ неумолимый матрозъ: «я думалъ, что вы болѣе примете участія въ судьбѣ бѣднаго капитана, стариннаго друга вашего. Я потерялъ въ немъ рѣдкаго господина. За то послѣ его смерти я претерпѣлъ различныя несчастія, таскался по всему свѣту, не находилъ нигдѣ ему подобнаго, и утомившись тщетными попытками, возвратился въ Голландію, на свою родину, и принялся опять за ловлю сельдей, старинное свое ремесло. Правда сказать, сударь, прескучное занятіе! Да, вотъ

вы сами увидите,» прибавилъ онъ съ лукавою улыбкою, потому что скоро поступите въ ученье.

«Боже мой!» вскричалъ шевалье поблѣднѣвъ — «какъ я буду ловить сельдей? Этотъ человекъ помѣшался!

«Столько же, сколько и вы!» вскричалъ бывший юнга съ дерзостью. «Не забудьте,» шевалье Ролли, что вы болѣе не въ Версали! Васъ завербовали въ рыбаки, какъ и другихъ молодыхъ людей, поступившихъ противъ воли въ морскую службу Соединенныхъ Штатовъ, и такъ лучше покоритесь добровольно; вы не увидите земли до окончанія экспедиціи, которую мы начали съ нынѣшней порчи. Теперь благородныя ваши руки должны приучаться подрѣзывать жабры у сельдей и въ порядкѣ укладывать ихъ въ бочонки — да, вотъ, вы увидите, какъ я буду дѣлать.»

До сихъ поръ бѣдный шевалье думалъ, что онъ подпалъ мщенію только частнаго лица, и надѣлся скоро освободиться отъ непріятнаго своего положенія, но увидя изъ словъ матроза пропасть, въ которую былъ низвергнутъ, онъ потерялъ совершенно бодрость и сталъ такъ плачевно упрекать судьбу свою, что даже Самисонъ разжалобился.

«Перестаньте же!» сказалъ онъ, съ простодушнымъ участіемъ. «Для чего такъ отчаяваться, шевалье? Два мѣсяца пройдутъ скоро, а ловля не можетъ продлиться далѣе двухъ мѣсяцовъ! Признаюсь, что не совсѣмъ-то легко въ совершенныхъ лѣтахъ учиться сельдному ремеслу, особливо благородному шевалье, стоявшему съ ружьемъ на часахъ въ Версали. Но что жь дѣлать? Всѣ матрозы, новые ваши товарищи, постараются облегчить первоначальныя ваши труды; къ тому же вы увидите и услышите много любопытнаго въ вашемъ небольшомъ путешествіи. Увидите острова Оркадскіе, прекрасныя ос-

трома, сударь, ополсанныя зеленыю, съ высокими го-рами, покрытыи снѣгомъ; увидите, какъ стануть вытаскивать сѣти изъ воды, наполненныя серебря-стыми, блестящими рыбками; научитесь Голландско-му способу сохранять вкусныя сельди, извѣстныя во всей Европѣ, а способъ очень любопытенъ, су-дарь — его не всѣмъ открываютъ. Потомъ, когда мы возвратимся въ Амстердамъ....

«О! когда я возвращусь въ Амстердамъ,» вскри-чалъ шевалье, съ яростью сжимая кулаки, «я буду жаловаться начальству, подамъ просьбу, заведу про-цессъ! Вы нарушили мои права, права чужестранца, права дворянина!

«Въ такомъ случаѣ,» отвѣчалъ матрозъ спокойно, «мы просто скажемъ, что ошиблись, а когда уви-дѣли свою ошибку, то нельзя уже было возвратить васъ на твердую землю.

«Я погибъ! я обесчестенъ!» кричалъ шевалье, не слушая его и бросая вокругъ отчаянные взгляды.

Сампсонъ взглянулъ на него пристально; потомъ, подойдя къ нему, сказалъ ему съ насмѣшкою на у-хо:

«Какой чортъ надоумилъ васъ ухаживать за моло-дыми дѣвушками?

«Что ты говоришь?

«Ничего!» отвѣчалъ матрозъ таинственно.

«И такъ, я сдѣлался жертвою гнусной интриги?» сказалъ Ролли съ негодованіемъ—«не ужели вы ду-маете, что я позволю безпрекословно везти себя, какъ ягненка? Я призову на помощь, стану кри-чать....»

Борецъ Сампсонъ засмѣялся. Въ самомъ дѣлѣ, не-счастный шевалье слишкомъ много надѣлся на свои силы. Онъ былъ блѣденъ и шатался; скоро съ нимъ

одблалась сильная дурнота; онъ упалъ опять на связки веревокъ и пролежалъ до утра безъ чувства.

Когда Ролли пришелъ въ себя, то на дворъ было уже свѣтло; онъ былъ на походной постелѣ, въ каютѣ, устроенной въ одномъ концѣ катера. После тошноты и обморока, происшедшихъ отъ непривычки быть въ открытомъ морѣ, онъ погрузился въ глубокий сонъ, остановившій на время всѣ умственные его способности. И потому, увидавъ въ первую минуту пробужденія окружающіе его предметы, Ролли подумалъ, что то было еще во снѣ. Однакожь мысли его мало по малу пришли въ порядокъ, и онъ выползъ изъ каюты, въ надеждѣ, что наконецъ разрѣшится странная эта загадка.

Вдругъ онъ остановился. Прѣтивъ самыхъ дверей сидѣлъ на старыхъ парусахъ челоувѣкъ, передъ которымъ поставлены были кусокъ мяса, сушеная рыба, два стакана пива и мягкій хлѣбъ. Казалось, онъ поджидалъ кого-то къ скромному своему завтраку. Ролли узналъ въ немъ Леопольда Вилькинса.

При видѣ его, шевалье хотѣлъ броситься на него, какъ на виновника всѣхъ своихъ бѣдствій, но онъ былъ такъ слабъ, что долженъ былъ придерживаться за снасти катера. Леопольдъ Вилькинсъ, казался, не замѣчалъ его ужаснаго гнѣва, и безъ малѣйшаго смущенія пригласилъ его сѣсть подлѣ себя, сказавши ему по Голландски:

«Не хотите ли завтракать, сударь? Я васъ ожидаю!» Шевалье заскрыпѣлъ зубами, пѣна клубилась у него изъ рта и рука машинально искала рукоятки шпаци. Но шпаци не было на обыкновенномъ ея мѣстѣ, и тогда Ролли, взглянувъ на себя, увидѣлъ, что во время обморока на него надѣли одинаковую одежду съ матрозами, расхаживавшими на палубѣ. Тогда бѣшенство его вышло изъ предѣловъ; онъ бросился

на противника, хотѣлъ ударить его; но Леопольдъ Вилькинсъ, предугадавъ его движеніе, оттолкнулъ его, и несчастный Гасконецъ упалъ на сѣти, служившія вмѣсто стульевъ.

Не знаю: отъ того ли, что паденіе оглушило шеваляе, или отъ того, что оно дало благотворное направленіе крови, бросившейся отъ досады ему въ голову, но приподнявшись, болѣе пристыженный, нежели разбитый, онъ примѣтно усмирился. Роли согласился даже взяться за руку, которую Вилькинсъ протянулъ безъ малѣйшей досады, помогая ему приподняться, и сядя на прежнее свое мѣсто, онъ съ безсмысленнымъ удивленіемъ посмотрѣлъ на своего противника, повергшаго его однимъ толчкомъ на полъ.

Вилькинсъ, видя, что онъ спокойно сидитъ подлѣ него, казалось, забылъ, что не совсѣмъ ласково посадилъ его съ собою. Онъ подаль ему стаканъ можжевеловой водки, и сказалъ съ обыкновеннымъ своимъ хладнокровіемъ:

«Выпейте; это васъ подкрѣпитъ.» Такой поступокъ совершенно изгладилъ негодованіе шеваляе; бѣшенство его мгновенно утихло, и не смотря на слабость свою и опасеніе, онъ захохоталъ, такъ громко, что хохотъ его раздался на другомъ концѣ катера.

«Знаете ли вы, господинъ Вилькинсъ,» вскричалъ онъ, «что вы сыграли со мною такую штуку, которая принесла бы честь отважнѣйшему повѣсь Французскаго Двора, если бы онъ, подобно вамъ, имѣлъ въ своемъ распоряженіи матрозовъ и катеръ, и хотѣлъ отдѣлаться отъ соперника?»

Голландецъ улыбнулся молча, и выставилъ два ряда зубовъ, бѣлыхъ и ровныхъ, какъ жемчугъ.

«Отдавая должную сираведливость вашей изобрѣтательности,» продолжалъ шеваляе, не теряя изъ

вида, при новомъ расположеніи мыслей, цѣли, къ которой стремился, прошу васъ объяснить мнѣ, что вы хотите со мною дѣлать? Что значить эта одежда, это грубое платье? Не думаю, чтобы слова глупаго Сампсона...

«Онъ сказалъ вамъ правду,» равнодушно отвѣчалъ рыбакъ;» одежда эта означаетъ новое ваше состояніе.»

Бѣшенство шевалье готово было снова вспыхнуть при такомъ хладнокровномъ подтвержденіи его несчастія. Но онъ удержался, и желалъ въ свою очередь отомстить Леопольду Вилькинсу, насмѣшливо сказалъ ему: «Если я не ошибаюсь, господинъ Вилькинсъ, вы боялись моихъ замысловъ противъ дѣвочки Гудулы, и думали нанести рѣшительный ударъ, удаливъ меня изъ Амстердама. Къ несчастію, мой милый, вамъ удалось только въ половину. Правда, вы жестоко оплатили мнѣ за то, что я былъ соперникомъ вашимъ, но теперь тамъ остался другой, гораздо опаснѣе меня, и онъ отмститъ за меня, отнявши у васъ красавицу!

«А!» сказалъ рыбакъ, вставая, и съ удивленіемъ устремивъ голубые глаза свои на Ролли.

«Да, мой милый,» продолжалъ шевалье, «когда я собирался увезти молодую дѣвушку, которая такъ хитро меня обманула, мнѣ помогалъ старинный мой товарищъ, лхой драгунъ, и я увѣренъ, что въ мое отсутствіе, онъ непременно заступитъ мое мѣсто. Онъ богаче меня, знатнѣе, моложе, красивѣе, и вѣроятно...»

Говоря такъ, Ролли съ лукавымъ любопытствомъ разсматривалъ выраженіе лица своего соперника; но, не смотря на все свое вниманіе, онъ не могъ замѣтить ни малѣйшаго слѣда безпокойства. Принявшясь за стаканъ, въ который Вилькинсъ налилъ можжевело-

вой водки, и подымая его вверх, онъ сказалъ со вдохомъ:

«Дѣлать нечего, товарищъ! За успѣшное окончаніе *исшей* ловли! Дай Богъ возвратиться намъ въ Амстердамъ лучшими друзьями, нежели какими мы выѣхали оттуда!

«А!» отвѣчалъ Вилькинсъ.

Тогда только шевалье замѣтилъ, что онъ поразилъ его глубже, нежели, какъ предполагалъ. Молодой рыбакъ блѣднѣлъ и судорожно грызъ зубами стаканъ.

Въ тотъ же вечеръ одинъ изъ лоцмановъ возвращался въ Амстердамъ. Ему поручено было тайно доставить Гудуль записочку, заключающую въ себѣ слѣдующія слова: «Не довѣряйтесь пріятелю шевалье; я скоро возвращусь.»

IV.

Наконецъ наступила ночь на 25-е Юня— торжественная ночь, съ нетерпѣніемъ ожидаемая рыбаками. Множество кораблей, большихъ и малыхъ, составлявшихъ Голландскій флотъ, подошли уже къ самому опасному мѣсту въблизи острововъ Оркадскихъ, гдѣ обыкновенно начиналась ловля. Бурный Сѣверный Океанъ, казалось, никогда не бывалъ въ такомъ ужасномъ волненіи, какъ въ ту ночь; вокругъ была глубокая тма; черныя, густыя облака закрывали небо. Сильный западный вѣтеръ высоко подымалъ валы, которые блестя фосфорическимъ свѣтомъ и съ шумомъ разбивались о подводные камни, окружающіе берега. Посреди такого ужаснаго хаоса, суда, управляемыя опытными лоцманами, съ трудомъ могли бороться съ бурей. На кормѣ каждаго корабля пылали, родъ фароса— въ желѣзной рѣшѣткѣ, горячіе уголья; такіа жаровня ставили на нѣсколько футовъ

надъ палубою, стараясь ослѣпить и привлечь рыбу, и также для того, чтобы предупредить столкновение судовъ, сжатыхъ въ узкихъ проливахъ. Фаросы эти, то являлись, то исчезали за огромными валами бурнаго, пегостепрѣннаго моря. Зрѣлище было величественно и ужасно, и могло испугать людей, менѣе привыкшихъ къ опасностямъ Океана, нежели рыбаки Голландскіе.

Между тѣмъ глубокая тишина царствовала на каждомъ суднѣ. Нѣсколько человѣкъ производили работы; остальные, лежа на скамьяхъ, спокойно дремали подъ шумъ вѣтра и плескъ волнъ. У ногъ ихъ въ порядкѣ разложены были рыбацкіе сѣти, изъ темнаго Персидскаго шелка, закопченныя отъ дыма; на другомъ концѣ судна стояли пустые дубовые бочки для укладки селедокъ, и тутъ же возвышались груды сѣрой Испанской соли для соленья рыбы. Матрозы, приготовивъ все для ловли, безопасно покоялись въ ожиданіи работы. Но полночь еще не наступила, а читатель, вѣроятно, помнитъ торжественное обѣщаніе всѣхъ моряковъ безъ изъятія, находившихся на флотѣ.

Впереди другихъ находился катеръ, на которомъ замѣтна была необыкновенная дѣятельность. Гребцы сидѣли на своихъ мѣстахъ; лоцманъ держалъ въ рукѣ руль, а на носу, освѣщенномъ красноватымъ свѣтомъ маяка, стоялъ человѣкъ высокаго роста. Онъ съ глубокимъ наблюденіемъ устремилъ свои взоры на волны, и изрѣдка только отдавалъ краткія приказанія матрозамъ. Приказанія его заключались въ томъ, чтобы держать лодку по направленію къ NNW, отъ котораго противный вѣтеръ безпрестанно отклонялъ ее. Въ такомъ направленіи, легкое судно едва могло противиться волнамъ, пырало, и снова возвышалось среди пѣнистыхъ волнъ, заливавшихъ

его безпрестанно. Но морякъ, стоящій на носу, спокойный и отважный, казалось, не замѣчалъ окружавшей его опасности, и сквозь тму старался проникнуть взоромъ въ глубокія пропасти, угрожавшія поглотить его.

На противоположномъ концѣ катера, возлѣ ворота, устроеннаго для вытягиванія сѣтей изъ воды, находились два человѣка, смотрѣвшіе съ меньшею отважностью на беспорядокъ стихій. Одинъ изъ нихъ былъ старый нашъ знакомый, Сампсонъ Борець. Онъ сидѣлъ у мачты, покачивалъ головою всякій разъ, когда волна разбивалась о палубу и клялся въ подголоса, что ни въ одномъ путешествіи вокругъ свѣта онъ не встрѣчалъ подобной бури. Товарищъ его, которому сообщалъ онъ свои опасенія, былъ вѣкторной, какъ шевалье, готовившійся въ самую ту ночь, при открытіи лова, вступить въ новую должность укладчика селедокъ въ боченки. Несчастный трусь, не видавшій никогда подобнаго зрѣлища, совершенно потерялъ бодрость; при каждомъ ударѣ волны, онъ испускалъ тяжкія стenanія, промокъ до костей и дрожалъ отъ холода. Уцѣпясь за снасти, онъ проклиналъ въ мысляхъ глупую свою страсть къ невѣстѣ рыбака и жестокое мщеніе соперника.

Въ то время огромный валъ избѣжалъ на катеръ, и потрясъ его до основанія. Бѣдный шевалье вскрикнулъ отъ ужаса, а Сампсонъ, спокойный во время опасности, какъ и всѣ моряки, сказалъ ему тихо:

«Вы увидите, что бѣшенный Леопольдъ Вилькинсъ согласится скорѣе утопить всѣхъ насъ, нежели перемѣнитъ направленіе лодки противъ волнъ и вѣтра. Онъ даже не поморщился, когда чертовскій этотъ валъ налетѣлъ на насъ. Стоитъ себѣ спокойно, какъ вкопанный! Полоса сельдей должна быть теперь близко. Я видѣлъ, что Вилькинсъ сегодня съ утра наблю-

далъ полетъ часекъ и водорѣзовъ въ открытомъ морѣ, и разсматривалъ пѣнистыя пятны на водѣ; онъ навѣрное открылъ все признаки приближенія сельдей. И потому...

«Мы непременно погибнемъ!» вскричалъ певальс, въ отчаяннн ломая руки.

«Что жъ дѣлать!» сказалъ матрозъ, желая казаться хладнокровнымъ. «Вилькинсъ командуетъ катеромъ и мы должны ему повиноваться. Но кто это отважился забраться сюда въ слѣдъ за нами?» прибавилъ онъ, показывая на темную фигуру, плывшую въ нѣкоторомъ разстоянн позади ихъ.

Не смотря на страхъ, благородный Гасконецъ трусливо взглянулъ въ ту сторону, и увидѣлъ, что другой катеръ отважно борется съ волнами, желая опередить Леопольда Вилькинса.

А, я знаю кто этотъ смѣльчакъ! «вскричалъ Сампсонъ,» — это старый Вильгельмъ Дудольфъ, рыбаекъ мастера Бенкланда. Вѣрно, ему понравилась золотая медаль, которую онъ получилъ прошлаго года отъ Бургомистра и градоначальниковъ Амстердамскихъ въ награду за ловлю, и онъ надѣется, что ему и на этотъ разъ посчастливится. Ну, погоди! Вилькинсъ не таковъ, чтобы уступилъ другому — ну, вотъ, я говорилъ!»

Въ самомъ дѣлѣ, Леопольдъ, замѣтивъ соперничество, тихо отдалъ приказанн матрозамъ, и катеръ съ быстротою ринулся въ бурныхъ волнахъ между подводными камнями, а катеръ противника въ ужасѣ остановился; гребцы дрожали отъ такой дерзкой попытки.

Вилькинсъ, стоявшн спокойно на носу катера, посреди страшной борьбы стихнн, вдругъ закричалъ отъ радости, и не говоря ни слова, указалъ на горизонтъ, гдѣ простиралась длинная, бѣлая полоса, бле-

ствѣвшая фосфорическимъ свѣтомъ, медленно приближавшаяся къ островамъ.

«Сельди, сельди!» вскричали матрозы, увидѣвъ, что море блестяю и какъ будто воспламенилось.

«Сельди!» повторилъ Сампсонъ, обращаясь къ шквалю. Я говорю, что Вилькинсъ еще съ утра ихъ пронюхалъ! Ну, посмотримъ-те, сударь, какъ-то вы станете вырѣзывать жабры у рыбы, укладывать ихъ въ бочки! Привготовьтесь же.»

Между тѣмъ Вилькинсъ, однимъ скачкомъ, перепрыгнувъ на другой конецъ катера, гдѣ лежали сѣти, и съ сверхъестественною силою поднялъ ихъ, съ поплавами, съ пустыми бочечками, со всеми снарядами рыбной ловли. Но вдругъ онъ остановился, опустилъ ношу и съ отчаяніемъ сложилъ руки на груди. Въ эту минуту никто еще не могъ бросить сѣтей въ морѣ, не нарушивъ присяги. Часъ еще не наступилъ.

Вилькинсъ, въ глубокомъ созерцаніи, оборотилъ быстрый взглядъ впередъ, какъ будто измѣрля пространство, отдѣлявшее его катеръ отъ бѣлой, правильной полосы, образовавшейся приближеніемъ рыбы; потомъ оглянулся на рыбаковъ сосѣдней лодки. Они также замѣтили давно ожидаемую полосу, и распустивъ паруса, на всѣхъ веслахъ быстро шли, чтобы первымъ кинуть сѣть по данному сигналу.

Къ счастью, сигналъ скоро былъ поданъ. Огонекъ, какъ молнія, вспыхнулъ на одномъ изъ большихъ кораблей, освѣтилъ все море, и пушечный выстрѣлъ раздался. Была полночь. Лишь только трескъ взрыва достигнулъ до рыбаковъ-соперниковъ, двѣ сѣти въ одно мгновеніе упали въ море. Но Вилькинсъ имѣлъ значительное преимущество надъ старымъ Дудольцемъ; онъ находился гораздо ближе къ полосѣ сельдей и успѣхъ былъ на его сторонѣ.

Когда Вилькинсъ закинулъ сѣть, то катеръ его повернулъ въ другую сторону, и вмѣсто того, чтобы идти противъ валовъ, онъ легъ въ дрейфъ; это дѣлало гораздо безопаснѣе удары волнъ. Тогда ше-валье, у котораго отъ страха замерли всѣ умствен- ные способности, немного пришелъ въ себя, и могъ уже со вниманіемъ наблюдать всѣ подробности стран- ной борьбы между двумя рыбаками, борьбы, отъ которой зависѣла и его участь.

Бѣлая струя, покрывавшая сельдей, еще не до- стигла до катера, и сѣть плыла позади лодки, слабо поддерживаемая веревкою, когда Вилькинсъ пере- нулся черезъ бортъ, приложилъ руку къ глазамъ, чтобы отклонить ослѣпляющій свѣтъ фароса и взглянулъ на своего противника. Дудольфъ дѣйстви- тельно такимъ же образомъ, и намѣревался уже вытащить сѣть. Но устарѣвшія руки его не имѣли прежней силы, и онъ принужденъ былъ дѣйствовать воротомъ, что непременно должно было замедлить работу.

Леопольдъ Вилькинсъ догадался, что одна только сила и проворство могутъ доставить ему торжество надъ соперникомъ. Впрочемъ, сельди попали уже въ обѣи сѣти, и побѣда должна была остаться за тѣмъ, кто первый вытащить на палубу знаменитую рыбу! Молодой Голландецъ, не прибѣгая къ вороту, не призывая на помощь матрозовъ, мощною рукою схватилъ веревку, быстро повлекъ сѣть, поплавки, пустые боченки, поднялъ весь тяжелый снарядъ и положилъ на палубу, среди громкихъ восклицаній удивленныхъ матрозовъ, прежде нежели Дудольфъ успѣлъ вытянуть только половину сѣти.

Тогда Вилькинсъ бросился съ жадностью рассмат- ривать рыбу, попавшую въ сѣти. Ихъ было два рода: одна изъ породы рыбъ, которыя предше-

ствують сельдмъ; моряки называютъ ее *Царь сельдей*, или *Фаріо*, и съ благоговѣніемъ бросаютъ обратно въ море; но другая — настоящая селедка, съ блестящими глазами, съ гладкою, серебристою чешуею, селедка, которую должно было представить для получения торжественной награды, возбуждавшей честолюбіе рыбаковъ! Вилькинсъ вскрикнулъ отъ радости.

«Первая селедка!» закричалъ онъ, громкимъ голосомъ, поднявши свою добычу надъ головою.

«Ура! Ура, Леопольду Вилькинсу!» вскричали матрозы, и сильные, звучные голоса ихъ смѣшались съ глухимъ ревомъ волнъ, ударявшихся о прибрежныя скалы, и съ свистомъ вѣтра между парусами.

Въ то же время съ катера раздался выстрѣлъ изъ старой пушки и провозгласилъ торжество Леопольда. Сигналь переходилъ съ корабля на корабль, до самыхъ отдаленныхъ судовъ, и имя Вилькинса, повторяемое въ рупоръ, оглашалось въ темнотѣ. Но Вилькинсъ, успокоившись послѣ перваго волненія, съ прежнимъ хладнокровіемъ сказалъ матрозамъ, расправляя сѣти:

«Ребята! поспѣшимъ; надобно сей часъ же показать знаменитую селедку мейстеру Архибальду, чтобы онъ законнымъ образомъ засвидѣтельствовалъ о побѣдѣ нашей. Заворачивай катеръ назадъ!»

Потомъ онъ сказалъ Сампсону, который внимательно разсматривалъ двухъ рыбъ, лежащихъ у его ногъ:

«Брось фаріо назадъ въ море. Это принесетъ намъ счастье.»

Матрозы повиновались; рудемъ и веслами повернули катеръ и поплыли къ флоту, гдѣ находился корабль Архибальда. Проѣзжая мимо катера Дудольфа, они увидѣли, что старый рыбакъ печально облокотился на воротъ. У ногъ его лежала сѣть, наполнен-

ная рыбами, потому, что колонна сельдей пошла прямо на сго сътъ, но минутою позже.

«Тебѣ посчастливилось ссегодня, мейстеръ Вилькинсь», сказалъ онъ, съ завистью, когда поравнялись съ его катеромъ, «но я на тебя не досажу: ты дѣйствоваль искуснѣе и смѣлѣе меня, и вполнѣ заслужиль успѣхъ.»

Онъ тяжело вздохнулъ.

«Теперь моя очередь, Дудольфъ,» отвѣчалъ Вилькинсь почтительно — «въ другой разъ ты вернешь свое.»

И онъ удалился, польщенный одобреніемъ Нестора рыбаковъ.

Въ то время, когда катеръ быстро приближался къ большимъ судамъ, шевалье совершенно ободрился, и готовъ даже былъ смѣяться надъ своею трусостью. Подойдя къ Сампсону, онъ сказалъ ему таинственно, съ дружескимъ видомъ:

«Ну, что, пріятель? Кажется, мейстеръ Вилькинсь женится на дочери стараго Архибальда? Этотъ молодецъ сыграль со мною такую штуку...»

«Э, э!» отвѣчалъ матрозъ, «правду сказать, я также участвовалъ въ вашемъ дѣлѣ. Онъ несъ васъ на рукахъ; за то я завязаль вамъ платкомъ ротъ, и вы можете засвидѣтельствовать, что платокъ былъ затянута со всѣмъ искусствомъ стараго матроза.»

«Да, да,» сказалъ Ролли наморщась, «но я не сержусь на тебя; онъ составилъ противъ меня замысль съ Гудулою, которая дорого мнѣ заплатитъ! Еслибы у меня былъ кинжалъ въ рукахъ...»

«Врядъ ли удалось бы!» сказалъ Сампсонъ, съ приторнымъ равнодушіемъ. «Цѣна за эту рыбу,» прибавилъ онъ лукаво, указывая на селедку, лежавшую у его ногъ — «самая красивая дѣвушка и самое богатое приданое Соединенныхъ Штатовъ.»

Ролли устремилъ на него быстрый, пронизательный взглядъ.

«Любезный Сампсонъ!

«Что вамъ угодно, шевалье?

«Любишь ли ты по прежнему хорошо повѣсть и покутить, какъ бывало въ Версали?»

«Попробуйте высадить меня на берегъ съ нѣсколькими экю въ карманъ и вы увидите. Когда у меня есть деньги, то я пью, а когда пльнь, то веселюсь, какъ бывало при покойномъ капитанѣ, который..»

Шевалье, страшась новаго повѣствованія приключеній капитана Бланвиля, прервалъ рассказчика, сказавъ ему.

«Ты знаешь, что когда вы меня схватили, то мною было нѣсколько лундоровъ. Они уцѣляли, только потому, что ты не могъ ихъ взять.

«Да, эстѣ дьяволъ Вилькинсъ такой сердитый...

«А на пять лундоровъ можно славно повеселиться въ каждомъ Голландскомъ портѣ?»

«О, я перевернулъ бы верхъ дномъ всѣ кабаки республики!»

«Эти 5 лундоровъ принадлежать тебѣ—желаешь ли ты имѣть ихъ?»

Шевалье позвенѣлъ золотомъ въ рукѣ.

«Что жъ надобно мнѣ дѣлать?»

Ролли сказалъ ему что-то на ухо и золото перешло изъ рукъ въ руки.

Между тѣмъ старый Архибалдъ узналъ, что одинъ изъ рыбаковъ его удостоился великой чести поймать первую селедку. Получивъ радостную новость, онъ поспѣшно сѣлъ въ шлюбку и поплылъ отыскивать Вилькинса, желая поздравить и обнять его. Шлюпка скоро встрѣтилась съ катеромъ молодого рыбака.

«Ну, что, сынъ мой?» закричалъ онъ, когда го-

лось его могъ достигнуть до катера — «тебѣ въ нынѣшнемъ году посчастливилось?»

«Да, мейстеръ отвѣчалъ Вилькинсъ скромно.

«Ты непременно получишь обѣщанную награду; даю тебѣ честное слово, но покажи мнѣ селедку,» прибавилъ онъ торопливо, «я съ нетерпѣніемъ желаю видѣть: жирны ли они въ нынѣшнемъ году?»

Рыбакъ поднялъ съ полу рыбу и подаль ее старику, который поднесъ ее къ огню, чтобы лучше рассмотреть.

«Но это не селедка!» вскричалъ онъ — «это фаріо!

«Фаріо!» сказалъ Вилькинсъ, поблѣднѣвши.

«Посмотри!»

Вилькинсъ осмотрѣлъ рыбу, и съ необыкновенною живостью подошелъ къ Сампсону.

«Какую рыбу бросилъ ты въ море?» спросилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

«Фаріо.

«Какъ фаріо? Вотъ она!

«Такъ, стало быть, ихъ было двѣ!» сказалъ матрозъ съ безстыдствомъ. «Вѣрно, мы опиблись въ темнотѣ, а я навѣрное бросилъ фаріо, какъ всегда водится.»

Съ минуту на катерѣ продолжалось молчаніе. Вилькинсъ стоялъ, словно убитый, не смѣя поднять глазъ на хозяина, а у старика даже губы поблѣднѣли, что означало самый сильный гнѣвъ.

«Ты хотѣлъ обмануть меня,» сказалъ онъ, трепещущимъ голосомъ, «хотѣлъ обмануть весь флотъ, въ надеждѣ поймать селедку! Какой стыдъ, Вилькинсъ! Ты будешь за то наказанъ!

Суровыя слова старика взволновали всю кровь въ жилахъ Леопольда.

«Спросите у всего экипажа,» сказалъ онъ въ отчаяніи — «они скажутъ вамъ, что сію минуту ле-

жала здѣсь настоящая сеledка, которую безтолковый Сампсонъ, вѣрно, бросилъ по ошибкѣ... Но не все матрозы разсматривали внимательно рыбу; другіе сознавались, что могли ошибиться въ темнотѣ. А шевадье и Сампсонъ увѣряли, что дѣйствительно фаріо, а не сеledка былъ брошенъ въ море. При такомъ подтвержденіи, старый купецъ покачалъ головою и отвернулся отъ Вилькинса.

«Кто изъ рыбаковъ вытянулъ вторую сѣть?» спросилъ онъ.

«Дудольфъ,» отвѣчали ему.

«Стало быть, Дудольфъ получить награду,» сказалъ купецъ, вздыхая.

Онъ взялъ рупоръ и извѣстилъ всѣхъ о происшедшей ошибкѣ. Потомъ, не говоря ни слова съ Вилькинсомъ, который стоялъ, какъ громомъ пораженный, сѣлъ опять въ шлюбку и возвратился на корабль.

«Онъ не женится на его дочери!» подумалъ Ролли, замѣтивъ горестъ Вилькинса; мщеніе мое только начинается, а чтобы довершить его, Голландочка и приданое должны принадлежать мнѣ... Если только этотъ бѣшеный Кавиньонъ еще не завладеетъ и тѣми и другимъ» — прибавилъ онъ, съ скрытною досадою.

V.

Прошло два мѣсяца. Маркизь Кавиньонъ, занявшій, какъ мы уже говорили, послѣ Ролли мѣсто Французскаго учителя дѣвицы Гудулы, однажды утромъ, идя къ своей ученицѣ, замѣтилъ необыкновенное стеченіе народа въ гавани и на набережной. Множество кораблей прибыло ночью въ Амстердамы, и огромное пространство у знаменитой *баши*. Слезъ завалено было боченками, по неприятному

запаху которыхъ легко было отгадать, что въ нихъ заключалось.

При такомъ необыкновенномъ зрѣлищѣ, маркизь остановился, и взглянувъ на матрозовъ, толпащихся у пристани, съ досадою ударилъ себя въ лобъ, ворча сквозь зубы:

«Стоило хлопотать въ продолженіе двухъ мѣсяцовъ и корчить учителя съ этою глупою дѣвчонкою! Какъ я предвидѣлъ, такъ и случилось: толстякъ отецъ, широкоплечій женихъ, и, можетъ быть, самъ безтолковый Ролли навяжутся мнѣ на руки, прежде чѣмъ и успѣю склонить Гудулу къ побѣгу, и черезъ то сдѣлаюсь обладателемъ дѣвушки и ея приданого. Пусть оставятъ себѣ дѣвушку, но.... чортъ побери кокетку! — сказалъ онъ, стукнувши ногою и надѣвалъ трехъ-угольную свою шляпу на напудренный парикъ — какъ тутъ узнать, что она замышляетъ! Кажется, и довольно ясно открывался ей въ моей любви; но что придумаешь сказать дѣвушкѣ, которая отвѣчаетъ только однозвучнымъ да, и защищаетъ какъ крѣпость, съ пушками на стѣнахъ? Неужели, любезный маркизь, она и тебя проведетъ? Не для того ли она благосклонно выслушивала твои любезности, чтобы продлить время и дожидаться защитниковъ? Она одобрила также любовь Ролли, и Богъ знаетъ! можетъ быть, она сама была главною заговора, котораго палъ онъ жертвою? Повѣрь мнѣ, любезный маркизь, что дѣвчонка эта имѣетъ сношенія съ великаномъ Леопольдомъ и насмѣхается надъ всѣми нами.»

Разсуждая такимъ образомъ, можетъ быть, и справадиво, онъ подошелъ къ дому Гудулы, и уже готовъ былъ взяться за мѣдный полированный молотокъ, но вдругъ новыя опасенія остановили его.

— Почему знать: можетъ быть, я найду многочи

сленное общество у моей ученицы?—подумаль онъ—
Въ самомъ дѣлѣ, могу повстрѣчаться у нея въ до-
мѣ съ людьми, дурно ко мнѣ расположенными. Чортъ
побери, а я не сунусь въ пчельникъ!...

Съ минутою, онъ стоялъ неподвижно, не зная, что
ему дѣлать; потомъ вдругъ рѣшился:

— Но чего мнѣ болѣться? — подумаль онъ.—Если
нападутъ на меня, для защиты у меня есть шпа-
га! Если наговорять грубостей — но я дворянинъ,
богатъ, и какъ я намѣренъ жениться... на бочкахъ
золота — прибавилъ онъ мысленно — то не долженъ
сдаваться безъ сраженія....

Рѣшась такимъ образомъ, онъ вошелъ въ не-
большую гостиную въ домѣ Архібальда, гдѣ, по
обыкновенію, все было тихо и безмолвно. Гудула
сидѣла на своемъ мѣстѣ и плела кружево, а Бриги-
та спала еще крѣпче обыкновеннаго. Когда маркизь
вошелъ въ комнату, добрая старушка съ просонья
чихнула, протянула руки и проговорила любимое
свое восклицаніе:

«Jesus, mein God!

«Это я, почтеннѣйшая г-жа Архібальды!» сказалъ
Кавиньонъ, подходя къ ней, съ вѣжливою улыбкою,
«не безпокойтесь. Не правда ли,» прибавилъ онъ,
облокотясь на спинку кресель, въ которыхъ по-
коилась старушка, «не правда ли, что ничего нѣтъ
спокойнѣе этой бержерки во Французскомъ вкусѣ
которую я вамъ подарилъ?»

«Ja,» отвѣчала старая Бригита.

И чтобы доказать ему, какъ она дорожитъ его
подаркомъ, Бригита прислонилась къ спинкѣ кресель
и снова заснула.

Между тѣмъ, Гудула, не говоря ни слова, вынула
изъ ящика бумагу, чернила, нѣсколько книгъ, при-

двинула два стула къ столику, и стоя, въ молчаніи, ожидала маркиза для начатія урока.

—Вѣрно, никто еще не прѣвхаль—подумаль онъ —
Надобно все уладить, покуда....

Онъ подошелъ къ молодой дѣвушкѣ, хотѣль взять ее руку, но она отняла ее; тогда, съ почитительною нѣжностью, онъ сказалъ ей:

«Выучили ли вы, прелестный мой ангель, новую видилію, которую я написалъ, вдохновенный прекрасными глазами вашими? Милая Гудула! когда вы станете учить стихи мои памятью сердца?»

Но молодая дѣвушка стояла молча, съ видомъ совершеннаго равнодушія. Маркизь взялъ со стола бумагу, и началъ читать, бросая на нея страстные взгляды:

«Нѣжный Филемонъ любилъ Амариллису, но нечувствительная пастушка...»

«Я сказалъ: *нечувствительная*,» прибавилъ онъ, останавливаясь—«Гудула! вы безъ сожалѣнія смотрите на страданія любовника?»...

Онъ остановился.

«Ja,» отвѣчала съ важностью Гудула.

Кавицъонъ сбился съ толку.

—Дѣлать нечего!—подумаль онъ, вздыхая.—Видно, въ Голландскомъ языкѣ существуетъ только одно слово *ja*, которое означаетъ все, или, лучше сказать, ничего не значить...

Однакожь, онъ насильно схватилъ руку Гудулы и продолжалъ съ живостью, хотъ и тихимъ голосомъ:

«Гудула! вы непременно должны объясниться! Я васъ обожаю, и хочу знать: отвѣчаете ли вы мнѣ взаимною нѣжностью. Батюшка вашъ скоро возвратится...»

Онъ уже возвратился,» сказала Гудула, и вос-

пользовавшись удивленіемъ маркиза, она вырвала у него руку и подошла къ матери.

«Что вы говорите?»

«Да, онъ пріѣхалъ сегодня утромъ, съ Вилькинсомъ, и съ другомъ вашимъ, Французомъ. Они пошли теперъ въ Ратушу для присяги, и скоро будутъ назадъ; вы увидите вашего друга.

«Какъ? Шевалье?» вскричалъ Кавиньонъ. «Развѣ онъ былъ съ ними?»

«Да,» отвѣчала молодая дѣвушка, съ обыкновеннымъ равнодушіемъ — «я просила Вилькинса избавить меня отъ него, потому, что онъ мнѣ надоѣдалъ, и Вилькинсъ увезъ его на ловлю сельдей.»

Маркизь не могъ не смѣяться такому странному мщенію, а еще болѣе простодушному разсказу; но онъ возвратился къ своей цѣли и возгласилъ съ жаромъ :

«Вы не любите его, восхитительная Гудула! — я былъ въ томъ увѣренъ! Шевалье — бѣднякъ, безъ пристанища, къ тому жъ не умецъ, тогда, какъ я...

«Вотъ батюшка и Вилькинсъ!» сказала молодая дѣвушка, подходя къ окну.

«Вилькинсъ!» посторѣлъ Кавиньонъ поспѣшно. Прощайте, сударыня — я васъ оставляю; не хочу мѣшать изліяніямъ дѣтскихъ чувствъ къ виновнику вашей жизни. Но я возвращусь скоро, да, будьте увѣрены—возвращусь повергнутъ къ ногамъ вашимъ мое имя и богатства.»

И маркизь, не желая встрѣтиться съ грознымъ Вилькинсомъ, поспѣшно вышелъ изъ дома, черезъ садъ, въ то время, когда хозяинъ дома входилъ въ большую дверь съ площади.

—Я непременно женюсь на ней! — говорилъ онъ самъ про себя, уходя—я рѣшился! Теперъ я вижу, что дѣвушка очень хорошо расположена ко мнѣ; мать то-

же на моей сторонѣ; отецъ вѣрно не поспоритъ!... У меня есть средство освободиться отъ Роли: стоитъ только объявить ему нѣкоторое извѣстіе! По Вилькинсъ, этотъ дьяволъ Вилькинсъ!...

Разсуждая такимъ образомъ, маркизъ поспѣшно возвращался домой, какъ вдругъ столкнулся нечаянно съ кѣмъ-то, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ за два мѣсяца встрѣтилъ Роли. Онъ хотѣлъ идти далѣе, не обративъ вниманія на толчекъ, но громкій смѣхъ заставилъ его обернуться. Передъ нимъ стоялъ опять шевалье, но уже не прежній Роли, въ придворномъ платьѣ, со шлягою на боку: теперь на шевалье были грубое матрозское платье и большая шапка, надвинутая на брови; на немъ не было ни пудры, ни прежнихъ кружевъ. Но если наружность его измѣнилась, за то характеръ остался все тотъ же—веселый Гасконецъ захохоталъ во все горло, замѣтивши удивленіе своего друга.

«Ха! ха! ха! любезный маркизъ! Онъ не узнаетъ меня! Стало быть, я очень перемѣнился!»

Кавиньонъ съ перваго взгляда замѣтилъ, что если шевалье и зналъ всю истину, то не былъ намѣренъ дѣлать изъ нея трагической развязки; потому онъ притворился удивленнымъ, и вскричалъ съ радостью, не зная, искреннею или притворною:

«Это что! Откуда чортъ тебя принесъ? Что съ тобой было послѣ достопамятнаго вечера? Кто это такъ тебя нарядилъ?»

Роли покачалъ таинственно головою и указалъ на трактиръ, гдѣ они пили при первой своей встрѣчѣ. Кавиньонъ пошелъ за нимъ, и вскорѣ друзья сидѣли за столомъ въ небольшой, накуривной табаконъ залѣ.

«Да, объяснишь ли ты мнѣ?...

«Не притворяйся удивленнымъ, мой милый,» ска-

эль шевадье, съ насмѣшливою улыбкою — «ты не можешь не знать несчастныхъ моихъ походовъ. Гудула, вѣрно, все тебя рассказала.

«Любезный другъ,» отвѣчалъ маркизъ съ замѣшательствомъ, «ты долженъ согласиться, что послѣ страннаго твоего побѣга, я могъ... даже имѣть право...

«О, я не сержусь на тебя! На твоёмъ мѣстѣ я самъ сдѣлалъ бы тоже самое. Правду сказать, мой милый, ты прескверные стихи писалъ Голландчкѣ; я видѣлъ сегодня у нея обращикъ. Повѣрь мнѣ, Кавиньонъ,» прибавилъ онъ насмѣшливо — «Муза твоя будетъ причиною твоей гибели. Пріѣхавши сегодня утромъ, я узналъ...

«Что такое?»

«Теперь не въ томъ дѣло. Будемъ говорить откровенно, маркизъ. Признайся: ты хотѣлъ воспользоваться моимъ отсутствіемъ и отбить у меня невесту и приданое? Повторяю тебя, что не сержусь на тебя: это было очень естественно. Но теперь, когда я возвратился благополучно, послѣ всѣхъ претерпѣнныхъ мною неприятностей, и когда нѣкогда основательныя надежды на успѣхъ въ моемъ намѣреніи, надѣюсь, что ты, какъ истинный другъ, не захочешь помѣшать мнѣ, тѣмъ болѣе, что тебѣ уже нечего ждать?»

«Въ самомъ дѣлѣ, шевадье! Съ какою увѣренностью ты говоришь!... Видно, ты хорошо обдѣлалъ дѣла свои на Сѣверномъ Океанѣ, такъ, что даже одежда ловца селедокъ не уменьшила твоей прежней гордости.

«Напротивъ,» вскричалъ Ролли, «она еще болѣе ее увеличила, потому, что одежда эта, которую вы, маркизъ Кавиньонъ, такъ презираете, устроить мое счастье — вы увидите!

«Видно, полярные вѣтры разстроили совсѣмъ твой разумъ, бѣдвнй Ролли!» сказала Кавиньонъ прирзрительно. «Право, я отъ души тебя жалю.»

При такой насмѣлкѣ, шевадье нахмурился, но гнѣвъ его недолго продолжался, и онъ отвѣчалъ съ видомъ добродушія:

«Послушай, маркизь: твои шутки ничего не доказываютъ, и я согласенъ объяснить тебѣ, что придаетъ мнѣ столько увѣренности въ моей женитьбѣ. Скажу тебѣ, что ни ты, ни я не умѣли найти настоящей дороги, для достиженія нашей цѣли: оба мы явились къ инфантинѣ нашей въ шелковыхъ платьяхъ, въ кружевахъ, въ дорогихъ украшеніяхъ. Здѣсь, мой другъ, въ этой странѣ коммерціи и трудолюбія не то, что въ Парижѣ, или въ Версали, гдѣ знатность составляетъ все, гдѣ пустыя почести могутъ вскружить голову богатому мѣщанину. Здѣсь не спрашиваютъ: «Богатъ ли ты?» но «какія у тебя средства разбогатѣть? и во сколько времени ты можешь удвоить капиталъ?» Понимаешь ли?

«Не понимаю, къ чему все это клонится?»

«Однимъ словомъ, вотъ въ чемъ дѣло: когда я очутился на Голландскомъ флотѣ, хотя совершенно противъ воли, то на досугѣ началъ основательно разсуждать о моемъ положеніи. По различнымъ причинамъ, я не могу болѣе рассчитывать на доходы моя во Франціи; тяжело въ томъ сознаться, но это справедливо. Съ другой стороны, одно средство понравится старому Архибалду и получить его согласіе, которому Гудула не посмѣетъ противиться, состояло въ томъ, чтобы научиться какому нибудь ремеслу, найти способъ скоро разбогатѣть, и—судьба мнѣ удивительно помогла! Случилось (право, трудно повѣрить), что у меня, офицера Версальскаго Двора, у меня, шевадье де Ролли, предки котораго владѣли

обширными землями на берегахъ Гаронны, у меня, самаго веселаго изъ всѣхъ драгуновъ, который однажды на охотѣ удостоился чести подать руку Принцессѣ крови, случилось, что у меня открыли необыкновенный талантъ, удивительная способность, которой я самъ въ себѣ не подозрѣвалъ. — чудное искусство...

«Какое же?»

«Укладывать сельди въ боченки!»

Когда шевадье проговорилъ все это, не переводя духа, то съ притворнымъ равнодушіемъ взглянулъ на своего друга; тотъ умиралъ со смѣха! Ролли выжидалъ, съ удивительнымъ терпѣніемъ, пока шумная его веселость утихнетъ.

«Прекрасно! прекрасно!» говорилъ маркизь, подпрыгивая на скамейкѣ. «Дорогой мой шевадье! Я представляю себѣ, какъ онъ, нагнувшись надъ боченкомъ, пересыпаетъ солью жирныхъ сельдей! Ха, ха, ха! Еслибы жена могла видѣть его въ такомъ положеніи!

«Жена моя умерла,» отвѣчалъ Ролли съ досадою, «я не придетъ мѣшать мнѣ въ новыхъ моихъ занятіяхъ. Какъ бы то ни было, любезный маркизь, и ты можешь смѣяться, сколько тебѣ угодно, но дѣло въ томъ, что я, въ короткое время, показалъ чудеса въ этомъ ремеслѣ и удивлялъ искусствомъ моимъ самыхъ опытныхъ рыболововъ. Никто не умѣетъ лучше меня очистить рыбы, плотнѣе уложить ее въ боченокъ и угадать должное количество соли, чтобы сельди имѣли превосходный вкусъ. Я попотчую тебя моими произведеніями.»

Маркизь захохоталъ еще громче прежняго.

«Посмотримъ, кто будетъ смѣяться послѣдній,» прервалъ его шевадье, «но я не показалъ еще тебѣ другой стороны медали, любезный товарищъ. А

другая сторона медали состоитъ въ томъ, что старый Архибальдъ, для котораго я работаю, смотритъ на меня съ удивленіемъ, и даже пытается ко мнѣ нѣжную дружбу. Однажды онъ такъ крѣпко пожалъ мнѣ руку, что чуть не раздавилъ ея, а это много значить, маркизъ! Сегодня утромъ, прямо съ корабля, онъ привелъ меня къ себѣ, велѣлъ приготовить для меня комнату, обращается со мною, какъ съ сыномъ, и я совершенно отдалилъ Леопольда Вилькинса. Понимаешь ли ты теперъ?»

Маркизъ не смѣялся болѣе, и подумавъ нѣсколько, сказалъ задумчиво:

«Э, э! Поведеніе твое не совсѣмъ глупо, если только оно не унижительно для дворянина. Но я не признаю себя побѣжденнымъ.

«Берегись, маркизъ! Не вступай со мною въ борьбу! Я говорилъ тебѣ, что сегодня утромъ слышалъ странную вѣсти на твой счетъ, и мнѣ легко будетъ отдѣлаться отъ тебя, если ты станешь мнѣ мѣшать.

«Клянусь честью, мой милый,» отвѣчалъ маркизъ, «я могу сдѣлать тоже самое; если споръ завяжется между нами, то я имѣю средство заставить тебя бѣжать отсюда безъ оглядки.

«Въ самомъ дѣлѣ?»

«Увѣряю тебя.

«И такъ, война?»

«Согласен!»

«И такъ война!» вскричалъ шевалье, стукнувшись стаканами съ Кавиньономъ, «за здоровье побѣдителя!»

«За здоровье побѣдителя!» повторилъ маркизъ.

Въ это время два человѣка прошли, рука объ руку, мимо трактира, разговаривая шопотомъ между собою. Они бросили быстрый взглядъ въ окно трактира и удалились, продолжая свой разговоръ, до-

вольно оживленный для двухъ Голландцовъ. Одинъ изъ нихъ былъ Леопольдъ Вилькинсъ, а другой Сампсонъ Борець. Дружеское ихъ обращеніе удивило Ролли, а другъ его, замѣтивъ его движеніе, сказалъ, смотря на него пристально:

«Кажется, этотъ малый не будетъ побѣдителемъ. Гудула, сколько я замѣтилъ, расположена къ нему...

«Гудула достанется тому, кого изберетъ отецъ,» отвѣчалъ шевадь съ увѣренностью. «Неужели этотъ ребенокъ, съ ледянымъ своимъ равнодушіемъ и необыкновенною глупостью, можетъ имѣть желанія, объявить свою волю? Но я скажу тебѣ, не входя въ подробности, что Вилькинсъ горько раскаявается въ своемъ поступкѣ противъ меня. Клянусь честью, я вдвое отплатилъ ему, и потому онъ не участвуетъ болѣе въ нашемъ спорѣ, мой милый—игра идетъ только между нами двумя.

«Почтенный шевадь довольно хитеръ,» сказалъ Кавиньонъ насмѣшливо, «но посмотримъ, какъ-то онъ отразитъ ударъ, который я ему нанесу!

«Соглашаюсь быть повѣщеннымъ, если достойный маркизь будетъ умѣть выйдти изъ сѣти, въ которую онъ попадетъ!

«Когда же сраженіе?» спросилъ Кавиньонъ равнодушно.

«Я думаю завтра,» отвѣчалъ Ролли. «Завтра мастеръ Архибальдъ даетъ въ своемъ саду обѣдъ для всѣхъ матрозовъ и рыбаковъ, находившихся на его корабль: для того уже выкатили нѣсколько бочекъ нива и жарятъ цѣлыхъ быковъ. Объявляю тебѣ, что я буду царемъ праздника, какъ самый искусный изъ всѣхъ рыбаковъ, хоть я еще недавно принялся за ихъ ремесло. Я воспользуюсь всеобщимъ восторгомъ и сдѣлаю предложенія о женитьбѣ. А ты, какъ учитель Французскаго языка дѣвицы Гудулы, имѣешь

также право присутствовать на праздникъ. Ты видишь, что я ничего не боюсь и веду открытую игру.

«И самъ подбираешь себѣ карты,» сказалъ маркизъ, «но я не забочусь! Бери сколько хочешь: я надвюсь выиграть!»

«И такъ до завтра! Пойду приготовиться къ сраженію, достойный мой товарищъ!»

«И я также, любезный мой соотечественникъ!»

Они пожали одинъ другому руки и разстались.

— Какое самолюбіе! — думалъ одинъ.

— Какая самонадвянность! — ворчалъ другой.

И оба пошли отыскивать Леопольда Вилькинса. Въ тотъ же вечеръ, высокій слуга въ ливреѣ подалъ мейнгеру Архибальду напыщенное письмо, въ которомъ Кавиньонъ торжественно просилъ руки Гудулы, исчисляя всѣ выгоды столь славнаго соединенія.

VI.

На другой день по утру, смиренныя Амстердамскіе жители собрались смотрѣть на процессію рыболововъ, сопровождавшихъ товарища своего Дудольфа въ Ратушу, гдѣ онъ долженъ былъ получить изъ рукъ Бургомистра награду за ловлю. Всѣ замѣтили однакожь, что во время торжественнаго шествія по длинной набережной Зюйдерзее, старѣйшій рыбакъ, не смотря на праздничное свое платье и отдаваемые ему почести, былъ не веселъ и озабоченъ. Онъ печально отворачивался отъ окружавшей его толпы народа, какъ будто опасаясь встрѣтить укоръ въ чьемъ нибудь взорѣ; казалось, что новое торжество тяготило честнаго старика, и что совѣсть упрекала его, какъ будто за дурной поступокъ. Странные слухи доспали на счетъ предполагаемой ошибки Виль-

кнуса. Всѣ увѣряли, что Вилькинсъ, какъ опытный рыбакъ, не могъ ошибиться, даже и въ темнотѣ, и что провозглашая свое торжество, онъ не думалъ обманывать, и только измѣна со стороны одного изъ подчиненныхъ ему матрозовъ могла лишить его заслуженной имъ награды.

Какъ бы то ни было, но когда процессія проходила мимо дома стараго негоціанта, нѣсколько голосовъ въ толпѣ закричали «ура!» Всѣ обратили взоры на окна дома, ожидая увидѣть въ нихъ знакомыя лица, но никто не показывался. Ставни были заперты и домъ казался пустымъ. Вильгельмъ Дудольфъ, замѣтивъ такое доказательство огорченія, или досады, опустилъ голову и печально пошелъ далѣе.

Однакожь въ домѣ Архібальда слышны были радостные крики народа. Въ то время около ста челоувѣкъ матрозовъ и рыболововъ собрались въ саду богатаго негоціанта, гдѣ уже все было приготовлено для веселаго пиршества. вмѣсто столовъ, для угощенія гостей настланы были на бочькахъ длинныя доски. Но никто изъ многочисленнаго собранія не былъ особенно веселъ. Матрозы, расположившись небольшими толпами, курили трубки, и взрѣдка только вступали между собою въ разговоры; казалось, что всѣхъ занимала одна мысль. Когда голоса матрозовъ, идущихъ въ Ратушу, раздались въ саду, одинъ изъ гостей поспѣшно вышелъ вонъ: это былъ Сампсонъ Борець.

Кавиньонъ вошелъ въ садъ, презрительно взглянулъ на грубыхъ гостей; они и не замѣтили даже его присутствія. Хотя на маркизѣ было богатое придворное платье, которое должно было обратить на себя вниманіе бѣдныхъ рыболововъ, хотя камердинеръ его вымазалъ все свое искусство въ его приче-

скѣ, а отъ одежды его разносился вокругъ ароматическій запахъ мускуса и амбры, какъ будто отъ цѣлаго магазина благовоній, никто не думалъ объ немъ. За то онъ шелъ съ гордымъ видомъ, поднимая голову, одною рукою поглаживалъ по шпагѣ, а въ другой держалъ шляпу съ позументами и величественно размахивалъ ею. Въ это время Ролли подошелъ къ нему съ насмѣшливою улыбкою. Одежда шевалье была еще проще, чѣмъ наканунѣ, и дѣлала разительную противоположность съ богатымъ нарядомъ Кавиньона; только вмѣсто мѣховой шапки, на Ролли была теперь шляпа съ большими полями, совершенно Голландской формы, и для соблюденія исторической истинны, мы должны признаться, что все платье его было напитано сильнымъ запахомъ селедокъ.

«И такъ, мы оба снарядились уже къ бою?» сказалъ онъ дружески старинному своему товарищу. «Ты хочешь ослѣпить, мой милый, но увѣряю тебя, что это тебѣ не поможетъ.

«Увидимъ. Да, не знаешь ли ты: получено ли мое письмо, и что о немъ говорятъ?»

«Ничего не знаю.

«Можно ли видѣться съ отцомъ?»

«Онъ теперь въ гостиной. Пойдемъ къ нему.»

Подходя къ мѣсту, гдѣ за два мѣсяца были свидѣтелями прощанья Архибальда съ семействомъ, они замѣтили въ пустой части сада Леопольда Вилькинса. Онъ стоялъ одинъ, въ глубокой задумчивости, и даже не взглянулъ на нихъ. Преходя мимо него, они оба таинственно кивнули ему головою, чего однакожь онъ не замѣтилъ.

«А! Ты знакомъ съ нимъ?» спросилъ шевалье. «Онъ имѣетъ съ тобою сношенія?»

«Можетъ быть. Теперь онъ посрамленъ передъ всѣми рыбаками, потому, что сегодня даютъ сопер-

нику его награду, которую онъ хотѣлъ присвоить себѣ, и старый купецъ слышать объ немъ не хочетъ. За чѣмъ чортъ надоумилъ его шутить со мною!

Оба Француза, разговаривая, вошли въ залу. Маркизь вошелъ первый, съ важнымъ видомъ придворнаго и съ жеманствомъ кокетки. Ролли шелъ за нимъ, со всею важностью и хладнокровіемъ природнаго Фламандца. Архивальдъ сидѣлъ у окна, откуда видно было все происходившее въ саду, и наполнялъ комнату густымъ табачнымъ дымомъ, который клубился изъ его рта, какъ изъ жерла огнедышащей горы. Гудула перебирала свои коклюшки, и, казалось, кромѣ работы, ни о чемъ болѣе не думала. Но Бригита на сей разъ не спала, и это могло служить доказательствомъ, что въ миролюбивомъ семействѣ происходило что-то необыкновенное. Она сидѣла въ своей бержеркѣ изъ Утрехтскаго бархата, противъ самаго окна, черезъ которое солнечный свѣтъ прямо падалъ на нее и мѣшалъ ей заснуть; еслибы она не зѣвала каждыя пять минутъ, то фигура ея могла бы имѣть благородный и величественный видъ.

Едва маркизь вошелъ въ комнату, какъ дымъ попалъ ему въ горло и заставилъ сильно раскашляться; однакожь, онъ раскланялся, осыпая напыщенными привѣтствіями, сперва стараго Архивальда, потомъ Бригиту, и наконецъ Гудулу, съ визгими поклонами и любезными улыбками. Напротивъ того, шевадье, болѣе понимая національныя привычки, молча пожалъ руку хозяину, кивнулъ дамамъ головою и сталъ въ уголь, любопытствуя видѣть, какимъ образомъ другъ его приступитъ къ трудному объясненію. На всѣ привѣтствія маркиза, Бригита отвѣчала только полуноклономъ, потому что толстота ея мѣшала ей подняться съ кресель, а Гудула од-

ною улыбкою, которую Французскій придворный нашель довольно глупою; что касается до толстаго купца, то на всѣ распросы учтиваго гостя, на счетъ его здоровья, коммерціи, счастливаго окончанія путешествія, отвѣчалъ онъ однимъ заветнымъ *ja*, сопровождая его густымъ дымомъ, подымавшимся голубыми кольцами до потолка залы.

Истощивъ всѣ привѣтствія, маркизь догадался, что положеніе его должно казаться очень смѣшнымъ хитрому его сопернику, въ молчаніи наслаждавшемуся его замѣшательствомъ, а потому онъ рѣшился объясняться прямо съ людьми, которые были такъ скупы на слова, и сказалъ, стараясь придать какъ можно болѣе вѣжности движеніямъ своимъ и голосу:

«Вѣрно, мейнгерь Архибальдъ, получилъ уже письмо мое, которое я имѣлъ честь написать ему вчера?»

«Я.

«Смѣю ли надѣяться, что предложеніе мое для васъ пріятно, а также и этому небесному ангелу, дочерн вашей?»

При послѣднихъ словахъ, онъ бросилъ убійственный взглядъ на небснаго ангела, который однакожь того не замѣтилъ. Онъ ожидалъ отвѣта. Никто не говорилъ ни слова, и съ минутой продолжалось молчаніе, тягостное для маркиза. Насмѣшливый взглядъ Ролли вдохнулъ въ него новую бодрость.

«Я согласенъ, мейнгерь,» прибавилъ онъ наконецъ, «что съ моей стороны величайшая дерзость искать руки дѣвицы Гудулы, прекраснѣйшей и совершеннѣйшей дѣвицы Соединенныхъ Штатовъ. Но мое происхожденіе, мой чинъ, богатства мои во Франціи, и еще болѣе—сильная страсть, внушенная мнѣ этимъ божествомъ, страсть, которую я довольно доказалъ,

сдѣлавшись изъ знатнаго дворянина простымъ учителемъ, чтобы имѣть случай чаще видѣться съ нею, даютъ мнѣ некоторое право быть обладателемъ драгоценнаго собранія красоты и любезности...

«И червонцовъ!» прошепталъ шевадье.

«Видите ли,» продолжалъ Кавиньонъ, съ возрастающимъ жаромъ, «что дочь ваша будетъ маркиза, будетъ имѣть помѣстья, замки, вассаловъ и вассалокъ. Я представляю ее къ Французскому Двору, гдѣ она затмѣитъ собою всѣхъ знатныхъ дамъ; у нея будутъ брильянты, экипажи— все, что можетъ сдѣлать молодую женщину счастливою. О, говорите, прошу васъ, дайте мнѣ хоть малѣйшую надежду!»

Но краснорѣчивыя его убѣжденія опять остались безъ отвѣта, и онъ обратился къ Бригитѣ, смотрѣвшей на него съ удивленіемъ.

«Сударыня! прошу васъ быть моею ходатайницею—скажите почтенному г-ну Архибальду»...

Добрая старушка, казалось, собралась со всѣми силами, и произнесла протяжно:

«Прекрасный молодой человекъ, мейстеръ. Очень хорошій человекъ. Онъ подарилъ мнѣ эти, креслы, гдѣ я такъ спокойно отдыхаю. Онъ всегда остерегался будить меня, когда я спала при немъ. Въ самомъ дѣлѣ, Архибальдъ, мы не можемъ найти лучшаго зятя.

Старый негоціантъ промолчалъ еще нѣсколько времени; потомъ онъ значительно сжалъ губы, и лицо его изобразило удовлетворенную гордость. Толстому Голландцу пріятно было видѣть, что молодой, блестящій Французскій придворный проситъ въ замужство дочь продавца селедокъ, простаго гражданина Амстердамскаго. Маркизь достигъ отчасти своей цѣли, ослабивъ старика блестящими выгодами подобнаго соединенія. Къ несчастію, недозвѣри-

вость, свойственная всѣмъ торговымъ людямъ, и осторожность, съ какою они заключаютъ всякія сдѣлки, приостановили въ немъ первое впечатлѣніе, и онъ спокойно отвѣчалъ, вынимая изъ рта трубку:

«Хорошо, молодой человекъ. Если вы точно имѣете званіе, богатство и уваженіе, о которыхъ вы говорите, и если Гудула дѣйствительно васъ любитъ, какъ вы сказали, я не обещаю ничего, но... мы увидимъ. Я напишу объ этомъ, освѣдомлюсь... Къ подобнымъ дѣламъ нельзя приступать слѣпо, и если вы непротивны Гудуль...»

«Я смѣю думать,» сказалъ маркизъ, вставая и подходя съ живостью къ молодой дѣвушкѣ, «что дѣвица Архибальдъ не отвергнетъ человека...»

«Теперь моя очередь,» сказалъ по Французски шевалье, проходя мимо Кавиньона.

Маркизъ, увѣренный въ своей побѣдѣ, улыбнулся, и началъ тихо говорить съ Гудулою, которая слушала его съ совершеннымъ равнодушіемъ, не отвѣчая ни слова. Между тѣмъ Ролли подошелъ къ старому продавцу селедокъ. Архибальдъ держалъ уже въ зубахъ свою трубку, и курилъ съ большимъ рвеніемъ, чтобы вознаградить время, потерянное имъ въ разговорѣ.

«Мейстеръ!» сказалъ ему хладнокровно шевалье, «я думалъ, что вы обещали дочь вашу бѣдному Леопольду Вилькинсу?»

«Да, мейстеръ, да,» отвѣчалъ старикъ, останавливаясь на каждомъ словѣ, «и я сдержалъ бы свое обещаніе, еслибы Вилькинсъ не допустилъ Дудольфа побѣдить себя, и особливо, еслибы онъ не обезчестилъ себя ложью передъ цѣлымъ флотомъ. Да, я отдалъ бы за него свою дочь, потому что Вилькинсъ, не смотря на все, искусный мальчикъ, хорошо

повнимаетъ торговлю и рыбную ловлю, и со временемъ могъ бы заступитъ мое мѣсто. . . »

Старикъ выпустилъ цѣлое облако дыма, замѣтно было, что онъ былъ растроганъ. Шевалье продолжалъ:

«Неужели, мейстеръ, никто, кромѣ Вилькинса, не можетъ выполнить вашихъ плановъ? Неужели вокругъ васъ нѣтъ людей честныхъ, искусныхъ, способныхъ составить счастье вашей дочери? Зачѣмъ отдавать ее за челоуѣка, хотя богатаго дворянина, но который станетъ презирать источникъ вашего богатства и расточитъ его для пустыхъ прихотей и роскоши?» — Ролли былъ увѣренъ, что слова его сильно подѣйствуютъ, потому что они совершенно согласовались съ понятіями старика. Архібальдъ, какъ и всѣ торговые люди, оказывалъ слабость характера въ дѣлахъ семейныхъ, и, напротивъ, былъ необыкновенно твердъ при покупкѣ и продажѣ. Потому, онъ пристально взглянулъ на жену, ожидая ея совѣта.

«Да, правда!» сказалъ онъ спокойно.

«Да, правда!» отвѣчала жена.

Хитрый шевалье спѣшилъ воспользоваться благоприятнымъ для него расположеніемъ духа, и продолжалъ громкимъ голосомъ:

«Да, мейстеръ, не такой челоуѣкъ надобенъ для вашей дочери, какъ маркизъ Кавиньонъ!

«Милостивый государь!» вскричалъ маркизъ, съ гнѣвомъ, подходя къ нему — «я не позволю. . .

«Ты забываешь наше условіе, мой милый,» отвѣчалъ ему шевалье по Французски — «я далъ тебѣ полную свободу; будь же и ты столько великодушень.»

Кавиньонъ закусилъ губы отъ досады.

«Мейстеръ Архібальдъ!» продолжалъ Ролли, болѣе и болѣе воспламеняясь, «вспомните, что я также лю-

биль дочь вашу, и что вы отказали мнѣ, по этой самой причинѣ, хотя я такой же дворянинъ, и не бѣднѣ моего соперника. Я попялъ, что надобно имѣть другія достоинства, кромѣ происхожденія и богатства, и ими заслужить руку дѣвицы Гудулы, а потому я старался воспользоваться обстоятельствомъ, котораго не смѣю болѣе называть несчастливимъ, приобрѣлъ глубокія познанія въ вашемъ промыслѣ, и вы знаете, что я теперь...

«Теперь ты также хорошо понимаешь приготовленія селедокъ и нашъ промыселъ, какъ я самъ,» сказалъ старикъ снисходительно. «Ты можешь сказать, что хорошо воспользовался моими уроками.»

Ролли въ очередь бросилъ торжествующій взглядъ на своего соперника.

«И такъ, я имѣю право искать снова руки обожаемой вашей дочери?» вскричалъ онъ, подходилъ къ старику. «Спросите у дѣвицы Гудулы; смѣю надѣлаться, что она не затруднится въ выборѣ между маркизомъ и мною; любовь моя началась гораздо прежде.»

Кавиньонъ и Ролли съ равнымъ нетерпѣніемъ ожидали отвѣта, но старикъ не любилъ спѣшить ни для чего на свѣтъ. Онъ продолжалъ выпускать облака табачнаго дыма, и искалъ въ изумленныхъ глазахъ жены совѣта; но ожиданіе его было напрасно.

«Хорошо! Пусть Гудула рѣшитъ сама!» сказалъ онъ наконецъ.

Голова его, не способная на выдумки, не могла приискать другаго средства, какъ выпутаться изъ затруднительнаго положенія.

«Да, пусть рѣшитъ Гудула!» повторила Бригита. Молодые люди самонадѣянно стояли передъ Гуду-

люю. Каждый изъ нихъ не сомнѣвался, что выборъ падеть на него.

«Говорите, сударыня!» сказалъ маркизъ обольстительнымъ голосомъ. «Мы ожидаемъ рѣшенія нашей участи. Кто изъ насъ кажется вамъ достойнѣе? . . .»

«Ни тотъ, ни другой!» отвѣчала молодая дѣвушка, съ величайшимъ хладнокровіемъ.

Соперники взглянули другъ на друга съ удивленіемъ. Архибальдъ и жена его сдѣлали тоже самое.

«Однакожь, сударыня,» возразилъ шевадье, «я имѣлъ причины думать. . . .»

«Я надѣлся. . . .»

«Вы оба ошибались, если принимали за одобреніе равнодушіе мое къ вашимъ словамъ. Мнѣ скучно было безпрестанно запрещать вамъ говорить любезности. Что касается до моей руки и моего сердца, я не могла обѣщать вамъ ихъ, потому, что то и другое принадлежатъ уже другому.»

Всѣ присутствующіе, даже неповоротливая Бригита, вздрогнули, какъ будто отъ электрическаго удара. Молодая дѣвушка, всегда молчаливая, показала неожиданно всю силу своего характера. Всѣ смотрѣли на нее съ удивленіемъ.

«И такъ, сударыня,» вскричалъ шевадье, «вашъ выборъ уже сдѣланъ? Кто же этотъ счастливый смертный? . . .»

«Вотъ онъ!» сказала Гудула, вставая пзъ-за кружевной подушки и указывая на Леопольда Вилькинса; который въ ту минуту вошелъ въ комнату.

При такой развязкѣ, старикъ уронилъ свою глиняную трубку, которая разбилась въ дребезги; мать зашевелилась въ креслахъ, произнося самымъ жалобнымъ голосомъ: *Jesus mein God!* Оба Французы стояли, разинувъ ротъ, какъ будто оглушенные громомъ.

«Батюшка и матушка!» сказала молодая дѣвушка,

смирненно опустивъ глаза, но твердымъ голосомъ, «не ищите мнѣ другаго мужа, кромѣ Леопольда Вилькинса, потому что я дала клятву не принадлежать другому. Мы тайно съ нимъ обручились и раздѣлили по поламъ кольцо, въ знакъ будущаго нашего содвиненія.

«Я сохранилъ мою половину,» сказалъ Вилькинсъ, съ обыкновеннымъ спокойствіемъ.

«Вотъ и мол!» отвѣчала Гудула, — «насъ нельзя уже разлучить.»

Архибальдъ пришелъ въ бѣшенство, молчаливое и глубокое, свойственное только старикамъ; лицо его было блѣдно; всѣ члены судорожно дрожали. Онъ сказалъ Вилькинсу трепещущимъ голосомъ:

«Иди вонъ!

Вилькинсъ не трогался съ мѣста, а Гудула, подошла къ нему, положила руку на плечо его, и сказала отцу:

«Батюшка! если Вилькинсъ оставитъ нашъ домъ, и я должна буду разстаться съ вами, потому, что я его невѣста.

Ужась, гнѣвъ и удивленіе владѣли всѣми присутствующими. Мать, съ необыкновеннымъ усиліемъ, встала, какъ будто хотѣла удержать дочь свою. Что касается до стараго купца, съ нимъ каждую минуту готовъ былъ сдѣлаться ударъ отъ нѣмой ярости.»

«Вонъ!» повторилъ онъ, грызя зубами обломки своей трубки.

«Я не пойду, мейстеръ Архибальдъ,» отвѣчалъ хладнокровно Вилькинсъ, «пока не выполню порученія, по которому сюда пришелъ. Вильгельмъ Дудольфъ, съ депутаціею рыбаковъ, ожидаетъ позволенія говорить съ вами.

«Вильгельмъ Дудольфъ? Пусть онъ войдетъ, а ты пошелъ вонъ!»

Вилькинсъ подошелъ къ дверямъ, сдѣлалъ знакъ, по которому старый Дудольфъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ рыбаковъ, вошелъ съ почтительнымъ видомъ въ комнату; онъ подошелъ, къ Архибальду, удивленному такимъ неожиданнымъ посѣщеніемъ, и сказалъ ему съ добродушною вѣжливостію:

«Извините меня, мейстеръ, если я васъ обезпокоилъ, но я узналъ сію минуту, что этотъ молодой человекъ болѣе меня заслужилъ награду за ловлю, и пришелъ передать ее Вилькинсу въ вашемъ присутствіи.»

Съ этими словами, старый рыбакъ подаль Вилькинсу тяжелую золотую медаль съ Амстердамскимъ гербомъ. Гудула вскрикнула отъ радости и бросилась обнимать Бригиту, которая никакъ не могла повѣль причины ея восторга. У стараго купца, при такой неожиданной новости, совершенно перемѣшались всѣ мысли; онъ упалъ въ кресла, говоря:

«Право, они сведуть меня съ ума! «Но расскажи мнѣ,» спросилъ онъ у Дудольфа,» что это значитъ?»

«Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго,» отвѣчалъ старикъ. «Вилькинсъ не могъ принять фарію за сеledку; я былъ увѣренъ, что онъ неспособенъ къ такой ошибкѣ, но злой завистникъ, воспользовавшись темнотою. . .»

«Правду ли ты говоришь, Вильгельмъ?»

«Совершенную правду,» вскричалъ Самсонъ Борець, выступая впередъ, «и я могу ее засвидѣтельствовать, потому что я самъ бросилъ сеledку въ море. Но Вилькинсъ знаетъ какъ искренно я раскаялся, и все, что я сдѣлалъ, желая загладить мой проступокъ; онъ простилъ меня. Что касается до настоящаго виновнаго, то — вотъ онъ!»

Съ этими словами онъ указалъ на Ролли. Шевалье

былъ блѣденъ, и дрожа отъ страха, шепнулъ ему на ухо: «Ты забылъ, негодяй...»

«Я ничего не забылъ,» громко отвѣчалъ Сампсонъ: вы дали мнѣ пять лундоровъ, чтобы заставить меня молчать; я истратилъ немного изъ этихъ денегъ въ кабакъ, вышедъ на берегъ, но когда я увидѣлъ отчаяніе Вилькинса, то раскаяніе начало меня мучить, а потому я рассказалъ все этимъ честнымъ людямъ; они сложились, чтобы пополнить сумму: вотъ ваши деньги—я болѣе ничего вамъ не долженъ!»

Горсть золота разсыпалась по полу.

Архибальдъ задумался и взглянулъ на присутствующихъ. Потомъ онъ взялъ за руку Вилькинса и крѣпко пожалъ ее.

«Я былъ виноватъ передъ тобою, другъ мой, но видишь ли, старики всегда охотнѣе вѣрять дурному, нежели хорошему. Правда, я былъ несправедливъ противъ тебя, но не сердись на меня: Гудула постарается загладить мою несправедливость.»

На этотъ разъ ледяная кора, окружавшая твердую душу Вилькинса, растаяла; онъ пожалъ также руку старика, не говоря ни слова, и крупная слеза выкатилась изъ его глазъ. Между тѣмъ Гудула не переставала осыпать ласками бѣдной Бригиты, которая, задыхаясь въ ея объятіяхъ, простирала руки, какъ будто прося помощи.

«Слава Богу! все кончилось, какъ нельзя лучше!» сказалъ Дудольфъ. «Вы хорошо сдѣлали, мейстеръ, наградивъ этого честнаго малаго; онъ искусный и отважный рыболовъ, и, увѣрю васъ, что онъ достойно заслужилъ награду. Я видѣлъ, какъ онъ шелъ противъ волнъ и вѣтра въ опасномъ мѣстѣ, куда я, старый тюлень, не посмѣлъ сунуться, и сожалѣлъ, что награда.... Но перестанемъ говорить объ этомъ,»

прибавилъ онъ поспѣшно—«теперь, мейстеръ, поподчивайте насъ сельдями и пивомъ.

«Хорошо, хорошо! Идите въ садъ къ моимъ рыбакамъ,» сказалъ Архибальдъ ласково, «и выпейте за мое здоровье, а также и за Вилькинса. Вы честные люди, и если Бенкландъ, или кто другой изъ купцовъ Амстердамскихъ, вздумаетъ отпустить васъ съ своихъ кораблей, то приходите ко мнѣ; и приму васъ къ себѣ въ службу.

«Ура, ура!» кричали рыбаки, уходя.

Дудольфъ выходилъ послѣднй. Вилькинсъ, подойдя къ нему, сказалъ хладнокровно:

«Благодарю тебя, Дудольфъ—я также поступилъ бы съ тобою.

Эти немногія слова достаточны были для просто-сердечныхъ рыбаковъ; они поняли другъ друга.

Между тѣмъ шевалье Ролли и маркизъ Кавиньонъ стояли неподвижно, и въ безмолвіи смотрѣли на такую неожиданную развязку. Ролли, неувѣренный въ расположеніи къ себѣ грубыхъ рыболововъ, сказалъ тихо Кавиньону:

«Для насъ все потеряно, мой другъ, и намъ ничего болѣе не остается, какъ уйдти скорѣе отсюда.

«Говори о себѣ,» отвѣчалъ маркизъ—«я имѣю причины остаться здѣсь и остаюсь.»

Шевалье не смѣлъ скрыться; самолюбіе удержало его. Увидѣвъ, что никто изъ рыбаковъ, обиженныхъ лживымъ поступкомъ его противъ Вилькинса, и не думаетъ о мести, онъ ободрился и даже рѣшился дѣйствовать съ дерзостью, чтобы возвысить себя въ глазахъ своего друга, послѣ понесеннаго имъ униженія. Онъ подошелъ къ Архибальду, говорившему въ полголоса съ дочерью, и сказалъ ему рѣшительно:

«Не знаю, что вы думаете, мейстеръ, о сказкѣ

этихъ мужиковъ, но я надѣюсь». . . Старый купецъ взглянулъ на него презрительно и отвернулся прочь.

«Послушай, хозяинъ! Такъ-то ты со мною поступаешь?» вскричалъ онъ, возвышая голосъ, но я имѣю средство отмстить за себя. Ты знаешь, что похищеніе мое не было законно, и если я открою Бургомистру...

Тяжелая рука Вилькинса ударила его по плечу, прежде нежели онъ успѣлъ докончить свою угрозу.

«Мейнгеръ!» сказалъ Вилькинсъ равнодушно, «прежде чѣмъ пойдете къ Бургомистру, зайдите къ дамѣ, которая уже недѣли съ двѣ прѣѣхала изъ Франціи и вездѣ отыскиваетъ васъ.

«Дамъ?» вскричалъ шевалье, поблѣднѣвши. «Чего она отъ меня хочетъ?»

«Она называетъ себя г-жею Ролли, и осмѣливается утверждать, что она законная жена ваша, шевалье Ролли. Теперь она отыскиваетъ васъ, хочетъ вытребовать должную ей за два года пенсію въ 1,200 ливровъ. Впрочемъ, она сама объяснитъ вамъ причину своего прѣѣзда, потому, что она уже знаетъ о возвращеніи вашемъ и скоро будетъ сюда.»

Шевалье согнулся, какъ будто его ударили тяжелою дубиною въ голову; потомъ, вздрогнувъ, поспѣшно вскочилъ онъ.

«Жена моя! Жена моя здѣсь!» вскричалъ онъ «неужели и въ самомъ адѣ она станетъ меня преслѣдовать! Я погибъ!» . . .

Потомъ, какъ будто въ припадкѣ сумасшествія, онъ бросился въ дверь, не смотря ни на кого, не отвѣчая на шутки Кавиньона, и побѣжидъ со всѣхъ ногъ, продолжая кричать:

«Жена моя! Я погибъ! Я погибъ!»

Когда онъ скрылся, Кавиньонъ, котораго очень

насытило забавное его бѣгство, подошелъ къ Вилькинсу и сказалъ ему надмѣнно:

«Славно сыграно, повѣса! Правду сказать, ты умѣлъ искусно воспользоваться вѣренными мною секретомъ. Теперь оставь насъ однихъ; я хочу поговорить съ почтеннымъ мейнгеромъ Аркибальдомъ.»

Вилькинсъ стоялъ неподвижно, какъ скала, в старый купецъ покоса посмотрѣлъ на маркиза, осмѣливавшагося такъ дерзко обращаться съ будущимъ его злѣмь.

«Мейнгеръ!» продолжалъ придворный, съ гордымъ видомъ, «не хочу вѣрить, чтобы вы такъ скоро забыли давное мнѣ обѣщаніе. Конечно, вы не предпочтете простаго бѣдняка, безъ имени, безъ богатства, человѣку моего происхожденія...»

Прежде нежели онъ успѣлъ договорить, Вилькинсъ шепнулъ ему на ухо:

«У меня еще есть секретъ, маркизь, и я долженъ предупредить васъ, что сію минуту придетъ сюда полицейскій офицеръ, съ конвоемъ, чтобы схватить васъ. Если вы не досказали еще всѣхъ вашихъ дерзостей, то поспѣшите.»

«Я не понимаю...»

«Не вы ли,» продолжалъ усмѣхаясь молодой человѣкъ, «не вы ли сочинитель сатиры противъ Регента и Французскихъ Министровъ?»

«Я никогда не отрекался отъ моихъ стиховъ!» сказалъ маркизь, съ твердостью, хотя внутренно не чувствовалъ ея.

«И такъ Французское Правительство просило Верховный Совѣтъ Соединенныхъ Штатовъ выдать васъ, и приказъ былъ вчера подписанъ. Сегодня утромъ, вмѣсто васъ, по ошибкѣ, схватили шевалье Ролли, и только по моей порукѣ отпустили его. Вотъ почему я говорилъ вамъ сей часъ»....

Маркизъ отскочилъ назадъ, схватилъ шляпу и бросился въ дверь за Ролли.

«Ты олицетворенный дьяволъ! «вскричалъ онъ, съ страшною угрозою взглянувши на Вилькинса.

Вечеромъ Ролли и Кавиньонъ встрѣтились на палубѣ корабля, готоваго отплыть въ Англію. Сначала, они не знали какой принять видъ, и только грозно поглядывали другъ на друга. Потомъ одинъ изъ нихъ расхохотался, и товарищъ последовалъ его примѣру.

«Ты не долженъ сердиться!» сказалъ маркизъ.

«Мы отмстили другъ другу!» отвѣчалъ шевалье.
«Да, другъ мой! Мы обманывали одинъ другаго для этого глупаго рыбака — мы придворные хитрецы, ловкія лисицы...»

«Были обмануты кокеткою — дурочкою!»

«Обмануты Голландцами!»

«Да, мой милый! я говорилъ тебѣ, что здѣсь люди болѣе дѣйствуютъ, нежели говорятъ.»

=

III.

НАУКИ И ИСКУССТВА.

НЫНѢШНЕЕ СОСТОЯНІЕ ГАВАЙСКИХЪ, ИЛИ САНДВИЧЕВЫХЪ ОСТРОВОВЪ.

(Путешествіе Адольфа Барро, въ 1836 г., къ Гавайскому архипелагу).

(Статья вторая и последняя).

Сандвичевыхъ острововъ считается одиннадцать; пять большихъ: Гаваи (Овайги), Мави, Моракои, Оагу и Тауаи, три малыхъ: Таву-Раве, Ранай и Нингау, и три островка, или утеса. Они занимаютъ пространство между 19° и 23° сѣверн. широты и 157° и 159° Зап. долготы.

Самый видъ острововъ показываетъ, что они недавно находятся на поверхности земнаго шара. Произведшія ихъ вулканическія изверженія случались недавно; туземцы помнятъ, какъ огнедышащія горы образовали нѣсколько возвышенностей, на которыхъ теперь основаны селенія. Проникнувъ во внутренность острова, легко убѣдиться въ истинѣ такого показанія. Можно слѣдить здѣсь за созданиемъ по-

пенно, и видѣть, какъ лава должна была преобразовываться, измѣняясь въ растительную землю. Лава, образовавшая нижнія оконечности берега, вездѣ осталась до сихъ поръ такою, какою была выброшена волканомъ; въ нѣкоторыхъ долинахъ, и особенно на *Оагу*, естественныя и искусственныя орошенія и теплота климата разложили поверхность лавы, и довели ее до того, что она можетъ уже производить нѣкоторыя растенія съ короткими корнями, но не можетъ еще питать крѣпкихъ деревьевъ. Когда корни достигаютъ до лавы, растеніе сохнетъ и умираетъ. Побывавъ въ Пари, я замѣтилъ, что всѣ деревья выше десяти, или двѣнадцати футовъ засохли, между тѣмъ, какъ кустарникъ вокругъ ихъ непроходимъ. По мѣрѣ восхода на возвышенія, замѣтно, что тутъ условія, необходимыя для разложенія лавы, дѣйствуютъ гораздо сильнѣе, нежели въ мѣстахъ низкихъ; на возвышеніяхъ дѣло идетъ скорѣе и деревья растутъ лучше.

Островъ *Оагу*, называемый садомъ Сандвичевыхъ острововъ, по богатству водъ своихъ можетъ вознаграждать труды земледѣльцовъ всеми произведеніями, какими славятся лучшія изъ нашихъ колоній. На равнинахъ внутренности острова и береговыхъ растетъ сахарный тростникъ необыкновенной толщины. Косогоры могутъ давать много хлопчатой бумаги и кофе, которые могли бы соперничать съ кофе и бумагою, наиболѣе выхваляемыми. Я имѣлъ въ рукахъ образцы бумаги съ острова *Оагу*; они показались мнѣ отличнаго качества. Индиго растетъ тамъ безъ надзора, а высокія горы доставляютъ драгоценный сандалъ. Всѣ хлѣбныя растенія, картофель, сладкій пататъ, таро, растутъ тамъ изобильно и легко. Почти всѣ Сандвичевы острова представляютъ тѣ же условія богатства; всѣ они орошаются обильными водами, а гдѣ природа о томъ не позаботилась, тамъ промышленность можетъ дѣйствовать искусствен-

нымъ орошеніемъ. Жаръ бываетъ отъ 60 до 84 градусовъ по Фаренгейту ($15\frac{1}{2}^{\circ}$ до 29° по Реомюру). Климатъ здоровый, и эпидемическія болѣзни до сихъ поръ вовсе неизвѣстны. На поморья дожди чрезвычайно часты въ Февраль, Мартъ, Августъ и Сентябрь; въ горахъ дожди идутъ почти ежедневно. Облака, конии покрыты горныя вершины, распадаются обильнымъ дождемъ; онъ течетъ потокомъ и обогащаетъ равнины, такъ, что природа, создавъ эту землю въ судорогахъ своихъ, непрерывно заботится объ ея плодородности.

Жители Сандвичевыхъ острововъ, задолго до открытія ихъ, умѣли уже пользоваться потоками. Первые мореплаватели удивлялись остроумной ихъ системѣ орошенія; съ тѣхъ поръ Сандвичане ничего въ ней не перемѣнили. Корень таро, служащій имъ пищею, долженъ въ продолженіе нѣкотораго времени нѣсколько разъ быть заливаемъ водою, и такая операція производится, пока корень достигнетъ до зрѣлости. Умно пользуясь скатомъ полей, земледѣлецъ раздѣляетъ свой участокъ на нѣсколько поверхностей, изъ конихъ каждая ниже другой и окружена землянымъ окопомъ, крытымъ дерномъ, въ два фута вышиною. Воды потока достигаютъ до перваго квадрата посредствомъ каналовъ, и пробывъ въ немъ сколько нужно, переходятъ въ слѣдующій, и т. д. Каждый квадратъ, поочередно, доставляетъ семейству земледѣльца пищу на извѣстное время. Одна и та же вода орошаетъ разныя плантаціи, съ такимъ разсчетомъ, что второй квадратъ созрѣваетъ, когда произведенія перваго почти потреблены.

На Сандвичевыхъ островахъ, какъ во всѣхъ земляхъ, производящихъ посредствомъ искусственнаго орошенія, воды часто бываютъ предметомъ споровъ, а иногда и несчастныхъ случаевъ. Разумѣется, что почетъ отдается владѣніямъ царя и начальниковъ,

*

но дѣстаетъ на всѣхъ, ибо воды изобильны. При томъ урожай всегда хорошъ, и земледѣлецъ можетъ быть увѣренъ, что трудъ его вознаградится. Правда, что засуха, продолжаясь нѣсколько мѣсяцовъ, можетъ выморить жителей, но такого бѣдствія не бывало. Сандвичевы острова лежатъ на такомъ мѣстѣ, что нельзя опасаться подобнаго несчастія. Жатва не подвержена опустошенію, причиняемому въ нашихъ колоніяхъ мышами, птицами и вредными насекомыми. Образованность не доставила еще Сандвичанамъ этихъ подарковъ, хотя завезла уже къ нимъ мустиковъ, сколопендровъ, скорпионовъ, и проч. До 1822-го, на Сандвичевыхъ островахъ не было мустиковъ; они, кажется, привезены съ береговъ Калифорніи. Оттуда же, вѣроятно, завезены сколопендры и скорпионы, въ 1829 году. Теперь они развелись, особенно мустики, въ чрезвычайномъ количествѣ, и Сандвичевы острова такъ же ими богаты, какъ и Калифорнія.

На этой новой землѣ не успѣли еще размножить-ся породы домашнихъ животныхъ; только не давно, и растенія пустили корни въ трещинахъ лавы. Долго Сандвичевы острова были группою кратеровъ, извергавшихъ потоки лавы, которая, остывая отъ прикосновенія къ морю, отвердѣла и расширила подошву вулкановъ. Когда земля такимъ образомъ образовалась, когда она стала обитаемою и плодородною, природа породила на ней питательныя растенія, населила ее птицами, и наконецъ людьми. Но природу застали на половинѣ труда, ибо Кукъ нашелъ на островахъ мало четвероногихъ животныхъ, очень мало насекомыхъ, и только нѣсколько птицъ (теперь ихъ считаютъ до 10, или 12 породъ). Жители принуждены были въ продолженіе долгаго времени питаться плодами и рыбою, а собачье мясо (кромя собакъ, не было другихъ животныхъ) ис-

ключительно предоставлялось начальникамъ, которые лакомились имъ только въ большіе праздники.

Много было выдумано системъ для объясненія вопроса: какимъ образомъ населились Сандвичевы острова и другіе земли Тихаго Океана? Каждый подкреплялъ свое мнѣніе доказательствами, болѣе или менѣе убѣдительными. Не берусь рѣшить задачи, которая осталась загадкою для людей, болѣе меня свѣдущихъ, однакожь раздѣляю мнѣніе стариковъ Европейцовъ, поселившихся на Сандвичевыхъ островахъ, людей вовсе неученыхъ, но дѣльныхъ наблюдателей. Они думаютъ, что тропическіе острова Океаніи населены Малайцами, которыхъ сюда забросилъ вѣтеръ, и вотъ на чемъ основываютъ они свое мнѣніе:

Въ 1822, или 23 году, говорятъ они, Японская жонка (лодка) была выброшена на берега острова Мави; на ней было семнадцать человѣкъ. Они находились въ морѣ одиннадцать мѣсяцовъ и лишились многихъ товарищей. Въ 1832 г. другая Японская жонка пристала къ южному берегу острова Оагу; въ ней было четыре человѣка. Они умирали съ голоду, и ихъ успѣли спасти, принявъ только чрезвычайныя предосторожности. Ихъ привезли въ Гоноруру. Они объявили, что выѣхали изъ Японіи за десять лунъ, что ихъ было тридцать шесть человѣкъ, что вскорѣ по отбытіи поднялся сильный западный вѣтеръ, который погналъ ихъ въ противную сторону, такъ, что они сами не знали, куда плывутъ. Скоро холодъ сталъ нестерпимъ; они проходили мимо земли, покрытой снѣгомъ. Нѣкоторые изъ ихъ товарищей умерли отъ холода. Долго вѣтеръ несъ ихъ вдоль негостепріимной страны, но потомъ перемѣнился и погналъ ихъ въ другую сторону. Черезъ нѣсколько лунъ, погода становилась постепенно теплѣе; они увидѣли вдаль землю, къ которой гналъ ихъ вѣтеръ, и такимъ образомъ пристали къ Сандвичевымъ островамъ. Они прибавляли,

что всѣ ихъ товарищи погибли отъ голода и болѣзней; что сами они страдали неизвѣстно, прежде питались рыбою, а потомъ принуждены были пожирать трупы умершихъ товарищей. Долго пили они дождевую воду, собираемую въ паруса, а когда не было дождей, утоляли жажду морскою водою.

Сія факты не подлежатъ сомнѣнію, ибо подтверждены двадцатью различными особами; но жители Сандвичевыхъ острововъ происходятъ не отъ Японцовъ, а скорѣе отъ Малайцовъ, какъ по сходству чертъ лица Малайцовъ и Сандвичанъ, такъ и по тому, что въ языкъ Сандвичанъ встрѣчается очень много Малайскихъ словъ. Г-нъ Рейнольдсъ, консулъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ въ Гоноруру, увѣрялъ меня, что въ Гавайскомъ нарѣчій болѣе двухъ сотъ словъ Малайскихъ. Вѣроятно, что одно, или многія Малайскія суда были занесены сильнымъ юго-западнымъ вѣтромъ къ сѣверо-западному берегу Америки, откуда пассатные вѣтры прибили ихъ къ островамъ Тихаго Океана. Что случилось два раза въ послѣднія пятнадцать лѣтъ, то могло случаться и въ прежнее время. Подвергаю сія факты, безъ всякихъ выводовъ, на разсмотрѣніе людей, свѣдущихъ по сей части.

Кожа Сандвичанъ мѣдно-краснаго цвѣта. Мужчины вообще высоки ростомъ и хорошо сложены; волосы у нихъ черные и длинныя, рѣдко курчавыя. Женщины ниже мужчинъ и не такъ хорошо сложены, но довольно граціозны. Мужчины вообще не носятъ бороды; нѣкоторые бѣлокуры; они красятъ волосы известкою, или цвѣтъ этотъ происходитъ отъ смѣшенія породъ. Начальники, по росту и дородности, принадлежать, по видимому, къ особой породѣ, но разницу можно приписать и образу ихъ жизни. Я удивлялся красотѣ ихъ зубовъ и малости ногъ. Почти всѣ начальники и взрослые муж-

щины покоряются старинному обычаю, по которому мужчины и женщины должны вышибать себя зубъ, или даже два, изъ переднихъ, при смерти отца, матери, друга или начальника. Я встрѣчалъ весьма немного уродовъ; такое замѣчаніе относится ко всемъ дикимъ племенамъ: не стѣсняясь ни тѣлодвиженіями, ни платьемъ, они избавлены отъ несчастныхъ случаевъ, которые у насъ имѣютъ пагубное вліяніе на дѣтей.

Сандвичане по характеру кротки, застѣнчивы, веселы, хитры, наблюдательны, и чрезвычайно любить хохотать. Когда мы стояли въ заливѣ Ке-ара-Какуа, шумъ, ими производимый, напомнилъ мнѣ о шумѣ, который слыхалъ я въ лѣсахъ Южной Америки, гдѣ всѣ деревья, меня окружавшія, были усыяны арміею арасовъ и попугаевъ. Когда мы сошли на островъ, Сандвичане показали мнѣ важнѣе и молчаливѣе. Я замѣтилъ, что въ характеръ ихъ произошла счастливая перемена. Кукъ описываетъ ихъ ловкими ворами, и говорить о необходимыхъ предосторожностяхъ, почти бесполезныхъ, которыми онъ спасалъ отъ ихъ жадности вещи, удобно похищаемыя. Намъ сказали, да мы и сами могли убѣдиться, что теперь не осталось слѣдовъ такого дурнаго порока; мы не могли пожаловаться ни на одну покражу, хотя островитяне часто могли бы красть у насъ, еслибы только захотѣли. Во время повѣздки въ Ке-ара-Какуа, мы не могли пристать къ берегу иначе, какъ бросясь въ воду, и принуждены были разложить на песокъ мокрое платье. Ничего не пропало, хотя мы были окружены сотнею мужчинъ и женщинъ, а между нашими вещами многія могли соблазнить ихъ. Я уронилъ серебряную пряжку въ песокъ, самъ того не замѣчая; Сандвичанинъ нащелъ ее, догналъ меня и отдалъ мнѣ ее.

Каждое семейство живетъ въ своей хижинѣ и об-

работываетъ таро на своемъ полѣ; женщины участвуютъ въ земледѣльческихъ трудахъ, приготовляютъ пищу для всего семейства и ткани для одежды. Мужчины наиболѣе занимаются ловлею рыбы, или раковинъ, которыя покупаются на суда, пристающія къ берегамъ острова. Нѣкоторые дни должны быть посвящены на обработываніе полей, принадлежащихъ царю, или начальникамъ; въ такіе дни на лодки налагается *табу*, (запрещеніе). Еще наканунѣ лодки вытаскиваются на берегъ и заливъ пустѣеть. Но заплѣтя не отнимаютъ у островитянъ всего времени, особенно на островахъ, гдѣ образованіе не породило еще новыхъ потребностей. Когда мы сходили на берегъ, толпы мужчинъ и женщинъ слѣдовали за нами, въ нашихъ прогулкахъ, по цѣлымъ днямъ. Мы видѣли, что женщины по три, по четыре часа въ день играютъ въ волнахъ, омывающихъ берега. Нынѣ, это почти единственная ихъ забава. Прежде онѣ собирались и проводили свободные часы въ пляскѣ и пѣсняхъ; теперь все запрещено, и я не знаю, что дѣлаетъ народъ, когда ему дѣлать нечего. Въ просвѣщенной странѣ можно еще кое-какъ обойтись безъ пѣсней и пляски: время проходитъ быстро въ визитахъ, разговорахъ, зрѣлищахъ и другихъ развлеченіяхъ; но чѣмъ займутся бѣдные дикари, когда у нихъ отняли свойственные имъ забавы, не давъ имъ средствъ создавать другія, болѣе умственные и невинныя? Легкость, съ которою миссіонеры приучили Сандвичанъ терпѣливо переносить свое вліяніе, нерѣдко мучительное, показываетъ, какъ не трудно управлять Сандвичанами, и какъ легко довести ихъ до цѣли, предполагаемой, какъ я думаю, миссіонерами.

Всѣ мореплаватели, посѣщавшіе Сандвичевы острова, говорили, болѣе или менѣе подробно, о религій, какую нашли тамъ; бесполезно было бы по-

вторять ихъ рассказы. Цѣль моя показать Сандвичанъ такими, какими они теперь стали отъ столкновенія съ образованными народами, и потому я напомнимъ только объ отличительныхъ чертахъ древней ихъ религіи. Островитяне создавали себѣ кумировъ изъ всего, что возбуждало въ нихъ страхъ; своимъ чудовищнымъ божествамъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, приносили они въ жертву людей, для умиловленія при началѣ войны, или во время болѣзни начальника. Часто многочисленныя жертвы сопровождали начальниковъ въ могилу; онѣ выбирались изъ самыхъ преданныхъ слугъ умершаго.

На островъ Овайги, Пеле, богиня волкановъ, угрожая ежеминутно собственности и жизни островитянъ, исторгала у нихъ частыя жертвы. Когда земля начинала дрожать, широкія глыбы дыма возносились за облака, огненные столбы, подымаясь изъ груди горъ, озаряли небо кровавою краснотою, Пеле приносили жертвы, думая умиловить ее. Но, увы! она была неумолима, исполняла своими опустошеніями дѣло, возложенное на нее, сильнѣйшимъ богомъ, и присоединяла новой слой лавы къ прежнимъ, изъ которыхъ образовались острова.

Этотъ богъ острова Оагу слылъ за могучаго и чрезвычайно жаднаго; самыя обильныя жертвы таро и пататовъ не могли его насытить, и аппетитъ его черезъ жрецовъ требовалъ чрезвычайныхъ приношеній отъ жатвъ туземцовъ. За то богъ былъ гигантскаго роста и умѣлъ пользоваться имъ. Случилось однажды, что солнце не взошло надъ островомъ Оагу; жители были печальны; многіе изъ нихъ сошли съ ума; болѣзни уменьшали народонаселеніе. Многочисленныя жертвы были принесены богу, и, въ продолженіе двухъ лунъ всѣ жители стояли на колѣняхъ передъ кумиромъ. Царь сильной земли на югъ (безъ сомнѣнія, Таити) взялъ солнце въ плѣнъ и засадилъ его въ пещеру, заваливъ ее отверзтіе

огромными горами лавы, и приставивъ къ ней на стражъ птицу, которая пронзительнымъ визгомъ давала знать о малѣйшемъ шорохѣ. Самъ царь, съ отборною дружиною, всегда былъ готовъ отразить всякое покушеніе къ освобожденію пльнника. Все это неустрашило бога Оагу; онъ сжался надъ бѣдными островитянами. Притомъ же онъ былъ сильный богъ; когда онъ переходилъ съ острова на островъ, то вода доходила ему до ладышки, а когда пошелъ къ южной землѣ, только до колѣнъ. Онъ прибылъ въ Таити ночью; подкрался къ пещерѣ, такъ осторожно, что птица не слыхала шума, и задушилъ ее, прежде, чѣмъ она успѣла закричать. Потомъ мощною рукою отбросилъ онъ глыбы лавы, схватилъ солнце и бросилъ его въ верхъ съ неимоверною силою. Удалившись отъ берега на известное разстояніе, онъ громко закричалъ и разбудилъ царя Таити и его воиновъ. Они побѣжали къ пещерѣ и чрезвычайно удивились, увидѣвъ, что солнце на свободѣ. Богъ Оагу бросилъ его на такую вышину, что они никакъ не могли достать его. Съ тѣхъ поръ солнце постоянно свѣтитъ надъ островомъ Оагу.

Каждый богъ имѣлъ своихъ жрецовъ, которые славно жили приношеніями; ихъ вліяніе было сильное, и часто, рассказываютъ, они держали въ рукахъ судьбу начальниковъ и царей. Тамеа-Меа соединилъ въ себѣ одномъ всю духовную власть; онъ былъ вмѣстѣ завоевателемъ и верховнымъ жрецомъ, зналъ, какую получаетъ силу отъ такого соединенія властей, и миссіонеры, прибывшіе до его смерти изъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, не могли сдѣлать ни какой перемѣны въ религіозныхъ вѣрованіяхъ туземцовъ. «Ваша вѣра,» говорилъ онъ имъ, «можетъ быть, очень хороша для вашего народа, но Гавайскіе боги нужны для Гавайскаго народа; они дали мнѣ силу на одоленіе враговъ»

дали мнѣ могущество въ управленіи. Я не знаю вашего бога: зачѣмъ же отстану отъ своихъ?» Дикарь Тагеа-Меа показывалъ себя искуснымъ политикомъ; онъ чувствовалъ всю силу религіознаго вліянія на подвластный ему народъ; власть была въ его рукахъ, и онъ зналъ, что она перейдетъ въ руки тѣхъ иностранцевъ, которые дадутъ туземцамъ новую вѣру. Впрочемъ, онъ уничтожилъ нѣкоторыя строгости древняго табу.

Табу, о которомъ я нѣсколько разъ упоминалъ, значило запрещеніе, иногда духовное, иногда гражданское, употреблять нѣкоторые предметы, трогать ихъ и даже смотреть на нихъ. Табу было двухъ родовъ, постоянное и временное. Табу постоянное, или священное, было неотдѣльно отъ самаго предмета: такимъ образомъ, особа царя, личность жрецовъ, царское жилище, купальня, капница, приношенія и жертва, царскія кладбища, были всегда табу. Мало по малу, жрецы и начальники распространили табу и обратили его въ спекуляцію: нѣкоторыя перья и рыбы стали табу для народа; только царь и главнѣйшіе начальники могли носить сіи перья и ѣсть этихъ рыбъ. Нарушеніе постоянного, или священнаго табу почти всегда наказывалось смертію; строгія тѣлесныя наказанія назначались нарушителямъ временнаго табу.

Нерѣдко жрецы налагади общее табу на всю страну, на цѣлое селеніе, или на одинъ домъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, табу запрещало народу зажигать факелы изъ кукуи, ѣсть рыбу, или кокосы, ловить рыбу, выходить изъ домовъ, и пр. Въ другихъ случаяхъ, табу служило средствомъ, по коему жрецы пользовались исключительнымъ правомъ употреблять предметы, становившіеся рѣдкими; иногда оно имѣло цѣлью напоминать народу о власти жрецовъ, переноса ее въ самые дома. Слѣдственно, табу было средство, коимъ сильный палагалъ свою волю на

слабѣйшаго. Посему табу исходилъ отъ начальниковъ къ народу. Мужчины запрещали многіе предметы женщинамъ; кокосы, нѣкоторыя рыбы, бананы были табу для женщинъ; онѣ не смѣли присутствовать въ комнаты, гдѣ ѣли мужчины.

Тамеа-Меа уменьшилъ, какъ я уже сказалъ, наказанія за нарушеніе табу, но оно совершенно уничтожено только въ царствованіе Ріо-Ріо. Народъ, и особенно женщины, воспользовались плодами религіознаго преобразованія, происшедшаго по вліянію Американскихъ миссіонеровъ на духъ начальниковъ правленія. Однакожь крики ужаса раздались по островамъ, когда самъ верховный жрецъ провозгласилъ объ уничтоженіи табу, но тихій и легко управляемый народъ скоро забылъ деревянныхъ кумировъ, самъ разбилъ капища, обагрѣемыя человѣческой кровью, и по примѣру начальниковъ, преклонилъ колѣна передъ алтарями истиннаго Бога. Правительница Каагу-Ману первая приняла христіанство и усердно содѣйствовала усиліямъ миссіонеровъ къ водворенію и распространенію христіанской религіи.

Нѣсколько спустя, кажется въ 1827 году, прибыли въ Гоноруру два Католическіе миссіонера, Башело и Шортъ. Они поселились тамъ безпрепятственно, и, по словамъ туземцовъ, общественная и частная жизнь ихъ была безукоризненна. Занимаясь дѣломъ преобразованія тихо, скромно, безъ честолюбія и вредныхъ намѣреній, они скоро приобрѣли много приверженцовъ. Тогда Протестантскіе Миссіонеры вообразили, что соперничество Католическихъ можетъ быть для нихъ опасно, и вздумали остановить его. Въ 1832 году, оба Миссіонера были схвачены, по приказу Каагу-Ману, и перевезены на пустынный берегъ Калифорніи, гдѣ на сорокъ миль не было никакого жилища. Тутъ ихъ оставили безъ припасовъ, безъ воды, безъ оружія для отраженія хищныхъ звѣрей.

Я думаю, что Французское Правительство ничего не знало о поступкѣ, который требовалъ его вмѣшательства. Тихіе и миролюбивые Миссіонеры не хотѣли обратить гнѣвъ Франціи на Гаваи. Можетъ быть, они ошибкою вообразили, что послѣ Іюльской революціи не обратятъ вниманія на бѣдныхъ, гонимыхъ Миссіонеровъ, но они ошиблись, и Французское Правительство защитило бы ихъ, еслибы дѣло дошло до его свѣдѣнія. Доказательствомъ тому служатъ мѣры, которыя вскорѣ будутъ приняты противъ возобновленія подобныхъ поступковъ *. Мы пережили времена религіозныхъ преслѣдованій. Мнѣ сказывали, что приказъ о высылкѣ Миссіонеровъ, и всѣ распоряженія, къ нему относящіяся, написаны были рукою извѣстнаго Миссіонера въ Гоноруру. Однакожь, мнѣ едва вѣрится, чтобы въ XIX вѣкѣ люди, принадлежащіе къ націи просвѣщенной, могли рѣшиться дать такой примѣръ гоненія и нетерпимости. Мнѣ сказывали, что гг. Башело и Шортъ до сихъ поръ находятся въ Калифорніи.

Городъ Гоноруру затрепеталъ, увидѣвъ передъ собою трехъ-цвѣтный флагъ, и вообразивъ, что наша *Бонита* пришла для требованія удовлетвореній за несправедливость. За нѣсколько дней до нашего прибытія, на Оагу прибылъ Ирландскій Католическій Миссіонеръ, Велчъ и получилъ словесное приказаніе немедленно удалиться, но по совѣту Англійскаго Консула, онъ не послушался и требовалъ приказанія письменнаго. Приказаніе долженствовало быть ему доставлено въ день нашего пріѣзда; прибытіе *Бониты*, вѣроятно, измѣнило распоряженія Кинао; приказанія не было прислано, и въ теченіе двухъ недѣль, до дня нашего отплыва, ни-

* Французское Правительство послало уже фрегатъ на Сандвичевы острова; капитанъ собралъ на мѣстѣ свѣдѣнія объ этомъ постыдномъ злоупотребленіи власти, и можно надѣяться, что впредь не будутъ гнѣть на островахъ ни Католиковъ, ни Французовъ. (Прим. Сов.)

кто не напоминалъ Велчу объ его отъездъ. Наканунъ нашего отплытія, Англійскій корветъ *Актеонъ* вошелъ въ Гоноруру, и, вѣроятно, Велчь избавился отъ притѣсненій. Приверженцы Католическихъ Миссіонеровъ подверглись жестокому преслѣдованію. Кто не отрекся отъ Католической вѣры, того заключили въ тюрьму и осудили на самыя постыдныя работы. Нѣкоторые томятся до сихъ поръ въ заключеніи.

Когда стали говорить царю Каикемаули о гоненіи на Католическихъ Миссіонеровъ, онъ отвѣчалъ, что оно происходило во время правленія Каагу-Ману, что онъ въ немъ не участвовалъ и не долженъ за него отвѣтствовать. Потомъ онъ прибавилъ, что все почти Европейскія войны происходили отъ того, что въ Европейскихъ государствахъ было по двѣ религіи. Пресвитеріанская религія распространилась по Сандвичевымъ островамъ прежде, и потому нельзя (говорилъ онъ) допускать другой; только такимъ образомъ можетъ онъ сохранить спокойствіе въ своемъ государствѣ, и одной религіи равно достаточно для 100 и 150,000 человекъ. Слова Каикемаули свидѣтельствуютъ объ его умѣ и показываютъ знаніе исторіи, котораго я не подозрѣвалъ въ немъ. Согласенъ съ его мнѣніемъ, но его учителя должны были также сказать ему, что въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ находимъ всевозможныя религіи, однакожь тамъ не преслѣдуютъ Католиковъ, и не всегда народы въ раздорѣ по религіознымъ причинамъ, а чаще нетерпимость бываетъ источникомъ безпорядковъ. Каагу-Ману поступила безчеловѣчно, нарушивъ личную свободу Католическихъ Миссіонеровъ и подвергнувъ ихъ произвольно высылкѣ, когда нѣтъ письменнаго закона, по которому Пресвитеріанская религія почиталась бы господствующею вѣрою въ государствѣ; стало быть, съ Католическими Миссіонерами

поступлено противъ всѣхъ началъ права и справедливости.

Пресвитеріанская религія распространилась теперь по всѣмъ Сандвичевымъ островамъ; островитяне ходятъ въ воскресенья слушать богослуженіе въ церквахъ Пресвитеріанскихъ Миссіонеровъ; къ несчастію, обращеніе существуетъ только на словахъ, съ немногими исключеніями. Островитяне не могутъ еще понимать новой религіи; притомъ ее представляютъ имъ въ видѣ слишкомъ строгомъ и мистическомъ. Гдѣ нѣтъ постоянно живущихъ Миссіонеровъ, тамъ островитяне сохранили прежнее нелѣпное суевѣріе, и даже нѣкоторые варварскіе обряды старинной своей религіи. Стало быть, преобразование только начато, но время приведетъ, независимо отъ системы Миссіонеровъ, нравственные и матеріальныя улучшенія, которыя породились бы гораздо ранѣе, еслибы направленіе, данное Миссіонерами, было благоразумнѣе.

Ежегодно, въ назначенное время, Миссіонеры со всѣхъ острововъ съезжаются въ Гоноруру; гальотъ, принадлежащій миссіи, привозитъ ихъ съ разныхъ мѣстъ ихъ жительства. На такомъ ежегодномъ соборѣ каждый даетъ отчетъ въ годовыхъ трудахъ и совѣщается о будущемъ. Всѣ Миссіонеры на Сандвичевыхъ островахъ Американцы, а на островахъ Таити Англичане; по безмолвному согласію, духовенство обѣихъ сихъ націй раздѣлило между собою духовную власть (можно прибавить, и свѣтскую) на островахъ Океаніи.

Ла-Гайна, на островѣ Мави, почитается столицей миссіи; тутъ главное заведеніе Миссіонеровъ и ихъ *high school* (главная школа), гдѣ образуются учителя, помогающіе потомъ Миссіонерамъ.

Въ Ла-Гайнѣ есть типографія, а въ Гоноруру двѣ, изъ коихъ одна принадлежитъ Миссіонерамъ, а другая Издателю Англійской газеты въ Гоноруру: *Sand-*

wich islands Gazette. Эта Газета Сандвичевыхъ острововъ выходитъ еженедельно, издается Американцомъ, въ оппозицію Миссіонерамъ. Ке-кumu т. е. *Просвѣтитель*, журналъ, издаваемый Миссіонерами на Гавайскомъ языкъ, содержитъ только извѣстія о прибывшихъ судахъ и извлеченія изъ духовныхъ сочиненій. Я замѣтилъ, что изъ множества бывшихъ у меня книгъ, напечатанныхъ на Гавайскомъ языкъ, весьма немногія говорили объ успѣхахъ промышленности, или наукахъ; кромѣ нѣсколькихъ сочиненій о началахъ ариметики и географіи, всѣ остальные относились къ религіи, и содержали толкованіе на Библію, краткіе катехизисы, или псалмы. Не отрицаю ихъ пользы и чрезвычайной въ нихъ необходимости, но не могу понять, почему Миссіонеры, равномерно исполняя религіозныя обязанности, не распространяютъ между островитянами свѣдѣній о промышленности, механикѣ, фабрикахъ, земледѣліи, безъ которыхъ результаты просвѣщенія не могутъ быть благодѣтельны. Я изъявилъ удивленіе, что начальники вовсе не знаютъ Исторіи. Мнѣ отвѣчали, что Сандвичане изъ исторіи другихъ народовъ скоро научились бы разврату и беззаконію; что можно провести на острова просвѣщеніе путемъ болѣе чистымъ, и что особы, взявшіяся за такое дѣло, сумѣютъ ознакомить островитянъ, когда придетъ время, съ исторіею другихъ народовъ, очистивъ ее отъ всего, что можетъ породить преступныя мысли. Между тѣмъ Сандвичане, встрѣчаясь ежедневно съ бѣглыми матрозами и бродягами, и видя самый низшій классъ Европейскихъ жителей, заражаются отъ ихъ соприкосновенія, не будучи въ состояніи противопоставить злу естественной защиты, которую нашли бы въ ежедневныхъ занятіяхъ промышленностью, и въ воспитаніи болѣе полнымъ и свободномъ.

Можно было бы привязать народъ къ новой ре-

лигіи, давъ ему почувствовать, что нынѣшнее его существованіе можетъ улучшаться только отъ ея введенія; но до сихъ поръ онъ видитъ отъ нея только лишенія и строгости. Новая религія требуетъ отъ него жизни, къ которой онъ не привыкъ, запрещаетъ все время, которое онъ могъ бы употреблять на работу, запрещаетъ ему игры и развлеченія, къ которымъ онъ привязанъ а въ вознагражденіе предлагаетъ ему выгоды, которыхъ онъ часто не можетъ ни понять ни оцѣнить.

Народъ, столь счастливый, по словамъ первыхъ мореплавателей, въ своей наготѣ, показался намъ бѣдствующимъ, подъ лохмотьями, которыми прикрыва его цивилизація. Что же приобрѣлъ онъ отъ преобразованія? Когда Кукъ открылъ Сандвичевы острова, жители были веселы и счастливы. Правда, что ихъ счастье было матеріальное; они не знали нравственныхъ наслажденій; живши въ совершенномъ невѣжествѣ, они не имѣли понятія о достоинствѣ человѣка. У нихъ отняли матеріальное счастье, не доставивъ нравственныхъ наслажденій. Знаю, что образованность всегда такъ начинается, что она разрушаетъ варварство и создаетъ на его развалинахъ, но все ли сдѣлано, что слѣдовало совершить? Шли ли по пути, указанному разумомъ, человѣколюбіемъ и даже выгодами религіи? Разумется, нѣтъ, и пока не переменять направленія, островитяне будутъ справедливо жалеть о старыхъ обычаяхъ, не признавая благодѣяній просвѣщенія. Не слѣдовало говорить съ ними мистическимъ языкомъ; ихъ умъ не могъ понимать отвлеченныхъ истинъ. Слѣдовало научить ихъ только основными догматами Христіанской религіи, догматами простымъ и яснымъ, которые легко были бы поняты. Потомъ надобно было заняться матеріальнымъ благосостояніемъ народа, тотчасъ заставивъ его пользоваться плодами вводимаго просвѣщенія. Обладая неогра-

Т. XI. — Отд. III.

ниченною властію, Миссіонеры должны были замѣнить мудрыми законами тѣ произвольныя постановленія, по которымъ состояніе островитянъ предано прихоти начальниковъ. Какъ люди просвѣщенные не уничтожили такого злоупотребленія? Развѣ боялись они перейти за предѣлы своей власти? Но они дѣлали съ народомъ, что хотѣли; отняли у него одежду, обычаи, идоловъ; для нихъ верховный жрецъ самъ провозгласилъ немощь своихъ боговъ и своею рукою сжегъ капища и болвановъ, посредствомъ которыхъ правилъ народомъ. И затѣмъ боялись они уничтожить нелѣпыя обычаи, зародившіяся во времена самоуправства и варварства? Въ прежнія времена жадность начальниковъ была однакожь ограничена болѣе, чѣмъ теперь, и потому худыя обычаи теперь болѣе вредятъ народу, чѣмъ прежде вредили. Нельзя не порицать системы, принятой Миссіонерами на Сандвичевыхъ островахъ, если разсмотришь ея послѣдствія.

Когда собственность сдѣлалась бы неприкосновенною, когда свословіе начальниковъ было бы ограничено, слѣдовало всеми возможными средствами поощрять развитіе торговли, промышленности и земледѣлія, для чего надлежало вызывать иностранцовъ и покровительствовать имъ. Не должно было затруднять поселенія ихъ на островахъ, какъ теперь сдѣлано. Возразятъ, что иностранцы развратили бы туземцовъ. Согласенъ, и это долженствовало быть первымъ проявленіемъ цивилизаціи. Такое зло неизбѣжно; слѣдовало дать противоядіе, которое заключается въ самой причинѣ зла. Надобно было, или оставить народъ дикимъ, какимъ его нашли, и удалиться отъ него, или избавить его отъ соприкосновенія нисшаго класса Европейцовъ. Такого результата можно достигнуть только привлеченіемъ иностранныхъ промышленниковъ, фабрикантовъ, земледѣльцовъ, и проч.

Не думаютъ ли, что дикари могутъ научиться нравственности у матрозовъ китоловныхъ судовъ?

Миссіонеры нашли народъ безъ характера, съ пороками не вкоренившимися, съ нравами простыми и добрыми и удивительною пріимчивостію впечатлѣній. Что же сдѣлали съ нимъ? Думаютъ, что исправили нравы, а развращеніе достигло до чрезмѣрности, развращеніе разсчетливое, которое гораздо хуже прежняго. Думаютъ, что улучшили матеріальный бытъ островитянъ, а въ самомъ дѣлѣ показали имъ ихъ нищету, которой Сандвичане прежде не понимали.

Правда, что Миссіонеры много сдѣлали для жителей Океаніи, но сами они заключили цѣль свою въ тѣсныхъ предѣлахъ. и далеко не принесли столько пользы, сколько могли. Чему приписать это? Можетъ быть, излишку усердія; можетъ быть, воспитанію, которое сами они получили. Они часто забывали о временныхъ пользахъ народа, стараясь доставить ему вѣчныя блага. Они уничтожили варварскіе и безчеловѣчные обычаи, внушили островитянзъмъ нѣкоторыя понятія объ обществѣ, и остановились на той точкѣ, гдѣ реформа начинала приносить полезныя результаты. Кажется, что ими управляла какая-то скрытая мысль. Они учредили школы, но запретили учиться по Англійски. Какую цѣль могли они имѣть при томъ? Очевидно, они опасались, чтобы вліяніе Европейскихъ резидентовъ не вошло въ соперничество съ ихъ силою. Можно ли было изобрѣсти большее препятствіе на пути просвѣщенія? Какая несоответственность между желанною цѣлью и употребляемыми средствами! Не хотѣли ли Миссіонеры удержать распространенія разврата, удаляя островитянъ отъ сношеній съ иностранцами? Но всѣмъ извѣстно, и на Сандвичевыхъ островахъ можно убѣдиться въ томъ болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, что развращеніе сообщается не разговорами: однихъ

*

примѣровъ достаточно для зараженія простодушныхъ дикарей, легко принимающихъ впечатлѣнiя.

Народонаселенiе Сандвичевыхъ острововъ, со времени ихъ открытiя, уменьшилось въ страшной пропорцiи, до четвертой части противъ того, какое было въ первое путешествiе Кука. Это приписываютъ различнымъ причинамъ. Европейцы завезли сюда употребленiе крепкихъ напитковъ, которые служатъ ядомъ для всѣхъ дикихъ народовъ. Прежде неизвѣстныя болѣзни заражаютъ теперь народъ. Развратъ имѣлъ здѣсь пагубнѣйшiя послѣдствiя, потому что зараза распространялась по семействамъ, и не принимали никакихъ мѣръ противъ нея, ибо не знали ея свойства. Другая причина, столь же сильная, какъ и развратъ, есть болѣзнь, о которой мы говорили Европейскiе доктора, давно живущiе въ Гоноруру. Болѣзнь появилась на островъ за десять лѣтъ передъ симъ, и поражаетъ роженницъ, похищая изъ десяти шесть. Она начинается бѣлыми на губахъ прыщами, которые мало по малу распространяются по горлу, желудку и внутренностямъ, дней за десять до родинъ, и кончатся обыкновенно смертiю матери и младенца. Какiя причины ни истребляли бы народонаселенiе Сандвичевыхъ острововъ, не удивительно ли и недостойно ли жалости замѣчанiе, что вездѣ, гдѣ цивилизацiя коснулась дикому состоянiю, ея прикосновенiе было смертельно для народовъ, долженствовавшихъ получить отъ нея новую жизнь? Вездѣ замѣтны одни явленiя, хотя причины различны. Въ Перу и Мексикѣ цивилизацiя была фанатическая и кровожадная, въ Соединенныхъ Штатахъ завоевательная, на Сандвичевыхъ островахъ мистическая, но вездѣ народы исчезали при ея появленiи. Гдѣ дикари, жившiе въ долинахъ Испанской Америкки? Просвѣщенiе убило ихъ; теперь видны остатки ихъ въ самыхъ презрѣнныхъ классахъ общества. Что осталось отъ мно-

гочисленныхъ племенъ, обитавшихъ въ лѣсахъ около Огіо, Миссури и Миссисипи? Они исчезли отъ со-сѣдства бѣлыхъ, и скоро будутъ думать, что сіи племена вовсе не существовали. Тоже будетъ на Сандвичевыхъ островахъ. Народонаселеніе исчезнетъ не просвѣтившись, или отъ ужасной смертности, или отъ смѣшенія съ переселенцами Европы и Америки. Надобно всеми средствами стараться о скорѣйшемъ окончаніи такого смѣшенія; для сего нужно дать твердые законы, призвать на помощь промышленность, ободрить земледѣліе, поощрить торговлю. Только такими средствами можно избавить островитянъ отъ гибели, которая убиваетъ въ нихъ жизненные начала. Если не поторопятся, то скоро не кого будетъ просвѣщать на Сандвичевыхъ островахъ, ибо никого неостанется, кромѣ самихъ просвѣтителей.

Образъ правленія на Сандвичевыхъ островахъ самодержавный, неограниченный, но онъ во многомъ измѣнился со времени открытія ихъ. Прежде, каждый изъ острововъ былъ управляемъ особымъ начальникомъ, независимымъ отъ сосѣдей. Сія властелины вели между собою непрерывную войну; наконецъ Тамеа-Меа, наследственный владѣтель острова Овайги, совершилъ рядъ побѣдъ, доставившихъ ему неограниченную власть на всѣхъ Сандвичевыхъ островахъ.

Тамеа - Меа былъ одаренъ чрезвычайно наблюдательностью и особеннымъ постоянствомъ воли. Онъ скоро повялъ, какую надежную опору найдеть въ Европейцахъ, начинавшихъ посѣщать острова, и принималъ ихъ къ себѣ въ службу. Послѣ его смерти, въ 1819 году, сынъ его Ріо - Ріо вступилъ на престолъ; возмущеніе вспыхнуло на Атуаи, но было немедленно прекращено прибытіемъ самого Ріо - Ріо, который, съ однимъ только спутникомъ, переплылъ море и встрѣтилъ соперника. Удивляясь

такому великодушному поступку, онъ призналъ Ріо-Ріо повелителемъ.

Ріо - Ріо уничтожилъ идолопоклонство, котораго Тамеа - Меа придерживался, по убѣжденію, или по политикѣ. Онъ уничтожилъ и табу. Съ того времени, миссіонеры получили сильное вліяніе, которое стало безграничнымъ со времени смерти Ріо-Ріо. Онъ умеръ въ Англіи, въ 1824 году. Каагу-Ману, жена Тамеа-Меа и правительница въ малолѣтство Каикекаули, прильпилась къ новой вѣрѣ съ усердіемъ, похожимъ на фанатизмъ, и во всемъ слѣдовала внушеніямъ миссіонеровъ.

Послѣ смерти Каагу-Ману, дочь ея, Кинао, наслѣдовала ей въ управленіи Сандвичевыми островами, покорилась тому же вліянію и исполняла слѣпо всѣ требованія миссіи. Власть миссіонеровъ стала закономъ на островахъ. Я уже сказалъ, что совершеннолѣтіе Каикекаули не измѣнило хода дѣлъ. Онъ привыкъ покоряться волѣ сестры, и до сихъ поръ не пользовался властію. Однакожь, видя его ненависть къ нововведеніямъ, и замѣтивъ его стремленіе къ независимости, нѣкоторые приверженцы правительницы задумали удалить его съ Оагу на островъ Мави, гдѣ наиболѣе приверженцовъ новой системы. Каикекаули узналъ объ этомъ намѣреніи по внезапному удаленію всѣхъ своихъ слугъ, и прибѣгнувъ къ помощи иностранцовъ, живущихъ въ Гоноруру; они обѣщали поддержать его, и ихъ рѣшимость, извѣстная противной партіи, помѣшала исполненію намѣренія. Стало быть, Каикекаули можетъ, если захочетъ, или сумѣетъ, найти большую силу въ помощи иностранцовъ. Это было въ 1832 году. Тогда были изданы двѣ прокламаціи, одна отъ Кинао, другая отъ Каикекаули, который достигъ уже въ то время совершеннолѣтія. Документы сіи, напечатанные на Гавайскомъ языкѣ, служили къ объясненію взаимныхъ правъ Царя и Правительницы, но со сто-

роны Каикемаули то была только простая формула, и онъ скоро подпалъ снова подъ иго сестры.

Вскорѣ потомъ кто-то присовѣтывалъ Каикемаули завоевать Ново - Гебридскіе острова. Говорятъ, что онъ намѣревался, совершивъ завоеваніе, оставить Сандвичевы острова и основать новое государство въ завоеванныхъ земляхъ. Съ сею цѣлю были снаряжены два брига, подъ начальствомъ Боки, одного изъ полководцовъ Тамеа - Меа и губернатора на Оагу. Предпріятіе кончилось бѣдственно; одинъ изъ бриговъ, на которомъ находился Боки, увлеченъ вѣтромъ въ море и погибъ безъ вѣсти. Экипажъ другаго брига, состоявшій изъ ста человекъ, погибъ отъ эпидеміи, не достигнувъ до назначеннаго мѣста. Изъ Гоноруру послали новый экипажъ за бригомъ, который былъ брошенъ на островахъ Вити, или Фиджи.

Теперь дѣла идутъ, какъ шли въ 1832 году. Каикемаули старается забыть о зависимости, въ которой держитъ его сестра; онъ предается развлеченіямъ матеріальной жизни, а Кинао царствуетъ, или, лучше сказать, миссіонеры управляютъ подъ ея именемъ.

Впрочемъ, правительственныя учрежденія очень просты. Царь приказываетъ, а островитяне повинуются, не требуя истолкованія закона. Безпредѣльная власть его нѣсколько ограничена распоряженіями миссіонеровъ, которые болѣе заняты распространеніемъ религіи, чѣмъ матеріальнымъ благосостояніемъ народа. Введенные ими уставы относятся исключительно до религіи; однакожъ, они постоянно противились всѣмъ мѣрамъ, которыя, обезпечивая иностранцовъ, могли бы дать имъ охоту къ учрежденію на островахъ важныхъ заведеній, торговыхъ или земледѣльческихъ.

Подъ властію Царя, начальники управляютъ разными островами. Они суть сильные и высокіе

вельможи, повинующіеся только на словахъ. Они собираютъ для Царя подати, но только малая часть сбора идетъ въ Гоноруру. Можетъ быть, невозможно требовать отъ нихъ отчета. Куакини, на примѣръ, пользуется на островѣ Овайги такою же властію, какъ и самъ Каикекаули, однакожь Царская власть признана вездѣ. Сорокъ лѣтъ тому, сильное могущество Тамеа - Меа подавляло всякую мысль къ независимости, противную цѣлости державы; теперь тотъ же результатъ происходитъ отъ союза миссіонеровъ, которые принимаютъ всѣ необходимыя мѣры къ поддержанію единства власти. Потому можно утвердительно сказать, что не скоро произойдетъ перемѣна въ формѣ управленія Сандвичевыхъ острововъ; однакожь легко предвидѣть результатъ битвы между миссіонерами и Европейскими резидентами. Придетъ время, когда иностранцы, умножаясь, съ увеличеніемъ средствъ на островахъ, уничтожатъ всѣ мѣры миссіонеровъ и доставятъ странѣ управленіе болѣе дѣльное и производительное.

Прибавлю нѣсколько словъ о законахъ, нынѣ дѣйствующихъ на Сандвичевыхъ островахъ, и управленіи правосудія. Гавайскій кодексъ состоитъ изъ десяти статей. Это родъ началъ Естественнаго Права, распространенныхъ и обезображенныхъ цивилизаціею. Преступленія наказываются болѣе или менѣе продолжительнымъ тюремнымъ заключеніемъ, или тяжкою работою, но преступники всякаго рода могутъ откупиться отъ казни большою или малою суммою денегъ. Только умышленный убійца не можетъ откупиться и наказывается смертію, но и сей законъ ничего не значить, потому что очень легко доказать неумышленность преступленія. За убитаго челоуѣка законъ требуетъ 200 піастровъ (1000 рубл.), а за 50 піастровъ позволительно всякое насиліе. Стало быть, общественная нравственность оцѣнена

не слишкомъ дорого. Участіе цивилизаціи въ кодексъ не можетъ быть названо высоко нравственнымъ.

Въ Гоноруріи трое судей, а въ уздахъ по одному; они живутъ добычею отъ вѣсовъ правосудія, и добыча ихъ порядочная: четвертая, а иногда и третья доля штрафовъ достается судьямъ. На примѣръ, если женатый обольститъ замужнюю, то оба платятъ по 15 піастровъ пени (75 рубл.). Преступникъ платитъ 15 піастровъ: 5 судьямъ и 10 мужу обольщенной; преступница платитъ 15 піастровъ: 5 судьямъ и 10-ть женѣ обольстителя. Тоже бываетъ и въ гражданскихъ дѣлахъ; судья получаетъ четвертую часть изъ спорнаго имущества.

Преступленія иностранцовъ судятся присяжными, избираемыми изъ иностранцовъ и туземцовъ въ равномъ числѣ, но въ гражданскихъ дѣлахъ, судьи рѣшаютъ тяжбы по своему разумію и безъ апелляціи. Разумѣется, что иностранцы никогда не прибѣгаютъ къ ихъ власти, а кончатъ взаимные споры третейскимъ судомъ.

На Сандвичевыхъ островахъ, власть Царя и начальниковъ, какъ я сказалъ, неограниченна, ибо Царь есть хозяинъ земли и владѣлецъ всѣхъ ея произведеній. Только по его соизволенію островитяне живутъ на его землѣ и питаются ея плодами; слѣдственно, ему принадлежитъ вся ихъ собственность. Хотя нѣтъ о томъ писаннаго закона, однакожь есть нѣкоторые старинные обычаи, которыхъ до сихъ поръ не измѣняютъ. Такимъ образомъ, по смерти владѣльца, земля принадлежитъ Царю по праву; однакожь Царь всегда позволяетъ сыну умершаго вступить во владѣніе хижиною и землею отца, но, повторяю—это простая уступка, а не право.

На Сандвичевыхъ островахъ недостаетъ постоянной системы сборовъ; теперь установлено, чтобы каждый островитянинъ платилъ Царю піастръ за себѣ, и полъ - піастра за жену и за дѣтей,

выпиною въ четыре фута. Съ дѣтей, недоросшихъ до сей мѣры, подать не взыскивается. Кроме того, Царь получаетъ половину цѣны проданныхъ предметовъ; если курица продана за полтпну, то Царь получаетъ 25 - ть копѣекъ. Два дня въ недѣлю посвящаются на обработку полей Царя или начальниковъ; наконецъ, Царь можетъ взять у островитянина все, что ему понравится.

Вотъ все, что пресвѣщеніе совершило въ пользу Сандвичанъ. Надобно признаться, что пресвѣтителю прежде всего должны были позаботиться о перемѣнѣ такихъ варварскихъ постановленій.

Торговля Сандвичевыхъ острововъ все еще не важна. Страна производитъ мало и потому мало потребляетъ. Торговля производится исключительно нѣсколькими Американскими и Англійскими судами, которыя идутъ прямо въ Гоноруру, или только заходятъ въ сей портъ, отправляясь изъ Южнаго Моря въ Китайское и къ берегамъ Съверо - Западной Америки и Калифорніи. Нѣкоторыя суда распродаютъ здѣсь весь свой грузъ, а другія только складываютъ его, ожидая благопріятнаго случая для перевозки на Калифорнскіе рынки. Въ послѣдніе годы, въ Гоноруру завелось четыре, или пять торговыхъ Американскихъ домовъ, которые не ведутъ значительныхъ дѣлъ; есть одинъ Англійскій домъ, но не богатый. Французская торговля заглядывала на Сандвичевы острова очень рѣдко, и то случайно. Франція не ведетъ торговыхъ дѣлъ съ здѣшнею страпою съ 1826 года, когда была сдѣлана попытка однимъ торговцомъ изъ Бордо, по совету доктора Рива, сопровождавшаго Рио-Рио въ Англію.

Потребленіе на Сандвичевыхъ островахъ доходитъ до 400, или 500,000 франковъ, а сумма привозныхъ товаровъ, какъ для потребленія, такъ и для складки, простирается едва до 200,000 піастровъ (1,000,000 рублей).

Сюда требуются: выбойка суровая и набивная, мелкіе желѣзные товары, доски, лѣсъ, балки, сахаръ, кофе, крѣпкіе напитки, и пр. Предметовъ роскоши ввозится столько, сколько нужно для пяти, или шести сотъ бѣдныхъ Европейцовъ и Сѣверо-Американцовъ, поселившихся на островахъ. Американцы привозятъ на Сандвичевы острова выбойку бѣлую и пѣбленую, мыло, платье мужское и женское, муку, ромъ, вино и Французскія издѣлія. Англичане доставляютъ бумажныя матеріи, парусину, канаты, мелочныя желѣзные товары, и пр. Доски и балки привозятся изъ Новой Зеландіи, а сахаръ съ острововъ Таити, или изъ Перу.

Сандвичане вымѣниваютъ сіи произведенія на сандалъ, съѣстные припасы, масло изъ кукуи, превосходно горящее, совершенно чистое и безъ запаха, и на деньги, выручаемыя отъ продажи припасовъ приходящимъ кораблямъ. Но острова могутъ производить, какъ скоро разовьется земледѣльческая промышленность, всѣ колоніальныя товары, и торговля ихъ, нынѣ ограниченная, непременно распространится съ умноженіемъ произведеній. Теперь много помогаютъ торговлѣ Сандвичевыхъ острововъ китоловныя суда, ходящія къ Японскимъ берегамъ; ежегодно два раза, въ Февраль и Октябрь, заходятъ они въ Гоноруру, испрашивать поврежденія и закупать провизію, которую продаютъ имъ хорошаго качества и дешево. Ежегодно въ Гоноруру приходитъ отъ пятидесяти до шестидесяти Американскихъ, и отъ двадцати до двадцати пяти Англійскихъ китоловныхъ судовъ. Разсчитано, что каждое судно, въ каждый приходъ, тратитъ до 500 піастровъ (2500 рубл.), а всѣ выѣстъ отъ 35 до 40,000 піастровъ (отъ 175 до 200,009 рублей.)

Сандальное дерево стало нынѣ очень рѣдкимъ; до него надобно добираться непроходимыми путями. Въ первое время, сандальные лѣса были вырублены не-

осторожно и безъ разбора; начальники не знали цѣны сокровища, а узнавъ ее, употребили во зло. Теперь невозможно нагрузить корабль этимъ драгоценнымъ деревомъ; къ берегу доставляютъ его въ маломъ количествѣ. Еслибы ввести порядокъ въ вырубку сандальныхъ лѣсовъ и производить ее умно, то черезъ нѣсколько лѣтъ, они доставили бы богатую жатву вывозной торговлѣ, но на это нечего надѣяться. Бѣдность и жадность начальниковъ тому препятствуютъ; они видятъ, что скоро лишатся выгоднаго источника доходовъ, и стараются исчерпать его всеми возможными средствами.

Какъ я уже сказалъ, значительнѣйшія богатства Сандвичевыхъ острововъ заключены еще въ землѣ, и только промышленность Европейцовъ и Северо-Американцовъ можетъ доставить ихъ торговлѣ, ибо туземцы лишены постоянства и энергіи, необходимыхъ для управленія обширными хозяйственными заведеніями. Если земли Сандвичевыхъ острововъ останутся во власти туземцовъ, то вѣка пройдутъ прежде, нежели островитяне захотятъ, или сумѣютъ воспользоваться ими. Нельзя внушить вдругъ безпечному народу любви къ труду, и промышленности, которая извлекаетъ изъ труда пользу. До сихъ поръ, на Сандвичевыхъ островахъ земледѣліе не подвинулось на шагъ впередъ, и плодотворныя земли ожидаютъ искусныхъ рукъ. Каждый островитянинъ живетъ въ своей хижинѣ, добываетъ столько таро, сколько ему нужно, выкармливая немного живности и нѣсколько свиней на продажу приходящимъ кораблямъ; изъ вырученныхъ денегъ, онъ платитъ Царю подать и покупаетъ платье, или крѣпкіе напитки. Но и это относится только до высшаго класса, до аристократіи; остальное народонаселеніе живетъ, какъ жило до открытія острововъ, только въ большей бѣдности, и несетъ нынѣ гораздо болѣе повинностей.

Стало быть, будущему времени предоставлено развить естественныя и торговыя средства Сандвичевыхъ острововъ. Находясь въ центрѣ великаго Сѣвернаго Океана, они представляютъ убѣжище на обширномъ морѣ, отдѣляющемъ Индію и Китай отъ Южной Америки; они получаютъ еще большую важность по мѣрѣ развитія сношеній между этими странами. Если Панамскій перешеекъ будетъ прорытъ каналомъ, то Сандвичевы острова будутъ важнѣйшимъ пунктомъ земнаго шара, ибо къ изложеннымъ выше выгодамъ присоединится и то, что они будутъ находиться на большой дорогѣ изъ Европы въ Индію; они непременно будутъ складочнымъ мѣстомъ, торговою станціею на семь новомъ пути. Сюда будутъ стекаться всѣ товары, идущіе въ Китай, на Филиппинскіе острова, въ Китайскую Индію, въ Сѣверо-Западную Америку, въ Калифорнію, и пр. Присоединивъ къ такому выгодному мѣстоположенію плодородную почву и здоровый климатъ, не усомнишься, что Сандвичевы острова предназначены быть важнѣйшимъ торговымъ, складочнымъ мѣстомъ.

И все можетъ случиться скорѣе, чѣмъ думаютъ. Мысль о прорытіи канала на Панамскомъ перешейкѣ не новая, а возможность ея исполненія была нѣсколько разъ доказана, не смотря на противорѣчія знаменитыхъ геологовъ. Предполагаемое возвышеніе водъ Тихаго Океана, угрожающее берегамъ противной стороны, ни на чемъ не основано. Если бы то была и правда, то можно будетъ удержать воды шлюзами, и тутъ менѣе трудности, нежели въ самомъ прорытіи канала. За два года передъ симъ, проэктъ канала былъ представленъ правительству Новой Гренады, проэктъ дѣльный, но неудобноисполнимый, по причинамъ, зависѣвшимъ отъ одной изъ договаривавшихся сторонъ. Проэктъ былъ принятъ правительствомъ; предприниматель получилъ значительныя выгоды. Нѣтъ сомнѣній, что оно согласится

на всякій проэктъ подобнаго рода, если онъ будетъ обезпеченъ твердостью и средствами предпринимателей дѣла. Недавно еще одна Американская компанія бралась построить желѣзную дорогу изъ Шагра въ Панаму, т. е. во всю длину перешейка; проэктъ канала помѣшалъ предпріятію и я не знаю, на чѣмъ остановилось теперь дѣло. Хотя прорытіе канала, кажется мнѣ, гораздо выгоднѣе построенія желѣзной дороги, однакожь и сей послѣдній родъ сообщенія можетъ имѣть чрезвычайное вліяніе на Сандвичевы острова; тотчасъ пакетботы стали бы перевозить товары изъ Панамы въ разныя Испанскія республики, или по морямъ Китая и Индіи.

Другія обстоятельства могутъ еще въ скоромъ времени доставить Сандвичевымъ островамъ особенную важность, и сдѣлать ихъ значительными для Французскаго торговаго мореплаванія. Французская торговля, такъ сказать, изгнана изъ Индіи и Китая, по невозможности промѣнывать тамъ грузы. Потребленіе чаю и индиго ограничено во Франціи, и нѣсколькихъ грузовъ достаточно на долгое время. Съ другой стороны, выгоды, доставляемыя вывозомъ Французскихъ товаровъ въ Китай и Индію, не могутъ вознаграждать убытковъ, претерпѣваемыхъ Французскими мореплавателями, которые должны возвращаться съ ненагруженными кораблями послѣ столь долгаго плаванія. Нынѣ особенно, при сильномъ мануфактурномъ соперничествѣ, нельзя Французамъ устоять противъ націй, которыя могутъ получать въ тѣхъ странахъ обратныя грузы. Слѣдственно, Франція посылаетъ туда столько своихъ произведеній, сколько ей самой нужно чаю, индиго и другихъ тамошнихъ продуктовъ. Правда, что островъ Бурбонъ и другія, такъ называемыя, Французскія владѣнія въ Индіи, доставляютъ на обмѣнъ сахаръ, но сія отрасль промышленно-

сти очень слаба, и притомъ же Франція ведетъ съ Бурбономъ прямую торговлю, которая достаточна для вывоза мѣстныхъ произведеній; кромѣ того, наемъ Французскихъ кораблей, идущихъ въ Китай, не обезпеченъ на островъ Бурбонъ и на него нельзя полагаться.

Очевидно, что еслибы мы могли получать обратные грузы въ Китай и Индію, то могли бы туда посылать болѣе кораблей и значительно увеличить въ тѣхъ странахъ потребленіе нашихъ произведеній, которыя тамъ вообще цѣнятся. Здѣсь представляется вопросъ, о которомъ часто спорили, и о которомъ я поговорю ниже, ибо почитаю его чрезвычайно важнымъ для Французской торговли въ Китай и Индію, думалъ, что настоящія выгоды нашихъ мануфактуръ доселѣ не были приняты въ соображеніе. Я говорю о допущеніи ввоза сахара Манильскаго и Кохинхинскаго, съ такою же пошлиною, какая наложена на сахаръ нашихъ колоній. Въ 1817 году, пошлины на сахаръ, идущій черезъ Китайское море, были уменьшены; торговля, увидѣвъ передъ собою давно желанный источникъ сбыта, тотчасъ устремила къ Индію, и въ Манильскомъ заливѣ появилось отъ пятнадцати до двадцати Французскихъ кораблей. Такое торговое благосостояніе продолжалось недолго; выгоды нашей торговли, нашего мореплаванія и нашихъ мануфактуръ были принесены въ жертву выгодамъ (по мнѣнію моему), гораздо менѣе важнымъ.

Я часто думаю: почему мы, съ своими естественными средствами, при дешевизнѣ работы, въ сравненіи съ Англіею, и при тысячъ другихъ условій успѣха, почему мы плетемся всегда за другими торговыми націями? Почему мы являемся послѣ другихъ и подбираемъ оставшіеся колосья, когда другіе кончили жатву? Разсмотрѣвъ дѣло внимательно, я убѣдился, что Франціи, для счастливаго соперничества

съ Англіею и Соединенными Штатами, не достаетъ только твердой воли и раціональнаго уклоненія отъ нынѣшней торговой системы. Мы, можетъ быть, не чувствуемъ еще всей цѣны торговаго благосостоянія; однакожь мы открыли глаза и принялись за дѣло, но не искоренили еще старыхъ предразсудковъ, пагубное вліяніе коихъ теперь доказано. *

Англійскій Консулъ доставилъ мнѣ вѣдомость о торговомъ движеніи порта Гоноруру. Изъ всѣхъ портовъ на Сандвичевыхъ островахъ, только въ него заходятъ иностранные корабли. Вѣдомость содержитъ свѣдѣнія о 1830, 31, 32, 33, 34 и 35 годахъ, и даетъ довольно вѣрное понятіе о сношеніяхъ здѣшней страны съ другими, но, повторяю, не должно судить по нынѣшнему положенію Сандвичевыхъ острововъ о той важности торговой, которую они могутъ приобрести. Причины, мною исчисленныя, и еще нѣкоторыя другія, быстро разовьютъ средства сихъ острововъ, и превратятъ ихъ, не только въ важ-

* Во Франціи начинаютъ понимать, что торговля есть вѣрнѣшее ругательство за народное благосостояніе, что все противное ей вредно, и что слѣдуетъ распространять торговля сношенія всеми средствами. Самое лучшее средство—обеспечить себѣ вездѣ возвратные грузы, которыхъ мы почти нигдѣ не получаемъ. Теперь наши сбыты недостаточны для нашей торговли и промышленности; надобно создать новые, или мы впадемъ въ ту же торговую и промышленную немощь, до которой были доведены продолжительными войнами. Мы достигнемъ цѣли, дозволивъ нашимъ кораблямъ привозить произведенія отдаленныхъ странъ. Предѣлы статьи не позволяютъ мнѣ разобратъ здѣсь важнаго вопроса съ подробностью, которой онъ достоинъ. Скажу только, что онъ связанъ съ будущностью Сандвичевыхъ острововъ; они могутъ доставить удобное прибижище нашимъ кораблямъ, торгующимъ съ Южною Америкою. Еслибы таможенные преобразования открыли путь въ Китай и Индію, то корабли наши покупали бы на Сандвичевыхъ островахъ сахаръ, и другія тамошнія произведенія, вмѣсто того, что возвращаются во Францію безъ груза, какъ теперь часто случается.

ное складочное мѣсто, но даже въ значительный рынокъ для Европейскихъ товаровъ.

Географическое положеніе Сандвичевыхъ острововъ важно еще въ другомъ отношеніи: находясь передъ Русскими владѣніями въ Америкѣ, хотя на далекомъ разстояніи, они давно уже обратили на себя вниманіе Русскаго Правительства. Изъ 18-ти военныхъ кораблей, посѣщавшихъ острова съ 1825 года, четыре было Русскихъ. Въ случаѣ войны между Россією и Англією, безъ сомнѣнія, каждая изъ сихъ державъ, будетъ стараться завладѣть ими, для доставленія своимъ кораблямъ и корсерамъ военной станціи и убѣжища.

Правда, что теперь Американское вліяніе преобладаетъ на Сандвичевыхъ островахъ; оно въ рукахъ Миссіонеровъ, которые всѣ изъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, да и торговля производится также Америкою. Невѣроятно, чтобы Англія, умѣющая цѣнить всѣ военные пункты земнаго шара, и овладѣвать ими въ случаѣ нужды, не понимала стратегической важности Сандвичевыхъ острововъ, въ случаѣ войны съ Россією; не вѣроятно, чтобы она не бодрствовала въ ту минуту, когда опасность становится очевидною, и соглашалась уступать права свои другимъ народамъ, когда ей можно удержать ихъ своевременнымъ протестомъ. Англія давно уже смотритъ внимательно на Гоноруру, укрѣпленный портъ, требующій малой защиты, по узкости и трудности входа, и въ рукахъ враждебной націи, могущій быть грозою для Англійской торговли въ Индіи. Понимаю, почему Англія до сихъ поръ не содержитъ гарнизона въ Гоноруру. Она почитаетъ Сандвичевы острова своими, по уступкѣ, сдѣланной царемъ Тамаа-Меа Ванкуверу; актъ этотъ не имѣетъ, если хотите, никакой дѣйствительности, но все таки послужитъ предлогомъ для занятія острововъ, когда они понадобятся Англичанамъ. Гарнизонъ стоилъ

бы имъ большихъ денегъ, и былъ бы вовсе бесполезенъ въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Они, я увѣренъ, непрерывно надзираютъ за Сандвичевыми островами, и понимаютъ всю важность географическаго ихъ положенія въ случаѣ войны.

Политическія сношенія Сандвичевыхъ острововъ съ правительствами образованныхъ народовъ ограничиваются до сихъ поръ двумя актами: первымъ, 25 Февраля 1794 г., Тамеа-Меа призналъ себя и островитянъ подданными Британіи; второй есть торговый трактатъ, между Канкекаули и Соединенными Штатами, подписанный 23 Декабря 1826 года. Трактатъ не доставляетъ Американцамъ исключительныхъ выгодъ; онъ только обезпечиваетъ покровительство Царя Сандвичевыхъ острововъ личности и собственности гражданъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, противъ всякихъ враговъ, на случай войны, и допускаетъ Американскія суда во всея порты Сандвичевыхъ острововъ, съ правомъ производить торговлю съ островитянами. Другія статьи содержатъ правила о спасеніи Американскихъ судовъ, разбивающихся у Сандвичевыхъ береговъ и поимкѣ бѣглыхъ. Трактатъ кончается обыкновенною формулою, что *Американская торговля будетъ пользоваться всеми выгодами, которыя могутъ быть доставлены самой дружественной націи, требуя по сему предмету полной взаимности для торговли Сандвичевыхъ острововъ съ Соединенными Штатами.*

Англичане не хотѣли заключать трактата съ народами, которыхъ почитаютъ своими подданными, ибо такой трактатъ могъ бы породить споръ о правахъ Англіи. Они удержались отъ политическихъ сношеній съ правительствами Сандвичевыхъ острововъ, со времени совершенія уступки Тамеа-Меа. Американцы, напротивъ, предчувствуя, что Англичане станутъ когда нибудь говорить о правахъ своихъ,

укрѣпили трактатомъ данныя имъ нынѣ выгоды, которыя могли перейти въ руки другой державы, при переѣнѣ правительства на островахъ. Американцы руководствовались мудрою предусмотрительностью, поняли будущую торговую значительность Сандвичевыхъ острововъ, и защитили свою торговлю отъ переѣны въ правительствѣ.

Не должны ли мы послѣдовать ихъ примѣру и обезпечивать трактатомъ выгоды, которыя можетъ доставить со временемъ географическое положеніе Сандвичевыхъ острововъ нашей торговлѣ? Черезъ нѣкоторое время, этого, можетъ быть, нельзя уже будетъ исполнить. Нынѣ торговый трактатъ съ правительствами острововъ Океаніи неваженъ для нашего торговаго мореплаванія; но документъ хранился бы въ архивахъ до того времени, когда понадобится бы.

Трактатъ, заключенный между Сѣверо-Американскими Штатами и Сандвичевыми островами, не полонъ; Американскій агентъ, заботясь о торговыхъ выгодахъ своихъ соотечественниковъ, не умѣлъ воспользоваться положеніемъ страны, съ которою велъ переговоры. Онъ не позаботился объ Американскихъ заведеніяхъ, существующихъ уже на Сандвичевыхъ островахъ, ни о тѣхъ, которыя будутъ учреждены вновь, когда торговля болѣе распространится. Существующія заведенія учреждены безъ предварительнаго обезпеченія; они стоятъ на земляхъ, уступленныхъ будто бы правительствомъ острововъ, но на то нѣтъ никакихъ актовъ. Правительство, основываясь на древнихъ законахъ, объявляетъ себя владельцемъ всѣхъ земель, со включеніемъ и тѣхъ, на коихъ иностранцы учредили заведенія; иностранцамъ дозволяется пользоваться ими пожизненно, но зданія и заведенія поступаютъ въ руки правительства, если заводчикъ умираетъ, или выѣзжаетъ съ острововъ по какой ли-

бо причинѣ. Правительство сверхъ того объявило, что иностранцы не могутъ владѣть землями; такая мѣра будетъ имѣть самыя пагубныя послѣдствія. Она остановила развитіе земледѣльской промышленности на Садвичевыхъ островахъ, а торговлю внушила недовѣрчивость, которая останавливаетъ торговые успѣхи. Иностранцы не обрабатываютъ земли, не строятъ на ней необходимыхъ заведеній, не тратятъ на нее капиталовъ, будучи убеждены, что все потеряютъ разомъ, если болѣзнь, или какая другая причина, принудятъ ихъ оставить острова, а смерть непременно лишитъ дѣтей ихъ наслѣдства. Люди, поселяющіеся на островахъ, имѣя въ виду непрочность основанія, соразмѣряютъ издержки заведенія съ выгодами, доставляемыми временнымъ заведеніемъ. Посему земледѣліе не подвигается впередъ; вмѣсто обширныхъ заведеній, которыя создались бы, еслибы правительство слѣдовало другой системѣ, на плодородныхъ равнинахъ Сандвичевыхъ острововъ видишь только старинную обработку таро, какъ было до открытія ихъ. Система, принятая правительствомъ, внушаетъ недовѣрчивость; она показываетъ, что новая нація завидуетъ уже иностранцамъ, и не предсказываетъ добраго въ будущемъ.

Однакожь очевидно, что здѣшняя страна не можетъ долѣе жить прежнею жизнію; народонаселеніе идетъ по новому пути; нужды умножились, и только промышленность можетъ дать средства къ удовлетворенію ихъ. Если не разовьютъ средствъ страны, то она подвергнется совершенному разстройству, которое начинается уже показываться въ страшномъ видѣ.

Съ другой стороны, невозможно дозволить всѣмъ и каждому строить и садить на земляхъ правительства, не купивъ ихъ. Но къ чему приведетъ нынѣшняя система, удаляющая и угнетающая иностранную промышленность? Къ совершенному безплодію земель. Населеніе Оагу (самаго населеннаго изъ

острововъ) состоитъ изъ 20,000 душъ, а поверхность его, содержащая равнины, косогоры и горы, имѣетъ, по крайней мѣрѣ, 600 квадратныхъ лье (2,400 верстъ). Только тысячная доля земель теперь обработана. Сумѣютъ ли дикари воспользоваться сокровищами земли? Могутъ ли они быть дѣятельными хозяевами, призвать искусныхъ земледѣловъ изъ Индіи, Америки и Европы и управлять ими? Притомъ же, не будутъ ли туземцы вымирать, по тѣмъ же причинамъ, по которымъ число ихъ уменьшилось, въ такой ужасающей прогрессіи, въ теченіе сорока лѣтъ? Не покорятся ли они участи другихъ дикихъ народовъ, убитыхъ прикосновеніемъ цивилизаціи и исчезнувшихъ съ лица земли, прежде, нежели успѣли ихъ образовать и просвѣтить?

Когда мы прибыли въ Гоноруру, то встрѣтили тамъ Американскій корветъ *Peacock*, на которомъ находился коммодоръ Кеннеди. Г-нъ Эдварсъ былъ посланъ правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ, для рѣшенія нѣкоторыхъ торговыхъ вопросовъ съ разными правительствами въ Индіи, и обезпеченія неприкосновенности торговыхъ заведеній на Сандвичевыхъ островахъ. Но Эдварсъ умеръ въ Индіи, не достигнувъ до Гоноруру; коммодоръ Кеннеди продолжалъ начатое путешествіе, и слѣдовалъ инструкціямъ, которыя были даны Эдварсу. Главнымъ предметомъ его посольства было истолкованіе трактата, заключеннаго Соединенными Штатами съ Сандвичевыми островами. Трактатъ былъ различно объясняемъ туземцами и Американцами. Послѣдніе утверждали, что земли, на которыхъ они построили свои заведенія, стали ихъ собственностью. Правительство объявило, какъ я уже сказалъ выше, что Американцы и другіе иностранцы, построивъ заведенія не на своихъ земляхъ, не могутъ имѣть на нихъ права собственности; что только по снисхожденію земли оставлены имъ въ пожизненное владѣніе, и что по вы-

ездѣ иностранцовъ, правительство вступаетъ во всѣ свои права. Кеннеди всѣми силами старался присоединить къ трактату прибавочныя статьи, которыми были бы утверждены требованія его соотечественниковъ, но дѣло не состоялось. Въ первую конференцію согласились во всѣхъ пунктахъ; прибавочныя статьи должны были быть подписанными на другое утро. Въмѣсто того, на другой день правительство, не только отказало въ требованіяхъ Кеннеди, но рѣшительно объявило, что не потерпитъ впредь, чтобы иностранцы владѣли землями на островахъ, по какому бы то ни было праву. Коммодоръ Кеннеди, не имѣя особыхъ инструкцій на такой случай, ухажалъ съ неудовольствіемъ, угрожая, какъ сказываютъ, правительству Сандвичевыхъ острововъ болѣе действительнымъ понужденіемъ со стороны Соединенныхъ Штатовъ.

Отказъ правительства приписываютъ внушенію Миссіонеровъ. Въ некоторомъ смыслѣ, они поддержали, или заставили правительство поддержать начало совершенно справедливое. Даже по естественному закону, нельзя основывать правъ своихъ на землю только тѣмъ, что построили на ней домъ, но совершенный отказъ въ разрѣшеніи сего вопроса показываетъ неискусную политику. Имъ нарушены прямыя выгоды страны и народа, котораго благосостояніе, и даже сохраненіе, зависятъ отъ скорого смѣщенія туземцовъ съ выходцами изъ Европы и Америки. Только такимъ образомъ могутъ быть уничтожены безчисленныя злоупотребленія и страшный произволь, подъ которыми страдаютъ несчастныя островитяне, ибо сіи-то злоупотребленія и произволь стали нынѣ гораздо нестерпимѣе, чѣмъ были прежде.

По моему мнѣнію, правительство Сандвичевыхъ острововъ поступило дурно, рѣшившись принять столь произвольныя мѣры. Правда, что постройка дома не даетъ права на застроенную землю, но слѣдовало

обратить вниманіе на обстоятельства, при конхъ возникли заведенія, на тогдашнее положеніе страны, и дать пренущества осѣдлымъ поселенцамъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, давность могла бы доставить имъ право собственности, а въ другихъ можно бы было опредѣлить сроки, на которые правительство отдавало бы землю въ аренду. Что касается до главнѣйшаго предмета переговоровъ коммодора Кеннеди, т. е., необработанныхъ земель, неуже ли нѣтъ законныхъ средствъ для доставленія иностранцамъ возможности обрабатывать ихъ спокойно, и съ увѣренностью, что у нихъ не похитятъ плодовъ труда? Неужели правительство не могло уступить, за известную плату и на известный срокъ, земли, нынѣ необработанныя по недостатку рукъ? Оно могло бы, давши поселенцамъ всѣ нужныя обезпеченія, удержать за собою владѣніе и право собственности, даже въ такомъ случаѣ, когда рѣшилось бы не допускать иностранцовъ до владѣнія землями, захотѣло слѣдовать системѣ, которая, по моему мнѣнію, не можетъ удержаться на Сандвичевыхъ островахъ.

Словомъ: Миссіонеры принесли много пользы на Сандвичевыхъ островахъ, но причинили и много зла, не совершивъ всего хорошаго, къ чему имѣли полную возможность. Обвинять ли ихъ? Вѣрить ли, что они дѣйствовали, какъ утверждаютъ, для личныхъ своихъ выгодъ, или сложить вину на ихъ воспитаніе, на то непремѣнное условіе человечества, по которому всякое дѣло рукъ человеческихъ несовершенно? Не берусь рѣшать вопроса. Я жилъ недолго на Сандвичевыхъ островахъ, не успѣлъ составить рѣшительнаго мнѣнія, и не провзношу приговора, боясь быть несправедливымъ, или къ Миссіонерамъ, или къ ихъ обвинителямъ.

НИОЛОГИЧЕСКІЯ ПРЕДАНІЯ И СУЕВѢРІЯ КОЛОШЕЙ, ОБИТАЮЩИХЪ НА СѢВЕРО-ЗАПАДНОМЪ БЕРЕГУ АМЕРИКИ *

Колоши раздѣляютъ себя и всѣхъ жителей Американскаго материка, отъ Якутата даже до береговъ Новаго Албіона, на два главные рода. Одинъ называется *Вороній* родъ, или родъ Еля; другой *Волчій*, или родъ Канука. Колоши Вороньяго рода называются, по Колошенски, *Киксати*, а другіе *Циткуяти*.

Первыя, на вопросъ: «Кого они признаютъ своимъ родоначальникомъ?» отвѣчаютъ: *Елахишукуа*, или *Ел-тушукуа*, т. е. *держу*, или *почитаю Еля, почитаемъ Еля*. Колоши Волчьяго рода отвѣтятъ вамъ: *Куха-шукуа*, т. е. *почитаю Куха*. Первымъ именемъ нынѣ называется *ворону*, а вторымъ *волка*. Но подъ именемъ

* Съ особенною благодарностью помѣщаемъ отрывокъ изъ Записокъ почтеннаго соотечественника нашего, о трудахъ коего и долговременомъ пребываніи въ Америкѣ мы уже говорили. Соединяя съ ревностью христіанскаго пастыря желаніе изучить нравы, обычаи, преданія, языкъ дикарей, среди коихъ жилъ, О. Іоаннъ Веніаминъ, безъ сомнѣнія, подарить въ своихъ Запискахъ одно изъ любопытнѣйшихъ сочиненій объ Америкѣ. Предлагаемый отрывокъ, любопытностью, подробностью и простотою изложенія, можетъ служить доказательствомъ нашихъ словъ. О томъ, съ какимъ участіемъ готовы принимать отъ насъ подобныя сдѣвія иностранцы, служить немедленный переводъ нашего извѣстія объ отцѣ Іоаннѣ въ *Прусской Государственной Газетѣ*. Мы увѣрены, что Записки его будутъ немедленно переданы въ журналы и переводы иностранныхъ.

Ред. С. О.

Еля, или ворона, не разумѣется *воронъ птица*, но человекъ, носившій такое названіе. Колоши Волчьяго рода признають своимъ родоначальникомъ, не волка *звяря*, но какого-то Канука *, также человека.

Колоши того и другаго рода называютъ другъ друга заочно *Кунетканаги* т. е., *не нашъ*, или *чужой*, но въ глаза называютъ *Ахсани*, т. е. *дядя съ отцовской стороны*, или *Ахкани*, т. е. *зять*, или *шуринъ* (отъ того, что женятся не иначе, какъ на чужеродной). А однородцы называютъ другъ друга *Аххуни*, т. е. *землякъ*, или *Ахгакау*, т. е. *пріятель*.

Оба рода Колошей дѣлятся на нѣсколько поколѣній, называющихся именемъ какого нибудь звѣря, птицы, рыбы и другихъ животныхъ. Колоши Волчьяго рода, или правильнѣе сказать, рода *Канука*, имѣютъ *шесть* главныхъ названій, а именно: рода Волчьяго, Медвѣжьяго, Орлинаго, Косаточьяго, Шарки и Старичка (небольшой морской пѣтушокъ). Колоши Вороньяго рода, или Елева рода, имѣютъ названія: рода Вороны, Лагушки, Сявуча, Филина, Кижуча (рыбы) и другихъ **.

Каждое поколѣніе того и другаго рода подраздѣляется еще на нѣсколько семействъ, или меньшихъ родовъ, носящихъ названіе по *барборали*, или селеніямъ, напр. *Нушкиттаны*, *Кукиттаны*, *Куааканиттаны* (или, какъ называемъ мы, *Куквотаны*, или *Кухантаны*), и проч. Таковыхъ названій чрезвычайно много.

Знаменитѣйшее изъ всѣхъ Колошенскихъ поколѣ-

* *Канукъ* происходитъ отъ слова: *Кану, сидись*, и можеть означать сядящаго прежде всѣхъ.

** Колошенскихъ названій поколѣній Вороньяго рода я не могъ узнать. А названія поколѣній Волчьяго рода суть слѣдующія: *Кауааканиттанъ*, *Текулти*, *Иангаги*, *Таклкулти*, *Кашжиниттанъ*, *Нушкиттанъ*, *Иптъментанъ*, *Туциттанъ*.

ний есть *Волчьё*, а въ немъ семейство, или родъ, *Кауаканиттановъ*, или *Кухонтановъ*. Кухонтаны славилась, не какими нибудь воинскими доблестями, но только многолюдствомъ своимъ; число ихъ было такъ велико, что они имѣли еще свои подраздѣленія, какъ-то: *Кушитанъ*, *Аникиситтанъ*, *Кукиттанъ*, *Каушиттанъ* и *Кхакашиттанъ*; мѣсто жительства *Кухонтановъ* нынѣ *Чилкатъ*, а прежде было еще другое, близъ Ледянаго пролива, называемое *Какнау*.

Всѣ названія Колошей по бараборамъ, или семействамъ, состоятъ изъ многихъ словъ, въ коихъ послѣдній звукъ *танъ* означаетъ жителя; *итъ* значить барабора, или юрта *. А потому названіе Кухонтановъ, или, правильнѣе, *Кауаканиттановъ*, нисколько не означаетъ солдата, или воина (какъ мы привыкли называть ихъ), но *жителя бараборы*, которая *сгорѣла огнемъ*, а воинъ называется *атаутль*, и можетъ быть не изъ одного поколѣнія Волчьего, или рода Кухонтановъ, но вообще изъ всѣхъ Колошей.

Каждое поколѣніе, того и другаго рода, имѣетъ знаки своего поколѣнія, которые, при большихъ *игрушкахъ*, или праздникахъ, называемыхъ *кхатати*, выставляются снаружи бараборы, или внутри; въ переднемъ углу; иногда начальствующій при игрушкахъ надѣваетъ на себя особенный нарядъ своего поколѣнія.

Знаки, или гербы сія, представляютъ того животнаго, по которому слыветъ поколѣніе, и дѣлаются, или изъ дерева, или изъ шкуры животнаго; знаки сіи не измѣняются и никогда не могутъ переходить изъ одного поколѣнія въ другое. Такъ, напр. въ Волчьемъ родѣ, Кухонтаны имѣютъ своимъ гербомъ волка и

* Значенія начальныхъ словъ суть слѣдующія: *кутъ*, волкъ; *аникига* состоитъ изъ словъ: *ани*, селеніе, *итъ*, лайда, *кутъ* лицъ, *каугъ*, бубель, *кхака*, или *кака*, на краю утеса; *кауаканъ*, сгорѣло *огнемъ*.

ора; *Текульти* и *Нангаи* медведя; *Тахлакульти* и *Кашкижитаны* козатку; *Нушижитаны* * и *Итлелитаны* ** ора, или старичка, а *Туцитаны* шарку.

По сямъ знакамъ, часто Колоши называютъ и родъ свой, такъ, напр. *Косатогъяго* рода, *Медальжъяго* рода, *Орличаго*, и проч.

Такое раздѣленіе Колошей на роды, поколѣнія и семейства даетъ поводъ къ догадкамъ, что нѣкогда жили они всѣ вмѣстѣ, но въ разныхъ бараборахъ, изъ коихъ каждая отличалась, или видомъ, или положеніемъ своимъ, на горѣ, подъ горою, у рѣчки, и проч., какъ то видно изъ ихъ названій, кончащихся на *иттанъ*, или *итанъ*. Но когда они, по причинѣ умножающагося числа членовъ семействъ, должны были раздѣляться, то каждый членъ одного и того же семейства, или барабора, сохранялъ названіе той, въ которой онъ родился, или жилъ первоначально.

Также можно думать, что раздѣленіе ихъ на два главные рода происходитъ, или отъ двухъ семействъ или, можетъ быть, и отъ двухъ лицъ, *Канука* и *Емъ*, а раздѣленіе на поколѣнія происходитъ, или отъ дѣтей *Канука* и *Емъ*, которые назывались именами птицъ, звѣрей и другихъ животныхъ, или отъ семействъ и первыхъ ихъ бараборъ.

Колоши говорятъ, что они пришли съ Востока, и что первоначально произошли они на берегахъ противъ Шарлотскихъ острововъ.

Прежде нежели буду говорить объ обычаяхъ Колошешскихъ, расскажу ихъ мифологическія сказки о

* *Нушижитанъ* состоитъ изъ словъ: нуль, крѣпость, или укрѣпленное мѣсто; *иши* отъ *шаки*, на горѣ, а *иттанъ*, какъ выше сказано, значитъ *житель барабора*.

** *Ит*, барабора, *тлелъ*, большая, *танъ*, житель. *Культи* означаетъ родъ, или порожденіе.

Ель и *Канукт*. Сказку объ *Ель* слышалъ я отъ трехъ Колошей, въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ, въ *Стахинѣ* и въ *Ситхѣ*: отъ главнаго тоэна въ *Стахинѣ*, отъ шамана, и отъ одного изъ умныхъ въ *Ситхѣ* Колошей, *Кукхана*. *Стахинскій* тоэнъ, *Шекивъ*, рассказывалъ мнѣ торжественно, при собраніи многихъ Колошей, изъ конхъ съ нѣкоторыми, во время рассказа своего, онъ не одинъ разъ свѣрлялся.

Въ рассказахъ объ *Ель* главныя обстоятельства одни и тѣ же, но въ подробностяхъ есть разность.

Было время — говорятъ Колоши — когда не было свѣта, такъ, что всѣ люди ходили и все дѣлали въ потьмахъ. Въ то время жилъ какой-то человекъ; онъ имѣлъ жену и сестру; жену свою онъ такъ любилъ, что ничего не позволялъ ей дѣлать, и она цѣлый день только сидѣла въ бараборѣ, или на открытомъ воздухѣ, на пригоркѣ. У жены его было, восемь * живыхъ птичекъ, красненькихъ (водящихся пинѣ въ Калифорніи; Колоши называютъ ихъ *кунѣ*), по четыре на сторонѣ, которыя всегда были при ней, и отлетали отъ нея тогда только, когда она, въ отсутствіе своего мужа, окажетъ кому нибудь благосклонность свою. Мужъ ея былъ столь ревнивъ, что во время отсутствія своего запиралъ се въ ящикъ. Сестра его, называвшаяся *Китхугинси* (т. е. дочь водяной косатки), отъ кого-то имѣла нѣсколько сыновей, но ревнивый дядя всѣхъ ихъ истребилъ, одного за другимъ, или по подозрѣнію только, или по доказательствамъ птичекъ *кунѣ*. Въ способѣ, какимъ истреблялъ дядя своихъ племянниковъ, Колоши между собою несогласны: зѣвшіе Колоши говорятъ, что дядя, коль скоро узнавалъ злые замыслы пле-

* *Шекивъ* говорилъ, что ихъ было только четыре, по двѣ на сторонѣ, двѣ на груди подлѣ рукъ и двѣ подлѣ животомъ, въ сгибахъ ногъ

мянника своего, то бралъ его съ собою на промыселъ, и отплывшихъ на большее разстояніе отъ берега, опрокидывалъ *бать*, въ которомъ сидѣлъ его племянникъ. Но Стахинцы говорятъ, что онъ заколачивалъ ихъ въ выдолбленную колоду *, потому, что дядя всегда работалъ баты, и для того каждый день отлучался изъ дома. Тѣмъ или другимъ образомъ, но вѣрно то, что ревнивый и безчеловѣчный дядя уже истребилъ нѣсколькихъ своихъ племянниковъ, и мать ихъ плакала и рыдала о потерѣ дѣтей своихъ, но не могла пособить своему горю. Въ одно время, она сидѣла на берегу моря, одна съ своимъ горемъ, и видитъ, что близъ самыхъ береговъ проходитъ большое стадо косатокъ, изъ коихъ одна остановилась и вступила въ разговоръ съ безутѣшною матерью. Узнавъ всѣ причины ея горести, она научила ее забрестъ въ воду, достать со дна камешекъ, проглотить его и запить морскою водою. Китхугинси въ точности сдѣлала все, что говорила ей косатка, и лишь только она удалилась отъ берега, Китхугинси, тотчасъ забрела въ воду, достала со дна маленькій камешекъ (Кукханъ говорилъ, что сама косатка дала ей его **), и хлѣбнула нѣсколько воды, еще волнуящейся послѣ ухода косатокъ. Слѣдствіемъ сего необыкновеннаго приѣма было то, что Китхугинси сдѣлалась беременна, и черезъ восемь мѣсяцовъ родила сына, котораго считала за обыкновеннаго человѣка, но то былъ *Ель*, или *Эль* (а не *Элкхъ*). Мать его,

* Чтобы сдѣлать *бать*, или лодку, обыкновенно, прежде выдалбливаютъ лѣсину, наподобіе колоды, или узкаго корыта, и потомъ наливши въ нее воды кладутъ горячіе каменья. Когда дерево начинаетъ разпрѣзаться, разводять его, и даютъ обыкновенную форму.

** Шамакъ Акутацънъ сказывалъ, что сама нашла этотъ чудный камешекъ.

прежде, нежели родила, скрылась отъ брата своего въ тайное мѣсто.

И когда Ель началъ подрастать, то мать сдѣлала ему лукъ и стрѣлки, и научила употребленію ихъ. Ель любилъ такое упражненіе, и скоро сталъ искуснымъ стрѣльцомъ, до того, что ни одна птичка не пролетала мимо него, и однихъ только колибри напромышлялъ онъ столько, что мать его могла сдѣлать изъ нихъ парку, а чтобы впознѣ удовлетворить своей охотѣ, Ель сдѣлалъ особенную маленькую бараборку, гдѣ было удобнѣе складывать птицъ. Въ одно утро, сидя въ своей бараборкѣ, на ранней зарѣ, видитъ онъ, что подлѣ самыхъ дверей его бараборки села большая птица, называемая *Куц-гамули*, похожая на сороку, съ длиннымъ хвостомъ, и съ предлиннымъ, тонкимъ, блестящимъ и крѣпкимъ, какъ желѣзо, клювомъ. Ель тотчасъ убилъ ее, весьма тщательно снялъ съ нея шкуру, какъ обыкновенно снимаютъ для чучелы, и тотчасъ надѣлъ на себя. И лишь только онъ это сдѣлалъ, тотчасъ почувствовалъ въ себѣ охоту и способность летать. Потому быстро полетѣвъ онъ вверхъ и летѣлъ до того, что носомъ воткнулся въ облако, повисъ и едва могъ вытащить свой носъ. Послѣ того, онъ спустился опять въ свою бараборку, снялъ съ себя шкуру и сиряталъ ее. Въ другое время, онъ подстрѣлилъ большую утку, и снявши съ нея шкуру, надѣлъ ее на мать свою; мать его также, лишь только надѣла на себя шкуру утки, тотчасъ получила способность плавать по морю.

Послѣ того, когда уже выросъ Ель, мать его рассказала ему обо всѣхъ поступкахъ его дяди. Ель лишь только услышалъ все, тотчасъ пошелъ къ свосму дядѣ, и въ то время, когда тотъ обыкновенно уходилъ на работу, онъ пошелъ въ барабору, ра-

скрытъ ящикъ, гдѣ заперта была жена его дяди, и — птички тотчасъ отлетѣли отъ нея. Дядя, возвращаясь домой, и увидѣвши такой безпорядокъ, чрезвычайно разсердился. Но Ель спокойно сидѣлъ и даже не тронулся съ своего мѣста. Дядя тотчасъ вызываетъ его изъ бараборы, садится съ нимъ въ бѣтъ, и ѣдетъ въ такое мѣсто, гдѣ множество всякихъ мерскихъ чудовищъ. Пріѣхавши туда, бросилъ онъ его въ море, и думалъ, что собылъ съ рукъ новаго своего соперника. Но Ель по дну моря вышелъ на берегъ и опять явился у дяди.* Дядя, видя, что не можетъ погубить своего племянника обыкновеннымъ образомъ, въ гнѣвъ своемъ сказалъ: «Будь потопъ!» и вода начала выступать изъ береговъ, подыматься выше и выше, а Ель, надѣвши на себя шкуру сойки, полетѣлъ въ облакамъ, и такъ же, какъ и прежде, воткнулся въ нихъ носомъ и провисѣлъ тамъ, до тѣхъ поръ, пока не прекратился потопъ и не высохла вода, которая покрывала всѣ горы и возвышалась даже до облаковъ, такъ, что хвостъ и крылья у самого Еля были въ водѣ. По совершенномъ прекращеніи потопа, Ель началъ опускаться на землю съ легкостью пера, и опускался, думалъ: «Ахъ! какъ-бы мнѣ упасть на хорошее мѣсто!» — И упалъ онъ тамъ, гдѣ заходитъ солнце, не прямо на землю, но въ море, на морскую капусту (*киши*), съ которой перевезъ его морской бобръ. Стахивны говорятъ однакожъ, что онъ упалъ на Шарлоттскіе острова, и отсюда, набравши въ носъ щепокъ дерева *каги*** , полетѣлъ по прочимъ островамъ; гдѣ

* Стахивны говорятъ, что дядя заколотилъ его въ колоду, приготовленную для бата, но Ель собственно силою разломалъ ее и вышелъ.

** *Кага*, исполчиская сосна, весьма цѣнная для Колошей тѣмъ, что шель вел преимущественно дѣлаются изъ бѣтъ, или лодки.

онъ бросаль щепки чаги, тамъ и родилось это древо, а гдѣ не бросаль, тамъ и нѣтъ его.

Стахинская поэзія здѣсь на время умолкаетъ. Но Ситхинцы говорятъ, что Ель, упавши съ облаковъ, тамъ, гдѣ заходитъ солнце, пошелъ оттуда къ Востоку, и въ одномъ мѣстѣ нашелъ нѣсколько мальчиковъ мертвыхъ; пройдя ихъ, видитъ онъ какую-то чайку, плавающую по морю, и говоритъ ей: «Что ты, другъ и пріятель мой? что у тебѣ есть?» Она отвѣчаетъ ему, что у нея есть *сакъ* рыба *. «Если это правда, то покажи мнѣ», говоритъ ей Ель. Чайка тотчасъ отлетѣла отъ берега, далѣе въ море, нырнула въ воду, достала объявленную ею рыбу, и показавъ ее Елю, съѣла. Ель, оставя чайку, идетъ далѣе, и увидѣвъ цаплю, говоритъ ей: «Знаешь ли ты, что чайка тебя всячески ругаетъ?» Цапля, разсердившись, тотчасъ полетѣла и напала на невинную чайку, и когда она вонзила лапу свою въ брюхо чайки, то та выблевала изъ себѣ съѣденную рыбку, которую Ель тотчасъ подхватилъ и взялъ себѣ. Оставя цаплю и чайку сражаться, пошелъ онъ далѣе, и пройдя нѣсколько видитъ барбору, построенную на берегу моря; войдя въ нее, находитъ предреннаго старика, которому и говоритъ: «Знаешь-ли ты? Я нашелъ сакъ рыбу.» Тотъ отвѣчаетъ ему: «Какъ это можно! Только я одинъ могу давать и посылать эту рыбу.» Но Ель, чтобы увѣрить старика, показавъ ему свою рыбку и рассказалъ все, какъ онъ досталъ ее. Старикъ, убѣдившись въ истинѣ, наклалъ Елю цѣлый батъ сакъ рыбы, и Ель отсюда уже поплылъ въ батъ. И плывя далѣе, видитъ онъ на берегу женщину, и го-

* Родъ корюшки, изъ которой Колоши обыкновенно выталаиваютъ жиръ, для употребленія въ пищу; онъ считается у нихъ самымъ лучшимъ изъ всѣхъ.

ворить ей: «Не хочешь ли рыбы? Если хочешь, то бреди ко мнѣ!» Та съ охотою побрела къ нему, и когда она зашла въ воду, до того, что принуждена была поднять свою одежду на плечи, тогда Ель тотчасъ вырвалъ у ней нѣсколько волосковъ изъ подъ мышки, и потомъ возвратился назадъ, къ тому мѣсту, гдѣ лежали мертвые мальчики. Пріѣхавши къ нимъ, началъ онъ волосками щекотать въ подрахахъ мальчиковъ мертвецовъ, и кого пощекотить, тотъ чихнетъ и тотчасъ оживетъ, и такимъ образомъ оживилъ онъ всѣхъ. Дальнѣйшія похождения Еля, общія всѣмъ Колошамъ, т. е. Стахивскимъ, Ситхинскимъ и другимъ, извѣстны почти всякому изъ нихъ.

Ель имѣлъ способность оборачиваться всѣмъ, чѣмъ хотѣлъ, т. е. и птицею, и рыбою, и травою, но видъ ворона принималъ онъ чаще всего. Онъ былъ и есть всемогущъ, и могъ дѣлать все, и онъ сдѣлалъ все: создалъ человека, землю и всѣ растенія, досталъ солнце, луну и звѣзды. Ель не старѣется, не умираетъ и живетъ еще и нынѣ. Ель любитъ людей, но прихотливъ, и въ припадкѣ гнѣва своего насылаетъ на людей повѣтрія и несчастія; онъ хотѣлъ бы даже потопить и истребить всѣхъ людей, но одна благодѣтельная старуха, *Агшшануку* по имени, противится ему.

Въ то время, когда происходили вышесказанныя чудеса, свѣту все еще не было на землѣ, но онъ былъ у одного богатаго и сильнаго тоёна, въ трехъ ящикахъ; онъ хранилъ ихъ очень тщательно, никому не позволялъ даже дотрогиваться до ящиковъ. Но Ель непременно захотѣлъ достать свѣтъ и досталъ.

У Тосена была единственная дочь, двушка, которую отецъ любилъ чрезвычайно, лелѣлъ и берегъ,

какъ глазъ свой, до того, что не позволялъ ей ни пить, ни вѣсть, безъ того, чтобы не осмотрѣть прежде тщательно пищи и питья, и потому Елю, который хотѣлъ родиться отъ нея, весьма было трудно исполнить свое намѣреніе. Но однажды, онъ, обернувшись самою малѣйшею травочкою, прильнулъ къ краю посуды, и когда тоевская дочь начала пить изъ посуды, разумѣется, по тщательномъ осмотрѣ, то Ель тотчасъ проскочилъ ей въ гортань. Какъ онъ ни былъ малъ въ травиночкѣ, дѣвушка тотчасъ почувствовала, что она что-то проглотила, и какъ ни старалась она извергнуть вонъ выпитое, но никакъ не могла. Слѣдствіемъ было то, что она сдѣлалась беременною, и когда пришло время родить ей, то отецъ приказалъ подослать подъ нея бобровъ и разныхъ товаровъ; но дѣвушка не могла разрѣшиться, не смотря ни на каки старанія отца и всѣхъ прислуживающихъ. Наконецъ, какая-то древняя старуха повела ее въ лѣсъ, и приготовила подъ лѣсною постелю изъ обыкновеннаго моха, положила на нее, и лишь только дѣвушка легла на мохъ, тотчасъ и разрѣшилась отъ бремени сыномъ. Отъ того-то и Колоши нынѣ точно такъ поступаютъ съ своими родильницами.

Новорожденное дитя былъ Ель, но того никто не зналъ. Дѣдушка чрезвычайно обрадовался рожденію внука, и любилъ его, не меньше дочери. Когда Ель началъ подрастать, то онъ однажды чрезвычайно расплакался, такъ, что никто и ничѣмъ не могъ утѣшать его: что ни дадутъ ему, онъ все бросаетъ и кричитъ сильнѣе прежняго, а рукою своею показываетъ на то мѣсто, гдѣ висѣли три лщика съ небесными свѣтилами. Но дать ихъ было невозможно, безъ особеннаго позволенія дѣдушки. Наконецъ дѣдушка вынужденъ былъ позволить дать ему одинъ

изъ ящичковъ. И лишь только Ель получила ящичекъ, тотчасъ утѣшился, сдѣлался веселъ, и началъ играть ящичкомъ, не выпуская его изъ рукъ. Такимъ образомъ вытаскилъ онъ его на дворъ, и тамъ игралъ имъ всячески, а наконецъ, видя, что за нимъ не такъ строго смотрять, вдругъ открылъ крышку ящичка, и—о чудо! тотчасъ явились звѣзды на небѣ, а ящичекъ опустѣлъ. Дѣдушка, узнавши это, пожалѣлъ о потерѣ своего сокровища, но внука не бранилъ. Такою же хитростью досталъ Ель и другой ящичекъ, въ коемъ хранилась луна, и также ее выпустилъ. Наконецъ, ему хотѣлось достать и послѣдній—самый драгоцѣнный ящичекъ, съ солнцемъ, и Ель употребилъ прежнюю хитрость. Но дѣдушка долго не соглашался исполнить желанія своего внука, такъ, что Ель отъ крику сдѣлался нездоровъ и пересталъ ѣсть и пить. Наконецъ, дѣдушка сожалѣлся, велѣлъ дать ему послѣдній ящичекъ, и приказалъ строго смотрѣть, чтобы онъ отнюдь не открывалъ его. Но Ель, лишь только вышелъ на дворъ, тотчасъ обернулся ворономъ *, исчезъ вмѣстѣ съ ящичкомъ ** и явился на своей землѣ. Въ одномъ мѣстѣ, Ель, проходя, слышитъ человѣческіе голоса, но никого не видитъ, потому, что солнца еще не было. Ель спрашиваетъ: «Кто вы такіе, и хотите ли, чтобы у васъ было свѣтло?» Ему отвѣчаютъ,

* Кухавъ говорилъ, что онъ вдругъ сдѣлался большимъ, или взрослымъ мужчиною.

** Замѣчательно, что эта сказка о полученіи свѣта ворономъ черезъ рожденіе отъ дѣвушки, извѣстна была и Либевскимъ Алеутамъ, почти въ томъ же самомъ видѣ, исключая имени Еля, вмѣсто котораго играетъ роль *корона птица*, и Тоень, хранитель свѣтъ, но ихъ мѣткою, жилъ гдѣ-то на высотѣ. Кто отъ кого перенялъ преданіе? Колоши отъ Алеутовъ, или Алеуты отъ Колошей? или тѣ и другіе отъ кого ивудъ еще?

что онъ обманываетъ, и что онъ не Ель, который одинъ только можетъ сдѣлать такое чудо. Ель, чтобы увѣрить невѣрующихъ, открываетъ крышку ящика, и тотчасъ является солнце, во всемъ своемъ блескѣ, но найденные имъ люди разбѣжались въ разные стороны, кто въ горы, кто въ лѣсъ, кто въ воду, и отъ того сдѣлались звѣрми, птицами и рыбами, смотря потому, кто куда убѣжалъ.

Огня также не было на землѣ, но онъ былъ среди моря, на какомъ-то островѣ, и Ель полетѣлъ туда въ шкурѣ своей сороки. Отыскать островъ, взять головешку, для Еля ничего не значило; но перенести огонь на свою землю стоило Елю полъ-носа. Взявши головешку въ свой птичій клювъ, полетѣлъ онъ со всею скоростью; но путь былъ далекъ, и головешка догорала, а бросить ее Елю не хотѣлось, и потому принужденъ онъ былъ пожертвовать половиною носа, только не своего, а той птицы, шкуру коей онъ имѣлъ на себѣ. И лишь только Ель достигъ берега, тотчасъ бросилъ головешку на землю, и посыпавшіяся искры попали въ камни и въ дерево, и отъ того - то нынѣ и находится въ нихъ огонь.

Воды прѣсной также на островахъ не было до Еля, но она была на одномъ небольшомъ островѣ *Текинулъ*, лежащемъ недалеко отъ мыса Омунн, или, по Колошенски, *Шиглоту*, въ небольшомъ колодцѣ, на которомъ лежалъ безсмѣнный, вѣчный стражъ, *Канукъ* — герой и родоначальникъ Колошей Волчьего рода. Ель, употребля смѣшную хитрость, досталъ воды, набравъ ее себѣ въ ротъ, сколько возможно болѣе, и по выдержаніи страшной пытки, полетѣлъ на острова и материкъ Америки; летая надъ землею, ровнялъ онъ по каплѣ, и тамъ, гдѣ упали мѣлкія капли, текутъ нынѣ ручьи и ключи, а

гдѣ упали большія капли, тамъ лвились озера и рѣки.

Наконецъ Ель, совершивъ все великое и малое, ушелъ туда, откуда восходитъ солнце и дуетъ восточный вѣтеръ (*санакетъ*). Мѣсто его пребыванія, называемое *Насшаклелъ* *, т. е. вершина, или источникъ рѣки Наса, впадающей въ заливъ Назъ, находится далеко внутри материка Америки, и недоступна даже самымъ духамъ; это доказывается тѣмъ, что въ недавнія времена, одинъ дерзкій духъ (*екъ*) вздумалъ проникнуть туда, и былъ наказанъ тѣмъ, что вся лѣвая сторона его окаменѣла, отъ того, что онъ, простираясь все впередъ, не озаботился смотрѣть въ сторону и потому не замѣтилъ чертоговъ Еля. Но лишь только поравнялся онъ съ ними, тотчасъ постигла его кара ужасная, неслыханная — половина его окаменѣла. То же самое знаменіе явилось и на маскѣ, его изображающей, которая находится у одного Шамана въ Чилкатѣ.

Ель имѣетъ у себя сына, но неизвѣстно: отъ кого и когда родился онъ? Сынъ любитъ людей болѣе, чѣмъ самъ Ель, и потому часто спрашиваетъ отца своего щадить преступниковъ его заповѣдей и затѣвающихся войны, и онъ же даетъ пищу и рыбу людямъ. О существованіи Еля Колоши ежегодно получаютъ вѣсти съ вѣтромъ **.

Преданіе о *Канукъ* не столь опредѣлительно, или отчетливо, какъ преданіе объ Ель; по крайшей мѣрѣ, оно не имѣетъ столькихъ подробностей. Преданіе о

* *Насъ*, имя рѣки, впадающей въ заливъ Назъ; *ашакъ* — источникъ, или начало рѣки; *Ель*, имя Еля.

** Похожденія Еля здѣсь далеко не все высказаны. Онъ еще много дѣлалъ разныхъ штукъ, но чтобы собрать все рассказы объ немъ надобно бы было обойти все селенія Колошешкія.

Канукъ представляетъ его какимъ-то таинственнымъ лицомъ, безъ начала и конца, и старше и могущественнѣе самого Еля.

Канукъ былъ человѣкъ, который нѣкогда жилъ на одномъ безлѣсномъ островкѣ, называемомъ Колошами *Текинуль*, т. е. морская крѣпость, лежащемъ недалеко отъ мыса Омуня (*Отманеу*), по Колошенски *Шиглоту*, т. е. мысъ Ситхи. На этомъ островкѣ, по словамъ Колошей, находится небольшой четырехугольный, каменный колодецъ съ водою, закрывающійся каменною крышкою; внутри колодца, въ верхней части, видна узкая горизонтальная полоса особаго цвѣта, которой въ первыя времена не было, но она сдѣлалась тогда, когда Ель выпилъ, или укралъ воды изъ колодца, и на чертѣ оставшейся воды явилась полоса. Говорятъ, что даже и нынѣ находящаяся въ томъ колодцѣ вода имѣетъ чудное свойство: она тотчасъ скрывается, и появляется на лайдѣ, если кто нибудь нечистый вымоетъ ею руки, т. е. или имѣвшій дѣло съ женщиною во время ея очищенія, или имѣющій руки, обогрѣнныя кровію нерпы и другаго звѣря. Вода эта, и самое мѣсто, гдѣ она находится, нынѣ называется *Канукини*, т. е. Канукова вода. Такое названіе носитъ она потому, что во время странствованія Еля по свѣту, и когда еще не было прѣсной воды на землѣ, т. е. на островахъ и материкѣ, Канукъ хранилъ ее въ сказанномъ колодцѣ, и столь тщательно и крѣпко, что построилъ барбору надъ колодцемъ и даже спалъ на самой крышкѣ его.

Однажды, Канукъ, плывя въ батъ по морю, встрѣтился съ Елемъ, также плывущимъ въ батъ, и спросилъ его: «Давно ли ты живешь на свѣтѣ?» Ель отвѣчалъ ему, что онъ родился на свѣтѣ тогда, когда

еще земля не была *переставлена* *. Канукъ отвѣчалъ ему: «А!» Потомъ Ель спросилъ его: «Ну, а ты да-вно ли живешь на свѣтѣ?»—«Съ тѣхъ поръ,» отвѣчалъ ему Канукъ, «какъ *спизу* (аги, по Колошенски) вышла печенка ** (агитлюку).»—«Да,» говорить Ель, «ты старше меня!» Разговаривая такимъ образомъ, они вмѣстѣ плыли далѣе отъ береговъ. Но Канукъ, желая показать свою силу, или преимущество передъ Елемъ, снялъ съ себя шляпу и положилъ позади себя, и въ слѣдствіе того явился густѣйшій туманъ на поверхности моря, такъ, что сидя на кормѣ бата, нельзя было видѣть носа его. Канукъ въ то время отъѣхалъ отъ своего спутника. Ель, не видя ничего, долго блуждалъ по морю, и наконецъ началъ клевать Канука: *Ахкаи! Ахкаи!* Но Канукъ молчалъ. Ель, вращаясь туда и сюда, не зная куда плыть, и кликавши долгое время своего спутника, наконецъ со слезами началъ умолять его и звать къ себѣ. Тогда Канукъ, приблизясь къ нему, сказалъ: «Ну, что ты и о чемъ плачешь?» И съ этимъ словомъ надѣлъ на себя шляпу и туманъ тотчасъ исчезъ. Тогда Ель сказалъ Кануку: «Ну, ахкаи (мой злѣ и шуришъ)! ты сильнѣе меня!»

Потомъ Канукъ пригласилъ Еля къ себѣ въ гости, и когда они прибыли на вышесказанный островъ Текнумъ, то Канукъ, между прочими угощеніями, подчивалъ своего гостя прѣсною водою. Елю вода чрезвычайно понравилась, и онъ пилъ ее съ ненасытною жаждою, думалъ было и попросить, но постыдился.

* Колоши думаютъ, что было время, когда ихъ земля была не на нынѣшнемъ мѣстѣ, а гдѣ-то на другомъ, а на мѣстѣ ея была другая кака-то земля, но потомъ онъ, какимъ-то образомъ, перемѣнились мѣстами, или, буквально, *переставились*.

** Что это *за печенка, вышедшая спизу?* я ничего не могу узнать.

Послѣ обѣда, Ель началъ разсказывать о своемъ происхожденіи и разсказалъ всю исторію міра. Канукъ слушалъ, слушалъ и наконецъ началъ дремать. Ель, съ намѣреніемъ усыпить хозяина своими разсказами, все продолжаетъ, и по временамъ приговариваетъ: «Послушай, ахкани—еще не все!» Но Канукъ, сколь ни занимателенъ былъ разсказъ Еля, не могъ одолѣть своей дремоты, и наконецъ заснулъ крѣпкимъ сномъ, но не иначе, какъ на своемъ мѣстѣ, т. е. на крышѣ колодца. Въ то время, Ель взялъ собачьяго помета, и тихонько подложилъ къ Кануку, а сдѣлавши эту хитрость, отошелъ опъ отъ Канука и началъ кликать его: «Ахкани! вставай! Смотри-ка, что ты сдѣлалъ!» — Канукъ, какъ ни крѣпко спалъ, пробудился при такомъ извѣстіи, и вдругъ поворотившись, замарался, схватился рукою, и тотчасъ побѣжалъ къ морю мыться. Въ то время Ель успѣшилъ поднять крышу колодца, и пилъ воды столько, сколько могъ, а напившись и набравши ее въ ротъ, тотчасъ обернулся ворономъ и полетѣлъ въ трубу бараборы. Но Канукъ закричалъ: «Держите его!» и Ель задержанъ былъ въ самомъ отверстіи—къмъ? этого не знаютъ. Тогда Канукъ разложилъ огонь и коптилъ своего гостя, сколько ему было угодно. Отъ того Ель сдѣлался черенъ, а прежде того онъ былъ весьма бѣлъ. Наконецъ Канукъ умилосердился, или усталъ, и отпустилъ Еля, а тотъ полетѣлъ въ свою землю, и началъ ронять капли воды, которая у него была въ роту, и проч., о чемъ сказано выше.

Кромѣ сей сказки, никто ничего не знаетъ о Канукѣ, а также и о томъ, куда онъ дѣвался.

Въ Колошечской Демонологіи собственно злыхъ духовъ нѣтъ вовсе, но есть духи, называемые *Еки*, призываемые Шаманами. Сихъ духовъ безчисленное

множество, такъ, что у всякаго Шамана свои собственные, и понѣскольку у каждаго. Всѣ вообще души, или *Еки*, любятъ чистоту, и потому Шаманы передъ призываніемъ ихъ строго соблюдаютъ цѣломудріе, иногда отъ 3-хъ до 12 мѣсяцовъ сряду, и въ той бараборѣ, гдѣ предполагается быть призыванію Ековъ, или шаманству, все вычищается, какъ можно лучше, и около огня посыпаютъ свѣжимъ пескомъ.

Еки раздѣляются на три класса: первые *Кіеки*, т. е. верхніе (отъ слова *кина*, верхъ); вторые *Такіеки*, т. е., живущіе тамъ гдѣ-то на материкѣ, въ сѣверной сторонѣ; третья *Текіеки*, т. е., водяные, или морскіе. Верхніе еки, или кіеки, суть души храбрыхъ людей, убитыхъ на войнѣ. Мѣсто жилища ихъ полагается *тамъ наверху*, или на небѣ (которое по временамъ открывается для принятія новыхъ душъ, что случалось видать многимъ, впрочемъ всегда на бѣду; потому, что видящій открытіе неба скоро умираетъ), и потому называется *Кіуакау* (отъ словъ: *кина* верхъ, *уа* походить, *кау* человекъ). Кіеки являютъ Шаманамъ всегда въ образѣ воиновъ, въ полномъ вооруженіи. Такіеки, или земляные души, составляются изъ душъ людей, умирающихъ обыкновенною смертію, т. е. не убитыхъ на войнѣ: говорю, *набираются*, потому, что не всякая душа можетъ быть Такіекомъ, или, иначе сказать, не всякая душа человека, умершаго не на войнѣ, можетъ являться Шаманамъ. Но какія же являютъ и почему другія не являютъ? Объ этомъ Колошенская Демонологія умалчиваетъ. Мѣсто жилища Такіековъ называется *Таканку*, и полагается на сѣверѣ (*Таку*, т. е., тамъ гдѣ-то, далеко). Таканку есть сборное мѣсто всѣхъ вообще душъ, выключая храбрецовъ, убитыхъ на войнѣ; дорога въ это мѣсто не для

всѣхъ равна, и для тѣхъ, по коимъ родственники плачутъ менѣе, она гладкая и ровная, а для тѣхъ, у коихъ родственники плачутъ сильно, она болотиста, или, буквально, *водляниста*. Такіеки являются Шаманамъ въ образѣ земныхъ животныхъ, а Текіени, или водяные духи, въ образѣ морскихъ животныхъ, какъ-то: китовъ, косатокъ, и проч., по виду коихъ они имѣютъ и свои названія (наприм., духъ волка, или волчій *Екхъ*; духъ касатки, или косатчій *Екхъ*, и проч.). Но откуда явились, или набираются Тзіеки? Этого до совершенства Колоши объяснить не умѣютъ, а думаютъ пѣкоторые изъ нихъ, что то души тѣхъ самыхъ животныхъ.

Всѣ вообще еки любятъ бубны, и потому являются не иначе, какъ при бубнахъ и надъ бубнами.

Колоши вѣрятъ, что всякій человѣкъ имѣетъ своего *Тукинаека* (*ту* его, *кина* верхъ, *екъ* духъ), который всегда пребываетъ надъ нимъ, но отъ лукаваго и нечистаго человѣка *екъ* отходить, или убиваетъ его. А потому говорятъ они: «Если я сдѣлаю худо, то пусть мой *кинаекъ*, или *ахкинаекъ*, убьетъ меня!»

Души всѣхъ людей никогда не умираютъ и не умрутъ; но по выходѣ изъ человѣка онѣ раздѣляются на двое: однѣ живутъ *тамъ наверху*, и называются *Киуакау*, а другіе называются *Цкекау*, т. е., съ людьми не живущіе (отъ слова *Цикиги*). О мѣстопребываніи тѣхъ и другихъ сказано выше. Но здѣсь надобно прибавить, что Цкекау, или души людей, умирающихъ обыкновенною смертію, живутъ *тамъ*, въ *Таканку*, не всѣ въ одинаковомъ состояніи. Душамъ тѣхъ, коихъ тѣла сожжены, тепло, легко и свѣтло, потому, что они всегда могутъ подходить къ огню. А тѣмъ душамъ, коихъ тѣла не сожжены, темно, холодно и тяжело, пото-

му, что онъ всегда стоить назади другихъ и къ огню приближаться не могутъ. Души тѣхъ, для коней, или на имя коней, не убиты калги, тамъ живутъ одиѣ, безъ всякой прислуги, и потому сами для себя работаютъ. А души тѣхъ, для коней убиты калги, напротивъ, имѣютъ прислугу.

Души умершихъ людей переселяются, или, лучше сказать, возвращаются на сей свѣтъ, но не въ животныхъ, а въ людей, и не иначе, какъ къ роднымъ, и вселяются въ женщинъ и родственницъ, которыя отъ того именно и дѣлаются беременными. Потому, если женщина во время беременности своей часто видитъ во снѣ кого нибудь изъ своихъ умершихъ родственниковъ, то думаетъ, что онъ поселился въ ней, или когда на тѣлѣ родившагося младенца увидятъ какой нибудь признакъ сходства съ кѣмъ либо изъ умершихъ родственниковъ (родимое пятно, или недостатокъ, общій съ умершимъ), то увѣрены, что покойникъ возвратился на землю, и отъ того новорожденному даютъ его имя.

Бѣдники, видя лучшее состояніе богатыхъ Тоеновъ, и разность между дѣтьми ихъ и дѣтьми своими, говорятъ: «Когда я умру, то непременно приду въ семейство къ такому-то Тоеву,» котораго онъ предпочитаетъ. Другіе говорятъ: «Ахъ! скорѣе быть бы мнѣ убитымъ, и я снова и скорѣе пришелъ бы сюда!» Изъ сего послѣдняго можно заключить, что быть убитымъ для Колоша гораздо лучше, чѣмъ умереть обыкновенною смертью, и что убитымъ лучше на томъ свѣтѣ житье, и они скорѣе другихъ могутъ воротиться назадъ.*

* Но приведенная поговорка, или мнѣніе Колошей, доказываетъ и то, что и они не чужды желанія человека возвратитъ прошедшую молодость и начать жизнь новую, лучшую — разувѣтся, но мнѣнію ихъ.

Души убитых на войнѣ, или души Кіуакау, часто являются въ видѣ сѣвернаго сіянія, или, говоря иначе, сѣверное сіяніе (*кишукъ*) Колоши почитаютъ явленіемъ, или маневромъ Кіуакау. Особенно, сѣверное сіяніе, которое бываетъ столпами, или снопами, иногда то подвигающимся въ ту или другую сторону, то перебѣгающими, то смѣняющимися одни другихъ, кажется дикарямъ очень похоже на военные ихъ маневры. Сильное сѣверное сіяніе почитается предзнаменованіемъ большаго кровопролитія, потому, что кіуакау хотятъ себя товарищей.

Колоши молятся, или призываютъ на помощь въ своихъ несчастіяхъ и болѣзняхъ, но не Еля, а главнаго *эка* какого нибудь славнаго, или известнаго Шамана.

Колоши вѣрятъ, что въ самомъ дѣлѣ (какъ говорятъ имъ наши простолюдины), громъ есть слѣдствіе того, что *Русскій Богъ* ѣздитъ и палитъ изъ пушекъ (по сходству громоваго гула съ пушечнымъ). Собственное ихъ преданіе о громѣ слѣдующее: когда-то жили братъ и сестра, по имени *Хетль* (т. е. гуль, эхо) и *Агшананку* (т. е. внизу старуха, или нижняя старуха). По какому-то случаю, имъ должно было разстаться (я не могъ ни отъ кого узнать, до потопа ли это было, или послѣ потопа? Но, вѣроятно, по причинѣ наступающаго потопа), и братъ, при разставаніи своемъ, сказалъ сестрѣ своей: «Ты меня никогда не увидишь, но пока я буду живъ, ты всегда услышишь меня,» и потомъ, надѣвъ на себя шкуру какой-то огромнѣйшей птицы (подобно Елю), полетѣлъ онъ на юго-западъ, за облака или туда, что Колоши называютъ *Куци*. Сестра, простившись съ братомъ своимъ, взошла на гору Эчкомъ, и вдругъ спустилась подъ землю. Доказатель-

ствомъ сего послѣдняго служить то, что и нынѣ на верху Эчкама видна яма (кратеръ). Нѣжный братъ, чтобы извѣстить сестру свою, находящуюся подъ землею, каждагодно почти прилетаетъ въ Ситху, и громъ есть гулъ, или размахъ его крыльевъ, а молнія блескъ очей его. Но когда Хетль разсердится, то огромными лапами своими вырываетъ и сокрушаетъ цѣлыя деревья, или зажигаетъ лѣса. Вѣтряная мельница въ Ситхѣ, которая, по нашимъ преданіямъ, сгорѣла будто бы отъ молніи въ 1827 году, въ самомъ дѣлѣ была сожжена Хетлемъ, и служить для Колошей важнымъ доказательствомъ существованія и могущества его. Существованіе и силу Хетля доказываютъ особенно находимыя на нѣкоторыхъ, къ сѣверу лежащихъ, высокихъ горахъ китовыя кости, а иногда цѣлыя остовы сихъ животныхъ, которыхъ туда заноситъ Хетль, особенно любитъ есть китовину, и не менѣе, какъ по цѣлому киту употребляя за каждый пріемъ. Схватить кита и даже двухъ вдругъ, для Хетля тоже значить, что для насъ схватить двѣ сельди, или, никакъ не болѣе, какъ два кижуча.

Сестра Хетля, Агишанаку, несравненно полезнѣе для всего рода человѣческаго, нежели этотъ истребитель китоваго рода. Агишанаку съ самаго того времени, какъ низошла подъ землю, поддерживаетъ ее, или держится за столбъ, на которомъ утверждена земля. Колоши увѣряютъ, что земля стоитъ на одномъ огромномъ столбѣ, а не на трехъ китахъ, какъ думаютъ наши простолюдины. И этотъ-то столбъ хранитъ и поддерживаетъ Агишанаку, а иначе земля давно-бы опрокинулась и потонула въ морѣ; и къ счастью Агишанаку безсмертна, сильна, бдительна, никогда не спитъ, и очень любитъ людей за то, что они раскладываютъ огонь на землѣ

и тѣмъ ее согрѣваютъ; слѣдовательно, введеніе камяновъ и печей между Колошами можетъ быть весьма гибельно для бѣдной земли.

Эта *низкая старуха* столь сильна, что въ состояніи противостать самому Елю, который вервѣдко, въ несохраненіе его заповѣдей, и особенно за сильныя кровопролитія, покушается истребить всѣхъ людей, живущихъ на землѣ, и въ порывѣ гнѣва своего приходитъ къ старухѣ Агишанаку, оттаскиваютъ ее отъ столба, поддерживаемаго ею, но не можетъ оторвать ее, а между тѣмъ возня Еля съ Агишанаку бываетъ причиною землетрясеній.

О солнцѣ говорятъ Колоши, что оно движется вокругъ земли, а не земля вокругъ него. Солнце и мѣсяць, по ихъ мнѣю нѣкогда были людьми, братомъ и сестрою. Но кто изъ нихъ былъ братомъ, кто сестрою, вѣрно сказать не могутъ, полагая, что мѣсяць былъ братъ, а солнце сестра. Сестра, живя на землѣ, имѣла любовника, но тайно отъ всѣхъ. Братъ ея, какимъ-то образомъ узналъ о томъ, и хотѣлъ пристыдить сестру свою необыкновеннымъ образомъ. Въ одну темную ночь, когда былъ онъ увѣренъ, что любовникъ сестры къ ней не придетъ, пришелъ онъ къ ней самъ; сестра приняла его за любовника, и ласкала его по обыкновенію, но не видала отъ него ласканій. Это ее нѣсколько удивило, и она, какъ будто въ наказаніе, вздумала тайкомъ навязать на носу его, на головѣ, какой-то знакъ, съ тѣмъ, чтобы посмѣяться по утру надъ своимъ любовникомъ. Но, вмѣсто любовника, она видитъ свою примѣту у своего роднаго брата; тотчасъ отъ стыда убѣжала она изъ дома, и потомъ сдѣлалась солнцемъ, а братъ сдѣлался мѣсяцомъ. Стыдъ сестры его остался всегда съ нею, и отъ того она старается убѣгать отъ

своего брата, встрѣчался съ нимъ, какъ можно рѣже,

Солнце считается бѣднякомъ, и не столько чистымъ, какъ мѣсяцъ, отъ того, что на солнцѣ сушится всякое платье, а мѣсяцъ, напротивъ того, богатъ, и изрѣдка только бываетъ у него недостатокъ (по нашему, затмѣнiе). Но добрые и щедрые Колошни тотчасъ стараются вознаграждать его. Лишь только увидать припадокъ оскудѣнiя богатства мѣсяца, тотчасъ всѣ богатые Колошни выносятъ на улицу свои пожитки, бобры и товары разные, безъ остатка, и держать до тѣхъ поръ, пока луна не сдѣлается опять богатою, и тогда обираютъ они свои пожитки назадъ, не оставляя ничего въ даръ лунѣ.

Полное затмѣнiе луны почитается тѣмъ, что луна сбилась съ своей дороги, и тогда всѣ выходятъ и поютъ особенныя пѣсни, направляя тѣмъ луну на путь ея; вообще, полное затмѣнiе считается предвѣстникомъ великихъ несчастiй. Албатросъ Колошни не бьютъ, для того, чтобы не испортить погоды. Медвѣдя почитаютъ оборотнемъ, или, иначе сказать, думаютъ, что онъ былъ нѣкогда человѣкъ, и что онъ и нынѣ человѣкъ, но только въ видѣ медвѣдя. Говорятъ, что будто какая-то Тоенская дочь, за то, что сбѣглась надъ медвѣдемъ, попала къ нему въ лапы. Преданiе о томъ таково: въ одинъ осеннiй день, Колошеники собрались идти за ягодами, а съ ними и означенная Тоенская дочь; въ одномъ мѣстѣ, переходя медвѣжью тропу, увидѣли они его пометъ, и Тоенская дочь начала смѣяться надъ тѣмъ, и надъ самимъ медвѣдемъ, называя его неповоротливымъ, глупымъ, слѣпымъ, и проч., словомъ сказать — обругала его вслячески. Подружки, сколько ни увидывали ее, но все было напрасно. Потомъ, когда набрали ягодъ и пошли домой, корзина у Тоенской

дочери оборвалась и ягоды рассыпались; подружки пособили ей собрать ягоды и опять пошли домой; но корзина у Тоенской дочери опять оборвалась и рассыпалась; подружки опять помогли ей собрать и исправиться, но тоже случалось въ третій, четвертый разъ и болѣе, такъ, что наконецъ подружки, въ досадѣ на нее, оставили ее одну и пошли домой безъ нея. Несчастливая дѣвушка, собравши ягоды, шла за ними, но при наступившей темной ночи, заблудилась въ лѣсу, и наконецъ, утомившись исканіемъ дороги, принуждена была съѣсть подъ лѣсною, гдѣ скоро и заснула. Вдругъ приходитъ къ ней человекъ и будить ее, называя по имени; пробудившись, видитъ она передъ собою своего любовника (она была дѣвушка взрослая и не безъ сердца). Чрезвычайно обрадовалась красавица такому случаю, и тотчасъ пошла за своимъ любовникомъ, который приглашалъ ее идти съ нимъ. Уже нѣсколько времени шли они рука въ руку, но все еще не выходили на дорогу, такъ, что дѣвушка стала беспокоиться и спрашивать своего милаго, но онъ весьма сухо отвѣчалъ ей, что скоро придуть домой. Наконецъ онъ приводитъ ее къ медвѣжьей берлогѣ, и говорить ей: «Ступай туда! Вотъ нашъ домъ!» Дѣвушка испугалась, но мнимый любовникъ настаивалъ, чтобы она лѣзла въ яму, которую ей показываютъ, и дѣвушка принуждена была лѣзть. Лишь только вошла она туда, то увидѣла передъ собою двухъ медвѣдей, тотчасъ бросилась вонъ и хотѣла бѣжать, но любовникъ удержалъ ее, и наконецъ успокоилъ, что это ей такъ показалось; дѣвушка опять полѣзла въ яму, и въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто двухъ медвѣдей, видитъ старика и старуху, которые очень ласково приглашаютъ ее къ себѣ. За нею вошелъ и мнимый любовникъ ея, и вдругъ, принявъ

видъ медвѣдя, началъ ей выговаривать за то, что она смѣялась и ругала его, а потомъ разсказалъ ей и доказалъ, что медвѣди такіе же люди въ своей канурѣ, но только внѣ ея они медвѣди. Дѣвушка, сколько ни плакала и ни горевала, наконецъ полюбила своего медвѣдя и сдѣлалась его женою. Весною Колоши напали на берлогу, убили старика, старуху и молодаго медвѣдя, хотѣли убить и Тоенскую дочь, которая также приняла образъ медвѣдя, но она, узнавши въ промышленникахъ своихъ братьевъ и родственниковъ, закричала имъ человѣческимъ голосомъ и тѣмъ остановила ихъ, а потомъ, разсказавши все свое приключеніе, увѣрила ихъ, что она не медвѣдица, но дочь Тоена. Дѣло кончилось тѣмъ, что она пришла домой и опять сдѣлалась человекомъ.

И потому нынѣ, Колошенки, увидѣвъ слѣдъ медвѣдя въ лѣсу, или какіе либо его признаки, заочно хвалятъ его, уговариваютъ и умоляютъ, чтобы онъ не разсердился и не увелъ къ себѣ. А мужчины отъ убитаго медвѣдя, по содраниіи шкуры, отнимаютъ голову, и украсивъ ее перьями, подобно шаманской головѣ, ставятъ къ огню и поютъ особенныя пѣсни, для того, чтобы и впредь имъ было такое же счастье въ промыслахъ, и отнюдь не дерзаютъ смѣяться, или говорить какія либо худыя слова (что называется вообще *тликась*) на счетъ медвѣдя *.

Вѣра, или вѣрованіе словамъ Шамановъ между

* Странно, что и въ Сибиріи между промышленниками есть повѣрье, что если снѣжаться надъ убитымъ медвѣдемъ, или, какъ говорится, *жилитъ*, то онъ можетъ ожить и раздѣлаться съ своимъ насильникомъ. А потому, прежде всжели начинаютъ сдирать съ него шкуру, обрубаютъ у него лапы, выкалываютъ ему глаза, или подрывываютъ жилаы, дабы онъ, въ случаѣ неосторожности оживши, не могъ бѣгать и видѣть.

Колошами въ великой силѣ. Все, что ни скажутъ, или что ни говорятъ Шаманы, дикари принимаютъ за истину. Такъ, напримѣръ, Шаманы запрещаютъ Колошамъ есть китовицу и Колоши не касаются ея. Но почему такое *табу* послѣдовало на китовицу, которая у другихъ Американцевъ считается за лакомство и есть главная пища? — Неразгаданная тайна. Въра въ слова Шамановъ была и долго будетъ сильнѣйшимъ препятствіемъ къ просвѣщенію Колошей. Правда, нынѣ, время отъ времени, менѣе и менѣе является знаменитыхъ Шамановъ, или отъявленныхъ кудесниковъ, и въ настоящее время извѣстно только два такихъ Шамана: одинъ въ Чидкатъ, а другой въ Якутатъ, изъ коихъ послѣдній столь силенъ, что не допустилъ оспы до своихъ земляковъ и родичей, а о другомъ рассказываютъ чудесъ не менѣе. Но, не смотря на то, что нынѣ Шаманы дѣлаются хуже, Колоши говорятъ и думаютъ, что не то, будто ихъ мощь сама собою прекращается отъ обращенія съ Рускими, но что нынѣшніе Шаманы невоздержны и слабы, и отъ того-десятъ, не могутъ они быть такъ могущественны, какъ прежніе.

Быть Шаманомъ, значить имѣть въ своемъ завѣдываніи нѣсколько духовъ (ековъ), призывать ихъ, умѣть ломаться во время призванія, узнавать невѣдомое и предотвращать бѣды и несчастія, посредствомъ ековъ. Такова цѣль шаманства, но лечить болѣзни не всегда считается дѣломъ Шамана.

Шаманство почти всегда бываетъ наследственное; оно достается вмѣстѣ со всеми принадлежностями Шамана, или, какъ говорятъ толмачи, съ *инструментами* шаманства, т. е. личинами, бубнами, ремнями, и проч. Потому не всякому желающему быть Шаманомъ бываетъ это всегда возможно. Даже изъ

самыхъ наследниковъ Шаманъ не всякій желающій можетъ быть Шаманомъ, но только тотъ, кто получить въ удѣлъ ековъ, или въ состояніи видѣть ихъ. Иной какъ бы ни старался залучить къ себѣ ековъ, какъ бы ни мучилъ себя, не можетъ ни одного видѣть. Другой, напротивъ того, хотя совсѣмъ не желалъ бы быть Шаманомъ, но еки навязываются къ нему сами. Такъ сказываютъ о двухъ шаманскихъ дѣтяхъ, въ Якутатѣ, изъ коихъ одинъ хотѣлъ быть Шаманомъ, но не могъ, а другой не хотѣлъ, но еки не давали ему покоя: что онъ ни дѣлалъ и куда ни уходилъ — еки всегда являлись къ нему. Чтобы избавиться отъ нихъ, онъ даже оставался съ нечистыми женщинами (что считается самою величайшею нечистотою, отгоняющею ековъ), но еки и оттуда его вытаскивали, а потому, наконецъ онъ принужденъ былъ сдѣлаться Шаманомъ, и сдѣлался знаменитымъ и сильнымъ. Это тотъ самый, о которомъ сказано выше, что онъ не допустилъ оспы до своихъ.

Желающій вступить въ Шаманы, уходитъ въ лѣсъ, или въ горы, туда, гдѣ не ходятъ люди, и живетъ тамъ около двухъ недѣль, а нѣкоторые и болѣе мѣсяца, во все время питаясь только корою незамайника. Время пребыванія Шамана въ пустынь зависитъ отъ того, какъ онъ напомнимся еками, (которые иногда очень долго не являются), и пока главный изъ нихъ не дастъ ему выдры, какъ необходимою принадлежности всякаго Шамана. Когда Шаманъ получить въ себя Ековъ, главный или сильнѣйшій изъ нихъ, въ заключеніе его посвященія, посылаетъ ему выдру, въ языкъ коей заключается вся сила шаманства. Выдра сама выходитъ на встрѣчу Шаману, и лишь только онъ увидитъ ее, то останавливается, и не допуская ее до себя на боль-

ное разстолниѣ, убиваетъ ее одними словами, или однимъ звукомъ — *О!* произнесеннымъ разными тонами четыре раза. Выдра, лишь только услышитъ такое страшное заклинаніе, тотчасъ опрокидывается на спину и умираетъ, высунувъ языкъ. Шаманъ подходитъ къ ней и начинаетъ отрѣзывать языкъ, съ приговорами, чтобы ему въ новомъ званіи своемъ не подгадить, чтобы шаманить искуснѣе и коверкаться ловчѣе, и проч. Отрѣзавши языкъ, онъ кладетъ его въ особенную коробочку, наполненную разными лоскутьями, и все это прячетъ въ непроходимомъ мѣстѣ, потому, что если кому изъ профановъ случится найти сей талисманъ, называемый *кушталюте* (т. е. языкъ выдры), тотъ сходитъ съ ума. Шкура выдры снимается тщательно *тулуномъ*, или чучелою, и въ такомъ видѣ всегда остается при Шаманѣ, составляя неотъемлемый знакъ колдовскаго ремесла. Мясо выдры зарываютъ въ землю.

До прибытія Русскихъ, никто изъ Колошей не смѣлъ даже коснуться вообще до всякой выдры, но нынѣ они бьютъ ихъ для торговли, не опасаясь и не видя отъ того никакого зла.

Тѣ несчастные, коимъ не удастся накликать Ековъ и получить отъ нихъ выдры во время поста своего, ходятъ на могилу Шамановъ, и спятъ съ ними, или вынимаютъ у когонибудь изъ нихъ зубъ; также отрѣзываютъ конецъ мизинца, и держатъ то и другое во рту, для того, чтобы вѣрнѣе получить Ековъ и выдру.

Когда новопоставленный Шаманъ наполнится Еками, и получить отъ нихъ силу, заключающуюся въ языкъ выдры, или, сказать вѣрнѣе, когда ему удастся наконецъ поймать выдру, онъ оставляетъ пустыню и является къ своимъ родичамъ, изнуренный постомъ до того, что лицо его дѣлается, какъ будто

восковое, и тотчасъ объявляется шаманство, для показанія силы и искусства новаго кудесника.

Иногда такой искатель шаманства столь долго пропадаетъ въ пустынь, что родственники совсѣмъ отчаяваются увидѣть его, но, будто спасенный нѣкимъ чудомъ, является онъ потомъ въ силѣ необыкновенной, къ ихъ и своей славы.

Слава Шамана зависитъ отъ числа Ековъ его: Хорошіе Шаманы, имѣющіе множество Ековъ, и умѣющіе держать ихъ въ рукахъ, бывають очень богаты, отъ того, что Еки имъ служатъ и доставляють счастье во всѣхъ случаяхъ, но худой Шаманъ бываетъ бѣденъ, и если онъ не всегда сохраняетъ чистоту, то собственныя Еки убивають его.

Шаманы не могутъ остригать своихъ волосъ въ какомъ случаѣ, и въ самомъ большемъ траурѣ, стригутъ они только переднюю часть головы, но затылокъ и коса остаются навсегда неприкосновенными.

У всякаго Шамана есть свои Еки. Еки предки не всегда и даже очень рѣдко достаются наследнику. Для всякаго Ека есть свое имя и своя пѣсня. Еки предковъ являютъ со временемъ, и по большей части, во время уже шаманства. Въ такомъ случаѣ, Шаманъ, отъ радости, что получилъ Ека своего отца, или дяди, обдариваетъ всѣхъ гостей (*кунстканаги*).

Колоши говорятъ, что Шаманы, во время шаманства, имѣють власть и силу *бросать* Ековъ въ тѣхъ, кто не вѣрують имъ, и съ тѣмъ несчастнымъ, кто подвергнется ихъ гнѣву, т. е. съ тѣмъ, въ котораго Шаманъ броситъ Ека, дѣлаются оцѣпенѣніе и обморокъ на долгое время, но не смерть, потому, что пораженный мало по малу приходитъ въ чувство, и потомъ оживаетъ совершенно. Но рассказывавшій мнѣ Колоша, нѣсколько разъ бывшій при шаман-

ствахъ, и самъ бывавшій помощникомъ Шамана и запѣвалою, никогда не видалъ столь страшной кары за невѣріе, вѣроятно, отъ того, что при немъ не было невѣрующихъ.

Здѣсь кстати сказать о двухъ Шаманахъ знаменитѣйшихъ своею силою и чудесами. Одинъ изъ нихъ еще здравствуетъ, и имѣеть, какъ я сказалъ, пребываніе въ Чпкаты, а другой былъ Ситхинскій, и очень недавно умеръ.

О послѣднемъ рассказываютъ, что однажды велѣлъ онъ своимъ сродникамъ и помощникамъ отвезти его на бачъ въ бухту въ Чистыхъ островкахъ (за Эчкомомъ), и тамъ бросить въ море; и будто бы, когда привезли его въ означенную бухту, то велѣлъ онъ остановиться въ самомъ центрѣ ея, связать его, завернуть въ рогожу и опустить на дно моря. Сердобольные родственники, не зная, что дѣло кончится необыкновеннымъ чудомъ, долго не соглашались исполнить приказанія своего Шамана. Онъ настоялъ, и какъ ни жалѣли его, но должны были ему повиноваться. Въ слѣдствіе того, къ завернутому въ рогожу Шаману привязали ремень, сдѣланный изъ очарованной выдры, взяли Шамана на руки и *ухмуоъ* четыре раза, опустили его въ море. Шаманъ скорѣе камня и подстрѣленного кита пошелъ ко дну, такъ, что едва успѣвали травить ремень, во мало по малу, онъ остановился, и помощники его привязали къ концу ремня надутый пузырь той же выдры. Постоявъ на мѣстѣ и не видя ничего необыкновеннаго, поѣхали они на берегъ оплакивать своего знаменитаго сродника. По утру, на другой день, поплыли посмотреть то мѣсто, гдѣ брошенъ Шаманъ, и не нашли ничего особеннаго, кромѣ плагающаго по водѣ пузыря; тоже самое видѣли и на третій день, а на четвертый день пос-

лѣ погруженія Шамана въ море, опять поплыли, но не нашли ничего, и наконецъ, погоревавъ и потолковавъ кое о чемъ, хотѣли ѣхать домой оплакивать бѣднаго старика. Вдругъ, въ сторонѣ слышится имъ гулъ, похожій на гулъ бубновъ, въ которые бьютъ при шаманствахъ. Удивленные родственники Шамана поплыли туда, откуда происходилъ гулъ, и приблизясь къ одному утесу, совершенно отвѣспому, видѣть на немъ множество пѣвчихъ птицъ, какія только бываютъ въ Ситхѣ, а среди утеса — своего Шамана, распростертаго, лежащаго внизъ головою и ничѣмъ невредимаго; по лицу его ручьемъ текла кровь изъ его гортани, но Шаманъ былъ живъ и пѣлъ пѣсни. Сродники его, употребля все возможные усилія подняться до Шамана, наконецъ сняли его, и когда положили его въ бачъ, то онъ явился какъ будто ни въ чемъ не бывавъ, сталъ здоровъ, бодръ, веселъ, и велѣлъ плыть домой.

Всѣ такіе чудеса были причиною и слѣдствіемъ того, что Шаманъ получилъ новаго, сильнаго Ека.

Другой Шаманъ (Чилкатскій) славится тѣмъ, что у него, какъ говорятъ самовидцы (въ числѣ коихъ былъ и мой толмачъ) есть маска, изображающая Такиена, у которой вся лѣвая сторона окаменѣлая, а другая сторона, какъ была прежде, такъ и нынѣ, мягкая. Маски Шаманскія обыкновенно дѣлаются изъ красной ольхи. Чудное окаменѣніе маски случилось очень недавно, и не съ одною было маскою, но и съ тою палкою, которая употребляется при шаманствѣ, и даже часть горностая, которая обыкновенно бываетъ на палкѣ, сдѣлалась каменною. Всѣ видѣвшіе такую чудную маску, увѣряютъ, что, дѣйствительно, одна половина у ней деревянная и мягкая, а другая совершенно каменная, или по крайней мѣрѣ, ее не беретъ ножъ, и она ломается, какъ ка-

мень причемъ и видъ окаменѣвшей половины не одинаковъ съ другою, но отличенъ.

Причина такого окаменѣнія одного изъ приборовъ шаманскихъ сказана выше, т. е. оно было наказаніемъ за дерзость того Ека, котораго изображала маска, и за покушеніе проникнуть до чертоговъ грознаго Еля, или, говоря иначе, пробраться до вершины рѣки Насъ. (Не годится ли это средство напугать Англичанъ, и заставить ихъ не простираться въ верхъ по Американскимъ рѣкамъ?)

Шаманскихъ приборовъ у каждаго Шамана бываетъ по нѣскольку; но у Шамана, о которомъ говорю, было ихъ нѣсколько сундуковъ; всѣ они хранились въ лѣсу и привозились тогда только, когда должно было приниматься за шаманство. Количество приборовъ есть мѣрило силы и могущества Шамана.

Въ случаѣ болѣзни Шамана, всѣ сродники его постятся по нѣскольку дней, для того, чтобы онъ выздоровѣлъ.

Похороны Шамана совершенно отличны отъ похоронъ обыкновеннаго Колоши, тѣмъ, что Шамановъ никогда не жгутъ. Если Шаманъ умретъ, то оставляютъ его въ томъ углу, гдѣ умеръ (Шаманы, кажется, всегда имѣютъ въ бараборѣ мѣсто впереди, въ правомъ углу отъ дверей), на цѣлую ночь, а на слѣдующій день переносятъ его въ другой уголь, потомъ въ третій, и наконецъ, на четвертый день, ставятъ въ послѣдній уголь. Во время перенесенія трупа изъ угла въ уголь, всѣ живущіе въ бараборѣ постятся. На пятый день происходятъ самые похороны; одѣвши въ полный шаманскій нарядъ, на руки мертвецу надѣваютъ рукавицы, или перчатки, на ноги *торбосы*, и потомъ кладутъ его на доску, у коей съ боковъ наверхено нѣсколько дырокъ; тутъ

привязываютъ его ремнями. Въ носовой хрящъ продвѣаютъ ему одну изъ костяныхъ палочекъ, употребляемыхъ при шаманствѣ. Волосы на головѣ его собираютъ въ пучекъ, и въ нихъ ввязывается другая шаманская костяная палочка. Потомъ голову накрываютъ большою корзиною, сдѣланною изъ прутьевъ, и устроивъ все такимъ образомъ, отнести, или отвезти Шамана въ лѣсъ, гдѣ кладутъ его на возвышенномъ мѣстѣ, нарочно для того устроенномъ, на стойкахъ, дѣлая надъ нимъ памятникъ, или шалашъ.

Колоши думаютъ, что одинъ изъ главныхъ Ековъ Шамана всегда живетъ при немъ (и навѣрное въ корзину), а отъ того трупы Шамановъ не гниютъ, но дѣлаются сухи, какъ *юкола*; но однакожъ мнѣ случилось видѣть гробъ Шамана, и я видѣлъ, что трупъ его совершенно сгнилъ. Но этотъ Шаманъ, вѣрно, былъ плохой, или, за невоздержаніе свое, убитъ Екомъ.

Замѣчательно еще повѣрье, что никогда не упадетъ лѣсина на гробъ Шамана, но всегда подлѣ, и также, что стойки, на которыхъ утверждается гробъ Шамана, подгниваютъ всѣ вдругъ, и отъ того гробъ падаетъ на землю ровно, но не ногами и не головою прежде. — При большихъ поминкахъ, или семейныхъ *игрушкахъ*, родственники Шамана могутъ поднять и его, какъ другихъ.

Мимо гроба Шамана никто не проѣзжаетъ безъ того, чтобы не бросить въ воду скольконибудь табаку, какъ жертву, и, кажется, это единственный случай, гдѣ Колоши жертвуютъ, или приносятъ жертвы для полученія житейскихъ благъ. Бросая въ воду табакъ, Колоши творятъ молитвы Шаману о своемъ благосостояніи и счастіи.

Шаманствы у Колошей бываютъ большія и малыя.

Первыя всегда только въ зимніе мѣсяцы, и не иначе, какъ въ 7-й, или 8-й день луны, т. е. на первой ея четверти, и въ полнолуніе. Такія шаманствы бывають, какъ выражаются Колоши, для *поправленія жила*, или селенія, т. е. въ то время Шаманы, торжественно призывая своихъ Ековъ, велятъ имъ на будущій годъ дать счастье во всемъ ихъ сродникамъ и селенію, а паче себѣ, и отгонять повѣтрія отъ селенія на другое селеніе, и проч.

Шаманство совершается Шаманомъ и его сродниками, которые помогаютъ ему во всемъ, а особенно въ пѣніи пѣсень.

Въ тотъ день, когда назначается шаманство, никто изъ сродниковъ колдуна не ѣстъ и не пьетъ, съ самаго утра до слѣдующаго утра, и сверхъ того, передъ самымъ шаманствомъ, всѣ принимаютъ рвотное, для очищенія себя, т. е. выпивши нѣсколько воды, кладутъ въ горло перо, нарочно для того устроивное, движеніемъ его производя рвоту.

Начало шаманства бываетъ при закатѣ солнца, а оканчивается съ появленіемъ утренней зари.

Когда солнце начнетъ приближаться къ закату, собираются всѣ Колоши въ барабору, назначенную для шаманства, которую, какъ сказано выше, очищаютъ сколько можно лучше, и около огня усыпаютъ свѣжимъ пескомъ. Лишь только настанетъ время, начинаются пѣсни; ихъ поютъ мужчины и женщины, всѣ вмѣстѣ, а одинъ изъ пѣвцовъ колотитъ въ бубень, который всегда виситъ впереди, на правой сторонѣ отъ входа. Шаманъ одѣвается въ свой нарядъ, бѣгаетъ вокругъ огня (всегда по солнцу), начинаетъ кривляться, дѣлать разныя насильственные тѣлодвиженія, въ тактъ бубну и пѣсплямъ, до такого изступленія, что глаза его наконецъ совершенно закатываются подъ лобъ; лицо Шамана всег-

да бываетъ обращено вверхъ, къ отверзтію трубы. Кобенясь такимъ образомъ нѣсколько времени, вдругъ Шаманъ останавливается, и смотритъ на верхъ бубна, и иногда кричитъ что-то такое. Въ то время умолкають бубень и пѣсни, и глаза всѣхъ обращены бываютъ на Шамана, какъ на провозвѣстника.

Колоши вѣрятъ, что во время шаманствъ, Шаманъ дѣйствуетъ и говорить не самъ собою, но въ немъ дѣйствуетъ и говорить какой нибудь Екъ, вошедшій въ него.

Говорятъ, что при удачномъ согласіи бубна съ пѣснями, шаманство идетъ лучше, нежели при плохомъ.

Шаманы увѣряютъ, что во время шаманства видятъ они множество различныхъ ековъ, или духовъ, въ различныхъ видахъ и различныхъ классовъ. Но Еки не всѣ вдругъ являются къ Шаману, а по одначкѣ, и нѣтъ постояннаго росписанія какому именно Еку, или какому классу Ековъ слѣдуетъ являться прежде. Иногда являются прежде Кіеки, а иногда Текіеки, или Такіеки, по чаще всего кто нибудь изъ Кіековъ является прежде всѣхъ. Шаманъ во время шаманства часто мѣняетъ личины, или маски, и всегда надѣваетъ маску того духа, котораго онъ прежде увидитъ, а потомъ перемѣняетъ ихъ, въ такомъ порядкѣ, въ какомъ являются ему Еки, изображаемые Шаманскими масками.

По окончаніи шаманства начинается угощеніе, прежде табакомъ, а потомъ вѣемъ, что есть съѣстнаго.

Кромѣ такихъ великихъ и торжественныхъ шаманствъ, бываютъ еще малыя и частныя. Назначеннаго времени для нихъ нѣтъ, но бываютъ они всегда, когда нужно. Таковыя шаманства дѣлаются по разнымъ причинамъ и разнымъ случаямъ, для уз-

нанія колдуновъ, или тѣхъ, кто портитъ людей, при появленіи новаго Шамана, и по вдохновенію и повелѣнію Ековъ, или, такъ сказать, когда Еки надобдѣять шаману своими частыми явленіями, и онъ, чтобы отвязаться отъ нихъ, начинаетъ шаманство. При такихъ шаманствахъ угощенія, или вовсе не бываетъ, или самое посредственное.

Кромѣ Шамановъ, у Колошей есть еще *колдуны*, или люди, которые умѣютъ *портить*; они называются *Накуцати*, (отъ слова *наку*, лекарство, и отъ него происходитъ *кунакуцати*, лекарь). Колдуны происходятъ отъ Еля, т. е. явились со времени пребыванія и кудесничества Елева на землѣ, который, между другими тайнами, передалъ и колдовство. Оно также, всегда почти, наследственное, но не принадлежитъ прямо къ шаманству, а составляетъ особенное ремесло, которое иногда, но очень рѣдко, соединяется съ шаманствомъ.

Колдовство именно состоитъ въ томъ, чтобы портить людей и лечить ихъ отъ порчи.

Большую часть болѣзней человѣческихъ почитаютъ Колоши слѣдствіемъ порчи колдуновъ, а именно: всѣ наружныя, а особенно гніющія раны на тѣлѣ, чахотку, ломоту въ ногахъ и рукахъ, параличъ, или когда отнимутся руки и ноги, а также и нѣкоторыя другія болѣзни. Колдуны портятъ тѣхъ, кто ихъ обидитъ, обманетъ, и проч. Порча начинается тѣмъ, что колдунъ старается тайкомъ достать какое либо изверженіе врага своего, или его волосы, кусокъ его пищи, грязь съ его тѣла (которую, вмѣсто омовенія, Колоши сваливаютъ иногда скалками). - Когда колдуну удастся получить что нибудь изъ сказанныхъ веществъ, все полученное имъ относитъ онъ на кладбище, и кладетъ въ чей нибудь несожженный трупъ, или въ среди-

пу остатковъ сожженнаго трупа, даже просто въ трупъ собаки, но только кладець не просто, а съ наговорами. По прошествіи нѣкотораго времени послѣ такого колдовства, и, говорятъ именно въ то время, когда сгніець трупъ, въ который заколдованное положено, человекъ, отъ котораго оно взято, дѣлается боленъ, именно въ той части тѣла, отъ которой взяты вещества. Если колдунъ успѣлъ взять волосы, у человека начинаютъ дѣлаться раны на головѣ и волосы вываливаться, и проч. Увѣрившись, что болѣзнь его неизлечима обыкновенными средствами, или по указанію Ека (который часто показывается даже и того, кто его испортилъ) узнавъ, что испорченъ, или, просто, по подозрѣнію, больной прибѣгаетъ къ Шаману, но не для излеченія, а для того только, чтобы онъ показалъ ему человека, который испортилъ его. Посланный за Шаманомъ приходитъ къ дверямъ его бараборы, и кричитъ: *О! Игукхуать!* (т. е. За тобою!) Шаманъ, услышавъ такой зовъ, становится лицомъ впередъ, и не впуская къ себѣ посланнаго, говоритъ ему: «Ну, повтори еще!» Посланный еще сильнѣе прежняго кричитъ ему тоже: «О Игукхуать!» Шаманъ опять заставляеть его кричать, въ третій и четвертый разъ, а самъ дѣлаетъ видъ, будто вслушивается къ какой-то знакомый, но не ясный, или отдаленный голосъ. И когда посланный прокричитъ четыре раза, Шаманъ отсылаетъ его, съ обѣщаніемъ придти вечеромъ. Увѣряютъ, что Шаманъ въ переливахъ голоса кричащаго посланника узнаеть голосъ того, кто испортилъ больного.

Въ назначенный вечеръ, Шаманъ, собравши своихъ сродниковъ и пѣсельниковъ, и взявъ съ собою шаманскіе приборы, идетъ къ больному, гдѣ уже вычищена бываетъ барабора и въ нес собираются

родные больного и зрители. Вошедши въ барабору, Шаманъ облакается въ свой нарядъ, и по изготовленіи всего, приказываетъ всѣмъ бить палочками, почему ни попало (т. е. барабанить), и пѣть пѣсни, а самъ подходитъ къ больному, и, по обыкновенію, кривляется, до тѣхъ поръ, пока не кончится пѣніе пѣсенъ. Потомъ подходитъ онъ къ одному изъ родственниковъ больного, и объявляетъ ему имя колдуна, испортившаго больного, а тѣмъ оканчивается все дѣло Шамана. Если колдунъ, испортившій больного, не имѣетъ ни богатыхъ родственниковъ, ни сильнаго Тоена своимъ покровителемъ, то его подкарауливаютъ гдѣ нибудь, или прямо приходятъ къ нему въ барабору, и схватываютъ его; связавъ ему руки назадъ, ладонями врознь, притягиваютъ ихъ къ косѣ и къ пучку волосовъ, который обыкновенно у нихъ бываетъ на верхушкѣ головы, и въ такомъ положеніи заключаютъ его въ пустую барабору, приставляя къ ней крѣпкую стражу. Несчастный узникъ, въ такомъ положеніи, безъ всякой пищи и питья, остаётся до тѣхъ поръ, пока не сознается въ порчѣ, или отъ жестокихъ страданій не умретъ. По временамъ его допрашиваютъ: онъ ли испортилъ больного, и чѣмъ, и какъ именно? Случается, что при такихъ вопросахъ, чтобы увеличить страданія несчастнаго колдуна, полтъ его морекою водою, которая, вмѣсто утоленія жажды, лишь только увеличиваетъ ее. Иногда бываетъ что видя невинность страдальца, а болѣе по ходатайству кого нибудь изъ сильныхъ земли, освобождаютъ его. Но если мнимый колдунъ, по чему бы то ни было, сознается, что точно онъ испортилъ больного, и какъ именно, сказавъ и мѣсто, куда спряталъ взятыя имъ у больного вещества, то отвязываютъ его волосы отъ рукъ, и рано на зарѣ ведутъ, или везутъ

его на показываемое имъ мѣсто, разумѣется, за-крѣп-
кимъ карауломъ. Приведа къ самому мѣсту, развл-
зываютъ ему руки. Колдунъ, подойдя къ остат-
камъ трупа, или влѣзши въ самый надгробный па-
мятникъ, начинаетъ тамъ рыгаться, до тѣхъ поръ, по-
ка не пойдетъ показанныхъ имъ при допросѣ ве-
ществъ. Вещества сѣи, какъ давно ни были бы
положены въ трупъ, остаются и находятся всегда
совершенно цѣлыми, не смотря на то, что хотя бы
трупъ сгнилъ совершенно. Вѣрное доказательство
силы колдовства, по мнѣнію дикихъ! Колдунъ, нашед-
ши ихъ, кладетъ, илина кору древесную, или на
листь травы, или просто на отворотъ своего плаща,
и показываетъ своимъ приставникамъ. Не смѣя кос-
нуться руками, пристально и долго рассматриваютъ
они показываемыя имъ вещества; наконецъ увѣря-
ются, что въ самомъ дѣлѣ принадлежали они тому,
отъ кого взяты. По окончаніи свидѣтельства, кол-
дунъ, съ чрезвычайною осторожностью несетъ ихъ
къ морю, въ сопровожденіи своихъ стражей, и по
прибытіи къ берегу входитъ въ море по колѣна;
остановившись, медленно оборачивается онъ по солн-
цу четыре раза, держа обѣими руками заколдова-
ныя вещества въ прежнемъ положеніи, и изрѣдка
прикасаясь руками къ водѣ. Послѣ четвертаго раза,
означенныя вещества окунаетъ онъ въ воду; потомъ
идетъ еще далѣе, и забредя въ море по самое гор-
ло, совсѣмъ окунается четыре раза (стоитъ замѣ-
чанія, что при всѣхъ таинственныхъ дѣйствіяхъ, у
Колошей встрѣчается число *четыре*, какъ видно изъ
предшествовавшихъ рассказовъ, приговаривая, чтобы
больной сдѣлался такъ же здоровъ и чистъ, какъ здо-
ровъ и чистъ теперь онъ самъ; потомъ выходитъ изъ
воды, и оставя вещества на днѣ моря, идетъ на бе-

регъ, а тѣмъ и оканчивается отколдованіе, или летѣніе колдовства.

Колоши вѣрятъ и увѣряютъ, что по совершеніи всѣхъ продѣлокъ отколдованія, больной тотчасъ получаетъ видимое облегченіе и вскорѣ дѣлается совершенно здоровъ. Случается иногда, что родственники колдуна, если онъ дѣйствительно окажется виновнымъ, сами убиваютъ его, отъ стыда, чтобы не имѣть въ своемъ кругу такого вреднаго, срамящаго всѣхъ ихъ родственника. Но если колдунъ хорошаго рода, или имѣетъ сильныхъ родственниковъ, то попоказаніи Шаманомъ его имени, къ нему приходитъ тайно, ночью, и съ покорностью просятъ его объ исцѣленіи больного, но схватить его и судить не смѣютъ. О колдунахъ рассказываютъ такіе же чудеса, какія у насъ о Кіевскихъ вѣдмахъ: и Колошенскіе колдуны также летаютъ по воздуху, но, видно, они гораздо досужѣе, ибо летаютъ не оборачиваясь сорокою, или какою нибудь другою птицею, но такъ, какъ они есть. Это доказывается тѣмъ, что иногда, при самой крѣпкой и вѣрной стражѣ, подсудимый колдунъ вдругъ пропадаетъ изъ бараборы, въ которой онъ былъ заключенъ, оставляя свои узы на мѣстѣ заключенія, когда притомъ изъ бараборы нѣтъ никакихъ особенныхъ выходовъ, кромѣ дверей, охраняемыхъ стражею, и дымной трубы. Впрочемъ, и такое сильное доказательство умнѣнья колдуновъ летать не такъ еще сильно, какъ то, что многіе дикари своими глазами видали, какъ колдуны поднимаются на воздухъ, размахивая своимъ плащомъ, что случается въ такомъ случаѣ, когда колдуна застанутъ на кладбищѣ.

Колдуны имѣютъ обыкновеніе посѣщать кладбища тайно, ночью, и особенно утромъ на зарѣ. Они увѣряютъ, что тамъ всегда бесѣдуютъ съ покойни-

ками, которые кажутся имъ совершенно какъ живые, тогда, какъ другимъ Колошамъ кажутся они совершенно уже истлѣвшими. Потому Колоши стараются ловить колдуновъ и раздѣлываться съ ними жестоко. Иногда, вечеромъ, въ потьмахъ вдругъ увидятъ, или услышатъ, что въ какомъ нибудь изъ Колошенскихъ памятниковъ на кладбищѣ что-то шевелится. Тотчасъ, бойкіе и молодые дикари собираются, тихо подкрадываются къ подозрѣваемому памятнику, отбѣгаютъ его со всѣхъ сторонъ, и подошедши на близкое разстояніе, кричатъ, а въ то же самое время изъ селенія приносятъ имъ горящія головешки. И когда уже храбрецы сомкнутся такъ близко, что и муха не пролетитъ между ними, грозно и громко вызываютъ они того, кто осмѣлился забраться въ памятникъ. Если никто не является, самые неустрашимые изъ всѣхъ влѣзаютъ на памятникъ и входятъ внутрь. Видя неминуемую бѣду свою, или желая посмѣяться надъ стражею, колдунъ поднимается на воздухъ и летитъ, а окружавшіе мѣсто его злодѣйства видятъ только, какъ по воздуху развѣвается одѣяло, либо плащъ колдуна.

Всѣ обычаи, и самый родъ жизни, ремесла, и словомъ — все Колоши приняли отъ Елл, и что и какъ дѣлалъ, и какъ жилъ Ель, такъ точно живутъ Колоши, по ихъ словамъ.

Когда Ель жилъ съ людьми, то однажды созвалъ онъ къ себѣ въ гости тѣни, или души умершихъ; онѣ собрались, и онъ поставилъ имъ разныхъ кушаньевъ, но никто изъ нихъ пальцемъ не тронулъ ничего, не смотря на то, что хозяинъ, подчивалъ очень усердно. Наконецъ, кто-то изъ гостей сказалъ ему: «Хозяинъ! гости твои немогутъ ѣсть въ такомъ положеніи. Если ты хочешь, чтобы они ѣли, поставь все это на огонь и тогда увидишь что будетъ.»

Хозяинъ тотчасъ исполнилъ сказанное, и когда загорѣлось кушанье, то онъ ясно видѣлъ, какъ гости начали кушать и остались очень довольны. Но когда разошлись гости, то все оказалось въ цѣлости, и посуда и нища; потому - то и нынѣ Колоши дѣлаютъ поминки для своихъ родственниковъ, стараясь угощать ихъ. Но только та разница, что въ огонь бросаютъ немного, и изъ брошеннаго туда не остается ничего, а остатки отдаютъ не умершимъ, а живымъ, которые и ѣдятъ вмѣсто покойниковъ.

=

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ РУССКОЙ ИСТОРИИ.**I.**

ОТЪ ИВАНА ВОРОТЫНСКАГО ЗЕМСКОМУ СОВѢТУ, СЪ ОПИСАНІЕМЪ ПРИВЫТІЯ ЕГО КЪ ГОСУДАРЮ ЦАРЮ МИХАИЛУ ФЕДОРОВИЧУ, И О СОГЛАСІИ ГОСУДАРЯ ИДТИ КЪ МОСКВѢ.

Великому Господишу Преосвященному Кириллу, Митрополиту Ростовскому и Ярославскому, и Архіепископомъ, и Епископомъ, и всему Освященному Собору, и Господамъ Боярамъ, Князю Федору Ивановичу съ товарищи, и Околыничимъ, и Стольникамъ, и Дворянамъ Московскимъ, и Стряпчимъ, и приказнымъ людямъ, и жильцамъ, и Дворянамъ изъ городовъ, и Атаманамъ, и козакамъ, и стрѣльцамъ, и всякимъ служилымъ людямъ, и гостямъ, и торговымъ и всякимъ жидецкимъ людямъ Московскаго государства, Суздальскій Архіепископъ Герасимъ, да Ивашъ Воротынский съ товарищи челомъ бьютъ. Посланы, господа, мы, и Стольники, и Дворяне большіе, и Стряпчіе, и жильцы, и всякихъ чиновъ люди, отъ васъ къ Великому Государю, Царю и Великому Князю Михаилу Федоровичу всея Русіи, бити челомъ о томъ, что пашъ Государь, Царь и Великій Князь Михаилъ Федоровичъ всея Русіи къ вамъ, ко Властемъ и къ Болрамъ, и всякихъ чиновъ людямъ писалъ: Вѣдомо ему, Государю, учинилось, что на Москвѣ и подъ Москвою, по всемъ дорогамъ, и по городамъ, чинятся воровство, грабежи и убійства великіе; вы-

взжая съ Москвы по дорогамъ воры Дворянъ и Дѣтей Болгарскихъ, и торговыхъ, и всякихъ пробожнихъ людей и гонцовъ не пропускають, грабятъ и побивають; и такое великое воровство слышавъ, Его Государевъ походъ къ Москвѣ замѣшкаться, что о томъ Великая Государыня, старица инока Марѣя Ивановна, и Государь, Царь и Великій Князь Михайло Ѳеодоровичъ всея Руссїи стали въ великой кручинѣ, и Его Государскому походу къ Москвѣ быть не мочно. И ты, Богомолецъ Государевъ, Кирилль Митрополитъ Ростовскій, и весь Освященный Соборъ и Бояре, призвать въ соборную церковь Пречистыя Богородицы вслкихъ чиновъ людей, и тое Его Государеву грамоту чли всѣмъ людямъ, и рѣчью говорили, съ великимъ запрѣщеньемъ, чтобъ на Москвѣ, и подъ Москвою, и по дорогамъ убійства и грабежа никому никакими обычаями не было, и тѣхъ бы людей, которые учнутъ воровать по дорогамъ ѣздя, грабить и побивать, отъ такого воровства уймали, и впредь бы никакого дурна не было, а кто на какомъ воровствѣ пойманъ будетъ, и тѣхъ бы людей приводили къ вамъ, Боярамъ, и наказанье имъ чинити, кто чего доведется, а которые отъ воровства не отстапуть, и на тѣхъ бы воровъ посылки посылать, и ямая приводить къ Москвѣ, и наказанье имъ чинити по ихъ вину. И всѣхъ чиновъ людей тебѣ Преосвященному Митрополиту, и Архїепископомъ, и Епископомъ и Боярамъ говорили: па чемъ они души дали Богу и Государю, и крестъ цѣловали, то хотятъ и совершити, а за воровъ, которые учнутъ воровати, никому не стоять, и воровъ велѣли сыскивать, а посылати на нихъ посылки, и ямая, наказанье имъ чинити, и о томъ бы вамъ, свѣстися съ Ееремомъ, Митрополитомъ Казанскимъ и Свияжскимъ, и съ Архїепископомъ Ѳеодоритомъ Рязанскимъ, и съ Болгарникомъ съ Ѳеодоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ, съ товарищи, бѣти челомъ Государю Царю и Великому Князю Михаилу Ѳеодоровичу всея Руссїи и Великой Государыни старицѣ инокѣ Марѣѣ Ивановнѣ, и милости у Нихъ просити, чтобъ Они Государи умилосердились надо всеми православными крестьянами: шель бы Государь, Царь и Великій Князь Михайло Ѳеодоровичъ всея Руссїи на Свой Царскій престолъ къ Москвѣ, и походомъ бы Своимъ не замѣшкаться, а Своимъ Государскимъ приходомъ къ Москвѣ Московскаго государства всякихъ людей учинилъ радостныхъ; а про воровство всякое, по Его Го-

сударскому указу, вы, Власти и Бояре, заказъ учинили крѣпкій, и козаки межъ себя договорились, что у одного Атамана чрезъ день его ставищу козаковъ смогуть двумъ Атаманомъ, и про котораго въ воровствѣ сыщутъ, и его не потають, и за воровъ въ челобитчикахъ не будутъ. А на Москвѣ, по всѣмъ слободамъ и въ козачьихъ таборахъ велѣли заказъ крѣпкій учинить, чтобъ однолично воровства и корчемъ нигдѣ не было, и объѣзжихъ головъ по улицамъ росписали. И прѣехали, господа, мы къ Государю въ село въ Братошино, въ субботу, Маія въ 1-й день, съ утра рано, а Государь и Великій Князь Михайло Ѳеодоровичъ всея Русіи, и мать Его, Государыня наша Великая, старица инока Марѳа Ивановна на стану въ Братошинѣ. И обослався, господа, мы съ Еѳремомъ, Митрополитомъ Казацкимъ, и съ Архіепископомъ Ѳеодоритомъ Рязанскимъ, и съ Бояриномъ съ Ѳеодоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ, съ товарищи, были у Государя, Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи, и у матери Его Великой Государыни, старицы иноки Марѳы Ивановны, и по вашему общему совѣту Государю, Царю и Великому Князю Михаилу Ѳеодоровичу всея Русіи, и Его Государевой матери Великой Государыни, старицы иноки Марѳы Ивановны были челомъ; и Государь Царь и Великій Князь Михайло Ѳеодоровичъ всея Русіи, и мать его, Великая Государыня, старица инока Марѳа Ивановна, выслушавъ отъ насъ челобитья, говорили милосердное слово, что слышавъ Они на Москвѣ и по дорогамъ такіа бѣды, грабежи и кровопролитіе, черезъ крестное цѣлованье, и неволости во многихъ людяхъ Московскаго государства, не хотѣли было идти къ Москвѣ, да за прошепьемъ Еѳрема, Митрополита Казацкаго, и Ѳеодорита Архіепископа Рязанскаго, и всего Освященнаго Собора, и за челобитьемъ насъ Бояръ, и для вашего челобитья и всякихъ чиновъ людей Московскаго государства, пожаловали: Государь на Свой Царскій Престоль, къ Москвѣ идетъ. А будетъ Государь Царь и Великій Князь Михайло Ѳеодоровичъ всея Русіи, и мать Его Великая Государыня, старица инока Марѳа Ивановна на послѣдній станъ отъ Москвы въ Тайнинское Маія въ 1-й день; а къ Москвѣ Государь Царь и Великій Князь Михайло Ѳеодоровичъ всея Русіи Маія во 2-й день. А вамъ, господа, и которые съ вами послы, стольникамъ, и Дворянамъ большимъ, и Стряпчимъ, и всякимъ

чиновъ людямъ, велѣтъ Государь итти къ Москвѣ съ собою Государемъ.

На оборотѣ написано:

Великому Господину Преосвященному Митрополиту Кириллу, Ростовскому и Ярославскому, и Архіепископамъ и Епископамъ, и всему Освященному Собору, и господамъ Болрамъ, Князю Ѳедору Ивановичу съ товарищи, и Окольниковымъ, и Стольниковымъ и Дворянамъ Московскимъ, и Стряпчимъ, и приказнымъ людямъ, и жильцамъ и Дворянамъ изъ городовъ, и Атаманамъ, и козакамъ, и стрѣльцамъ, и всякимъ служилымъ людямъ, и гостямъ, и торговымъ и вслкимъ жильцкимъ людямъ.

II.

Доложа господину Героптію Митрополиту всея Русіи. Селъ Иванъ Васильевичъ Ощера емлю, Господине, у твоего Новинскаго Игумена у Варсупоеія, и у его братьи, у старцовъ, у келари Игнатья, да у Юны, да у Ѳаддея, и у псей ихъ братьи старцевъ, землю церковную Введенія Пречистыя Богородицы, Новаго твоего монастыря село Кудрино, что было за Ивановъ за Товарковымъ. А емлю, Господине, у нихъ то село Кудрино до своего живота, и со всѣмъ съ тѣмъ, что къ тому Кудрину потягло изстари; вѣдати ми, господине, то село, и пахати, и косити на себя, отъ города отъ Москвы по межу, да по Волоцкую дорогу, а на другой сторонѣ по ту дорожку, что идетъ промежу дороги Тверскія, и промежи того села Кудрина, что идетъ къ Бесѣдамъ, отъ тое же межи отъ города. А мнѣ Ивану Васильевичу того церковнаго села Кудрина, и земли и луговъ, не обсваивать, ни женѣ, ни дѣтямъ не давать, ни продать, ни мѣнити, ни отдати ни кому, ни которою хитростью отъ церкви Божіи, и та земля, Кудрино село, съ церковное владѣнье Пречистыя Богородицы Новаго твоего монастыря. А что, Господине, язь Иванъ Васильевичъ промышлю въ томъ въ селѣ въ Кудринѣ серебра, и хлѣба, и животныи страдныя, и послѣ моего живота

то село Кудрино, и съ серебромъ, и съ хлѣбомъ въ земль, и что будетъ на полъ стоячего жита, и съ животною страдною, и со всѣмъ тѣмъ въ домъ Введенія Пречистыя Богородицы, въ монастырь на Новое, Игумену съ братьею, на поминокъ моихъ родителей, и по моей душѣ, и по всему моему роду. А ѿ, Господине, Игуменъ Новинской Варсупоеей, и его братья старцы, передъ тобою; и господиивъ Геронтей Митрополитъ всея Русіи вопросилъ Игумена Варсупоея Новинского и его братьи старцевъ, Келаря Игнатя, да Іоуу, да Феогноста, да Фаддеа, и всѣхъ ихъ братьи старцевъ: дали есте Ивану Васильевичу Ощеръ церковное, Введенья Пречистыя Богородицы Новинского монастыря, село Кудрино, пахати до его живота? И Игуменъ Варсупоеей, съ братьею, господиину Митрополиту сказали: дали есмя, Господине, Ивану Васильевичу село монастырское пахати и жити ему въ томъ селѣ до его живота. А что, Господине, Иванъ Васильевичъ въ томъ селѣ въ Кудринѣ примыслить серебра, и хлѣба, и животныи страдныя, и послѣ его живота то село Кудрино, со всѣмъ тѣмъ, Введенью Пречистыя Богородицы на Новое, Игумену, кто ни будетъ, съ братіею, на поминокъ по Ивановыхъ родителей, и по Ивановъ душѣ, и по всему его роду. А на докладъ у господина у Митрополита былъ его Бояринъ Федоръ Юрьевичъ Степановъ. А писано мѣсяца Февраля въ 27-й день, лѣта 6990 четвертаго. А подпись у докладной: «А по Государеву Митрополиту слову подписалъ Митрополитъ Дьякъ Левашъ,» а печать Митрополита Пречистыя образъ.

III.

Се азъ Кипріянь Митрополитъ всея Русіи далъ есмь сю грамату монастырю своему Святому Константину, Игумену, что ми были челомъ сироты монастырскіе на Игумена на Еѳрема, такъ рекучи: наряжаетъ намъ, господине, дѣло не по пошляивъ, чего, господине, при первыхъ Игуменахъ не бывало; пошляивы, господине, у насъ емлютъ, чего нивы Игумены не имали. И Игуменъ Митрополиту такъ рекъ: азъ, господине, хожу по старой пошляивъ, какъ было при первыхъ,

Игуменахъ. А здѣ, господине, на Москвѣ Игумень Царко; той Игумень у Святаго Константина напередъ меил, того, господине, и спроси. И Митрополитъ послагъ Акинѳа къ Царку къ Игумену, занежъ тогда Царко нездоровьль, и велѣлъ спросити: какова пошлапа въ Святомъ Константинѣ, и какъ людямъ монастырскимъ дѣло дѣлати? И Царко Игумень тако отвѣчалъ Акинѳу: при моемъ игуменствѣ такъ было въ Святомъ Константинѣ: большимъ людямъ изъ монастырскихъ селъ церкви наряжати, монастырь и дворъ тынити, хоромы ставить, Игуменовъ жеребей вирошня (?) орать взгопотъ, и сѣяти, и пожати, и свезти, сѣно косити десятипачъ и въ дворъ везти, сѣз бити и мешпей и зимпей, сады оплетать, на неводъ ходити, пруды прудить, на бобры имѣ въ осеняи пойдти, а истоки имѣ забивати. А на Великъ день и на Петровъ день приходять къ Игумену, что у кого въ рукахъ, а пѣшходномъ изъ селъ къ празднику рожь молоти, хлѣбы печи, солодъ молотъ, пива варить, па сѣмя рожь молотить; а лѣвъ даетъ Игумень въ села, и они прядуть, сѣжи и дѣли неводныя паряжуютъ. А даютъ изъ селъ всѣ люди на праздникъ яловицу, по однова, господине, ми были челомъ, а не въ пошлапу, трети бараны, и лѣз ихъ пожаловалъ за яловицу, запежъ ми была непадобе яловица на праздникъ. А въ которое село прѣдетъ Игумень въ братину, и сыпицы даютъ по зобиѣ овса конемъ Игуменовымъ. И Акинѳъ тѣ рѣчи Игумены Царковы сказалъ воу Митрополиту. И потомъ Царко Игумень омогся и приедъ къ Митрополиту тѣ всѣ рѣчи сказалъ, что приказалъ съ Акинѳомъ къ Митрополиту. И потомъ изъ Кипріянь Митрополитъ всея Русси спросилъ есмь въ Водимеръ (?) своихъ Боирт, того монастыря пошлапъ, и о яловицѣ о празднешной, Михаила Бирѣва, Юрья Протопопова, Ивана своего повара, и они ми тѣжъ рѣчи сказали, и о озерѣхъ, и о источкѣхъ, и о бобровой ловлѣ. И Кипріянь Митрополитъ всея Русси такъ рекъ: Игумену и крестьяномъ монастырскимъ ходити всѣмъ по моей граматѣ; Игумень сироты держи и сироты Игумена слушайте, а дѣло монастырское дѣлайте. А хотя кто будетъ нной Игумень по семъ Игумень, и тотъ ходитъ по сей моей граматѣ. А сю мою грамату велѣлъ есмь положить въ церкви Игумену и людемъ, а пи которой Игумень сем грамату изъ монастыря да не вынесетъ; аще ли вынесетъ, не буди на немъ м-

лости Божіей и моего благословенія. А дана грамота на Москвѣ въ лѣто 6975, мѣсяца Октября въ 21 день, индикта 15-го.

Назадъ подписалъ: «Сее грамоты Князь Великій рушити не велѣлъ, а пожаловалъ Игумена по сей грамотѣ, что въ ней написано. А подписалъ Великаго Князя Дьякъ Иванъ Рыболовѣ мов, Великаго Князя, не вѣзжаютъ въ монастырскія озера.» Сее грамоты Иона Митрополитъ всея Руссїи не рушилъ, а велѣлъ Игуменомъ и крестьяномъ по старинѣ по сей грамотѣ ходити о всемъ. А подписалъ по Митрополичу слову Митрополитъ Дьякъ Карло.

—

IV.

Акты по дѣлу Искры и Кочубея.

1.

Отъ Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича, всея Великія, и Малыя и Бѣлыя Россїи Самодержца, на Двину, Комнатному Стольнику Нашему и Воеводѣ, Князю Петру Алексѣевичу Голлицы. Въ нынѣшнемъ 708 году, Іюля въ ... день, по Нашему Великаго Государя указу посланы съ Москвы на Двину, Приказа Малыя Россїи съ Подъячникомъ, съ Саввою Терновскимъ, Сотникъ Петръ Кованко, да два человѣка писарей, да челдѣ Кочубеева и Искрина, за ложное доношеніе на Гетмана и Кавалера Ивана Степановича Мазецу, которыхъ велѣно у города Архангельскаго приверстать въ солдаты, или во что потребны; и какъ къ тебѣ ся Наша Великаго Государя грамота придетъ, и ты бѣ, Комнатный Стольникъ Нашъ и Воевода, о принятїи того Сотника съ товарищи, и о принятїи ихъ въ службу, или во что потребны будутъ, учинилъ по сему Нашему Великаго Государя вышеписанному указу, и по своему разсмотрѣнію. А кто мнѣны посланные, и тому подѣ сею Нашею Великаго Государя грамотою роспись. А въ которомъ числѣ тѣ Черкасы привезены, и въ какую службу приверстаны будутъ, о

томъ къ Намъ Великому Государю писалъ и отписку велѣлъ подать, и подъячому явится въ Приказъ Малыя Россіи, Тайному Нашему Секретарю Петру Павловичу Шафирову съ товарищи. Писанъ на Москвѣ, лѣта отъ Рожденія Христова 1708-го, Іюля въ ... день.

Роспись колодникомъ:

Сотникъ Петръ Кованко.

Писари.

Григорій Глуховецъ. Петръ Колчицкой. Искры сынъ Осипъ. Поповъ сынъ Иванъ.

Челядь Кокубсева.

Григорій Попурка. Елѣнъ Молженовской. Иванъ Бутъ. Яковъ Крапивницкой. Кондратій Донецъ. Клементей Тарасовъ. Михаило Степановъ. Степанъ Матвѣевъ. Григорій Петровъ. Марко Гужвенко. Григорій Еременко. Петръ Михайловъ. Парфенъ Сиковский. Павелъ Кованко. Герасимъ Кованко. Иванъ Рудяковский. Иванъ Заводовскій. Иванъ Сальникъ. Викула Марковъ.

Искринь.

Андрей Яковлевъ. Яковъ Рогуля (отпущенъ на Украину). Лсонъ Мануха.

—
2.

Отъ Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича, всея Великія, и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, въ Соловецкій монастырь, Архимандриту Ѳнрсу съ братією. Въ нынѣшнемъ 708-мъ году, Іюля, въ 15 день, по нынѣшнему Великаго Государя указу посланы къ вамъ въ Соловецкій монастырь старецъ Никавора, да попъ Иванъ Святала, съ сыномъ, приключившіяся въ дѣлѣ бывшего Гет-

мапа, что нынѣ учинился воръ измѣнникъ Мазепа, и Василья Кочубея и Искры, которымъ велѣно быть въ томъ монастырѣ въ братствѣ, и изъ монастыря ихъ не отпускать. А нынѣ указали мы Великій Государь того старца и попа Ивана съ сыномъ изъ Соловецкаго монастыря освободить и прислать къ Москвѣ. И какъ къ вамъ ся Наша Великаго Государя грамота придетъ, и вы бъ того старца и попа Святла, и съ сыномъ его, изъ Соловецкаго монастыря прислали къ Намъ Великому Государю къ Москвѣ, съ кѣмъ пристойно, и съ провожатыми, да о томъ къ Намъ Великому Государю писали, и отписку велѣли подать и ихъ объявить Постельничьему и Кавалеру Графу Гаврилу Ивановичу Голевкину, да Тайному Секретарю Петру Павловичу Шафирову съ товарищи, и Наша Великаго Государя послушная грамота изъ Монастырскаго Приказа о томъ послана жъ. Писавъ на Москвѣ, лѣта 1708 году Декабря въ ... десь.

3.

1708 году, Ноября въ 12 день, по указу Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича, всея Великія, и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, въ Соборной Апостольской Церкви Успенія Пресвятыи Богородицы было благодарное молебное пѣніе о счастливомъ выборѣ въ Малую Россію въ Гетмапы полковника Стародубскаго Ивана Ильича Скоропадскаго, на мѣсто измѣнника, бывшаго Гетмана Ивашки Мазепы. А прежде того молебнаго пѣнія той Соборной Церкви прогodyяковъ Петръ читалъ письмо, писанное отъ Великаго Государя изъ военнаго похода, къ Благородному Государю, Царевичу и Великому Князю Алексѣю Петровичу, всея Великія, и Малыя и Бѣлыя Россіи, что оны Гетманъ Ивашка Мазепа, забывъ страхъ Божій и крестное цѣлованіе и обиданіе свое, Ему Великому Государю измѣнилъ и отѣхалъ къ Свейскому Королю. Потомъ Преосвященный Стефанъ, Митрополитъ Рязанскій и Муромскій, читалъ къ народу поученіе про него жъ измѣнника Мазепу, первое воспоминавая его Мазепины, первая къ Нему Великому Государю радѣтельныя службы и къ людямъ добродѣтели, но по

томъ объявить и измѣну его къ Нему Великому Государю и, отъѣздъ къ Свейскому Королю, за которую измѣну и крестное преступленіе, приглася овъ Пресвященный Стефанъ Митрополитъ, прочихъ Архіереевъ, въ той службѣ будущихъ, и рекъ: Мы есмы, собраніи во имя Господа и Иисуса Христа, и Святыхъ Апостоломъ дано отъ Самого Бога вязать и рѣшити, потомъ и намъ. Аще кого свяжемъ на земли, связанъ будетъ и на небеси,» и возгласилъ трижды: «Измѣнникъ Ивашка Мазепа, за крестопреступленіе, и за измѣну къ Нему Великому Государю, буди анаема!» Потомъ прочіе Архіереи шли: «Буди проклятъ,» трижды. А Великому Государю пѣли по крылозому многолѣтіе. При томъ двѣствъ въ Соборной церкви были:

Благородный Государь, Царевичъ и Великій Князь Алексѣй Петровичъ, Всеа Великія, и Малыя и Бѣлыя Россіи.

Митрополиты.

Рязанскій и Муромскій Стефанъ Яворскій.
Кругицкій Иларіонъ.
Нижегородскій Селиверстъ.
Суздальскій Евремъ.

Архіепископы.

Коломенскій Антоній.
Тверской Калистъ.

Болре.

Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ.
Князь Михайло Алегуконичъ Черкасскій.
Алексѣй Петровичъ Салтыковъ.
Иванъ Алексѣевичъ Мусниъ-Пушкинъ.
Генеральный Президентъ, Москвы Комендантъ и Сибирской провинціи Судія, Князь Матвѣй Петровичъ Гагаринъ.

Стальники.

Князь Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановскій.
Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ.

Григорій Андреевъ сынъ Племянниковъ.
Юрья Степановъ сынъ Нелединской-Меледкій.

V.

Отъ Царя и Великаго Князя Бориса Фодоровича въ Арзамасъ Губному Старостъ Третьяку Хохлову. Въ прошломъ во 109-мъ году писали къ Намъ изъ Арзамаса, Иванъ Головачовъ, да Подъячій Фодоръ Барановъ, что билъ Намъ челомъ Тренька Емельяновъ, съ братьею, съ Степанкомъ, да съ Безсонкомъ, съ женою и съ дѣтьми, а сказаль: была де у нихъ мать Огаѣница, родомъ Руска, Смоленскаго уѣзда; и мать де ихъ Огаѣницу скралъ Шапуровской Мордвинъ и свезъ въ Арзамасъ, да продалъ Мордвинужъ Ардату, и Ардате де матеръ ихъ далъ замужъ за Русскагожъ человека, за вхъ отца Омельянка на выслугу. И отца де Емельянка и матеря Огаѣницы не стало, и того де Мордвина Ардате и жены его Мордовки не сталожъ, тому лѣтъ съ десять. А онъ Тренька женился на Руской же, и пынь де ихъ неволять того Мордвина Ардатовы дѣти, Васька, да Баженка, и вводить ихъ въ свою Мордовскую вѣру, а крестьянскія вѣры вѣровати не велать, и ихъ называютъ себѣ вѣковыми холопи, а отъ себя ихъ не отпустить. А они, Тренька, да Степанко и Безсонко, съ женою и съ дѣтьми, крестьянскія вѣры бросить не хотять, а хотять иди въ папѣ въ Дворцовое село, въ Выздную слободу во крестьянѣ, на пашню. А Мордвинъ Васька Ардатовъ сказаль, что тотъ Тренька и братья его, Степанко, да Безсонко, родились отъ Литовки. А та Литовка того Тренькина, и Степанкова и Безсонкова мать, полонена въ Могилевъ городъ. А полонилъ ее Мокотелейской Мордвинъ Авака, и продалъ отцу его Ардату, тому лѣтъ съ сордкъ, и купчая у него на тоѣ Литовку есть; и на той Литовкѣ того Тренькинъ отецъ женился добровольно. Да та Литовка Тренькина мать отъ отца ихъ бѣгала къ Матвѣю Микулинскому, и Матвѣй де тоѣ Литовку отцу его Ардату по пашей граматѣ отдалъ. А онъ Васька того Треньку, и его братью, и жену и дѣтей, въ свою Мордовскую вѣру не неволять, вѣруютъ они Русскую вѣру; и они де въ Арзамасъ въ

нашей казнь, нашей грамоты и записку не нашли, почему того Тренькина мать Огафница взята у Матвѣя Микулинскаго и отдана Васькину отцу Ардату. И послѣ того привезъ къ намъ Ардаты Мордвинъ, Васькинъ братъ, Баженка Ардатовъ Тренкину братью Степанка, да Иванка, а прозвище Безсопка, да Тренкину жену Ѳедорку; а крестовъ на Русскихъ людехъ, на Степанкѣ, и на Иванкѣ и на Ѳедоркѣ имѣть. И они того Треньку и братью его Степанка, и Безсопка, и того Тренкину жену Ѳедорку отдали въ наше въ Дворцовое село, въ Выѣздную слободу, старостъ Тренкѣ Махайловичу, съ товарищи, до нашего указа. А Тренька Емельяновъ билъ намъ челомъ, что тотъ Мордвинъ приводитъ его къ своей вѣрѣ, и велитъ по своей вѣрѣ въ среду, и въ пятницу и въ постъ мясо, и всякой звѣрь, медвѣдь, и бобръ и куницу, и ежъ ѣсть, а образу Божью поклоняться не велитъ, а какъ де онъ Тренька въ избу внесетъ, и тотъ де Мордвинъ образу Божью поглумляется. А въ памяти, за приписью Дьяка Богдана Григорьева, пынѣшняго 110-го года написано: тотъ Тренька Мордвину Васькѣ Ардатову сыну, матери его по Огафницы купчей выданъ головою, а Тренкину жену и ихъ дѣтей велѣно отдать Васькѣ Ардатову по Тренкину холопству, а братью его въ холопствѣ велѣно за порукою прислать къ намъ къ Москвѣ, въ Приказъ Холопья Суда. И въ пынѣшнемъ во 110-мъ году послана паша грамота въ Арзамасъ, къ Ивану Голочелову, а велѣно ему потомъ Тренкѣ Емельяновъ, и по его женѣ, и по дѣтяхъ, и по братьи, взять крѣпкія поруки съ записми, въ томъ, что имъ въ Нашемъ въ Дворцовомъ селѣ, въ Выѣздной слободѣ, во крестьянѣхъ, на пашнѣ въ тяглѣ, а въ иные ни въ которые города и въ волости никуда не сбѣжати; а Мордвину Васькѣ Ардатову, того Тренки съ женою и съ дѣтьми въ хололи выдавати не велѣно до нашего указа. И какъ къ тебѣ съ паша грамота придетъ, и ты бѣ около того Васькины Ардатовы деревни, версты по двѣ, и по три, и по пяти, и по шести, и по десяти, и по двадцати, и больши того, велѣтъ обыскати многими людьми накрѣпко, попы и дьяконы, по священству, а дѣтьми Боларскими, и ихъ прикащики, и крестьявы, в Нашихъ Дворцовыхъ селѣ прикащики, и старосты, и цѣловальники, и крестьяны, по нашему крестному цѣлованью, а Мордвою по ихъ вѣрѣ, по шерти: Васька того Треньку Емель-

люва, съ женою, и съ дѣтьми, и съ братьею въ свою Мордовскую вѣру приводить ли, и въ среды, и въ пятницы, и въ постъ мясо и всякой звѣрь вѣсть велить ли, и образу Божию поглумается ли, и поклопаться нмѣ не велить ли, или онъ Васька того Трешку, съ женою, и съ дѣтьми, и съ братьею, отъ Крестьянскимъ вѣры не отводить ли, а Трешко будде его тѣмъ поклепалъ, хотя отъ него отойдти отъ холопства? Да кто что про то право въ обыску скажетъ, и ты бѣ тѣхъ людей имена и рѣчи велѣлъ написать на списокъ Земскому, или Церковному Дьячку, подлинно, порознь; да къ тѣмъ обыскнымъ рѣчамъ, которые люди въ обыску будутъ, а грамотъ умѣють, велѣлъ руки свои приложить, а которые люди будутъ въ обыску, а грамотъ не умѣють, и въ ихъ мѣсто велѣти отцомъ ихъ Духовнымъ руки свои приложить; да тотъ обыскной списокъ прислать бы его къ Намъ къ Москвѣ, въ Нижегородскую Четверть, къ Князю Михаилу Самсоновичу Туренину, да къ Дьякомъ Нашимъ, къ Ивану Салтыкову, да къ Павлу Матюшкину. Писавъ на Москвѣ, лѣта 7110, Генваря въ 14 день.

VI.

Царю Государю, Великому Князю Алексѣю Михайловичу всея Русіи, бѣеть челомъ холопъ Твой, новгорода Коротояка, Приказной Избы подъячншко, Иванко Микитицъ сынъ Шумовской: въ прошлыхъ, Государь, годѣхъ, по указу блаженныя памяти Отца Твоего Государева, Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Феодоровича всея Русіи, и по Его Государевѣ грамотѣ изъ Разряда, за приписью Дьяка Григорья Лариопова, былъ я холопъ Твой у вашихъ Государскихъ, у Приказныхъ дѣлъ, на Валуйкѣ, въ Приказной Избѣ, въ подъячншкахъ девять лѣтъ, одинъ безпрестанно всякія приказныя дѣла въ Приказной Избѣ работалъ, и многія службы я, холопъ Твой, служилъ, въ походы, въ степь, за Крымскими и за Ногайскими воинскими людьми съ Валуйскими служилыми людьми, я холопъ Твой, ходилъ, и поискъ во многихъ походахъ надъ Крымскими и Ногайскими воинскими людьми, и надъ Литовскими воровскими Черкасы былъ, и

на тѣхъ, Государь, бояхъ, я, холопъ Твой, съ Крымскими и съ Ногайскими воинскими людьми бился, не щадя головы своей, и подь Валуикою, Государь, въ Татарскіе приходы тожъ я, холопъ Твой, служилъ, съ Крымскими и съ Ногайскими воинскими людьми бился, не щадя головы своей, и убилъ Татарина, и я, холопъ Твой, на бою раненъ по лъвой рукъ; и о тѣхъ, Государь, моихъ службишкахъ, блаженныя памяти ко Отцу Твоему Государеву, и къ Тебѣ, Государю, писано, и за тѣ, Государь, мои службишки и за приказную работу Вашего Государскаго денежнаго жалованья окладъ мнѣ холопу Твоему учинилъ, давати по девяти рублевъ на годъ; и въ прошломъ, Государь, во 155-омъ году, по Твоему Государеву указу, посланъ я, холопъ Твой, съ Москвы, съ Твоимъ Государевымъ Стольникомъ и Воеводою, съ Даниломъ Семеповичемъ Яковлевымъ, въ подьячншкахъ, къ устью рѣки Тихія Сосны и Коротояка, на рѣкѣ на Дону строити новый городъ Коротоякъ, а построить городъ Коротоякъ, по Твоему Государеву указу и по грамотѣ изъ Розряда, за приписью Дѣла Григорья Ларионова, велѣно мнѣ, холопу Твоему быти на Коротоякѣ у Твоихъ Государевыхъ, у всякихъ дѣлъ, въ Приказной Избѣ, для письма въ подьячншкахъ, на вѣчное житье, а Твоего Государева денежнаго годоваго жалованья велѣно мнѣ, холопу Твоему, давати на Коротоякѣ по девяти рублевъ на годъ, тожъ что Твоего Государева жалованья давано и на Валуикѣ; и я, холопъ Твой, на Коротоякѣ два года Тебѣ, Государю, служилъ, былъ безпреставно у Коротояцкаго, у городоваго, и у острожныхъ у всякихъ дѣла въ Приставѣхъ, и въ Приказной Избѣ всякія Твои Государевы дѣла работалъ я, холопъ Твой, дѣвнами и ночными, одинъ, безпокойно, а твоего Государева денежнаго указаго жалованья, на 156-й, да на шестнадцатій 157 годъ, на Коротоякѣ мнѣ холопу твоему недано, и я холопъ Твой, отъ того оскудѣлъ и одолжалъ великими долгами, и со всемъ своимъ домишкомъ помираемъ голодомъ; а которые, Государь, мои братія подьячншіе бывають у такихъ дѣлъ, и они, сверхъ своихъ старыхъ окладовъ, Твоимъ Государевымъ жалованьемъ бывають пожалованы. Милосердый Государь, Царь и Великій Князь Алексій Михайловичъ всея Русіи, пожалуй меня, холопа Своего, за мои службишки, и за приказныя работнишки, и для моей бѣдности, Коротояцкаго нуждаго терпѣнья, вели, Государь, дати мнѣ, Свое Государево денежное

жалованье, на прошлой на 156-й годъ, да нынѣшній на 157-й годъ, противъ прежняго Своего Государева указа, здѣсь на Москвѣ, а впередъ вели, Государь, Свое Государево денежное годовое жалованье давати мнѣ, холопу Своему на Коротоякѣ, изъ Коротояцкихъ доходовъ, безъ Московскія волокиты, чтобы мнѣ, будучи на новѣ мѣстѣ, у Твоего Государева дѣла, голодомъ съ домашними своими не помереть, а опричь Твоего Государева жалованья, будучи на Крапивнѣ (Коротоякѣ?) у Твоихъ Государевыхъ дѣлъ, прокормиться нечемъ! Государь Царь! смилуйся, пожалуй!

И противъ сей челобитной въ Разрядѣ выписано:

Въ прошломъ, во 155-мъ году, въ Августъ, по Государеву указу велѣно Валуйскія Приказныя Избы Подъячему Ивашку Шумовскому быти на Коротоякѣ на вѣчное житье.

А Государева жалованья дано ему на дворовое строеніе 10 рублевъ.

Да на Коротоякѣ велѣно ему дать, Данилу Яковлеву, на 156-й годъ, окладъ его сполна 9 рублевъ.

Да ему же велѣно давать на Воронежѣ, изъ житницъ, со 156 года по 158-й годъ, по 5-ти чети ржи, по 5-ти чети овса на годъ.

Да ему же велено дать дворовое мѣсто, да на пашню земли 10 четвертей въ полѣ, а въ дву потому же.

А въ челобитной Ивашка Шумовскаго написано, и у выписки сказалъ: по Государеву указу велѣно ему быти на вѣчное житье, и въ Приказной Избѣ для письма, а Государева жалованья велѣно ему дать, на 156-й годъ, на Коротоякѣ окладъ его сполна 9 рублевъ; и онъ де будучи на Коротоякѣ у городского, и у острожнаго, и у всякихъ дѣлъ, Государю служилъ, былъ день и ночь безотлучно, и въ Приказной Избѣ всякую приказную работу работалъ, а Государева денежнаго жалованья ему на прошлый, на 156-й годъ, что ему указано дать, не дано, и онъ де будучи на Коротоякѣ, безъ Государева жалованья оскудѣлъ и одолжалъ великимъ долгомъ, и Государь бы его пожаловалъ, за его службу, и для приказныя работы и для его бѣдности, велѣлъ дать ему Свое Государево жалованье, на прошлый на 156-й и на нынѣшній на 157-й годъ, окладъ его по 9 рублевъ на годъ.

А дано Ивашку Шумовскому Государево жалованье на 156 годъ окладъ его 9 рублевъ, или не дано, о томъ Данило Яковлевъ къ Государю къ Москвѣ не писывалъ.

А на Москвѣ Данило Яковлевъ сказалъ, что Ивашку Шумовскому Государева жалованья на 156-й годъ, оклада его, 9 рублевъ, не дано, за тѣмъ, что на него денегъ изъ Москвы не прислано, а на Коротоякъ денегъ въ приходѣ не было, а что было которыхъ денегъ подлинныхъ въ приходѣ, и тѣ всѣ деньги въ расходѣ на Государевы дѣла. *Данило Яковлевъ руку приложилъ.*

Отъ Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Русии, на Корочу, Воеводѣ Нашему Микитѣ Борисовичу Доможирову. Билъ Намъ челомъ, Короченской Приказной Избы, Дьячекъ Данило Прокофьевъ: сидитъ де онъ на Корочѣ въ Приказной Избѣ со 151 году, безпрестанно, и всякую приказную работу работаетъ, а нашего де денежнаго жалованья, на нынѣшній на 157-й годъ, ему не дано, и Намъ бы его пожаловать, велѣть ему на нынѣшній, на 157-й годъ, дать наше денежное жалованье. И какъ къ тебѣ ся Наша грамота придетъ и ты бѣ Короченскому Приказной Избы Дьячку Данилку Прокофьеву Наше жалованье, на нынѣшній на 157 годъ, окладъ его, семь рублевъ, дажь, изъ Короченскихъ изъ всякихъ доходовъ, и ту дачу написалъ въ расходѣ, и тѣ въ книги писалъ. На Москвѣ, лѣта 7157-го Февраля въ 28-й день.

IV.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

— LE SCHAÏN-NAMEN. (Шахъ - Наме, или *Книга Царей*. Персидская Эпопея. Сочиненіе Фирдуси. Французскій переводъ Юлія Моля, съ Персидскимъ текстомъ. Томъ I. Отдѣленіе *Восточнаго Собранія*, издав. Французскимъ Правительствомъ, въ листъ. Парижъ, 1839 года.

(Статья вторая и послѣдняя).

Разсмотрѣвъ обширный кругъ героическихъ Персидскихъ лѣтописей, содержащихся въ *Книгѣ Царей* Фирдуси, любопытно познакомиться съ самою поэмою и жизнію поэта. Для удовлетворенія читателей въ семъ отношеніи, слѣдовало бы передать все предисловіе г-на Моля, исполненное высокой и глубокомысленной критики, за которое его можно поставить въ первый рядъ ученыхъ мужей. Не будучи въ силахъ употребить такого лучшаго средства, постараюсь къ нему приблизиться передачею важнѣйшихъ выводовъ г-на Моля, такъ вѣрно, какъ позволятъ мнѣ необходимыя сокращенія.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что *Книга Царей* основана не на безотчетной выдумкѣ челоуѣка, а на
Т. XI. — Отд. IV.

преданіи, сохранившемся въ народѣ; что она поэма эпическая, въ родѣ *Иліады* и *Нибелунги*, а не въ родѣ *Энеиды* или *Освобожденнаго Иерусалима*. Преданія о древней Персидской Исторіи, собранныя Фирдуси, существовали гораздо прежде него. Фирдуси писалъ немного ранѣе сотаго года нашей эры, а Моисей Хоренскій, Армянскій историкъ V вѣка, зналъ уже повѣствованія о Зоакъ и Рустемъ.

Въ VI вѣкѣ, знаменитый Нуршиванъ, выписавшій изъ Азіи собраніе апологовъ и повѣстей, нѣсколько разъ переведенныхъ и извѣстныхъ на Западъ подъ именемъ Бидпаевыхъ Басепъ, съ такимъ же рвеніемъ собиралъ народные рассказы, какъ и чужеземныя созданія. Онъ повелѣлъ собрать изъ разныхъ провинцій народныя воспоминанія о прежнихъ Царяхъ, и помѣстилъ сіе собраніе въ своей библіотекѣ. Последний Царь династіи Сассанидовъ приказалъ пересмотрѣть и дополнить Нуршиваново собраніе. Когда Исламисмъ изгонялъ религію Зороастра, когда Персидская монархія клонилась къ паденію, въ Эктабанъ и Ктезифонъ, послѣдніе ревнители древней религіи, послѣдніе защитники умирающей народности, держались, такъ сказать хватались за народныя преданія, какъ утопающій хватается за обломки корабля во время бури.

Самъ Фирдуси описываетъ составленіе втораго сборника. Онъ говоритъ, что знатный вельможа Данишверъ, жившій при послѣднемъ Сассанидѣ, выписалъ изъ провинцій старцовъ, владѣвшихъ отрывками изъ книги, въ которой было много повѣстей; онъ выслушалъ рассказы старцовъ, и съ помощію ихъ очинилъ твореніе, подъ тѣмъ же названіемъ, какое потомъ дано творенію Фирдуси. Г-нъ Моль справедливо сомнѣвается въ существованіи другаго сборника, кромѣ Нуршиванова, хотя слова Фирдуси заставляютъ предполагать противное.

«Слѣдуетъ замѣтить—говоритъ г-нъ Моль—что во

всѣхъ странахъ, всѣ собиратели изустныхъ преданій стараются придать своимъ сборникамъ болѣе важности, относя ихъ къ твореніямъ небывалымъ.»

Слова его справедливы; эпическая литература Среднихъ Вѣковъ доставляетъ намъ нѣсколько доказательствъ. Всѣ авторы рыцарскихъ поэмъ утверждаютъ, что рассказываемыя ими похождения заимствованы изъ какого нибудь уважительнаго источника, на примѣръ, изъ *Сень-Денискихъ хроникъ*. Они такъ часто приводили книгу и повесть, что такія ссылки вставлялись наконецъ для рифмы, или превратились въ шутку, которой подражалъ Аріостъ, основывая свои забавно — неинтересные рассказы на важномъ свидѣтельствѣ Тюрпина.

Слѣдовательно, можно допустить, что Данишверовъ сборникъ, такъ же, какъ и Нуршивановъ, основанъ на изустномъ преданіи, и на нѣкоторыхъ притомъ рукописяхъ, заимствованныхъ также изъ изустнаго преданія.

Данишверъ принадлежалъ, по словамъ Фирдуси, къ семейству одного изъ *Дигкановъ*, т. е., какъ весьма остроумно доказываетъ г-нъ Моль, къ аристократіи, которая владела землями до Музульманскихъ завоеваній. «Семейства, составлявшія сію аристократію—говоритъ г-нъ Моль—должны были съ любопытствомъ собирать преданія о своихъ земляхъ и предкахъ. Они, по большей части, происходили отъ древнихъ царственныхъ, или владѣльческихъ домовъ Персидской имперіи, коихъ подвиги рассказаны были въ сихъ преданіяхъ.» Посему понятно, по какой причинѣ Данишверъ составилъ свой сборникъ. Дѣло шло о наследственной славѣ *пелвановъ* (военачальниковъ), изъ коихъ онъ былъ извѣстнѣйшій. Вотъ содержаніе *Книги Царей*: она сборникъ стихотворныхъ Персидскихъ древностей, переходившихся отъ поколѣнія къ поколѣнію, до той роковой эпохи, когда должно было свершиться паденіе Персидской монархіи. Онъ пе-

реидеть еще три вѣка, подъ чужеземнымъ игомъ, пока достанется въ руки великаго поэта, который обдѣлаетъ его безъ поврежденія.

Данишверовъ сборникъ, пощаженный, по отвергнутый Омаромъ, «какъ смѣсь хорошаго и дурнаго, недостойнаго поощренія», презираемый усердными Музульманами за вредныя и проклятыя пророкомъ мысли, былъ переведенъ на Арабскій языкъ во второе столѣтіе Эгиры, Гебромъ, обратившимся въ исламизмъ, но обращеніе коего почиталось подложнымъ. Привязанность къ воспоминаніямъ, относившимся ко временамъ невѣжества *, заставляла непременно предполагать нѣкоторую холодность къ новой религіи; даже Фирдуси, не смотря на частое выраженіе музульманской искренности, былъ подозрѣваемъ на счетъ чистоты своихъ религіозныхъ правилъ.

Особенно на сѣверъ Персіи, далеко отъ центра владычества Халифовъ, наиболее сохранялась привязанность къ древнимъ мѣстнымъ преданіямъ. Многіе изъ начальниковъ, конхъ власть усилилась послѣ основанія Халифата, старались оживить, для политической цѣли, старый мѣстный духъ своихъ княжествъ, и противопоставить его владычеству Халифовъ. Возрожденіе древней народности, предпринятое для частныхъ выгодъ противъ Арабскаго владычества, породило на сѣверъ Персіи нѣсколько литературныхъ попытокъ, изъ конхъ самая блистательная произвела *Книгу Царей* Фирдуси. Далѣе пусть говоритъ самъ г-нъ Моль; мы не хотимъ лишать читателей историческаго отрывка, равно замѣчательнаго, какъ по отчетливости выводовъ, такъ и по силѣ слога.

«Успѣхъ Арабскихъ завоеваній былъ обширенъ и быстръ; въ нѣсколько лѣтъ пала Персидская монархія; древняя религія уничтожена; почти весь народъ

* Такъ называютъ Музульмане эпоху, предшествовавшую появленію Магомета.

обратился къ исламизму. Персидская литература почти совершенно исчезла и замѣнилась Арабскою. Халифатъ казался несокрушимымъ на двойственномъ престолѣ духовнаго и свѣтскаго владычества. Но сильное Арабское вліяніе покоилось не во всѣхъ Персидскихъ провинціяхъ на одинаково прочномъ основаніи, что происходило отъ искусственнаго положенія, въ которомъ Арабскія побѣды застали Персію. Вся Персидская Имперія имѣла офиціальнымъ языкомъ діалектъ *Пельви*. Онъ образовался въ Месопотаміи, отъ смѣшенія породъ Семитической и Персидской, и былъ нарѣчіемъ пограничнымъ, какъ показываетъ и названіе его. Онъ сталъ правительственнымъ языкомъ; когда политическія событія перенесли столицу имперіи въ тѣ провинціи, гдѣ на немъ говорили. Въ восточныхъ провинціяхъ сохранились нарѣчія чисто Персидскія.

«Послѣ завоеванія, Арабы естественно поселились преимущественно въ Персидскихъ провинціяхъ, ближайшихъ къ Аравіи, гдѣ говорили на нарѣчіи *Пельви*. Тутъ основали они центръ своей имперіи, создали Багдадъ, Куфу, Моссуль, и другіе Арабскіе большіе города, допустили до упадка всѣ древнія столицы провинцій, и дѣйствовали на покоренный народъ всѣми средствами, какія можно извлечь изъ силы, политической власти, религіознаго фанатизма, вліянія новой литературы и переищу законовъ и учрежденій. Они такъ удачно присвоили себѣ народъ, что заставили его принять свой языкъ, и замѣнить имъ нарѣчіе *Пельви* во всѣхъ западныхъ провинціяхъ, за исключеніемъ немногихъ горныхъ округовъ. Съ сей минуты, Арабскіе побѣдители не могли ничего страшиться въ западной Персіи.

Совсѣмъ не то было въ провинціяхъ восточныхъ. Правда, что Арабскій языкъ вытѣснилъ нарѣчіе *Пельви* и сталъ языкомъ правительства, литературы и религіи; мѣсто искусственнаго нарѣчія *Пельви* за-

няли Арабскій языкъ, столь же искусственный. Арабовъ было такъ мало въ собственно такъ называемой Персіи, что они не могли произвести полнаго преобразования въ языкъ; писали по Арабски, но говорили по Персидски; съ сей минуты побѣда не была рѣшительною: съ языкомъ сохраняются и воспоминанія, дающія націи народный духъ.

«Какъ скоро Халифатъ, распространившійся слишкомъ быстро и несообразно съ дѣйствительными своими силами, оказалъ нѣкоторые признаки разслабленія, тотчасъ появилось Персидское противодѣйствіе, сначала тайное, потомъ явное. Почти весь древній Персидскія фамиліи удержали за собою земли, а вѣсть съ ними и наследственное вліяніе, которое еще болѣе увеличивалось по мѣрѣ ослабленія центральной власти. Намѣстники восточныхъ провинцій становились болѣе независимыми отъ Багдада; при Дворѣ говорили по Персидски. Что не было произведено владычествомъ нарѣчія Пельви, то произошло отъ языка Арабскаго, совершенно чужаго: возродилась Персидская литтература. Весь дворцы наполнились Персидскими поэтами; владѣтели всѣми силами поощряли литтературное движеніе, или по слѣпому инстинкту, увлекаясь выраженіемъ народнаго духа, или по расчетамъ политическимъ. Можно скорѣе принять послѣднее предположеніе, ибо князья сами отыскивали народныя преданія, кои могли имъ служить сильнымъ оружіемъ противъ власти Халифовъ, и такой политики постоянно придерживались весь династіи, слѣдовавшія одна за другою.»

Г-нъ Моль разбираетъ сей выводъ подробно. Онъ находитъ, что Якубъ Лейсъ, основатель Соффаридовъ, изъ горшечника и вора превратившійся въ обладателя всей Персіи, приказалъ перевести на Персидскій языкъ то, что Данишверъ написалъ на нарѣчіи Пельви. Имена переводчиковъ известны, и

показываютъ, что работа была поручена природнымъ Персіянамъ. Такимъ образомъ народная династія, основанная горшечникомъ въ виду Багдадскаго священнаго призрака, сама себя освящала, передавая воспоминанія древней Персіи на языкъ живомъ и народномъ.

То же самое было съ династією Саманидовъ, которая вскорѣ замѣнила потомковъ Якуба Ленса. Саманиды, происходившіе отъ древнихъ Персидскихъ царей, повелѣли переложить въ стихи переводъ Данишверова творенія, которое было написано въ прозѣ по приказу основателя Соффаридовъ; для сего дѣла избрали Гебрскаго поэта Дакики. Онъ успѣлъ окончить только небольшую часть порученія и написалъ двѣ тысячи стиховъ, сохранныхъ Фирдуси. Впрочемъ, Фирдуси дурно отзывался объ немъ, въ пѣвическомъ отношеніи. Это доказываетъ, какъ говоритъ и г-нъ Моль, что оба поэта знали одно и то же преданіе и слѣдовали ему, ибо Фирдуси «не упрекаетъ поэта Дакики въ семъ отношеніи, хотя жестоко нападаетъ на него, какъ на стихотворца и человека. Наконецъ Махмутъ, второй царь изъ династїи Газневидовъ, еще болѣе отложился отъ калифата, нежели его предшественники, и сохраняя Музульманскій фанатизмъ, употребилъ всѣ возможныя усилія къ укрѣпленію политической своей независимости. При его Дворѣ заботились о Персидскомъ языкѣ съ небывалымъ дотолѣ усердіемъ; онъ вошелъ даже въ судопроизводство и совершенно замѣнилъ языкъ Арабскій, по распоряженію визиря. Дворъ сильнаго и воинственнаго царя походилъ на академію; ежедневно вечеромъ, во дворцѣ, происходило литературное собраніе, въ которомъ сочинители читали свои стихи и спорили объ ихъ достоинствѣ, въ присутствіи самого царя, принимавшаго живое участіе въ преніяхъ. Махмутъ, подобно своимъ предшественникамъ, занимался особенно поэзією народною и исто-

рическою, и безъ устали слушалъ преданія о царяхъ и герояхъ древней Персїи.

Махмутъ пожелалъ переложить въ стихи полное собраніе сихъ преданій; съ такою цѣлью, онъ относился ко многимъ поэтамъ своего времени, но не нашелъ ни одного, который былъ бы вполне способенъ къ великому труду. Наконецъ онъ поручилъ дѣло Абульказиму Фирдуси.

И вотъ мы достигли до самого Фирдуси. Онъ былъ избранъ Махмутомъ Газневидомъ, какъ другіе, прежде него, были избираемы Соффарядами и Саманидами. Онъ въ свою очередь написалъ *Книгу Царей*, какъ другіе, изъ тѣхъ же матеріаловъ, въ томъ же духѣ. Прелесть его воображенія и изложенія, гармонія, которую Персїя не находятъ въ его стихахъ, дали жизнь его поэму, между тѣмъ, какъ предшествовавшія попытки совершенно погибли. Имя Фирдуси до сихъ поръ въ чрезвычайномъ уваженіи, а имена его предшественниковъ почти забыты. Такъ безпрѣдѣльно различіе, полагаемое исполненіемъ, между произведеніями одного и того же рода. Очевидно, что цѣль Фирдуси была подобна намѣренію его предшественниковъ; онъ тоже хотѣлъ рассказать преданіе, какъ и они. Онъ говоритъ о томъ положительно, во многихъ мѣстахъ; онъ ссылается на книгу, или на дикановъ. Г-нъ Мольтъ приводитъ въ своемъ предисловіи слѣдующую ссылку: «Теперь,» говоритъ Фирдуси, «разскажу убіеніе Рустема, основываясь на книгѣ, которая писана со словъ его потомковъ. Жилъ въ Мервѣ старецъ, по имени Агадъ Зервъ, у Ахмеда, сына Салова; онъ владелъ *Книгою Царей*; сердце его было исполнено премудрости, глава его полна воспоминаній, а уста разсказывали о старинныхъ преданіяхъ. Онъ происходилъ отъ Сама, сына Гериманова, и часто говаривалъ о битвахъ Рустема. *Разскажу, что узналъ отъ него.*»

По предшествующимъ доказательствамъ видно, какъ

преданіе, служащее основаніемъ *Шахъ-Наме*, родившееся изъ народныхъ воспоминаній и любопытства, пережило Персидскую народность, и имѣло переводчиковъ и толкователей вездѣ, гдѣ часть сей народности была жива, или стремилась ожить. Перейдемъ къ исторіи поэта, который обезсмертилъ со-кровища, сохраненныя до него вѣками.

Фирдуси родился въ Тусѣ, въ половинѣ X-го вѣка*, въ то время, когда Западъ находился въ совершенномъ варварствѣ. Въ Парижѣ, монахи писали *римованныя прозы*, на дурномъ Латинскомъ языкѣ, и въ то же время жилъ въ Тусѣ, пынѣ разрушенномъ человѣкъ, долженствовавшій занять мѣсто между величайшими поэтами міра.

Происходя отъ одной фамиліи дигкановъ, Фирдуси, по самому рожденію своему, казался призваннымъ къ обработкѣ народныхъ преданій; литературное воспитаніе, и знаніе Арабскаго языка и нарѣчія Пельви, столь рѣдкое тогда въ восточной Персін, обшчили ему успѣхъ въ занятіяхъ поэзіею. Съ малыхъ лѣтъ принялся онъ сочинять героическія пѣсни, и ему было тридцать лѣтъ, когда умеръ Дакики, которому Махмутъ поручилъ сдѣлать переводъ стихами старинной книги *Царей*, писанной Данишверомъ на нарѣчій Пельви. Фирдуси чрезвычайно желалъ принять на себя продолженіе недовершеннаго труда. Самъ онъ добродушно рассказываетъ, какое волненіе заражалось въ немъ отъ такого благороднаго желанія, и какое блаженство почувствовалъ онъ, убѣдившись, что можетъ выполнитъ свое намѣреніе. «Я желалъ достать книгу Данишвера для перевода ея на родной языкъ, и спрашивалъ ее у многихъ, опасаясь, что придется оставить трудъ другому, если буду не долговѣченъ..... Такъ прошло нѣсколько времени, и я ни-

* Время рожденія Фирдуси нигдѣ не означено; г-тъ Мольтъ, искусивъ вычисленіемъ, опредѣлялъ его въ 329-й годъ эгирмъ.

кому не говорилъ о своемъ намѣреніи, ибо не зналъ себя достойнаго наперсника въ моемъ предпріятіи.» Скоро добылъ онъ желанную драгоценность. «У меня былъ преданный другъ въ моемъ городѣ,» продолжаетъ онъ, «и ты сказалъ бы, что онъ родился въ одной кожѣ со мною. Онъ мнѣ говорилъ: «Твое намѣреніе превосходно, и нога твоя приведетъ тебя къ счастью. Я достану тебѣ книгу Пельви; не засыпай: ты юнъ и владѣешь даромъ слова, умѣешь рассказывать про геройскія дѣла. Расскажи снова *Книгу Царей*, и ищи ею славы между великими земли.» Потомъ онъ принесъ книгу, и унылость моя превратилась въ радость.»

Призванный ко Двору, въ Газпінъ, неизвѣстно по какому случаю, нашъ поэтъ при началъ съ трудомъ одолевъ зависть соперниковъ и обратилъ на себя вниманіе Султана. Наконецъ, четверостишіе, написанное по заказу для Махмутова любимца, сдѣлало то, чего не могла для Переидскаго Омира совершить часть великаго его труда, которая была уже кощена; съ сей минуты Тусскій поэтъ вошелъ въ милость при Дворѣ и получилъ отъ самого султана прозвище Фирдуси, *Райскаго*, потому, что онъ превратилъ придворное собраніе въ рай. Вскорѣ потомъ, Махмутъ официально поручилъ ему довершить огромное народное твореніе, *Шахъ-Наме*. Султанъ доставилъ поэту всѣ возможныя пособія и удобства; онъ устроилъ ему квартиру возлѣ дворца, изъ которой дверь вела въ частный садъ султана. Стѣны жилища были покрыты изображеніями разнаго оружія, коней, слоновъ, верблюдовъ, и портретами царей и героевъ Ирана и Турана. Махмутъ заботился, чтобы никто не мѣшалъ ему въ работѣ, запретивъ къ нему входить всѣмъ, кромѣ друга своего Аяза, и раба, которому поручено было смотрѣніе за жилищемъ.

Разныя части, составляющія поэму Фирдуси, были прочитаны Султану авторомъ, по мѣрѣ ихъ кончанія. Судя по любовитной виньѣткѣ, сохранившей-

ся на древнѣйшей рукописи *Шахъ-наме*, должно полагать, что чтеніе открывковъ сопровождалось музыкою и плясками, какъ было въ Греціи, особенно съ стихотвореніями Пиндара.

Щедрый султанъ назначилъ плату по золотой монетѣ за каждое двустипшіе Фирдуси, а поэтъ рѣшился взять всю сумму не прежде, какъ по окончаніи поэмы. Причина такого рѣшенія очень трогательна. «Въ юности, онъ съ особеннымъ удовольствіемъ садился на берега ручья, который протекалъ мимо дома его отца. Часто случалось, что плотина, построенная на рѣкѣ Тусъ для доставленія воды въ ручей, была прорываема напоромъ воды; ребенокъ приходилъ отъ того въ отчаяніе и желалъ, чтобы соорудили плотину изъ камня.» Достигнувъ возмужалости и славы, Фирдуси вспомнилъ о желаніи своемъ, и старался набрать достаточную сумму для приведенія его въ исполненіе. Скоро увидимъ, что его благородное желаніе не исполнилось во время его жизни, и утѣшимся, узнавъ, что оно сбылось послѣ его смерти.

Фирдуси кончилъ свою поэму въ двѣнадцать лѣтъ, и по окончаніи представилъ ее Махмуту. Султанъ, въ первую минуту щедрости, приказалъ послать поэту столько золота, сколько могъ снести слонъ, но, по убѣжденію своего министра, врага Фирдуси, послалъ къ нему не шестьдесятъ тысячъ золотыхъ монетъ, какъ обѣщалъ, а только шестьдесятъ тысячъ серебряныхъ денегъ. Въ то время, Фирдуси сидѣлъ въ банѣ: онъ отдалъ треть подарка Султанскому посланному, другую треть банщику, а послѣднею третью заплатилъ за стаканъ пива (*фука*). Полный стыда и гнѣва, Султанъ раздражился противъ совѣтниковъ, которые присовѣтовали ему такое постыдное дѣло, и грозилъ, что растопчетъ поэта слонами. Фирдуси, узнавъ о томъ, сжегъ нѣсколько тысячъ своихъ стиховъ, и одѣвшись дервишемъ, съ посохомъ въ

рукъ, вышелъ изъ Газнина. Удаляясь, онъ оставилъ покровителю своему Аязу запечатанное письмо, прося отдать его Султану черезъ двадцать дней. То была злая сатира на Махмута; раздраженный поэтъ неосторожно порицалъ страшнаго покорителя Индiи, намъкая о происхожденiи Султана, отецъ котораго былъ рабомъ. Фирдуси восклицалъ: «Еслибъ оцъ родился отъ царя, то увѣнчалъ бы главу мою золотымъ вѣнцомъ; еслибъ родился отъ царицы, то осыпалъ бы меня золотомъ и серебромъ до колыбель; но въ его семействѣ не бывало величiя, и онъ не хочетъ слышать имени великаго.»

Трудно найти презрѣнiе, болѣе оскорбительное; мстя, поэтъ не забываетъ хвалить себя; несправедливость даетъ право на похвалы самому себѣ. Гнѣвъ и гордость внушили ему слѣдующiя слова, напоминающiя извѣстную оду Горациа:

Я памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный;
Металловъ тверже онъ и выше пирамид!

Фирдуси не зналъ Горациа.

«О Царь! я воздалъ тебѣ почестъ, которая будетъ воспоминанiемъ о тебѣ въ семь мiръ. Воздвигаемыя зданiя превращаются въ развалины отъ дождя и солнечнаго зноя, но я воздвигъ, въ поэмѣ моей, обширное зданiе, которому не повредятъ ни дождь, ни бури. Вѣка пройдутъ надъ книгою, и всѣ разумные люди прочтутъ ее..... Въ теченiе тридцати лѣтъ трудился я неутомимо, оживилъ Персiю въ моемъ Персидскомъ творенiи, и еслибы царь былъ не скупецъ, то далъ бы мнѣ мѣсто на тронѣ.» Сатира оканчивалась слѣдующими стихами: «И вотъ для чего пишу сiи могущiе стихи: да почерпнетъ въ нихъ царь благой совѣтъ и познаетъ отнынѣ всю силу слова; да размыслить о совѣтъ старца и не оскорбляетъ другихъ поэтовъ, заботясь о соб-

ственной чести, ибо оскорбленный поэтъ сочинить сатиру, и она останется до дня воскресенія. Принесу жалобу передъ чистымъ престоломъ Бога, посылавъ голову прахомъ и возглашая: Господь! сожги душу его въ огонь, и освѣти душу достойнаго раба Твоего!»

Таковы ходъ и движеніе замѣчательнаго отрывка, начинающагося прославленіемъ поэта и оканчивающагося насмѣшкою и проклятіемъ. Его надобно замѣтить особенно потому, что сатира рѣдка на Востоку, гдѣ гимнъ всемъ преобладаетъ. Востокъ не любитъ рѣзвой веселости, не предается свободному и отважному порицанію, но ничто не могло удержать оскорбленной гордости поэта!

Поэтъ вслѣдъ былъ преслѣдуемъ ненавистью страшнаго врага. Даже Багдадъ не могъ дать ему вѣрнаго пристанища; грозное письмо Махмута принудило Халифа Кадеръ-Биллаха выслать поэта. Фирдуси, гонимый изъ города въ городъ ненавистью Султана, не желая просить прощенія, готовился написать новую книгу, въ которой хотѣлъ увѣковѣчить несправедливость врага. Благоразумный другъ совѣтовалъ ему оставить намѣреніе и взялся примирить его съ Султаномъ. Махмутъ чувствовалъ свою неправость и послалъ поэту прежде обѣщанное количество золотыхъ монетъ. Но онѣ не дошли до поэта. Въ ту минуту, когда верблюды, навьюченные золотомъ, вступали въ ворота города Туса, родину Фирдуси, куда онъ поспѣшилъ возвратиться, въ ту минуту, въ противоположныя ворота выходила погребальная процессія несчастнаго великаго чловека. Такая поздняя и тщетная награда напоминаетъ о вѣницахъ, положенныхъ на гробъ Тасса.

Благородство Фирдуси, показанное имъ при выдачѣ недостойной награды окружающимъ, перешло и къ его дочери; она не приняла золота, которое было причиною всѣхъ бѣдствій ея отца. Она отка-

задась отъ него, говоря: «Я имѣю, сколько мнѣ нужно, и не желаю богатства.» Тогда сестра поэта вспомнила, что онъ, еще въ юности, желалъ построить на Тусъ каменную плотину, и послѣдняя его воля, желаніе всей его жизни, были исполнены.

Судьба Персидскаго Омира не лишена занимательности и грустной поэзіи; она можетъ занять мѣсто возлѣ судьбы Данта, Камозенса, Торквата, его товарищей по несчастію и гению.

До сихъ поръ, я слѣдилъ только за ученымъ переводчикомъ Фирдуси. Все предыдущее заимствовано изъ предисловія г-на Моля, которое содержитъ въ себѣ образецъ литературной и исторической критики и превосходную біографію.

Познакомивъ читателя, помѣщю предисловія и перевода г-на Моля, дополненнаго Герресомъ, съ жизнію поэта и содержаніемъ поэмы, окончу статью нѣсколькими разсужденіями о характерѣ творенія Фирдуси, объ отношеніяхъ, сближающихъ его съ другими великими памятниками эпическаго гения у разныхъ народовъ, и различіяхъ, какія между ними находятся. Хотя Фирдуси былъ вѣрнымъ отголоскомъ Персидскаго преданія, однакожь онъ, въ то же время, какъ великій артистъ, сообщилъ сему преданію отпечатокъ собственнаго своего гения; онъ не измѣнилъ сущности, но самъ устроилъ форму. Оцѣнивъ *Книгу Царей*, какъ твореніе историческое, нельзя оставить безъ вниманія ея характера въ отношеніи художественномъ, и съ сей-то точкой остается намъ рассмотреть ее.

Книга Царей отличается общими чертами характера Восточной поэзіи; т. е. блескомъ и величіемъ. Нравы, описываемые Фирдуси, носятъ на себѣ печать того великолѣпія, которое неразлучно съ понятіемъ о Востоку и которое должно было поразить поэта при дворѣ Махмута, побѣдителя, похитившаго сокровища изъ Индѣйскихъ капищъ. Дворецъ Фери-

дуна есть увеличенное и идеализированное жилище Махмута Газневиды. Какой необычайный блескъ въ описаніяхъ, представляющихъ Царя Царей на тронѣ, посреди вельможъ, украшенныхъ съ головы до ногъ золотомъ, съ золотыми пальцами и поясами, на земль, которая приняла цѣпть солнца! Воображеніе Фирдуси любитъ такія пышныя описанія. Надобно признаться, что иногда глаза ослѣплены и закрываются при такомъ блескѣ. Читатель, другъ чистой красоты, желаетъ, чтобы облачко прикрыло ослѣпительный блескъ, но здѣсь, какъ въ пустынь, солнце вѣчно горитъ на небосклонѣ. Западная поэзія не привыкла къ такому сіянію: она освѣщаетъ предметъ свѣтомъ болѣе пріятнымъ и умереннымъ. На западѣ есть свои тучи и туманы, но туманы производятъ лучшія, разнообразнѣшія явленія свѣта, а облака служатъ къ его отраженію.

Величіе рисунка столько же замѣчательно, сколько отлична живость колорита. Можетъ ли быть зрѣлище величественнѣе первоначальной власти Джемшида, которая простирается, не только навесь родъ человеческій, но и на геніевъ, на льсныхъ звѣрей и на птицъ небесныхъ? По Восточнымъ понятіямъ, идея власти совпадаетъ съ идеєю о вселенной. Китай и земля называются однимъ именемъ, *Поднебесьемъ*. Всѣ великіе народы древняго Востока, Китайцы, Вавилоняне, Персіяне, стремились къ всемірной монархіи. Потому идея всемірной монархіи перешла съ Востока, отъ *Сына Неба*, отъ *Великаго Царя*, къ Римскому народу, а наконецъ воплотилась въ одномъ человѣкѣ. У Цезарей, у послѣдующихъ монарховъ встрѣчаемъ Восточное понятіе о всемірной монархіи, но въ уменьшенномъ видѣ. Самая природа на Востокъ подчинена верховной власти, управляющей человечествомъ. Китайскаго Императора упрекають въ землетрясеніяхъ и наводненіяхъ, какъ въ безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ, за которыхъ онъ

долженъ отвѣтствовать. Такимъ образомъ, основатель и живой типъ Персидской верховной власти, Джемшидъ повелѣваетъ всѣми тварями: «Онъ былъ опоясанъ свѣтомъ власти, и вселенная покорилаь ему; мiръ былъ спокоенъ, безъ распрей; дивы, птицы и пери ему повиновались.» Когда Каюморъ выступилъ противъ Чернаго Дива, то собралъ всѣхъ перя, а изъ хищныхъ звѣрей тигровъ, львовъ, волковъ и леопардовъ; его армія состояла изъ хищныхъ звѣрей, птицъ и перя, съ начальникомъ великимъ и отважнымъ.» Нѣтъ ничего величественнѣе такой первоначальной верховной власти, которая распоряжаетъ всею вселенною.

Исполнительное преувеличеніе, преобладающая черта въ Восточномъ воображеніи, весьма часто встрѣчается въ поэзіи Фирдуси. Онъ говоритъ о началѣ битвы: «Съ одной стороны огонь, съ другой ураганъ; знамя Каве передъ ними, и мiръ пріялъ отъ него отблескъ желтый, красный и фіолетовый. Поверхность земли, покрытая полчищами, колебалась какъ корабль, когда встаютъ волны на Китайскомъ океанѣ. Щиты прикрывались щитами въ долинахъ и на горахъ, а мечи блистали какъ свѣточа; весь свѣтъ уподобился морю сажн, надъ которымъ носились тысячи свѣтильниковъ. Можно было подумать, что солнце совратилось съ пути, устранившись звука трубъ и шума воинскаго.» А для выраженія съча, онъ говоритъ: «Брызги крови долетали до луны!»

Часто исполнискія метафоры доходятъ до такихъ неизмѣримыхъ преувеличеній, что близки къ смѣшному. Герои разбиваютъ палатки до облаковъ; собранная въ кучу добыча занимаетъ столько мѣста, что стрѣла не можетъ перелетѣть черезъ нея. Иногда сія странность имѣетъ свою прелесть: «Армія, расположенная въ боевомъ порядкѣ, при звукахъ музыки, была украшена, какъ невѣста... Ты подумалъ бы, что тутъ пиръ: такъ звучали рожки и трубы.

Равнина превратилась въ кровавое море; лицо земли покрылось тюльпанами.» Пролитіе крови не можетъ быть выражено картиною болѣе смѣлою и привлекательною. Въ другомъ мѣстѣ читаемъ: «Настала ночь; небо превратилось въ садъ, гдѣ розами были звѣзды.» Кажется, что читаешь стихи изъ *cultos* Кальдерона: такъ Кастильманская поэзія вѣрна генію поэзіи Восточной.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ находимъ гиперболическій бредъ, который могъ быть созданъ только необузданнымъ воображеніемъ Востока. «Мечи, блиставшіе подобно алмазамъ, и согрѣвавшіеся въ крови копья, казались въ пыли, крыльями коршуна, на которыя солнце испустило свой багровый цвѣтъ. Во внутренности тумана раздавался стукъ литавръ, и душа мечей пресыщалась красною кровію.» Не слѣдуетъ забывать, что стихотворная роскошь, кажущаяся намъ по справедливости излишнею, не стоитъ усилій тому воображенію, которое ее создаетъ; что такая изысканность естественна, даже, можно сказать, проста. Выраженія, кажущіяся намъ странными, а иногда и натянутыми, принадлежатъ на Востокъ къ языку разговорному, ежедневному. Въ *Книгѣ Царей*, каждый юноша — пальма, или кинаришь, а дѣвушка — луна, и часто — лунолицая пальма. Въ сихъ выраженіяхъ нѣтъ ничего необыкновеннаго. Малькольмъ рассказываетъ, что Персіанинъ разсмѣшилъ его спутниковъ, назвавъ одного изъ нихъ *пальмою* (*you date tree*). Персіанинъ говорилъ стихотворнымъ языкомъ, самъ того не зная.

На Востокъ дипломатическія депеши пишутся почти такимъ же языкомъ, какимъ написаны самыя цвѣтистыя отрывки *Шахъ-Наме*. Повторяю, что все происходитъ отъ привычки, нимаю не измѣняетъ сущности дѣла, и можно судить о чувствованіяхъ, нравахъ, характерахъ, созданныхъ, или описанныхъ Фирдуси вѣрно, хотя онъ писалъ не по обычаю

Европейскому: слѣдуетъ только уметь отличать его особенности. Иногда не нужно и такого труда: героизмъ и страсть вводятъ въ языкъ простоту противъ воли поэта и народа, для котораго онъ писалъ, что можно было замѣтить въ приведенныхъ мною примѣрахъ, и особенно трогательномъ эпизодѣ о смерти Зоака.

Собственно Фирдуси принадлежатъ религіозныя и нравственныя размышленія, которыми иногда излишне наполняетъ онъ свои рассказы. Размышленія его, по большей части, исполнены пріятной важности и неподдѣльной грусти. Не безъ участія внимаешь разочарованному слову мудреца, среди бурь, столкновенія народовъ, паденія монархій.

«О міръ! какъ ты исполненъ зла и злыхъ наклонностей! что возвышаешь самъ, то самъ и разрушаешь. Посмотри, что стало съ Феридуномъ, героемъ, похитившимъ власть у стараго Зоака! Онъ царствовалъ въ продолженіе пяти вѣковъ, и наконецъ умеръ, и мѣсто его осталось незанятымъ; онъ умеръ и другому оставилъ преходящій міръ, и изъ всего, чѣмъ владѣлъ, унесъ съ собою только сожалѣнія. Такъ будетъ со всѣми нами, великими и малыми, будемъ ли пастухами, или стадомъ!...» Грустная меланхолія видна въ быстрыхъ размышленіяхъ, которыми поэтъ прерываетъ ходъ событий. Въ другомъ мѣстѣ, онъ говоритъ: «Въ началъ, жизнь—сокровище, подъ конецъ—трудъ, а потомъ надобно разстаться съ нашимъ временнымъ жилищемъ.»

Linquenda tellus et domus....

Такая меланхолія странно смѣшивается съ веселыми картинами въ слѣдующемъ отрывкѣ, который предшествуетъ рассказу о смерти Зораба, и который я перевожу по Герресу: «О юноша, внимающій мнѣ! не отвори лица отъ любви и радости, ибо любовь

и радость приличны юности. После насъ часто еще придетъ время года, когда блеститъ роза, когда возобновляется весна. Много пройдетъ облаковъ, много цвѣтовъ поблекнетъ, а тѣло твое разсыплется и смѣшается съ черною землею.» Я нахожу прелесть грусти въ этомъ отрывкѣ, который поэтъ начинаетъ, какъ Анакреонъ, а кончаетъ, какъ Ювъ.

Желая болѣе познакомить читателя съ важнымъ твореніемъ, о которомъ говорю, я сравню съ Персидскою героическою поэзіею эпопею четырехъ другихъ народовъ именно, эпопею Фирдуси съ эпопею Рыцарскою, Германскою, Омировскою и Индійскою.

Я уже замѣтилъ мимоходомъ, что нѣкоторыя приключенія въ *Книгѣ Царей* чрезвычайно похожи на событія, описываемыя въ рыцарскихъ романахъ. Можно найти еще болѣе сближеній. Военскіе нравы Иранскихъ героевъ весьма похожи на рыцарскіе.

У Фирдуси есть вызовы на поединки и настоящіе поединки, въ обонхъ войскахъ; есть военскія упражненія, совершенно подобныя нашимъ турнирамъ. Воины, покрытые желѣзомъ, на лошадяхъ, тоже покрытыхъ желѣзомъ, бросаются другъ на друга, ломаютъ копыя, ударяя въ щиты, и стараются вышибить другъ друга изъ сѣдла. Военственная игра, состоящая въ томъ, чтобы попасть копьемъ, или дротикомъ, въ щитъ, очень похожа на метаніе въ цѣль (*la quintaine*). Гербы употреблялись вездѣ; у каждаго воина былъ свой знакъ: у инаго левъ, у другаго леопардъ, солнце, и т. п. Лошади и даже слоны прикрыты желѣзомъ. Виньетки, украшающія рукопись Фирдуси, кажутся заимствованными изъ нашихъ поэмъ Среднихъ Вѣковъ: такъ одежда его героевъ похожа на одѣяніе нашихъ рыцарей. Одна изъ нихъ, напечатанная Герресомъ, представляетъ воина на колѣняхъ передъ красавицею. Кажется, что видишь вооруженнаго рыцаря, молящагося у под-

ножія могильнаго памятника. Есть даже сходство между именем рыцаря и *пегльвана*, т. е., «пограничнаго человѣка» (*marchio*, отъ чего произошелъ титулъ *маркиза*). Бехрамъ бросаетъ во прахъ голову Кебадеха, за то, что тотъ былъ не *пегльванъ*.

Феодализмъ тѣсно связанъ съ рыцарствомъ, а героическая Персія управлялась феодализмомъ. Земли, отданныя во временное управленіе, совершенно подходятъ на ленныя владѣнія, а начальники, живущіе въ нагорныхъ замкахъ, суть не что иное, какъ настоящіе Бароны, подъ властію сильнаго Короля.

Общественный бытъ, совершенно похожій на Европейскій Среднихъ вѣковъ, долженъ былъ породить и подобныя нравы, но тождество въ послѣднемъ случаѣ не полно, и болѣе поверхностное и кажущееся, нежели дѣйствительное и основательное. Различіе между рыцарствомъ Восточнымъ и Западнымъ, между рыцарствомъ Музульманскимъ и Христіанскимъ, особенно оказывается въ разности образованія, и прежде всего въ чувствѣ любви.

Въ *Книгѣ Царей* есть кое-гдѣ выраженія, пріличные рыцарской любви, но, разобравъ ихъ подробно, находишь, что они представляютъ особый характеръ.

Я уже приводилъ, нѣкогда слѣдующую мысль, взятую изъ *Книги Царей*: «Рожденный отъ могущественнаго племени останется дикимъ, если не будетъ имѣть подруги.» Но сіи слова прямо относятся къ браку, а между тѣмъ извѣстно, что по учтивымъ законамъ Среднихъ вѣковъ, бракъ и рыцарская любовь не имѣли между собою ничего общаго. Вообще Фирдуси описываетъ въ женщинахъ Восточную страсть, въ полномъ ея пылу и разгарѣ, страсть супруги Пентефрія, Лемлы Персидскихъ и Арабскихъ поэтовъ, ту страсть, которая заставляетъ Рудабеку сказать: «Я полна любви, какъ море, воздымающее волны къ небесамъ», ту страсть, которая ведетъ

прекрасную Темине къ ложу Рустема. Эта страсть похожа въ нашихъ романахъ на любовь смѣлую, и вовсе не рыцарскую, Султанскихъ дочерей, какъ на прим., Флорипары въ *Ферабрасъ*, или Лузіаны въ *Айоль де-Сень-Жилль*, которыя внезапно влюбляются въ христіанскихъ героевъ, и такую страстью, какую трубадуры и труверы придаютъ только Музульманскимъ героинямъ. Такая страсть имѣетъ источникъ на Востокъ, а не въ Христіанствѣ; ее можно поставить въ числѣ немногихъ мѣстныхъ истинъ, сохранныхъ въ рыцарскихъ романахъ.

Что касается до мужчинъ, то любовь не побуждаетъ ихъ, ни къ храбрости, ни къ отличнымъ подвигамъ. Они мало уважаютъ женщину. Рустемъ очевидно предпочитаетъ лошадь свою Ракшу очаровательной дочери Туранскаго Царя. Несчастіе имѣть дочь, вмѣсто сына, явно выражено слѣдующими словами: «У кого нѣтъ дочерей, тотъ можетъ похвалиться счастливою звездою, а у кого онъ есть, тотъ не познаетъ счастья.» Вотъ размышленіе Фирдуси, по случаю злобныхъ замысловъ мачихи Сіавеша: «Такова женщина! За то шахъ Кейкобадъ сказалъ: Женщины и летучія змви прокляты! Земля лучше женской породы. Если хвалишь женщинъ—хвали лучше собакъ; собаки скорѣе достойны похвалы, нежели эти нечистыя!»

Во всемъ этомъ нельзя найти обожанія женщинъ, которое было душою Западнаго рыцарства. Напротивъ, Восточная идея о нисшемъ достоинствѣ женщины повторяется весьма часто. Вездѣ, гдѣ преобладаетъ Исламизмъ, онъ стремится къ утверженію ложной и унижительной мысли, которая находится на Востокъ во всѣхъ космогоніяхъ, относящихся происхожденіе женскаго пола къ матеріальному началу, и даже въ Еврейской, которая говоритъ, что зло появилось въ міръ черезъ женщину. Во всѣхъ Магометанскихъ земляхъ, многоженство и за-

творничество, какъ бы ни были они ограничены общою привычкою, доказываютъ настоящее презрѣніе къ женщинамъ, а болѣе всего съ дерзостью выказывается это презрѣніе въ ученіи Музульманскомъ, по которому въ будущей жизни женщины получаютъ только половину наградъ и наказаній, предоставленныхъ мужчинамъ. По великой свсей добротѣ, законодательство Корана назначаетъ и въ нашемъ мѣрѣ только половину наказанія рабынямъ. Тутъ униженіе очень разительно, и мы далеки отъ рыцарской любви.

Въ замѣну, нѣкоторыя части *Книги Царей* представляютъ разительное сходство съ главнѣйшими героическими преданіями, сохраненными въ *Эддъ* и *Нибелунгахъ*, чему и не слѣдуетъ много удивляться. Въ семействѣ языковъ Индо-Германскихъ, вѣтвь Персидская близка къ вѣтви Германской. Между языками, на которыхъ говорятъ народы ихъ, Германскія нарѣчія весьма близко подходятъ къ старинному Персидскому языку. Такого мнѣнія придерживается Евгений Бурнуфъ, который, чрезвычайно остроумными изысканіями, возстановлялъ сей языкъ. Основная идея Персидской религіи, идея борьбы добра и зла, представленныхъ первое силами свѣта, а второе силами тмы, эта идея служитъ основаніемъ Скандинавской мифологіи. Наконецъ, пробѣгая разные рассказы въ *Шахъ-Наме*, встрѣчаемъ разительное сходство между рассказами и событіями, содержащимися въ Германской поэзіи Среднихъ вѣковъ. Замѣтимъ важнѣйшія черты такого сходства.

Битва Рустема съ Зорабомъ весьма похожа на поединокъ Гильдебранта съ сыномъ его Гадебрантомъ, какъ онъ описанъ въ *Wilkina-Saga*, въ Датскихъ народныхъ пѣсняхъ, и подъ болѣе древнею формою, въ драгоцѣнномъ Кассельскомъ отрывкѣ. *

* I. Grimmъ, Два древнѣйшіе памятника Нѣмецкой поэзіи (*Die Beyde alteste, и пр.*)

Битва война съ дракономъ, служащая основаніемъ всѣхъ разсказовъ о Германскомъ героѣ Зигурдѣ, или Зигфридѣ, нѣсколько разъ встрѣчается въ *Шахъ-Наме*. Я уже замѣтилъ между смертью съвернаго героя и смертью Рустема удивительное сходство, даже въ такихъ мѣлкихъ подробностяхъ, которыя не могутъ быть выдуманы два раза. Можно слѣдить за сходствомъ обоихъ преданій во многихъ частностяхъ. Дружеское испытаніе взаимныхъ силъ Исфендіара и Рустема, которые жмутъ себѣ руки, до того, что кровь течетъ изъ-подъ ногтей, похоже на борьбу Брунгильда и Зигфрида, въ разсказъ которой употреблены почти тѣ же выраженія. Какъ храбрая Королева Исландіи связываетъ своимъ поясомъ руки и ноги супруга, котораго почитаетъ педостойнымъ, такъ въ Персидской поэмѣ дочь Рустема, «выданная за Гуиса, храбрѣйшаго изъ Иранцовъ, связываетъ мужа своимъ поясомъ и бросаетъ его подъ свое сѣдалище.» Замѣьте, что сходство между эпопеею Германскою и Персидскою особенно часто встрѣчается во всемъ, что относится до Рустема. Общій характеръ сей части *Книги Царей* особенно суровъ и дикъ. Тутъ чувствуешь, что мѣстное преданіе воинственной страны находится въ борьбѣ съ центральною властью Ирана. Эта страна Сейстанъ; она лежитъ близъ такъ называемаго *Царскаго пути*, по которому ходятъ караваны, и по которому производились экспедиціи побѣдителей и переходы народовъ. Не удивительно, что Германскіе народы, пришедшіе изъ центральной равнины Азіи, удержали нѣкоторыя воспоминанія о странѣ, по которой должны были проходить.

Когда сравниваешь какуюнибудь поэзію съ поэмами Омпра, нужны нѣкоторыя ограниченія, ибо, надобно признаться, что существуетъ огромное разстояніе между всѣми памятниками первоначальной эпопеи и тѣмъ удивительнымъ памятникомъ, ко-

торый служить къ возбужденію удивленія и вос-торга въ образованныхъ народахъ Запада. Литтературная ученость не открыла еще, не смотря на свои успѣхи, *Иліадъ* и *Одиссей* во всѣхъ концахъ міра. Только по способу составленія и по своей сущности, замѣчательныя произведенія героическихъ временъ Греціи могутъ быть сравнены съ другими произведеніями человѣческаго ума, родившимися въ такихъ же обстоятельствахъ. Видѣть въ *Омировой* поэзіи дѣло одного человѣка, ничѣмъ не приготовленное, видѣть въ *Омиръ отца Олимпа*, значило бы не знать хода вещей, и отвергать изустное преданіе, которому первобытные поэты служатъ всегда выраженіемъ, значило бы унижать народъ въ пользу одного человѣка и возвеличивать одного человѣка къ ущербу всего человѣчества. Съ другой стороны, видѣть въ твореніи поэта только одно преданіе, которое онъ принялъ, но расположилъ и устроилъ самъ, которое онъ усвоилъ себѣ посредствомъ искусства, не признавать личнаго участія поэта, отвергать даже возможность его существованія, значило бы предаться противоположной ошибкѣ, столь же невѣроятной и ложной, какъ и первая. Слѣдуетъ избѣгать ихъ обѣихъ, и поставивъ статую *Омира* на настоящемъ пьедесталѣ, т. е., на народномъ преданіи, придать вдохновеннымъ рукамъ поэта создательную его биру.

Потому между *Иліадою* и *Книгою Царей*, при основной аналогіи, должны быть разительныя различія. Аналогія находится въ началѣ поэмы и въ цѣли поэта. Какъ *Фирдуси*, такъ и *Омиръ*, рассказываютъ преданіе родины, дошедшее до нихъ, а не ими выдуманное, полученное, а не созданное. Кромѣ того, обѣ поэмы носятъ печать родственнаго сходства; простота сочиненія, обширность и быстрота повѣствованія, многочисленныя и живые разсказы о битвахъ, частыя сравненія, рѣчи, произносимыя въ

пылу битвъ, напоминають объ *Иліадѣ*, но разность мѣста, времени и генія авторовъ производитъ замѣчательное различіе, даже въ тѣхъ элементахъ, которые одинаковы въ обѣихъ поемахъ. Сочиненіе просто въ обѣихъ, но нельзя не признать, что простота Омира ученѣе. Омиръ, или, пожалуй, *сборщики* (*di-аскевасты*) Омировыхъ пѣсень, распредѣлили разныя части разсказа съ такимъ естественнымъ искусствомъ, съ такою умною ловкостью, что разсказъ, върно слѣдуя за событіями преданія, безъ труда поддерживаетъ, останавливаетъ и снова возбуждаетъ внимательность слушателей. Дѣло идетъ объ одномъ событіи, а не о длинномъ рядѣ происшествій. Стало быть, разсказъ можетъ быть болѣе развитъ, и хотя поэтъ не изобрѣлъ цѣлаго, однакожь могъ помѣстить много изобрѣтенія въ подробностяхъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что есть разсчитанное искусство, можетъ быть, вдохновенное, въ переменныхъ побѣдахъ Грековъ и Троянъ, въ раздѣленіи боговъ, въ неръшимости Юпитера и отсутствіи Ахилла, незаботящагося объ участи Иліона и Аргоса, и въ противоположномъ эффектѣ, часто повторяющемся у Омира, между шумными битвами и сценами сладострастными и семейными, каковы, на примѣръ соблазнъ Юпитера Юноною, или прощаніе Гектора съ Андромахою. Ничего подобнаго нѣтъ у Фирдуси; онъ разсказываетъ событія по мѣрѣ, какъ они совершаются. Онъ сохраняетъ ходъ исторіи, при своемъ стихотворномъ разсказѣ, показываетъ панораму, а не пишетъ картины.

Фирдуси умѣетъ только слѣдить за разсказомъ событій, не умѣетъ переноситься съ одного пункта на другой, или дать разсказу нѣсколько независимыхъ центровъ. Привязавшись къ своимъ героямъ, онъ идетъ, куда ведутъ его герои, и приходитъ вмѣстѣ съ ними. Омиръ, напротивъ, въ самомъ разсказѣ движется съ полною свободою.

Ему не нужно, чтобы его герои шли по той же дорогѣ, по которой онъ самъ идетъ. Персидскій поэтъ говоритъ о Туранѣ только тогда, когда Иранскій герой заведенъ въ ту страну какимъ либо событіемъ, а Омиръ непрерывно переходитъ изъ Греческаго лагерьа въ укрѣпленную Трою, одинъ, безъ героевъ. Сцена разсказа расширяется и перемѣщается, и поэтъ, остановившись на новой землѣ, ждетъ на ней событій и героевъ, которые будутъ имъ вызваны. У Фирдуси мѣсто дѣйствія неподвижно, или перемѣщается въ слѣдствіе хода событій; у Омира, оно движется, расширяется по его волѣ; онъ переносится въ пылъ битвы, къ семейному очагу, подъ палатку, на морской берегъ, на вершины Олимпа.

Битвы очень часты въ *Книгъ Царей*, какъ въ *Иліадѣ*, въ *Нибелунгахъ*, въ рыцарскихъ поэмахъ, гдѣ нѣтъ счета ударамъ копій, палицъ и мечей. Мы находимъ нѣкоторые излишки и нѣкоторыя повторенія въ сихъ воинскихъ разсказахъ, включая въ число ихъ—будемъ откровенны—даже разсказы Омира. Но надобно вспомнить, что они сочинены не для насъ, миролюбивыхъ читателей, а не воинственныхъ слушателей, сочинены, когда все дышало войною. Для тѣхъ слушателей и въ то время, битва, съ ея кровавыми подробностями, съ разсказами объ убійствѣ и съчѣ, была занимательнѣйшимъ зрѣлищемъ. Не утомишь вниманія тѣмъ, что любишь; страсть не нуждается въ разнообразіи. У каждой эпохи есть свои любимыя повторенія: у одной удары мечей и копей; у другой похищенія, вотрѣчи, сантиментальная любовь, «совершенные» принцы и «несравненныя» принцессы; у третьей подробности нравовъ, тонкій анализъ души. Ни одинъ вѣкъ не жаловался на однообразіе картинъ, къ которымъ былъ пристрастенъ, а героическіе вѣка внимали нескончаемымъ разсказамъ о битвахъ съ такою же охотою, съ какою дѣти слушаютъ въ сотый разъ сказку

про волшебные дворцы, добрыхъ фей и злыхъ гевнѣвъ.

Впрочемъ, и въ семь случаевъ превосходство на сторонѣ Омира. Битвы *Иліады*, столь разнообразны, сколько то возможно при однообразіи, сродномъ сему виду разсказовъ. Часто исторія гибнущаго воителя, передаваемая нѣсколькими стихами, составляетъ удачную противоположность съ его страшною смертію. Сравненія доставляютъ другое средство къ разсѣянію и отдыху читателя. Они часто заимствованы изъ сельской жизни, какъ будто для развеселенія воображенія пріятнымъ воспоминаніемъ. Фирдуси не пользовался подобными противоположностями, и менѣе Омира развиваетъ содержаніе своихъ сравненій. Въ *Иліадѣ* есть цѣлые пейзажи, помѣщенные между воинскими картинами; въ *Книгѣ Царей*, они означены слегка, какъ сельская даль, едва очерченная въ исторической картинѣ. Въ характерахъ менѣе отъѣнковъ; нѣтъ удивительныхъ типовъ отваги, величія, мудрости, хитрости, олицетворенныхъ въ Ахиллъ, Агамемнонь, Несторъ и Улиссъ; только у Рустема своя особенная, отличительная физіогномія. Это отчасти зависитъ отъ самой сущности творенія. Герои Фирдуси, приводимые временемъ, проходятъ мимо его и не возвращаются болѣе. Лица Омира движутся около одного центрального событія, и непрерывно находятся подъ глазами поэта, между тѣмъ, какъ Персидскій поэтъ не успѣваетъ схватить чертъ своихъ героевъ, подобно дагерротипу, который не воспроизводитъ движущихся предметовъ. Бѣгушія воды не составляютъ собою зеркаль, которыя образуются только въ водахъ стоячихъ.

Результатъ нашего сравненія показываетъ, что Фирдуси, жившій въ эпоху литературнаго развитія, когда Махмутовъ дворець служилъ сценою для стихотворныхъ споровъ и битвъ, когда самъ онъ составилъ себѣ счастье трудною римою, найденною

кстати, Фирдуси употребилъ на свое твореніе менше искусства, чѣмъ старецъ Омиръ, ибо искусство было сродно его гению, и даже самому первобытному гению Греціи.

Для сравненія Персидской эпопеи съ Индійскою, надобно бѣ было покороче познакомиться съ сею послѣднею. До сихъ поръ переведены только нѣкоторые эпизоды *Махабхараты* и едва четвертая часть *Рамааны*. Однакожь сіи краткіе отрывки достаточно покажутъ намъ сходство и различіе между великими твореніями Вальмики и Віазы и произведеніемъ Фирдуси.

Объемъ произведеній почти одинаковъ. Въ *Махабхаратѣ* сто тысячъ стиховъ, вдвое болѣе, чѣмъ въ *Иліадѣ* и *Одиссее*, взятыхъ вмѣстѣ. Фигуры въ пещерѣ Элефантинской имѣютъ тринадцать футовъ въ вышину, т. е., онѣ вдвое выше Аполлона Бельведерскаго. Размѣры искусства въ Индіи равны размѣрамъ поэзіи.

Видно, что первобытное преданіе Индіи и Персіи происходитъ изъ одного источника. Борьба между добромъ и зломъ, которая всегда вооружены другъ противъ друга, безпрерывная война между героями Фирдуси и злыми гениями, повторяются въ битвахъ боговъ и воиновъ противъ Ракшазовъ; сіи послѣдніе суть Индійскіе Дивы. Я замѣтилъ уже, что раздѣленіе на касты существовало при началѣ обѣихъ цивилизацій. Свѣтъ наслаждается миромъ при Даша - Ратъ, точно такъ, какъ при Джемшидъ; въ эту первобытную эпоху, поэзія также смѣшиваетъ людей съ животными и гениями; обезьяны и змѣи принимаютъ участіе въ дѣлѣ Ракшазовъ и боговъ, какъ у Фирдуси идетъ большое войско изъ людей, хищныхъ звѣрей, птицъ и пери: это древнія воспоминанія о томъ времени, когда человекъ не успѣлъ еще отдѣлаться отъ того, что ниже и выше его, темныя остатки отъ первоначальнаго пантеизма, ко-

торый удержался въ Индіи, но исчезъ передъ геніемъ Ирана.

Если оба народа и происходятъ отъ одного корня, то получили совершенно различныя направленія, а такое различіе вѣрно отразилось въ преданіи. Индусь, закоснѣвъ въ пантеизмъ, остался подъ игомъ своихъ браминовъ; у Персіянъ, народа энергическаго и воинственнаго, дуализмъ одержалъ верхъ. Потому *Книга Царей* поэма героическая, а *Махабхарата*, и особенно *Рамаяна*, поэмы еократическія. Лица первой чисто люди, а въ двухъ послѣднихъ они служатъ проявленіемъ божества. Главный предметъ *Махабхараты* есть исторія Кришны, воплощенія бога Вишну. Тотъ же Вишну оплодотворяетъ четырехъ женъ царя Даша - Рата и воплощается разомъ въ лицъ Рамы и трехъ его братьевъ. Все въ тѣхъ поэмахъ свѣше человѣческаго, даже самыя дѣйствующія лица. Разказы космогоническіе и мнѣологическіе весьма часты и занимаютъ много мѣста.

Отношенія браминовъ къ кшатріямъ (воинамъ) доказываютъ, что первые были сочинителями поэмы *, или, по крайней мѣрѣ, дали ей характеръ.

Питическій идеалъ состоитъ здѣсь въ удаленіи отъ свѣта. Самъ Рама живетъ, какъ отшельникъ, и въ томъ главная его слава. Выраженія царей въ разговорѣ съ браминами дышатъ глубокимъ униженіемъ и суевѣрнымъ подобострастіемъ. Напротивъ, слова браминовъ исполнены надмѣнной гордости. Борьба мудраго Вашихта съ Царемъ Висвамитрою превосходно обрисовываетъ взаимныя отношенія обихъ кастъ. Тамъ встрѣчаются выраженія, подобныя слѣдующе-

* Вальмики, авторъ *Рамаяны*, представленъ отшельникомъ (*мунни*), получившимъ преданіе отъ Нарадаса, божественнаго лица. Самъ онъ говоритъ объ одной рассказываемой имъ новѣсти: «Она сохранилась въ древней летописи, которую мнѣ рассказалъ достопочтенный служитель боговъ.» (*Рамаяна*, изд. въ Сирампортѣ, въ 4 д. л., томъ I, стр. 117.)

му: «О, кшатриа, ничтожный, какъ пыль.» Въ другомъ мѣстѣ, говоря о превосходномъ царѣ, не забываютъ сказать, что образецъ царей, по случаю принесенія жертвы, подарилъ браминамъ десять милльоновъ.

Власть брамина выставлена такую, что кажется могущественнѣе власти боговъ. Отшельникъ Гаатама обходится чрезвычайно презрительно съ Индрою, богомъ небесъ, который хотѣлъ соблазнить его жену. Индра разыгрываетъ передъ отшельникомъ самую постыдную роль. Другой отшельникъ, приготовляя праздникъ Раму, приказываетъ богамъ, рѣкамъ, растеніямъ, содѣйствовать къ приготовляемому пиршеству, и все, въ небѣ и на землѣ, повинуется слову брамина.

Все это не похоже на Персидскую эпопею, въ которой такъ мало чудеснаго, говорится только нѣсколько словъ о Зороастрѣ, а мобыды занимаютъ скромное мѣсто при царяхъ и войнахъ, являясь иногда ихъ совѣтниками, но никогда не оказываясь властелинами.

Дѣйствіе есть важнѣйшая часть въ *Книгѣ Царей*, какъ въ Западныхъ эпопеяхъ, а большая часть Индѣйскихъ эпопей предназначена для созерцанія и науки. Полная система пантеизма введена, подъ видомъ эпизода, въ *Махабхарату*; еще страннѣе, что система атеизма вкралась въ *Рамаяну*. Длинные политическія отступленія показываютъ, что распорядители сихъ эпопей не только рассказываютъ для удовольствія, но и учатъ, дабы послѣ управлять.

Наконецъ, Персидская поэзія, кажущаяся намъ, при сравненіи съ Европейскими, иногда исподинскою и необъятною, становится скромною и воздержною при сравненіи съ поэзіею Индѣйскою. Повѣствованіе Фирдуси быстро, хотя многорѣчиво; описанія его, слишкомъ ослѣпительныя, гораздо точнѣе рассказовъ и картинъ Віазы, или Вальмики. Самый духъ Санскритскаго языка, простирающаго составленіе словъ до

неимоверной дерзости, загромождавая главную мысль побочными обстоятельствами, придаетъ разсказу величественную медленность и полноту, которыя напоминають о спокойныхъ, разлившихся водахъ Ганга; лѣнивая нѣга и роскошная плодородность, производимыя климатомъ Индіи, обрисовываются въ богатствѣ подробностей и безпечной медленности разсказа. Часто описаніе горы, или рѣки, занимаетъ нѣсколько страницъ въ *Рамагнь*. Пустынность города Айодія, когда изъ него вышелъ герой Рама, выражена двадцать однимъ сравненіемъ, не меньше! При такихъ излишествахъ поэзія Фирдуси кажется умѣренной и скромною; все въ ней представлено въ меньшемъ размѣрѣ. Какъ сравнить семьсотъ лѣтъ жизни Рустема съ царствованіемъ Двипиппа, которое продолжается тридцать тысячъ лѣтъ? Какъ можно сравнить Каве, у которой девятнадцать сыновей, съ супругою царя Сагара, родившею разомъ восемьдесятъ тысячъ младенцовъ?

Слѣдственно, Персидская эпическая поэзія служитъ переходомъ между поэзіею Запада и поэзіею высшаго Востока, такъ, какъ сама Персія касается съ одной стороны Гиммалайскаго хребта, а съ другой Кавказа. Персія болѣе другихъ странъ имѣла сношенія съ міромъ Греческимъ и Римскимъ. Истина того доказывается Мараѳонскою битвою и Александромъ въ Греческой исторіи, и Парѳами въ исторіи Римской. Съ другой стороны языкъ связываетъ Персію съ Индіею, и въ то же время несомнѣнное сходство языка и преданій сближаетъ ее съ Германскими народами. Слѣдовательно, Персія служитъ связью между центральною Азіею и Европою.

Поэма Фирдуси, для привлеченія на себя вниманія, не нуждается въ занимательности, которую представляетъ нынѣ древняя сцена подвиговъ Рустема. Часто ли издаются въ цѣлой полнотѣ великіе стихотворные памятники народовъ и становятся доступными

для читателей всякаго рода? Такое событіе, въ литературной исторіи нашего вѣка, гораздо важнѣе шумнаго рожденія многихъ произведеній, осужденныхъ на забвеніе.

Оріенталисты, достойные сего имени, носимаго съ такимъ блескомъ многими изъ соотечественниковъ нашихъ, оцѣнять филологическое достоинство обширнаго труда г-на Моля, который, печатая текстъ, справлялся съ тридцатью тремя рукописями, хранящимися въ Лондонѣ и Парижѣ. О достоинствѣ перевода и предисловія можно судить по отрывкамъ, мною приведеннымъ. Для такого ученаго, каковъ г-нъ Моль, выписки служатъ лучшею похвалою.

Скажу наконецъ, что тотъ, кто посвятилъ обширную ученость, отличныя способности и часть своей жизни на переводъ важнѣйшаго произведенія чело-вѣческаго генія на Французскій языкъ, тотъ заслужилъ благодарность страны, которую онъ избралъ и которая его усыновила.

=

ОЧЕРКЪ

РУССКОЙ ЛИТТЕРАТУРЫ ЗА 1838 И 1839-Й ГОДЫ.

210. ИЛИАДА Гомера, переведенная Н. Гюндичемъ. Посвященная Е. В. ГОСУДАРЮ Императору Николаю Павловичу. Часть II. *Изданіе второе*, напечатанное съ экземпляра, исправленнаго переводникомъ и хранящагося въ Императорской Публичной Библиотекѣ. Спб, въ тип. Е. Фишера, 1839 г. въ 16, 374 и VI стр. и особая тетрадка очерковъ, подъ названіемъ: *24 рисунка къ Иліадѣ, снятыя съ знаменитыхъ рисунковъ Флакмана и изд. Лисенковъ*. Спб. 24 стр. въ 16 д. л.

Въ числѣ новыхъ и вѣрныхъ понятій, которыя заступили у насъ мѣсто старыхъ и невѣрныхъ, находится вѣрное и новое понятіе объ Иліадѣ *Омира* (извините г-да Эразмисты: по старой привычкѣ, рука не поднимается написать, ни *Гомеръ*, ни *Омеръ*, такъ, какъ не рѣшимся мы писать: *Бетлемъ*, *Бетель*, *Тебъ*, вмѣсто: *Виазіемъ*, *Вевиль*, *Опви*. Что дѣлать? Извините привычку столѣтій). Оно явилось изъ новыхъ, болѣе вѣрныхъ понятій вообще о *классицизмѣ* Древнихъ. Мы убѣдились, что классицизмъ Грековъ составлялъ собою историческій, полный и *окончившійся* періодъ жизни человѣчества, который, 1-е, не можетъ и не долженъ повториться, и 2-е, имѣлъ свои достоинства и недостатки, и свои переходы — обстоятельство важное! — Изъ сего вывели заключенія, что всякое *подражаніе классицизму* Древнихъ, какъ и всему другому, всегда останется блѣднымъ, ошибочнымъ сколкомъ, когда, напротивъ, *самобытность* должна быть и есть истинное направленіе человѣчества. Далѣе, что періодъ Греческаго классицизма есть и былъ высокимъ явленіемъ, но тѣмъ

не менѣ явленіемъ одностороннимъ, идеаломъ красоты пластической, земной, тѣлесной. Наконецъ, *переходы* — начало, развитіе, паденіе Греческаго классицизма, ставятъ въ разныя точки зрѣнія всѣ творенія Греческихъ классиковъ. Эсхиль и Эврипидъ, Омиръ и Анакреонтъ Теосскій, Иродотъ и Плутархъ не могутъ быть сравниваемы между собою: ихъ различаютъ вѣка и идеи. При такомъ воззрѣніи исчезаетъ дѣтскій восторгъ передъ классиками: «Божественный» Омиръ теряетъ свой эпитетъ. Но не презрѣніе, не невниманіе заступаютъ мѣсто восторга безотчетнаго — пѣть: является критическое и философическое воззрѣніе на предметъ, великій, достойный изученія во всѣхъ его отношеніяхъ. Красоты классицизма являются въ истинномъ свѣтѣ, недостатки показываетъ духъ времени, поясняетъ мѣстность, и Исторія Греческой Литературы становится урокомъ мудрымъ и поучительнымъ. Не только не отлекаетъ насъ такое воззрѣніе отъ изученія Греческихъ Классиковъ, но, именно, ведетъ прямо къ нему: не доверяя ни чьему голосу, мы сами должны узнать разсматриваемый нами предметъ, повѣрить судъ объ немъ собственнымъ нашимъ умомъ.

И особливо намъ, *Русскимъ*, которые уже сто лѣтъ привыкли жить *гужильемъ* и быть умны *заднимъ* умомъ (по старинной пословицѣ), намъ надобно изучать Грековъ, родныхъ намъ по вѣрѣ, протцовъ нашихъ по началу образованія, по языку, по исторіи. И особливо надобно приступать намъ къ тому въ *наше время*, когда наша Философія, наша Литература, наше образованіе похожи на ладью отъ одного берега отставшую, а къ другому непроставшую. Въ хиломъ, больномъ состояніи нашей литературы, струи источника Эмладскаго послужатъ поддѣржаніемъ цѣлебнымъ, сильнымъ и могущимъ; какъ Ахиллеса струи Стикса, могутъ они закалить насъ въ основательномъ, высокомъ ученіи, образованіи и искусствѣ. Увы! къ несчастію, до сихъ поръ мы не видимъ въ еще стремленія къ изученію Грековъ, которыхъ Гораций советовалъ *читать день и ночь*. Даже самыя оффиціальныя поощренія ученія Греческаго языка и Греческой литературы гибнутъ у насъ туне, или въ пошлой схоластикѣ, или поверхностномъ трудѣ учениковъ по неволѣ. Хотя въ переводахъ читала бы Грековъ вся эта молодежь, знающая наизусть

Жоржъ-Зандъ и Бальзака, хотъ у Фосса и Гвидича изучала бы она Омира... И то было бы спасительно!...

Имя *Гвидича* всегда останется памятно въ нашей Словесности за его огромный трудъ. Одно постоянное многолѣтнее занятіе важнымъ предметомъ стоитъ уже чего нибудь. Но кромѣ того, переводъ Гвидича имѣетъ свои вслѣдствія достоинства. Гвидичъ не былъ ученымъ Эллинистомъ, безотчетно видѣлъ въ Омирѣ псалмога поэта, и передавалъ буквы, сколько было у него знанія и способностей поэтическихъ. И въ его переводѣ однакожь, вы поймете, узнаете Омира — это собирательное, мнѣшеское лицо, никогда не существовавшее, но въ которое облечены древнія, героическія пѣснопѣнія, *рапсодіи*, пѣбелунси, саги Грековъ. Какой богатый, великій, плодоносный для ума міръ открывается вамъ въ *Иліадѣ*; кака я живая, многообразная картина древняго быта Греціи; какія пѣсни, дивныя первобытными красотами; исполненными образами, потрясающими душу звуками! Иногда испытываете даже прикоробное чувство, соображая ничтожество человечества послѣ проявленій столь громаднѣхъ! Но такое чувство уничтожается философскимъ созерцаніемъ предмета и изученіемъ Исторіи, послѣ чего въкѣ *Древнихъ*, въкѣ *Средней*, въкѣ *Новыхъ*, льются намъ величіе равное, которое надобно только уиѣть понимать. Созерцая чудовищный скелетъ метатерія и мамонта, мы видимъ равное величіе творенія и въ маленькой каплѣ воды, разсматриваемой въ микроскопѣ.

При выходѣ 1-й части новаго изданія *Иліады*, переведенной Гвидичемъ, мы благодарили уже издателя за *подарокъ* его Русскимъ читателямъ: именно *подарокъ*, прекраснѣе, уютное, дешовое изданіе книги, которой желательно на святой Руси многихъ читателей — *многихъ*, говоримъ, ибо, въ пѣкоторомъ отношеніи, мы согласны съ эпиграфомъ изъ Діона, поставленнымъ на Русскомъ переводѣ, что «Омиръ каждому, и юношѣ, и мужу, и старцу, столько даетъ, сколько кто взять можетъ.» Таково свойство всего истинно великаго: *Петру Великому* удивляется и философъ и простолюдинъ; *Гете*, *Шекспира*; Омира съ наслажденіемъ читаютъ и ученые и ученикъ, поэтъ и женщина. — Издатель приложилъ при 2-й части *Иліады* тетрадку рисунковъ, съ извѣстныхъ *открытій* изъ *Иліады* Флахсмана, Англійскаго художника. Они *слишкомъ* уже уменьшены, и притомъ довольно плохо пере-

рисованы; впрочемъ, и за то *спасибо!* Рисунки Флаксмана извѣстны и пользуются заслуженною Европейскою славою, представляя собою глубокое изученіе художества Древнихъ. Но мы благодарны бы были почтенному издателю, еслибы онъ приложилъ *варианты* противъ 1-го изданія Гнѣдичева перевода. Въ заглавіи книги сказано, что второе изданіе напечатано съ «рукописи, переправленной Гнѣдичемъ.» *Варианты* были бы отменно любознательны въ такомъ случаѣ. Жаль, что издатель не послушался совѣта нашего, послѣ выхода 1-й части *Иліады*.

211. Горе отъ ума. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. *Соч. А. С. Грибоедова*. Второе изданіе. Спб. въ Военной тип., 1839 г. въ 64, С и 202 стр., съ портретомъ автора.

Поблагодаримъ усердно издателя сей книжечки, *К. А. Полевого* (имя его, какъ *издатель*, ошибкою пропущено на книгѣ), за то, что онъ, приобретя право на рукопись комедіи Грибоедова, напечаталъ ее въ премиломъ красивомъ форматѣ (хоть, признаться, мы противъ такихъ *микроскопическихъ* изданій, по извѣстной Французской поговоркѣ, что *les éditions microscopiques sont le résultat d'un pacte entre leurs éditeurs et les lunettiers*), приложилъ, гравированный въ Англии, на стали, прекрасный портретъ Грибоедова, тщательно просмотрѣлъ текстъ, и продаетъ книжку *по 5-ти рублей*. *Первое изданіе*, Московское, было обезображено ошибками, и продавалось притомъ *по десяти рублей!*.. Помилуйте! Да, это цѣна романа въ 4-хъ частяхъ, и не всякому-то по карману *горе*, хоть бы и *отъ ума*, за десять рублей!

Но, издавая книгу, какъ *книгопродавецъ* и какъ *литтераторъ*, г-нъ Полевой приложилъ еще къ ней составленное имъ извѣстіе о жизни и сочиненіяхъ Грибоедова. Мы прочитали это извѣстіе съ особеннымъ удовольствіемъ. Написанное слогомъ простымъ, яснымъ, исполненное мыслей, уваженія къ автору, котораго зналъ Г. П., какъ литтератора и человѣка, оно усладительно и приятно, будто бесѣда съ образованнымъ человѣкомъ. Признаться: хотѣлось бы намъ *побесѣдовать* съ биографомъ Грибоедова, ибо, при всемъ уваженіи нашемъ къ словамъ его, мы съ нимъ во многомъ несогласны, и главное въ мнѣніи его о *Горѣ отъ ума*. Нѣкогда, мы сами были горячимъ, жарки-

ми защитниками этого умнаго, замѣчательнаго созданія, до сихъ поръ и всегда сохраняемъ и сохранимъ мы ему почетное мѣсто въ Русской Словесности, и, конечно, половину стиховъ изъ него можемъ пересказать *наизустъ*. Но въ то же время намъ кажется, что біографъ А. С. Грибоѣдова увлекается обыкновенною слабостью всѣхъ, или большей части біографовъ—пристрастіемъ къ своему автору. Нынѣ, когда прошло почти 20 лѣтъ отъ появленія *Горя отъ ума*, когда великое достоинство сей комедіи признано, а мы стали пятою олимпиадою опытныхъ, за чѣмъ не смотреть на дѣло безпристрастно и хладнокровно? Чтò, неужели боятся намъ кликушъ, которые прячутся за имена Карамзинныхъ, Дмитриевыхъ, Озеровыхъ, Грибоѣдовыхъ, и каждое слово, противъ нихъ сказанное, почитаютъ оплеухою по своей рождѣ, въ которой предполагаютъ какую-то связь съ честью Русской Словесности, и даже любовью къ отечеству? Мы смѣемся, что наши старики величали Омирами, Расинами, Лафонтенами того или другаго. Не допустимъ же смѣяться надъ нами нашихъ внуковъ, а такъ будетъ, если мы станемъ почитать, на примѣръ, Пушкина мировымъ, вѣковымъ поэтомъ, либо Грибоѣдова великимъ драматическимъ писателемъ, Русскимъ Мольтеромъ, и лица, имъ созданныя, называть «типowymi, гениальными» созданіями.

Всего болѣе бѣясь *перетолкованія* нашихъ словъ, и не имѣя возможности входить здѣсь въ изъясненія подробныя, мы только подтвердимъ, что питаемъ глубокое уваженіе къ имени Грибоѣдова, и комедію его считаемъ блестящимъ, умнымъ явленіемъ *св* времени, по отводимъ ей мѣсто подлѣ *Недоросля* и *Абды* — не далѣе, и не почитаетъ ее даже и *драмою*, по просто умною, удивительною умною сатирою. Думаемъ: самая жизнь Грибоѣдова есть вѣрвое доказательство, что при его образованіи, его жизни, Грибоѣдовъ далѣе и не могъ шагнуть. Въ словахъ Суворова, что онъ почиталъ самыми смѣлыми и храбрыми людьми Курція, князя Я. Ѳ. Долгорукаго и старосту Антопа, который одинъ ходилъ на медвѣдя, повѣрьте, былъ смыслъ глубокій. Знаемъ, что слова наши возбуждаютъ негодованіе иныхъ людей, да что дѣлать! У насъ ужъ такъ заведено: если закричали, такъ кричи, а не то, ты будешь варваръ, злодѣй, завистникъ, и что всего хуже—*не патриотъ!* Кажется, пора бы убѣдиться опытомъ, что та-

кіе крики приличны только дѣтству образованія, а мы, говоря словами Грибоедова:

Помылите! Мы съ вами не ребята!

Какъ жаль, что у насъ до сихъ поръ все судятъ *вѣломъ* и *гуртомъ*. Мм. гг.! поймите важность *историческаго* взгляда, и при оцѣнкѣ писателя важность соображенія *времени* и *мѣста*, то есть, *когда* и *гдѣ* онъ жилъ. Здѣсь основаніе *истинной критики*, ибо для приложеній критики *абсолютныхъ* правилъ нѣтъ и быть не можетъ. Можетъ быть, при такомъ сужденіи, вы откроете въ предметъ вашемъ такія стихіи великія, такія права на славу и частное безсмертіе, какихъ прежде вы въ немъ и не подозрѣвали. А если придется и снять его съ верхней ступеньки, и поставить немного пониже — чтожь дѣлать? Правда и истина всего дороже. Псжалуй, создайте себѣ мечту, славы, безсмертія, но послѣ того не смѣйтесь же, если Лагарпъ увѣряетъ, что Вольтеръ исправилъ Отелло, если Китаецъ восхищается поэмою своею какого нибудь Кунгъ-Дзен, или Новиковъ увѣряетъ, что Сумароковъ *далеко превзошелъ въ биснлхъ Лафонтена*. Указывать ли на смѣшное современное? Зачѣмъ *гусей дразнить!* Имѣяй уши услышитъ, а нмуцій умъ пойметъ.

Спѣшимъ дополнить, что слова наши относимъ мы не къ К. А. Полевому, а къ другимъ, совсѣмъ другимъ. Повторяемъ, что и онъ *не безпристрастенъ*, даже *пристрастенъ* къ Грибоедову, но *пристрастенъ*, какъ человекъ образованный и добросовѣстный, какъ литераторъ и критикъ опытный. Мысли его могутъ быть односторонни, но онъ ознаменованъ умомъ и наукою. Многія подробности, какія излагаетъ онъ о Грибоедовѣ, представляютъ занимательную новость. Таковъ, на примѣръ, рассказъ его о личномъ знакомствѣ съ авторомъ *Горя отъ ума*.

212. Стихотворенія *Елисаветы Шаховой*. Сиб. въ тѣн. Росс. Акад., 1839 г. въ 8, 117 стр.

Для насъ безъ анелляцій рѣшенъ уже вопросъ *объ участіи прекраснаго пола въ мирѣ Искусствъ*. Мы не вѣрнемъ тѣмъ лядямъ, которые хотѣтъ затворить женщину двери въ эдемъ услажденія жизни изящными искусствами и художествами — не вѣрять, хотъ очень умные люди говорили тому противное.

Довольно указать на одного Наполеона: *Il faut que les femmes tricotent!* говаривалъ онъ съ досадою, слыша о женщинахъ *художницахъ* и *писательницахъ*. А сколько насмѣшекъ отъ эгоистовъ - мужчинъ, сколько описаній, какъ для рѣшны забываетъ женщина свое истинное назначеніе жизни — сколько, пачиная съ насмѣшливой эпиграммы Баратынскаго :

Не трогайте Парнаскаго пера,
Не трогайте, смазливья вострушки!

до повѣсти въ Б. для Ч., гдѣ выставлена *красноносая* писака уморившая стихами мужа! Но насмѣшка не доказательство, и на смѣшное въ женскомъ писаньи можно написать столько же смѣшпаго о писаньи мужскомъ. — Вотъ, другая сторона вопроса, гораздо важнѣе: можетъ ли *женщина* достигнуть великихъ идеаловъ Искусства? Принадлежитъ ли ей *Искусство*, такъ же, какъ мужчинамъ? — Здѣсь мы говоримъ отрицательно — нѣтъ! Пусть указываютъ намъ па г-жу Сталь, на Жоржъ-Зандъ, на Таліони, на Кауфманъ, на кого угодно — никогда женщины не создать безсмертныхъ, великихъ твореній Искусства. *Преображеніе, Гамлетъ, Иліада, Лаокоонъ* — онъ даже не поймутъ ихъ никогда, не только не создадутъ! Но если не всякій юнкеръ дослуживается до фельдмаршала, развѣ никому послѣ того не вступать въ военную службу? Нѣтъ! Не станемъ же отнимать у женщины безкорыстнаго услажденія Искусствомъ. Пусть оно будетъ такою же отрадою и въ ихъ жизни, какъ отрадно оно въ жизни мужчины, пусть и ихъ сердце, душу, ихъ досуги освятить Искусство, какъ освящаетъ оно жизнь мужчины. Пусть только не дѣлаетъ оно изъ нихъ литературныхъ и художественныхъ каррикатуръ; пусть не стремятся онъ достигнуть недостижимаго имъ; пусть *Грация* сопутствуетъ всегда ихъ *Музѣ*, и Муза ихъ не бѣгаетъ растрепанная, какъ Вакханка, не неистовствуетъ, какъ площадная Муза Жоржъ-Зандъ. Имъ остается даже цѣлая, особенная область прекраснаго, гдѣ онъ могутъ владычествовать гораздо лучше мужчины — область сердца. Мы всегда съ почетомъ встрѣтимъ ихъ милое, кроткое вдохновеніе, выслушаемъ прекрасный отголосокъ ихъ *сердцнаго* вдохновенія . . .

И вотъ почему съ улыбкою умиленія всегда читали мы стихи дѣвнцы Шаховой, и съ удовольствіемъ прочитали ихъ

и теперь, собранныя въ одну книжку. Замѣтимъ, что ея дарованіе получило при нынѣшнемъ изданіи ея сочиненій блестящее одобреніе: книжка напечатана на счетъ Россійской Академіи, подарившей сочинительницѣ все изданіе. Экземпляръ, подвешенный Августѣйшему Покровителю всего добраго и прекраснаго, заслужилъ всемілостивѣйшее вниманіе и былъ награжденъ богатымъ подаркомъ.

Услажденіе матери, лишенной зрѣнія и въ пѣсняхъ дочери почерпающей услажденіе, было первымъ вдохновеніемъ нашей юной поэтриссы. Имъ начинаютъ стихотворенія г-жи Шаховой:

О родная моя!
 Можетъ быть, для тебя,
 Въ утѣшенье скорбей,
 Богъ, сивирныхъ любя,
 Въ грудь вдохнулъ мою даръ пѣснопѣвъ!

Любишь ты, когда пѣснь
 Въ звукахъ я лепечу;
 Вновь разсѣять тебя,
 О, всемги, я хочу
 Новой блестящей, мечтой вдохновель!

Имъ они и оканчиваются:

Непрочной славы суета
 Меня не льститъ очарованьемъ,
 Не жду вниманья отъ людей,
 Но, я писала съ упованьемъ,
 Чтобъ на устахъ родной моей
 Улыбку видѣть одобренья,
 И за успѣхи вдохновелья
 Внимать души ея привѣтъ;
 Я дочь ей... я для ней поэтъ!

Въ другихъ пѣсняхъ являются и другія легкія чувства, промелькнувшія по свѣтлой, кроткой, чистой, неопытной душѣ поэта-дочери. Въ одной пѣснь выражено святое чувство благоговѣнія Царю. Нѣжная дружба, картины природы, тихія вдохновенія сердца составляютъ содержаніе остальныхъ пѣсней, и всюду свѣтится какое-то тихое уныніе, какъ будто поэзія слетѣла къ юной нашей соотечественницѣ,

Не за тѣмъ ль, чтобъ душой
Жизни лучшей мы искали,
Чтобъ не върл въ блескъ земной
Взоръ на небо обращали?..

213. Вадемекумъ. *Стихотворенія Н. Медвѣденко*. Москва, въ тип. А. Семева, 1839 г., въ 12, 132 стр.

Не издаваться бы *Вадемекуму*, не писать бы стиховъ г-ну Медвѣденку, если бы г-нъ *Н. С. Б.*, «разскащикъ повѣстей, затѣйникъ веселостей, кладъ друзей,» который и самъ «пишетъ оды,» не вздумалъ уговорить г-на Медвѣденку *писать, писать, писать!* И вотъ онъ пишетъ: прославляетъ въ куплетахъ *глазки*, прибирая къ нимъ въ рнѣму: *ласки, маски, пляски, каски*, и даже «какія-то *пролазки*;» ругаетъ немилосердно какую-то злодѣйку, которая «три года ходитъ въ одной шляпкѣ,» у которой «волосы рыжіе—ада знамя,» видъ—*хума*, которую *надобно продать за копытку*, и которая

клеивитъ всѣхъ злобой, какъ печатка!

Далѣе являются *Зенеиды, Аглаи, Катеньки, эпиграммы, эпитафія*, стишки къ *звѣздѣ, къ тучѣ, къ ворону, къ соловью, къ веснѣ*... Ну, да, какъ же набрать предметовъ для стиховъ, если руки чешутся писать стихи! Нашъ поэтъ ужь терпѣлъ за стихи свои горькія обиды. Онъ самъ сознается, что

...Не разъ меня клеймили
Дуракомъ подъ уныый часъ!

Но върл г-ну *Н. С. Б.*, поэтъ нашъ, весело обращаясь къ нему, увѣряетъ:

И *сознаю-то*, все мнѣ,
Чѣмъ съ *набитой* головой...

Въ благодарность за совѣтъ писать стихи, г-нъ Медвѣденко написалъ *Посланіе къ г-ну Н. С. Б.*, которое оканчивается такovýmъ образомъ:

За привѣтъ твой, самый лестный,
Я *навралъ бы* цѣлый томъ,
Но *довольно въ* намать друга
И *посланья одного*—
Вотъ оно: его заслуга
Плодъ *желанья твоего* (?).

Въ часъ безсонницы докучной
 Медвѣденки бредъ гитай.

Да, м. г., г-нъ *Н. С. Б.*, вы заварили кашу, вы и расхлѣбать ее извольте: вы уговорили г-на Медвѣденка писать стихи, вы и читайте *Виделекумъ* г-на Медвѣденка, а насъ увольте отъ чтенія!...

214. Бородинскіе акростихи. Москва, въ тип. А. Семена, 1839 г., въ 12, 24 стр.

По пінтикамъ явствуетъ, что *акростихи*, или, какъ въ старину его называли, *крастишии*, долженъ имѣть два смысла: одинъ *обыкновенный*, а другой *необыкновенный*, для котораго надобно сложить вмѣстѣ начальные буквы стиховъ. Въ акростихахъ, Богъ знаетъ почему названныхъ великимъ именемъ *Бородина*, смыслъ по заглавнымъ буквамъ выходить, а *обыкновеннаго* смысла въ нихъ нѣтъ.—Безграмотные писаки! пишите стишенки къ Аглаямъ, Хлоямъ, Луиъ и Солнцу, но для чего дерзаете вы дѣлать предметами стиховъ и стишеновъ своихъ предметы великіе? Для чего посвящаете вы памяти *Благословеннаго* безсмыслицы, въ родъ слѣдующей:

Аспидной доски обломокъ
 Легче побѣждаетъ гниль;
 Еслижъ Августовъ потомокъ
 Кинется во гробъ — онъ пыль.
 Смерть къ Царямъ неутомимъ—
 Арендты не спасаютъ ихъ;
 На престолахъ брѣяность зримъ,
 До могилы одинъ шагъ....
 Робко умираетъ злоба—
 У Тебя миръ возлѣ гроба.

И такую *безсмыслицу* называютъ *акростихомъ* на великое имя *Александра*! Послѣдній акростихъ высказываетъ имя бездарнаго и безграмотнаго писаки *Бородинскихъ акростиховъ*. Сложивши заглавныя буквы его, находимъ слова: *Жертва Рогова*.

215. LE MOINE, Histoire Kioviennne. Traduction en vers du poëme de J. Kozlow: Чернецъ, par le Prince Nicolas Galitzin. Москва, въ тип. А. Семена, 1839 г., въ 12, 34 стр.

216. AUX SALOMNIATEURS DE LA RUSSIE, par *Alexandre Tsourikoff*, d'après Pouchkine. Москва, въ тип. А. Семена, 1839 г., въ 8, 14 стр.

217. BOROUDIO-MOSCOU. Hymne guerrier, à l'occasion de la ceremonie de 26 Aout 1839, par *un Vétéran de l'année 1812*. Москва, въ тип. А. Семена, 1839 г., въ 12, 10 стр.

Мы не сомнѣваемся въ дарованіяхъ почтенныхъ переводчиковъ, ни трогательной поэмы Козлова, ни пламенныхъ стиховъ Пушкина. Но, что ни того, ни другаго узнать нельзя въ переводъ, вѣроятно, виноватъ *Французскій языкъ*. Вольтеръ давно жаловался, что этотъ языкъ вовсе не поэтическій, и что половина каждаго стиха Французскаго посвящается смыслу, а другая жертвуется рѣмѣ. Говорили когда-то, что *Ода Божъ* переведена на Китайскій языкъ, и мы готовы биться объ закладъ, что переводъ очень дурень, потому, что неизбѣжною причиною того всегда будетъ непоэтическій языкъ Китайскій. Для обрашника, вспомнимъ то мѣсто въ *Чернецъ* Козлова, когда несчастный страдалецъ приходитъ на кладбищъ, плачетъ, видитъ счастливыхъ отца и мать, и дитя ихъ, въ цвѣтахъ, веселаго, милаго. Помните ли его молитву, которая заключается двумя прелестными стихами:

И не въ цвѣтахъ младенецъ мой—
Его червь точитъ гробовой?

Хотите ли видѣть, какъ нескладно выходитъ это по Французски?

...Cette vue empoisonne
Tous *mes bons sentimens*, et je crie: ô Seigneur!
Tu m'avait accordé le plus parfait bonheur!
Et tu m'a tout ravi! Le trepas me sépare
De celle que j'aimais; *aucune fleur ne pore*
Le front de mon enfant; il est rongé des vers....

Какой прозаическій, несносный Французскій этотъ языкъ! Особенно въ переводъ г-на Цурникова, поэзія Пушкина переведена гомеопатически—въ ведрахъ, въ бочкахъ воды... Читатъ досадно!

«Воинственнаго гимна» *Бородино-Москва*, написаннаго *Инвалидомъ 1812 года*—мы и читать не стали! *Русскій Инвалидъ* прославляетъ *Бородино* во *Французскихъ* стихахъ... Это невыносимо!...

128. Креолка и Европейецъ. Сочиненіе Петра Корсакова. Спб., въ тип. И. Глазунова и комп., 1839 г., въ 12, V и 190 стр.

Черезъ тридцать лѣтъ разлуки, встрѣчаясь съ другомъ своимъ, съ которымъ некогда провелъ въ Голландіи «лучшее время молодости, золотую пору несбывшихся надеждъ,» Авторъ посвятилъ ему отрывокъ изъ своихъ воспоминаній о Голландіи, въ которомъ, въ формѣ романа, изобразилъ онъ два событія, «разумѣется, не безъ измѣненій и прибавленій, допускаемыхъ правомъ романиста.» Въ вѣрности *листныхъ* подробностей дѣлаетъ онъ свидѣтелемъ друга своего, предоставляя судъ о самомъ романѣ публикѣ и читателямъ. Мы дополнимъ то, чего недосказала авторская скромность: происшествія, на которыхъ основывается романъ, мѣстности, въ него введенныя, мастерская характеристика дѣйствующихъ лицъ, все дѣлаетъ изъ повѣсти г-на Корсакова чтеніе увлекательное, заманчивое повостью предметовъ и интересное по его завязкѣ, развязкѣ, подробностямъ. Не припомнить ли еще какого нибудь разсказа, въ родѣ *Креолки и Европейца*, нашъ почтенный авторъ, которому обязаны мы знакомствомъ съ Голландскою литературою и ея литераторами? Мы охотно готовы слушать такіе разсказы.

219. Тоска по родинѣ. Повѣсть. Сочиненіе М. Н. Загоскина. Двѣ части. Москва, въ тип. Н. Степанова, 1839 г., въ 12, 222 и 300 стр.

220. Новыя повѣсти Н. Ф. Павлова, Неиспытуй сердца человѣческаго. (*Изъ законовъ Ману.*) Маскарадъ. Демонъ. Милліонъ. Спб., въ тип. Гуттенберговой, 1839 г., въ 8, 416 стр. (выписано со всевозможною точностью).

221. Искатель сильныхъ ощущеній. Сочиненіе Каменскаго. Три части. Спб., въ тип. А. Смирдина, 1839 г., въ 12, 310, 256 и 262 стр.

222. Шапка Юродиваго, или *Трилистникъ* (Трилистникъ?) Историческій романъ изъ временъ Елисаветы и Екатерины. Соч. Р. Зотова. Три части. Москва, въ тип. Авг. Семена, 1839 г. въ 12, 266, 298 и 256 стр.

223. Глануся. Разсказъ *Гришка Основьяленка*. Харьковъ, въ тип. Унив., въ 16, 261 стр.

224. Полное собрание *Сочинений Вацлава Булгарина*. Новое, *сжатое* (компактное) издание, исправленное и умноженное. Томъ I. *Иванъ Выжигинъ*. Спб., въ тип. Н. Греча, 1839 г., въ больш. 8, въ 2 столбца, 245 стр.

Со страхомъ и трепетомъ—означивъ здѣсь названія *шести* новыхъ, *оригинальныхъ* сочиненій—со страхомъ и трепетомъ, повторяемъ—хотимъ, и не смѣемъ мы сказать нашего объ нихъ мнѣнія! Да, въ чемъ будетъ состоять наше мнѣние? Станемъ ли мы хвалить все *слово* и *рядомъ*? Не совсѣмъ и далеко не все — бранить? И не думаемъ. Но мы хотѣли бы сочинителямъ сказать правду сущую. А если она не понравится, и если на насъ посыплются за нее брани и возгласы, тогда, ММ. ГГ., читатели Сына Отечества, возьмете ли вы насъ подъ вашу защиту? Заступитесь ли вы за насъ, когда будутъ въ насъ стрѣлять горохомъ и перцомъ изъ-за угловъ, гдѣ совершаются апофеозы того или другаго знаменитаго нашего литератора, за-живо, съ *постыли* и *мясомъ*, какъ говаривали древніе *перофалты*? Отгоните ли вы отъ насъ докучную толпу литературныхъ прихвостней, этихъ осъ и шмѣлей, которые готовы искушать всякаго, кто не ихъ прихода, а тѣмъ болѣе того, кто осмѣлится замѣтить, что у Бурхана кумирни ихъ носъ кривой, ноги немножко длинны, а руки слишкомъ коротки?

Впрочемъ, есть пословица: «смѣлымъ Богъ владѣть.» Пора привыкнуть къ холостой стрѣльбѣ нашихъ литературныхъ Аристарховъ. Сказать правду не побоямся мы даже самоудѣльнымъ *сеніамъ* нашимъ, а что свита ихъ заквакаетъ, намъ о томъ мало заботы. Предметъ такъ любопытенъ, что мы, въ самомъ дѣлѣ, рѣшаемся поговорить объ немъ подробнѣе, именно—поговорить о *романахъ* и *повѣстяхъ*, о *романистахъ* и *повѣствователяхъ* Русскихъ современныхъ. Слава Богу! Кромѣ *сеніальныхъ* и великихъ романистовъ, каковы прославленные друзьями—*И. И. Лажечниковъ*—нашъ В. Скоттъ, *Н. Ф. Павловъ*—нашъ Балзакъ, Казакъ *Луганскій*—нашъ *Жакобъ Библюфиль*, *Е. П. Гребенка*, *М. Ю. Лермантовъ*—наши... право, и не знаемъ кто, но только *великіе писатели*—у насъ есть также писатели, хоть не столь великіе, но съ истиннымъ, неподдѣльнымъ дарованіемъ. Сюда причисляемъ мы, на примѣръ: *Булгарина*, *Греча*, *Загоскина*, *Вельямана*, *Гоголя*, *Островяненка*, *Князя Одоевскаго*, и другихъ, между которыми

нельзя забыть *Масальскаго, Калашиникова*, и изъ молодыкъ—*Каменскаго, Сумарокова, Владиславлева, Маркова*, и изъ писательницъ—*Ясновидящую*, г-жу *Жукову*, и другихъ. Видите, какое раздолье именъ? кажется, есть о чемъ поговорить! Да, притомъ, если *романъ* и изнанъ теперь изъ нашей дѣйствительной жизни, за то онъ втѣснился въ нашу литературу, такъ, что составлять ея значительное отдѣленіе.

И такъ, г-да Русскіе Романисты, до свиданія въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ С. О.—На сей разъ, мы ограничимся только *библиографическими* замѣчаніями.

Тоску по родитѣ, М. Н. Загоскина, можно назвать собственно *повѣстью*. Кавва событій, въ нее введенныхъ, послужила ему притомъ къ остроумной и забавной сатирѣ на иностранцовъ. При веселомъ, живомъ разсказѣ, сочиненіе г-на Загоскина читаете съ нетленнымъ удовольствіемъ.—*Повѣсти* г-на *Павлова* не всѣ новы: самую длинную изъ нихъ, *Маскерадь*, мы давно уже читали въ Московскомъ Наблюдателѣ. Къ этой длинной, прибавлено двѣ повѣсти поменьше, все напечатано съ ужасною разбивкою, съ безконечными пробѣлами, и вышелъ *толкъ въ осьмушку*, вѣроятно, для того, чтобы продавать его по *десяти* рублей. Жаль, что разгоняя буквы по страницамъ, издатель не позаботился объ исправной корректурѣ книги: она кипитъ ошибками противъ всѣхъ правилъ языка и грамматики. Доказательствомъ можетъ быть заглавіе книги—повторяемъ: *выписанное нами съ дипломатическою точностію*.—Въ *Искателѣ сильныхъ ощущений*, г-нъ Каменскій показалъ прекрасное *описательное* дарованіе, и, что еще важнѣе—необыкновенную способность *гу-мора*: его *Эпикъ*, герой новаго романа, и весь романъ—самая злая сатира на пивъшнихъ нашихъ ничтожныхъ, пошлыхъ, доморощенныхъ *Чайльдъ-Гарольдовъ*, съ бородаками, въ блузахъ, съ испаньолетками, съ волосами à la moujik. Нельзя не смѣяться, читая пародію г-на Каменскаго на элегическіе возгласы, на мишурную философію нашего времени, на мнимую водлиую поэзію. И авторъ такъ лукаво, такъ добродушно смѣется, что, мы увѣрены въ томъ, многіе приняли его романъ не за шутку. Мы не станемъ сравнивать сочиненія г-на Каменскаго съ безсмертнымъ твореніемъ Сервантеса, но скажемъ однакожь, что стрѣлы нашего романиста мѣтко попадаютъ въ цѣль: жалкое, презрительное, даже отвратительное

лицо Эйскаго, портреты развратныхъ друзей его, каррикатурное лицо героини романа, уморительное лицо резонера, пародія Амалата-Бека въ воспитанникъ Эйскаго, и даже мастерская поддыка подъ модный слогъ выпѣвшихъ романистовъ, показываютъ превосходное дарованіе г-на Каменскаго. Жаль, что языкъ... охъ! языкъ у него хромаетъ и требуетъ костыля корректуры! Половина словъ, половина знаковъ препинанія стоятъ не на своихъ мѣстахъ.—*Шапка Юродливаго* дополняетъ обширную галерею портретовъ великихъ людей, которыхъ Р. М. Зотовъ предположилъ, какъ видно, изобразить въ своихъ романахъ. На сей разъ, кромѣ Фридриха Великаго, любимаго героя Р. М. Зотова, попался ему въ передѣль «великолѣпный князь Тавриды—*Князь Потемкинъ*.—Боже Великій! Какое мастерство у Р. М. Зотова, такъ легко дѣлать изъ великаго смѣшиое! Впрочемъ, для романовъ Р. М. есть своя публика: не троньте ее; пусть себѣ читаетъ! Все же лучше читать *Шапку Юродливаго*, нежели Поль-де-Кока, либо Еруслана Лазаревича. А что публика для романовъ Р. М. есть особенная, и многолюдная, доказательство въ томъ, что книгопродавцы покупаютъ дорого и печатаютъ его рукописи. Мы слышали, что *Леонидъ*, романъ Р. М., скоро выйдетъ *вторымъ* изданіемъ. Видите? Если не спрашиваютъ книги, ее и печатать не стануть.—*Гангуся*, сочиненіе г-на Основьяненка, не новость; она была уже напечатана въ журналѣ, а теперь только издана книжкою отдѣльно. Намъ кажется, что она не изъ лучшихъ произведеній умнаго и милаго Малороссійскаго разскащика.

Но, говорить ли намъ о новомъ изданіи *Ивана Выжигина*, которымъ О. В. Булгаринъ начиняетъ *полное собраніе* своихъ сочиненій. О Выжигинѣ столько говорено, его столько читали, что каждый, кажется, успѣлъ уже составить объ немъ свое мнѣніе. Обращаясь здѣсь только къ изданію полныхъ сочиненій г-на Булгарина, скажемъ, что оно печатается весьма красиво и четко. Намъ не понравилось предисловіе Автора. Начать съ того, что замѣна слова: *компактное*, словомъ: *сжатое*, кажется намъ не совсѣмъ вѣрно. Далѣе, утверждать, что издаваемые нынѣ полныя сочиненія О. В. Булгарина есть *первый опытъ въ Россіи компактныхъ изданій*—опять ошибка! Авторъ забылъ: Исторію Наполеона, В. Скотта, изданную И. И. Глауновымъ; Сочиненія Кантемира (пер-

вую тетрадь Русскихъ Классиковъ, изд. Графомъ Толстымъ); Изданіе К. А. Полеваго Дѣяній Петра Великаго, соч. Голиковыхъ, Сочиненія Фопъ-Визина, изд. въ Москвѣ; Военную Библіотеку, И. И. Глазунова; Репертуаръ Русскаго Театра, издав. И. П. Песоцкимъ: все это были и суть *полнѣйшія* изданія. Потомъ, слова Автора, будто *естъ вторгнъ изданія его сочиненій*, печатанныя книгопродавцами, «наполнены опечатками и пропусками, искажающими во многихъ мѣстахъ самый смыслъ,» не могутъ относиться къ тому, что печатали изъ его сочиненій *А. Ф. Смирдинъ*, ибо авторъ самъ всегда держалъ притомъ корректуру. Накопецъ, намъ не нравится и то, что авторъ старается доказать *дешевизну* своего новаго изданія. Для чего? «Вотъ вамъ книга, вотъ цѣна ей—дорого, не берите!» такъ долженъ говорить писатель, особливо извѣстный. Опять толки о томъ, что автора бранятъ и бранили журналы. Что прикидываться смиренникомъ! Вѣдь и авторъ въ долгу не оставался; свалка всегда бывала общая; кто кого разилъ и поражалъ болѣе — Богъ вѣсть! *О такихъ вещахъ* вспоминать не стоитъ, какъ о дѣлахъ старыхъ. Извѣстна Русская пословица, что дѣлаютъ съ тѣми людьми, кто старое помянетъ.

224. Судьба моей подруги. Повѣсть. Сочиненіе *Клеопатры Полозовой*. Спб. въ тип. Конв. Випгебера, 1839 г. въ 12, 136 стр.

Пренесчастная была судьба подруги г-жи Полозовой! Дѣвочкой увидѣлъ ее въ пансіонѣ графъ Знаевъ, и увхалъ путешествовать за границу. Пока онъ ѣздилъ и, какъ говорится, *билъ баклуши*, подруга подросла, подругу отдали замужъ за пегодя и дурака. Графъ Знаевъ пріѣхалъ. Открылось, что и графъ и подруга смертельно любили другъ друга. Подруга съ горя умираетъ, а графъ увѣзжаетъ въ Швейцарію, и тамъ также умираетъ. Слогъ повѣсти высокій и цвѣтущій. Выпишемъ строкъ пять, шесть, для примѣра: «Воображеніе дѣйствуетъ *усильно* на человека, *при дѣлательной, увлекающей силѣ фантазіи*. Оно влечетъ его во всѣ стороны *гибнѣхъ результатовъ*. Человѣкъ глядитъ на предметы *живописнѣхъ околѣ фантазіи*. Наблюденія его рѣзки, поражаютъ умъ, падаютъ на сердце *разнообразнѣхъ ландшафтнѣх*, и бросая *тѣнь* на внутреннее состояніе его, *издають сладостнѣх, ермоническіе звуки*, откликаются *волишебного октавою*; такая *ок-*

тава жизни образуетъ плънительный аккордъ...» Не правда ли, что очень хорошо? — Такъ и падаетъ на душу аккордами *ландшафтовъ*, производя въ ней октаву *фантази* и оканчиваясь *гибкими результатами смѣха!*

226. Иванъ Сусанинъ, или смерть за Царя. Историческій романъ. Соч. *Мих. Дмитревскаго*. Двѣ части. Москва, въ тип. Н. Степанова, 1839 г., въ 12, 141 и 86 стр.

Такой же *историческій* романъ, какъ *исторія* о Бовѣ Королевичѣ *историческое* сочиненіе. У Сусанина является дочь; у нея есть любовникъ; потомъ приходитъ шутъ *Фаддей*; потомъ купецъ, который изъ *Москвы* въ *Астрахань* вѣдетъ *Муромскими мясами* и попадаетъ въ *Кострому*; Королевичъ *Владиславъ* живетъ въ *Москвѣ* и посылаетъ убить *Михаила*, который живетъ въ *Ипатьевскомъ монастырѣ* и вѣдитъ въ гости къ Сусанину, пока *Пожарскій* освобождаетъ *Москву*... Но всѣхъ нелѣпостей въ романѣ г-на *Дмитревскаго* исчислить нѣтъ возможности: въ немъ 227 страницъ, и на каждой авторъ, что называется, поретъ дичь безъ оглядки!

227. Повѣсть о томъ, какимъ образомъ *пріѣзжіе купцы позвакомились съ приказными*, и какъ опъ ихъ обмануль. Москва, въ тип. В. Кирилова, 1839 г. въ 12, 87 стр.

Купцы пошли въ театръ, и тамъ встрѣтились съ подъячимъ, который одного изъ нихъ обыгралъ въ карты, а другаго на бильярдѣ. За то они его жестоко прибили и всѣхъ ихъ взяли въ полицію. Должно полагать, что авторъ рассказываетъ *быль*, а не *выдумку* — такъ *натурально* вѣдетъ рассказъ его.

228. Несчастная. Романъ въ началѣ царствованія Императрицы *Екатерины Алексѣевны II*. XVIII вѣка. Сочиненіе (*чье же?*). Двѣ части. Москва, въ тип. В. Кирилова, 1839 г., въ 12, 225 и 203 стр.

Верхъ безграмотства, бессмыслицы и отвратительныхъ картинъ! Сочинитель увѣряетъ въ предисловіи, что Несчастная «первый плодъ его просвѣщенія,» что «не низкіе виды побуждали его пустить въ свѣтъ дитя его воображенія, но чувство признательности къ просвѣтителямъ Россійскаго юношества, чтобы заслужить отъ нихъ похвалу,» и что «если удостоятъ его благосклоннымъ вниманіемъ, то поощрятъ его къ трудамъ еще большимъ,» Если Несчастная есть точно пер-

Т. XI. — Отд. IV.

вый плодъ несчастной страсти автора марать бумагу, то да будетъ онъ и послѣднимъ! Если есть добрые люди, знающіе безыменнаго автора Несчастной, и если оня замѣтять, что онъ еще что нибудь пишетъ, то, изъ любви къ человечеству, мы совѣтуемъ имъ попросить у какого нибудь лекаря медицинскихъ пособій противъ такой губельной болѣзни. Можно пустить кровь; помогаютъ также прикладываніе къ головѣ льду, шпанскія мухи, горчичники, и проч.

229. Опера *Ома Кузнецъ*. Москва, въ тип. И. Смирнова, 1839 г. въ 12, 28 стр.

Перепечатка старинной и весьма неглупой оперы: къ дочери кузнеца лазить въ кузницу любовникъ, сквозь трубу; кузнецъ разводитъ огонь; любовнику въ трубу стало жарко — онъ падаетъ изъ трубы; кузнецъ принимаетъ его за чорта, а узнавши, что онъ человѣкъ, отдаетъ за него дочь и поетъ:

Ну, отъ страха я избавленъ:
Ты мнѣ зать изъ чорта стать!

МЕДИЦИНСКАЯ ЛИТТЕРАТУРА *.

230. *Откровенный врачъ. Часть I. Гигіена, или искусство сохраненія здравія*. Посвящена общенародному употребленію. *Часть II. Краткое начертаніе Физиологіи*. Посвящена для употребленія всѣхъ образованныхъ сословій. Соч. *Ф. Гог. Неймана*. Москва, въ тип. В. Кирилова, 1838 г., въ 8, 90 и 80 стр.

«По несчастію, практическая медицина, какъ со стороны медиковъ, такъ и со стороны публики, никогда еще не была въ *таковыхъ* крайностяхъ, какъ въ наше время.» Такъ объявляеть во всеуслышаніе *откровенный врачъ*, а съ чего онъ это взялъ, того мы постигнуть не можемъ. Кому хоть сколько нибудь извѣстна исторія врачебнаго искусства, тотъ долженъ быть убѣжденъ неоспоримыми фактами, что ни одинъ періодъ Медицины не былъ ознаменованъ такимъ усовершенствованіемъ Анатоміи, такимъ упрощеніемъ Физиологіи, и та-

* По просьбѣ нашей, одинъ изъ почтенныхъ врачей принялъ на себя трудъ писать отнынѣ въ С. О. замѣчанія о *всѣхъ новыхъ медицинскіхъ книгахъ*, выходящихъ въ Россіи. Надѣмся, что читатели съ удовольствіемъ увидятъ его безпристрастные и дальные отчеты. Р. С. О.

книги плодоносными для практики опытами надъ живыми животными, и открытіями патологическаго трупоразвѣтія, какъ настоящій, текущій періодъ *физиологическаго* направленія Медицины. Да, и когда были *таковыя* крайности? Можно предположить ихъ въ *таковомъ* только случаѣ, когда новый Геростратъ выжегъ бы на бѣломъ свѣтѣ всѣ медицинскія книги, и оставилъ бѣдному человечеству только сочиненіе г-на Неймана. Истинно, безъ душевнаго сокрушенія нельзя читать, какъ *таковыя откровенныя враги* чествуютъ Разорн, Ганнемана и Бруссе эфемерными преобразователями, а сами предлагаютъ для *общенароднаго употребленія*, и для *употребленія образованныхъ сословій*, самыя ничтожныя, какія только когда либо являлись въ медицинскомъ мірѣ книженки, въ которыхъ здравый смыслъ, связь мыслей, языкъ и цѣль ниже всякой критики.

Гигіена посвящена авторомъ общенародному употребленію. Какъ это разумѣть должно? Для употребленія *естья народовъ*, или только *всѣхъ сословій одного народа Рускаго?* Положимъ, въ послѣднемъ смыслѣ: стало въ этой книгѣ можетъ найдти правила къ сохраненію здоровья каждое сословіе, отъ вельможи до простолюдина, каждое занятіе и ремесло, отъ государственнаго челоуѣка до поденщика, каждый полъ и возрастъ, отъ колыбели до гроба? Стало въ этой книгѣ оцѣнены всѣ необходимыя потребности каждаго изъ сихъ условій общественной жизни, приведены правила сбереженія здоровья, соответственно географическому положенію страны, политическому отношенію народа и домашнему быту каждой семьи? Извините, любезный читатель (если *таковыи* найдется): обо всемъ этомъ нѣтъ ни единого слова. Чтожь такое *Гигіена* г-на Неймана? А вотъ что:

Въ главѣ первой, *о пользѣ Медицины*, авторъ старается доказать, что если не Медицина, то, по крайней мѣрѣ, польза ея употребленія весьма сомнительна, и «ежели,» говоритъ авторъ, «кому либо изъ Гг. *ученыхъ* медиковъ (такъ, стало, есть и *исугеные?*) покажутся нѣкоторыя слова въ семъ сочиненіи *претъкательными*, то прошу только обратить вниманіе на то, что Дижонская Академія за *удовлетворительное (?)* разрѣшеніе, на сдѣланный ею вопросъ, относительно вліянія образованности на нравы, признала назначенную по сему случаю награду Жакъ-Жакъ-Рус-

со, хотя онъ, какъ извѣстно, *утверждалъ отрицательное.*» А, такъ вотъ отъ чего, и медики, и публика нынѣ находятся въ крайности: они не утверждаютъ *отрицательнаго!* — Во второй главѣ, о воздухѣ, климатѣ жилищъ, авторъ говоритъ, что «дѣйствіе воздуха на живой организмъ должно быть разсмотрѣно двояко: 1) относительно физическихъ его свойствъ, и проч., и 2)... Гдѣ же *второе?* Второго» нѣтъ — извините! *Откровенный врагъ* разчувствовался, по случаю тяжести воздуха, слѣдующимъ замѣчаемъ: «Можетъ быть, кто нибудь спросить (едва ли!), какимъ образомъ нѣжныя попки нашихъ красавицъ, *не взиралъ* на огромную ихъ давящую тяжесть (ибо, какъ вѣжливъ бы ни былъ мой читатель, все онъ не долженъ предполагать, чтобы и воздухъ, изъ уваженія къ милымъ красавицамъ, менѣ давилъ бы ихъ попки), могутъ съ такой очаровательною легкостью совершать свой вальсъ, или фанданго? Безъ лести къ прекрасному полу сознаюсь, что еслибы неминуемо было, чтобы воздухъ съ такою огромною тяжестью давилъ нашихъ красавицъ, я, *не взиралъ* на всю мою необходимость въ ономъ, даль бы его... Но, къ счастью, воздухъ есть пружатая жидкость,» и проч.

Вмѣсто *таковой* неблагопристойной нелѣпницы, лучше бы автору заняться тѣмъ *вторымъ* дѣйствіемъ воздуха на живое тѣло, за которое люди умные назвали его *пищею жизни* (*rauium vitae*); самаго-то важнѣйшаго качества воздуха, то есть, цѣлости составныхъ его частей, необходимой для здороваго дыханія, *откровенный врагъ* въ своей Гигиенѣ не удостоилъ ни единымъ словомъ. Жилища, одежда, попеченія и средства къ содержанію въ чистотѣ тѣла, купанья, ванны — самые обширные предметы Гигиены, втиснуты въ *тринадцатъ строкъ*, а объ Русскихъ баняхъ нѣтъ и поминна. Но вотъ отдѣленіе второе, о пищѣ и пити. Есть періодъ въ жизни человѣческой, когда всеядное животное не разбираетъ качества пищи, не спрашиваетъ (по Русски) о числѣ непріятеля, и на всѣ благоразумныя предостереженія отвѣчаетъ: «здоровому все здорово;» но зубы скоро тупѣютъ, желудокъ устаетъ; всеядное животное начинаетъ разбирать, просить о помощи, сперва повара, потомъ гигиенистовъ, только не г-на Неймана: у него, ни юноша, ни взрослый, ни старикъ, ни мать, ни ея младенецъ, однимъ словомъ — ни полъ, ни возрастъ, ни темпераментъ не сыщутъ никакой помощи. Правда, онъ начинаетъ статью о пи-

щѣ свысока — просто Кантомъ (для общенароднаго употребленія?): «Ежели,» говорить сей философъ, «ты не хочешь быть воздержнымъ по приязни къ стоицизму, то будь, по крайней мѣрѣ, умѣреннымъ въ своихъ удовольствіяхъ ради утопченнаго эпикурензма, то есть, хотя полагаешь высшія блага въ наслажденіи чувствъ, все однакожь никогда не наслаждайся досыта. дабы наслаждался имѣть еще въ проспектъ будущее наслажденіе.» Да, развѣ величайшій пьяница, самый ненасытный обжора и сластолюбецъ удовлетворяются до того, что уже не имѣютъ въ проспектъ будущаго наслажденія? «Тоже самое,» продолжаетъ откровенный врачъ, «отпести должно къ пищѣ и питью, умѣренное употребленіе коихъ въ количествѣ и качествѣ варительныя силы желудка не превышаются (что каждый человекъ весьма удобно о себѣ судить можетъ) возвращаетъ потеряныя силы и органическое существо, не отяготивъ желудка и не заводивъ въ опомъ сырости.» — Вотъ такую-то безсмыслицею сблизается нашъ гигиенистъ съ великимъ мыслителемъ! Въ той же статьѣ упоминается и объ Аристотелѣ, который (якобы) утверждаетъ, что жареное мясо имѣетъ себѣ болѣе влажности, нежели вареное. Но у кого нашелъ г-нъ Нейманъ, что есть рыба лось, и что «болотные лоси больше и жирнѣе, чѣмъ рѣчные?» *Льсныя лоси*, М. Г., бываютъ самыя большіе. Изъ всѣхъ рыбъ, которыми снабжаютъ насъ Русскія моря и рѣки, г-нъ Нейманъ удостоилъ воспоминаніемъ только — изъ рѣчныхъ: карася, севрюгу, плотицу, лося (выше упомянутаго, щуку ливня; изъ морскихъ: «камбары, или леци,» и сельдей; изъ рѣчныхъ и иорскихъ вмѣстѣ: окуня, головастика, миногъ и семгу. Да, еще къ *рыбамъ, имѣющимъ твердыя, или млекія скорлупы*, принадлежатъ: устрицы и раки. (Какъ не вспомнить Русской пословицы: «На безрыбьи и ракъ рыба!») О различіи мяса по животнымъ, дворовыхъ и дикихъ птицахъ, ни вообще, ни въ особености, ни полслова. Въ статьѣ о питьяхъ, авторъ упоминаетъ о Русскомъ квасѣ: «Квасъ составляетъ Русское національное питье, и, следовательно, объ немъ и судить не смѣю; опъ имѣетъ въ доказательство своей пользы: *общая бодрость простаго Русскаго народа*; постоянное употребленіе оного никакія новомодныя питія и проповѣдыванія иностранныхъ медиковъ не могли измѣнять.» Судя потому, какъ откровенному врачу мало извѣстны, и предметъ, о ко-

торомъ онъ пишетъ, и народъ, для котораго онъ пишетъ, и языкъ, на которомъ онъ пишетъ, а болѣе по собственному его признацію, что о Рускомъ, національномъ, онъ и судить не смѣетъ, мы заключаемъ, что *такое* сочиненіе его, сирѣчь *Гигіены*, написано для жителей заморскихъ, а потому о немъ и судить не станемъ.

Скажемъ лучше нѣсколько словъ о Краткомъ начертаніи Физиологіи, которое короче воробьиного поса. Книжка въ 78 страничекъ, въ малую восьмушку, съ преобладающими полями и пробѣлами. На каждой страницѣ заключаетъ она въ себя всю Физиологію, да это бы еще куда шло, еслибы читатель не врачъ могъ изъ нея сколько нибудь ознакомиться съ предметомъ: не тутъ-то было! Авторъ говоритъ, что падающее свойство, какъ *оживленныхъ*, или органическихъ тѣлъ такъ и *грубыхъ*, или неорганическихъ, есть одно динамическое.

А намъ такъ кажется, что границы, въ которыхъ заключается динамика, слишкомъ тѣсны въ приспособленія ея къ животному организму. Какъ, на примѣръ, приравнить ее къ нравственнымъ и умственнымъ явленіямъ, и привести подъ расчетъ то, что въ человѣкѣ именуется моральною силою? Динамика не въ силахъ даже намѣрить явленій питанія, роста, зачатія. Рассчитывая только движенія твердыхъ и жидкихъ частей, можетъ ли она исчислить, такъ называемую, жизненную силу? Безчисленные разнообразія въ явленіяхъ уподобительныхъ, не только между видами животныхъ, или между индивидуумами, но даже въ одномъ и томъ же человѣкѣ, по различнымъ фазамъ физическаго и нравственнаго его состоянія, неисчислимы и неуправимы. А сколько вліяній паружныхъ и внутриснихъ, непрерывно измѣняющихся сіи силы и измѣняющихся въ себя самихъ! Предположивъ даже, что сіи явленія исчислимы, остается еще совершенная невозможность намѣрить участокъ каждаго вліянія въ произведенныхъ имъ результатахъ. По количеству результатовъ, мы говоримъ: *малая*, или *великая* сила; но успѣли ли мы измѣрить ее сколько нибудь въ ней самой, а тѣмъ болѣе, подвели ли мы подъ расчетъ силу умственную, хоть одного человѣка, не говоря о соразмѣрныхъ, сравнительныхъ различіяхъ у всѣхъ людей? Потому-то вопросы объ организмѣ животныхъ, разсматриваемые *динамически*, то есть, ограничивающіеся круго-

обращеніемъ жидкостей и опредѣляющіе различныя движенія вовсе недоступны (даже приблизительно) точному разрѣшенію; потому-то немного странно (чтобы не сказать больше) читать, что «строеніе и разстроеніе въ оживленныхъ тѣлахъ суть слѣдствіями кругообращенія крови (и только?), посему и суть результаты основныхъ силъ природы, то есть, *средоблжательной и средовлекомой* силы; слѣдственно:

«Жизненная сила органическихъ тѣлъ есть неразлична отъ тяжести, протяженія, и прочныхъ, *всѣмъ тѣламъ* свойственныхъ силъ.

«Выводы изъ сего для практической Медицины суть слѣдующіе:

1), Что *природа, не взирая* на ея безконечности, отражается, въ малѣйшемъ *своемъ* созданіи, съ тою почти величественностію, какою отражается въ созданіи *вселенной.*»

Дѣлайте что угодно, если я хоть что нибудь тутъ понимаю!

А каковы, на примѣръ, опредѣленія чувствъ: Вкусы суть впечатлѣнія извѣстныхъ тѣлъ на органъ сего чувства;

Осязаніе есть чувство, посредствомъ котораго мы познаемъ многія свойства тѣлъ?

Кажется и о слухѣ, и о зрѣніи и обоняніи тоже можно сказать.

Но мы столько выписали, сколько терпѣніе читателя можетъ вынести. Заклучимъ собственными словами *откровеннаго* врача: «*Не взирая* на столь очевидныя истины, явились преобразователи, которые считаютъ всѣ существенныя услуги, подобными опытами, понынѣ оказанныя врачебной наукой, ничтожными, требуя, чтобы настоящій и будущій человѣческой родъ почерпнулъ изцѣленіе во всѣхъ своихъ недугахъ единственно изъ тѣснаго ихъ мозга....»

231, Собраніе рецептовъ *Парижскихъ городскихъ больницъ*, или руководство къ предписыванію врачебныхъ средствъ, употребляемыхъ врачами и хирургами *этихъ* (?) заведешій, и проч. *Сог. Ф. С. Ратье*, Доктора Медицины Парижскаго Медицинскаго факультета. *Переводъ съ Французскаго, (съ) четвертаго изданія, исправленнаго и значительно умноженнаго.* Москва, въ тип. Унив., 1839, въ 8, 432 стр.

Не очень толковое названіе книги (въ переводѣ) не мѣшаетъ ей быть очень хорошею и полезнаю, не только для учениковъ Парижскихъ Клиникъ (какъ она назначена авто-

ромъ), по даже и для врачей всѣхъ странъ, и въ особенноти Русскихъ, хотя бы даже однимъ только ея примѣромъ. При множествѣ нашихъ госпиталей и больницъ, какъ въ столицахъ, такъ и въ губернскихъ городахъ, врачъ одного заведенія вовсе не имѣетъ никакихъ свѣдѣній о способахъ леченія, употребляемыхъ въ другихъ, и такимъ образомъ, вольно или невольно, лишенъ онъ того обмѣна мнѣній и опытовъ, который совокупными силами могъ бы упрочить за Русскою медициною сколько ибудь своего самостоятельнаго теоретическаго направленія и критической практической повѣрки. Алфавитныя Фармакопей, не предлагая ни данныхъ въ основаніе направленія, ни точки практической опоры, служатъ кодексомъ для госпитальныхъ аптекъ, и составляютъ, въ врачебномъ отношеніи, печальную необходимость больницъ къ тысячу, въ двѣ, въ три тысячи больныхъ, гдѣ сто, а иногда и болѣе больныхъ должны принимать одну какую нибудь микстуру, потому, что надобно выиграть время для приготовления лекарствъ. Потому, если не вовсе, то очень часто выпускаютъ изъ вида: прилична ли такая общая форма, и болѣзни, и больному? а иногда даже забываютъ качественное и количественное ея содержаніе, потому только, что одинъ фельдшеръ долженъ раздавать лекарство цѣлой сотнѣ больныхъ. Прилагаемый въ концѣ Фармакопей реестръ болѣзней (*rons asinogim*), съ указаніемъ противъ каждой предназначенныхъ рецептовъ, какъ необходимость всякаго алфавитнаго лекарство-размѣщенія, избавляя молодаго врача отъ труда соображеній, сбиваетъ его при первомъ вступленіи на врачебное поприще въ эмпирическую, безотчетную колею. Въ небольшихъ госпиталяхъ сіи неудобства устраняются легко: и старшій врачъ, и ординаторъ могутъ обойтись безъ предназначенныхъ рецептовъ, потогонныхъ, противолихорадочныхъ, противоцинготныхъ, и пр., и сами, при постелѣ каждаго больного, отыщутъ средство и составятъ рецептъ, индивидуально приличный въ настоящемъ случаѣ, не будучи принуждаемы огромнымъ количествомъ пациентовъ дѣйствовать всегда спѣшно, часто поверхностно, а иногда и совершенно противъ внутренняго убѣжденія, особливо, если составитель предназначенныхъ рецептовъ имѣетъ вліяніе на госпиталь, или большимъ авторитетомъ, или властью.

Книга, подавшая намъ поводъ къ сими грустными указаніи-

яль, есть также сборникъ рецептовъ, но сборникъ не алѣвительный, а сборникъ отчетистый. Она начинается весьма удовлетворительнымъ, хотя довольно сжатымъ, обзорѣемъ Парижскихъ больницъ, съ обозначеніемъ при каждой именъ хирурговъ и врачей завѣдывающихъ, изъ которыхъ многіе сообщили автору сборника и свои методы леченія, и рецепты, съ замѣчаніями, въ какихъ случаяхъ тѣ и другіе ими были употребляемы. Далѣе, при каждомъ рецептѣ означены больница и врачъ; такимъ образомъ читатель (не только молодой, но и опытный врачъ) съ пользою видитъ и цѣль и средства, и теорію и практику. Появленіе отъ времени до времени подобныхъ книгъ имѣетъ свою неотъемлемую пользу, составляя самый лучший матеріалъ для исторіи Медицины въ государствѣ, и заслуживаетъ полную благодарность, не только отъ соотечественныхъ, но и отъ всѣхъ иностранныхъ врачей. Осмѣливаемся желать: почему бы кому нибудь изъ Русскихъ врачей не задумать сборника рецептовъ знаменитыхъ нашихъ практиковъ, съ изложеніемъ методовъ ими усвоенныхъ? Вѣроятно, ни одинъ изъ нихъ не отказался бы участвовать въ составленіи такой *современной фармакопеи*. Какъ знать, можетъ быть, голосъ нашъ не пропадетъ въ пустынь!

Съ удовольствіемъ сообщаемъ извѣстнѣйшія имена знаменитыхъ Французскихъ хирурговъ и врачей, сообщившихъ Доктору Ратье свои замѣчанія и составы: Алиберъ, Андраль, Баделопъ, Боайе, Брешето, Шосье, Клоке, Корвизаръ, Кюллерье, Дюпонтренъ, Эскироль, Фукье, Герсанъ, Жадело, Леннекъ, Лальманъ, Лисфранкъ, Мажанди, Паризе, Пельетанъ, Рекамье, Ришеранъ, Ростанъ, и множество другихъ, юныхъ, горячихъ послѣдователей своихъ искусныхъ паставниковъ.

Переводъ сборника порядочный — для книги, незазначенной щеголять слогомъ. Жаль только, что *этой, эта, это*, начавшись съ заглавнаго листа, на каждой страницѣ торчатъ въ великомъ множествѣ и безъ всякой надобности. Пора бы оломаниться Гг. писателямъ и переводчицамъ Русскимъ! Надобно ли еще говорить, что изуродованіе склоненій Французскихъ именъ Русскими концами есть чистая нелѣпность, кто бы ее ни выдумалъ? Дѣло слишкомъ ясное.

232. Полное изложеніе правилъ весенняго леченія водъзвѣй, или *практическое руководство, какъ весною и лѣтомъ лечить хроническія болѣзни травами, травяными*

соками, молокомъ, свѣтотплого, холодными и теплыми ваннами, естественными и искусственными и морскими водами и путешествіемъ. Соч. Доктора К. Каспари. Переводъ съ Нѣмецкаго Н. П., съ рецептами. Москва, въ тип. Унив., 1839 г., въ 8, 222 стр.

Природа неистощима на матеріальныя средства къ облегченію больного человѣка; разысканія и наблюденія людей, посвятившихъ жизнь свою на воздѣльваніе каменистой почвы врачебнаго искусства, неутомимы и не бесплодны. Надѣжды на достиженіе желасмаго совершенства теоретической Медицины блестящи и велики, а между тѣмъ большая часть хроническихъ болѣзней все еще остается нынѣ, какъ и въ давнія времена, тѣмъ же камнемъ преткновенія для врача и позоромъ для врачебнаго искусства (*opprobrium medicinae*). Изъ множества тому причинъ приведемъ явственнѣйшую: болящій органъ мало по малу увлекаетъ въ разстройство другіе органы — сначала ближайшіе къ нему, то есть, принадлежащіе вмѣстѣ съ нимъ къ которойнибудь системѣ организма, а потомъ и дальнѣйшіе, находящіеся прямо съ нимъ, или съ цѣлою системою въ симпатической связи, такъ, что въ тѣлѣ, долговременно разстроивающемся, образуется новый порядокъ физиологическо-болѣзненныхъ отправленій. Если врачу извѣстны — первая истинная причина, первое мѣсто, время начатія, весь ходъ и постепенное развитіе болѣзни, со всеми предшествовавшими и послѣдовавшими обстоятельствами перехода изъ припадка въ припадокъ, то, нѣтъ сомнѣнія, что болѣзнь (лишь только не перешла бы она въ органическое разрушеніе) можетъ быть доступною излеченію. Но часто врачъ, въ подобныхъ обстоятельствахъ, бываетъ призванъ послѣ многократныхъ домашнихъ пробъ травами, травяными соками, и проч., и проч., и проч., столь поздно, что между разстроенными системами неможетъ уже отличить первоначально пострадавшей, а больной, или отъ невѣдѣнія, или отъ пристрастія къ какому либо, болѣе другихъ памятному обстоятельству, или въ слѣдствіе упорнаго умозаключенія по успѣху какихънибудь лекарствъ, а иногда — даже съ умысломъ, или по необходимости, скрываетъ нужнѣйшее, и рассказываетъ о первыхъ причинахъ и приступахъ болѣзни во все противно дальнѣйшему ея развитію. Сколько прозорливости, терпѣнія и искусства потребно здѣсь, для отдѣленія жи

отъ истины, для борьбы съ полупросвѣщеніемъ, съ предрасудками, съ упрямствомъ больныхъ, и — съ громкими авторитетами прежде бывшихъ врачей, или призванныхъ на сей разъ! И даже при побѣдѣ врача надъ всеми препятствіями вѣшными, собственныя его усилія все таки, большею частью, пропадутъ безплодно, если самъ онъ упорно держится какой нибудь любимой *системы*, которая, какъ человѣческое созданіе, исполнена несовершенствъ, и даже предрасудковъ, наиболѣе пагубныхъ въ ученomъ, и еще пагубнѣйшихъ во врачѣ. Можетъ быть, физиологическому направленію Медицины, съ такимъ блескомъ и успѣхомъ приведенному въ совершенную ясность *острыя болѣзни*, предстоитъ подвигъ — трудный, но не безнадежный — подвигъ возстановленія шатающагося зданія Патологіи на тѣхъ же *началахъ наблюденія и опыта*, подвигъ составленія свода, постепенно развивающихся, взаимныхъ дѣйствій и соотношеній большого органа съ здоровыми, какъ единственнаго, истиннаго ученія о *хроническихъ болѣзняхъ*.

Мы хватаемся съ жадностію за каждую книгу, въ которой разрабатывается Терапія сихъ болѣзней, и не смотря на названіе *весенняго леченія травами, молокомъ*, и проч., уже пророчившее о несбыточности нашей надежды на что нибудь путное, мы прочли всю книжку со вниманіемъ; но, что же пашли?

Леченіе травами и соками. Если у больного такая-то болѣзнь, или такой-то припадокъ (припадки болѣзней и самыя болѣзни вездѣ идутъ безъ различія) — вотъ вамъ рецептъ; если другой сборъ припадковъ — вотъ вамъ другой наборъ соковъ, и прочаго — и такъ далѣе.

При леченіи молокомъ, пахтаемъ и сывороткою авторъ совѣтуетъ удалить больного отъ всякихъ размышленій, скорбей, и проч. Но развѣ больного можно объединить отъ размышленія, хоть о своей болѣзни, которое едва ли не хуже всѣхъ прочихъ скорбей, и уже, конечно, не уступить двумъ, тремъ, и хотя бы шести чашкамъ (ultimum) молока, даже и ослинаго, которое, по мнѣнію автора, лучше челоуѣческаго (для челоуѣка-то?) . . .

«Молоко предотвращаетъ расположеніе къ сыни и ускоряетъ высыпаніе. Пахтаемъ имѣетъ свойство дѣйствовать мягчительно, раздражительно. Сыворотка есть отличное вра-

дебное средство въ первомъ періодѣ чахотки, когда еще *нѣтъ воспаленія*, а только боль въ груди, сильный кашель, волненіе крови, жаръ въ лицѣ и рукахъ, краснота щекъ» — то есть *есть признаки воспаленія!*

Этотъ неопредѣленный духъ опредѣленій разлитъ и по другимъ статьямъ не въ меньшей мѣрѣ.

Леченіе искусственными ваннами. «Ванны составляютъ *больше наружное* средство, дѣйствующее преимущественно на кожную систему, но чрезъ нее *отчасти* и на соки, и оказываетъ *важное* вліяніе на кровяную и нервную системы.

«Опредѣленная діета при ваннахъ не предписывается, *потому*, что леченіе это не имѣетъ никакого отношенія къ пищѣ и питью. «—» Зачѣмъ же ванны употребляются лучше на тощакъ, а пациентъ (между прочимъ) долженъ избѣгать трудно варимыхъ, причиняющихъ вѣтры кушаньевъ, кислыхъ веществъ (?), жирныхъ пироговъ, и употреблять только легкую растительную пищу?»

«Ванны, по свойству успокоивающему, *умяраютъ* чрезмерную раздражительность и *возбуждаютъ* теплоту и дѣятельность духа.»

Не повимаемъ какъ можно такъ поверхностно, такъ, безотчетно писать о предметѣ, который, какъ обширностью своею, такъ и важностию, достоинъ всего вниманія, который, какъ неисчерпаемый источникъ наблюдений и соображеній, можетъ въ самомъ наблюдателѣ возбудить всю силу всю дѣятельность ума, ежели только онъ за него примется съ желаніемъ и другихъ просвѣтитъ и самому просвѣтиться! Мы говоримъ о хроническихъ болѣзняхъ.

233. Монографія глазной болѣзни, *господствовавшей въ 1835, 1837 и 1838 годахъ, въ Гвардейскомъ Корпусѣ и въ другихъ командахъ, въ Санктпетербургѣ расположенныхъ, содержащая историческое и практическое объ ней изложеніе.* — Старшаго Доктора Спб. В. С. Госпиталя, Доктора Медицины и Хирургіи, дѣйствительнаго статскаго совѣтника, и проч., и проч. Петра Флоріо. *Издано по Высочайшему повелѣнію, распоряженіемъ Медицинскаго Департамента Военнаго Министерства.* Спб. въ тип. Военной, 1839 г., въ 8, 251 стр. съ таблицами.

Начало сдѣлано и прекрасный примѣръ поданъ. Пусть каждый военный госпиталь отдастъ столь вѣрный и благородный

отчетъ въ появленіи, прохожденіи и леченіи какой бы то ни было болѣзни, разумѣтся, преимущественно обратившей на себя вниманіе, или заразительностью, или быстрымъ распространеніемъ, или сопровожденіемъ необыкновенныхъ припадковъ. Тогда многіе спорные теоретическіе пункты и практическія педоумѣнія освѣтятся, столь ясно, сколько того желать можно, а съ тѣмъ вмѣстѣ исчезнутъ изъ науки безотчетныя названія Египетскихъ воспаленій, Молдавскихъ лихорадокъ, Сибирскихъ заразъ, Азіятскихъ холеръ, и проч. Намъ кажется, что нигдѣ нѣтъ столь обширныхъ средствъ для изслѣдованія всякаго рода болѣзней, какъ въ Русскихъ военныхъ госпиталяхъ. Одно историческое изложеніе какой бы то ни было болѣзни есть уже прочное основаніе успѣха въ ея леченіи. Пусть же каждый старшій врачъ положить въ сію сокровищницу свою ленту — тогда и къ намъ, Рускимъ, будутъ прибѣгать за добрымъ совѣтомъ, какъ къ людямъ нечуждымъ общаго великаго дѣла — благотворенія человѣческому роду и споспѣшествованія успѣху науки, столь часто и столь безвинно позоримой.

Истинно, пельзя безъ удовольствія читать Монографіи глазной болѣзни. Одинъ изъ самыхъ важныхъ, спорныхъ вопросовъ Медицины, о заразительности описываемаго воспаленія глазъ, разрѣшенъ въ ней совершенно удовлетворительно, сообразно основному, постоянному закону животнаго организма, что болѣзни слизистой оболочки всѣхъ частей тѣла, слѣдовательно, и глаза, дѣлаются эпидемическими. Это не подлежитъ никакому сомнѣнію; сюда относятся: катарръ, гриппъ, натужный поносъ, и самый typhus abdominalis, состоящій въ воспаленіи слизистой оболочки кишечнаго канала и раздраженіи паутинной оболочки мозга, и т. п. — Авторъ не упомянулъ о воспаленіи слизистой оболочки мочеваго канала, которое относится совершенно къ той же категоріи, бываетъ причиною даже воспаленія слизистой оболочки глазъ и горла, какъ по тѣсной симпатіи слизистыхъ оболочекъ между собою, такъ и вышнимъ зараженіемъ, но которое доселѣ не было причисляемо къ эпидемическимъ распространеніямъ только потому, что каждый заболѣвающій, и даже врачъ, относятъ сію болѣзнь къ инымъ причинамъ.

Остается рѣшить вопросъ не менѣе важный: въ какой періодъ болѣзни и въ какой моментъ этого періода болѣзнен-

ное отдѣленіе слизистой оболочки бываетъ болѣе или менѣе заразительнымъ? Вопросъ сей труднѣе, какъ я думаю, для разрѣшенія, нежели предыдущій, потому, что кромѣ опредѣленія качества слизи въ болящемъ органѣ, способной передать зараженіе, надобно указать необходимыя условія пріянія зараженія и въ здоровомъ. Внѣшніе элементы послѣдняго условія, авторъ Монографіи объясняетъ весьма удовлетворительно, выводя изъ разительныхъ примѣровъ зараженій и незараженій доказательство о происхожденіи болѣзни, о распространеніи ея и прекращеніи. Болѣзнь происходитъ, говоритъ авторъ, отъ вредоноснаго вліянія, то сырой погоды, то большаго стѣсненія людей, при худой пищѣ, неадекватной одеждѣ и неопрятности. Доказательствомъ тому служить и то, что въ арміяхъ обыкновенно поражались болѣзнію одни солдаты, а въ городахъ бѣдные и нуждающіеся. Съ другой стороны, мнѣніе его ясно подтверждается и тѣмъ, что ежели собранныхъ въ одно мѣсто, страдающихъ гноеточивымъ воспаленіемъ глазъ людей размѣстить по просторнымъ и чистымъ жилищамъ, при соблюденіи гигиеническихъ правилъ, болѣзнь прекращается совершенно сама собою. — Однакожъ и при сихъ внѣшнихъ условіяхъ многіе оставались неприкосновенными зараженію: стало быть, должно быть условіе внутреннее, гнѣздящееся въ самомъ организмѣ, способствующее къ восприимчивости зараженія? Замѣчаніе Доктора Брю, въ семь случаевъ, достойно особеннаго вниманія.

Вообще, въ Монографіи г-на Флоріо историческое изложеніе, происхожденіе и свойство, теченіе, причины и сущность болѣзни, предсказаніе, медико-полицейскія мѣры и леченіе начертаны съ величайшею отчетливостію, какъ ученою, такъ и опытною. Мы съ удовольствіемъ объявляемъ свое мнѣніе, что книга его составляетъ одно изъ прекраснѣйшихъ явленій въ Русской Медицинской литературѣ.

В. О.

=

У.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

ЛѢТОПИСЬ СОБЫТІЙ

За СЕНТЯБРЬ 1839 года.

Россія.

Древняя столица Россіи съ вѣрноподданническимъ благоговѣніемъ радостно ожидала и надѣялась увидѣть въ стѣнахъ своего царственнаго Кремля возлюбленнаго Монарха своего. Сентября 3-го исполнились ея ожиданія и вождѣлѣнныя надежды: Государь Императоръ явился въ Москву съ полемъ Бородинскихъ. Экипажъ Е. И. В. прибылъ прямо къ часовнѣ Иверскія Божія Матери, у Воскресенскихъ воротъ. Здѣсь Москвичи въ первый разъ узрѣли своего возлюбленнаго Царя съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ. Было 4-ре часа по полудни. Толпы народныя отъсюду сбѣжались въ Кремль, и

Т. XI. — Отд. V.

радостно привѣтствовали Монарха, остановившагося въ Маломъ, или Николаевскомъ Кремлевскомъ Дворцѣ. До самой ночи не расходился народъ, и съ утра 4-го Сентября Кремль былъ уже полонъ жадившими *видѣть свѣтлыя Царскія очи*. Всѣ вожделѣнные гости явились передъ Москвичами, когда, въ 11-ть часовъ, Государь Императоръ шествовалъ въ Успенскій Соборъ. За нимъ слѣдовали: Государь Цесаревичъ Наслѣдникъ, В. К. Михаилъ Павловичъ, Герцогъ Лейхтенбергскій, Эрцъ-Герцогъ Австрійскій, Припцы Прусскій, Нидерландскій, Евгенийъ Виртембергскій, и многочисленный, блестящій Генералитетъ. Звонъ колоколовъ Ивана Великаго сливался съ непрерывными радостными восклицаніями народа. Митрополитъ, Сенатъ, Чиновники Двора ожидали Монарха въ Соборѣ. Приложась къ Святѣмъ Мощамъ, Государь Императоръ прошелъ въ Грановитую Палату, Соборъ Спаса за Золотою Рѣшеткою, Теремъ Царскій, церковь Рождества Богоматери, а въ 12-ть часовъ присутствовалъ на разводѣ 2-го Учебнаго Карабинернаго полка. Объединенный столъ былъ у Московскаго Военнаго Генераль-Губернатора, Князя Д. В. Голицына. Попечительный Хозяинъ обозрѣвалъ потомъ учебныя, благотворительныя и другія заведенія (Екатерининскій и Александровскій Институты, Маринскую Больницу, Арсеналы, Кадетскій Корпусъ, Воспитательный Домъ, Александровскій Сиротскій Институтъ, Вдовій Домъ). Вечеромъ 6-го, посѣщеніемъ Е. И. В. Государя Императора удостоенъ былъ балъ у Генераль-Губернатора, а 7-го гулянье въ Петровскомъ Паркѣ и Воксалѣ. Сентября 9-го вступилъ въ Москву Гвардейскій Корпусъ, и Государь Императоръ лично изволилъ встрѣтить его. Вечеромъ удостоенъ Высочайшаго посѣщенія балъ у Князя С. М. Голицына.

Сентября 10-го совершилось въ Москвѣ торжественное *заложеніе храма Христа Спасителя*, по новомъ, избранномъ волею Монарха мѣстѣ. Послѣ литургіи въ Успенскомъ Соборѣ, начался церковный ходъ къ мѣсту заложенія, съ Владимірскою и Иверскою иконами, крестами и хоругвями. Кромѣ Митрополита Московскаго, въ немъ находились 3 Епископа, 9 Архимандритовъ, 200 священниковъ и 100 діаконовъ. По всей дорогѣ, гдѣ шествовали св. иконы, разставлено было войско. Толпы народа занимали площади, другую сторону улицъ, берега Москвы рѣки, зданія, дома. Въ благоговѣнномъ безмолвіи безчисленныхъ зрителей, съ пѣніемъ духовнаго славословія, процессія достигла мѣста закладки, откуда, по совершеніи священнаго дѣйствія заложенія храма, возгласеніи многолѣтій и священной благодарственной пѣсни: *Тебѣ, Бога, хвалимъ!* Государь Императоръ, при начавшейся пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ, на всѣхъ церквахъ столицы (продолжавшемся потомъ во весь день), изволилъ шествовать за св. иконами въ Кремль. Вечеромъ городъ былъ иллюминированъ. Кремлевскій садъ горѣлъ въ огняхъ, наполненный толпами гуляющихъ. Множество экипажей присоединилось къ шествующему народу, восхищенному лицезрѣніемъ возлюбленнаго Монарха своего.

Желая показать усердіе и любовь свою къ Русскому воинству, Московское Купечество просило позволить ему, по Русскому обычаю, угостить находящіяся въ Москвѣ полки *халба-мъ-солдато*. Сентября 11-го происходило сіе, *истинно-Русское*, добродушное угощеніе, въ обширной залѣ Экзерциръ-Гауза, подлѣ Кремля: 4000 солдатомъ Гвардейскихъ солдатъ сидѣли за 64-ма столами (Гренадерскому корпусу

выданы были порціи деньгами). Градскій Глава и избранные отъ Купечества депутаты угощали добрыхъ гостей. Государь Императоръ и всѣ высокіе особы, бывшіе въ Москвѣ, съ иностранными Министрами и многочисленнымъ Генералитетомъ (въ числѣ коего былъ и Князь Варшавскій, Графъ Паскевичъ-Эриванскій), удостоили сей праздникъ своего присутствія. Радужно принимая усердіе добрыхъ Москвичей, Государь Императоръ лично привѣтствовалъ Московское Купечество, изъявилъ ему Свое Высочайшее благоволеніе и изволилъ пить его здоровье, а другіе Высокіе Посѣтители удостоили участія завтракъ, приготовленный отдѣльно для Гвардейскихъ Офицеровъ.

Сентября 15-го, Государь Императоръ, въ вожделѣнномъ здравіи, возвратился въ Царское Село. Государь Цесаревичъ Наслѣдникъ выѣхалъ изъ Москвы въ Варшаву 17-го Сентября, а Принцъ Пруссскій того же дня въ Нижній Новгородъ, для озрѣнія тамошней знаменитой ярмарки.

Въ Высочайшемъ рескриптѣ, при коемъ препровожденъ Командующему войсками въ Черноморіи и на Кавказской линіи расположенными, ген. - адъютанту, *ген. - лейт. Граббе*, орденъ Св. Александра Невскаго (Сентября 5-го) — награда за новые, мужественные подвиги Русскихъ войскъ за Кавказомъ, сказано: «Съ самаго начала въ нынѣшнемъ году военныхъ дѣйствій въ *Съверномъ Дагестанѣ*, всѣ войска, вѣренныя начальству вашему, явили многочисленные подвиги мужества изумительнаго, храбрости необыкновенной. Въ теченіе трехъ мѣсяцовъ, преслѣдуя неослабно возмущившіяся скопища подъ предводительствомъ *Шамля*, они всюду поражали

мятежниковъ среди ихъ убѣжищъ, самою природою укрѣпленныхъ, и нынѣ геройскіе подвиги свои увѣнчали, послѣ нѣсколькихъ штурмовъ, взятіемъ замка *Ахульго*, не смотря на самое отчаянное сопротивленіе Горцевъ и недоступность мѣста, крѣпостію своею превосходящую всякое вѣроятіе. Начальствуя ввѣренными вамъ войсками, вы всегда воодушевляли ихъ своимъ примѣромъ; благоразумною же предусмотрительностью, отличными распоряженіями, рѣшительностью предуготовили войскамъ путь къ блестящимъ подвигамъ и совершенной побѣдѣ.»

Великое событіе въ лѣтописяхъ нашей Православной Церкви совершилось въ нынѣшнемъ году: отторгнутое древле хитростью и насиліемъ, чадо Православія присоединилось снова къ матери своей, и то, что продолжалось вѣками, запечатлѣно было кровію и страданіями тысячей, прекращено въ ваши дни мудрою волею Царя, кроткимъ благочестіемъ пастырей духовныхъ и сознаніемъ въ истинѣ заблуждавшихся чадъ Церкви: они добровольно притекли подъ благословеніе Матери своей, Церкви Православной, и здѣсь-то прилично сказать слова Св. Писанія: «Люди, ходящіе во тмѣ и сѣни смертной, увидѣли свѣтъ велій.» Говоримъ объ *униітоженіи Уніи*, начавшейся въ 1596 году (ровно за 200 лѣтъ до благословеннаго года рожденія прекратившаго ее благочестиваго Поборника Православія), въ областяхъ прежней Литвы и Польши. Съ самаго вступленія на престолъ нынѣ благополучно царствующаго Монарха нашего, обращены были кроткія мѣры милосердія и убѣжденія для обращенія Уніатовъ. Нынѣ благополучно созрѣли святые плоды мудрыхъ начинаній: Февраля 12-го, собравшіеся въ Полоцкѣ Епископы и Духовенство Уніятское постановили со-

борнымъ актомъ, который подписали болѣе 1300 человекъ:

1) Признать вновь единство нашей Церкви съ Православно-Кафолическою Восточною Церковью, и посему пребывать отнынѣ, купно со вѣрными намъ паствами, къ единомыслию со святѣйшими Восточными Православными Патриархами, и въ послушаніи Святѣйшаго Правительствующаго Всероссійскаго Синода.

2) Всеподданнѣйше просить Благочестивѣйшаго Государя Императора настоящее намѣреніе наше въ Свое Августѣйшее покровительство приять, и исполненію онаго, къ миру и спасенію душъ, Высочайшимъ Своимъ благоусмотрѣніемъ и державною волею споспѣшествовать, да и мы подѣ благотворнымъ Его скипетромъ, со всѣмъ Русскимъ народомъ, совершенно едиными и неразступующими устами и единымъ сердцемъ славимъ Трїединаго Бога, по древнему чину Апостольскому, по правиламъ святыхъ вселенскихъ соборовъ и по преданію великихъ святителей и учителей Православно-Кафолическія Церкви.

Сей Соборный актъ и прошеніе представлены были на Высочайшее вниманіе, и 1-го Марта послѣдовалъ Указъ Государя Императора Святѣйшему Синоду, гдѣ сказано было: «Воздавъ изъ глубины души благодареніе Всемогущему Богу, подвигнувшему сердца столь многочисленнаго, искони Русскаго духовенства возвратиться, вмѣстѣ съ ихъ паствою въ лоно истинной ихъ матери Православной Церкви, Мы повелѣли Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода означенный актъ и объявленія внести въ Святѣйшій Синодъ на разсмотрѣніе и сообразное съ правилами Святыхъ Церкви постановленіе.»

Съ благоговѣніемъ видя волю Господа въ дѣлѣ святомъ, и дѣйствуя въ духъ христіанскаго смиренія, Св. Синодъ немедленно отверзъ объятія при-

миряющейся въ духѣ Христовомъ брати. Марта 23-го послѣдовало Дѣвіе Синода, подписанное *четырьмя* Митрополитами, *двумя* Архіепископами, Протопресвитеромъ и Оберъ-Священникомъ, присутствующими въ Синодѣ, коимъ постановлено:

Отторженіе такъ именуемыхъ *Грекоунитовъ* въ Россіи отъ Православныя Восточныя Церкви произведено собственно чрезъ устраненіе ихъ отъ іерархическаго съ нею общенія, но такъ, что они сохранили древній Восточный чинъ богослуженія и священныхъ обрядовъ, который, будучи проникнутъ духомъ православныхъ догматовъ и преданій, внутреннею силою противоудѣствоваль совершенному уничтоженію прежняго единства, не взирая на то, что оно вѣшно расторжено было подчиненіемъ чуждой власти. Хотя же въ продолженіе времени чинъ сей постороннимъ влияніемъ начиналъ быть измѣляемъ, чрезъ что и примѣненіе мудростей чловѣческихъ къ древнему чистому ученію сдѣлалось сильнѣе, но когда лишь токмо чуждымъ условіямъ поставлена была преграда, предстатели Грекоунитской Церкви не замедлили пещись о возстановленіи онаго въ древней чистотѣ. Сіе въ особенности усмотрѣно Святѣйшимъ Синодомъ въ 1854 году, когда всѣ Грекоунитскіе Архіереи единогласно опредѣляли заимствовать главнѣйшія богослужебныя книги отъ Святѣйшаго Синода, въ чемъ они тогда и были удовлетворены. Торжественное нынѣ въ постановленномъ соборномъ актѣ исповѣданіе, что Господь Богъ и Спаситель нашъ Иисусъ Христосъ Единъ есть истинная Глава единыя истинныя Церкви, и обѣщаніе пребывать въ единомысліи со святѣйшими Восточными православными Патріархами и Святѣйшимъ Синодомъ, не оставляютъ ничего требовать отъ Грекоунитской Церкви для истиннаго и существеннаго соединенія Вѣры, а потому не остается также ничего, что могло бы препятствовать единенію іерархическому. По таковыхъ разсужденіяхъ, Святѣйшій Синодъ, по благодати, дару и власти, данной отъ Великаго Бога и Господа нашего Иисуса Христа и отъ Святаго и всесовершенствою Духа, постановилъ и опредѣлил: 1) Епископовъ, священство и духовныя паствы, такъ именовавшейся донынѣ, Грекоунитской Церкви, по священнымъ правиламъ и примѣрамъ Святыхъ Отецъ, принять въ полное и совершенное общеніе Свя-

тыя Православно-Кафолическія Восточныя Церкви и въ нераздельный составъ Церкви Всероссійскія. 2) Въ особенноти Епископамъ и священству преподавать соборное благословеніе Святѣйшаго Синода, съ молитвою вѣры и любви къ Верховному Святителю исповѣданія нашего, Иисусу Христу, да утверждаетъ ихъ выну въ изреченномъ ими исповѣданіи, и да благоуправляетъ дѣло служенія ихъ къ совершенію святыхъ. 3) Въ управленіи вѣрренныхъ имъ паствъ поступать имъ на основаніи Слова Божія, правилъ церковныхъ, государственныхъ постановленій и согласно съ предписаніями Святѣйшаго Синода, и утверждать вѣрренныя имъ паствы въ единомысліи Православныя Вѣры, а къ разнообразію нѣкоторыхъ мѣстныхъ обычаевъ, не касающихся догматовъ и таинствъ, являть апостольское снисхожденіе, и къ древнему единообразію возвращать оныя посредствомъ свободнаго убѣжденія съ кротостію и долготерпѣніемъ.

Въ слѣдствіе сего поднесенъ былъ отъ Св. Синода Государю Императору, въ день *Благовѣщенія*, докладъ, гдѣ Св. Синодъ положилъ въ основаніе, прося всемілостивѣйшаго разрѣшенія:

1) Управленіе возсоединенныхъ епархій и принадлежащихъ къ нимъ духовныхъ училищъ оставить на прежнемъ основаніи, впредь до ближайшаго усмотрѣнія, какимъ лучшимъ и удобнѣйшимъ образомъ оное можетъ быть соглашено съ управленіемъ древлеправославныхъ епархій. 2) Грекоунитскую Духовную Коллегію поставить въ отношеніи къ Святѣйшему Синоду, по іерархическому порядку, на степень Московской и Грузино-Имеретинской Святѣйшаго Синода Конторъ, и именоваться ей *Бѣлорусско-Литовскою Духовною Коллегією*. 3) Іосифу, Епископу Литовскому, быть Предсѣдателемъ Бѣлорусско-Литовской Духовной Коллегіи, съ возведеніемъ его въ санъ Архіепископа.

Благодарю Бога и принимаю Таково было рѣшеніе благочестиваго Монарха Россіи на докладъ Св. Синода. Марта 30-го возвѣщено о томъ грамотою Св. Синода Епископамъ *бывшей* Уніятской Церкви.

Пріемля отъ васъ объѣтъ вашъ — такъ изъяснился Св.

Синодъ — предъ лицомъ Господнимъ, по благодати, дару и власти, данной намъ отъ Великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и отъ Святаго и всесовершающаго Духа, послѣдую священнымъ правиламъ и примѣрамъ Святыхъ Отецъ, приедемъ васъ и сущее съ вами священство и духовныя паствы въ полное и совершенное общеніе Святыя Православно-Католическія Восточныя Церкви и въ нераздѣльный составъ Церкви Всероссійскія, возносимъ молитву вѣры и любви къ Великому Архіерею, прошедшему небеса, Верховному Святителю исповѣданія нашего, Иисусу Христу, да утверждаетъ васъ вышю въ изреченномъ вами исповѣданіи, и да благоуправляетъ дѣло служенія вашего къ совершенію святыхъ

Въ управленіи же ввѣренными вамъ паствами, какъ и вѣдаете, подобаетъ вамъ послѣдовать Слову Божию, правиламъ Святыхъ Апостоловъ, святыхъ соборовъ, седми вселенскихъ и помѣстныхъ, и Святыхъ Отецъ, а также и государственнымъ постановленіямъ. Такъ утверждайте, боголюбезные братія, ввѣренныя вамъ паствы въ единомыслии Вѣры. — Къ разнообразію же нѣкоторыхъ мѣстныхъ обычаевъ, не касающихся догматовъ и таинствъ, мы положили являть апостольское спусхожденіе, и къ древнему единообразію возвращать оныя посредствомъ свободнаго убѣжденія съ кротостію и долготерпѣніемъ.

Торжественно и умирительно было зрѣлище, когда объявлены были Дѣяніе Св. Синода и утвержденіе Государя Императора, въ присутствіи Св. Синода, 30-го Марта, избранному вѣстникомъ благодатнаго единенія Литовскому Епископу Іосифу. Предлагаемъ здѣсь, трогаящее до глубины души описаніе священнаго, бывшаго притомъ торжества, и того, съ какою любовію и радостію принято было потомъ согласіе Монарха и Православныхъ Архипастырей новосоединенною братією нашею:

Высочайшее сонзволненіе слушано въ 30-й день Марта въ полномъ собраніи Синода, и когда за тѣмъ сдѣлано постановленіе о приведеніи Монаршей воли въ дѣйство, Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода ввелъ въ засѣданіе Преосвященнаго

Литовскаго Іосифа. Первенствующій Членъ, Митрополитъ Новгородскій и С. Петербургскій, Серафимъ, объявилъ о совершившемся, и отъ имени Всероссийской Церкви привѣтствовалъ представителя воссоединеннаго духовенства съ столь вожделѣннымъ событіемъ. Митрополитъ Кіевскій и Галицкій Филаретъ читалъ синодальную грамоту къ воссоединеннымъ Епископамъ и духовенству, которая преосвященнымъ Митрополитомъ Серафимомъ и вручена преосвященному Іосифу. Митрополитъ же Московскій и Коломенскій Филаретъ прочелъ Высочайше утвержденныя: Положеніе Синода о переименованіи Грекоунитской Духовной Коллеги въ Бѣлорусско-Литовскую, и обытіи ему, Іосифу, Предсѣдателемъ оной, съ возведеніемъ его въ санъ Архіепископа. Преосвященный Іосифъ съ своей стороны принесъ Святѣйшему Синоду благодареніе отъ лица воссоединенныхъ, и, по взаимномъ цѣлованіи, всѣ совокупно отправились въ синодальную церковь, гдѣ ожидало ихъ прочее духовенство, и гдѣ, немедленно совершенно благодарственное Господу Богу молебствіе, съ провозглашеніемъ многолѣтія Боговъплачиному Защитнику Всероссийской Церкви, ея соборному Правительству и православнымъ Вселенскимъ Патріархамъ. Въ сію торжественную минуту сонмъ Архипастырей Новгорода, Кіева, Москвы, Казани, Пскова, Литвы, изображалъ собою Всероссийскую Церковь, которая съ восторгомъ простирала объятія къ воссоединеннымъ чадамъ, и во свидѣліи радости своей призывала Самого Божественнаго Пастыреначальника и всю Его Церковь небесную и земную.

Сіе утѣшительное зрѣлище въ престольномъ градѣ Святаго Петра должно было повториться и среди воссоединенныхъ епархій, и первый случай къ тому представился въ проѣздѣ преосвященнаго Митрополита Кіевскаго Филарета, въ столицу въ епархію свою, чрезъ городъ Витебскъ. Въ 14-й день Мая, въ праздникъ Св. Троицы, тамошній Успенскій соборный храмъ первый явилъ въ стѣнахъ своихъ торжественное братолюбное общеніе древлеправославнаго духовенства съ воссоединеннымъ. Литургію совершалъ преосвященный Филаретъ съ преосвященными: Епископомъ Полоцкимъ Исидоромъ и управляющимъ Бѣлорусскою воссоединенною епархіею Епископомъ Оршинскимъ Василюемъ, и съ восемью священниками обѣихъ епархій, отъ каждой по четыре. Многочисленный, стекшійся на сіе духовное празднество народъ

молился съ усердіемъ и великимъ вниманіемъ къ невиданному имъ до тѣхъ священподѣйствию, и когда, по окончаніи литургіи и вечернихъ молитвъ къ Пресвятому Духу, прочтенъ указъ Святѣйшаго Синода о воссоединеніи, заключенный трогательными словами Монарха: *Благодарю Бога и принимаю* — глаза предстоящихъ оросились слезами радости и умиленія. Въ сіе время Митрополитъ, стоя на амвонѣ между Архіереевъ обѣихъ епархій, возгласилъ велегласно къ Богу: «Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ!» и подъ сводами храма надолго раздавалась хвалебная пѣнь: «Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ челоуѣцѣхъ благоволеніе.» На другой день, въ который продолжается Православною Церковью празднованіе Святому Духу, высокопреосвященный Митрополитъ, по приглашенію гражданъ, принадлежащихъ къ воссоединенной епархіи, съ тѣми же Епископами, совершалъ божественную литургію и молебствіе въ воссоединенной соборной церкви Св. Верховныхъ Апостоловъ Петра и Павла. Скоро и другія мѣста западныхъ губерній, Полоцкъ, Велижъ, Суражъ, Орша, Мнискъ, Вильна, Жировицы, были свидѣтелями величественныхъ сослуженій обоего духовенства, которое изъ окрестныхъ мѣстъ нарочно для сего собиралось, въ числѣ 50, 80 и даже 150 однихъ священниковъ. И имъ вполне сочувствовалъ народъ, напомившій собою пажобность и взаимную любовь первыхъ христіанъ. Вездѣ воссоединенная паства, подобно древлеправославной, тѣспилась принимать благословеніе отъ сослужащихъ архипастырей, которые должны были, выходя изъ церквей, иногда по цѣлому часу идти пѣшкомъ, чтобы удовлетворить ея умиленительному усердію.

А н г л і я .

Кромѣ посредничества Англіи въ дѣлѣ между Франціею и Мексикою и въ блокадѣ Буэносъ-Айреса, новое затруднительное дѣло встрѣтилось по колоніямъ обѣихъ державъ на Сенегалѣ. Во время войны Французовъ, въ 1833 г., съ дикимъ племенемъ Африканскихъ Трарзасовъ, Англичанъ, которыя по трактатамъ позволена покупка гумми на Сенегалѣ, не допустили въ гавань Аффендикъ. Фран-

цузы ссылаются теперь, что Англичане провозили тайно Африканцамъ оружіе; Англичане вычисляютъ происшедшіе отъ того большіе убытки. Оппозиція жестоко упрекала Министровъ за Аффендикскій споръ, и заставила ихъ употребить въ отвѣтъ такія выраженія, противъ которыхъ протестовала Франція.— Кажется, еще на одномъ пунктѣ столкнулся опять интересы обѣихъ державъ, именно, въ *Новой Зеландіи*. Англія уже послала туда колонистовъ; около 800 человекъ отправились на трехъ корабляхъ, и оказывается вновь столько охотниковъ переселяться, что еще снаряжаются два корабля. Франція, съ своей стороны дѣятельно старается о колонизаціи въ Новой Зеландіи.—Кромѣ Роатана, въ Мексиканскомъ заливѣ, вниманіе Англіи еще теперь устремлено на Фалкландскіе острова. Ожидаютъ также извѣстій съ Мадагаскара. Сынъ покойнаго знаменитаго Царя Мадагаскарскаго успѣлъ испросить помощь Англичанъ, и намѣренъ вооруженною рукою изгнать злбную мачиху, которая успѣла истребить всѣхъ братьевъ его, пасынковъ своихъ, послѣ смерти мужа, и уже нѣсколько лѣтъ самовластно повѣлываетъ Мадагаскаромъ, изгнавши оттуда всѣхъ Европейцовъ.—Посоль Техасскій, генераль Гендерсонъ, не только заключилъ трактатъ, которымъ Англія признала независимость Техаса отъ Мексики, но даже получилъ позволеніе вызывать въ Техасъ Англійскихъ колонистовъ. Каждому колоѣисту даются земли и большія выгоды.—Общество купцовъ, торгующихъ въ Канадѣ, изъявило свое неудовольствіе противъ назначенія Сира Паулетта-Томсона Канадскимъ Губернаторомъ, раздѣленія тамъ военной и гражданской власти и смѣны сира Джона Кольборна. Лордъ Мельбурнъ изъявилъ въ отвѣтъ своемъ сильное негодованіе противъ столь предосудительна-

го протеста.—Другой протестъ, равно неблагопріятно принимаемый Правительствомъ, готовится отъ Протестантскаго Духовенства въ Англіи. Уступивъ Министрамъ въ Парламентъ, оно составляетъ адресъ на имя Королевы, гдѣ упрекаютъ ее въ нарушеніи присяги, которою обязалась она уклонять всякое вліяніе Католицизма, и находитъ поводъ къ тому въ назначеніи Католиковъ въ важныя мѣста по высшимъ управленіямъ, и даже въ совѣтъ Королевскомъ.

Герцогъ Саксень-Кобургскій отправился на твердую землю. Королева провожала его до Вулича. Вскорѣ потомъ отправились въ Брюссель Король и Королева Бельгійскіе.

На Турецкій престолъ явился претендентъ: какой-то *Ахметъ-Надиръ*, служившій и у Хозрева и у Ибрагима Паши; онъ объявляетъ себя сыномъ Муштафы IV-го и требуетъ помощи Англіи. Решидъ-Паша отвѣчалъ на ноту, присланную къ нему по сему случаю отъ лорда Пальмерстона, что Надиръ долженъ быть сумасшедшій. Онъ теперь находится въ Мальтѣ.

Финансовый кризисъ въ Англіи продолжается. Билеты отверженнаго долга (*consolidés*), которыми платитъ теперь Банкъ, безпрестанно падаютъ въ цѣнѣ. Требованія на звонкую монету усиливаются безумными спекуляціями и безразсуднымъ ажіотажемъ на биржѣ; повышенія и пониженія происходятъ тамъ непрерывно, хоть никакой причины имъ, кромѣ нелѣпыхъ слуховъ, отыскать невозможно.—Съверный Центральный банкъ въ Манчестерѣ объявленъ несостоятельнымъ; долги его превышаютъ капиталъ почти *полу-милліономъ* ф. ст.

О назначеніи Сира Паулетга Томсона Генераль-Губернаторомъ всѣхъ Англійскихъ владѣній въ Сѣверной Америкѣ объявлено официально. Онъ уже оставилъ Лондонъ, вмѣстѣ съ генераломъ Джексономъ, преемникомъ сира Дж. Кольборна. Въ Комиссіи Казначейства назначены новые Члены лорды Мельбурнъ и Сеймуръ, Францискъ Барингъ, Г. Р. Стюартъ, Г. Дж. Паркеръ, Г. Т. Вейсъ.—Послѣ увольненія лорда Говика (сына Графа Грея), г-нъ Вудъ сложилъ съ себя званіе статсъ-секретаря Адмиралтейства.—Новый Канцлеръ Казначейства, Френсисъ, или *Францискъ Барингъ*, племянникъ богача Александра Барринга (лорда Ашбуртона), женатъ на племянницѣ Графа Грея. Онъ принадлежитъ къ партіи Вигговъ, хотя всѣ другіе Баринги, родственники его, суть приверженцы охранительной системы. При министерствѣ Графа Грея (1830—1834 г.), онъ былъ Лордомъ Казначейства.—Лордъ Дургамъ живетъ въ совершенномъ уединеніи; съ самаго пріѣзда изъ Канады, онъ имѣлъ пребываніе на островѣ Вайтъ, а теперь отправляется въ замокъ свой, Ламбтонъ, въ Дургамской области, гдѣ у него есть небольшая пустынька, съ которою не всякій дворецъ Королевскій можетъ сравниться.—Другой, удалившійся отъ дѣлъ, бывший министръ лордъ Гленельгъ уѣхалъ въ Германію, и хочетъ снова заняться литературою, въ которой имя его было прежде извѣстно подъ именемъ Карла Гранта.—На Ионическіе острова назначенъ новый правитель (Лордъ-Коммиссаръ), сиръ Эдм. Лейонсъ, бывший посланникъ въ Греціи. Сиръ Дугласъ смѣненъ.

ФРАНЦІЯ.

Король возвратился въ Сень-Клу, съ семействомъ, изъ Фонтенеблоскаго лагеря, гдѣ производилъ о-

быкновенный смотръ войска. Герцогъ Намурскій прибылъ изъ своего путешествія наканунѣ возвращенія родителя.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Франціи, какъ-то: Сартъ, Манъ, Шартръ и Лилль, происходили безпокойства. Боясь неурожая, народъ силою хотѣлъ остановить обозы съ хлѣбомъ, отправляемымъ за границы. Принуждены были разогнать безпокойныя толпы его оружіемъ.

Для колонизаціи въ Новой Зеландіи учредилось большое общество, въ которое вступилъ и извѣстный богачъ Агвадо. Правительство утвердило всѣ по сему случаю распоряженія общества.

Въ числѣ важныхъ государственныхъ вопросовъ, занимающихъ Французское Правительство, находится вопросъ о передачѣ мѣстъ. Послѣ уничтоженія несчастной продажи мѣстъ, во времена Наполеона ловкіе люди успѣли однакожь выхлопотать *пожизненное* опредѣленіе по разнымъ прибыльнымъ мѣстамъ, каковы мѣста биржевыхъ маклеровъ, нотаріусовъ, помощниковъ адвокатовъ (*avoué*), и чиновниковъ, именуемыхъ *huissier* и *greffier* (родъ аудитора и экзекутора), и проч. Въ 1816 г. выхлопотано было имъ право *назначать по себѣ преемниковъ*, изъ чего вышла прежняя продажа мѣстъ, и можно судить о злоупотребленіи и барышахъ такого рода торговли потому, что наследство на мѣсто, на при-мѣръ, биржеваго агента, продавались по миллиону и болѣе франковъ. Оппозиція и Правительство равно согласны уничтожить столь явное зло. Но оппозиція несогласна предоставить назначеній; по прежнему, Правительству. Составлена Коммиссія для разсмотрѣнія дѣла. Другой столь же важный вопросъ

по администраціи, касательно Государственнаго Совѣта, разрѣшенъ Королевскимъ повелѣніемъ, отъ 30-го Сентября. Здѣсь зло состояло въ недостаточномъ числѣ совѣтниковъ, рекетмейстеровъ и аудиторомъ, дѣйствительно занимавшихся должностью въ Совѣтѣ, и множествѣ чиновниковъ, которые причислялись къ Совѣту, получали жалованье, а между тѣмъ занимали другія, или не занимали вовсе никакихъ должностей. Теперь опредѣлено число дѣйствительныхъ чиновниковъ въ Совѣтѣ, и запрещено занимать имъ какія бы то ни было другія должности.

Большое волненіе причинилъ на Парижской биржѣ и между Французскими капиталистами отказъ Гаврскаго банкира Готтингера акцентовать переводы на него изъ Америки, подъ залогъ товаровъ, которыми завалены нынѣ магазины, во Франціи и въ Англіи. Переводъ былъ сдѣланъ отъ Банка Американскаго и состоялъ изъ 10-ти милліоновъ франковъ. Ротшильдъ принялъ однакожъ платежъ послѣ отказа Готтингера. Но послѣднія извѣстія изъ Америки показываютъ, что опасенія многихъ при семъ дѣлѣ были справедливы; ужасное банкротство угрожаетъ снова Американской торговлѣ и кажется неизбежнымъ.

На дерзкій адресъ, поданный свекловично-сахарными заводчиками Президенту Совѣта Министровъ, Сентября 8-го послѣдовалъ строгій отвѣтъ, гдѣ осуждаютъ жалобу заводчиковъ, упрекаютъ ихъ въ неприличіи выраженій, и особенно въ томъ, что они осмѣливаются называть незаконною мѣрою опредѣленіе Совѣта Министровъ, касательно сбавки пошлинъ съ колоніальнаго сахара.

Герцогъ Орлеанскій, съ супругою, Августа 28-го,

VI.

ИЗВѢСТІЯ И СМѢСЬ.

ПАРИЖСКІЕ ТЕАТРЫ.

Страсть Парижанъ къ театру. — Исторія Парижскаго театра. — Старинные партеры. — Нынѣшнее раздѣленіе театровъ. — Цѣны мѣстъ. — Зрители и критики. — Доходы и расходы театровъ. — Королевскіе театры. — *Большая Опера*: Дюпре, Маріо, Левассоръ, Фанни Эслеръ. — *Итальянская Опера*: Рубини, Тамбурини, Лаблашъ, Ивановъ, Джулія Гризи, Персіани, Альбертацци. — *Комическая Опера*: г-жа Даморо-Чипти. — *Французскій Театръ*: Марсъ, Лижье, Фирмень, Сансонъ, и пр. — Что такое *Рашиель*? Ея слава и будущность. — Частные театры. — Фредерикъ Леметръ. — Дежазе. — Верне и Одри. — Вольпи и Дорваль. — Арналь. — Театральные нравы. —

У насъ театръ служить средствомъ *убить время*, повидаться съ знакомыми, посмотреть на ту или на другую. Въ Парижѣ театръ не средство, а цѣль: тамъ идутъ въ театръ для пьесы, или для артиста, ища наслажденія въ самомъ сценическомъ представленіи, а не въ пестромъ собраніи людей, которые, отъ нечего дѣлать, приотылились

подъ театральную крышу. Тамъ не нужно вставлять лошадей въ *Жидовку*, или пляску Тальони въ *Карла смѣлаго*; не нужно побочныхъ средствъ, изумительныхъ декораций, великолѣпныхъ костюмовъ. Драма, опера, трагедія привлечетъ зрителей; безъ помощи Тальони, ученыхъ лошадей, или другихъ искусственныхъ приманокъ. Страсть Парижанина къ театру превосходитъ всякое въроятіе: онъ броситъ жену и дѣтей, и пойдетъ смотрѣть сценическую новость; откажетъ себѣ въ самомъ необходимомъ, въ половинѣ обѣда, и на послѣднія деньги купить билетъ, чтобы похлопать или посвистать. И то и другое доставляетъ ему равное наслажденіе. Шумъ, крикъ, беспорядокъ, сопровождающіе свистанье, нравятся безпокойному Парижанину, который безпрестанно ищетъ волненія, движенія, оппозиціи, своевольнаго выраженія своего, даже въ театрѣ.

Страсть къ зрѣлищамъ давно владычествуетъ Парижемъ. Уже въ началѣ XV вѣка Парижане ввели въ обычай праздновать въездъ Королей и Королевы въ столицу народными зрѣлищами. На большихъ улицахъ, по которымъ проѣзжалъ Король, ставились временные театры и давались сценическія представленія, названныя въ то время *мистеріями* (*mystères*). Первая труппа образовалась изъ бѣдныхъ любителей, которые наняли залу въ госпиталь, на углу улицъ Сен-Дени и Грента, и давали спектакли за самую дешевую цѣну. Они назывались *les Confrères de la passion*, и представляли духовныя драмы, съ примѣсью самыхъ неприличныхъ сценъ, самаго отвратительнаго кощунства, простительнаго только по недостатку просвѣщенія въ то время. Въ старинныхъ мистеріяхъ, бывшихъ у меня въ рукахъ, я видѣлъ, что дѣйствующія лица называютъ всѣ вещи по именамъ, и употребляютъ слова, которыхъ, изъ приличія, не помѣщаютъ въ лексиконахъ. Парижане бросились къ мистеріямъ, и такъ къ нимъ пристрастились, что аббаты, (какъ говоритъ Дюлоръ) принуждены были служить вечерами поздное, чтобы не мѣшать своимъ прихожанамъ ходить въ госпитальный театръ. Впрочемъ, духовенство покровительствовало первой театральной труппѣ, потому что она давала драмы изъ Священнаго Писанія. Скоро мистеріи наскучили, и въ антрактъ

тахъ начали давать фарсы съ куплетами; комическіе актеры назывались *Бѣзпечными Дѣтьми* (*Enfants sans-souci*) и создали особенный родъ, который въ послѣдствіи былъ названъ *водевилемъ*. Въ актеры шли люди всѣхъ сословій, хотя Буало говоритъ:

Chez nos dévots aïeux, le théâtre abhorré
Fut longtems dans la France un plaisir ignoré.
De *pèlerins*, dit-on, une troupe grossière
En public, à Paris, y monta la première. *

Буало былъ плохой историкъ труппы; актеры составились не изъ пилигримовъ, какъ онъ говоритъ, а изъ людей, имѣвшихъ въсь и имя въ тогдашнемъ обществѣ, изъ литераторовъ, судей и даже духовныхъ. Это доказано разысканіями ученаго Берриа де Сен-При.

Завидуя успѣху госпитальной труппы, писцы Парламента вздумали завести театръ въ присутственныхъ мѣстахъ (au Palais de justice). Король Лудовикъ XI-й далъ имъ привилегію. Они играли въ самой залѣ суда, на огромномъ мраморномъ столѣ, который служилъ вмѣсто сцены. Писцы выводили на сцену придворныя интриги, городскія сплетни, семейные раздоры. Придворные горько жаловались Королю Лудовику XII-му на такое злоупотребленіе театра, но онъ отвѣчалъ имъ: «Пусть играютъ, что хотятъ; пусть рассказываютъ о придворныхъ интригахъ, когда проповѣдники и умные люди о томъ молчатъ; только бы не говорили о моей женѣ, да о женщинахъ: ихъ честь неприкосновенна.» Писцы, чтобы избавиться отъ наказанія, подавали пьесы свои членамъ Парламента, которые вымарывали неприличныя мѣста. Вотъ начала *цензуры*. Вскорѣ, именно 15 Октября 1540, Парламентъ приказалъ, чтобы писцы пред-

* Art poétique, пѣснь III.

** Такъ говоритъ Лудовикъ XII, у Брантома, обещаясь повѣстять всѣхъ актеровъ, которые станутъ говорить неприлично (*déréglement*) о чести женщинъ.

ставляли вся свои пьесы на его разсмотрѣніе, и такимъ образомъ добровольное сообщеніе драмъ на предварительное разсмотрѣніе перешло въ законъ. Но писцы не покорялись вымаркамъ членовъ Парламента, и играли пьесы такъ, какъ онѣ были написаны. Парижане ходили смотреть современную хронику въ лицахъ, и нерѣдко случалось, что при входѣ поднимали раздавленныхъ посявителей. Понятно, почему Парижане стремились въ театръ писцовъ: представленіями замѣнялись журналы и газеты, передавались городскія новости, придворныя перемѣны, все, что досталось теперь на долю періодическихъ изданій. Въ этомъ отношеніи современный театръ гораздо ниже стариннаго: теперь ужъ онъ не газета, животрепещущая минутною новостью, вчерашнимъ происшествіемъ. Теперь театръ потерялъ одну ногу и ковыляетъ кое-какъ на другой.

Мало по малу театры такъ размножились, что во всякомъ училищѣ былъ спектакль, по крайней мѣрѣ, разъ въ недѣлю. Даже Іезуиты позволяли играть ученикамъ своимъ. Спектакли обыкновенно начинались тотчасъ послѣ обѣда, въ часъ, и кончались въ пять, до вечеренъ. За входъ платилось по два су съ человека, по таксъ, изданной правительствомъ. Въ 1548 году, Парламентъ запретилъ заимствовать драмы изъ Св. Писанія, и актеры должны были обратиться къ Древней Исторіи, вѣку Рыцарства, современной жизни. Странно, что актеры не охотно отказались отъ мистерій и духовныхъ пьесъ; можетъ быть, причины должно искать въ значительныхъ издержкахъ, которыя были необходимы на поставку новыхъ пьесъ. Съ свѣтскими пьесами развился комическій талантъ славнаго Жанъ-Серра, о которомъ Маротъ говорить:

Grand joueur en son vivant,
Non pas joueur de dez, ne quilles,
Mais de belles farces gentilles.

Когда раздавался театральнй барабанъ на улицахъ, и извѣщалъ жителей, что спектакль начинается, и старики и дѣти бѣжали за нимъ, оставляя дома и церкви. Актеры

останавливались у церкви и барабанили, не смотря на отправление богослуженія, и переманивали къ себѣ слушателей отъ проповѣдниковъ. Аббать Бенуа, еще въ 1570 году, жаловался на такое злоупотребленіе, но Парламентъ отказалъ ему въ просьбѣ, не осмѣясь лишить Парижанъ театра и представлений. Потомъ онъ приносилъ еще нѣсколько просьбъ, но всѣ онъ были оставлены безъ вниманія. Правительство не хотѣло идти на перекоръ страсти Парижанъ къ театру. Просьбы аббата любопытны, потому что изображаютъ старинныя театральныя нравы. — «Въ театрахъ—говоритъ онъ—назначаются обыкновенно свиданія, ко вреду чистоты и стыдливости женщинъ, и къ раззоренію бѣдныхъ ремесленниковъ, коими зала наполняется часа за два до начала представленія, и кои проводятъ время въ непристойныхъ шуткахъ (*dévis imprudiques*), въ картежной игрѣ и въ метаніи костей, въ обжорствѣ и пьянствѣ публично, отъ чего происходятъ многія ссоры и драки (*d'où viennent plusieurs querelles et batteries*).» Стало быть, въ партерахъ старыхъ Парижскихъ театровъ были трактиры, кабаки и игорныя дома; передъ сценическимъ наслажденіемъ можно было пообѣдать, напиться, проигратъся и влюбиться! Въ этомъ современный театръ отсталъ отъ прежняго. По стариннымъ прологамъ, сохранившимся до сихъ поръ, видно, что зрители были безпокойны, крикливы, шумливы, взыскательны. Славный актеръ Брюскамбиль, жившій при Людовикѣ XIII-мъ, говоритъ своимъ зрителямъ: «Еще не успѣли състь, а ужъ кричите: *Намнэй! Намнэй!* Узнайте прежде: выучилъ ли Брюскамбиль свою роль? А какъ начнутъ представленіе, одинъ кашляетъ, другой харкаетъ, третій хохочетъ, четвертый оборачивается спиною къ сценѣ.... Даже лакеи бросаютъ пригоршни гороха въ актеровъ!... Право, не знаю, за что вы платите деньги? Лучше сидѣли бы дома и сюда не ходили. Пересудамъ нѣтъ конца. Иной хочетъ *интермедіи*, а другой *превращеній* (*feintes*). А того и не понимаете, что когда Панъ, Діана, Купидонъ, и другіе, имъ подобныя, вышиваются въ дыла на сценѣ, такъ это-то и есть настоящая *интермедія*. Что же касается до превращеній, то въ каждое представленіе стрѣляютъ, для вашего удовольствія, по

«нѣсколько разъ; нельзя же стрѣлять безпрестанно: вѣдь отъ дыма сидѣть нельзя будетъ! Мы вовсе не употребляли бы пороха, еслибы не старались исполнять вашихъ капризовъ, и пр.»

Зрители остались тѣ же, но актеры перемѣнились. Кто теперь посмѣетъ говорить съ Парижскимъ партеромъ, какъ говорилъ Брюскамбиль? Теперь актеръ — покорнѣйшій слуга зрителей; ему свистать — онъ благодаритъ скромною улыбкою; въ него бросаютъ гнилыми яблоками и варенымъ картофелемъ — онъ кланяется и проситъ пощады. Прежде зритель берегъ актера, боялся потерять его; актеры знали, что у нихъ всегда будутъ зрители, и не дорожили ими. Теперь все перемѣнилось: драма пошла на выворотъ, зритель-тиранъ, а актеръ угнетенная невинность. Осталась только прежняя страсть къ театру. Съ утра до вечера, за завтракомъ и обѣдомъ, въ гостиной и мастерской, Парижане говорятъ о театрѣ. Новая драма Гюго, или Дюма, новая роль Рашели, или г-жи Вольни, суть событія, которыя соперничаютъ въ Парижѣ съ паденіемъ Министерства, съ вопросомъ о сахарѣ, или Востоку. Театръ тамъ не шутка, а необходимая потребность, дополненіе къ жизни. Въ Петербургѣ едва достаетъ зрителей на три театра; въ Парижѣ, двадцать пять театровъ едва могутъ приютить любителей сценическихъ представленій. Удивительно ли, что при такой старинной, давней страсти Парижанъ къ зрелищамъ, Парижскіе театры развились до совершенства, и служатъ образцами для другихъ театровъ, питаютъ ихъ своими произведеніями, наделяютъ своими артистами? Въ театральномъ мірѣ, какъ въ мірѣ моды, Парижъ удержалъ за собою законодательную власть, и всѣ принимаютъ отъ него старыя пьесы, костюмы, декорации и старыхъ артистовъ, съ слѣпою доврчивостію; хвалятъ и превозносятъ то, что въ Парижѣ уже не годится: какую нибудь устарѣлую танцовщицу, или разжирѣвшую *jeune première*, не замѣчая талантовъ, которые образовались внѣ Франціи и не заклеены Парижскою похвалою.

Каждое сословіе, каждая часть Парижа имѣютъ свой театръ. Это очень хорошо. У насъ, послѣ *Гамлета* часто приходится смотрѣть *Филатку и Мирошку*. Въ Парижѣ,

этого не можетъ быть. Есть театры для образованныхъ людей, для богачей, для бѣдняковъ, для ремесленниковъ, для черни. Дама Сен-Жерменскаго предмѣстья не можетъ слышать наглаго водевиля, предназначеннаго для кухарокъ и прачекъ, не можетъ увидѣть Французскихъ Филатокъ и Мирошекъ, если нарочно не поѣдетъ въ театръ Сентъ-Антуанскихъ воротъ, или въ Гро-Каллю. Всякому свое. Отъ того нѣтъ смѣси, оскорбленій для образованности, для внутренняго чувства гордости, которымъ порядочный человекъ отличается отъ неразборчивой черни. Въ другихъ мѣстахъ, всѣ театры стоятъ на равной ступени; въ нихъ попеременно бываетъ одна и та же публика; все различіе въ ярусахъ. Въ первомъ высшая публика; во второмъ и третьемъ средняя; въ четвертомъ и пятомъ низшая, т. е. чѣмъ выше, тѣмъ ниже. Въ Парижѣ совсѣмъ не такъ: весь театръ занятъ публикою одного сорта. По публикѣ пишутся и пьесы; что было бы очень дурно и неприлично въ одномъ театрѣ, то чрезвычайно хорошо и пристойно въ другомъ. Не должно смотрѣть тѣмъ же глазомъ на водевиль *Водевиль* и на водевиль *Сентъ-Марсельскаго Театра*. Одинъ долженъ быть милый, веселый, пристойный, какъ Французикъ съ красною ленточкою въ петличкѣ; другой—буйный, нахальный, нескромный, какъ синяя мужицкая блуза. На одного смотрятъ кавалеры Почетнаго Легіона, ищущіе развлеченія отъ важныхъ дѣлъ Палаты или Биржи; на другаго глядятъ полупьяные мужики, возвратившіеся съ рынка, или прогулявшіе обѣдъ въ кабакъ. Первымъ нужна тонкая иронія; послѣднимъ наглая шутка. Авторы такъ и пишутъ. Театръ Водевилья не даетъ піесъ Поль-де-Кока, а театръ Сентъ-Антуанскихъ воротъ не даетъ, ни за какія блага, драмы Дюмаса. Директоры знаютъ свою публику, понимаютъ ея требованія и угождаютъ ея вкусу. Раздѣленіе театровъ въ Парижѣ полезно именно потому, что напередъ знаешь, гдѣ что увидишь.

Всѣ Парижскіе Театры раздѣляются на три главныя касты:

Большіе Театры: Опера, Итальянскій Театръ, Комическая Опера, Французскій Театръ, Театръ Возрожденія и Театръ Пале-Рояля.

Бульварные. Водевиль, Variétés, Театръ Сень-Мартенскихъ воротъ, Гимнази, Амбигю, Театръ Веселости, Театръ Драматическихъ Шалостей.

Маленькіе. Театръ Сень-Антуанскій, Сень-Марсельскій, Пантеонскій, Циркъ, Гро-Камлю, Funambules, и цѣлая куча другихъ, которыхъ имена известны только одному околodку, или одной улицѣ.

Между всеми этими театрами огромное разстояніе, цѣлая бездна! Дама, которая съ восторгомъ идетъ въ Оперу, или въ Водевиль, не пойдетъ за тысячу франковъ въ Пантеонъ, или въ Гро-Камлю; гризетка бѣжитъ на послѣднія деньги въ Театръ Драматическихъ Шалостей, или въ Variétés, но зѣваетъ въ Итальянской Оперѣ, или во Французскомъ Театрѣ.

Въ *Большихъ театрахъ* такая же публика, какъ и въ нашихъ. Въ креслахъ (stalles) желтыя перчатки, въ ложкахъ бархатъ, шляпки съ перьями, шелковыя платья. Сидятъ смиренно, скромно, хлопаютъ рѣдко и разборчиво, шикаютъ еще рѣже. Здѣсь тоже, что у насъ, только во время антрактовъ надѣваютъ шляпы и читаютъ вечернія газеты.

Въ *Бульварныхъ театрахъ* замѣтно нѣкоторое измѣненіе въ составѣ зрителей. Къ желтымъ перчаткамъ примѣшиваются черныя и сомнительныя жилеты, застегнутыя до верху (см. Балзака); къ шляпкамъ съ перьями присоединяются чепчики, что обличаетъ присутствіе гризетокъ *endimanchées*. Тутъ уже шумятъ, кричатъ, часто свистать, хлопаютъ безпрестанно, прерываютъ актеровъ, смѣются, такъ громко, какъ душѣ угодно; словомъ сказать—тутъ партеръ похожъ (по движенію, а не по составнымъ частямъ) на раекъ нашего театра.

Въ *Маленькихъ театрахъ* нѣтъ ни перчатокъ, ни шляпокъ — все голыя руки, да чепчики. Спектакль идетъ разомъ и на сценѣ и въ партерѣ. Безпрестанно кричатъ: *à la porte (вонъ)*! нерѣдко дерутся, часто бросаютъ въ актеровъ гнилыми яблоками и апельсинными корками; полиція безпрестанно посматриваетъ то въ тотъ, то въ другой уголъ залы. Зрители говорятъ такъ же громко, какъ

актеры; часто требуютъ той или другой любимой пѣсни, которой вовсе нѣтъ на афишкѣ; актеры повинуются и распѣваютъ всякую всячину. Порядочные люди рѣдко ходятъ въ маленькіе театры: *блузники* имѣютъ такую ненависть къ чистому фраку, что при первомъ удобномъ случаѣ выкинуть *аристократа à la porte*. *Блузникъ* называетъ аристократомъ всякаго пристойно одѣтаго человека, имѣющаго чистое бѣлье, суконное, незамаранное платье, шляпу и перчатки. Очень часто *блузникъ*, встрѣтивъ такого аристократа на улицѣ, останавливается, осматриваетъ его съ ногъ до головы и начинаетъ браниться. Въ маленькомъ театрѣ, *блузнику* еще болѣе воли: тутъ онъ въ своей сферѣ, съ товарищами, которые его поддерживаютъ и готовы *инсультировать* всякую перчатку, всякую неизмятую шляпу, каждый лакированный сапогъ, всякую выбритую бороду. Такая публика, разумеется, не станетъ смотреть Виктора Гюго, или Скриба; ей надобно плоскостей, пошлостей, вздоровъ, ей понятныхъ, занятыхъ у ней самой, взятыхъ изъ ея быта, изъ ея образа мыслей. Поэтому бѣдные водевилисты, работающіе для маленькихъ театровъ, надѣваютъ синюю блузу (можетъ быть, съ отвращеніемъ), не моютъ лица и рукъ, не бривутъ бороды, однимъ словомъ—поддѣлываются подъ вкусъ своей публики, и говорятъ ей плоскости, наглыя шутки, которыми отличается общество, обѣдающее за Парижскими заставами*.

Маленькіе Парижскіе театры устроены довольно дурно. Въ каждомъ надобно *платить хвостъ* (*faire queue*), т. е., приходитъ часа за два до начала представленія, и стоять, одинъ за другимъ, гуськомъ, до впуска, потому что нѣтъ нумерованныхъ мѣстъ въ партерѣ, и надобно первому войти въ залу, если хочешь занять мѣсто на первой лавкѣ. Въ стальяхъ (или креслахъ) та же исторія: нумеровъ нѣтъ; кто прежде пришелъ, тотъ и сидитъ впереди. Эти *кресла* (*stalles*) просто лавки, разгороженныя на мѣста, маленькія и узенькія, такъ, что сидѣть больно. Въ первомъ Парижскомъ театрѣ (*Théâtre français*) *сталли* не обиты

* Въ Парижѣ на заставахъ платятъ пошлину за ввозъ въ столицу припасовъ и вина. *Блузники* и небогатые люди обѣдаютъ и пьютъ за заставами, потому что тамъ припасы и вино нѣсколькими копейками дешевле.

сукномъ: сидите просто на деревъ. Цѣны въ Парижѣ не такъ малы, какъ у насъ воображаютъ. Вотъ табличка театральныхъ цѣнъ по разнымъ зрѣлищамъ.

Названiе мѣста:	Цѣны												
	1800	1800	1803	1854	1857	1882	1898	1950	1922	1937	Итого мѣста		
Балконъ	3	4	5	3,50	5	5	5	5	5	5	5	5	7,50
Аванс-цена	3	4	5	3,50	5	5	5	5	5	5	5	5	9
Стади	3	4	5	3,50	5	5	5	5	5	5	5	5	7,50
Мѣсто въ ложъ 1-го яруса	3	4	5	3,50	5	5	5	5	5	5	5	5	9
— 2-го яруса	3	4	5	3,50	5	5	5	5	5	5	5	5	7,50
— 3-го яруса	3	4	5	3,50	5	5	5	5	5	5	5	5	5
— 4-го яруса	3	4	5	3,50	5	5	5	5	5	5	5	5	5
Партеръ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3,50
Первая галлерей	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3,60
Вторая галлерей	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Третья галлерей	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Амбигатръ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
Итого мѣста	1800	1800	1803	1854	1857	1882	1898	1950	1922	1937			

Въ Маленькихъ театрахъ нѣтъ мѣсть дороже двухъ рублей, а въ партеръ входятъ за полтину. Вообще театры сіи поддерживаются болѣе журнальными фельетонами, нежели собственнымъ своимъ достоинствомъ. Распишутъ, размажутъ, раскрасятъ песку, и народъ ходитъ смотреть ее два мѣсяца сряду, самъ удивляется успѣху вздора, а все таки ходитъ. У насъ нѣтъ еще такихъ журнальныхъ Прометеевъ, которые могли бы оживить мертвую пѣсчу. Напротивъ того, у насъ стараются убить успѣхъ, разбавить его, если можно. Парижскіе фельетонисты иначе понимаютъ свое дѣло: они стараются помогать театру, накликаютъ ему успѣхъ. Еслибы Каратыгинъ игралъ въ Théâtre français, Французскіе фельетонисты разнесли бы славу его по всемъ концамъ міра. Посмотрите на Рашель: она, безъ сомнѣнія, хороша, но какую громадную славу успѣли создать этой *двушкой!* И кто же? Парижскіе фельетонисты. Они подмѣчаютъ каждую искру таланта, раздуваютъ ее своими статьями, рассылаютъ ихъ по Европѣ и распространяютъ такимъ образомъ славу своихъ артистовъ. Посмотрите на статьи о Рашель и на самую Рашель, и вы увидите какая разница! Впрочемъ, не поражаю Парижскихъ журналистовъ: они поступаютъ умно, поощряя къ дальнѣйшимъ успѣхамъ и превознося хорошее. Дай Богъ, чтобы и у насъ тоже было. Снисхожденіе критиковъ перешло и въ зрителей. Парижанинъ идетъ въ театръ повеселиться, позабавиться, безъ мысли о строгой критикѣ; за одну хорошую сцену, онъ вытерпитъ пять скучныхъ. Мы не такъ снисходительны: у насъ въ модѣ критиковать, находить во всемъ недостатки, бранить, быть недовольнымъ. Многіе говорятъ, что это признакъ полубразованности. Зрители Маленькихъ театровъ въ Парижѣ свищутъ гораздо чаще, нежели посѣтители Большой, или Итальянской оперы. Не худо замѣтить это обстоятельство тѣмъ изъ нашихъ любителей театра, которые привыкли шикать и судить по своимъ безотчетнымъ впечатлѣніямъ.

Всѣ Парижскіе театры содержатся частными предпринимателями, но нѣкоторые изъ нихъ получаютъ пособіе отъ Правительства. Театры послѣдняго рода называются *Королевскими*; сюда принадлежатъ: *Большая, Итальян-*

ская и Комическая Оперы и Французскій Театръ. Расходы театровъ очень велики, въ сравненіи съ приходами. Всякій театръ имѣеть только одинъ источникъ дохода: сборъ за билеты; залы не огромны, а потому и сборы незначительны. Расходы, напротивъ того, безъ конца! Во первыхъ, дирекція должна покупать всѣ новыя пьесы. У насъ театръ часто получаетъ новыя пьесы въ наследство отъ бенефисовъ и ничего за нихъ не платитъ; въ Парижѣ, бенефисы даются только тремъ, или четверемъ артистамъ, которые за долгъ почитаютъ дать въ такомъ случаѣ пьесу, въ коей они имѣють роль, наиболѣе понравившуюся публикѣ; стало быть, театръ не можетъ получить пьесы даромъ. Во вторыхъ, хорошіе артисты берутъ хорошее жалованье, потому, что всегда могутъ бросить театръ. У насъ, воспитанникъ Театральной Школы долженъ служить нѣсколько лѣтъ за опредѣленную плату въ видѣ возмездія за свое воспитаніе. Въ Парижѣ, начинающій артистъ, по изрѣ вниманія къ нему публики, возвышаетъ свои требованія. Рашель, получавшая въ первый годъ 2000 фр., потребовала на другой ужасную сумму, и едва согласилась на 20,000 фр. Стало быть, Парижскій театръ не можетъ имѣть хорошихъ артистовъ за дешевую цѣну. Въ третьихъ, знаменитые артисты получаютъ огромныя суммы, потому что всегда могутъ перейти къ другому театру. Театральное соперничество доставляетъ артистамъ огромныя выгоды: Рашель можетъ перейти изъ Французскаго театра (если онъ съ нею покусится) въ театръ Возрожденія; Дежазе броситъ Пале-Рояль и перейдетъ въ Variété, въ Vaudeville, въ десять другихъ театровъ, гдѣ ее примутъ съ распростертыми объятіями. Такое положеніе артистовъ заставляетъ театральныя дирекціи платить имъ огромныя суммы. Въ четвертыхъ, Парижскій театръ долженъ ежедневно нанимать статистовъ, гостей, поселянъ, ребятишекъ, и другихъ, которыми часто наполняется сцена, для эффекта. У насъ есть превосходный кордебалетъ даромъ; въ Парижѣ для того нанимаются проходящіе, посторонніе, и наемъ ихъ причиняетъ театрамъ значительный расходъ. Въ пятыхъ, соперничество театровъ заставляетъ директоровъ непрерывно дѣлать новыя декорации и костюмы; театры идутъ на перебой, щеголяютъ декоратерами, машинистами, костюмерами; герцоговъ не

смыютъ тамъ одѣвать въ изношенныя мантии и давать имъ помѣщеніе въ запачканныхъ залахъ. Парижскій театръ упадетъ, если покажется бѣднымъ, въ сравненіи съ соперниками.

Директоромъ Парижскаго театра обыкновенно бываетъ смышленный промышленникъ, знающій дѣло и торговлю. Онъ самъ купитъ матерію для костюмовъ, холстъ для декораций, самъ найметъ писца для переписки ролей. У него артистка не получитъ лишняго жалованья за хорошенькую рожицу, потому, что онъ даетъ подробный отчетъ своимъ компаньонамъ; его не обманутъ на маслѣ, или на статистахъ; не возьмутъ денегъ за сто, когда ихъ было только семьдесятъ пять. Онъ самъ вездѣ, смотритъ своимъ глазамъ, дѣйствуетъ своею рукою, управляетъ своимъ умомъ; онъ самъ секретарь, бухгалтеръ, канцелярія. Въ немъ весь театральный штатъ: и дѣло идетъ скоро, и издержки сокращаются. Онъ знаетъ торговлю, и производитъ закупки во время, нанимаетъ рабочихъ и фельетонистовъ: словомъ, ведетъ дѣло *коммерчески*. Онъ не можетъ управлять безотчетно, произвольно, не смѣетъ прогнать хорошихъ артистовъ и замѣнить ихъ дурными; у него компаньоны требуютъ отчета, да еще и въ судъ его потянутъ. Здѣсь тайна успѣха, рѣшеніе того, почему театры Парижскіе процвѣтаютъ, при всѣхъ невыгодахъ своего положенія, и почему съ малыми средствами достигли они чрезвычайныхъ результатовъ. Театръ въ Парижѣ промышленное предпріятіе; управленіе его дѣло чисто коммерческое, которое можетъ быть удачно ведено только человекомъ, привыкшимъ къ торговлѣ и къ торговымъ оборотамъ.

Большая Опера, получающая ежегодно по сту тысячъ франковъ въ пособіе отъ Правительства, отличается великолѣпіемъ и роскошью. Тутъ даются большія оперы (либретто всегда пишется по Французски) и балеты. Самое зданіе прекрасно и обширнѣе всѣхъ другихъ театровъ. Зала и сцена не уступятъ залу и сценѣ Большаго Театра въ Петербургѣ. Когда я пріѣхалъ въ Парижъ, Нурри былъ уже въ Италіи; мѣсто его заступалъ несравненный *Дюпре*. Не могу и не смѣю приниматься за оцѣнку его тенора; скажу только, что часто, послѣ *Вильгельма Телла* и *Озера Волшебницъ*, я ходилъ по цѣлымъ часамъ на Итальян-

скомъ бульваръ, въ лихорадкѣ, въ восхитительномъ, сладкомъ умиленіи, котораго нельзя выразить. Дюпре, не только славный пѣвецъ, но и отличный трагикъ, и въ случаѣ потери голоса могъ бы играть съ дѣвицею Рашель, у которой теперь нѣтъ достойнаго товарища. При мнѣ появился другой теноръ, *Маріо*, молодой Итальянскій графъ; онъ увлекся страстью къ музыкѣ и вышелъ на сцену. Появленіе его надвѣло много шума въ гостинныхъ Сень-Жерменскаго предместья; тамъ не могли понять, какъ человекъ мнѣняетъ графскую золотую корону на бумажный вѣнецъ лица? Аристократки бросились смотрѣть сіятельнаго актера, и увидѣли молодаго, стройнаго, прелестнаго юношу. Голосъ у него замѣчательный, но играетъ онъ очень плохо. Знатоки увѣряютъ, что въ немъ примѣтенъ опасный соперникъ Дюпре и Рубини, но предсказанія ихъ до сихъ поръ не сбылись. Маріо ограничился ролями *Роберта* и *Фиорелло (Ньмалъ въ Портити — наша Фенелла)*, трудится мало, и, какъ говорятъ, начинаетъ думать, что лучше быть графомъ, чѣмъ актеромъ. Возлѣ Дюпре и Маріо стоитъ басъ *Левассоръ*, отличный артистъ во всѣхъ отношеніяхъ. Пѣвицы хороши, но не выдержатъ никакого сравненія съ артистками Итальянской труппы. Удивительно, что Опера не можетъ добыть сопрано, достойнаго пѣть съ Дюпре. При мнѣ давали новую оперу Обера, *Le lac des fées (Озеро Волшебницъ)*. Она упадетъ вездѣ, гдѣ не будетъ Дюпре. Дѣло въ томъ, что русалка влюбляется въ студента Алберта (Дюпре), а онъ въ нее. Она покидаетъ озеро и безсмертныхъ подругъ, и опредѣляется служанкою въ трактиръ, гдѣ Албертъ обѣдаетъ. Скоро въ ней пробуждается тоска по отчизнѣ; страсть ея борется съ чувствомъ потеряннаго безсмертія. Албертъ живетъ двойною жизнью: днемъ онъ любитъ трактирщицу и собирается на ней жениться; ночью переносится въ другой міръ, гдѣ обожаетъ русалку. Дѣйствіе идетъ живо; драмы много, но Оберъ сплеховалъ. Берліозъ говоритъ, что опера написана Оберомъ въ минуты усталости и истощенія, когда воображеніе неспособно къ вымыслу и творчеству. Однакоже опера имѣла огромный успѣхъ отъ Дюпре, и потому, что въ ней есть нѣсколько новыхъ, упительныхъ мелодій.

Большая Опера славится своимъ балетомъ. Одна *Фанни*

Эсслеръ стоитъ всѣхъ остальныхъ танцовщицъ, живущихъ нынѣ на земномъ шарѣ. Это воплощенная Грація, отъ которой такъ далеки другія танцовщицы, какъ земля отъ неба. Не говорю здѣсь о Тальони; она составляетъ блистательное исключеніе и не можетъ быть сравнена съ Фанни. Одна сходить уже съ поприща, ибо устарѣла; другая только что начинается, полная силы, молодости и энергіи. Тальони только танцовщица; она не играетъ, у нея нѣтъ вовсе мимики въ минуты покоя; Фанни танцуетъ и *играетъ*, передаетъ лицамъ всѣ ощущенія души, всѣ страсти, гнѣвъ, ревность, страхъ, любовь, надежду. Фанни не можетъ быть *Сильфидою*, но за то Тальони далеко, очень далеко отстала отъ Эсслеръ въ *качуль*, въ *Цыганкѣ*. Между ними нѣтъ ничего общаго и не должно быть, ни соперничества ни сравненія. Одна дочь воздуха, летаетъ, какъ бабочка, почти безтѣлесна и вихороша; другая дочь земли, роскошная въ наружныхъ формахъ, красавица на сценѣ, у которой, какъ говоритъ Жаненъ, своя улыбка, своя грація, свое былое плечико, свой тонкій взглядъ, своя единственная ножка, безпынная*. Одна спокойна, какъ древняя Греческая статуя; другая сладострастна, какъ Вакханка, которой, говоритъ Жаненъ, *не доставало у древней скульптуры*. Одна поражаетъ изумленіемъ, удивленіемъ; другая поселяетъ всѣ тревожныя чувствованія любви, нѣги, упоенія. Одна хороша, пока носится въ воздухъ и не спускается на землю; другая предпочла землю и не думаетъ оставлять ее. Что же между ними общаго? Зачѣмъ ихъ сравнивать? Можно хвалить Фанни Эсслеръ, не оскорбляя Тальони, и на оборотъ. Но приверженцы одной нападаютъ на другую, безъ причинъ, безъ толку, безъ доказательствъ.

Парижане очень любятъ Фанни. При мнѣ случилось, что кто-то вздумалъ свистать ей. Въ минуту весь театръ поднялся на ноги. Свистъ раздался изъ третьяго яруса. Половина партера побѣжала туда. Свистуна отыскали и принялись бить. Полумертвый, покрытый ранами, достался онъ въ руки полиціи, которая тщетно силилась скрыть

* Съ намѣреніемъ привожу, здѣсь и ниже, слова Жанена. Извѣстно, что онъ отчаянный приверженецъ Тальони; следовательно, нельзя подозревать его въ пристрастія къ Фанни Эсслеръ.

его и избавить отъ побоевъ. По совершеніи казни, зрители возвратились въ партеръ, усмись помястамъ и спектакль продолжался, какъ обыкновенно.

Когда Фанни пляшетъ *кагулу*, рукоплесканія не умолкаютъ. Изъ этой пляски она создала цѣлую поэму. То, она молитъ о взаимности, страстнымъ, преданнымъ взоромъ, то возбуждаетъ сладкую нѣгу тѣлодвиженіями, ей только свойственными, то горитъ, трепещетъ, какъ раздраженная тигрица. Переходы выражены такъ живо, сильно и рѣзко, что самъ зритель проходитъ всѣ степени ощущеній, отъ ожиданія къ надеждѣ, отъ надежды къ страсти, отъ страсти къ нѣгѣ, отъ нѣги къ пылу любви. Съ послѣднимъ ударомъ кастаньетовъ зритель приходитъ въ себя и просыпается: онъ видитъ чудный, дивный сонъ. Впечатлѣніе такъ сильно, что носишь его съ собою въ продолженіе долгаго времени. И теперь еще вижу упительную улыбку, которою Фанни соблазняетъ своего любимаго, и блрое плечико, которымъ она хочетъ расшевелить его уснувшія страсти, и обворожительный взглядъ, которымъ старается разжечь его желанія. Когда Фанни пляшетъ *краковку*, золотыя шпоры ея (говоритъ Жаненъ) поютъ, какъ двѣ райскія птички.

Надобно видѣть ее въ *Хромомъ Блѣсь*, или въ *Джилсимъ* (Цыганкѣ). Въ пластическомъ отношеніи нельзя требовать большаго совершенства. Можетъ быть и Петербургъ увидитъ ее когда нибудь; она не корыстолюбива и не требуетъ сотенъ тысячъ. Можетъ быть мы увидимъ ее, когда она устарѣетъ, отцвѣтетъ, когда Парижъ начнетъ измѣнять ей, для какого нибудь другаго, свѣжаго таланта. Тогда и смотреть будетъ нечего: устарѣвшая танцовщица не стоитъ плохой молоденькой фигурантки.

Кромѣ Фанни, Опера имѣетъ двухъ превосходныхъ танцовщицъ: это сестры *Нобле*; звезды первой величины на Парижскомъ балетномъ небѣ. Онѣ напоминали мнѣ нашу Пейсаръ, плохо оцененную въ Петербургѣ. Пейсаръ была литографія съ прелестной картины, которая называется *Фанни Эсслеръ*. Кромѣ сестеръ Нобле, есть еще другія замѣчательныя танцовщицы: *Марія*, *Дюмилатръ*, *Финжамъ*, но — всѣхъ не перечесть! На танцовщиковъ Парижъ во-

все не обращаетъ вниманія, и потому они очень посредственны.

Въ *Итальянской Оперѣ* теперь Рубини, Лаблашъ, Тамбурины и г-жи Гриси и Персиани. Можетъ быть, никогда уже не случится увидать такого соединенія первокласныхъ дарованій въ одной труппѣ и на одной сценѣ. Меломаны Европы и Америки привѣзжаютъ въ Парижъ послушать Итальянцовъ. Сама Италія, родина пѣвцовъ, плачетъ объ нихъ, не будучи въ состояніи найти имъ соперниковъ. Пожаръ выгналъ Итальянцовъ изъ превосходной залы Фаваръ; соловьи перелетѣли въ Одеонъ, на конецъ Парижа, въ самую отдаленную, пустую часть столицы; въ залу просторную и красивую, но недостаточную для помѣщенія всѣхъ Парижскихъ диллетантовъ. Въ 8-мь часовъ вечера, печальныя толпы скитаются около Одеона и ждутъ: не явится ли какой нибудь промышленникъ съ билетомъ? У кассы ждутъ съ 5-ти часовъ, хотя спектакль начинается въ 8-мь. Одеонъ недавно построенъ; на потолокъ изображены знаменитѣйшіе драматическіе писатели, Шекспиръ, Корнель, Мольеръ, и пр., окруженные лучшими сценами изъ ихъ твореній. Занавѣсъ, писанный Дагерромъ, превосходенъ.

Нѣудивительно, что Опера пріобрѣла огромную славу. *Рубини* приведетъ въ восторгъ всякаго неуча, имѣющаго уши. Онъ признанъ *первымъ* изъ существующихъ нынѣ теноровъ, какъ по голосу своему, такъ и по искусству. Онъ родился въ Романо и образовался подъ вліяніемъ друга своего, тенора Ноццари. Поприще его началось въ 1814 году, дебютомъ въ Туринѣ; потомъ онъ пѣлъ въ Венеціи, въ Неаполь, въ Римъ, въ Палермо; воротился въ Неаполь, влюбился во Французскую пѣвицу Аделанду Шамель, за искусство ея, и тотчасъ женился. Въ 1824 году повхалъ онъ въ Вѣну, и, увѣнчанный лаврами, показался наконецъ Парижу. Тутъ собиралъ онъ дань рукоплесканій въ *Отелло*, *Анна Болень*, *Сомнамбуль*. Арія втораго дѣйствія въ послѣдней оперѣ почитается неподражаемою степенью его искусства. Беллини написалъ для него *Il Pirato*, и никто не смѣлъ приняться за эту ролю, никто не дерзнулъ на соперничество съ Рубини. Рубини добръ, снисходителенъ, независтливъ, и охотно поощряетъ таланты. При мнѣ прі-

вхалъ въ Парижъ Русскій теноръ *Михайловъ*; Рубини, замѣтивъ въ немъ талантъ, принявъ его радушно, взялся управлять его музыкальнымъ образованіемъ, давалъ ему мѣсто въ своей ложѣ, и отъѣзжая въ Лондонъ, взялъ его съ собою, чтобы молодой теноръ могъ пользоваться его замѣчаніями и уроками. Рубини говоритъ, что Михайловъ будетъ со временемъ замѣчательнымъ артистомъ; онъ владѣетъ превосходнымъ голосомъ и трудится неутомимо. Ему только двадцать лѣтъ, и Петербургъ услышитъ его черезъ три, или четыре года.

Басъ *Лаблаша* удивительный: голосъ его течетъ въ ухо струю, которую, кажется, можно осязать, взять руками. Сначала подумаете, что звуки выходятъ не изъ чело-вѣка, а изъ какой нибудь огромной машины, и что пѣвецъ не въ силахъ управлять такимъ голосомъ, но вскорѣ замѣчаете, что этотъ басъ столько же гибокъ, сколько густъ. Три націи присвоиваютъ себѣ Лаблаша: онъ родился въ Неаполѣ, отъ Француза и Англичанки. Характеръ у него Французскій, живой, веселый, пылкій. Въ Палермо началъ онъ поприще, со вторыхъ ролей, и въ продолженіе пяти лѣтъ его не замѣчали. Не даромъ Итальянцы утверждаютъ, что обитатели Сициліи плохіе судьи въ музыкѣ. Россини, услышавъ Лаблаша, тотчасъ доставилъ ему роли перваго баса въ Римѣ. Итальянцы оцѣнили его и прозвали *героемъ пѣнія*. Его превосходство во всѣхъ родахъ удивительно; онъ пѣлъ *Ассура* въ *Семирамидѣ* и *Дандини* въ *Ченерейтоль*, *Фараона* въ *Моисей* и *Фигаро* въ *Цирюльничкѣ*. Въ комическихъ роляхъ, онъ немовѣрно смѣшонъ. Ему только 45 лѣтъ, но онъ кажется старымъ, потому что чрезвычайно толстъ; брюхо его можетъ почесться образцовымъ. За Лаблашемъ идетъ *Тамбурилли*, basso cantante, великій артистъ, непоирачаемый славнымъ соперникомъ и товарищемъ. Красивый, ловкій, умный, онъ играетъ, какъ поетъ, т. е. превосходно, создаетъ роли глубоко и отчетливо. Репутація его началась съ роли *Мустафы* (въ *Итальянкѣ въ Алжирѣ*); это было въ 1818 году. Съ тѣхъ поръ, онъ восхищалъ Неаполь, Миланъ, Венецію, Вѣну, и теперь восхищаетъ Парижъ и Лондонъ. Лучшія роли его: *Донъ Жуанъ* и *Яго* (въ *Отелло*).

При такихъ дарованіяхъ, теноръ *Ивановъ* стоитъ въ тѣ-

ни. Голосъ его далъ бы ему первое мѣсто на другомъ театрѣ, гдѣ не было бы Рубини, но при опасномъ соперникѣ, Ивановъ нейдетъ впередъ, остается на вторыхъ роляхъ. Притомъ же, онъ плохой актеръ, а это очень важный недостатокъ, особенно въ такой труппѣ, гдѣ всѣ пѣвцы превосходно играютъ. Вся игра Иванова заключается въ томъ, что онъ кладетъ правую руку на сердце, или выставляетъ лѣвую ногу впередъ. Парижане его не любятъ, а въ Лондонъ вовсе его не ангажируютъ. Давно пора ему оставить Парижъ; перемѣна мѣста доставитъ ему только пользу и новую репутацію. Онъ никогда не будетъ первымъ теноромъ Парижской Итальянской Оперы, и если Рубини удалится со сцены (какъ говорятъ) въ 1840 году, то на мѣсто его будетъ ангажированъ славный Поджи. Чего же еще ждетъ Ивановъ въ Парижъ?

Джулія Гризи и *Персіани* раздѣляютъ Парижскую публику на двѣ партіи. Персіанисты хвалятся искусствомъ и голосомъ своей пѣвицы; Гризисты говорятъ, что Джулія превосходитъ ее потому, что къ искусству и голосу присоединяетъ еще очаровательную красоту. Не мнѣ разрѣшать споръ, который не рѣшенъ знаменитѣйшими знатоками музыки; предоставляю его людямъ, болѣе сведущимъ, и расскажу только то, что замѣтилъ, посѣщая Одеонъ. Персіани нравится музыкантамъ, но когда она поетъ, есть еще возможность достать мѣсто въ театрѣ. Когда поетъ Гризи—съ утра нѣтъ мѣстъ; надобно придти къ кассѣ въ пять часовъ, чтобы попасть въ уголъ партера. Это достаточно показываетъ, которую изъ пѣвицъ публика болѣе любитъ. Черты Гризи, рѣзкія и довольно грубыя въ комнатѣ, превосходны на сценѣ; нельзя себѣ вообразить женщины болѣе стройной, лучше сложенной. Когда она играетъ Дездемону, черная коса ея покрываетъ плечи, и едва можно вѣрить, что тутъ нѣтъ обмана! Въ *Нормѣ* Гризи является великою трагическою актрисою. Ея чувствительность часто выражается непритворными слезами. Персіани поетъ превосходно, но думаетъ мало объ игрѣ. Зная, что не можетъ сравниться съ соперницею въ патетическихъ сценахъ, Персіани старается побѣдить ее пѣніемъ. Но за кѣмъ остается побѣда — неизвѣстно; вѣнки раздѣлены по-

ровну. Такъ бывало, въ старину, у насъ въ Петербургъ съ Меласъ и Шоберлехнеръ.

Г-жа *Альбертацци* (контральто) славится болѣе красотою, нежели пѣніемъ. Жертвы ея красоты считаются тысячами, но суровая Англичанка презираетъ несчастныхъ вздыхателей и обожаетъ своего мужа Итальянца. Альбертацци убита сѣдствомъ Гризи и Персиани; ея не замѣчаютъ, мало говорятъ объ ней, и самые музыканты не заботятся объ ея свѣжести, серебряннѣмъ контральто, а она достойна лучшей участи.

Итальянская Опера начинается съ 1-го Октября и продолжается до Марта; остальное время года пѣвцы проводить въ Лондонѣ. Пріездъ Итальянцевъ эпоха въ хорошемъ Парижскомъ обществѣ. Отдаленный Люксембургскій кварталъ оживаетъ, кипитъ народомъ. Сень-Жерменское предместье въ восторгъ, богачи абонируются, бѣдняки дежурятъ у кассы, журналы и журналисты пишутъ пухы и выдумываютъ разныя исторіи*, которыя принимаются за истину и переводятся въ Сѣверную Пчелу и Библиотеку для чтенія. Пѣвцы принимаютъ многочисленныхъ почитателей торжественно. Первое представленіе — музыкальный триумфъ; публика отборная; рукоплесканіямъ нѣтъ конца. Торжество Оперы продолжается всю зиму. Въ Мартѣ, въ послѣднее представленіе, *furore* почитателей доходитъ до безумія. Съ артистами прощаются. Мужчины бросаютъ на сцену вѣнки своимъ любимцамъ и любимицамъ; дамы бросаютъ букеты. Сцена покрыта цвѣтами. При концѣ, каждый артистъ прощается съ зрителями и беретъ себѣ букетъ на память. Славно быть артистомъ при такой публикѣ!

Комическая Опера номѣщалась при мнѣ въ маленькомъ театрѣ *des Nouveautés*, близъ Биржи, въ небольшой залѣ, не красивой и бѣдной. Опера бѣдна и дарованіями и доходами. Первыхъ нѣтъ потому, что лучшіе Французскіе

* Такія исторіи называются въ Парижскомъ журнальномъ мѣрѣ *utopies* (*canards*). Въ нынѣшнемъ году выдумана презабавная *utopia* о кошкѣ г-жи Альбертацци (см. *Сѣверную Пчелу*, нынѣшняго года, № 227).

пѣвцы идутъ въ Большую Оперу, а Комической достаются по наслѣдству только оборыши. Доходовъ нѣтъ потому, что меломаны идутъ слушать первоклассныхъ пѣвцовъ въ Большую или Итальянскую Оперу, предпочитая ихъ посредственности, украшающей Оперу Комическую. По примѣру пѣвцовъ, лучшіе композитеры трудятся для Большой Оперы, а Комическая должна кое какъ пробавляться трудами новичковъ. Новостей бываетъ мало. При мнѣ все еще играли *Черное Домино*. Однакожь въ Комической Оперѣ есть одно замѣчательное дарованіе, г-жа *Даморо-Чинти*, превосходная пѣвица и отличная актриса. Ея голосъ, игра и привлекательная наружность поддерживаютъ Комическую Оперу; безъ нея Опера пропадетъ, не смотря на пособія, получаемыя отъ Правительства. Можетъ быть, слѣдуетъ присоединить эту Оперу къ Большой; тогда можно давать комическія оперы передъ балетами, и уничтожить соперничество, убивающее начинающихъ композитеровъ и пѣвцовъ. Кто пойдетъ слушать Шолле, когда въ двухъ шагахъ отъ него поетъ Дюпре? Кто пойдетъ слушать оперу Гризара, или Адана, когда черезъ двѣ улицы даютъ Мейерберовыхъ *Гугенотовъ*, или Оберову *Фенеллу*? Говорятъ, что Правительству поданъ проэктъ о соединеніи обѣихъ Французскихъ Оперъ, но рѣшеніе зависитъ отъ Палаты Депутатовъ.

Французскій Театръ (Théâtre français) вошелъ теперь опять въ славу. *Рашель* вывела его изъ забвенія. На Французскомъ Театрѣ давались трагедіи Расина и Вольтера, комедіи Мольера и Делавиня; публика обратилась къ другимъ театрамъ. М-лль Марсъ не привлекала уже новаго поколѣнія. Всему есть время. Отъ г-жи Марсъ остались только развалины. Она устарѣла, покрылась морщинами, а все играетъ несвинныхъ двушекъ и выдаетъ себя за молоденькую. При мнѣ, украли у ней кучу брилльянтовъ, но вора отыскали и потребовали г-жу Марсъ въ судъ. Она явилась, и на обычный вопросъ президента: *котврий вамъ годъ?* отвѣчала: *сорокъ пятый*. — «Вотъ удивительно!» — сказалъ одинъ изъ свидѣтелей — «я какъ теперь помню первый ея дебютъ: этому ровно сорокъ пять лѣтъ!» — «Она дебютировала въ день своего рожденія,» подхватилъ другой,» и

потому-то говорятъ, что она родилась актрисою (*elle est née comédienne*).»

Не смотря на такія шутки, Марсь не хочетъ оставить ролей семнадцати-лѣтнихъ двушекъ. Морщины, волосы, худые плечи, подбородокъ, изобличаютъ ее и показываютъ, что ей болѣе шестидесяти лѣтъ*. У ней остались только прежніе очаровательные глаза и сладкій, упоительный голосъ—сильнѣйшее сценическое средство, которымъ она до сихъ поръ мастерски владѣетъ. Французы восхищаются ею по *воспоминанію* (*par souvenir*) и говорятъ: «Эта женщина была выше всѣхъ современныхъ актрисъ; какое дарованіе замѣнить ее въ Мольеровыхъ комедіяхъ? На кого наденете теперь шелковое платье Герцогини времянь Людовика XIV? Ученица и соперница знаменитой Конты, Марсь пережила Превилля, Моле, Флери, Сенъ-При и Тальму, произвела революцію въ театрѣ, пересоздала всѣ женскія роли Мольера, которыя прежде игрались *по преданіямъ*, оставшимся отъ славной Дюмениль. Она считается неподражаемымъ образцомъ наивности (въ *Secret du Mariage*), кокетства (въ *Les Jeux de l'amour et du hazard*), достоинства (въ *Тартюфъ*), ума (въ *Селименъ*) и чувства (въ *Валеріи*). Все это памятно старикамъ, но молодые люди, которые видятъ ее теперь, не могутъ вообразить, что она могла быть такъ хороша, какъ говорятъ *старички-парички* (*les vieilles reguiques*, т. е. *классики*). Глядя на нынѣшнюю Марсь, жалешь, что не родился полувѣкомъ раньше. При мнѣ она создала только одну роль: двинцы Белиль, въ драмѣ Александра Дюма. Роль превосходна, обдуманна отчетливо, но старость много мѣшала полному эффекту. Артистъ не долженъ переживать своей славы; пора г-жѣ Марсь отдохнуть на лаврахъ — ихъ довольно!

Около славной артистки толпятся современные ей таланты, старички *Фирменъ, Жоанин, Сансонъ, Лижь, Бовалле*. Всѣ они обладаютъ несомнѣннымъ дарованіемъ, но принадлежатъ къ *старой школѣ*, не *говорятъ*, а *поютъ на расплѣвъ*, не ходятъ, а *выступаютъ*, не свободны въ движеніяхъ,

* Марсь родилась въ Парижѣ, въ 1778 году; теперь ей 61-й годъ. Она дебютировала въ 1795 г. на пятнадцатомъ году. Ей хочется дождаться *пятидесятилѣтняго* юбилея на сценѣ.

а поднимають и опускають руки *условнымъ образомъ*. Они выдѣли Тальму, но не поняли его, не послѣдовали за нимъ, почитая его выродкомъ. Только Лижье учился у него и подражаетъ ему—какъ умѣть. Такого трагическаго актера, какъ нашъ В. А. Каратыгинъ, нѣтъ въ Парижѣ. У Лижье есть огонь и чувство, но ни голоса, ни наружности: онъ низокъ ростомъ, сутуловатъ, безобразенъ лицомъ. Фирмень превосходенъ въ комедіяхъ, но очень плохъ въ трагедіяхъ, и теперь отъ нихъ вовсе отказался. Сансонъ, прозванный *несравненнымъ*, началъ свою репутацію ролею *Фигаро*. Какъ Французы не имѣютъ Каратыгина, такъ мы не имѣемъ комическаго таланта, равнаго Сансону. Онъ ловокъ, хорошъ собою; лицо у него умное и выразительное; комизмъ его никогда не переходитъ въ *шаржу*, а этимъ немногіе комическіе артисты могутъ похвалиться.

Актеры Французскаго Театра составляютъ общество и называются *общинниками* (*sociétaires*); сами выбираютъ себя директора и комитетъ, который выслушиваетъ, судить и принимаетъ пьесы. Такія права много вредятъ театру; старые актеры не принимали новыхъ талантовъ и пьесъ новыхъ актеровъ. Двери перваго театра были закрыты для Гюго, Дюма и другихъ молодыхъ писателей. На старыя пьесы смотрѣли только *старички-парижки*; театръ бдѣнъ, упадалъ, когда явилась Рашель и привлекла Парижанъ въ опустѣвшую залу перваго Французскаго театра.

Французскіе журналы и газеты разнесли славу дѣвицы Рашель по всему міру. Въ Петербургѣ столько же говорятъ и спорятъ объ ней, сколько въ самомъ Парижѣ. Отъ чего такая слава? Неужели Европа не видѣвала дарованія равнаго дарованію *Жидовочки* (*la petite juive*, такъ называютъ Рашель въ Парижѣ)? Неужели эта дѣвочка *подниметъ классицизмъ* во Франціи и воскреситъ умершія трагедіи Расина, Вольтера и Кребиллона? Неужели она произведетъ радикальную реформу въ направленіи Французской драматургіи? Вся такіе вопросы рождаются при имени Рашель; постараюсь разрешить ихъ, какъ умѣю, основываясь на фактахъ, а не на пустыхъ восклицаніяхъ и фразахъ.

Я уже сказалъ, что Французскій Театръ клонился къ совершенному упадку. Тщетно Марсъ и Нобле, Монрозы

и Лиже старались поддержать разрушавшееся, старое свое общество: публика не обращала вниманія на ихъ усилія, и забывая Расина и Кребиллонз, стремилась смотреть драмы Дюма и Сулье на второстепенныхъ театрахъ. Мало по малу, первый театръ пришелъ въ совершенное разстройство. Марсъ состарѣлась и не хотѣла понять, что пора ей бросить роли любовницъ, которыя не терпятъ, ни глубокихъ морщинъ, ни сѣдыхъ волосовъ; г-жа Нобле читала прелестные стихи Расина на распѣвъ, по древнимъ преданіямъ. Лиже *аккомпанировала* ей речитативомъ, а Бовалле все еще пѣлъ, какъ пѣвали актеры во времена Лудовика XIV-го. Другіе актеры подражали первостепеннымъ, и — представленія Французскаго театра болѣе походили на концертъ, нежели на трагедію или комедію.

На другихъ театрахъ, съ драмами Виктора Гюго и Александра Дюма, появились: пламенная Дорваль, несравненная Вольни, умный Фридерикъ Леметръ, которые *заговорили* на сценѣ языкомъ не условнымъ, не заученнымъ, не подготовленнымъ, языкомъ *человѣческимъ*, языкомъ *страсти и чувства*. Сценическій переворотъ совершился; зрители раздѣлились на двѣ партіи: одни тотчасъ перешли на сторону природы и естественности; другіе поддерживали прежнюю декламацию, называя ее *искусствомъ*. Мало по малу, послѣдняя партія худѣла, слабѣла, уменьшалась, и дѣло кончилось тѣмъ, что только старички ходили въ *первый* театръ, восхищались развалинами прежней Марсъ и трагикомъ Лиже, потому, что онъ произноситъ нѣкоторыя стихи, какъ *Гальма*. Неподвижность стала девизомъ перваго театра. Ложи всегда были пусты; въ партерѣ сидѣло по сту чловѣкъ, изъ которыхъ самому молодому было шестьдесятъ лѣтъ. Новое поколѣніе свѣялось надъ посвѣтителами стараго Théâtre français, и Парижскій *левъ* ни за какія блага не согласился бы заглянуть въ театральную залу улицы Ришелье.

Такимъ образомъ, Расинова трагедія сиротствовала, Мольерова комедія плакала, театръ былъ въ долгахъ по уши, даже *хлопальщики* не получали жалованья и исправляли должность изъ одной любви къ искусству. Вдругъ обычные посвѣтители Французскаго Театра были обрадованы появленіемъ новой актрисы, шестнадцатилѣтней дѣ-

вочки, Жидовки *Рашель*. Они рассказывали на улицахъ, на гуляньяхъ, въ кафе, вездѣ, гдѣ могли, что у нихъ въ театрѣ есть чудо, есть дарованіе изумительное. Имъ никто не вѣрилъ. *Рашель* играла уже два мѣсяца, а театръ былъ пустъ по прежнему. (Это не худо замѣтить и запомнить). Въ то время Жаненъ гулялъ по Италіи, съ однимъ Русскимъ вельможею, А. Н. Д.—вымъ. Возвратясь въ Парижъ и увидѣвъ *Рашель*, онъ написалъ объ ней фельетонъ, который до сихъ поръ остается лучшимъ произведеніемъ его пера. Горько и вѣдо смѣялся онъ надъ близорукими театральными критиками, которые въ продолженіе двухъ мѣсяцовъ не умѣли замѣтить дарованія юной актрисы, и съ жаромъ, съ восторгомъ превозносилъ шестнадцатилѣтнюю дѣвочку, которая слабою рукою, мастерски взялась за кинжалъ Расина. Признавая ее своимъ открытіемъ и изобрѣтеніемъ, Жаненъ безпрестанно писалъ объ ней, ловилъ каждый удачный жестъ ея, каждое удачно сказанное слово, каждую слезинку, каждый стонъ, вылетавшій изъ дѣвственной груди. Статьи Жанена послужили пьедесталомъ для *Рашели*; публика смотрѣла ее и хлопала ей. Пустой театръ наполнился зрителями; сцены Французскаго театра ожили. Журналы наперерывъ принялись хвалить дебютантку. Всѣ, и зрители, и журналисты, и общники Французскаго театра обрадовались находкѣ Жанена. Имя *Рашели* понеслось по Парижу и скоро стало извѣстно во всей Европѣ. Классики поддерживали ее, воображая, что черезъ нея введутъ опять въ моду умершую классическую литературу. *Рашель* стала для нихъ знаменемъ, около котораго собирались разбитые отряды классиковъ и шли впередъ, на битву съ новою литературою. По ихъ мнѣнію, *Рашель* можетъ спасти классицизмъ, какъ въ старину Іоанна д'Аркъ спасла Францію. За то они присоединились къ сужденію новаго поколѣнія, которое хвалило, славилло новую *Дѣвственницу*, не мѣшая ея въ споръ о старой и новой литературѣ.

Еслибы *Рашель* дебютировала на другомъ театрѣ, и не послужила бы знаменемъ классиковъ, нѣтъ сомнѣнія, что она не достигла бы такъ скоро до такой громкой славы. Французскій Театръ былъ въ столь жалкомъ положеніи, что плохая актриса *Рабю* (которую здѣсь въ Петербургѣ

поминать по водевилямъ) играла первая роли въ трагедіяхъ. Стало быть, Рашель не имѣла соперницъ. Никто не думалъ сравнивать ее, ни съ г-жею Дорваль, ни съ г-жею Вольни, которыя играютъ въ новыхъ драмахъ и не имѣли случая играть въ трагедіяхъ Корнеля или Расина. Рашель имѣла надъ ними и то преимущество, что несравненно легче играть роли *великихъ мастеровъ*, чѣмъ роли *плохихъ подмастерьевъ*, которыя, ставши на ходули, уродуютъ природу, челоуька и искусство. Можно утвердительно сказать, что Рашель не сладила бы ни съ одною изъ ролей, созданныхъ Сулье, или какимъ либо другимъ *неистовымъ* драматургомъ.

Все довольно объясняетъ причины быстрыхъ успѣховъ юной Жидовочки. Когда я видѣлъ ее въ первый разъ, она была уже на высшей степени славы, получала десятки тысячъ жалованья. Парижскія Жидовки надѣвали на нее свои брилліанты; журналы осыпали ее самыми льстивыми похвалами. Я смотрѣлъ на нее съ предубѣжденіемъ въ ея пользу и въ лучшей ея роли (*Гермионы* въ *Андромахѣ*). Въ первый разъ, она привела меня въ восхищеніе; во второй я былъ спокойнѣе; потомъ, мало по малу, такъ привыкъ къ ней, къ ея однообразію, что часто проходилъ по улицѣ Ришелье мимо Французскаго Театра, не имѣя ни малѣйшаго желанія заглянуть въ театральную залу.

Видѣвши ее нѣсколько разъ, всякій убѣдится, что она играетъ *на удачу, на авось* (или *по вдохновенію*, какъ говорятъ ея умные защитники). Она не создаетъ своей роли и не старается выдержать ее; средства ея слабы. Она истощаетъ силы въ первыхъ сценахъ, и потомъ добирается до конца кое какъ, усталая, измученная, истощенная. За то *эффектныя сцены* у нея чрезвычайно поразительны: она задрожитъ, заплачетъ, упадетъ, потому, что въ самомъ дѣлѣ хочетъ плакать, не можетъ держаться на ногахъ отъ внутренняго волненія. Въ такихъ сценахъ, она, дѣйствительно, прекрасна: сердце зрителя невольно раздѣляетъ ея муку, ея тоску. Увлекаешься ея слезою, ея взрыдами (*sanglots*), но всякое сильное, естественное чувство на сценѣ не можетъ быть продолжительно. Рашель утомляется вмѣстѣ съ зрителемъ; послѣ одной такой сцены,

нуженъ часъ отдыха. Притомъ же, непритворныя слезы неумѣстны на сценѣ, когда льются слишкомъ часто. Наслажденіе переходитъ въ болѣзненное, неприятное ощущеніе. Природа допускается на сцену условно. Какое впечатлѣніе произведъ бы актеръ, который вздумалъ бы, для ближайшаго подражанія природѣ, ударить себя кинжаломъ и показать рану зрителямъ? Такъ и слезы Рашель не всегда доставляютъ зрителю сценическое наслажденіе.

Не распространяюсь о важномъ сценическомъ вопросѣ: до какой степени природа допускается на сцену? что завело бы меня слишкомъ далеко, и обращаюсь къ другому вопросу: принесетъ ли Рашель ожидаемую классиками пользу и воскреситъ ли она старыя умершія трагедіи?

Рашель играетъ Расина, Корнеля и Вольтера, и бываетъ превосходна въ нѣкоторыя минуты, когда стонетъ, плачетъ, рыдаетъ. Но не думайте, чтобы она выбирала *такія минуты*, чтобы искала ихъ тамъ, гдѣ помѣстилъ ихъ Корнель — нимаго! Вдохновенная минута приходитъ сама собою и проявляется часто такимъ словомъ, такимъ стихомъ, который самъ по себѣ ничего не значитъ и вставленъ для рѣимы. Часто лучшіе стихи Расина, лучшія положенія Корнеля проходятъ незамѣченныя, потому, что вдохновеніе Рашели прошло, истрачено и исчерпано. Такимъ образомъ, Рашель не служитъ ни Корнелю, ни Расину, ни искусству, ни классической трагедіи; она служитъ личному, минутному наслажденію зрителя, наслажденію безотчетному, неопредѣленному, основанному на чувствѣ участія къ актрисѣ. То ли цѣль, дѣло, подвигъ сценическаго артиста? Не долженъ ли онъ быть полнымъ представителемъ автора, передавать его вѣрно, умно, отчетливо въ малѣйшихъ отъѣнкахъ? Если изъ цѣлой трагедіи Расина, я заплачу только на третьемъ, сороковомъ, сотомъ стихахъ, а прочихъ не замѣчу, потому что мнѣ передадутъ ихъ незамѣтно, могу ли я сказать, что артистъ *передалъ мнѣ трагедію Расина*, исполнилъ ее, какъ хотѣлъ авторъ, какъ требовало драматическое искусство? Рашель не можетъ создавать ролей, не можетъ выдерживать ихъ, не владѣетъ своею чувствительностью и душею, и вовсе неспособна къ трудному подвигу, на какой предназначаютъ ее классики.

Однакожь говорятъ и воображаютъ, что Рашель *подняла* трагедіи Расина. Неправда! Въ продолженіе спектакля зрители слушаютъ только Рашель, оставляя другихъ героевъ и героинь безъ вниманія. Когда ея нѣтъ на сценѣ, зрители говорятъ, спорятъ, разсуждаютъ, не заботясь о ходѣ пьесы. Стало быть во Французской Театрѣ ходятъ не для трагедіи Расина, а для Рашель, для ней одной. Рашель такъ хорошо понимаетъ зрителей, что часто сокращаетъ длинныя тирады, наборъ пышныхъ, звучныхъ словъ, какихъ много у Расина. Сначала старички гнѣвались и жаловались на нее, а теперь привыкли, сидятъ спокойно, да похлопываютъ. Еслибы ей вздумалось, она могла бы играть только тѣ сцены, гдѣ ея монологи. Гдѣ же успѣхъ Расиновскихъ трагедій? Гдѣ возрожденіе *классической* литературы? На чемъ основаны надежды литературныхъ *париковъ*? Гдѣ средства, которыми Рашель можетъ поднять и поставить на ноги старую трагедію, отжившую *вѣкъ въ прошломъ вѣкѣ*? Однихъ слезъ мало. Русскій острякъ Шв. дѣльно сказалъ, что «Рашель не поднимаетъ, а *оплакиваетъ* умершую классическую трагедію».

Въ комедіи попытки Рашель были вовсе неудачны. Она играла роль служанки въ комедіи Мольера, и ея *вѣрные* приверженцы признались, что она не создана для комедіи. Жаль было смотреть на бѣдную Рашель въ *фартукъ*. Она *совсѣмъ* не поняла роли и хотела съ начала до конца пьесы. Плакать *умѣетъ* она чудесно, а *хотятъ* нисколько!

Рашель дурна лицомъ, дурна и въ комнатѣ и на сценѣ, но ростомъ высока и отличается превосходнымъ бюстомъ. Въ движеніяхъ ея есть *грація*, есть величіе, но голосъ ея густъ и непріятенъ. Говоритъ она медленно, вяло, но не *декламируетъ*, и въ томъ ея первое и главное достоинство. Выйти на сцену, гдѣ всѣ поютъ, и заговорить по человѣчески передъ зрителями, которые *поль-вѣка* хлопаютъ пѣвунамъ, уже важная заслуга, на которую могла рѣшиться только неопытная дѣвочка, умиравшая съ голода. Всякая другая постаралась бы незамѣтно, постепенно перейти отъ пѣвческой декламаціи къ естественной дикціи. Рашель махомъ разрубила Гордіевъ узелъ, и потому слава ея утвердилась такъ скоро.

Учителемъ ея былъ комикъ Сансонъ, о которомъ я говорилъ. Въ 1834 году Рашель ходила по Парижскимъ улицамъ, играла на гитарѣ, пѣла пѣсни и собирала милостыню. Побывавши однажды во Французскомъ Театрѣ, она почувствовала, что можетъ играть Расина, и явилась къ Сансону. Онъ скоро увидѣлъ ея способности, и послѣ нѣсколькихъ мѣсяцовъ пустилъ ее на сцену. Ученица заняла отъ учителя только самыя первыя правила искусства, а способъ *тенил* принадлежитъ ей самой. Много басенъ рассказано и напечатано о Рашель: какъ гоняли ее изъ театра, какъ бѣжала она съ какимъ-то юношею въ Марсель, какъ была поймана въ воровствѣ, и пр. Вся сіи басни перешли изъ Французскихъ газетъ въ Русскія, но онѣ не заслуживаютъ никакого вѣроятія. Рашель въ бѣдности вела себя честно, кормила бѣдное свое семейство, и теперь осталась, по прежнему, честною дѣвушкою и почетливою дочерью.

En résumé: дарованіе Рашель гораздо ниже ея славы; ее можно смотрѣть съ наслажденіемъ, но не часто; она утомляетъ однообразіемъ. Она полезна для Французскаго Театра, доставляя ему сборы, но не для старой Французской трагедіи, ибо не оказываетъ ни малѣйшей помощи Расину, Корнелю и Вольтеру. Она будетъ хороша еще лѣтъ пять, а потомъ, когда душа ея привыкнетъ къ сильнымъ волненіямъ и источникъ добровольныхъ слезъ иссякнетъ, когда надобно будетъ опираться на искусство, Рашель спустится въ рядъ обыкновенныхъ актрисъ. Быстроу ея успѣху содѣйствовало только бѣдственное положеніе Французскаго Театра, безъ дарованій, безъ зрителей, безъ денегъ. Къ распространенію и утверженію ея славы много содѣйствовалъ Жюль-Жаненъ, который открылъ ее, *comme Dumas a découvert la Méditerranée*, и тщеславится своимъ открытіемъ, усердно поддерживаетъ его совѣтомъ, перомъ, литературнымъ своимъ авторитетомъ. Безъ Жюль-Жанена Рашель, можетъ статься, не была бы ангажирована на театрѣ, ибо дебюты ея кончились, когда Жаненъ возвратился въ Парижъ. Что касается до надеждъ классиковъ на Рашель, то онѣ скоро вовсе уничтожатся: Рашель намѣрена играть въ трагедіяхъ, которыя

пишутъ для нея Ламартинъ, Гюго и Сулье. Рашель распрощается съ классическимъ репертуаромъ, и, можетъ быть, навсегда.

Изъ частныхъ театровъ наиболее славится *Театръ Возрожденія*. Тутъ играетъ *Фридерикъ Леметръ*, создавшій въ первыя роли въ драмахъ Гюго и Дюма. Слава его велика въ Парижъ, но ему далеко, очень далеко до Каратыгина. Фридерикъ уменъ и образованъ, понимаетъ роли хорошо, создаетъ отчетливо, но, во время исполненія, средства ему измѣняются. Онъ не имѣетъ ни величественной фигуры Каратыгина, ни его исполинской силы; но все таки славится въ Парижъ: у него нѣтъ соперниковъ. Въ *Театръ Пале-Рояль* играетъ несравненная *Дежазе*, олицетворенная гризетка, хитрая плутовка, которая часто говоритъ безъ словъ, однимъ движеніями лица и глазъ. Она неподражаемо хороша въ роляхъ крестьянокъ, гризетокъ и женщинъ сомнительнаго поведенія, а въ мужскихъ роляхъ развязна, игрива, дерзка. Про нее сказалъ Гейне: «Сколько должна была эта женщина претерпѣть пораженій на полъ добродѣтели, если дошла до такого совершенства на сценѣ!» Дежазе уже стара, но худа, мала ростомъ, и кажется еще молоденькою. Въ *Variété* славятся любимцы Парижа *Верне* и *Одрм*. Верне играетъ смѣшныхъ стариковъ, которые остались при прежнихъ понятіяхъ, когда нынѣшнее поколѣніе измѣнилось и шло впередъ. Тутъ особенный родъ комизма, имъ самимъ созданный, родъ трудный, требующій ума аналитическаго, наблюдательнаго. При мнѣ, онъ создалъ роль *Фебуса*, площаднаго писца, роль, неизмѣющую у насъ такого значенія, какъ въ Парижъ, гдѣ она выраженіе части Французскаго народа, которая во время Июльскихъ переворотовъ рѣшилась на политическое самоубійство и отреклась отъ отчизны. Въ роль Фебуса Верне является великимъ комикомъ и великимъ трагикомъ. Когда онъ говоритъ о новомъ порядкѣ, о новыхъ учрежденіяхъ, онъ такъ мастерски смѣется надъ такъ называемыми *улучшеніями*, что зритель хохочетъ до слезъ. Когда вспоминаетъ онъ о прежнемъ ходѣ дѣлъ, негодованіе его кипитъ, голосъ становится трогательнымъ и зритель готовъ плакать. Такое соединеніе высокаго трагическаго чувства съ самымъ уморительнымъ комизмомъ производитъ эффектъ удивитель-

ный. Одри играетъ роли носильщиковъ, подецьщиковъ, всѣхъ людей, какіе толпятся на рынкахъ и площадяхъ, спятъ на соломе и объѣдаютъ безъ ложекъ. Онъ прославился своими остротами и каламбурами; къ каждой роли, онъ прибавляетъ половину своего, а каламбуровъ его не сочтешь. Одинъ разъ, при мнѣ, неосторожно оторвали у него фалду фрака; онъ поднялъ ее, подошелъ къ рампѣ, и началъ говорить каламбуры на слово *rap* (фалда). Я не вздумалъ считать ихъ, но ихъ было болѣе тридцати. Онъ началъ съ *раоп* (павлина); потомъ приплелъ: *rap* (Панъ), *rapcarre*, *rapcarte*, *rapcasse*, *randere*, *randurg*, *randouge*, *ransage*, *ransard*, *ranser*, *penser*, *raptalon*, *pante*, *penle*, *penchant*, *pendage*, *pendu*, *guet-à-pens*, *serpent*, и пр. и пр. Каламбуры лились сами собою. «Что мнѣ дѣлать съ этимъ кускомъ (*rap*)? говорилъ Одри.» Не пришить ли сюда *каблукъ* (*talon*)? Тогда у меня будутъ даровые *панталоны* (*raptalon*). Нѣтъ! лучше пришью *карту* (*carte*); тогда не нужно идти въ типографію: у меня будетъ даровое *объявленіе* (*rapcarte*),» и т. д. Отдавая наконецъ оторванную фалду неосторожному актеру, онъ сказалъ ему: «Возьми, братъ, этотъ кусокъ себѣ; ты будешь мнѣ имъ *долженъ*, а фалда будетъ *повышенной* (*ce sera un rap dû, rendu*).» Вся эта исторія продолжалась съ полчаса. Публика хохотала и пѣса имѣла успѣхъ, потому, что Одри, въ слышующія представленія, повторялъ ту же продѣлку.

На другихъ театрахъ Парижъ любитъ смотрѣть *Вольни* и *Дорваль*; обѣ равно превосходны, равно достойны громкой репутаціи, которою пользуются. Г-жа Вольни (*Леонтина Фе*) вышла на сцену одиннадцати лѣтъ, въ *Фрозинь*, и имѣла такой успѣхъ, что ее прозвали *чудою* (*la merveille*). Теперь ей лѣтъ тридцать, но она мила, хороша собой, и еще очень молода на сценѣ. Дарованіе г-жи Дорваль развилось съ появленіемъ новыхъ драмъ; новые писатели обязаны ей половиною своихъ успѣховъ. Обладая такою же чувствительностью, какъ Рашель, Дорваль умѣетъ владѣть собою и превзошла бы *Жидовку*, еслибы захотѣла только играть въ *классическіе* трагедіяхъ. Но это невозможно по многимъ причинамъ: во первыхъ, общники Французскаго Театра не допустятъ ее въ свое общество, потому

что ея дарованіе много содѣйствовало ихъ упадку; во вторыхъ, сама Дорваль не захочетъ бросить Гюго, Дюма, Сулье, которымъ такъ удачно подада руку помощи.

Между комическихкими молодыми актерами первое мѣсто принадлежитъ *Арналю*. Онъ обладаетъ удивительною веселостью; смотря на него становишься веселѣе. Онъ не поддѣлываетъ брюха, не расписываетъ лица, не уродуетъ себя; играетъ въ обыкновенномъ платьѣ, съ лицомъ, какое дала ему природа, а все таки смѣшитъ до упаду. Это идеаль комическаго артиста!

Парижскіе театральные нравы вовсе непохожи на наши. Все дѣлается иначе. Билеты продаются на улицахъ. Ловкіе промышленники покупаютъ почти даромъ билеты улицъ, имѣющихъ безденежный входъ въ театры, и потомъ перепродаютъ за полцѣны. Если всѣ такіе билеты распроданы, вы должны идти въ *хвостъ*, о которомъ я говорилъ. Если хвостъ великъ, и вы не надѣетесь достать билета, можете купить мѣсто въ хвостъ. Промышленники приходятъ равнѣ другихъ, становятся у кассы и продаютъ свои мѣста, за 10 или 20 су, смотря по длинѣ хвоста. Купивъ мѣсто, вы замѣняете промышленника, который отправляется кушать за ваше здоровье. Мѣлкая промышленность облегчила продажу и покупку билетовъ.

Войдя въ театръ, вы не ищете капельдинера, ловкая *ouvreuse*, съ ласковою, неизмѣнною улыбочкою, беретъ у васъ билетъ и сажаетъ васъ на мѣсто. Она даетъ вамъ трубку на весь вечеръ, за 10 су, аффишу, за 3 су (15 коп.), да, какую аффишу? Цѣлую газету, гдѣ извѣстія о всѣхъ театральныхъ и музыкальныхъ новостяхъ, разсказы о новыхъ происшествіяхъ, статьи о нравахъ, біографіи актеровъ, драматическихкихъ писателей, композитеровъ, и проч. Читаете на досугъ до начала пьесы. Сидите въ шляпѣ, какъ угодно, а снимите ее при поднятіи завѣса, изъ уваженія къ драматическому искусству. Въ антрактахъ шляпы опять надѣваются, зала наводняется промышленниками, которые кричатъ о своихъ товарахъ громко, какъ на улицѣ. Одинъ продаетъ *Entr'acte* и *Vert-Vert*, другой *le Moniteur Parisien*, третій играемую пьесу, четвертый трубки и лорнеты. Въ маленькихъ театрахъ, если жарко, снимаютъ блузы и остаются въ однихъ жилетахъ.

былъ въ Байоннѣ и отправился въ По. — Персидскій Посоль отплылъ изъ Марсели въ Царьградъ, 19-го Сентября. Съ нимъ отправились 10-ть Французскихъ унтеръ-офицеровъ, поступившихъ въ Персидскую службу.

Испанія.

Удаленіе Дошъ Карлоса, какъ можно было предвидѣть, не прекратило бѣдствій Испаніи: Кабрера и Эспанья рѣшительно не пошли ни на какія условія, и недожидаясь прибытія Эспартеро, открыли сильныя и паступательныя дѣйствія. Первый, объявивъ себя главнокомандующимъ войскъ Короля Карла V-го, учредилъ юнту, и отчаянно сражается съ Христиносами, грабя, захватывая, что успѣетъ, и разбивая ихъ отряды. Въ Куэнсѣ, послѣ упорной битвы, 31-го Августа, взялъ онъ 2000 плѣнныхъ. Форкадель и Бальмаседа усердно подкрѣпляютъ его. — Гвадалахара, Арагонія и Кастилія сдѣлались горестными жертвами отчаяннаго боя партій. Города Каламаха и Арбалати выжжены Карлистами. Кампредонъ занятъ ими 22-го Сентября. — Послѣ быстрого перехода, Эспартеро остановился; онъ готовитъ планъ общаго очищенія, а между тѣмъ требуетъ пособій. — Одоннель отправленъ съ войскомъ на Кантавеху и Морелью.

Сентября 1-го, Королева-Правительница открыла рѣчью засѣданія Кортесовъ. — Правительство подтверждаетъ всѣ обѣщанныя Эспартеро льготы и древнія привилегіи, или *фуэросы*, покорившимся областямъ, не смотря на сильную оппозицію Кортесовъ. Эспартеро предположено наградить помѣстьемъ, какое угодно будетъ ему выбрать, съ милліонномъ реаловъ (250,000 фр.) ежегоднаго дохода, и

Т. XI. — Отд. V. 2⁵/₄

кроме того пожаловать ему орденъ Золотого Руна и брилльянтовый камергерскій ключъ.

Донъ Карлосъ находится въ Буржѣ. Послѣ перехода во Францію, онъ отправилъ къ Королю Французскому письмо, гдѣ предлагалъ отказаться отъ всѣхъ правъ своихъ на Испанскій престолъ, если предоставятъ ему и роду его право наслѣдство въ случаѣ бездѣтной смерти нынѣшней Королевы, возвратятъ званіе Инфанта Испаніи и помѣстья въ Испаніи, дадутъ приличную пенсію, и позволятъ жить въ помѣстьяхъ супруги его близъ Зальцбурга. — Пишутъ, что ушедшіе во Францію Карлисты находятся въ крайней бѣдности, и представляютъ примѣръ людей, потерявшихъ въ многолѣтнемъ междоусобіи всякое чувство религіи и нравственности. Они показываютъ удивительную безпечность къ своему жребію и совершенное равнодушіе къ своему дѣлу. Но среди примѣровъ трогательной приверженности къ изгнанному претенденту можно поставить поступокъ одного Карлистскаго батальона: защищая Донъ Карлоса, при переходѣ его во Францію, онъ почти весь легъ на мѣсть, сражаясь съ превосходными силами Эспартеро, хотя и видѣлъ уже безнадѣжность дѣла, и то, что и самый *священный легионъ* Донъ Карлоса, составленный изъ офицеровъ, и защищавшій знамя Божіей Матери, оставилъ оружіе и бѣжалъ. Сей вѣрный батальонъ назывался *Кантабрійскими*; начальникъ его *Гутіерресъ* убитъ, и спаслся изъ него немногіе. — Въ числѣ знатнѣйшихъ Карлистовъ, бѣжавшихъ во Францію, находятся: Герцогъ Гренадскій, Графъ Каза-Эгвіа, Маркизъ Вальдеспина, начальникъ инженеровъ донъ Сильвестръ, Донъ Эрросъ Іосифъ, почтъ-директоръ, секретарь, омонье Донъ Карлоса, и славные Карлистскіе наѣд-

ники *Мерино*, *Базиліо Гарціа*, *Эисверриа*. — Говорятъ что Марото получилъ за свое покореніе Христіансамъ 6-тъ милліоновъ фр., а помощникъ его, Урбистондо, полмилліона.

Къ числу безумныхъ предпріятій, какія всегда являются при несчастныхъ смятеніяхъ междоусобій, принадлежитъ объявленіе *республики* въ Гвипускоѣ; начальникомъ сего нелѣпаго предпріятія былъ *Лардизабаль*, тотъ самый адвокатъ, который въ 1833 году первый провозгласилъ имя Донъ Карлоса въ Гвипускоѣ. Но на сей разъ провозглашеніе не имѣло успѣха, хотя до 500 бродягъ собралось было къ нему. Ихъ разогналъ отрядъ войска Королевскаго.

Долги Испаніи возрасли до безмѣрныхъ суммъ, и едвали найдутся какія либо мѣры привести въ скоромъ времени въ порядокъ финансовое разстройство Испанскаго королевства. Внутренній долгъ составляетъ до 50-ти милліоновъ ф. ст.; вѣншній болѣе 40-ка, а требованія по разнымъ незаплаченнымъ ликвидаціямъ болѣе 270-ти, то есть, всего, по крайней мѣрѣ 350 милліоновъ ф. ст. (8,750 милліоновъ рублей), не считая невыплаченныхъ процентовъ по займамъ за нѣсколько лѣтъ, хотя они и были признаны Правительствомъ.

ПОРТУГАЛІЯ.

Слухи объ открытіи въ Лиссабонѣ обширнаго заговора Мигуэлистскаго подтверждаются. Подробности все еще неизвѣстны, но многіе значительные особы въ Лиссабонѣ и Брагѣ арестованы; въ числѣ ихъ находится нѣкто богатый помѣщикъ Браганцскій Альбукеркъ. Онъ посаженъ въ тайную государственную темницу.

ГЕРМАНИЯ.

Герцогъ Бордоскій предпринялъ путешествіе по Италіи. Мать его, Герцогиня Беррійская, находится теперь въ Римѣ.

Въ Австріи объявлены многія повышенія по войску, и произведены разныя переменны въ мѣствомъ управленіи: *Ландграфъ Гессенъ-Голбургскій*, главнокомандующій въ Иллирии и Тиролю, назначенъ губернаторомъ крѣпости Маицкой, а *графъ Лейнингенъ-Вестербургъ*, военный губернаторъ Тирольской, вице Губернаторомъ сей крѣпости; *графъ Маззучелли* опредѣленъ губернаторомъ Мантуи, а на мѣсто его военнымъ губернаторомъ Моравіи и Силезіи назначенъ *графъ Вугентъ*; *баронъ Лангенау* пожалованъ главнокомандующимъ въ Иллирии, Нижней Австріи и Тиролю, а на мѣсто его главнокомандующимъ въ Галиціи фельдм. лейтенантъ *Ретзей фонъ-Ретзе*; *Князь Бенггеймъ Штейнфуртъ* помощникомъ главнокомандующаго въ Нижней Австріи; *баронъ Жеральдъ* начальникомъ въ Баннатѣ; *баронъ Кзорихъ-Монте-Кредо* начальникомъ Тироля; фельдм. лейт. *Фицгеральдъ* коммендантомъ Кенигсгретца; *баронъ Плумгартенъ* коммендантомъ Праги, и проч.

ИТАЛІЯ.

Если вѣрить слухамъ, неожиданная война начинается между *Неаполемъ* и *Марокко*, за оскорбленіи, причиненныя Неаполитанскому Консулу. Часть Неаполитанской эскадры, отправляемой къ Африканскимъ берегамъ, находится теперь въ Тулонѣ; сборное мѣсто ея назначено въ Гибралтарѣ.

Сентября 17-го, Королева Неаполитанская разрѣшилась отъ бремени принцомъ.

Турція.

Все, что до сихъ извѣстно достовѣрнаго, касательно дѣлъ на Востокѣ, состоитъ въ томъ, что переговоры съ Мегеметомъ-Али, въ слѣдствіе коихъ Порты соглашалась утвердить въ его потомственномъ владѣніи правленіе Египтомъ, отказывая въ таковомъ же утвержденіи Сиріи и другихъ областей, не имѣли успѣха. Хитрый правитель Египта требуетъ утвержденія въ его родѣ потомственной власти надъ всѣми областями, коими управляетъ онъ нынѣ, а безъ того не отдаетъ Турецкаго флота, не соглашается и на миръ и признаніе власти Султана. Всѣ сія обстоятельства объясняетъ нота, переданная отъ имени Султана Посламъ пяти Державъ, принимающихъ на себя посредничество въ спорѣ между Турціею и Египтомъ. Содержаніе ея состоитъ въ слѣдующемъ: и Султанъ Абдуль-Меджидъ, желая сохраненія мира и спокойствія, и милосердуя объ ослѣпленіи непокорнаго раба, по вступленіи своемъ на престолъ, простилъ Пашу Египетскаго Мегемета-Али, и намѣревался даровать ему наследственное право въ Египтѣ. Уже назначенъ былъ чиновникъ, для переговоровъ съ нимъ, когда представители пяти Державъ уведомили Порту, что въ слѣдствіе конвенцій, заключенной между ихъ Дворами, имъ поручено устроить дѣла Востока. Порты считала необходимымъ немедленно сообщить о томъ Мегемету-Али. Но между тѣмъ, какъ она, съ полнымъ довѣріемъ, выжидала слѣдствія представленій, сдѣланныхъ Мегемету пятью Державами, Паша дерзнулъ требовать наследственного права по всѣхъ областяхъ, вѣренныхъ его управленію. Онъ объявилъ, что возвращеніе флота Турецкаго зависитъ отъ удовлетворенія его требованія и отъ смѣны нѣкоторыхъ высшихъ

чиновниковъ. Паша осмѣлился даже послать возмутительныя прокламаціи къ Визирямъ Румелии и Анатолиі, побуждая ихъ къ возстанію. Сіи поступки Мегемета-Али доказываютъ измѣну его противъ своего Государя. Порта полагаясь на великія Державы, которыя согласились положить конецъ горестнымъ распрямъ, желаетъ, чтобы онѣ побудили Египетскаго Пашу возвратиться къ своему долгу, выдать Турецкій флотъ, отказаться отъ наслѣдственнаго права въ Сириі, отъ требованія смѣны Хозрева-Паши, отъ возмутительныхъ плановъ въ провинціяхъ, и спокойно выжидать рѣшеній пяти Державъ и вѣрнотнаго утвержденія ихъ Султаномъ. Въ слѣдствіи сего, Высокая Порта проситъ Гг. представителей препроводить къ своимъ Дворамъ настоящую ноту, требовать необходимыхъ инструкцій и сообщить ихъ Портѣ.»

Содержаніе сей окончательной ноты, и отвѣтъ на нее Пословъ пяти Державъ, что ни въ какомъ случаѣ не допустятъ онѣ раздѣленія власти Султана, сообщены были Мегемету-Али Гафизъ-Беємъ, и адъютантомъ Адмирала Руссена, прибывшими для того, 5-го Августа, въ Александрію, причемъ Консуламъ пяти Державъ поручено объявить Пашѣ, что всякое тайное условіе будетъ посредниками признано недействительнымъ. Отвѣтъ Мегемета-Али полученъ въ Царьградѣ 15-го Августа. Немедленно было совѣщаніе Европейскихъ дипломатовъ и Министровъ Порты, въ слѣдствіе котораго Послы снова увѣрили Порту, что они остаются при своихъ прежнихъ намѣреніяхъ, и что потому Правительство Султана можетъ быть спокойнымъ, и совершенно положиться на нихъ въ дѣлѣ, которое дѣлалось ихъ собственнымъ. Они объявили, что будутъ дѣйствовать рѣшительно, лишь только получатъ отъ своихъ

Дворовъ послѣднія инструкціи, ожидаемыя ежечасно. Это сообщеніе было принято Портою съ искреннею признательностью, и съ довѣріемъ достойнымъ представителямъ пяти великихъ Державъ, которыя всегда обнаруживали истинное расположеніе къ Турціи, и въ особенности въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ представили ясныя доказательства желанія ихъ защитить Оттоманскую имперію. — На другой день послѣ сего сообщенія, 17-го числа, происходилъ въ Портѣ чрезвычайный совѣтъ, въ которомъ присутствовали министры, высшіе чиновники, члены Дивана и многіе улемы. Отвѣтъ Мегемета-Али прочтенъ, и сдѣлался предметомъ довольно продолжительнаго пренія. Потомъ сообщил собранію новое объявленіе. Пословъ, что утвердило Диванъ въ его рѣшимости совершенно положиться въ Египетскомъ вопросѣ на мѣры союзныхъ Державъ.

Между тѣмъ, за неизмѣнимъ положительныхъ извѣстій, Европейскіе журналисты стараются удовольствоваться любопытство читателей своихъ разными слухами. Такъ, на примѣръ, писали, что Сирія бунтуетъ противъ Ибрагима; что Гафизъ-Паша съ остальными войсками передался къ Ибрагиму; что въ разныхъ мѣстахъ захвачены шпіоны Мегемета-Али, возмущавшіе народъ, и проч. и проч.

Гораздо достовѣрнѣе извѣстіе, что Курды снова возмутились противъ Турціи, но и оно потомъ не подтвердилось. — Решидъ-Паша прибылъ въ Царьградъ, и 7-го Сентября вступилъ въ управленіе Министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. — Повелѣніемъ Султана, Министерство Финансовъ раздѣлено на двѣ части: государственное казначейство и управленіе государственными имуществами.

Самое замѣчательное событіе въ Восточныхъ дѣлахъ состоитъ въ смѣнѣ Французскаго Посла, адмирала *Русселя*. Мѣсто его заступаетъ г-нъ Понтуа, бывший посломъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

А з і я.

Положеніе Египетскихъ войскъ въ Сириіи остается прежнее: Ибрагимъ-Паша находится въ Марашѣ, Селимъ-Паша въ Орфѣ, Ахметъ-Паша въ Аданѣ, Салиманъ-Паша въ Антебѣ. — Гафизъ-Паша занимаетъ окрестности Малатіи.

Важнѣйшее событіе въ Средней Азіи составляетъ смерть знаменитаго магараджи *Ренджитъ-Синга*. Онъ умеръ 27-го Іюня, на 60 году отъ рожденія. Сынъ его, *Куррухъ-Сингъ*, наследовалъ ему, и смятеній, какихъ можно было ожидать, не воспослѣдовало. Новый Царь Сеиковъ подтвердилъ Англичанамъ дружбу. — Англійское войско двинулось на Кабуль. Открыты измѣнническія сношенія эмировъ Синда съ Достъ-Магометомъ, и Англичане рѣшаются истребить сихъ безпокойныхъ подвластныхъ князей. Съ Бирманіею снова начались неудовольствія.

Ассамскій чай обращаетъ особенное вниманіе Англичанъ. Они выписываютъ Китайцовъ для обработки его.

Жестокое гоненіе на христіанъ въ Кохинхинѣ продолжается. Извѣстія о свирѣпствѣ его, какія получаютъ оттуда, заставляютъ содрогаться. Мингъ-Мингъ, фанатикъ религіи Китайцовъ, истощаетъ всѣ средства уничтожить христіанство страхомъ безчеловѣчныхъ наказаній. — Въ Сіамѣ объявлено строгое запрещеніе на торговлю опиумомъ. Правительство захватило Англійскій корабль, приплывшій въ

Во время представленія требуютъ той, или другой пьесы, выгоняютъ вонъ безпокойныхъ поствитителей, хлопаютъ, свистятъ, хохочутъ, бранятся, и

все такъ живо, безпокойно,

что можно смотрѣть на партеръ, если пьеса скучна, или давно знакома.

При такомъ устройствѣ театровъ, при такомъ множествѣ самыхъ разнообразныхъ дарованій, удивительно ли, что Парижскіе театры всегда наполнены? Ежедневно даются новости. Въ 1838 году дано 285 новыхъ пьесъ — почти по одной пьесѣ на день. Ежегодно число пьесъ и драматическихъ писателей возрастаетъ. Въ 1834 году играно 188 новыхъ пьесъ, въ 1835 — 221, въ 1836 — 296, въ 1837 — 298. Въ 1838 году было бы ихъ еще болѣе, еслибы въ началъ года не сгорѣлъ театръ Водевилья, на которомъ обыкновенно дается очень много новостей. Число драматическихъ писателей, возрасло нынѣ до 250 человекъ. Какое сценическое богатство! Есть чѣмъ подвѣяться съ Лондономъ, Вьною и Петербургомъ!

Нѣтъ сомнѣнія, что Парижскіе театры могутъ подняться еще выше, но это было бы лишнее. Они могутъ удвоить число дарованій, число новостей, но и теперь нечего болѣе желать: въ иной день хочется идти въ три театра вдругъ, видѣть три дарованія разомъ, посмотреть на три драматическія новости. Остается только пожелать, чтобы Парижъ умѣлъ цѣнить вольное, промышленное соперничество, такъ много содѣйствующее успѣхамъ сценическаго искусства, славу артистовъ и благосостоянію театровъ, и чтобы поощрялъ частные театры преимущественно передъ Королевскими. Последніе всегда будутъ поддерживаться монополією, а частные могутъ процвѣтать только при постоянномъ пособіи и вниманіи Парижскихъ любителей театра.

ВЛАД. СТРОЕВЪ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ числѣ памятниковъ благочестія, украшающихъ знаменитый Воскресенскій монастырь, близъ Москвы находящійся, кто съ благоговѣніемъ не созерцалъ придела, сооруженнаго нынѣ благополучно царствующимъ Монархомъ нашимъ, въ память рожденія Е. И. В. Государя Цесаревича Наслѣдника? Постывъ святую обитель въ 1837 году, юный Царевичъ пожелалъ посвятить лампаду, отъ Своего имени, въ сей достопамятный приделъ, и кромѣ того украсить мраморомъ внутренность пещеры Гроба Господня, по подобію Іерусалимской настоящей Гробницы, освѣтивъ притомъ сію пещеру девятью серебряными лампадами, отъ всѣхъ членовъ Августѣйшаго Императорскаго Семейства. По совершеніи всѣхъ, произведенныхъ въ слѣдствіе того, подъ смотрѣніемъ Московскаго Митрополита Филарета, работъ и украшеній, Августа 11-го сего года совершенно было торжественное обновленіе и освѣщеніе великолѣпно украшенной пещеры Гроба Господня, въ присутствіи самого Митрополита. Молитвы предстоящихъ слились съ общимъ желаніемъ всѣхъ Рускихъ, да продлитъ и прославитъ Богъ вѣкъ и жизнь того, кто ознаменовываетъ юность свою подвигами благочестія, по примѣру Августѣйшаго Родителя и великихъ Предковъ его!

—

Двадцать пять лѣтъ совершилось съ тѣхъ поръ, какъ почтенный основатель Русскаго Инвалида, *П. П. Полианъ-Пезаровиусъ*, представилъ собранныя имъ 395,000 рублей, и волею Благословеннаго учрежденъ былъ Комитетъ Инвалидный, 18-го Августа 1814 года. Благое начало, положенное общимъ усердіемъ, сколь великія произвело слѣдствія! Всѣ роды пособій истощены были усердіемъ Комитета для воиновъ, положившихъ животъ на брани за Отечество, или пострадавшихъ и изувѣченныхъ въ битвахъ. Вотъ дѣйствія Комитета съ 1814 года: 10,338,080 рублей раздано пенсій 1936-ти генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ, 4,578,973 р. 1298-ми семействамъ и сиротамъ, и 5,058,348 р. 9713-ти инвалидамъ изъ высшихъ чиновъ;

2785 генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ получили единовременныхъ пособій 1,531,966 р., 512 вдовъ 52,360 р., 1479 сиротъ 1,515,246 р., 3022 инвалида изъ высшихъ чиновъ 96,417 р. — Всего призрѣно и облагодѣтельствовано болѣе 26,500 челоувѣкъ; денежные пособія, данныя имъ, составили — 23,183,392 рубля! Нынѣ находятся подъ завѣдываніемъ Комитета: *Чесменская Военная Богодѣльня, Московская Военная Богодѣльня, Патриотическій Институтъ Комитета, Триумфальныя Ворота въ честь Гвардейскаго Корпуса, Дача Руманцова* близъ Петербурга, 180 душъ крестьянъ въ Вологодской губ., вносящихъ въ Комитетъ ежегодно по 1500 рублей, *Бородинскій*, и всѣ другіе памятники отечественной войны 1812 года. Главные источники доходовъ Комитета составляли доннынъ щедроты и отдѣленные для него доходы отъ Правительства (всего болѣе 37-ми милліоновъ въ теченіе 25 лѣтъ). Благословенный Александръ и нынѣ благополучно царствующій Монархъ пожертвовали, кромѣ того, жалованье, слѣдующее имъ по званію Шефа Преображенскаго полка, и сколь усладительно видѣть, что десятки, сотни тысячъ лились притомъ отсюду въ пользу братинъ, спасавшей насъ на поляхъ брани и чести! Въ числѣ жертвователей первое мѣсто принадлежитъ благотворительнымъ *Демидовымъ*: родитель П. Н. Демидова пожертвовалъ въ Комитетъ 100,000 р., а самъ П. Н. Демидовъ 325,000 р. и проценты съ такой же суммы. Далѣе находимъ имена *Румяновъ*: Графомъ Н. П. пожертвовано было 237,742 р., Графомъ С. П. болѣе 272,000 р. — И другіе богачи также удѣляли, отъ богатствъ своихъ: поручикъ *Пашковъ* взнесъ въ Комитетъ 100,000, ст. сов. *Яковлевъ* 100,000 р., генералъ *Де-Лассій* 237,000 р.; Князь *Голицынъ* 127,000 р., Графиня *Браницкая* 200,000 р., капитанъ *Горихвостовъ* 150,000 р., Графъ *Шереметевъ* 10,000 р., д. т. с. *Безбародко* 50,000 р., Графиня *Ланжеронъ* 25,000 р., ст. сов. *Полтарацкій* 50,000 р., и проч. — Отъ обществъ были также взносы (купцы Петербургскіе пожертвовали 50 т., Московскіе 50, Московскіе фабриканты 40 т., Костромскіе дворяне 50 т., Нижегородская губернія 40 т., Таврическая 26 т., Уральское войско 10 т., и проч.). Такъ добрая мысль частнаго челоувѣка при-

вела въ движеніе огромныя суммы для добра: имя *Пеэаровіуса* будетъ памятно въ лѣтописяхъ благотворенія!

Августа 23-го, въ Тобольскѣ торжественно открытъ *памятникъ Ермаку Тимофеевичу*. Тамъ, гдѣ за 250 лѣтъ, на берегахъ Иртыша и Тобола, сражался и погибъ нашъ полудикій Кортезъ, потомство увѣковѣчило память его благодарнымъ воспоминаніемъ.

Трогательнаго праздника былъ свидѣтелемъ Оренбургъ, Августа 22-го: 80-ть человекъ Рускихъ, томившихся въ тяжкомъ плѣну у Хивинцовъ, и освобожденныхъ по требованію нашего Правительства, прибыли въ Оренбургъ, и были торжественно и радушно встрѣчены, угощены и одарены начальникомъ губерніи и добрыми земляками. Тотъ, кто знаетъ подробности плѣна въ Азіи, только тотъ можетъ судить о радости освобожденныхъ, возвращенныхъ отечеству и православію, обласканныхъ привѣтомъ земляковъ страдальцовъ.... Они плакали, рыдали, сидя за роскошнымъ столомъ.... Здѣсь можно вспомнить о подобномъ торжествѣ, по случаю перваго освобожденія Хивинскихъ страдальцовъ въ 1837 году, 25-ти человекъ. Ихъ встрѣтили тогда съ крестами и духовною процессією; толпы народа ждали ихъ подлѣ города, на степи; въ числѣ ихъ былъ одинъ старецъ, проведеншій въ плѣну *пятьдесятъ пять лѣтъ*; къ угощенію, тогда сдѣланному, трехъ дряхлыхъ и хилыхъ стариковъ несли на рукахъ; одинъ старикъ тащился на клюкъ, хотя ему было 120 лѣтъ. Въ числѣ нынѣ освобожденныхъ плѣнниковъ находится Черноморскій казакъ, взятый Персіянами подлѣ Эриванью; его продали въ Астрабадъ, потомъ въ Туркменію, и наконецъ онъ попалъ въ Хиву.

Принадлежащій нашей Американской Компаніи бригъ, *Охотскъ* прибылъ изъ Ситхи въ Охотскъ, (Іюня) 26-го,

съ грузомъ на $1\frac{1}{2}$ милльона рублей. Юля 8-го пришелъ въ Охотскъ Компанейскій ботъ *Уналашка*, отъ Курильскихъ острововъ, съ грузомъ на 100,000 рублей, а 13-го прибылъ изъ Ситхи бригъ *Байкаль*. Въ Американскихъ колоніяхъ нашихъ все благополучно.

Наконецъ, мы дождались *поготовилъ кареты и дилижансовъ*. Давно ли со страхомъ воображалъ каждый путешественникъ объ ужасной прогулкѣ по Валдайскимъ горамъ, Новгородскимъ бревешкамъ, Тверскимъ пескамъ, когда отправлялся изъ Москвы въ Петербургъ! И вотъ, сперва *шоссе*, какъ гладкая лента, пролегло между двумя столицами: за 50 рублей ѣдете теперь по немъ въ каретѣ, а наконецъ предположено завести между Москвою и Петербургомъ и *поготовилъ кареты и брмки, для возки поствъ и пассажировъ* (*maille-postes* и почтовые дилижансы). Высочайшее утверженіе на сей полезный проэктъ почтоваго начальства послѣдовало 11-го Августа.

Въ первой половинѣ сего года, съ 1-го Января до 1-го Юля, на Уральскихъ заводахъ въ Сибири, добыто и привезено въ Петербургъ *золота* болѣе $166\frac{1}{2}$ пудовъ, и *платины* $49\frac{1}{4}$ пудовъ. Кромъ казенной выработки (75 пуд.), на частныхъ заводахъ болѣе добыто золота: у г-на корнета Яковлева — около 28 пудовъ; гг. Демидовыхъ — около $8\frac{1}{2}$; гг. Турчаниновыхъ — 13 пуд.; дѣйств. ст. сов. Яковлева — 9 пуд., и проч. — Промыселъ *платины* почти весь произведенъ съ заводовъ гг. Демидовыхъ. — По официалнымъ свѣдѣніямъ исчислено, что въ теченіе 16-ти лѣтъ, съ 1823 г., получено изъ Сибири: *золота* — 5150 пуд. $12\frac{1}{2}$ ф., *платины* 1259 п. 4 ф., *золотистаго серебра* 18,005 п. $37\frac{1}{2}$ ф. — Обороты С. Петербургскаго Монетнаго Двора въ теченіе 16-ти лѣтъ образовали огромныя капиталы. Приходъ на Монетный Дворъ составилъ: *золота* 7,246 пудовъ, а *серебра* 50,751 пудъ (въ томъ числѣ изъ контрибуціи Персидской и Турецкой поступило: *золота*

790 пудовъ, серебра 3244 пуда); передѣлано въ монету: золота на 85,482,139 зол. рублей, серебра на 48,764,823, и платины на 2,458,009 серебр. рублей (золотой рубль 3⁰/₀ дороже серебрянаго). Такъ всего выдѣлано золотой, платинной и серебряной монеты *болѣе, нежели на 500 милліоновъ!*

Драгоценная Сибирская находка — алмазь, подтверждается снова приискомъ сего драгоценнаго камня. Въ нынѣшнемъ году нашли его, Оренбургской губерніи, Верхне-Уральскаго уезда, въ Успенской розсыпи, между обломками сѣраго известняка, окаменѣlostямъ кварца, сланца, желѣзнаго камня и желѣзными рудами. Розсыпь сія принадлежитъ ген.-лейт. Жемчужникову съ компанією. Найденный камень въ $\frac{7}{8}$ карата; цвѣтъ его желтоватый, а видъ составляетъ продолговатый восьмисторонникъ (октоэдръ). Не менѣе алмазовъ драгоценны для насъ находки *каменнаго угля*. По новымъ изысканіямъ, онъ открытъ вновь въ Кавказской губ., Ставропольскаго уезда, близъ Умаринской крѣпости, въ верховьяхъ Кубани, въ 165 верстахъ отъ Ставрополя, и оказался доброты весьма хорошей. — По стариннымъ извѣстіямъ полагали, что каменный уголь находится и въ Новгородской губерніи; въ нынѣшнемъ году открыли его на рѣчкѣ Прыкъшъ, въ 9-ти верстахъ отъ рѣки Мсты, въ 90 верстахъ отъ Боровичъ, пластомъ аршина въ два; 4000 пуд. привезено уже въ Петербургъ, и онъ оказывается весьма добротнымъ, а съ доставкою отъ мѣста до Петербурга можетъ стоить не дороже 25 коп. за пудъ. Какое важное будетъ дѣло, если мы, хотя отчасти, уменьшимъ тяжкую подать, налагаемую на насъ (и на цѣлый свѣтъ) Англію, при нынѣшней ужасной пропорціи каменнаго угля, потребнаго для пароходовъ, паровозовъ, паровыхъ машинъ и множества работъ, гдѣ онъ требуется. Исчислено, что капиталъ, вырочаемый ежегодно Англію за ея каменный уголь, составляетъ 18-ть милліоновъ ф. ст. (450,000,000 рублей! Судите о важности сей отрасли произведеній Англій потому, что капиталъ, добываемый изъ всѣхъ въ мѣрѣ рудниковъ золота и серебра, составляетъ ежегодно *не болѣе полови-*

мы означенной суммы, т. е., не болѣе *девяти миллионъ* ф. с. (225 милл. рублей)! Вотъ сокровище лучше рудниковъ Потозы!

Недавно говорили мы о простонародномъ средствѣ излеченія отъ укушенія бѣшеной собаки. Вотъ еще одно такое средство, испытать которое, конечно, постарается каждый другъ челоѵчества, имѣющій на то средства; его открылъ г-нъ Пассекъ, который узналъ его отъ г-на Петерса, бывшаго лекаря Ахтырскаго гусарскаго полка. Въ 1832 г., когда полкъ стоялъ около Житомира, у одного офицера бѣшеная собака укусила собаку. Позвали *знахаря*. Онъ далъ собакѣ какой-то порошокъ, отъ котораго она выздоровѣла. Разсматривая сей порошокъ, г-нъ Петерсъ нашелъ въ немъ зерна какого-то растенія, выбралъ, посадилъ ихъ, взрастилъ, и узналъ, что это весьма обыкновенное растеніе, которое въ обилии родится въ лѣсахъ и по полямъ — *Lotus ornithorodioides* (комоница, стручечный клей). Г-нъ Петерсъ удачно лечилъ послѣ того имъ укушенныхъ бѣшеными собаками животныхъ и людей. Надобно собирать это растеніе, когда оно *начинаетъ созрѣвать*, сушить его на печкѣ, молотъ, и одной столовой ложки достаточно для спасенія укушеннаго челоѵка; порошокъ даютъ въ какой нибудь жидкости, а животнымъ въ ихъ *ѣдъ*, не менѣе 3-хъ ложекъ за разъ.

Читателямъ извѣстно уже предполагаемое заведеніе въ Петербургъ *Высшаго Коммерческаго Пансіона*. Астраханскій купецъ, комм. совѣтникъ и поч. граждан., столь знаменитый своими рыбными промыслами, г-нъ *Сапожниковъ* пожертвовалъ въ пользу его 25,000 р., за что удостоенъ объявленія Монаршаго благоволенія и званія *Поетнаго Члена Совѣта Пансіона*.—Московскіе поч. граждане, и по огромности своего капитала *первыя капиталы* Московскіе, братья *Петръ* и *Владиміръ Семеновичи Алексѣеви*, желая ознаменовать благотвореніемъ радостное для Россіи событіе — бракосочетаніе Е. И. В., В. К.

Мари Николаевны съ Е. И. В. Герцогомъ Лейхтенбергскимъ, пожертвовали 50,000 рублей, съ тѣмъ, чтобы проценты съ сей суммы составляли *Лейхтенбергскую стипендію*, на которую всегда воспитывались бы въ Технологическомъ Институтѣ трое бѣдныхъ сиротъ изъ Московскаго купечества или мѣщанства. Государь Императоръ всемилостивѣйше изволилъ наградить такое благотвореніе пожалованіемъ г-мъ Алексеевымъ ордена Св. Станислава 4-й степени. — Вспомнимъ здѣсь еще подвигъ, хоть и не столь огромный по количеству пожертвованія, но замѣчательный по званію и состоянію благотворителя: Мая 6-го, ужасный пожаръ опустошилъ обширную слободу Медвѣнку, Курской губ. въ Обоянскомъ уездѣ; въ три часа сгорѣло 274 двора. Крестьянинъ *Трофимъ Быковъ* лишился въ общемъ бѣдствіи дома и половины имущества. Но сострадавая безпомощной братіи своей, изъ оставшихся запасовъ пожертвовалъ онъ погорѣвшимъ 126 четвертей ржи, 600 копенъ необмолоченной ржи, 100 копенъ необмолоченнаго овса, и купилъ свидѣтельство на машину г-на Иснара, посредствомъ коей выдѣлываются землѣбитные кирпичи, вводя такимъ образомъ между своими землянками употребленіе сей полезной машины. Напѣлись подражатели Быкову изъ соседнихъ крестьянъ, и еще сложили 300 рублей въ пользу погорѣвшихъ. — Время бѣдствій есть время и великодушныхъ подвиговъ. Недавно благодарность спасенныхъ открыла намъ благотворительное самоотверженіе одного изъ почтенныхъ нашихъ соотечественниковъ — прапорщика 2-го Ластоваго экипажа, г-на Егорова, бывшаго во время извѣстной Петергофской бури, 11-го Юля, на Средне-Невской брандвахтѣ, что на Малой Невѣ. Онъ увидѣлъ оттуда погибавшій боть, съ пятью бывшими въ немъ людьми; двое изъ нихъ пустились было вплавь къ берегу, и — погибли; трое остальныхъ едва держались за мачты залитаго волнами бота — гибель ихъ была неизбежна! Напрасно малолѣтныя дѣти и беременная жена умоляли г-на Егорова неподвергаться явной опасности — онъ бросается въ яликъ, борется съ волнами; яликъ бросаетъ на мѣль, кидаетъ по валамъ — спаситель не страшится — онъ уже близко; подаетъ руки гибнущимъ, которые въ отчаяніи прощались другъ съ другомъ

и готовы были погрузиться на дно рѣки, но ледъ жестоко отбиваетъ волною! Ничто не поколебало г-на Егорова, и—онъ спасъ погибавшихъ. Оказалось, что то были тит. совѣт. *Карль Эдвардсъ*, съ сыномъ и служителемъ, плывшіе на Петергофское гулянье, съ Англійскими купцами, братьями Рейтъ; надвѣясь на искусство плавать, братья Рейтъ бросились къ берегу и утонули, а г-да Эдвардсы обязаны были жизнію только самоотверженію и безстрашію г-на Егорова; не щадя себя, онъ спасъ отца многочисленнаго семейства, и сына, служившаго подпорю его. — *Больше сея любви нѣтъ, еже душу свою положити за ближніе!....* Здѣсь обратимся мы къ подвигу, можетъ быть, и не замѣченному многими въ описаніяхъ, какія помѣщены были объ немъ въ разныхъ газетахъ, но достойному участія общаго: Іюль 17-го, въ городъ Лугъ, Псковской губерніи, двое дѣтей чиновника Плеснева купались въ рѣкѣ и начали тонуть. На крикъ ихъ прибѣжали сынъ мѣщанина *Петра Фомина*, *Яковъ*, сильный молодой человекъ, и тетка его, солдатка *Дарья Степанова*. Тотчасъ бросились онъ и она въ воду. *Яковъ* выхватилъ одного мальчика и отдалъ его теткѣ, бросился за другимъ, и — самъ сталъ тонуть. Тетка въ испугъ едва могла вытащить переданнаго ей мальчика на берегъ. Прибѣжалъ командиръ инвалидной команды, поручикъ *Борисенко*, но только что бросился онъ въ рѣку, какъ члены его онѣмѣли; едва спасся онъ, и былъ потомъ пораженъ параличемъ. Солдатъ *Исай Фроловъ* вытащилъ наконецъ бѣднаго *Якова* и мальчика, котораго спасая, погибъ онъ самъ — было поздно: *Яковъ* и мальчикъ были уже мертвы. *Яковъ* получилъ уже мзду свою на небесахъ—въ томъ нѣтъ сомнѣнія, но, добрые соотечественники! если мы скажемъ вамъ, что *Яковъ* былъ *однимъ сыномъ* у дряхлаго отца и матери, кормилъ ихъ только трудами рукъ своихъ, и теперь они оплакиваютъ горестную потерю его въ бѣдной, безпріютной старости — добрые соотечественники! неужели вы не поможете имъ? Деньги не замѣнять имъ сына, но пусть же увидятъ, узнаютъ они наше участіе — докажемъ, что если Русь обильна примѣрами безотчетнаго добра, она богата и людьми, умѣющими *понимать добра пріятство*, высшее *Крезовыхъ сокровищъ*, какъ говорилъ

Державинъ. Уже благотворительные особы препроводили нѣкоторое малое пособіе къ Редактору *С. Петербургскихъ Вѣдомостей*, который отослалъ присланныя къ нему деньги къ г-ну Лугскому Городничему, для врученія Ѳомину. Пособія можно посылать и прямо въ Лугу, надписывая на имя г-на Городничаго. Не отстанемъ отъ другихъ — удѣлимъ хоть малое отъ избытка! Когда требуется пособіе брату твоему, помни, что ты слышишь голосъ Бога, на добро призывающій, а *егда услышите гласъ его, христіане, не ожесточите сердце вашнхъ!*

Ученыя извѣстія.

Пулковская Обсерваторія возбуждаетъ всеобщее вниманіе. Государь Императоръ, въ лестныхъ изъявленіяхъ удовольствія г-ну Министру Народнаго Просвѣщенія, соизвоилъ сказать, что «осмотрѣвъ лично во всей подробности «всѣ части сего зданія, Онъ удостовѣрился, что изящество построенія не оставляетъ ничего лучшаго желать, а «ученыя пособія, какими оно снабжено, по превосходству «размѣра и отдѣлкѣ инструментовъ, поставили Главную «Пулковскую Обсерваторію въ число образцовыхъ заведеній сего рода.» Послѣ сего всѣ должны постигнуть важность и достоинство новаго ученаго подвига, совершеннаго Россією. Полагая, что каждый изъ насъ долженъ стараться распространять здравыя и основательныя понятія, во всѣхъ важныхъ предметахъ общественнаго вниманія, мы позволяемъ себѣ передать здѣсь нѣсколько словъ изъ прекраснаго практическаго разсужденія, которое недавно издалъ начальникъ Пулковской Обсерваторіи, нашъ знаменитый Струве. Дѣло не въ томъ, чтобы доказывать пользу Обсерваторіи, говорить о *чести*, какую приноситъ она Россіи, или о томъ, что Обсерваторія подаритъ въ будущемъ богатые плоды, не только *наукѣ*, но и *обществу*. Нѣтъ! говоримъ о другомъ. Люди, любящіе толковать о такихъ вещахъ, которыхъ они не понимаютъ, съ важностью судятъ: можетъ ли *въ нашежъ климатѣ*, въ туманахъ сѣвера, Обсерваторія принести всю надлежащую пользу? Найдеть ли она достаточно *предметовъ для занятій*? На-

конецъ — кто поручится за продолжительное постоянство въ ея занятіяхъ? На все это, прямо и просто, отвѣчаетъ г-нъ Струве, съ сильнымъ благородствомъ и убѣжденіемъ ученаго и просвѣщеннаго чловѣка. Вотъ слова его:

«Не будетъ неумѣстно представить нѣсколько замѣчаній, относительно вопроса: не служить ли существеннымъ препятствіемъ къ успѣшной дѣятельности Пулковской Обсерваторіи *климатъ*, въ которомъ она находится? Достоинно замѣчанія, что въ теченіе многихъ столѣтій навѣбольшую дѣятельность оказывали не тѣ Обсерваторіи, которыя устроены подѣ благоравтвореннымъ небомъ, въ теплыхъ климатахъ, но именно самыя сѣверныя, находящіяся за 50 градусомъ широты. Для того намъ стоитъ только указать на Ураниборгъ, Гренвичъ, Геттингенъ, а въ новѣйшее время на Кенигсбергъ, Дерптъ, Або. Климатъ Пулкова приближается къ климатамъ Дерпта и Або. Полярная высота $59^{\circ} 46'$ занимаетъ почти средину между широтами Дерпта и Або, т. е. между $58^{\circ} 23'$ и $60^{\circ} 27'$; слѣдовательно, климатъ Пулкова немного болѣе континенталенъ противъ Дерпта. И такъ мы должны признать, что климатъ Пулкова, относительно числа дней въ году, благоприятныхъ для наблюденій, занимаетъ почти средину между климатами Дерпта и Або. А какъ многолѣтній опытъ несомнѣнно доказалъ возможность астрономической дѣятельности на обвяхъ Обсерваторіяхъ, то можно съ увѣренностію заключить, что астрономическія наблюденія на Пулковѣ не встрѣтятъ существенно вреднаго стѣсненія отъ климата. Правда, въ нашихъ сѣверныхъ широтахъ нѣкоторые мѣсяца, на примѣръ, Декабрь и Январь, по причинѣ облачнаго неба и сильной стужи, неблагоприятны для наблюденій. За то тѣмъ благоприятнѣе другіе мѣсяца, и надобно еще замѣтить одну особенность сѣвернаго неба, именно, что оно чаще допускаетъ употребленіе телескоповъ, одаренныхъ наибольшею увеличительною силою, нежели какъ то возможно на обсерваторіяхъ, находящихся ближе къ экватору. Когда, въ 1824 году, *Фрауенгоферовъ* превосходный рефракторъ полученъ былъ въ Дерптѣ, многіе астрономы, живущіе въ странахъ болѣе южныхъ, сожалѣли, что телескопъ завезенъ такъ далеко на сѣверъ,

гда его употребяты, можетъ быть, только разъ 10. Опытъ доказалъ шпротивъ, что инструментъ ежегодно употребляемъ былъ съ успѣхомъ въ продолженіе 120 ночей. Здѣсь важно также свидѣтельство *Гершеля*, который, послѣ пребыванія своего на Мысъ Доброй Надежды, завидовалъ Дерптской Обсерваторіи, что она пользуется небомъ, столь благоприятнымъ для тончайшихъ микрометрическихъ измѣреній. Онъ объявилъ, что трудъ, подобный Дерптскимъ *Mensurae micrometricae*, едва ли могъ бы быть совершенъ на Мысъ по климатическимъ причинамъ. Если добросовѣстно воспользоваться 120-ю ясными ночами, накоторыя мы въ нашемъ свѣрвѣ можемъ ежегодно разсчитывать, то мы приобрѣтемъ значительный запасъ матеріаловъ, и для остальнаго времени будетъ довольно работы, дабы извлечь изъ нихъ для науки зрѣлый плодъ, а не простую *rudis indigestaque moles*. Есть еще возраженіе, которое можно сдѣлать противъ Обсерваторій, находящихся слишкомъ далеко на свѣрвѣ. Только на мѣстахъ, лежащихъ подъ самымъ экваторомъ, можно наблюдать всѣ явленія тверди небесной. Подъ 60° свѣрвеной широты можно видѣть, при 30° южнаго уклоненія, только $\frac{3}{4}$ неба, и точныя наблюденія, при 15° южнаго уклоненія, ограничиваются только $\frac{3}{8}$ неба. Солнце и планеты въ южнѣйшихъ знакахъ зодіака ускользаютъ отъ точныхъ наблюденій, и съ тѣмъ вмѣстѣ вѣрное опредѣленіе мѣстостояній становится невозможнымъ. Вотъ истинное неудобство, которое испытываемъ мы въ Пулковѣ, Дерптѣ и Гельсингфорсѣ. Но еслибы Обсерваторія учреждена была даже на Таврическомъ полуостровѣ, то и въ такомъ случаѣ главнымъ поприщемъ ея дѣятельности была бы свѣрвенная гемисфера; наблюденія надъ южною могутъ быть дѣлаемы съ успѣхомъ только съ обсерваторіи, находящейся по ту сторону экватора. Существованіе обсерваторій въ южномъ полушаріи, на Мысъ Доброй Надежды и въ Новой Голландіи, будущія ихъ дѣйствія, наблюденія, производимыя тамъ такимъ астрономомъ, какъ *Гершель*, совершенно оправдываютъ учрежденіе Обсерваторіи подъ 60° свѣрвеной широты. Собственная важность Пулковской Обсерваторіи въ ученномъ отношеніи можетъ быть разсматриваема съ двухъ точекъ зрѣнія: общей и отечественной. Масса астрономи-

ческихъ наблюдений, произведенныхъ со времени *Брадлея*, (съ 1750 года), ожидаетъ еще частію прилежной разработки, и, можетъ быть, не меньшая заслуга будетъ въ томъ, чтобы обработать матеріалы, сколько въ томъ, чтобы прибавить къ нимъ новый запасъ. Крайне необходимо, на примѣръ, воспользоваться столѣтними опредѣленіями мѣстостояній солнца, луны и планетъ для составленія, возможно совершенныхъ таблицъ о ихъ движеніяхъ — трудъ, къ которому служатъ приуготовленіемъ *Бесселевы* Табулае регіомонтапае. Между тѣмъ необходимо продолжать опредѣленія мѣстостояній разныхъ тѣлъ нашей солнечной системы; важность ихъ, если они превзойдутъ въ точности прежнія, будетъ въ теченіе времени пріобрѣтать все большую и большую значительность, какъ показываетъ примѣръ *Брадлеевыхъ* наблюдений. — Совершенство Пулковскихъ меридіанныхъ инструментовъ, ихъ отличная оптическая сила при объективныхъ отверстіяхъ въ $5\frac{5}{8}$ Англ. дюймовъ, заставляютъ надѣяться, что опредѣленія мѣстостояній разныхъ тѣлъ солнечной системы могутъ быть посредствомъ ихъ произведены съ необыкновенною точностью. Относительно движеній спутниковъ, наши могущественные телескопы, помѣщенные въ подвижныхъ башняхъ, обѣщаютъ богатую жатву. Мы вообще полагаемъ, что дѣятельность нашей Обсерваторіи должна быть въ особенности обращена къ области неподвижныхъ звѣздъ, въ отношеніи которыхъ отличная оптическая сила нашихъ меридіанныхъ инструментовъ, преимущественно большаго рефрактора и гелиометра, будетъ неоцѣнима. — Принимаю смѣлость начертать здѣсь вкратцѣ планъ, которому надобно слѣдовать при наблюденияхъ на Пулковской Обсерваторіи. Не одно совершенство аппаратовъ, а еще болѣе способъ ихъ употребленія опредѣляютъ ученое достоинство Обсерваторіи. Наши меридіанные инструменты должны быть употребляемы, не только для правильнаго наблюденія тѣлъ нашей солнечной системы, но и для составленія большаго каталога неподвижныхъ звѣздъ, до 7-й величины включительно, начиная отъ сѣвернаго полюса до 15° южнаго уклоненія. Судя по тому, что на астрономическихъ картахъ *Гардинга*, еще не совсемъ полныхъ, означено такихъ звѣздъ

10,000, надобно полагать, что ихъ должно быть около 12,000. Если принять, что для возможно точнаго и вѣрнаго опредѣленія каждой изъ нихъ, нужно сдѣлать посредствомъ *Репсольдова* меридіаннаго круга четыре наблюденія, по два въ одно положеніе инструмента, то понадобится произвести всего 48,000 наблюденій. Полагая круглымъ числомъ въ ночь по 40 наблюденій, мы увидимъ, что для совершенія такого труда понадобится 1,200 ночей, т. е. 10 лѣтъ. Если примемъ въ соображеніе, что познаніе прецессіи, собственнаго движенія постоянныхъ звѣздъ и выводимаго изъ того движенія солнечной системы въ пространство вселенной, основывается на сравненіи мѣсто-стояній однихъ и тѣхъ же неподвижныхъ звѣздъ, опредѣленныхъ въ разныя эпохи, то важность предполагаемаго каталога сдѣлается очевидною. Сравненіе его съ *Брадлеевымъ*, составленнымъ въ 1755 году, существенно расширить уже кругъ знанія. Еще большее достоинство получить такой каталогъ для потомковъ нашихъ, когда они захотятъ вновь опредѣлить положеніе поименованныхъ въ немъ звѣздъ. Вообще работы, которыя предстоятъ нашей Обсерваторіи, должны быть распределены такъ, чтобы онѣ были полезны, какъ по отношенію къ прежнимъ трудамъ, такъ особенно по отношенію къ будущимъ изысканіямъ, доставивъ имъ новую вѣрную точку опоры. — Сто лѣтъ тому, *Брадлей* открылъ феноменъ уклоненія (абераціи) неподвижныхъ звѣздъ, происходящій отъ измѣримой скорости свѣта въ пространство вселенной. Постоянную аберацію знаемъ мы немного точнѣе, нежели, какъ показали намъ наблюденія *Брадлея*. Для точнѣйшаго опредѣленія предмета, и со временемъ, можетъ быть, также постоянной нутаціи, назначенъ на нашей Обсерваторіи большой *Репсольдовъ* пассажный инструментъ въ первомъ вертикалѣ — образцовое произведеніе искусства, новаго устройства. Въ немъ 7-футовой телескопъ, съ отверстіемъ въ $6\frac{1}{8}$ Англійскихъ дюймовъ, утверждёнъ на концѣ оси, и доставлена возможность наблюдать ежеминутно за склоненіемъ ея на покоящемся на ней постоянно ватерпасѣ. Особый приборъ, придѣланный къ каменнымъ столбамъ, поддерживающимъ инструментъ, служитъ для обращиванія его, что можно сдѣлать въ 25 секундъ. Тамъ

дается возможность наблюдать зенитную звезду, при прохожденіи ея черезъ каждую вертикальную половину, въ оба положенія инструмента. Мы полагаемъ, что нашъ инструментъ можетъ похвастаться совершеннѣйшимъ, и въ то же время самымъ большимъ зенитнымъ секторомъ, который не оставитъ ничего желать для достиженія предназначенной цѣли; что онъ дастъ возможность скорѣе установить степень постоянной абераціи, и разрѣшить вопросъ, съ одинаковою ли скоростью истекаетъ свѣтъ изъ различныхъ неподвижныхъ звездъ? Посредствомъ большаго рефрактора предполагаемъ мы продолжать измѣренія любопытнѣйшихъ звездныхъ системъ, т. е. тѣхъ двойныхъ и сложныхъ звездъ, въ которыхъ оказываются движенія, по примѣру того, какъ оно производилось въ Дерптѣ; мы увѣрены, что получимъ для тѣснѣйшихъ и труднѣйшихъ двойныхъ звездъ микрометрическія измѣренія, которыя превзойдутъ въ точности сдѣланныя досель. Сверхъ того надѣемся мы, при пособіи нашего могущественнаго инструмента, распространить свѣдѣнія наши о двойныхъ звездахъ, подвергнувъ новому, тщательнѣйшему изслѣдованію всѣ видимыя здѣсь звезды до 7-й величины. Конечно, мы будемъ приведены такимъ образомъ къ новымъ раздробленіямъ, которыя были недостижимы даже для Дерптскаго рефрактора. Гелиометръ будетъ также употребленъ нами для измѣренія двойныхъ звездъ, особенно для изслѣдованія паралаксовъ неподвижныхъ звездъ, и тѣмъ охотнѣе, что наблюденія въ Дерптѣ надъ α въ Лирѣ и въ Кенигсбергѣ надъ $\beta 1$ въ Лебедѣ, дѣлаютъ очень правдоподобнымъ успѣхъ подобныхъ наблюденій надъ многими другими звездами. Вместе съ тѣмъ весьма важно опредѣлять посредствомъ рефрактора положеніе облачныхъ пятенъ, и изслѣдовать, имѣтъ ли собственныхъ движеній и паралаксовъ въ такъ называемыхъ планетныхъ облакахъ, которыя своимъ правильнымъ видомъ, и ясно обозначающимся поперечникомъ, существенно отличаются отъ другихъ пятенъ, равно, какъ и отъ неподвижныхъ звездъ? Легко можетъ быть, что именно сіи небесныя тѣла сходствуютъ съ солнечною системою больше, чѣмъ другія неподвижныя звезды. — Но, спросятъ: кто поручится, что такія работы, составляющія нынѣ ученую цѣль Обсерваторіи, действительно совершены

будуть, и кто уверитъ насъ, что какъ нынѣ, такъ и въ послѣдствіи занятія будутъ производиться съ постояннымъ рвеніемъ и успѣхомъ? Считаю себя вправѣ надвѣяться на довѣренность начальниковъ и ученыхъ современниковъ. Полагаю, что мнѣ поверятъ, когда скажу, что съ своей стороны употребляю все мѣры къ успѣшной дѣятельности Обсерваторіи, пока Провидѣнію угодно будетъ продлить мои силы и крѣпость. Не обинуясь, ручаюсь также, что другіе, опредѣленные къ Обсерваторіи астрономы, *Фуссъ*, *О. Струве* и *Докт. Саблеръ*, съ которыми, въ продолженіе многихъ лѣтъ, находился я въ короткихъ сношеніяхъ, окажутъ всю ревность юношескаго возраста. Надѣюсь, что мѣсто четвертаго Астронома занято будетъ также достойнымъ образомъ. И такъ за успѣхъ въ ближайшей будущности можно поручиться, сколько допускаетъ то человѣческая предусмотрительность, а за отдаленную будущность находимъ мы ручательство въ неразрывной связи Обсерваторіи съ Академіею, и въ словахъ Высочайше утвержденнаго ея Устава. Въ немъ сказано: «Званіе Директора Главной Обсерваторіи, или Перваго Астронома, возлагается на Ординарнаго Академика по части Практической Астрономіи. Академія, впредь, при избраніи Академика по сей части, будетъ особенно имѣть въ виду сіе важное его назначеніе. — «Цѣль учрежденія Главной Обсерваторіи состоитъ въ производствѣ: а) постоянныхъ и сколько можно совершеннѣйшихъ наблюденій, клонящихся къ преуспѣванію Астрономіи, и б) соответствующихъ наблюденій, необходимыхъ для географическихъ предпріятій въ имперіи и для совершаемыхъ ученыхъ путешествій. Сверхъ того, с) она должна содѣйствовать всѣми мѣрами къ усовершенствованію Практической Астрономіи, въ приспособленіяхъ ея къ географіи и мореходству, и доставлять случай къ практическимъ упражненіямъ въ географическомъ опредѣленіи мѣстъ.» — Для доказательства, что Обсерваторія дѣйствуетъ сообразно съ предначертанною ей цѣлью, Директоръ обязанъ, на основаніи § 8 Устава, представлять ежегодно Академіи перечни главныхъ наблюденій, сдѣланныхъ на Обсерваторіи въ теченіе минувшаго года, которые, подъ загла-

віемъ: *Литописи Главной Обсерваторіи*, и будутъ постоянно издаваемы въ свѣтъ Академіею.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Благодарная Шотландія почтила памятникомъ своего незабвеннаго сына: въ Селькирхъ поставили на площади статую *Вальтеръ Скотта*, Августа 15-го. Она вышиною въ $7\frac{1}{2}$ футовъ. В. Скоттъ представленъ въ одеждѣ шерифа, опираясь на трость, держа въ рукъ свитокъ. Идея не затѣйлива, но дѣло въ цѣли. Впрочемъ, Баронетъ любилъ похвастать своею *аристократіею* и *бюрократіею*. Тѣнь его, можетъ быть, оскорбилась бы, еслибы потомство забыло, что онъ былъ и *судья* и *баронетъ*? Кто безъ слабостей!

Вотъ памятникъ другаго рода, воздвигаемый на берегахъ Африки: въ Бонъ, древней *Иппонъ*, родинѣ и мѣстопробываніи краснорѣчиваго Отца Западной Церкви, Св. Августина Иппонійскаго, 28-го Августа, заложили церковь во имя его, и въ ней соорудятъ ему памятникъ. Епископъ Алжирскій присутствовалъ при закладкѣ.

Французы столько кричали объ *Луксорскомъ обелискѣ*, что, вѣроятно, всѣ уже знаютъ, что Египетскій обелискъ перевезенъ былъ ими изъ Луксора и поставленъ на площади Людовика XV-го, въ Парижѣ. Видно, не въ добрый часъ! По крайней мѣрѣ, этому памятнику Египетскаго зодчества угрожаетъ большая бѣда. Молнія ударила въ него во время жестокой бури, и обелискъ далъ сильную трещину, такъ, что на трехъ футахъ сбиты даже съ него

гіероглифы. Поспѣшили замазать, собрать обломки, но— дня съ два въ Парижскихъ салонахъ только и твердили о томъ, что обелискъ развалится. Видите, какое важное дѣло!....

Дагерротипъ и его *гелиографическіе* рисунки распространяются повсюду. Почтенный изобрѣтатель пользуется теперь полною славою за трудъ свой. Полагая, что обстоятельное изложеніе механизма дагерротипа будетъ особенно любопытно нашимъ читателямъ, въ одиннадцатой книжкѣ С. О. помѣстимъ мы *подробное объ немъ описаніе, съ рисунками всѣхъ снарядовъ дагерротипа*, извлекая то и другое изъ сочиненія, изданнаго въ Парижъ самимъ Дагерромъ. Кстати сказать, что новѣйшіе опыты доктора Донне (Donné) устранили послѣдній упрекъ, какой дѣлали дагерротипу его завистники, именно: невозможность передавать рисунки его во многихъ экземплярахъ. Донне представилъ Академіи Парижской оттиски, сдѣланные имъ съ *рисунковъ дагерротипа*, которые можно дѣлать точно такъ, какъ съ литографическаго камня, или гравированной доски. Ожидаемъ дальнѣйшихъ свѣдѣній объ этомъ любопытномъ опытѣ, которое рѣшительно *упрочитъ* дагерротипъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Кому не хочется имѣть портретъ свой, или кого либо изъ милыхъ, дорогихъ ему особъ, за дешевую цѣну, скоро, похоже и искусно сдѣланный? Поспѣшите же, мм. гг., въ домъ Косиковскаго, взойдите въ 2-й этажъ, по лѣстницѣ подъезда на Морскую, что подлѣ Справочнаго Мѣста; тутъ, направо, вы увидите надпись: *А. О. Яценко*; отворите дверь, и вы въ *мастерской (atelier) художника*, истиннаго художника, который одаренъ изумительною способностью писать чрезвычайно скоро, изумительно похоже, и за свою мастерскую работу беретъ, судя по достоинству ея, сущую бездѣлку. Стѣны его мастерской

унизаны акварелями, гдѣ вы раскланяетесь съ множествомъ вашихъ знакомыхъ, а нѣсколько портретовъ, писанныхъ масляными красками, покажутъ вамъ, что и въ семь родовъ живописи г-нъ Яненко художникъ превосходный. Одна бѣда: г-нъ Яненко заваленъ заказами, и колокольчикъ на дверяхъ его не умолкаетъ отъ 10-ти до 4-хъ часовъ утра, во все время, пока онъ находится въ своей мастерской. За то можете быть увѣрены въ исправности срока, на который г-нъ Яненко обяжется написать вамъ портретъ вашъ. Лучше же подождать, да имѣть послѣ того вещь, достойную сохраненія, и по работѣ столько же, сколько по предмету.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ТОРГОВЛЯ.

Бриссель хочетъ рѣшительно подорвать всю типографію въ мірѣ. Плачьте, наборщики, батыри, литографы, факторы, корректоры, плачьте: скоро придется каждому изъ васъ запереть свою *Vuchdruckerey*, *imprimerie*, *штампарію*, типографію, стереотипію, лито- и хромо-литографію! Вотъ что пишутъ: не довольствуясь мѣлочною перепечаткою, Бриссель заводитъ *исполнискую* (*gigantesque*) типо-лито-хромо-стереотипію; тутъ будетъ и словолитня, и даже бумажная фабрика. Печатать будутъ на всѣхъ Европейскихъ языкахъ, и кромѣ того на 25-ти языкахъ Восточныхъ. Бумага будетъ приготовляться особенною машиною, изобрѣтенною Бостонскимъ механикомъ Максильдомъ. Складочный капиталъ компаніи состоитъ изъ 10-ти милліоновъ рублей. Коммиссіонеры типографіи будутъ во всѣхъ Европейскихъ столицахъ и знатнѣйшихъ городахъ, и станутъ принимать всякіе заказы печатанія, литографірованія и гравированія 20 процентами дешевле самой дешевой цѣны въ каждомъ государствѣ. Обо всемъ этомъ не шутя пишутъ въ Бельгійской газетѣ: *Commerce Belge*.

И суконной фабрикаціи также грозитъ бѣда. Мы думали до сихъ поръ, что для сукна надобно сперва выпрясть шерсть, а потомъ ткать изъ нея сукно, ворсить, стричь его, и проч. — Все это оказывается теперь деломъ не нужнымъ: въ Leeds Mercury пишутъ, что въ Лидсѣ изобрѣли машину, которая прямо изъ шерсти *валлетъ* сукно, лучше, крѣче и красивѣе всякаго тканого. Изобрѣль машину эту какой-то Американецъ, и получилъ уже на нее привиллегію. Бельгійскіе фабриканты торгуютъ у него право на его машину для Бельгій за полъ-милліона. Въ Лондонѣ составляется большое общество для покупки у него привиллегіи вполнѣ. На одномъ аппаратѣ, который будетъ стоить не дороже 15,000 рублей, изобрѣтатель беретъ выставлять въ одинъ сутки до 800 аршинъ сукна, въ $1\frac{1}{4}$ аршинъ шириною.

Пишутъ еще, что во Франціи изобрѣли машину косить и грести сѣно, для возки которой по лугу потребны одна лошадь и одинъ человекъ, а она замѣняетъ 16 косъ и 16 грабель, ибо косить и сгребаетъ скошенное въ одно и то же время.—Изобрѣтена еще важная машина рыть и осушать болота. Но для охотниковъ до *трюфелей* гораздо важнѣе статистическое извѣстіе, что трюфелей ежегодно вывозится изъ Франціи до 225,000 килограммовъ (да, положено ли въ счетъ то, сколько ихъ развозятъ прямо въ пирогахъ, и что остается неизвѣстно таможнѣ?). Главный вывозъ въ *Англію* и (порадуйтесь!) въ *Россію*, а потомъ въ Германію и Сѣверную Америку.—Вотъ еще готовится новый ударъ колоніальному тростниковому сахару: нѣкто Гофманъ завелъ въ Замборъ, въ Венгрію, выдѣлку сахара изъ тыквъ, и взялъ на то привиллегію. Барышъ выходитъ ужасный: квинталь тыквъ даетъ сахара противъ квинтала свекловицы; обработка тыквъ почти ничего не стоитъ, а на 1,600 квадрат. туазахъ родится ихъ 800 квинталовъ; сокъ тыквенный не киснетъ, а остатками, или выжимками ихъ, просто обжирается всякая скотина, и толстѣетъ такъ, что заводчикъ хочетъ взять особую привиллегію на откормъ ими овецъ, свиней и коровъ.

Любопытно между тѣмъ извѣстіе, что въ областяхъ, составляющихъ Германскій Таможенный Союзъ, считается нынѣ болѣе 150 заводовъ свекло-сахарныхъ; въ 1838 г. было ихъ только 87. Въ Голландіи донинѣ одинъ только заводъ, а въ Швеціи едва начинаютъ опыты надъ сахаромъ изъ свеклы. — Пишутъ еще, что шелководство сильно размножается въ Пруссіи, и что въ прошломъ году собрано было тамъ уже до 13,000 фунтовъ шелку, доброты превосходной.

ГЕОГРАФІЯ И СТАТИСТИКА.

Богатый Шотландскій лордъ Гамильтонъ благополучно возвратился изъ путешествія въ Египетъ и Нубію; онъ достигалъ до третьяго Нильскаго порога, и вывезъ изъ Египта множество драгоценныхъ древностей, при богатомъ альбомѣ и подробныхъ географическихъ описаніяхъ. Онъ теперь находится въ Вѣнѣ. — *Россъ* и *Крозье* отправились въ свою трудную экспедицію къ южному полюсу. Мы уже упоминали о планѣ ихъ путешествія. Имъ вельно сначала особенно изслѣдовать *Сабриннову* и *Балласіеву* земли, открытыя въ нынѣшнемъ году. Тутъ, около 50° шир. и 140° долготы, надвются открытъ магнитный южный полюсъ. Съ удивленіемъ пишутъ о запасахъ и устройствѣ обонхъ кораблей экспедиціи. На нихъ сдѣланы даже механическія пилы и молотки, которые выдвигаются машиною для пиленія и разбивки льду. На каждомъ кораблѣ по 8 шлюпокъ и по 6 лодокъ. Экипажа на каждомъ по 64 человека. Одинъ изъ кораблей (*Ужасъ*) въ 340, а другой (*Эревъ*) въ 370 тоннъ. Экипажъ и офицеры отборные, и всѣ добровольные охотники. Имъ опредѣлены огромныя жалованья и выгоды. Запасы на корабляхъ сдѣланы на три года. Какой-то особенный снарядъ нагрѣваетъ корабли, такъ, что и подъ самымъ полюсомъ они не побоятся холода, а устройство частей въ корабляхъ такое, что если льдиною отломить носъ, или корму, моряки замѣняютъ ихъ немедленно, и не могутъ погибнуть. Кажется, все предусмотрено для успѣха дѣла.

Давно уже не помнятъ такого бѣдственнаго года для Французскихъ промышленниковъ трески, отправляющихся за трескою къ берегамъ Америки и Исландіи. Изъ 39-ти малыхъ судовъ, которыя дѣлаютъ по два рейса въ лѣто, донинѣ воротилось только 27 (три съ полнымъ грузомъ, остальные съ половиною и менше); изъ остальныхъ: 1 разбился, есть слухи о 4-хъ, и ничего неизвѣстно о 7-ми. Изъ 44-хъ большихъ судовъ воротилось донинѣ только — 9 (два съ полнымъ грузомъ, всѣ другія съ малою добычею, а нѣкоторыя вовсе пустыя); 7-мъ изъ остальныхъ разбилось, о 5-ти ничего неслышно, а о прочихъ со страхомъ ждутъ извѣстій. Всѣ вообще возвратившіяся суда повреждены. Самые старые моряки не помнятъ столь жестокихъ буръ, какія испытали они нынѣшнимъ лѣтомъ въ северныхъ моряхъ.

Съ горестью услышали жители *Бадень-Бадена*, что недалеко отъ нихъ, въ разстояніи $1\frac{1}{2}$ часа ѣзды (положимъ, хоть *Нѣмецкой ѣзды*), буравили землю въ прелестной Мургской долинѣ, близъ Ротенфельса, и когда достигли глубины 355 фут., изъ земли вдругъ ударилъ ключъ превосходной минеральной воды, бьющій на 16 футовъ къ верху, и доброты удивительной. Но и безъ того, былъ бы только ключъ, всѣ туда бросятся. Знаете, какъ привлекаетъ людей всякая новость! Простите послѣ того, щедрые покровители водъ Бадень-Бадена! Прости, милая рулетка! Простите, здоровые-больные, которые обогащали до сихъ поръ бѣдный Бадень-Бадень!

По оффиц. извѣстіямъ, число жителей въ Парижѣ возрасло въ 1838 г. до 909,000. *Четыреста* новыхъ домовъ построилось въ семь году. Вывозъ произведеній Парижа составилъ въ годъ сумму до 99,128,144 фр. — Какой исполинъ, какое чудовище городъ! Это цѣлое царство.

ЗРѢЛИЩА И МУЗЫКА.

Въ Парижѣ съ нетерпѣніемъ ждутъ *четыре* новыхъ явленій драматической сцены: Делафинъ пишетъ для Рашель *классическую* трагедію: *Старость Сиды*; Ламартинъ ей же готовить что-то въ родѣ *мистеріи* — драму *Сауль*. Дельфина Ге (г-жа Жирарденъ) отдала уже на Французскій Театръ комедію: *Ecole des Journalistes* (*Школа Журналистовъ*). Боятся, что Цензура не пропуститъ ее, потому, что тутъ выведено лицо, въ которомъ вся узнаютъ Тьера; комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, и, говорятъ, списана съ натуры; г-жа Жирарденъ имѣла передъ глазами великій идеалъ журналиста-мерзавца въ своемъ любезномъ супругѣ. Наконецъ, съ восторгомъ приняли на Франц. Театръ драму знаменитой *Жоржъ-Зандъ*: *Haine dans l'amour* (*Ненависть въ любви?*). Пишутъ, что ничего еще не бывало на театральной сценѣ страшнѣе и ужаснѣе драмы г-жи Жоржъ-Зандъ — *terrible drame, où elle soulève à sa façon ces passions funestes dont elle a seule toute l'éloquence et tout le secret*, пишутъ журналисты. Да, мы воображаемъ, что за чудовище должна быть *драма* той женщины, которая написала *Лелию!*

Извѣстія объ укротителѣ звѣрей Фанъ-Амбургеръ, начинаютъ уже надоедать — такъ много объ немъ пишутъ. Не понимаемъ, что за удовольствіе находятъ смотрѣть на него, смотрѣть, какъ онъ приходитъ къ своимъ звѣрямъ, львамъ, тиграмъ, гіеннамъ, играетъ съ ними, бьетъ ихъ, дразнить, суетъ въ пасти ихъ руку, ногу, голову! Въ Лондонѣ онъ вводилъ даже съ собою въ клетку звѣрей маленькую дѣвочку, заставляя звѣрей съѣсть ее, и ни одинъ не смѣлъ къ ней прикоснуться. Онъ берется укротить самаго лютаго звѣря въ три дня. Вопросъ, въ самомъ дѣлѣ, выходитъ любопытный: какую чудесною силою онъ все это дѣлаетъ? Амбургеръ не отличается ни умственными, ни физическими способностями, и говорятъ только, что въ его голосъ и взоръ есть *что-то*, заставляющее трепетать звѣрей. По нынѣшнему обычаю, все изъясняется магне-

тизмомъ. Какой-то чудакъ Англичанинъ ударился одна-кожь объ закладъ, что звѣри наконецъ съѣдятъ фанъ-Амбургера, и теперь онъ ѣздитъ съ нимъ вездѣ, и нетерпѣливо ждетъ минуты, когда закладъ его будетъ выигранъ. Фанъ-Амбургеръ не прѣдетъ къ намъ въ Россію. Видно, Парижъ былъ для него такъ прибыленъ, что заставилъ его лѣниться. Но, утѣштесь, Петербургскіе охотники до рѣдкостей и диковинокъ! Если не будетъ у насъ Амбургера, не будетъ и ученыхъ блохъ, за то готовятся на зиму другія увеселенія: въ Павловскій Воксалъ опять прѣехали *Цыганы*, будутъ пѣть и плясать. Повдѣмъ-те смотрѣть и слушать ихъ. Говорятъ, что прѣдутъ къ намъ и *Балдерки*, и если вальсы Германа начинаютъ уже надѣвать, за то, вѣроятно, прѣдетъ къ намъ опять какойнибудь *геній*, который будетъ на скрипкѣ представлять, какъ мяучить кошка, гремитъ громъ, идетъ дождь, и изъ фортепіано сдѣлаетъ намъ волторну, гобой, флейту. Мы будемъ восхищаться, будемъ платить ему по 25 рублей за билетъ, и намъ будетъ очень весело! — Таліони также готовятся изумить новымъ балетомъ, названіе котораго, какъ говорятъ: *Тѣнь*. Какъ *тѣнь* легкая и эфирная, явится опять намъ несравненная наша Сильфида — Дѣва Дуная — Хитана. И такъ, видите, ММ. ГГ., что въ предстоящую зиму, мы не умремъ со скуки и безъ фанъ-Амбургера, а тамъ, можетъ быть, и онъ къ намъ прѣдетъ, съ своими львами и тиграми, и съ Англичаниномъ, который ждетъ, когда они съѣдятъ его.

Москвичи ждали было къ себѣ также пріятной гостьи: несравненная *Фанни Эсслеръ*, какъ говорили, соглашалась прѣхать въ Москву и танцовать тамъ. Теперь надежда не исполнится: Фанни Эсслеръ рѣшилась перепрыгнуть за Океанъ; богатые *Янки* сманили очаровательницу, захотѣли полюбоваться ея ножками, и въ Мартъ будущаго года плыветъ она въ Нью-Йоркъ, гдѣ пропляшетъ все лѣто, а на зиму воротится въ Парижъ. — Кстати о Парижъ: пишутъ, что тамъ нашлось чудо — *теноръ*, который, съ органомъ, равнымъ органу Маріо, соединяетъ методу Дюпре

и Рубини въ совершенствѣ. Это какой-то молодой Испанецъ, *Мадронъ*. Чтобы показать всю силу его голоса, довольно сказать, что онъ пробѣгаетъ двѣ октавы груднымъ и смѣшаннымъ (*mixte*) голосомъ, и достигаетъ *квинты третьей октавы*, то есть, *sol!* Рубини и Гайтцингеръ достигали только до *кварты 3-й октавы*, то есть, *fa*. Мадронъ дебютируетъ ролею Арнольда въ *Вилггельмъ Тель*.

ЛИТТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Важное сочиненіе для Восточныхъ языковъ печатается въ Москвѣ: извѣстный своими познаніями, князь *Г. А. Ханджери* составилъ *Французско-Арабско-Персидско-Турецкій Словарь* (*Dictionnaire Francais-Arabe-Persan et Turc*). Онъ посвятилъ на него *тридцать пять лѣтъ*; трудъ его заслужилъ въ рукописи одобреніе С. де Саси, Гаммера, Розенцвейга и другихъ ориенталистовъ. По одобренію и ходатайству Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, автору позволено посвятить его сочиненіе Государю Императору. Оно было представлено на судъ и Оттоманскимъ дипломатами и ученымъ, и по ихъ одобренію Султанъ подписался на 200 экз. Словаря. Онъ печатается теперь въ Московской Университетской типографіи, въ 4, и составитъ три большіе тома въ 2400 страницъ. Подписавшіеся нынѣ платятъ только по 200 рублей за экземпляръ. Подписка принимается въ Москвѣ у самого автора. *Первый томъ* выйдетъ въ Іюнь буд. года.

Превосходное сочиненіе соотечественника нашего, г-на Ушакова, о военныхъ дѣйствіяхъ Князя Варшавскаго, Графа Паскевича-Эриванскаго въ Азіатской Турціи, издано въ Нѣмецкомъ переводѣ Лемлена, въ Лейпцигѣ (*Geschichte der Feldzuge in der asiatischen Türkei, während der Jahre 1828 und 1829, etc.*), 2 части, въ 8, 355 и 254 стр. — Любопытно, что-то заговаривать Европейскіе стратегіи и тактики!

Въ Каирѣ напечатана на Арабскомъ языкѣ, по повелѣнію Мегемета-Али, ручная книжка для изученія Физики. Арабскій титулъ ся: *Aghar al Badiet fi ilm al Thabiet*, то есть, *Чудесныя цѣлты Физики*. Авторъ Французъ Перронъ, учитель Физики и Математики въ Каирѣ, преподающій на Арабскомъ языкѣ курсъ сихъ наукъ молодымъ Египтянамъ. Недавно еще изданы тамъ, по волю Мегемета-Али, *Тысяча и Одна Ночь*, въ двухъ красивыхъ томахъ, въ 4, 1300 страницъ Арабскаго текста. Издателемъ былъ ученый шейхъ *Абдурахманъ Аль-Сафти Аль Шаркави*.

Вотъ нѣсколько извѣстій о нынѣшней Греческой литературѣ: въ Аѣинахъ издаются политическіе оппозиціонные журналы: *Аѣины*, подъ редакцію Антоніадеса, и его расходится 700 экземпляровъ, и *Сократъ*, редакторъ Софіанополось; продается до 600 экземпляровъ. Противоположный имъ журналъ: *Эонъ*, издается Филемономъ, авторомъ «Исторіи Гетеріи Греческой,» и его раскупаютъ до 500 экз. — Журналъ *Тахидромъ* (*Скоробѣгущій*) печатается по Гречески и по Французски, издается Баллисомъ, и находится подъ покровительствомъ министра внутр. дѣлъ Глараки. Наконецъ есть еще журналъ: *Сатиръ*, издателя котораго упрекаютъ въ торговлю его мнѣніями. На островѣ Сиръ издается также газета политическая. Кромѣ *Сенатской Газеты* и *официальной газеты Королевской*, въ Аѣинахъ издають еще родъ Живописнаго Обзорнія и Медицинскій журналъ (*Асклпій*). Въ Аѣинахъ теперь находится четыре книжныя лавки: Вѣнская, Мюнхенская, Стутгардская и собственно Аѣинская. Содержатель первой изъ нихъ издалъ въ Аѣинахъ Эллинскій и Ромейскій Словари, сост. Гоци, въ 3-хъ томахъ; Греческіе переводы Географіи Бальби, Гольдсмитовой Исторіи Греціи, и Греческихъ классиковъ въ 10-ти томахъ. Изданія весьма красивы; бумага для нихъ выписана изъ Германіи. Кромѣ Королевской, есть еще четыре типографіи въ Аѣинахъ, одна на островѣ Сиръ, одна въ Навплии. Литографія въ Аѣинахъ одна, казенная. Въ ней недавно отпечатана большая и прекрасная карта Греціи.

Исчисляють, что съ 1833-го по 1837 годъ, изъ Франціи вывезено книгъ на 3,841,000 фр. а ввезено во Францію только на 831,600 фр. — Въ Германію ежегодно ввозятъ изъ Франціи на 800,000, Англію на 900,000, Италію на 60,000, Швейцарію на 400,000, Россію на 600,000 франковъ, а изъ Англіи привозятъ на 120,000, Германіи на 400,000, Италіи на 100,000. Не знаемъ: *вѣрны ли* всѣ сіи разсчеты? По отчету Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ Россіи было получено иностранныхъ книгъ въ 1834 и 1835 гг. до 300,000 томовъ, въ 1836 г. до 350, въ 1837 г. болѣе 400, а въ 1838 году до 500,000, такъ, что въ *четыре года* привозъ иностранныхъ книгъ къ намъ въ Россію почти удвоился.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Число посѣтителей на Киссингенскихъ водахъ ежегодно увеличивается: въ 1814 г. было ихъ 173; съ 1822-го года пріѣзжало по 700 и 800; съ 1832-го болѣе 1000; въ 1835-мъ 2,920, а въ 1839 г. почти 4,000. Въ семь числъ: изъ Россіи 163, Голландіи 59, Франціи 36, Швейцаріи 33, Даніи 12, Италіи 9, Америки 6, Сициліи 3, Швеціи 2, Норвегіи 1; остальные посѣтители были всѣ Германцы (всего болѣе Баварцовъ — 1667, и Пруссаковъ — 617).

Статья 57-я новаго билля о Лондонской полиціи содержитъ сѣдующее забавное положеніе на счетъ музыкантовъ: «Всякій играющій на одномъ, или нѣсколькихъ музыкальныхъ инструментахъ, немедленно долженъ перемѣнить квартиру и удалиться, если хозяинъ дома, или другіе живущіе въ томъ домѣ, или соседнихъ домахъ, требуютъ того, ради какого нибудь больнаго, нездороваго, или по какой нибудь другой основательной причинѣ (ou pour tout autre motif raisonnable).» За ослушаніе полагается съ неугомоннаго музыканта штрафа 40 шилл. (около 40 рублей).

Августа 13-го, одна женщина, въ Моберзакѣ, близъ Брива, родила двухъ мальчиковъ и дѣвочку. Это, конечно, рѣдкость, но случается, а вотъ что удивительно — рожица 63 года отъ роду!

Въ Англіи введена теперь однообразная плата за письма: куда ни посылается письмо по почтѣ, за него платятъ одинаково. Почтовой доходъ за пересылку писемъ составлялъ въ Англіи, по старой таксѣ, въ 1838 году, 2,339,738 ф. ст. Слѣдственно, по новому положенію, въ Англіи должно переслать черезъ почту 561,537,120 писемъ, дабы доставить въ годъ такую сумму почтовому начальству.

Парижу угрожаетъ нашествіе — чье бы вы думали? — нашествіе *крысъ!* Да, ихъ развелись такія стада, что по ночамъ покрываютъ онѣ улицы, бѣгаютъ по тротуарамъ, грызутся, дерутся, а въ домахъ житья отъ нихъ нѣтъ. Теперь хотятъ перевести Парижскую живодерню, изъ Монфокона, далѣе за городъ, и въ журналахъ не шути пишутъ, что послѣ того милліоны крысъ, не находя въ живодернѣ пищи, оголодаютъ, если не совсѣмъ съѣдятъ Парижъ (*affameront Paris, heureux s'ils ne finissent pas par le manger*). Dieu sait l'avenir que cette plaie nous reserve, si on ne s'occupe promptement de la destruction de ces hotes incommodes et dangereux — прибавляютъ съ горестію журналисты. Право, подумаете, что для Парижа наступаетъ вѣкъ Попела, когда мыши ѣдали людей, какъ огарки свѣчки сальной!

Французское Правительство велѣло окончить огромный корабль, который, еще невыстроенный, имѣлъ уже цѣлую любопытную исторію. Его заложили въ 1810 г. и назвали *Непреклонный*. Пока онъ строился, въ 1811 г. родился у Наполеона сынъ, и корабль переименовали *Римскимъ Королемъ*, въ честь сына Наполеонова. Бурбоны, въ 1814 г. возвратили ему имя *Непреклоннаго*. Напо-

леонъ, въ 1815 г., опять переименовалъ его въ *Римскіе Короли*, и въ тотъ же годъ снова назвался онъ *Непреклоннымъ*. Въ 1820 г. велѣли именовать его *Герцогомъ Бордосскимъ*, а въ 1830 г. назвали *Фридландомъ*; между тѣмъ прошло сорокъ лѣтъ, и онъ почти сгнилъ на штапеляхъ, пока его перекрещивали, а строить не думали.

Странный случай въ Кельнѣ: графиня съ водою стояла на солнцѣ, и лучи солнца такъ сосредоточились въ выпуклой грани графина, что зажгли столъ. Къ счастью, нечаянно пришли люди и потушили огонь.

Изъ Валпарейзо, въ 1826 г. отправилось нѣсколько семействъ въ Буэносъ-Айресъ, на корабль *Марія Изабелла*. Корабль пропалъ и пять лѣтъ не было объ немъ слуха. Тутъ привезли извѣстіе, что онъ разбился близъ острова *Матери Божіей* (*Madre de Dios*) и несчастные плователи живутъ на дикихъ скалахъ его. Начали собирать подписку, для найма корабля и перевозки ихъ въ Перу, но не до того было Чилійцамъ, пока въ 1833 году снова привезли извѣстіе съ острова. Капитанъ корабля, пристававшій къ острову, извѣстилъ, что несчастные живутъ на немъ, какъ дикіе звѣри, въ крайней нуждѣ и бѣдности. И до сихъ поръ не нашли однакожь средствъ осведомиться объ нихъ обстоятельнѣе, и помочь несчастнымъ, когда мѣсто ихъ страданія въ 20-ти дняхъ пути отъ Чилійскихъ береговъ!

Какой-то Африканскій Султанъ заказалъ себѣ въ Англіи огромнѣйшій зонтикъ, вмѣсто палатки. Его показываютъ теперь въ Бристоль и скоро увезутъ въ Африку; онъ вышиною въ 64 (?) фута, какъ пишутъ. — Кстати о султанахъ: какому-то Султану Дьококартаскому, Король Нидерландскій пожаловалъ орденъ Льва, и въ дипломѣ прописали все его имя, которое довольно трудно произнести. Султанъ называется:

Hamankoeboewonosenopatiinggalogong abgurrach-
tansaydinpanotogomode.

Журналисты смѣются надъ такимъ мудренымъ именованіемъ, но, разумется, что это имя *сложное* изъ нѣсколькихъ словъ, которыя пишутся вмѣстѣ. Заставьте-ка выговорить иностранца, напримѣръ, наши слова: *Высокопревосходительство, Наисластлвѣйшаго, Удосужившагося, Кіевозолотоверхо-Михайловскій общежительствующій монастырь*. Поломаетъ онъ языкъ!

Въ Парижскихъ журналахъ пишутъ, что 17-го Сентября, на кровлѣ школы Изящныхъ Художествъ замѣтили сборъ множества ласточекъ, и что съ этого сборнаго мѣста полетѣли онѣ потомъ въ путь, въ *теплыя страны*. Comment ont-elles fait pour se trouver toutes aussi exactement au rendez-vous? восклицали зѣваки Парижскіе, и повторяютъ послѣ того журналисты, и — вотъ о какомъ вздорѣ толкуютъ и пишутъ! Неужели обыкновеніе ласточекъ собираться стаями для отлета неизвѣстно было до сихъ поръ Парижанамъ? Важный вопросъ: *comment?* Хорошо, но *какъ* бобры строятъ себѣ жилища, птички вьютъ гнѣзды, муравьи готовятъ муравейники, пчелы устриваютъ соты, поэты пишутъ стишки, не зная грамоты, а судьи рѣшаютъ дѣла, не зная законовъ? Вся наука наша, если угодно, начинается Монтаневымъ: *что я знаю?* и оканчивается Сократовымъ: *никого не знаю!* Нашли чему дивиться!...

Въ Уголовномъ Жирондскомъ Судѣ производится тяжба; въ нее замѣшанъ какой-то скупецъ, большой чудакъ, и по суду, при разныхъ допросахъ, открылось за нимъ множество проказъ. Между прочимъ, иногда онъ запирается въ своей комнатѣ, разставляетъ кругомъ мѣшки съ деньгами, играетъ на скрыпкѣ, пляшетъ передъ мѣшками. Поигравши и поплясавши, кладетъ онъ скрыпку, гладитъ мѣшечки свои, говоритъ имъ: *Ну, дѣтки! довольно — повеселились! Теперь баюшки-баю* (En voila assez, mes enfans, nous nous sommes bien amusé! Allons nous coucher)! и кладетъ дѣтушекъ въ сундукъ. — Въ Парижѣ завязалась смѣшная тяжба за *гривну* (10 сантимовъ): такую

сумму запросили съ одного путешественника, за записку его вещей въ конторѣ дилижансовъ. Онъ не сталъ платить — слово за слово — ссора и судъ! Коммерческій Судъ рѣшилъ однакожъ дѣло въ пользу путешественника, ибо плата за записку вещей не утверждена закономъ, а наложена мѣстнымъ распоряженіемъ произвольно, и потому названа несправедливою.

Вотъ романическое похождение одного молодаго ученаго Француза, и тѣмъ удивительнѣе, что оно случилось не за дальними морями, но въ виду Французскихъ береговъ. Переводимъ извѣстіе, которое официально было помѣщено въ Breton de Nantes:

«Насъ увѣдомляютъ изъ Пулигена о слѣдующемъ странномъ событіи: г-нъ С., страстный естествоиспытатель и безстрашный охотникъ, пріѣхавшій сюда дополнить свое собраніе многочисленными породами морскихъ птицъ, находящихся на нашихъ берегахъ, едва не погибъ ужаснымъ образомъ въ одной изъ своихъ повздокъ. Можетъ быть, вы почтете рассказъ мой невѣроятнымъ, но могу увѣрить васъ въ совершенной его справедливости.

«Г-нъ С. отправился въ море на лодкѣ, намѣреваясь провести день на островкѣ, или, лучше сказать, скалѣ, лежащей въ двухъ миляхъ отъ берега, и называемой *Pierre-Percée* (Дыроватый камень). Матросы, бывшіе съ нимъ, возвратились на берегъ, высадивъ его на скалу, съ намѣреніемъ приплыть за нимъ спустя нѣкоторое время. Но втѣрь такъ усилился, что они не могли потомъ пристать къ *Pierre-Percée*, и послѣ тщетныхъ усилій должны были возвратиться въ Пулигенъ. Г-нъ С. остался на скалѣ, голой, островерхой, которая, не имѣя на верхней части ни впадины, ни утеса, ни даже какой нибудь неровности, не представляла ни малѣйшей защиты отъ ярости волнъ. Ночь была темная и холодная; втѣрь дулъ чрезвычайно сильный, и по временамъ дождь принимался идти ливнемъ. Судите о положеніи бѣднаго путешественника! Распростертый на камнѣ, продрогшій отъ холода, не имѣя ни шинели и ничего, чѣмъ можно бѣ было прикрыться, онъ ждалъ смерти. Но положеніе его вскорѣ сдѣлалось

еще опаснѣе. Море пошло на приливъ, и какъ обыкновенно, ярость волнъ отъ бури удвоилась; огромные валы съ ревомъ достигали до верха утеса и до мѣста, гдѣ находился г-нъ С. Онъ долженъ былъ лечь на брюхо и прицѣпиться кое-какъ за камень, чтобы волны не снесли его. Море подымалось болѣе и болѣе; надобно было искать мѣста выше и безопаснѣе. Г-нъ С. подвигался, ползъ ощупью; вдругъ ноги у него оборвались; онъ поскользнулся и упалъ съ 20 фут. вышины, въ яму, наполненную водою. Надобно замѣтить, что сквозь основаніе острова, какъ это видно изъ его имени, есть узкій проходъ, въ который море протекаетъ съ ужасною силою и быстротою. Г-нъ С., не умѣвшій плавать, вѣроятно, утонулъ бы, еслибы не былъ тотчасъ выкинутъ опять на скалу морскою волною. Онъ упалъ на спину, и уже снова оборвался въ бездну, какъ вдругъ почувствовалъ, что куртка его, изъ козьяго мѣха, зацѣпилась за край утеса. Въ такомъ положеніи оставался онъ нѣсколько минутъ, безъ силы, безъ малѣйшаго движенія, безъ чувствъ, вися надъ волнами, которыя могли раздробить его объ утесы, или унести въ море. Къ счастью, онъ успѣлъ наконецъ схватиться за кусть *водоросля* (*vaegsch*), и такимъ образомъ могъ противиться волнамъ, обливавшимъ его съ головы до ногъ. Наконецъ, собравшись съ силами, съ помощію рукъ и ногъ достигъ онъ опять верха скалы, гдѣ находился внѣ опасности, благодаря хладнокровію и той силѣ, которую рождаетъ страхъ смерти. Можете однакожь себѣ вообразить, что остатокъ ночи былъ для него ужасенъ, и радость о спасеніи жизни не могла однакожь скрыть отъ него всего ужаса и опасностей его положенія. «Т не боязливъ,» говорилъ онъ потомъ, «но однакожь испыталъ въ то время нѣсколько минутъ невыразимаго отчаянія. Двѣ, три минуты, которыя провелъ я, упавши со скалы, показались мнѣ вѣками; тысячи различныхъ мыслей пролетѣли въ то время въ головѣ моея: я думалъ о моемъ семействѣ, вспоминалъ свое дѣтство, пробѣгалъ всю жизнь мою; наконецъ, мысль послѣдняя, присоединившаяся ко всѣмъ другимъ, одна изъ тяготившихъ душу мою, была та: какъ грустно умирать въ двадцать восемь лѣтъ, удаленному отъ людей, драгоценныхъ сердцу, и кончить жизнь въ страданіяхъ одно-

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНИЯ.

НЕ ЗДѢШНИЙ ГОСТЬ.

Есть благодатныя мгновенья,
Когда съ лазурной вышины,
Наперсникъ солнца и луны
Нисходишь въ дольныя селенья,
Съ высокимъ, огненнымъ челомъ,
Съ улыбкой свѣтлой перевозанья.
Онъ, полный пайнаго мечшанья,
Своимъ божественнымъ першомъ
Коснешся лиры вдохновенной,
И громко пѣсню огласишь
Печальный мѣръ, но, гость мгновенной,
Онъ здѣсь чужой, и онъ лещишь
Въ свой мѣръ, незримый мѣръ, неслѣдной!

А. ГРАДЦЕВЪ.

МОЕ НОВОСЕЛЬЕ.

(Г. С. П — въ, на память прѣжней товарищеской дружбы.)

Волгѣ здѣсь мой новый кабинетъ;
Вдовцу, мнѣ грустно въ немъ, какъ въ кельѣ...
На мигъ оспавъ швой райскій свѣтъ,
Слепи ко мнѣ на новоселье...

Мой ангелъ, несравненный другъ!
Ты подари меня свиданьемъ;
Я встрѣчу швой небесный духъ
Съ весельемъ, сердца прешаньемъ!

Слезинки горькой не пролью —
Не молвлю о своихъ спраданныхъ;
Земнымъ себя не оскорблю —
Сольюсь съ шбой въ швоихъ желаньяхъ...

Твой взглядъ мнѣ очашье воскреситъ;
Въ немъ все бывшее оживится;
Меня съ судьбой онъ помиритъ
И бытъ мой швошомъ озаритъ.

Малюшокъ нанихъ осѣни
Твоимъ свяшымъ благословеньемъ;
Напомни мнѣ бывше дни
Надеждой, вврой и шерпньемъ!

ЕВ. В. В.

25 Июля 1839.

С. Богатырева.

НА ОТЪѢЗДЪ К. А. М.

Слеза прощальная неволью
 Мою поской спѣсняетъ грудь:
 Ты ѣдешь!.. Мнѣ разсхашься больно...
 Но, Богъ съ шобою!... Добрый пушь!
 Другое небо надъ шобою
 Роднымъ привѣшомъ шамъ горитъ;
 Твой взоръ, съ опрадною слезою,
 На вспрѣчу милаго дешишь.
 Тамъ ждетъ тебя семья родная,
 Друзей, знакомыхъ ласки ждуть,
 И о прошедшемъ забывая,
 Тамъ въ счастья дни швои пройдушь.
 Ты будешь жишь въ ладу съ судьбою
 И съ милымъ счастлива вполнѣ...
 Ужель не вспомнишь шы порою
 Тогда о дальней споронѣ,
 Гдѣ шы, какъ радость, красовалась,
 Чужаго неба дивный цвѣтъ,
 Гдѣ память прежняго ошталась —
 Люви непризнанный привѣтъ,
 И гдѣ, шобою вдохновенный,
 Невольникъ спрасши роковой
 Томишся, грусти обреченный,
 Пѣвецъ, ошверженный шобой?...

И. ПРТОВЪ.

ЦВѢТОКЪ.

(Бурятская пѣснь.)

=

На Даурскихъ снѣгахъ
 Есть чудесный цвѣшокъ:
 Онъ не красенъ вѣнкомъ,
 Не душишь лепешкомъ,
 Блѣдный влалый листокъ —
 Смощишь дикой шравой,
 Но цвѣшокъ — дорогой!

И верблюдь, и коза
 Прочь бѣгушь отъ него;
 Ни пчела, ни оса
 Не пьютъ меду его.
 Не казисшь, не высокъ,
 Онъ всегда одинокъ,
 Но чудесенъ цвѣшокъ —
 Ядовишь его сокъ!

О, не прячься въ шраву!
 Я себя не сорву:
 Берегу я себя
 Для завѣшнаго дня,
 Когда бѣлую грудь
 Обовьешь и сожмешь,
 Какъ шекло, разобьешь
 Безошрадная грусь;
 Иль свяшыню мою,
 Чшо въ душѣ я шаю,
 Кшо опнинешь, возьмешь...
 Тогда, въ горѣ нѣмомъ,

И безъ слезъ на глазахъ,
 Я приду за шобой
 Пошаенной шропой!
 Ты разлейся огнемъ
 Въ бѣдномъ шлѣ моемъ,
 И сожги его въ прахъ,
 Мой цѣшокъ дорогой!

В. ПАРКИНЪ.

Нерчинскъ.

И ШИЛО БРѢТЬ!

Удачей замѣня умъ,
 На случай счешъ всего вѣрнѣе,
 И часно дѣло на обумъ
 Идешъ и глаже и прямѣе.
 Ужели всѣ живущъ умою?
 Лишь кто уменъ, пошъ жишъ умѣнъ?
 Да, оглянишесь-ка кругомъ —
 Пусшь бришвы нѣшъ... и шило брѣшъ!

Въ переднихъ шѣсно, а въ судахъ
 Ума разгулу мѣша нѣшу,
 И умъ шамъ въ чисныхъ дуракахъ,
 Гдѣ все въ оцѣнкѣ на монешу,
 Гдѣ прямо бьюшъ на вѣрняковъ
 И деньгу жнешъ, кто глупосшъ счешъ...
 Чшо хлопошашъ изъ пусшяковъ?
 Чшо хочешъ пой — а шило брѣшъ!

На Пиндъ дорога телега,
 Тѣсна, пыльна — въ иную пору,
 Скорѣй получишь съ долинца,
 Чѣмъ *взйдешь* на Парнаоску гору.
 Ужели всякій пошь *тѣвешь*,
 Кшо спихъ къ спиху *прибрашь умешь*?
 И риемой закруглишь конецъ?
 Вошь вздоръ какой!.. и шило брѣшь!

Умень осанистый Демида!
 Какъ ловко онъ умѣлъ родиться,
 Какой приняшь умѣшь видъ,
 Войдши, расшаркнушь, поклонись!
 Женился даже онъ умно;
 За *дѣдомъ* мало онъ пошвешь,
 А самъ съ звездой давнымъ давно....
 Вѣдь онъ умень?.. И шило брѣшь!

Былъ вѣкъ — дрался Наполеонъ,
 И Байронъ пѣлъ, и думалъ Гёте,
 И жгли Москву — да минуль онъ,
 И въ лешаргической дремошь,
 Шагашъ за вѣкомъ-молодцомъ
 Нашъ вѣкъ, конечно, не пошвешь:
 Мы помирнѣе проживемъ.
 За шо въ нашъ вѣкъ — и шило брѣшь.

И. Д. — Чѣ.

Иногда в темноте слышались шаги по тропинке, но это были шаги ветра, и никто не видел, кто шел. Вдруг слышались шаги человека, и слышался говор. Это были шаги и говор Ефимии. Она шла вперед, а за нею шел человек, и слышался говор. Это были шаги и говор Ефимии.

П Р О З А

Она шла вперед, а за нею шел человек, и слышался говор. Это были шаги и говор Ефимии. Она шла вперед, а за нею шел человек, и слышался говор. Это были шаги и говор Ефимии.

К Н Я Ж Н А

ЕВФИМИЯ ВОЛЖСКАЯ.

Этот рассказ о том, как жила в старину одна девушка, которая была очень красива и умна. Она жила в деревне, и ее родители были очень бедны. Она работала в доме у богатых людей, и там она встретила одного человека, который был очень красив и умно. Они полюбили друг друга, но родители девушки не хотели, чтобы она вышла замуж за этого человека, потому что он был беден. Она решила убежать с ним, но родители узнали об этом и захватили ее. Она была вынуждена вернуться домой, но она не перестала любить этого человека. Она ждала его, и наконец он пришел. Они поженились, и жили счастливо.

Ночь была темна, как в самую осень. Серая, громадная облака клубясь, облекали небо. Изредка проглядывала между ними луна, бледная, робкая, проплывавшая и снова прятаясь, прежде, чем лучи успевали коснуться земли. По временам, предвостанником шибуря налетали порывистый, встерь и липшы собаки своим даром, жалобным воем от велики на жалкое его заныванье. Легко, безстрашно и смело волжский мальчик, крепкий своею неуныпностью, привыкший жить в безмолвьи, бродить по лесу, иногда до глубокой ночи. Не оставая, твердыми шагами слѣдовала за ним Евфимия.

Но еслибы кто могъ видѣть ея лицо, покрытое смертною блѣдностью, ульпеленное пятнами отъ внутренняго жара, ея лихорадочный трепетъ и рѣзкія движенія, тотъ, конечно, сказалъ бы, что въ

головѣ ея нѣтъ мысли, въ душѣ нѣтъ ощущеній, что всѣ ея способности поражены онѣмъ, что она въ припадкѣ горячки, сумасшествія, или лунатизма. Суевѣрный называлъ бы ее безмолвною, безотвѣтною жертвою, увлекаемою незримымъ очарованіемъ.

Дико, угрюмо чернѣлъ пустынный боръ, къ которому приближалась Евфимія. Едва замѣтная тропинка вилась въ гору.... Вдругъ она остановилась. Ей послышались стоны, тихіе, какъ дыханіе легчайшаго вѣтерка, но столь дѣйствительныя, что она хорошо различала ихъ при воѣ бурн.. Откуда слышались они? Изъ чащи ли бора; или изъ пустоты воздушныхъ пространствъ? Никто не могъ бы пояснить того. Но это были не земные звуки, потому что никакой языкъ не могъ бы выразить, не могъ бы передать такихъ раздирающихъ душу воплей...

Ощущеніе, сопровождаемое судорожными судорогами, овладѣло всѣмъ существомъ Евфиміи. То не былъ страхъ, то не было раеканіе; но какое-то тоска смертельная, невыносимая! Ея душа смилась вырваться изъ тѣла, и будто роптала на узы, которыя ее удерживали... Воспоминаніе о матерѣ, какъ молнія, жгло ея мысли. Въ глубокой тоскѣ, она нѣсколько разъ начинала кричать своему спутнику, но вѣтеръ разносилъ слабые звуки ея голоса. Сгнѣснувъ зубы, въ отчаяніи, въ безталанствѣ, она опять бросилась за нимъ, какъ будто гонимая невидимою рукою...

По выходѣ изъ лѣса, мальчикъ велъ ее вдоль ручья, по пнямъ, по кочкамъ, по буграмъ. Скоро они дошли до того мѣста, гдѣ ручей, перемѣнивъ направленіе. Оставленное имъ русло стало ихъ до-

рогою. Кругомъ возвышались мрачные утесы, въ странныхъ, фантастическихъ формахъ. Днемъ, на разбросанныхъ въ лоцинѣ камняхъ видны были кровавыя пятна, которыя подавали поводъ къ тысячамъ нелѣпныхъ сказокъ. Это были Дедушкины Овраги...

Тутъ мальчикъ обернулся къ Евфиміи, приложивъ къ губамъ палецъ, и указалъ ей на огонекъ, который свѣтился вдали, едва замѣтною звѣздочкою... Евфимія подпяла глаза и увидѣла круглое отверстіе, полузакрытое деревьями, мрачное, какъ адскія врата...

Въ то мгновеніе стихъ вѣтеръ; еще одинъ и послѣдній разъ раздался въ слухъ дѣвочки непостижимые, таинственные звуки — ей послышался даже чей-то глубокій вздохъ, почти возлѣ нея. Она отгладулась... Что-то говорило ей: «Бѣги, бѣги!.. Еще есть время!..» Она хотѣла бѣжать. Но уже было поздно. Мальчикъ тихонько потянулъ ее за рукавъ...

«Я пойду ловить птицъ на гнѣздахъ,» шепнулъ онъ, и исчезъ въ темнотѣ, почти толкнувъ ее впередъ... Все кончилось. Она была въ жилищѣ чародѣя.

Въ то время, когда дитя заблужденія и праха, ослѣпленное страстію, увлекаемое враждебною силою, стремилось къ гибели — ей показалось будто бы за далекою синевою, которую мы привыкли называть небесами, тамъ, гдѣ нѣтъ дней и ночей, страстей и желаній, духи свѣта обтекали пространство, славя Творца міровъ въ упоеніи небеснаго блаженства...

Одинъ изъ нихъ отделился отъ сонма, своихъ чистыхъ братій..

Съ поникшею долу головою, въ нѣмомъ участіи, онъ приковалъ свой взоръ къ темвѣющей точкѣ, которую лишь очи небожителя могли различить въ необозримой безднѣ, наполненной милліонами міровъ. Это была земля.. Таинственная сила влекла его къ юдоли плача и грѣха — то былъ духъ матери, покинувшей на землѣ свое единственное дитя.. Его свѣтлый ликъ омраченъ скорбію, глубокою скорбію, для которой на языкъ людей нѣтъ выраженія..

Отъ предѣловъ земли какъ мечталось ей возносился другой ангелъ въ высоту небесъ. Златыя кудри его сіяли въ лазурномъ пространствѣ; бѣлая одежда, тихо колебалась въ воздухѣ, наполняла его благоуханіемъ. Но его ликъ, грустный, поникшій, былъ закрытъ серебрястыми крыльями.. Быстро, подобно голубицѣ, которая летитъ къ своему гнѣзду, устремился первый духъ на встрѣчу ангела..

«Братъ мой!» воскликнулъ онъ, на неведомомъ языкъ небожителей.

«Погибла!» отвѣчалъ тихо хранитель, и двѣ слезы, какъ два чистые перла, канули изъ глазъ его въ воздушныя пространства.. «Погибла!..» Но, полный упованія, съ пламенною мольбою на устахъ, духъ обратилъ взоры къ непреступному для самыхъ духовъ Свѣту Свѣтовъ, сіяющему надъ сферою, сотканною изъ звѣздъ . . . . .

Жилищемъ Двдущки, какъ называлъ его мальчикъ, была обширная и высокая пещера въ горѣ. На сводахъ и на стѣнахъ висѣло множество пучковъ сухихъ растений; вокругъ стѣнъ стояли стеклянные и глиняные сосуды странной формы, орудія для охоты, домашніе приборы, но не было ничего такого, чтобы коть нѣсколько подходило къ описаніямъ жилищъ чародѣевъ, которыя мы такъ часто находимъ у поэтовъ и романистовъ... На среднѣ, вмѣсто стола, огромный, дикій, четвероугольный камень возвышался въ видѣ жертвенника. Съ правой стороны, въ небольшомъ углубленіи, выдолбленномъ въ боку камня, горѣла опоя, яркое пламя котораго освѣщало одну половину пещеры; другая половина ея оставалась въ полумракѣ, отъ черной тѣни, что ложилась отъ камня. Передъ огнемъ, неподвижно стоялъ карло, хозяинъ пещеры; отъ времени до времени, онъ подбрасывалъ въ огонь сухія вѣтви. Его огромная голова, въ странномъ уборѣ, возвышалась на крошечномъ станѣ, нечаявшемъ въ густыхъ сладкахъ красной спяни. Не было ничего страшнаго, ничего отвратительнаго въ его сморщенномъ лицѣ—только изрѣдка появлялась на немъ улыбка, отъ которой у самаго безстрашнаго зрителя пробѣжалъ бы морозъ по кожѣ... Песочные часы показывали время близкое къ полуночи.. Карло сталъ изъяслять признаки нетерпѣнія. По временамъ, онъ прислушивался, но не слышалъ ничего, кромѣ свиста вѣтра и отдаленнаго гула потока, хмурилъ густыя брови, сверкалъ маленькими глазами, которые блистали въ тмѣ пещеры, какъ два раскаленные угля... Вдругъ онъ оставилъ свое мѣсто и скорыми шагами сталъ ходить по пещерѣ.

Но... чу!.. шагъ... шопотъ...

Евонія, въ белой одеждѣ, возникла въ мрачномъ

отвертнн входа, неслышно подобно тѣни, вызванной волшебникомъ. Съ быстротою ястреба, съ кровавядною нетерпѣливостію тигра, который устремляется на давно ожидавшую добычу, бросаясь къ ней карло. Съ злобною, неистовою радостію сватилъ онъ ее за руку, какъ будто опасаясь, что жертва можетъ еще отъ него ускользнуть, подвелъ ее къ огню, устремилъ свои ядовитые взоры въ лицо дѣвушки, и внимательно перебиралъ всѣ ея черты, какъ будто отыскивая въ нихъ какое-то сходство.

Спокойно стояла Евфимія передъ нимъ: она пришла купить у него красоту и любовь Валеріана цѣною своего спасенія. Облака, помрачавшія ея разумъ, разсѣялись. Ничто не затемняло, ничто уже не скрывало отъ нея всей важности сей минуты и ея послѣдствій. Она свободно могла вынести страшное бремя грѣха, который брала на душу. Въ ней не было ни сожалѣнія, ни желанія возврата, ни даже страха. Она считала свой жребій брошеннымъ, видѣла себя погибшею безъ возврата... и въ неизмѣримости, въ безконечности своего несчастія, въ безднѣ грѣха и отчаянія очертила непреклонную гордость, мрачное спокойствіе падшаго ангела. Робкая, страдающая дѣвушка исчезла... Поднявъ голову, съ гордою осанкою, стояла она передъ карлою, и безъ трепета выносила острый взглядъ, который, казалось, хотѣлъ проникнуть въ ея внутренность. И если на блѣдномъ челѣ ея блистали капли холоднаго пота, какъ капли росы на мраморномъ челѣ статуй, то была послѣдняя дань, которую она платила слабой душѣ, нѣжному сложению дѣвушки. «И такъ вотъ она!... Вотъ минута, которой я ожидалъ годы, скрываясь въ берлогѣ, какъ дикій звѣрь... Последнее отродье ненавистна-

го племени въ моей власти.... Чувствуешь ли теперь, тиранъ, который увлекъ меня далеко отъ родины, на потѣху себѣ подобнымъ, презрѣннымъ невѣждамъ... Изъ глубины адской бездны видишь ли ты, чувствуешь ли униженіе, гибель твоей крови?»

Говоря глухимъ, невѣрнымъ голосомъ, онъ быстро ходилъ въ пещерѣ. Потомъ, остановясь передъ дѣвушкою и окинувъ ее взглядомъ, въ которомъ замѣтно было невольное удивленіе, онъ сказалъ: «И такъ, ты пришла ко мнѣ, красавица, одна, въ глухую полночь! Нечего сказать: молодецъ! Глупъ тотъ, кому при такомъ характерѣ въ женщинѣ нужна еще личина, которую вы зовете красотою.... за которую ты хочешь такъ дешево заплатить. Ха, ха, ха!» Тутъ карло захохоталъ и закашлялъ, такъ отвратительно, и такъ ужасно, что, задрезжали своды пещеры.

«Старикъ!» гордо произнесла Евфимія, «уволь меня отъ твоего смѣха. Тебѣ извѣстно, чего я хочу. Исполняй что надобно.»

Замѣтно было; что твердость дѣвушки производила дѣйствіе надъ карлою.

«Изволь, изволь, красавица. Но послушай. Ты мнѣ нравишься. Мнѣ хотѣлось бы услужить тебѣ, чѣмъ нибудь получше. Подумай хорошенько. Что такое красота? Тынь, игрушка, которая надобдается, когда къ ней привыкнуть.— Любви? Вздоръ, который не стоитъ и гроша, не только рубля. Скажи слово—и я дамъ тебѣ царство...»

Евфимія покачала головою.

«Милльоны, которые никогда не будутъ переводиться....»

Евфимія нетерпѣливо махнула рукою.

«Ну, хочешь славы? Имени, которое промесеуть изъ конца въ конецъ вселенной? Эй, возьми, послушайся! Для женщины дымокъ славы слаще, чѣмъ дымъ отечества.»

Евфимія презрительно улыбнулась.

«Ну, воля твоя... Я хотѣлъ поступить съ тобою попріятельски... Онъ замолчалъ.

«Стань въ этомъ углубленіи», произнесъ онъ наконецъ повелительнымъ голосомъ, «и чтобы ни происходило, не трогайся съ мѣста!»

Вынувъ изъ угла копье, маленькое и искривленное, онъ очертилъ имъ кругъ около камня, произнося глухимъ голосомъ невнятные слова. Окончивъ, онъ обошелъ около стѣнъ пещеры, отдѣляя по нѣскольку стеблей отъ cadaго пучка растеній. Во все время онъ напѣвалъ что-то въ полголоса, сопровождая свое пѣніе страшными движеніями рукъ и головы. Потомъ, очертивъ на воздухѣ таинственные знаки, на всѣ 4 стороны, сѣверъ, востокъ, югъ и западъ, раздѣлилъ набранныя растенія на 7 частей. Пламя замирало на жертвенникѣ. Но когда карло приблизился къ нему, съ воплемъ ввергнувъ въ огонь первый пучекъ, и поливъ его жидкостью изъ стеклянки чудной формы, пламя, яркимъ цвѣтомъ напоминавшее Тирскій пурпуръ, радостно вспыхнуло, вспрыгнуло до самаго свода пещеры и озарило ея дальнѣйшіе изгибы кровавымъ отливомъ. Евфимія казалось, что все пространство наполнилось огненными атомами; они кружились, искрились, горѣли, свивались толпами, исчезали и снова блистали въ воздухѣ. Казалось, огненное дыханіе крошечныхъ саламандръ должно было все превратить въ пепель. Проворно, быстро, какъ змѣй, кружили-

ся, бѣгалъ, извивался вокругъ жертвенника карло, съ дикимъ, пронзительнымъ крикомъ, похожимъ, то на вой вѣтра, то на ревъ потока, съ комми онъ сливался. Въ краткихъ промежуткахъ сихъ воплей сыпались изъ его усть непонятныя слова, стлживались, стучали, какъ камни, касаясь одинъ другаго. Меньше чѣмъ въ полминуты, три круга были совершены. Второй пучекъ, орошенный волшебною влагою, брошенъ на жертвенникъ. Мгновенно измѣнилось пламя. Желтыя, золотистыя волны полились въ разныя стороны отъ жертвенника, расширяясь, укорачиваясь, воздымаясь и опадая. Легкій, едва вѣтннй гулъ наполнялъ пещеру. Не такъ рѣзки стали движенія горбуна, не столь дикн и пронзительны его вопли.

Онъ приблизился къ огню, не показывая ни малѣйшаго признака усталости; взоръ его блисталъ; выраженіе лица было сурово и повелительно. Когда вспыхнулъ 3-й, пучекъ, пламя бѣлое, блистательное, подобное рѣкѣ изъ чистѣйшаго серебра, заструилось по землѣ, разлилось по стѣнамъ, заблестало въ каждой впадинѣ и охватило своды; при каждомъ его переливѣ, возвышались и умолкали въ воздухѣ звуки восхитительные и вмѣстѣ страшныя... Душа Евфимія была въ какомъ-то очарованіи, но очарованіе было для нея мучительно, невыносимо. Ей мнилось, что душа ея говорить послѣднее «прости» своей первой невинности, своей дѣвической чистотѣ, и вѣчное «прости» небесамъ, которыя съ той минуты для нея навсегда должны закрыться... Съ минуту, она чувствовала ошущеніе столь тяжкое, что ей казалось, будто она разстается съ жизнью. — «Бѣги! — шепталъ ей вѣтно, убедительно, незримый голосъ — еще есть время... Одна минута — и ты!..

Но ноги ея окаменѣли; она оставалась, будто прикованная, въ томъ кругу, въ которомъ поставилъ се чародѣй... Волшебныя куренія стали производить надъ нею полное дѣйствіе; они омрачили ея умъ, воспалили воображеніе....

На лицѣ кармы изобразилось безпокойство. Казалось, непредвидѣнныя имъ препятствія замедляли, затрудняли дѣйствіе его чаръ. Онъ осматривался, прислушивался, метался изъ стороны въ сторону, дрожа отъ гнѣва, поводилъ глазами, которые ярко сверкали изъ-подъ нахмуренныхъ бровей.

«Какъ!» шепталъ онъ съ яростью, «она погибнетъ не навѣкъ!... Минута расквашенія можетъ исхитить ее изъ моихъ рукъ!.. О!».. заревѣлъ онъ, страшно заскрежетавъ зубами и своды огласились его яростнымъ воплемъ.

Вдругъ онъ остановился. Лицо его прояснилось. Онъ усмѣхнулся своею злобною усмѣшкою.

«Гмъ! Но развѣ она не женщина!... Развѣ станетъ у ней силы отказаться отъ счастія, когда она его вполне вкуситъ?... Чтобы не покинуть этого счастія, она еще тысячу разъ предается мнѣ»...

Проговоривъ такъ, онъ расположилъ на жертвенникѣ, въ видѣ правильнаго четыре-угольника, стебли волшебныхъ травъ, и съ новою бодростью припалъ за свои чары. Огонь охватилъ вѣтки травы. Бѣдные, сѣроватые языки змѣями поползли по землѣ.

Евфимія чувствовала, какъ земля колебалась, дрожала подъ ея ногами. Гуще, толще раздавался голосъ кармы, медленнѣе становились его движенія, важнѣе поступь. Евфиміи чудилось даже, что онъ сталъ выше.... Ей стало страшно.

Новая добыча брошена въ жертву пламени; волшебная жидкость сообщила ему странный, зеленоватый отблескъ. Пещера оживилась. Все въ ней пришло въ движеніе. Стѣны покрылись широкими листьями, между которыми выглядывали и исчезали уродливыя, страшныя хари... Еще разъ взмахнулъ рукою карло. Пламя потемнѣло... Странные образы существъ явственно означились, зашевелились на стѣнахъ, отдѣлились отъ нихъ, и воздушными толпами понеслись вслѣдъ за карлою, который медленно, важно обходилъ кругомъ жертвенника, съ торжественнымъ, протяжнымъ пѣніемъ, устремляя повелительный жезлъ противъ невѣдомыхъ существъ, шумнымъ роємъ увивавшихся надъ жертвенникомъ.

Послѣдняя жидкость пролита на огонь; свергнуть послѣдній лучокъ. Черноватое пламя клубомъ взылось къверху; свѣтъ цвѣта запекшейся крохи озарилъ группу гадкихъ чудовищъ, которыя вдругъ сдѣлались неподвижны. Съ воплемъ и воемъ ворвался въ отверстіе пещеры вѣтеръ, неся на своихъ крыльяхъ толпы духовъ... Все вдругъ померкло; свѣды пещеры потряслись; раздалась, рокотъ, трескъ, свистъ, визгъ, стонъ и крикъ.

Отъ ужаса, какинъ можетъ поразить только геэнна ада, замертво пала Евфимія... Прикосновеніе руки, холодной, какъ ледъ, возвратило ей чувства. Она открыла глаза. Блѣдное пламя робко разливало свой свѣтъ въ пещерѣ — въ ней не было никого, кромѣ карлы, который стоялъ передъ нею неподвижно и безмолвно.

Онъ подавъ ей кольцо и молвилъ: «Вотъ что доставить тебѣ желаемое. Но, слушай: отнышъ ты принадлежишь другому властителю судебъ.... Онъ тебѣ дастъ красоту, обладаніе возможнымъ счастьемъ жи-

ни, счастьемъ, о которомъ ты никогда и не помышляла въ горячкѣ воображенія. Но знай и помни: принятиемъ кольца, ты наложила уже на себя клеймо отверженія отъ неба... ты должна забыть объ немъ... забыть все! Если помыслишь обратиться... отвертаться того, кому себя отдала, ты лишишься красоты, лишишься счастья. Тебя постигнетъ мученье, такое адское мученье, что легче было бы тебѣ носить съ стальными иглами ежа подъ сердцемъ... отраднѣе чувствовать разливающееся ядовитое пламя по жиламъ, вмѣсто крови... сладостнѣе сосать мозгъ изъ черепа своего собственнаго ребенка... Слышишь ли?»...

По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, голосъ его звучалъ сильнѣе и сильнѣе. Последнія слова раздались въ ушахъ Евфимія, какъ звуки трубы, или раскаты грома. И все выше и выше выросталъ карло. Мрачнѣе, ужаснѣе становились его черты; грознѣе, свирѣнѣе огненный взоръ. Когда онъ умолкъ, голова его касалась самыхъ сводовъ пещеры; его огромная тѣнь заслонила, и тусклое пламя жертвенника, и первыя, блѣдныя лучи зари, которые прокрадывались въ трещины.

Съ послѣднимъ дѣйствіемъ ужасной драмы, истощившись силы, какія до сихъ поръ, непонятнымъ образомъ, сохраняла Евфимія. Она упала на землю безъ чувствъ и безъ дыханія.

I.

Валеріана Николаевича Обоневскаго справедливо все называли счастливымъ. Юный, прекрасный, богатый, образованный, онъ, сверхъ того, пользовался еще всеобщемою любовью. Похвала ему была въ у-

стахъ каждыаго: старыя и молодыя, богатыя и бѣдныя, слуги и господа, всѣ были имъ очарованы. Продѣвушекъ и молодыхъ женщинъ и говоритъ нечего: для нихъ Валеріанъ, съ своимъ звучнымъ именемъ, прелестными манерами и пламенными черными глазами, былъ какимъ-то необыкновеннымъ, поэтическимъ существомъ. Счастливый въ свѣтъ и людяхъ, былъ онъ счастливъ и въ душѣ. Правда, онъ много разъ платилъ дань страданію; потери, измѣны, обманъ нередко поражали его сердце. Онъ испыталъ дѣйствительныя, жестокия горести, но онъ только очищали его душу, какъ огонь очищаетъ серебро въ горнилахъ. Вытерпѣвъ во сто разъ болѣе, нежели тѣ, которые дѣлаютъ свое, часто мстительное горе, и носится съ нимъ, какъ съ ребенкомъ, онъ наконецъ достигалъ своей цѣли; мысли его снова становились свѣтлы, въ душѣ снова кивалъ животворный ключъ дѣятельной любви къ добру, любви и прекрасному.

Вдругъ, Богъ знаетъ съ чего, въ первый разъ въ жизни, ему стало грустно безъ причины, и такъ грустно, что онъ не зналъ, куда дѣваться. Онъ бросилъ все и всѣхъ. По цѣлымъ часамъ, одинъ одинехонекъ, бродилъ онъ по пустыннымъ аллеямъ дворцоваго сада, или по одинокимъ, безлюднымъ улицамъ Нѣмецкой слободы, гдѣ былъ его домъ. Чувство тоски нестерпимой, тяготило его. Онъ желалъ скрыться отъ самого себя и отъ людей. Но то было невозможно. Недѣли съ двѣ, друзья и знакомые прѣзжали и присылали узнавать, что съ нимъ сдѣлалось. И всѣмъ былъ одинъ отвѣтъ: «болѣзнь, не можетъ принять» . . . . Вся Москва взяла участіе въ странномъ недугѣ Валеріана. Нѣкоторые не вѣрили его болѣзни; другіе шутили надъ нимъ; нныя думали, что онъ принимаетъ на себя личину для

того, чтобы казаться еще занимательнѣе. О, въ такомъ случаѣ, онъ вполне достигъ бы цѣли... Дамы единодушно сознавались, что Валеріанъ никогда не былъ такъ пѣвнтеленъ въ дни своей веселости... Онъ такъ искренно, такъ отъ души жалѣли о немъ! Многія—странное дѣло!—не зная, о чемъ онъ грустилъ, сочувствовали его грусти; многія простоудушно говорили, засыпая съ мыслью объ очаровательномъ меланхоликѣ: «Боже мой! какъ онъ хорошъ! Еслибы я могла его утѣшить!»

Но. никого не дугъ молодого Обоневскаго такъ не печалилъ, какъ Сергѣича, его бывшаго дядьку, а теперь управителя. Честный старикъ любилъ его больше всего въ мірѣ — любилъ такъ, какъ въ наше время люди уже не любятъ своихъ господъ. Такое рѣдкое, характеристическое чувство привязанности добраго слуги можно встрѣтить только во временахъ прошедшихъ. Бѣдный Сергѣичъ тосковалъ съ утра до вечера. Одно утѣшеніе было у него: по утру ходить къ заутренѣ, или, по крайней мѣрѣ, помолиться дома, да испрошлетъ Господь Богъ здравіе и благоденствіе его господину, а все остальное время пить онъ съ горя настойку своего собственнаго приговлсннл.

Однажды, въ сумерки, онъ сидѣлъ въ передней, и отъ скуки игралъ съ камердинеромъ въ дурачки. Вдругъ въ сѣняхъ раздались шаги тяжелой, неловой походки. Въ Москвѣ колокольчиковъ нѣтъ въ заводы; ворота запираются тамъ только у раскольниковъ, а въ другихъ домахъ всякій православный можетъ войти во дворъ, и если не тронуть собаки, пробраться до самой передней, гдѣ обыкновенно находится дюжина праздныхъ лакеевъ. Камердинеръ всталъ, чтобы отворить и впустить при-

пельца. Неуклюжий крестьянинъ, въ смуромъ кафтанѣ, ввалился въ переднюю, низко кланяясь.

«Что тебѣ надобно, любезный?» спросилъ Сергѣичъ, прихлебывая изъ стакана.

«Къ твоей милости, батюшка Барышня Афиша Николаевна прислала грамотку», сказалъ онъ, вынимая изъ-за пазухи письмо и посылку, тщательно завернутыя въ холстину. «Приказала сказать твоей милости: «отвѣта дескать не надо»— изволили уѣхать.

«Барышня?» воскликнулъ изумленный Сергѣичъ, поднимаясь съ прилавка... «Ахти, багюшки, ужъ не бѣда ли какая приключилась!.. Андрюша слышь, протчи-ка, у тебя глаза-то побойчѣй!.. Да куда же онъ, пострѣль, дѣлся?.. Ну такъ и есть!.. Дѣнь за воротами!.. Ужъ эта мнѣ молодежь!..»

Говоря или, лучше сказать, ворча подъ носъ, старикъ протеръ платкомъ очки, укрѣпилъ ихъ на носу, распечаталъ письмо и началъ читать:

Лю...лю...бези... любезный Сергѣичъ! До свиданья...

Но мы не станемъ слѣдовать методѣ Сергѣича въ чтеніи, и, пользуясь правомъ невидимки, прочитаемъ черезъ его плечо записку, съ которою ему такъ трудно было управиться.

«Любезный Сергѣичъ!» писала Евфимія, «мою часть дошли слухи, что твоему барину, а моему благодѣтелю (Добрая душа! выразительно молвилъ Сергѣичъ) очень не здоровится. Ты помнишь, что я всегда любила составлять составленіемъ лекарствъ, и тебя самого выцѣлила отъ ревматизма (Сущая правда! Сущая правда! Дай ей Богъ доброе здорovie!...) Вотъ лекарство, котораго ты не найдешь ни у одного аптекаря... У проклятыхъ ли Нѣмцовъ найдешь что хорошее!....) Я сама испытала его въ такой же болѣзни и теперь совершенно здорова. Дай его твоему барину въ

стаканъ чаю, или, пожалуй, вина, только чтобы онъ не зналъ. Не пройдетъ трехъ дней, какъ онъ по прежнему будетъ здоровъ и веселъ.

«Княжна Волжская.»

«П. С. Кума Прохорова: тебѣ пишется.»

«П. С. Скоро твои именины, мой добрый Сергѣичъ. Богъ знаетъ, когда мы увидимся, потому, что я ъду съ сестрицею. А чтобы ты меня не забылъ, посылаю тебѣ бездѣлку.»

При записѣ была приложена пятидесяти-рублевая ассигнація.

«Вотъ добрая душа!» сказалъ старикъ. «Дай ей Богъ, моей матушкѣ, скорѣе сдѣлаться княгинею! Завтра же, за обѣденою, поставлю ея ангелу рублевую свѣчу... Эй, ты, косматый дѣщій, на вотъ тебѣ на сивуху»... Старикъ въ радости вынулъ изъ табакерки гривенникъ. «На, да смотри... Тыфу пропасть! Бѣсъ какой! Прости Господи! Кудажь это онъ дѣвался? Въ снѣи, чтоль, ушелъ?» Сергѣичъ всталъ, со всякимъ проворствомъ, какое оставила ему подагра, но ни въ снѣяхъ, ни на дворѣ мужика не оказалось. Спрашивали дворню: никто въ глаза не видалъ не только мужика, но даже и лошаденки, которую, говорилъ онъ, оставилъ за калиткою. Тутъ раздумье крѣпко забрало Сергѣича. Ужь не бѣсовское ли это наводненіе? Или не вздумалъ ли кто испортить барина?

«А, что, Никифоръ Сергѣичъ, вѣдь онъ вошелъ и не перекрестился ни разу?» молвилъ Андрей, который, послѣ безполезныхъ розысковъ, возвратился въ комнату со старикомъ.

«А что ты думаешь? Вѣдь и впрямь такъ.. Ахъ! онъ, проклятый!» Долго ломалъ Сергѣичъ голову и

глоталъ пиво стаканъ за стаканомъ, въроятно, думая отыскать на днѣ ихъ правду.

«Да, что тутъ долго думать!» вскричалъ онъ въ концѣ, оживленный благодѣтельною влавою. «Дядя ясно, какъ день. Коли подарокъ какой ни на есть вѣдьмы, онъ, какъ разъ, пропадетъ отъ Богомъ явленной воды.» Прогнали Андрея за Богомъ являскою водою, которая свято хранилась у Сергѣича отъ праздника до праздника. Старикъ поставилъ стклянку съ лекарствомъ посреди стола, началъ кропить ее, приговаривалъ: «Чуръ, чуръ! Наше мѣсто свято!..» Потомъ прочиталъ: «Да воскреснетъ Богъ!» три раза обѣнилъ крестнымъ знаменіемъ. Стклянка, какъ была, осталась стклянкою. Тогда онъ премудро рѣшилъ, что лекарство прислала не вѣдьма а барышня, и, слѣдовательно, дать его Валеріану Николаевичу будетъ не только безвредно, но и полезно. Произнеся свое мудрое заключеніе, онъ отправился спать. И пора было!

Бѣдный Сергѣичъ! Съ какою досадою на себя, на пиво, на весь міръ, ты узналъ на другой день, что баринъ давно уже «изволилъ ухать со двора.» Прекрасный случай дать ему съ чаемъ волшебное лекарство потерявъ. Нечего дѣлать! Въ наказаніе, онъ выпилъ четырнадцать чашекъ жидкаго чаю и сѣлъ къ окну, поджидать возвращенія барина.

Тотъ возвратился блѣдный, угрюмый, молчаливый. Послѣ обѣда, по обыкновенію, спросилъ онъ стаканъ вина, выпилъ его, не обращая вниманія на таинственный видъ и комическое волненіе своего дядьки, когда Сергѣичъ подносилъ роковое питье. Напрасно дядька уговаривалъ его успокоиться послѣ обѣда, какъ дѣлаютъ всѣ добрые христіане. Валеріанъ взялъ шляпу и отправился въ Дворцовый

Садъ, гдѣ въ то время дня не гуляютъ даже и дѣти. Долго бродилъ онъ по одинокимъ дорожкамъ. Тоска смертельная! Долго сидѣлъ онъ на скамьѣ, въ одной изъ заднихъ аллей, смотря безотчетно на струи Яузы и прислушиваясь къ стуку вальковъ, которыми прачки колотили бѣлье на плотахъ. Потомъ, онъ вышелъ изъ сада, блуждалъ изъ переулка въ переулокъ, и наконецъ очутился въ Лѣсномъ ряду.

Тамъ, бѣдныя, уединенныя строенія примыкаютъ къ полю, за которымъ виднѣется темная зелень сосенъ Сокольничьей рощи. Вечерело. Валеріанъ шелъ тихими шагами, закутавшись въ плащъ и надвинувъ шляпу на глаза. Вдругъ изъ калитки дома, съ которымъ онъ поравнялся, выбѣжала дѣвушка, и съ выраженіемъ милой радости, почти бросилась въ его объятія.

«Братецъ!» говорила она, «милый братецъ!»

Валеріанъ поднялъ голову.

«Ахъ!» вскрикнула дѣвушка и почти упала на скамейку, которая стояла передъ домомъ. Она не смѣла поднять глазъ, не смѣла дышать... Смеркалось, но еще можно было различить, какъ блѣдность и румянецъ смѣнялись на ея лицѣ.

«Грація, Грація!» закричалъ пронзительный голосъ изъ домика. «Да, гдѣ ты прятешься?»

Заслышавъ голосъ, дѣвушка вскочила, скользнула въ комнату, взбѣжала по ступенькамъ крыльца, обернула голову къ молодому человѣку и взглянула на него украдкою, такъ быстро, что едва можно было замѣтить ея движеніе. Мимолетный взглядъ, которымъ сверкнули ея очи, мелькнулъ и ударилъ, какъ стрѣла, пущенная искусною рукою. Все про-

изошло такъ неожиданно, такъ быстро, что Валеріанъ не могъ даже дать себѣ отчета въ своихъ впечатлѣніяхъ. Онъ испытывалъ только то восхитительное ощущеніе, которое производитъ на чувства чудесный ароматъ, едва пахнувшій съ перелетнымъ вѣтеркомъ и уже улѣтѣвшій на его крыльяхъ.

Ожидая, не явится ли вновь прелестное видѣніе, онъ долго стоялъ въ одномъ положеніи, устремивъ глаза на крыльцо. Наконецъ, онъ удался. Но странная встрѣча занимала его всю дорогу. Онъ незамѣтно дошелъ до своего жилища. Давно лицо его не было такъ свѣтло, взоръ такъ одушевленъ.

Сергѣичъ начиналъ беспокоиться объ его долгомъ отсутствіи, но снявъ плащъ и проводивъ его глазами до дверей залы, добрый старикъ перекрестился. Восклицаніе: «Слава Тебѣ, Царю Небесному!» вылетѣло у него прямо изъ сердца.

Ложась спать, Валеріанъ сталъ было читать, но занимательныя похожденія Мельмота не могли овладѣть его воображеніемъ. Два раза смыкалъ онъ глаза и два раза опять ихъ открывалъ. Ему чудилась, то очаровательныя руки, которыя обвиваютъ его шею, то темныя волосы и воздушный станъ дѣвушки, то вдругъ, въ тишинѣ покоя, надъ самымъ его ухомъ, раздавалось: «Ахъ!» произнесенное ея нѣжнымъ, дрожащимъ отъ робости голосомъ. Онъ заснулъ наконецъ, но она не покидала его и во снѣ...

И Божій день не могъ изгладить впечатлѣнія, произведеннаго на него прелестнымъ образомъ дѣвушки. На мѣсто грусти, которая недавно его тлготила, овладѣло имъ какое-то волненіе, ничѣмъ не-

укротимое. Сердце его обуяло пламенное, непонятное желаніе; оно стремилось, рвалось, какъ магвѣть къ своему полюсу.

Послѣ обѣда, онъ пошелъ, по обыкновенію, безъ намѣренія, безъ цѣли, но на сей разъ быстрыми, неровными шагами, какъ челоѡкъ, который спѣшитъ къ предмету своихъ желаній, и не знаетъ еще, какая дорога ведетъ къ нему? Вдругъ, самъ не зная какъ, онъ очутился передъ ветхимъ домикомъ Лѣснаго ряда, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ вчера явилась ему Грація. Но очаровательное видѣніе не показывалось. — На одномъ изъ оконъ сидѣла старая, дородная женщина — хозяйка дома; на другомъ покоилась моська. И только. Комнаты, гдѣ жила дѣвушка, выходили на дворъ; тамъ не поднималось ни одно окно, и ни одно существо не показывалось на дворѣ.

Долго стоялъ онъ въ напрасномъ ожиданіи. Поцель проливной дождь. Валеріанъ возвратился домой несчастный, какъ будто проигралъ любимое свое сокровище.

Сергѣичъ встрѣтилъ его съ запискою въ рукахъ, и отступилъ, взглянувъ на своего господина. Въ самомъ дѣлѣ, мрачный и тревожный видъ Валеріана, его наморщенные брови и лицо не могли не испугать добраго старика. Онъ почти выхватилъ изъ рукъ его записку, но лишь только пробѣжалъ ее — лицо его въ одну минуту измѣнилось.

Записка была отъ довѣреннаго челоѡка, который надзиралъ за управленіемъ его помѣстьями. «Исполняя неоднократно ваши просьбы,» писалъ онъ, «я пригласилъ для вашихъ фабрикъ искуснаго машиниста, и уже почти заключилъ съ нимъ условіе, но

во всякомъ случаѣ, желалъ бы, чтобы вы сами съ нимъ переговорили. Его зовутъ Лунджи Деболи. Онъ живетъ въ Лѣсномъ ряду, въ домѣ мыщанки Гречихиной...»

«Лошадей!» закричалъ Валеріанъ. «Лошадей!»

Черезъ минуту, онъ стучался въ сѣни домика, гдѣ скрылась отъ него Грація.

«Мнѣ нужно видѣть господина,» сказала онъ женщина, которая вышла отворить.

«Барина? Его нѣтъ дома, сударь. Но, Боже мой, дождь, словно, изъ ведра льетъ! Позвольте, я доложу баринѣ.»

Не дожидаясь отвѣта, она ушла.

Почти въ ту же минуту, въ сосѣдней комнатѣ слышался непріятный голосъ старухи, выражавшій досаду и нетерпѣніе. Нѣсколько словъ, произнесенныхъ другимъ голосомъ, вѣжливымъ и серебристымъ, казалось, заключали робкую, но усильную просьбу. То было пѣнье соловья послѣ оглушительнаго карканья вороны.

Женщина вышла, и со всею торжественностью посланицы объявила, что его проситъ пожаловать. Онъ послѣдовалъ за нею въ бѣдную, но опрятную, комнату.

На канапѣ сидѣла пожилая женщина, которая встала, при входѣ его, съ угрюмымъ видомъ. Съ первой минуты, ея холодное лицо, взглядъ изъ подлбья, скрытая, злобная улыбка, поразили его самымъ непріятнымъ образомъ. Но впечатлѣніе разсѣялось при одномъ взглядѣ на дѣвушку, которая разливала чай.

Погода разгулялась. Солнечные лучи свѣтили прямо въ окно, у котораго сидѣла Грація. Они озарили розовымъ отблескомъ ея лицо, шею и грудь, и въ этомъ волшебномъ свѣтѣ красота ея казалась чѣмъ-то сверхъ-естественнымъ. Когда же, склонясь надъ столикомъ, она выходила изъ своей очарованной атмосферы, тогда, близкою тѣла и роскошью позы, она походила на лилію, которую первое солнце освѣтило на высокомъ стеблѣ. Чисто, какъ свѣгъ въ мушкетѣхъ, было ея чело; туча черныхъ кудрей, словно сумраки ночи, отъвѣтили его свѣтлую близну. Черты лица ея были нѣжны, и напоминали счастливый возрастъ дѣтства, но высокой станъ и прелестная форма груди показывали совершенное развитіе красоты. Въ милой улыбкѣ, которая смыкала ея уста, было также что-то младенческое, но огонь, блиставшій въ ея глазахъ, когда она поднимала рѣсницы, обличалъ сердце, уже созрѣвшее для любви, ожидавшее одной искры, чтобы вспыхнуть страстью.

Смотря на двушку, Валеріанъ чулъ, что въ ней таится очарованіе, могущество ея восхитительной красоты. Онъ чувствовалъ, не умѣя объяснить своего чувства—онъ зналъ только, что ни одна красавица не заставляла его испытать ничего подобнаго.

Прекрасныя женщины, взлѣбляемыя роскошью, угожденіями, лестью, сдѣлались для него слишкомъ обыкновенными. Онъ смотрѣлъ на нихъ съ удовольствіемъ, какъ на роскошные цвѣты въ цвѣтникѣ золотомъ возвращеннаго сада... Грація представлялась ему пышною розою, одинокою растущею среди дикихъ кустарниковъ, гдѣ не поетъ надъ нею соловей и ни одинъ взоръ не любитъ ея дѣвственною красотою.

Могъ ли онъ не пожалѣть, съ глубокимъ чувствомъ, что чудное ея благоуханіе теряется безплодно въ пустынномъ воздухѣ? Могла ли душа его, пылкая, страстная, не увлечся мгновенно восторгомъ? Въ самомъ дѣлѣ, онъ такъ увлекся, смотря на оборотительную красоту дѣвушки, что когда старуха заговорила съ нимъ, голосъ ея заставилъ его вздрогнуть.

«Вы, вѣрно,» говорила она, «тотъ господинъ, которому мой племянникъ рекомендованъ? Его нѣтъ дома, сударь, и Богъ знаетъ, когда онъ воротится. Сказалъ, что поѣдетъ осмотрѣть фабрику за городомъ, а ужъ вѣрно солгалъ... Вѣрно, гуляетъ съ пріятелями, да убиваетъ драгоценное время! Ужъ не дойти ему до добра!»

Грація вздохнула и бросила украдкою робкій взглядъ на молодаго человѣка, какъ будто желая угадать, какое дѣйствіе производятъ на него неумѣстные выходки старухи?

«Бросать насъ однихъ, въ чужомъ городѣ!» продолжала старуха.

«А развѣ вы здѣсь недавно?» спросилъ Валеріанъ, чтобы перемѣнить разговоръ, тягостный для молодой дѣвушки.

«Нѣсколько дней, сударь. Мы цѣлыя 15 лѣтъ не выѣзжали изъ Одессы. Покойный братъ дѣлалъ машины, и пока онъ былъ живъ, все шло своимъ порядкомъ. Любезному племяннику наскучило жить по отцовски. Онъ вообразилъ себѣ, что онъ второй... Моцартъ что ли? Кто его знаетъ! Бывало, коли днемъ долженъ работать, такъ ночь просидитъ кропя ноты, да не дастъ намъ спать, разыгрывая ихъ. Какъ на грѣхъ, какой-то пріятель написалъ

ему, что одинъ богатый помѣщикъ предлагаетъ ему большое жалованье и надзоръ за фабриками, и что въ свободные часы отъ должности, онъ воленъ заниматься, чѣмъ пожелаетъ. Вотъ онъ и обрадовался! Должно было собираться въ дорогу...

Старуха описала все свое путешествіе, говорила и жаловалась безъ умолка, радуясь безотвѣтности слушателя. А онъ? Онъ утопалъ въ созерцаніи. Но уже смеркалось. Благоразуміе требовало удалиться. Малѣйшая неосторожность, казалось ему, могла возбудить подозрѣніе и затворить ему двери эдема, который такъ нечаянно передъ нимъ раскрылся.

Прошло около двухъ недѣль. Машинистъ все былъ въ отлучкѣ. Но Валеріанъ объ немъ и не думалъ. Посвѣщать маленькій домикъ сдѣлалось для него потребностью, цѣлью жизни. Старуха не препятствовала ему. Напротивъ, ей, казалось, не могло быть ничего пріятнѣе вниманія и рѣдкаго терпѣнія, съ какими молодой человекъ выслушивалъ ее безконечное и всегда злобное болтанье.

Онъ даже и самъ умѣлъ занимать ее, описывая помѣстье, въ которомъ онъ будутъ жить, исчисляя выгоды и удовольствія, которыя онъ почтетъ себя обязаннымъ доставить семейству человека, столь для него полезнаго. Онъ говорилъ съ жаромъ, увлекательно. Предметъ его одушевленій былъ такъ недалеко! Правда, она молчала. Глаза ее всегда были опущены на работу.

Валеріанъ остерегался часто оборачивать голову въ ту сторону, гдѣ сидѣла дѣвушка; однакожь, онъ очень хорошо видѣлъ, какъ милая улыбка порхала на ея устахъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его разказа, какъ кроткій локъ ея становился еще свѣтлѣе и привле-

кательнѣе. Разъ, или два, она устремляла на него свои очи, и, казалось, съ удовольствіемъ и не безъ движенія разсматривала его лицо и фигуру. Разумѣется, это не могло быть странно для прекраснаго юноши. Только всякій разъ магическая сила взглядовъ Граціи заставляла его запинаться, останавливаться въ срединѣ рѣчи. Нерѣдко случалось ему отыскивать долго нить разсказа, которая терялась въ чудномъ блескѣ темныхъ, влажныхъ очей.

Старуха однакожь не замѣчала, или дѣлала видъ, что не замѣчаетъ его отступленій. Вообще, она показывала большое вниманіе къ Валеріану, даже радовалась его посвщеніямъ, и когда молодой чловѣкъ, прощаясь, почтительно съ нею раскланивался, всегда сердитая Скирина (такъ ее звали) произносила почти ласково: «Когда же вы къ намъ будете?» При сихъ словахъ Грація поднимала свою прелестную, темнокудрявую голову, и быстро направляла на Валеріана взоръ, полный ожиданія.

Его отвѣтное: *Завтра*, поражая радостнымъ трепетомъ нервы дѣвушки, зажигало пурпуромъ ея розовыя щеки.

II.

Вѣрный своему обещанію «прийти завтра» Валеріанъ на другой день, въ урочный часъ, уже былъ у воротъ маленькаго домика. Подходя къ дверлмъ комнаты, онъ вдругъ остановился, потому, что услыхалъ такой шумъ и гамъ, какъ будто тамъ былъ цѣлый полкъ спорщицъ. Вслуцавшись хорошенько, онъ скоро однакожь убѣдился, что войну производила только одна старуха. Онъ отворилъ дверь; любезная хозяйка немедленно обратилась къ Валеріану.

«Милости просимъ, сударь, милости просимъ! Какъ бы вы думали: вѣдь молодець-то нашъ еще до сихъ поръ глазъ не показывалъ? Да, что, впрочемъ, мудренаго! Знать, свелъ дружбу съ такими же негодяями, какъ самъ — гуляетъ, веселится, а мы по его милости сидимъ здѣсь почти безъ»...

Приходъ Граціи прервалъ ея рѣчь. Милая дѣвушка, улыбаясь, сдѣлала привѣтствіе Валеріану, подошла съ умоляющимъ видомъ къ старухѣ, и долго, и съ жаромъ говорила ей что-то на ухо.

«Ты вѣчно готова потакать своему негодяю братцу!» сердито сказала старуха, обернулась, и пошла ходить вокругъ комнаты, безпрестанно ворча себѣ подъ носъ и отряхивая платкомъ пыль со стульевъ.

Между тѣмъ, Валеріанъ смекнулъ, въ чемъ было дѣло. «Сударыня,» сказалъ онъ ей, когда Грація, счастливая своимъ успѣхомъ, весело ускользнула изъ комнаты, «вашъ племянникъ, конечно, не замедлитъ возвратиться. Между тѣмъ, мнѣ очень пріятно было бы, еслибы вы сдѣлали нѣкоторыя распоряженія къ отъѣзду. Позвольте мнѣ вручить вамъ задатокъ слѣдующей ему суммы.

«А развѣ намъ скоро должно будетъ ѣхать?» спросила старуха, съ нѣкоторымъ безпокойствомъ, замѣтно смягчившись при видѣ свертка, который Валеріанъ положилъ на столъ.

«По крайней мѣрѣ, я желалъ бы этого. Я хотѣлъ еще попросить г-на Деболи захватить въ мою подмошквную... Вамъ, конечно, непріятно такъ скоро оставить городъ, но вы будете имѣть полную свободу и всѣ средства возвращаться сюда, такъ часто, какъ только пожелаете.

«О, я этого не пожелаю, нисколько не пожелаю! Чего не видала я въ городѣ! Разврата молодыхъ, униженія старыхъ, готовыхъ продать за золото душу и тѣло, глупаго щегольства женщинъ, которыя думаютъ, что онѣ для того только созданы, чтобы парлжаться и кокетничать съ мужчинами... Нѣтъ, сударь, нѣтъ! я не пожалѣю о городѣ. Я порадуясь, что Грація не будетъ имѣть передъ глазами такихъ примѣровъ, хоть правду сказать, и она.. Но, да не о томъ рѣчь. Вы напомнили мнѣ, сударь, о чемъ давно должна бы я позаботиться.. Грація, Грація! ты посидишь съ г-мъ... Я поѣду съ хозяйкою въ городъ... Надѣюсь, сударь, что вы напьетесь съ нами чаю, а покамѣстъ, быть можетъ, подойдетъ и нашъ»...

Черезъ минуту, она прошла по двору съ другою женщиною. И такъ Валеріанъ остался одинъ съ Граціею. Онъ могъ цѣлый часъ говорить съ нею, смотреть на нее, не боясь безпрестанныхъ прерываній, и хотя не строгаго, но безпокойнаго надзора старухи.

Но — странное дѣло! — онъ, свѣтскій человекъ, неимѣвшій даже и понятія о застѣнчивости, онъ былъ неловокъ, не зналъ что дѣлать... потуплялъ взоръ, когда его собесѣдница обращала на него свои прелестныя очи, и почти не находилъ, о чемъ говорить! Грація съѣла за работу. Валеріанъ съѣлъ возлѣ нея.

«Чѣмъ вы обыкновенно занимаетесь?» спросилъ онъ.

«Теперь я почти цѣлый день работаю,» отвѣчала дѣвушка.

«Нѣтъ. Бывало, я съ удовольствіемъ слушала, когда читаль братья, и еще болѣе, когда одинъ другъ моего отца рассказываль мнѣ чудныя приключенія, но съ тѣхъ поръ, какъ мы здѣсь, къ намъ никто не ходитъ, читать некогда и нечего».

«Такъ вамъ скучно?»...

Грація отвѣчала легкими движеніями бровей и такою милою улыбкою, что Валеріанъ готовъ былъ расцѣловать ее.

«Да,» сказалъ Валеріанъ, съ нѣкоторою досадою, которую ему трудно было объяснить... «Съ вашею наружностью, въ ваши лѣта... это очень понятно. Вы желали бы видѣть свѣтъ, наслаждаться удивленіемъ, похвалами, удовольствіями... Это очень понятно».

«Вы меня не поняли,» замѣтила дѣвушка, лукаво усмѣхаясь. «Вы не поняли меня. Конечно, мнѣ скучно... но не потому, чтобы я желала видѣть свѣтъ, котораго не знаю, и Богъ знаетъ еще что...»

«А отъ чего же вы скучаете?» спросилъ Валеріанъ, улыбаясь въ свою очередь.

Грація покраснѣла, опустила глаза на работу, и потомъ тихо подняла ихъ на Валеріана. Взоръ молодого человѣка выражалъ такое живое участіе, что она не могла противиться нѣмому, но краснорѣчивому вызову.

«Вотъ, видите,» сказала она, съ милымъ замѣшательствомъ, «мнѣ скучно потому, что не съ кѣмъ раздѣлить времени, не съ кѣмъ перемолвить слова... Тетушка... тетушка все сердится... Конечно, это ей не мѣшаетъ любить меня... Чтожь дѣлать, когда у ней такой характеръ?... Братецъ также лю-

бить меня, но онъ — онъ также очель страшень. Иногда, во цѣлымъ дилемъ, онъ ни съ кѣмъ не говорить, ни на кого не смотреть»... Она вздохнула.

«Ровегина!» сказалъ Валеріанъ, взявъ ея руку, которой она и не думала отнимать.

«Да,» продолжала она, углубляясь въ свое положеніе, «когда мы были въ Одессѣ, я могла гулять долго, долго, дышать чистымъ воздухомъ... тамъ мнѣ было свободнѣе, веселѣе...»

«И можетъ быть, у васъ остались тамъ друзья — друзья милые, которыхъ нельзя забыть, ни замѣнить?» Сказавъ это, Валеріанъ оставилъ ея руку и смотрѣлъ на нее пристально, стараясь подмѣтить малѣйшее измѣненіе ея лица и глазъ.

«Нѣтъ!» отвѣчала она спокойно. «Когда былъ живъ батюшка, насъ посѣщали многіе. Но я была еще такъ мала. Потомъ я осталась съ тетюшкою и братомъ, и они оба не любили общества... Къ намъ ходилъ только старичекъ, котораго я любила, потому, что онъ рассказывалъ мнѣ много чудныхъ исторій... Онъ умеръ... Нѣтъ! у меня не было друзей, но тамъ были цвѣтуція поля, сады съ благоуханными цвѣтами и плодовитыми деревьями. Тамъ я видѣла голубое небо, горы и море... А здѣсь... все одна улица, грязная, скучная... Нельзя выйдти даже на это пыльное, печальное поле»...

И она опять вздохнула и принялась за работу. Валеріанъ молчалъ.

Онъ смотрѣлъ съ живымъ чувствомъ на прелестную дѣвушку. — Такъ немного нужно было для ея счастья — думалъ Валеріанъ — и этого немногаго судьба не хотѣла ей дать! А сколько созданій злыхъ,

уродливыхъ душою и тѣломъ, такъ щедро надвѣлены судьбой! — Глубокое умиленіе овладѣло его душою.

О, люди, люди, рабы чувствъ! вы отвергаете свое сердце только внѣшнимъ впечатлѣніямъ. Юность, красота тѣла — и для васъ довольно! Вы поражены, увлечены... Но вы холодны, вы безъ чувствъ къ красотѣ души... Будь на мѣстѣ Граціи женщина, не говорю дурная, но посредственная, и ея одиночество, бѣдность, трудная, скучная жизнь, не обратили бы вниманія Валеріана, или выманили бы у него только жестокія слова: «Да развѣ мало такихъ на свѣтѣ? Ну, чтожь дѣлать? Пусть терпитъ... Всѣмъ нельзя быть счастливыми!»

Валеріанъ всталъ и ходилъ по комнатѣ, въ глубокой думѣ, которая отражалась на его лицѣ.

Грація задумалась, опустила работу на колѣни... Полузакрытый взоръ ея былъ устремленъ на стѣну, но мысли ея были далеко — она мечтала. Тихая дума, которая порхала на ея спокойномъ лицѣ, придавала ей новое очарованіе... Волненіе Валеріана усилилось. Взоръ его пробѣгалъ по комнатѣ и встрѣтилъ гитару, повѣшенную на стѣнѣ.

«Не вашъ ли инструментъ?» спросилъ онъ.

Дѣвушка медленно обернула голову, подняла глаза, сперва на него, потомъ на предметъ, на который онъ указывалъ, и отвѣчала утвердительно.

«Такъ вы знаете музыку?»

«Я очень люблю ее... Братъ предлагалъ мнѣ учиться, но это какъ-то разстроилось... Я выучила только нѣсколько романсовъ съ гитара...»

«И я увѣренъ, вы ихъ прекрасно поете. Я увѣренъ также, что вы не откажете въ счастьи»

«Мое искусство не стоитъ такихъ просьбъ... а если вамъ угодно въ самомъ дѣлѣ, я спою.»

Она взяла гитару, повѣсила ее черезъ плечо, и запѣла. Голосъ ея былъ обворожителенъ, но необработанъ.

Слушая пѣвицу, Валеріанъ смотрѣлъ на нее въ какомъ-то упоеніи. Ея лицо, подернутое живымъ румянцомъ, полуоткрытыя уста, полная, лебединая грудь, которая, то вздымалась, то опускалась, взоръ, полный нѣги и любви, производили на него дѣйствіе волшебнаго очарованія. Онъ готовъ былъ заключить ее въ свои объятія, напечатлѣть пламенный поцѣлуй на двѣхъ ея устахъ, подобныхъ пышной, едва распутившейся розѣ... Осторожность, честь, довѣренность старухи, свѣтъ, люди — все было забыто... Но, вдругъ, подъ окномъ залаяла собака. Едва Валеріанъ успѣлъ отскочить отъ стула, на которомъ сидѣла Грація, и упасть на диванъ, старуха вошла въ комнату, съ женщиною, которая несла за нею разныя покупки... Она бросила на молодыхъ людей, изъ подлобья, лукавый взглядъ, и — злобно, съ торжественнымъ видомъ, усмѣхнулась.

III.

Нѣсколько дней Валеріанъ не выходилъ никуда изъ комнаты, потому что чувствовалъ себя нездоровымъ. Тревога сердца, тоска тяготили его жестоко... При первой возможности, онъ былъ уже на дорогѣ туда, куда влекся онъ, какъ очарованный, и мыслию и сердцемъ... Странное предчувствіе, какос-то стѣсненіе въ груди, вдругъ овладѣли имъ, когда онъ подошелъ къ жилищу своего счастья. Онъ боялся войти... Тихо подошелъ онъ къ двери за-

лы... тихо отворилъ ее, и, какъ вкопанный, остановился на порогѣ. Грація сидѣла на своемъ обычномъ мѣстѣ— безмолвная, грустная, какъ роза бѣлая, поникшая на своемъ стеблѣ. Надъ одеждою печали убійственно рисовались ея плечи и грудь, бѣлѣйшія гипса... Склоненное къ груди лицо, съ котораго спорхнуль румянецъ жизни, подъ тучей темныхъ кудрей, поражало одною мыслью: смерть— или наслажденіе павѣкъ твоею волшебною красотою...

Валеріанъ стоялъ, какъ мраморное изваяніе, на порогѣ двери; его страстные взоры каменными стрѣлами летѣли къ чудному существу, которое онъ видѣлъ передъ собою. Услыхавъ шорохъ, Грація подпала голову, взглянула, вспыхнула, поднялася быстро съ мѣста, но вдругъ опять поблѣднѣла и опустилася на стулъ.

Въ эту минуту въ комнату вошла старуха. Лицо ея показалось Валеріану гадкимъ и отвратительнымъ... Улыбка демонской радости сверкнула вокругъ ея губъ, желтыхъ и тонкихъ.

«Ну, что?» сказала она, своимъ пронзительнымъ голосомъ, обратясь къ Валеріану, «не говорила ли я вамъ, что не доведетъ его до добра такая жизнь?.. Знаете ли, гдѣ отыскался нашъ соколъ?... Умеръ, батюшка, утонулъ!

«Утонулъ?» повторилъ Валеріанъ.

«Да,» продолжала старуха, злобно усмѣхаясь, «утонулъ; третьяго дня намъ принесли его платье... тѣло схоронили на полѣ, а душа тамъ, гдѣ навѣрно не потребуютъ отъ нея музыки... Куда какъ глупы стали нынѣ люди! Прежде, они бывали умнѣе. Бывало, по крайней мѣрѣ, отдаютъ душу лукавому за хорошую цѣну—за богатство, за земное счастье,

а теперь дарят ему и жизнь и душу — такъ, ни за что... изъ гордости, изъ пустаго тщеславія... изъ праздности. Задумаютъ о себѣ и нивѣсь что, начнутъ пренебрегать своею судьбою, удаляются отъ людей, отъ дѣла, забываютъ все, что было въ почтеніи въ старину — начнутъ презирать все и всѣхъ, и наконецъ самихъ себя — и прямо къ синьѣру чорту»...

Долго еще говорила бы старуха, но вошедшая женщина сказала ей что-то на ухо. Она тотчасъ вскочила и удалилась.

Валеріанъ стоялъ, какъ пораженный громомъ. Злая старуха, съ своимъ страшнымъ, неожиданнымъ извѣстіемъ, потрясла сильно его душу.

— Умерь! Утогуль!... Этотъ юноша, страшный, необыкновенный, по рассказамъ Граціи, страстный къ искусству — умерь! — мыслилъ Валеріанъ. — Онъ пріѣхалъ сюда только для того, чтобы сбросить въ волны рѣки бремя, которое, вѣрно, было ему тяжело, чтобы положить свои кости на чуждомъ полѣ, безъ слезъ друзей и безъ священныхъ пѣсень!... Бѣдный, бѣдный пришлецъ! Да, простить тебя Милосердый! А Грація?... Что будетъ съ нею, въ чужой землѣ, съ такою поразительною красотою, безъ друзей, подъ властію отвратительной старухи? —

Онъ бросился къ ней. Грація сидѣла неподвижно, опрокинувъ голову на спинку стула. Она была блѣде подотна, которое лежало у нея на колѣняхъ. Двѣ крупныя слезы медленно катились по ея щекамъ. Сердце Валеріана облилось кровію.

«Грація!» вскричалъ онъ, «Грація!... считайте меня своимъ братомъ! Позвольте мнѣ посвятить вамъ мое время, жизнь, все что я имѣю, для ваше-

го счастья! «Милая Грація! не огорчайтесь так!» прибавилъ онъ, цѣлуя ея холодныя руки—«берегите себя, для друзей... для друга, который у васъ остается!»

Легкій румянецъ, заигравшій на ея щекахъ, былъ отвѣтомъ на призывъ... Она открыла глаза... и взглянула на Валеріана, который стоялъ передъ нею на колѣняхъ... Голова ея невольно склонилась къ нему.

Она рыдала... Горячія слезы ручьями катились къ нему на руки. Невольно брызнули слезы изъ глазъ Валеріана и смѣшались съ слезами Граціи... О, тотъ не знаетъ любви, кто не дѣлилъ горя жизни съ любимымъ предметомъ, тотъ не вдыхалъ самаго чистѣйшаго аромата райскаго цвѣтка, кто не плакалъ вмѣстѣ съ предметомъ своей любви! Кто видѣлъ только улыбку на устахъ любимой женщины, тотъ еще не испыталъ счастья!

Слезы облегчили грудь Граціи; милая улыбка озарила ея лицо. Протянувъ руку Валеріану, она сказала ему дрожащимъ голосомъ: «Завтра мы увидимся. Теперь я не могу... я не имѣю силы благодарить васъ... Мнѣ нуженъ покой»... И она скрылась.

Валеріанъ, не медля ни минуты, вышелъ изъ дома.

Неспособный, ни къ размышленію, ни къ занятію, онъ цѣлый день бродилъ въ Дворцовомъ Саду. Было уже совсѣмъ темно, когда онъ возвратился домой. Одно ясное ощущеніе сохранилось въ его душѣ... одинъ образъ преслѣдовалъ его въ саду. Онъ любилъ, любилъ всѣми силами души.

Нужно ли сказывать, что *завтра*, произнесенное милою дѣвушкою, заставило Валеріана упредить задолго обычный часъ своихъ посѣщеній? Краснѣя,

съ опущенными рѣсницами встрѣтила, его Грація. Исчезла ея плѣнительная веселость. Живость смѣнилась трогательною томностью. Все ея существо было, какъ будто подернуто таинственнымъ покровомъ стыдливости и робости, но сквозь этотъ покровъ оно сіяло новою прелестью для очарованнаго Валеріана. Счастье, или несчастье готовили ему взоры, потупленные въ землю, трепеть, который она старалась скрыть? Боялась ли она измѣнить своему сердцу, или вчерашній, дружескій поступокъ ея было только простое, невольное движеніе души, внезапно застигнутой горемъ среди пустыни одиночества и безучастія, и благодарностию замѣнившей сочувствіе къ ея страданію? Неужели она была съ нимъ неискренна, когда такъ младенчески, простоудшно довѣряла ему свои семейныя огорченія?... Неужели, вопреки ея увѣреніямъ, въ покинутой ею, но незабытой родинѣ остался человекъ—предметъ ея сожалѣній и тоски по отчизнѣ? Грація не поднимала очей. Но она чувствовала могучій взглядъ Валеріана. Но ея волненіе, ея страшное волненіе, но ея пылающія щеки... трепеть?

«Нѣтъ, нѣтъ!» вскричалъ Валеріанъ, «она меня любить!—и прижалъ страстную дѣвушку къ своей волнующейся груди.

Уста ихъ слились въ долгомъ, пламенномъ поцѣлуѣ...

Минута блаженства, для которой нѣтъ словъ, нѣтъ красокъ, нѣтъ звуковъ!... Мгновенія мимолетныя, какъ минутная радуга на небесномъ сводѣ—рѣдкія, какъ вдохновенія, недоступныя для многихъ, многихъ изъ людей, какъ перлъ, сокрытый во глубинѣ моря!

«О! какъ я счастлива,» прошептала наконецъ Грація, и между тѣмъ слезы восторга увлажили ея пламенные очи.

«Грація, Грація!» вскричалъ Валеріанъ, «ты любишь меня?» И снова, онъ прижалъ ее къ своему сердцу, осыпая поцѣлуями ея уста, чело, грудь, щеки. — «Стало быть, ты меня любишь?» повторялъ онъ въ упоеніи.

«Люблю ли я васъ?» сказала она, когда его поцѣлуи позволили ей произнести сіи слова. Вырвавшись изъ его объятій, она съѣла на краю дивана и закрыла руками свое пылающее лицо. Такъ пребыла она нѣсколько минутъ. «Люблю ли я васъ?» вскричала она снова — и невыразимо свѣтлый, ослѣпительный блескъ ея очей. Юный ликъ ея сіялъ и горѣлъ, какъ лицо поэта въ минуту вдохновенія... Развѣ истинная, чистая любовь не есть также поэзія? Развѣ восторгъ ея также не вдохновеніе?

Валеріанъ преклонилъ передъ нею колѣни; онъ не могъ отвести глазъ съ своего очаровательнаго видѣнія.

«О, когда я въ первый разъ почувствовала твой взоръ,» говорила она, почти шопотомъ, «когда одинъ звукъ твоего голоса, одно твое восклицаніе коснулись моего слуха — о, тогда, тогда во мнѣ произошло то, чего я никогда не буду умѣть описать... Никогда такое чувство не волновало моей груди... Ты предсталъ мнѣ не человѣкомъ, но свѣтлымъ, лучезарнымъ ангеломъ!.. И я знала тебя прежде... твой взоръ, твоя улыбка, все, что ты говоришь, было мнѣ родное... О, мой Валеріанъ! И ты мой, мой... о, я готова сойти съ ума отъ счастья! И ты говоришь — мы не разстанемся?»...

«Да, да, моя милая, моя возлюбленная Грація! Мы

не разстанемся... мы будем дѣлить вмѣстѣ и жизнь, и счастье, и все»... И онъ снова заключилъ ее въ объятія.

Когда утихли первые восторги, Валеріанъ объявилъ о своемъ счастьи старухѣ. Женщинѣ, которая служила Граціи, онъ высыпалъ весь кошелекъ въ передникъ, сжимая ея руки и умоляя ее радоваться и молчать... Боже мой! Онъ былъ такъ счастливъ! А Грація? Она слѣдовала за нимъ взорами, съ движеніемъ сердца, котораго не возможно передать; она любовалась, она гордилась имъ, повторяя въ душѣ: *Онъ мой!*

Положено было черезъ шесть недѣль совершить свадьбу, какъ можно тише...

На другой день, Валеріанъ посѣтилъ свою прекрасную кузину, Елену Александровну. Онъ зналъ ея вкусъ, вѣрилъ ея дружбѣ, и уважалъ въ ней душу, необыкновенную, подъ блестящимъ покровомъ свѣтской женщины. Онъ открылъ ей свое сердце, и умолялъ ее взять на себя трудъ устроить его домъ, не щадя издержекъ.

Елену Александровну, казалось, не столько удивила, сколько тронула такая довѣренность... Не сообщая своихъ замѣчаній Валеріану, она давно уже его угадала. Но еслибы она и не подозрѣвала настоящей причины его перемѣны, то его волненіе, пылающій взоръ, всѣ признаки любви въ ту минуту, открыли бы ей все... Она съ чувствомъ сжала его руки въ своихъ, говоря, что никогда онъ не могъ сдѣлать ей порученія болѣе пріятнаго... Они не объяснились, но совершенно поняли другъ друга.

«Положитесь на меня,» прибавила она, прощаясь съ нимъ, и голосъ ея трепеталъ отъ душевнаго движенія. «Положитесь на меня. Вѣрьте, cher Valérien, что никто не можетъ лучше понимать вашего счастья и радоваться ему такъ искренно, какъ я.»

Когда Валеріанъ ушелъ, Елена Александровна сѣла на диванъ. Ей стало грустно, такъ тяжело грустно, какъ никогда въ жизни!.. Невольныя слезы потокомъ побѣжали изъ ея глазъ. Милое существо! понятна грусть твоя, понятны слезы! Жизнь, такъ прекрасно тобою созданная, была лишена самаго лучшаго цвѣта — очарованія той любви, которую видѣла ты въ душѣ своего родственника, такого прекраснаго, милаго, обшцающаго столько счастья и наслажденій! ...

IV.

«Куда ты, Теслевъ? Куда такъ рано?» спрашивалъ молодой чедовѣкъ, обращаясь къ одному Московскому щеголю, который вноходью пробирался сквозь блестящую, раздушенную толпу дамъ и мужчинъ.

«Надобно вѣхать, Боринька, къ тетушкѣ—обшцалъ быть всенепремѣнно! Не знаю только, гдѣ отыскать Долинскаго, своего новопрѣзжаго родственничка. Не видалъ ли ты его? Онъ все ходилъ съ моимъ дядей, а потомъ, право, не знаю куда дѣлся.

«Кажется, я видѣлъ его вонъ тамъ, въ амбразурѣ окна, подъ листьями деревьевъ, между вазою и дверью,» небрежно молвилъ сороколѣтній франтъ, и замурныкалъ, паводя лорнетъ въ сторону, гдѣ сидѣла хозяйка...

«Александръ!» сказалъ Теслевъ, подходя къ Долинскому. «Александръ!» повторилъ онъ снова, ударяя

его по плечу.» Помылуй, братецъ! Что ты сюда забился и сидишь, какъ филинъ? Я тебя нищу, зову....

«Ахъ, Теслевъ! что за восхитительное созданіе! Смотрю и не вѣрю глазамъ... Давно ли на землю стали слетать небожители въ образъ женщинъ?... Ради златистыхъ кудрей Аполлона, скажи: кто эта красавица, съ брилліантовою діадемою на черныхъ волосахъ, что сидитъ возлѣ Елены Александровны?..

«А! помнишь, я тебѣ рассказывалъ про нашего любезнаго пріятеля, Валеріана Обоневскаго, который кружилъ головы всѣмъ здѣшнимъ дамамъ, а потомъ сдѣлался медвѣдемъ и вдругъ скрылся за тридевять земель? Это его жена... Богъ знаетъ, кто она такая? Одни говорятъ Итальянка, другіе Гречанка.

«О, конечно Гречанка, иначе быть не можетъ!... такія черты, роскошь кудрей, огненные очи, конечно, встрѣчаются и между Итальянками, но одинъ только поэтической климатъ Греціи могъ дать такому образу такую душу, такую невыразимую нѣжность и гармонию, которыя, кажется, говорятъ: «Я создава любить и дѣлать счастливыми!

«Я тоже думаю. Да, и самое имя ея обличаетъ ея Олимпійское происхожденіе: ее зовутъ Грація.

«Грація!

«Да, любезный!» подхватилъ молодой человекъ, котораго забавлялъ восторгъ чудака, недавно пріѣхавшаго изъ степей, съ душою пылкою, страшною и еще дѣтски свѣжею. «Но ты еще не видалъ ея вблизи. Что за кожа, братъ! Что за цвѣтъ лица! Какая очаровательная улыбка!.. Одна такая улыбка можетъ завоевать, плѣнить сердце... Такой, взоръ кланусь! могъ бы убить меня, еслибы ударъ былъ

направленъ прямо ко мнѣ... — Да, любезный, отъ взоровъ несравненной красавицы ужъ не одинъ черепъ раздробился свинцомъ, и не изъ одной головы умъ вылетѣлъ — Богъ знаетъ, куда!...

«Но, кого дарить она такую улыбкою? Кто тотъ счастливецъ, на кого такъ привѣтливо она устремила свой взоръ?»

«Это ея мужъ. Говорятъ, она страстно его любитъ.

«О, вѣрю, вѣрю! Еще ни на кого она такъ не смотрѣла! Когда она говорила съ нимъ, то все ея существо измѣнялось.. Она стала еще прекраснѣе... Какая женщина! Какая женщина!...

«Однакожь намъ пора ѣхать къ тетускѣ — ужъ 11-ть. Оно и кстати — гостиная сей часъ потемнѣетъ... Обоневскіе, кажется, собираются ѣхать.

Въ самомъ дѣлѣ, Грація встала, размѣнялась улыбками и привѣтствіями съ Еленою Алекс., и пошла, вмѣстѣ съ мужемъ, къ дверямъ залы, сопровождаемая ропотомъ удивленія и невольными вздохами.

Эта маленькая сцена происходила въ первое зимнее собраніе, въ той самой залѣ, гдѣ годъ тому бѣдная Евфимія сидѣла въ уединенномъ углу, между двумя старухами, и ревнивымъ взглядомъ слѣдила за своимъ идеаломъ.

Въ тотъ же вечеръ, царица всѣхъ баловъ, Грація Обоневская, пресыщенная удовольствіями и привѣтствіями, стояла передъ зеркаломъ, въ кисейномъ negligé. Она выплела изъ прически послѣдніе цвѣты, черные волосы ея разсыпались по плечамъ и покрывали ея шею, грудь, талию. Она, то любовалась ихъ роскошными волнами, то подбирала ихъ и обертывала вокругъ головы, въ видѣ тюрбана,

то закрывала ими лобъ и лицо, и смѣялась, смотря въ зеркаль, какъ свѣтились и блистали сквозь них шелковую сѣть брилльянтовые ея глаза, то бросалась на стуль, закидывая назадъ головку и смотря, какъ они доставали до полу.

Мужъ ея ходилъ быстрыми шагами по комнатѣ, бросая на нее по временамъ безпокойныя взгляды. Когда горничная вышла, онъ бросился на стуль и закрылъ руками лицо. Видно было, что-то тяготило его душу. Грація хотѣла ему сдѣлать какойто вопросъ. Она обернулась къ нему съ улыбающимся лицомъ, и вдругъ онѣмѣла отъ удивленія, при взглядѣ на его пасмурное лицо. Черезъ минуту, она тихо откинула назадъ волосы, съ нѣжною ласкою подсѣла къ перлу своего сердца, обвила его шею бѣлыми ручками, обнаженными до локтя, и стала смотрѣть ему въ глаза съ любовью и невыразимою заботливостью. Валеріанъ не могъ не улыбнуться милому созданію, и улыбка тотчасъ повторилась на лицѣ Граціи.

«Что съ тобою?» говорила она, своимъ нѣжнымъ голосомъ, «ты озабоченъ... мраченъ?»

«Ничего, милая!» сказалъ онъ, цѣлуя ее.

«Ничего?» повторила она, грустно покачавъ головою. «Но развѣ я не умѣю читать на твоемъ лицѣ? Развѣ, ты думаешь, малѣйшее измѣненіе въ твоихъ глазахъ можетъ отъ меня укрыться? Другъ, другъ! еслибы я была слѣпа, и тогда сердцемъ угадала бы, что ты встревоженъ... О, Валерій! развѣ не все между нами общее? Развѣ между нами не долженъ существовать полный, безграничный раздѣлъ души!.. Ты долженъ сказать мнѣ, что тебя огорчаетъ... Да, непременно долженъ... Скажи, скажи, злой!»

повторяла она, осыпая его лицо поцѣлуями... Онъ все молчалъ. Взоръ его выражалъ смущеніе и нерѣшительность.

«Грація!» вскричалъ онъ наконецъ, и сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ, такъ крѣпко, что она едва не вскрикнула отъ боли и испуга. «Грація! пожалѣй меня! Я безумецъ. Я — ревнивъ!»

«Только-то!» воскликнула радостно Грація.. «О милый! какъ ты напугалъ меня!»

«Только?» повторилъ мрачно Валеріанъ. «Я чувствую, лдъ льется по моимъ жиламъ и капля по капль иссушаетъ кровь... Внутренній огонь прожигаетъ меня до костей! Мнѣ нѣтъ покоя днемъ, нѣтъ ограднаго сна ночью!»

«Но, милый, неужели не вѣришь ты моей любви? не знаешь...»

«Не говори, не говори!.. Еслибы ты своею любовью не пересоздала мнѣ жизни въ рай, чего бы мнѣ было страшиться? Еслибы я не зналъ цѣны сокровища, которымъ обладаю, чтобы мнѣ было терять?»

«Зачѣмъ же мучить себя, когда нѣтъ даже ни малѣйшаго повода? Не смѣшно ли страшиться бури, когда нѣтъ ни облачка на лазуревомъ небѣ? Тебѣ извѣстны всѣ мои помышленія... Какъ дитя къ матери, я бѣгу дѣлать съ тобою каждое движеніе моей души...»

«Но, Грація, вѣдь я сказалъ тебѣ... я безумецъ, жалкій безумецъ! Всѣ люди, которые восхищаются... Что мнѣ сказать тебѣ?.. Знаю, что ты не измѣнишь мнѣ. Не за любовь твою страшусь... Но каждый твой взглядъ, каждое слово, обращенное къ другимъ, кажется мнѣ похищеніемъ моей собствен-

пости, каплею крови, источенною изъ моихъ жилъ... А если ты обращаешься къ кому съ милою улыбкою, которая придаетъ твоему лицу такое восхитительное выраженіе, если еще смягчаешь свой серебряный голосъ... О! тогда!.. Нѣтъ! я не въ силахъ передать, что я тогда чувствую... Я не помню себя... я готовъ на всякій безумный поступокъ..... О!»... Ужасающій вопль вырвался изъ его груди... Онъ стиснулъ руками голову... Потомъ всталъ съ мѣста и быстро бѣжалъ по комнатамъ, кидая мутные взоры.

«Грация! ты побѣдила.»

«Страшно!» прошептала она, опустивъ на грудь голову. Пробывши нѣсколько въ положеніи отчаянія, она вдругъ подбѣжала къ мужу и схватила его за руку.

«Послушай, Valerio! Однажды ты много говорилъ мнѣ о прекрасномъ положеніи помѣстievъ, гдѣ ты родился. До весны остается мѣсяць. Этого довольно, чтобы все приготовить къ нашему отъезду. Поѣдемъ поселиться тамъ одна. Останемся тамъ навсегда.»

Валеріанъ слушалъ ее съ жаднымъ любопытствомъ... Лицо его свѣтлѣло. Онъ подвигалъ на нее глаза, въ которыхъ выражались радость, удивленіе, благодарность, недоувѣренность...

«Какъ, Грація?.. Ты согласилась бы — ты, столь юная, прекрасная...»

«Ваше удивленіе очень обяжаетъ меня, милостивый государь...» прервала Грація, съ притворнымъ гнѣвомъ, надувъ губки.

«Ты отказалась бы отъ удовольствій? Оставила бы знакомыхъ, друзей, когда тебя всѣ такъ любятъ, всѣ желаютъ?...»

«Да, да, да!»

«Как? Ты рыщешься, чтобы я завел тебя, мой пышный цыгок, въ пустыню, где ты умираешь съ тоски? Нѣтъ; нѣтъ, никогда! Ты быль бы злодѣй, еслибы принялъ такую жертву!»

«Да, кто же вамъ сказалъ, что тутъ есть жертва? Развѣ не въ уединеніи я жила, прежде чѣмъ извлекли меня изъ него? Друзья, пышность, удовольствія — развѣ не вы меня ознакомили съ ними?»

Она отвернулася.... Потомъ вдругъ подошла къ нему.... Глаза ея были полны слезъ; все существо ея дышало невыразимого прелестью; вѣжливѣйшая любовь звучала въ каждомъ измѣненіи ея голоса. Она дышала во всѣхъ ея движеніяхъ, во всѣхъ пертахъ лица ея....

«Возвѣрь! развѣ твоя любовь, на жизни моей не дышала мое? Можешь ты, во всемъ мірѣ, со всеми ея сокровищами — не говорю, забыть, можешь ли, оны что нибудь для меня означать, въ сравненіи съ твоею любовью; съ твоимъ присутствіемъ? И когда ты будешь со мною въ пустынь, въ трудахъ твоихъ нищеть, развѣ мнѣ останется чего нибудь желать? И всѣ удовольствія, о которыхъ ты свѣдѣн, не ворить, — о! какъ ничтожны они! какъ презрительны передъ однимъ твоимъ словомъ, передъ однимъ взглядомъ!... Въ степяхъ, въ уединеніи, въ спѣжныхъ долинахъ Сибири — съ тобою, я буду благословлять мою судьбу.... Я лучше предпочла бы жить твоею рабою, нежели царицею безъ тебя!»

«Грація!» вскричалъ тронутый до глубины сердца ея счастливый мужъ, ... и сомкнувъ ея уста горячимъ поцѣлуемъ.

V.

СТРАННИЦЫ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ОБОИВОВАГО.

Крыль.

И счастье, и несчастье!

Ищешь называютея огненными буквами слова твою, мой погибшій другъ! Да, есть въ счастіи несчастье, невыносимое, убійственное несчастье!... Горькая, но глубокая истина! Она вырвалась изъ сильно-новъ твоей души, бедный страдалецъ!... Ты, сметливый волею, счастливый вдохновеніемъ, ты былъ мученикомъ въ этомъ мірѣ! Мельочи жизни расщепалии тебѣ на части, тяжкія заботы гнѣли, давили твою душу!... Низкая злоба, себялюбіе, глупость, въ одеждѣ пылсиваго просвѣщенія людей виткожныхъ, этой мерзости челоуѣчества, изъязрили твоѣ сердце своимъ вечнымъ жаломъ!... Ты погибъ!... никимъ невдоуи, безвизвѣстенъ!... Ушелъ, считаеи въ несчастье твоей жизни отлетѣлъ отъ міра, не озаривъ его светомъ своихъ лучей!...

Сочувствовалъ ли родъ людской въ его утратѣ лишению живыхъ, высокихъ наслажденій? Или глухо, безчувственно пребыло его сердце? Или одно мое, облитое слезами скорби, приняло тебя въ свое лоно!...

Да, только одно мое. И съ той поры тебѣ я отдаю свое сердце, посвятилъ — сказалъ: «Да будетъ оно храмомъ въ память друга!»

Храмъ сердца! Что же лучше таково памятника? Какой двойной возможности замѣнить его ии Прекрасный памятникъ! Безгранично его основание, какъ безъ

гранична область гения — своды его свѣтлы, какъ свѣтлы своды цеба... На алтарь огонь возжженный горитъ не угуляя, и не пощадитъ, надъ нимъ восходитъ дымъ благоуханный, какъ свѣтъ отъ взора, когда, устремленный на небо, къ жилищу Бога, онъ дышитъ кротостью, любовью, вдохновеніемъ... Мыслью убежденный, что памятникъ вѣчнаго, тебя достойнѣе, о другъ! я мнилъ создать его въ отдаленномъ тебѣ сердцѣ... мысляхъ сохранивъ его въ залогъ грядущей славы... жаръ думалъ посвятить — да имъ увѣковѣю дима гения и друга. Мечта! Мечта! Все у людей мечта пустая... бредня... горячка глупаго воображенія!... Ихъ воля и желаніе — дымъ! Разсудокъ, умъ — зло! Жалкія солдатскія люди, съ своимъ разсудкомъ и умомъ!... Одинъ ударъ — не говорю судьбы, — одинъ ударъ магнитнаго луча изъ пламеннаго ока — и въ цепь ихъ дроби и умъ ихъ, и разсудокъ!... Лучи прекраснѣйшихъ идей, какіхъ еще не видалъ міръ, какъ стрѣлы молній, вопзались въ мое сердце... Медовенцо вспыхнуло въ негѣ пламя, мятежное, истинное пламя любви... Мое существованіе слилось съ любовью... Все забыто! Дружба, люди, міръ, жизнь забыты... Все мое для любви все мое въ любви! Все для нея и бросить, бинулъ — все въ ней одной кашель, все потерять, всего лишился, все схоронилъ, все воскресилъ — въ ней мое блаженство, рай мой, въ ней и адъ и весь мученья!.. Представилъ ихъ безсильно всякое воображеніе... Ахъ! сердце! какъ достаетъ еще твоихъ силъ вынести пожаръ страсти! Какъ не стоишь ты, не обратишься въ пепель, въ прахъ! Въ жару, въ чаду, въ безуміи восторга молъ ты вола! Нетъ ей нища, нетъ утомленья!... Моего сохнеть! Какъ не допрешь ты, молъ ты вола!

«О, другъ мой! какъ убійственно несчастливъ я!..
 «Несчастливъ! — Богатый, завидуемый, любимый
 всеми, обладатель такого перла, такого чуда красо-
 ты, за которую я готовъ отдать, продать, размы-
 вать душу.. несчастливъ!.. Безумецъ! ты утопаешь
 въ морѣ счастья!.. Да, друзья, утоаю.. Это море
 счастья скоро; можетъ быть, поглотитъ меня въ
 своей пучинѣ и выбросятъ трупъ мой, обезображен-
 ный и искаженный, въ стѣдъ хищнымъ птицамъ,
 червямъ и гадкимъ насекомымъ..»

Ужели духъ нашъ, въ оболочкѣ костей и ма-
 са, такъ безсиленъ, такъ ничтоженъ? Или, въ самомъ
 дѣлѣ, человекъ не можетъ вынести состоянія и ма-
 ло близкаго блаженству неземному?..

«Грация! Грация! Еслибы ты знала? Если бы тебѣ!..
 Нѣтъ! Разъ только, когда решимость довертымъ змѣ-
 емъ впилась въ мое сердце, и какъ демонъ, захва-
 тила душу, только разъ одинъ открылъ я передъ
 тобою мои мученья — довольно, слишкомъ до-
 вольно.. Помню, чего мнѣ стоило!.. Нѣтъ! Пусть
 утысячатся муки, пусть я буду умирать секунду
 каждую въ тискахъ страданья — твѣнюю памѣтка
 не потревожу жизни моея жизни, свѣтлаго покоя
 твоего сердца, не промолвлю слова, буквы, которая
 сказала бы что нибудь о бѣдствіи моея души!.. Огра-
 вить дни твои скорбнымъ чувствомъ печали — нѣтъ,
 нѣтъ! Скорѣе долой черепъ!..»

«И могу ли я?.. Достанетъ ли во мнѣ силъ, духа
 раскрыть себя передъ тобой?.. Передъ тобой, а мнѣ
 шелка, мягко рукъ твоихъ, волосовъ, вѣжливый мѣтка,
 вѣжливѣ пучка твоей прелестной груди, легче воздуха,
 легче зѣвнато дыханья, елетающаго съ твоихъ вол-
 шебныхъ устъ!.. Какъ скоро я взгляну на тебя — соли-

це радости проникаетъ все существо мое магнетическою теплотою своихъ лучей — не говорю уже о любви твоей — въ ней океанъ блаженства!...

Возможно ли, чтобы прекрасное еще прекраснѣе стало? Но ты еще прекраснѣе стала, моя Грація, съ прихода въ волшебный, очаровательный край — отраду очей, принолье восторгу души... Твѣя печаль, которую набросилъ я на образъ твой, моею ревнивою душею, омылась росой твоей любви, свободной, чистой, безмятежной, вдохновенно расцвѣли твои черты, благоухал роскошью цвѣтовъ полудня. Не такъ ли упонительно-убійственно и ихъ благоуханье, какъ запахъ тѣхъ цвѣтовъ, которые обдаютъ очарованьемъ смерти, вливая въ сердце ядъ съ своимъ дыханьемъ?... Пью этотъ ядъ, пью съ наслажденьемъ!.. Умереть отъ него готовъ тысячу разъ — такъ смертъ поэма, счастье!...

Звѣздою горь прослыла ты въ народѣ. Языкъ народа вѣрствъ. Но гдѣжь, какой звѣздѣ сравнятся съ блестящею твоею красотою? Нѣтъ! передъ тобою блѣдно прекрасное названіе!... Грація, Грація! отбуда ты? Откуда принесла свою губительную красоту? Да, красота твоя губительна, или я слабое, ничтожное созданье... Но чтожь мнѣ дѣлать? Воленъ ли я въ томъ, что во мнѣ?.. Нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ!.. Сознаюсь: я мѣльче пыли, ничтожнѣе праха... Воля! ха, ха, ха! Что значить воля человека? Я съ тобой, жизнь моя, чувствую, что существую, блаженствую, но — шагъ одинъ, и огонь отъ оконечностей ступени начинается разливатъся по жиламъ до оконечностей волосъ, жечь меня, палить меня, палить меня — терзанье и мученье невыносимы!.. А въ жизни разлука, хоть на самое короткое время, неизбежна. Что если случай отвле-

что меня надолго отъ нея! Что тогда? Мысль, одна
объ этомъ иголкой по сердцу, раскаленнымъ желе-
зомъ по полостямъ груди... Но, что будетъ—будетъ!

“Любовь, говорятъ, счастье, какъ скоро она взаим-
на, раздѣлима. Я ли не люблю моей Граціи? Она ли
еще меня не любитъ? Отъ чегожь, чортъ возьми!
мое счастье бѣдствіе? Иль наше счастье, люди, та-
ково всегда?... Но, можетъ быть, состояніе муки
еще замѣнится для меня и состояніемъ дѣйстви-
тельнаго счастья... Быть можетъ, это ужь неизбеж-
ное дѣйствіе природы... Наслажденіе истинное, дѣй-
ствительное бываетъ всегда послѣ труда, заботъ,
страданія... Да, да! Все разрѣшается плодомъ... По-
кой и тишина послѣдуютъ всегда за бурей, миръ
за войной, кусокъ хлѣба послѣ кроваваго пота, вы-
здоровленіе за болѣзнію... Да, да! Точно! Во всемъ
людскомъ порядкѣ и законъ одинъ — понимаю!
И такъ скоро моя страдальческая, губительная лю-
бовь должна превратиться для меня въ чувство
счастья? Зачатокъ плода ужь носить подъ сердцемъ
моя жена... Лети, несись скорѣе, быстрѣе время!
Отдыхъ нуженъ мнѣ, отдыхъ, ная я вадохнусь!..

Есть ли на землѣ рай? Спросите Грацію, когда не
боитесь быть обожженнымъ палачимъ сіяніемъ ея
красоты — спросите ее.

Берега Сальгира, то смѣясь, то улыбаясь, красуют-
ся подъ чистымъ, далекимъ небомъ, какъ оувѣтая
мечта о жизни. У подножія одного изъ холмовъ, нев-
далекъ отъ дороги, статный мужчина вольно сто-
ялъ, въ положеніи чловѣка, любующагося красой
природы. Богатая венгерка выказывала довкій станъ
его; изъ-подъ козырька бѣлой фуражки спокойно

смотрѣли вдалѣ большіе, испоминчивыя жемчужныя глаза, освѣщенные кудрями темныхъ волосъ. Она была прекрасна. Но существо, для котораго ставъ его, какъ будто служилъ опорой, казалось тѣмъ чуднымъ божествомъ, которому поклонялись народы. Художникъ сошелъ бы съ ума, еслибы не изобразилъ ея стана и прелестнаго лица такими, какъ вѣзались они въ его воображеніе. Запрокинувъ голову на плечо счастливица, она прильнула къ его груди своею грудью. Одна рука ея обвивалась около его стана, другою держала она его руку. Легкій вѣтеръ развѣивалъ бѣлыя и шелковыя лхонтоваго цвѣта ткани ея одежды; обнаженная шея сіяла ослѣпительною бѣлизною; очаровательные изгибы стана и формы ногъ плѣнительно рисовались, обозначая тайныя свои красы. На лицѣ ея выражалась бездна счастья... Глаза блистали восторгомъ и упоеніемъ невыразимымъ... Казалось, въ нихъ слились все ощущенія сердца, все силы чувствъ — сосредоточилось все пламя жизни.

Безмолвна оставалась нѣсколько минутъ группа.

«Какъ прекрасно здѣсь!» произнесъ наконецъ молодой мужчина.

«Да, Валерій!» почти шопотомъ отвѣчала ему его жена, и полузакрываетъ глаза... «Да, здѣсь прекрасно!.. Здѣсь такъ и умерь бы!...» произнесла она, послѣ нѣкотораго молчанія, положивъ руку ему на сердце.

Вдругъ ея маниты вспыхнули, и она скрыла свое пылающее лицо на груди счастья ея жизни....

На другой день въ вечеру, Валеріанъ, съ восторгомъ обнявъ Грацію на порогѣ своего дѣдовскаго

одеяла, погуги на рукахъ ввнесъ ее въ комнату. «Вотъ, Грация,» сказала она, «опуская се на бархатный диванъ, «ублажица, гдѣ мы будемъ жить другъ для друга... Неприятныя происшествія въ нашемъ семействѣ ознаменовали это мѣсто, но съ тѣхъ поръ, какъ ты вступишь въ него, оно будетъ жилищемъ любви и счастья...» И она прижалась къ своей груди растроганную, счастливую женщину... Домашніе, смотря на нихъ, плакали отъ умиленія.

Не давъ ей времени отвѣчать, она повелѣ ея въ комнаты. На каждомъ шагѣ возрастало удивленіе Грация. Она не думала, не гадала, того, что она... На каждомъ шагѣ ее поражали удобство, богатое и прекрасное убранство покоевъ, обиліе драгоцѣнныхъ, картинъ... Ей казалось, что она перенесена въ Аладдиновъ замокъ... Она не понимала, какъ могло измѣниться въ такое короткое время поединное дѣице, которое, какъ ей разсказывали, было жилищемъ совѣ и летучихъ мышей!.. Съ особеннымъ вкусомъ и роскошью была отдѣлана половина, назначенная для нея. Тамъ не было забыто ни малѣйшей бездѣлицы, которая могла веселить зрѣніе, или занять праздный досугъ молодой женщины. Музыкальная зала, библіотека, картинная галлерей, уборная, спальная, съ роскошнымъ ложемъ, ванна, съ мраморнымъ бассейномъ, съ картинами и статуями, въ розовомъ полусвѣтѣ... все восхищало ее.

«Нѣтъ, Валерій, ты чародѣй, ты великій чародѣй... Я боюсь тебя...» повторила она, сѣдаясь, и со слезами на глазахъ...

Но никто не можетъ дать понятія объ ея восторгѣ при видѣ очаровательнаго местоположенія замка и его окрестностей.

Однажды, утомленные продолжительною прогулкою, Валеріанъ и Грація сѣли отдохнуть на своемъ любимомъ возвышеніи, въ прохладѣ густыхъ, вѣтвистыхъ топодей. На склонѣ горъ, покрытыхъ виноградомъ, живописно рисовались сельскіе домики, нигдѣ цѣлыя селенія, какъ будто ульи пчель, Нигдѣ зазеленѣли бархатные дуга; въ некоторыхъ свѣтлѣхъ и серебрились струи потоковъ; за горами синѣли другія, еще возвышеніе; отдаленная колокольная сѣвѣда, видно надъ дикими утесами, раздѣленными ущельями, но, цвѣтущими долинами; на заднемъ планѣ картины широко разстиралось море; вдали на немъ виднѣлся парусъ, и только одинъ, вистый, бѣлый, неподвижный парусъ.

Солнце клонилось къ закату. Утомленная дневнатице знаемъ, природа начинала приходить въ движеніе. Цвѣты поднимали головки и наполняли воздухъ благоуханіемъ. Соловей запѣлъ свою вечернюю пѣсню. Тысячи насекомыхъ роились и жужжали въ воздухъ. Во всемъ мірѣ разлита была невыразимая гармонія, голосъ счастья и благодарности всѣхъ живущихъ и одушевленныхъ созданий. То была одна изъ тѣхъ минутъ, когда добродѣтельный несчастливецъ забываетъ свое горе, и съ восторгомъ, съ благодарностью смотритъ на прекрасное небо, Душа его сбрасываетъ на мигъ земныя оковы, стремится въ чудную даль и тонетъ въ ея розовомъ окрасѣ. Потокъ лучей кажется ему бѣднымъ, но дивнымъ отблескомъ того безпредѣльнаго свѣта, который онъ надѣется никогда созерцать. Въ такихъ минуты земное счастье становится бѣдно, недостаточно для души.... Самая любовь не можетъ удовлетворить человека... Ему нужно еще, чтобы сей-

дл въ глубину своей совѣсти, онъ могъ чувствовать благословеніе свыше на свое счастье. Если въ ту минуту онъ не можетъ съ дѣтскою доверчивостію поднять взоръ на небо — радостный голосъ природы покажется ему укоризною; онъ горестно отводитъ очи отъ пѣра, въ которомъ не смѣетъ принять участія. Волшебная пѣсня любви можетъ усыпить на мигъ совѣсть человека; блескъ дровъ счастья можетъ ослабить сто внутреннія очи, но какъ тягостна минута пробужденія!... Съ прекраснаго, дальняго неба чудится печальный ликъ ангела; слышится голосъ, который шепчетъ: «Врагъ! что ты сдѣлалъ? Зачѣмъ осудилъ насъ на вѣчную разлуку? Зачѣмъ заплѣталъ свѣтлую одежду души?»... О, горе ему, если сердце его зачерствѣло и обратилось въ камень, если и гласъ Божій, слышимый во всей прекрасной, ликующей природѣ, не можетъ извлечь животоворящихъ струй любви и умиренія, если теплыя слезы раскаянія не будутъ для него залогомъ примиренія съ небомъ и съ собою!

Прелестна и радостна была природа, какъ невеста, которая въ первый разъ услышала слова любви, и дѣвственныя ланиты которой зардѣлись румянцомъ. Склонясь на плечо Валеріана, смотрѣла Грація на волшебную картину, которая лежала передъ нею. Непривычная грусть туманила ея свѣтлыя очи. О чемъ же грустила она?

Вдругъ, изъ-за темнаго лѣса, тихо пронеслось по ветру звуки и пощупались слуха супруговъ. То была благовѣсть ко всеобщей въ блыкнемъ селеніи. Грація затрепетала. Она подняла свое лицо, столь блѣдное, что отблескъ зарн могъ сообщить ему только самый легкій румянецъ. Она прислушивалась. Звуки, тихіе и торжественные, чуднымъ образомъ

Никто не напоминал ей чистый молитвы, которыми она, невинный младенец, лепетала на колыбель матери! Умиление оварило ей прелестный черты. Отбросив назад локоны, она подняла свои большие очи на светлое небо, утопавшее в розовом сиянии. Уста ея раскрылись, на них уже летала сердечная молитва... В ту минуту, на гора, которая перед ними возвышалась; поднялось сврое облако и заслонило отъ нея солнце... Облако расло, распространилось и принимало видъ человеческой фигуры — подобное явление случалось видеть каждому, но на Грацию подѣйствовало оно совсемъ неожиданнымъ образомъ. Она затрепетала всѣми членами. Она хотѣла указать мужу на призракъ, но рука не повиновалась ея воли. Она упала къ нему на грудь, почти безъ чувствъ. Ея движеніе вызвало Валеріана изъ сладкой задумчивости; въ потерю Ночь была погружена.

«Грація!» вскричалъ онъ, прижимал се къ своей груди; «что это... вѣдьма?... Ты блѣдна, какъ вѣдьма? Оу Боже мой! жди отъ моей неосторожности! Ты такъ много ходила... Постой, я доведу тебя до фермы, тихонько, донесу на рукахъ, мой ангелъ... и тамъ пошлю за коляской...»

«Нѣтъ... нѣтъ» прошептала она, «ничего, прощай...» Чтобы ободрить мужа, она привстала и продолжала: «Здѣсь такъ хорошо! Такъ хорошо! А ты думай, злои, что я буду жалеть о твоёмъ богатомъ, пыльномъ городѣ...»

«Душа моя... А знаешь, что придетъ такую прелесть прекрасной природы? Любовь, мой единственный другъ, любовь!... Для мнѣ ты очаровательна сама въ виду природы!... Простривна, любовь»

ночь, гдѣ мракъ опортъ ея свѣтомъ, но твои очи несравненно очаровательнѣе! Ваникоглядъ... вдалеку, моря, подъ розовою, дымною зарею, но твои очи, полернутое тончайшимъ румянцемъ, дѣлаютъ разъ прелесть!

«Мое лицо... мои очи...» примолвила Грація, опустивъ печально голову. «О, другъ! ты говоришь, какъ будто одна моя красота заслуживаетъ любовь!.. Скажи мнѣ, Валерій, безъ этого мимолетнаго преимуществва, неужели я не была бы твоею возлюбленною?.. Неужели твоими нѣжными ласками, любовью, въ которой все счастье мое жизни, которая жизнь, возвышаетъ меня, я обязана тому, что въ челоуѣкѣ всего ничтожнѣе?»

«О, Грація! можешь ли ты говорить это? Тебѣ, тебѣ люблю я! Но почему же восхищаться твоею красотою? Развѣ я не знаю, что она изображеніе души еще прекраснѣйшей?..»

«Однакожъ, еслибы я была дурна... порывы самыя благородныя, чувства самыя прекрасныя могли бы забываться...»

«Какія странныя у тебѣ сегодня мысли, Грація!..»

«Почему же странныя?» продолжала Грація съ болѣею настойчивостью, тихо оттакнувъ руку, которою она обняла ее, и смотря ему въ глаза съ мучительною чувствомъ. «Почему же странныя? Мало ли бываетъ случаевъ, которые совершенно измѣняютъ насъ? Болѣзнь, пожаръ, испугъ. Боже мой! Пыль, которая золотитъ крылья бабочки, менѣе тѣнна, менѣе непрочна, неже ли красота женщины? А тогда?»

«Посада, какъ паркъ... Валерій, ты думаешь, что я...»

спустился, что она говорила, тогда бы было бы величайше, мой прелестный ангел.

«И ты съ такою же радостью спѣшилъ бы демой, зная, что тебя ожидаетъ тамъ существо жалкое, поблекшее — однимъ словомъ, дурное?»

«Да, да,» говорилъ Валеріанъ, смотря ей страстно въ очи.

Никогда еще Грація не была такъ прелестна. Внутреннее волненье, которое она испытывала, одушевило ее, очаровательною жизнью ее черты обыкновенно спокойныя и кроткія... Глаза ея тогда дышали самою страстною любовью, то горѣли какъ живымъ дикимъ пламенемъ и бросали молніи, то принимали горестное, умиленное выраженіе. Казалось, она хотѣла говорить и не могла; она дрожала, блѣднѣла, мѣнялась въ лицѣ. Вдругъ взоръ ея устремился въ чашу дѣса, она вся стала вниманіе.

«Другъ!» шептала она, сжимая его руку, «смотри, видишь! кто-то играетъ между кустами мартовъ»

«Кому туго быть, возлюбленная! То, вѣрно, молодая лань; она бѣжала къ источнику, который струится въ долину, и испугалась, почуявъ людей.»

Но Грація не сводила взгляда съ кустовъ, она наклонивъ впередъ голову, съ ужасомъ шептала: «Чу! слышишь?» говорила она, «тамъ раздался чей-то хохотъ — словно, шипѣнье змѣи.»

«Что съ тобою, душа моя?» говорилъ Валеріанъ. «Видишь ли? — Неужели, не слышишь хохота змѣи? Или ты не видишь, какъ она шипитъ? Или ты не видишь, какъ она шипитъ?»

Но Грація, едва внимая ему, поникла прелестною, голубкою Валеріанъ, и превославила, съ блаженствомъ,

нравить ее домой. Почти без чувства и памяти, она едва могла передвигать ноги.

VII.

Через полгода послѣ этого вечера, новая радость ознаменовала жизнь супругов — единственная радость, которая могла увеличить ихъ счастье рожденіе здоровой, прелестной дѣвочки. Казалось, судьба хотѣла дать Грацию мало по малу, и все постепенно усиливал, испытаніе земнаго блаженства. Теперь оно достигло высшей точки. То былъ полдень ея жизни, безоблачный, ослѣпительный блескомъ солнца. Какъ она любила свою малютку! То не была просто любовь матери, но какая-то страсть, пламенная, глубокая, безпредѣльная... Со дня рожденія дочери, она будто перестала жить для себя; вся жизнь ея перелилась въ это маленькое существо.

Но, въ этомъ случаѣ, Валеріанъ не былъ ревнивъ; онъ съ наслажденіемъ по цѣлымъ часамъ смотрѣлъ, какъ прекрасная, юная мать, покоясь на роскошномъ диванѣ, или на коврѣ, подъ тѣнью дерева, прижимала къ своей груди малютку, прелестную, какъ херувимъ, и улыбалась, забавляясь шевеленіемъ или движеніемъ красивыя.

Да, въ частіи Граціи не было предѣловъ! Только, когда Валеріанъ отлучался, се выдали задумчивою. Она дружила. Вдругъ, безъ всякой причины, глаза ея наполняются слезами. Не отъ грусти — она снова оживала, дыла, какъ птички по возвращеніи весны; радость, любовь ея блескомъ выростала, какъ лучъ солнца въ алмазѣ.

Каждое утро, у окна ея встрѣчались дѣла, кото-

рыя неизбежно требовали его присутствія въ одной изъ его деревень... Грація хотѣла вхвать съ нимъ, но малютка ся сдѣлалась нездорова. Валеріанъ ухвалъ одинъ, а съ нимъ улѣтъла веселость Граціи, вся ясность ея души. Она цѣлые дни просиживала у кровати дочери, или, мрачна, блѣдна, ходила подъ густыми деревьями сада. Такая переменна не укрылась отъ наблюдательности домашнихъ. Частію изъ преданности, частію изъ любопытства, они стали наблюдать надъ своею госпожею, и скоро заговорили въ полголоса, что каждый вечеръ, барыня въ саду съ кѣмъ-то разговариваетъ. Между тѣмъ, любовь ея къ мужу такъ была истинна и видима, что ни одно существо не осмѣливалось подозрѣвать ее въ измѣнѣ. Но тѣмъ страннѣе казались ея странные прогулки и разговоры въ саду для домашнихъ.

Однажды, вечеромъ, Грація вбѣжала въ дѣтскую, разстроенная, блѣдная, какъ смерть. Она бросилась на стулъ, едва переводя духъ. «Дочь мою!» вскричала она, «отдать ему мою дочь!.. Нѣтъ, нѣтъ! Лучше всего лишусь!..» И схвативъ дитя изъ рукъ няни, она крѣпко прижимала его къ груди, обращая вокругъ мутные взгляды. Она, словно, страшилась, что у ней отнимутъ дитя, ея сокровище...

Старый Сергѣичъ случился свидѣтелемъ страшной и непонятной сцены. Онъ покачалъ съдою головою и никому не сказалъ ни слова. На другой день, онъ караулилъ въ паркѣ, съ ружьемъ, притаившись въ кустахъ. Но напрасно напрягалъ онъ зрѣніе; никто не входилъ въ садъ. Все было тихо и пусто. Грація говорила съ кѣмъ-то. Она говорила съ жаромъ; голосъ ея выражалъ попеременно моленіе, негодованіе, отчаяніе.

«Она тутъ что нибудь недоброе!» молвилъ ста-

рикъ, возвращался домой. «Ужь не прогнѣвала ли хозяйка?»

На другое утро, няня (жена его), долго колебавшись, между страхомъ намечь его упреки и neodолжимымъ желаніемъ поболтать, повѣрила мужу за тайну странныя вещи. Она слышала, какъ барыня, поздно вечеромъ, съ кѣмъ-то говорила — говорила тихо и жалобно. Она прокралась къ двери. Въ комнату, кромѣ ея госпожи, никого не было. Только передъ окномъ мелькала огромная черная тѣнь, заслоня собою лунный свѣтъ. — «Ахти! пропади мы, грѣшныя!... Въдѣ недаромъ сердце мое чуяло бѣду, какъ собирались сюда!»

«Замолчи, Терентьевна! Уши вьнутъ отъ твоей болтовни. Чай не въ первый разъ тебѣ нуратися своей тѣнью? Эка мудрость, что тебѣ и облако показалось великаномъ!»

Терентьевна не смѣла противорѣчить своему мужу, но помолчавъ съ минуту — «Да, съ кѣмъ же, Сергѣичъ, разговариваетъ барыня?» спросила она. «Вѣдь, не съ облакомъ же?...»

«Вотъ еще! Съ кѣмъ? Да, ни съ кѣмъ! Развѣ ты днь-дньской не бормочешь себѣ подъ носъ?»

«Водится за мною этотъ грѣхъ, Сергѣичъ, да вѣдь я выжила ужъ изъ ума; недаромъ ты меня вежчаешь старою дуракомъ... А то ли дѣло няня барыни; молодая, и красавица, и умница!...

«Наша барыня... барыня...» и не находя другаго способа объяснить, Сергѣичъ показалъ, съ значительнымъ видомъ, на лобъ.

«Ахти, мой Создатель!» вскричала Терентьевна, съ

тенивъ видоу, въ которомъ испугъ спорилъ съ удивленіемъ.

«Но, смотри же, Терентьевна, ни гугу!»

«Сохрани меня, Мать Пресвятая Богородица! Пусть дымъ стожнетъ, пусть...»

«Ну, будетъ, будетъ. Ты что-то больно разбожилась?»

«А отъ чего, подумаешь, такая бѣда?»

«Отъ чего?... Да, все отъ проклятыхъ книгъ. Читакють, да учатся. И добро бы по Русски—ань нѣтъ, все по бусурмански! А въ церковь такъ никогда! Ну, что, сказать: въ Николинъ день молсбна не было въ домъ!... Ну, да что болтать-то по пустому. Привлазъ бы окерве баринъ, а тамъ все пойдеть по добру, по вдорбуу.»

«Дай-то Богъ!» А мнѣ что-то, право, не чаетса. Ужь недаромъ по третью ночь филинъ кричитъ надъ самымъ окномъ, а ананьясь по комнатамъ, ночью, такъ и слышу кто-то ходить и двигаетъ стульями. Охъ! разсердили мы хозяина! Выживаетъ онъ насъ изъ дома....

«Да, замолчишь ли ты? Не слышишь развѣ, что барыня звонить... Стулай скорѣ!»

Пятый день—вѣчность для сердца матери, наступилъ съ злѣе поръ, какъ заболѣла ея малютка, Ида Обоперская. Сначала болѣзнь была незначительна, но вдругъ она усилдась, и приняла такой страшный, зловѣщій характеръ, что ни нлми, ни кормилица, давно знакомыя со всеми дѣтскими болѣзнями, не знали что придумать. Надобно сказать, что Граднъ, растросенная, и воциспемъ, и грустью, которой приняла видно не зная, должна была перестать

кормить свое дитя. Валеріанъ возвращался изъ дальней поѣздки, но былъ задержанъ въ близлежащемъ городѣ быстрымъ и неожиданнымъ наступленіемъ весны. Никто изъ старожиловъ не помнилъ тако-го быстрого перехода. Едва настала зима, едва только дыханіе немногихъ морозовъ укрѣпило снѣжную мантию на скатахъ горъ, вдругъ подулъ съ моря теплый вѣтеръ, растопилъ тонкую кору льда, и свѣса пумными потоками полился съ горъ. Всѣ сообщенія были прерваны. Грація была въ отчаяніи.

Къ довершенію несчастія, докторъ, который жилъ въ ихъ домѣ со времени рожденія Иды, также отлучился передъ тѣмъ, и за распутицей принужденъ былъ остаться въ городѣ.

Изъ множества слугъ, которые жили въ замкѣ, остались съ Граціею только двое молодыхъ; но когда имъ велѣли, во чтобы то ни стало, извѣстить барана о болѣзни его дочери, они торжественно объявили, что это значитъ посылать ихъ на вѣрную смерть, потому что они не знали ни одной тропинки въ горахъ, а нижнія дороги были совсѣмъ затоплены. Наконецъ, молодой Татаринъ съ фермы, не разъ одолженный Граціею, взялся доставить барину записку. «О, другъ!» писала Грація, «наша дочь умираетъ! Поспѣши! Дай полъ-имѣнія тому, кто спасетъ ее!»

Прошло три дня, какъ увѣхалъ посланный. Тысячи препятствій встрѣтили его на пути. Между тѣмъ, мать, кормилица, няня собрались въ дѣтскую, въ страшномъ безпокойствѣ и ожиданіи. Бѣдная малютка уже не кричала. Она лежала разбросавшись на постелькѣ, неподвижная, блѣдная, какъ нераспустившійся цвѣтокъ, оторванный отъ стебля. Только прерывистое, чуть слышное дыханіе, и по временамъ

стоны, показывали, что она еще не перестала страдать. Изрѣдка, она открывала глаза, прекрасныя, черныя, какъ у матери, и жалобно смотрѣла на окружающихъ, какъ будто умоляя ихъ о состраданіи. Невозможно было смотрѣть безъ глубокаго, раздрающаго чувства на кроткаго ангела, чистую жертву за грѣхи, о которыхъ она еще не имѣла никакого понятія!

Крупныя слезы катились по морщиноватому лицу няни, но она, не замѣчая ихъ, сложа руки, смотрѣла на страждущаго ангела. Кормилица закрывала лицо платкомъ, и изъ уваженія къ матери, старалась заглушать свои рыданія. Старый Сергѣичъ стоялъ въ темномъ углу на козлыняхъ съ поднятыми къ небу руками. А мать? Бѣдная, злосчастная мать!.. Кто осмѣлится проникнуть въ глубину ея души, перечестъ всѣ терзанія ея сердца и высказать ихъ словами!

Ужасно было лицо Граціи, блиставшее смертною блѣдностью, подъ раскиданными косами черныхъ волосовъ. Скорбь, отчаяніе, угрызеніе совѣсти выражались на немъ чертами глубокими, оледеняющими душу. Взоръ ея приводилъ въ содроганіе.

Страшно свирѣствовала буря. Тучи застилали ночное небо непроницаемою завѣсою. Вдали ревели горные потоки. Вокругъ дома разносились непостижимые звуки, словно стоны незримыхъ существъ. Вдругъ судорожное движеніе потрясло нѣжный составъ младенца; онъ застоналъ такъ, жалобно, такъ пронзительно, что всѣ поблѣднѣли отъ ужаса.

«Ну! вскричала няня, «отходить, моя голубушка! отходить, моя чистая горлица!» Страшно зазвучали въ ушахъ матери роковыя слова.

Въ невыразимомъ порывѣ отчаянія, она бросилась на колѣни. Судорожно сжимая руки, въ наступленіи, бѣдная мать вскричала раздирающую душу голосомъ: «Боже милосердый! Все, все отдаю — прости, спаси ея! Спаси дочь мою! О, Боже, Боже!»

Вся любовь матери къ единственному дѣтищу — весь адъ мученій выразились въ этомъ воплѣ. Казалось, вся душа вылилась въ пламенномъ моленіи. Истощенная усиленіемъ сверхъестественнымъ, она упала безъ чувствъ на землю. Страшно завывъ вѣтеръ. Казалось, весь домъ потрясся на своемъ основаніи и готовъ былъ обрушиться. Чуждые звуки, яростный вой и скрежетъ зубовъ слились съ послѣднимъ стенованіемъ Граціи.

Глубокая тишина царствовала въ комнатѣ Граціи, когда она начала приходить въ себя. Лучи разсвѣта едва, едва проникали сквозь шелковыя занавѣсы. Легкое движеніе, которое она сдѣлала, было тотчасъ замѣчено особою, стоявшею возлѣ кровати.

«Грація!» произнесъ съ неизъяснимою пѣжностью голосъ, слишкомъ знакомый ея сердцу — «какъ ты чувствуешь себя?» Раздвинувъ осторожно занавѣсы, Валеріанъ взялъ ея руку и осыпалъ ее поцѣлуями. Грація не отвѣчала, и только судорожно пожала его руку. Онъ чувствовалъ, какъ дрожала пылающая рука его супруги.

«Другъ души моей! успокойся — наша дочь внѣ опасности.

«Господи!» прошептала Грація, «благодарю Тебя!..» Она сложила на груди руки и долго пробыла такъ. Валеріанъ не тревожилъ ея, подавая, что она же

дасть заснуть. Но вдругъ она вздохнула, какъ будто разставалась съ жизнью.

«Одни ли мы?» спросила она, едва внятнѣмъ голо-
сомъ....

«Развѣ тебѣ что нужно?»

«Нѣтъ, нѣтъ!» Она опять умолкла... Трудное дыха-
ніе, трепеть тѣла показывали ужасную борьбу. Ка-
залось, у ней недоставало силъ для наступающей
рѣшительной минуты. Она приподнималась и снова
упадала на постелю. Вдругъ она обвила руками шею
мужа, притянула его къ себѣ, прижала свои уста
къ его устамъ. «Еще, еще одинъ такой поцѣлуй!»
шептала она въ изступленіи. «Последній.... Прости
любовь.. счастье!...» Потомъ она встала съ постели
и поспѣшно вышла на середину комнаты.

«Открой занавѣсы,» сказала она глухимъ голосомъ.

Отдернувъ занавѣсы, Валеріанъ обернулся. На ко-
лѣняхъ, съ поникшею, какъ преступница, головою,
стояла... Нѣтъ! то была не мечта, не былъ бредъ горяч-
ки и не адскій призракъ — то былъ поблекшій, за-
бытый образъ Евфиміи. Тогда наступила для Ва-
леріана минута, въ которую онъ могъ страшиться
безуміа.

«Грація, моя Грація!» кричалъ онъ въ изступле-
ніи. «Гдѣ же Грація?» . . . . .
. . . . .

Никто не слыжалъ, что происходило между су-
ругами. Черезъ полчаса, Валеріанъ уѣхалъ изъ зам-
ка, прижавъ къ груди дочь. Съ тѣхъ поръ никто
не слыжалъ объ немъ ни слова.

Однажды, уже оправившись отъ болѣзни, которая
совершенно ее измѣнила, Грація получила письмо.

«Ты знаешь,» писалъ ей мужъ, «ты чувствуешь, что жить намъ вмѣстѣ невозможно. Поручаю тебѣ дочь. Пусть ея добродѣтели примирятъ мать съ нею»

Повинуясь волѣ мужа, Грація уѣхала изъ Крыма. Тотчасъ послѣ ея отъѣзда, нарочно призванные работники разрушили великолѣпные чертоги до основанія.

Прошло десять лѣтъ.

Однажды встрѣтилась со мною знакомая мнѣ дама, ѣхавшая въ свои помѣстья, по дорогѣ, которая пролегала мимо селенія, гдѣ началась печальная повѣсть, жизнь сироты Волжской. Прекрасный Юньскій вечеръ ужь западалъ... Лишь только она подѣхала къ помѣщичьему дому, ось у экипажа ея лопнула и онъ упалъ. Услужливые крестьяне тотчасъ окружили коляску, а двое слугъ, выбѣжавшіе изъ дома, свѣшили сообщить путешественницѣ приглашеніе помѣщицы — сдѣлать ей честь, переночевать у ней въ домѣ.

Дама съ радостью приняла приглашеніе.

На крыльцѣ встрѣтила ее ключница и провела въ чистую, прекрасную комнату, гдѣ она могла отдохнуть и освѣжиться отъ дороги. Послѣ того — такъ рассказывала мнѣ дама — я попросила ключницу проводить меня къ хозяйкѣ дома. Въ залѣ, за чайнымъ столикомъ, собралось все семейство. Молодая женщина, свѣжало, весело, разливала чай. У стола сидѣли трое дѣтей; мужчина въ мундирномъ сюртукѣ курилъ трубку. Хозяйка сидѣла на диванѣ. Она пошла, ко мнѣ на встрѣчу, благодарила за честь, которую я ей сдѣлала, и съ привѣтливымъ видомъ

освѣдомилась о моемъ здоровьи. Потому всѣ члены семейства, по очереди, изъявляли мнѣ свое участіе. Они обходились со мной такъ радушно и просто, что по прошествіи часа, я почти забыла, что нахожусь не между старинными друзьями. Даже дѣти, не показывая ни любопытства, ни своевольтва, ни робости, старались оказывать мнѣ маленькія услуги. Съ перваго взгляда видно было семейство друзей, соединенныхъ между собою довѣренностью и согласіемъ. Лица дѣтей цвѣли здоровьемъ и веселостью. Но никогда въ жизни моей не случилось мнѣ видѣть такого прелестнаго существа, какъ дѣвочка, которая сидѣла на табуретѣ у дивана. Она произвела на меня такое сильное впечатлѣніе, котораго я не могла не обнаружить... Разговаривая съ хозяйкою и съ родственниками, часто я вдругъ останавливалась и невольно заглядывалась, то на ослѣпительную бѣлизну лица, которая на щекахъ спорила съ нѣжнѣйшимъ румянцомъ, то на черные большіе глаза прелестной формы, опущенные длинными рѣсницами, то на волосы, черные, какъ вороново крыло, которые, рассыпаясь въ прелестныхъ локонахъ, падали на обнаженные плечики дитяти.... Иногда я съ трудомъ удерживалась, чтобы не расцѣловать милаго ротика, который раскрывался улыбкою, достойною украшать лицо серафима, улыбкою, въ которой дышали вмѣстѣ веселость и умъ, лукавство и невинность. Мать замѣтила мои чувства. Это какъ будто породнило насъ. Она тихо улыбалась, читая на моемъ лицѣ удивленіе, но въ кроткой и грустной ея улыбкѣ едва можно было замѣтить гордость, столь простибельную въ матери такого совершеннаго созданія. Сама она была нехороша, и не отъ лѣтъ — время, которое тѣмъ безжалостнѣе губитъ цвѣты, чѣмъ они краше, повидимому про-

изяще мало перемены въ ея наружности. Съ перваго взгляда, я замѣтила въ ея чертахъ доброту и благородство; но чѣмъ болѣе наблюдала ея, тѣмъ она становилась для меня замѣчательнѣе. На лицѣ ея, я читала не простое спокойствіе души, доводьей судьбою и собою, но безропотное, безпредѣльное повиновеніе Промыслу, глубокое сознаніе своего недостатка, и твердое, кѣсное упованіе на милосердіе Искупителя. Цѣлая драма, цѣлая жизнь заключались въ ея взорахъ, положеніи и звукахъ ея голоса. Мы поправились другъ другу. Я осталася провести нѣсколько дней съ моими новыми друзьями. Въ продолженіе этого времени я узнала, что нелюбезность, ни умъ козьяки ничего не значили въ сравненіи съ ея дѣлательною, неуспянною добротою. Было ли сердце ея съ дѣтства оживлено животворящимъ огнемъ милосердія, или она помнила непрестанно слова Того, Кто сказалъ: «Вѣ многого простится, потому, что она много любила?» Только дума ея была незыскимый востанникъ снисходительности и любви къ ближнему, а жизнь непрерывная цѣвь добрыхъ дѣлъ. Жилище ея было центромъ, отъ котораго лились во все стороны на обширное пространство лучи милосердія и благотворительности.

На четвертый день моего пребыванія, вечеромъ, когда истощился разговоръ о разныхъ предметахъ, на минуту водворилась тишина, прерываемая изрѣдка шопотомъ и смѣхомъ дѣтей и шумомъ проливнаго дождя. Молодая родственница хозяйки кончила разливанье чая и подозвала къ себѣ прелестную дѣвочку.

«Ну, Ида,» сказала она, «скажи намъ, что такое въ стихахъ, которыми ты такъ восхищалась?»

«Да, да, расскажи, Идочка!» вскричала блондура в восьми-дтилетн дѣвочка съ пухленькими щечками...
«И послушай».

«Расскажи, Идочка!» подхватилъ серьёзно 13-ти-лѣтнй мальчикъ, обнимая ее. «Когда тебѣ хвалятъ, мнѣ бываетъ такъ весело... Видѣ ты моя невеста? Вотъ, третьяго дня, я чуть не обидѣлъ М-г Dubuis, когда онъ сказалъ мнѣ: «М-г Dmitri, ваша прелестная невеста настоящая Грація!...» Въ засмѣялся; только хозяйка дома затрепетала, улыбаясь это имя; краска вспыхнула на ея щекахъ, но лицо ея скоро приняло свой прежнй видъ. Никто, кромѣ меня, не замѣтилъ такой быстрой перемены...

«Ахъ! тетинька!» сказала Ида, слегка покраснѣвъ, «вѣдь вы сами, вѣрно, знаете эту хорошенькую песенку, и вы будете смѣяться надо мною, когда я не такъ расскажу!»

Стихотвореніе, о которомъ шла рѣчь, было *Пери* и *Анаэль*, только что вышедшее на Англійскомъ языкѣ... Идочка подвинула табуретку къ тетинькѣ, и начала передавать плавнительный вымыселъ Мура. Она пересказывала, какъ умѣла, безъ искусства, съ неподражаемою прелестью дѣтскаго лепета, и съ свѣжимъ и глубокимъ чувствомъ дѣвушки, которая уже понимаетъ красоты поэзіи, душа которой раскрылась для прекраснаго, а сердце для любви...

Лишь только милая дѣвушка выговорила: «Прости, земля!» въ комнату вошелъ слуга.

«У воротъ стоитъ какой-то странникъ,» сказалъ онъ хозяйкѣ. «Онъ пришелъ со стороны селенія, весь промокъ, и должно быть упалъ съ горы, потому, что голова его ушибена».

При словѣ: «странникъ,» фязіогномія хозяйки опять измѣнилась чуднымъ образомъ. «Проводить его въ

львий флигель,» сказала она тихо слугѣ. «Скажи, что я прошу его остаться у насъ на все время, пока онъ выздоровѣетъ... Пусть Григорьевна смотреть, чтобы ему ни въ чемъ не было недостатка, а ты между тѣмъ пошли за лекаремъ.»

На другой день, мы пришли въ комнату хозяйки. Она была нездорова и сидѣла подь окномъ, въ дивныхъ креслахъ.

«Ну, Идочка, что ты дѣлала въ минуты твоего отдыха?» спросила она дочь.

«Я видѣла бѣднаго больного, маменька, и долго съ нимъ говорила..»

«Видѣла? Говорила?» спросила съ любопытствомъ Варвара Николаевна... «Каковъ онъ?..»

«Я почти не видала его лица, потому, что у него вся голова обвязана платкомъ...»

«Что же ты съ нимъ говорила?»

«О, очень много... Вотъ, видите ли, позвольте рассказать, маменька?»

«Хорошо, мой другъ.»

«Вы знаете, тетинька, нашъ цвѣтникъ почти подь окнами флигеля. Мы работали тамъ съ Митинькою. Мнѣ понадобились большія ножницы. Митинька вызвался за ними сбѣгать и ушелъ. Я долго ждала его, но онъ не возвращался. И не мудрено! Иванъ Карловичъ поставилъ его въ уголъ, за то, что онъ сшибъ съ ногъ няню. Я стала работать безъ него. Вдругъ подняла глаза, и вижу, нашъ больной стоитъ у окна. Онъ смотрѣлъ на меня, долго смотрѣлъ, и такъ пристально! Сначала мнѣ стало очень стыдно; потомъ я оправилась, подошла къ окну, и спросила его: какъ онъ себя чувствуетъ?»

«А развѣ мое здоровье возбуждаетъ ваше участие,

милое дитя?» спросилъ онъ. — «Какъ же?» отвѣчала я... «Маменька говоритъ, что мы должны желать всему добра, и заботиться объ этомъ, если можемъ.

«Богъ, вѣрно, благословилъ вашу маменьку за такія прекрасныя чувства, какъ Онъ благословитъ васъ,» сказалъ онъ тихо.

«Ахъ!» воскричала я. «Милая маменька! не сердитесь!... Добрую маменьку всѣ любятъ. Она очень счастлива — только не совсемъ.

«Почему же?» спросилъ онъ.

«Не знаю. Только она худа и невесела.

«Но, душечка, разве маменька можетъ быть такъ рѣзва и весела, какъ вы?»

«Конечно, нѣтъ. Но, вѣдь, тетя Варвара Николаевна двумя годами старше ея, а она все смѣется и бѣгаетъ съ нами, какъ мы, любитъ кушать сливки, и такая румяная, толстенькая...

«Ахъ! ты, неводница!» вскричала смѣясь Варвара Николаевна.

«Браво, браво, Идочка! Продолжай,» вскричала ея мать.

«Потомъ, онъ спрашивалъ, что я дѣлаю, чему учусь? Но тутъ меня позвали обѣдать, и мы расстались.»

Вечеромъ того дня, всѣ домашніе, старые и малыя, больные и здоровые, собрались по обыкновенію въ залу, къ вечерней молитвѣ. Идочка стала впереди, и съ благоговѣніемъ, громко читала молитвы, написанныя ея матерью.

Молитва никогда не проходила безъ того, чтобы домашніе не плясали отъ умиленія, не смотрѣли на то, что слышали ее каждый день. Съ послѣдними словами молитвы раздался глубокій вздохъ въ концѣ залы. П-жа Оболенская (имя хозяйки нашей) съ невольнымъ трепетомъ оглянулась. Позади всѣхъ, се-

крытый вразомъ коридора; стоить незнакомецъ. Голова его склонилась на грудь, и са въѣвъ тамъ, онъ еще казался выше всѣхъ людей, которые передъ ними стояли.

Молитва кончилась. Домашніе разошлись. Въ эту минуту вошелъ незнакомецъ. Сначала хозяйка его не замѣтила. Она наклонилась къ маленькому дѣвчонкѣ и учила ее складывать кресты.

«Евфимія!» произнесъ незнакомецъ, съ глубокимъ чувствомъ.

Едва только слово его каснулось уха ажи Оболенской, она поднялась, вскрикнула и упала безъ чувствъ въ его объятія.

Первый предметъ, который поразилъ взоры Евфиміи, когда она пришла въ себя, былъ ея мужъ. Онъ сидѣлъ у ея кровати, не шутуя, плазъ въ ея лица, подстерегая минуту ея возвращенія къ жизни. Возле него сидѣла Варвара Ивановна съ мукою. Съ другой стороны кровати стояли дѣти, не смѣя говорить, и даже сморгнуть на незнакомца, который испугалъ сидѣла большую и къ блѣдую, добрую маменьку... Ида тихо плакала, приклонивъ голову къ родившей матери.

Евфимія съ трудомъ приподнялась и смотрѣла въ лицо мужу съ невыразимой радостью. Глаза ея блуждали. Непривычный румянецъ игралъ на щекахъ... Казалось, она хотѣла и не могла увѣриться, что то не мечта.

«Это ты, Вадерій!.. Это ты!» произнесла она восторженно. И, после долгаго молчанія, поднявъ глаза къ нему, Господи! стало быть, Ты простилъ меня... — сказала она. «Теперь благодарю, благодарю Тебя, Я могу умереть!»

«Не говори о смерти, мой добрый другъ,» сказала Валерій, обвиняя ее. «Ты будешь, ты должна жить для счастья, для моего, для нашихъ дней... Подъ рубашку странника, я посетилъ всю окрестность, и узналъ, что съ минуты вашей разлуки, вся жизнь твоя была посвящена долгу и добру... Какого заблужденія не перукала бы эта 40-ть лѣтъ! Теперь мою любовь, мою дружбу, возьми, что отъ меня зависитъ, я хочу вознаградить тебя за все, что ты перенесла.

«Другъ! благодарю тебя!.. Слова твои сладостны для моей души... Ида! вотъ твой отецъ, добрый, нѣжный отецъ! Прими его благословеніе... Валерій! вручаю тебѣ дочь мою... Смотри, она прекрасна, какъ ангель, и какъ ангель, непорочна... Храни ее, люби ее за себя и за ея бѣдную мать... О, дочь моя, мое сокровище! Какъ желала бы я перелить въ другое сердце любовь къ тебѣ, которою полно мое... Но чувствую, что такъ любить можетъ только сердце матери... Варинька! люби ее, какъ ты любила меня. Не оставь ея въ тѣхъ случаяхъ жизни, гдѣ только нѣжная, женская рука должна касаться сердцу женщины... Петръ Григорьевичъ! И вашей доброй, испытанной дружбѣ поручаю ее... Митинька... люби ее.. и ты, Фимочка... — О, Валерій! прости, прости меня! Помни только, что я любила тебя больше... Господи!... прости!...»

Сильное волненіе при свиданіи съ мужемъ, послѣ 10-ти-лѣтней разлуки, потрясло бранный составъ Евфиміи, ослабленный долговременнымъ, скрытымъ страданіемъ. — Горестъ прощанія истощила ея послѣднія силы... Она впала въ усыпленіе. По прошествіи немногихъ минутъ, она подняла глаза... улыбнулась нѣжно, смотрѣла то на Валеріана, то на дочь — потомъ попросила открыть окно... Digitized by Google

Вечеръ былъ очарователенъ своею тишиною. Солнце садилось за гора прямо противъ оконъ. Свѣтлое небо блистало яркими красками вечерней зари... Евонія безмолвно смотрѣла на ясную природу. Кроткое умиленіе выражалось на ея блѣдномъ лицѣ. Она окинула послѣднимъ взоромъ кругъ своихъ друзей, едва слышно пожала руку мужа, и тихо скончалась, прошептавъ: «Господи! прости!...»

***

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

БЕЗЪИМЕННОЕ ПИСЬМО.

(*Письмъ Августа Арну*).

I.

ПЛОЩАДНОЙ ПИСЕЦЪ.

За пятнадцать, или шестнадцать лѣтъ передъ симъ, дворъ Святой Капеллы * представлялся совсѣмъ въ другомъ видѣ, хотя и теперь не сдѣлано въ немъ значительныхъ измѣненій, не очищены и не украшены улицы, къ нему ведущія. Все осталось почти въ прежнемъ положеніи. Деревянная загородка, противъ лѣстницы, ведущей въ галерею къ присутственнымъ мѣстамъ, теперь возобновлена и обведе-

* Sainte-Chapelle. Такъ называется церковь въ Парижѣ, выстроенная возлѣ присутственныхъ мѣстъ Св. Людовикомъ, въ 1140 году. Тутъ находится известный Налой, воспитанный стихотворцомъ Буало, въ поэмѣ *Le Lutrin*.

на кругомъ всей древней постройки. Однакожь сдѣланъ проходъ по двору Св. Капеллы, что совершенно измѣнило прежнюю его физиогномію. До открытія свободнаго пути въ семь мѣстъ, дворъ былъ пригородомъ стараго города, гдѣ сохранялись еще нѣкоторыя черты прежней цивилизаціи. То былъ особенный міръ, отличавшійся своими неизмѣнными привычками, шумный или молчаливый въ нѣкоторыя часы. Его посѣщали все тѣ же люди: утромъ, тутъ расхаживали писцы Счетной Палаты, ожидая прибытія референдаріевъ, приказные, ходившіе у входа въ берлогу ябеды, и сосѣднія кумушки, мѣшавшіяся съ водовосами у фонтана маленькой улицы Сентъ-Аннъ.

Въ полдень, тутъ грѣлись на солнцѣ почтенные члены полицейской бригады, коихъ казармы были въ двухъ шагахъ. Ежедневно, въ тоже время, на дворъ раздавался неприятный стукъ каретъ, останавливавшихся у сѣвернаго угла Счетной Палаты. Въ томъ мѣстѣ, за лѣстницею и подъ первою Палатою Королевскаго Суда, лѣтъ двадцать жилъ уже почтенный Дюверрье, откупщикъ перевозки колодниковъ, составлявшей родъ промышленности, довольно выгодной; Дюверрье, доходами отъ откупа, могъ удовлетворять своей непреодолимой страсти къ рѣдкимъ цвѣтамъ. Входъ въ его мрачную квартиру былъ похожъ на цвѣточную выставку, а трава между камнямъ на дворѣ служила продолженіемъ уютнаго его садика. Поздно вечеромъ, когда молчаніе прерывалось только шагами часоваго, расхаживавшаго при свѣтѣ фонаря Счетной Палаты, пустынное и темное мѣсто служило для любовныхъ свиданій. *Сегодня* было похоже на *вчера*: тѣ же лица, тѣ же привычки, даже почти одни и тѣ же разговоры. Со времени перемѣнъ, мною описанныхъ, близъ Св. Капеллы открылось

нѣсколько лавочекъ площадныхъ писцовъ, но до того существовала только одна, по правой сторонѣ арки, ведущей въ улицу Бариллерн. Хозяинъ хижины, похожей по формѣ и пространству на будку ежедневно вывѣшивалъ объявленіе, писанное всеми возможными почерками, и большими буквами, которыя исчезали подъ курчавыми украшеніями. Глядя на сіи письменныя доказательства своего искусства, онъ подымалъ глаза къ небу и выпускалъ глубокіе вздохи, какъ будто вспоминая прежнее счастливое свое положеніе и настоящее несправедливое забвеніе. Надъ немытыми, непрозрачными стеклами оконъ, освѣщавшихъ внутренность хижины, было написано желтыми литерами: *Редакція записокъ, просьбъ, дружескихъ и поздравительныхъ писемъ.* На дверяхъ была надпись: *Х. С. Тернисіенъ, экс-профессоръ Чистописанія при Университетѣ.* Но вывѣска, не смотря на отсутствіе соперничества, не доставляла хозяину большихъ выгодъ, что было видно по его бѣдному платью. У него была одна одежда и лѣтомъ, и зимою. На головѣ онъ носилъ черныи шелковый колпакъ, и шляпу, которая, покрывшись слоємъ грязи, стала непромокаемою. Длинныи сюртукъ его, изъ байки, вытерся и потерялъ первоначальный цвѣтъ; боковые карманы отвисли и звявали, выказывая пустоту свою; жилетъ застегивался металлическими пуговицами; черныи, изношенныи панталоны укоротились отъ частыхъ подшивокъ; костюмъ дополнялся толстыми шерстяными чулками и деревянными башмаками, обложенными внутри соломой. Однако же и въ рубищѣ, старикъ Тернисіенъ не былъ отвратителенъ, по доброму и честному лицу. Легко узнавали въ немъ человека, потерявшаго состояніе, но не совсѣмъ обезображеннаго нищетою и пьянствомъ — двумя непремѣнными

спутниками всёх несчастливцовъ, умирающихъ съ голоду. Его лицо и руки были гораздо чище платья; голодъ его былъ пріятель, а взоръ выражалъ, рѣшимость, даже когда онъ жаловался на судьбу свою сосѣду Дюверрье, что случалось почти ежедневно. Часто жалобы его продолжались съ утра до вечера, потому, что никто не обращался къ нему съ заказами.

Не смотря на его чрезвычайную расчетливость, работа не могла бы доставить ему пропитанія, но онъ имѣлъ небольшой капиталъ, собранный въ прежніе счастливые годы; накопленными деньгами онъ хотѣлъ купить себѣ мѣсто въ богадѣльнѣхъ подь старость. За то и берегъ онъ капиталъ, какъ вещь священную. Деньги были отданы прежнимъ профессоромъ чистописанія на сохраненіе нынѣшнему площадному писцу. Онъ скорбѣлъ ужасно, видя, что не можетъ умножать капитала; даже еслибы у него было побольше заказовъ, то и тогда выгоды не поравнялись бы съ его трудами.

У добраго Тернисіена былъ порокъ, еще болѣе увеличиваемый честностію. При чрезвычайной разсѣянности своей, онъ непрерывно ошибался, работая подь диктовку, или переписывал, вымарывал лишнія слова и вставлялъ пропущенныя. Зная свою невнимательность, онъ всегда перечитывалъ написанное, поправлялъ, мараль, добавлялъ, и когда поправка набиралось много, принимался снова переписывать, не требуя новой платы. Онъ не хотѣлъ обманывать достоинствомъ работы, или заставлять другихъ платить за его разсѣянность. Такая честность нерѣдко приводила его къ чистому убытку, когда отъ поправокъ, онъ гортилъ по нѣскольку листовъ почтовой, или слоновой бумаги.

«Что новаго сегодня?» спрашивалъ обыкновенно Тернисіенъ у сосѣда Дюверрье, когда тотъ проходилъ мимо его лавочки, и Дюверрье всегда отвѣчалъ:

«А я у васъ хотѣлъ было спросить!»

Разговоръ начинался такимъ предисловіемъ, и потомъ продолжался долго. Сначала говорили о политическихъ дѣлахъ, которыя шли, разумѣется, дурно, по мнѣнію того и другаго. Послѣ важныхъ разсужденій переходили къ житейскимъ новостямъ. Тогда Дюверрье, богатый промышленникъ, становился оптимистомъ, а Тернисіенъ по-прежнему смотрѣлъ на все въ черныя очки.

«У меня готова для васъ пріятная новость,» сказалъ ему однажды откупщикъ.

«Что же такое, сосѣдъ?»

«Вчера, какъ я поливалъ цвѣты, референдарій В***, другъ президента, подошелъ ко мнѣ и сказалъ: У васъ, Дюверрье, прелестныя дали! Я тотчасъ понялъ намѣтку, и для вашей пользы, предложилъ ему луковичъ для сада, который онъ навинаетъ въ Пасонъ.»

«Если для моей пользы,» отвѣчалъ Тернисіенъ, «то я васъ покорно благодарю, но прошу объяснить, какое мнѣ до того дѣло?»

«Вы знаете, что рѣшили украсить, очистить дворъ Св. Капеллы. И хотѣли — теперь можно сказать, когда я вамъ нашелъ покровителя — хотѣли снести вашу лавочку, а васъ прогнать.»

«Возможно ли?» вскричалъ Тернисіенъ съ ужасомъ. Ему казалось, что его уже выгоняютъ.

«Сущая правда,» отвѣчалъ Дюверрье, «но будьте спокойны: я переговорилъ съ референдаріемъ; онъ меня любитъ, и вы останетесь на прежнемъ мѣстѣ.»

Такое обѣщаніе могло бы успокоить писца, если бы онъ не подумалъ о своей бѣдности. Глубокій вздохъ вырвался изъ его груди.

«Такъ вы очень огорчились?» спросилъ Дюверрье.

«Совсѣмъ нѣтъ, а напротивъ, благодарю васъ. Мнѣ оставляютъ надежду — вещь хорошая, да не доходная. Эхъ! сосѣдъ, ремесло мое плохое! Нововведенія насъ убиваютъ. Во Франціи нѣтъ ничего прочнаго. Всякій день перемѣна, и старыми обычаями не дорожатъ, какъ изношенной рубашкою. Искусства, прежде славившіяся, теперь въ презрѣніи. Это не доведетъ до добра.

«Вы всегда жалуетесь,» отвѣчалъ Дюверрье,» по мнѣ, такъ есть превосходныя перемѣны. Человѣкъ стремится къ усовершенствованію: таковъ ужъ законъ общества. На примѣръ, мой отецъ возилъ колодниковъ въ тряскахъ тельжкахъ, на которыхъ можно было выбить себѣ зубы. Я возу преступниковъ въ спокойномъ экипажѣ, гдѣ сидишь спокойно, какъ въ креслѣ. Тутъ я не нахожу большаго неудобства.

«Для васъ хорошо,» отвѣчалъ Тернисіенъ, «но для меня-то дурно! Когда я прѣхалъ сюда, была еще возможность нажитья, были еще денежныя средства, которыя вознаграждали за потерянное время. Вотъ тутъ (Тернисіенъ указалъ пальцамъ на жилище приказныхъ), вотъ тутъ была у меня золотая руда! Когда работа требовалась скоро, а писцамъ хотѣлось погулять, что случалось часто, они потихоньку приносили мнѣ бумаги для переписки. Они платили безъ торгу, и не разглядывая, а работа была легкая, потому, что они сами просили, чтобы переписывать какъ можно неразборчивѣе.

«Почему они васъ оставили?»

«Да, потому, что нужды не имѣють во мнѣ. Въдѣ ужъ изобрѣли литографію и автографію: это и скорѣе, и дешевле. Вотъ, какъ раззоряють артистовъ! Страшно подумать! Послѣдній ударъ нанесенъ чистописанію! Богъ знаетъ, что еще будетъ! Я прежде давалъ уроки по три франка за билетъ! Я показывалъ положеніе тѣла и руки, и объяснялъ теорію пера знатнымъ дѣтямъ, и дѣвочкамъ, у которыхъ руки были гораздо бѣлѣе лучшей веленовой бумаги. Я преподавалъ въ одномъ столичномъ коллегіумѣ, а ученики мои выучивались не ранѣе, какъ въ два года, по крайней мѣрѣ. Тогда учились медленно, по правиламъ; теперь, шарлатаны поставили все вверхъ дномъ и учатъ въ шесть недѣль! По неволѣ пожмешь плечами. Я не молодъ, но глазъ у меня хорошъ, да и рука еще не дрожить: я не былъ бы площаднымъ писцомъ, еслибы старыя методы цѣнились по достоинству.»

Въ первый разъ еще Терявсіенъ произнесъ такую длинную рѣчь безъ остановки. Онъ отдохнулъ, высморкался и поднесъ Дюверрье табакерку, а Дюверрье воспользовался минутою и сказалъ:

«Если старыя методы брошены, зачѣмъ вы не хотите учить по новымъ?»

«Мнѣ учить по новымъ?» отвѣчалъ профессоръ съ негодованіемъ. «Никогда! Въ продолженіе двадцати лѣтъ изучалъ я тайны чистописанія, постигъ всѣ тонкости *круглаго*, *Готическаго* и *Итальянскаго* почерка, и не хочу подъ старость подкрѣплять вредныхъ нововведеній собственнымъ примѣромъ! И знаете ли, что за открытіе, которымъ Карстеръ и его ученики такъ хвастаютъ? Простой, скорописный почеркъ, любезнѣйшій, простой скорописный, письмо связное, наклоненное, ужасно обезображенное

и ставшее однообразнымъ отъ механическаго обученія, въ которомъ нѣтъ мѣста разсудку! Вотъ гдѣ зло! Кухарка будетъ писать не хуже самой хозяйки, такъ, что нельзя будетъ различить; что же станется съ искусствомъ, драгоценнымъ и столь полезнымъ: узнавать характеръ людей по ихъ почерку? Спрашиваю, что станется съ наукою экспертовъ? Нѣтъ! никогда Хризостомъ Тернисіенъ не захочетъ распространять такихъ изобрѣтеній, такихъ вредныхъ ученій! Лучше перемѣню ремесло, да и пора бы мнѣ на то рѣшиться. Мнѣ окажутъ услугу, если выживутъ меня отсюда....»

Дюверрье хотѣлъ спросить о смыслѣ послѣднихъ словъ, какъ вдругъ вбѣжалъ мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, настоящій Парижскій шалунъ, съ живыми, смѣлыми глазами. Онъ посмотрѣлъ на разговаривающихъ и спросилъ: «Который изъ васъ писецъ?»

Дюверрье отошелъ, а Тернисіенъ остался наединѣ съ мальчишкою.

«Что тебѣ надобно, голубчикъ?» спросилъ онъ.

«Перепиши вотъ это,» отвѣчалъ мальчикъ, показывая исписанную бумажку, которую мля въ рукѣ.

Тернисіенъ посмотрѣлъ на нее, желалъ сообразить, сколько будетъ работы; потомъ подвелъ мальчика къ вывѣскамъ и спросилъ, показывая разные образцы почерковъ:

«Какого рода письмо тебѣ нужно?»

Мальчикъ, вмѣсто отвѣта, спросилъ, что дешевле? Тернисіенъ сѣлъ къ столу, очинилъ новое перо, выбралъ лучший листъ почтовой бумаги и началъ разбирать письмо. Оно было написано четко; его мож-

но было прочесть безъ труда. Послѣ нѣсколькихъ строкъ, онъ остановился и посмотрѣлъ на мальчика. Тотъ стоялъ прислонившись къ стѣнѣ, и скрестивъ руки и ноги, насвистывалъ арію, съ варіаціями собственнаго сочиненія. Взоры Тернисіена выражали недоумѣніе и недовѣрчивость; онъ даже хотѣлъ обратиться къ мальчику съ распросами, но видя его безпечность и спокойствіе, принялся снова за письмо. Чѣмъ далѣе онъ читалъ, тѣмъ болѣе глаза его разгарались; любопытство и вниманіе показывались на его лицѣ. Казалось, что онъ разбираетъ загадку, но не могъ добраться до таинственной и желанной разгадки.

Мальчикъ свисталъ громко, какъ дроздъ, но Тернисіенъ его не слышалъ.

Онъ взялся за перо, прищурилъ глаза и посмотрѣлъ на раскепъ, обмакнулъ его въ чернила, готовъ былъ начать первую букву, какъ вдругъ мысли его переѣнились. За любопытствомъ послѣдовала нерѣшимость. Идеи его очевидно раздѣлились между механическимъ производствомъ переписки и нравственною оцѣнкою загадочной бумажки. Тернисіенъ не могъ похвалиться проникательнымъ умомъ. Обращаясь въ кругу занятій чисто механическихъ, умъ его останавливался на формѣ мысли, не пропикалъ въ самую мысль. Онъ походилъ на тѣхъ философовъ-матеріалистовъ, у которыхъ создатель исчезаетъ за созданіемъ, и какъ несчастіе всегда укрѣпляетъ вѣрованія страждущихъ, то и онъ возвеличивалъ свое искусство, по мѣрѣ, какъ другіе его унижали. Онъ создалъ себѣ изъ него религію, которой былъ мученикомъ. Если умъ его затмился, за то душа сохранила первоначальную чистоту и честность. Онъ былъ совѣстливъ съ чужими и

самъ съ собою. Его профессорская гордость унижалась до переписки ничтожныхъ строкъ для насущнаго хлѣба, но онъ возмущался духомъ, когда вспоминалъ, что можетъ служить къ распространенію преступныхъ мыслей. Онъ былъ неспособенъ сказать ложное слово, даже въ свою пользу, и нерѣдко опасался превратиться въ орудіе клеветы. О томъ-то говорилъ онъ, говоря сосѣду Дюверрье: *лучше перемѣню ремесло*. И онъ не перемѣнялъ занятій единственно потому, что не могъ завѣяться ничѣмъ другимъ.

Письмо, которое долженъ онъ былъ переписывать, вдохновляло совѣсти его самыя непріятныя размышленія. Не смотря на умѣнье толковать почерки, онъ глядѣлъ на буквы письма, какъ академикъ на иероглифы; но положеніе его было еще страннѣе и тяжеле. Важна ли невѣрная цифра, ошибка въ Исторіи? Въ Исторіи ложь и правда равно ничтожны для отжившихъ и для живущихъ. Здѣсь, напротивъ, хоть онъ не зналъ, кто и къ кому пишетъ, и что въ письмѣ, ложь или правда, однакожь смущался, переносясь къ послѣдствіямъ, которыя должны были произойти отъ письма. Бѣднякъ, потерявшись въ лабиринтъ размышленій, тщетно прибѣгалъ къ обыкновенному своему совѣтнику. Онъ млялъ пальцами лѣвой руки щепотку табаку, понюхивалъ его, прилагалъ къ письму апологъ Езопа о словѣ, и увлекаясь учеными размышленіями и классическими воспоминаніями, воскликнулъ:

«Еслибы, подобно Ахиллову копью, исцѣлявшему наносимыя раны...

«Что такое?» спросилъ мальчикъ, повернувшись.
«Ты уже кончилъ?»

Слова его вырвали Тернисиена изъ ученыхъ мечтаний, и онъ отвѣчалъ:

«Да, я еще и не начиналъ!»

«Стало быть, ты не умѣешь писать,» прервалъ мальчикъ, «и ждешь когонибудь на помощь! Ну, живѣй, или отдай мнѣ бумажку; мнѣ ждать некогда; меня ждутъ.»

«Тебя ждетъ особа, писавшая письмо?»

«Нѣтъ, не она, а товарищи, съ которыми я играю на Цвѣточной Набережной. Я бросаю игру, хоть у меня въ ставкѣ десять су; пора посмотрѣть, что съ ними случилось. Пиши рысью, а мнѣ еще надобно зайти въ одно мѣсто. Если ты мнѣ не вѣришь, вотъ тебѣ деньги впередъ — шестнадцать су! Я не торгуюсь, такъ и ты пиши скорѣе.»

Не раздвѣляя его нетерпѣнія, старый писецъ спросилъ:

«Кто далъ тебѣ письмо?»

Мальчикъ посмотрѣлъ на него насмѣшливо и отвѣчалъ: «Человѣкъ.» Потомъ сдѣлалъ гримасу, съживъ носъ и приподнявъ языкомъ верхнюю губу. Другой на мѣстѣ Тернисиена наказалъ бы за такую непочтительность, но добрякъ повторилъ только прежній вопросъ.

«Когда я говорю тебѣ, что человѣкъ, такъ стало быть, тебѣ больше и знать не нужно. Мнѣ дали письмо, приказали отдать писцу для переписки; дали денегъ и я пошелъ; я плачу тебѣ—вотъ и все! Хочешь ли я просвищу еще пѣсенку, если она можетъ быть тебѣ пріятна?»

И онъ принялся свистать романсъ, бывшій тогда въ модѣ:

Dans un vieux château de l'Andalousie,

Au tems où l'amour se montrait constant, и проч.

Тернисіенъ размѣстилъ на доскѣ, служившей вмѣсто пюльпитра, черновое письмо и бѣлую бумагу, и взялся снова за перо. Его не сманили шестнадцать су, славная награда за нѣсколько минутъ труда, но ему пришли на умъ двѣ мысли, очень простыя, которыя разсѣяли отчасти его сомнѣнія. Письмо могло содержать и правду и ложь, и во всякомъ случаѣ, если онъ откажется, то другой писецъ взметъся переписать письмо. Притомъ любопытство было возбуждено въ немъ до такой степени, что онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ минуты, когда, по указанію мальчика, придется надписать адресъ и имя особы, которой посылается такое предостереженіе. Однакожь, начиная переписку, Тернисіенъ спросилъ еще разъ:

«Читалъ ли ты письмо?»

«Да, развѣ я умѣю читать? Я даже и буквъ не знаю, да и жалѣлъ бы, еслибъ былъ такимъ ученымъ, какъ ты.»

«А почему же?»

«Да, потому, что тогда ты не имѣлъ бы удовольствія меня видѣть, а я говорю тебѣ, что лучше было бы работать перомъ, чѣмъ языкомъ. Отдавая бумажку, у меня спросили: умѣю ли я читать? я отвѣчалъ, что нѣтъ. Тогда меня научили, что дѣлать; дали три франка, изъ которыхъ я уступилъ тебѣ шестнадцать су, чтобы ты писалъ поскорѣе. Однакожь ты все еще не началъ?»

Тернисіенъ принялся за работу, удивившись, что распросы ни къ чему не поведутъ. Онъ прочелъ письмо, съ такимъ вниманіемъ, такъ прилежно обсудилъ каждое слово, что зналъ записку почти наизусть. Каждая фраза говорила о важныхъ фактахъ,

заключала важныя открытія, которыя должны были имѣть вліяніе на судьбу и счастье многихъ лицъ; записка вѣзлась у него въ память и изгнала обыкновенную разсѣянность. За то, противъ обыкновенія, онъ переписалъ письмо безъ ошибки. Окончивъ, онъ сложилъ его, запечаталъ и обратился къ мальчику:

«У тебя есть адресъ?»

«Какъ же,» отвѣчалъ тотъ, протягивая къ столу руку, ловко и незамѣтно — «адресъ написанъ карандашемъ на клочкѣ бумаги, который у меня здѣсь, въ лѣвомъ карманѣ жилета — да ты его не увидишь.»

Онъ быстро схватилъ письмо, и однимъ прыжкомъ выскочилъ изъ лавочки.

«Адресъ будетъ написанъ другимъ,» прибавилъ онъ — «такъ мнѣ приказано.

«Отдай письмо!» кричалъ Тернисіенъ; — «такія предосторожности не показываютъ добраго намѣренія; отдай мнѣ письмо!»

«Я тебѣ ничего не отдамъ,» отвѣчалъ мальчикъ, «а ты отдашь мнѣ бумажку, или разорвешь ее при мнѣ; такъ мнѣ приказано.

«Вотъ еще!» сказалъ писецъ, всплеснувъ руками. «О, клянусь, что никогда не стану переписывать безыменныхъ писемъ! Хотятъ истребить черновое письмо! Я долженъ былъ отказаться!»

«Экой старый дуракъ!» прошепталъ мальчикъ. «Ну, рѣшайся: или раздирай бумажку, или — нѣтъ тебѣ денегъ!»

И всѣ шестнадцать су очутились уже въ его рукѣ.

Тервисіенъ посмотрѣвъ на него, такъ строго, какъ только могъ, и съ улыбкою презрѣнія сказалъ ему:

«Пожалуй, оставь у себя деньги.»

Онъ искалъ бумажку, которую бросилъ въ кучу другихъ, нашель ее, изорвалъ въ клочки, бросилъ ихъ въ лицо мальчику и сказалъ:

«Пошелъ вонъ, шалунъ!»

«Шалунъ, да не воръ,» подхватилъ тотъ. «Вотъ тебѣ деньги.» И прицѣлясь, бросилъ онъ всѣ шестнадцать су въ огромный карманъ, висѣвшій сумою на боку писцова сюртука; деньги упали туда, какъ въ пропасть.

Потомъ онъ побѣжалъ, пятясь задомъ и дразня профессора, живо и нагло.

Тервисіенъ, оставшись одинъ, погрузился въ тяжелую думу. Наконецъ, онъ всталъ, убралъ бумаги, взялъ одну съ собою, заперъ лавочку, и перейдя черезъ дворъ, принялся толковать съ сосѣдомъ Дюверрье, который поливалъ свои дали.

Мальчикъ, въ точности исполняя полученныя приказанія, отнесъ запечатанное письмо къ другому писцу и потомъ отдалъ на почту.

Письмо было адресовано къ Юлію Валаберу, аудитору Государственнаго Совѣта, въ улицъ Ляль, въ домъ подъ № 34-мъ.

II.

Л Ю Б О В Н И Ц А .

Та часть повѣсти, которую я разсказалъ, служить первую ея сценою, но надобно вернуться назадъ, чтобы познакомить читателя съ различными акте-

рами нашей драмы. Прежде всего я поведу его въ домикъ Фюрстенбергской улицы, въ самый пустынный кварталъ Сень-Жерменскаго предмѣстія. Во второмъ этажѣ была квартира полу-бѣдная, полу-богатая, безъ дорогихъ мебели и пышныхъ украшеній. Въ залѣ одно зеркало, на окнахъ кисейныя занавѣски, нѣсколько стульевъ, но безъ дивана; потолокъ не расписанъ, а коверъ весь одного цвѣта, какъ цвѣтная бумага. Одно только модное фортепіяно, казалось, стояло дорогихъ денегъ; возлѣ него лежали нотныя тетради и цѣлыя партиціи. Однакожь, не смотря на бѣдность украшеній, было видно, что изящный вкусъ распорядился ими и что въ чистой и убранной комнатѣ жила женщина.

У окна, за пальцами, сидѣла молодая дѣвушка и торопливо дошивала работу. Ея бѣлое платье отличалось такою же простотою, какъ и самыя комнаты. Опущенныя длинныя рѣсницы рѣдко подымались, и тогда она устремляла большіе черные глаза на стѣнные часы. По ея мнѣнію, стрѣлка бѣжала слишкомъ скоро. Ея руки, изумительно бѣлыя, могли бы служить образцомъ для портретнаго живописца, еслибы пальцы были потоньше. Шея у ней была превосходной формы и придавала неизъяснимую прелесть движеніямъ головы.

Наконецъ дѣвушка посмотрѣла на часовую стрѣлку съ удовольствіемъ, встала, и бросивъ бѣглый взглядъ на свою работу, позвонила. Вошла старушка.

«Маріанна,» сказала она съ радостью, которая проглядывала въ ея взорахъ и голосѣ, «я совѣтъ кончила работу. Посмотри—каково?»

Маріанна подошла, надѣла очки и воскищалась яркостью красокъ и удачнымъ ихъ соединеніемъ.

«Это мастерская штука!» говорила старуха, «дайте мнѣ волю, такъ я сбуду ее подороже, чѣмъ проданы всѣ другія.

«Да, вѣдь ты знаешь,» прервала дѣвушка, «что все продано тѣмъ же купцамъ и са ту же цѣну.»

«Жидамъ!» прошептала старуха.

«Напрасно, Маріанна, ты такъ бранишь честныхъ людей, которые доставили мнѣ средства добывать вѣрный и достаточный кусокъ хлѣба.

«Ахъ, Боже мой! развѣ нельзя безъ нихъ обойтись? Вамъ стоить только захотѣть....»

Строгій взглядъ дѣвушки остановилъ Маріанну; она отвортилась и продолжала въ смущеніи:

«Я говорю о вашемъ музыкальномъ талантѣ. Здѣсь мало такихъ музыкантовъ, какъ вы, и когда вы давали уроки по 10 фр. за билетъ....»

«Но это не нравилось Юлію.

«Да, правда,» отвѣчала старуха, «теперь вы играете только для него одного. Признаться, что нынѣшнее житье лучше прежняго. Прежде вы безпрестанно ходили на уроки, однѣ, въ дурную погоду, и возвращались усталыя и утомленныя. Теперь, когда вы выходите со двора, г-нъ Юлій ведетъ васъ подъ руку; да это случается рѣдко.... очень рѣдко....»

Новый взглядъ дѣвушки прервалъ болтовство старухи; которая, разговаривая, спяла шитье съ пальцовъ и тщательно свернула въ трубку.

«Отнеси скорый,» сказала дѣвушка, «сей часъ придетъ Юлій; убери пальцы, чтобы онъ ихъ не видалъ.»

«Берегитесь, сударини. Г-ль Юлій не жалуетъ секретовъ.»

«Да, мнѣ очень трудно скрыватья отъ него.»

Маріанна вѣнула, а дѣвушка погружилась въ думу. Разговоръ со старухой заставилъ ее поразоудить о своемъ положеніи.

Фанни было три года, когда мать ея умерла. Отецъ ея, учитель въ небольшомъ городкѣ, не жаллъ на ея воспитаніе ни трудовъ, ни издержекъ. Первою и лучшею ученицею старика Дюмениля была его единственная, обожаемая имъ дочь. Она показывала склонность къ музыкѣ, и онъ далъ ей музыкальнаго учителя. Она быстро усвѣвала во все, и отецъ былъ доволенъ, какъ вельзя болѣе. Когда ей исполнилось шестнадцать лѣтъ, Дюмениль расказалъ ей, въ общихъ выраженіяхъ, объ опасностяхъ, угрожающихъ молодой дѣвушкѣ, и предоставилъ ей свободу, которая могла имѣть вредныя послѣдствія для ея нѣжнаго сердца, легко принимавшаго впечатлѣнія. Онъ даже позволилъ ей сидѣть, по цѣлымъ часамъ, съ молодымъ сыномъ своего сосѣда, Эрнестомъ, который былъ хорошъ собою и уменъ. Правда, что Дюмениль принималъ Эрнеста, воспитаннаго съ Фанни и товарища ея дѣтства, за жениха своей дочери, и не хотѣлъ мѣшать частымъ свиданіямъ, которыя могли познакомить ихъ короче. Однакожь любимыя надежды старика не исполнились.

Фанни не смущалась при видѣ товарища своего, потому ли, что пора любви еще не настала, или

потому, что дружба не могла превратиться въ любовь. Она жила весело, ожидала спокойной и приятной будущности, какъ вдругъ жестокое несчастіе поразило ее. Отецъ ея умеръ внезапно и ничего ей не оставилъ. Въ то время, Эрнестъ былъ въ отлучкѣ. Родные его, видя, что Фанни бѣдна, не захотѣли исполнить предположеннаго брака. Она рѣшилась не ждать Эрнеста, и уѣхала въ Парижъ, къ старой родственницѣ, которая, въѣдетъ денегъ, дала ей совѣтъ усовершенствоваться въ музыкѣ и давать потомъ уроки.

Скоро у Фанни явились ученицы и доставили ей средства жить безбѣдно. Однажды ее пригласили давать уроки десяти-лѣтней дѣвчкѣ, Элизѣ Сень-Жиль, въ улицѣ Шоссе-д'Антенъ. Семейство Сень-Жиль состояло изъ важныхъ особъ, гордившихся богатствомъ. Ее спросили сыграть пьесу для прѣбы; всѣ присутствовавшіе осыпали ее похвалами; особенно восхищался молодой человекъ, на котораго Фанни сначала не обратила вниманія. На другой день, онъ былъ при началѣ урока, и потомъ всегда приходилъ въ началѣ, въ срединѣ, или при концѣ уроковъ. Взоръ его останавливался на артисткѣ, заставлялъ ее краснѣть и приводилъ въ невольное смущеніе. Случайно, остался онъ наединѣ съ Фанни, когда ученица, по окончаніи урока, пошла гулять. Не ожидая отказа отъ бѣдной дѣвушки, которая жила одна, и по ремеслу своему была въ зависимости отъ всѣхъ, онъ началъ говорить ей о любви наду-увѣреннымъ, полу-гордымъ тономъ, но Фанни остановила его, сказавъ:

«Я сирота; у меня нѣтъ ни семейства, ни состоянія; все мое богатство въ урокахъ, а вынн того меня лишаете—я не стану ходить сюда.»

Въ слезахъ, воротилась она домой, и тотчасъ же получила отъ Юлія Вадабера письмо, которымъ онъ просилъ прощенія и умолялъ ее не умножать его раскаянія мыслью, что онъ мѣшаетъ ей возвратиться въ домъ г-жи Сень-Жиль. Онъ обѣщала, что не станетъ туда ходить вовсе. Еслибы у Фанни была мать, она знала бы что дѣлать, но теперь раскаяніе молодого человѣка ее успокоило. Боясь, что узнаютъ настоящую причину отказа ея въ домъ Сень-Жиль, и полагаясь на письмо, Фанни продолжала уроки въ этомъ домѣ. Юлій уже не являлся. Сердце женщины полно самыхъ странныхъ противорѣчій. Фанни была увѣрена, что не увидитъ Юлія, однакожь хотѣла, чтобы онъ лично передъ нею извинился. Часто она продолжала урокъ далѣе назначеннаго времени, но не съ прежнимъ участіемъ наблюдала за успѣхами своей ученицы, не съ прежнимъ усердіемъ учила ее. Давала ли Фанни себѣ отчетъ въ томъ? Разумѣется, нѣтъ. Она ничего не понимала, до того дня, какъ увидѣла опять Юлія. Она чувствовала, что покраснѣла, что сердце ея затрепетало, и она поняла тайну, которую скрывала сама отъ себя. Фанни уже любила.

Когда Юлій застычиво просилъ позволенія присутствовать при урокѣ, она не могла отказать, потому, что очень тому обрадовалась. На сей разъ, она играла дурно и пѣла фальшиво, но на другое утро, приготовившись къ присутствію Юлія, она пѣла и играла такъ выразительно, что восхищенный молодой человѣкъ поблагодарилъ ее взоромъ. Онъ съ восторгомъ ее слушалъ; она съ удовольствіемъ на него глядѣла. Потомъ они пѣли вмѣстѣ. Опасные дуэты часто повторялись, и музыка, гармоническая соблазнительница душъ, помогла обольщенію. Юлій, увѣрившись въ ея любви, рѣшилъ на признаніе.

Фанни должна была бвжать, но у ней не достало силы. Не кому было остановить ее; она слушала признанія истинной, пылкой любви и измѣнила своимъ правиламъ. Онъ съ такимъ жаромъ вымаливалъ тайное свиданіе, впадалъ въ такое отчаяніе, плакалъ такими непритворными слезами, что вскорѣ очутился на колыняхъ передъ Фанни, въ ея комнатѣ, въ улицѣ Фюрстенбергъ. Увы! у Фанни не было матери!

Черезъ шесть мѣсяцовъ, въ то время, какъ я вась съ нею познакомилъ, она была печальна въ самомъ счастьи, хотя любовь Юлія непрерывно возрастала. При немъ она скрывала грусть, и любовью старалась заглушить раскаяніе, но въ минуты уединеннаго размышленія, сердце ея терзалось непреодолимою тоскою; вырываясь изъ настоящаго и разсуждая о будущемъ, она горько плакала. Всѣ ея надежды основывались на непрочной продолжительности страсти Юлія. Онъ любилъ безпредѣльно, искренно, но она безпокоилась нѣкоторыми его недостатками, особенно ревностью и недоувѣрчивостью. Она принуждена была отказаться отъ уроковъ; онъ боялся такого ремесла, опаснаго для молодыхъ дѣвушекъ, что узналъ онъ по собственному опыту. Отказавшись отъ доходовъ, доставляемыхъ талантомъ, она ничего не принимала отъ друга. Она увѣрила его, что послѣ отца и тетки ей остался небольшой капиталъ, котораго очень достаточно на ея издержки. Мы видѣли, какъ она замѣняла воображаемый капиталъ скрытною продажей своего вышиванья; въ работахъ такого рода она была мастерица.

Черезъ пять минутъ послѣ выхода Маріанны, раздались звуки колокольчика и ввели Фанни изъ мечтаній. Она подумала— «давно пора!» и отперла дверь.

Вошелъ Юлій, молодой человекъ, лѣтъ тридцати, смуглый и блѣдный. Важныя занятія придали его лицу преждевременное старообразіе. Онъ былъ добръ и свисходителенъ, но во взорахъ его проглядывала недовѣрчивость, обыкновенный недостатокъ всѣхъ людей, которые удалены занятіемъ отъ общества и не привыкли судить о людяхъ и вещахъ по первому впечатлѣнію. Входя, Юлій былъ похожъ на человека, принявшаго важное рѣшеніе и готоваго объявить объ немъ. Онъ осмотрѣлся и спросилъ: гдѣ Маріанна?

«Я послала ее кой-куда,» отвѣчала Фанни, безъ дальнихъ объясненій.

Юлій прошелъ въ залу, взялъ Фанни за прелестныя ручки, поцѣловалъ ихъ, и показавъ ей на стулъ, сѣлъ возлѣ нея.

«Фанни,» сказалъ онъ нѣжно, «милая Фанни! счастлива ли ты?»

«Разумѣется,» отвѣчала она, «отъ чего быть мнѣ несчастною? Ты вѣдь по прежнему мевя любишь! Впередъ, если захочешь знать, счастлива ли я, спроси самъ у себя: любишь ли меня по прежнему?»

«Однакожь ты страдаешь, а мнѣ ничего не говоришь, какъ будто сердце твое скрываетъ отъ меня тайну. Ужь не разъ видѣлъ я на лицѣ твоёмъ слѣды слезъ, замѣчалъ волненіе души. Твоя блѣдность меня пугаетъ. Ты напрасно скрываешь отъ меня печаль подъ притворною веселостію. Будь откровенна, Фанни; говори: чего ты хочешь?»

«Ничего; я ужь сказала, что твоей любви мнѣ довольно.»

«Да, я люблю тебя одну; знаю, что ты не требу-

ень отъ меня ни блестящей роскоши, ни суетныхъ удовольствій. Ты не принимаешь отъ меня подарковъ; я покоряюсь гордости, которую уважаю. Ты желаешь подарка, который важнѣе богатства и даже любви моеѣ—онъ отнимаетъ у тебя радость, покой и здоровье.

«Можешь ли ты такъ думать!» прервала Фанни.

Юлій вѣжно улыбнулся и продолжалъ ласковымъ голосомъ :

«Говори откровенно, говори отъ души.

«Другъ мой!» сказала она, «я не жалуясь на мою участь; я сама ее искала. Я полюбила тебя, и не стану раскаиваться, пока ты будешь меня любить; но, прости меня, часто воспоминанія о прошедшемъ отравляютъ нынѣшнее мое счастье. Часто, противъ моей воли, мнѣ кажется, что я вижу бѣднаго отца моего, который такъ вѣжно любилъ меня. Грозно спрашиваетъ онъ у меня, почему я отклонилась отъ его родительскихъ наставленій? Обѣщаю тебѣ отучиться отъ такихъ мыслей; я ничего не сказала бы тебѣ, еслибы ты не спрашивалъ меня такъ настойчиво. Тебя не въ чемъ укорять, Юлій; я просила у тебя любви, и ты до сихъ поръ меня любишь; ты обѣщаль мнѣ только вѣрность, и—остался вѣрнымъ. На что же я могу жаловаться? Какія у меня огорченія? Ты самъ знаешь, что я счастлива.»

И говоря сіи слова, она отерла слезы.

Юлій прижалъ къ груди своей ея голову и сказалъ:

«Правда, Фанни, что я обѣщаль тебѣ только любовь, но любовь моя можетъ рѣшиться на все, на всякія пожертвованія, которыя не будутъ уже на-

зваться такимъ именемъ, когда возвратятъ тебѣ счастье и покой.

«Что ты хочешь сказать?» спросила она, съ удивленіемъ, подымая на него прелестные глаза.

«Вчера, ты открыла мнѣ тайну...»

Она покраснѣла и опустила голову.

«Сегодня, я заплачу тебѣ тѣмъ же. Родные хотѣтъ, чтобы я женился.

«Боже мой!» вскричала Фанни.

«Мое положеніе въ обществѣ, любовь къ домашней жизни, забота о будущемъ, все заставляетъ меня исполнить ихъ желаніе.

«Ну, что же?» сказала она съ усмѣхемъ.

«И я рѣшился выбрать жену. Не хочу искать ее въ большомъ свѣтѣ, гдѣ болѣе наружнаго блеска, чѣмъ истиннаго достоинства, между знатными и богатыми дамами, которые замѣняютъ добродѣтель и таланты знатностью и богатствомъ. Нѣтъ! я рѣшился выбрать жену скромную, тихую, испытанную, которой любовь равнялась бы моей, которая измѣнила бы себя только изъ любви ко мнѣ, и потомъ раскаявалась изъ любви къ добродѣтели. Я выбралъ тебя, Фанни—согласна ли ты?»

Она слушала его слова, какъ будто не понимая ихъ. Онъ уже молчалъ, а она все еще слушала, сложивъ руки и глядя на него пристально.

Юлій взялъ ее за руки и смотрѣлъ на нее страстно.

«Правда ли?» шептала она. «Правда ли все это?»

«Да, да,» отвѣчалъ онъ, и «рѣшусь ли я шутить такъ жестоко?»

Она бросилась въ его объятія, сказавъ: «О, другъ мой!» Потомъ пала на колѣни и вспомнила объ отцѣ. Вдругъ мрачная мысль мелькнула въ ея умѣ. Фанни доблѣднѣла, подошла къ Юлію и начала говорить, испытывая его пристальнымъ взоромъ:

«Благодарю, другъ мой, за такое великодушіе. Еслибы ты могъ заглянуть въ мое сердце, сколько въ немъ любви и благодарности! Однакожь я должна спросить тебя еще объ одномъ; отвѣчай мнѣ не шутя. Если теперь говорила только твоя совѣсть, если ты предлагаешь мнѣ руку, безцѣнное, желанное мое блаженство, только для исполненія долга, если сердце твое говоритъ противъ такого пожертвованія — я лучше соглашусь скрывать стыдъ мой въ какомъ нибудь уединеніи, чѣмъ жить съ тобою, съ мужемъ, которому буду въ тягость, который будетъ презирать меня. Рѣшусь на все, хотя не должна тебѣ ни въ чемъ отказывать, не должна уже думать о себѣ одной.

«Фанни!» отвѣчалъ Юлій, «клянусь тебѣ, что только сердце внушило мнѣ такую рѣшимость.»

Она бросилась передъ нимъ на колѣни; онъ поднималъ ее, и самъ стоялъ передъ нею на колѣняхъ.

«Теперь, Фанни, ты не откажешь мнѣ въ просьбѣ.

«Отказать тебѣ? Ни въ чемъ! Что тебѣ угодно?

«Новое доказательство любви. Ты знаешь, что мнѣ казалось, будто ты любила другаго до нашего знакомства. Ты всегда меня разувѣряла, но я все объ этомъ думала. Теперь я не сомнѣваюсь, клянусь тебѣ. Ты увѣрила меня, что сохранила отъ прошедшаго только воспоминаванія дѣтства и семейства. У тебя есть перстень твоей матери, въ которомъ

она спрятала твои волосы, когда ты была еще ребенком. Я давно хотѣла взять этотъ перстень къ себѣ; отдай мнѣ его теперь: я твой мужъ, твое семейство. Отдай мнѣ наследство, полученное отъ матери.»

Она хотѣла встать, но одумалась и сказала ему:
«Послѣ.»

«Отъ чего же не теперь?»

«Другъ мой! я всегда знала, что любовь твоя искренна; въ томъ убѣждала меня твоя ревность; я огорчалась тѣмъ, что не могла отучить тебя отъ подозрѣній. Нынѣшняя новость, о которой я никогда тебя не просила, поразила меня радостью, а не удивленіемъ. Я давно ждала ее; она уничтожаетъ общій нашъ проступокъ; я ждала ее потому, что ты любишь меня, что ты добръ и великодушенъ. Въ день нашей свадьбы, я отдамъ тебѣ перстень; никому не могу отдать его, кромѣ мужа. Это моя давнишняя мысль. Въ тотъ день,» прибавила она, опустивъ глаза, «я не могу надѣть головнаго убора, которымъ обыкновенно украшаются невѣсты. У меня вѣтъ ничего, кромѣ перстня; я тебѣ все отдала. Онъ будетъ моимъ свадебнымъ подаркомъ.»

Юлій хотѣлъ еще спрашивать, но вошла Маріана. Она казалась недовольною, и знаками показывала, что не застала покупщиковъ дома и вернулась съ непроданнымъ товаромъ.

«Что такое?» спросилъ Юлій, замѣтивъ тайные переговоры.

«Ровно ничего,» отвѣчала Фанни съ улыбкою.

«Еще какія-то тайны?»

«Совсѣмъ нѣтъ,» перервала Фанни, цѣлуя его, «по

подумалъ ли ты, о всѣхъ препятствіяхъ противъ нашего брака?»

Юлій не успѣлъ отвѣчать, какъ на улицѣ поднялся ужасный шумъ. Онъ подбѣжалъ къ окну и увидѣлъ на мостовой молодую даму, безъ чувствъ, около которой толпилась чернь. Онъ побѣжалъ на улицу и черезъ минуту воротился.

«Какая встрѣча! Это моя кузина Лове. Она прѣзжала за важнымъ письмомъ къ своему повѣренному. Лошадь ея кабріолета взбѣсилась, и кузина моя упала въ обморокъ. Слава Богу, она не ушиблась, и я долженъ проводить ее. Прощай, до завтра!»

Онъ поцѣловалъ Фанни и поспѣшно вышелъ. Она смотрѣла на него въ окно, но онъ не смѣлъ повернуть головы.

III.

ПРІЯТЕЛЬНИЦА.

Пока Юлій сидѣлъ у Фанни, въ улицѣ Дилль происходила другая сцена, послѣдствія которой должны были растронуть намѣренія любовниковъ. У господи Валаберъ сидѣла въ гостяхъ графиня Септейль, знатная и богатая дама, имѣвшая значительныя связи при Дворѣ. Долго говорили между собою, сначала холодно и осторожно, потому что дѣло шло не о простомъ визитѣ, а о торжественномъ свиданіи; потомъ, живо и откровенно, рѣшившись, послѣ длинныхъ дипломатическихъ переходовъ, заговорить о причинѣ посѣщенія. Разговоръ былъ конченъ; г-жа Валаберъ проводила графиню до дверей залы; обѣ дамы распрощались ласковымъ поклономъ, какъ вдругъ были остановлены появленіемъ двухъ новыхъ лицъ, мужчины и дамы.

Мужчина былъ лѣтъ сорока пяти, съ открытымъ лицомъ; цвѣтущее его здоровье показывало, что онъ никогда не былъ знакомъ съ душевнымъ горемъ. Онъ былъ ловокъ, какъ человѣкъ, живущій всегда въ высшемъ обществѣ, но не отличался ни любезностью, ни достоинствомъ. Блѣдно-сѣрые его глаза выражали только всегдашнее чувство довольства. Онъ держалъ голову вверхъ, какъ всѣ люди, надутые тщеславіемъ, и думающіе, что производить на другихъ пріятное впечатлѣніе, которое сами ощущаютъ, смотря въ зеркало. Г-нъ Сенъ-Жиль оставилъ службу во время вторичнаго возстановленія Бурбоновъ, принялся за торговые обороты и обогатился спекуляціями, самъ не понимая, что дѣлаетъ. Случай обогатилъ его, а богатство доставило ему счастье.

Съ нимъ была дама, лѣтъ двадцати шести; она казалась не старѣе и не моложе такихъ лѣтъ. Черты ея сохранили нѣжность и свѣжесть первой молодости; улыбка ея была очаровательна, движенія были скромны, тихи и пріятны. Красота ея не поражала съ перваго раза, но мало по малу овлаживала сердцами, и могла сохранять за собою любовь, а не возбуждать желанія. Смуглая кожа составляла пріятный контрастъ съ ея голубыми глазами и блондуриными волосами, но такой признакъ страстной организаціи, соединяющей сладострастную нѣгу съ пылкою живостію, казался ложнымъ по скромности ея взора, по доброму выраженію ея лица. Когда она поднимала глаза, казалось, что она ищетъ чужаго страданія для собственнаго утѣшенія, что только чужія страданія могутъ возмутить спокойствіе ея души. Не смотря на такіа достоинства, Адель Лопе не была счастлива. Двадцати лѣтъ вышла она замужъ, за человѣка, который былъ вдвое старше, и не

знала ни тихаго, семейнаго счастья, ни бурныхъ наслажденій любви. Мужъ ея былъ страннаго характера, безъ добродѣтелей и пороковъ, переходилъ безпрерывно отъ одной мысли къ другой, смѣнилъ одинъ прозектъ другимъ. Такіе люди, съ неполною организаціею, безъ черпвнія и воли, рождаются вездѣ и вездѣ не приносятъ пользы. Адель развѣзжала съ нимъ по разнымъ городамъ, куда призывали его безтолковыя предпріятія и неудачныя попытки. То занимался онъ промышленными оборотами, то застрахованіемъ разныхъ предметовъ, а результатъ все былъ одинъ — потеря времени и денегъ. Проживъ нѣсколько лѣтъ въ безирерывныхъ переездахъ, раззоренный, но неисправленный, Лоне затвлялъ новое предпріятіе, которое тѣмъ болѣе ему нравилось, что вовсе не обѣщало успѣха. Собравъ остатки состоянія, онъ купилъ корабль и нагрузилъ его разными товарами, воображая, что продастъ ихъ въ Южной Америкѣ и получить пятьсотъ на сто чистаго барыша. Онъ самъ отправился въ экспедицію, но безъ жены; по обоюдному согласію, она осталась въ Парижѣ, гдѣ должна была ожидать возвращенія корабля. Отъ приданаго у ней осталась еще сотня тысячъ франковъ, на которую мужъ не могъ наложить рукъ. Г-жа Валаберъ, коротко знавшая и умѣвшая цѣнить свою кузину Лоне, пригласила ее жить вмѣстѣ. Адель приняла предложеніе охотно; она оставалась свободною и независимою въ поступкахъ, а могла пользоваться защитою, столь необходимою въ ея лѣта, при такомъ одинокомъ положеніи. Болѣе шести мѣсяцовъ жила она въ домѣ, была ласкова и учтивва со всѣми, скромна, но не равнодушна, принимая участіе въ семейныхъ дѣлахъ, только тогда, когда просили ся совѣта.

Сснъ-Жильдъ, увидѣвъ графиню Септейль, казался

веселье и довольствіе обыкновеннаго, и глупые его глаза выразили что-то похожее на мысль. Съ тяжелою и патланутою претензією на ловкость, разсыпался онъ въ комплиментахъ передъ знатною дамою, и радовался, что видитъ ее у г-жи Валаберъ. Адель Лоне только что поклонилась графинѣ.

Когда графиня уѣхала, обѣ дамы и Сень-Жиль вошли въ гостиную. Г-жа Валаберъ сказала Адели:

«Вы помните, милая кузина, наши условія: мы обѣ должны быть совершенно свободны. Вы взяли Сень-Жилля на все утро; онъ провожалъ васъ во всѣхъ вашихъ разъѣздахъ; теперь отдайте его мнѣ; намъ нужно поговорить.

«Оставляю вамъ его!» сказала Адель, уходя.

«Позвольте мнѣ,» подхватила г-жа Валаберъ, «поправить невольное невниманіе. Вчера вы получили письмо отъ мужа. Вечеромъ я была больна, а утромъ вы уѣхали такъ рано, что я васъ вовсе не видала. Надѣюсь, что нѣтъ печальныхъ извѣстій?

«Никакихъ,» отвѣчала Адель съ внутреннимъ волненіемъ; «благодарю васъ за ваше лестное участіе.»

Адель пошла въ свои комнаты.

Сень-Жиль слѣдилъ за нею глазами.

«Чудакъ Лоне не стоитъ своего счастья!» сказалъ онъ. «Адель любитъ его, не смотря на всѣ его странности. Еслибы онъ велѣлъ ей прѣѣхать, она непремѣнно отправилась бы къ нему. Онъ могъ спокойно пользоваться такимъ сокровищемъ, а принялся торговать духами и Англійскимъ мыломъ въ Америкѣ! Есть люди, которыхъ нельзя ничѣмъ исправить.»

«Ваша правда,» печально отвѣчала г-жа Валаберъ; «нельзя объяснить себѣ, какъ иногда люди бываютъ слѣпы. Иные не отличаютъ добродѣтели, другіе не могутъ распознать порока.

«Ахъ! Боже мой!» сказала Сень-Жиль, растянувшись въ креслахъ, и сложивъ ноги на крестъ. «Что еще случилось? Развѣ вы не сошлись съ графиней?»

«Мы совершенно согласились, другъ мой!»

«Такъ что же?»

«Есть препятствіе, вамъ еще неизвѣстное, и я не знаю, какъ его преодолѣть.

«Что такое?»

«Сей часъ скажу, и попрошу вашего совѣта; для того-то я и хотѣла поговорить съ вами наединѣ.»

Г-жа Валаберъ придвинула креслы и сѣла возлѣ Сень-Жилля.

До начала разговора, надобно объяснить дружбу между этими двумя особами. Холостякъ Сень Жиль и вдова Валаберъ были связаны только узами дружбы. Мать Юлія была добродѣтельна, не только по воспитанію, но и по природѣ. Родившись холодною и спокойною, даже въ юности не допускала она слабостей, а чувственную любовь, любовь безъ брака, почитала химерою, или неизвинительнымъ порокомъ, наравнѣ съ ложью и воровствомъ. Сень-Жиль предавъ былъ г-ну Валаберу за частыя одолженія, посѣщалъ его вдову, и мало по малу сталъ необходимымъ человѣкомъ въ ея домѣ. Никто не могъ сравниться съ нимъ по услужливости и по усердію къ чужимъ дѣламъ. Онъ безпрестанно хлопоталъ за другихъ, получалъ чужія деньги по контрактамъ, искалъ закладовъ, кленлъ свадьбы, принималъ на се-

Онъ всякія комиссіи и хлопотливья порученія. Онъ былъ самый ловкій и самый неутомимый дамскій угодникъ.

«Другъ мой!» сказала г-жа Балаберъ, «вамъ я обложена знакомствомъ съ графинею Септейль; вы первый вздумали о бракъ, столь выгодномъ для моего сына. Графиня согласна, и дочь ея также, какъ мнѣ сказывали. Но я открыла тайну, которую давно подозрѣвала: Юлій въ преступныхъ сношеніяхъ съ какою-то женщиною и любить ее до безумія!

«Вотъ что!» сказалъ хладнокровно Сень-Жилье. «Такъ всегда бываетъ въ его лѣта.

«Но если онъ не захочетъ бросить этой женщины?»

«Юлій умный мальгій; онъ не захочетъ пожертвовать всею будущностью минутному капризу. Будьте спокойны. Онъ знаетъ о переговорахъ съ графинею, видѣлъ ея дочь, и если еще не согласился, такъ, по крайней мѣрѣ, не отказалъ. Онъ не допустилъ бы насъ до предложенія; теперь нельзя отказать безъ причины.

«Мы его не спрашивали, и приняли его молчаніе за согласіе. Юлій, можетъ быть, не все знаетъ, не знаетъ, что графиня была у меня сегодня утромъ. Я лучше васъ понимаю характеръ его; онъ ждетъ до послѣдней минуты, хотя принялъ рѣшеніе, но не объявляетъ его; мужество является въ минуту опасности. Онъ любитъ, уважаетъ меня, боится огорчить, но не уступитъ намъ, если страсть его искренна.

«Чтожь это за женщина?» спросилъ Сень-Жилье. «Какая нибудь гризетка? ... или актриса ... танцовщица? ...

«Во всякомъ случаѣ, женщина дурнаго поведенія,» отвѣтила г-жа Валаберъ. «Мнѣ говорили, что она молода и хороша собою; семейство ея было порядочное; къ несчастію, она получила превосходное воспитаніе. Она прежде давала уроки на фортепіано. Ее зовутъ Фанни...

«Фанни Дюмениль?»

«Да, развѣ вы ее знаете»

«Какъ же! Она учила мою племянницу. О, прекрасное созданіе! Чудная талія, глаза и руки—прелесть! Талантъ замѣчательный! Юлій видалъ ее у моей сестры. Однажды Фанни написала къ ней, что не хочетъ учить племянницы, и мы не знали причины отказа—теперь понимаю. Они ловко разыграли комедію; мы ничего въ ней не поняли. Экая воструха! По наружности—такая скромная! Но меня не перехитрить. Гдѣ она живетъ?»

«Здѣсь близко, въ улицѣ Фюрстенбергъ.»

«Иду къ ней сей часъ,» сказалъ Сень-Жилль, вставая.

«Я никогда не сомнѣвалась въ вашей преданности, другъ мой, и въ вашемъ усердіи, но прошу у васъ другой услуги. Не ходите къ этой дѣвчонкѣ; она нажалуется Юлію, перевретъ ваши слова; не лучше ли поговорить прежде съ Юліемъ? Я не хочу сама говорить съ нимъ; онъ не ребенокъ, нельзя бранить его, а мнѣ трудно будетъ терпѣливо сносить его ослѣпленіе, слушать похвалы его женщины, которая, вѣрно, его обманываетъ. Можно ли повѣрить ея добродѣтели, когда она могла забыть чувство долга?»

«Я хотѣлъ употребить самое скорое средство и вырвать зло съ корнемъ; но если хотите, я погово-

рю съ Юлиемъ, онъ, вѣрно, увидитъ свою ошибку. Вамъ же связывали, намѣренъ ли онъ на ней жениться?

«Нѣтъ, но она можетъ довести его до такой глупости.

«Такъ надобно остерегаться,» сказала Сень-Жилль; «я самъ повѣрилъ бы этой скромницѣ, хоть я бывалый человекъ. Нельзя терять времени; женщины такого сорта любятъ выходить замужъ. Юлій откроетъ глаза. Онъ влюбленъ? Что за беда — полюбить жену, и черезъ двѣ недѣли забудеть любовницу! Во всякомъ случаѣ, можно осушить слезы его Ариадны. Чего она хочетъ? Независимаго состоянія? Ей можно дать двадцать, или двадцать пять банковыхъ билетовъ по тысячѣ франковъ; кажется довольно! Съ этими деньгами пусть примѣтся опять за сонаты и вариации; и явось выйдетъ замужъ за музыканта! Принимаю на себя дипломатическіе переговоры. Онъ держитъ вапикъ мыслей, хотя не такъ строгъ, какъ вы. Очень вѣроятно, что она обманывается. Юлія. Свободная женщина можетъ прожить безъ любовника, но если у ней есть одинъ, то можно предположить и двухъ. Впрочемъ, увидимъ и узнаемъ, а до тѣхъ поръ, успокойтеся!»

Разговоръ еще длился, и Сень-Жилль уговорилъ г-жу Балаберъ продолжать переговоры съ графиней Септейль. Однакожь красноречіе его не произвело желанныхъ послѣдствій. Мы не повторяемъ здѣсь причинъ, изложенныхъ Юлію Сень-Жиллемъ; все онъ былъ опровергнуто, но Сень-Жилль думалъ, что оказываетъ услугу, давая советы, которыхъ у него никто и не просилъ. Онъ несколько разъ начиналъ переговоры такимъ дерзостію, что почти поссорился съ Юлиемъ. Юлій, опасаясь слезъ и просьбъ матери, любилъ свиданіемъ съ нею; бывая вмѣстѣ, они

молчали, какъ мертвые. Адель Лоне напрасно старалась заводить разговоры. Она была добрая, шутливая, любезнѣе прежняго, но ей ничего не открывали, а сама она не могла спросить о тайнѣ; не зная причинъ холодности, она не могла довести до рѣшительнаго объясненія. Съ другой стороны, Юлій не говорилъ ей о неудовольствіяхъ, возбуждаемыхъ его матерью, которой Сень-Жиль служилъ отголоскомъ. Юлій сопротивлялся, но онъ страшился минуты, когда придется показать всю свою рѣшимость. Онъ надѣялся, что Сень-Жиль убѣдится въ бесполезности своихъ попытокъ и самъ прекратитъ войну.

Нѣсколько дней прошло въ такомъ непріятномъ положеніи; оно должно было кончиться. Однажды, утромъ, принялись чистить и убирать комнаты по праздничному. Лакей бѣсѣди въ поспѣхахъ. Юлій замѣтилъ суматоху, но не зналъ ея причины. Онъ хотѣлъ спросить, когда дверь его комнаты отворилась. Г-жа Валаберъ подошла къ нему и сказала:

«Я очень рада, что вижу тебя, Юлій. Надѣюсь, что у тебя нѣтъ занятій, ни свиданій сегодня вечеромъ; но если ты хотѣлъ вѣхать со двора, то я прощу тебя остаться дома. У меня будутъ гости.

«Кто?»

«Друзья, и графиня Септейль съ дочерью.

«Маменька...» началъ Юлій.

Но она вышла, сказавъ слова свои быстро и не ожидая возраженій. Лакей доложилъ ей, что карета готова.

Юлій былъ до того изумленъ, что не остановилъ ее. Такъ и такъ располагали безъ его согласія, рѣшились на отчаянное средство, ставили его въ самое затруднительное положеніе — или показать молчаливѣе

согласие, или же бить на вечеръ и разорвать пла-
ны разрывомъ неожиданнымъ и неучтивымъ? На та-
кую грубость онъ не хотѣлъ рѣшиться, не желая
повредить матери. Однакожь, онъ долженъ былъ
взяться за это средство. Его опутали легкими съ-
тлами, которыя онъ могъ тотчасъ разорвать, но онъ
казались ему крѣпкими и тяжелыми. Юлій привыкъ
къ махившимъ условіямъ тонкой учтивости, и по-
тому приличие его удерживало, хоть онъ вовсе не
перемѣнялъ своихъ намѣреній.

Онъ свѣтъ и задумался о томъ, какъ ему ам-
путаться. Юлій думалъ, что въ комнату никого нѣтъ,
но почувствовалъ, что чья-то рука коснулась до
кресла, и онъ услышалъ смѣлый голосъ Адела:

«Васъ безпрестанно тревожатъ, любезный бра-
тецъ?»

«Вы здѣсь?» спросилъ Юлій. «Я совсѣмъ не замѣ-
тилъ, какъ вы вошли.»

«Я была съ вашею маленькою въ ея комнатѣ, и
вошла сюда, когда она выходила, но любовники ни-
чего не видятъ и не слышатъ, и я на васъ не сер-
жусь. Вы вездѣ видите ее?»

«Такъ вы все знаете?»

«Все. Уже четыре дня, какъ послано приглашеніе
къ графинѣ Септеиль. Заговоръ составленъ Сентъ-Дан-
лемъ; въ него вступила и кузина. Они не хотятъ
вѣрить вашей любви.»

«Итакъ, вы знаете, какъ нѣтъ?»

«Я все угадала, хоть вы мнѣ ничего не сказыва-
ли. Мать ваша тоже мнѣ ничего не говорила; я
все узнала по вашей лѣтлѣ, но некоторымъ сло-
вамъ, и потому, что подслушала.»

«Еслибы вы отпринись, чтобы вы сделали?»

«Я не вступила бы въ заговоръ.»

«Отъ чего же?»

«Отъ того, что не должно изменять союзникамъ.»

«Стало быть, вы обо мнѣ жалуете?»

«Еслибы я не жалела, то не была бы здѣсь.»

«Милая Адель! Какъ я страдаю! Я очень несчастливъ!»

«Однакожь, вы любите и васъ любать.»

«Разумѣетея.»

«Что же недочувствую? Одного счастья, которое отъ васъ зависитъ. Я всегда думала, что женщины умѣютъ любить лучше мужчинъ; когда у нихъ въ душѣ глубокая страсть, для нихъ нѣтъ препятствій; онѣ рѣшатся на смерть скорѣе, нежели вы на одну минуту стыда и хлопотъ.»

«Вы совершенно правы,» сказала Юлій — «я слабъ, боюсь огорчить мать мою!»

«Или раскаяться послѣ?»

«О, никогда. Еслибы вы ее знали!»

«Говорите со мною откровенно, Юлій! Боюсь, что поступаю дурно. Я должна соблюдать нейтралитетъ, но мнѣ позволено набиваться на добръе для вашего утѣшенія, когда другіе мучатъ васъ совѣтами, которыхъ вы не просите. Вы ее очень любите?»

«Не могу жить безъ нея!»

«Она хороша — разумѣетея, но я спрашиваю: очень ли она хороша?»

«Лучше васъ, кузина!» и потомъ еще прибавить —
«мнѣ кажется...

«Вы въ томъ увѣрены, такъ не лгите. И умна?»

«Умна и добра; умъ ея идетъ прямо отъ сердца,
какъ у васъ, кузина.

«Не хочу служить ей зеркаломъ,» сказала Адель
улыбаясь — «говорю объ ней не для того, чтобы вы
меня расхваливали. Вы ее любите — этимъ словомъ
все сказано. Вы увѣрены, что она васъ любитъ, что
она никого не любитъ и не любила, кромѣ васъ?
Она добродѣтельна?»

«Кто утверждаетъ противное, долженъ доставить
мнѣ доказательства, или — я убью его!»

«Еслибы вы были свободны, другъ мой, и выбра-
ли себѣ жену, то, вѣрно, надѣялись бы найти въ
ней соединеніе красоты, молодости, талантовъ, ума
и добродѣтели. Теперь такое сокровище у васъ въ
рукахъ, а вы имъ пренебрегаете! Не стараться со-
хранить его, значить пренебрегать имъ. И почему?
Спросите самого себя. Видь вы не укоряете ее тою
любовью, которую она къ вамъ чувствуетъ?»

«Могу ли быть такъ несправедливъ! Нѣтъ! Фан-
ни кажется мнѣ добродѣтельнѣйшею женщиною.

«Такъ женитесь на ней и не просите совѣтовъ.

«Я самъ съ собою совѣтуюсь, добрая кузина,
но не знаю, какъ отказаться отъ графини.

«Сами виноваты — молчали цѣлый мѣсяцъ!...

«Не хочу быть на сегодняшнемъ вечерѣ, но не
знаю, какъ это сдѣлать приличнѣе.

«Надобно, чтобы графиня отказалась, а не вы.
На вашемъ мѣстѣ, я не думала бы объ этомъ до

оного вѣчера. У васъ есть добрый ангель-хранитель, можетъ быть. Часто считаешь себя несчастнымъ, когда касаешься счастья. Надѣйтесь; этимъ выиграете вы часть грядущаго горя, а оно, можетъ быть, и вовсе не придетъ.»

Юлій хотѣлъ спросить у нея о причинахъ такой надежды, но двери растворились и вошла г-жа Валаберъ. Она казалась печальною и задумчивою, и имѣла въ рукахъ письмо, полученное во время короткаго ея отсутствія и отданное ей швейцаромъ.

«Юлій!» сказала она голосомъ, обнаруживавшимъ внутреннее волненіе, «ты можешь располагать сегодняшнимъ вечеромъ, какъ тебѣ угодно. Графини Септейль пишетъ мнѣ, что не можетъ принять моего приглашенія. Пошли челоуѣка къ Сень-Жиллю и попроси его ко мнѣ.»

Она вышла, прошептавъ что-то, но Юлій не слышалъ ея словъ.

«Адель!» сказалъ онъ, «что вы мнѣ сей часъ говорили? Что нуженъ отказъ отъ графини? Вотъ онъ! Вы знали объ немъ?»

«Нѣ знала, а надѣялась.»

«А мой ангель-хранитель? Вы, вѣрно, вы?»

«Тише,» сказала она, «тише!»

Онъ продолжалъ шопотомъ:

«Какъ все это случилось? О, сдѣлайте милость, скажите, чтобы я могъ благодарить васъ!»

«Я почти ничего не сдѣлала, и скажу послѣ, когда вы не станете меня бранить за то, что я угадала ваше горе, которое вы отъ меня скрывали. Теперь расстанемся. Не будемъ ни говорить, ни пе-

реминуваться. Я видѣла васъ несчастнымъ: это окупить оправданіемъ моему поведенію; завтра, или черезъ нѣсколько дней, начните умолять г-жу Валаберъ, и она надъ вами сжадется. Не теряйте бо мною времени; ступайте къ ней, куда зоветъ васъ сердце, и всегда любите ее, если она достойна вашей любви. Прощайте, прощайте!»

Гордость г-жи Валаберъ оскорбилась отказомъ графини, и она не хотѣла возобновить знакомства. Дипломатическая ловкость Сень-Жилля не успѣла возобновить прерванныхъ переговоровъ. Опасаясь, что принуждена будетъ принять дѣлительное участіе въ семейныхъ распряхъ, Адель Лоне уѣхала въ деревню, къ пріятельницѣ г-жи Валаберъ.

Юлій нескоро выпросилъ у матери согласіе. Когда г-жа Валаберъ подавалась на его просьбы, Сень-Жилль, виновный себя въ разстройство брака, упрекалъ ее въ слабости. Юлій безпрестанно былъ у Фанни, и Сень-Жилль никакъ не могъ исполнить первоначальнаго своего намѣренія, то есть, переговорить лично съ нею. Наконецъ, боясь сыновняго отчаянія, г-жа Валаберъ сдалась, но съ условіемъ, что никогда не увидитъ своей невестки. Юлій получилъ въ наследство послѣ отца деревню, въ двадцати миляхъ отъ Парижа. Туда хотѣлъ онъ отвезти Фанни, потому, что не могъ въѣзжать съ нею въ общество. До объявленія о времени свадьбы и рѣшительнаго устройства дѣлъ, пошелъ онъ однажды въ улицу Фюрстенбергъ. У входа къ Фанни, онъ столкнулся съ молодымъ человекомъ, который выходилъ изъ дома. Они посмотрѣли другъ на друга, но не вздумали извиниться; незнакомецъ удалился. Юлій позвонилъ у дверей Фанни; сердце его сильно билось; онъ упрекалъ себя въ ревнивыхъ подозрѣніяхъ, ко-

торья безпрестанно его терзали. Ему показалось, что Марианна смутилась, а Фанни покраснѣла, когда онъ заговорилъ о встрѣчѣ на лѣстницѣ, но онъ стыдился своей ревности, успокоился нѣжнымъ и милымъ взглядомъ Фанни, и все забылъ, мечтая о спокойной и счастливой будущности. Замокъ, куда онъ везъ жену, не былъ обитаемъ въ продолженіе трехъ лѣтъ; слѣдовало его поправить. Согласились, что Юлій поѣдетъ одинъ и будетъ въ отсутствіи дней восемь, пока окончатъ всѣ приготовления. Любovníки разлучались въ первый разъ, и, хотя на короткое время, однакожь были печальны, какъ будто не могли уже никогда свидѣться.

Возвратясь въ Парижъ, Юлій Валаберъ получилъ безыменное письмо, переписанное Тернисіеномъ; адресъ былъ написанъ другою рукою, какъ мы сказали уже въ первой главѣ.

IV.

И С П Ы Т А Н І Е.

Фанни сидѣла на томъ мѣстѣ, гдѣ мы ее прежде видѣли, и печально поглядывала, то въ окно, то на дверь, прислушиваясь къ малѣйшему шуму. Лицо ея выражало болѣе безпокойство, нежели надежду. Извѣстіе о послѣднемъ рѣшеніи Юлія принесло ей много радости, но чѣмъ ближе подходило время, назначенное для свадьбы, тѣмъ болѣе сердце ея страдало какимъ-то безотчетнымъ предчувствіемъ. Уже недѣля, какъ Юлій уѣхалъ; его отсутствіе передало ее на жертву мученій собственнаго сердца и разныхъ интригъ, которыя потревожили ее удивленіе. На другой день послѣ отъѣзда Юлія, г-ндъ Сень-Жиль, котораго она встрѣчала прежде въ домѣ сво-

ей молодежкой ученицы, пріѣхалъ къ ней, и безъ церемоній началъ говорить о намѣреніяхъ Юліева семейства, о блестящей будущности молодого человека, которая разстроена его любовью, описалъ, какъ жалѣли о томъ, какъ неохотно согласились на бракъ его съ Фанни, и какъ надѣялись еще на отказъ самой Фанни. При такихъ предложеніяхъ, Сень-Жиль не скупился на комплименты и похвалы.» Ее такъ уважали, что могли надѣяться, что она пожертвуетъ своею страстью для счастья Юлія, узнавъ подробно всѣ препятствія къ ихъ соединенію; такъ были увѣрены въ ея безкорыстіи, что считали за вѣрное, что она предпочтетъ его выгоды своимъ собственнымъ.» Все было сказано осторожно, но съ свѣтскимъ скептицизмомъ, который не допускаетъ истинной страсти. Оставалось только предложить деньги въ вознагражденіе за обманутыя надежды. Сень-Жиль на то не рѣшился, хотя ожидалъ успѣха. Фанни вела себя такъ, что онъ не посмѣлъ оскорбить ее. Сень-Жиль вышелъ безъ отвѣта, прося, чтобы завтра уведомили его о рѣшеніи. На другой день, послѣ ночи, проведенной въ бессонницѣ и лихорадкѣ, она послала къ нему записочку съ слѣдующими немногими словами:

« Переговорите съ Юліемъ.»

Дипломатъ былъ поставленъ въ прежнее положеніе, въ которомъ претерпѣлъ уже нѣсколько пораженій.

Но такія попытки, воззваніе къ ея великодушію, преувеличенное описаніе отчаянія г-жи Валаберъ, уничтожили блаженство Фанни, и показали ей, что настоящее полно борьбы и грусти, а будущее мрачно и печально. Въ первый разъ подумала она объ интригахъ и сплетняхъ, какими могло ее опутать

сильное и гордое семейство. Она не могла отвѣчать Сень-Жиллю, не могла признаться насмѣшливому гостю въ настоящей причинѣ, которая заставляла ее противиться его предложеніямъ.

«Еслибы мать Юлія,» говорила Фанни, проливая горькія слезы, «еслибы мать Юлія пришла ко мнѣ вмѣсто этого челоуѣка, я бросилась бы передъ нею на колѣни и сказала: «Сжальтесь и не презирайте меня! Еслибы дѣло шло только о моемъ счастіи, я тотчасъ пожертвовала бы имъ; еслибы должно было отказаться отъ Юлія, я рѣшилась бы, хоть люблю его до безумія, скрыться, и никто, ни онъ, ни вы, не знали бы, что со мною случилось. Онъ забылъ бы меня, можетъ быть, былъ счастливъ, и вы благодарили меня за его счастье; въ томъ нашла бы я утѣшеніе. Но другой голосъ станетъ меня обвинять: мой сынъ, котораго я должна любить, какъ вы любите сына, потребуеъ отъ меня отчета, за пожертвованіе, лишающее его имени, семейства и будущности, и вы, добрая мать, захотите ли вы, чтобы я была матерью преступною?»

Томившая грустью, она думала пойдти къ г-жѣ Валаберъ, все высказать ей, и просить ея покровительства, но стыдъ удержалъ ее. Еслибы Фанни знала г-жу Лоне, искреннюю и снисходительную подругу Юлія, то ввѣрилась бы ей и спасла себя, но и здѣсь удержала ее робость. Въ продолженіе томительной недѣли, она оставалась одна, въ чрезвычайномъ страхѣ, ждала помощи отъ Юлія, который былъ далеко, и опасалась его слабости. Сколько новыхъ несчастій создавалъ ея умъ, стремившійся увеличить зло! И будущее ея униженіе, и раскаяніе Юлія, который, по мѣрѣ уменьшенія страсти, можетъ покориться вліянію матери, и да-

же его непреклонная ревность, все может со временем повредить ей, за то, что она не умела устоять противъ обольщенія! Въдь женщины всегда наказываются за слабость тѣмъ, кто ею воспользовался.

Такимъ образомъ, послѣ упоенія страсти, Фанни начинала испытанія жизни, и, вмѣсто счастья и душевнаго спокойствія, вездѣ встрѣчала страхъ и сомнѣніе. У нея было одно убѣжище — мысль и воспоминаніе объ Юліи, и она такъ имъ пользовалась, что не могла думать о другомъ. Еслибы она была хладнокровнѣе, или понимала, какъ клевета пользуется самыми незначительными обстоятельствами, то позаботилась бы объ огражденіи себя отъ злобы. Она объяснила бы себѣ таинственное посвѣщеніе гостя, который являлся къ ней за нѣсколько дней до Сень-Жилля. Но она все забывала, кромѣ любви, и думала только объ Юліи.

Наконецъ недѣля прошла. Фанни ждала его. Сильный ударъ звонка встревожилъ ее.

« Это онъ! Это онъ!» И Фанни бросилась къ двери. Юлій вошелъ.

Радость Фанни продолжалась недолго. Юлій совсѣмъ перемѣнился. Гробовая блѣдность покрывала его лицо; глаза его горѣли, губы дрожали. Она хотѣла говорить, но не могла, и смотрѣла на него молча. Онъ не говорилъ ни слова, заперъ двери и быстро прошелъ первую комнату. Фанни за нимъ послѣдовала.

Юлій страшно смотрѣлъ на нее, какъ будто хотѣлъ проникнуть въ глубину ея души. Одну руку держалъ онъ подъ платьемъ и судорожно сжималъ ее. Казалось, что онъ раздиралъ себѣ грудь. Другою рукою онъ схватилъ Фанни и поставилъ передъ собою.

Его взглядъ и молчаніе были ужасны.

«Боже мой!» вскричала она, «что съ тобой, Юлій? ты меня пугаешь!»

«Садись!» сказалъ онъ печально и повелительно.

Она сѣла, покоряясь его слову и движению.

Юлій пересилилъ свое бѣшенство и казался спокойнѣе. Онъ все еще молчалъ, и будто любовался смущеніемъ Фанни, которое безпрестанно возрастало. Потомъ, не спуская съ нея глазъ и желая поразить однимъ словомъ, онъ хладнокровно сказалъ ей:

«Ты меня обманула!»

Бѣдная Фанни упала въ креслы, пораженная изумленіемъ. У нея остановились слова на устахъ и замеръ голосъ въ груди. Юлій держалъ ее за руку; видя, что она поражена неожиданнымъ обвиненіемъ, онъ вскричалъ въ бѣшенствѣ:

«Отвѣчай! Отвѣчай!»

Но онъ тщетно старался пробудить ее отъ ужаснаго сна. Она не отвѣчала. Никогда не приходило ей на умъ, что онъ станетъ обвинять ее въ измѣнѣ. Всѣ ея опасенія исполнились; ее опутали интригами и сѣтями, которыхъ она страшилась. Ужасная мысль! Юлій ее не любитъ, Юлій покорился требованіямъ матери, согласился съ нею и ищетъ только предлога къ разрыву. Фанни упала въ роковую бездну, которая передъ нею разверзлась.

Юлій, испугавшись легкой побѣды, продолжалъ, удерживая свою ярость:

«Я буду спокоенъ — слушай меня. Наше свиданіе, можетъ быть, послѣднее, и если ты не оправдаешься — разрывъ вѣчный! Но не хочу осуждать, не выслушавъ

твоих оправданий. Если ты меня обманула, тебе нет прощенья. Я такъ вѣривъ тебѣ — я стыдился подсматривать за тобою, любилъ тебя и готовъ былъ всѣмъ пожертвовать — друзьями, матерью, богатствомъ.....

Фанни опомнилась. Никогда не пришла она, что ее обвиняютъ во лжи и постыдной измѣнѣ. Краска выступила на ея щекахъ; глаза Юлія просили у ней отвѣта, но она молчала, потому что не хотѣла отвѣчать; гордость ея была слишкомъ оскорблена.

Оба долго молчали; наконецъ Юлія продолжалъ:

«Говори откровенно, Фанни. Я ли одинъ ходилъ сюда? Вспомни хорошенько... Не принимала ли ты еще другихъ?»

«Только-то?» вскричала Фанни, «Да, здѣсь былъ твой знакомый, твой другъ — Сень-Жиль».

«Сень-Жиль?» повторилъ Юлія, въ изумленіи.

«И своими рѣчами приготовилъ меня къ сценѣ, которая теперь случилась».

«Онъ былъ здѣсь? Я потребую отъ него объясненій. Но ты мнѣ не во всемъ признаешься: ты не говоришь о другомъ, о молодомъ человѣкѣ, который приходитъ сюда тайно».

«А!» сказала Фанни, припоминая давно забытое происшествіе — «что тебѣ объ немъ насаказали?»

«Что насаказали?» вскричалъ Юлія, вынувъ изъ кармана бумагу, которую мнѣ въ обществѣ. «Мнѣ известно, что безъ меня, третьего дня, вечеромъ, молодой человекъ, завернутый въ плащъ, былъ сюда тайно введенъ Марианною и пробылъ здѣсь два часа; что онъ часто бывалъ здѣсь, хотя ты объ этомъ ничего мнѣ не говорила; что онъ былъ съ»

Юлія смущеніе зайнялось отъидомъ оны раздвигав-
ся, что показала себя столь легковернымъ, увѣрив-
ся въ искренности ея объясненій, и готовъ былъ
упасть передъ нею на колѣна, когда глаза его оста-
новились на концѣ письма, котораго онъ не успѣлъ
еще дочитать вполне. Теперь онъ прочиталъ его, и
рѣшился на послѣднее испытаніе.

«Прости, милая Фанни,» сказалъ онъ, «что я неспра-
ведливо подозрѣвалъ тебя и оскорбилъ ревностью.
Любовь внушаетъ мнѣ недоверчивость. Не сердись на
мою вспыльчивость. Тайны, которыя ты отъ меня
скрывала, служатъ мнѣ извиненіемъ. Простишь ли
меня?»

Она положила одну руку на сердце, а другую
преданула къ нему; онъ покрылъ ее поцѣлуемъ.

«О, Юлій!» сказала она, «ты очень огорчилъ меня;
я не думала, что могу вынести такую пытку и не
умереть!»

«Теперь,» продолжалъ онъ, «въ доказательство со-
вершеннаго примиренія, отдай мнѣ перстень, достав-
шійся тебѣ послѣ матери; до сихъ поръ, ты посто-
янно отказывала мнѣ въ моей просьбѣ. Чѣмъ болѣе
онъ тебѣ драгоцененъ, тѣмъ болѣе буду благодаренъ
за пожертвованіе!»

«Ты уже забылъ, что я тебѣ говорила?» отвѣчала
она съ улыбкою. «Къ чему такое жеманіе? Почему
этотъ перстень такъ тебя занимаетъ?»

«Видь въ немъ хранятся волосы моей Фанни, во-
лосы милой, которой я тогда не зналъ! Умоляю, не
откажи мнѣ! Я знаю, гдѣ хранится твой перстень,
въ коробочкѣ, въ верхнемъ ящикѣ этого комода. Дай
мнѣ ключъ — умоляю тебя!»

Взоръ его былъ нѣженъ и ласковъ, но голосъ дрожалъ; Фанни замѣтила это и сказала:

«А! ты просишь прощенья!»

Потомъ спрятала она ключъ на груди и отошла на нѣсколько шаговъ.

«Отдай мнѣ его!» закричалъ Юлій, будучи не въ силахъ удерживать нѣву свою. «Онъ мнѣ нуженъ; отдай — иди я вырву его у тебя!»

«У тебя нѣвно подозрѣн!»

«А у тебя вѣчно тайны?»

«Изволь, и тебѣ все скажу: не хочу отдать ключа, потому, что ты увидишь бумаги, счета, которые тебѣ покажутъ, что я жила своими трудами, а не деньгами, полученными въ наслѣдство, какъ я тебѣ прежде говорила. Я не хотѣла сказать тебѣ правды, потому, что не хотѣла принимать отъ тебя подарковъ; виновата ли я? Ты, которые присылалъ тебѣ безъмешныя письма, стануть ли еще увѣрять, что я корыстолюбива?»

Юлій слушалъ и хотѣлъ ей вѣрять, но — роковое письмо, какъ лѣтъ, жгло ему руку. Онъ сказалъ съ горькою улыбкою и насмѣшливо:

«Такъ ты могла меня обманывать, и часто повторила мнѣ ложь, всегда поддерживала ее, и я ничего не замѣчалъ... Ты говорила такъ искренно, такъ простодушно, какъ теперь... и теперь, можетъ быть, ты меня обманываешь!»

Онъ вырвалъ у ней ключъ. Такое насиліе поразило ее; она упала въ креслы, почти безъ дыханія.

Юлій отперъ комодъ, выдвинулъ ящикъ, открылъ коробочку... Перстня тамъ не было.

«Боже мой!» вскричалъ Юлій. «Я это зналъ!»

Его братъ, оживилъ Фанни. Она бросилась къ ко-
моду и начала рыдать. И она была такъ хороша.

«Мой перстень! Где мой перстень?»

Его уже вѣтъ дадутъ. Она была такъ хороша.

«Его унесли, украли!»

«Да, украли!» повторилъ Юлий. «Онъ схватилъ ее
за руку, вынулъ перстень и прошепталъ:»

«Въ доказательство, что не все связи прерваны
«между этою женщиною и прежнимъ ея любовникомъ,
«что они все еще другъ друга любятъ и что отсут-
«ствіе Эрнеста Герваля послужитъ только къ совер-
«шенію выгоднаго брака, знайте, что она отдала ему
«при прощаніи семейный перстень, доставшійся ей
«отъ матери, въ которомъ хранятся ея волосы.»

«Оправдайся теперь. Ты отказывала мнѣ въ вер-
«ности. Не хотѣла отдавать ключа. Обманъ, да
«обманомъ, дождь за дождикомъ.»

«Марианна» пришла. Фанни, бѣгая по комнатамъ
въ безуміи, съ распущенными волосами: «Что взяли
перстень? Когда его украли? Марианна, Марианна!»

«Такъ скверно! Что же я здесь вѣтъ. Я одинъ буду отъ
вѣчать тебѣ: я прощай тебѣ, и деню, въ который
съ тобою встрѣтился! Прощай! Утѣшайся съ преж-
нимъ любовникомъ!»

«Уходи, онъ бросилъ на нее послѣдній взглядъ. Она
лежала на полу, безъ движенія, блѣдная, полумерт-
вая. Онъ хотѣлъ поднять ее, но покорился извѣст-
негодования и презрѣнія, вышелъ, позвалъ старую
сосѣдку, и показывая на бездыханную Фанни, ска-
залъ:

«Примодите за этою женщиною!»

Потомъ онъ бросилъ кошелекъ съ деньгами и у-
шелъ.

ПОДЛИННИКЪ ПИСЬМА.

Когда Ромео узнаетъ отъ Виллазара о смерти Джульетты, то говоритъ только: «Возможно ли? Теперь не страшусь васъ, зловищія звезды!» Потомъ покупаетъ лядъ. Мрачная печаль, скука на слова, трогаетъ болѣе всѣхъ краткорѣчивыхъ восклицаній. Намъ занимаетъ человекъ, какова бы ни была его цѣль, даже когда мы не разделяемъ его чувствованій и страстей, пока онъ опирается еще на надежду, и неопредѣлительно отдѣляетъ развязку. Если его судьба совершилась, пусть забудетъ отъ насъ объслѣпленій радости или отчаянія. Что кончено, то не возбуждаетъ уже любопытства. Потому, мы избавимъ читателя отъ подробнаго описанія душевныхъ страданій Юлія Виллазара, и покажемъ его черезъ полтора года, женатымъ, въ ту минуту, когда жена, отворивъ осторожно дверь кабинета, говорила ему тихимъ и тихимъ голосомъ:

«Извини, что безпрочно тебя, другъ мой! Пришелъ человекъ, за которымъ ты посылаешь. Впустишь его? Или прикажешь ему подождать?»

Юлій женился на прежней своей пріятельницѣ, на доброй и умной Адели Дюже.

Необходимо объяснить перемѣну, происшедшую между двумя действствующими лицами.

Адель разрываетъ съ Фауди, Юлій впадаетъ въ горячку, и падаетъ, и умираетъ. Его опасна, ушедшая матери, и Адели. Признательность и дружба, привязали его къ жизни. Любимая печаль и болѣзненное ослабленіе подолжовала запаричко. Въ немъ не было ни силы

ни воля; его увезли въ деревню, по приказу докторовъ, которые надвѣлись, что свѣжій и чистый воздухъ возвратитъ ему силы, а видъ новыхъ предметовъ изгонитъ мало по малу грустные и тяжелыя воспоминанія. Онъ проѣхалъ, съ матерью и кузиною, въ окрестности Ліона. Они хотѣли взять съ собою и Сень-Жюлья, по Юліи, думавшій, что получитъ безименное письмо отъ него, и благодарившій его душевно, не могъ сносить его присутствія. Все, что напоминало Юлію постыдную измѣну, производило въ немъ вредныя ощущенія. Онъ надѣялся, что Фанни станетъ писать къ нему и оправдываться; но онъ не получалъ писемъ; кругомъ его все молчали, и онъ не смѣлъ никому доверить тайны, стыдился своей слабости. Такъ выѣхалъ онъ изъ Парижа, скрывая въ душѣ мучительную, нѣмую тоску; гордость препятствовала ему примириться, а любовь не дозволяла открыть ни кому тайны сердца.

Но каждый проходящій часъ проливаетъ цѣлительныя капли на самыя гдкн раны, каждый день вырываетъ по частичкѣ печаль, грызущую сердце. Въ первые мѣсяца деревенской жизни, здоровье Юлія, по видимому, не улучшалось. Лѣтніе жаркіе дни и теплыя ночи были вредны его истощенному тѣлу. Распустившіяся и благоухающіе цвѣты, созрѣвшіе плоды, зеленыя скатерти полей, густая тѣнь лѣсовъ, всѣ красоты земли и неба тяжелою надъ нимъ, какъ нестерпимая насмѣшка, какъ противорѣчіе съ пустою и бесплодною его души, вмѣщавшей только нѣмую горестъ. Мало по малу, цвѣты завяли, листья пожелтели; пришла осень, съ мрачною тѣнью, съ прохладною рососою, съ блѣднымъ солнцемъ, блистающимъ сквозь туманы, какъ блестятъ улыбка сивоза слезы. Юліи почувствовалъ облегченіе; уныніе и ючаль окружающихъ предметовъ отвѣчала его соб-

стесненной души; онъ рѣшился довериться, открыть свои тайны.

Уединенныя его прогулки замѣнились прогулками съ матерью и Аделью Лонгъ, и между ними возстановилась прежняя короткость. Адель помогала ему въ прежнихъ желаніяхъ, раздѣляла прежнія его надежды, и Генеръ пересталъ рѣдумать утѣшать его. Только съ нею одною смѣлъ онъ говорить о Фанни. Въ ежедневныя долгие свиданія, въ вечернія разговоры у камина, она рассказала ему, какими образомъ распространила свадьбу его съ молодой графиней Сентейль, какими образомъ, тайно управляя интригою, она принудила старую графиню къ разрыву, посадила въ ней много разныхъ подозрѣній, и присоблаговѣла прежнему жениху явиться съ новыми предложеніями, когда онъ узналъ, что молодая графиня только повинуется матери.

Переходя отъ тайны къ тайнѣ, она открыла ему еще секретъ, который до сихъ поръ скрывала, боясь огорчить его собственнымъ горемъ. Г-нъ Лонгъ умеръ, и извѣстіе объ его смерти было получено за нѣсколько дней до того времени, когда Юлій узналъ объ измѣнѣ. Юлій не могъ довольно удивиться неистощимой добротѣ Адели, которая всегда готова была жертвовать собою для другихъ. Драгоценность оставалась теперь безъ обладателя. Разговоры между ними становились длиннѣе, и не теряя прежней прелести и короткости, казались нѣжнѣе и осторожнѣе. Имя Фанни произносилось не такъ часто, какъ прежде, и въ одинъ вечеръ, Юлій, взявъ кузину за руку и обращая на нее взоры, отъ которыхъ она приходила въ смущеніе, спросилъ у ней: не хочетъ ли она довершить одной подвигомъ и возвратити страдальца къ жизни, познакомивъ его съ блаженствомъ, котораго онъ не знавалъ?

«Мы оба довольно страдали, сказала она. «Вы бы-
ли замужем за человеком, который не умеет
ценить вас и наслаждаться гармонией и дружелюбием.
Я люблю страстно, безумно. Теперь мы оба свобод-
ны, мы — от насильственных дел, и плечи добро-
вольных заблуждений; нам нужна страсть, тихая и
покрепляющая. Отдайте мне свою руку, если вы цените
любовь, так же, как и сострадание.»

Она не отвергла, но через два месяца была ожо-
жена Юлией. Первый год после свадьбы Юлия про-
вела в деревне. Новая печаль, смерть г-жи Вала-
борь, еще больше охватила юную женщину, и она
вспомнила. В начале зимы, они возвратились в Па-
риж. Юлия приняла ее прежние, оставшиеся за-
метки, и в труды, а не в наслаждениях богатыря
и роскоши, которая развлекала, отвлекла, которой
не мог совершенно изгнать из души. Сент-Жюль
правильно ходил в другие дома; посещала Юлия
редко, и, по прощанью Адели, вовсе не говорила о
происшествии.

Къ занятиям Юлии присоединились заботы о се-
мейных делах по наследству, и письма и цы-
фры кучи бумаг, требовали пересмотра. Она при-
казала отыскать надежного и верного человека, ко-
торому можно было поручить такую работу, и
как мы сказали в начале главы, Адели извести-
ла его о приходе этого человека.

На вопрос: «Можешь ли теперь его принять?»
Юлия отвечала утвердительно.

«Друг мой», прибавила Адели, «позволь мне о-
статься с вами»

«Если тебе угодно. Но к чему? Мы будем хо-
ворить о делах, бумагах, счетах, все это очень
скучно.»

— Ну, так оставайся. Пускай он войдетъ.»

Вошелъ старикъ, и первыя его движенія оправдали предсказаніе г-жи Валаберъ. Еще на порогѣ, началъ онъ кланяться, пресмыкнувъ и съ натянутою учтивостію. Онъ держалъ обѣими руками старую шляпу, съ изодранными полями, и опустилъ голову такъ быстро, что запачканная кисточка вернаго шелковаго колпака упала ему на лобъ. Не довольствуясь однимъ смѣшнымъ поклономъ, онъ повторилъ его три раза, подвигаясь при каждомъ разѣ на два шага впередъ, и не замѣчая, что г-жа Валаберъ и мужъ ея тщетно старались удержаться отъ смѣха. Окончивъ гимнастическія упражненія, старикъ выпрямился и осмотрѣлъ покорными и стыдливими взорами всю комнату. Вдругъ на лицѣ его показалось внезапное удивленіе: посмотрѣвъ на Валабера, онъ вытаращилъ глаза и разинулъ ротъ. Адель изучала его неподражаемую гримасу; когда мужъ ея, вспомнивъ прежняго знакомаго, сказалъ ему:

«А! это вы, Тернисиенъ?»

«Г-нъ Юлій Валаберъ!» отвѣчалъ эксъ-профессоръ. «Какъ вы изволили узнать меня? Вы еще не забыли того, кто преподавалъ вамъ начала искусства, нынѣ презираемаго, у котораго нѣтъ уже представителей, кромѣ меня? Другое дѣло было въ то время, какъ я ходилъ учить васъ, въ улицу Сентъ-Опоре, въ собственный домъ вашего достойнаго родителя. Теперь тому восемнадцать лѣтъ, но я все васъ помню, потому, что вы обращались скромно и учтиво въ профессоромъ чистописанія. Извините, сударья, что я такъ разговорился въ вашемъ при-

сутства; я долженъ бы въ молчаніи ожидать приказаній вашего мужа. Но я помолодѣлъ, вспомнивъ о тогдашнемъ времени. Не обращайтесь вниманія, сударыня, на мое платье. Сегодня я чистилъ, сколько могъ, мои лохмотья, но они остались по прежнему старыми и бѣдными. Мнѣ было стыдно войти; еслибы вы не попались мнѣ на встрѣчу, ваши лакеи, можетъ быть, выгнали бы меня, какъ нищаго. Я смутился и раскланывался низко, пренизко, чтобы вы мнѣ простили, что я вошелъ въ такія комнаты. Прежде, сударыня, я умѣлъ входить получше; я бранивалъ и ставилъ въ уголъ барышень, такихъ же богатыхъ и хорошенькихъ, какъ вы.»

Адель улыбнулась, такъ мило, что Тернисіенъ ободрился.

«Въ самомъ дѣлѣ,» сказалъ онъ Юлію, «я очень радъ, что опять съ вами встрѣтился.»

«И я также,» отвѣчала Юлій.

«Вы не перемѣнились. По прежнему добры и не горды. Позвольте же мнѣ присѣсть къ камину, пока вы изволите мнѣ объяснять, чѣмъ могу служить вамъ. Въ моей квартирѣ давно уже не было другаго огня, кромѣ огня сальной свѣчки, а часто, изъ экономіи, я ложусь спать до солнечнаго заката.»

Тернисіенъ придвинулъ креслы, сѣлъ безъ церемоніи, забылъ пустылъ приличіи, протянулъ ноги къ камину, уперся локтями въ колѣнки, и грѣлъ сухія и тощія руки свои у огня.

Юлій Балаберъ видѣлъ своего профессора съ прежнимъ его простодушіемъ и прежнею добротою, и смотрѣлъ на него снисходительно.

«Вижу, бѣдный Тернисіенъ, что вы несчастливы; если вы всегда обо мнѣ помнили, почему не при-

«Ваша вы по мне? Вы были бы всегда здесь приняты ласково.»

«Да, я, конечно, была, выполняла. Но вы богаты, и знаете только одну сторону поднимать. Не трудно давать, но гораздо труднее просить.»

«Ну, так благодарю судьбу, которая нас свела. Вот тут есть работы на несколько недель, и я надеюсь, что вы предоставите мне самому назначенные платы.»

«Ну, сударь, мы условились в цвинь. Вся моя работа на ваших услугах.»

«Где вы живете? Я велю поискать кого нибудь здесь в соседстве?»

«Я нанимаю комнатку в улицъ Фюрстенбергъ, въ домъ подъ № 4-мъ.»

Тернисиень не замѣтилъ, что отъ его отвѣта затрепетали и Юлій и Адель. Вся молчали. Юлій и Адель, покоряясь одному впечатлѣнію, невольно посмотрѣли другъ на друга.

«Позвольте же узнать,» спросилъ отставной профессоръ у Юлія, «что вамъ угодно?»

Вадаберъ показалъ ему свѣжую бумагу и поручилъ переписать. Когда они условились в цвинь, Тернисиень хотѣлъ идти, но Юлій удержалъ его. Юлій боялся спросить его, но очень хотѣлъ узнать отъ него что нибудь. Слова: «Фюрстенбергская улица,» раздавались у него въ ухахъ. Еслибы не было тутъ жены, Юлій обратился бы къ старому своему учителю съ прямымъ вопросомъ. Старикъ жилъ въ томъ домѣ, гдѣ жила она, съ тѣхъ поръ, какъ Юлій пересталъ ходить туда; отъ старика Юлій могъ узнать о томъ, что оставалось для него тайною. Присутствіе Адели, которая вовсе не показывала желанія удалиться, принудило его обратиться къ другимъ вопросамъ.

Чѣмъ занималась въ это послѣднее время въ справ-
силъ Юлій у старика.

«Ремесломъ, поверьте для меня чрезвычайномъ,» отвѣ-
чалъ тотъ. «Я занималъ место профессора при уни-
верситетѣ; ученики, меня бросили, хотя я мочь еще
служить имъ, рука моя немного дрожала, а то пра-
вила, какъ въ самомъ дѣлѣ были превосходны; а
ощущеніе замѣняло счастливую живость молодости. Все
это не спасло меня; я долженъ былъ принятъ за
ремесло плетенонаго шнурка, занималъ имъ, а то про-
долженіе нѣсколькихъ лѣтъ, но былъ излеченъ мо-
вымъ родомъ жизни и часто намбрелася его бро-
сить. Особенно одно обстоятельство лежало у меня на
душѣ — письмо, переписанное мною изъ ничтожной
платы, такъ меня встревожило, что я рѣшился бро-
сить свое ремесло....»

«Письмо?» спросилъ Юлій разсѣянно.

«Да, безымянное письмо, содержавшее важныя об-
виненія. Надобно вамъ сказать, что я всегда прези-
ралъ неподписанные доносы; истина должна гово-
рять открыто, но закрывалъ лица. И вы, вѣрно, тако-
го же мнѣнія?»

«Да,» отвѣчалъ Юлій, слушая разсказъ Терниси-
енна такъ внимательно, что не смотрѣлъ уже на
жену. Но какъ могло, внезапно, встревожить васъ,
до того, что вы рѣшились переписывать родъ жизни?»

«Да, оно могло оскорбить, даже убить невинную
особу; правда, что оно могло также открыть глаза
другой и обнаружить самое гнусное коварство....»

«Почему же,» сказала дѣва Валаберъ, «угадывала
чувства своего мужа, хотя онъ старался скрыть ихъ,
«почему же вы не хотите, для успокоенія совѣсти,
принять послѣдняго предположенія? Оно такъ же
правдоподобно, какъ и первое.»

Тернисиенъ подвѣлъ глаза въ небо и вздохнулъ.

Прямо и смеет себя обманывать, а теперь...
 «А теперь?» повторил Юлий.
 «Теперь уже не могу. То было предвзвѣстно; оно
 исполнилось скоро и указаннымъ образомъ.
 «Отъ комъ же поворило письмо?» спросила г-жа Ва-
 забертъ.
 «О молодой девушкѣ...»
 «А гдѣ кону было оно писано?»
 «Гдѣ янкъ поръ не знаю. Мальчицъ, доставившій
 мнѣ письмо, для пераписки, отнесъ его къ другому
 янкю, который надписалъ адресъ, и не хотѣлъ мнѣ
 сказать, кто посылалъ письмо, мужчина или жен-
 щина? Такая таинственность меня беспокоила. Всѣ
 предосторожности показались мнѣ странными и
 погрузили меня въ уныніе. Я уже не въ первый
 разъ писалъ подобныя бумаги, но ни одна изъ нихъ
 не тревожила меня такъ сильно, и я упрекала себя
 непрерывно за обыкновенное дѣло, какъ за дур-
 ной поступокъ. Въ то время, мнѣ не позволили оста-
 ваться во дворѣ Св. Капеллы; я бросилъ ремесло и
 перешелъ въ улицъ Фюрстенбергъ; въ домѣ, подлѣ №
 4-мъ, комнатку, изъ которой только что вывѣхала
 старушка. Первые двѣ ночи провелъ я спокойно,
 но въ третью ночь я слышалъ стenanія и пронзи-
 тельныя вопли. На другой день я узналъ, что про-
 тивъ меня живетъ молодая женщина, болящая
 при смерти.»

«Прошло нѣсколько дней. Однажды, возвращаясь
 домой, часа въ три, я увидѣлъ, что двери въ квар-
 тирѣ раскрыты настежь. Я вошелъ; никого въ пер-
 вой комнатѣ, никого во второй; повсюду мертвая
 пустота. Я прошелъ въ послѣднюю комнату; на по-
 стель лежала безъ чувствъ девушка, лицо которой
 было искажено болѣзненнымъ страданіемъ, но пре-
 жде, въ счастливое время, она, вѣрно, была краси-

ца. Не рассуждая, и едва ли первому внутренне состраданію, я положилъ на подушку ея голову, спустившуюся съ постели, взялъ съ намереніемъ смѣрть и старался привести ее въ чувство. Когда она очутилась, я устыдился, что обжуживаю ея съ молодою женщиною, попросилъ у ней извиненія и поспѣшно вышелъ. Привратница сказала мнѣ, что въ тотъ день служанка оставила бѣдную двушку. Не спрашивая объ ея состояніи, я тотчасъ выскочилъ въ кухню и приставилъ ее къ больной. По счастью, у ней было много золота. Фанни дѣлала такъ, какъ слѣдуетъ. . . .»

Юлій всталъ, а Тернисіенъ остановился, увидѣвъ его блѣднаго, разстроеннаго, въ слезахъ, и потомъ посмотрѣлъ на г-жу Валаберъ. Она дрожала, а лицо ея выражало глубокую скорбь. Юлій подошелъ къ ней, взялъ ее за руки и сказалъ:

«Адели! мои невольныя слезы оскорбляютъ тебя. Оставь насъ и прости меня!»

Она опустила голову и отвѣчала голосомъ, едва внятнѣмъ, выразившимъ отчаяніе:

«О! я знала, что ты еще любишь ее!»

Смущенный Тернисіенъ тоже всталъ, и оставшись наединѣ съ Юліемъ, не зналъ: продолжать ли начатой разговоръ? Но Валаберъ, освободившись отъ присутствія жены, подошелъ самъ къ нему и спросилъ:

«Такъ она умерла?»

«Да.»

«А младенецъ ея?»

«Умеръ, прежде матери. Но вы почему знаете?»

«Знаю — это не ваше дѣло! Ес оклеветали?»

«Да.»

«Почему вы это говорите?»

«По ея словамъ въ неограниченномъ доказательствѣ»

Гдѣ еще?

«Изволяете выслушать. Единолично справлялся я объ

ея здоровьи. Смерть ея продолжалась долго, и я

успѣлъ заслужить ея довѣренность. Дни и ночи про-

водилъ, и наконецъ у магодова ея постели, и улажи-

валъ за нею, какъ отецъ за дочерью. Она расказала

мнѣ свою исторію. Наканунѣ дня, назначеннаго для

свадьбы, любовникъ ея пришелъ къ ней въ бѣшен-

ствѣ, и обвинялъ се въ измѣнѣ, оспаривалась на без-

нменномъ письмѣ, которое она показала мнѣ. Посу-

дите о моемъ ужасѣ, когда я прочелъ слово въ сло-

во, то самое письмо, которое я переписывалъ! Она

бѣжала мнѣ, что ни въ чемъ неопытная, хотя об-

стоятельства обвинили ее, и хотѣла поспрашивать без-

нменное свое преступленіе, и просила, вѣроятно, ска-

зала мнѣ имя жениха, обманутаго постыднымъ де-

воломъ. Я думалъ, что мону вынести сто или заблуд-

женію. Но она отказала мнѣ, «Я желала», говорила

она, «чтобы удасть поразившій меня, былъ удаленъ

на нѣсколько мѣсяцевъ, тогда сынъ мой родился бы

живой: тогда я могла бы еще умолять отца его,

но теперь я одна и умираю, къ чему же беспокоить

его? Пусть онъ забудетъ меня, хоть его забвеніе для

меня мучительно; воспоминаніемъ о моей смерти не

хочу свертать его въ бесполезное раскаяніе.» Самы

ея ослабѣвали мало по малу. Одинъ разъ, вечеромъ,

я съ сидѣлкою не покидалъ Фанни и ожидалъ ея

подлѣней минуты. Цѣлый часъ она уже не говори-

ла съ нами. Помню малѣйшія подробности этого

продолжительнаго вечера; у меня въ памяти врыва-

лось одно простое, обыкновенное обстоятельство,

которому смерть придаде характеръ страшный и тор-

жественный. Свѣчка горѣла на столѣ, возлѣ по-

ца. Не рассуждая, и сяду первым внутренне состраданія, я положилъ на подушку ея голову, спустившуюся съ постели, взялъ съ шкафа сиртъ и старался привести ее въ чувство. Когда она очнулась, я устыдился, что сижу наединѣ съ молодою женщиною, попросилъ у ней извиненія и поспешно вышелъ. Привратница сказала мнѣ, что въ тотъ день служанка оставила бѣдную двинуку! Не спрашивай объ ея состояннн, я тотчасъ всталъ сяду и приставилъ ее къ больной! По счастью, у ней было много золота. Фанни Дюмониль — такъ звали ее...»

Юлій всталъ, а Тернисиенъ остановился, увидѣвъ его блѣднаго, разстроеннаго, въ слезахъ, и потомъ посмотрѣлъ на г-жу Валаберъ. Она дрожала, а лицо ея выражало глубокую скорбь. Юлій подошелъ къ ней, взялъ ее за руки и сказалъ:

«Адель! мои невольныя слезы оскорбляютъ тебя. Оставь насъ и прости меня!»

Она опустила голову и отвѣчала голосомъ, едва внятнѣмъ, выразившимъ отчаяніе:

«О! я знала, что ты еще любишь ее!»

Смущенный Тернисиенъ тоже всталъ, и оставшись наединѣ съ Юліемъ, не зналъ: продолжать ли начатой разсказъ? Но Валаберъ, освободившись отъ присутствія жены, подошелъ самъ къ нему и спросилъ:

«Такъ она умерла?»

«Да.»

«А младенецъ ея?»

«Умеръ, прежде матери. Но вы почему знаете?»

«Знаю — это не ваше дѣло! Ес она вѣстали?»

«Да.»

«Почему вы это говорите?»

«По ея слованъ я не протразимому доказательству, дабы доказать, что она была виновна. Да въ сподъ?»

«Изволяте выслушать. Единолично справляю я объ ея здоровьи. Смерть ея продолжалась долго, и я успѣлъ заслужить ея довѣренность. Дни и ночи проводилъ я наконецъ у наголовья ея постели, и уваживалъ за нею, какъ отецъ за дочерью. Она рассказала мнѣ свою исторію. Наканунъ дня, назначеннаго для свадьбы, любовники съѣхались къ ней въ бѣшенствѣ, и обвинялъ се въ измѣнѣ, основываясь на безименномъ письмѣ, которое она показала мнѣ. Посудите о моемъ ужасѣ, когда я прочелъ слово въ слову, то самое письмо, которое я переписывалъ! Она бѣжала мнѣ, что ни въ немъ не было ничего, хотя обстоятельствомъ обвиняли ее, и хотѣлъ поспрашивать безвинное, свое преступленіе, и просилъ, чтобы она сказала мнѣ имя жениха, обманутаго постыднымъ деломъ. Я думалъ, что могу вывести его или заблужденія. Но она отказала мнѣ: «Я желала,» говорила она, «никобы удасть, поразившій меня, былъ удаленъ на нѣсколько мѣсяцовъ; тогда сынъ мой родился бы живымъ: тогда я могла бы еще умолять отца его, но теперь я одна и умираю, къ чему же беспокоить его? Пусть онъ забудетъ меня, хоть его забвеніе для меня мучительно; воспоминаніемъ о моей смерти не хочу свергать его въ бесполезное раскаяніе.» Силы ея ослабѣвали мало по малу. Одинъ разъ, вечеромъ, а съ сядькою не поспѣвалъ. Фамини и ожидалъ ея подлѣней мануты. Цѣлый часъ она уже не говорила съ нами. Помню, малѣйшія подробности этого продолжительнаго вечера; у меня въ памяти вѣздается одно простое, обыкновенное обстоятельство, которому смерть придаде характеръ страшный и торжественный. Свѣчка горѣла на столѣ, возлѣ по-

«Оутань эти беньки Жюль! Онъ, договорясь, и моей матери! Неужели были действительны записки! Неужели она изъясляла только притворное сожаление! Нѣтъ, нѣтъ! Онъ одинъ во всемъ виноватъ. Помню, что онъ наговаривалъ мнѣ! Онъ одинъ виновенъ!»

«Если бы вы были спокойнее, скажи Тернисіенъ, я далъ бы вамъ доказательство, котораго у васъ нѣтъ — самый подлинникъ письма...»

«Гдѣ же онъ?»

«Я его сохранилъ. Мальчику было приказано разорвать его, но мальчикъ не умѣлъ читать, и я разорвалъ въ его глазахъ другую бумажку. Подлинникъ письма у меня»

«Дайте мнѣ его завтра нѣтъ, сегодня вечеромъ и теперь! Онъ мнѣ нуженъ. Поищите! Видя страшную радость, которую выражала на всѣхъ чертахъ Юлиана лица Тернисіенъ, рассказывая, что было такъ доверчивъ»

«Теперь мнѣ, можетъ статься, его не отыщется. Надобно порыться. Можетъ быть, онъ затерялся. При томъ, я отдамъ его съ условіемъ: скажите, что угоду вамъ изъ него съвлать!»

«Я только хочу имѣть доказательство», отвѣчала Юли, удерживая гнѣвъ, «доказательство, которое позволило бы мнѣ... презирать доводчика...»

«Если такъ, извольте. Прощайте; завтра утромъ привнесу, если найду... Вѣрно, найду!»

«Было поздно. Тернисіенъ простился съ Юлиемъ, и въ смущеніи возвратился домой. Онъ не затруднился выдачею роковой записки. Онъ только хотѣлъ принять мѣры противъ вспылчивости оскорбленнаго Юли, и, по добротѣ сердца, принявъ презрѣніе за достаточную мѣсть»

Валиборъ не покривилъ его простотѣ, и оставившись одинъ, подумалъ: «Онь не дастъ мнѣ шодлинника спсима, но я обойдусь и безъ него...»

Черезъ часъ былъ отправленъ лакей съ тремя письмами. Два письма были адресованы къ двумъ приятелямъ Юлиа, а третье — къ Сень-Жиллю.

ГЛАВА VI.

О Т Г Л Д К А.

Прошло не болѣе десяти минутъ, съ того времени, когда Тернисіенъ пришелъ домой, какъ вдругъ раздался осторожный стукъ у дверей его комнаты. Въ это время Тернисіенъ рылся въ кучѣ бумагъ и отыскивалъ автографъ, который следовало отдать Юлию. Не ожидая гостей, и не замѣтивъ, въ ономъ смущеніи, что дверь на ушко уже заперта, онъ подумалъ, что вѣтеръ свиститъ въ окнахъ на лѣстницѣ, и принудился снова разбирать бумаги. Прошла еще минута; ему послышался глухой шорохъ около двери, какъ будто кто-то рукою ищетъ звонка. Между небелями Тернисіена звонковъ не бывало, а потому, за дверь рѣшились постучаться во второй разъ громче и продолжительнѣе прежняго.

«Кто тамъ? Кого вамъ угодно?» спросилъ Тернисіенъ.

Вмѣсто отвѣта постучали снова.

«Приходите завтра,» сказалъ старикъ, испугавшись такой таинственности, и думалъ, что имѣютъ противъ него недобрые замыслы, «приходите завтра; я ужь легъ спать; у меня нѣтъ огня.»

Но несчастію, сквозь двери преслѣживалъ огонь свѣчки и уличалъ его во лжи.

«Сдѣлайте милость, отворите!» сказалъ ему голо-
сомъ пріятнымъ и дрожащимъ—не бойтесь; развѣ
вы меня не узнаете по голосу?»

Тернисіенъ рѣшился отворить дверь.

Вошла дама, закрытая вуалемъ. Она вся дрожала,
а когда приподняла вуаль, старый профессоръ за-
кричалъ отъ удивленія—такъ черты ея измѣнились
въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ!

«Заприте двери!» сказала она.

Тернисіенъ заглянулъ на лѣстницу.

«Вы одинъ? Совершенно одинъ, сударыня?»

«Никто не знаетъ, никто не долженъ знать, что
я у васъ. Поклянитесь, что вы никому не скажете,
что я была у васъ, если даже васъ стануть спра-
шивать!»

«Сударыня,» отвѣчалъ Тернисіенъ, смутясь отъ та-
кого посвѣщенія, и особенно отъ таинственности, ко-
торою оно прикрывалось, «я не люблю такихъ клятвъ:
ихъ иногда трудно и почти невозможно хранить.
Я дамъ честное слово, когда изволите мнѣ объ-
яснить, за чѣмъ вы ко мнѣ пожаловали?»

«Вы очень осторожны, но не бойтесь: клятва,
которой я требую, нужна только для меня, а не для
васъ самихъ.»

Она осмотрѣлась, и помолчавъ немного, ска-
зала:

«Надобно говорить въ полголоса — не такъ ли?
Вѣдь тутъ, возлѣ, все слышно?»

«Да, сударыня, здѣсь, въ этой комнатѣ, противъ
воли слышались я болѣзненные стоны несчастной
Фанни. Васъ уже не было, когда я досказала ваше-
му мужу плачевную исторію.»

«Да, да,» отвѣчала она отрывисто, «Фанни умер-
ла—я знаю.»

«Такъ послѣ меня, г-нъ Валаберъ ушелъ уже раз-
сказать вамъ...»

«Я его не видала.

«Стало быть, онъ и не знаетъ, что вы пошли ко
мнѣ?»

«Разузнется.

«Но если онъ теперь замѣтитъ ваше отсутствіе?»

«Теперь? О, теперь онъ не станетъ заботиться о
моихъ поступкахъ! Теперь онъ не обо мнѣ ду-
маетъ!»

Хотя Тернисиенъ былъ очень недогадливъ и досе-
не зналъ страстей, однакожь догадывался, какая
тайная горестъ обезобразила лицо г-жи Валаберъ,
разлила по чертамъ ея выраженіе безумія и прида-
ла голосу такіе странные звуки. Онъ вспомнилъ,
какъ Юдѣй не могъ удержать слезъ въ ея присут-
ствіи и какими словами попросилъ ее выйти. Рев-
ность грызла ей сердце, но онъ все еще не пости-
галъ, за чѣмъ г-жа Валаберъ пришла къ нему? Она
посадила его возлѣ себя.

«У васъ сохранился подлинникъ безыменнаго пись-
ма?» сказала она.

Тернисиенъ смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ, не
зная: спрашиваетъ ли она, или говоритъ утверди-
тельно?

«Вы сохранили его,» продолжала она, «и должны
отдать его завтра моему мужу? Не старайтесь об-
манывать меня. Я подслушивала въ сосѣдней комна-
тѣ и все знаю. Еслибы ваши голоса не достигали
до моего слуха, и тогда взоръ мой проникъ бы
сквозь толстую стѣну и угадалъ ваши слова по
движенію губъ вашихъ. Мнѣ нуженъ подлинникъ пись-
ма.

«Судрини! я общалъ его вашему мужу!»

«Ему или мнѣ — все равно.

«Волибы онъ васъ придалъ...

«Напишите ему завтра, что не могли отыскать, и онъ повѣритъ. Вы говорили ему, что бумажка, можетъ быть, затерялась.

«Да, я, можетъ быть, сказалъ въ самомъ дѣлѣ правду.

«Нѣтъ! вы сначала сказали, что письмо у васъ; вы даже начали его искать—это видно. Мнѣ нуженъ подлинникъ письма; отдайте его мнѣ! Продайте, назначьте цѣну, какую угодно; вы бѣдны, я могу обогатить васъ.»

Говоря такъ скоро, что Тернисиенъ не успѣлъ вымолвить словечка, она раскрыла ридикюль.

«Вотъ вамъ, возьмите. Четыре билета по тысячѣ франковъ... Этого мало, знаю... Но у меня теперь нѣтъ больше денегъ. Я вамъ заплачу больше, гораздо больше... Втрое больше... Дамъ двадцать тысячъ, если захотите... все, что имѣю!... Вотъ, есть еще у меня бриллыяты... берите.»

Лицо ея, за минуту блѣдное, теперь горѣло; глаза блистали необыкновеннымъ огнемъ; руки, съ немовѣрною быстротою; опоражнивали ридикюль. Бриллыятовое ожерелье, драгоценныя уборы, перстни, даже серьги сыпались на колѣни къ Тернисиену. Старикъ смотрѣлъ на нее въ оцепенѣннн. На оладѣ его поношеннаго сюртука лежало денегъ въ десять разъ болѣе того, что онъ имѣлъ въ карманѣ въ продолженіе всей своей жизни. Ему бросали неожиданное богатство, безъ счета. Стоило собрать и спрятать — все принадлежало ему. Но другая мысль занимала Тернисиена. Хотя онъ не зналъ богатства, а бѣдность служила къ отягощенію его стирости, однокюжъ въ его четной душѣ не могла зародиться мысль о корысти, какъ ни была бы она

извинительна. Онъ сказалъ г-жѣ Валаберъ, дрожащимъ голосомъ и съ слезами на глазахъ:

«Вы, стало быть, очень несчастны?»

«Да, несчастіе всѣхъ въ мірѣ, но вы можете возвратить мнѣ счастье и покой, устроить мое блаженство. Берете ли всѣ мои вещи?»

«Разсказъ мой пробудилъ въ вашемъ мужѣ воспоминаніе о прежней любви—не такъ ли? Я долженъ былъ это замѣтить, и замолчать, когда онъ выслалъ васъ; я напрасно растравилъ рану, когда могъ все прекратить молчаніемъ. Простите, сударыня: я неумышленно повредилъ вамъ; я думалъ только о смерти несчастной Фанни; она была ангель кротости, а ее безбожно оклеветали! Еслибы вы ее знали, какъ я, еслибы вы слышали, какъ она говорила о своей невинности — вы не нуждались бы въ доказательствахъ, котораго теперь просите. Но, простите, сударыня, что я говорю вамъ объ ней и печалю васъ: я теперь только узналъ, что любовь ревнива даже къ погибшей соперницѣ! Вы опасаетесь, что мужъ вашъ свыкнется съ своимъ воспоминаніемъ и въ вашихъ объятіяхъ станетъ вспоминать о прежней любви. Всю жизнь буду упрекать себя, что такъ опечалилъ васъ, но какимъ образомъ письмо можетъ возвратить вамъ счастье? Я ничего не понимаю. Почему вы желаете имъ обладать, и готовы заплатить за него всѣмъ своимъ богатствомъ?»

Адель молчала, потому ли, что не могла найдти удовлетворительнаго отвѣта на вопросъ, или потому, что внутреннее волненіе мѣшало ей говорить.

Тернсіемъ продолжалъ:

«Когда онъ требовалъ у меня письма настоятельно, я сказалъ ему, что оно, можетъ быть, затеря-

дось — я побоялся, сударыня, что онъ узнаеть почеркъ, и съ доказательствомъ въ рукахъ станеть требовать удовлетворенія отъ обманщика. Правда, онъ меня успокоилъ и я повѣрилъ ему сначала. Но теперь, я передумалъ, да вы и сами бонтесь...

«Да, я боюсь, что онъ будетъ драться на дуэли,» прервала Адель, обрадовавшись послѣднимъ словамъ Тернисіена, который доставилъ ей удобную причину къ объясненію ея требованій. «Ваша дружба къ нему сдѣлала несчастье, которое любовь моя хочеть отвратить. Потому-то я пришла къ вамъ едва, и такъ поздно, и вы никому не должны говорить, что я была у васъ. Я знаю, кто писалъ письмо, но не спрашивайте, какъ я знаю. Мужъ мой узнаеть руку, пойдетъ на дуэль... О, непременно пойдетъ! Можетъ быть, его убьютъ! Я два раза потеряю его; и все изъ той несчастной дѣвчонки! Отдайте мнѣ письмо... я уничтожу доказательство... Когда у мужа не будетъ подозрѣній, когда виновный станеть отрицать и не согласится на дуэль, я буду счастлива, спокойна... Отдайте мнѣ письмо—уволюю васъ на колѣняхъ.

«Встаньте, сударыня! Очень жалю, что огорчилъ васъ, и готовъ возратить вамъ спокойствіе. Вы просили съ меня клятвы—даю вамъ ее, и не скажу г-ну Валаберу, что вы были здѣсь. Но, возьмите деньги и всѣ эти драгоценности—мнѣ ничего не нужно: я заглаживаю проступокъ, а не продаю доказательство.

Тернисіень отдалъ г-жѣ Валаберѣ деньги и вещи, которыя лежали у него на колѣняхъ. Онъ всталъ, подошелъ къ столу, на которомъ лежали разбросанныя бумаги, поискалъ яемного и возвратился къ Адели.

Увидѣвъ пожелтѣлую бумажку въ его рукъ, она бросилась и вырвала ее съ судорожнымъ движеніемъ.

емъ. Пока Аделъ читала, въ ней совершилась странная перемена, которую не могъ человекъ догадливый объяснить себѣ тѣмъ, что отвращена причина дуади. Въ ея радости было безуміе. Изъ двухъ темпераментовъ Адели, о которыхъ мы уже говорили, самый сильный, долго подавляемый желѣзною волею, взявъ наковалье верхъ, и освобождаясь отъ цѣпей и притворства, проявлялся со всѣми своими пылкими и страшными страстями. Лицо ея, зеркало пылкой души, приняло новый характеръ. Она походила уже не на женщину скромную, слабую, покорную, умоляющую со слезами, а на раздраженную львицу, которая раздражаетъ добычу. Аделъ разодрада письмо не рукой, а зубами; потомъ собрала лоскутки бумаги и жгла ихъ, одинъ по одному, на свѣчѣ. Пока они горѣли, глаза ея блистали; она слѣдила за пламенемъ, какъ за очистительною жертвою. Когда все сгорѣло, она дунула на почернѣлые клочки письма и они разлетѣлись.

«Все кончено», вскричала она — нѣтъ и слѣдовъ! Какъ будто и письма не было! Я спасена, спасена!»

Въ восторгѣ, она дотрала себѣ руки, смѣялась и плакала; потомъ бросилась на шею къ Тернисіану, который не успѣлъ еще удивиться ея безумной радости.

«Вамъ обязана я моимъ блаженствомъ», сказала Аделъ, «и никогда этого не забуду. Вы не приняли отъ меня подарковъ, но помните, что я вамъ говорила: все мое богатство къ вашимъ услугамъ. Ужь поздно—прощайте! Вы дали мнѣ честное слово и будете молчать; не правда ли? Оставайтесь; мнѣ не нужно провожатаго. Теперь не должно медлить.»

Она отворила дверь, бросилась на лѣстницу и въ темнотѣ пошла такъ скоро, что Тернисіанъ едва

разслушала шумъ съ шаговъ. Дверь на улицу захлопнулась. Онъ подошелъ къ окну и сквозь стекла, опухавшяе холодомъ и запотенное ея вѣтромъ, видѣлъ, какъ она повернула за уголъ, совершенно одна; безъ провожатаго.

Старый профессоръ долго не выходилъ изъ недоумѣннѣй отъ такой сцены. Тысячи смѣшанныхъ мыслей вертѣлись въ его слабой головѣ. Дурныя мысли приходили одинъ послѣ другихъ, но вспоминая объ отвергнутыхъ подаркахъ, онъ думалъ, что они лежали бы тяжелымъ камнемъ на душѣ его, и что онъ долженъ былъ отъ нихъ отказаться. Онъ написалъ къ Валаберу, что искалъ письма напрасно, что оно долго хранилось, и видное затерялось. Потомъ легъ въ постель, но не могъ заснуть и удалять безотчетныхъ подозрѣннѣй, вкрадывавшихся въ его голову.

Госпожа Валаберъ возвратилась домой, прежде нежели мужъ вздумалъ спросить объ ней. Во всю ночь въ домѣ царило полное клубокое молчаніе: утромъ, на разсвѣтъ, онъ всталъ и отошелъ отъ дома; на которомъ прописалъ всю ночь, получивъ отвѣтъ на отправленные письма. Потомъ перечелъ и запечаталъ рѣчь нѣсколько писемъ. Одно, очень длинное, омоченное слезами, было писано къ женѣ; другое, также длинное, следовало къ нотаріусу, у котораго хранились семейные документы; оно содержало завѣщательныя распоряженія. Оба письма положены были въ портфель, а другія брошены на каминъ. Спальня жены отдѣлялась отъ его кабинета небольшою комматой. Онъ подошелъ къ двери и прислушивался. Все тихо.

«Она спитъ,» сказалъ онъ, «я могу уйти, и если небо справедливо, возвращусь, не разбудивъ ея. Черезъ два часа все кончится — онъ или я! Пора.»

Онъ завернулся въ плащъ, вала ящикъ съ пистолетами и тихо заперъ дверь въ небольшую комнату. Въ то же время отворилась противоположная дверь, и Юлій увидѣлъ свою жену, блѣдную, разстроенную; она тоже не спала всю ночь.

Юлій такъ изумился, что ототупилъ на нѣсколько шаговъ. Адель вошла, захлопнула за собою дверь, и безъ разговоровъ, безъ объясненій, быстро и повелительно раскрыла плащъ и вырвала ящикъ у мужа.

«Ты шель на дуэль!» сказала она.

Юлій, опомнившись, отвѣчалъ:

«Я долженъ быть секундантомъ у друга; Пистолеты приготовлены для него. Не бойся, Адель, и пусти меня.

«Нѣтъ! меня не обманешь,» прервала она; ты, вѣрно идешь на дуэль?»

«Адель!

«Довольно безцѣльныхъ словъ и обманчивыхъ клятвъ! Ты идешь на дуэль; мнѣ этого не говоришь, но я знаю.

«На дуэль! За кого? Съ кѣмъ?»

«Съ кѣмъ? Съ тѣмъ, кто писалъ тебѣ письмо; ты думаешь, что знаешь, кѣмъ оно писано. За кого? За ту женщину, о которой все еще плачешь; ты хочешь отмстить ея память. Все знаю, говорю тебѣ. Мое сердце чувствуетъ, что я брошена; ревность все мнѣ объясняетъ. Вчера, когда старикъ съ тобою говорилъ, ты весь углубился въ воспоминаше о любовницѣ, и вспомнилъ обо мнѣ, бѣдной, оставленной женѣ, только тогда, когда присутствие мое начинало мѣшать изліянію твоей горести? Я ушла, и ты воображаешь, что я ничего не слыхала, ни твоихъ стонъ, ни просьбу, ни принятаго то-

бою. Извѣренія? Смѣй же теперь сказать мнѣ, что ты не идешь на дуэль!»

Онъ опустилъ глаза, но пересилилъ внутреннее волненіе.

«Адель!» отвѣчалъ онъ, голосомъ медленнымъ и торжественнымъ, «вѣчно суждено мнѣ мучить твою неистощимую доброту, которая уподобляетъ тебя ангеламъ. Прежде, ты одна отдавала сираведливость Фанни, а теперь, за что же ты возненавидѣла ее? Я умираю, и ты спасла меня утѣшеніями. Вотъ уже два года, какъ ты оживляешь меня любовью; клянусь тебѣ, еслибы неожиданное извѣстіе не бросило меня въ прошедшее, ты никогда не услышала бы жалобъ, сожалѣній, воспоминаній моихъ. Найдн въ той добродѣтели, которою никакая другая женщина въ мірѣ не можетъ похвалиться, достаточно силы для перенесенія послѣдняго удара. Да, я иду на дуэль, и не хочу тебя обманывать. Здѣсь дѣло идетъ не о любви; никакая мсть не оживитъ умершей, но подлець, оклеветавшій женщину, которую ты сама защищала, долженъ принять отъ меня достойное наказаніе. Теперь, завтра, черезъ двадцать лѣтъ, пока буду въ состояніи держать шпагу, или пустить пулю въ грудь клеветника, стану требовать у него удовлетворенія, отмицу ему за смерть Фанни. Я не хотѣлъ тебя видѣть, Адель, боялся твоихъ слезъ, отчаянія и упрековъ, но послѣдняя мысль моя была о тебѣ. Вотъ письмо, которымъ я съ тобою прощался. Поцѣлуй меня, если злой случай присудилъ намъ встрѣтиться. Не удерживай меня—я рѣшился. Я долженъ драться; подвергая жизнь опасности, приношу очистительную жертву за легковѣріе и заблужденіе, которому менѣе всѣхъ другихъ долженъ былъ вѣрять.»

Адель стояла передъ нимъ, молча и сложенные руки, но когда увидала, что онъ хочетъ идти, схватила его за руку и остановила.

«Такъ я должна опять страдать!» вскричала она въ бѣшенствѣ; «терпѣніе—вотъ мой вѣчный уделъ! Другихъ надѣляешь ты страстями, маленькимъ сердцемъ, довѣренностью, а меня холодною, мраморнымъ безчувственнымъ. Нѣтъ! этого не будетъ! Ты требуешь отъ меня небывалой добродѣтели, а я прошу только, чтобы Господь сохранилъ мнѣ разумъ. Господи! не допусти на уста мои тайны сердца. Пусть голосъ мой замретъ, прежде, чѣмъ успѣю сказать что знаю! Избавьте меня отъ волненія, которое можетъ погубить меня; возвратите мнѣ прежнюю силу воли...

«Адель» прервалъ Юлій, «что ты говоришь? Ты точно помѣшалась!

«Не хочешь ли, чтобы я стала объяснять тебѣ мои страданія? Еще хочешь обмануть меня? Вѣрно, твоя любовница была очень хороша, когда воспоминаніе объ ней сильнѣе моей любви? Но какъ же она тебя любила? неужели болѣе, чѣмъ я? Ты не знаешь, Юлій, какъ я тебя люблю! Ты зналъ тихую, скромную женщину, счастливую отъ одного твоего взгляда, но я ждала только страстнаго слова, горячей ласки, и привязалась бы къ тебѣ, не какъ супруга, а какъ любовница. О, скажи, что ты ничего не зналъ о моихъ тайныхъ желаніяхъ, о любви, которую я скрывала и которая теперь повергаетъ меня передъ тобою на колѣни, въ безуміи, со слезами, съ мольбами? Не ходи, Юлій! Забудь эту женщину для меня; умоляю тебя слезами, цѣлую тебѣ руки и колѣни! Она была хороша, но и я тоже красавица; ты самъ мнѣ объ этомъ говорилъ очень часто. Я еще болѣе похорошѣю въ счастіи, и

ты будешь смотреть на меня съ гордостью. Она невинна, но и я не виновата, что люблю тебя; я тоже умру, какъ она умерла, если ты меня покинешь. Развѣ ты хочешь убить меня?»

Юлій прослезился, но былъ непоколебимъ. Онъ чувствовалъ, какъ горестъ Адели справедлива, и какъ сильна, если внушала ей такіа страстныя рѣчи. Но ея слова поражали его слухъ, а не сердце; со вчерашняго дня, онъ весь предался воспоминанію о Фанни. Онъ вырывался изъ объятій жены и пытался выйдти.

Адель быстро встала, смотрѣла на него нѣсколько минутъ, желая узнать, точно ли онъ хочетъ идти, и потомъ опять бросилась къ нему.

«Такъ ты хочешь идти? Все, что я сказала, не въ силахъ остановить тебя? Ты идешь?»

«Непремѣнно.»

«И будешь здѣсь или мертвый, или отмищеный?»

«Да.»

«А во время твоего отсутствія я буду плакать, рвать на себѣ волосы съ отчаянія, и все это не можетъ тебя остановить, не помѣщаетъ тебѣ встрѣтить соперника, не смутитъ тебя, не заставитъ трепетать сердца и руки твоей? Что мнѣ остается? Если возвратишься, то станешь жалѣть объ ней. при мнѣ, или привезутъ трупъ—умирающаго, за которымъ я стану ухаживать, и продливъ жизнь его, услышу, какъ онъ будетъ повторять имя Фанни! Юлій! ты самъ не знаешь, что дѣлаешь и къ чему меня принуждаешь... Ты не знаешь, что я сойду съ ума... Лучше бы ты уже умеръ... Но ты не выйдешь отсюда..: ты не будешь на дуэли... Кто, твой врагъ? Кто убилъ твою любовницу? Ты дураешь Севъ-Жидль.

«Разумѣется, онъ.»

«А если онъ не признается?»

«Такъ не откажется отъ дуэли; я получилъ уже его отвѣтъ.

«Отвѣтъ на брань. Неужели должно подвергать жизнь опасности за пустыя слова, въ которыхъ можно извиниться? Если онъ не захочетъ драться и скажетъ, что не писалъ письма — на что ты рѣшишься?»

«Я скажу ему, что онъ подлець; возьму его одною рукою за горло, а другою дамъ пощечину.

«Но онъ убьетъ тебя... А если не онъ писалъ письмо?»

«Кто же?»

«Тотъ, кого ты не убьешь.... кто не хочетъ твоей смерти...»

«Адель!»

«Женщина, которая обвиняетъ твои козни. Ревность привела ее къ преступленію, а теперь страхъ, что ты будешь убитъ, заставляетъ ее говорить — я, я, Юлій!»

«Ты?»....

Услышавъ страшное признаніе, Юлій остолбѣнѣлъ, какъ пораженный громомъ.

«Ты?».... повторилъ онъ черезъ нѣсколько секундъ.

Онъ смотрѣлъ на нее съ ужасомъ, не смѣлъ измѣрить ея глубокаго притворства и лъвь ея сердца, подобнаго пылающему волкану подъ ледяною корою. Наконецъ вскричалъ онъ:

«Что же она вамъ сдѣлала?... Если вы говорите правду, такъ не подходите ко мнѣ. Я хотѣлъ бы жалѣть объ васъ, не только презирать васъ...»

«Юлій! ты спрашиваешь, что она мнѣ сдѣлала? Но я полюбила тебя съ первой минуты, какъ тебѣ увидѣла... и она тоже тебя любила! Не спрашивай, какъ я узнала о связяхъ ея съ Эрнестомъ; я ревновала, а золото открывало мнѣ всѣ тайны.

Я приказала написать письмо, съ тѣми предосторожностями, о которыхъ тебѣ рассказывалъ Тернсіенъ. Вчера вечеромъ я взяла у него и разорвала подлинникъ письма, писанный моею рукою. Я подкупила Марианну, и она украла для меня перстень, который долженъ былъ служить обвиненіемъ противъ Фанни.... Вотъ что я сдѣлала..... Все мнѣ кажется сномъ.... Я сама не вѣрю.... не вѣрю, что тебѣ во всемъ признаюсь... Я ничего не понимаю... Тѣло ослабло, какъ умъ... Зачѣмъ я призналась?... Да! ты хотѣлъ драться съ Сень-Жиллемъ, ты могъ быть убитъ, а я хотѣла спасти тебя!

«Такъ вамъ Марианна передала перстень? Отдайте мнѣ его.

«У меня его нѣтъ.

«Отдайте!...» повторилъ онъ страшнымъ голосомъ, поднимая ее.

Она отошла шатаясь, и простирая къ нему руки, сказала:

«Юлій! у меня нѣтъ уже перстня.. Твои взоры меня страшатъ! Голосъ твой приводитъ меня въ трепеть... Боже мой! неужели ты надо мною не сжалишься!

«А вы надъ нею развѣ сжалились?

«Все про нее!

«Вы и забыли, что она умерла, и вы—ея убійца! Сжалитесь надъ вами? Никогда!

«И я также страдала довольно! Я была ревнива, да и теперь еще ревную. Развѣ я не страдала, когда, мучась любовью, для которой готова была забыть стыдъ, видѣла, какъ ты уходилъ къ ней? Не молчала ли я, и не рыдала ли по цѣлымъ ночамъ? Я казалась спокойною, нечувствительною, но дрожала, услышавъ шорохъ твоихъ шаговъ, или твой голосъ, или когда твоя рука касалась до моего

платя. И въ продолженіе двухъ лѣтъ, что было со мною! Днемъ ты думалъ о ней, а ночью произносилъ ея имя во снѣ. А развѣ я жаловалась? Теперь, когда страхъ потерять тебя заставилъ меня безумно проговориться, ты отвергаешь меня безъ жалости! У тебя нѣтъ слезинки для моихъ страданій, а твое сердце не можетъ простить моей вины! Она могла умереть, но ты любилъ ее, а со мною что будетъ, если ты меня отвергнешь? Прости, Юлій, прости меня! Не ласковаго слова прошу—знаю, что теперь оно не возможно, хоть отъ него я была бы такъ счастлива!... Но прошу не о томъ.... Посмотри на меня по прежнему, какъ вчера... и я оставлю тебя... Тогда думай о ней... даже плачь!... Когда перестанешь плакать, я опять приду къ тебѣ... стану на колѣни и вымолю прощеніе!... О! голова горитъ!... Прости меня или—я умру!»

Она приблизилась къ нему. Онъ оттолкнулъ ее опять.

«Презрѣнная!» вскричалъ онъ. «Отдайте мнѣ перстень, если онъ еще у васъ!»

«За чѣмъ?» спросила она, подымая голову; отчаяніе дало ей новыя силы.

«Я цѣловалъ бы его при васъ» отвѣчалъ онъ, «и вы узнали бы, какъ я люблю ту, которая его носила, узнали бы въ послѣдній разъ, передъ нашимъ вѣчнымъ разводомъ!»

«Передъ нашимъ разводомъ? О Юлій! ты шутишь надо мною! Ты считаешь меня слабою и безсильною, говоришь о разводѣ; но я твоя жена и пойду за тобою всюду. Что напишешь ты въ просьбѣ о разводной? Что я убила изъ ревности твою любовницу? Но гдѣ доказательства? Я сожгла письмо, и скажу, что ты лжешь. О, въ тебѣ нѣтъ жалости! Ты хочешь измучить меня воспоминаніями о дру-

гой, и потомъ отвергнуть меня! Такъ нѣтъ! я не оставлю тебя—слышишь ли, Юлій?

«Мы болѣе не увидимся.

«Нѣтъ! мы будемъ видаться всякій день. Всякій день я стану тревожить тебя моимъ присутствіемъ, моею любовью, жалобами, ревностью...»

«Замолчите, сударыня, замолчите!»

«Нѣтъ! не могу... А! ты думаешь о томъ, что страдалъ, когда лишился любовницы? А бѣдная жена, лишившаяся почти разеудка, получаетъ отъ тебя, въ награду за любовь, только презрѣніе и разводную? Нѣтъ! Мы связаны другъ съ другомъ, и никто не можетъ разлучить. Наша жизнь будетъ похожа на адъ, но я привыкла страдать и рѣшюсь на такую жизнь.»

Внѣ себя, почти въ безуміи, она схватила руку мужа. Тщетно старался онъ освободиться; ея сопротивленіе еще болѣе его раздражало. Въ глазахъ его выражались презрѣніе и страшная ненависть. Дверь кабинета шумно отворилась и три человѣка показались на порогѣ. Юлій притворился, что не замѣчаетъ ихъ прихода, сдѣлавъ послѣднее усиліе и поднявъ на жену руку. Адель опустилась и упала, почти безъ чувствъ, подъ ударомъ, надъ нею разившимся.....

Юліи Валаберъ обратился къ гостямъ.

«Господа!» сказалъ онъ, «назначенный мною часъ для дуэли прошелъ; вы, вѣроятно, за мною прѣхали, Сень-Жиль? Я только что хотѣлъ къ вамъ ѣхать и просить извиненія во вчерашнемъ письмѣ. Вы видите, почему я не успѣлъ ѣхать... Семейная ссора, которой я не хочу скрывать, какъ скрывалъ всѣ прежнія. Она просила у меня разводной, а я отказалъ... Теперь я не противлюсь; вы будете, господа, свидѣтельствовать въ пользу жены, а я получу на-

казаніе за грубость, въ которой рассказваюсь слишкомъ поздно.»

Онъ подошелъ къ женѣ и сказалъ ей тихо:

«Вы сегодня должны подать просьбу о разводѣ, сударыня, или я обезпечу васъ и расскажу этимъ господамъ все, что знаю!»

Черезъ мѣсяць, ихъ развели. Черезъ два мѣсяца Юлій надѣлъ трауръ по женѣ, а въ концѣ года Тернисиенъ, весь въ слезахъ, шелъ за пышною похоронною процессією, которая тянулась изъ Юліева дома въ улицѣ Лидль.

III.

НАУКИ И ИСКУССТВА.

ЦАРСТВО СЕЙКОВЪ И МАГАРАДЖА РУНДЖИТЬ-СИНГЪ. *

(Статья Ксаверія Раймона.)

Въроятно, во Франціи не забыли еще впечатлѣнія, произведеннаго въ 1835 году возвращеніемъ въ отчизну генерала Аллара, блистательная и исполненная приключеній жизнь котораго такъ хорошо была рассказана Жакмономъ. Капитанъ кавалеріи въ 1815-мъ, адъютантъ маршала Брюна, чудомъ избавленный отъ несчастнаго приключенія, въ которомъ погибъ маршалъ его, Алларъ, рѣшился лучше пойти въ изгнаніе, въ сопровожденіи соратника своего, г-на Вентуры, нежели въ отечествѣ своемъ слѣдовать за жребіемъ государственныхъ переворѣвъ и партій. Являсь сперва въ Египетъ, куда ихъ привлека-

* Въ то время, какъ смерть знаменитаго *Рунджить-Синга* и возведеніе на высшую степень власти *Хозрова-Шаши*, могутъ быть поводомъ многихъ событій въ Азіи, намъ кажется, для читателей будутъ любопытны жизнь и характеристика того и другаго, составленные людьми, лично ихъ знавшими, и неувлекаемыми ни желаніемъ клеветать, ни пустыми политическими софизмами.

ли преданія прежнихъ походовъ, оба офицера отправились потомъ въ Персію; отсюда, перейдя Кандагаръ, они прибыли наконецъ на берега Инда, въ страну народа воинственнаго, недавно возродившагося и между тѣмъ свободнаго отъ владычества, наложеннаго Англіею почти на всѣхъ народовъ Индійскаго полуострова. Въ предводителѣ сего народа увидѣли они государя, знаменитаго во всей Азіи блескомъ побѣдъ, великолѣпіемъ Двора, и влюбленнаго, какъ всѣ Восточные князья, въ великую эпопею царскую, лучшіе эпизоды которой столь часто очаровываютъ прелестныя ночи Азіятскихъ разскащиковъ и биваки караванныхъ сказочниковъ. Онъ благосклонно принялъ офицеровъ Наполеона, и, какъ Солиманъ Паша въ Египтѣ, они устроили въ Пенжабѣ правильную армію, прославившуюся блистательными побѣдами, одержанными ею надъ Музульманскими фанатиками въ Афганистанѣ. Всѣ сіи происшествія, о коихъ разсказъ переданъ намъ свидѣтельствомъ путешественникомъ, единодушныхъ въ чувствахъ почтенія къ характеру генерала Аллара и его соперниковъ, украшались еще подробностями, ирриятно льстившими самолюбію народному. Кто не вспомнить того письма, гдѣ Жакемонъ, едва успокоившійся отъ празднествъ, данныхъ ему Англійскими офицерами, разсказываетъ о своемъ первомъ свиданіи съ правильными отрядами Сеиновъ, и о своемъ удивленіи, когда онъ встрѣтилъ у подошвы Гималая Французскую кокарду и знамя, узналъ родной маршъ, выбиваемый Индійскими барабанами, услышалъ, что офицеры, сопровождающіе его, производятъ всю команду на Французскомъ языкѣ, и весьма правильно! Все это въ свое время возбуждало живое и гордое любопытство. Цѣнь наступила минута, извлечъ изъ всего какія нибудь положительныя свѣдѣнія, ибо дѣла Востока приняли развитіе, противное тому, когда Сеики вышли на сцену. Длительнымъ образомъ соединяють они свои войска съ тѣми, которыя Англійское правительство направляетъ на Кабуль, и, можетъ быть, на Герать. Впрочемъ, послѣ недавней смерти генерала Аллара и послѣдовавшаго за нимъ въ могилу повелителя, принявшаго его столь радушно, не обязаны ли мы посвятить хоть нѣсколькихъ строкъ памяти офицера, прославившаго въ Индіи имя Французовъ, и го-

сударю и народу, умѣвшимъ основать новое государство на берегахъ Инда, при самомъ входѣ въ Индостанъ, гдѣ сосредоточились теперь обширныя политическія виды нашего времени?

Сейки не составляютъ народа въ этимологическомъ смыслѣ слова; они происходятъ отъ породы Брахманической, но не представляютъ ни вѣтви, ни племени, ни семейства сей древней и многочисленной породы. Религіи одолжены они были соединеніемъ въ одно особенное общество, и анархія, театромъ которой въ продолженіе второй половины XVIII-го вѣка былъ Индійскій полуостровъ, позволила имъ возвыситься на степень политическаго владычества. Первый творецъ ихъ фанатическихъ преданій, *Нанахъ-Шахъ*, явился въ царствованіе императора Бабера, основателя Могольской имперіи Индостана; слѣдственно, онъ жилъ въ началѣ XVI-го вѣка. Идеи вѣротерпимости, могущія торжествовать во всякое время, а особенно въ минуту новаго завосванія—такое было основаніе ученія Нанаха, цѣль котораго, кажется, состояла въ соединеніи Индусовъ и Музульманъ, на ученіи, основанномъ на общей вѣрѣ ихъ въ единство Бога. Правила и мнѣнія новой секты были постепенно развиваемы въ книгахъ, называемыхъ *Гранты*, десятью *Гурусами*, или духовными начальниками, которые донныя почитаются Сейками за святыхъ. Послѣдній изъ нихъ, *Гуру-Говиндъ*, жилъ во времена Ауренгзеба, и какъ будто въ замѣну преслѣдованій, коихъ былъ онъ жертвою, съ большимъ числомъ своихъ учениковъ, внушилъ онъ Сейкамъ, дотолъ миролюбивымъ и промышленнымъ, сильнѣйшую ненависть противъ Монголовъ и Музульманъ. Когда блескъ, брошенный на именованіе Ауренгзевомъ, помрачился при его слабыхъ наслѣдникахъ, видимъ, что Сейки, пользуясь анархическимъ состояніемъ ихъ государства, и раздѣленные на шайки, болѣе или менѣе многочисленныя, смотря по заслугамъ начальниковъ, которые ими управляли, грабили Индію, соединялись со всеми бунтовщиками, жили грабежемъ и становились въ ряды *земндаровъ*, или мызниковъ которые, по раззореніи земель ихъ, принуждены были принять несчастное ремесло *дгарвиса*, или *словпка большихъ дорогъ*. Такое состояніе дѣлъ продолжалось до тѣхъ

портъ, пока наконецъ Монголовъ не прогнали Маратты, а послѣднихъ Афганъ (или Авганцы), но ни тѣ, ни другіе не могли основаться въ раззоренной странѣ, и Пенжабъ остался окончательно во власти Сеиковъ. Вся званія общества, купцы, земледѣльцы, горожане, представляли тогда толпу народа, въ разрывѣ и безъ защиты преданную образованію военному и духовному сектаторовъ Навахъ-Шаха.

Со времени восьмага и послѣдняго покушенія Афгановъ на Пенжабъ, которое произвело только новое опустошеніе, Сеики, въ 1764 году, сдѣлались полными обладателями страны. Положеніе ихъ съ того времени можно сравнить съ положеніемъ, въ которомъ находились Франки и Саксонсы, послѣ покоренія земель на сѣверъ Галліи и въ Англіи; еще болѣе, конституція, которую образовали себѣ сіи Индійцы, представляетъ большое сходство съ конституцію племенъ Германскихъ, и слѣдствія, произведенныя тамъ и здѣсь, были почти одинаковы, не смотря на разность времени, мѣста и лицъ. Сеики устроили военный союзъ, въ которомъ союзное единство представлялось *мизалами*, или обществами, гдѣ предводительствовали начальники, или *сердары*. Каждый изъ мизаловъ въ сущности былъ ни что иное, какъ одна изъ завоевательныхъ шакъ. Сосдиненіе начальниковъ (*саргаты-халза*), настоящій сеймъ, происходилъ два раза въ годъ въ Амритзиръ, для разсужденій объ общественныхъ выгодахъ. Когда областное разграниченіе мизаловъ было означено ихъ завоеваніями, земли, изъ коихъ они составлялись, были раздѣляемы между сердарями и тѣми, кто слѣдовалъ за ними, какъ вольный товарищъ, или какъ служитель. Такое раздѣленіе произвело два рода помѣстьевъ: одни совершенно независимыя, другія подверженныя разнаго рода обязательствамъ со стороны владѣльца, какъ нѣкогда были въ Европѣ бѣлыя помѣстья, и помѣстья, подверженныя денежнымъ оброкамъ и военной службѣ. Къ первому роду принадлежали у Сеиковъ *сердиры*, или земли начальниковъ, правившихъ соединенными силами мизала; *паттидары*, или части, доставшіяся начальникамъ маленькихъ отрядовъ и простымъ всадникамъ Сеикскимъ, которые добровольно, но совершенно присоединились къ мизалу;

мизалдары, или помѣстья, доставшіяся начальникамъ предавшимся Сенкамъ, но сохранившимъ свою независимость относительно союза, и присоединившимся къ тому или другому мизалу по волю. Въ сей категоріи считалось нѣсколько Музульманскихъ начальниковъ, приставшихъ къ Сенкамъ, для того, чтобы воспользоваться паденіемъ имперіи Могольской. Второй родъ помѣстьевъ состоялъ изъ *табадары*, или земель, полученныхъ со времени общаго раздѣла служителями начальниковъ, и изъ *джагиры*, или уступокъ, сдѣланныхъ начальникомъ изъ участка, доставшагося въ его собственность и отданнаго родственникамъ и служителямъ. Оба рода помѣстьевъ приносили владѣльцу денежную пошлину и отправляли военную службу по требованію сердара; помѣстья были пожизненные и наследственные, по его волю, и даже табадары были почитаемы, какъ существенная часть владѣній сердара. Наконецъ, часть земель была уступлена для духовныхъ и благотворительныхъ заведеній Сенковъ, или оставлена *пирцадамъ*, такимъ же заведеніямъ Музульмановъ въ Индіи.

Что касается до законовъ, которые долженствовали поддерживать всю систему, надобно думать, что они были очень неопредѣленны, или, лучше сказать, совсѣмъ не существовали. Сообразовались съ предписаніями священныхъ книгъ и съ мѣстными обычаями, что до сихъ поръ еще продолжается. Въ нѣкоторыхъ мизалахъ право старшинства въ силѣ, и старшій братъ обязанъ содержать своихъ братьевъ, уступая имъ всего чаще джагиръ; другія исполняютъ законъ равнаго раздѣла между братьями; нѣкоторые оставляютъ старшему брату двойную часть, но дочери всегда исключены изъ преимущества наследства, и даже можно сказать, что онѣ составляютъ часть его, ибо ихъ продаютъ. Иногда вдовы получаютъ пожизненный джагиръ, но часто также братъ умершаго женится на ней, какъ то дѣлалось по закону Моисея. Споры рѣшаются всего болѣе силою между людьми знатными, но часто также судомъ и вмѣшательствомъ власти людей, болѣе значительныхъ. Сенкскій обычай позволяетъ, какъ законъ Германскій, окупъ пролитой крови. Плата за аренду и податьъ возносятся деньгами и произведеніями, но податьъ, какъ Му-

зультмане всегда дѣлали, платится селеніемъ, а не землею, и не по домамъ, но по семействамъ. Деревня каждая управляется совѣтомъ (*пентаитъ*), состоящимъ изъ пяти и болѣе чловѣкъ, какъ и самое имя показываетъ; совѣтъ составляется посредствомъ наслѣдства правъ и посредствомъ избранія. Наконецъ, Сеики не знали другой непосредственной подати, кромѣ только пошрины въ таможню, когда государь ихъ учредилъ подать на хартиі инвеституры, и другія бумаги, доказывающія официальными актами владѣніе.

Положеніе дѣлъ, столь худо опредѣленное, предававшее народъ множеству мѣлкихъ тирановъ, и дышавшее общество покровительства высшей власти, влекло за собою всѣ беспорядки, произведенные въ другихъ мѣстахъ феодалною эпохою. Здѣсь анархіи надобно было кончиться, въ тотъ день, когда какое нибудь семейство, болѣе ловкое и болѣе счастливое, покорить другія своему могуществу. Подобное семейство явилось, и было то самое, отъ котораго произошелъ *Рунджитъ-Сингъ* (или *Ранджитъ*, *Ренджитъ*; слово *Сингъ* почетный титулъ, и значитъ *левъ*).

Первый изъ предковъ его, о которомъ преданіе сохранило память, былъ незначительный земиндаръ, или земледѣлецъ деревни Сукаръ-Чакъ, по имени Дизу, жившій въ началѣ XVIII-го вѣка. Объ немъ ничего не знаютъ, кромѣ того, что онъ владѣлъ двумя сохами, въ своемъ родовомъ наслѣдствѣ, и былъ отецъ Нодъ-Синга, перваго изъ сего семейства принявшаго въру Сеиковъ. Нодъ-Сингъ умеръ въ 1750 г. и сынъ его, Гаратъ-Сингъ, дядушка Рунджитъ-Синга, началъ благосостояніе семейства основаніемъ мизала, который назвалъ *Сукаръ-Чаки мизалъ*, по имени мѣста происхожденія его дома. Онъ умеръ, одни говорятъ въ 1771, другіе въ 1774 году, и оставилъ двухъ сыновей, изъ которыхъ старшій, отъ роду не болѣе лѣтъ 14-ти, Мага-Сингъ наслѣдовалъ ему въ его сердаръ, подъ опекою матери. При совершеннолѣтіи, Мага-Сингъ, открывъ доказательства любовной связи между браминномъ и матерью, убилъ ее собственною рукою — свидѣтельство правосудія варварскаго, но которое между тѣмъ, кажется, не помрачало славы суди въ глазахъ его (земляковъ. Во-

онъ, столь же счастливый какъ и храбрый, Мага-Сингъ умеръ въ цвѣтъ лѣтъ, 1792 года, умноживъ свои богатства и владѣнія, и оставивъ одного только сына, *Рунджитъ-Синга*, 12-ти лѣтъ отъ роду, уже женатаго на Метабъ-Кунваръ, дочери Сада-Кунвары супруги сердаря, котораго онъ изгналъ изъ владѣній.

Родившись въ 1780 году, Рунджитъ-Сингъ заболѣлъ, спустя нѣсколько дней по рожденіи, оспою, оставившею на немъ неизгладимые слѣды, и лишившею его глаза — обстоятельство, по которому онъ получилъ прозваніе *Криваго (Кана)*. Оставшись слишкомъ молодымъ по смерти отца, и обремененный тяжестью дѣлъ, онъ подпалъ подъ опеку ловкой и хитрой Сада-Кунвары, его тещи, бывшей долгое время его вѣрною совѣтницею. Въ 17-ть лѣтъ, Рунджитъ-Сингъ управлялъ уже самъ собою, и хотя воспитаніе его было совершенно пренебрежено, ибо онъ не умѣлъ ни читать, ни писать ни на какомъ языкѣ, онъ показалъ себя столь же способнымъ, какъ и отецъ его, пользуясь всеми случаями къ умноженію могущества, то заставляя мѣлкихъ начальниковъ признавать власть его, то захватывая ииѣнія сердарей, умиравшихъ безъ наследниковъ, или оставлявшихъ наследниковъ слишкомъ молодыхъ, то вмешиваясь въ споры своихъ соперниковъ, наказывая ихъ отъ имени конфедерацин, для своей пользы изгоняя начальниковъ, соединившихся съ Афганамъ, послѣ бесполезныхъ покушеній, которыя Шахъ-Заманъ дѣлалъ въ 1795, 1796 и 1797 годахъ противъ Пенжаба. Рунджитъ-Сингъ умѣлъ устроить все такимъ образомъ, что былъ признанъ Афганамъ владыкою Лагора. Политика, сопровождаемая неутомимою дѣятельностью и увѣнчанная успѣхомъ, увеличивавшимъ въ прямомъ смыслѣ могущество, сдѣлала его въ 1809 г. повелителемъ почти всей страны, заключающейся между Сатледжи и Индомъ съ одной стороны, и между горами и Мултаномъ съ другой. Онъ старался распространить власть свою между Сатледжи и Жумною, когда начальники, жившіе независимо въ странѣ сей, стали просить пособія у Англіи, и получили отъ правительства Калькутскаго декларацію, поставляющую ихъ подъ покровительство Британіи.

Англійское правительство, побѣдившее въ Индіи Фран-

пузовъ, Типпо-Сайба и Мараттовъ, рѣшилось тогда болѣе не распространять своихъ завоеваній, въ странѣ, управление которой стоило ему болѣе, нежели приносило. Цѣлью его усилій было стараніе установить порядокъ, жестоко нарушенный возмущеніями, театромъ конхъ былъ Индійскій полуостровъ, продолжавшимися полѣвка, и поддерживаемыми безчисленнымъ множествомъ грабителей, размножившихся по примѣру Мараттовъ. Оно предлагало свое покровительство всѣмъ владѣтелямъ, уцѣлѣвшимъ при столькихъ бѣдствіяхъ, и въ замѣну своего всемогущаго покровительства требовало только соблюденія общаго мира, участія въ случаѣ войны, безопасности дорогъ и нѣкоторыхъ уступокъ въ пользу Англійской торговли, монополиею которой завладѣла Компанія. Такой способъ правленія, благоразумный и честный, позволявшій мирно управлять многими милліонами людей, посредствомъ нѣсколькихъ уполномоченныхъ офицеровъ при дворахъ главныхъ раджей, былъ самый лучший, какой только можно было избрать и придумать. Такимъ образомъ, не только предупреждалось увеличеніе въ расходахъ, какіе требовались бы на новыя завоеванія, но еще освобождалъ онъ Компанію отъ всякаго сомнѣнія, касательно внутренняго управления, и оставлялъ ей свободное распоряженіе всѣхъ силъ въ случаѣ вторженія Французовъ, что сильно занимало въ то время Англію. Наконецъ, власть Англичанъ не должна ли была надвѣяться, благодаря своей умѣренности, что ей охотно пособить противъ общаго непріятеля владѣтели, у которыхъ она охраняла престолы и умножала способы усиленія подержкою мира?

Можно думать, что Рунджитъ-Сингъ остался не очень доволенъ опредѣленіемъ Англичанъ, не позволявшимъ ему распространять его завоеваній на югъ. Онъ покорился необходимости, и въ Апрѣль 1809 г. заключилъ въ Амрит-зиръ трактатъ, по которому обязывался ничего не предпринимать по ту сторону Сатледжи. Съ того времени, съ своими могущественными союзниками всегда жилъ онъ въ тѣсной дружбѣ, поддерживаемой частою посылкою писемъ и взаимными подарками. Въ то же время Рунджитъ-Сингу въ первый разъ случилось увидѣть нѣкоторое число регулярныхъ войскъ, составлявшихъ конвой Англійскаго

посланника, Сиръ Джона Меткальфа. Немного нужно было Индійскому политику, дабы понять все превосходство регулярныхъ войскъ, и онъ тотчасъ возымѣлъ желаніе предводительствовать арміею, устроенною по Европейски. Но подобное желаніе могло исполниться только въ 1822 г., по прибытіи соотечественниковъ нашихъ ко двору Лагорскому. Между тѣмъ, какъ ни несовершенны были опыты, которые самъ Рунджитъ покушался дѣлать, они приносятъ ему не мало чести, особенно по тому повиновенію, которое умѣлъ онъ внушать подданнымъ. Такъ, на примѣръ, при взятіи богатаго города Мултана, онъ велѣлъ отдать жителямъ его всю добычу, какую у нихъ захватили грабители, и никто не посмѣлъ ему противорѣчить.

Остановленный къ югу Англичанами, Рунджитъ-Сингъ обратилъ свое честолюбіе къ другимъ сторонамъ. Въ 1822 году, онъ овладѣлъ, послѣ множества сраженій, долиною Кашемирскою, Мултаною, Аттокомъ, открывавшимъ ему переходъ черезъ Индъ; наложилъ дань на нѣкоторыя изъ племенъ Белуттистанскихъ, живущихъ на западъ отъ Инда, и даже на нѣкоторыя области Тибетскія. Съ сего времени, будучи повелителемъ правильной арміи, онъ могъ съ успѣхомъ направлять дѣйствія свои противъ Афгановъ Пешавера и Музульманъ, поселившихся въ горахъ, находящихся между симъ городомъ и Кашемиромъ. Послѣ ряда трудныхъ экспедицій и кровавыхъ побѣдъ, въ которыхъ Алларъ, Вентура и Куртъ принимали главное участіе, Музульмане покорились въ 1831 г., и Афганскій князь Пешавера призналъ верховную власть царя Лагорскаго. То были послѣднія его завоеванія. Удрученный годами и разстроенный состояніемъ своего здоровья, Рунджитъ не могъ принимать начальства надъ своими арміями, которыми почти всегда прежде командовалъ лично, и уже ничего не предпринималъ до самой своей смерти. Однакожъ, онъ присоединилъ отрядъ войскъ своихъ къ экспедиціи, направленной Англичанами противъ Кабула, дабы предупредить слѣдствія интригъ, которыя Персія могла завязать въ царствѣ Непанульскомъ, и далѣе во внутренности полуострова.

Небольшой ростомъ и изуродованный оспою, Рунджитъ-Сингъ имѣлъ однакожъ наружность величія, распространеннаго во всей его особѣ. Одаренный чрезвычайно жи-

былъ понятіемъ и неутомимою дѣятельностью тѣла и ума, онъ всегда былъ окруженъ секретарями, которые были безпрестанно заняты, и которыхъ иногда будилъ онъ въ полночь, для диктовки имъ депешей. Память его была весьма замѣчательна. Точный блюститель правилъ своего закона, не менѣе того вдавался онъ въ чрезвычайныя распутства, которыя, какъ и труды его, не менѣе способствовали къ разрушенію его здоровья. Жакемонъ разсказываетъ о соблазнительномъ зрѣлищѣ, какое Рунджитъ-Сингъ нѣсколько разъ являлъ собою публично на улицахъ Латора и въ другихъ мѣстахъ. Обладаемый, какъ все Восточныя цари, страстью собирать богатства, онъ былъ одинакожъ щедръ и великодушенъ въ содержаніи своего Двора. Страстный охотникъ до лошадей, нѣсколько разъ начиналъ онъ войну, только для того, чтобы присвоить себѣ какое нибудь изъ сихъ животныхъ, слава котораго возбуждала алчное желаніе любителя. Наконецъ, надобно сказать, что сей Азіятскій деспотъ, самовластный повелитель жизни своихъ подданныхъ, хвастался, и справедливо, тѣмъ, что никогда и никого не приказывалъ казнить безъ суда.

По смерти своей оставилъ онъ государство, народонаселеніе котораго простирается до *четырехъ милліоновъ* человекъ, армія до 80,000 человекъ (изъ коихъ 27,000 регулярнаго войска), съ артиллеріею изъ 400 каменометовъ, возимыхъ на верблюдахъ, и 376 орудій, изъ коихъ треть совершенно отдѣлана и приготовлена для войны. Сокровища его, сокрытыя въ крѣпости *Говиндъ-Гархъ*, цѣнятся въ 250 милліоновъ франковъ, и годовою доходъ его государства простирается кругомъ до 65 милл. франковъ, а по словамъ генерала Аллара до 100 милліоновъ.

Хотя жизнь Рунджитъ-Синга была богата событіями, надобно однакожъ пожалѣть, что онъ не занялся основаніемъ правильной администраціи, главнаго предмета заботливости истинныхъ основателей государствъ. Его способъ управленія былъ такъ простъ, какъ только можно себя вообразить: онъ состоялъ въ отдачѣ на откупъ городовъ и селеній людямъ, которые безнаказанно грабили послѣ того подлежащихъ подати, ежели только сами правильно выплачивали сумму, слѣдующую за аренду. Такая несчастная система могла продолжаться до тѣхъ поръ, пока грозная

рука Рунджитъ-Синга поддерживала ее; но мызники, плательщики податей, лишенные ивнй сердари, будутъ ли оказывать наследнику Магараджи такое же повиновеніе, дъ которому онъ принуждалъ ихъ? Будущее покажетъ намъ послѣдствія, но вѣрно теперь, конечно, только то, что если въ Пенжабѣ обнаружатся возмущенія, Англичане не замедлятъ занять страну, которую можно почесть за настоящій ключъ къ Индостану.

Рунджитъ-Сингъ оставилъ одного сына, признаннаго имъ, *Карракъ-Синга*, родившагося въ 1802 году, отъ Раджи-Кунвары, его второй жены. Первая жена его, изгнанная имъ въ 1807 г., утверждаетъ, что черезъ нѣсколько мѣсяцовъ послѣ развода родила она будто бы двухъ сыновей близнецовъ. Дѣло осталось нерѣшеннымъ, и Рунджитъ-Сингъ всегда отпирался отъ усыновленія ея дѣтей, хотя и употреблялъ одного изъ нихъ, *Ширъ-Синга*, въ военныхъ экспедиціяхъ, причѣмъ тотъ успѣлъ приобрѣсть себѣ много славы. Можетъ быть, здѣсь заключается причина будущаго раздора, и еще болѣе потому, что извѣстія, полученныя нами на счетъ Карракъ-Синга, далеко не представляютъ его, какъ достойнаго сына Рунджитъ-Сингова.

=

ЖИЗНЬ И ХАРАКТЕРИСТИКА ХОЗРЕВА-ПАШИ.

Хозревъ-Пашу худо знаютъ, и еще хуже оцѣняютъ въ Европѣ. Мои частыя сношенія съ нимъ и съ его чиновниками, во время пребыванія моего въ Турціи въ 1837 году, даютъ мнѣ средства пояснить ложныя мнѣнія, распространенныя на счетъ его, и представить его такимъ, каковъ онъ есть. Служивши нѣкоторое время въ Турціи, я могу оцѣнить Хозревъ-Пашу по словамъ и по дѣламъ его.

Хозревъ-Паша оказалъ большія услуги своей странѣ, и только своими способностями и заслугами возвысился онъ до первыхъ чиновъ въ Оттоманскомъ государствѣ. Послѣ похода Французовъ въ Египетъ, онъ былъ назначенъ правителемъ сей области; но тогдашній начальникъ Египетскихъ войскъ, начинавшій чувствовать свою власть, понималъ, что новый намѣстникъ Султана, по своей прозорливости, легко можетъ открыть его честолюбивыя намѣренія. Онъ воспользовался властью, приобретенною надъ войсками, стараясь возбудить ихъ противъ Хозрева. Когда привелъ онъ умы всѣхъ на желанную степень буйства, то объявилъ себя начальникомъ мятежа и заставилъ Хозрева оставить Египетъ. По прибытіи своемъ въ Царьградъ, Хозревъ подалъ доносъ на возмущившагося начальника Египта, который съ своей стороны старался объяснять его обвиненіе, изображая его поступки самыми мрачными красками, и описывая лихоимства, произведенныя въ Египтѣ, отъ имени бывшаго правителя. Потомъ, дабы внушить довѣріе и прочныя приготовить исполненіе вели

каго предприятия, которое въ послѣдствіи, совершилъ такъ счастливо, соперникъ Хозрева, велѣлъ объявить Дивану, что онъ и его солдаты готовы признать власть всякаго другаго, но только не Хозрева. Этотъ хитрый клеветникъ и мятежный воинъ былъ *Мегеметъ-Али*, нынѣшній вице-король Египетскій, съ тѣхъ поръ смертельный врагъ Хозрева. Послѣ сего событія, Хозревъ нѣсколько разъ сряду былъ правителемъ различныхъ областей и Капитанъ-пашею. Кромѣ того занималъ онъ важныя мѣста правителя Царяградской полиціи, былъ сераскиромъ, главнокомандующимъ всѣхъ регулярныхъ войскъ и президентомъ главнаго государственнаго совѣта. Наконецъ, нынѣ онъ *Великій Визирь*. Много разъ начальствовалъ онъ войсками, но оружіе его не было очастливлено побѣдами; однакожь неудачи не вовлекли его въ немилость, и были послѣдуемы новыми наградами отъ Султана, который видѣлъ въ Хозревѣ человека, наиболее способнаго оказать самыя важныя услуги реформѣ, которую рѣшился онъ ввести въ свое государство. При мысли о мщениіи Мегемету-Али, Султанъ совѣтывался съ своимъ любимцомъ, умомъ и опытностью котораго отвращено было нѣсколько важныхъ ошибокъ; но однакожь Хозревъ не примирялся съ своимъ прежнимъ подчиненнымъ въ 1825 г., какъ нынѣ многіе утверждаютъ. Я самъ слышалъ отъ Хозрева, что именно въ то время, внезапно, съ частию флота, которымъ начальствовалъ, вошелъ онъ въ Александрійскій портъ, и, вѣроятно, сжегъ бы флотъ вице-короля, стоявшій тамъ на якорѣ, если бы не удержало его представительство Французскаго и Англійскаго Консуловъ. Рассказывая мнѣ о семъ предприятии, сераскиръ очень сожалѣлъ, что не могъ нанести такого сильнаго удара могуществу врага своего.

Хозревъ-Паша, какъ говорятъ, употреблялъ всѣ силы, препятствуя Наваринскому дѣлу, войнѣ противъ Россіи, а также и войнѣ противъ Мегемета-Али, и что онъ лишился даже благосклонности, которою пользовался такъ долго, за свое миролюбіе. Хозревъ могъ предлагать принятіе условій, сдѣланныхъ побѣдителями, для избежанія великихъ бѣдствій своей страны, но онъ никогда не хотѣлъ мира за какую бы то ни было цѣну. Его временное удаленіе отъ дѣлъ не было слѣдствіемъ немилости, и вотъ

нѣсколько подробностей, относящихся къ сему обстоятельству, за строгую вѣрность которыхъ я ручаюсь.

Соединивъ бракомъ усыновленныхъ имъ Галиля и Сеида-Пашей съ старшими дочерьми Султана, Хозревъ поставилъ подлѣ трона двухъ стражей, признательность коихъ къ нему заставляла ихъ почестъ долгомъ сообщать ему все, что могли они узнать, касательно его выгодъ и власти. Онъ долженъ былъ также думать, что объ дочери Султана, супруги его пріемышей, при случаѣ могутъ помочь ему своимъ вліяніемъ. Но обстоятельства, вовсе непредвидѣнные имъ, обманули его ожиданія. Галиль-Паша такъ разгнѣвалъ Султана, что ему была объявлена опала. Съ другой стороны, жена Сеида-Паши, нелюбившая своего мужа, обвинила Хозрева, что онъ былъ причиною несчастнаго ея брака. Враги Хозрева, пользуясь смутами, удвоили усилія свои погубить его. Нѣсколько случаевъ подали имъ къ тому поводъ. Султанъ, съ большою церемоніею, поставилъ свои портреты въ Царяградскихъ казармахъ и въ залѣ Дивана. Это было нарушеніемъ закона Могометова, тронувшее религиозное суевѣріе Музульмановъ. Отъ того произошелъ ропотъ, почти бунтъ, съ нѣсколькими пожарами въ разныхъ частяхъ города. Потомъ послѣдовали: убіеніе Министра Финансовъ въ Софійской мечети, въ присутствіи самого Махмута, оскорбленіе, причиненное ему во дворѣ сей мечети иманомъ, и наконецъ, возмущеніе *каиджеевъ* (лодочниковъ), по случаю моста, сдѣланнаго въ портѣ для сообщенія между Перою и Царьградомъ. Всѣ сіи происшествія и раздраженіе народа были приписаны врагами Хозрева его недосмотрамъ, и Султану объявили, что тогда только можно избѣгнуть дальнѣйшихъ бѣдствій, когда мѣсто Хозрева займетъ человекъ способный и не столь обремененный лѣтами. Въ то же время, Султанша, старшая дочь Махмута, убѣдила отца простить ея мужа. Все произошло безъ вѣдома сераскира, внезапно узнаваго, что Султанъ отдаетъ всѣ его достоинства Галилю и Сеиду. Въ фирманѣ, объявлявшемъ о такой перемѣнѣ, Султанъ говорилъ, что Хозревъ долженъ удалиться въ домъ свой на Босфоръ, въ 4-хъ лье отъ столицы, и пользоваться тамъ пенсіею по 6,000 піастровъ въ мѣсяць. Определенное для него мѣстопробываніе заставляло его самого ду-

мать, что онъ, действительно, впалъ въ немилость. Ударъ былъ тѣмъ чувствительнѣе ему, что за восемь мѣсяцовъ прежде, по случаю брака Сейдъ-Паши, онъ предлагалъ Султану уволить его отъ всѣхъ должностей, въ пользу усноменныхъ имъ нашей, на что Султанъ отвѣчалъ ему: «Въ награду за твои заслуги и твою преданность пожаловалъ я тебя Сераскиромъ, и такова воля моя, чтобы ты остался Сераскиромъ, пока Богу угодно будетъ воззвать тебя къ себѣ!» Тѣ, кто прежде постоянно льстили ему, даже самъ Галиль-Паша, оставили его въ изгнаніи. Но Хозревъ вскорѣ былъ отмщенъ. Узнавши, что ошиблись въ причинахъ, побуждавшихъ Хозрева дѣйствовать такимъ, а не другимъ образомъ, и что притомъ не исполняли его приказаній, Султанъ объявилъ, что удаленіе Хозрева не есть немилость, но что онъ, какъ министръ, всегда долженъ имѣть при себѣ почетную гвардію изъ 40-ка кавасовъ. Султанъ приказалъ также всѣмъ вельможамъ, бывшимъ въ Царьградѣ, не исключая и обоихъ зятѣвъ своихъ, въ извѣстные дни приносить поклоны: ить къ ногамъ «самаго стараго и самаго вѣрнаго его друга». По случаю праздниковъ Байрама, Хозревъ оставилъ свое удивленіе, следуя обыкновенію поздравлять Султана, который, увидя, что онъ вошелъ во дворецъ, всталъ и встрѣтилъ его при входѣ въ Султанскія комнаты—честь, говорятъ Турки, которой никакой Султанъ никогда еще не оказывалъ ни одному своему подданному! Спустя нѣкоторое время, Махмутъ составилъ верховный государственный совѣтъ и назначилъ Сераскира президентомъ его. Изъ того, что извѣстно о послѣднихъ минутахъ Махмута, видно, какъ высоко цѣнилъ онъ нынѣшняго Великаго Визиря.

Слѣдующій анекдотъ можетъ дать понятіе о характерѣ Хозрева. Печальный конецъ знаменитаго Кіатибъ-Забе, бей Смирнскаго и друга Хозревова, изображали такъ, что онъ бросалъ ужасную тѣнь вѣроломства на Хозрева. Рассказывали, что онъ казнилъ бей на своемъ адмиральскомъ кораблѣ, куда пригласилъ его на праздникъ, предварительно объявляя ему, что дружба, соединяющая ихъ, будетъ для него вѣрною порукою за безопасность. Но вотъ, какъ дѣло было: Султанъ, понимавшій, что для возрожденія Турецкаго государства необходимо надобно о-

слабить власть беевъ, самовластно управлявшихъ областями, былъ побужденъ къ исполненію сего обширнаго и важнаго предпріятія Хозревъ-Пашею. Кіатибъ-Забе, паша области Анданской, отказался исполнять приказанія Султана и возмутился противъ него. Много разъ, посланные отъ Султана старались привести въ исполненіе смертный приговоръ, произнесенный надъ беемъ, но всегда сами лишались жизни въ своемъ предпріятіи. Хозревъ старался обратить друга своего къ повиновенію и осмѣлился даже защищать его передъ Султаномъ. Усилія его были тщетны. Махмутъ, желая кончить дѣло съ пашею бунтовщикомъ, послалъ къ Хозреву, въ Египетское море, гдѣ тогда находился онъ, строжайшее приказаніе: возвратиться въ Царьградъ не прежде, какъ останешься въ Смирнѣ и добывши голову Кіатибъ-Забе. Капитанъ-Паша ничего не оставалось болѣе дѣлать, какъ только извѣстить своего друга объ очевидной опасности. Въ слѣдствіе сего, онъ взялъ свои мѣры, стараясь не прежде вечера прибыть въ Смирнскій портъ, для того, чтобы тайно отъ всѣхъ послать гонца къ правителю. Улучивъ благоприятную минуту, поручилъ онъ преданному невольнику идти и вручить отъ него. Кіатибу саблю и коня, съ запискою, слѣдующаго содержанія:

«Прими саблю и коня. Въ конюшняхъ твоихъ нѣтъ коня, столь быстрого на бѣгу, ни между оружіемъ твоимъ «лучшаго для защиты противъ твоихъ непріятелей!»

Думая, что Бей пойметъ его и поспѣшитъ спастись отъ вѣрной смерти бѣгствомъ, утромъ, на другой день, объявилъ онъ своимъ подчиненнымъ тяжкую обязанность, возложенную на него, и велѣлъ готовить все для казни Бея, въ то же время пославши съ приглашеніемъ къ нему на обѣдъ. Каковы были удивленіе и скорбь его, когда на краю гавани увидѣлъ онъ какъ Бея, обвѣшанный флагами и плывшій прямо къ адмиральскому кораблю! Проклиная слабоуміе и излишнюю довѣренность Кіатибъ-Забе, онъ поспѣшно перешелъ на другой корабль, чтобы только не быть свидѣтелемъ исполненія казни, сдѣлавшейся невольною необходимостью. Несчастный Бей нашелъ палача и смерть, тамъ, гдѣ думалъ встрѣтить друга и праздникъ, но — всего менѣе Хозревъ былъ тому виною...

ОБЫЧАИ, ИГРЫ, ПОСЛОВНИЦЫ И ПРЕДАНИЯ ЛИТОВСКІЯ.

ОБЫЧАИ И ИГРЫ.

Вечеръ перваго новыиъ годомъ (Wigijja Nowego Roku). Въ сей вечеръ собираются дѣвушки гадать: выйдуть ли въ будущемъ году замужъ? Гаданія ихъ бывають слѣдующія: 1) Считають колья въ плетняхъ: если число четное, то желаніе исполнится. 2) Идутъ въ хлѣвъ, гдѣ стоитъ рогатый скотъ, или овцы, и если которая изъ нихъ, въ потьмахъ, нечаянно наткнется на вола, или на барана, то непременно должна выйдти замужъ. 3) Бдутъ также въ житницу съ фонаремъ, вспугнуть воробьевъ, которые тотчасъ летятъ на огонь, и та, которая прежде поймаетъ воробья, можетъ быть увѣрена въ выходѣ замужъ. 4) Нѣсколько дѣвушекъ кладутъ свои башмаки въ одно корыто, и потомъ бросаютъ ихъ вмѣстѣ и вдругъ: чей башмакъ сперва упадетъ, та непременно найдетъ себѣ жениха. 5) Пекутъ небольшіе хлѣбцы, раскладываютъ ихъ рядкомъ на порогъ дома и прикликають собаку: чей хлѣбецъ собака схватитъ прежде, та прежде замужъ выйдеть. 6) Подслушиваютъ вечеромъ лай собакъ, и съ которой стороны слышатъ его, оттуда и мужъ будетъ. Въ дворянскихъ домахъ топятъ олово и выливаютъ въ воду, а по выпедшимъ изъ олова изображеніямъ предсказываютъ, что должно случиться въ будущемъ году.

Новый годъ. (Nowy Rok). Какъ у черни, такъ и въ высшемъ кругѣ, сей день посвящается поздравленіямъ и разнымъ желаніямъ, которыя приносятся не изъ этикета, вовсе незнаемаго, а просто отъ чистаго сердца.

Сочельникъ передъ Крещеніемъ (Wigilia Trzech Królów). Шляхта, и даже простой народъ, ишутъ въ сей день на всѣхъ дверяхъ Латинскія буквы: G. M. B., означающія имена Царей Волхвовъ, приходившихъ съ дарами въ Вифліемъ, поклониться младенцу Христу (*Гаспаръ, Мельхиоръ, Бальтазаръ*). Кто не умѣетъ писать, ставитъ три крестика. Въ монастырскихъ церквахъ, особенно у монахинь, можно тогда видѣть на престолахъ, висящія на лентѣ, небольшія люльки, и въ нихъ вылитыя изъ воска младенца въ пеленкахъ. Вокругъ люльки ставятъ восковыя фигуры, изображающія Богородицу, Іосифа и трехъ Волхвовъ, а у самаго изголовья младенца стоятъ осель и вошь; тѣмъ изображается хлѣвъ въ Вифліемъ. Прихожане, подошедши къ такой люлькѣ, качаютъ ее по три раза и молятся передъ нею.

Жмудскій, или Самогитскій народъ отъ природы веселый; по окончаніи годовыхъ работъ, зимою, во всякомъ селѣ, въ праздничный день собираются обыкновенно всѣ въ одинъ домъ, гдѣ старики, усѣвшись за столъ, передъ полными стаканами хорошаго пива, или водки, называемой *крупшкомъ*, варепой съ медомъ и заправленной инбиремъ, корицою и малиннымъ сокомъ, раздобарываютъ про старицу и древнихъ богатырей, которыхъ воображеніе потомковъ подѣлало сверхъ-естественными существами, а молодежь обоюго пола потѣшается между тѣмъ пляскою, или играми. Нѣкоторые изъ такихъ игръ и увеселеній приурочены къ извѣстнымъ эпохамъ. Такъ на Крещенье ходятъ со свѣчами по улицамъ и поютъ:

Trins karalej estjoje,
 Diewuj pasiklonioje.
 Dabar pas jus atejna,
 Tus pamelus aplankity
 Jums linkamibe padarity.
 Gieraj praszom priimity.

Пріѣхали три Короля,
 Богу поклонились.
 Теперь къ вамъ приходятъ,
 Дожъ сей посѣтитъ,
 Весельемъ одаритъ.
 Просятъ добраго пріема.

Хозяинъ cadaго дома долженъ гостей приять и щедро угостить гуляющихъ. Если домъ понравится волхвамъ, они гостятъ въ немъ долго, а если нѣтъ, то отправляются далѣе.

Обращеніе Св. Павла (Nowrocenie Sw. Pawła). Въ сей день (у Католиковъ 25-го Января) простолюдины наблюдаютъ перемѣны въ воздухъ. Каковъ день съ утра до полудня, такова, надвѣются, будетъ и первая половина зимы. Состояніе атмосферы съ полудня до вечера предвѣщаетъ другую половину.

Масляница (Zapusty). У кого есть еще необъезжанныя лошади, запрягаютъ ихъ въ сани. По мнѣнію Литовцовъ, вывѣженная въ сей день лошадь становится чрезвычайно крѣпка и здорова, и не подвергается уже никакому изурочу, или сглазу.

Что касается до увеселеній, то объ Масляной недѣль бывають они похожи на обыкновенныя городскіе маскарады, причѣмъ большею частію переряжаются въ жидовъ, паяцовъ, цыгановъ и солдатъ. Всякій старается блеснуть острымъ словомъ по своей роли. Цѣлая вереница ряженныхъ ходитъ отъ дома до дома, нерѣдко даже заходитъ и въ господ-

скій дворъ. Помню, какъ однажды на Масляной, когда еще я былъ ребенкомъ, въ домъ моего отца пришла толпа ржженныхъ. Въ особенности *Жидъ* и *Нѣмецъ* вѣзались въ моей памяти; у перваго, какъ онъ сказывалъ, издохла кляча, почему и навязывалъ онъ всемъ раскупить ее по частямъ: голову предлагалъ эконому на фонарь; ноги раввину на палку, приговаривая, что и кляча его имѣла раввинскій норовъ, ибо, какъ раввинъ не можетъ идти никуда безъ палки, такъ и его кляча безъ палки съ мѣста двинуться не хотѣла; гриву назначалъ онъ старикамъ на парики; животь на барабанъ, хвостъ на Smyčekъ скрыпачамъ, а мясо для двораи. Нѣмецъ, за всякій поклонъ и привѣтливое словцо, требовалъ себѣ платы, пилъ пиво, и билъ бутылки, потомъ сѣтовалъ и горько плакалъ.

Пепельная Среда (Popielęc). У Католиковъ Великій Постъ начинается только съ среды, которая и называется по Польски *попелець*, т. е. пепельная среда, отъ того, что въ тотъ день посыпаютъ церкви и головы пепломъ, чтобы все помнили, что человекъ прахъ и въ прахъ обратится. Въ сей день ведется въ Литвѣ обычай прищиплять сзади мышечки съ золою, или нанизанныя на нитку кости, означая такимъ образомъ, что заговѣнье кончилось. Наряжаютъ также чурбанъ, которому привязываютъ къ рукамъ цѣпи, а на голову надѣваютъ еловый вѣнокъ, и наряженнаго такимъ образомъ возятъ на двухъ колесахъ отъ дома до дома. Такой обычай называется *посѣщеніемъ старой Куншики*. Кто такая эта Куншика? Въ память чего совершается обрядъ ея посѣщенія? Никому неизвѣстно. Но все должно относиться къ глубокой древности и имѣть какое-то мифическое значеніе.

Средопостіе (Środoposcie). Почти каждый изъ простолюдиновъ справляетъ въ срединѣ поста пиръ,

и частицу отъ него удѣляетъ бѣднымъ. Школьники имѣютъ обыкновение обманывать въ такомъ случаѣ своихъ товарищей, въ первый годъ поступленія ихъ въ училище, говоря, будто въ 12-ть часовъ, во время всечасоваго колокольнаго звона, добрые звонари бросаютъ съ колокольной сельдей и баранки. Случается довольно часто, что не одинъ новичекъ, повѣривъ такому увѣренію, со стыдомъ возвращается домой, прождавъ напрасно подъ колокольною. Съ сего же дня простой народъ начинаетъ обыкновенно замѣчать: сколько во вею весну будетъ еще морозовъ (*przymrozków*), или *рыцарей*, какъ ихъ называютъ; число ихъ покажетъ, сколькими днями опоздастъ осень, начиная съ 1-го Сентября. Въ хорошій годъ такихъ морозовъ должно быть *сорокъ*, въ память сорока убитыхъ Литовцами Тевтонскихъ рыцарей. Литовскій простодушнѣе отнюдь не скажетъ, послѣ половины поста: «сегодня былъ морозъ» но — *сегодня погибъ одинъ рыцарь*.

Благовѣщеніе (по Лит. *Blowieszczius*). Сей день въ Литвѣ бываетъ днемъ всеобщей радости; съ него начинается тамъ весна: медвѣдь подымается изъ своей зимней берлоги, и, предвѣстникъ ясныхъ дней, аистъ прилетаетъ изъ заморья. Потому, во всякомъ домѣ, даже въ самомъ бѣдномъ, справляется тогда пиръ въ привѣтствіе домашняго друга — аиста.

Вербное Воскресенье (*Kwietna Niedziela*). Въ сей день ведется изстари обычай: хлестать другъ друга священной вербою, приговаривая:

Ne asz muszu
Werba musz,
Uż nediely,
Bus Welikaz.

Не я было,
 Верба бьетъ;
 Черезъ недѣлю
 Великъ день придетъ.

Впрочёмъ, сей обычай не въ одной Литвѣ, а повсемѣстнѣ. Литовскій крестьянинъ, выгоняя свою скотину въ первый разъ въ поле, непременно креститъ ее, и каждую хлѣбеть освященною въ Вербное Воскресенье вѣткою.

Великій Четвертокъ (*Wielki Czwartek*). Пряхи тщательно припрятываютъ въ сей день свои самопрялки и веретены, ибо, по ихъ мнѣнію, замѣченные другими въ Страстную Пятницу, или Субботу, такіе снаряды, служатъ несчастливымъ предвѣщаніемъ, что пряха будетъ встрѣчать круглый годъ змѣй. Ведется также обычай справлять тогда пиръ, по окончаніи котораго хозяинъ дома беретъ зажженную свѣчу, гаситъ ее, и бросаетъ въ уголь, приговаривая: *Kaip užgiasa ta žvaki, tegul neprietelams musu akies užgies, ug propuol ant amžiu!* т. е. «какъ погасла эта свѣча, такъ да погаснутъ очи у нашихъ враговъ и пропадутъ навѣки!» О происхожденіи сего обычая не могъ я ничего доискаться. Должно быть, что то какой нибудь древній обычай, касающійся еще времени язычества.

Свѣтлый Праздникъ (*Wielkanoc*). Въ первый день Свѣтлаго Праздника каждый хозяинъ, вмѣстѣ съ своею челядью, разгавливаются *священнымъ*, начиная прежде всего съ янца, которое разрѣзываетъ на столько частей, сколько есть людей въ домѣ; потомъ раздаетъ кусочки его каждому, съ желаніемъ счастливо дожидаться и слѣдующаго Свѣтлаго Праздника. Въ сей день, простолюдинъ рѣшительно сидитъ у себя дома, запершись, и какъ самъ никого, даже изъ сосѣдей не посѣщаетъ, то еслибы и къ нему

кто нибудь пришелъ, то онъ былъ бы чрезвычайно недоволенъ; даже если кто спросить тогда у него огня, то онъ откажетъ и прогонитъ требующаго. На второй день Свѣтлаго Праздника обливають другъ друга холодною водою; ребятишки ходятъ по домамъ, съ такъ называемыми *ораціями*, т. е. виршами, и собираютъ себѣ крашенныя лица. Такойъ обычай называется *свѣтловоскреснымъ* (по Польски *włoszeb-nem*). Вирши, которыя тогда сказываютъ, чрезвычайно многочисленны. Но что касается до ихъ содержанія, то онъ весьма мало разнится между собою. Желая дать объ нихъ нѣкоторое понятіе, приведу здѣсь одну виршу:

Asz mažas wajkielis,
 Panos Marjos tarnelis,
 Fjau, ejau kiely
 Nulaužian szakiely,
 Lelijos szakiely.
 Weliku rita
 Lelija pražida
 Ne diel manis wiena
 Bet diel wisa swieta.

Я малый мальчикъ,
 Дѣвы Маріи служка,
 Шель, шель дорогою,
 Сорвалъ я вѣточку,
 Лилии вѣточку.
 Въ Великій День утромъ
 Лилия расцвѣла,
 Не для меця одного,
 А для цѣлаго свѣта.

Нѣкоторыя вирши бываютъ и на Польскомъ языкѣ, но только неизвѣстно, занесены ли онѣ въ Лит-

ву изъ Польши, или на мѣсть сочинены: Иезуитами?
Такъ на примѣръ:

Ja mały źaczek,
Jak o robaczek,
W szkole nie bywałem,
Różgi nie widziałem.
Rozga zielona
Z drzewa łamiona.
Nie wiele co umiem,
J to ichomościom pówiem:
Na Wielkanoc rano,
Z grobu zmartwych wstano.
Rączkę podnoszę
Włóczębnego proszę.

Я маленькій мальчикъ,
Словно червячекъ,
Въ школь не бывалъ,
Розги не видалъ;
Розга зеленая,
Съ дерева сломаная.
Немного чего знаю,
И то вамъ, господа, расскажу:
Въ великъ день по утру,
Изъ гроба воскресъ.
Подпошу я ручку,
Воскреснаго прошу.

Ja mały rzeźniczek,
Mam ostry nożyczek.
Będę rznął ciełeta,
Dla panów na święta.
Przyjdzie siaki, taki,
Dam jemu flaki,
Przyjdzie ubogi,
Dam głowę i nogi.

Nie żmierzcie się mościranowie,
 Wo dostaniecie kiszka po głowie;
 Lepiej jajka dajcie,
 Święta witajcie.

Я маленькій мясничекъ,
 У меня острый ножичекъ,
 Буду рзать телятъ,
 На праздникъ для господъ;
 Придетъ сякой-такой,
 Я дамъ ему требуху;
 Придетъ ко мнѣ убогій,
 Я дамъ ему голову и поги.
 Не смѣйтесь, господа, падо мной,
 Не то получите кишки съ годовой.
 Лучше яичко дайте —
 Праздникъ встрѣчайте!

На третій день Свѣтлаго Праздника, Жмудская молодежь отправляетъ игру, называемую *Гягузи* (Giaguzy. См. С. О. 1836 г., № 16, *Превращеніе Литовской Мифологіи*). Сверхъ того о Святой есть еще обычай въ Литвѣ въшатъ въ сѣнныхъ сараяхъ люльку, и вслкій, старъ и малъ, долженъ непременно въ ней покачаться, въ память того, что повѣсилъ Іуда.

Вознесеніе (Wniebowstąpienie Panskie). Пастухи и пастушки плетутъ изъ полевыхъ цвѣтовъ вѣнки и украшаютъ ими рога скотины. Обычай, касающійся глубокой древности, и называющійся *Ишлюсинимасъ* (Yszlusinimas), что въ буквальномъ переводѣ значитъ: *освобожденіе*.

Духовъ День. (Зеленія Святки, Zielonych swiątek, по Литовски *Секминесъ*, Sekmines). Пастухи пируютъ въ лѣсу. Изъ каждаго дома берутъ съ собою яицы, сыръ, молочное, муку, солонину, водку, пи-

во, и т. п., и задаютъ себѣ ширь, причеиъ поють
разныя пѣсни въ честь божка *Ганиклиниса* (*Ganiklinis*); между прочимъ поется слѣдующая пѣсня:

Ganiklinis dewajte,
Ganik mana karwajte,
Ganik mana patilka,
Ne lejsk wagi wilka.
Ganau, ganau awute,
Asz tau wilkie ne bijau,
Su saulinejs plaukajs,
Tawi diewas ne lejs.
Lado, lado saule.
Dnok jam samcziu pargalwa.

Ганиклиписъ божекъ,
Паси мою корову,
Паси мою телку,
Не пускай вора волка.
Пасу, пасу овцу,
Тебя волкъ не боюсь,
Ибо солнцемасый
Богъ тебя не пустить.
Ладо, ладо солнце,
Дай ему щелчокъ по головѣ.

Разводятъ также огонь, и при звукѣ трубъ и свирѣлей, въ цвѣточныхъ вѣнкахъ на головѣ, пляшутъ вокругъ и перепрыгиваютъ черезъ огонь по шести разъ каждый. Праздникъ называется *Бандиникай* (*Bandinikaj*), т. е. «Праздникъ пастуховъ рогатаго скота». Ошибочно утверждаетъ Нарбутъ, будто обрядъ сей называется *Секмине*, прибавляя въ примѣчаніи: «такъ называется нынѣ *Духовъ День*; но поелику цѣль никакой лингвической связи съ упомянутымъ христіанскимъ праздникомъ, то надоб-

но помогать, что *секмине* есть только какое-то древнѣйшее его, мифологическое наименованіе». — Напротивъ, *Секминесъ* (Sekmines) имѣетъ большую связь съ Духовымъ Днемъ, ибо Sekmine значитъ, на чистомъ Литовскомъ языкѣ, *седьмой*, а какъ сошествіе Св. Духа приходится именно на седьмой недѣль послѣ Свѣтлаго праздника, то и называется *Секминесъ* (sekmines); равнымъ образомъ, какъ Вознесеніе Господне именуется *Шештинесъ* (Szestines), т. е. празднуемое на шестой недѣль, и т. д.

Ночь передъ Ивановымъ днемъ (Wigilia Sw. Jana Chrzsciciela). Литовскій народъ полагаетъ, что въ эту ночь вѣдьмы отнимаютъ у коровъ молоко, а потому и втыкаютъ вездѣ по хлѣвамъ вѣтки *ласточкина зелья* (Jaskólczego ziela, Chelidonium majus); вѣшаютъ также надъ дверьми убитую сороку, и приколачиваютъ, крестъ на крестъ, нѣсколько кусковъ Срътенской восковой свѣчи (gromnicy). Простой народъ вѣритъ также, что въ ночь передъ Ивановымъ днемъ цвѣтетъ *папоротникъ*, а потому въ полночь отправляются искать сего растенія, которое (по общему мнѣнію, почти у всехъ народовъ) имѣетъ чудесныя свойства. Доставшій себя папоротниковъ цвѣтъ дѣлается удивительнымъ колдуномъ, знаетъ прошедшее и отгадываетъ будущее. Но чтобы достать чудесный цвѣтокъ, предстоитъ много труда, множество тяжкихъ испытаній, и даже бой со всѣмъ адомъ. Потому никому еще донынѣ не удалось достать его! Желающій имѣть папоротниковъ цвѣтъ, долженъ въ полночь, одинъ одинѣхонекъ, отправиться въ чащу лѣса, и такъ въ нее углубиться, чтобы нельзя было слышать пѣнья пѣтуха по жиламъ. Пришедши на мѣсто, гдѣ растеть папоротникъ, надобно рябиною тростью очертить кругъ и сѣсть по срединѣ круга. Едва только цвѣтъ покажется и будетъ сорванъ, тотчасъ изъ всего ада

слетятся чудовища и всячески будут стараться испугать похитителя, и упрашивая его, и грозя ему мщеніемъ; а если ничто не поможет, то подымутся со всѣхъ сторонъ пронзительныя крики и начнутся всякія сатанинскія хитрости. Похититель цвѣта отнюдь не долженъ выходить за черту своего круга, куда чудовища не имѣютъ права вступити; онъ долженъ спокойно выждать появленія утренней зари, и тогда чудовища исчезаютъ. Если со страха выйдетъ онъ хоть на волосъ за черту или, приневоленный угрозами, броситъ цвѣтъ, то навѣки долженъ съ нимъ проститься.

Ивановъ День (Sw. Jana Chrzciciela). Въ самый Ивановъ день (24-го Іюня) народъ Литовскій вѣрить, что солнце изъ своего чертога, именуемаго: *Austruma-zemte*, въѣзжаетъ на трехъ коняхъ, серебряномъ, золотомъ и алмазномъ, на свадьбу къ супругу своему *Княжичу* (*Хіеѣіс*), или *мѣсяцу*, и дорогою пляшетъ на своемъ рыдванѣ.

День Святыхъ Симеона и Іуды (Ss. Szymona i Judy). Онъ приходится, по Католическому календарю, 28-го Октября, и посвящается обыкновенно молитвамъ за упокой усопшихъ, въ честь которыхъ отпращиваютъ пиръ, именуемый въ Бѣлоруссіи *Dziady*, а въ Литвѣ *Paminieknaj*, т. е. поминки.

День Св. Мартина (Sw. Marcin). Празднуется 11-го Ноября. Во всякомъ домѣ долженъ быть непременно за столомъ гусь; надъ грудною его костью дѣлаются слѣдующія наблюденія: если кость въ началѣ чиста и бѣла, а къ концу синевата, то и начало зимы непременно должно быть суровое, съ сильными морозами, а конецъ легкій, умеренный; на оборотъ, если конецъ кости бѣлъ, то можно надѣяться, что конецъ зимы будетъ морозенъ.

День наканунѣ Св. Екатерины (Wigilia Sw.

Katarynu). Тогда обыкновенно неженатые постятся и молятся, чтобы послалъ имъ Богъ хорошую жену.

Рождество Христово (Boże Narodzenie). Наканунъ сего дня во всякомъ домѣ, у богатаго и у бѣднаго, готовится большой столъ, именуемый *Кутьею* (Kucija). Онъ всегда приходится въ постный день, и потому состоитъ обыкновенно изъ рыбы, студеной, разныхъ сладкихъ кушаньевъ (въ числѣ которыхъ главнѣйшую роль играетъ *отварная пшеница*, подаваемая съ медовою сытою). Для начатія стола ждуть обыкновенно появленія *первой звѣзды* на небѣ, и тогда садятся за столъ; подъ скатертью настлано бываетъ сѣно, въ память, что Спаситель родился на сѣнѣ въ ясляхъ; на другой день раздается оно по клочку всему рогатому скоту. Литовскій народъ думаетъ, что ночью, въ тотъ самый часъ, когда Иисусъ Христосъ воплотился, вода превращается въ вино, но какъ такое превращеніе продолжается одно мгновеніе, то и невозможно уловить столь желаннаго мига.—На другой день Рождества Христова, Жмудскій народъ отправляетъ родъ увеселенія: *Важавимсь ий Каралучю* (Ważawims yі Karalucziu), т. е. *прогулка въ Королевецъ* (Кенигсбергъ). Пекутъ огромный крендель, сушатъ его и вѣщаютъ на ниткѣ посреди избы. Одинъ играющій, со жгутомъ въ рукѣ, такъ называемый *купецъ* (Parduotois), сидитъ у кренделя; другіе пріѣзжаютъ къ нему на стулѣ и спрашиваютъ: «Какъ поживаете, г-нъ купецъ?» — «Здоровъ, слава Богу! А вы откуда, господа?» — «Изъ Самогидіи.» — «А за чѣмъ сюда пожаловали?» — «За товаромъ.» — «Какого вамъ надобно?» — «Дѣвушки, пригожей, какъ калина, а сладкой, какъ сахаръ.» — «Есть, пожалуй, у меня очень пригожія и сладкія.» — «Ладно, а нельзя ли отвѣдать?» — «Съ величайшимъ удовольствіемъ, а въ цѣнѣ сойдемся.» Послѣ того каждый начина-

еть грызть вислящій крендель, по касаться его руками не должно, ибо чуть только кто до него дотронется, купецъ бьетъ жгутомъ и гонять дерзкаго прочь. Если же удастся кому безъ помощи рукъ отвѣдать кренделя, тотъ получаетъ отъ купца въ награду поцѣлуй. Такая игра называется еще *Сурмалкисъ* (*Surmalkis*), т. е. кушаніе сыра, или, какъ въ нѣкоторыхъ околодкахъ, *Скайсти мергели* (*Skaisti mergeli*), т. е. красная дѣвица.

Игры, какими Жмудскіе Литвяне занимаются въ разное время, суть, кромѣ упомянутой, слѣдующія:

Король. Берутся четыре полвна, съ одной стороны бѣлыя, съ другой черныя, и бросаются вверхъ; когда всѣ упадутъ бѣлою стороною, бросившій ихъ дѣлается *королемъ*, и получаетъ право осуждать прочихъ играющихъ къ наказанію жгутомъ по рукъ; если же откроются три бѣлыя, а четвертое упадетъ черною стороною, то бросавшій полвны дѣлается *маршаломъ*, съ правомъ исполнительной власти; двѣ бѣлыя и двѣ черныя стороны означаютъ *шляхтича*, неподлежащаго никакому наказанію, а три черныя и одна бѣлая знаменуютъ *холопа*, котораго маршалъ бьетъ жгутомъ, по приговору короля; наконецъ, всѣ четыре черныя обозначаютъ *цыгана*, и его подвергаютъ самому суровому наказанію.

Колечко. Все собраніе садится около стѣнъ, на скамейкѣ, и кто нибудь раздаетъ играющимъ кольцо, приговаривая: *tie tau žida ne rodik* (возьми колечко, да не показывай), а другой отгадываетъ у кого оно въ рукъ. Обошедши такимъ образомъ всѣхъ, раздающій обращается къ отгадывающему, съ словами: *sergi, wergi, kur žib žic?*—Что такое значить: *sergi, wergi?* неизвѣстно; можетъ быть, не мнѣическое ли какое нибудь выраженіе. *Kur žib žic?* значить: «Гдѣ блеститъ колечко?» Если отгадаютъ у кого колечко, тотъ, у кого оно въ рукъ, садится на мѣсто отгадавшаго, а онъ раздаетъ; и т. д. Видно, что игра

Колечко совершенно то же самое, что на Руси: *золото хоронить*.—*Кружокъ*. Становятся ивъсколко мужчинъ на ровномъ мѣстѣ, и подбрасываютъ огромною падкою деревянный кружекъ.—*Медвѣдь*. Игра производится слѣдующимъ образомъ: запираютъ одного изъ играющихъ въ чуланъ, а прочіе всѣ остаются въ избѣ и избираютъ кого нибудь изъ среды себя, назвавши его медвѣдемъ. Требуется, чтобы запертой въ чуланъ отнюдь не зналъ о выбранномъ въ медвѣди. Потомъ, всякій, по очереди, подходитъ къ дверямъ и стучится, представляя царапаніе и мурчаніе медвѣдя. Находящійся въ чуланѣ отгадываетъ, и если отгадаетъ, кто медвѣдь, впускаетъ его къ себѣ, запираетъ, а самъ выходитъ, оставивъ угаданнаго на мѣсто себя; если же не отгадаетъ и отворить дверь чулана не попадетъ, то все собраніе играющихъ бьетъ его жгутами.—*Бружасъ* (Bružas). Двое, со жгутами въ рукахъ, становятся на колѣни посрединѣ избы, держась за противоположныя ножки стула, находящіяся концами наискось (діагонально) къ паралеллограмму, или подушкѣ, и имъ завязываютъ глаза платкомъ. Играющіе попеременно окликаются: *Бружайгуль* (Bružajhul)! За каждымъ такимъ окликомъ бьютъ они одинъ другаго жгутомъ, направляя свои удары по *голосу*. Тотъ, кто подалъ знакъ, прячется, или подъ стулъ, или въ противную сторону, не отнимая однакожь руки отъ ножки стула, а противникъ бьетъ жгутомъ на удачу, и послѣ удара самъ окликается и тоже прячется.—*Взвѣшиваніе соли*. Становятся двое, плечами другъ къ другу, и сплетаются руками, такимъ образомъ, что когда одинъ нагнется головою къ землѣ, другой поднимается къ верху навзничь; потомъ выпрямляются оба, и другой дѣлаетъ тоже, что дѣлалъ первый.—*Волкъ и гуси*. Все собраніе становится гуськомъ, держась одинъ другому за полы платья; находящійся впереди называется *гусакомъ*, и защищаетъ товарищей

отъ волка, который нападаетъ на его гусей. Волкъ не можетъ ловить ни впереди, ни изъ средины, но только послѣдняго гуся, который находится назадъ. Игра до тѣхъ поръ продолжается, пока перехватаны будутъ все гуси до одного. Наконецъ хватаетъ волкъ и самаго гусака, и безъ пощады его теребитъ.—Игры, употребляемыя у Жмудской шляхты, почти тѣ же, что и въ вѣюшихъ кругахъ, какъ то: *cenżowany* (цензура), *darowany prosty* (подарокъ простой), *darowany z przysłowiem* (подарокъ съ приговоркой), *poczta* (почта), *dzwonek* (колокольчикъ), *gotowania* (туалетъ), *baran* (баронъ), и т. п.

Въ дополненіе къ статьѣ о празднествахъ и обычаяхъ Литовскихъ и Жмудскихъ, вотъ еще нѣкоторыя подробности обычаевъ Чернорусскихъ (*Czarnoguskich*), немногимъ отъ нихъ отличающихся:

Святый праздникъ (*Wielkanoc*). Въ помѣщичьихъ домахъ становится на столъ *священное* (*Swiecone*), т. е., крутыя, облупленныя лица, поросенокъ, съ хвѣномъ въ зубахъ, барашекъ, окорокъ, кружокъ бѣлаго сыра, приготовленнаго съ тминомъ, и все убирается цвѣтами. Но главную роль играютъ, такъ называемыя, *бабы* (*baba*), т. е., хлѣбъ, или каравай, емьющій видъ стѣла, ибо часто въ своемъ кругломъ основаніи бываетъ до полуторы четверти аршина въ поперечникъ и въ локоть вышиною. Между такими бабами бываютъ шафранныя и кружевныя, т. е., подиавшіяся на дрожжахъ, такъ, что ноздреватостью своею походятъ на кружева, и наконецъ, дѣлаются и сахарныя. За ними идутъ богатырскія лепешки (*placki*), въ два локтя длиною, въ одинъ шириною, и въ четверть толщиною, исполненскіе хребты конхъ украшены бываютъ также сахаромъ, цвѣтами, и т. д. За ними слѣдуютъ, такъ называемыя

ныя, *мазурки* (*Mazurki*), или небольшія сахарныя лепешки, съ конфетами, миндалемъ, и т. п. Весь такой столовый снарядъ святится наканунѣ Свѣтлаго Праздника, а на другой день, по утру, хозяинъ кушаетъ освященное яицо, за завтракомъ, съ членами своего семейства и своею челядью, при чемъ другъ друга поздравляютъ и желаютъ взаимно великихъ благъ, а потомъ приступаютъ къ другимъ кушаньямъ и лакомствамъ. Обыкновенно въ первый день праздника никого не посящаютъ и не принимаютъ посященій. У простаго народа ведется тоже самое, только съ меньшею пышностью, по различію состояній и достатковъ помѣщика и крестьянина. Обычай праздновать такимъ образомъ Пасху, какъ извѣстно, произошелъ отъ Пасхи Еврейской. Сверхъ того, простой народъ Чернорусскій бьется по три дня *крашенками* и *писанками* (*kraszankami, pisankami*), и бой состоитъ въ томъ, что одинъ держитъ яицо носкомъ къверху, а другой носкомъ своего бьетъ его. Яицы обыкновенно бываютъ крутыя, и окрашены однимъ цвѣтомъ, почему и называются *крашенками*, или расписанныя въ узоръ и разныя цвѣта, и тогда имѣютъ названіе *писанокъ*, отъ словъ: *красить* и *писать* *красками*. Яица составляютъ достояніе деревенское; за то крестьяне и хвастаются ими, и на другой день праздника приносятъ ихъ въ подарокъ помѣщику, который даетъ за то квантицу на водку, причемъ обыкновенно заводятся разговоры, въ которыхъ по принятіи поздравленій отъ крестьянъ, и отблагодареній и взаимныхъ желаній всякихъ благъ, помѣщикъ спрашиваетъ объ урожаяхъ, а крестьяне жалуются вообще на обиды, если какія имъ сдѣланы, отвѣчаютъ на вопросы о состояніи ихъ хозяйства, и проч., послѣ чего оканчиваютъ обыкновенно благодареніями помѣщику за его милости, и уходятъ.

Есть также обыкновеніе, что если какой *нибудѣ*

крестьянинъ имѣетъ просьбу къ своему помѣщику, или эконому, во время Свѣтлаго Праздника, то приносить ему крашенки и писанки въ подарокъ, ибо лица составляютъ богатство и щегольство здѣшнихъ крестьянъ. И, действительно, они должны имѣть ихъ много, чтобы удовлетворять потребности, и сверхъ того еще дарить крашенки и писанки. — Потому-то и пришла фантазія одному сельскому разсказчику сочинить басню о курицѣ, которая носила по одному яицу каждый день, и тѣмъ содѣйствовала къ обогащенію своего хозяина.

Объѣзники (obzynki). По окончаніи жатвы, жемчужины избираютъ изъ среды себя одну, или двухъ дѣвушекъ, которымъ надѣваютъ на голову вѣнки изъ ржи и васильковъ, и дѣвушки вѣдъ за собою цѣлый хороводъ, съ громкими пѣснями, приходятъ къ помѣщику во дворъ. Помѣщикъ снимаетъ съ нихъ вѣнки, даетъ квитанцію на водку, и потомъ вѣнки являются, вмѣстѣ съ пучкомъ колосьевъ, на одной изъ стѣнъ столовой, когда въ сочельникъ передъ Рождествомъ Христовымъ, при появленіи первой вечерней звезды, столъ гнется подъ множествомъ рыбы и дутьи, т. е. отварной пшеницы, подаваемой послѣ того, какъ она простынетъ, съ макомъ и сытою.

Коляда (Kolęda). На другой день Рождества Христова ходятъ поселяне, вечеромъ, подѣ окнами домовъ, и колядуютъ, т. е. поютъ Рождественскія вирши. За пѣсни даются имъ подарки. Равнымъ образомъ и слуги, и прочая прислуга барская, колядуютъ у господскихъ дверей, на Польскомъ языкѣ, изъ всѣхъ сельниковъ (kantuszk), которые издавна печатаются, въ старинномъ форматѣ, въ Бердичевѣ. Вообще такія вирши отличаются нелѣпостью. Въ тоже время крестьяне даютъ иногда въ господскомъ дворѣ кукольную комедію, и ходятъ съ вертекомъ (wertebem), столъ преславеннымъ у Французскихъ старинныхъ

писателей, и въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ и преданіяхъ.

Вечеръ передъ Новымъ годомъ (*Wigilia Nowego roku*). Парни и дѣвки бѣгаютъ подъ окна свои и господскія, и *щедруютъ*, т. е. поютъ слѣдующую пѣсенку, за которую помѣщикъ высылаетъ имъ по нѣскольку грошей каждому, а крестьяне подаютъ *книши* (родъ сакъ) и пироги:

Щодрый вечерь!
Добрый вечерь!
Добрымъ людямъ
На весь вечерь.

Щодрый вечерь!
Добрый вечерь!
Чистотъ въ дому.
Панъ господарь?

Ой, есть въ дома,
Въ концѣ стола;
На нимъ шуба
Соболѣва.

А въ той шуби
Дзенкатора;
Въ дзенкатори
Сто червонцивъ.

Сему, тому
По червонному,
А панъ, дятля,
По шеляжеску,
По широжежу!
Добрий вечерь.

Щедрый, или *щодрый* (*szszodry*) значитъ *обилитый*, *богатый*. *Дзенкаторъ*, кошелекъ, раздѣленный на двѣ половинки, для поклажи денегъ. Названіе взято отъ

дзень, дзень, подражательнаго звука, выражающаго звонъ золота, что подтверждается и слѣдующею Малороссійскою пѣсенкою:

Ой, шовъ козакъ дорогою,
 Пидкивками дзень, дзень,
 За нимъ, за нимъ двичиполька,
 Кобы бильйй дзень, дзень,

Новый годъ (Nowy Rok). Съ самаго утра приходятъ крестьяне съ разнымъ зерномъ въ мѣшкахъ, и посыпаютъ полъ, приговаривая: «На счастья, на здоровья, на новый рокъ (годъ) роди, Боже, жито (рожь), пшеницю, всяку пашницю (хлѣбъ), въ запичку (за печкой) дитей копыцю (лукошко)!» Иногда и по дорогѣ сыплютъ рожь подъ ноги прохожему, и за то дается имъ нѣсколько грашей.

Крещеніе (Trzech Królow). Въ этотъ день святятъ воду, что и называется *Иорданью*, въ память рѣки Иордана, гдѣ Иисусъ Христосъ принялъ крещеніе.

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ.

Когда *паробокъ* (парень) *соберется на конецъ*, какъ говорятъ, о женитьбѣ, посылаютъ двухъ сватовъ, и тѣ ходятъ отъ дѣвушки къ дѣвушкѣ, пока наконецъ удастся имъ напасть на желающую выйти замужъ; тогда прикалываютъ сватамъ *лещицы*, или *полотенцы*, и они возвращаются къ *охочему* парню съ пріятною вѣстью. Избирается день *сваторства*. Родители невѣсты приглашаютъ гостей, которые пьютъ, вѣдаютъ, и тутъ же назначаютъ день свадьбы, который всегда бываетъ въ воскресенье. Наканунъ торжественнаго дня собираются гости въ домъ невѣсты, расплетаютъ косу, и она, получая благословеніе родитель-

ское, отправляется съ друзьями къ помѣщику, всякому въ домахъ и по дорогѣ кланяясь по три раза въ ноги и приглашая на свадьбу, что не значитъ однакожь, что приглашаемый долженъ идти непременно, но просто учтивость. Такое же путешествіе совершаетъ и женихъ, съ боярами, которые, впрочемъ, отнюдь не значать настоящихъ Русскихъ бояръ. Между тѣмъ у молодыхъ пекутъ караван, съ разными пригвозами. Молодые оставляютъ во дворахъ калачъ съ полотенцомъ, и получаютъ обыкновенно за то свадебный подарокъ. Послѣ такой прогулки за приглашеніями, женихъ приходитъ съ музыкою къ невестѣ, остается на ужинъ и послѣ пляски всѣ расходятся. Друзки ночуютъ у невесты. На другой день, послѣ вѣчанья, у молодыхъ пляшутъ, и когда молодой хочетъ идти къ столу и сѣсть подлѣ своей жены, его не пускаетъ посаженный на его мѣсто мальчикъ. Бояринъ жениха торгуется съ мальчикомъ, даетъ ему нѣсколько грошей; молодой садится подлѣ своей милой, которая въ то время опускаетъ голову на столъ и закрывается платкомъ. Тутъ начинается борьба дѣвическаго стыда. Молодой, съ нѣжными усидіемъ, подымаетъ голову жены, срываетъ съ головы ея платокъ и цѣлуетъ еѣ въ губы. Вечеромъ, послѣ угощенія, староста, т. е. хозяинъ свадебнаго пѣра, обходитъ, съ водкою и тарелкою, кругомъ всѣхъ гостей, и каждый, выпивая чарку, кладетъ деньги на тарелку для молодой. Потомъ разрѣзываютъ караванъ, раздають по куску его каждому изъ приглашенныхъ, а послѣ всего надѣваютъ молодой на голову, вышитый мишурою и шелками, круглый чепецъ, поверхъ котораго накалываютъ намитку (родъ деревенской бѣлой кисеи) и отводятъ ее къ мужу. Убѣжденныя въ благополучномъ состояніи молодой, свахи, на другой день, убираются алыми лентами, а бояре подвязываютъ себѣ красные кушаки, въ видѣ ленты. Въ противномъ случаѣ не увиди-

те такихъ символическихъ знаковъ и на всѣхъ пи-
рующихъ замѣтно какое-то уныніе. Впрочемъ, подоб-
ные случаи рѣдки, и ловкія свахи умѣютъ вывер-
нуться отъ всякихъ печальныхъ примѣтъ. Въ тотъ
же день идутъ, съ пляскою во дворъ къ помещику,
эконому, въ церковь, и т. д.; вездѣ гуляющихъ под-
чиваютъ водкою. Кто побогаче, имѣютъ у себя сва-
дебнаго шута, и разѣзжаютъ иногда шестеркою ло-
надей въ телѣгѣ, съ соломеннымъ верхомъ. Иногда
возять съ собою коннаго гаера, который размахиваетъ
длиннымъ шестомъ, кричить, шумитъ, и т. п. Вече-
ромъ, когда воротятся домой, родственники дѣлаютъ
молодымъ разные подарки, смотря по силѣ возможно-
сти и желанію, иной даритъ гуся, другой теленка,
кто пряжи, и т. д. Во вторникъ свадебное собраніе
разыгрываетъ иногда маскарадъ. Пированье свадь-
бы обыкновенно продолжается до пятницы.

ПОСЛОВИЦЫ.

(PRZYSŁOWIA LUDU LITEWSKIEGO).

I.

PLER KAJP WARNIN DAWATKA

(Щебечеть, какъ Ворненская святоша).

Подъ словомъ: *святоша*, здѣсь разумѣется вообще
благочестивая особа, преданная богомолью. Въ такое
сословіе вовлекаются обыкновенно, и всего чаще, тѣ
изъ лицъ женскаго пола, которыя уже никакого вѣса
не могутъ имѣть въ свѣтъ, и которыхъ страшно ко-
снулась рука неумолимаго времени, но такъ, что онѣ
состарѣлись не соответствуя своему призванію, сло-
вомъ тѣ, кто уже совершенно кончилъ свою блестящую

родъ въ идоли слезъ и горя. Такія-то существа, покинувъ всѣ суеты мирскія, переселяются куда нибудь въ небольшой городишко, поближе къ костелу, предаются тамъ набожности, а въ остальное досужное время, изъ страсти къ доброй нравственности, порядочно *щебечутъ* языкомъ, осуждая поступки ближнихъ. Впрочемъ тщеславіе, кокетство, любезность и воспоминаніе прежней, лучшей, некогда прекрасной жизни, не совершенно ихъ оставляютъ. Портретъ такой святоши мастерски изображенъ сатирическою кистью Польскаго поэта Красицкаго, стихи котораго передаемъ въ слабомъ переводѣ:

Съ осанкою милою, хотя потушенъ взоръ,
 Но блещетъ иногда весельемъ безмятежнымъ;
 Хотя ведетъ она угрюмый разговоръ,
 Слова слетаютъ съ устъ съ какимъ-то звукомъ нежнымъ.
 При всей смиренности, въ движеньяхъ и чертахъ,
 Скрывалось у нея тончайшее искусство:
 Вздохнеть ли, вздохъ ея сопровождаетъ чувство,
 Со столомъ изъ груди и со слезой въ очаль.
 И чудно подъ ея дружатся покрываломъ —
 Бѣлила съ четками, громница съ опахаломъ,
 И приторный романъ съ часовникомъ въ рукахъ!

Въ Жмудин и Литвѣ *святошами* (dawatka) называютъ женщинъ, составляющихъ церковную прислугу; ихъ обязанность убирать престолы, выметать храмъ Божій, пѣть на клиросѣ, и т. п. О такихъ-то святошахъ и въ приведенной пословицѣ идетъ рѣчь.

Жмудская *святоша* представляетъ собою совершенно отдѣльный типъ, отличающій ее отъ всѣхъ другихъ женщинъ; она стара, какъ свѣтъ, гадка, какъ смертный грѣхъ, болтлива, какъ понугай, в языкъ ея настоящая мѣльница. Одежда у такой заказной лицемерки небрежна, грязна, съ отвратительнымъ

запахомъ; глаза ея потуплены въ землю, но не смотря на то, видятъ, какъ нельзя лучше, все, что есть, чего нѣтъ, что можетъ и чего не можетъ быть; голось у нея средній между кваканьемъ лягушки весною и скрыпомъ намазанныхъ колесъ Литовской телеги. Святоша ведетъ знакомство со всеми старыми сплетницами, вывѣдываетъ отъ нихъ всякія новости обо всемъ околдкѣ, и съ полученными вѣстями ходить отъ одного дома въ другой, разнося ихъ съ безпрестанными прикрасами и прибавленіями. Она ходячая газета сплетней. Здѣсь опять заимствуемъ ея изображеніе у Красицкаго:

Въ пылу усердія, съ пороками людскими
Ведеть она войну, и поражая ихъ
Громами пересудъ, перѣдко и самихъ
Людей невинныхъ бьетъ, увѣча тяжко ими.

Городокъ *Ворня* (*Wornie*), по видимому, издавна былъ столицею такихъ болтливыхъ существъ, и отъ того болтливость тамошнихъ святошъ обратилась въ пословицу. О нынѣшнихъ тамошнихъ святошахъ, изъ вѣжливости, надлежитъ умолчать.

Ц.

BALSINGS KAIP KRIAŽIU WARPS.

(Звонокъ, какъ Крожскій колоколъ).

Въ Жмудин, въ городкѣ *Крожасъ**, на колокольнѣ

* На равнинѣ, по обѣимъ сторонамъ рѣчки *Крожанты*, находится городокъ, получившій отъ нея прозваніе *Крожи*. Онъ принадлежалъ некогда Князьямъ Радзивилламъ, отъ которыхъ перешелъ во владѣніе Кожкевича Великаго Гетмана Литовскаго и Воеводы Виленскаго. Потомъ перешелъ имъ Князьямъ Эбаржскіе, наконецъ Графъ Радзивиллъ. Нынѣ

приходской церкви, находился некогда такой огромный колоколь, что расколыхать его требовалось болѣе десяти человекъ. Во время пожара, онъ упалъ и разбился; изъ кусковъ его отлиты въ послѣдствіи три новыхъ колокола, два большіе и одинъ малый, которые и нынѣ еще въ Крожахъ находятся. *Звонокъ*, какъ *Крожскій колоколь*, говорится потому, что звонъ его, сказываютъ, былъ чрезвычайно громокъ и слышался издалека. Въ древнія времена, въ Жмудіи весьма многіе городишки славилась своими особенностями, которыя и понынѣ еще сохранились въ памяти у простонародія. Приведу изъ нихъ важнѣйшія:

Шамаи — великолѣпною церковью.

Крожи — колоколами.

Вория — святошами.

Кретинга — органомъ.

Лали — квасомъ, извѣстнымъ подъ именемъ *Raugialas* (*Raugialas*).

городокъ состоитъ изъ нѣсколькихъ сотенъ домовъ, чрезвычайно грязныхъ и нечистыхъ, заселенныхъ болѣею частью Жидами. Есть довольно красивыя зданія, но физиогноміею всѣ походять какъ-то на одежду зажиточнаго Израильянина, гдѣ щегольство всегда смѣшивается съ грязью. Въ зеркалѣ водъ Кроженты отражаются, покрытыя ихомъ, стѣны великолѣпнаго некогда Коллегіума послѣдователей Игнатія Лойолы. Церковь, коллегіумъ и училище основаны Яномъ Ходкевичемъ, передъ Хотинскою битвою, для испрошенія у Бога победы надъ врагомъ Польши и всего Христіанства, и отданы имъ во владѣніе Іезуитамъ (*Нарушевска*, *Historya I. K. Chodkiewicza*, т. II, и *Matthiae Casimiri Sarbievii e Societate Jezu, Carmina*. Парижъ, 1759 г. — *Lyricorum lib. III, Ode XXVII. In primi lapidis jactu, cum Joannes Carolus Chodkiewiczus contra Osmanum Turkarum Imperatorem signa enoturus Templum Virgini Matri Crocensis Societatis Jezu Collegii extrueret*). Въ числѣ знаменитыхъ людей, жившихъ въ Крожахъ, Исторія упоминаетъ о знаменитомъ Латинскомъ поэтѣ въ Польшѣ *Казимирѣ Сарбьевскомъ*, Польскомъ историкѣ и поэтѣ *Адамѣ Станиславѣ Нарушевчѣ* и географѣ *Карлѣ Выранчѣ*.

III.

UZDEK ŽALCZE ŽWAKI, O SUSIRINKS ŽALTEJ.

(Зажги свѣчу змѣнную, змѣи соберутся).

Безчисленны въ Литвѣ преданія о змѣяхъ. Древніе Литовцы, почитая сихъ гадовъ за своихъ домашнихъ Фетишей, приписывали имъ тысячи сверхъестественныхъ свойствъ, которыя, переходя изъ рода въ родъ, и досель еще сохранились въ устахъ простонародныхъ. Есть преданіе въ народѣ, что когда старый змѣй умираетъ (Литовецъ отнюдь не употребить выраженія: *издыхаетъ*, *zducha*, говоря о змѣѣ, боясь ищенія его), то надобно собрать его жиръ и вылить изъ него свѣчу. Имѣющей у себя себя свѣчу изъ змѣинаго сала безопасенъ, по народному повѣрью, отъ великихъ несчастій и злключеній, ибо чуть застигнетъ его какое нибудь бѣдствіе, стоитъ только зажечь змѣнную свѣчу, и тотчасъ всѣ змѣи, изъ всей Литвы, подъ предводительствомъ своего, такъ называемаго, *короля-змѣи*, прибѣгутъ на помощь. Изъ такого повѣрья произошла и пословица: *зажги свѣчу змѣнную, змѣи соберутся*. Ошибаются лѣтописцы, а за ними и современный историкъ *Теодоръ Нарбутъ*, въ сочиненіи своемъ: *Dzieje starożytne narodu Litewskiego* (Древняя Исторія Литовскаго народа), ошибочно утверждаетъ, будто богъ моря *Атримпосъ* (*Atrimpos*) былъ изображаемъ въ видѣ улитчато-свернутого змѣя, каковое изваяніе стояло нѣкогда въ капищѣ Ромновскомъ. по лѣвую сторону Перкуна. Съ достовѣрностью можно полагать, обращая тщательнѣйшее вниманіе на нынѣшнія преданія народа, что такое изваяніе было изваяніемъ, не бога *Атримпоса*, но *Царя-змѣи* (*Zalczin karalus*), котораго и нынѣшніе Литовцы, во многихъ мѣстахъ, почитаютъ за роднаго брата всевышняго Божества, или *Окопирноса* (*Okopirnos*).

О богъ Атримпось, какъ ни старался я, но ничего не могъ разыскать. Прибрежные жители Балтійскаго моря довольно часто вспоминають о какомъ-то существѣ, именуемомъ по нхъ *Дзисвйтсѣ* (*Dziwswits*), котораго почитаютъ за покровителя мореходцовъ и бога моря. Каждый вечеръ, когда море бывало спокойно и тихо, во время моихъ уединенныхъ прогулокъ по берегамъ Балтики, слыхалъ я пѣсню отправлявшихся въ море рыбаковъ, для ловли кефалы и сельдей, и для пополненія изслѣдованій о морскомъ богѣ, а равно и объясненія новыхъ мифологическихъ подробностей, либо не точно изложенныхъ летописцами, либо и совершенно опущенныхъ ими помѣщаю здѣсь упомянутую пѣсню въ подлинникъ:

Plaukiem, plaukiem brolietj,
 Yi Jureli, yi mareli,
 Dziwswitisie pádiek mums,
 Menkiu, pleksniu sužwejote,
 Eldijelės padaboli.
 Kad stowiesma wydur mares,
 Musu katas žilaus ares.
 Tegul wiejes ne put mums,
 Musu kala turiek pals.
 Dziwswitise diewajte,
 Sergiek musu lajwajte.
 Dziwswitise, Dziwswitise!

Плывемъ, плывемъ, братцы,
 По Юрь, по морю,
 Дзисвйтсѣ! помоги намъ
 Наловить кефалы и камбалы,
 Да стереги наши лоджи,
 Когда среди моря мы будемъ
 И бросимъ въ глубину якорь,
 Пускай вътеръ не дуетъ;

Ты самъ якорь держи,
 Дзвяснитись, богъ нашъ!
 Стеречи наши лодки,
 Дзвяснитись, Дзвяснитись!

IV.

SKIENDAM WOKITELI.

Тонемъ мы, Нѣмецъ!

Разные и удивительные носятя толки объ озе-
 рахъ въ Литвѣ. Озеро, по народному повѣрью, есть
 обиталище богинь, именуемыхъ *Ежерунь-Дейвастъ*
 (*Ežerun-Dejwas*), которыя владѣютъ рыбами, и доз-
 воляютъ ихъ ловить только любимцамъ своимъ. Не
 пусть кто изъ нелюбимцовъ осмѣлится закинуть сътъ,
 тотчасъ всѣ рыбы собираются въ огромную пещеру,
 находящуюся на днѣ озера, подъ водою, и тамъ за-
 пираются. *Русскіе мужики* (какъ утверждаетъ народъ)
 знаютъ однакожь тайну отирать пещеру, и потому-
 то всегда, какъ нельзя лучше, удастся имъ ловъ.
 Есть преданіе объ одномъ озеркѣ, именуемомъ *Ка-
 тежерисъ* (*Katežeris*), находящемся неподалеку отъ
 города *Крожа*, въ *Жмудин*, будто прежде никакимъ
 образомъ не ловилась въ немъ рыба. Но, вотъ, Рус-
 скій мужикъ, получивъ себѣ во владѣніе упомянутое
 озеро, окунулся въ воду, отперъ пещеру и въ зу-
 бѣхъ вынесъ оттуда замокъ. Съ того времени, озер-
 ко *Катежерисъ* стало обиловать рыбою.

Сказываютъ, что когда богиня озера разсердится,
 то цѣлое озеро перенесетъ вдругъ на другое мѣсто.
 Впрочемъ, можно умилоствитъ сердитыхъ нимфъ,
 давши озеру такое имя, какимъ онѣ пожелаютъ на-
 зывать свое обиталище. Если не отгадаютъ желаема-
 го имени, въ такомъ случаѣ вода подымается и пе-
 реходитъ на другое мѣсто, и даже часто случалось,
 что она заливала села и города. Въ древнія време-

на, когда озеро *Луксъ* еще не имѣло своего настоящаго имени, а богини прогнѣвались на Ворненскихъ жителей, стало оно выступать изъ береговъ и угрожало наводненіемъ Ворня. Исуганные жители собрались посреди рынка, и совѣщались, какъ назвать имъ свое грозное озеро? Каждый кричалъ новое названіе, но никто не могъ попасть на настоящее, а вода, часъ отъ часу, все болѣе и болѣе подымалась, бурлила, и ближе и ближе подступала! Всѣмъ овладѣло отчаяніе — никто не зналъ, что придумать и за что приняться! Когда такимъ образомъ подходились всѣ въ столь критическомъ положеніи, случайно увидѣли вдругъ, по какому-то чуду, бѣгунаго опроретью черезъ городъ сухопараго Нѣмца. Всѣ разомъ крикнули ему: *Тонемъ, Нѣмецъ, ратуй насъ!* Тронутый жалостью Нѣмецъ, остановился, крикнувъ на весь городъ: *Луксъ! Луксъ!* и вмѣстѣ съ тѣмъ словомъ озеро стихло, и стало вступать въ свои берега.

Изъ сей сказки произошла Литовская пословица. И нынѣ, когда Жмудскаго Литвина постигнетъ какое нибудь несчастіе, горюя надъ своимъ плачевнымъ жребіемъ, онъ обыкновенно говоритъ: *Skiendam Wokiteli, skiendam* (*Тонемъ, Нѣмецъ, тонемъ!*)

ЦАРИЦА БАЛТИЙСКАГО МОРЯ.

(Литовское преданіе).

Въ глубинѣ синихъ водъ Балтики, въ тѣ древнія времена, когда еще Литовскіе и Жмудскіе флаги, съ гербами *всадника* и *медвѣдя*, развѣвались надъ ея кристальною поверхностью, возвышался великолѣпный чертогъ Царицы моря, *Юраты*. Стѣны его были изъ чистаго, бѣлаго янтара, пороги изъ золота, кровля изъ рыбьей чешуи, а окна изъ брильян-

тошь дивной воды. Однажды разослала Царица всѣхъ своихъ шукъ въ знатнѣйшимъ нимфамъ Юры*, съ приглашеніями къ себѣ на ширь и общій совѣтъ. Наступилъ назначенный день, и приглашенныя богини прибыли. Тогда Царица, окруженная своимъ придворнымъ штатомъ, явлется въ залу, приветствуетъ гостей благожелательною улыбкою, и возсѣвши на янтарномъ престолѣ своемъ, такъ начинаетъ слово къ собравшимся: «Милыя подруги и наперсницы мои! да, будетъ вамъ известно, что всевластный отецъ мой Пражикасъ, повелитель неба, земли и моря, отдаль мнѣ во власть и опеку всѣ окрестныя воды и всѣхъ находящихся въ нихъ обитателей. Сами вы были свидѣтельницами прозвато и счастливаго моего правленія: ни одинъ червякъ, ни одна малышняя рыбка не имѣли причины жаловаться, и вопиать противъ меня — всѣ жили доселѣ въ мирѣ и согласіи; никто не дерзнулъ покуситься на жизнь другаго. А теперь — смотрите — ничтожный дракъбамъ Цаситнекъ, съ берегомъ вонхъ владыкій, тамъ, гдѣ рѣка Живента, шепчетъ дань моему царству, ничтожливѣйшій смертникъ, осмѣливается нарушить всеобщее спокойствіе, довить своимъ сѣтями мекѣ невинныхъ подданныхъ, и обрекаетъ ихъ смерти; тогда, какъ я сама, полновластная ихъ Царица, не смѣю для стола своего поймать ни одной рыбки, даже камбалы, которую очень люблю, но только одну половину ея съѣдаю, а другую снова въ море пускаю. (Народъ Литовскій, вѣсть съ Самогитскимъ, полагаетъ, что камбала потому съ однимъ глазомъ, и наружностью своею походить, какъ будто на отрезанную половину рыбы, что Царица Балтійскаго моря Юрата, чрезвычайно ее любя, у всѣхъ кам-

* Юра (Jura) у Литовцовъ имѣеть двоякое значеніе, а присяно называется сямъ именемъ рѣка, протекающая въ уездѣ Россійскомъ, и самое море. Причины названія рѣшительно неизвѣстны. Берегъ моря у туземныхъ жителей именуется, понынь, *Мордма* (Pajoris).

баль отгрызала другую половину, а другую пустила).
Такою дерзостью оставишь ли безъ показанія? Вотъ го-
товья ждуть насъ ладья — поплывемъ, поплывемъ,
милыя подружки, къ берегамъ Швенты! Вотъ самая
пора, когда обыкновенно рыбаки закидываютъ свои
сети! Нашими пласками и прелестями сманимъ его
въ холодныя недра моря, довершимъ нашу мечь надъ
нимъ, задушимъ его въ объятіяхъ своихъ и въ море
утопимъ! Прекрасныя очи, которыми обворожаетъ онъ
всѣхъ дѣвушекъ Жмудскихъ, засыплемъ ему пескомъ
и закроемъ влажнымъ иломъ!» Сказала — и тотчасъ
сто литарныхъ ладей, изукрашенныхъ жемчугомъ,
предстали, и при отголоскѣ чарующихъ пѣсень, со
всею свитою нимфъ, поплыла Царица совершать свой
ужасный подвигъ. День былъ ясный; солнце во
всемъ блескѣ; море тихо и спокойно лоснилось, какъ
цѣльное, огромное стекло; ни малѣйшій вѣтерокъ не
рябилъ его свѣтлой поверхности, и только ладья,
скользя по ней на крыльяхъ ласточки, оставала за
собою струистыя слѣды, словно морщины на лицѣ
отцвѣтшей красавицы. Вотъ ужъ близко желанный
берегу, и чарующія пѣсни подводныхъ богинь раз-
даются въ прибрежныхъ рощахъ, и каждый отго-
лосокъ ихъ, стократно повторяемый, звучитъ роко-
зыми: *Горе тебѣ, рыбаки молодой!* И тогда уже
близко къ устью рѣки причалили таинственныя дѣ-
вы; онъ вдругъ увидѣли врага своего, какъ, сидя на
берегу, распутывалъ онъ свои ярежи. Рыбакъ былъ
молодь и пригожь собою; легкій пушечекъ едва про-
бивался на губахъ его; чело его было прекрасное,
высокое, блрое, и его отвивали длинныя, черныя,
кудрявые волосы. Съ безмятежнымъ спокойствіемъ
въ душѣ и сердцѣ, съ веселою пѣснею на устахъ,
жестокъ о богатомъ ловѣ, занимался онъ своею рабо-
тою... Вдругъ слышитъ — какіе-то сладостныя збу-
ки разлетаются по водѣ! Онъ поднимаетъ глаза и
видитъ, что сто блестящихъ ладей причалили къ

берету, а въ нихъ сто прелестныхъ молодыхъ дѣвъ, впереди которыхъ сама Царица моря, съ короною на головѣ и съ янтарнымъ скипетромъ въ рукѣ. И вотъ, еще сладостнѣе раздались волшебныя напѣвы, и роскошная толпа прелестныхъ нимфъ окружила его, стараясь сманить своими пѣснями и всякимъ обольщеніемъ, свиваясь въ хороводъ, и напѣвая:

Oj zwięjeli musu Scajstus,
Pamesk wargus, szok yi lajwa:
Pas mus wysad busi smagus,
Musu dajnas duod linksmibe.
Duosma jau dowena diewu,
Jej su mumis tu giwensi:
Mares busi dydzum tiewu,
Yr meilingu musu busi!

О, рыбакъ, прекрасный молодой, брось работу! Къ намъ въ ладъ ступай! У насъ вѣчныя пляски и веселье; пашн пѣсню усладить твою горе!

Мы надѣлимъ тебя божествомъ, если только будешь жить съ нами; среди насъ будешь ты повелителемъ моря, и нашимъ возлюбленнымъ будешь!»

Слышитъ рыбакъ, смотритъ рыбакъ, не вѣря очамъ; волнуется его недоумѣніе; самъ онъ не знаетъ, что дѣлать? Наконецъ, увлеченный коварнымъ прельщеніемъ, встаетъ и хочетъ уже броситься въ объятія морскихъ богинь, какъ вдругъ Царица мановеніемъ жезла повелѣваетъ стихнуть подругамъ, и такъ говоритъ изумленному рыбаку: «Стой, безразсудный юноша! Вина твоя велика и достойна строгаго наказанія, но я прощу тебя, съ однимъ условіемъ: юность и красота твоя меня плывниди! Поклянись любить меня, и ты найдешь блаженство въ моихъ объятіяхъ! Но если презришь любовь Царицы Юраты, я сама спою тебѣ пѣсню, и — тотчасъ будешь ты

при мнѣ, и тогда однимъ прикосновеніемъ жезла моего, я погублю тебя навѣки — избирай!» Юноша преклонилъ колѣни, склонилъ голову передъ нею, поклялся ей въ вѣчной любви. «Теперь ты мой! Ни съ мѣста, не подходи къ намъ — одинъ лишь шагъ и ты погибъ! Всякій вечеръ буду я къ тебѣ приплывать, и вотъ на той горѣ, которая отнынѣ будетъ по имени твоему называться *Цастити*, будетъ мѣсто нашимъ свиданіямъ!» Сказала Царица, махнула жезломъ — и весла зашумѣли, и тихо, безъ хохота и пѣсень, поплыли богини обратно.

Ужъ годъ проходилъ, какъ всякій вечеръ Царица Балтійскаго моря приплывала къ берегу, и на горѣ видалась съ своимъ возлюбленнымъ. Но вдругъ Перкунъ узналъ о тайныхъ свиданіяхъ, и страшно закинулъ онъ гнѣвомъ, какъ смѣла богиня полюбить человека! И когда, однажды, возвратилась Царица съ берега Швенты въ чертогъ свой, метнулъ онъ съ неба перунъ, и перунъ разсвѣкъ морскія волны, ударилъ въ обитель Царицы, убилъ ее, раздробилъ янтарный чертогъ ея на мѣлкія части, а рыбака Прамжмась приковалъ на днѣ моря къ утесу, и положилъ передъ нимъ трупъ ея Царицы, на который вѣчно любуясь, онъ долженъ оплакивать свое горе. Отъ того-то и нынѣ, когда буря запѣнитъ морскіе валы, слышится издали стонъ — то стонъ несчастнаго рыбака; а волны выбрасываютъ куски янтара — то остатки чертога Царицы Балтійскаго Моря.

Съ Полков. В. РОМАНОВИЧЪ.

=

ТОРГОВЛЯ АНГЛИЧАНЪ ОПИУМОМЪ ВЪ КИТАѢ.

Народы, находящіеся на первыхъ ступеняхъ просвѣщенія, похожи на дѣтей въ младенчествѣ. Имъ надобно пройти длинный путь улучшеній, чтобы въ послѣдствіи быть достойными членами человеческого общества. Мы твердо убѣждены въ томъ, что никакой народъ, такъ же какъ и никакой человекъ отдѣльно, не имѣетъ возможности быть въ совершенной независимости отъ подобныхъ себѣ народовъ или людей, иначе, какъ въ состояніи сравнительнаго варварства. Каждый шагъ на пути къ просвѣщенію или могуществу, въ томъ или другомъ случаѣ, необходимо зависитъ отъ частныхъ сношеній и взаимныхъ вспоможеній.

Правила, долженствующія руководить народы въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ, могутъ быть постоянными и неизмѣнными, но необходимо должны основываться на законахъ справедливости, предполагая ихъ хорошо извѣстными просвѣщеннымъ государствамъ. Разумѣется, что сего нельзя примѣнить къ народамъ необразованнымъ; они не могутъ оцѣнить выгодъ, раждающихся отъ дружественныхъ сношеній съ сосѣдями, и даже понять относительнаго положенія, въ какое они поставлены. Посему необходимо должно обратить вниманіе на то, чтобы при внушеніи первоначальныхъ свѣдѣній, можно было

превозмочь сіи препятствія, и постановить правила, могущія служить основою системѣ законодательства.

Воспитывая нашихъ дѣтей, мы по опытамъ знаемъ, какія гибельныя послѣдствія влекутъ за собою чрезмѣрные тѣлесныя наказанія, и потому мы уже давно не держимся сей системы. — Опытъ научаетъ насъ также, что гораздо болѣе добра и нравственнаго улучшенія произошло отъ практическихъ примѣровъ, нежели отъ десяти тысячъ теорій и отъ поученій, подтверждаемыхъ палкою или розгою. При воспитаніи народовъ, видимъ совершенно противное: Исторія убѣждаетъ насъ въ горестной истинѣ, что успѣхами просвѣщенія едвали когда нибудь были обязаны люди кроткимъ и челоуколюбивымъ мѣрамъ. Въ какой части Земнаго Шара ни старались бы распространять между варварскими племенами свѣтлыя понятія, грустныя неудачи невольно заставляли переходить отъ кроткихъ мѣръ къ болѣе строгимъ, и даже суровымъ. Должны ли мы заключать, что кроткія мѣры, въ самомъ дѣлѣ, не могутъ быть дѣйствительными, и что челоукъ уже отъ природы такъ слабъ, слѣпъ и пороченъ, что одна только сила въ состояніи заставить его обратить вниманіе на его собственныя выгоды? Или въ состояніи возмужалости, онъ менѣе способенъ принимать истину, представляемую ему въ видѣ здравыхъ разсужденій и добродѣтельныхъ примѣровъ, нежели въ состояніи дѣтства? Мы твердо убѣждены въ противномъ.

Не станемъ говорить о побужденіяхъ и дѣйствіяхъ нашихъ предковъ, открывшихъ неизвѣстныя до нихъ страны Земнаго Шара. Мы не имѣемъ, ни намѣренія, ни мѣста выставять подробности, и останавливаться на разсматриваніи того, что они считали лучшимъ

въ сношеніяхъ съ жителями новооткрытыхъ ими земель. Мнѣнія объ однихъ и тѣхъ же предметахъ, къ счастью нашему, уже весьма измѣнились, и мѣры, которыя въ прежніе годы заслужили бы всеобщее одобреніе, едва ли нынѣ будутъ терпимы. Вся масса человѣчества сдѣлалась уже просвѣщеннѣе. Обширнѣйшее поле открывается нашимъ взорамъ, а мѣлочныя и себялюбивыя разсчеты невольпо должны уступить преобладающей силѣ нравственнаго усовершенствованія. Не навлекая на себя подозрѣнія въ томъ, что мы льстимъ времени, въ которое живемъ, беремся однакожь утверждать, что въ нынѣшнемъ вѣкѣ, когда всѣ наши дѣйствія и даже помысленія относятся къ цѣлой массѣ человѣчества, не должно пзыскивать никакихъ политическихъ, или коммерческихъ выгодъ, которыя можно бѣ было приобрести на счетъ нравственнаго, или физическаго благоденствія человѣческаго рода. Мы чувствуемъ себя убѣжденными въ совершенной возможности согласовать частныя выгоды съ общимъ благомъ, и потому ничто не должно соблазнять насъ и заставлять сдѣлывать тѣмъ путемъ, на которомъ то и другое сталкиваемое бы ко взаимному вреду.

Образъ нашихъ сношеній съ Китаемъ представляетъ обширное поле для различныхъ размышленій. Мы видимъ передъ собою народъ, числомъ болѣе трехъ сотъ милліоновъ, который, составляя собою обширнѣйшее изъ всѣхъ существующихъ на землѣ человѣческихъ семействъ, отказывается отъ сношеній съ остальнымъ человѣческимъ родомъ. Китайцы давно достигли той высшей по возможности степени просвѣщенія, за которую, при нынѣшнемъ порядкѣ дѣлъ, не въ состояніи перешагнуть. Многія столѣтія остаются они неподвижны, и навѣрно останутся еще въ такомъ положеніи цѣлые вѣки, еже

ли не будутъ пробуждены какимъ нибудь другимъ, болѣе подвинувшимся въ просвѣщеніи народомъ. Еслибы даже сей посредствующій народъ былъ на одной съ Китайцами степени образованности, то самое столкновеніе ихъ было бы уже не безъ пользы, въ родъ того, какъ грубые камни сглаживаются отъ тренія другъ объ друга.

Много времени прошло съ тѣхъ, поръ, какъ Европейцы узнали о существованіи Китая, и между тѣмъ, какъ мало подвинулись они впередъ въ своихъ попыткахъ къ уничтоженію ихъ предразсудковъ! Въ сближеніяхъ съ ними, мы имѣли даже весьма мало такихъ успѣховъ, которые перешли бы за предѣлъ обыкновенныхъ торговыхъ сношеній, и хотя наши величавые Остъ-Индскіе корабли постоянно ходятъ взадъ и впередъ около Китайскихъ береговъ, нагруженные богатѣйшими товарами нашего и Китайскаго государствъ, не смотря на ежегодный обмѣвъ произведеній промышленности, мы все такъ же чужды другъ другу, какъ были за нѣсколько столѣтій прежде. Кажется, что въ томъ нельзя винить однихъ Китайцовъ.

Китай былъ всегда цѣлью различныхъ Европейскихъ державъ. Наиболѣе просвѣщенные народы Европы искали съ нимъ сношеній, съ такою ревностью и съ такимъ постоянствомъ, какъ будто въ самомъ дѣлѣ призывали они Китай *Небеснымъ Царствомъ*. Пространство владѣній «Сына Небесъ»; несмѣтное число его подданныхъ, богатства природы и искусства, находящіяся подъ его скипетромъ были слишкомъ много преувеличиваемы. Выгоды, которыхъ должно ожидать отъ союза съ столь великимъ государствомъ, не могутъ быть однакожъ немаловажными, и потому весьма естественно было стараться о приобрѣтеніи ихъ. Болѣе всего добива-

лись Европейцы учрежденія торговаго трактата, утвержденнаго на незыблемомъ основаніи справедливости, для того, чтобы сокровища Китая могли быть доступны и для другихъ народовъ. Остается разсмотрѣть: чему должно приписать всегдашній успѣхъ, и не должно ли отнести его болѣе къ близорукой политикѣ и неумыленно взятыя за дѣло надлежащимъ образомъ?

Съ одной стороны, внимательнаго разсматриванія заслуживаетъ вопросъ: къ чему стремятся особенныя виды и намѣренія страннаго Китайскаго народа, и какія средства будутъ наиболѣе способны доставить Европейцамъ довѣренность и уваженіе Китайцовъ?

Досель считали насильственные къ тому мѣры неблагоразумными, и врядъ ли онѣ и будутъ успѣшны, ибо, не смотря на невоинственный характеръ Китайцовъ, и легкость, съ которою, по видимому, можно бѣ было ихъ покорить вооруженною силою, съ давнихъ временъ не были они тревожимы вторженіями извнѣ. Несообразно съ разсудкомъ приписать это нехотѣнію нападать на чужую собственность, потому, что сильные народы не считаютъ большимъ грѣхомъ громить слабѣйшихъ народовъ; также, не намѣрены мы теперь входить въ разбирательство различныхъ причинъ, къ которымъ можно причислить упомянутое обстоятельство. Нѣтъ сомнѣнія, что многіе соблазнились завоеваніемъ Китая, лакомымъ кускомъ, но, не смотря на великость покушенія, были удерживаемы благоразуміемъ. Вѣроятно, разсудили, и какъ намъ кажется, весьма основательно, что попытка можетъ кончиться несовершенно успѣшно; и что Китайцы, не смотря на свое миролюбіе, не совершенно таки лишены храбрости, и если ихъ будутъ подстрекать обидами, то они

могутъ — чего добраго? — сдѣлаться не совсѣмъ негодными солдатами. Мы также находимъ другую причину, почему Китай не былъ еще тревожимъ вооруженною силою, именно ту, что не было къ тому повода. Китайцы всегда вели себя съ достаточнымъ благоразуміемъ въ своихъ сношеніяхъ съ иностранными купцами, такъ, что какія неудовольствія ни причиняли ихъ ограниченія и высокоумѣренный тонъ частнымъ людямъ, то и другое всегда казалось правительству слишкомъ начтожнымъ и нестоящимъ особеннаго вниманія.

Намъ кажется необходимымъ разобрать нѣкоторымъ образомъ національныя особенности и предрасудки народа, о которомъ мы намѣрены говорить, для того, чтобы яснѣе было видно, чего должно держаться въ сношеніяхъ съ нимъ? Между различными характеристическими чертами Китайцовъ, самая рѣзкая и затруднительная для Европейца есть народное ихъ тщеславіе. Они безспорно могутъ считаться самымъ самодовольнымъ народомъ всего Земнаго Шара. Начиная со временъ Конфуція и до нашихъ, они считали и считаютъ всѣхъ иностранцовъ *саррарами*, несравненно низшими ихъ. По христіанскому закону, теорія естественнаго равенства чело-вѣчества общепринята, но у Китайцовъ видимъ совершенно противное. Они не только считаютъ иностранцовъ ниже себя, но даже причисляютъ ихъ совершенно къ другому роду тварей, смотрятъ на нихъ какъ на естественныхъ своихъ непріятелей, и сообразно сему, составляютъ свои законы. Всѣ Кантонскія постановленія основаны на такой идеѣ, и потому Китаецъ считаетъ измѣною переходить за положенную закономъ черту въ сношеніяхъ съ жителями «Квен-Фаңга» или «Владѣній дьявола», какъ они величаютъ земли иностранцовъ.

Какое ни изъясни бы мы право сердиться на столь сумасбродныя притязанія, зная нашу высокую степень между народами, но мы должны терпѣливо переносить ихъ, вспомнивши, что народы, гораздо болѣе Китайцовъ просвѣщенные, не избѣжали подобной слабости. У образованныхъ Грековъ и Римлянъ, слово *hostis*, употребляемое для означенія иностранца, значило также «непріятеля»; мы имѣемъ множество доказательствъ, что слова «иностранецъ» и «врагъ» были у нихъ синонимами. Аристотель, одинъ изъ знаменитѣйшихъ Греческихъ философовъ, утверждалъ, что всѣ чужеземцы рабы отъ природы, и могутъ быть разсматриваемы, какъ звѣри, а потому охотиться за ними весьма похвально. Изъ всѣхъ войнъ, веденныхъ его предками, говоритъ онъ, справедливѣйшими и полезнѣйшими были веденныя противъ хищныхъ звѣрей, а послѣ нихъ, противъ иностранцовъ, которые, какъ прибавляетъ философъ, суть наши естественные враги, противъ которыхъ все позволено.

Тотъ же философъ говоритъ, что одинъ изъ самыхъ лучшихъ законовъ Римлянъ есть тотъ, по которому, вмѣсто того, чтобы считать всякаго чело-вѣка собратомъ, съ коимъ связываетъ насъ сама природа, велятъ полагать его какою-то постороннею для Римлянина тварью, съ которою онъ долженъ имѣть только такія сношенія, какія имѣетъ съ дикими звѣрями. Музульмане также ни отъ кого не отстаютъ въ презрительныхъ выраженіяхъ на счетъ иноплемениковъ. «Христіанская собака, Гяуръ, Грекъ Барбаръ» и «Китайскій красношерстый дьяволъ», въ большомъ употребленіи у Музульмановъ, и, конечно, не могутъ быть лестными для тѣхъ, къ кому они относятся. Нѣтъ сомнѣнія что подобный предрасудокъ происходитъ отъ не-

вѣжества, но хотя мы и сожалѣемъ о народахъ, имъ омраченныхъ, но никакъ не можемъ поздравлять себя, чтобы и сами мы избѣжали той же слабости. Конечно, не относится къ нашей чести, если выраженія въ родѣ слѣдующихъ: «Курносый дикарь (snubnosed savage)», и «долгополый, длиннокоготый варваръ», (petticoated, longnailed, tuft-bearing barbarians), являются въ нашихъ журналахъ, и примѣняются къ Китайскому народу.

Другая рѣзкая черта, единственная, о которой мы будемъ говорить, происходящая изъ того же предразсудка, есть нестерпимая наглость нашихъ торговцовъ, безпрестанно заставляющая Китайцовъ вооружаться неуступчивостью. Тѣмъ болѣе заслуживаетъ она порицаніе, что всегда сопровождается малодушіемъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ей противостанутъ твердо. Такая смѣсь наглости и малодушія, заносчивости и трусости, чрезвычайно презрительна, и рѣшительно выводитъ изъ терпѣнія тѣхъ, кто, будучи противоположныхъ свойствъ и характера, бываетъ принужденъ имѣть дѣло съ людьми сего рода.

Указавъ на главныя черты характера Европейскихъ торговцовъ, кажется, не трудно опредѣлить: какимъ образомъ должно вести себя въ сношеніяхъ съ Китайцами, для полнаго успѣха своихъ намѣреній? Съ одной стороны должно стараться возвыситься, сколько можно, въ ихъ мнѣніи и заслужить ихъ уваженіе благороднымъ прямодушіемъ и свободнымъ отъ мѣлочныхъ притязаній поведеніемъ, а съ другой стороны должно внушить имъ почтеніе твердою и непоколебимою рѣшимостью — не уступать никакимъ унижительнымъ для насъ требованіямъ, или притязаніямъ. Сими средствами легко преодолѣть ихъ предразсудки, и удержаться на го-

раздо болѣе возвышенной степени. Всегда ли поведеніе иностранцевъ, торгующихъ въ Китаѣ, правильно? Конечно, нѣтъ, ибо въ противномъ случаѣ сношенія съ Китайцами представляли бы гораздо болѣе благопріятные результаты.

Въ Китайскихъ лѣтописяхъ иностранцы являют-ся, или пиратами, или данниками Небеснаго Царства, что должно приписать тому, что въ первые періоды сношеній Европейцевъ съ Китаемъ, право завоеванія было освящено Католическою Церковью. Всѣ языческіе народы считались законною добычею, и грабить и притѣснять ихъ было не только простительно, но даже похвально. Искатели приключеній, изъ всѣхъ странъ, вели себя самымъ необузданнымъ образомъ во всей Восточной Азій; не удерживаемые своими правительствами, руководствуясь только врожденною страстью къ насилию и хищничеству, они грабили туземцевъ, какъ имъ было угодно, безъ всякаго зазрвнія совѣсти. Наученные тяжкими опытами, Китайцы весьма естественно начали считать всѣхъ чужеземцевъ разбойниками, и всѣми средствами старались держать ихъ, какъ можно далѣе отъ своихъ береговъ.

Когда было узвано, что народы Восточной Азій уже достаточно соединились между собою, и что Правительство было слишкомъ могущественно для сопротивленія системѣ грабительства, и она, не могла быть успѣшною, нѣкоторыя Европейскія государства начали изыскивать средства завладѣть исключительною торговлею въ Китаѣ. Для сего представители каждаго изъ нихъ старались унижить своихъ соперниковъ въ глазахъ тамошнихъ властей. Такимъ образомъ, Датчане, Португальцы, Англичане, Испанцы и Голландцы были по очереди обвиняемы во всѣхъ преступленіяхъ и насильствахъ, произведен-

ныхъ пиратами на Китайскихъ берегахъ. Каждая нація старалась выставять своихъ соперниковъ, какъ разбойниковъ, бродягъ и обманщиковъ, съ которыми невозможно вести никакихъ торговыхъ дѣлъ съ честью и безопасностью. Такимъ образомъ, первыя мирныя сношенія иностранцовъ съ Китаемъ опять не относились къ ихъ чести, и не могли разсѣять дурнаго впечатлѣнія и недовѣрчивости, съ коими туземцы на нихъ смотрѣли. Предразсудки Китайцевъ укоренялись болѣе и болѣе, и они весьма естественно глядѣли уже на всѣхъ иностранцовъ съ самой невыгодной стороны, не иначе, какъ на природныхъ враговъ, привлеченныхъ къ берегамъ ихъ изъ отдаленныхъ странъ надеждою на грабежь.

Ту же участь испытали Европейцы, старавшіеся, нѣсколько времени тому, распространить между Китайцами Христіанскую религію. Іезуиты видѣли сначала полный успѣхъ. Они приобрѣли благосклонность Императора и имѣли уже многихъ послѣдователей, но возбудили завистливую щекотливость Римскаго Двора, и Папа послалъ къ нимъ на помощь монаховъ другаго ордена. Тогда произошли неудовольствія, интриги, несогласія, за которыми послѣдовали ябедничества и злоупотребленія, возбудившія въ Китайцахъ недовѣрчивость и самое непріятное впечатлѣніе, даже къ самой религіи, и наконецъ, повлекшія за собою совершенное изгнаніе миссіонеровъ изъ Китайской имперіи. Безполезно распространяться болѣе о причинахъ недоброжелательства Китайцевъ къ чужеземцамъ, съ самыхъ раннихъ временъ. Довольно будетъ того, если мы скажемъ, что дурное мнѣніе, которое они себѣ составили, было не безъ основанія, и что послѣдовавшее за тѣмъ поведеніе Европейцевъ не могло изгладить впечатлѣнія,

произведеннаго за тысячу лѣтъ прежде и глубоко вкоренившася.

Въ последнее время, попытки внушить Китайцамъ болѣе выгодное понятіе о Европейцахъ была удачнѣе. Предразсудки, вкорененные преданіемъ, были ими отчасти разсѣяны, и постоянное стараніе Европейцевъ внушить нѣсколько уваженія къ себѣ, увѣнчалось нѣкоторымъ успѣхомъ. Англичане, болѣе всякаго другаго народа, пользовались сямъ преимуществомъ, что должно приписать прямоту и благородству, съ какими Остъ-Индская Компанія вела свои сношенія съ Китаемъ. Не беремса утверждать, что поведеніе Англичанъ было всегда совершенно безукоризненно, и что оно всегда направлялось къ тому, чтобы внушить туземцамъ идею о могущественной націи. Бывали примѣры, и, къ сожалѣнію, довольно частые, что съ нашей стороны проявлялось нерышительность и слабость, подававшія Китайцамъ поводъ къ высокомерію и различнымъ стѣсненіямъ нашей торговли; также частыл угрозы, остававшіяся безъ выполненія и кончавшіяся уступками, необходимо должны были внушить не слишкомъ высокое понятіе о нашей храбрости и нашихъ способахъ.

Съ своей стороны, мы признаемса, что перечитывая подробности сношеній нашей Компаніи съ Китаемъ, неволью припоминаемъ мы себѣ сцену, весьма часто повторяющуюся въ Англии, въ лавкѣ Жида, привыкшаго запрашивать за свой товаръ болѣе того, сколько онъ намѣренъ за него взять. Сначала покушникъ разсерженъ за преднамѣриваемый обманъ, и идетъ прочь, съ намѣреніемъ отыскать нужную ему вещь въ другомъ мѣстѣ. Едва успѣетъ онъ выйти за дверь, какъ Израильтянинъ зоветъ его назадъ, обвщая сбавить требуемую цѣну. По-

купщикъ несогласенъ. Жидъ настаиваетъ, и тотъ опять уходитъ, но, прежде нежели онъ выйдетъ на улицу, торгошъ зоветъ его снова и предлагаетъ ему вещь за надлежащую цѣну. Тогда покупатель рассчитывается, что показывая небрежный видъ, какъ будто не нуждается въ вещи, которую хотѣлъ торговать, онъ тѣмъ заставитъ еще сбавить цѣны, и уходитъ вонъ еще разъ. Но онъ ошибается. Его уже не просятъ назадъ, и потому приходится ему возвратиться, съ довольно смущеннымъ видомъ, и кончить торгъ, давая такимъ образомъ сыну Израили новый поводъ запросить съ него двойную цѣну. Точно въ такомъ же родѣ дѣйствуютъ наши распорядители груза купеческихъ судовъ, приходящихъ въ Кантонъ также точно заставляють они суда свои приходивъ и уходитъ, также точно грозятъ прекратить торгъ, и, наконецъ, уступаютъ новымъ взысканіямъ и пошлинамъ.

Но не смотря на неудовольствія, которыя приходилось переносить, Англичане, во время торговли Остъ-Индской Компаніи, значительно подвинулись впередъ въ мнѣніи Китайцовъ. Посему и пользовались они различными преимуществами, хотя и незначительными собственно по себѣ, но недоступными другимъ народамъ. Они избавились многихъ неприятныхъ церемоній, и особенно ни одинъ суперкаргъ судна, пришедшаго подъ Англійскимъ флагомъ, не былъ обязанъ прислгать, что на его корабль нѣтъ опиума, тогда, какъ ни подъ какимъ другимъ флагомъ не дозволялось войти въ Кантонскую рѣку, не давши прежде требуемой вѣдтвы. Въ торговыхъ дѣлахъ, Англичане пользовались даже нѣкотораго рода довѣренностью, что особенно удивительно, ежели мы вспомнимъ подозрительный характеръ Китайцевъ. Достойно также упомянуть о постановле-

Торгъ опиумомъ, о которомъ хотимъ говорить, производится между Британскими владѣніями въ Индіи и Китайскою имперіею, потому что, хотя часть товара и привозится изъ Турціи, и макъ разрабатывается въ нѣкоторыхъ областяхъ самой Китайской имперіи, но сіи участки незначительны. Торгъ опиумомъ распространился въ послѣднее время и достигъ до удивительной значительности, такъ, что едва ли есть какая нибудь другая отрасль торговли, которая возрасла бы съ такою быстротою. За нѣсколько лѣтъ прежде, около времени посольства лорда Макартнея, едвали упоминали объ немъ, ибо опиумъ употреблялся почти на одни лекарства. Въ послѣдствіи, сдѣлался онъ предметомъ роскоши, и потребление его начало быстро увеличиваться. Въ 1816 и 1817 годахъ, двадцать два года тому, ввезли въ Китай 3,210 ящиковъ Индійскаго опиума. Въ 1826-27 гг. число ящиковъ увеличилось до 9,969; въ 1832-33 гг. до 23,670, а, наконецъ въ 1836-37 гг. клипперы (clippers), ввезли его въ Китай не менѣе 34,000 ящиковъ. Слѣдующее исчисленіе В. Г. Медгурста показываетъ намъ потребление опиума въ послѣднія двадцать лѣтъ:

1816 г.	ящиковъ	3,210,	цѣна	3,657,000	Исп. талер.
1820 "	— —	4,770	—	8,400,000	— —
1825 "	— —	9,621	—	7,608,205	— —
1830 "	— —	18,760	—	12,900,031	— —
1832 "	— —	23,670	—	15,338,160	— —
1836 "	— —	27,111	—	17,904,248	— —

Количество, ввезенное въ продолженіе года, кончающаго весною 1837 г., было 34,000 ящика, а въ продолженіе Іюля мѣсяца того же года привезли еще 4,000 ящиковъ!

Дабы дать читателю понятіе, сколько опиума получается въ Китаѣ, замѣтимъ, что хотя вѣсь ящика опиума и измѣняется, но средній вѣсь привозимаго изъ Малвы (Malwa) около 134 фунтовъ, а изъ Патны (Patna) около 116 фунт. Принимая 120 фунтовъ за *средній вѣсь* ящика вообще, все количество составитъ до 4,080,000 фунтовъ (или 102,000 Русскихъ пудовъ).

Главные мѣста разработки въ Индіи мака, для выдѣлыванія опиума, находятся въ Малвѣ, Бенаресѣ и Бегарѣ (Behar). Половина Индійскаго мака растетъ въ Малвѣ, гдѣ разработка растений и торговля опиумомъ свободны, ибо земля находится ввѣ предѣловъ владычества Остъ - Индской Компаніи, хотя и подъ Британскимъ покровительствомъ. Почти все, что производится тамъ, отправляютъ въ Бомбай, а оттуда въ Китай. Въ Бегарѣ и Бенаресѣ, такъ же, какъ во всѣхъ странахъ, находящихся въ зависимости отъ Компаніи, напротивъ того, разработка мака и приготовленіе изъ него опиума, до привоза его въ Калькутту, суть предметы самой строгой монополіи.

Въ сихъ странахъ, райотъ (ryot), или мызникъ, не можетъ разработывать мака иначе, какъ за положительную цѣну, а если откроютъ, что онъ производитъ выдѣлку не сторговавшись съ правительствомъ, или тайно, не испросивъ дозволенія отъ мѣстныхъ начальствъ, постановленныхъ Компаніею, то немедленно завладеютъ его собственностью, или заставляютъ его внести приличное обезпеченіе, въ вѣрности доставки всего, что онъ разработалъ. Система самаго стѣснительнаго шпионства постановлена вывѣсть съ тѣмъ, для предупрежденія самовольной продажи малѣйшей части драгоцѣннаго товара. Въ известное время года, складочныя мѣста Компаніи открываютъ

ся въ Калькуттѣ, и тогда производится продажа опиума; тутъ закупаютъ себѣ большіе запасы резиденты-спекулянты, потому, что въ Китаѣ цѣны на опиумъ непостоянны. За продажею сего зелья смотрятъ самымъ бдительнымъ окомъ, такъ, что почти невозможно купить даже одного фунта иначе, какъ отъ агентовъ Компаніи.

Изъ Статистики Британскихъ колоній, Монтгомери Мартина, можно видѣть, какими доходами пользуется Остъ-Индская Компанія отъ монопольной торговли опиумомъ. Тамъ сказано, что

				Ящиковъ.		Рупій
въ 1800	г.	она	продала	4,054,	за	3,142,591.
« 1810	«	—	—	4,561,	—	8,070,955.
« 1820	«	—	—	4,006,	—	8,255,603.
« 1830	«	—	—	8,778,	—	11,255,767.
« 1835	«	—	—	12,977,	—	13,215,464.
« 1837	«	—	—	16,916,	—	25,395,300.

Считая каждую рупію цѣною въ два шиллинга, видимъ, что въ 1837 году опиума продано на 2,539,530 фунтовъ стерлинговъ!

Распродавъ опиумъ въ Бомбаѣ и Калькуттѣ, грузятъ его на особенно для сего предмета выстроенныя суда, и немедленно отправляютъ въ Китай. Суда сіи называются *«клипперами»*; они необычайно красивы и отличны на ходу. Прибывъ къ берегамъ, они передаютъ грузъ другаго рода судамъ, называемымъ *полугающими* (receivingships), которыя всегда стоятъ на якорѣ около Линтина, или у якорныхъ мѣстъ Капсингмуна (Cappingmoon), или Кумсингмуна (Cumsingmoon), расположенныхъ внѣ Бокка-Тигриса (Bocca-Tigris), около устья рѣки Кантова.

Ввозъ опиума строго запрещенъ въ Китаѣ; следовательно, остается тайно ввозить его. Для сего упо-

требуются большія туземныя контрбандныя лодки, хорошо вооруженныя; онѣ принимаютъ наставленія въ Кантонѣ, и *полугающія* суда сдаютъ имъ свои грузы. Опиумъ вынимаютъ изъ ящиковъ, осматриваютъ, и запаковавши снова, увозятъ по частямъ на берегъ, дабы легче было избѣжать погонни. Впрочемъ, рѣдко случалось, чтобы мѣстные власти противились такому постыдному торгу, потому, что покупатели платятъ регулярную подать офицерамъ Императорскихъ крейсеровъ. Нерѣдко случается, что таможенные чиновники Китайскіе сами занимаются запрещенною торговлею, и часто бывало, что лодки, принадлежащія правительству, снимали съ судовъ грузы опиума среди бѣлаго дня. Такимъ образомъ обыкновенно производится главный ввозъ опиума. Впрочемъ, часть его пересылается также въ Ванпанъ (Whanpan), и известное число ящиковъ выгружается на берегу далѣе къ сѣверу.

По привозѣ въ главный городъ какой нибудь области, опиумъ переходитъ въ руки тамошнихъ дистилляторовъ, и его подвергаютъ процессу, посредствомъ котораго переходитъ онъ изъ сухаго состоянія въ жидкое, капельное. Китайцы различаютъ разные роды Индійскаго опиума, названіями: *Черная земля*, *Бѣлая кожа* и *Красная кожа*, которыхъ цѣны около 800, 600 и 400 Испанскихъ талеровъ за ящикъ. На счетъ качества, которое они наиболѣе цѣнятъ въ опиумѣ, можно получить понятіе изъ статьи доктора Бутлера, «О приготовленіи опиума для Китайскихъ рынковъ, помѣщенной въ Журналъ Азіятскаго Общества въ Бенгалѣ, въ Мартѣ, 1836 г. «Главный предметъ Бенгалскихъ опиумныхъ агентствъ состоитъ въ томъ, чтобы приготовить зелье наиболѣе по вкусу Китайцовъ, оцѣняющихъ опиумъ, въ прямой пропорціи, по количеству извлекаемой изъ него жидкой

эссенции и чистоты и крепости дыма, если экстрактъ высушить и курить въ трубкѣ. Слѣдственно, главною цѣлью агентовъ должно быть приготовленіе опиума такимъ образомъ, чтобы онъ сохранялъ въ сильнѣйшей степени свои природныя качества, и вмѣстѣ съ тѣмъ соединялъ наибольшую разлагаемость въ горячей водѣ. На сихъ качествахъ основана высокая цѣна *Бенаресскаго опиума*, и, сравнительно, низкія цѣны доставляемаго изъ Бегара, Мавы и Турціи. Изъ сихъ странъ привозимый опиумъ имѣетъ сравнительно большее количество отуманивающего свойства, но отъ большой плотности и менѣе тщательнаго приготовленія онъ неспособенъ дать большаго количества эссенции, и не имѣетъ запаха, какой въ Бенаресскомъ опиумѣ.»

Изъ исчисленій иностранныхъ резидентовъ въ Китаѣ, опубликованныхъ въ 1836 году, видно, что 34,000 ящичковъ опиума дадутъ 33,320,000 таэлей, изъ которыхъ каждый равняется унціи курительнаго вещества. Полагая по одному таэлю на человека, ежедневно, привезеннаго количества опиума будетъ достаточно для годоваго потребленія 912,000 человекъ. Но изъ другихъ свѣдѣній хорошо извѣстно, что для дневной потребности достаточно количества эссенции, равняющагося одной драхмѣ. Ежели вспомнимъ, что та же часть опиума зажигается два и три раза, что эссенція, которая въ свѣжемъ состояніи услаждаетъ нѣгу богатаго мандарина, переходитъ на слѣдующій день въ трубку другаго Китайца, и что даже нагаръ и нечистота трубки съ жадностью расхватываются слугами, то число потребителей опиума въ Китаѣ значительно увеличится, и его смѣло можно полагать *болѣе двухъ милліоновъ* человекъ.

Не смотря на общепринятое въ Европѣ мнѣніе,

что опиумъ, исключая употребленіе его въ лекар-ствахъ, производитъ вредныя послѣдствія, есть и та-кіе люди, которые доказываютъ, что онъ ни что иное, какъ пріятный предметъ роскоши, которымъ можно пользоваться безъ вреда своему здоровью. Го-ворять, что вслѣдствіе, хоть сколько нибудь знакомый съ нравами и обычаями Востока, долженъ знать, что опиумъ для Китайца необходимъ, и что было бы столь же безразсудно отказывать имъ въ немъ, какъ запрещать Англичанину ѣсть ростбифъ и пить пор-теръ и джинъ. Подобные разсказы, вѣроятно, прои-сходятъ отъ незнанія предмета, и въ надеждѣ, что ихъ распространяютъ не изъ личныхъ видовъ, мы посвѣшили выставить читателямъ нѣкоторыя пояс-ненія.

Извѣстно, что дѣйствию опиума, глотаемаго въ твер-домъ и жидкомъ состояніи, и вдыхаемаго изъ трубки, одно и то же. Послѣдній способъ во всеобщемъ упо-требленіи у Китайцовъ, и, безъ сомнѣнія, вреденъ, ес-либы даже былъ употребляемъ умеренно, чего, мы смѣло говоримъ, никто не наблюдаетъ. Удовольствіе такъ велико, и опьяненіе такъ сильно, что устоять противъ него невозможно, и уживающійся опиумомъ дѣлается жертвою своей неумѣренности. Слова вели-каго поэта, нынѣ уже несуществующаго, могутъ быть приведены съ пользою. Они находятся въ пись-мѣ, писанномъ имъ къ искреннему его другу, когда онъ былъ еще рабомъ «проклятой привычки,» въ которую «вовлекло его незнаніе.» «Цѣлыхъ десять лѣтъ,» говоритъ онъ, «болѣзненное состояніе моего духа было неописанно мучительно. Вообрази себѣ несчастливца, который, въ продолженіе десяти лѣтъ, старается уничтожить свои страданія, прибѣгая къ тому самому пороку, который былъ главною ихъ причиною. Вообрази себѣ адскія страданія духа,

показывающаго другимъ путь въ небеса, откуда изгнали его преступленія; вообрази себѣ существо самое злополучное, безнадежное, беспомощное, и — ты составишь себѣ еще слабое понятіе о состояніи, въ какомъ я теперь нахожусь, или, лучше сказать, терзаюсь. Одно *преступленіе*—глотаііе проклятаго *опіума*, сдѣлало меня виновнымъ въ тысячѣ другихъ преступленій. Убѣдительно прошу, чтобы послѣ моей смерти было издано въ свѣтъ полное и нелицепріятное описаніе моихъ страданій, и ихъ преступнаго источника, для того, чтобы мой горестивый примѣръ могъ удержать другихъ отъ низверженія себя въ бездну, куда я былъ увлеченъ!»

Слѣдующее извлеченіе изъ брошюрки, изданной въ Калькуттѣ, подъ заглавіемъ: «Замѣчанія на торговлю опіумомъ въ Китаѣ,» превосходно выражаетъ гибельное преимущество опіума передъ всѣми другими крѣпкими напитками и упоющими зельями:

Омрачающее челоуѣка свойство опіума различно отъ опьянѣнія, производимаго алкоголемъ. Въ нѣкоторомъ отношеніи, самыя дѣйствія опьянѣнія различны. Въ одномъ впрочемъ они сходны, именно въ томъ, что то и другое приводитъ первую систему въ неестественное состояніе, и бываетъ полезно тогда только, когда возбуждающее средство необходимо для приведенія въ порядокъ разстроенныхъ жизненныхъ отправленій; произведенныхъ болѣзненнымъ состояніемъ тѣла. Они сходны также и въ томъ, что удовольствіе возбужденія, произведенное ихъ употребленіемъ, влечетъ за собою ослабленіе органической системы и не естественное подавленіе тѣлесныхъ и умственныхъ силъ, когда возбужденіе кончится. Также свойства опіума и крѣпкихъ напитковъ одинаковы въ томъ, что чѣмъ чаще ихъ употреблѣете для чувственнаго возбужденія, тѣмъ большее требуется количество, для приведенія себя въ состояніе возбужденія, такъ, что если страсть къ нимъ, или, лучше сказать, потребность въ нихъ родилась разъ, то необходимо и почти неизбѣжно увеличеніе

пріема, которому принимающій предается безъ опасенія. Человѣческій аппетитъ обыкновенная мѣра его желаній, и по крайпей мѣрѣ такъ онъ самъ воображаетъ. Опиумъ и крѣпкіе напитки имѣютъ еще то общее, что они разстроиваютъ пищеварительные органы и матеріально сокращаютъ жизнь. Также точно то и другое омрачаетъ и притупляетъ умственные способности, потому, что подавленіе ихъ столь же далеко отъ естественнаго здраваго состоянія, какъ и насильственное возбужденіе. Но на окончательныхъ ступени нравственнаго страданія, къ которымъ наконецъ приводитъ преданность къ опиуму и крѣпкимъ напиткамъ, желательно набросить покрывало. Вымыселъ не можетъ представить ничѣго, въ половину столь ужаснаго.... Крѣпкіе напитки и опиумъ совершенно губятъ нравственное чувство, передавая грубому аппетиту бразды разума; сердце разражается и герстається, совесть умягчается, и жертва ихъ дѣлается легкой добычей всякаго искушенія, какое только представится. Одна только разница между опьянѣніемъ отъ опиума и крѣпкихъ напитковъ заслуживаетъ особенное вниманіе, именно та, что должно усилить въ десять разъ каждое обвиненіе противъ сихъ послѣднихъ, чтобы сдѣлать ихъ достаточно сильными противъ одного обвиненія на опиумъ. Нѣтъ на землѣ рабства унижительнѣе того, какое тяготѣетъ надъ жертвою опиума, и едва ли можно найти хоть одинъ случай, чтобы человекъ избивался отъ его бѣдствій, если онъ разъ овладѣлъ имъ. Мы не имѣемъ надобности прибѣгать къ вышедшимъ въ свѣтъ въ послѣднее время описаніямъ людей, имѣвшихъ несчастіе лично испытать весь паносимый имъ терзанія; они возбуждаютъ въ некоторую недовѣрчивость преувеличеніемъ своего поэтическаго слога. Факты слишкомъ убѣдительно доказываютъ намъ, что опиумъ, принятой хоть одинъ разъ, имѣетъ какое-то гибельное, увлекающее свойство, такъ, что надобна почти сверхъестественная сила самоотверженія и необычайная крѣпость тѣла, для перенесенія однихъ физическихъ страданій, чтобы вырваться изъ очаровывающаго круга безумія. Въ семь случаевъ, опиумъ дѣйствуетъ несравненно смертоноснѣе своихъ, менѣе самовластныхъ соперниковъ, вина и спирта. Въ другихъ, неисчислимыхъ нами отношеніяхъ, онъ производитъ свое вліяніе гораздо быстрѣе и продолжительнѣе всякихъ крѣпкихъ напитковъ. Вліяніе его до такой степени враждебно всякому роду чело-

вѣческаго счастья, что еслибы факты были у насъ не передъ глазами, мы усомнились бы даже въ томъ, что злоба вѣчнаго врага человѣческаго рода могла придумать для Адамовыхъ потомковъ столь ужасное орудіе гибели и разрушенія...

Не хотимъ распространяться о достоинствахъ и вредѣ опиума, какъ предмета роскоши. Объ этомъ уже такъ много было говорено и писано, что вопросъ кажется давно рѣшеннымъ; потому не станемъ мы приводить мнѣній медиковъ и путешественниковъ, говорящихъ о семъ предметѣ. Они уже рѣшили, что въ Азій опиумъ весьма нужный и совершенно безвредный предметъ роскоши. Сравнимъ же теперь сіе показаніе съ тѣмъ, что пишетъ очевидецъ, наблюдавшій дѣйствія опиума на самомъ мѣстѣ. Сиръ Стамфортъ Раффлесь, въ своей Исторіи Явы, приводитъ слѣдующее мнѣніе Голландскихъ Коммиссіонеровъ, засѣдавшихъ потомъ въ Гагъ:

Торговля опиумомъ заслуживаетъ вниманіе. Англичане присвоили себѣ въ Бенгалѣ исключительное право разработки его, и ежедневно продаютъ значительное его количество въ Калькуттѣ, съ публичнаго торга. Потребленіе его весьма велико на Малайскомъ берегу, въ Суматрѣ, Явѣ, и на всѣхъ островахъ къ востоку и сѣверу отъ послѣднихъ, а особенно въ Китаѣ, хотъ тамъ употребленіе его ограничивается нѣщимъ классомъ народа. Дѣйствіе опиума на человѣческое сложеніе различно, и зависитъ отъ величины приема и другихъ обстоятельствъ. Употребляя его умѣренно, человекъ производитъ на себя пріятное, хотъ всегда нѣсколько огуманивающее ощущеніе, уничтожающее всѣ заботы и опасенія. Но если принять его въ большомъ количествѣ, то онъ производитъ родъ безумія, дѣйствія котораго ужасны, особенно ежели разумъ омраченъ ревностью, или духъ воспламененъ жаждою мести и другими сильными страстями. Но во всякомъ случаѣ, опиумъ оставляетъ по себѣ медленный ядъ, подкапывающій способности души и тѣлесныя силы, такъ, что человекъ дѣлается наконецъ неспособнымъ къ какому бы то ни было рода труду, и переходитъ въ дикое, грубое состояніе звѣря. Употребленіе опиу-

ма тѣмъ болѣе вредно, что человекъ, предавшись ему однажды, никогда не въ силахъ сбросить съ себя его оковы. Для удовлетворенія своей гибельной склонности, онъ готовъ жертвовать всѣмъ — своимъ собственнымъ благоосостояніемъ и послѣднимъ кускомъ хлѣба своей жены и своихъ дѣтей. Бѣдность есть естественное его послѣдствіе, и человекъ дѣлается равнодушнымъ къ средствамъ, которыя могутъ удовлетворить его ненасытной падали къ опиуму, такъ, что наконецъ онъ уже перестаетъ уважать, не только собственность, но даже жизнь себѣ подобныхъ созданий.

Г. Гогендорфъ заключаетъ сіе мнѣніе слѣдующими словами: «*Опиумъ есть, хотя медленный, но вѣрный ядъ, который Остъ-Индская Компанія, изъ корыстолюбивыхъ видовъ, продаетъ несчастнымъ Яванцамъ. Всякій, вкусившій его, не можетъ потомъ отказать отъ него безъ величайшихъ усилій, и, вѣроятно, что еслибы вдругъ онъ былъ воспрещенъ, то многіе умерли бы отъ недостатка въ опиумѣ, сдѣлавшемся первою ихъ жизненною потребностью. Но за то, сколькихъ бы избавили тѣмъ отъ гибели на будущее время! Большую часть преступлений, и особенно смертоубійствъ, можно приписать опиуму, какъ главной и общей причинѣ.*» Далѣе присовокупляется замѣчаніе, съ которымъ мы совершенно согласны: «*Торгъ опиумомъ есть одинъ изъ самыхъ постыдныхъ и вредныхъ, и рѣшительно клеймитъ безчестіемъ и въплыли стыдомъ нынѣшнее правительство Остъ-Индіи.*»

Перейдемъ опять къ берегамъ Китая, и послушаемъ, что говорятъ тамошніе очевидцы, наблюдавшіе дѣйствіе опиума на самомъ мѣстѣ. Г. Гуцлаффъ сдѣлалъ множество путешествій вдоль Китайскаго берега, и страшно описываетъ ужасы опиума и разрушительное его дѣйствіе на физическую и нравственную человѣческую жизнь. Г. Медгурстъ, бывшій въ Китаѣ въ ближайшее къ намъ время, гово-

рять: «Тотъ, кто не видалъ дѣйствія опиума, вдыхаемаго изъ трубки на Востокъ, едвали можетъ составить себѣ понятіе о злокачественныхъ дѣйствіяхъ его на здоровье, нравственныя силы и жизнь чловѣка. Разслабленіе тѣла и сокращеніе жизни неизбежно слѣдуютъ послѣ употребленія опиума въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, гораздо вѣрнѣе и разрушительнѣе, нежели послѣ неумѣреннаго употребленія крѣпкихъ напитковъ. Продавцы опиума не воображаютъ себѣ всего зла, какое они причиняютъ, занимаясь своимъ злокачественнымъ и разрушительнымъ торгомъ, но разность между увеличеніемъ народонаселенія въ Китаѣ прежде и послѣ введенія тамъ опиума, должна бы открыть имъ глаза, и научить ихъ не брать на свою душу отвѣтственности за всѣ болѣзни и смерть неизсчитаннаго числа страдальцовъ, сдѣлавшихся жертвами пагубнаго торга. И если правда, что народонаселеніе въ Китаѣ увеличивалось прежде по три на сто, а нынѣ увеличивается только по одному на сто, надобно было бы выискнуть: не причиною ли тому, въ нѣкоторомъ отношеніи, опиумъ, и не составляетъ ли онъ преступнаго орудія столь многихъ бѣдствій?»

Съ тѣхъ поръ, какъ торговля опиумомъ сдѣлалась въ Англіи предметомъ общаго вниманія, явилось множество статей для ея оправданія, со стороны людей, занимающихся ею, и для истребленія невыгоднаго впечатлѣнія, произведеннаго на умы въ послѣднее время. Можно довольно основательно судить о чистотѣ и справедливости дѣла, по доказательствамъ, приводимымъ для ея оправданія. Мы уже показали, какъ неудачно увѣряютъ насъ, что опиумъ невреднѣе крѣпкихъ напитковъ и составляетъ необходимый и безвредный предметъ роскоши на Востокъ. Говорятъ также, что Китайское Правительство сопротивляется

вывозу его не отъ убѣжденія въ его вредоносныхъ качествахъ, но единственно потому, что въ замѣнъ его вывозится изъ Китая серебро. Мы не имѣемъ другихъ средствъ судить о побудительныхъ причинахъ дѣйствія Китайскаго Правительства, какъ рассматривая только нѣкоторые документы, переведенные съ Китайскаго языка, и которые, кажется, не служатъ подтвержденіемъ вышеприведенныхъ показаній.

Хотя первоначальное воспрещеніе на опиумъ и имѣло источникомъ ошибочное правило политической Экономіи, что «не годится выпускать изнутри государства чистое серебро, въ замѣну грязи, привозимой изъ чужихъ странъ», но съ тѣхъ поръ, какъ власти Китая глубже вникнули въ предметъ, они получили объ немъ болѣе основательныя понятія. Въ докладѣ, поднесенномъ Богдыхану Геу-Наэтземъ (Heu Naetse), вице-президентомъ Совѣта Жертвоприношеній (Sacrificial Court), мы читаемъ слѣдующія слова: «Въ книгѣ врача Ле Шечина (Le Shechin) опиумъ называется *абугунгъ* (afoogung). Если кто сдѣлаетъ привычку употреблять его, то для него обращается уже въ необходимость и потребность возобновлять приемы черезъ извѣстные промежутки времени, и вкоренившаяся такимъ образомъ привычка убиваетъ челоуѣка, разстроиваетъ его имущество и дѣлается для него дороже самой жизни. У тѣхъ, которые употребляютъ опиумъ въ большомъ количествѣ, дыханіе становится слабо, лицо опадаетъ, тѣло чахнетъ и зубы чернѣютъ. Они сами видятъ злыя послѣдствія опиума, но не имѣютъ силы отстать отъ него. По разсмотрѣніи сего предмета, оказывается, что курящіе опиумъ всегда суть лѣнныя тунеядцы, неимѣющіе передъ собою ничего полезнаго впереди, и несостоящіе того, чтобы смотрѣть на нихъ, и да же презирать ихъ. И хотя бываетъ, что курильщи-

ки достигаютъ нѣкоторой степени старости, но они никогда не достигаютъ долготы жизни другихъ людей.»

Свидѣтельства Чу-Тэуна; и другихъ почетныхъ мандариновъ, подтверждаютъ сян показанія, и показываютъ, что они видятъ совершенно ясно злыя послѣдствія куренія опиума.

Кромѣ явнаго вреда здоровью и уменьшенія народонаселенія, система контрабанднаго ввоза опиума въ Китай производитъ другія важныя послѣдствія. Величайшіе беспорядки въ дѣлахъ, лихоимство властей, и поощреніе и содержаніе цѣлыхъ шаекъ самыхъ отчаянныхъ бродягъ, суть необходимыя результаты беззаконнаго торга, и часто случается, что встрѣча контрабандистовъ съ береговою стражею стоитъ жизни нѣсколькимъ человѣкамъ. Несчастные обыватели подвергаются грабежу и притѣсненіямъ, и усилія обратить ихъ въ христіанство дѣлаются совершенно тщетными, потому, что миссіонеровъ смѣшиваютъ съ контрабандистами, и всѣ ихъ попытки распространить ученіе христіанства принимаются съ подозрѣніемъ и негодованіемъ.

Вотъ исчисленіе нѣкоторыхъ золъ, источникъ коихъ есть торговля опиумомъ. Можно бы насчитать еще болѣе, и распространиться объ нихъ съ большими подробностями, но мы боимся, что сказали уже больше нежели достаточно, для того, чтобы насъ причислили «къ безпокойнымъ мечтателямъ, сантиментальнымъ философамъ, мѣлочнымъ, максимымъ моралистамъ», хотя мы и не постигаемъ; за чтобы насъ такъ величать. Торгъ опиумомъ безчестенъ и противенъ всѣмъ правиламъ человѣчества, а потому не долженъ быть терпимъ и вопіющая справедливость воспрещаетъ намъ молчаніе. Англичане снабжаютъ Ки-

тайцовъ смертельнымъ ядомъ, который ежегодно истребляетъ тысячи людей. Въ Англии строго запрещено не снабжать мышьякомъ и другимъ ядовитыми веществами, если имѣютъ хотя малѣйшее подозрѣніе, что покупатель запасается ими для убійства. Полицейскіе чиновники разставляютъ по мостамъ столицы, чтобы не допускать какого нибудь несчастливца броситься въ воду; но опиумомъ въ Китаѣ дорогу къ прекращенію своего существованія открываютъ тому, кто захотѣлъ бы ею воспользоваться. Чудную аксіому, кажется, переняли мы у Китайцовъ, и, безъ сомнѣній, весьма не философскую, что «люди раздѣляются не только на разныя *сословія*, но даже на разныя *роды*!»

Трудно предполагать, чтобы торгъ опиумомъ могло прекратить одно простое челоуѣколюбіе, а потому мы постараемся доказать вредное его вліяніе на законную торговлю и истинныя выгоды нашего отечества. Главныя препятствія для выгодныхъ сношеній нашихъ съ Китаемъ состоятъ въ томъ что Китайцы не питаютъ къ намъ уваженія и добраго расположенія, и торговля опиумомъ была всегда обильнымъ источникомъ ихъ справедливыхъ подозрѣній и неудовольствій. Кіа-Кингъ, въ началъ своего царствованія, запретилъ ввозъ его въ Китай, и денежные пени и наказанія сдѣлались удѣломъ нарушителей закона. Но зло продолжало увеличиваться, и когда совершенно убѣдились въ пагубныхъ послѣдствіяхъ куренія опиума, виновные начали подвергаться болѣе строгимъ наказаніямъ. Въмѣсто ударовъ бамбукомъ и колодки, продавцовъ и покупателей стали наказывать тюрьмою, изгнаніемъ, конфискаціей ихъ имущества. Въ послѣднее время несчастные подвергались наконецъ смертной казни, и были всенародно удавливаемы.

Между тѣмъ усиливали таможенную стражу, и начали слѣдить за всѣми иностранцами съ величайшею дѣлательностью. Гонимыхъ купцовъ стали брать въ заложники для обезпеченія иностранныхъ судовъ, и требовали съ нихъ обязательства въ томъ, что на ихъ судахъ не будутъ привозить запрещенныхъ товаровъ. Съ суперкаровъ требовалась также подписка. Перехватываніе контрабанды причинило частыя остановки торговли чаемъ, и сообщеніе Кантона съ Макао встрѣчало величайшія затрудненія. Опасенія контрабанды заставили Китайцевъ устроить постоянныя станціи около Линтина, гдѣ нѣсколько поставленныхъ на якорь судовъ служили складочными мѣстами запрещенныхъ товаровъ всякаго рода. Не взирая на всѣ усилія Правительства прогнать сіи суда, число ихъ увеличилось, и на нихъ стали выгружать даже и незапрещенные Правительствомъ товары, для того только, чтобы избѣжать платы пошлины. Такимъ образомъ беззаконный торгъ приобрѣлъ значительный верхъ надъ законнымъ, и трудно было рѣшить, не превратится ли со временемъ вся торговля съ Китаемъ въ запрещенную? Другое обстоятельство заслуживаетъ также вниманія. Распространеніе контрабандной торговли произвело большую тревогу между Кантонскими Резидентами. Переходъ отъ контрабанды къ пиратству весьма обыкновененъ во всѣхъ частяхъ Земнаго Шара, и присутствіе множество вооруженныхъ судовъ при берегахъ Китая возбуждало опасенія робкихъ туземцовъ; начальникамъ предписано быть осмотрительными, позволяя иностранцамъ подходить къ Китайскимъ судамъ въ тѣхъ моряхъ.

Всѣ приведенныя нами обстоятельства въ высшей степени являлись вредны честной торговлѣ, и были весьма ощутительны тѣмъ, кто торговалъ съ

Кантономъ. Но болѣе всѣхъ страдали отъ торга опиумомъ Англійскіе купцы, потому, что Китайцы полагали его исключительно находящимся въ ихъ рукахъ, и сваливали на Англичанъ отвѣтственность всѣхъ происходящихъ отъ него золъ. Всѣ ящики, приходящіе изъ Британскихъ владѣній въ Индію, имѣютъ клеймо Осгъ-Индской Компаніи, съ которымъ туземцы хорошо знакомы, и намъ извѣстно, что лучший по ихъ оцѣнкѣ опиумъ имѣетъ тамъ названіе *Компанейскаго*. Многіе изъ Китайскихъ документовъ показываютъ, какими глазами смотритъ тамошнее Правительство на насъ, какъ на народъ. Оно вообще считаетъ Англичанъ явными и систематическими нарушителями законовъ, извлекающими свои выгоды изъ продажи яда, отравляющаго и губящаго большую часть народонаселенія въ Китаѣ.

Чу Тсунъ, о донесеніи коего Богдыхану мы уже упоминали, говоритъ въ Исторіи Формозы: «Опиумъ первоначально выдѣлывался въ Каутсиннѣ (Kaoutsinne), что тоже самое, что Калапа (Батавія), какъ говорятъ нѣкоторые. Жители сего острова были сначала ловки и дѣятельны, и будучи хорошими воинами, возвращались всегда побѣдителями съ поля сраженія. Но народъ, называемый *Гунгъ-мау* (красноволосый) пришелъ туда, и начавши дѣлать опиумъ, научился у тамошнихъ жителей курить его. Отъ нихъ страсть къ куренію распространилась быстро по всему народу, такъ, что въ короткое время онъ ослабѣлъ, изнѣжился, попалъ подъ чуждую власть и наконецъ былъ совершенно поработенъ. Англичане принадлежатъ къ породѣ чужеземцевъ, называемыхъ *Гунгъ-мау*. Вводя употребленіе опиума, они имѣли намѣреніе ослабить и разстроить наше Великое Царство. Если мы не подумаемъ о сво-

ей опасности, то скоро будемъ на послѣдней ступени къ гибели. Поступки упомянутыхъ варваровъ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, клонятся къ явному неповиновенію; да и чему другому приписать то, что ихъ корабли приходятъ тайкомъ къ областямъ Фухкеянь, Чиксангъ, Кэенганъ и Шактунгъ, и даже въ Тэентсинъ? На сей вопросъ я чувствую себя не въ силахъ отвѣчать. Перечитывая съ благоговѣніемъ здравыя наставленія велемудраго предка Вашего Пресвѣтлаго Величества, прозваннаго *Благоклоннымъ* (Кангге), я нашель слѣдующее его замѣчаніе, писанное 10-го мѣсяца, въ 55-й годъ его царствованія (1717 г.): «Есть причины ожидать, что въ продолженіе грядущихъ столѣтій и тысячелѣтій Китай будетъ въ опасности отъ дерзновенія разныхъ народовъ, которые приплывутъ отъ Запада изъ-за моря». Возвожу взоръ къ небу, и удивляюсь милостивому снисхожденію велемудраго предка, вашего удостоявавшаго своей мысли варваровъ, живущихъ въ Небеснаго Царства, и дающаго отдаленной будущности мѣсто въ своемъ священномъ и всепредусматривающемъ предвидѣніи! И нынѣ, въ продолженіе періода двухъ столѣтій послѣ него, мы дѣйствительно видимъ начало опасности.» Сомнѣваемся, чтобы разсужденіе, сильнѣе слѣдующаго, было когда нибудь представлено самовластному монарху Китаю, для возбужденія его опасеній:

Съ удивленіемъзираю я на попеченія моего священнаго властелина о военномъ и гражданскомъ воспитаніи подданныхъ, для дарованія прочнаго основанія благосостоянію царства, и удержанія въ страхъ и повиновеніи варваровъ, находящихся вкругъ него. Но пока потокъ ввоза опиума не будетъ совращенъ съ его пути, невозможно съ увѣренностію сказать, чтобы никто въ нашемъ воинскомъ станѣ не вдыхалъ въ себя сего ядовитаго зелья. И если войско однажды заразится страстію къ нему, то злокачественная эссенція нач-

неть, губительное дѣйствіе, и привычка къ ней укрѣпится до такой степени, что никакими силами невозможно будетъ, его истребить. Когда употребленіе опиума укоренится, то какими образомъ жертвы его, съ колеблющимися стопами, дрожащими, руками и слезами на глазахъ, будутъ въ состояніи исполнять воинскую обязанность? Или какими образомъ можно будетъ изъ подобныхъ людей составить сильныя и грозныя полчища? Воины будутъ тогда одинаково неспособны идти впередъ въ битву, или назадъ для отступленія и защиты своихъ пепелищъ. Ясное доказательство того было въ войнѣ противъ Яускихъ (Yaou) возмутителей, въ 12-й годъ благословеннаго царствованія нашего Пресвѣтлаго Владыки (1832 г.). Въ войскѣ, посланномъ на сей предметъ къ Дезпчову (Despchow), большая часть солдатъ были курильщики опиума, такъ, что хотя число ихъ и было велико, но войско едва ли имѣло существенную силу.

Сіи доказательства должны имѣть значительный вѣсъ, если мы вспомнимъ, что Китайцамъ хорошо извѣстны успѣхи Британскаго оружія въ Индіи, не говоря уже о томъ, что они были сами свидѣтелями неустрашимой переправы нашихъ войскъ черезъ Богуэ (the passage of the Bogue) и успешныхъ нападений на Макао. Страхъ и ненависть Китайцовъ должны еще болѣе усилиться разсужденіями Гей-Кью, служащаго по военной администраціи. «Нѣкоторые почитаютъ», говоритъ онъ, «преслѣдованіе запрещеннаго торга слишкомъ строгимъ и могущимъ причинить нападеніе на наши предѣлы. Нѣсколько разъ размышлялъ я о семъ предметѣ, и старался сообразить, какимъ образомъ варвары, въ странѣ которыхъ не курятъ опиума, дерзаютъ привозить его къ намъ и отравлять имъ жителей нашего Цвѣтущаго Царства? Я вывелъ, что они слишкомъ презрительны, и нестоятъ того, чтобы на нихъ обращать хоть единую мысль, которая показывала бы заботливости и опасеніе. Въ последнее время чужеземцы осмѣлились входить съ своими судами во всѣ мѣста и крей-

сировать въ нашихъ моряхъ. Вѣроятно, что они дѣлаютъ все это съ злымъ намѣреніемъ высмотрѣть нашу настоящую силу, или слабость.»

Сдѣлаемъ еще одно извлеченіе изъ Китайскихъ документовъ, дабы показать, что Правительство тамошнее давно уже имѣло намѣреніе, лучше совершенно прекратить торговлю съ иностранцами, нежели допустить ввозъ опиума.

Принявъ строгія и спасительныя мѣры внутри царства, можемъ мы пзаться за иностранныхъ резидентовъ, допросить, устранивъ ихъ, и содержать въ заключеніи, а потомъ извѣстить ихъ о новыхъ постановленіяхъ, и обязать, чтобы они, въ продолженіе положеннаго срока, принудили весь стоящій у Лингшиа суда возвратиться въ ихъ земли. А также подобно заставить ихъ написать письмо къ своему государю, что опіумъ есть дѣло, истребляющее во внутреня части царства, къ существенному вреду народа; что Небесное царство наше казывается самымъ жестокимъ образомъ измышляеть, продающихъ опіумъ, и что касаясь до иностранныхъ резидентовъ, то Правительство, принимая въ разсужденіе, что они варвары и рабы, потому не хочетъ произносить надъ ними смертнаго приговора и освободить ихъ, если только принимающій опіумъ судъ удалялся отъ Китайскихъ береговъ, и не будутъ болѣе приходить къ нимъ. Въ такомъ случаѣ будетъ дозволено варварамъ продолжать торговля опіумомъ безпрепятственно. Если же, напротивъ, они снова будутъ приводить корабли къ нашимъ берегамъ, для соблазненія жителей затрепещеными товаромъ, то дозволенная имъ торговля чаемъ, шелкомъ, и проч. будетъ рѣшительно воспрещена, и надъ резидентами сказанныхъ иностранныхъ народовъ новыя уголовныя законы будутъ издаваемы во всей строгости. Если повѣльнѣе столь строгаго и снѣжнаго характера будутъ переданы намъ варварамъ, языкомъ прилично сильнымъ и полярнымъ, то хоть отъ природы они и самаго низкаго свойства, и не лучше собакъ, или барановъ (their nature be the most abject, that of a dog, or a sheep), но, вѣрно, стараюсь сохранить свою жизнь, употребятъ они все усилія для пріобрѣтенія опиума и избавленія опасности.

Новѣйшія происшествія доказали, что нельзя совершенно пренебрегать такими угрозами Китайцовъ, и что они готовы будутъ приступить къ насильственнымъ мѣрамъ, если кроткія средства не помогутъ. Послѣ всего приведеннаго нами не можетъ быть и тѣни сомнѣнія, что торговля опиумомъ имѣла самое вредное вліяніе на сношенія наши съ Китаемъ, увеличивъ опасеніе и презрѣніе, отдѣляющія ихъ отъ насъ, возбудивъ всѣ ихъ предрасудки и покрывъ величайшимъ безчестіемъ тѣхъ, кто ею занимался.

Многіе изъ купцовъ, живущихъ въ Кантонъ и не торгующихъ опиумомъ, открыто протестовали противъ его продажи, и даже тѣ, которые наиболѣе вдали въ сей торгъ, стыдятся своего поведенія, и стараются свалить порицаніе на другихъ. Образчикъ подобнаго извиненія явится въ рѣчи г-на Жардина, говоренной на публичномъ общѣ въ Китаѣ, передъ самымъ отправленіемъ его въ Англию. «Высоко цѣню Кантонское общество; оно занимаетъ въ моемъ мнѣніи первостепенное мѣсто, даже между всеми negocians на Востоку», говорилъ г-нъ Жардинъ. «Между тѣмъ мнѣ известно, что его обвиняютъ въ запрещенной торговлѣ и называютъ шайкою смугглеровъ. Решительно отвергаю, MM. G., такое обвиненіе: мы не смугглеры. Китайское Правительство и Китайскіе чиновники суть сами настоящіе контрабандисты, занимающіеся запрещенною торговлею и ободряюще ея, а не мы. Взгляните на Остъ-Индскую Компанію: не она ли мать всего смугглерства и всѣхъ смугглеровъ?» Кажется, достаточно доказали мы, что Китайцы сопротивляются ввозу опиума по нравственнымъ причинамъ, и поведеніе ихъ въ послѣднее время ясно показываетъ, что они рѣшительно ему противятся. Остъ-Индская Компанія никогда не принимала участія въ постыдномъ торгѣ. Напро-

тивъ, Избранный Комитетъ такъ хорошо понималъ вредъ, долженствующій неминуемо отъ него последовать, и необходимость возвысить въ глазахъ Китайцевъ нашъ национальный характеръ, внушивъ къ нему уваженіе, что чиновникъ, замѣченный въ провозѣ опиума по Кантонской рѣкѣ, былъ немедленно отставленъ.

Долго ли еще торговля опиумомъ могла продолжаться, и до чего она достигла бы, еслибы Китайское Правительство не употребило силы для ея прекращенія — вопросъ еще нерѣшенный. Боимся, что много времени могло бы еще пройти, прежде, нежели чувства человеколюбія взяли бы верхъ надъ личными выгодами. Огромные барышни, почерпаемые изъ нечистаго источника, слишкомъ соблазнительны, и противъ нихъ нелегко устоять, а воззванія совѣсти весьма хорошо укрепляются приличными разсужденіями. Сюда можно причислить и тотъ выводъ, будто торговля опиумомъ производить освобожденіе Китайскаго народа, унижая высшіе классы, которые, отъ привычки курить опиумъ, приходятъ къ униженію. Мы видимъ здѣсь новую вариацию, на извѣстную уже тему, что «позволительно дѣлать зло, для того, чтобы изъ него произошло добро.»

Говорятъ еще, что еслибы Англичане перестали торговать опиумомъ, то за него принялись бы другіе народы, и Англія была бы въ убыткѣ отъ своего неумѣстнаго человеколюбія. Мы увѣрены, что никакая другая нація не можетъ здѣсь ничѣмъ воспользоваться, потому, что у нея не будетъ къ тому ни средствъ, ни возможности. Прежде, нежели успѣютъ выдѣлать достаточное количество яда, и сварднить суда для перевоза его на продажу, Китайское Правительство искоренитъ пагубную при-

вычку. И опять, всѣмъ очень хорошо извѣстно, что если другіе начнутъ торговать опиумомъ, то имъ уже нельзя будетъ торговать чѣмъ либо инымъ. Всякая законная торговля должна быть оставлена. Уже и теперь представители различныхъ Европейскихъ государствъ пытаются приобрести себѣ уваженіе Кантонскихъ властей, показывая, что они не имѣютъ никакихъ сношеній съ контрабандистами, и весьма вѣроятно, что нынѣ, такъ же какъ и прежде, Европейцы стараются подручными средствами подрыть другъ друга, чтобы какимъ нибудь образомъ завладѣть исключительною торговлею съ Китаемъ.

Мы слышали еще одно доказательство въ пользу нынѣшней системы, и оно будетъ у насъ представлено послѣднимъ. Увѣряютъ, что если капиталисты, занимающіеся торговлею опиумомъ, отстанутъ отъ нея, то она перейдетъ въ руки простыхъ смуглеровъ, и берега Китая будутъ со временемъ кипѣть разбойниками, немногимъ лучше бужаньеровъ. Другими словами: поелику всегда можно пайдти достаточное количество мерзавцовъ, готовыхъ на все, то лучше же замѣнять ихъ честными *джентельменами*, имѣющими средства дѣлать зло въ болышею мащтабъ и съ болышею системою. Въ самомъ дѣлѣ, значительность капитала, употребленнаго на торгъ опиумомъ, доставляетъ ему успѣхъ. Еслибы постройка, устройство и снабженіе судовъ были не такъ хороши, то немудрено, что Китайцамъ и удалось бы давно подавить погубную торговлю опиумомъ.

Но — довольно. Вѣроятно, пока мы пишемъ сіи строки, торгъ опиумомъ уже прекращенъ; смертельный ударъ былъ ему нанесенъ послѣдними происшествіями въ Кантонъ; остается только рассмотреть, справедливы ли были мѣры, принятыя Китайцами, и какой политикѣ подобно теперь держаться намъ,

Англичанамъ? Не задумываясь, объявляемъ наше убежденіе, что по числу прежнихъ предостереженій, новѣйшія происшествія могли быть не только предвидѣны, но даже отвращены. Положеніе капитана Эллиота заслуживаетъ особенное вниманіе, и тѣмъ болѣе, что онъ самъ его не постигалъ, а потому не зналъ, какъ ему должно было дѣйствовать въ случаѣ крайности?

Всякому извѣстно, что передъ окончаніемъ срока привилегій Остъ-Индской Компаніи, выраженія: *Англійскій* и *принадлежащій Остъ-Индской Компаніи*, были у Китайцовъ синонимами, такъ, что они считали президентовъ и Избранный Комитетъ главами и правителями всего, носящаго то и другое названіе. Въ слѣдствіе сего ихъ называли *таэ-пань*, или *главными людьми*, и къ ихъ рѣшенію прибѣгали во всѣхъ спорахъ и недоразумѣніяхъ. По окончаніи монополіи, мѣстные власти требовали присылки другихъ *таэ-пановъ*, вмѣсто *Компанейскихъ*, ибо дотоле Избранный Комитетъ имѣлъ главный надзоръ надъ Британскимъ мореходствомъ и торговлею, и на него падала отвѣтственность за всѣ дѣйствія, несогласныя съ законами и договорами. Суперъинтенданты надъ Британскою торговлею въ Китаѣ назначены Правительствомъ вмѣсто Компанейскихъ суперкаровъ, и имъ вручили полную власть и весь надзоръ за торговлею. Потому Китайцы смотрѣли на сихъ чиновниковъ, какъ на людей, поставленныхъ въ обязанность *таэ-пановъ*, и, слѣдовательно, на нихъ оставалась послѣ сего полная отвѣтственность за всѣ поступки Англичанъ, несходныя съ законами.

Мало нужды до того, какою властью былъ обмеченъ Министрами капитанъ Эллиотъ, былъ ли онъ назначенъ консуломъ, повѣреннымъ въ дѣлахъ, или

коммисіонеромъ, но лено, что онъ дѣйствовалъ, какъ будто былъ всемъ тѣмъ въ одно время, и Китайцы смотрѣли на него, какъ на настоящаго таэ-пана. Они не знаютъ, да и мало думаютъ о нашихъ чинахъ и отличіяхъ, но хорошо проникли въ намѣренія Эллиота, какъ они полагали, когда запретили ему плаваніе вверхъ по рѣкѣ. Его собственное объясненіе съ посланными къ нему Китайскими чиновниками, отправленными въ Макао отъ Кантонскаго Вицераля, было слѣдующее:

Имя мое Эллиотъ; я Англійскій офицеръ четвертаго разряда; весною 14-го года Тау-ванга я прибылъ сюда на крейсере, а которомъ правительство было извѣщено лоцманами. Въ продолженіе двухъ-лѣтняго моего пребыванія въ Макао, я подписывалъ паспорты отъплывавшимъ въ Англію судамъ. Нынѣ факторія Компаніи не возобновлена и таэ-паны не были, но получивъ повелѣніе отъ великихъ министровъ моего Короля, я обязанъ наблюдать за поведеніемъ купцовъ и корабельщиковъ, а не управлять ихъ торговыми дѣлами. По сему я долженъ видѣть въ Кантонѣ, какъ офенціальное лицо моего Правительства, а въ случаѣ какихъ либо несогласій, или затрудненій, между купцами или корабельщиками, рѣшать ихъ и надзирать за ними.

Вицерой, въ донесеніи своемъ Императору, изъливъ нѣкоторое недоразумѣніе въ значеніи разныхъ выраженій, переходитъ къ слѣдующему заключенію:

«Разсмотрѣвъ дѣло со вниманіемъ, я нахожу, что со времени уничтоженія факторіи Англійской Компаніи таэ-паны сюда не присылаются. Въ послѣдніе годы упомянутый варваръ Эллиотъ занимался въ Макао подписываніемъ бумагъ Англійскихъ кораблей, возвращавшихся на родину, и безпрепятственно исполнял свою обязанность; конечно, надобно было, чтобы кто нибудь, для соблюденія порядка, пересматривалъ упомянутыя бумаги; ибо кораблей было много и дѣла не терпѣли отлагательства. Сказанный варваръ былъ уполномоченъ своимъ Правительствомъ надзирать за корабель-

щниками и купцами; словомъ, обязанность его таже самая, что *таэ-пань*, хоть названіе и различно, и такъ все дѣло въ томъ, что одного варвара замѣняютъ другимъ, и переимѣна сія, невлекущая за собою дурныхъ послѣдствій, можетъ быть дозволена.

Очевидно, что капитанъ Элліотъ въ глазахъ Китайцовъ былъ не болѣе, какъ *таэ-пань*, потому, что не могъ имѣть большаго значенія, а, слѣдственно, онъ не имѣлъ и права считать себя даже *консуломъ*. Власть консула не можетъ быть вручена какому нибудь лицу его Правительствомъ иначе, какъ зная навѣрное, что она будетъ признана неприкосновенною на мѣстѣ его назначенія. Такимъ образомъ, обязанность капитана Элліота состояла въ надзорѣ за торговлею и наблюденіи, чтобы законы страны были соблюдаемы, и чтобы дѣла были ведены правильно и мирно, въ чемъ онъ долженъ былъ отвѣчать, не только передъ своимъ Правительствомъ, но и передъ Китайскимъ, ибо оно допустило его присутствіе не иначе, какъ на упомянутомъ основаніи. Посему, обязанность его касалась *только законно торговли*; онъ не только не долженъ былъ имѣть ничего общаго съ *запрещеннымъ торговлею*, но даже избѣгать малѣйшаго подозрѣнія въ сношеніи съ контрабандистами. Въ томъ состояла прежде политика Избраннаго Комитета Компаніи и ей должны были слѣдовать ея преемники. Выѣшавшись въ дѣла смугглеровъ, и имѣвши неосторожность даже оказывать имъ покровительство, естественно было заставить Китайцовъ считать и себя въ числѣ контрабандистовъ, какъ челоуѣка одноплеменнаго съ ними, и потому Элліотъ не имѣлъ права требовать для себя никакого исключенія въ мѣрахъ строгости, принимаемыхъ Китайскимъ Правительствомъ для прекращенія запрещеннаго торгова.

Никто не можетъ опровергать несомнѣннаго права Китайскаго Правительства воспрещать ввозъ и употребленіе товара, считаемаго имъ смертоноснымъ ядомъ. Оно рѣшилось приступить къ строгимъ мѣрамъ, необходимость коихъ сдѣлалась очевидною. Послѣднія обстоятельства хорошо извѣстны изъ журналовъ. Наказывая виновныхъ различнымъ образомъ и не успѣвая тѣмъ остановить распространенія зла, Правительство рѣшилось наконецъ приступить къ новой мѣрѣ: для возбужденія въ жителяхъ негодованія противъ чужеземцовъ, пѣсодѣло преступниковъ, обличенныхъ въ продажѣ и куреніи опиума, были публично удушены на площади передъ Кантонскими конторами. Одна изъ сихъ казней совершилась въ Кантонъ 12-го Декабря 1838 года, и народъ до того ожесточился, что произошли значительные безпорядки, и иностранцы резиденты должны были просить покровительства мѣстной полиціи. За тѣмъ воспослѣдовало прибытіе, въ Мартъ мѣсяцъ сего года, «высокаго императорскаго сазовника, который, исполнивъ съ честью нѣкоторыя весьма важныя порученія, былъ посланъ для приведенія въ порядокъ пограничныхъ дѣлъ». Сазовникъ сей, *Лиань*, былъ облеченъ неограниченною властью, и имѣлъ съ собою великую печать, которая всего только два, или три раза была довѣряема верховнымъ лицамъ съ незапамятныхъ временъ. Онъ имѣлъ строжайшія предписанія стараться, во что бы ни стало, уничтожить торговлю опиумомъ.

Лиань приступилъ къ исполненію возложенной на него обязанности кротко и умѣренно, такъ, что его политика сдѣлала бы честь любому образованному народу. Онъ приказалъ задержать и строжайше допросить переводчиковъ и Гонгскихъ купцовъ, для узнаванія отъ нихъ виновныхъ въ контрабандѣ, и у-

звѣвъ, что большая часть иностранныхъ резидентовъ, или прежде были торговцами опиума, или даже въ то самое время занимались сею торговлею, онъ издалъ къ нимъ прокламацію. Въ семъ документѣ, распространившись сначала о милостяхъ Императора, дозволяющаго имъ торговать чаемъ и ривнемъ, онъ говоритъ, что негодование цѣлой націи возбуждено противъ нихъ за упорный ввозъ яда, вопреки повторенныхъ запрещеній Правительства. Въ слѣдствіе чего, онъ повелѣваетъ имъ выдать весь опиумъ, какой только у нихъ есть, для уничтоженія его, и обязаться не привозить его никогда на будущее время. Получивъ неудовлетворительный отвѣтъ отъ Торговой Палаты, онъ принялъ мѣры, заставляющія повиноваться. Плаваніе по рѣкѣ было воспрещено; большіе рынки закрыты, такъ, что всякая торговля была остановлена и иностранцы сдѣлались плѣнниками въ своихъ конторахъ. До какой степени достигли бы сіи усиленные мѣры, великъ ли былъ бы ихъ успѣхъ, невозможно опредѣлить; но, вѣроятно, что свобода была бы вскорѣ возвращена, еслибы выдали настоящихъ контрабандистовъ, на которыхъ и обрушилась бы вся тяжесть наказанія. Изъ донесенія Лумъ-Чуя, и извиненій, дѣланныхъ имъ певинно страдающимъ въ заключеніи, ясно видно, что ему хорошо были извѣстны настоящіе виновные.

Въ то время капитанъ Эллиотъ, имѣвшій мѣсто-пребываніе въ Макао, и слышавшій о приготовленіяхъ, дѣлаемыхъ въ Кантонѣ для прекращенія контрабанды, немедленно издалъ приказаніе: собраться всѣмъ Англійскимъ судамъ и привести себя въ оборонительное положеніе. Большая часть ихъ участвовала въ запрещенной торговлѣ, и весьма естественно, что Китайское Правительство должно бы-

до еще болѣе убѣдиться въ томъ, что Эллиотъ имѣлъ надзоръ, не только за производствомъ законной торговли, но и за контрабандою.

И опять, выказавъ такимъ образомъ свою неосторожность, что же сдѣлать Англійскій чиновникъ? Разсудилъ, что Китайцы уже достаточно напуганы, и что одного его присутствія будетъ достаточно для устрашенія Императорею Коммиссiи, и окончанiя всѣхъ недоразумѣнiй и неудовольствiй. И вотъ, онъ отправился въ Кантонъ, съ намеренiемъ употребить власть, которою онъ воображалъ себя облеченнымъ. Нечему удивляться, если онъ ошибся въ расчетъ. Онъ сдѣлалъ точь въ точь ту же ошибку, какъ некогда лордъ Непиръ, и попыталъ ту же самую неудачу и тѣ же огорченiя. Въ вѣдѣнiи того, чтобы пользоваться уваженiемъ, должнымъ представителю могущественной нацiи, онъ увидѣлъ себя плѣшникомъ, жизнь и свобода котораго были въ полной зависимости отъ произвола Китайцовъ. Вѣдь было Эллиоту вѣхать въ Кантонъ одному и беззащитному, въ то время, когда тамъ производилось стражайшее изслѣдованiе торговли опиумомъ. Никто не думалъ ловить его, а онъ самъ вдался въ свѣти, разставленныя для другихъ. Взять же себя обязанностью защитника торгующихъ опиумомъ, онъ заставилъ Китайцовъ смотреть на него и обращаться съ нимъ не иначе, какъ съ однимъ изъ главныхъ виновниковъ контрабанды. Вообще чрезвычайнo трудно вести съ Китайцами переговоры, и для того необходима величайшая тонкость и разборчивость, въ которыхъ каштанъ Эллиотъ показалъ большой недостатокъ.

Вотъ, по нашему мнѣнiю, настоящее состоянiе дѣлъ, и мы не можемъ постигнуть: какимъ образомъ, при изложенныхъ обстоятельствахъ, Эллиотъ

былъ оправданъ въ своихъ дѣйствіяхъ? Далѣе, онъ преступилъ предѣлы своей обязанности, приказавши выдать опиумъ, и поручившись, что Британское Правительство вознаградитъ хозяевъ его за ихъ пожертвованіе. Онъ не имѣлъ никакого права давать подобнаго обещанія, и потому должно считать его медвѣдствительнымъ. Торговцы опиумомъ должны были перенести свою потерю, какъ они хотѣтъ, если они сами не могли принскать средствъ заставить Китайцевъ вознаградить ихъ за претерпѣнные убытки. Они ожидали себѣ большихъ выгодъ, въ случаѣ, если спекуляція ихъ будетъ успешною, за то, они должны были и перенести всю тяжесть неудачи; вмѣсто того, чтобы сваливать ее на другихъ.

Мы не видимъ, чтобы Китайцы чѣмъ либо доставили намъ поводъ прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ, и требовать возмездія. Презрительное обращеніе ихъ съ Эліотомъ должно быть приписано его советвенному неискуству, и едва ли справедлива будетъ война за то только, что контрабандисты были наказаны за свою дерзость и безсовѣтность. Впрочемъ, что нибудь должно сдѣлать, для предупрежденія обидъ законнымъ торговцамъ, живущимъ въ Кантонѣ; иначе они всегда будутъ невинными страдальцами за противозаконные поступки другихъ, съ которыми не имѣютъ ничего общаго и надъ которыми не имѣютъ никакой власти! Свобода и жизнь ихъ всегда будутъ въ безпрестанной опасности, и они совершенно ни за что будутъ заложниками добраго поведенія негодяевъ. Вооруженное посредничество можетъ быть полезно не иначе, какъ въ весьма большомъ размѣрѣ, и если къ нему прибѣгнуть, то надобно будетъ дѣйствовать настойчиво, а иначе придется отказаться отъ нашего вліянія на Востокъ. Мы имѣемъ въ Китаѣ множество соперни-

ковъ, которые не преминутъ воспользоваться удобными случаями и навлести свои выгоды на нашъ счетъ.

Благоразумнейшій шагъ въ означенномъ положеніи дѣлъ, который въ то же время покажетъ искренность и благонамренность Торговой Палаты, есть тотъ, чтобы всѣ иностранные купцы, торгующіе въ Китаѣ, согласились между собою вдругъ прекратить всякія сношенія съ туземцами, до тѣхъ поръ, пока они не принесутъ извиненій за свое насильственное обращеніе, и Правительство Китайское не дастъ обещанія, что подобныхъ дѣлъ впередъ не будетъ. Можно еще требовать возвращенія захваченнаго опіума, для вывоза его изъ Китаю, ибо всякій, хоть сколько-нибудь знакомый съ характеромъ Китайцовъ, долженъ быть увѣренъ, что они его не сожгутъ и не употребятъ какимъ либо другимъ образомъ (въ чемъ увѣряютъ насъ многие журналисты). Платя, излагаемъ нами, не могъ бы оставаться безъ успѣха, еслибы всѣ иностранные купцы надлежащимъ образомъ поддерживали другъ друга. Одна бѣда: трудно, чтобы частныя выгоды не имѣли перевѣса надъ общимъ благомъ. Въ противномъ случаѣ, Китайское Правительство скоро увидѣло бы себя въ необходимости уступить, изъ опасенія возмущеній пѣсколькихъ сотъ тысячъ людей, существующихъ единственно торговлею съ иностранцами; вѣроятно также и то, что потеря таможенныхъ доходовъ заставитъ бы Китайское Правительство смириться на наши требованія.

На будущее время правило нашего поведенія очевидно. Законный и незаконный торгъ не могутъ быть одинаково покровительствуемы. Одинъ должно поддерживать, а другому препятствовать. Человѣкъ и политика, равно посягаютъ, который изъ двухъ

предпочтительнее. Ост-Индская Компания прекратила разработку опиума, а Британское Правительство воспретило ввозъ его въ Китай подъ своимъ флагомъ, то контрабандная торговля вскорь прервалась бы сама собою, и постыдное пятно смуглеретва было бы смыто съ нашего національнаго герба.

Прежде нежели мы дополнимъ къ важному во всѣхъ отношеніяхъ предмету изъясненія подробности, не можемъ не выразить своего удивленія о томъ вообще, что наши Англійскіе купцы въ Азіатскихъ моряхъ не имѣютъ никакого покровительства вооруженной морской силы, а тѣмъ болѣе въ такое время, когда Министерство наше смиренно просило лей-Ост-Индской Компаніи своими собственными чиновниками, и взядо на себя личную отвѣтственность за управление и процвѣтеніе торговли. Предупрежденіе болѣе не лучше, нежели какъ мы просили наши кажутся невнимательными на счетъ правственнаго владѣнія дѣйствительной силой между тѣмъ какъ весьма ценного предумыслительнаго требованіе для предвидѣнія неизбежнаго приближенія послѣдшаго кризиса.

Разработываніе маки производится въ весьма дѣлательномъ и на болышомъ пространствѣ земли въ разныхъ частяхъ Индіи, особенно въ Бенгалѣ, гдѣ способны разработки маки и поныне весьма прибыльны. Но въ округѣ Малва (Malwa district) добывается опиумъ, который, по словамъ англичанъ, тамъ выигрываетъ до половины всего количества маки въ Индіи. Мана, и на всѣхъ маки, и опиума, торговля

превосходнѣе Турецкаго и Персидскаго, не уступая соперничающему съ нимъ, выдѣлываемому въ Патнѣ и Бенаресѣ. Разработываніе его здѣсь совершенно свободно, за исключеніемъ только небольшой пошлины, платимой за провозъ черезъ Бенгаль. Въ Бенаресѣ и Патнѣ, напротивъ, выдѣлываніе опиума принадлежитъ исключительно Правительству, и всякій, кто вздумалъ бы устроить плантаціи для себя собственно, былъ бы немедленно изгнанъ, или принужденъ продать Правительству все, что у него вырастетъ, за положенную цѣну. Обыкновенный способъ разработки мака, слѣдующій: извѣстный участокъ земли дается райоту, или земледѣльцу, и нѣкоторая сумма денегъ предлагается ему въ займы, для облегченія и покупки средствъ къ разработкѣ. Если онъ не соглашается добровольно, то деньги бросаютъ къ нему въ домъ, и принуждаютъ его насильно заняться невыгодною для него работою. Послѣ сего онъ начинаетъ сѣять макъ въ Нолбрѣ мѣсяцѣ, на небольшихъ, отдѣльных одна отъ другой четырехугольныхъ грядахъ, устроивъ между ними дорожки для удобнѣйшаго поливанія и собиранія мака: первое необходимо, ибо макъ растетъ обыкновенно въ самое жаркое время года, и для него требуется лучшая и богатѣйшая почва земли и величайшее попеченіе. Онъ растетъ не такъ хорошо въ болѣе прохладныхъ странахъ. Въ Февраль приступаютъ къ собиранію опиума, прежде чѣмъ агенты Правительства дѣлаютъ примѣрную оцѣнку земли, и рассчитываютъ, сколько опиума долженъ отдать каждый райотъ старостѣ, или *гомаштѣ* (Gomashtah). Разсѣкаютъ головку мака и бережно собираютъ изъ нея сокъ, причемъ присутствуютъ райотъ, его семейство и слуги, если онъ ихъ имѣетъ; не смотря на то, много соку пропадаетъ однакожь даромъ, не

тому, что онъ течетъ по стеблю растенія послѣ разсѣченія маковки. Собранный такимъ образомъ опиумъ ежедневно передается агенту Правительства, который ведетъ счетъ съ райотами, и принимаетъ отъ нихъ произведенія данныхъ имъ на обработку участковъ. Сокъ долженъ имѣть нѣкоторую степень чистоты, въ чемъ пріемщикъ удостовѣряется, обмакивая палецъ въ сокъ и оборачивая его потомъ нѣсколько разъ на воздухъ; если сокъ держится на пальцѣ, то качество его считается удовлетворительнымъ, а если онъ сливается, то его возвращаютъ плантатору для выпариванія, или требуютъ съ него добавочнаго количества, въ вознагражденіе недостатка доброты. Тогда въѣшнваютъ сокъ, и райотъ получаетъ около трехъ рупій за каждый сиръ (seer=1 lb. 13 oz). Если его подозреваютъ въ утайкѣ нѣкоторой части издѣлія, то нарѣшается судъ для изслѣдованія такого страшнаго преступленія.

Разработка опиума производилась въ Индіи съ величайшею дѣятельностью въ послѣдніе годы, и всѣ другіе предметы промышленности были для него, или пренебрежены, или вовсе покинуты, и поелику требуется непременно лучшая почва земли, то многія довольно цѣнные произрастенія должны были уступить мѣсто сему вредному зелью. Тридцать пять тысячъ ящиковъ опиума было произведено въ Индіи въ продолженіе прошлаго года, и средній вѣсъ каждаго ящика былъ около 125 фунт. (Англійскій фунтъ равняется почти 1 ф. 10 з. нашимъ).

Назначеніе сего огромнаго количества довольно ясно описано въ слѣдующемъ извлеченіи изъ статьи: О приготовленіи опиума для Китайскихъ рынковъ, писанной браковщикомъ опиума, служащимъ въ Бенаресской конторѣ:

Главный предмет Бенгальскихъ опиумныхъ агентствъ состоитъ въ томъ, чтобы приготовить зелье, которое наиболее приходилось бы по народному вкусу Китайцовъ, оцѣняющихъ опиумъ въ прямой пропорціи по количеству извлекаемой изъ него жидкой эссенціи, и по чистотѣ и крѣпости дыма, ежели экстрактъ высушить и курить въ трубкѣ. Слѣдственно, главною цѣлью агентовъ должно быть приготовленіе опиума такимъ образомъ, чтобы онъ сохранялъ въ сильнѣйшей степени свои природныя качества, и вмѣстѣ съ ними соединялъ наибольшую разлагаемость въ горячей водѣ. На сихъ качествахъ основана высокая цѣна Бенаресскаго опиума и сравнительно низкія цѣны доставляемаго изъ Бегара, Малва и Турціи. Изъ сихъ странъ опиумъ имѣетъ сравнительно большее количество отуманивающего свойства, но отъ большей плотности и менѣе тщательнаго приготовленія, онъ не способенъ дать большаго количества эссенціи и не имѣетъ такого запаха, какъ Бенаресскій.

Ясно видимъ, что если Остъ-Индская Компанія и не принимала прямого, оффиціального участія въ продажѣ Китайцамъ запрещеннаго товара, она дозволяла и ободряла къ тому купцовъ — система, странно противорѣчащая обѣщанію Компаніи: помогать Китайскому Правительству въ уничтоженіи торга опиумомъ!

Послѣ собранія опиума, какъ выше было описано, его переправляютъ сухимъ путемъ въ Бенгаль откуда малая часть отправляется въ Европу, а главное количество перепродается опиумнымъ купцамъ.

Суда, предназначенныя ими для переезда опиума къ Китайскимъ берегамъ, суть, по большей части, малыя шхуны и бригантины, нарочно для сего строящіяся, съ низкимъ корпусомъ, разсѣкающія волны такимъ образомъ, что палуба безпрестанно мокра — обстоятельство, дѣлающее ихъ совершенно неспособными ко всякой другой торговлѣ, кромѣ опиумной. Но легкость, съ какою они лавируютъ противъ сѣверо-восточныхъ муссоновъ, постоянно дующихъ

Т. XI. — Отд. III. 147.

между Ноябрьем и Апрельем, и превосходство хода и других мореходныхъ качествъ, дѣлаетъ ихъ предметомъ удивленія всѣхъ моряковъ, и заставляетъ считать ихъ въ числѣ лучшихъ судовъ, плавающихъ по морямъ во всѣхъ широтахъ земнаго шара. По прибытіи въ Макао, *клипперы* (какъ ихъ обыкновенно называютъ) иногда выгружаютъ опиумъ въ какое нибудь старое судно, парочно ошвартованное съ сею цѣлью, или переходятъ къ острову Линтину, гдѣ содержится станція, состоящая изъ семи, или восьми *полуторныхъ* судовъ, на которыхъ опиумъ остается до первой возможности провезти его на берегъ. Последнее принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ чертъ сего торга.

Во первыхъ, надобно, чтобы мѣстное начальство въ Макао и Линтинѣ не видало ничего; для сего принята полная система подкупа, и таможенные чиновники, начиная отъ высшихъ начальниковъ и до простыхъ служителей, находятся все на жалованьи у купцовъ. Даже судьи и губернаторы не всегда бываютъ неприступны. Уничтоживъ, или уменишивъ такимъ образомъ препятствія въ портахъ, надобно однакожь перевезти опиумъ на берегъ и раздѣлить его между купцами. Въ томъ состоитъ обязанность, такъ называемыхъ, «проворныхъ крысъ» (*fast crabs*), легкихъ лодокъ, не боящихся погоди, и всегда, въ случаѣ нападенія, готовыхъ къ отчаянному сопротивленію. Посредствомъ ихъ опиумъ переходитъ въ руки Китайскихъ купцовъ, и распространяется по всей Китайской странѣ, подобно опухоли отравленной раны, разрушающей здоровье на своемъ злокачественномъ пути.

Въ показанномъ нами состоитъ обыкновенный способъ выгрузки опиума въ различныхъ приморскихъ городахъ, но для того количества, который предна-

значенъ для продажи въ Кантонъ, требуется гораздо болѣе и лучше организованная система.

Никакому Европейскому судну не дозволяется здѣсь подходить къ берегу ближе Линтина; слѣдственно, опиумъ долженъ быть перевезенъ отъ Линтива въ Кантонъ на туземныхъ лодкахъ. Нѣсколько Англійскихъ торговцовъ живутъ въ Кантонъ, подъ разными предлогами, и къ нимъ Китайскіе купцы обращаются съ своими требованіями. Заключивъ торгъ, берутъ они записки на полученіе опиума, и платятъ за нихъ на мѣстѣ чистымъ серебромъ. Съ записками являютъ они на *принимающія суда*, и получивъ ящики, укладываютъ и скрываютъ ихъ бережно въ своихъ длинныхъ лодкахъ, для перевозки въ Кантонъ. О преступленіяхъ, неизбежно слѣдующихъ за подобнымъ родомъ провоза, можно составить себѣ понятіе по тѣмъ извѣстіямъ, которыя доходятъ до насъ изъ мѣстъ, гдѣ контрабанда производится. Рѣка покрыта принадлежащими Правительству жонками, или лодками, плавающими собственно для перехватыванія запрещеннаго товара, а берега усыпаны по обѣимъ сторонамъ таможнями и караулами; все должно быть подкуплено, и какъ сей похвальной системѣ слѣдуютъ во всѣхъ приморскихъ городахъ Китая, то Императоръ не имѣетъ на всемъ протяженіи своихъ приморскихъ береговъ ни одного человѣка, къ которому онъ могъ бы сохранить довѣріе. На пляскахъ гмывуть за опиумомъ самые отчаянные бездѣльники, хорошо вооруженные и совершенно готовые на всякое насильственное дѣйствіе, только представился бы къ тому случай; если что нибудь мѣшаетъ имъ продолжать свое ремесло, они превращаются въ морскихъ разбойниковъ. Иногда бываетъ, что контрабандисты встрѣчаются съ лодкою, принадлежа-

щю Правительству, гдѣ сидитъ иногда до тридцати, или сорока человекъ; если контрабандистовъ число меньше, за то они лучше вооружены и дерутся охотнѣе; завязывается кровавая и жаркая драка, кончающаяся обыкновенно прибытіемъ другой казенной лодки, или бѣгствомъ «проворной крысы». Геу-Наэтсе, вице-президентъ Совѣта Жертвоприношеній, въ докладѣ своемъ Богдыхану на счетъ опиума, описываетъ слѣдующимъ образомъ одну изъ подобнаго рода встрѣчъ:

Покойный губернаторъ Лу послалъ однажды губернатора Тсншъ-Ючавга, для содѣйствія Тэепъ-Пу, областному судѣ Гэангшуна; они захватили въ плѣнъ Леангъ-Гезни, съ его лодкою, на которой было 14,000 каттій опиума. Число убитыхъ и взятыхъ притомъ въ плѣнъ доходило до нѣсколькихъ десятковъ человекъ.

Вотъ прямой вредъ, источникъ котораго контрабанда опиума, но сколько еще побочныхъ золъ слѣдуютъ за нимъ, и какъ они пагубны для спокойствія и благосостоянія Китая! Трудно повѣрить, чтобы, въ мирное время, образованная нація могла дѣлать болѣе вреда другой, совершенно невинной передъ нею державѣ!

Чиновники, уклоненные отъ исполненія своихъ обязанностей подкупами и вліяніемъ Британскихъ купцовъ, получаютъ еще болѣе жадности къ взяткамъ и готовности къ насиліямъ и притѣсненіямъ. Нѣтъ также недостатка въ мошенникахъ, которые, подъ видомъ таможенныхъ, посланныхъ для отысканія опиума, пристають къ судамъ мирныхъ обывателей, отнимаютъ у нихъ послѣднее ихъ достояніе, и весьма естественно превращаются въ смѣлыхъ и опасныхъ пиратовъ. Такимъ образомъ, Англія постоянно увеличиваетъ число морскихъ разбойниковъ въ Индійскихъ моряхъ, когда прежде, за нѣ-

сколько лѣтъ передъ сими, они были почти совершенно отъ нихъ очищены.

Переходимъ къ главному и наиболѣе вопіющему злу торговли опиумомъ — производимому ею развращенію всѣхъ сословій Китайскаго народа. Изъ Медгурстова описанія Китая, мы узнаемъ, что въ 1816 году опиума было ввезено въ Китай 3,210 ящиковъ, проданныхъ за 3,657,000 Испанскихъ талеровъ, или по 1139 талеровъ за ящикъ; въ 1836, ввезено 27,111 ящиковъ, цѣною въ 17,904,248 талеровъ, или по 660 талеровъ за ящикъ. Это доказываетъ, что въ то время, какъ потребительность предмета возрасла въ двадцать лѣтъ въ *восемь разъ*, цѣна его понизилась, болѣе нежели въ половину противъ первоначальной. Для возбраненія столь огромнаго ввоза, Китайское Правительство не жалѣло никакихъ усилій; увѣщанія и угрозы, дѣланныя Британскимъ купцамъ, и конфискація имущества Китайскихъ торговцовъ, равно и наказанія, тяжесть которыхъ возрасла до смертной казни, ничто не могло остановить увеличившагося до огромныхъ размѣровъ зла. Чему же удивляться, если выведенный изъ терпѣнія Императоръ Китайскій нашелся наконецъ вынужденнымъ прибѣгнуть къ послѣдному средству — прекращенію сношеній съ иностранцами, которые не приносятъ его царству никакой выгоды, а напротивъ, въ замѣну полезныхъ товаровъ и сдѣлавшихся необходимыми предметовъ роскоши, привозятъ къ нему ядъ, причиняющій существенный и нравственный вредъ, болѣзнь и смерть его подданнымъ?

Изъ вышеприведеннаго авторитета извлекаемъ мы слѣдующее извѣстіе объ увеличеніи въ Китаѣ народонаселенія съ 1711-го года. Съ сего времени и до 1753 г. число народа возрасло тамъ отъ 28¹/₂ милліоновъ до 103-хъ, или ежегодно по три человека на

сто. Столь необычайное размноженіе жителей можно изъяснить слѣдующимъ образомъ: въ слѣдствіе ученія Конфуція, «изъ трехъ степеней противнаго чело-вѣчеству поведенія, быть безъ потомства есть первая». Опираясь на такое правило, каждый Китаецъ, какого бы состоянія онъ ни былъ, женится въ молодыхъ лѣтахъ, и наслаждается выше всего на свѣтѣ многочисленнымъ семействомъ; такая система, вмѣстѣ съ глубокимъ и ненарушимымъ миромъ, послѣдовавшимъ за кровопролитными войнами, можетъ почтеться главною причиною быстрого увеличенія народонаселенія. Число жителей въ Китаѣ возростало въ вышеозначенной пропорціи до 1792 года, съ котораго оно начало постепенно уменьшаться, и въ нынѣшнее время умножается оно только по одному чело-вѣку на сто. Уменьшеніе можно отчасти пояснить усиленнымъ переселеніемъ Китайцевъ въ другія страны, но, во всякомъ случаѣ, главная причина его есть не иное что, какъ *овозъ и неумѣренное употребленіе опиума*, что не покажется удивительнымъ, ежели мы рассмотримъ, что въ послѣднія двадцать лѣтъ ежегодный ввозъ опиума простирается до 1,815,458 фунтовъ, и что двухъ, или трехъ драхмъ ежедневнаго употребленія достаточно, въ продолженіе десяти, а много пятнадцати лѣтъ, для изнуренія самаго сильнаго и здороваго чело-вѣка; кромѣ того, пепель и окурки сего зелья, послѣ богатаго переходятъ въ трубки его слугъ, и вдыхаются ими съ одинаковою жадностью и съ тѣми же вредными послѣдствіями. Обыкновенный пріемъ опиума, для начинающаго, отъ десяти до двадцати зеренъ, которыя, будучи проглочены, или вдохнуты изъ трубки, производятъ въ скоромъ времени дикое и скоропреходящее опьяненіе; столь употребное, что чело-вѣкъ готовъ жертвовать за него знуществомъ, здоровьемъ и даже

жизнию. Подъ вліяніемъ опиума, весь составъ чело-
вѣка приходитъ въ сильное сотрясеніе, пульсъ бьется
быстрѣе, дыханіе дѣлается скорѣе и прерывистѣе,
глаза сверкаютъ и вращаются; словомъ, всѣ жизнен-
ныя силы его возбуждаются въ высшей степени.
Соотвѣтственное тому дѣйствіе происходитъ съ ум-
ственными способностями: бѣшеное удовольствіе со-
провождается дикими порывами воображенія; страхъ
наказанія, прошедшія горести, мрачность будущаго—
все забыто въ сумасшедшемъ, минутномъ блажен-
ствѣ! Даже, когда такое кратковременное благополу-
чіе прошло, и существенныя горести и нищета яв-
ляются въ самомъ ужасномъ видѣ, одно воспомина-
ніе счастья, которое вкусилъ бѣднякъ, для него такъ
дорого, что никакая пытка, никакое наказаніе не
въ состояніи заставитъ его открыть мѣстопробыван-
іе купца, продавшаго ему опиумъ. Это состояніе воз-
бужденія всегда влечетъ за собою соотвѣтственное
угнѣтеніе жизненныхъ силъ; пульсъ бьется слабо
и медленно, тѣло изнемогаетъ, и духъ чело-
вѣка поникаетъ подъ тягостнымъ бременемъ. Въ такомъ со-
стояніи, онъ съ жадностью возвращается къ причи-
нѣ своего страданія, и старается утопить свое горе
ежедневнымъ увеличеніемъ приема губительнаго зелья.
Быстрое вкорененіе привычки заставляетъ прибав-
лять приемы, до одной, двухъ, даже четырехъ драхмъ
въ день; чело-вѣка, глотающаго столь большое коли-
чество опиума, можно отличить съ перваго взгляда
отъ всѣхъ его собратій. Онъ ищетъ въ опиумѣ уже
не наслажденія, но спасенія отъ подавляющихъ его
мученій; первоначальное возбужденіе бываеъ уже
не менѣе ужасно, какъ слѣдующее за нимъ проти-
водѣйствіе; воображенію его представляются ужас-
ныя видѣнія; фантомы, призраки и духи сопровож-
даютъ его повсюду, и чувствуетъ себя достойнымъ

презрѣнія и проклятія, онъ бьется уединеніи; мертвенная блѣдность покрываетъ его лицо; каждая фибра всего состава приходитъ въ непрекращающуюся трепеть; несчастный поражается ненасытнымъ голодомъ и жаждою, которыхъ онъ не смѣетъ утолять, потому, что вода произвела бы въ немъ спазмы, а разслабленное тѣло его не въ силахъ ихъ перенести. Въ такомъ-то состояніи злополучныя жертвы опиума толпятся у дверей безжалостныхъ продавцовъ, умоляя ихъ о средствахъ самоубвенія; они скорѣе походятъ на погибшія души, посланныя въ сей міръ для удержанія отъ гибели своихъ прежнихъ собратій, нежели на живыхъ людей. Наконецъ, когда голодъ, жажда и нестерпимыя страданія приведутъ ихъ къ могилѣ, они утѣшаются только тѣмъ, что вступаютъ въ другой міръ, гдѣ земныя страданія могутъ выкупить земные грѣхи, и потому утѣломъ ихъ должно быть, по понятію Китайцовъ, вѣчное, неомрачаемое ничѣмъ блаженство.

Читателямъ, желающимъ имѣть болѣе подробнаго свѣдѣнія объ изложенныхъ нами фактахъ, совѣтуемъ прочитать *Oriental Herald*, за Сентябрь 1839 г.

Изъ FOR. QUART. REVIEW.

=

IV.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

— ARCHAÏCISQVE LIBER — ИСТОРИЯ ДОРІЙЦОВЪ.
Три диссертации о Фидіи. Сочиненія Оттфрида Мюллера
(*Исторія Греческаго Искусства по Эгинскимъ памятникамъ*).

(Статья Г. Фортуля).

Открытие Эгинскихъ мраморовъ, составляющихъ главное богатство Мюнхенской Глиптотеки, возбудило вниманіе всѣхъ Европейскихъ ученыхъ. Вопросы, которые возникли отсюда, и выводы, которые преобразуютъ всю теорію Греческаго Искусства, кажется, можно почесть одною изъ самыхъ замѣательныхъ новостей, какія представляются любопытству нашего времени. Наставники новѣйшихъ художниковъ, Греки будутъ предметомъ восторга и изслѣдованій, доколь чувство Изящнаго будетъ заставлятъ биться челоѡческое сердце, но между тѣмъ, нельзя скрывать отъ себя, что слѣпое увлеченіе и ошибочные выводы утверждались на ихъ примѣръ. Если имъ одолжены мы въкомъ возрожденія знаній, то они также были причиною и паденія ихъ, и — дабы представить доказательство въ томъ, что совершалось въ глазахъ нашихъ — Давидъ и Ингресъ, оба

образомъ Археологія, послѣ изученія эпохи Фидія, по неожиданному счастью, могла овладѣть еще и предшествовавшею ему эпохою: открытіе Эгинскихъ мраморовъ явилось намъ для раскрытія неизвѣстныхъ прежде началъ Греческаго Искусства, и нынѣ можно уже начать сужденіе о Древнихъ съ нѣкоторою достоверностью — и только нынѣ надобно бы родиться Винкельману...

Указать въ порядкѣ эпохъ Древности ту, гдѣ наиболѣе заключается началъ величія, когда наиболѣе произведено было созданій, достойныхъ быть изучаемыми — такова задача, предоставляемая повѣйшей Эстетикѣ. Дабы достигнуть къ ея рѣшенію, очевидною необходимостью является вѣрная классификація всѣхъ созданій, исполненныхъ въ различные періоды Древности. Такой классификаціи, отъ коей зависитъ ясность и вѣрность идей объ Искусствѣ Греческомъ, мы въ правѣ требовать, не только отъ археографовъ, пишущихъ его Исторію, но и отъ Музеевъ, представляющихъ намъ образцы его. Нельзя не пожалѣть о плачевномъ безпорядкѣ, въ какомъ видимъ мы древніе памятники въ нашихъ Французскихъ Музеяхъ и Академіяхъ. Всѣ времена, всѣ обломки, оригиналы, копіи, подражанія — все перемѣшано въ нихъ, такъ, что отнимаетъ бодрость изучать предметы и сбиваетъ сужденія. Подумаете, что разбирая Музей, думали только о какой-то симметріи для глазъ и забывали объ умственной симметріи. Точно такое матеріальное распрямленіе распределяетъ и картины въ нашихъ галлерейхъ. Надзиратели нашихъ Музеевъ должны бы наконецъ подумать объ удаленіи отъ невѣжества своихъ предмѣстниковъ. Въ отношеніи порядка при распредѣленіи, другія собранія Европейскія гораздо выше всѣхъ нашихъ. Правда, зданіе Британскаго Музея, по наружности, не сравнится съ Лувромъ, но едва вступили вы въ его старыя, некрасивыя залы, какъ и находите уже въ

нихъ классификацію, удвоивающую цѣну сокровищъ, въ Музеѣ заключающихся: Египетъ является вамъ, какъ и въ Исторіи, введеніемъ въ Грецію, и времена образцовъ Греческихъ легко узнаете въ порядкѣ постановки ихъ. Тоже самое можно сказать о Берлинскомъ Музеѣ, который построенъ притомъ Шинкелемъ, и можетъ похвастаться наилучше классифицированнымъ въ цѣлой Европѣ; надобно отдать такую же справедливость и Мюнхенской Глиптотекѣ.

Не хочу представлять здѣсь полнаго разбора всѣхъ остатковъ, заключающихся въ Баварской сокровищницѣ Искусства; желающіе подробно изучать ихъ, могутъ читать описаніе, изданное г. Шорномъ (Schorn). Но для того, чтобы дать понятіе о цѣнности Эгипетскихъ мраморовъ, на которые хочу я обратитъ сужденіе читателей, мнѣ должно однакожь представить здѣсь краткій очеркъ Глиптотеки Мюнхенской.

Двѣнадцать залъ составляютъ рядъ помѣщеній, образующій собою Глиптотеку. Первая зала отдана предметамъ Искусства Египетскаго, и тѣмъ памятникамъ, въ которыхъ подражали Египту Греки и Римляне, послѣ завоеванія сей страны. Между первыми замѣчаете множество урнъ изъ Восточнаго алебастра, именуемыхъ *канопами*; статую изъ чернаго базальта, представляющую Гермеса Трисмегиста, съ ключемъ Нила въ рукахъ; статую Сезостриса, въ видѣ муміи; Египтянина и жену его, сидящихъ на двойномъ сѣдалищѣ, со львиными лапами — сія группа особенно, чрезвычайно простая, даетъ важное указаніе на ролю, какую естественность (*naturalisme*) играла въ Искусствѣ Египтянъ, хотя Винкельманъ и большая часть его послѣдователей почти всегда представляли намъ Египетское Искусство чисто условнымъ. Между обломками втораго разряда, гораздо менѣе любопытными, замѣчаете однакожь колоссальную статую Аитиноя изъ *rosso antico*, статую Горуса, сына Изиды, и небольшой обелискъ, изъ числа тѣхъ, кои Римляне

подражали древнему стилю Египетскому. Къ сими предметамъ присовокуплено много остатковъ, вывезенныхъ съ острова Явы, и почитаемыхъ произведеніями Индійскаго Искусства; два изъ нихъ означаются именами Браммы и Будды.

Зала *ишкунабельная*, вторая, названа такъ, потому, что въ ней поставлено нѣсколько рѣдкихъ остатковъ эпохи, почитаемой *колыбелью* Греческаго Искусства. Имя *Этрусской*, придаваемое сей эпохѣ, хотя и справедливо было оспориваемо, но оно болѣе известно. Впрочемъ, не Этрусскія только вазы находите въ сей залѣ, но видите въ ней обломки Этрусской бронзовой колесницы, открытыя въ Италіи, въ окрестностяхъ Перузы; древнюю, также бронзовую, канделябру той же эпохи, съ изображеніями Геркулеса и Юноны; барельефы изъ *терквита*, представляющіе многія божества, хотя ихъ и можно почесть позднѣйшими подражаніями.

Въ третьей залѣ помѣщены *Эгинскіе мраморы* — переходъ отъ Искусства, именуемаго *Этрусскимъ*, къ *Греческому* собственно. Поелику сіи мраморы составляютъ главный предметъ нашего разсужденія, удовольствуюсь здѣсь только замѣчаніемъ, что они образуютъ въ нѣкоторомъ отношеніи Готику Греческую, и дабы не упустить изъ вида исторической точки зрѣнія, съ которой классифицирована вся Глиптотека, мы поспѣшимъ перейти въ 4-ю залу, называемую *Аполлоновою*, ибо лучшее украшеніе ея составляетъ статуя сего бога: это известный *Аполлонъ Цитаредъ* (*Cytharædus*), часто упоминаемый у Винкельмана, подъ именемъ *Музы дворца Барбериніевскаго*. Не одинъ только сей памятникъ Глиптотека приобрѣла изъ упомянутаго дворца, и если присовокупить къ добычѣ, изъ него взятой, великолѣпную Римскую коллекцію Веронскаго дворца Бевилакквы, то мы будемъ имѣть почти полную идею объ общности того, что остается намъ еще означить въ Глиптотекѣ. Аполлонъ Цита-

редь предшествуетъ великой эпохѣ Афинской, но тѣмъ не менѣе, онъ былъ однимъ изъ древнихъ мраморовъ, наиболее поражавшихъ Винкельмана. Въ своихъ *Памятникахъ*, и въ *Исторіи*, Винкельманъ представляетъ его, какъ высокое произведеніе, ознаменованное суровою красотою, болѣе предпочтительною по мнѣнію нашего критика, нежели увлекательная прелесть, бывшая предметомъ соревнованія наследниковъ Фидіа. Думаю, что нечего много спорить объ эпохѣ исполненія статуи. Формы ея продолговаты и означены сухощавостью, которая кажется послѣднимъ выраженіемъ архаизма. Такъ Перуджинъ заключилъ собою и своими очерками, легкими и развязными, сухость прежнихъ художниковъ, вмѣсто коей Рафаэль поставилъ выше всего рисунокъ болѣе широкій, и болѣе оживленный. Винкельманъ ошибся въ значеніи статуи, ибо онъ забылъ приложить къ ней основаніе, имъ самимъ выведенное, то именно, что Греки, желая изображать юность въ Бахусѣ и Аполлонѣ, придавали симъ божествамъ, которыхъ нерѣдко обожали въ одной и той же статуѣ, нѣжныя формы женскаго пола; они изображали ихъ даже съ женскою уборкою головы, что завело археологовъ во множество смѣшеній, тщательно открытыхъ Винкельманомъ. Греческая эпитафия Антипатера, приписывавшаго Агеладазу, учителю Поликлета, Музу, держащую лезвіонъ, ввела въ ошибку Германскаго критика. Въ картинахъ Геркулана, въ другихъ памятникахъ, въ самыхъ условіяхъ статуи, которая была храмовою, мы находимъ довольно доказательствъ, дабы оправдать перемѣну ея имени, сдѣланную послѣ Винкельмана. Одно только кажется мнѣ непонятно: почему продолжаютъ называть Агеладаза творцомъ ея, оспоривши ея значеніе, когда на немъ одномъ основывалъ Винкельманъ принадлежность статуи рѣзцу Агеладазову? Здѣсь дѣло стоитъ изъясненія. Постараемся доказать далѣе, что эпоха, которой принадлежатъ Аполлонъ

Цитаредъ и Агеладазь, есть именно та, которую всего любопытнѣе изучать повѣйшей Эстетикѣ. Погребальная урна Аѳинская, изъ Пантеллинскаго мрамора, мраморная ваза Паросская, статуя Цереры, времени весьма неопредѣленнаго, дополняютъ общность замѣчательныхъ обломковъ залы Аполлоновой.

Зала *Бахуса*, слѣдующая за тѣмъ, почти вся совершенно предоставлена изображеніямъ дѣяній и владычества сего бога, а зала *Ніобидовъ*, слѣдующая непосредственно за нею, получила имя свое по двумъ статуямъ, которыя почитаютъ изображеніями двухъ дѣтей Ніобы, и которыхъ можно почестъ лучшимъ украшеніемъ Глиптотеки. Памятники, расположенные въ сихъ двухъ залахъ, относятся, по большей части, къ тому періоду, когда геній Греціи осуществилъ самыя совершенныя формы, изъ всѣхъ, какія только были доступны человѣку. Пьяный Сатиръ, названный у Винкельмана *Спящимъ Фауномъ* дворца Барберини, есть славнѣйшее произведеніе въ Бахусовой залѣ. Баварскіе антикваріи приписываютъ его, не знаю, на какомъ основаніи, Скопазу или Праксителю, манеры коихъ, весьма различныя, кажется мнѣ, не даютъ повода смѣшивать имена сихъ двухъ великихъ художниковъ. Достоверно, что статуя найдена была въ Римѣ, когда расчищали тамъ рвы, около замка Св. Ангела. Самая исторія сего замка, который Императоръ Адріанъ украсилъ колоннадами и статуями, определяя его себѣ гробницею, и съ высоты котораго защищался потомъ Велизарій противъ Готтовъ, бросая въ нихъ статуи, даетъ поводъ думать, что Фаунъ Барберини есть дѣйствительно работа одного изъ великихъ художниковъ Греціи. Прелесть формъ, красота исполненія, суть самыя вѣрныя поруки за его происхожденіе. Фауны, Силены, Ино, воспитывающая Бахуса, саркофагъ, украшенный Вакханаліею, барельефъ, представляющій бракъ Нептуна и Амфитриты, также замѣчательны въ сей залѣ. Два Ніобиды, зани-

мающие средину слѣдующей залы, могутъ подать поводъ къ большимъ изслѣдованіямъ. Группа, носящая имя Ніобеи, есть одно изъ безцѣнныхъ сокровищъ Флоренціи, и она была единственнымъ, полнымъ памятникомъ высокаго стиля, извѣстнымъ Винкельману. Онъ и эпоха его приписывали статую Ніобеи Скопазу, одному изъ самыхъ знаменитыхъ современниковъ Фидіа. Между тѣмъ, одна изъ эпиграммъ Греческой Антологіи называетъ творцомъ Ніобеи Праксителя, ваятеля позднѣйшаго и по времени и по стилю, который, замѣняя прелестною отдѣлкою частей величіе общности, далъ начало эрѣ Искусства, совершенно новой. Ніобиды Флорентійскіе очевидно изъемяются изъ мѣлкихъ разысканій анализа, и Винкельманъ могъ сказать, что красота ихъ уподобляется идеѣ, родившейся безъ посредства чувствъ въ умѣ возвышенномъ. Но онъ замѣтилъ въ Римѣ голову Ніобеи и многія изъ изображеній ея дѣтей, гдѣ очерки болѣе округлены, нежели въ группѣ Скопаза, и тѣмъ показываютъ періодъ послѣдующій. Не былъ ли Пракситель творцомъ второй группы Ніобидовъ? Вотъ задача, предложенная Винкельманомъ; и вопросъ о томъ предлагаю я Мюнхенскимъ антикваріямъ. Прекрасныя бюсты, женскіе и мужскіе, великолѣпный торсъ, философъ, у котораго голова, къ несчастію, новѣйшая, Венера Книдская, почитаемая древнимъ подражаніемъ славной Венерѣ Праксителя — таковы суть главнѣйшіе памятники, сопровождающіе двухъ Ніобидовъ. 30

Проходя седьмую и восьмую залы, которыя, въ ожиданіи новаго пріобрѣтенія памятниковъ искусства, украшены только живописью Петра Корнеліуса, входите въ залу *Героевъ*, девятую по порядку. Статуи и бюсты великихъ людей Греціи и Рима, приписываемыя Греческимъ художникамъ, составляютъ здѣсь совокупно собраніе отдѣльное. Среди залы находится статуя, долженствующая быть древнимъ подражаніемъ на-

шему прекрасному Язону, известному некогда под именем статуи Цинцинната. Послѣ нея любуетесь славною статуею Александра, принадлежавшею прежде Римскому собранію Рондини, и единственную, которую Винкельманъ почиталъ за достовѣрную. Статуя императора Нерона, Пантеллинскій мраморъ, который, можетъ быть, былъ причиною, что ее считали произведеніемъ Греческимъ, и прекрасные бюсты Димосѳена, Сократа и Аннибала, суть также украшенія сей залы.

Слѣдующая зала, десятая, называемая Римскою, представляегъ множество статуй и бюстовъ, почти все особъ изъ знатнѣйшихъ семействъ Императорскихъ. Должно предполагать много копій въ сей галлерей, и между оригиналами не замѣтите ничего подобнаго изображенію Августа въ нашемъ Музее. Но увлекательное въ Римской залѣ Глиптотеки есть то, что здѣсь видите соединенными въ одномъ мѣстѣ всѣ сіи великія лица Древности, некогда рѣшавшія судьбу міра, и можете читать на ихъ физиогноміяхъ слѣды страстей, тайны и слѣдствія, коихъ показали намъ писатели Древности.

Одиннадцатая зала, небольшая, посвящена раскрашеннымъ изваяніямъ, ознаменовавшимъ собою вторженіе Египетскаго искусства въ искусство Греческое и Римское, во время ихъ паденія. Она содержитъ въ себѣ, кромѣ нѣсколькихъ памятниковъ бронзовыхъ, статуй изъ цвѣтныхъ мраморовъ, между коими наиболѣе статуй чернаго цвѣта. Наконецъ, двѣнадцатая зала, послѣдняя, и также весьма небольшая, заключаетъ въ себѣ нѣсколько произведеній нашей эпохи. Германія и Италія XIX вѣка составляютъ сущность ея собранія. Двѣ статуи Кановы, Венера и Парисъ, и нѣсколько работъ обоихъ Шадововъ (Schadow), Торвальдсена и Рауха, суть единственные представители новѣйшаго Ваянія въ семъ небольшомъ святилищѣ Искусства. Если съ наслажденіемъ слѣдуете по

Глиптотека за древнимъ Искусствомъ, въ превосходно изученной классификаціи предшествовавшихъ залъ, тѣмъ сильнѣе поражаетесь промежутками, какіе оказываются здѣсь въ исторіи новаго Искусства. Между тѣмъ, тутъ нечего много удивляться. Основу генія Баварскаго составляетъ не страсть настоящаго, но знаніе прошедшаго, и вообще онъ предполагаетъ для себя — не передачу идей, чувствъ и фізіогноміи настоящаго времени, но — изысканіе того, что выражало времена минувшія, что составляло собою цвѣтъ исчезнувшихъ образованій. Можно сказать, что въ Глиптотекѣ, онъ составилъ для себя предметъ изученія, наиболѣе способный льстить и увлекать его ученость.

Еслибы Глиптотека и ничего болѣе не вмѣщала съ себя, кромѣ Эгинскихъ мраморовъ, она считалась бы однимъ изъ богатѣйшихъ собраній въ Европѣ. Когда извѣстный Пукевиль путешествовалъ по Греціи, въ Аѣинахъ остановился онъ у г-на Фовеля, который принималъ у себя нѣкогда съ такимъ радушіемъ Шатобриана и Байрона. Въ комнату, отведенной ему гостепріимнымъ хозяиномъ, находились слѣпки статуй, только что открытыхъ въ Эгивѣ. Нашъ путешественникъ не обратилъ на нихъ большаго вниманія, и г-нъ Фовель, по его рассказамъ, говорилъ ему: «Они не важны; въ нихъ нѣтъ, ни красоты, ни изящества школы Фидія. Это гиперъ-антики, и въ томъ состоитъ все ихъ достоинство. Мы надавали тутъ именъ разнымъ фигурамъ — вотъ вамъ Патроклъ, Алксъ, и вотъ еще какой угодно герой, по милости Археологин, которая представляетъ полное раздолье на всѣ догадки. Одно только достоверно, что сдѣлавшіе эту находку едва ли не напрасно трудились.» Пукевиль ничего не прибавилъ отъ себя къ слышанному имъ отъ г-на Фовеля, но, кажется, онъ принялъ шутку за дѣло. По крайней мѣрѣ, извѣстно и неоспоримо, что въ письмѣ, пи-

санномъ по случаю Эгинской находки къ г-ну Барбье-Дю-Бокажу, упомянутый Аѳинскій Консулъ нашъ выражался совсѣмъ иначе. Г-нъ Катрмеръ де-Кенси читалъ тогда письмо его, и видѣлъ въ немъ подтвержденіе многихъ, весьма важныхъ идей, которыя излагалъ онъ въ Академіи еще въ 1806 году, то есть, за пять лѣтъ до открытія мраморовъ Эгинскихъ. Въ своемъ *Юпитеръ Олимпійскомъ*, изданномъ въ 1815 году, при помощи сихъ новыхъ поясненій, онъ далъ идеямъ своимъ большее развитіе, и достигъ многоплоднаго заключенія, что нѣкоторыя изъ произведеній, поставленныхъ Винкельманомъ въ число *Этрусскихъ*, дѣйствительно принадлежали стилю *Эгинскому*. Такое предположеніе, если и могло сначала показаться только возобновленіемъ извѣстнаго сравненія Квинтилианова древнихъ, Греческой и Итальянской, школы, въ сущности было предназначено передать Исторіи Искусства выводы, которые, безъ сомнѣнія, означались бы именемъ почтеннаго Секретаря Академіи Надписей, еслибы онъ могъ тогда самъ видѣть мраморы, внушившіе ему идеи вѣрныя и новыя.

Луврскій Музей обладаетъ нынѣ слѣпками изваяній Эгинскихъ, долженствующихъ дотолъ возбуждать интересъ непрерывно возрастающій, доколѣ Критика не изречетъ объ нихъ своего послѣдняго слова. Жаль, что публику не пускаютъ въ ту галерею, гдѣ поставлены упомянутые снимки, между знаменитыми метопами Селинонта и фризомъ Парѳенона, вмѣстѣ съ ними дополняющими изъясненіе началъ и характера Греческаго Искусства. Замѣчу, что залы, гдѣ заключаются Невольники Микель-Анджела, Діана Гужона, Граціи Пилона и Милонъ Пюже, также закрыты для посѣтителей Музея. По какому же роковому опредѣленію такъ дѣлается, что во Франціи, гдѣ Ваяніе всегда пользовалось какимъ-то особенно благоприятнымъ жребіемъ, не по-

зволяютъ намъ свободнаго обозрѣнія и изслѣдованія образцовъ сего художества? Еслибы на галлерее Ваянія издерживали то, что тратятъ теперь на какую нибудь Испанскую школу, то мы достигли бы, кажется, двойной цѣли — отвратили вниманіе молодыхъ художниковъ отъ такихъ образцовъ, матеріализмъ коихъ опасенъ ихъ вкусу, и съ тѣмъ вмѣстѣ возвратили ихъ къ истиннымъ источникамъ вкуса и красоты. Смѣемъ надѣяться, что почтенные Директоры Музея обратятъ на сей предметъ свое вниманіе, ибо они, кажется, вполне понимаютъ истинную цѣну памятниковъ, свободнаго обозрѣнія коихъ осмѣливаемся мы просить ради пользы и успѣховъ знанія. Одинъ изъ нихъ, г. де-Кларакъ, мнѣнію коего изложимъ мы далѣе, подлѣ догадокъ Германскихъ ученыхъ, выгравировалъ Эгинскіе мраморы въ своемъ огромномъ описаніи предметовъ Ваянія, въ Луврскомъ Музее находящихся. Чрезвычайная тщательность, какую видимъ въ исполненіи сихъ рисунковъ, доказываетъ важность, придаваемую издателемъ предметамъ, которые они представляютъ.

Но, какъ и когда явились Эгинскіе мраморы? Архитекторъ Лондонскаго Банка, человекъ съ необыкновенными дарованіями, г-нъ Кожерелль, предпринималъ въ 1811 году путешествіе, для обозрѣнія памятниковъ въ Греціи и Архипелагѣ, вмѣстѣ съ барономъ Галлеръ-Галлерштейномъ, и г-ми Форстеромъ и Линкомъ. Прибывши на островъ Эгину, сіи изслѣдователи поставили въ обязанность снять развѣры храма Юпитера Панеллинскаго. Устроивая для того снаряды, они открыли, едва нѣсколькими футами земли прикрытыя 17-ть рельефныхъ изваяній (*en ronde bosse*), отличенныхъ особеннымъ типомъ. Потомъ перевезли ихъ въ Римъ, гдѣ Торвальдсенъ ресторировалъ ихъ, и тамъ сняты были съ нихъ слѣпки, находящіяся нынѣ въ Парижѣ. Изъ Рима перевезли наконецъ драгоценные остатки Эгинскіе въ Мюнхенъ,

и король Людовикъ, бывший тогда наследнымъ принцомъ и приобрѣтшій ихъ на свой счетъ, отдалъ ихъ въ общественный Музей Баварскій. *

Постараемся раскрыть здѣсь прошедшее, описать мѣсто, которое сіи мраморы украшали, опредѣлить эпоху, когда были они произведены, и утвердить ихъ значеніе и характеръ.

Эгина есть самый большой изъ острововъ того квадратнаго залива, который къ сѣверу оканчивается Коринескимъ перешейкомъ, къ западу омываетъ береги Арголиды, къ востоку Аттики, а къ югу сообщается съ моремъ Цикладскаго архипелага. Будто свѣтлый треугольникъ брошенъ сей островъ на лазурь узкаго Саламинскаго моря, о прибрежныя скалы котораго разбились силы Азійскія. Онъ всего не болѣе 7-ми льё въ окружности; средній поперечникъ его немного болѣе 2-хъ льё. И на такомъ маломъ пространствѣ поселился и жилъ одинъ изъ самыхъ рано развившихся, и самыхъ умныхъ и промышленныхъ народовъ Древности.

Отфридъ Мюллеръ, знаменитый Геттингенскій профессоръ, авторъ *Исторіи Дорійцевъ*, началъ въ 1817 году свое ученое поприще небольшимъ сочиненіемъ, гдѣ старался онъ возсоздать исторію Эгинянъ. Сочиненіе его, названное *Aegineticorum liber*, и нынѣ весьма рѣдкое, обиловало ученою критикою и весьма остроумными воззрѣніями. Но оно писано было такъ лаконически, указывая на тайную наклонность автора къ архаическимъ преданіямъ, что такое качество, и притомъ Греческія цитаты, которыми оно было усыяно, дѣлали чтеніе его весьма затруднительнымъ, особливо для иностранцовъ. Поэтому и неудивительно, что книга г-на Мюллера донынѣ не возбудила надлежащихъ ученыхъ преній. Не думаю представлять здѣсь, ни анализа ея, ни критики, но, по счастью, нашедши экземпляръ ея, когда полагалъ уже оконченнымъ изученіе моего

предмета, я постараюсь, не удаляясь от моей главной цели, показать здѣсь главнѣйшія мнѣнія автора, и отчасти высказать мое противорѣчіе противъ нѣкоторыхъ его выводовъ.

Не только въ Искусствѣ, но и въ мореплаваніи, торговлѣ и войнѣ, Эгиняне предупредили другіхъ народовъ Греціи. Такъ Сіенна и Пиза, въ Среднія времена, подали собою вѣсть образованія Италіи и Европы, а сами исчезли и затмилась потомъ въ величіи Флоренціи, ихъ наследницы. *Искусство* всюду изъясняется его *Исторією*, и мы не можемъ отдѣлится отъ него, если хотимъ имѣть полное понятіе о художникахъ Эгинскихъ.

Энони было первоначальное имя Эгины. Г-нъ Мюллеръ полагаетъ, что это имя было дано острову Пелазгами, присовокупляя даже, что Будіонъ, приплывшій отъ береговъ Аттики, былъ первымъ основателемъ здѣсь поселенія. Но преданія Эгины представляютъ нѣкоторую ясность только съ того времени, когда *Эакъ* сдѣлался царемъ острова. Аполлодоръ и другіе мифологи повѣствовали, что онъ былъ сынъ Юпитера и нимфы Эгины, дочери Азона. *Азонъ* было имя двухъ рѣкъ, изъ коихъ одна протекала въ Віотіи, а другая подлѣ Сикіона. Сама Древность поясняла намъ, что такою баснею указано было то мѣсто, откуда вышла колонія Эгинская, и что такимъ образомъ означается *Ахея*, какъ первоначальное ея отечество. Въ Эгинуъ былъ потокъ, называвшійся Азопомъ, для продолженія древняго воспоминанія. У Древнихъ былъ обычай давать имена земель, которыя они оставляли, мѣстамъ, куда направляли они свое переселеніе, и Фессалія, которую Греки считали своею общею колыбелью, безъ сомнѣнія, заключала въ сокращеніи всѣ типы, всѣ наименованія, какія сыны ея распространили потомъ по берегамъ Пелопонеза и Аттики, въ Архипелагъ и на берегахъ Малой Азіи и Италіи. Кто же былъ

Азонъ, прямой родоначальникъ Эгинскій? Изъ Сикіона или Віотіи вышелъ *Эакъ*? — Такому вопросу предшествуетъ другой: что такое были *Ахейне*?

Г-нъ Мюллеръ совсѣмъ особеннымъ образомъ измѣнилъ задачу, представляя мѣсто изъ Пиндара, поэта, столько же мыслящаго, сколько и вдохновеннаго, и который, кажется, обладалъ какимъ-то жреческимъ изъясненіемъ, тайнъ происхожденія Грековъ. Изъ словъ Пиндара видимъ, что истинный супругъ нимфы Эгины *Азопиды* былъ *Актось*, лицо, известное въ Омировой міеологіи, какъ отецъ *Менеція*, который былъ отцомъ *Патрокла*, и братомъ, или дядею *Пелея*, отца Ахиллесова. Изъ сего естественно заключаемъ, что *Менецій* и *Эакъ* были братья, то есть, что Ахейне Фтіи и Ахейне острова Эгины были одного происхожденія. Эгинскіе были еще известны подъ именемъ *Мирмидонлянъ*, такъ же, какъ и вонтели Ахиллеса; они раздѣляли съ ними и имя *Эллиновъ* (Гелленовъ), бывшее въ первыя времена общимъ для обонхъ народовъ, происшедшихъ отъ одного корня. Находимъ въ Пиндарѣ свидѣтельство, что *Юпитеръ Панеллинскій*, въ храмъ коего найдены мраморы, насъ занимающіе, долгое время назывался *Юпитеромъ Эллинскимъ*. Юпитеръ былъ богъ Пелазговъ; первая колонія, поселившаяся въ Эгинѣ, обожала его тамъ. *Эакъ*, приведшій туда вторую колонію, подвергъ себя его покровительству, и привѣтствовалъ его, въ замѣну гостепріимства, какого требовалъ, именемъ *Эллинскаго*, какъ названіемъ людей, его сопровождавшихъ. Но что же также были *Эллины*? Омиръ скажетъ намъ, исчисляя Греческія силы подъ Троею:

Μυρμιδόνες δὲ καλέουοντο, καὶ Ἑλλυγες, καὶ Ἀχαιοί.

Нынѣ исчислю мужей, въ Пелазгическомъ Аргосѣ жившихъ,
Всѣхъ *Мирмидонлянъ*, *Ахейанъ* и *Эллиновъ* или *посланныхъ*.

Они составляли небольшой народъ, занимавший маленькое пространство земли во Фтиотидѣ, и назывались такъ же *Элиинами*, какъ и *Мирмидонами*. Для чего же Омиръ даетъ еще имъ имя *Ахейны*? Ахейне были ли народомъ, предшествовавшимъ Элиинамъ, коего Элиины составляли только часть, или, по преданію болѣе распространенному, не были ль они, какъ *Іоняне*, *Эолийцы*, *Дорійцы*, только частью семейства Элинскаго? Древность при семъ случаѣ покрыта тайною и предоставляетъ свободный разгулъ всякимъ системамъ. Но не подвержено сомнѣнію то, что первые изъ *Элиновъ* сошли съ горъ *Фессалійскихъ Ахейцы*, паводилъ собою долины, обладаемыя *Пелазгами*, которые, безъ сомнѣнія, произошли изъ однихъ съ ними мѣсть, но различались уже отъ своихъ побѣдителей предварительнымъ и немаловажнымъ наслажденіемъ болѣе привольною жизнію на южныхъ берегахъ Греціи. Имя Ахейны, слѣдственно, должно почестъ за окончательное въ исторіи битвъ между племенами свободной Греціи, и первое надобно вписать его въ Исторію ея общественнаго образованія (*civilisation*). *Элины-Ахейны* раздѣлились на двѣ части: одна, подъ начальствомъ *Менелія*, основала царство *Фтійское*; другая, подъ начальствомъ *Эака*, поселилась въ *Эгину*, проройно, останавливавшись прежде того въ другихъ мѣстахъ, въ *Віогин* сначала, въ *Синіонъ* потомъ.

Эакъ былъ одинъ изъ самыхъ благочестивыхъ царей. Г-нъ *Мюллеръ* справедливо называетъ его Нумою Греціи. Когда надобно было рѣшать споры, возносить моленіе богамъ устами; или благопріятными, къ жилищу *Эака* приходили жители всехъ долинъ и всѣхъ побережьевъ. *Паваній* говоритъ о засухѣ; а *Овидій* объ язвахъ, обращенныхъ отъ Греціи молтвами *Эака*. Памятъ ея была до того чтима, что религіозный мѣвъ назначилъ его однимъ изъ трехъ *идскихъ* судей; ему одному отдавъ былъ судъ надъ

иства Европейцами, которыхъ Харонъ переправляетъ черезъ Стиксъ въ своей адской ладвѣ. Павзаній, жившій во времена Марка - Аврелія, видѣлъ еще въ Эгпнѣ гробницу Эака, находившуюся среди мраморной ограды, на которой были изваяны послы Греціи, спасенной его заступленіемъ отъ бѣдствія.

По сказаніямъ многихъ мнѳографовъ, у Эака было три сына: *Пелей* и *Теламонъ*, отъ нимфы Эндессы, и *Фокъ* отъ Псамматен, дочери царя Аргосскаго. Кажется, что г-нъ Мюллеръ не вполне исчерпалъ возможность открытій въ семъ отношеніи. Первое, нашедши въ Аполлодорѣ, что Ферекидъ предполагалъ Теламона происходившимъ отъ Актея, царя Саламинскаго, и Главки, дочери Кихруса, онъ отвергаетъ сродство сего героя съ Эакомъ, и на томъ-то всего болѣе основано его изъясненіе Эгинскихъ мраморовъ. Далѣе, кажется, онъ мало вникнулъ въ значеніе двойнаго супружества Эакова; второй бракъ Эака не есть ли указаніе на новую колонизацію Эгины, позднѣе учиненную Арголидскими Дорійцами?

Фокъ, играя въ палетту съ братьями, былъ убитъ Пелеемъ. Наказывая сіе преступленіе, Эакъ изгналъ изъ своего острова двухъ старшихъ сыновей, которые были, и съ потомствомъ ихъ, исключены изъ Эгинскихъ племенъ навсегда. Не должно ли видѣть въ семъ изгнаніи бѣгства Ахейнъ, изгнанныхъ нашествіемъ Дорійцовъ? Г-нъ Мюллеръ видитъ здѣсь только возвращеніе въ первобытную отчизну Эллиновъ, которымъ не понравилось житье въ Эгинской колоніи. Но такое предположеніе соглашается ли съ естественными фактами Исторіи? Пелей, дѣйствительно, перешелъ въ Фессалію, гдѣ встрѣтилъ дядю своего Менеція, и сораздѣлалъ съ нимъ его Фтійское царство; онъ былъ въ походѣ Аргонатовъ, сражался съ Амазонками, женился на Теѳисѣ, и сдѣлался отцомъ Ахиллеса. Сынъ Ахиллесовъ, Неоптолемъ, окончилъ, послѣ отца своего, войну Троилскую, и воз-

вратился въ отчизну для основанія Эпирскаго царства. Теламонъ не пошелъ такъ далеко, какъ Пелея, а остановился въ Саламинѣ, гдѣ сдѣлался царемъ; онъ также былъ товарищемъ Аргонавтовъ, участвовалъ въ подвигахъ Геркулеса, торжествовалъ вмѣстѣ съ нимъ надъ Лаомедонтомъ, царемъ Троя, женился на дочери побѣжденнаго Троянскаго царя, и отъ нея родились у него два сына, *Аяксъ* и *Тевкръ*. Аяксъ, кузинъ Ахиллеса, былъ послѣ него храбрѣйшимъ изъ Грековъ, и оспаривалъ оружіе Ахиллесово у хитраго Улисса, но неудачно; послѣ чего, въ бытность, онъ водалъ первый призывъ самоубійства, который остался намъ въ Исторіи. Тевкръ, явившійся къ отцу своему, не отмстивъ смерть брата, не былъ принятъ имъ, и отправился для завоеванія острова Кипра.

Такъ, изъ едва заметной точки Греціи, именованнойся *Эгиною*, произошло все поколѣніе героевъ, предшествовавшихъ политическому величію Греціи. Все сіи великіе люди носили общее родовое имя *Закидовъ*. Ихъ изображенія были помѣщены въ храмахъ Эгинны; и, по молвъ народной, дѣлали Эгинцовъ неукротимыми. Наканунъ битвы Саламинской, Греки послали взять статуи Закидовъ изъ Эгинскихъ храмовъ, дабы идти съ ними въ битву, и были послѣ того побѣдителями полчищъ вражескихъ. Повторяю, что г-нъ Мюллеръ даетъ имя Закидовъ только потомкамъ Пелея, и исключаетъ изъ славнаго собратства ихъ Теламона и его сыновей. Лирикъ Филоксенъ написалъ родословіе Закидовъ, которое разрышило бы намъ все сомнѣнія, но, по несчастію, оно потеряно. За то въ Пиндарѣ находимъ мы сильное оружіе для битвы съ мнѣніемъ почтеннаго профессора Геттингенскаго, припоминая притомъ, что древность согласно давала имя Закида *Мильтиаду*, происшедшему отъ Аякса, и имя коего надобно присовокупить къ

Имя Геркулеса, колебавшее всю Грецію до войны Троянской, вышло также двойственнымъ между Греками, когда они утвердились уже по мѣстамъ. Потомки этого героя, изгнаннаго изъ отчизны — жребій, общій столь многоразъ благодѣляющъ человечеству — хотѣли снова завозвать себя права своего предка. Они отправились искать пособія въ той странѣ, которую можно назвать Скандинавіею древней Греціи, Эссалию. Тамъ нашла она население грубое и религіозное, сохранившее среди горъ своихъ, съ удручающею выростью, первобытныя преданія Ерческаго генія, уже извѣстныя у Ахеннъ и Юнійцовъ въ бытъ приморскомъ, болѣе причастномъ разнообразію. Колоніи прикицъ въ Фивы изъ Финикій, а въ Афины и Пелопонезъ изъ Египта. На своихъ отдаленныхъ горныхъ плоскостяхъ (plateaux), Дорійцы не испытали еще дотола дѣйствія чуждаго образованія народовъ иноплемennыхъ. Предводимые Ираклидами, они выжили изъ своихъ обиталищъ, живировавги при переходѣ существовавшихъ на ютъ и нѣвъ владычества, и обновили въ Греціи туземный духъ ея, уже ослабѣвавшій. Такъ видимъ мы Францію, историческую Карломанномъ изъ безчувствія Меровингскаго новыиъ приливомъ Германской крови.

Г-нъ Мюллеръ едва намѣкаетъ на происхождение и развитіе Дорійскаго нашествія. Видимъ, что онъ тщательнo берегъ алмазъ богатства ученыхъ изслѣдованій для другаго огромнаго сочиненія, утвердившаго потомъ его ученую славу, и которое — въ сомнѣніи — останется однимъ изъ прекраснѣйшихъ памятниковъ умственной дѣятельности нашего времени. Изъяснившіи съ удивительною провицательностію, не тексту, дотола почти непринятому, Амьнктіонскій союзъ, основанный на маленькомъ островкѣ Казаурій, съими властями острововъ, противъ материковыхъ владычества Греціи, г-нъ Мюллеръ переходитъ къ новымъ отношеніямъ, какія установилонъ между Огигною и

Пелопонезомъ въ эпоху могущества Дорійцовъ. По его мнѣнію, Эгина, оставленная колоніею Эллиновъ, охотно приняла цѣкровительство Эпидавра, самаго ближайшаго города, находившагося на Арголидокомъ прибрежьи. Когда Дорійцы утвердились въ Пелопонезѣ, они естественно сдѣлались властителями Эгинны, и перенесли туда, по извѣстіямъ Павзанія, и языкъ свой и нравы свои. Имъ не было надобности уничтожать туземныя воспоминанія; они приняли и усвоили ихъ себѣ такъ легко, что тѣмъ лучше всего доказывается собратство всѣхъ сихъ племенъ, въ различныхъ эпохи вознаселявшихъ Грецію, послѣ предварительнаго каждымъ изъ нихъ опустошенія. Еслибы Дорійцы не захватили Греціи, образованіе, на какомъ починала она уже утверждаться въ эпоху Троянской войны, не замедлило бы принести своихъ плодовъ; но сіе образованіе, вмѣсто того, чтобы дать генію Греціи первую и уравнительную ролю, какую далъ ему потомъ вѣкъ Перикла, развилось подъ жреческимъ вліяніемъ Востока, перенесшаго систему своихъ вѣрованій, своей общественности, своихъ знаній и своихъ искусствъ на берега Пелазгическіе. Нашествіе Дорійское возвратило Эллинскій духъ ему самому, принудивъ его испытать вторичное дѣтство, продолжавшееся около шести столѣтій, и которое справедливо называютъ Средними Вѣками Греціи. Ограничимся здѣсь опредѣленіемъ того вліянія, какое сіе великое событіе оказало на жребій Эгинны.

Между потомками Иракла, завоевавшими Пелопонезъ, надобно отличить *Фидона*, Царя Аргосскаго, жившаго за 895 лѣтъ до Р. Х., и на нѣкоторое время осуществившаго въ Греціи единство могущей монархіи. Сей вождь Дорійскій былъ даже такъ силенъ, что могъ пособить завоеванію Македоніи братомъ его *Караномъ*, основавшимъ тамъ свою династію, изъ коей произошелъ Александръ. Такимъ образомъ сіи два брата раздѣлили отъ сѣвера къ югу

все пространство, которое прежде покрывали *Пелазги* и *Ахеяне*. Фидонъ хотѣлъ утвердить институціи то, что приобрѣлъ войною; между установленіями, къ нему относимыми, полагаютъ и монету, считая Фидона изобрѣтателемъ денегъ; привиллегія бить монету была имъ отдана Эгина. Доказательство, что Эгина составляла часть государства Фидонова, и искусства были уже тамъ успѣшно обрабатываемы въ ту эпоху.

Эгиняне, дѣйствительно, были народомъ по природѣ отлично умнымъ. Г. Мюллеръ замѣчаетъ, что на ихъ островъ, геній Дорійскій принялъ развитіе болѣе живое и свободное, нежели въ другомъ мѣстѣ. Нужды островской жизни, малость пространства, привычка переплывать черезъ море въ столицу, Эпидавръ, достаточно объясняютъ для нашего автора такую особенность. Но почему же ничего не отнести и къ вліянію первыхъ колонистовъ Эгины? Для чего не упомянуть о поэтическомъ преданіи, касательно Мирмидоновъ? Слѣдуя сему преданію, Юпитеръ, по прошенію Эака, превратилъ людей въ *муравьевъ*, дабы снова населить островъ, опустошенный лзвою. Въ другомъ мѣстѣ находимъ, что грубые обитатели Эгины ископали всю неблагоприятную почву своего острова, вырыли изъ нѣдръ его всю землю, набросали ее на каменья, покрывавшіе островъ, и сами поселились въ ископанныхъ ими пещерахъ, извлекавъ двоякую пользу изъ своей работы. Не къ сему ли обстоятельству должно отнести и *черепашу*, замѣтную на большей части Эгинскихъ монетъ, чего не изъясняетъ намъ г-нъ Мюллеръ, и что можно принять за изображеніе пещерной и суровой жизни первыхъ временъ Эгины?

Море было для Эгинянъ не меньшимъ источникомъ благоденствія. Когда другіе Греки имѣли только круглые корабли, Эгиняне обладали уже длинными галерами, весла коихъ были также длинные,

а корма и носъ красиво обдѣланы. Скалы, окружающія островъ, спасали сокровища ихъ отъ пиратовъ, которые, кажется, всегда были неизбежнымъ слѣдствіемъ множества гаваней и прибрежьевъ Греціи. Только сами Эгиняне умѣли безопасно плавать между гибельными утесами своими. Такъ, Эгина, надежная крѣпость, обитаемая трудолюбивымъ народомъ, вскорѣ сдѣлалась торговымъ рынкомъ для всѣхъ жителей окрестной Европы, Азіи и Африки.

Гордые своимъ быстрымъ приращеніемъ и чувствомъ собственной силы, Эгиняне разрушили союзъ свой съ Эпидавромъ, даже напали на него, разграбили сей городъ, и перевезли на свой островъ кумиры, бывшіе въ храмахъ ихъ прежней столицы. Между тѣмъ, они оставались вѣрны генію Дорійскому—сохраняли союзъ Лакедемонянъ и Фивянъ, двухъ странъ, подобно имъ, поочередно Ахейскихъ и Дорійскихъ, и, можетъ быть, первые они начали несогласія съ Ионійскимъ поколѣніемъ Аттики, разсказъ о которыхъ составляетъ почти всю политическую исторію Греціи. Ионяне явились на Греческомъ прибрежьи гораздо прежде того времени, когда Дорійцы пришли туда, и раздѣлили съ Ахейцами остатки Пелазгическіе, подобно имъ испытавши потомъ изшествіе Дорійцовъ. Утвердясь прежде Дорійцовъ въ Пелопонезъ, они были ими прогнаны; большая часть изъ нихъ отправилась въ Малую Азію, въ Великую Грецію, въ архипелагъ обихъ морей Элинскихъ, а нѣкоторые остановились въ Атикѣ, гдѣ поколѣніе ихъ имѣло уже пріюты. Происшедшіе изъ общаго Грекамъ источника, вѣроятно, какъ и Дорійцы, они были частнымъ племенемъ первобытныхъ Эллиновъ Фессалій, и первоначально ничто не отдѣляло ихъ отъ другихъ Греческихъ народовъ. Но надобно, чтобы въ нихъ была какая-то врожденная склонность отдѣляться отъ своего роднаго корня и облекать себя въ чуждыя формы. Первоначально похитивъ у Пелазговъ владычество Аттики, они

такъ сильно преобразовались по ихъ духу, религiи и обычаямъ, что историки, не различая однихъ ноковнiй отъ другихъ, именovali побѣдителей именемъ побѣдсннхъ — *Пелазгами*. Братья Дорiйцовъ, по своему происхожденiю, Ionяне сдѣлались предметомъ ненависти и презрѣнiя для снхъ суровыхъ хранителей первоначальной неприкосновенности генiя Греческаго. Настойчивость однихъ и независимость, при любознательномъ любопытствѣ, другихъ, развивались въ слѣдствiе коренныхъ, естественныхъ законовъ; старинныя ссоры, противоположныя выгоды, обстоятельства, все соединялось, дабы переродить болѣе и болѣе различiе народностей въ ожесточенное соперничество. Эивы, до пашествiя Персовъ, Лакедемонъ, послѣ побѣд надъ ними, выдерживали противъ Аевнъ продолжительная войны, бывшiя слѣдствiемъ глубокой двойственности нацюнальной. Въ снхъ обоихъ случаяхъ, Эвина всегда находилась на сторонѣ противной Аевнннхъ. Но прежде нежели увлеклась она страстями, загорѣвшимися въ ея предѣлахъ, будто передовой вѣстникъ Дорiйскаго духа, она подрывала уже городъ Минервы превосходствомъ своего флота, своей промышленности и различiемъ своего направлениа врожденнаго.

Въ войнахъ Грековъ съ Персами надобно различать два главныя измѣненiя. При первомъ, Дарiй повѣлывалъ своимъ полководцамъ наказать только буйную демократiю Ionннхъ. Генiй Дорiйскiй, совершенно аристократическiй, не одними только желанiями успѣха содѣйствовалъ исполненiю воли грознаго влстителя Персiи. Въ ту эпоху, Эгинская олигархiя, опираясь на двойное могущество преданiй и богатствъ, и умѣвши дотолъ удерживать въ повиновенiи пять тысячъ гражданъ и сорокъ тысячъ рабовъ своихъ, иривыкшихъ къ тягостному игу, явно содѣйствовала Персамъ. Аевнннне старались побѣдить ее, возставляя Эгинскую демократiю, но аристократiя острова свирѣпностью своею удерживала то, что хотѣли оспорить

у нея интригою. Въ числѣ козней, совершенныхъ во ея повелѣнію, намъ рассказываютъ между прочимъ яримеръ, единственный въ Исторіи. Какой-то несчастный плебей, влекомый на казнь, ухватился за двери храма и не хотѣлъ ихъ выпустить; у него отпилили руки, дабы не нарушить святости мѣста и не измѣнить мщенію аристократовъ. Спарта, гдѣ древняя стихія Ахейская оставалась твердою, рядомъ съ стихіею Лакедемонскою, состоявшею изъ Дорійцовъ, соглашалась тогда на всѣ предпріятія Аѳинянь противъ чистыхъ Дорійцовъ, Фивянскихъ, Аргосскихъ и Эгинскихъ, возбуждавшихъ общую недоверчивость другихъ Грековъ. Потому-то одинъ изъ Царей Спартіатовъ приходилъ наказать Эгинянь за помощь, оказанную ими варварамъ. Потомъ, когда второе нашествіе Мидійское такъ возвысило Аѳинянь и такъ унизило другіе города, нѣкогда ея соперниковъ, Спарта помнила о враждѣ только изъ подражанія имъ.

Переходомъ черезъ Босфоръ, Ксерксъ напомнилъ всѣмъ Грекамъ, что они суть братья, и что дѣло шло объ ихъ общественной жизни или смерти. Когда вошелъ онъ въ Эгинскій заливъ, то встрѣтилъ тамъ только враговъ; Дорійцы и Іоняне забыли ссоры свои, дабы спасти общую мать свою, Грецію. Такое сближеніе всѣхъ стихійъ Греческихъ, соединясь съ дѣятельностью, которую развивала великая борьба, произвело наконецъ полное паденіе древняго гѣнія Эллінскаго. Аѳины, бывшія главнымъ дѣйствующимъ въ войнѣ, собрали такимъ образомъ прекрасные плоды мира, за нею слѣдовавшаго. Ставши во главу народовъ порывомъ изумительнаго инстинкта, Аѳиняне имѣли потомъ, благодаря своему всепріемлющему гѣнію, счастье глубоко проникнуться Дорійскою цивилизаціею, которая, скрытно, но упорно, сохраняла свою старинную зависть. Такимъ образомъ, Аѳины сдѣлались дѣйствительнымъ представителемъ различныхъ стихійъ Греческой націи, и нѣкоторымъ образомъ лирою, звуки ко-

торой должны были передать будущимъ поколѣніямъ голось цѣлой Греціи. Эгиняне играли важную рольъ при разбитіи Ксеркса. Богатая добыча Саламинская была перевезена на ихъ островъ и продана на Эгинскомъ торжищѣ. Но купеческая жадность, овладѣвши Эгинянами, вскорѣ низвергла ихъ съ высоты славы и благоденствія. Эгину начали почитать мѣстомъ собранія и пріютомъ для сборища всѣхъ сластолюбцовъ Греціи, ибо каждый изъ нихъ могъ надѣяться найти тамъ самыя роскошныя наслажденія и средства развратной жизни, болѣе, нежели въ какомъ либо другомъ мѣстѣ, въ Греціи.

Аѣины воспользовались ослѣпленіемъ своей старинной соперницы, и при первомъ раздорѣ пришли съ флотомъ и осадили Эгину. Черезъ девять мѣсяцовъ осады, Эгина сдалась, и принуждена была уничтожить свои стѣны, отдать Аѣинянамъ свой флотъ и платить имъ дань. Черезъ двадцать семь лѣтъ послѣ постыднаго униженія, когда началась война Пелопонезская, Эгиняне все еще казались опасными, не смотря на ихъ упадокъ. Аѣиняне изгнали ихъ тогда изъ Эгины и заселили ихъ островъ колонією, набранною изъ Аѣинскихъ жителей. Изгнанники Эгинскіе были приняты Спартіатами, и имъ дали убжище въ Тирѣ, въ Пелопонезѣ. Но и здѣсь преслѣдовали ихъ ненависть Аѣинянь, овладѣвшихъ новымъ ихъ убжищемъ, причѣмъ забраны въ пльнъ всѣ, кто не погибъ въ битвѣ. Когда побѣда Эгосъ-Потамосская кончила войну въ пользу Дорійскаго генія, Лакедемонскій полководецъ Лизандеръ хотѣлъ было снова переселить Эгинянь на ихъ островъ. Но отъ народа, нѣкогда столь значительнаго, оставались только жалкіе нищіе, бродившіе толпами по всей Греціи. Такое народонаселеніе не могло возстановить прежняго благоденствія и величія Эгины. Своимъ развратомъ и морскими разбоями, оно обезславло окончаніе Дорійскаго могущества, торжествовавшего надъ

Афинянами только для того, чтобы блестящимъ образомъ заключить свое угасающее существованіе. Съ тѣхъ поръ Эгина оставалась только слава — быть мѣстомъ убѣжища великихъ гражданъ Афинскихъ, изгоняемыхъ непостоянствомъ народа и интригами Македонянъ, готовыхъ, въ последнемъ иноплеменномъ нашествіи, поглотить и соединить всѣхъ Грековъ, подобно имъ сошедшихъ съ высотъ Олимпа и Пинда, сливая ихъ въ великую Монархію Александрову. Такова была Исторія Эгины.

Все изложенное нами, хотя и весьма важно для Исторіи Греціи вообще, должно однакожь служить намъ только для того, чтобы опредѣлить значеніе Эгинскихъ мраморовъ, и обозначить самобытность (originalité) искусства, которому они принадлежать. Афиняне, имѣвшіе важное преимущество надъ другими Эллинскими городами тѣмъ, что у нихъ была полная литература, по тому самому, хотя и казались ихъ представителями и изъяснителями, были однакожь не всегда справедливы въ отношеніи своихъ соперниковъ, изображая потомству рукою своихъ писателей картину Греческой общественности. Представимъ здѣсь примѣръ, относящійся къ нашему предмету, а именно, укажемъ на Дедала, которому, какъ сыну Афинъ, приписывали Афиняне изобрѣтеніе Искусствъ. Полумифологическое лицо Дедала сдѣлалось предметомъ большихъ сомнѣній для новѣйшей учености. Г-нъ Мюллеръ изложилъ свое мнѣніе, что Дедалъ Критскій, тотъ, который построилъ знаменитый лабиринтъ, могъ быть совершенно другимъ и различнымъ человекомъ отъ Дедала Афинскаго, послѣ чего второй Дедалъ долженъ занять второстепенное значеніе въ Исторіи Искусства. Смились; сынъ Эвклида, котораго Павзаній называетъ начальникомъ школы Эгинской и современникомъ Дедала, становится, напротивъ, весьма важнымъ лицомъ, съ тѣхъ поръ, когда мы можемъ нѣсколько

достоверно определять характеръ его послѣдователей. Греческое Искусство, изображаемое намъ всегда подчиненнымъ законамъ самаго строгаго единства, производилось съ неограниченною свободою. Такъ Ваяніе, разсматриваемое въ его началахъ, смотря во мѣстахъ, принимало самыя различныя формы. Можетъ быть, въ Самосѣ, Іонійской колоніи, была изобрѣтена Пластика, или искусство дѣлать изображенія изъ глины. Въ семъ островѣ также Теодоръ и Рехъ вылили первыя бронзовыя статуи. Въ Критѣ, кажется, стало первоначально развиваться искусство ваять мраморъ. Диппей и Скиллісъ, основавшіе школу Сикювскую, были Критскіе мраморщики. Смилису, и основанной имъ Эгинской школѣ, принадлежитъ особенно честь работать изъ дерева, и такому-то роду работъ обязана была своимъ происхожденіемъ *Торевтика* — искусство чисто-Греческое, состоявшее въ соединеніи для статуй нѣсколькихъ драгоценныхъ веществъ, каковы: слоновая кость и золото, первоначально употребляемая, какъ прибавочныя украшенія статуй деревянныхъ, а въ послѣдствіи замѣнившія собою самое дерево. Известно, что Юпитеръ Олимпійскій Фидія и Поликетова Юнона были великими образцами работъ такого рода изваяній. При исчисленіи происхожденій Искусства Эллинскаго, Аеннамъ достается весьма немногое, почти ничего, а Эгина, напротивъ, занимаетъ весьма важное мѣсто.

По обыкновенію Германскихъ археологовъ, г. Мюллеръ предполагаетъ, что имя *Смилиса* было собирательное, и что имъ означали не одного художника, но цѣлую эпоху Искусства. Онъ возводитъ сію эпоху къ временамъ до нашествія Дорійцовъ, то есть, времени прежде установленія Ахейскихъ и Эллинскихъ колоній. Отсюда выводится имъ заключеніе, что Искусство Эгинское, первоначально, было Ахейское, и тщательно старается намъ доказать Германскій ученый, что оно вовсе было изъято отъ вліянія Ис-

куства Египетскаго и Финикійскаго. Статуй деревянныя, или *ксони*, какъ называли ихъ Греки однимъ словомъ, были, следовательно, первымъ выраженіемъ Искусства, чисто Аліанскаго. Мне кажется, весьма важно присовокупить здѣсь еще замѣчаніе, къ тому, что говоритъ г-нъ Мюллеръ, дабы отсюда уже можно было видѣть тѣ отношенія, которыя предполагаемъ мы утвердить между Вавилоніемъ и Зодчествомъ. Известно, что дерево было первымъ матеріаломъ для всѣхъ Греческихъ построеній, и мы находимъ его и въ началѣ статуянаго искусства. Г-нъ Мюллеръ не замѣчаетъ притомъ, что вещество, употребленное Сидонскими художниками, придадо и особенный характеръ преданіямъ, переданнымъ ими своимъ современникамъ. Онъ все относитъ только къ религіи и мѣстному гению сихъ художниковъ. Между тѣмъ, очевидно, что школа, образованная во работѣ изъ дерева, не могла имѣть тѣхъ же самыхъ правилъ, какія имѣли школы, начатыя привычною работою изъ веществъ болѣе грубыхъ, металловъ или минераловъ.

До открытія статуй, сохраняемыхъ въ Гелиополисѣ, положительно знали мы, что въ Греческомъ Искусствѣ былъ особенный стиль, называемый *Эгипетскимъ* (*égyptique*). Плиній Старшій, въ удивительной своей Энциклопедіи, оставилъ намъ самыя послѣдовательныя и самыя полныя, какія только мы имѣемъ, свѣдѣнія о древнемъ Вавилоніи, но онъ не передалъ намъ однакожь никакого изъясненія о сего предметѣ. Онъ говоритъ о ваятеляхъ, о которыхъ мы достоверно знаемъ, что они родились въ Эгиптѣ, но у него нѣтъ ни слова о томъ, что они были Эгиптяне. Винкельманъ ошибся, когда перевелъ извѣстныя слова Плинія: *fratrem Aeginetae aegyptii* — *братъ Эгипетскаго художника*; онъ принялъ здѣсь имя одного человека за имя покомѣнія. Цицеронъ и Квинтиліанъ знали не болѣе Плинія о началахъ Греческаго

Искусства. Только Павзаній сохранилъ намъ единственныя, важныя памятники, прямо утверждающіе великую цѣну Эгинскаго стиля, и мнѣніе его объ немъ тѣмъ важнѣе, что онъ жилъ, когда писанія Аэнискихъ изслѣдователей составляли основу воспитанія, и умы, ослѣпленные красотами позднѣйшаго Искусства, не удостоивали уже достаточнымъ вниманіемъ воедо того, что предшествовало Фидію.

Павзаній не только говоритъ о многихъ ваятеляхъ Эгинскихъ, но даже о манерѣ, имъ собственномъ, примѣры коего находитъ онъ въ статуяхъ, разсыянныхъ по разнымъ мѣстамъ Греціи. Такъ въ храмъ Діаны Лимнеиды, на границахъ Аркадіи и Лаконіи, онъ удивлялся статуѣ изъ кебеноваго дерева, «произведенію» прибавляетъ онъ, «того стиля, который извѣстенъ, подъ именемъ Эгинскаго.» У подошвы Парнасса, въ Амбриссѣ, видѣлъ онъ статую изъ чернаго мрамора, изваянную также въ томъ самомъ стилѣ. Здѣсь сближенія являются любопытны. Видимъ, что Эгинскіе ваятели были такими тщательными подражателями преданій, что когда обычай ваять изъ мрамора былъ распространенъ по всей Греціи, они употребляли родъ мрамора, цвѣтомъ своимъ напоминавшій самыя древнія деревянныя произведенія. Впрочемъ, второе извѣстіе Павзанія противорѣчитъ рѣшительно утверженію г-на Мюллера, который говоритъ, будто Эгинскій стиль не могъ быть прилагаемъ къ мрамору. Но самое полное свидѣтельство, какое Греческій путешественникъ далъ намъ, касательно сего стиля, составляетъ фраза его, почти равняющаяся опредѣленію (*définition*). Говоря о статуѣ Геркулеса, видѣнной имъ въ Аритрѣ, въ Іоніи, онъ прибавляетъ: «Не походитъ она, ни на произведенія, носящія на себѣ имя Эгинскихъ, ни на произведенія самой древней Афинской школы, и наиболѣе она въ стилѣ Египетскомъ, нежели въ какомъ либо другомъ; привезли же ее изъ Тира, что въ Финикіи, на шлоу.»

Сидь словъ достаточно, дабы утвердить, что стиль Эгинскій имѣлъ отдаленное отношеніе къ Искусству Египетскому и болѣе близкое отношеніе къ древнему Аттическому Искусству, составляя между тѣмъ нечто совершенно независимое отъ перваго и отличное отъ втораго. Здѣсь видимъ мы опроверженіе двухъ мнѣній, налагаемыхъ г-мъ Мюллеромъ.

Ученый профессоръ Геттингенскій полагаетъ неопровергаемою истину, что сущность Аттическихъ работъ школы Дедаловой состояла въ *измѣненіяхъ*, а характеръ Эгинской школы Смильса составляло *тождество* (identité). Если предположить такой фактъ, то какъ можно будетъ намъ понять внутреннее отношеніе, предполагаемое Павзаніемъ между манеромъ древнихъ Аѳинъ и Эгины? Далѣе, г-нъ Мюллеръ утверждаетъ, что въ словарь Эзихія нашелъ онъ слѣдующее изъясненіе, самый драгоценный документъ, какой только можно представить по предмеру, насъ занимающему: *Ερουα αμυμντιχα, οι βυιβεβτχοτες αυδραυτες*, т. е. «Статуя Эгинскія, съ неподвижными, параллельными ногами.» Такое описаніе совершенно разрываетъ затрудненіе нашего спора. Но — признаться ли? — После самаго тщательнаго изысканія, мы не находимъ приводимыхъ здѣсь словъ въ словарь Эзихія, изданіи Алберта, которое можно почесть самымъ лучшимъ. Что они могли быть найдены и прочитаны г-мъ Мюллеромъ въ какомъ нибудь другомъ изданіи Эзихія, о томъ мы не смѣемъ спорить, но не можемъ и утвердиться на нихъ, ибо въ такомъ случаѣ, почему не предположить, что ихъ прибавилъ какой нибудь позднѣйшій грамматикъ, желавшій дополнить своего автора? Такъ дѣльвали въ старину, и нашего предположенія нельзя почесть невѣроятнымъ. Павзаній даетъ намъ превосходную причину такъ думать. Еслибы Эгинскія статуи имѣли ноги, протянутыя въ одну линію, какъ могъ бы онъ сказать, что онѣ *различались отъ Еги-*

петскихъ статуй, когда подобная протяженность и неподвижность были основнымъ признакомъ статуй Египетскихъ? Мы касаемся здѣсь, впрочемъ, самой затруднительной стороны нашего вопроса, и на сей разъ полагаемъ несомвѣстнымъ распространяться далѣе.

Указанія, о которыхъ мы здѣсь говоримъ, показались достаточными историкамъ Искусства. Винкельманъ первый утвердилъ существованіе школы Эгинской; не опредѣляя ея характера, онъ поставилъ ее на одну степенъ съ Сикіонскою и Коринѣскою. Мы уже говорили, что г-нъ Катрмеръ-де-Кенси старался назначить ей болѣе обширный объемъ, соединяя ее съ стилемъ *Этрусскимъ*, и представляя ее примѣромъ всѣхъ древнихъ манеровъ Греціи. И въ северной и въ южной Германіи старались потомъ разрѣшить эту проблему, но Германская ученость, прилагая къ дѣлу безконечное разнообразіе своихъ свѣдѣній, придавая ему и ту нервышительность, которая, кажется, составляетъ одно изъ ея коренныхъ свойствъ. Многіе изъ Баварскихъ ученыхъ, Гаршъ, Вагнеръ, даже знаменитый Шеллингъ, приняли участіе въ спорѣ. Г-нъ Мюллеръ хотѣлъ сражаться съ ними за честь мнѣній северной Германіи, и мы позволимъ себѣ сказать, что во многихъ важныхъ пунктахъ, онъ, кажется, имѣлъ въ виду только поддержать мнѣніе своей партіи, и едвали хотѣлъ защищать правую истину. Участіе Франціи до сихъ поръ ограничивалось только догадками, такъ сказать, которыхъ г-нъ Рауль-Рашетъ превосходно изложилъ въ своей Археологіи. Нѣтъ сомнѣнія, что Германская ученость обширнѣе и глубже вникаетъ въ дѣло, но не должно ли напомнить при томъ — ибо мы увѣрены въ истинѣ того, что говоримъ — еще одно общее положеніе, именно то, что иногда воображеніе подскажетъ намъ болѣе правды, даже точнѣе опредѣлитъ ее, нежели наше знаніе?

Вслѣдствіе сохранились намъ оды Θεандридъ, со-

ставивший семейство лирических поэтов Эгины, может быть, мы знали бы имена последователей Смильса. Въ эпоху войны съ Персами, когда Эллыны, кавалось, отложили всѣ свои соперничества, дабы обще защищать свою отчизну и покрыть себя всеми родами славы, Эгциане явились въ первомъ ряду и въ большомъ количествѣ, между другими воителями Греции. Прежде всѣхъ видимъ здѣсь *Каллона*, который, по противорѣчающему указанію Плинія и Квинтилиана, жилъ, или прежде Марафонской битвы, или послѣ битвы Эгосъ-Потамосской. — протяженіе времени, котораго не наполнить жизни одного человека. Потомъ узнаемъ мы Эгцианъ: *Глаокія*, изваяшаго многія статуи атлетовъ, побѣдителей въ играхъ; *Анаксагора*, творца статуи Юпитера, поставленной Греками въ Элисѣ, послѣ Платейской битвы; *Онаттаза*, славнаго множествомъ прекрасныхъ произведеній, и въ свое время пользовавшагося совершеннымъ первенствомъ надъ другими современниками; далѣе — *Симона*, *Птолиха*, *Теопропа*, *Аристонора*, *Филатима*. Трудно опредѣлить время существованія нѣкоторыхъ изъ сихъ послѣднихъ, но иныя изъ нихъ, кажется, были современны Агеладазу, учителю Фидіеву, и, следовательно, жили между Персидскою и Пелопонезскою войнами.

Все сводится здѣсь къ той мысли, что сѣи воители не рабски подражали манеру Смильса, хотя и держались его преданій. Г-нъ Мюллеръ изъясняетъ однакожь сильное подозрѣніе; онъ самъ видитъ, что всѣ поименованные нами художники были Эгциане, но спрашиваетъ: можно ли утвердить, чтобы ихъ произведенія принадлежали къ Эгцинскому стилю? Между тѣмъ, онъ принужденъ согласиться, что его сомнѣнія уничтожаются словами Квинтилиана о Каллонѣ, суровую и архаическую работу котораго сравниваетъ онъ съ Этрусскими произведеніями. Но за то утверждаетъ Германскій критикъ, что условія Каллона обра-

зовали въ Эгинскомъ Искусствѣ вторую эпоху, которую называетъ онъ послѣднюю, ибо многіе изъ художниковъ тогдашнихъ пережили паденіе своего отечества, и притомъ эпохою великою и высокою, уподобляя ее, по классификаціи Винкельмана, тому, чѣмъ, при слѣдующемъ поколѣніи, была эпоха Фидія для школы Аттической. Далѣе увидимъ мы все, что можно сказать противъ утвержденій г-на Мюллера, а здѣсь упомянемъ объ обстоятельствахъ, весьма для насъ важныхъ.

Большая часть Эгинскихъ художниковъ, поименованныхъ нами, прославились вѣнчаніемъ статуй атлетовъ, увѣнчанныхъ во время публичныхъ игръ. Такое торжественное награжденіе, даваемое побѣдителями городами, было, какъ извѣстно, еще болѣе, нежели самая религія, долгое время довольно грубыми истуканами боговъ, началомъ Греческаго Зодчества и причиною его упадка. Ни одинъ народъ Греческій не былъ способенъ Эгинанцъ породить побѣдителей въ играхъ, и художниковъ, для ихъ прославленія. Пиндаръ, лучший историкъ племенъ Дорійскихъ и Эгинанцъ, посвятилъ болѣе половины дошедшихъ до насъ одъ его, побѣдителямъ въ играхъ, именно рожденнымъ въ Эгину. Пелей выдумалъ даже игры, которыя были извѣстны подъ именемъ *Пентамлійскихъ* — игры, особенно приличныя Эгинанцъ, и которыхъ, кажется, не должно смѣшивать съ *Макраційскими*. Каждый согласится, полагаемъ, что зрѣлище ихъ, и вкусъ къ такимъ упражненіямъ, которыя можно было назвать національными, должныствовали имѣть особенное вліяніе на ученіе, и направленіе *островскихъ* художниковъ, какъ называетъ ихъ Луніанъ въ одномъ изъ своихъ разговоровъ. Присовокупите къ нашему замѣчанію, что художники въ статуяхъ своихъ часто воспроизводили разительнымъ образомъ самыя лица борцовъ, и уже трудно будетъ послѣ того повѣрить, чтобы

искусство ихъ оставалось совершенно вѣрнымъ преданію, необходимо суровому, религіознаго Смиллса, а еще болѣе Египетской неподвижности, которую г-нъ Мюллеръ, слѣдуя сомнительному мѣсту изъ Эзи-хія, выдаетъ за типъ Эгинскаго Искусства. Замѣтимъ еще мимоходомъ, что Аѳиняне почти никогда не упоминались между побѣдителями въ играхъ, что они вовсе не занимались ревностно гимнастическими упражненіями, и что художники ихъ не заботились о статуяхъ атлетовъ. Все сія замѣчанія едва ли будутъ пригодны къ тому, чтобы подтвердить или мнѣніе г-на Мюллера, будто первоначально въ Искусствѣ Аѳинянъ было болѣе движенія и разнообразія, нежели въ стилѣ Эгинскомъ. Напротивъ, не приводитъ ли насъ все изложенное совсѣмъ къ противному мнѣнію?

Но — предварительныя изслѣдованія наши кончены. Не простираясь далѣе въ нашихъ сравненіяхъ и разысканіяхъ, мы должны узнать подробнѣе извѣстія, найденныя въ Эгинѣ г-мъ Кокерелемъ, и опредѣлить: какія новыя стили даютъ они намъ для разрѣшенія задачи, насъ занимающей? Мы опишемъ Писеллиниконъ Эгинскій, рассмотримъ мраморы его, и, въ заключеніе, постараемся наметить нашу собственную, новую теорію искусства Греческаго, которая, можетъ быть, доведетъ насъ до разрѣшенія одного изъ самыхъ любопытнѣйшихъ вопросовъ Эстетики, а именно, относительной цѣнности Искусства Древняго и Искусства Новѣйшаго. Все это будетъ предметомъ второй статьи нашей.

ОЧЕРКЪ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЗА 1838 и 1839-й ГОДЫ.

234. История Европейской Литературы пятнадцатаго и шестнадцатаго столетий. Генриха Галлама (.) и (П)ереводъ съ Английскаго (Англійскаго?) Федора Чижова. Часть I. Спб., въ тип. Акад. Наукъ, 1839 г. въ 8, XVI и 414 стр.

235. Общественная и частная жизнь въ Европейскихъ городахъ Среднихъ вѣковъ. Соч. К. Д. Еюльманна. Переводъ съ Нѣмецкаго. Спб. въ тип. Н. Греча, 1839 г., въ 8, 296 стр.

Книги, принадлежащія къ такъ называемымъ *сборникамъ*, или *компиляциямъ*, и ихъ можно также назвать *книгами для справокъ*. Два первыхъ названія довольно безоцѣны въ литературномъ мѣрѣ, но все зависитъ отъ сущности дѣла, а дѣло здѣсь состоитъ въ слѣдующемъ:

При безчисленномъ множествѣ книгъ, при разнообразіи матеріаловъ и предметовъ по всѣмъ отраслямъ знаній человеческихъ, намъ необходимы два особенные рода сочиненій: общіе *указатели* и частныя *сборники*, назъ пособія для памяти и замѣтки для соображеній ума. Избави Богъ учиться по такимъ книгамъ, но онѣ тоже, что вѣхи и баки для безопасности и оглядки, которыми могутъ руководствоваться *знаніе* и *опытъ*, ибо онѣ напоминаютъ намъ извѣстное и наводятъ на дополненія. Имена многихъ ученыхъ и почтенныхъ мужей остались въ литературной исторіи за сборники и компіляции, ими изданные. Таковы имена *Гербелотова*, *Фабри-*

цать, Гарлесовъ, Раймоладъ, Баронъ, Шаллей, Коховъ, Ваксеровъ, Буле, Рекутровъ, и многихъ другихъ, къ числу коихъ принадлежатъ ия даже цѣлаго общества ученыхъ Бенедиктинцевъ Пале-Рояльскихъ, собирателей известной книги: *Искусство повѣрить историческія указанія.* Книги упомянутыхъ нами людей составляютъ необходимую принадлежность каждой библиотеки. Но спрашивается: должно ли переводить такія книги? Не думаемъ, ибо онѣ издаются не для чтенія, и состоятъ изъ примечаній и цитатъ, составляютъ принадлежность всѣхъ антитратуръ. Для чего переведете вы книгу Коха, либо Гербелота? Кто изъ живущихъ въ нынѣ надобно, не знаетъ языка, на которомъ онѣ писаны? А *общаго чтенія и общеиспольнаго перевода* онѣ не составляютъ.

Перейдемъ къ *злоупотребленію* компилляцій и сборниковъ. «Злоупотребленіемъ» называемъ мы тѣ ничтожныя книги, гдѣ нѣтъ, ни идей, ни основнои мысли, но набраны бываютъ *факты* и *цитаты*, подъ именемъ *исторій, руководствъ, основаній,* и проч. и проч. Таки книги такого рода издава на всѣхъ языкахъ, и въ прошломъ столѣтіи, онѣ были даже въ модѣ и выходили дюжинами. Бездарный писака избираетъ какойнибудь предметъ, выбираетъ кое-что, что объ немъ писано другими, сшиваетъ свои лоскутки, связываетъ ихъ рамкою въ родѣ кой-какой системы, и выходитъ *книга* — безполезный сборникъ недостаточныхъ замѣтокъ, негодный для учебной работы, неспособный для обыкновеннаго чтенія.

Мы не причислимъ къ такому разряду, ни книги Галлама, ни книги Гюльмана, но, признаемся однакожь: не знаемъ, для чего онѣ составлены, и еще менѣе для чего онѣ переведены? Галламъ известенъ издаваемъ уже нѣсколькихъ компилляцій. Таковы сочиненія, или сборники его: *Европа въ Среднія времена* и *Исторія Азіи*; такова и вышедшая нынѣ книга его: *Introduction to the literature of Europe in XV, XVI and XVII centuries*, переименованная въ Русскомъ переводѣ въ *Исторію Европейской Литературы XI-го и XVI-го столѣтій.* Не достигая до важности Исторіи, лишенная всякаго философскаго и ученаго взгляда, она неполна, какъ систематическій указатель, и суха и скучна для чтенія обыкновеннаго. — Сочиненія Гюльмана имѣютъ тѣ же самыя недо-

скатки, и книгу, что книга подобную, можете всякій составить, если засядете месяца на два, да окружите себя десятками двумя, тремя фолиантовъ. Что такое разумѣть авторъ подъ словомъ: *жизнь египтянъ Европейскихъ въ Средніе вѣка* (или, какъ выражается Русскій переводчикъ Гюльмановой книги: «жизнь въ Европейскихъ городахъ Среднихъ вѣковъ»)» Хотите ли авторъ аналитически показать духъ и образование общественности Европейской въ Среднія вѣка, принимая подробности вѣшняго общественнаго быта, какъ выраженіе внутренней жизни человечества въ Среднія времена? Разумѣется, что духъ и умъ отражаются во вѣщности, и никакого сочиненія не поймете вполнѣ, не зная жизни и характеристики сочинителя. Но что изъ того, если вы расскажете мнѣ, что Байронъ и В. Скоттъ прихрамывали, Вольтеръ любилъ жить кое-е, Александръ Македонскій кривилъ шею, Диоклитіанъ бивалъ мухъ, а Генрихъ IV-й носилъ сапоги со шпорами? или что Англичане любятъ *шерри* и *кларетъ*, Русскій кислую капусту, а Итальянецъ *макароннъ*? Я прочитаю вамъ замѣтки и скажу вамъ: «Такъ, да что же изъ того? Для чего вы мнѣ все это рассказываете?» И вамъ придется отвѣчать: «Да, такъ; вздумалось мнѣ равсказать и я рассказалъ.» Почти такой разговоръ можно бы имѣть съ Гюльманомъ; когда выдалъ онъ свою книгу. Не излагая идеи Среднихъ вѣковъ, не изображая ихъ исторически, не поясняя духа и переходовъ сего великаго и любопытнаго періода Исторіи, Гюльманъ собралъ кой-какія выписки о нравахъ и обычаяхъ Европейцовъ въ Среднія времена, сшилъ свои замѣтки вмѣстѣ,—и вышла книга! Надобно впрочемъ сказать, что и Галламъ и Гюльманъ люди довольно добросовѣстные: свѣдѣнія у нихъ неполны, взгляда нѣтъ, система недостаточна, идей не ищите, но факты ихъ вѣрны; притомъ, книги свои выдаютъ, какъ нѣчто частное, и для того, кто болѣе не знаетъ, или хочетъ знать кое-что мимоходомъ, компіляціи Галлама и Гюльмана очень кстати. Но безъ перевода ихъ на Русскій языкъ, мы легко могли бы обойтись, ибо онѣ не умножаютъ собою богатства знанія, а въ нѣкоторомъ отношеніи, онѣ для насъ болѣе нежели бесполезны. Слышимъ объяснить слова наши, и для того спросимъ всѣхъ благомыслящихъ наблюдателей: не должно ли почтеть поверхностнаго знанія однимъ изъ главныхъ недостатковъ нашего време-

ны? Книги въ родѣ Гюльмановой и Галламовой вѣдутъ именно къ нему, доставляя случай узнать *милагодомы плыти*, *схватить на лоту кое-что*. Нѣтъ! Мы порадовались бы по-явленію такихъ книгъ, которыя обилны идеями, которыя заставляютъ мыслить, или передаютъ обильный запасъ энциклопедическаго, приучаютъ къ основательному, полному воззрѣнію — да, мы порадовались бы Робертсонамъ, Гиббонамъ, Нибурамъ, Савиньи, Тьерри, а отъ сборниковъ и книгъ Гюльмановскихъ и Галламовскихъ охотно желаемъ мы уволить Русскую литературу. Въ ней и безъ того много пустаго, а дѣльнаго недостаетъ.

Переводъ книги Гюльмана показываетъ стараніе переводчика писать нынѣшнимъ испорченнымъ книжнымъ нарѣчіемъ, въ силу ложнаго правила, будто нѣтъ различія между языкомъ разговорнымъ и книжнымъ. Последователей такого правила тотчасъ узнаете по галлицизмамъ, барбаризмамъ, по *это, тотъ, который, чтобы*, безпрестанно повторяемымъ, и наконецъ по употребленію: *надо, теперь, теперьшній, однако, тѣмъ*, вмѣсто: *надобно, нынѣ, нынѣшній, однакожь, нежели*, и проч. и проч. Переводникъ сочиненія Гюльманаова, кромѣ того сбивается безпрестанно въ значеніи словъ, кажется, худо понимая силу каждаго Русскаго слова. Онъ пишетъ: *дурной воздухъ, дѣшевое наказаніе, сальная повѣсть, двѣстосимая стыдливость, пошелъ отъ монахи, сдѣлался епископомъ, истолковываетъ свѣтила небесныя, компанія актеровъ, возанъ по озеру, спотобные миссіонеры*, и проч. и проч. — Въ ниспахъ собственныхъ у него множеество ошибокъ. Почтенный переводчикъ пишетъ: «Венеціянецъ, Лудовикъ, Мунгалия, и даже *Шари-Мунгалия*, Рубриквистъ, Джингистъ, Марко Поло, и проч.

Что касается до перевода Галламовой книги, признаемся, мы мало видали книгъ, столь плохо написанныхъ и столь неисправно напечатанныхъ. Нельзя безъ смѣха читать Русскаго перевода во многихъ мѣстахъ; ошибокъ, оmissionsъ въ немъ исчислить невозможно, начиная съ заглавнаго листа, гдѣ читаемъ: *Европійскою*, и не видимъ смысла въ титулѣ книги. Переводникъ слѣдуетъ кромѣ того всѣмъ ложнымъ правиламъ *этомостовъ*, безпрестанно ставя *это, тотъ*, уроду Русскій языкъ галлицизмами, и принявъ нелѣпное правило, въ силу

котораго часть заставляют писать: *Банъ*, *саръ Блаутъ*, *Буръ* и проч. — А между тѣмъ переводчикъ пишетъ: *Едуардъ*, *Англандскій*, *Италянскій*, *драматическій*, *Ейхгоръ*, *Жинсенъ*, и проч., такъ, что при новыхъ страницахъ думается не многиѣкакія имъ имя переводчика, поставленное въ заглавіи, и не принадлежитъ ли переводъ Галламовой книги одному-единицу того литератора, имя котораго известно намъ по некоторымъ ученымъ трудамъ?

За тѣмъ по Русски Галламова книга названа: *Исторією*? По Англійски называется она *Введеніемъ въ Исторію*, и ав-

* По Русской пословицѣ: *запла дѣлка грамата*, можно сказать, что правописаніе иностранныхъ собственныхъ именъ, въ наше время *запла* многимъ нашихъ писакъ; особенно *Англійскія* имена для нихъ истинное мученье! Умора, что они съ ними дѣлаютъ! Иной пишетъ: *Элбэлъ*, *Чилъ*, *Эпэлтъискиа горы*, *Пізгэръ*, *Копиздъ*, *Ментрилъ*, *Хэллфрэкъ* (т. е. по просту — *Алабама*, *Чили*, *Апалачскія горы*, *Нивара*, *Канада*, *Монреаль*, *Галифаксъ*); другой, не зная, какъ написать: *Goldsmith*, пишетъ въ отчаяніи: «*Гольдслитъ*, или, если угодно, *Гулдслиссъ*, или *Гулдслитъ*, или *Гулдслиссъ* — однимъ словомъ, *Goldsmith*.» — Третій, бывшій, бывшій, и не зная, какъ написать: *Банкъ*, придумалъ наконецъ писать это проклятое имя — *вэйкпъ*! — Къ числу забавныхъ анекдотовъ принадлежитъ слѣдующій: въ Москвѣ вышелъ Англійско-Русскій словарь, и составитель его, *Яковъ*, или, когда угодно, *Джелсъ-Банкъ* (J. Banks), написалъ и напечаталъ: *Яковъ Банкъ*. Два Петербургскіе журналиста, увидѣвъ о выходѣ книги г-на Банкса, пишутъ имя его: *Банкъ*, *Бэнкъ*, а одинъ даже замѣтилъ, что г-нъ Банкъ пишетъ неправильно: *Банкъ*, ибо-де онъ *Бэнкъ*, а ужь, по крайней мѣрѣ — *Бенкъ*. Не правда ли, вѣдь очень мило, что наши знатоки ученому Англичанину показываютъ какъ онъ долженъ писать свое Англійское имя? Видно кто нибудь согрѣшилъ, сказалъ имъ, что А по Англійски произносится, какъ *э*, или *э*? Но жаль, что не дотолковалъ онъ имъ, что иногда Англичане свое А произносятъ такъ же, какъ и мы — А. Именно: какъ *э*, произносится А передъ согласною буквою, если за нею слѣдуетъ гласная, а если послѣ согласной нѣтъ гласной, она выговаривается, какъ А. Слѣственно, и Banks, надобно выговаривать *Банкъ*, а не *Бенкъ*, и еще мѣше *Бэнкъ*. Но что намъ за дѣло до Англичанъ! Было бы намъ сказано, а кто пойдетъ намъ доказывать, что мы говоримъ лѣзвостью? Жаль одного, что неопытная молодежь на слово *карты* такимъ лѣзвостямъ, и коверкаетъ Русскій языкъ безъ всякаго милосердія.

торъ именно говорить, что онъ не смѣетъ назвать книги своей Исторіею, чувствуя всю неполноту ея. Выписываемъ собственные слова автора, а кетати читатели увидятъ въ нихъ образчикъ Русскаго перевода, его правописанія, и ошибку противъ всего, что надобно знать каждому, кто берется переводить и печатать книги. Просимъ прислушаться:

«Кажется (,) такъ явцо *достоинство* (т. е. *важность, заслуга*) такого *синтетическаго* (т. е. *слющпческаго, хочеть сказать переводчикъ) обзора литературы, который бы обнималъ* (т. е. *который обнималъ бы*) всѣ различныя ея отрасли (,) въ теченіи значительнаго періода времени, при всѣхъ сѣвременныхъ имъ условіяхъ и въ *взаимной* (*взаимной, должно быть, кажется*) ихъ *зависимости* (*кажется: связь, хотель сказать переводчикъ*), что невозможно опровергать его (т. е. *его опровергнуть*). И такъ, какъ мы мало имѣемъ книгъ въ этомъ родѣ, я предпринялъ *составить* это *сочиненіе* (т. е. *переводчикъ хочеть сказать: «У насъ мало сочиненій такого рода, и потому предпринялъ я составить мою книгу»*). Чувствую (?) что, (?) во многихъ отношеніяхъ, я не въ состояніи исполнить предпріятія, но сколько могу судить, врядъ ли кто нибудь *можетъ* вполне *окоптитъ* его. (Что это за шарада такая: «я не въ состояніи исполнить моего предпріятія, но врядъ ли кто нибудь можетъ *окоптитъ* его?») Представляя публикѣ это введеніе въ исторію литературы трехъ столѣтій (я не рѣшился дѣтъ ему другаго (,) болѣе объемлющаго *заглавія*), мнѣ кажется весьма къ стати показать мои второкласныя *источники*, отдѣльно отъ *знакомства* моего съ оригинальными писателями, и *этимъ силами* познакомивъ съ *тѣмъ*, что было уже *сдѣлаю*, и что еще остается *не сдѣланнымъ*, дать возможность оцѣнить мое *собственное* предпріятіе. (*Показать источники, вмѣсто — указать на источники; второкласные, или еще «второкласныя, вмѣсто второстепенныя — отдѣльно отъ знакомства познакомить — этимъ силами съ тѣмъ — оригинальные писатели и второкласные источники, какъ будто второкласный писатель не можетъ быть оригинальнымъ* — оставимъ все это, гдѣ смѣемъ едва можно понять въ хаосѣ словъ, но — вотъ славное: видители, что самъ Галламъ книги своей Исторіею литературы не почитаетъ? За чѣмъ же книга его по Русски *сдѣлалась* *Исторі-*

ею? — Принажете ли продолжать выписку? Если угодно, для шутки — продолжаю еще немного) *Исторія Литературы* принадлежит новому, или (,) лучше (сказать, то есть) *самому последнему времени*. Изъ древних (чего? времени, писателей, сочинений?) всего ближе подходит къ ней (т. е. подходит къ ней, или сближается съ нею) одна (?) глава *Квинтилиана* (вроятно, переводчикъ хотѣлъ сказать: *та глава изъ сочиненій Квинтилиана*), именно первая глава десятой книги (какой?) гдѣ онъ *бъло* (?) *перечисляетъ* (т. е. *исчисляетъ*) имена и характеры (*перечисляетъ характеры!*) поэтовъ, ораторовъ, историковъ Греціи и Рима. Это впрочемъ простой очеркъ, да, и»...

Да, и не довольно ли, ММ. ГГ.? Кажется, можно согласиться, что хуже писать по Русски невозможно? И о переводѣ Галламовой книги одинъ изъ нашихъ Журналистовъ говорилъ: «Душевно желаемъ, чтобы г-нъ Ч., такимъ *чистымъ, правдынымъ* *языкомъ* передавшій намъ 1-ю часть Галламова «сочиненія, продолжалъ переводить остальные... Рекомендуемъ читателямъ, незнакомымъ съ книгою Галлама въ подлинникъ, ознакомиться съ нею *въ прекрасномъ, добросовѣстномъ переводѣ* г-на Ч. Мы увѣрены, что они скажутъ намъ *спасибо* за рекомендацію... Правда, да и какъ не сказать! Мы увѣрены, что Журналистъ самъ смѣлся, писавши приведенныя нами строки его, но для чего же онъ писалъ ихъ? Для чего! А помните ли басню Крылова. — Переводчикъ Галлама не со-трудникъ ли его журнала?.. «Ну, какъ не соэрушишь, не скажешь,» и не похвалишь!

236. *Исторія Философіи*. Архимандрита Гавриила. Четыре части (часть 1-я *вторымъ изданіемъ съ перемѣнами*). Казань, въ Унив. тип. 1839 г., въ 8, 175, 161, 203 и 192 стр.

Утѣшительное явленіе, среди стравныхъ и непонятныхъ нападеній, какинъ подвергается у насъ нынѣ Философія, отъ столь многихъ и въ столь многемъ. Уже давно состарѣлась то нелѣпая мысль, будто Философія ведетъ къ вольнодумству и разврату ума, давно прошло то время, когда названіе *философа* означало для многихъ синонимъ *безбожника*. Ны-

въ всякой уже попытке, что *злоупотребленіе* чего либо ничего еще не доказываетъ; что *ошибочное* направленіе не есть также доказательство, будто путь другого, *правильнаго* и *справедливаго* направленія. Самые свѣтлыя истины бывали орудіемъ пагубы, и во имя блага и добра совершались гибельныя злодѣянія. И тѣмъ-то утѣшительнѣе для насъ, при настоящемъ нашемъ образованіи, что ученіе Философій обратило на себя особенное вниманіе нашего просвѣщеннаго Духовенства. Въ то время, когда укрѣпляетъ оно духомъ православія святую Религію, и поучаетъ насъ ея святымъ истинамъ, мы безпрерывно видимъ усердые и философскіе труды нашихъ Русскихъ духовныхъ монастырей. Имъ уже обязаны мы многими важными твореніями по части Философій, и еще важнѣе для насъ примѣры ихъ, доказывающій, что наука наука, наука ума — *Любомудрѣ*, не есть надо разврата умственнаго, если она истекаетъ изъ вѣры, и въ нее обращается какъ змій согнутый кольцомъ, изображая собою мудрость. Такова должна быть и действительно есть *истинная Философія*; такою и является она въ дѣяніяхъ нашихъ духовныхъ учителей. — Но, какъ всякой истинѣ противопоставляется и заблужденіе, такъ и Философія въ наше время испытываетъ нападкы совсѣмъ другаго рода. Безбоженіемъ перестали ее почитать, но за то многіе начали отвергать ее вовсе, какъ отвергаютъ она *теорію* и *систему* въ наукахъ и знаніяхъ. На чемъ основывается столь вопіющая негѣпость? Опять на ошибку. «Видите,» говоритъ вамъ, «умъ человеческій ограниченъ; безпрестанно ошибается, и, следовательно, онъ ничего вѣрнаго и положительнаго никогда вамъ не скажетъ. Что вы гордите ваши системы и теоріи? Первый опытъ разрушаетъ вашу физическую теорію; какойнибудь лоскутъ рукописи уничтожаетъ вашъ историческій выводъ; въ философій системѣ за системой лопаются, будто мыльные пузыри. Вчера Декартъ, сегодня Бакопъ, завтра Лейбницъ, а тамъ Локкъ, Кантъ, Шеллингъ, Фихте, Гегель сѣвняютъ другъ друга, и гнаются съ ними за истинною, все равно, что догнать тѣнь!» Чѣмъ и какъ опровергнуть такія рѣчи? Напрасно будемъ убѣждать въ необходимости, въ потребности знанія и мысленія: *слышой* и *слухой* не поймутъ *зрячаго* и *слѣпотащаго*, ибо они не знаютъ, что такое *зрянье* и *слухъ*. Но есть другое орудіе, сильнѣйшее, и это орудіе — *Исторія Наукъ*

и Философiи, исторiя всякъ превратностейъ ихъ судьбы, жизни, успѣховъ и ошибокъ. И здѣсь-то видимъ неоспоримое доказательство необходимости и вѣрности стремленiя нашего къ изысканiю истины. Здѣсь видимъ, что отдѣльно умъ человѣка точно слабъ и ничтоженъ, но силенъ и великъ умъ Человѣчества; что мамъ ошибки всегда равно замѣняются истинами, а самыя заблужденiя наши ведутъ только къ истинѣ; что среди разнообразiя мнѣнiй всегда открывается намъ единство истины, и что именно нигдѣ такъ, какъ въ исторiи ума и знанiя Человѣческаго, не открывается столь явно величiе Человѣка, вѣща Божiяго творенiя на землѣ, о которомъ восторженный поэтъ восклицалъ: «я Царь — я рабъ; я червь — я Богъ!» а философъ изрекъ не менѣе высокое слово: «мыслить, следовательно, есть.» Въ свѣдѣствiе сего, ученiе почти повсюду и во всемъ приняло нынѣ методу историческо-критическую, и эклектизмъ, котораго не должно смѣшивать съ септицизмомъ, сдѣлался необходимымъ условiемъ нашего здѣнiя. Обращаясь къ Философiи, скажемъ, что мы имѣли до сихъ поръ нѣсколько отдѣльных и частныхъ сочиненiй по сему предмету, большаго достоинства. Исторiя философскихъ системъ, г-на Галича, всегда останется памятникомъ труда прекраснаго, но умъ Человѣчскiй непрерывно идетъ впередъ, и безпрестанно требуетъ новыхъ трудовъ и усилiй. Потому вась утѣшительно порадовало сочиненiе почтеннаго О. архимандрита Гавриила, гдѣ, руководимый религiознымъ основанiемъ и началомъ, какъ безпристрастный притомъ эклектикъ, авторъ излагаетъ, кратко, но превосходно систематически, всю исторiю мысленiя Человѣческаго, отъ Фалеса до Ботана, въ Философiи — собственно. «Философiя» говоритъ онъ, «имѣетъ бытiе самостоятельное и видъ опредѣленный. Какъ около солнца планеты, около Любомудрiя обращаются науки, но оно само движется въ особенномъ пространствѣ и описываетъ свою окружность. Отсюда очевидно, что побуждаетъ насъ при настоящемъ предметѣ нашего занятiя отдѣлить Философiю отъ Религiи. Таковъ отдѣленiе не есть тотъ гибельный разрывъ Философiи и Религiи, который въ разныя времена старались пронавести слѣпостствующие, и оно произстаетъ не отъ неуваженiя къ вѣрованiямъ религiознымъ. Провидѣнiе, благодѣющее въ своихъ чудныхъ дѣйствiяхъ младенцу и взрослому Человѣку, людямъ необразованнымъ и образован-

ными, однихъ просвѣщаетъ посредствомъ религіознаго чувства, пристоердечной вѣры отрывая законы ихъ безсмертною назиданія, а другихъ руководствуетъ посредствомъ философіи, которая, подчинилась откровенно вѣры, объясняетъ и доказываетъ правила ея разумомъ. Въ душѣ истиннаго философа *Религія* и *Философія* соединены совершенно; онѣ существуютъ не смѣшиваясь, и различаются не уничтожая себя взаимно. *Христианинъ* не страшится *Философа*, который идетъ съ нимъ во храмъ—жилице вѣры, дабы размышленіемъ пояснить истины, открываемыя вѣрою, и мысленіемъ ума, Богомъ сотвореннаго, почитать и освятить глаголами ума Безконечнаго.

Въ сихъ словахъ не слышимъ ли голосъ христіанскаго мудреца и истиннаго философа? Авторъ, послѣ краткаго введенія, откуда мы выписали приведенныя нами строки, излагаетъ *исторію Философіи*, съ критическимъ безпристрастіемъ любомудра. Онъ раздѣляетъ ее на три великіе періода, и подраздѣляетъ на частныя эпохи, сообразно дѣлѣнію Исторіи на *Древнюю*, *Среднюю* и *Новую*, начиная съ Греціи, и разсматривая всѣ четыре обыкновенныя дѣленія человеческого мышленія: *идеализмъ* и *реализмъ*, и слѣдующіе изъ нихъ—*мистицизмъ* и *скептицизмъ*, синхронистически, но раздѣльно.

Послѣ всего, что мы сказали объ *Исторіи Философіи* нашего почтеннаго автора, намъ, конечно, не упрекнуть въ неуваженіи къ полезному труду его. Тѣмъ смѣлѣе скажемъ мы, что въ одномъ отношеніи желали бы мы видѣть болѣе тщательной отдачи, и именно въ *словѣ*. Мы осмѣливаемся думать, что авторъ самъ сознаетъ слѣды, какъ будто какой-то поспѣшности работы въ словѣ своемъ, не всегда притомъ свойственное и вѣрное употребленіе словъ, часто неправильность фразы, и—будемъ вполне откровенны— послѣдованіе новой школы писателей, заслуживающей справедливое порицаніе истинныхъ знатоковъ отечественнаго языка. Не хотимъ говорить безъ доказательствъ, развертываемъ на удачу книгу нашего почтеннаго автора, и выписываемъ изъ нея цѣлую страницу:

«Бэконъ и Декартъ въ XVII столѣтіи открыли истинный методъ философскій, на которомъ должны (были?) основывъ»

ваться все будущіе труды. Благодаря обращенію; сообще-
 ному (данным?) этики (смы?) великими мужами, все отрасли познания (знанія?) человеческого удивительно подвинулись (подвинулись?) вперед; — (.) в (В)ъ познаниі фактовъ, (в) наблюдениі, (в) тщательномъ разборѣ, человекъ нашелъ средство покарять (покорять?) природу своей властью (своему знанію, своему разуму?). *Однажды удивительный* (великій, гениальный?) человекъ совмѣстилъ въ себѣ *однажды* этотъ (свой?) важный вѣкъ, — (.) это (была?) Лейбницъ! Лейбницъ; говорить *однажды* изъ основательныхъ мыслителей нашего времени, привелъ *въ удивленіе* весьма *великихъ* мужей *самого великаго* вѣка (?!), и это (?) удивленіе къ обширному уму его будетъ всегда возрастать въ читателяхъ (въ мыслителяхъ, въ философахъ?) по мѣрѣ уразуменія (?) его. Безъ сомнѣнія (,) онъ достоинъ похвалы; но мы, соглашась съ этою (такою?) похвалою, отдѣлимъ отличный умъ философа отъ системы, *изданной* (созданной?) имъ. *Сколько* (сколь?) въ удивительный умъ, и какъ онъ велика сила ума въ творцѣ системы; (,) все система остается системою; (,) а (и?) система, какъ справедливо говорятъ, чаще *бываетъ романою*, нежели историческою *природы* (?). Въ вѣкъ (вѣкъ?) въ которомъ родился авторъ Монадологии и предустановленнаго согласія, явилось весьма много важнаго, но по внимательномъ изслѣдованіи, *тогда* окажется, что изложенія, допущенныя философами этаго (этого — его?) времени болѣе блестящія, нежели основательныя, болѣе остроумныя, нежели истины. И въ этомъ (смы?) смыслѣ, касательно науки, насъ занимающей, мы сказали, что ее въ себѣ совмѣстилъ Лейбницъ. Философы *того* (его?) вѣка, обладая истинными *методами*, не умѣли его приспособить во всей силѣ. Въ самомъ дѣлѣ (,) Декартъ, своимъ положеніемъ; (:) я мыслю, слѣдовательно, *существую* (ergo sum?), поставилъ *на всегда* (навсегда?) самопознаніе началомъ всякаго знанія философскаго. Ему оставалось только приложить правила этаго (этого?) *опытнаго* метода (своей опытной *методы*?), которыя онъ самъ такъ ясно начерталъ, къ изученію внутреннихъ явленій; но этотъ (?) великій гений (,) со-
 вратившись съ того пути, по которому должно было идти въ изслѣдованіяхъ, заблудился, и вмѣсто того, чтобы заняться доказательствами и описаніемъ фактовъ, лучше захотѣлъ объяснить (объяснить?) факты гипотезами; дабы сосредоточить

всю очевидность во вышнемъ дѣйствіи самоознанія, отъ поставль философію въ необходимость доказать бытіе вѣщественнаго міра. Эту (?) пропасть, раздѣляющую внутреннее отъ вышнѣяго, и проч.

По нашему мнѣнію, выписка наша доказываетъ, что замѣченное въ ней нами требуетъ исправленія, и что употребивши въ *сорока* строкахъ *девать* разъ: *это, тотъ, этого* только три раза употребилъ его почтенный Авторъ правильно, а въ семи другихъ мѣстахъ, *это* и *этого*, или вовсе не нужны, или должны быть замѣнены словами: *сея, своей, тойкой, его*. Для чего также писать: *Бажонъ*, когда онъ уже столько пишется у насъ *Бажонъ*, такъ, какъ мы пишемъ: *Конфуцій, Колумбъ, Людоцикъ, Цицеронъ*, взявши ихъ съ Латинскаго, хоть и должны бы по настоящему писать: *Кунгъ-дзее, Колонъ, Луи, Цицеро*. Будемъ болѣе заниматься идеями, а слова предоставимъ тѣмъ, у кого до идей голова не доросла. Иностранцы пишутъ: *Моску, Суваровъ*, и тѣмъ не менше мы совершенно понимаемъ, что они говорятъ о нашей древней столицѣ и объ нашемъ великомъ полководцѣ. На что имъ переувѣчиваться въ такомъ вздорѣ? Такъ и *методъ*, напри- мѣръ, мы привыкли писать и произносить: *методъ*, и совершенно выражаемъ тѣмъ то, что хотимъ выразить. Для чего вдругъ начать намъ писать ее въ мужескомъ родѣ? Умѣе отъ того мы не сдѣлаемъ, а такимъ пустымъ реформамъ конца не будетъ.

257. ЖИЗНЕОПИСАНІЕ ГЕНЕРАЛА ЗЕЙДЛИЦА. Сочиненіе Фридриха фонъ-Энзе. Переводъ съ Нѣмецкаго. Кіевъ, въ Унив. тип. 1839 г., въ 8, 251 стр.

Зейдлицъ, родившійся въ 1721-мъ, умершій въ 1773 году, былъ типъ старыхъ гусаровъ, и одинъ изъ храбрыхъ генераловъ Фридриха Великаго. Благодарный Король воздвигнулъ ему статую въ Берлинѣ, на ряду съ храбрыми его товарищами, Виптерфельдомъ, Кейтомъ и Швериномъ. Онъ говаривалъ объ немъ: *Seidlitz ist das edelste Loos geworden, was ein Soldat erreichen kann: er lebte unübertroffen, und er stirbt ohne ersetzt werden zu können!* Русскій переводчикъ (г-нъ Лахманъ) говоритъ: «въ томъ смѣ-

тани, что *описание* подвигов славнѣйшаго изъ войскъ кавалерійскихъ генераловъ будетъ для Русскихъ офицеровъ *тѣмъ* пріятнымъ и полезнымъ; я перевелъ *сочиненіи* извѣстнаго Нѣмецкаго писателя, г-на Ф. фонъ-Энзе, заключающее (въ себя?) *подробнѣйшее и любопытнѣйшее жизнеописаніе* генерала Зейдлица.» Намъ любопытно было прочитать сочиненіе г-на Фарнгагена фонъ-Энзе, имя котораго съ нѣкотораго времени стало извѣстно у насъ въ Россіи по нѣкоторымъ отношеніямъ. Жизнь Зейдлица, имя написанная, не прибавитъ ему въ Россіи много славы; она суха, походитъ на послужной списокъ, съ прибавкою кой-какихъ анекдотовъ, и переведена по Русски довольно плохо.

238. Указатель источниковъ *Исторіи и Географіи Москвы съ древнѣйш. ея уяздомъ, расположенный въ хронологическомъ порядкѣ* по княженіямъ и царствованіямъ Россійскихъ Государей, со включеніемъ царствованія Государя Императора Николая Павловича. Соч. П. Хавскаго. Москва, въ Унив. тип., 1839 г. въ 8, XII и 367 стр.

Мы извѣщали уже читателей нашихъ о новыхъ трудахъ почтеннаго автора, и съ истиннымъ удовольствіемъ видимъ, что онъ не покидаетъ ихъ и принимается за нихъ ревностно. Дѣлая Москву предметомъ своихъ изслѣдованій, почтенный П. В. Хавскій издалъ теперь Указатель событій Русской Исторіи въ отношеніи къ Москвѣ, и дѣль, случаевъ и фактовъ, собственно къ Москвѣ относящихся. Указывая на источники, онъ говоритъ намъ о многихъ матеріалахъ рукописныхъ, донынѣ намъ неизвѣстныхъ. Такими трудами, облегчающими работу историческую, можетъ не дорожить только легкомысленная полуобразованность, нецѣлѣбная тяжесть приготовленія матеріаловъ. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ общаемаго въ предисловіи Авторомъ изданія плана Москвы, исторически и критически соображеннаго, — предметъ у насъ еще новый, какъ говорить почтенный авторъ, и съ чѣмъ мы совершенно согласны.

239. Дѣянія Петра Великаго, *мудраго Претворителя Россіи*, собранныя изъ достоверныхъ источниковъ и расто-

доставил по годам Сочиненіе *И. И. Галахова*. *Народіе* второе. Томъ X. Москва, въ тип. И. Степанова, 1839 г. въ 8, 458 и X стр.

Полезн и благонамѣренность предпріятія почтеннаго Изда-теля *Дьямій Петра Великаго* признана и оценена публикою. За одно только жаловались на него (нельзя же людям на что нибудь не жаловаться? Ужь такъ заведено на блгоу свѣтъ!), жаловались, что выходъ книгъ новаго изданія замѣ-ляется. Но теперь могутъ успокоиться сомнѣвающіеся, даже и въ этомъ отношеніи: съ вышедшимъ нынѣ X-мъ томомъ, второе изданіе передаетъ читателямъ всю *Исторію Петра Ве-ликаго* *сполна*, ибо въ семъ томахъ исполнено все, что содержали въ себѣ 9-ть томовъ *Дьямій*, и 11-ть дополненій перваго. Остается напечатать *три* тома *Дьямій*, занятыхъ письмами Петра Великаго, и *семь* дополненій (изображеніе предшествовавшихъ Петру Великому время, описаніе Мазепиной измѣны и Полтавской битвы, анекдоты, описаніе кабинета его и описаніе Россіи при кончинѣ монарха), что все бу-детъ помѣщено въ остальныхъ *пяти* томахъ втораго изда-нія.

240. Историческіе, философскіе и литературные афо-ризмы (Соч. А. С.). Москва, въ тип. Лав. Илова, 1839 г. въ 12, 79 стр.

Лѣность ума и недостатокъ силъ на работу можно по-честь причиною изданія *афоризмовъ*, и, признаться, мы счи-таемъ афоризмы самыми вздорными книгами, то есть, *мы-слими* афоризмы. Слово это Греческое, и значить кратко выраженную мысль *сентенцію*. Таковъ былъ древнѣйшій об-разъ выраженія мудрецовъ. Они не *мыслили*, но *испустили*, и *къ апофосамъ* и *афоризмамъ* записывались. Въ новѣйшее вре-мя, разные люди записывали, въ *длинночки* *судъ*, *мысли*, свои замѣтки, и такія книжечки издавались потомъ подъ именами *Мыслей*. Кто не знаетъ книжечки *Ларошеуко*? Но Намцы первые начали приводить подобныя клочки въ *систему*, и образовали то, что нынѣ называютъ *афоризмами*, и что ра-зумь г-нъ А. С., издавая свои афоризмы, какъ некогда г-нъ

Предсидѣль. Довелъ въ томъ, что афоризмы, но новому манеру, должны представлять собою рядъ мыслей, между которыми должна быть связь, и которыя составляютъ собою нѣчто цѣлое, стройный порядокъ предложений. Но въ такомъ случаѣ, для чего не излагать предмета вполне *систематически*? Мы согласны, что умный, мыслящій человекъ можетъ иногда записать мысль свою; ему малъ послѣ того бросить ее, а развить некогда, и онъ передастъ ее другимъ. Но если мы представляете мнѣ цѣлый рядъ, цѣлую книгу мыслей об одномъ предметѣ, цѣлую книгу такихъ мыслительныхъ записокъ, значитъ, что или уму чуждому лень было, или силы его не достало составить изъ нихъ нѣчто полное и систематическое. И каково же читать собраніе такихъ недоносковъ, составленное человекомъ ума меньшаго знанія маленькаго? И каково, еще болѣе, если вы въ афоризмахъ его видите усилія пигмея думать, и видите, какъ онъ не сможетъ додумать? Что излечитъ вы, напримѣръ, даъ клочковъ, подобныхъ слѣдующимъ?

«*Всего лучше (?) имѣть поэзію народную.*»

«*Презрительная похвала умилостостъ критику (?)*»

«*Душа поэта тотъ великій жертвенникъ, на которомъ слова и образы облекаются радужными цвѣтами фантазіи и летятъ въ небо.*»

«*Нѣкоторые изъ нашихъ журналовъ такъ современны съ духомъ эпохи, безкорыстной литературы, что добросовѣстность, умъ и искра мудрости ее судятъ для разлаженія мнѣній безсодержательныхъ, благонамѣренныхъ и эстетическихъ.*»

«*Одинъ только гений, внезапно пораженный вдохновеніемъ, издумываетъ систему, или какое либо мнѣніе, каковаго до тѣхъ поръ не слышано было.*»

решительно несправыми и недостаточными. Но въ сторону ученых доказательств: читайте просто Слово о полку Игореве, и вы убедитесь, что такъ не выдумываютъ. По крайней мѣрѣ, для поэта подобное убѣжденіе аксіома, и мы рады, что чувство поэтическое убѣдило г-на де-Ларю въ истинѣ Слова, и внушило ему мысль, передать намъ его въ прекрасныхъ гекзаметрахъ. Опытъ переложенія не первый. Мы недоходны были переложеніями, ни Палицына, ни Язвickaго, ни Вельмана. Признаемся, что и гекзаметры г-на де-Ларю намъ кажутся слишкомъ хитры и искусственны для передачи неподражаемой, простоты, пѣвца Игорева. Въ некоторыхъ мѣстахъ, поэтъ старается разгадать темный, смыслъ, старилы по своему, и почти вездѣ разгадываетъ его неудачно. Примѣчанія его, де прибавляютъ, ничего, новаго къ известному, кромѣ вѣскодныхъ ошибокъ. Не знаемъ, почему также, въ иныхъ мѣстахъ принимаетъ онъ толкованіе однихъ, отвергаетъ толкованія другихъ, и даже не упоминаетъ объ нихъ вовсе? Наконецъ, рѣшительно не постигаемъ мы, почему де-Ларю кажется, будто самый точный переводъ въ прозѣ, сдѣлалъ г-нъ Максимовичъ? Не опечатка ли тутъ?

249. Силко, или Мое слово, вѣд. 1812 года. Народно-эра-
дическое предисловіе, составлено: Русскимъ Историографомъ
М. Соболевскимъ, СПб. въ дни. Н. Грета, 1839 г. ч. II, стр. 80
стр.

Смодя Кольч

Если слово: народное, было когда нибудь употреблено въ-
рѣшительно такъ, какъ, "здѣсь," при явномъ сошнелій на-
слово. Оспаривать, въ этомъ народномъ писателіи. Пусть критика
находить недостатки въ драмѣ его и неполноту характеровъ;
нусть исторія опровергаетъ даже самую идею, на которой осно-
влено писаніе Миллера. Пусть авторъ заставилъ Губица
о лече, и Миллеру, и волненью судить въ изслѣдваніи, рѣшительно
даже, въ промѣно, и на тѣхъ событіяхъ войны 1812 года, и на
потомствѣ Мориса. А въ Дашевскомъ. Вот такъ, не мар-
шино, и такъ, и такъ, и такъ, и такъ, и такъ, и такъ, и такъ, и такъ,

послушайте ихъ, и вы умчены, рукою писателя, авторъ, ваше сердце бьется за мать Москву, Русскую землю, и баюкаетъ Царя!; После того теорія Критики можетъ говорить, что ей угодно, и Исторія говорить, что хочется, и вы не думайте; радуемся, что Русское сердце стучитъ въ груди нашей, и благодаримъ автора *Смута въ Москвѣ*, что онъ даетъ намъ случай сочувствовать его горю.

243. Двенадцать вѣсковъ А. Яковлева. СПб., издана К. Вингебера, 1839, в. въ 16, 28 стр.

Авторъ называетъ свои бѣсны гладышъ, солдатовъ и солдатинъ, и говоритъ о дважечкѣ своей: Ч... .. (и т. д.)

Являсь въ журнальный кабинетъ,
И тамъ, какъ званью подбавству, небыло онъ видѣнъ
Ты бриво молви, какъ солданинъ, и нинѣ артъ двоя
«Вамъ аверь здрствя маршета, но пѣся атов, диняго»
Чамъ онъ богатъ, тамъ онъ и радъ»

Если авторъ точно бравый солдатъ, или какой унтер-офицеръ, то Критика Журнального кабинета отвѣтитъ ему: хорошо, ваше почтеніе; теперь-то такъ и быть, а напредки, пожалуйста, ваше будущее благородіе, вы *бисаетъ не пишете*. После Крылова ихъ писать не должно.

244. Библиотека, романы, повѣстей и путешествій, издаваемая книгопродавцомъ Н. Н. У. Выпускъ второй. Томъ II-й, Москва, въ тип. Н. Стефанова, 1839 г. въ 18, 156 и 94 стр.

Въ этомъ томѣ, помѣщены двѣ повѣсти: *Смута*, Ф. Сулье, и *Гостиница трехъ елей*, Альфонса Рофе. Недавно говорили мы о *Суднѣ* и сказали, что не читали, бѣда его

Вы грозны на словахъ, — повторите же дѣла!
 Или сарматъ богатырь, славойннй на мечахъ,
 Не въ силахъ защитить свой Шляхъ, теснй путь,
 Или Русскаго Царя уже безсилно слово?
 Или намъ съ Европой спорить ново?
 Или Рускй отъ побѣды отъесть?
 Или мало насъ? Или отъ Перми до Тавриды,
 Отъ Финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колкнды,
 Отъ потрясеннаго Кремля
 До стѣнъ недвижнаго Китая,
 Стальной щетиною сверкала,
 Не останется Русская земля?

Кажется, какъ будто по Русски не то, и немного посылъ-
 нье, и поживье и покрасивье? А впрочемъ, мы о вкусахъ
 не споримъ, и даже многого не понимаемъ — на при-
 мѣръ: моря, которое, въ переводъ, оцетинилось блестящею
 сталью (*une mer herissée d'étincelant acier*), или смирен-
 наго овра, гдѣ лежитъ герою *Измаила*. Пушкинъ этого не
 говорилъ — ей Богу не говорилъ! Прочтите сами стихи его.

246. La СЕРТОВА, *romanzo di Luigi de Manzini*, и
 проч. (Чертоза. Романъ. Соч. Людовика Манзини, урожден-
 ца Болонскаго, преподающаго Итальянскую литературу въ
 СПб. Университетъ). Двѣ части. СПб. въ тип. Хр. Гинца,
 1839 г. въ 12, 155 и 137 стр.

Романъ, написанный на языкъ Петрарки и Тасса, Арио-
 ста и Метастазіо, подъ 60° сѣверной широты, среди скалъ
 Финскихъ и болотъ Ингрин. Мы полюбовались на книжечку
 г-на Манзини, какъ на померанцовое дерево, возвращенное въ
 Петербургской оранжереѣ, и не дивились, что отъ него такъ
 мало навѣваетъ поэзію Авзонин и Партенопен. Впрочемъ,
 авторъ и не имѣлъ цѣлью желанія *романизировать*; ему хо-
 тѣлось составить книжку для чтенія учениковъ своихъ, кото-
 рой придавы только форма романа. Все достоинство кни-

жестъ подобнаго рода состоитъ въ томъ, что, на примѣръ, Чертогу г-на Малевича, «мать не только позволяетъ читать своей дочери, но даже велитъ», — для изученія Итальянскихъ вокабулъ.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

ЛѢТОПИСЬ СОБЫТІЙ

ЗА ОКТЯБРЬ 1859 ГОДА.

РОССІЯ.

Е. И. В. Государь Цесаревичъ Наслѣдникъ благополучно прибылъ въ Царское Село, 26-го Октября, совершивъ путешествіе въ Варшаву, послѣ того какъ разстался съ Августѣйшимъ Родителемъ въ Москвѣ.

Ноября 7-го, въ 3-мъ часу по полудни, сѣверная столица наша была обрадована вожделѣннымъ прибытіемъ въ нее Государя Императора, Государыни Императрицы, Государя Цесаревича Наслѣдника и всей Августѣйшей Фамиліи Императорской. Перевздъ изъ Царскаго Села совершенъ былъ по желѣзной Царско-Сельской дорогѣ. Обрадованные жители С. Петербурга изъявили привѣтъ Монарху и радость свою иллюминаціею улицъ и домовъ.

Ноября 19-го, была при Высочайшемъ Дворѣ частная аудіенція Чрезвычайнаго и Полномочнаго Посла Великобританскаго, *Маркиза Кларрикарда*, и отпускная аудіенція Баварскаго Чрезвычайнаго Посланника и Полномочнаго Министра *Графа Лерхенфельда*. За тѣмъ представлялись Государю Императору и Цесаревичу Наслѣднику, Саксонскій Повѣренный *Баронъ Зесбахъ* и Секретарь Великобританскаго Посольства, *Г. Блумфильдъ*, а Графъ Лерхенфельдъ имѣлъ отпускную аудіенцію у Цесаревича Наслѣдника.

Ноября 21-го, въ Большомъ Театрѣ, на бенефисъ г-жи Талиони, съ сердечнымъ чувствомъ восторга и душевнаго умиленія, жители Петербурга увидѣли Государа Императора, Императорскую Фамилію, и — Государыню Императрицу. Взглядъ на Августѣйшую Супругу Царя нашего исполнилъ всѣ сердца сладостнымъ чувствомъ, при мысли: *молитвы наши услышаны!* Заимствуемъ здѣсь нѣсколько словъ изъ описанія сего трогательнаго событія, показавшаго всю преданность, всю любовь народа къ Августѣйшей Матери Отечества: «Мы видѣли добрую нашу Государыню. Ея Императорское Величество была нездорова съ начала Сентября мѣсяца и не выходила изъ комнату. Бюллетени не выдавались, но съ трепетомъ любви и усердія слѣдили мы ходъ ея болѣзни — любовь, любовь дѣтская зорка и проникательна! Возвращеніе Высочайшаго Двора въ столицу изъ Царскаго Села возвѣстиво вѣрноожданымъ о минованіи тяжкаго и опаснаго періода болѣзни, и 22-го числа, въ первый разъ, Императрица изволила быть въ публикѣ. Уклоняясь, вѣроятно, отъ шумнаго изліянія восторговъ, которое могло потревожить Ея силы, еще не довольно укрѣпленные, Она тихо изволила войд-

ти въ ложу, въ слѣдъ за Великими Княжнами, и заняла Свое мѣсто непримѣтно, когда уже оканчивалась увертюра и вниманіе публики обращалось на сцену. Но вкорѣ Ея увидѣвъ всѣ увидѣвъ слѣды хлѣбной болѣзни на лицѣ Ея, а въ глазахъ радостное чувство возвращенія въ кругъ Своего семейства. Минута, въ которую общее чувство душевнаго восхищенія могло выразиться громко и единодушно, пролетѣла невозвратно, но такъ не менѣе искрення и живы были радостныя движенія сердца, очастливленныя симъ рождественнымъ событіемъ. Мы чтимъ въ ней Императрицу Всероссийскую, Дщерь великихъ Царей, Супругу могущественнѣйшаго на земномъ шарѣ Владыки, и любимъ добрую Супругу нашего образа Отца, которая услаждаетъ, счастливитъ жизнь Его, осыпая се драгоценнѣйшими и священнѣйшими благами въ свѣтъ, и золотитъ небеснымъ лучемъ искренней любви тѣ минуты, которыя Онъ урываетъ отъ попеченій о большомъ Своемъ семействѣ, чтобы провести ихъ въ кругу близкихъ Его сердцу. Мы любимъ въ Ней примѣрную Мать прекраснѣйшаго Семейства, въ которомъ хранится залогъ счастья нашихъ дѣтей и всего потомства православной Руси; мы любимъ въ Ней образецъ всѣхъ добродѣтелей Христіанки, Супруги и Матери. И мы скажемъ, сущую правду, возгласимъ, что въ числѣ шестидесяти мильоновъ Русскихъ нѣтъ человека, который не пожертвовалъ бы всѣмъ, что ему дорого на свѣтъ, для Ея долгоденствія и счастья! Молясь за Нее, молимся за Государя, за самихъ себя, за своихъ дѣтей и внучатъ — за нынѣшнюю и будущую Россію! Богъ услышитъ нашу молитву!

Англія.

Засѣданія Парламентовъ отсрочены, 24-го Октября по обыкновенной формѣ, до 12-го Декабря.

Сентября 28-го происходили въ Лондонѣ выборы Лордъ-Мера, или Градскаго Главы Лондонскаго, и на сіе важное мѣсто избранъ альдерманъ *сиръ Чарльманъ Маршалъ*.

Въ числѣ одной изъ важнѣйшихъ мѣръ, принятыхъ нынѣ Англійскимъ Банкомъ, должно почестъ отказъ его учитывать векселя, которые даются провинціальными банкирами, или банками, выпускающими билеты (а Banque of issue). Такое рѣшеніе возбудили большое замѣшательство по внутренней торговлѣ въ Англіи. Ливерпульскіе негоціанты прислали въ Лондонъ депутацію, доказывая, что вовсе несправедливо отвергать такіа векселя, которые утверждены передачами Лондонскихъ банкировъ, или ихъ акцептаціею, потому только, что между подписями находятся подписи провинціальныхъ банковъ и банкировъ. Разумѣется, Директоры Банка сами хорошо понимаютъ, что тутъ риска нѣтъ для нихъ никакого, но стѣсненіе въ наличной монетѣ заставило ихъ принять такое рѣшеніе. Потому депутація Ливерпульская получила рѣшительный отказъ.

Въ то время, какъ въ Германіи отправляется празднество юбилея *Протестантской Церкви*, въ Англіи секта *Методистовъ* празднуетъ также свой *столѣтній юбилей*. Ученіе Методистовъ началось въ 1738 г. проповѣдью Англичанина Весплея (Wesley, умершаго въ 1791 г.), когда онъ объявлялъ, что не хочетъ составить новой секты, but to reform the nation, particularly the Church, and to spread Scriptural holiness over the land. Методисты нынѣ весьма многочисленны въ Англіи и Сѣв. Америкѣ; миссія

Океанійскія принадлежать къ нимъ исповѣданію, которое составляетъ особенный родъ Пуританъ.

Мористскіе и Дургамоніе, хартісты, въ слѣдствіе передъ судомъ немалое раскаяніе въ буйствѣ своемъ и признаются, что были на повелѣніе королевы въ буйствѣ людьми оловяннобренными.

Фландія.

Октября 7-го, при Дворѣ праздновали 66-й годъ отъ рожденія Короля. Замѣчаютъ, что донинѣ ни одинъ изъ Принцовъ Орлеанской линіи, не дѣлалъ болѣе 60 лѣтъ.

Испанская Королева пожаловала маршалу Сулу орденъ Золотого Руна и званіе Испанскаго Графа 1-й степени, въ вознагражденіе содѣянаго Французскаго Министерства, при послѣднихъ промѣщеніяхъ въ Испаніи.

Домъ Сбастіану позволено выехать изъ Фрэнсін. Онъ отправился изъ Буржа (Октября 6-го) въ Наварру, и 14-го былъ уже въ Туринѣ.

Бланки, одинъ изъ главныхъ зачинщиковъ буйства 12-го Мая, донинѣ скрывавшійся въ Парижѣ, Мажичень по кличкѣ, въ то время, когда съ замышляемымъ паспортомъ, переодѣтый, явился въ контору Дюлажансовъ и хотѣлъ ѣхать въ Нидерланды. 18-го Октября случилось въ Парижѣ происшествіе, случившееся всѣхъ добрыхъ гражданъ, съ омерзительнымъ отвергающимъ буйнымъ и кровавымъ замысломъ разрушителей общественнаго спокойствія: во время проѣзда Короля, съ Королевою и Принцессою Аделондою, мимо Тюльери, брошенъ былъ въ королевскую карету камень, разбилъ стекло и попалъ Королеву въ голову. Но ударъ оказался безопаснымъ.

Народъ въ безпокойствѣ и смущеніи окружилъ карету, и съ радостью узналъ, что вреда не причинено. Всѣ Министры и почетныя особы спѣшили поздравить Короля и Королеву своею усердіемъ и участіемъ, а всѣ Франціи принесли въ благополучномъ избыткѣмъ вѣстости. Оказалось, что камень брошенъ былъ какою-то несчастною сумасшедшею женщиною, служившею прежде въ кухаркахъ, *Стефаніею Жирондель*. Послѣ допросовъ, ее отдала въ домъ ума лишенныхъ.

Самодвижные сахарныя заводчики не унимаютъ и 27-го Сентября, 68 человекъ ихъ собрались въ Везюль, гдѣ они сложили сумму на расходы, и положили упорно требовать или защиты Правительства своимъ завладѣніемъ, или вознагражденія убытковъ, даки принятию имъ послѣднее рѣшеніе. Министровъ.

Противъ представляемаго въ будущемъ заведенія Палаты всякаго дозора объ уменьшеніи процентовъ, Министры намерены представить проектъ чистоты другихъ важныхъ законовъ, какъ-то: объ ответственности обществами городовъ и селеній; о нотаріусахъ; о судахъ; о частныхъ продажахъ; о переписи имень; о коммерческихъ судахъ; объ ответственности должниковъ; о сѣнъ Палатую Деревъ; о высшихъ училищахъ; о селеніи сахаръ; о желѣзникъ дорогахъ; о пенсіяхъ, кадастра, монетной системѣ, казенн. и сельск. и проч.

Сентября 25-го, Посланникъ Техасскій подписалъ дружественный и торговый договоръ съ Франціею, и представилъ потомъ Королю. Слѣдовательно, и Франція признала теперь независимость и самостоятельность Техаса.

ГЕРМАНИЯ.

Умершій въ Кальбургскомъ замкѣ своемъ въ Венгрии, отецъ Княгини Меттернихъ, сурругъ Перваго Австрійскаго Министра, *Графъ Францискъ Зинцбергъ* *Фонъ-Вазсоникое*, былъ, одинъ изъ главныхъ Венгерскихъ магнатовъ, кавалеръ Венгерскаго ордена Св. Стефана, Камергеръ и Тайный Советникъ Его Императорскаго, Королевскаго и Апостолическаго Величества, Фельдмаршалъ-Лейтенантъ, Первый Подполковникъ Венгерской дворянской гвардіи, и Президентъ Раабскаго Комитета.

Во все время, пока Князь Меттернихъ жилъ въ замкѣ своемъ Иоганнисбергѣ, во время болѣзни, каждый день множество знатнѣйшихъ посѣтителей являлось къ нему и каждый день приходило тамъ на праздникъ. Президентъ Германскаго Сейма, Графъ Мюнхъ-Беллингегаузенъ, Австрійскіе Послы, Графъ Буоль, изъ Стутгарта, Графъ Бомбаль, изъ Швейцаріи, Баронъ Мейсгемзенъ изъ Дармштадта, и Графъ Дитрихштейнъ, назначенный въ Брюссель, жили въ Иоганнисбергѣ по нѣскольку дней.

НІДЕРЛАНДЫ.

Октября 20-го открыты засѣданія Штатовъ, и Е. В. Король произнесъ притомъ рѣчь, гдѣ упомянувъ въ началѣ о торговыхъ договорахъ, заключенныхъ съ Соедин. Америк. Штатами и Торговымъ Союзомъ Германскихъ государствъ, сказалъ, что онъ спѣшитъ теперь окончить переговоры о томъ же съ Бельгіею. Далѣе упомянуто, что Германскій Сеймъ согласился вознаградить Голландію за уступку части Люксембурга; что отдѣленіе Бельгіи требуетъ пересмотра разныхъ законовъ и уставовъ въ управленіи Гол-

ландією; что миръ съ Бельгією дастъ средство поставить армию на мирной нѣтѣ, для чего всѣ волонтеры, милиція, прослужившая пять лѣтъ, и національная гвардія распускаются; что хотя жатва вышедшій годъ и была въ Голландіи посредственная, но земледѣльцы пріобрѣтаютъ выгоды отъ цѣнности своихъ произведеній; что торговля Голландская идетъ поистоду весьма успѣшно; въ воспитаніи и ученіи народномъ предполагаются разные улучшения; правительство заботится о путяхъ внутренняго сообщенія; осушеніе Шиландскаго Эйндплаца можно почесть оконченнѣмъ, и скоро начнутся работы для осушенія Гарлемскаго болота; въ Азіи владѣнія Голландскія безопасны и преуспѣваютъ въ благосостояніи; государственные доходы прикрываютъ всѣ издержки безъ новыхъ налоговъ и займовъ; общественный кредитъ ничѣмъ не нарушается; предполагается новыя очищенія и разработки необработанныхъ донынѣ въ Голландіи земель; и что первая книга новаго Уголовнаго, исправленнаго Уложенія Нидерландовъ предложена будетъ Штатамъ. Важныя предіетъ, заключающія Король, которые потребуютъ вынѣ общаго нашего вниманія и согласія, конечно, снова доставятъ вамъ, господа Штаты, полный случай показать вашу мудрость и любовь къ отечеству, такъ всегда отличались ваши засѣданія, даже въ самыя трудныя времена, и о чемъ я всегда люблю вспоминать. Вѣрность Нидерландовъ, ознаменованная любовью ихъ къ Государю, и укрѣпленная государственными установленіями, будетъ опорой нашихъ соединенныхъ усилій — упрочить ихъ благодѣйствіе. И если къ симъ усиліямъ прибавимъ мы благоговѣнную довѣренность въ благословеніе Всевѣдущаго Господа, то можемъ быть увѣренны, что Нидерландское государство будетъ всег-

да могуще и крѣпко, и хотя ограниченное въ предѣлахъ, болѣе прежняго тѣсныхъ, всегда будетъ оно занимать достойное мѣсто между другими Европейскими державами.

Октября 26-го Министръ Финансовъ представилъ Штатамъ бюджетъ на 1840 годъ, по которому расходы предполагаются въ 56,378,600 фл., а именно:

Дворъ и штатъ его.	1,425,000
Высшяя Правительства.	534,100
Иностранное Министерство.	831,600
Минист. Юстици.	1,468,000
“ Внутр. дѣль.	3,222,900
“ Католич. Дух. дѣль.	400,000
“ Протестантск. “ “	1,391,260
Флотъ.	5,250,000
Войско.	14,191,500
Колонн.	94,300
Министерство Финансовъ (въ томъ числь проц. и плат. по Государственному долгу, 21,458,205).	27,570,000

Надѣются уменьшенія въ расходахъ по военной части; кромѣ остатка отъ 1838 г. милльона флоринновъ, и 11,220,000 запаснаго дохода отъ колонн, доходъ государственный покрываетъ расходы, состоя изъ 56,386,298 фл. — Для чрезвычайныхъ внутренннхъ издержекъ (новыя дороги, каналы, осушенне болотъ, улучшенне общественнаго воспитаннн, колонн бѣдныхъ, и проч.), предполагается заемъ на счетъ колонн 56-ти милльоновъ фл., съ платежемъ 5 проц. Министръ распространился въ заключенне о колоннальномъ управленнн, и о томъ, что преуспѣвающая въ колонняхъ торговля и промышленность обезпечиваютъ вполне заемъ на счетъ ихъ.

Испанія.

Открытие засѣданій. Кортесовъ происходило въ нынѣшнемъ году съ необыкновеннымъ великолѣпиемъ. Только народа тѣснились по улицамъ, гдѣ проѣзжалъ кортежъ Королевы; въ окнахъ и на балконахъ домовъ видѣны были дамы въ богатыхъ костюмахъ. Войско и національная гвардія стояли по обѣимъ сторонамъ улицъ. За отрядомъ гвардіи ѣхала карета, запряженная шестью вороными мулами, гдѣ находились три камергера; за тѣмъ другая карета, въ шесть бѣлыхъ муловъ, гдѣ были штатсъ-дамы, маркизы Санта Крузъ и Торрехонъ, съ графомъ Пуонростро и графинею Састаго; третью карету везли шесть муловъ цвѣта коричневаго, и въ ней были герцогъ Алагонъ, графъ Санта Колонна, герцогъ Гихаръ и маркизъ Мальпика. За тѣмъ слѣдовала парадная, старинная, раззолоченая карета, въ шесть гнѣдыхъ лошадей, съ шестью придворными лакеями, облитыми золотомъ и шедшими по сторонамъ; потомъ шли четыре пажа и ѣхала карета юной Королевы и матери ея; она была запряжена въ восемь бѣлыхъ лошадей, съ лазуревыми перьями на головахъ а на верху кареты было видно позолоченое изображение короны, лежащей на скипетръ; всадники и военные чиновники окружали королевскую карету и слѣдовали за нею; шествіе заключала гвардія. На Королеву матери было богатое лазуреваго цвѣта, туркинское, а на Королеву Изабеллу такое же бѣлаго цвѣта платье, вышитыя серебромъ; брильянтами были онѣ обшаны обѣ. Тронъ, гдѣ сѣла Королева, окружали министры; сзади его находились придворные. Изъявивъ свое удовольствіе о лестномъ приѣмѣ, Королева мать распространилась въ рѣчи своей о дружественныхъ сношеніяхъ Испаніи съ дру-

гими Европейскими государствами. Далее сказано было о возобновлении дружбы съ Швейцаріею; сношеніяхъ и дружбъ съ Америкою, и особливо съ Мексикою, переговорахъ съ Турціею и Сардиніею; потомъ о поддержаніи мѣстной власти и внутренняго спокойствія въ Испаніи; усердіи, повсюду оказываемомъ національною гвардіею; успѣхахъ по общественному воспитанію, заведеніи во многихъ мѣстахъ училищъ и нормальной школы въ Мадридѣ; успѣхахъ оружія въ Наваррѣ, битвахъ при Рамалесѣ, Гвардаинно, Ардунѣ, Амурріо, взятіи Виллареали, Урквиолы и Ареты, пораженіяхъ Кабреры въ Каталоніи, при Люсентъ и Талесѣ, истребленіи шаекъ гверильясовъ; усмирении бунта въ президіяхъ Африканскихъ; улугахъ флота, которыми разрушены всѣ пособія дерзкимъ испанскимъ (agigantados) плавамъ Кабреры, что заставляеть Правительство думать объ усиленіи флота постройкою вновь и покупкою кораблей. Потомъ упомянуто о новомъ торговомъ уложеніи и заботливости Правительства довершить вообще составленіе исправленнаго кодекса законовъ Испанскихъ и устроить новое управленіе колоній. «Состояніе доходовъ, конечно, страдаетъ отъ продолжительной войны,» сказала далее Королева, «но усердіе народа и неисчерпаемыя средства Испаніи даютъ надежду на лучшее въ будущемъ. Чрезвычайные налоги мало нынѣ приносятъ, ибо платяще, болѣею частью, принуждены исполнять натурою налагаемыя на нихъ подати. Смѣтенія войны препятствуютъ также разсужденіямъ объ улучшеніи законовъ, но немедленно однакожь представлены Кортесамъ будутъ гражданское, уголовное и судопроизводительное уложенія, проекты законовъ объ отвѣтственности судей, порядокъ службы прокуроровъ (escribanos), судебныхъ издержкахъ, общинахъ горо-

довъ, провинціальныхъ депутаціяхъ, благотворительныхъ заведеніяхъ, и проч. «Исчисляя новыя узаконенія и проекты ихъ, Королева упомянула о необходимыхъ реформахъ состава Государственного Совѣта, общественнаго воспитанія, маюратовъ и духовенства, заключая рѣчь свою словами: «Г-да Сенаторы и Депутаты! на васъ надежды Испаніи. Я также всего ожидаю отъ вашего благоразумія и вашей любви къ отечеству. Никогда не отрекись я ни отъ чего, что можетъ составить благоденствие народа. Слава моя въ томъ, чтобы имя мое было соединено съ счастьемъ великодушнаго и геройскаго народа Испаніи. Мы непременно будемъ счастливы, если соединимъ усилія наши прекратить скорѣе войну, упрочить коренные законы государства, и тѣмъ утвердить престолъ дочери моей, Королевы вашей Изабеллы II-й, во имя которой нынѣ мы сражаемся, и чему я крѣпко вѣрю — побѣдимъ!» — Пушечная пальба раздавалась при выѣздѣ Королевы изъ дворца и при возвращеніи ея.

Но послѣдовавшія послѣ открытія засѣданій пренія доказали однакожь, что нескоро могутъ осуществиться для Испаніи дѣстныя надежды мира и благоустройства. Споры объ утвержденіи фуэросовъ, всепрощеніи, и отвѣтъ, или адресъ на рѣчь Королевы, были послѣдуемы съ одной стороны увольченіемъ Министровъ, а съ другой распущеніемъ Кортесовъ. Въ то же время неукротимое упорство, дикій фанатизмъ Кабреры, и свирѣпые мѣры и отчаянное сопротивление, какое намѣрены поддерживать онъ и его товарищи, заставили Эспартеро принять величайшія осторожности, и рѣшительно отложить кампанію до слѣдующаго года. Но какъ весь сѣд событія въ Испаніи связаны съ послѣдовавшими въ Ноб-

русскими офицерами, поступившими въ Персидскую службу.

А з і я.

Персіане требуютъ отъ Багдадскаго Паша платы за какіе-то убытки, причиненные его предвѣстникомъ, насчитывая ихъ до 9-ти милліоновъ крановъ, или 2-хъ милліоновъ талари, и угрожая двинуть войско, въ случаѣ отказа въ платежѣ.

Аденъ окруженъ многочисленными отрядами Арабовъ, такъ что Англійскій гарнизонъ въ сей крѣпости, не только не смѣетъ выйти въ окрестности Адена, но безпрестанно долженъ еще быть въ готовности къ отраженію нападеній. «Вообразите себѣ мѣстечко, построенное въ жерлѣ огнедышащей горы, и вы будете имѣть понятіе о положеніи нашемъ,» пишетъ одинъ изъ офицеровъ Аденскаго гарнизона. «Среди дикихъ, голыхъ скалъ, которыя съ трехъ сторонъ окружаютъ Аденъ, и на которыхъ страшно отражаются палищіе лучи Аравійскаго солнца—кругомъ ни деревца, ни листа зелени; выходъ намъ свободенъ только къ морю, и тутъ за каждою скалою таится Бедуинъ Аравійскій, выжидая, не появится ли кто изъбудъ изъ крѣпости, или на стѣнѣ ея нуля удѣлъ неосторожнаго, а свирѣпство, съ какимъ терзаютъ Аравитяне павлинковъ, превосходить всякое вѣроятіе.»

Споръ Китайцовъ и Англичанъ объ опиумѣ не получилъ еще никакого рѣшенія. На просьбу купцовъ, торгующихъ въ Китаѣ, Англійскіе Министры уклончиво отвѣчали только тѣмъ, что въ Парламентѣ будетъ предложено объ ихъ дѣлѣ, и они могутъ надѣяться покровительства всякой законной торговли. Мая 22-го, всѣ Англичане оставили Кантонъ, въ ожиданіе строгаго повелѣнія Китайскаго Правительства,

отъ 11-го Мая. Впрочемъ, извѣстія изъ Кантона весьма сбивчивы и противорѣчатъ одно другому. Досто- вѣрно, что эскадра адмирала Майтланда остается въ Индїи, а не отиравается къ Кантону; два корабля ея крейсируютъ передъ Рангуномъ. — Запасы опиума завалили Калькутскіе и Бомбайскіе магазины, и цѣна его до того упала, ибо некуда уже теперь сбывать его, что 27-го Мая продавали его по 235 рупій за ящикъ, когда прежде онъ доходилъ до 4000 рупій.

Описаніе смерти и похоронъ Рунджитъ-Синга можно почесть за одну изъ сказокъ *Тысячи и одной ночи*; такими странными, Восточными подробностями онъ сопровождался! Рунджитъ-Сингъ видѣлъ свою опасность; лихорадка и водяная болѣзнь быстро вели его ко гробу, и трепеща смерти, онъ безъ счета раздавалъ милостыню и посылалъ дары въ разные храмы, умоляя просить и молить за него Бога. Полагаютъ, что въ день смерти своей раздалъ онъ на 25-ть милльоновъ франковъ денегъ и драгоценностей браминамъ, бѣднымъ и въ пагоды. Свой знаменитый браслетъ, гдѣ вставленъ извѣстный алмазъ *Козъ-и-Нуръ*, завѣщалъ онъ отдать на украшеніе идола въ Яггернаутъ *, куда, сверхъ того, при себѣ послалъ онъ: 100 коровъ съ позолочеными рогами, 100 лошадей (5-ть изъ нихъ съ золотыми, осыпанными драгоценными каменьями сѣдлами), 4 слоновъ, съ золотыми и серебряными *гоудасами* (howdahs), кресла и

* Исторія *Козъ-и-Нуръ* составляетъ цѣлую книгу. Магараджа вымучилъ его у нынѣшняго Царя Кабульскаго, Шаха Шуджи, котораго держалъ онъ тюрьмѣ, и пыталъ, такъ вестерпно, что тотъ отдалъ извопещъ ему свою послѣднюю драгоценность. Славный алмазъ этотъ (имя его, *Козъ-и-Нуръ*, значитъ *Гара свѣта*) величаво съ полъ-лица куринаго, превосходной воды, цѣнится въ 3½ милльона ф. ст. (около 85-ти милльоновъ рублей), и вставленъ въ браслетъ, съ двумя другими алмазами, которые величаво съ воробьиное лицо.

сдалище золотыя; столовый приборъ золотой, и кромѣ того жемчужныя ожерелья, сабли, щиты, ружья драгоцѣнныя. Умирая, отдалъ онъ пундиту Мундъ-Судуну драгоцѣнное жемчужное ожерелье, которое подарили ему незадолго передъ тѣмъ Англичане. Слыша о щедрости умирающаго государя, народъ тысячами сбѣгался въ Лагоръ, молился и вопилъ окрестъ дворца и въ храмахъ. Вопли усилились при извѣстїи объ его смерти. Наслѣдникъ Рунджита-Синга, первый министръ его, *Джіанъ-Сингъ*, *рани*, или жены, и вельможи, плакали и рыдали цѣлую ночь подлѣ трупа. *Джіанъ-Сингъ* хотѣлъ непременно быть сожженнымъ съ Магараджею. Наслѣдникъ, Сардары, и старшая царица, *Кундуна*, или *Гундуна*, сдва умолили его не покидать юнаго преемника, и заставили ихъ обонхъ принести клятву, положиа руки на трупъ Магараджи, что Министръ будетъ всегда вѣренъ юному Царю, а Царь всегда будетъ слушаться своего стараго Министра. Ужасная клятва ихъ состояла въ словахъ: *Да, испытаетъ изъ насъ тотъ, кто измѣнитъ слову, такое мученіе послѣ смерти, какое назначено человѣку, умертвившему тысячу коровъ!* Но никакія просьбы не могли отклонить отъ намѣренія быть сожженными съ Магараджею *четырехъ женъ* его, а именно, кромѣ *Кундуны*, дочери Раджи Сунсаръ. Чунда Куттокскаго, *Киндири*, дочери Міанъ — Пуддумъ-Синге Нурпурскаго, *Раджъ-Ковуръ*, дочери Сврдага-Джей Синга Чинпурскаго, и *Баантъ-Алли*, незнатнаго происхожденія, но знаменитой красавицы. Трупъ обмылъ Гангесскою водою самъ наследникъ; потомъ положили его въ сандалный гробъ, украшенный золотомъ, закрыли драгоцѣнными шалами, и понесли въ Дюлекотекскій садъ, гдѣ приготовленъ былъ костеръ изъ сандалныхъ полѣненьевъ. Четыре жены шли за гробомъ, раздавая на пути

VI.

ИЗВѢСТІЯ И СМѢСЬ.

КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ НА ЛЕЙПЦИГСКОЙ МИХАЙЛОВСКОЙ ЯРМАРКѢ 1859 г.

(Статья Менцеля).

Въ Менцелевомъ *Литературномъ Листкѣ* нашли мы любопытное извѣстіе о каталогѣ новыхъ книгъ, составленномъ для Лейпцигской Михайловской ярмарки, бывшей въ нынѣшнемъ году. «Уже нѣсколько лѣтъ,» говоритъ Менцель, «мы не извѣщали о книжныхъ ярмарочныхъ каталогахъ, ибо библиографическіе листки книгопродавцовъ избавляли насъ отъ труда исчислять все, что является у насъ новаго. Если мы теперь опять хотимъ представить наше извѣстіе, то единственно потому, что можемъ сдѣлать притомъ сравненіе нынѣшняго состоянія книжной торговли съ прошедшимъ, а также потому, что новѣйшій каталогъ книжный довольно богатъ весьма любопытными явленіями.

За десять лѣтъ прежде, каталогъ Михайловской ярмарки заключалъ въ себѣ немного болѣе 3,000 статей, отъ 400 книгопродавцовъ-издателей; въ нынѣшнемъ году онъ заключаетъ въ себѣ 4,071 статью, объявляемыхъ отъ 518 издателей-книгопродавцовъ. Между тѣмъ, въ 1829 году, книжная торговля уже чрезвычайно увеличилась въ сравненіи съ прежними годами, ибо въ 1819 году въ каталогъ

заключалось только около 1,300 статей. Видимъ, до какой удивительной степени возрасла у насъ *производительность* книгъ, и какъ она ежегодно усиливается, ибо движеніе все еще идетъ впередъ. Хотя нынѣ ярмарочные каталоги заключаютъ въ себѣ множество заглавій небольшихъ брошюръ, но даже и исключивъ сей летучій товаръ, все еще останется огромное бремя книгъ, въ три раза большее, нежели было за двадцать лѣтъ. Мы до сихъ поръ того мнѣнія, что подобная производительность слишкомъ для насъ велика и несоответственна, и готовы объяснить мнѣніе наше на слѣдующемъ основаніи: во первыхъ, въ иностранной торговлѣ Германіи недостаетъ ни надлежащей силы, ни надлежащей свободы. По сіе время, у нея слишкомъ много препонъ, и такимъ образомъ для *внутренней* книжной торговли осцается слишкомъ большой капиталъ въ ея распоряженіи, который, при другихъ обстоятельствахъ, могъ бы употребляться иначе. Вовторыхъ, въ Германіи, и въ странахъ, граничащихъ съ нею, знакомыхъ съ Нѣмецкимъ языкомъ и Нѣмецкою литтературою, въ той соразмерности читаютъ болѣе вздора, чѣмъ менѣе мыслятъ, а отъ такого чтенія происходитъ *фабрикація* книгъ вздорныхъ. Любопытно было бы, еслибы извѣстія о Лейпцигской ярмаркѣ, извѣщающія насъ о производительности, представляли бы намъ сравнительныя таблицы и мѣстной *потребляемости* книгъ. Изъ того можно бы замѣтить: сколько именно, и гдѣ болѣе читается: на сѣверѣ и востоцѣ, или на югѣ и западѣ, и гдѣ болѣе идутъ Богословія, Философія, Беллетристика, а гдѣ Исторія, Политика, Естествознание?

Между 4,071 нумерами ярмарочнаго каталога вышедшаго года находятся: 61 атласъ земныхъ, небесныхъ картъ, 253 иностранныхъ сочиненій, и 353 такихъ сочиненій, которыя еще должны явиться въ свѣтъ.

Въ остальной грудѣ книгъ предпочтительно господствуетъ *Теологическая* литтература; она занимаетъ *пятую* часть. Мы насчитали 635 книгъ и брошюръ, относящихся къ Богословіи и Церкви, поучительныхъ, и проч. Однихъ теологическихъ журналовъ *болѣе шестидесяти*. И не смотря на то, еще жалуются на равнодушіе и беззѣріе въ наше время, а можетъ быть, и имѣютъ на то право, ибо религіозность отъ кучи всѣхъ упомянутыхъ

писаній не подьмется на высшую степень, потому, что если нынѣшняя Нѣмецкая Θεологія и много занимаетъ бумаги, то между тѣмъ оставляетъ сердца безчувственными. При многописаніи погибаетъ живое участіе къ ней; она истощаетъ все на словахъ, и даже самое священное, прежде постигаемое искреннею любовью сердца, содѣлываетъ нечувствительнымъ. Впрочемъ, оно дѣлаетъ хоть ту пользу, что своею мутною водою иногда залиываетъ опасное пламя буйнаго цевърія. Кельнская исторія содѣлалась бы гораздо опаснѣе, еслибы объ ней столько не писали, и еслибы любопытство, произведенное ею, не утомилось и не притушилось посредствомъ длинныхъ и безконечныхъ разсужденій. Въ каталогъ все еще встрѣчается довольно много сочиненій объ этой исторіи, однакожь, въ сравненіи съ прошедшимъ полугодомъ, уже гораздо менѣе. Напротивъ, Цюрихскій споръ привелъ въ движеніе множество перьевъ, произведенія которыхъ заключаются, болѣею частію, въ маленькихъ брошюрахъ и летучихъ листкахъ. Значительнѣе сего эволюгическаго процесса, уже рѣшеннаго маленькою Швейцарскою революціею, дѣлается покушеніе многихъ опровергать известную отвратительную книгу Штраусса; но выходятъ и защитники его превратнаго и пагубнаго толкованія, до того, что самый языкъ книги его, для многихъ читателей слишкомъ ученый, хотятъ сдѣлать народнымъ, и правила ея, посредствомъ общепонятнаго изъясненія, приспособить къ понятіямъ женщинъ, юности и простолюдиновъ! Въ огромной кучѣ эволюгической литературы, о которой мы вообще не хотимъ входить въ дальнія разсужденія, замѣчаемъ мы новое изданіе всѣхъ сочиненій Лютера, въ 28 томахъ; переводъ сочиненій Паскаля; собраніе сочиненій Шлейермахера; продолженіе появившагося въ Кемптенѣ перевода Церковныхъ Отцовъ; продолженіе изданія Шведенборговскихъ сочиненій; переводъ жизни Весслера, соч. Ватсономъ; перепечатаніе знаменитой Германской Θεологіи (deutschen Theologia), съ предисловіемъ Трокслера, и проч.

Въ Философскомъ отдѣленіи находимъ мы кое-что рго и contra Гегеля; между всѣми отличается сочиненіе Франца Баадера. Далѣе по части Философіи: прекрасное новое

изданіе *всѣхъ сочиненій Канта*; *Философія Религіи Стеффенса*; собраніе философическихъ сочиненій *Круга*; второе изданіе *Антропологии Фрисса*; признаки новой философической дѣятельности *Каппа*, и проч.

Политическая литература небогата. Она представляетъ только два сочиненія, достойныя общаго любопытства, одно противъ Россіи, другое за Россію, оба неизвѣстныхъ авторовъ. Первое появилось въ Мангеймѣ, подъ названіемъ: *Германія и Россія*, а второе въ Лейпцигѣ, подъ заглавіемъ: *Европейская Пентархія*. Цѣль перваго забавное предостереженіе Европы отъ честолюбія Россіи; второе, напротивъ, увѣряетъ насъ, что покровительство Россіи необходимо нужно Германіи. Можете читать и рѣшать сами. Кроме того появились въ свѣтъ разныя сочиненія *Ярке*, и сочиненія покойнаго *Адама Мюллера*, также собраніе писемъ значительныхъ людей къ *Іоанну Миллеру* (над. Мауреромъ Константиномъ въ Шафгауз(нѣ)); *Hannöversches Regtobolio*, которое объщаетъ сообщать всѣ акты, касающіеся до Ганноверскаго дѣла. Особеннаго достоинства для настоящаго времени оказываются, между книгами, разсуждающими объ общихъ интересахъ, нѣсколько сочиненій о банковыхъ заведеніяхъ, которыя однакожь не всегда разсчитываются въ духъ публики; изъ нихъ можно особенно рекомендовать двѣ брошюрки т. с. *Каппа*. Опять появилось нѣсколько новыхъ сочиненій *противъ пьянства*, усиливашагося въ сѣверной Германіи. Въ камеральномъ отдѣленіи литературы удивило насъ необыкновенное множество сочиненій о *Лѣсномъ искусствѣ*.

Историческая литература богата. Здѣсь оказывается гораздо болѣе книгъ въ *положительномъ*, нежели въ *умозрительномъ* отношеніи, и особенно отличаются изслѣдованія объ отечественной Германской Исторіи. Мы находимъ: *пятую часть Германскихъ Памятниковъ Пертца*, *Лѣтописи* временъ Саксонскихъ Императоровъ *Ранке*, и *Беллера* *лѣтописи XIV-го вѣка*, *Деннига* *Акты Императора Гейнриха VII-го*, *gesta Trevirorum*, *scriptores regum viresiacarum* *Шпенцеля*, *script. rer. Transsilv.*, второй томъ *Monumenta Livoniae*, *Лонгобардское королевство Кола*, *Шпернфельда* и *Бухнера* о жителяхъ Германіи во II-мъ столѣтіи послѣ Р. X., *Цеуса* о происхожденіи Баварцовъ,

Лебелл о Григоріи Турскомъ, второй томъ прекраснаго сочиненія *Гейслера* о Нѣмецкихъ Папахъ, третью часть *Буллингерою* исторіи Швейцарской Реформаціи, исторію тридцати лѣтней войны *Мейольда*, а также *Гавелина* Исторію Елисаветы Брауншвейгской, *Деккена* прибавленія къ исторіи Ганновера, *Ормха* Исторію «велькихъ Курфирство», *Куслера* Исторію Фридриха Великаго, *Ришмера* прибавленія къ Британскому Архиву, книгу *Шисидавида* объ Эрцгерцогъ Карль, *Кауслера* походы Принца Евгениа, *Диттфурта* походы Гессенцовъ, *Нейгебаура* паденіе Курфиршества Майнцскаго, *Виллфена* Исторію Шлезвига Альманахъ *Гормайера*, Исторію городовъ Берлина, Циттау, Фульды, и проч. Для одного полугодія довольно много. Вообще Историческихъ сочиненій заключается въ каталогъ около полтораста, если считать и учебныя книжки.

Между замѣчательными сочиненіями сего отдѣленія укажемъ мы еще на *Ардтову* Исторію Швеціи въ царствованіи Густава III-го, *Бедеуса Шарберга* Исторической атласъ Венгрии, Британское царство въ Индіи *Біенстіерна* и *Гфререра* Исторію Церкви, *Гаммерову* Исторію Монголовъ, Галлерейю портретовъ Арабскихъ Халифовъ (6-я часть), Исторію Богеміи *Палацки* (второй томъ), второе изданіе превосходнаго сочиненія *Ранке* о Папахъ, *Штрингольма* Викинговы походы Скандинавовъ, *Тирша* Карманную книжку новѣйшей исторіи, *Россійскую Исторію Устрялова*, книгу *Цепеля* объ Испанскомъ Наслѣдствѣ. Далѣе замѣтили мы переводы: поучительной Исторіи Франціи *Бинсона*, Исторіи Англійскаго Права *Крабба*, Исторіи Британской Индіи *Милл*. Надобно также вспомнить небольшое сочиненіе о публичныхъ работахъ въ Англіи, сочинене *Момзена*.

Въ отдѣлѣ описанія земель и народовъ оказывается также большая дѣятельность. Выбираемъ изъ каталога названія только самыхъ любопытныхъ изъ новѣйшихъ путешествій. Таковы: путешествіе *Максимиліана Принца Нейвидскаго* въ Сѣверную Америку; виды къ Путешествію *Принца Максимиліана Баварскаго*; Путешествіе *Риппеля* въ Абиссинію; Путешествіе *Шуберта* въ Восточныя земли (3-й томъ); Пустынножители (*Eremiten*), изъ Путешествія по Востоку *Гаутинга*, путешествія по Италіи *Баумана*,

Эбергарда и *Э. Ферстера*, а по Германіи *Штрюбека* и *Гееркигена*. *Ф. Г. Мюллеръ* представляетъ изображеніе племенъ Угровъ въ Средней Азіи. Немалое число гравюръ представляетъ мѣста и города нашего отечества; таковы на пр. живописная Германія, Вестфалія, Гессенъ, Ганноверъ, окружности Лейпцига, и проч.

Къ удовольствію нашему, послѣ историческихъ книгъ, числомъ всего замѣтнѣе книги, относящіяся къ *Естествознанію*. Слѣдовать за исполненіемъ ученой части въ различныхъ отдѣленіяхъ сихъ наукъ было бы здѣсь неумѣстно. Мы обратимъ вниманіе только на нѣкоторыя сочиненія, возбуждающія общій интересъ: *Араго* о грозахъ и молніи, чтеніи *Кемпца* о Метеорологіи, прекрасное сочиненіе *Медлера* о Лунѣ; Царство животныхъ *Кювье* (изд. *Фохтсомъ*); Психологія (*Thierseelenkunde*) животныхъ *Шейтлина*; продолженіе *Естественной Исторіи Окена*, продолженіе трудовъ Гейдельбергскихъ Естествоиспытателей, и проч. — Укажемъ еще на сочиненія о лунатикахъ и духовидцахъ *Дуттенгофера* и *Фишера*, и *Магиконъ* (*Magikon*) новое періодическое изданіе *И. Кернера*. Много вышло книгъ о *Гидропатіи* (*Wasserkuren*), меньше о *Голеопатіи*, которая страшно уничтожается Гидропатіею. Довольное количество явилось наставленій, какъ готовить гелиографическіе очерки и употреблять *Дагерротипъ*.

Поэтическая Словесность на нынѣшній разъ богата только «собраніями сочиненій» (*Sämmtlichen Werken*). Вновь изданы сочиненія *Клопштока*, *Виланда*, *Тюлмеля*, *Эвальда*, *Клейста*, *Шамиссо*, *Зейме*, *Эленслегера*, *Зах. Вернера*. Продолжаются сочиненія г-жи *Кар. Пихлеръ* (которыхъ явился уже — пятьдесятъ первый томъ!) и *Демокритъ* замысловатаго *Вебера*. Явился въ первый разъ собранныя сочиненія *Ахима фонъ Арника*, что, конечно, пріятно будетъ всемъ любителямъ поэзіи, какъ равно и сочиненія *Мальмана*. Въ трехъ переводахъ изданы сочиненія *Сервантеса*, *Байрона* и *Бульвера*, въ двухъ пьесы *Беранже* и романы *Диккенса*, въ одномъ сочиненія *Купера*, *Мура*, *Руссо*, *Лесажа*, стихотворенія *Тегнера*. *Штрекфусъ* выдалъ намъ *Аріоста*; *Копишъ* переводитъ *Данте*, *Тикъ* продолжаетъ *Шекспира* — все это произведенія мастерской

работы. Регисъ порадовалъ насъ, послѣ многихъ лѣтъ ожиданія, вторымъ томомъ, заключающимъ комментарий на его прекрасный переводъ *Рабеле*. Оссианъ также вновь переводится. — Изъ древне-Германской литературы намъ выданы: Англо-Саксонская поэма *Беовульфъ* (Лео), *Эрекъ*, Гартманна фонъ-дербъ-Ауе; Семь Бѣлыхъ *Мейстеровъ*; переводъ поэмы о Розъ. *Похвала Глупости*, Эразма Роттердамскаго, снова переводится, хотя мы уже понимаемъ, что она могла бы быть умнѣе, нежели есть; замысловатое Путешествіе въ Брауншвейгъ, лучшее произведеніе *Книгге*, перепечатывается снова. Изъ народныхъ сагъ также многое издается. *Войццикъ* сообщилъ намъ любопытныя Польскія саги. Другое собраніе народныхъ сказаній извлечено изъ преданій на Рейнѣ, въ Австріи и въ Лаузиціи. Достоинно благодарности стараніе о распространеніи Индійской литературы. Только черезъ хорошіе переводы можно привести публику въ состояніе оцѣнить ее. Вновь издаются: *Ритусамгара*, поэма, приписываемая Калидазу, переведенная Петромъ Боленомъ, которому надобно пожелать, чтобы плодотворная сила его для наукъ долго сохранилась, и *Сомадева*, собраніе Индійскихъ сказокъ, переводъ Брокгауза.

Новѣйшая поэтическая литература, въ сравненіи съ другими отдѣленіями, представляетъ очень мало. Вышло новое изданіе стихотвореній *Уланда* и второе изданіе стихотвореній *Фреймграта*. *Карлъ Майеръ* и *Пфцицеръ* издаютъ эпическія поэмы. Драматическая словесность приходитъ болѣе и болѣе въ упадокъ. Также и въ романахъ оказывается только самое пошлое и обыкновенное, за исключеніемъ новостей *Тика* и *Иммермана Мюнхгаузена*. Каталогъ заключаетъ однакожъ 144 романа и 41 драматическое сочиненіе!! Между романами много переводныхъ, частью съ Англійскаго — гдѣ еще не прекратился родъ *историческихъ* романовъ, а частью съ Французскаго — соблазнительныя произведенія *Дюдеванъ* (Жоржъ-Зандъ), Сулье и другихъ, которые стыдно намъ, Нѣмцамъ, даже и причислять къ изящнымъ произведеніямъ....

Сочиненія, собранныя послѣ смерти авторовъ, переписки, автобіографіи, на сей разъ, къ удивленію нашему, немногочисленны. Открытіе памятника Шиллеру въ Штутгар-

тъ породило множество брошюръ о семъ поэтѣ и откры-
тии ему памятника. Кромѣ упомянутыхъ нами писемъ къ
І. Миллеру, находимъ жизнь заслуженнаго филолога Пас-
сова, малую переписку Гете съ Графинею Штольбергъ,
записки оставшіяся послѣ Іог. Шоппентауеръ, Функову ха-
рактеристику Жанъ-Поля. — Сочиненіе Ванъ-Кампена
о Голландской литературѣ является въ Нѣмецкомъ пере-
водѣ.

I

ЛЮБОПЫТНОЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ.

Прежде старались болѣе о переводѣ книгъ, нежели нынѣ: дѣло безспорное, которое можно повѣрить старыми и нынѣшними книжными каталогами. Не беремса искать тому причины, хоть никакъ не согласимса заключить ее въ томъ, будто мы сочувствуемъ нынѣ болѣе свою *само-столтельность*, хотимъ болѣе *создавать* сами, видимъ, что *прикладное* *ученье* приноситъ менѣе пользы, нежели *измеченное* изъ собственнаго опыта и мысленія. Не вѣримъ и тому, чтобы отцы наши съ дѣтскою довѣрчивостію хотѣли перенимать у другихъ, не думая *смысль свое сужденіе имѣть*. Причины идутъ здѣсь гораздо глубже и дальше. Мы не разбираемъ ихъ, и хотимъ только утвердить здѣсь неоспоримый фактъ, что *прежде переводили больше*, и—прибавимъ, *выборъ былъ лучше*; за многое, что, по мѣрѣ силъ, сдѣлали наши старики, мы не осмѣлимса даже и нынѣ приняться. Любопытно, что нѣкогда, въ Петербургѣ, былъ учрежденъ даже *Переводный Департаментъ*, присоединенный потомъ къ Академіи Наукъ, подъ именемъ *Собранія*, *старающагося о переводѣ чужестранныхъ книгъ на Россійскій языкъ*. Въ Москвѣ подобныя общества заводились нѣсколько разъ. Любопытно бы обозрѣть плоды всѣхъ такихъ покушеній. Потому рѣшились мы передать здѣсь объявленіе, какое нашли припечатаннымъ къ № 58-му С. Петербургскихъ Вѣдомостей, Іюля 22-го 1758 года. Въ немъ видимъ исчисленіе трудовъ и предположеній упомянутого нами Собранія Академическаго. Это объявленіе до-

полняетъ нѣсколько чертъ и къ характеристикѣ образованія того времени. Перепечатываемъ его, какъ *библиографическую рѣдкость*, безъ всякихъ комментариевъ.

«Собраніе, старающееся о переводѣ чужестранныхъ книгъ на Россійскій языкъ, любящихъ чтеніе чрезъ сіе 1) уведомляетъ о изданныхъ подъ смотрѣніемъ онаго въ печать книгахъ, которые въ Академической книжной лавкѣ, желающіе имѣть, и нынѣ достать могутъ за известную цѣну, какъ въ тѣхъ книгахъ, такъ и здѣсь припечатанную. 2) Даетъ знать о находящихся теперь въ печати книгахъ. 3) Объявляетъ взятая въ переводъ книги, не сомнѣваясь, что принявшіе сей трудъ на себя удовольствоваться согражданъ своихъ не укусятъ. И 4) повторяетъ роспись означенныхъ къ переводу книгъ, приглашая желающихъ симъ обществу принести пользу.

I. Книги напечатанныя.

1. Разсужденіе Его Величества Короля Прускаго о причинахъ установленія или отрженія законовъ. Цѣна 8 коп.
2. Размышленія о великости и упадкѣ Римлянъ. 50 коп.
3. Лисимахъ, разговоръ Суллы съ Евкратомъ и опытъ о вкусѣ. 15 коп.
4. Храмъ Книдійскій. 12 коп.
5. Кандитъ г. Волтера. 30 коп.
6. Г. Барона Димсдала о прививаніи оспы. 31 коп.
7. Опытъ народнаго воспитанія г. Шалотѣ. 45 коп.
8. Исторія и записки учрежденнаго въ Амстердамѣ общества въ пользу утопшихъ. Часть I. 15 коп.
9. Извѣстія Византійскихъ писателей о Славянахъ. Часть I. 35 коп.
10. Османское государство и республика Рагузская, изъ Бишинговой географіи. 35 коп.
11. Разговоръ трехъ разноравныхъ людей. С Евремона. 6 коп.
12. Г. Академика Гмелина путешествіе по Россіи, съ разкрашенными фигурами. 8 рубл. съ неразкрашенн. 2 р.

13. О строеніи міра. 20 коп.
14. Спарта. 6 коп.
15. Турція. 4 коп.
16. Греція 20 коп.
17. Морья или Пелопоннись со всеми древними и новыми въ ней мѣстами. 35 коп.
- 18 и 19 Статьи до Турціи принадлежащія, двѣ части. По 30 коп. каждая.
20. О ласкательствѣ. 8 коп.
21. О любви статьи. 12 коп.
22. О надзирателяхъ при воспитаніи. 15 коп.
23. О любопытствѣ. 10 коп.
- 24 и 25. О философіи и ея частяхъ. Двѣ части. Первая 30 коп. вторая 45 коп.
26. О государственномъ правленіи. 30 коп.
27. Парижъ, 25 коп.
28. Статьи о времени. 45 коп.
29. О клеветѣ, презрѣніи и несчастіи. 5 коп.
30. О перемѣнахъ Римскихъ. Первая часть г. Вертота, 120 коп

II. Книги находящіяся въ печати.

- 1 и 2. О перемѣнахъ Римскихъ вторая и третья часть г. Вертота.
3. Юстія часть первая о благочиніи государственномъ.
4. Вторая часть извѣстій о Славянахъ.
5. Валерій Максимъ.
6. Исторія заговора Испанцовъ противъ Венеціи чрезъ Аббата Сень Реаля.
7. Венгрія изъ Бишинговой географіи.
8. Лексиконъ Академіи Французкой.
9. Приключенія Сюллиевы.
10. Г Академика Палласа путешествіе по Россіи.

III. Книги взятыя съ переводъ.

1. Lettres Persannes.
2. Нѣкоторыя житія со сравненіями изъ Плутарха.
3. Voyage en Russie de Bell.
4. Pomey Pantheon Mythicum.

5. Annales de Tacite avec des notes par Amelot de la Houssaye.
6. Вѣкъ Людовика XIV и чертежъ Европы до 1656 года.
7. Esprit de Loix.
8. Дмитрія Кантимира исторія Османскаго государства.
9. Юлій Кесарь о походахъ.
10. Изъ Цицерона de finibus bonorum et malorum.
11. Светонія жизни первыхъ XII Кесарей.
12. Тиссотова книжка до сохраненія здоровья касающаяся.
13. Oeuvres de l'Abbé de St. Real.
14. Caracteres de Theopraste et de la Bruyere.
15. Sex Augustæ historiæ scriptores.
16. Иронды или письма древнихъ Иронъ изъ Овидія.
17. Еліана разныя Исторіи.
18. Gottfr. Achenwalls Geschichte der heutigen Europäischen Staaten im Grundrisse, Göttingen 1764.
19. Staats-Verfassung der heutigen vornehmsten Europäischen Reiche im Grundrisse, von Gottfried Achenwall. Göttingen 1762.
20. Leben Gustav Adolphi, Königs von Schweden.
21. Botins Geschichte der Schwedischen Nation.
22. Пѣсни печалей изъ Овидія.
23. Кантемира описаніе Молдавіи.
24. Изъ Бишинговой географіи о Италіи.
25. — — — Нѣмецкой земль.
26. — — — Франціи.
27. — — — Португаліи и Испаніи.
28. Путешествія Гулливеровы.
29. Les Eloges de Thomas.

IV. Книги означенныя къ переводу.

1. Melanges litteraires de Dalember.
2. Филдингвы романы.
3. Histoire d'Henri IV par Perefixe.
4. Ромена Traité des etudes.
5. Voyages de Charuin en Perse.
6. L'Abbrege de l'Histoire du President Hainaut.
7. Histoire du Ciel par Pluche.
8. Maniere de negocier avec les souverains par Callierca.

9. Le Spectateur Anglois..
10. Histoire de l'Angleterre par Burnet.
11. Histoire de Danemark par Mallet.
12. Ouvrages politiques de l'Abbé de St. Pierre.
13. Reveries de Mar. de Saxe.
14. Achenwalls Geschichte der allgemeinen Europäischen Staats-Händel.
15. Büschings Erdbeschreibung.
16. Iusti System des Finanzwesens.
17. Lengnichs Poinische Geschichte.
18. Catalogue des Ecrivains du siecle de Louis XIV par Voltaire.
19. Traité de l'Amitié et cet. par la Marquise de St. Lambert.
20. Description de la Chine du Halde.
21. Dialogues sur le commerce de Bleds, a Londres, 1770.
22. Consideration sur les moeurs par Duclos.

Да сверхъ того Классическіе писатели слѣдующіе.

23. Павзаній.	35. Виргилій.
24. Омиръ.	36. Овидій.
25. Исїодъ.	37. Титъ Ливій.
26. Фукидидъ.	38. Цицеронъ.
27. Ксенофонтъ.	39. Старшій Плиній.
28. Поливій.	40. Младшій Плиній.
29. Діонисій Аλικарнасскій.	41. Веллей Патеркулъ.
30. Діодоръ Сицилійскій.	42. Аммианъ Маркеллинъ.
31. Діонъ Кассій.	43. Діогена Лаертія жизни философовъ.
32. Плутархъ.	44. Авла Геллія Ночи Аттическія.
33. Стравонъ.	
34. Гораций.	

НЫНѢШНЕЕ СОСТОЯНІЕ ФЛОТА ОТТОМАНСКОЙ ИМПЕРІИ И ВИЦЕ-КОРОЛЕВСТВА ЕГИПЕТСКАГО.

Въ то время, когда бѣгство Оттоманскаго флота къ Египетскому Пашѣ, и происшедшій изъ того споръ, обращаютъ общее вниманіе, любопытно знать *состояніе морскихъ силъ Египта и Турціи*. Предлагаемъ здѣсь подробное исчисленіе кораблей той и другой страны, составленное въ началѣ 1838 года. Съ тѣхъ поръ, почти начево вновь не сдѣлано для флота, ни въ Турціи, ни въ Египтѣ, и предлагаемое обзорніе можно почесть довольно вѣрными, дабы имѣть понятіе о нынѣшнемъ состояніи морскихъ силъ обѣихъ земель.

Въ началѣ 1838 г. Турецкій флотъ состоялъ изъ слѣдующихъ судовъ:

Линейные корабли.

1. *Махмудье* (Махмуть), 126 мѣдныхъ пушекъ, 800 чело-
вѣкъ. Стоитъ въ Босфорѣ, считается адмиральскимъ, но
негоденъ къ употребленію.

2. *Селимье* (Селимъ), 126 пуш., 800 экипажа; очень
плохъ.

3. *Фетье* (Торжествующій); 80 пуш., отчасти чугу-
нныхъ; 700 экипажа. Требуется поправки. Обитъ желъ-
зомъ.

4. *Махадеми-Ламръ* (Предвѣстіе счастья), 76 пуш., 700
экипажа; старъ; обитъ желъзомъ.

5. *Бурджи-заферъ* (Созвездіе победы), 74 пушки, 600 экипажа. Новый и хорошъ; обитъ желззомъ.

6. *Бекбери-нуфреть* (Вождь победы), 74 пушки, 300 экипажа; полуразломанный.

7. *Мезудье* (Счастливый), 76 пуш., 300 экипажа. Построенъ въ Никомидіи въ 1837 г.

Фрегаты.

1. *Шезифъ-Резанъ* (Славный), 52 пушки, 400 экипажа. Новый, но плохъ на ходу.

2. *Гифли-Раманъ* (Защита Божія), 52 пушки, 500 экипажа. Ветхъ и негоденъ.

3. Фрегатъ (имя неизвѣстно), о 74 пушкахъ, 500 экипажа. Полувооруженъ. Спущенъ въ 1835 г.

4. *Мазхери-терсикъ* (Благоденственный), 48 пушекъ, 360 экипажа. Очень плохъ.

5. *Мезимъ-Заферъ* (Вѣтръ победы), 52 пушки, 22 экипажа. Негоденъ и разснащенъ.

6. *Аинибахъ* (Божія помощь), 50 пушекъ, 320 экипажа. Недавно починенъ.

7. *Парлбахъ* (Милость Божья), 48 пушекъ, чугунныхъ, 25 экипажа. Русской постройки; разснащенъ и негоденъ.

8. Фрегатъ (имя неизвѣстно), 50 пушекъ чугунныхъ, 300 экипажа. Построенъ въ 1837 г., Американцемъ. Превосходное судно.

9. *Явери-Терсикъ* (Провильніе), 50 пушекъ, 300 экипажа. Хорошъ и исправенъ.

10. *Канди-Заферъ* (Побѣдительный), 52 пушки, 400 экипажа. Старъ и ветхъ.

11. *Заферъ* (Побѣда), 48 пушекъ, 300 экипажа. Хорошъ и исправенъ.

Корветты.

1. *Мезири-Ферахъ* (Радостная), 26 пушекъ, 200 экипажа. Постр. въ Америкѣ, 1833 г. и очень хороша.

2. *Серк-Заферъ* (ведущая къ побѣдѣ), 26 пушекъ, 200 экипажа. Постр. въ Родосѣ, и хороша.

3. *Медиафтеръ* (Спасенная), 26 пушекъ, 200 экипажа. Иарядное судно; обито желззомъ.

4. *Резель-разн* (Божіе благодѣяніе), 26 пушекъ, 200 экипажа. Постр. въ Америкѣ 1832 г.; весьма хороша.

5. *Меджирай-Заферъ* (Луна победы), 26 пушекъ, 25 экипажа. Негодна и служить торьюмоу.

6. *Хиллам-Заферъ* (Источникъ победы), 26 пушекъ, 200 экипажа. Плохъ.

7. Корветта (имя неизвѣстно), 26 пушекъ, 200 экипажа. Новая и построена Америкацкомъ.

Бриги.

1. *Манзурье* (Торжествующій), 16 пушекъ, 100 экипажа. Хорошъ.

2. *Теозн-Сифидъ* (Заря), 16 пушекъ, 100 экипажа. Новый и хорошъ.

Кромѣ того, 8 куттеровъ, 1 голетта, 6 канонерскихъ ботовъ, 2 парохода. — 1 фрегатъ находился на штапеляхъ; 1 корабль лин. въ передѣлкѣ и 1 на штапеляхъ. —

Пушки и якоря всѣ получены изъ Англии, но кромѣ нихъ всѣ снаряды и вещи весьма плохи. Парусовъ, пеньки, веревокъ и проч. почти нѣтъ ничего въ запасъ. Корабельный дрѣсъ хорошъ, но мачтовый весьма плохъ. Доковъ въ Турціи всего два, и тѣ нехороши.

Въ началѣ 1838 года, Египетскій флотъ состоялъ изъ слѣдующихъ судовъ:

Линейные корабли.

1. *Магалетъ эль кубро*, 100 пушекъ, 840 человекъ экипажа. Построенъ въ Александріи, 1831 г.

2. *Мансурагъ*, 96 пуш., 956 экипажа. Постр. въ Александріи, 1831 г.

3. *Искандерь*, 98 пуш., 868 экипажа. Постр. въ Александріи, 1832 г.

4. *Абукирь*, 58 пушекъ, 935 экипажа. Постр. въ Александріи, 1832 г.

5. *Масръ* (Каиръ), 102 пушки, 868 экипажа. Постр. въ Александріи, 1832 г.

6. *Акс* (С. Жанъ д'Акръ), 100 пушекъ, 1141 экипажа. Постр. въ Александри 1833 г.

7. *Геджъ*, 100 пушекъ, 757 экипажа. Постр. въ Александри, 1834 г.

8. *Белланъ*, 86 пушекъ, 829 экипажа. Постр. въ Александри, 1835 г.

9. *Адонъ*, предполагается въ 100 пушекъ. Постр. въ Александри, 1837 г.

Фрегаты.

1. *Сиргшадъ*, 60 пушекъ, 368 экипажа. Построенъ въ Ливорно, 1826 г.

2. *Рашидъ*, 60 пушекъ, 395 экипажа. Постр. въ Венеции, 1828 г.

3. *Вагредъ*, 60 пушекъ, 398 экипажа. Постр. въ Марсели, 1829 г.

4. *Даміэтта*, 56 пушекъ, 364 экипажа. Построенъ въ Александри, 1829 г.

5. *Мануфигъ*, 69 пушекъ, 410 экипажа. Постр. въ Александри, 1836 г.

6. *Кафрешенъ*, фрегатъ 60-ти пушечный. Построенъ въ Архангельскъ и купленъ у Русскаго шкипера. Служить транспортомъ, такъ же, какъ и старая корветта Алжирская, *Мубтагехадъ*.

Корветты.

1. *Гегабдекеръ*, 22 пушки и 167 экипажа. Постр. въ Генуэ.

2. *Талиншигехадъ*, 22 пушки и 141 экипажа. Постр. въ Марсели.

3. *Генабагарн*, 22 пушки и 160 экипажа. Постр. въ Генуэ.

4. *Таншагъ*, 24 пушки и 156 экипажа. Постр. въ Александри, 1831 г.

Бриги.

1. *Сакка*, 22 пушки, 122 экипажа. Постр. въ Ливорно.

2. *Семендигегабъ*, 20 пушекъ, 90 экипажа. Постр. въ Сиотатъ.

3. *Шаендрія*, 22 пушки, 114 экипажа. Итальянской постройки.

4. *Шабазгехадъ*, 16 пушекъ, 90 экипажа. Постр. въ Сиютаъ.

5. *Всшимитонъ*, 20 пушекъ, 115 экипажа. Постр. въ Бордо.

6. *Бедигехадъ*. Построенъ въ Александріи; 16-ти пушечный. Служитъ транспортомъ.

7. *Тимсаъ*, 16 пушекъ, 97 экипажа. Постр. въ Марсели.

Кромѣ того:

1. Пароходъ *Ниль*, съ 2-мя Пейксгановскими пушками; 129 экипажа. Построенъ въ Лондонѣ, 1835 г.

2. *Александрія*, куттеръ для разъѣздовъ Мегемета-Али, съ 42 пушками; построенъ въ Александріи, 1835 г.

3. *Египтянинъ*, пароходъ, плавающий по Нилу.

Изъ линейныхъ кораблей № 3 и 5-й, и изъ фрегатовъ № 1, 2, 4, починивались, а лин. корабль № 9 осващивался. Всѣ другіе суда были готовы и исправны. — Линейнымъ кораблемъ № 6, командуеъ отставной Французскій лейтенантъ Гуссаръ. — На корабляхъ *Мансураъ* и *Аке* находятся кадеты Морской Школы, заведенной Мегемедомъ-Али.

Изъ ANNALES MAR. ET COCOK.

ОТВѢСТВЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Высочайше повелѣно (Сентября 30-го), находящихся въ Академіи Художествъ пансіонеро́въ ведомства Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій вывести для жительства въ особенное помѣщеніе, ибо, (какъ сказано въ Высочайшемъ повелѣніи, объявленномъ Правительствующему Сенату) «Е. И. В. угодно, чтобы живущихъ въ Академіи учениковъ вовсе не было, и желающихъ обучаться художествамъ «дообщали только художественные классы, какъ вольноприходящіе.» Въ свидѣніе сего предложено для воспитывающихся въ Академіи 50-ти пансіонеро́въ ведомства Путей Сообщенія, завѣсть особенный домъ, съ назначеніемъ цѣнъ для ихъ содержанія (50,569 р. 47 к.), платя Академіи только за посѣщеніе ими лекцій, по 30 рублей въ годъ съ каждаго.

Высочайшимъ указомъ (29 Іюня) повелѣно опредѣлить форму и мѣру барокъ, проходящихъ по Вышневолоцкой системѣ, а равно и самую погрузку ихъ, введя форму, мѣру и погрузку оныя съ 1841 года въ непремѣнную обязанность всѣмъ судоводевателямъ.

Новое благотворительное заведеніе, Высочайше утверждено (Сентября 2-го) въ Петербургъ — *Больница для страдающихъ глазами и ушными болѣзнями*. Основатель ея, докторъ *Штраухъ*, кромѣ безденежной консультаціи и безмезднаго леченія бѣдныхъ приходящихъ, предполагаетъ содержать 15-ть человекъ бѣдныхъ больныхъ въ самой больницѣ безъ платы, и 5-ть съ платою, которая вся обращается на содержаніе больницы.

Важное, не только для края, гдѣ учреждается, но и для всей Россіи, Общество, Высочайше утверждено, подъ именемъ *Бѣлорусскаго Общества промышленности, земледѣлія и*

пенькою. Учредители его, помѣщики Витебской губ., Лепельскаго уѣзда, гг. *Шк. Виночкин* и *Витковскіе*, предполагаютъ составить акціями капиталъ въ 137,126 р. 40 коп. серебромъ, разлагая его на 120 акцій, по 1142 р. 72 к. сер., съ дѣленіемъ ихъ на купоны, по 71 р. 42 к. сер. для удобнѣйшаго раздѣленія между желающими имѣть участіе. Цель Общества, какъ объясняется въ Уставѣ его, та, чтобы Бѣлорусскому краю, по преимуществу вапшающемуся въ Россіи произращеніемъ льна и пеньки, доставить прямая и близкія средства къ сбыту сихъ произведеній въ сырой видѣ, а чрезъ улучшенную ить, мануфактурную обработку, облегчить и умножить потребление въ Россіи холщевыхъ всѣхъ родовъ издѣлій; съ другой стороны, устройствомъ въ Бѣлорусскомъ краѣ, по новѣйшимъ изобрѣтеніямъ, механическихъ прядилокъ и ткацкаго, а, также и химическаго бѣлильнаго заведеній, открыть новый способъ къ занятію рабочаго народа. На первый разъ мануфактура учредится въ Лепельскомъ уѣздѣ, въ селѣ Турось, а Правленіе Общества будетъ въ Полоцкѣ. — Пора, пора намъ подумать о нашемъ льнѣ и пенькѣ нашей, коренномъ нашемъ богатствѣ, которое мы забываемъ, занимаемся заведеніемъ, несвойственныхъ намъ ни почему, фидатура хитрой бумажки — предмета бесполезнаго въ сущности и невыгоднаго въ экономическомъ, политическо-экономическомъ и даже моральномъ отношеніяхъ для Россіи! — Впрочемъ, предметъ, о которомъ мимоходомъ мы здѣсь упомянули, такъ обширенъ, что объ немъ надобно говорить очень много. По крайней мѣрѣ, мы всегда радуемся, если видимъ, что капиталы и дѣятельность обращаются у насъ на истые и существенные предметы нашего кореннаго богатства, остававшіеся дохоль въ небреженіи. Пенька и ленъ суть такіе именно предметы, и слыша о полезномъ предnamъреніи г-дъ Бѣлорусскихъ помѣщиковъ, нельзя ему не порадоваться.

Напротивъ; всегда съ прискорбіемъ слышимъ мы, если какое-нибудь полезное предпріятіе разрушается. Такъ нельзя не пожалѣть, что предположенное на Кавказѣмъ

товарищество Г-дъ Аризуни, Айвазова, Лориса-Меликова, Джанкемова, Херудинова и Абесаломова, имѣвшее цѣлью складку капитала для торговли въ Персію, не могло состояться, и формально уничтожилось («по непредвидѣннымъ и отъ нихъ независявшимъ обстоятельствамъ», какъ сказано въ донесеніи Министра Финансовъ Правительствующему Сѣдату, отъ 30-го Сентября). Когда, наконецъ, духъ товарищества, при твердой настойчивости въ дѣлахъ, утвердигь, донинѣ столь многія, и всегда неудачныя, покушенія усвоитъ Россіи торговлю съ Персіею? Когда Русскіе капиталисты подумаютъ поспорить въ дѣлахъ, столь подручнѣмъ и близкомъ намъ, съ иностранцами, которые съ береговъ Индіи, черезъ моря и пустыни, упреждаютъ насъ своею дѣятельностью? Будемъ надѣяться, что умный Русскій народъ вскорѣ и здѣсь смѣкнетъ дѣломъ, и не дастъ перебить дорогу у него другимъ. Попечительное Правительство готово оказать всякую помощь и содѣйствіе. Стало только за доброю волею и за желаніемъ въ усердіи частныхъ производителей.

По официалнымъ свѣдѣніямъ, въ 1838 году, въ Москвѣ родилось 8,776 человекъ обоюго пола, умерло 7,754; браковъ совершено 1,361. Въ числѣ умершихъ, менѣе 5-ти лѣтъ было 3,329, но и примѣры благословенной старости не переводятся въ Москвѣ. На сей разъ означены въ росписи имена и званія самыхъ замѣчательныхъ умершихъ. Въ числѣ прожившихъ *болѣе 100 лѣтъ* было *пятеро*: прапорщикъ Тимофей Измайловъ 102 лѣтъ; крѣпостной служитель г-жи Рахмановой, Родіонъ Емельяновъ 103 лѣтъ; колл. регистр. Анна Степанова 108 лѣтъ; дворовая жепщина Васса Фролова 108 лѣтъ, и вольноотпущенная Авдотья Фаддѣева — 120 лѣтъ (слѣд. родившаяся въ 1718 году!)

Число врачей въ Россійской Имперіи, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, простирается до 6,880; въ семъ числѣ *дантистовъ*, и *глазныхъ* и *ветеринарныхъ* врачей до 500. Служащихъ по вѣдомству Министерства Внутреннихъ дѣлъ,

и вообще врачей съ правами государственной службы не болѣе 1,172.

Усиливающийся недостатокъ дровъ обратилъ вниманіе многихъ жителей Москвы на важное поособіе, кониъ обилуютъ окрестности Московскія, а именно: *торфъ*, или *турфъ*. Въ нынѣшнемъ году, лѣтомъ, сдѣланы были опыты добыванія его, и превосходный торфъ найденъ въ Свибловъ, Чесменскомъ, и другихъ мѣстахъ. Между прочимъ, употребленіе торфа введено уже теперь въ Москву на бумагопрядильнѣ г-на Мертваго. Желательно, чтобы и другіе производители обратили на него свое вниманіе.

Ученыя извѣстія.

Съ удовольствіемъ можемъ замѣтить, что никогда еще число *публичныхъ чтеній* не было такъ многочисленно въ Петербургъ, какъ нынѣ, и стеченіе публики на нихъ доказываетъ, что они возбуждаютъ вниманіе людей просвѣщенныхъ и образованныхъ. Исчислѣмъ здѣсь объявленные уже курсы чтеній: г-нъ *Озеннъ* преподаетъ уроки повивальнаго искусства, по искусно приготовленнымъ своимъ анатомическимъ препаратамъ; г-нъ *Остроградскій* читаетъ курсъ высшей Математики (по субботамъ, въ Морскомъ Корпусѣ); г-нъ *Броссе* Грузинскую литературу (по средамъ); г-нъ *Фрицше* Опытную Химію (по четвергамъ); г-нъ *Гессъ*, по распоряженію Минералогическаго Общества, Чистую Химію (по четвергамъ, въ домѣ г-на Неплюева, на Свиной); г-нъ *Гауфельдъ* курсъ Англійскаго языка; г-нъ *Бутырскій* объявилъ намѣреніе читать Политическую Экономію, и наконецъ, почтенный, заслуженный литераторъ нашъ, *Н. И. Грель*, съ 1-го Декабря, началъ лекціи *Русскаго языка*. Многочисленное стеченіе посѣтителей, вниманіе ихъ и громкія одобренія показали, что публика вполне оцѣняетъ и важность предмета, и достоинство изложенія, и ревность почтеннаго сподвижника чистоты Русскаго языка, опытнаго знатока его. Одушевленіе предметомъ равняется у нашего филолога силѣ его сердечнаго, простаго, но сильнаго красноречія. Мы обра-

тимся къ лекціямъ г-на Греча, и постараемся передать читателямъ нашимъ сущность чтеній его, практическая польза коихъ неоспорима, когда вниманіе къ нимъ публики доказывается тѣмъ, что въ числѣ слушателей видимъ и знаменитыхъ сановниковъ государства, и военныхъ, и литераторовъ, и молодыхъ почитателей, оцѣняющихъ пользу практическихъ уроковъ нашего почтеннаго и заслуженнаго изслѣдователя отечественнаго языка.

Бушарда, докторъ Парижской госпиталя Hôtel-Dieu, извѣщаетъ, что въ торговлѣ появилась снова, такъ называемая, Лохская хина, которую Англичане называютъ *пепельною* (сепдрѣ, или de frêne), а Нѣмцы *блѣдною* (teint râle), подъ которыми названіями она и описана была г-мъ Бушарда въ его Матеріа-Медика. Она вовсе не имѣетъ свойствъ настоящей хины, нисколько не заключаая въ себѣ *хинина* и *цинконина*; сіи щелочи замѣняетъ въ ней совсемъ другое основаніе, извѣстное подъ именемъ *арцина* (aricine), неизмѣющее противолихорадочныхъ свойствъ.

Предлагая читателямъ нашимъ разборъ превосходнаго перевода *Шахъ-Наме*, сдѣланнаго г-мъ Модемъ, мы сказали, что важный трудъ сей составляетъ часть *Востокаго Собранія*, издаваемаго Французскимъ Правительствомъ. Первоначальная мысль принадлежитъ Наполеону, который, въ 1813 г., велѣлъ издать избранныя Восточныя рукописи Королевской Библіотеки. Черезъ 20-ть лѣтъ послѣ того дѣло приведено въ исполненіе, и хотя съ 1833 г. донынѣ, кромѣ *Шахъ-Наме*, издана только *Исторія Монголовъ въ Персіи*, Рашидъ-Эддина, бывшаго Визиремъ Газанъ-Хана, въ XIII-мъ вѣкѣ (переводъ Катрмера), но приготовлены къ печатанію еще двѣ книги: *Бхагарата-Пурана*, или *Исторія превращеній Вишну*, пер. съ Санскритскаго Бурнуфа, и *Уложеніе Царя Вахтанга*, пер. съ Грузинскаго г-на Броссе. Изданія чрезвычайно красивы и великолѣпны, что составляетъ, можетъ быть, недостатокъ ихъ, ибо

они недоступны по цѣнѣ тѣмъ, кто можетъ находить въ нихъ истинный интересъ. Къ сожалѣнію, немногіе ученые соединяютъ богатство денжное съ богатствомъ науки и знанія.

Нѣмецкій путешественникъ Д. Эдуардъ Зельбергъ сообщилъ публикѣ снимокъ и переводъ одной изъ множества надписей, которыми покрыты стѣны разваливъ храма на островъ Явъ. Читатели наши, конечно, припомнить сія великозпные, исповидскіе остатки древнѣйшаго Яванскаго зодчества, недоступнаго нынѣшнимъ обитателямъ Явы. Надпись снята съ древнѣйшаго Брамбанангскаго храма, и замѣчательна своимъ содержаніемъ. Полагаютъ, что она относится къ началу XIV-го вѣка. Ученый Голландецъ Аорда фанъ-Эйсинга сдѣлалъ переводъ ея, когда притомъ и самъ г-нъ Зельбергъ хорошо знаетъ Яванскій языкъ. Предлагаемъ здѣсь, какъ сдѣланный съ Нѣмецкаго Русскій переводъ, такъ и *произношеніе* подлинника, приложенное г-мъ Зельбергомъ при его снимкѣ, полагая, что то и другое можетъ быть любопытно для нашихъ читателей, знакомя ихъ съ древнею религіею и языкомъ Малайскаго племени, распространеннаго на архипелагъ юго-восточной Азій. Вотъ самая надпись по Явански:

Mulané katandangan heio hucho tuluso murah sakéh sandang pangan tur karto hing nechoro supoyo dbadheio tetere hing wong harep hanchabekti maring Dhéwo Krono bekti hiku sampnrnaning lampah Tuhu siro jèng mangkono hamesthi tinarimb krono sing sopo wong kang hanchlampahké kabeljikan jekti tinomukhaken hing bésuk suwarchaniro kang luwih muljo tur hakarso poro Dhéwo haparing polo marlo kajo panduko sancheiang séwo Bot-horo Hèndhro. Sing sopo wong kang hanchlempahé hio jekto hing wekasané hane mu hing narakaniro tur tinienchalaken rupaniro bésuk podo lan rupané wong loro hino kajo buto chédéné rupaniro kajo hasu hanané kang mangkono hiku bodo krono tanarep hing kabeljikan hanuruli chawanniho hiku satru kang houo hing badhaniro. Goniro kang kekaucrubo munchpung hurip hanarih hing

kabetjikan hanadeio hanembah pudjt kang sampuro nprasidjo maring Bathoro kang hamiseso hing djachat kang dhuwé bumi langit hleio karané munchuh haluncuhanteh sang pandito kasurmateano hing sopo boga sarto hangchuruwo kang satemmen-temmennipuu sembah maring Bathoro kang kuwoso sarto kang miseso kang minongko kawarnane hamuug sembah pudjihiro margane tumuleio hanemmulaken hiog kabechajan lan kabeljikan mumpung siro maksih hurih hing dhunjo sarto hamuleio mriug woug nchatuwo karo lan sarto luluhuriro hing pawekase kang haneru kang katumrah hing nachoro hora none luputé hupanané wus kojo wong nchatuwane karo katiengchnalan penchreksaué sang Bothoro heio kang hambuko hatiniro hing pegawé kang beljik. Kawruhono dhénniro wedaring sekar harumi maratané hing sahengchouiro samongkono w,sesaning sariro kang hamutbo hing pakretc kojo sang ratu hamaréntah hing bumi podo-padanéku hambeljikono hing panchandiko lan hamrihjo tutungchanan lan sandjoto peddang podo lucho hing kang kadih hanchresikono hing sesumberran kojo paudhuko kang hamarentabo hamrth raminé bolotané lan hodjo hambedzahaken mungguh hing wong holo beljik sami sinunchan tonde panchonan sopojo kang holo dhadbi beljik hiku kawruho kabch hodjo hanchulati rupo warno.

ПЕРЕВОДЪ.

«Вѣдомо вамъ, что обильная пища, одежда дешевая и миръ въ странѣ составляютъ ея счастье, а чтобы спокойствіе сіе было вамъ даровано, почитайте боговъ. Богопочитаніе состоитъ въ добрыхъ поступкахъ. Уважьте правдиваго, помня, что онъ Богу приятенъ, и что всякій чловкъ, упражняющійся въ добродѣтели, нѣкогда приобрететъ царство небесное, которое находится очень высоко, но всѣ боги, такъ же, какъ свѣтлѣйшее божество (сѣwo Bothoro Héndhro) даруютъ вамъ для того вслчскую помощь. Каждый дѣлающій зло пойдетъ при концѣ жизни въ адъ, и видъ его будетъ страшенъ и огроменъ, какъ видъ чудовища съ собачьею головою. Тотъ наказанія сего не понимаетъ, кто уклоняется отъ добродѣтели и предается страстямъ своимъ, которыя суть враги ваши. Сіе

надобно вамъ знать въ жизни и полную похвалу воздавать вѣрѣ въ *Баторо*, который властвуетъ надъ міромъ и правитъ небомъ и землею. И ради его достоинства, пандиты (учители) должны вами, безъ различія, быть почитаемы, а вы должны отъ нихъ учиться, но прежде всего почестъ оказывать *Баторо*, Всемогущему Правителю и Содержателю всего; Его одного должны вы славить, дабы нѣкогда сдѣлаться участниками его счастья и блаженства, пока вы еще живете на землѣ. Почитайте также вашихъ родителей и вашихъ прародителей, и помните ихъ наставленія, которыя находите вы въ ихъ сочиненіяхъ и вездѣ должны распространять, и которыя суть ненарушимы, ибо прародители ваши уважали законы бога *Баторо*, и онъ раскрылъ сердца ихъ добродѣтели, и украсилъ доблестью, какъ блаженными цвѣтами. И ты можешь получить твое участіе и власть, которая освѣжаетъ духъ добродѣтельнаго, какъ духъ государя, царствующаго на землѣ. Веди себя добродѣтельно, въ следствіе приказанія Божія, ищи всего другаго на землѣ съ предосторожностью и средствами охранительными, такъ, какъ будто ты чистишь глубокой колодезь, и будь подобенъ Святлѣйшему Государю, который царствуетъ только для блага своихъ подданныхъ. Не будьте равнодушны между добромъ и зломъ, и всѣмъ вамъ подарено будетъ свѣтлое жилище, ибо и всѣ злые могутъ сдѣлаться добродѣтельными. Тебѣ все теперь известно. Старайся же безъ всякаго забвенія о добрѣ.»

Художественныя известія.

Спѣшимъ исправить нашу ошибку, и поблагодарить за указаніе ея почтенныхъ Издателей *Сверной Печки* (№ 266, фэйлетонъ, стр. 1061). Мы сказали, что Дворецъ Е. И. В. Великой Княгини Маріи Николаевны, подлѣ Сняго моста, воздвигается по плану и подлѣ надзоромъ Баварскаго Архитектора Кленце. Тутъ двойная ошибка: имя *Кленце* ошибкою напечатано: *Кленя*, а кромѣ того, и не ему (какъ сказали мы, по невѣрному слуху), но, Русскому архитектору, г-ну *Штакеншидеру* порученъ, по *Высо-*

чайшей воля, сей важный трудъ, какъ равно и постройка загороднаго Дворца Великой Княгини Маріи Николаевны, на дачѣ Е. И. В., въ Сергіевскѣ, близъ Петергофа.

Гораций Вернетъ ухалъ въ Египетъ. Говорили, что Папа Египетскій пригласилъ его написать картину Низибскаго сраженія, и Вернетъ отправился осмотрѣть мѣстность сей битвы, но слухъ оказался потомъ несправедливъ; славному художнику захотѣлось посмотрѣть Востокъ, и Египетъ особенно, ибо онъ намѣренъ изобразить тамошнія битвы Наполеона.

Въ Пизѣ, въ залѣ университета, торжественно открыта мраморная статуя *Гамлея*, изваянная Эмилемъ Деми. Собравшееся тамъ нынѣ Общество Итальянскихъ Естествоиспытателей, состоящее изъ 216, съѣхавшихся въ Пизу Итальянскихъ и иностранныхъ ученыхъ, присутствовало при открытіи. — Въ Мюнхенѣ, Октября 12-го, открыта конная статуя курфюрста *Максимиліана I-го*, въ присутствіи Короля, и при воинскомъ парадѣ. *Двѣсти* изъцовъ и музыкантовъ воспѣли притомъ народную пѣснь (слова барона Пойсла, музыка капельмейстера Штунце). Огромная Мюнхенская *базлика*, или соборъ, начатой въ 1833 г., совершенно окончена. Его галерея (неф), въ 160 фут. длиною, украшена 68-ю колоннами чернаго мрамора, съ бѣлыми капителями; 120 склеповъ съ погребальною часовнею, находятся подъ церковью. Бенедиктинскій монастырь, принадлежащій къ сей церкви, строится дѣлательно; земля, отведенная подъ садъ монастыря, уже огорожена каменною оградюю.

И читали и слышали мы много о новомъ изобрѣтеніи, посредствомъ котораго можно передавать снимки съ масляныхъ картинъ, въ такомъ совершенствѣ, что самый опытный знатокъ не отличить копій отъ оригинала. При-

знаться: мы не вѣрили — въ нашу *вѣкъ чудеса*, люди выучились и *чудесно* лгать! Но достоверныя известія застаwiająть убедиться въ справедливости слуха. Дѣло вотъ въ чемъ: лѣтъ десять съ ряду замѣчали въ Берлинской галлерей какого-то челоуѣка; каждый день приходилъ онъ, стоялъ передъ Вандиковою Мадонною, и потомъ молча уходилъ. Его привыкли видѣть всегда въ опредѣленный часъ и прозвали *чудакомъ*. Подъ именемъ «чудака» знали его все, хоть никто не зналъ, что это за челоуѣкъ? Теперь открылось, что «чудакъ» изобрѣлъ средство *снимать снимки съ масляныхъ картинъ*; для того-то приходилъ онъ въ галлерей, избравши предметомъ для снимка Мадонну; на память списалъ онъ ее сперва, съ удивительною точностью; потомъ надвѣлалъ съ нея снимковъ, и открылъ свою тайну, не открывая однакожъ своего способа. Въ Мюнхенъ и въ Вѣну послалъ онъ свои снимки, и вездѣ встрѣтили ихъ съ изумленіемъ, а между тѣмъ они стоятъ сущую бездѣлку. Дѣло непостижимое! Стало быть, теперь за 100 рублей какихъ нибудь, вы будете имѣть копію съ Пресображенія Рафаэлевъ, съ Ночи Корреджіо, съ Іероними Доминикина, и такую копію, которую развѣ только глазъ знатока отличить отъ оригинала! Да, вѣдь это будетъ полная революція въ царствѣ живописи! На *темъ* дѣлаются снимки, и въ *темъ* состоятъ снимки чудака? мы не могли понять изъ извѣстій, какія читали. Если снимки его что нибудь въ родъ хромофотографіи — это сущій вздоръ; но не смѣемъ однакожъ ничего сказать рѣшительно. Имя чудака *Липманъ*; онъ искусный химикъ и отличный *копировщикъ* картинъ (что надобно отличать отъ настоящаго живописца-художника). Увлеченный своею идею, которой посвятилъ онъ годы опытовъ и труда, Липманъ забывалъ все другое, дошелъ до крайней бѣдности, жилъ на чердакѣ, что имѣлъ, то истратилъ на опыты, и наконецъ пытался только тѣмъ, что дѣлалъ превосходный сургучъ, который носила и продавала по городу старая его кухарка. Если все это правда, Липманъ можетъ быть причисленъ къ страдальцамъ науки и знанія, и достоинъ славы, которою пользуется нынѣ Дагерръ за свой дагерротипъ. — Въ Свѣ. Пчелѣ прочитали мы однакожъ извѣстіе, сообщенное Издателямъ почтеннымъ академикомъ нашимъ,

А. Г. Вещицановичъ, гдѣ сей извѣстный художникъ *изъясняетъ секретъ Липмана*: Передаемъ здѣсь вполне его изъясненіе, не умя ничего къ нему прибавить:

«Въ Берлинѣ г-нъ Липманъ удивляетъ всѣхъ своимъ картино-печатаніемъ. Одну изъ картинъ его, находящуюся у Е. И. В. Герцога Лейхтенбергскаго, увидѣлъ я, и сперва удивился; начавъ, однакожь ее разсматривать со всѣхъ сторонъ, увидѣлъ и, что она должна быть *происведена восковыми красками*, и потомъ вѣстами поддѣлана кистью. Я рѣшился испытать мою догадку и началъ такимъ образомъ: окрасилъ воскъ въ лиловую темную, лиловую светлую, желтую и темно-коричневую краски; изъ воска темно-лиловаго сдѣлалъ два цилиндрика, изъ желтаго три, длину дюйма въ полтора, а толщиной въ третью дюйма; потомъ, началъ я ихъ свѣпливать, такъ, чтобы они составили форму листочковъ цвѣточки Иванъ-да-Марья; сдѣлавши это, желтые цилиндрики я обложилъ тонко свѣтло-лиловымъ воскомъ; потомъ свѣлокъ вставилъ въ бумажную коробочку, и пустоты ея заложилъ разогрѣтымъ темно-коричневымъ воскомъ, которому давши остынуть, отгнулъ бумагу, и получилъ дюйма въ два кубикъ, у котораго на двухъ противоположныхъ сторонахъ находились цвѣточки Иванъ-да-Марья. Нагрѣвая металлическую пластинку, и кладя на нее бумагу, началъ я прикладывать мой кубикъ съ цвѣточкомъ, и у меня стали печататься на бумагѣ цвѣты, точно такіе, какіе были на моемъ кубикѣ. Не все они были ровны и чисты, отъ того, что неровна была температура пластинки, неровны были держаніе восковаго кубика на бумагѣ и сила прижиманія его къ горячей бумагѣ. Для того нужна приоровка, но дѣло въ томъ, что *изобретеніе г-на Липмана открыто*, и тѣ, которые имѣютъ познаніе въ мозаичныхъ произведеніяхъ, *могутъ печатать картины, перемеживъ свои стеклянныя краски на восковыя*, и приспособивъ ихъ надлежащимъ образомъ. Впрочемъ, я думаю, что способъ сей принести можетъ большую пользу, не печатаніемъ картинъ, а печатаніемъ рисунковъ для фабричныхъ произведеній, гдѣ потребно не столько ученыхъ познаній, сколько варнаго копированія картинъ. Судя по моему кубикъ, могу опредѣлить, что дюймъ пригото-

ной массы для печатанiя узора, или картины, можетъ дать болѣе ста оттисковъ; сколько же дастъ аршинъ!»

О Дагеррѣ все еще продолжаютъ писать во всѣхъ газетахъ, хвалить его, бранить, спорить съ нимъ, дополнять его открытiе. *Дагерротипъ* сдѣлался даже новою вѣтвью промышленности: множество шарлатановъ ѣздятъ съ нимъ по Францiи, громкими объявленiями ссылаютъ *поэтический* публику, и показываютъ ей, какъ *солнце рисуетъ картинку*. Многие отправились въ Англiю, въ Италiю; одинъ *показатель* (montreur) явился даже въ Мадридъ, другой поплылъ въ Америку, третiй въ Царьградъ! — Октября 8-го, въ Петербургъ, г-въ Тереминъ, подполковникъ Путьей Сообщенiя, произвелъ удачный опытъ, снятiемъ черезъ дагерротипъ, въ продолженiе 25-ти минутъ, Исакиевскаго Собора, и этимъ доказалъ, что и подлѣ 60° широты, осенью, дагерротипъ не теряетъ своего дѣйствiя. Императоръ Австрiйскiй прислалъ Дагерру золотую съ брилльянтами табакерку, и золотую медаль, съ надписью: *De arte merito*.

Еще новое изобретенiе: накто, г-нъ Каммюллеръ, выдумалъ машину, которая дѣлаетъ оттиски, какими угодно цвѣтами, буквъ и рисунковъ, на одномъ и томъ же листкѣ, за одинъ разъ. Онь напечаталъ Календарь, на большомъ листѣ, гдѣ число разныхъ цвѣтовъ въ буквахъ простирается до 20-ти, и продастъ его до нѣскольку копеекъ. Известно, съ какими трудами сопряжено было понынѣ типографское печатанье разными цвѣтами. Изобретатель проситъ привилегiи, или награды за открытiе секрета своей машины.

Пишутъ, что какой-то Парижскiй *букканистъ* (или *бухансеръ*, какъ называлъ ихъ покойный И. И. Дидрихъ) купилъ за бездѣлку запачканную, старую картину, ставъ

смыть ее, и открылъ подъ нею лучшее произведеніе Пуссена: *Мадонна съ розами* (*Vierge aux Roses*)! Оно было похищено у живописца маркизомъ Пардальяномъ, которому гордый Пуссенъ не хотѣлъ продать своей картины, и она считалась потерянною. Знатоки въ восторгъ, и кто-то давалъ уже за картину хозяину 50,000 франковъ, но онъ не беретъ. Идетъ споръ о томъ, кто и для чего замазалъ произведеніе Пуссена своимъ мараньемъ!

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ТОРГОВЛЯ.

Почти можно издавать особенную *Газету пароходовъ, пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ*, если сообщать всѣ известія по симъ предметамъ. Вотъ нѣсколько новыхъ новостей изъ множества: на Клейдскомъ каналѣ, въ Шотландіи, 11-го Октября, произвели удачный опытъ, придуманный механикомъ Макейлемъ, тянуть суда паровозами, которые идутъ, берегомъ, по желѣзной дорогѣ; одна машина замѣняетъ 20 лошадей. — Для отвращенія несчастій, при встрѣчѣ пароходовъ съ судами, во время тумановъ, или ночью, капитанъ Смитъ изобрѣлъ особаго рода колоколъ, въ родѣ Китайскаго гонга, который звонкомъ извѣщаетъ о ходѣ и направленіи парохода. — Изъ Англии отправился въ Индію, Сентября 7-го, пароходъ *Вернонъ*, который знатоки разсматривали, какъ чудо искусства; онъ 170 фут. длины; вмѣщаетъ груза до 1000 тоннъ, но машина у него только въ 30 силъ, требуетъ топлива третью меньше противъ обыкновенной и управляется только двумя людьми. При попутномъ вѣтрѣ пароходъ идетъ на парусахъ, которые мгновенно распускаются особеннымъ механизмомъ. Полагаютъ, что Вернонъ въ 7 мѣсяцовъ совершитъ путь въ Индію, впередъ и обратно. — На Темзѣ дѣдали также удачный опытъ движенія пароходовъ, вмѣсто обыкновенныхъ колесъ, какимъ-то винтомъ (*d'une vis qui met en mouvement*). Пароходъ *Архимедъ*, съ такимъ винтомъ, прошелъ противъ вѣтра и теченія Англійскую мидю въ 9 минутъ, 5 секундъ, а обратно въ 4½ минуты. Никакого шума и буровленія воды, столь неприятныхъ на обыкновенномъ пароходѣ, притомъ не было. Машина была по 22 и по 23 раза въ минуту. — Исчислено, что нынѣ паровозы ходятъ

въ Англии: отъ Бирмингэма до Стаффорда, 29 миль, въ 56 минутъ; до Варрингтона 77 $\frac{3}{4}$ миль, въ 2 часа, 40 минутъ; отъ Бирмингэма до Манчестера, 97 $\frac{1}{4}$ миль, 3 ч. 36 м. — Но недавно хотѣли испытать: какая можетъ быть самая брѣвѣйшая скорость паровоза? Одинъ изъ проводниковъ, за большую плату, пустился на паровозъ во всю силу его, съ опасностью погибнуть, и въ четверть часа пролетѣлъ — 25 миль!

Копенгагенскій бумажный фабрикантъ, Олай Зиферсенъ, получилъ привилегію на изобрѣтенную имъ бумагу, на которой можно писать особенными чернилами, потомъ смывать написанное, опять писать, и такимъ образомъ повторять писанье и мытье — сто разъ. Такая смываемая бумага и чернила для нея продаются въ Копенгагенъ, у книгопродавца Г. Г. Винга.

Какъ о доказательствѣ всеобщаго введенія вслѣдихъ мостовъ во Франціи, пишутъ, что тамъ отъ Лиона до Шазона, на разстояніи 30 мѣ, въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, построено черезъ рѣку Сону — шестнадцать вслѣдчихъ мостовъ. Столь дешево обходится нынѣ мостостроеніе, что между маленькими мостечками даже строятъ вслѣдчихъ мосты.

Въ Англии происходитъ недавно экономическая битва, при большомъ пари. Както, богатый Суссекскій фермеръ, г-нъ Соимесъ, объявилъ, что вызываетъ всѣхъ хозяевъ Англии представить сто воловъ и коровъ лучше его. Графъ Спенсеръ (бывшій прежде министръ, графъ Алторпъ) принялъ вызовъ, и по суду знатоковъ, при многочисленномъ стеченіи зрителей, рѣшено, что быки изъ стада графа Спенсера превосходятъ всѣхъ быковъ въ Англии величиною и красотою, а коровы всѣхъ Англійскихъ коровъ и обильнѣе молока. Пишутъ, что графъ Спенсеръ страстный охотникъ до рогатаго скота, и что хлѣвы у него стоятъ цѣлать много богача.

Изъ Франціи пишутъ, что агрономъ Дюмонъ, въ Аббе-виллѣ, употребляетъ на улучшеніе полей *орыховой порашки* (poudrette de poux), успѣлъ возратить земь и мочови необычайной величинны — послѣднюю въ 5 метровъ вышины! Съ радостью прибавляютъ Франгузы, что у нихъ собраніи одного города Розруа потребовалъ до милліона пезаметъ въ годъ *Русской ленки*, прибавляя: Voilà une découverte qui doit nous affranchir de cet assujettissement! А мы и не подумаемъ о выдѣмъ львъ и ленкъ намой!

Въ Швейцаріи хотять понизить озера: *Нефшательское, Биенское и Моратское*, посредствомъ расчистки рѣкъ Аары и Тиле. Полагаютъ, что тѣмъ предохранятъ отъ разлитія упомянутыхъ озеръ, ежегодно опустошающихъ окрестности, и выиграютъ болѣе 50,000 арпановъ хорошей земли.

Китовая ловля, такъ же, какъ и тресковая, по причинѣ бурь, была нынѣшній годъ рѣшительно неудачна.

Бананъ (bananier) доннынъ славился только своими плодами, но теперь открыли, что изъ самаго бананника, размягчая и разбивая его водонистую сердцевину, можно дѣлать превосходную бумагу, гораздо лучше тряпичной. Для Океаніи и Южной Америки открылся еще новый источникъ промышленности.

Дѣла знаменитаго Бельгійскаго заводчика, *Докеридла*, не могли поправиться, и его огромнѣйшее заведеніе въ Седренга положено продать съ публичнаго торга. Торги начнутся 1-го Марта; заводъ оцененъ въ 10 мильоновъ франковъ. Такимъ образомъ, уключенный общественными благодѣями, гибнетъ одинъ изъ послѣднѣйшихъ и предположительно бывшихъ гражданъ Бельгіи!...

Генриэтъ Вилкинсонъ, Лондонскій механикъ, изобрѣлъ ружье, которое называлъ *патентвавилонимъ дорожничнымъ, съ колесомъ* (Patent wheel rifle). Секретъ его состоитъ въ какомъ-то колесцѣ, куда вдругъ вставляется семя патроновъ; колесцо, послѣ семп выстрѣловъ, замкается друтиимъ, такъ, что заряжать ружья ненадобно, а между тѣмъ можно стрѣлять изъ него 28 разъ въ минуту; изъ 328 выстрѣловъ, оно осѣклась на пробѣ только одинъ разъ; частота это надобно послѣ 3,000 выстрѣловъ, а пуля изъ него попадаетъ въ цель на 300 фут. Франц. (105 Англ. ярдовъ)! Какое адское изобрѣтеніе!

Наконецъ — не шутя пишутъ въ *Moniteur Industriel* отъ 6-го Октября, что вѣкто *Дютель* (Dutel) изобрѣлъ машину дѣлать копій съ статуъ и бюстовъ, съ такою вѣрностью, что нельзя отличить копій отъ оригинала. Неужели и въ *Скульптурѣ* произойдетъ такая же революція, какую затѣваетъ Липманъ въ *Живописи*? Впрочемъ, славный Ваттъ думалъ уже о такой статуъ; Коласъ изобрѣлъ уже машину дѣлать снимки съ барельефовъ, а нашъ Якоби замѣнилъ рѣзецъ художника гальваническою машиною. Почему послѣ сего не повѣрять и изобрѣтенію Дютеля?

ГЕОГРАФІЯ И СТАТИСТИКА.

Любопытное извѣстіе о внутреннемъ долгѣ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ (внѣшнато долга у нихъ нѣтъ). Девятнадцать Штатовъ, или областей, съ 1813-го до 1838 года, заняли подъ облигаціи 154,121,003 доллара (долларъ стоитъ 1 р. 35 к. сер.) съ платежемъ отъ 4½ до 6 проц. Почти двѣ трети всей суммы употреблены Штатами на устройство каналовъ, шоссе и желѣзныхъ дорогъ, что все въ сложности стоило имъ донынѣ до 100 милліоновъ. За тѣмъ 50-ть милліоновъ отдѣлено для составленія Банковъ, и вѣдѣне 1 милліона на разныя расходы.

Ссылки на галеры означают для Франціи ужасною тягостю. Считаютъ, что теперь находится во Франціи, въ Брестѣ, Рошеборѣ и Тулонѣ, до 6,250 каторжннхъ. Многие изъ нихъ, по окончаніи срока заторги, сподобно возвращаются въ своиа; и достоверно нечислело, что изъ 10-ти 9-чъ снова впадутъ въ преступленія, потерявши весь сумдъ, всю нравственность и утончившись въ злодѣствя. Французское Правительство рѣшается зивѣсти колонію, по добную Фомаш-Бейской, уничтоживъ каторгу въ пригорскихъ тюрьмахъ и выслать въ море преступниковъ. Мѣстои колоніи избираетъ Новую Гвинію, и Дюмонъ-Дюрвилло поручено для того осмотрѣть подробно Гвинейское побережье.

Исполнское предпріятіе, Кротонскій водопроводъ въ Нью-Йоркѣ длительно приводится къ окончанію, и будетъ открытъ въ 1841 году. Въ Нью-Йоркѣ вовсе не было хорошей воды, и добываніе ея составляло величайшую тягость жителямъ. Потому рѣшились провезти воду изъ рѣки Кротонъ, за 42 мли Англійскія (14 мѣ Франц.). Высота водопровода надъ моремъ 114 футовъ; онъ идетъ черезъ горы, черезъ рѣки, черезъ плантаціи; 4000 человекъ занимаются надъ нимъ съ 1835 года работою; 96-ть милліоновъ кирпичей потребно для окончанія его; черезъ Гудсонову рѣку идетъ онъ по мосту о 15-ти аркахъ, въ 70 и 80 футовъ каждая; въ другомъ мѣстѣ пролегаетъ по туннелю, пробитому въ каменной горѣ на 335 футовъ. Полагаютъ, что весь водопроводъ станетъ до 12-ти милліоновъ долларовъ, и что онъ можетъ потомъ доставить воды до 40 милліоновъ галлоновъ въ сутки; полагаютъ же и галлоновъ, что доставитъ въ утоленіе потребности въ водѣ 10,000,000 человекъ.

Делами, продолжающіи свои обязанности въ Малой Индіи, вместе съ новыми товарищами, Гиб. Лебурдонне, Лавалендъ и Жеберонъ, пишутъ, что они посыланы развѣданы Миссонъ, и двумястами солдатъ новыми

колоннаго храма Дианы, который Страбонъ описываетъ выше Эссемато. Онъ былъ Юническаго ордена, имѣлъ по 13-ти колоннъ по бокамъ, ираморныхъ, по 3 е. 2 д. въ основаніи, каждая, и разрушена была асиметричною. Тамъ сіе отыскавъ великолѣпный фризъ его, гдѣ превосходно изображено сраженіе съ Амазонками, остатокъ древности, совершенно сходный съ Фиталійскими ираморами, за которые, въ 1814 г., Англичане заплатили полмилліона франковъ. — Въ Куль нашелъ онъ остатки ирвинннхъ развалинъ, съ памятниками служенія Минира. Въ Цариградѣ посѣтилъ онъ Соейсую мечеть и Серальскую Библиотечку, которую надлежитъ осмотрѣть подробно. — Въ Абиссинію отправились новые путешественники, инженеры *Гамилъ* и *Ферре*, и естествоиспытатель *Юлій Рухе*. Правительство снабдило ихъ богатыми пособіями. — Въ Лондонъ возвратился извѣстный путешественникъ *Г. Р. Шомбургъ*, обязавшій почти неизвѣстныя донынѣ страны Южной Америки, на иждивеніи Лондонскаго Географическаго Общества. Изъ Гвианы пробрался онъ до истоковъ Эссеквибо, по рѣкамъ Бербису и Котентину. Потомъ достигъ на предѣлахъ Бразиліи горы Курумана, прохалъ къ горѣ Рорайма, и прошелъ на Эсмемальду и Оремонъ; потомъ по Кассикеру въ Санъ-Карлосъ дель-Ріо-Негро, отсюда по Ріо-Негро въ Муру, и по Ріо-Бранко до Курумана обратно. Все странствованіе его продолжалось четыре года. Шомбургъ вывезъ съ собою трехъ Гвианскихъ дикарей и богатое собраніе предметовъ Естествознанія.

Путешественникъ *Дессабль* посѣтилъ и осмотрѣлъ въ Гвианскомъ заливѣ, островъ *Фернадо По*, гдѣ Англичане заводили колонію, и принуждены были оставить свое предпріятіе по причинѣ вреднаго и неслучливаго климата. Тамъ населились теперь сбродные и бѣглые Негры. Потомъ путешественникъ обозрѣлъ островъ *Горриско*, заселенный свирѣпыми черными дикарями, и наконецъ *Денисъ-Вилла*, или *King's-Georges-Town*, на барбадскихъ рѣкахъ *Габона*. Царь Денискій, одѣтый въ бѣлую рубашку, принявъ путешественника весьма ласково, велѣлъ принести маленькія органы, самъ игралъ на нихъ, а также и плясалъ

съ придворными. На другой день явился онъ на корабль въ Английскомъ красномъ мундирѣ, и былъ въ восторгѣ, когда подарилъ ему старыя эпюлеты. На головѣ у него была огромнѣйшая офицерская шляпа, и онъ чрезвычайно дорожилъ и гордился ею.

Вотъ еще любопытное извѣстiе о царствѣ, которое въ неприступныхъ горахъ и лѣсахъ Гвианы, въ соседствѣ Кайенны, основалъ бѣглый Французскій солдатъ *Бонисъ*. Онъ собралъ бѣглыхъ Негровъ, построилъ имъ хижины, обучилъ ихъ военному искусству, и при концѣ жизни могъ выставить до 6,000 воиновъ, что заставило Французовъ и Голландцовъ искать съ нимъ дружбы и союза. Недавно онъ умеръ, и царствомъ его, или колоніею, которая известна подъ именемъ *Бониса*, управляетъ Негритянская Амазонка, вдова его, при пособіи совета изъ избранныхъ стариковъ. Бытъ *Бонисовъ* представляетъ странную смѣсь дикости и Европѣизма, такъ, какъ и религія ихъ есть смѣсь христіанства и идолопоклонства; но они страшны своимъ воинскимъ образованіемъ, а число ихъ полагаютъ до 10,000 человекъ муж. пола.

Мы упоминали о *Сабрильсвой* и *Балленсвой* земляхъ, которые велико изслѣдовать Россу и Крузе. Такъ называются острова, открытыя въ 1838 году, капитаномъ судна; повелѣннымъ отъ торговаго дома Эндербей, во имя начальствѣ шипера Баллена. Шиперь назвалъ своимъ именемъ оную группу острововъ, найденныхъ имъ подъ меридианомъ Новой Зеландіи (163° долг. вост. и 66° 44' шир.). Отправлю, что острова сѣв. широты волюнтарическія, и гора на нихъ извергаетъ дымы. Подъ 117° долг. вост. и 63° 10' широты южной, найдена еще земля, названна по имени корабля *Сабрильсого*. Въ сѣв. части земли обитаетъ Домъ Эндербей, воевая стараясь подвизать географическія открытія съ выгоды и цѣлью промысла. Въ 1832 году, шиперь его, Биско, потерялъ часть острововъ, названъ Шеклаваго архипелага, и главнѣйшую изъ нихъ назвалъ землею *Бразили*, дру-

гія: *Цяпля островокъ Биская* (Biscoe's island), а крайній (подъ 57° шир. и 69° долготы) островомъ *Аделанди*. Съ сего острова видна была даже еще земля съ возвышенными горами. Въ 1833 г. Бискае открылъ островъ, названный имъ *Эндербеевымъ*. Высокая гора на сѣмъ островѣ названа *Кодрингтоновою*, находится подъ 66° 20' шир. и 51° 10' долготы Вост.

Зрѣлища и Музыка.

Что такое слава въ нашъ вѣкъ? Дѣять, ничтожество! Эспартеро побиваетъ Донъ Карлосъ, и — Кабрера вдругъ останавливаетъ его победы и успѣхи! Дагерръ открываетъ гелиографическіе рисунки и — Библиотека для Чтенія однимъ ударомъ уничтожаетъ его славу! Сама Б. для Ч. рѣшается преобразовать Русскій языкъ, гонить *сей, сія, сіе*; все спѣшать писать *это, эти, этоны*, который, чтобы, спѣшать ризводить въ Русскомъ языкѣ галлицизмы и барбаризмы, и — что такое усилія В. для Ч.? *Сей, сія, сіе* снова живы и здоровы, а слогъ В. для Ч. сдѣлался забавою. — Давно ли и Амбургъ, укротитель звѣрей, собиралъ даны денегъ, славы и удивленія — Журналы объ немъ кричали; Жюль-Жаксъ писалъ; Парижане сбѣгались смотреть его, и что же? Еще недавно уведомили насъ, что Амбургъ укротилъ страшнаго льва, котораго Мароккскій Императоръ пріедалъ въ подарокъ Президенту Соединенныхъ Штатовъ, тотъ продалъ его Амбургеру за 18,500 франковъ, обративъ деньги въ пользу бѣдныхъ — такъ было еще недавно, но — слава дымъ въ наше время, и легкомысленные Парижане уже забыли Амбурга! Началось съ того, что явился страшный соперникъ — вѣкто Американоу Картеръ, который привезъ въ Англію новъ Америку богатѣйшій, многочисленный звѣринецъ, и его представленіе осели у насъ олегатическаго Джона Буля! Штуки Амбурга дѣтскія игрушки въ сравненіи съ Картеровыми! Картеръ бьетъ палками и кудакани львовъ и звѣрцовъ, заставляетъ ихъ плясать, запрагаетъ въ колоколъ, задвигать на нихъ верхомъ. Являются товарищи Картера, и нацѣпываютъ, пляшутъ съ львицами кадраны, и пресѣняютъ — Кар-

сторь собралъ страшную массу удивленія и денегъ въ Лондонѣ и переехалъ въ Парижъ, объявляя, что за половинную цену хочетъ онъ уличить тамъ Амбурга. Изъ несчастія, съ Амбургомъ случилась на тотъ разъ бѣда: какой-то упрямый левъ не послушался, разсердился и укусилъ своего повелителя! Во первыхъ — стыдъ; во вторыхъ, рана разболталась, и врачи хотѣли было уже отпилить ногу Амбургу. А между тѣмъ, Картеръ здѣтъ, и — вотъ опять бѣда: къ Директору Сень-Мартенскаго театра, гдѣ Амбургъ давалъ представленія, являютя два молодые Француза, объявляютъ, что они узнали секретъ Амбурга, что онъ просто шарлатанъ, и что если дадутъ имъ 200,000 франковъ, они готовы представить весь его штуки съ его собственными львами и тиграми. Директоръ взбѣсился и отказалъ. Дерзкіе напечатали о томъ въ газетахъ, и весь Парижъ расхохотался; на счетъ Амбурга и Директора посыпались сатиры, насмѣшки, а въ это время — Картеръ прибылъ] въ Парижъ. Разумѣется, за славой-то Амбургъ не погнался бы, но та бѣда, что весь Парижане бросились теперь къ Картеру и Сень-Мартенскій театръ опустѣлъ — Директоръ его повѣсилъ носъ, и только одинъ человекъ радуется бѣдѣ Амбурга — Англичанинъ, который ударился объ закладъ, что звари когда нибудь съдѣять Амбурга. Когда левъ укусилъ его, любезный Англичанинъ вспрыгнувъ отъ радости и запѣлъ: «Да здравствуетъ биштекъ старой Англій!». И можно ли повѣрить, что *такіе* вздоры занимаютъ публику двухъ столицъ, что объ этомъ вздорѣ пишутъ, говорятъ, кричать! — Но исторія Амбурга недоказательство ли ложности славы въ нашъ вѣкъ? Не доказательство ли она, что слава только яркая заплата? Впрочемъ, Амбургъ, и не зная стиховъ Пушкина, зналъ что въ нашъ вѣкъ нужно *злата, злата, злата*, и постарался запастьсь имъ, пока на его штуки смотрѣли и звали въ Лондонъ и Парижъ. Теперь ему не такъ-то горько будетъ, если даже и отпилить у него ногу и отобьютъ славу...

Есть вѣрное средство всегда уметь добрыхъ людей, и тутъ нужно не великое, не изящное, а *новое!* На такую

удѣлку всегда попадаетъ любовитство людской Буди-ведуть,
да новость, и — дѣло кончено; народъ сбавовенъ и славаго!
Въ Москвѣ народъ бравъ иновѣда на ономовъ, какъ мнѣ-
онъ иновѣда и новыи:

Что въ Москвѣ за удивленье?

Что за новое явленье?

Что дивится такъ она?

Привели въ нее сама!

А помните, какъ мы сами сматривали *Жакъ, Обрису собаку, Русалку?* — По крайней мѣрѣ, Французскій композитеръ Берліо постигъ тайну увлеченія новостью, и недавно успѣлъ увлечь полное вниманіе Парижанъ. Видя, что съ своими плохими операми ему не угоняться за Мейерберами и Россини, онъ рѣшился сочинить *музыкальное зрѣлище* новаго рода, и восхитилъ Парижанъ своею *Ромео и Юлія*. «Что это такое?» спросите вы. — Это, М. Гг., *концертъ, составляющій собою Драматическую симфонію, съ хорами, соло, прологомъ и гармоническимъ речитативомъ; сочиненный по Шекспировой трагедіи г-мъ Берліо; слова Эммы де-Шаца*. Сначала идетъ *прологъ* — интродукція, хоръ, арія, хоръ. Потомъ поютъ, играютъ, опять поютъ, а въ заключеніе всѣ поютъ и играютъ, когда Юлія встаетъ изъ гроба, ибо Берліо не морить, но женить любовниковъ, при помощи волшебницы Мабы. Если и правда, что въ сочиненіи Берліо точно есть: много красотъ музыкальныхъ, идея его уродство музыкальнаго искусства, уродство драмы, Шекспира и вкуса! Но Парижане въ восторгъ; хвалятъ, бѣгаютъ слушать Берліо, кричатъ: *La symphonie de Romeo et Juliette fera époque. C'est l'avenement d'un nouveau genre enrichi des plus grandes ressources, qui demandera toujours l'union d'un musicien poëte, et d'un poëte qui comprendra les besoins de la musique, и проч. и проч., что, вѣроятно, отзовется и у насъ.*

ЛИТТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Утренняя Заря, альманахъ г-на Владиславлева, вышелъ, но мы еще не выдали его, ибо онъ не поступилъ въ про-

дану, и разогнаны второстепенными подписчиками, которыми, при благодетельной помощи владельца, удалось собрать около тысячи (шесть тысяч, как бы слышали). Удовольствие требовали и губники и книгопродавец, издатель печатать альманах вновь.

А. Ф. Смирдин объявил о подписке на 2-й том *Стихотворений Антония Маркова*, содержание которого будет интересно не только первого, а издание превзойдет первый большою тщательностию обработки картин. Подписка продолжается только по 1-е Марта; книга будет отпечатана потом по числу подписчиков, и раздана в Мав, перадресованная в Английскую банку, а в обыкновенную продажу поступать она в Августе, тогда поучения уже вторых отписок картинных из Англии, где они гравированы и печатаются. А. С. Шенников, И. А. Крылов, М. Н. Загоскин, В. И. Панаев, Ф. В. Булгарин, А. Ф. Вельтман, К. П. Масальский, Н. Н. Надеждин, П. П. Камениский и Н. Н. Веревкин (Рахминский) — вот авторы, сочинения и портреты коих будут во 2-м томе, который сверх того будет заключаться повестью Барона Брамбеуса, и составить книгу листов в сорок, если не более. Картинки превосходны; они рисованы опять К. П. Брюловым, А. П. Сапожниковым, Графом Ф. П. Толстым, А. П. Брюловым; и г-ни, Зеленцовым Дезарно и Шевченко. Не жалки трудов и издержек, почтенный А. Ф. Смирдин готовить уже материалы на 3-й том, для 1841 года. Там будут В. А. Жуковский, Князь В. Ф. Одоевский, и другие известные литераторы наши; изъявлившие полное внимание и участие къ прекрасному предриятію и ревности издателя.

Въ (№ 224) С. П. Б. Вѣдомостей читали мы статью г-на Шмидта противъ почтеннаго хиволога нашего, О. Такинеа. Дѣло идетъ о знаменитой Чингисъ-Хановой надписи, которую все мы видѣли на Выставкѣ, и подлѣ нея видѣли переводы г-на Шмидта и еще другой, новый. Чтожь тутъ за бѣда? Переводъ Шмидтъ невѣренъ! Переводъ сдѣланъ О. Такинеомъ! Опять, еслибы и такъ — что за

беда! Нетъ! Г-нъ Шмидтъ утверждаетъ, что заматинскъ Чингисъ-Хана «дороже ему, болѣе важнее кому либо другому въ Россіи»; что все дѣлаютъ теперь переводы съ его перевода; что новые переводчики сальфанды; что для нихъ надпись *тарабарская грамота*; что переводчики *отомыт самыми сильными ударами мадьяки*; что они *безбожно коверкаютъ и искажаютъ надпись*. Наконецъ, что О. Іакинъ, съ какинъ-то *каваломъ*, соперничаютъ съ нимъ г-нъ Шмидтъ; что О. Іакинъ давно замеченъ въ *недостаткѣ крѣпости и ученого образования*, а теперь *поправъ своего славу!* — И все отъ того, что О. Іакинъ передалъ г-ну Комарову переводъ надписи, привезенный имъ изъ Кяхты, а г-нъ Комаровъ, имѣя любопытную новость, поставилъ сей переводъ на Выставку, даже и не извѣстивъ о томъ О. Іакина, какъ смѣлъ онъ о томъ обдѣснаться (*Съв. Пчела, № 246*). Не говоримъ уже, имѣлъ ли право г-нъ Шмидтъ ущемлять объ О. Іакинѣ, когда имени его не было сказано. Но зачѣмъ прибавлять къ его имени все, что нами выше сего выписано? Уличите въ неварности дѣла — такъ, но, и только! И что за непогражденность въ работѣ? Что за монополія въ томъ, или другомъ родѣ занятій? Мы сами видали знатоковъ Монгольскаго языка, которые находили погрѣшности въ трудахъ г-на Шмидта, да и самъ онъ въ вышеизвѣстномъ переводѣ уже отступаетъ отъ прежняго перевода. И почему надпись Чингисъ-Ханова ему *дороже, нежели другимъ*. Если такъ, почему бы не спасти отъ гибели десятки другихъ надписей, которыя гибнутъ теперь въ Сибири, а только заботиться о томъ, чтобы никто послѣ него не переводилъ надписи, имъ переведенной, хотя ее знали и перевели гораздо прежде его г-на Шмидта! Кстати скажемъ здѣсь, что намъ обещали прислать изъ Сибири замѣчанія на Грамматику г-на Шмидта, которая оказывается также не совсѣмъ непогражденною.

Мы получили любопытный запросъ, который переданъ къ сведѣнію г-дѣ Химологовѣ, нашихъ. Одинъ почтенный диттераторъ пишетъ къ намъ между прочимъ: «теперь у

насъ въ Россіи: три Хиолога, равно достойные уваженія, и, къ удивленію, все они принимаютъ различное правописаніе въ иеніяхъ и словахъ Китайскихъ. Чему же намъ верить? Читавши Граматику О. Ганнова, я готовъ былъ согласиться съ нимъ: но самъ я дала не знаю, а между тѣмъ съ нимъ, не соглашаются О. Данилъ и г-нъ Липовцовъ, писавшіи для Энци. Лексикона? Нельзя ли вамъ черезъ журналъ нашъ довести мое мнѣніе и сомнѣніе до почтеннаго Хиолога нашихъ, и попросить ихъ разрѣшенія для дала весьма любопытнаго, и котораго сами мы безъ нихъ рѣшить не можемъ?» — Исполнится желаніе почтенной особы, и надеюсь, что справедливое требованіе его nebudeтъ оставлено нашими Хиологами безъ отвѣта.

Вообще у Критики нельзя и не должно отнимать права — украшать иногда свои замѣтки солью остроумія, но жаль, если она пересыпаетъ ихъ иногда горькою солью нарѣкавій безъ доказательствъ и насмѣшкою незаслуженною. Вотъ, недавно встрѣтили мы тому два примѣра:

1. Въ *Спб. Вѣдомостяхъ* (№ 250, стр. 1133), нѣкто, разбирая *Лѣтнюю прогулку по Финляндии и Швеции, г-на Булгарина*, указываетъ на того, другаго, и наконецъ: «вздумалось ли вамъ — говорить — посвятить классическія страны древняго міра? Г-нъ Давыдовъ познакомитъ васъ съ Греціею, а Г. Всеволожскій, въ угоду вамъ, пожалуй, перенесетъ цѣлые города и селенія съ мѣста на мѣсто, чтобы вы лучше рассмотрѣли ихъ, и чтобы положеніе ихъ было подживописнѣе?» — Очень хорошо; но не угодно ли критику подумать, что его обвиненіе, падающее на почтеннаго нашего соотечественника, есть обвиненіе безъ доказательствъ? Не угодно ли ему подкрѣпить слова свои примѣтами *переноса городовъ*, взятыми изъ книги г-на Всеволожскаго? Иначе, каждый благомыслящій читатель посчитъ его слова — по крайней мѣрѣ, пустою шумною, которая обращается на самого того, кто шутить литературною извѣстностью другикъ.

2. Въ В. для Ч. (книжка X, отд. VII, стр. 92), мы нашли статью: «*Судьба, повѣсть сочиненія Наполеона*, раз-

сказанная Королевой Гертеной (в) имъ Императору Александру I. — *вѣкъ* начинается эта повесть: «Что *стало* съ переводомъ Записокъ Герцогини Абрантесъ, который *началъ* было выходить въ Москвѣ..... Врѣмя, мы его уже не увидимъ. Во такомъ *исключномъ* случае *извлечемъ* изъ *вѣтъ* слѣдующій *разказъ*, который *долгъ* отчасти *вознаградитъ* насъ за общаесяе *полное* твореніе.» Слѣдуетъ повѣсть, будто бы *разказанная* Ницолеономъ, и *будто* бы *помѣщенная* въ *Запискахъ* Герцогини Абрантесъ. О повѣсти *поговорили* послѣ, и *сверши* *заключилъ* В. для Ч., что если она берется *судить* и *думать* *другихъ*, то *должна* быть *верна* *истинна* и *логична*, *а* *здѣсь* *грѣшитъ* она *противъ* того и *другого*.

Во-первыхъ, Русскаго перевода Записокъ Абрантесъ *вышло* уже 15-ть частей, и *остаеся* издать только *одну*, *последнюю* часть его, которая *задержалась* *печатаньемъ* по *причинамъ* *независающимъ* отъ *переводчика*, но *вскорѣ* *выйдетъ* въ *свѣтъ*. Слѣдственно, *сожалѣніе* В. для Ч., *выражаемое* *словахъ* *сталося* и *началъ* было, и *печальный* *случай*, и *впрямую* *словами*: *не увидимъ*, и *общаесяе* твореніе, *суть* *ошибки* *противъ* *истины*, *точно* *такъ*, какъ *всѣ* *выписанныя* *нами* *строчки* *исполнены* *ошибокъ* *противъ* Русскаго *языка*. Вольно не *видать* и *не* *знать* ни *того*, ни *другаго*!

Во-вторыхъ, если вы *переводите* повесть изъ *Записокъ* Абрантесъ, какъ же *называть* *переводъ* *вашъ* *извлеченіемъ*? И *наконецъ*, *есть* ли *логика* въ *выводъ*: «Переводъ З. А., издаваемый въ Москвѣ, не *выходитъ*, и «потому *помѣщаемъ* мы въ *вознагражденіе* *насъ* въ В. «для Ч. повесть изъ *этихъ* *Записокъ*?» Кто *такіе* *эти* *насъ*? Не вы ли сами, почтенная В. для Ч.? А ужь, *варно*, не *читатели* *Записокъ* Абрантесъ, по *Русски* и по *Французски*, что мы *осмѣлимся* *доказать* *вамъ* *сей* *часъ* — *назвините*: *этотъ* *часъ* — *которое* *доказательство* *не* *будетъ*, *какъ* *впрямъ* *свидѣтельство*, *чтобы* *быть*, *конецъ* *концовъ*, *осмотрительнѣе* въ *вашихъ* *приговорахъ*. *Послушайте*:

1. Повесть *Судьба* — *вообще* *вѣтъ* изъ *Записокъ* Абрантесъ, а *помѣщена* она въ *Histoire des salons de Paris*, изданныхъ Г. А., въ VI-мъ *тома*, въ *отделеніи* *Salon des Princesses de la famille Imperiale*. Какъ же *извлече-*

какъ изъ *Замѣтокъ* то, чего тамъ вовсе нѣтъ? Владъ можно подумать, что В. для Ч. не читаетъ книгъ, о которыхъ говорить, и извлекаетъ изъ нихъ, не посмотрѣвши ни ихъ названіе!

2. Новостью *Судьба*, вы, вознаграждаете насъ, какъ новостью, но, къ сожалѣнію, новость эта уже 12-ть лѣтъ известна Русской публикѣ: она была напечатана въ 1-й книжкѣ *Московского Вѣстника* на 1827 годъ. Плохое вознагражденіе!

3. Наконецъ, если вздумается вамъ, почтенная Б. для Ч., опять извлечь что нибудь изъ сочиненій Абрантесъ, пожалуйста вы бѣднjacky — она ужъ умерла; за что обижать ее, выдавая уродливое сдѣлание это, которыхъ и чшобы за передачу ея сочиненій, гдѣ почти главное достоинство составляеть прелеотный, щегольскій слогъ! Развернешъ на удачу Французскій подлинникъ и прочтемъ нѣсколько строкъ!

Giulio, les yeux attachés sur cette vision évoquée pour lui par l'enfer, n'en peut détourner sa vue. Le souvenir de la sibylle pâlit devant ce visage d'ange, cette taille de vierge, si pure dans tous ses contours; Giulio, jusqu'à cette heure, a vu bien des femmes jeunes et belles, aucune n'a touché une des cordes de son cœur.. Le regard de celle-ci ne s'est pas levé sur le sien, et son cœur bat en pensant à ce qui vient de se passer. Ah! c'est que la magie de l'amour vrai a une puissance inconnue à tout ce qui touche vulgairement le cœur. Celui de Giulio a somméillé jusqu'à présent; c'est en voyant Thérèse qu'il vient de s'éveiller. — Cette femme passionnée, cette femme, belle comme la plus belle des vierges du ciel, cette femme est donc l'ange de perdition qui doit accomplir l'oeuvre de la destinée. Déjà Giulio voit la première partie de la prédiction de la sibylle: Amour sans bornes!... et lui aussi l'aime de toutes les forces de son âme...

Довольно. Какъ переведено это, въ Б. для Ч.? Читаетъ:

Владъ на это видѣніе, прѣдлинкое самъ адомъ (évoquée pour lui par l'enfer?), дауше не вога отвѣсти отъ него зора (l'âme est ébranlée)

По Русски ли можно? Воспоминаніе о Сивиллѣ, бывшаю при видѣ этой величественной *осапки* (*ce visage d'ange, cette taille de vierge, si pure dans tous ses contours?*). Джулио и прежде видалъ прекрасныхъ женщинъ (*jeunes et belles?*), но ни одна изъ нихъ не *потрѣсла струны* его сердца (*n'a touché une des cordes de son coeur?*); (?) а эта, эта жемчужина первая *заставила его трепетать* (что тутъ такое? Неужели то, что говорится по Французски: *Le regard de celle-ci ne s'est pas levé sur le sien, et son coeur bat en pensant à ce qui vient de se passer?* Зачьмъ Б. для Ч. выпускаетъ потому слѣдующую милую фразу подлинника; *Ah! c'est que la magie de l'amour vrai a une puissance inconnue à tout ce qui touche vulgairement le coeur* — не понимаями? Это потому, что до этой поры страсть *дремала* въ сердцѣ Джулио; при встрѣчѣ съ Терезой, она *пробудилась* (но по Русски *пробуждается* только то, что спало, а *дремать* не значитъ еще *спать*, да и по Французски поставлено: *a sommeillé et vient de s'éveiller*). Эта страстная женщина, которая такъ пламенно любитъ Джулио, *должна была орудіемъ судьбы, опредѣленной ему судьбою...* (такого вѣроваго переводятъ, въ Б. для Ч., Французское слово — *est donc l'ange de rédemption, qui doit accomplir l'oeuvre de la destinée?*) Джулио видитъ уже исполненіе первой части предсказанія Сивиллы: *безпредѣльная любовь!... Да! (et lui aussi?) уже любить ее всею душою...*

Опять и здѣсь повторимъ; *довольно!* Положимъ, что помѣстивши въ двадцати четырехъ строкахъ *самъ разъ* — это, это, этотъ, Б. для Ч. придала тамъ большую прелесть речей своей, но — спрашиваемъ: *такіе* переводы неужели *вознагражденіе* читателей за то, что не выходитъ Русскаго, перевода Записокъ Абрантесъ, о чемъ никогда и не думалъ просить почтенную Б. для Ч. переводника ихъ? Врядъ ли!...

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ

Опыты взрыва потонувшихъ судовъ, посредствомъ галванизма, предлагаются теперь въ болѣебольшомъ размѣрѣ къ очищенію Спитидской гавани отъ 108-ми-пудовнаго корабля *Король Георгъ*, потонувшаго тамъ въ 1782 году. Примеръ былъ неслышанный въ летописяхъ мореплаванія: въ гавани, среди благо дня, готовясь къ отплытію, съ 800 человекъ экипажа, съ адмираломъ, съ множествомъ костей, прихавшихъ проводить родныхъ извѣдомыхъ, упо-

минуты корабля; по неосторожности одного из офицеров, пошла ко дну и потонула, такъ, что адмиралъ, и — лихимъ командою экипажа, офицеровъ и пассажировъ погибли; спаслось не более 300 человекъ. Полковникъ Паслей взрываетъ теперь по частямъ корабль, плавущимъ семь летъ лежащимъ на дне моря, и уже много удалась ему достать изъ морской бездны.

Въ Булони дѣлали опыты, такъ называемыхъ, fusées de sauvetage, ракетъ, привязываемыхъ къ пустымъ цилиндрамъ, которыя можно пускать съ берега въ море; дабы утопающіе при кораблекрушеніи могли хвататься за цилиндры, держаться съ ними на водѣ, и дать черезъ то средство спасти себя. Изобрѣтатель, нѣкто Руджіери, успѣлъ уже достигнуть до того, что ракеты его падаютъ въ морѣ на разстояніе 265 метровъ отъ берега. Но онъ надеется достигнуть до 400 метровъ, и придумалъ еще спасительную бомбу, могущую летать на гораздо дальнѣйшее разстояніе.

Итальянскій астрономъ и оптикъ, графъ Декупписъ изобрѣлъ стекло, сквозь которое можно смотреть на солнце; хотя оно является притомъ бѣлымъ, и небо совершенно свѣтлымъ, но зрѣніе отъ того не страдаетъ.

Объ отвагѣ Греческихъ пиратовъ можно судить по слѣдующему происшествію: страшный пиратъ Макри, содержавшійся въ Негропонѣ, въ тюрьмѣ, рѣшился воспользоваться минутою прогулки, которую ему иногда позволяли, бросился на стражу съ товарищами, сбилъ нѣсколькихъ изъ нихъ съ ногъ, и до тѣхъ поръ дрался отчаянно съ остальными, пока его и товарищей его не перестрѣляли изъ ружей, причемъ пираты умертвили двухъ вооруженныхъ ружьями солдатъ.

Учашшимъ примеромъ добраго дѣла, гдѣмъ разнѣзу а буйство и мѣдѣства и отчаяніи. Въ Стокгольмѣ, на ярмо-занію Короля, торжественно повѣрованы были канцлеръ *Амико*, поручикъ *баронъ Фалкенбергъ* и рядовой солдатъ, уговѣвшіе при спасеніи погибавшихъ въ гавани людей: *Винбекте* отряды, и всѣ генералы и офицеры, находящіеся въ Стокгольмѣ, слѣдовали за требованіемъ жерты добродѣтельнаго подвига.

Въ Веймутѣ, при отливѣ моря, вдругъ воды, съ ужаснымъ шумомъ, двинулись снова на берегъ, но мгновенно хлынули назадъ, хотя море было притомъ спокойно, и ничѣмъ недѣла было объяснить причины такого страннаго явленія. Тоже замѣтили въ Голтѣ, 17-го Сентября, но здѣсь море было возмущено мгновеннымъ порывомъ вѣтра, хлынуло на берегъ, вдругъ опять отошло на крайній предѣлъ отлива, снова ударило въ берегъ, и наконецъ пошло на спадъ, обыкновенный, а вѣтеръ стихъ совершенно. — Отъ землетрясеній въ Швейцаріи поколебалось нѣсколько ледниковъ; огромныя лавины падали съ горъ, и Рона выступила изъ береговъ въ Валезской области. — Октября 22-го, въ Парижѣ было столь яркое сѣверное сіяніе, что многіе почли его за пожарное зарево; полная луна сіяла въ то же время съ другой стороны и огненные метеоры летали по небу. Зрѣлище было удивительно прекрасно.

Въ 1691 г. умеръ въ Голландіи намѣстникъ Бреды, генералъ *Т. Мизгеръ фонъ-Вейбномъ*, и завѣщалъ наследникамъ, жившимъ въ Германіи, имѣніе въ 20-ть милліоновъ. Объявленія имъ о томъ не было тогда сдѣлано, и только въ 1835 г. получили списокъ съ духовной своего предка Вейбномы. Они изъявили претензію и завели теперь процессъ, хотя за давностью лѣтъ и можно бы почесть дѣло рѣшеннымъ. — Вотъ еще забавный процессъ: купецъ *Тиллеманнъ*, въ Брюсселѣ, былъ долженъ по векселю 428 фр., и когда пришли требовать съ него денегъ, онъ взялъ вексель, проглотилъ его и отрекся отъ платежа. Кредит-

торъ закричалъ; съжался народъ; дѣло предано разбору судебному.

Въ городѣ Турне (Тоугнаі) живетъ нѣкто г-нъ *Гессерландъ*, и пишетъ исторію своей родины, которая *должна* составлять, ни болѣе, ни менѣе, какъ 114 *томовъ*! Авторъ уже ослѣпъ и состарился, но принялся за 115 *томъ*, и диктуетъ его. Вотъ должна быть *подробная исторія*! Но сколько послѣ того надобно *томовъ* для исторіи Парижа, Франціи, Европы, цѣлаго міра? и сколько времени, чтобы прочитать такую *всемирную Исторію*?

Четвертая часть хлѣбниковъ и булочниковъ Парижскихъ — *мошенники*! Доказательство неоспоримое: ихъ всего считается 600, и 149 изъ нихъ забраны были полиціею и преданы суду, когда полиція сдѣлала нечаянную, общую обревизовку; у однихъ хлѣбы оказались съ *недовѣсомъ*, у другихъ съ *примѣсью*, и проч. и проч.

Театръ Королевы, въ Лондонѣ, продается съ публичнаго торга, ибо онъ не окупаетъ себя, а Правительство не хочетъ терпѣть отъ него убытковъ. Богачъ Агвадо, управляющій уже Парижскою *Королевскою Академіею Музыки*, вмѣстѣ съ директоромъ ея, Дюпошелемъ, торгуются, и хотятъ соединить управление Парижскихъ и Лондонскихъ театрами. Противъ него явился Итальянскій богачъ Барбаджа. Весь музыкальный и модный міръ Лондонскій ждетъ рѣшенія спора ихъ съ нетерпѣніемъ.

Какой-то молодой врачъ, въ Дублинѣ, влюбился въ дочь богатаго помѣщика. Отецъ прогналъ его, увезъ дочь въ деревню, окружилъ ее стражею, и близко не *дозволялъ* под-

пускать никого къ своему дому. Вдругъ умираетъ у него кто-то; привязаетъ похоронная телѣга, или дроги, и увозитъ гробъ съ мертвецомъ. Но въ гробъ лежалъ живой мертвецъ — дочь помѣщика! Новая Юлія ожила въ объятiяхъ своего Ромео и обвѣнчалась съ нимъ въ ближнемъ городѣ.

Въ Англии славится теперь ловкостью водолазъ *Динъ*, сынъ также знаменитаго водолаза; при помощи какого-то особеннаго снаряда, онъ можетъ пробыть подъ водою три часа. Недавно осматривалъ онъ, подъ распоряженіями инженера Валкера, подводныя основанія Гронтенскаго моря. Многочисленное, блестящее общество присутствовало при томъ. *Динъ* безпрестанно нырялъ въ море, и прямо со дна моря доставалъ живыхъ устрицъ; Герцогъ Буклейгъ, притомъ находившійся, покупалъ ихъ у него, платя по червонцу за каждую, немедленно раскрывалъ самъ, и подчивалъ ими дамъ, которыя были въ восторгѣ отъ такого необыкновеннаго завтрака изъ кухни Океана.

Если вы вѣрите *магнетизму*, и хотите всегда имѣть у себя въ запасъ магнетизмъ, повзжайте въ *Электро-магнетическій Институтъ*, въ Малой Морской, въ домъ Кувшинникова, № 10, и купите тамъ себѣ *электро-гальванико-магнетическій поясъ*, или *повязку*. Можете вѣдти съ ними куда угодно, отправлять ихъ по почтѣ — сила магнетизма никогда изъ нихъ не исчезнетъ, а вы безопасны отъ спазмъ, мигреней, нервическихъ припадковъ, отъ всего, чѣмъ бывають нездоровы здоровые люди. Если вамъ скучно, неловко носить поясъ, или повязку — можете купить маленькое, красивое *колечко электро-магнетическое*; оно стоитъ бездмилцу — всего *20 рублей*, а спасетъ васъ отъ мигреней и спазмъ. — «Какъ? Колечко? Да, это очень мало — c'est charmant!» — Точно такъ, Мм. Г., и если вы не вѣрите, то мы передадимъ вамъ ученое объясненіе такого важнаго предмета. Слушайте: «Если электрическое

дѣйствіе магнетическихъ колечекъ въ нервическихъ припадкахъ (*affections nerveuses*) и довольно слабо, но какъ оно развивается (*se développe*) непрерывно и постоянно, то и оканчивается тѣмъ, что въ продолжительномъ времени дѣлаетъ *положительные результаты* (*des résultats positifs*). Особамъ, опытнымъ въ знаніи электро-магнетизма, известно, что дѣйствіе можетъ быть здѣсь произведено *гальвано-магнетическою комбинаціею*, какъ малъ ни былъ бы снарядъ, но если только, составленный изъ самыхъ чистыхъ магнетическихъ и гальваническихъ металловъ, онъ будетъ заключать въ себѣ дѣйствующіе элементы сихъ двухъ великихъ силъ. Усилить и поддержать *коэрцитивную* магнетическую силу гальваническимъ потокомъ, который раскрываетъ въ немъ нечувствительное испареніе, или *транспирація* чловѣка сквозь кожу его, взято здѣсь, какъ проводникъ, въ основаніе состава колечекъ, въ слѣдствіе теоріи Эрштедта, Ампера и Фарадея. И если колечки и не могутъ утвердить на нервическую систему столь быстрыхъ *эффектовъ*, какъ пояса, не могутъ быть и великимъ пособіемъ въ важныхъ припадкахъ, то, по крайней мѣрѣ, ихъ употребленіе безвредно, и представляетъ большіе *шансы* для облегченія (*des chances de soulagement*) отъ множества легкихъ нервическихъ аффектацій, столь обыкновенныхъ въ Россіи (*pour le plus grand nombre des affections nerveuses légères, si communes en Russie*), и могутъ быть полезны, какъ вспомогательное средство при другихъ средствахъ.» — Неужели послѣ такого яснаго и подробнаго объясненія, вы еще покажете бездѣлки за чудесное *магнетическое колечко*? — Кстати: не страдаете ли вы *индижестіею*, или труднымъ и *лѣпнивымъ* пищеваженіемъ (*la digestion difficile, ou ratasseuse*)? Не бываете ли вы, послѣ обѣда, какъ говорится у Дмитріева, «не то чтобы больны, не то чтобы здоровы?» — Купивши магнетическое колечко отъ мигрени, зайдите въ аптеку Типпера, что подлѣ Полицейскаго Моста, и купите тамъ — *Дижестивнаго Буссанова вина* (*Vin digestif de Bussang*): оно стоитъ также самую сущую бѣдѣлку — *десять рублей* за небольшую бутылку, и какъ рукой сниметъ у васъ всю вашу *желудочную вѣтродіетію* (*embarras de l'estomac*). Его готовятъ въ Манцѣ, съ равъ

ними минеральными продуктами, а пить его и *передъ* обѣдомъ, и *послѣ* обѣда — *передъ* обѣдовъ облегчить пищевареніе, а *послѣ* обѣда, чтобы работу желудка (*avant -- pour faciliter la digestion -- après -- pour en accélérer le travail*). Надобно въ Мм. Гг., что во Франціи увидите въ это вино на столахъ, *comme un excellent apéritif*, а *воляжеры* въ немъ средство, укрѣпляющее противъ холода. *послѣ* того не покушать и не пить чудеснаго вина чемъ, индигестинъ вашей пособятъ и *лепешки* (pastilles de Bussang). Онѣ вивють такія же какъ и вино, приготовляются изъ соды, магnezинъ особеннаго драгоценнаго *жельзнаго карбоната*, а — только *пять рублей* за красивую и премилую бочку! Если вы будете принимать ихъ *avant et après* обѣда, по 6, 7, 8-ми лепешечекъ за разъ — увидите чудесное дѣйствіе!.... Право, такъ, Мм. Гг. не изъ чего васъ обманывать!.... Купите и испытайте

Кто не знаетъ, что въ Англіи можно купить и жену? Недавно былъ такой случай въ мѣстечкѣ Ротинъ, неподалеку отъ Шеффилда: мужъ вывелъ свою жену свою, какъ велитъ обычай, съ веревкою на громогласно объявилъ о продажѣ ея, и продалъ ее *индигестинъ*, среди толпы народа, въ торговый день покупатель принялъ покупку и отправился съ нею въ *Шеффилдъ* по желѣзной дорогѣ.

Въ Сентъ-Омерѣ показываютъ чудесный агатъ, у него жидки такъ расположены, что образуютъ портъ Генриха IV-го. Сентъ-Омерцы чрезвычайно дорожатъ имъ агатомъ, и каждому приѣзжему тотчасъ спѣшатъ разсказать о драгоценной радности своего городка. Въ старину у насъ дорожили *единороговыми* перстнями, и каменьями, которые называли *кошечій глазъ* и *могосикъ* (

опала и халцедона). Моховиками называли халцедоны, въ которые заплыли травки и листики, и воображеніе придавало имъ формы людей, зверей, зданій. Мы видали одинъ моховикъ, въ которомъ хозяинъ находилъ изображеніе Кана и Авеля; мы не хотѣли лишать его приятной мечты, хоть, правду сказать, вовсе не замѣчали въ моховикъ его изображенія сыновей Адама.

О дѣятельности корреспонденціи между Англіею и Америкою можно судить потому, что на пароходъ *Great-Western*, пришедшемъ въ Англію изъ Нью-Йорка въ началъ Октября, привезено было вдругъ — *10,000 писемъ!* За провозъ ихъ заплачено было *2,500 долларовъ.*

Странный споръ случился недавно въ Бельгіи. Надобно знать, что контрабанда на Французской границѣ вышла тамъ изъ всякихъ предѣловъ. Вообразите, что изъ Франціи ежегодно отпускаютъ въ Бельгію шелковыхъ издѣлій на 10-ть и на 12-ть милліоновъ, но по таможеннымъ Бельгійскимъ свѣдѣніямъ насчитываютъ привоза ихъ всего только на *два милліона!* Следовательно, *четыре пятыхъ, или пять шестыхъ* долей, провозится контрабандою. Бельгійскимъ тамошнямъ приказано удвоить и усилить осторожность. Замѣтили, между прочимъ, что часто провозятъ въ Бельгію позолоченныя дорогія рамы, вставляя въ нихъ дрянныя картины, а какъ съ произведеній Изящныхъ пошрины не берется, то рамы, следовательно, провозились безъ пошлинъ. Вотъ является какой-то живописецъ въ Кіевренскую таможню. «Что такое у васъ?» — Картина. — «Покажите.» — Открываютъ ящикъ — точно кака-то картина, и на ней раззолоченая, богатѣйшая рама. — «М. Г., вы должны заплатить пошлину за раму.» — На произведенія Изящныя, по тарифу, нѣтъ пошлинъ — говоритъ живописецъ — вотъ, читайте сами: *Les cadres des tableaux ne doivent pas....* — «Знаю, знаю, но прочтите, что дальше:

«А если по осмотру окажется, что провозить ничт картину, дабы избѣжать пошлнны съ рамы, то по брать».... — Но, м. г., моя рама вся стоитъ 100 фразъ моя картина.... — «А ваша картина 25 франковъ мазанье, дрянн!» — Какъ? — И живописецъ взбѣсилс чался шумъ; чуть не подралс. Дѣло шло теперь у обь пошлннъ, но обь оскорбленіи славы, вкуса, художника! Таможня ничего не слушала и заарест картину; живописецъ подалъ просьбу, и дѣло о т дрянной ли онъ мазилка, или великій художникъ? въ ствіе таможеннаго суда, перенесено въ Бриссельскую дѣмію. Художествъ. — Въ Ламаншскій каналъ пожалов неожиданный гость — *китъ*, огромнѣйшей величины; встрѣтился съ пакетботомъ и чуть не опрокинулъ, е ринувшись въ глубину морскую. Прибрежные рыбаки нетерпннємъ ждутъ дальнѣйшихъ извѣстій, готовые охотиться за такою необыкновенною рыбкою. — Пишут будто когда-то и гдѣ-то дѣлали опытъ надъ преступн ками, осужденными на смерть, и одного изъ нихъ пона чаемъ, другаго кофе, третьяго шоколадомъ, не давая им никакаго другаго питья и пищи, и желая испытать, что будетъ съ ними? Тотъ, который пилъ только шоколадъ, умеръ черезъ восемь мѣсяцовъ — гнилой заживо, такъ, что тотчасъ развалился послѣ смерти; тотъ, что пилъ только кофе, жилъ два года, и умеръ сгорбвшій, такъ, что весь годился на выдѣлку извести; тотъ, что пилъ чай, умеръ черезъ три года, отъ сухотки, и такъ высохъ, что сдѣ лался прозраченъ, какъ фонарь; и сквозь тѣло его къ свѣту видны были всѣ кости и жилы. Пожалуй, не вѣр- те, но точно такъ говоритъ Балзакъ, въ прибавленіи къ новому изданію *Физиологии вкуса*, и беретъ на себя *toute la responsabilité* за достовѣрность разсказа. — Помнитс, им писали, что въ Парижѣ отыскался воздухоплаватель, вы- вавшійся управлять аэростатами по воль. Огромныя, разно- цвѣтныя афонишки, съ изображеніемъ машины и аэростата, сдѣлали то, что тма зрителей собралась на Марсово Поле, 20-го Октября, и чудесный человекъ торжественно всту- пилъ въ лодку, которая была сдѣлана съ крыльями и съ веслами, пречудной фигуры.... «И онъ полетѣлъ, куда ему

было угодно?» — Да, онъ полетѣлъ къверху, хотѣ и махалъ крыльями, кричалъ, сердился, но упрямый аэростатъ не слушался его, и вскорѣ унесъ изъ вида, при всеобщемъ хохотѣ зрителей, которые посмѣялись, похлопали и разошлись. — «Но что же за глупецъ такой былъ этотъ чудакъ!» — Едва ли онъ глупецъ, Мм. Гг. — Сами разсудите: вѣдь зрители-то смотрѣли не даромъ? Надъ нимъ посмѣялись, обсмѣяли его потомъ въ журналахъ, но онъ (имя его г-нъ *Эльріо*) съ деньгами, а за то можно ему было позволить посмѣяться надъ собою. Вотъ иное было дѣло, когда у насъ, въ Москвѣ, въ 1696 году, нѣкоторый мужичекъ закричалъ слово и дѣло, и объявилъ земскимъ ярыжкамъ, которые явились на крикъ его, что сдѣлаетъ онъ такія крылья, что полетитъ на нихъ, куда захочетъ. «И сдѣлать онъ крылья иршенныя (коженныя), но на нихъ не полетѣлъ, а стали тѣ крылья три рубля. И мужичекъ сказалъ, что сдѣлаетъ крылья слюденыя, и сдѣлалъ ихъ, а стали тѣ крылья пять рублей, да и на тѣхъ онъ не полетѣлъ. И за то вѣрно было его бити батоги нещадно, и деньги съ него донять, чтобы и другимъ такимъ «людямъ было неповадно напредки такія непристойныя дѣла выдумывать.» — Славный фортепіанистъ Листъ, видя, что на памятникъ Бетговену, который хотѣтъ ему воздвигнуть въ Вѣнѣ, по подпискѣ плохо собираются деньги, попросилъ позволенія взнести недостающее количество, и взнесъ 60,000 франковъ сполна. — Еще любопытный анекдотъ: одинъ знатный, богатый и молодой Англичанинъ, лордъ М^{***}, былъ смертельно влюбленъ въ Малибранъ, и по смерти ея сошелъ отъ печали съ ума. Исторія была тогда известна всей Англій, но недавно получила она счастливую и неожиданную развязку. Бѣднаго сумасшедшаго рѣшили заставить послушать сестру Малибранъ, Полну Гарціа; едва только услышалъ голосъ ея сумасшедшій, въ известной аріи Дездемоны: *Пойте мнѣ ису, печальную ису!* какъ заплакалъ, и болѣзнь его прошла: «Это она!» закричалъ онъ — «она не умерла!» Послѣ того лордъ М^{***} опять поумнѣлъ, и теперь предлагаетъ правицу руку и сердце свое. — Наша Русская пословица: «отъ копѣчной свѣчки Москва сгорѣла,» сбылась недавно

въ Бельгiи: близъ Мехельна, вдругъ и неожиданно, хлынула сквозь плотину, затопила поля, надвѣлала множество бѣдъ. Стали разыскивать причину, и что же отыскалось? Бѣднѣжка, слѣпой кротъ прогрызъ одну доску плотины, и чуть было не погубилъ своею шалостью людей и жилища ихъ!

—

О Г Л А В Л Е Н І Е
ОДИННАДЦАТАГО ТОМА.

(Сентябрь и Октябрь 1839 года).

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

	Стран.
<i>В. В. Ев.</i> — Мое новоселье.	114
<i>Градцева А.</i> — Не здѣшній гость.	113
<i>Д—га И.</i> — Маленькіе разговоры.	20
— — — — — И шло брѣть!	117
<i>Ертова И.</i> — На отъезд К. А. М.	115
<i>Паршина В.</i> — Цвѣтокъ. Бурятская пѣсня.	116
<i>Петельгова П.</i> — Гекзаметръ.	19
<i>Полеваго Н. А.</i> Отрывокъ изъ драматическаго предста- вленія: <i>Елена Глинская.</i>	5
<i>Шаховой Е.</i> Отрывокъ изъ поэмы: <i>Три зари.</i>	17

ПЮЗА.

<i>Княжна Евфимія Волжская.</i> Повесть ***.	21, 119
--	---------

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Первая селедка. Повесть <i>Эли Берте.</i>	1
Безъименное письмо. Повесть <i>Августа Арну.</i>	77

III.

НАУКИ И ИСКУССТВА.

Нынешнее состояніе Гавайскихъ острововъ. <i>Адол. Барро.</i>	1
Мнеологическія преданія Колошей. <i>О. Іоанни Ветамшинова.</i>	40
Матеріалы для Русской Исторіи.	83
Царство Сенковъ и магараджа Руджикъ — Сингъ. Статья <i>Ксаверія Раймона.</i>	99

Стран.

Жизнь и характеристика Хозревъ-Паши.	110
Обычаи, игры, пословицы и предавія Литовскіе. Съ Польскаго В. Романовича.	115
Торговля Англичанъ опиумомъ въ Китаѣ.	148

IV.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Le Schah Nameh (<i>Шахъ-Намъ</i> , или <i>Книга Царей</i>). Сочиненіе Фирдуси. Перев. Юлія Молл. Статья <i>Алтера</i>	1
Aegneticozum Liber и Исторія Дорійцовъ. Соч. От- фрида Мюллера. Статья <i>Г. Фортулля</i>	
Очеркъ Русской литературы.	33, 98

V.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

Литонскія событія за Сентябрь и Октябрь.	1, 29
--	-------

VI.

ИЗВѢСТІЯ И СМѢСЬ.

Парижскіе Театры, ихъ исторія и нынѣшнее состояніе (изъ записокъ В. М. Стресса).	
Книжная торговля на Лейпцигской Михайловской яр- маркѣ 1839 года. Статья <i>Вольфгангъ Менцелля</i>	69
Любопытное библиографическое извѣстіе.	77
Нынѣшнее состояніе флота Османской имперіи и вице- королевства Египетскаго.	82

Въ концѣ обѣихъ книжекъ помѣщены *лѣтъкія статьи и извѣстія*, въ различнѣхъ отдѣлахъ: *Открытійныя, Ученныя, Художественныя, Литтературныя извѣстія, Промышленность и Торговля, Географія и Статистика, Зрѣлища и Музыка, Путешествія, Иллюстраціи литературы, Разныя извѣстія.*

Widener Library

3 2044 094 942 521

HD